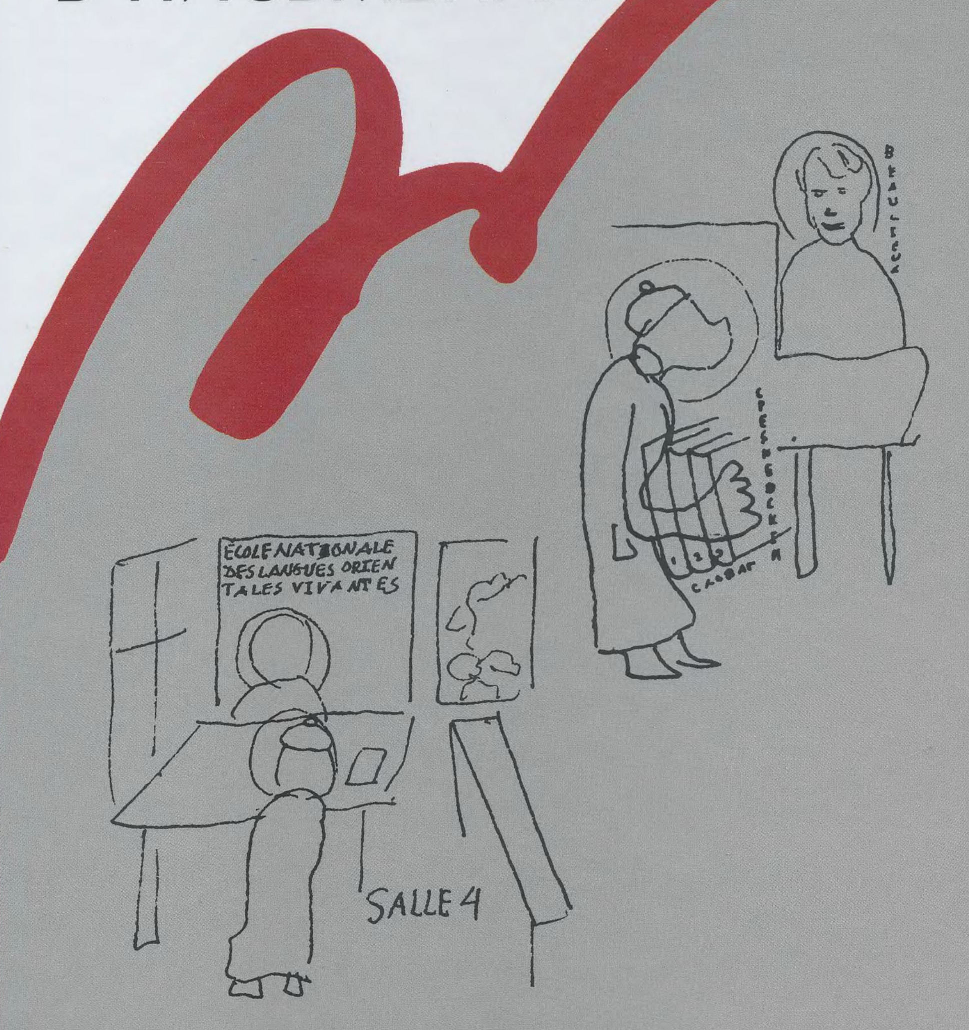
А. М. РЕМИЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ



РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ
А. М. РЕМИЗОВ

А. М. Ремизов. Фотография (*Италия, 1914*). –
ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. М. РЕМИЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ

Санкт-Петербург
2017

УДК 821.161.1-32-34
ББК 84.3(2Рос=Рус)1
Р38

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации Санкт-Петербурга
Издание Санкт-Петербургской общественной организации
«Союз писателей Санкт-Петербурга»*

Издание подготовлено при содействии
Е. Д. Резникова, А. Д. Резникова

Подготовка текста «Три серпа. Том I и II», комментарии *В. Н. Быстрова*

Подготовка текстов «Россия в письменах. Том I», «Пляшущий демон», комментарии; подготовка текста, преамбула «Россия в письменах. Том II» («Живая жизнь», «Купчая», «Сговорная», «Россия», «Расея»); «Северные Афины», статья *А. М. Грачевой*

Подготовка текста «Россия в письменах. Том II» («Круг жизни», «Разорение, общественно случившееся», «Жичливая жена», «Смоленщина», «Философов», «Парижский клад», «Росия», «Путь чист», «Повольная торговля») *О. А. Линдеберг*

Научный редактор тома *А. М. Грачева*

Ремизов А.

Р38 Россия в письменах. Собрание сочинений. Т. 13. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2017. — 928 с.

Книга «Россия в письменах» (13 том Собрания сочинений А. М. Ремизова) включает в себя созданные в годы эмиграции и не переиздававшиеся с тех пор произведения экспериментальных жанров («Россия в письменах. Том I», «Три серпа. Том I и II», «Пляшущий демон»). В них сквозь призму старинных грамот, сказаний, легенд предстает калейдоскоп событий русской истории XI—XX вв.: строительство храма Св. Софии; поджог типографии Ивана Федорова; театральные эксперименты петербургских символистов; катаклизмы революции 1917 г.; блистательные премьеры Сержа Лифаря в парижской Опера́ и мн. др. Также впервые публикуется оставшийся в рукописи второй том «России в письменах».

ISBN 978-5-94668-159-9
ISBN 978-5-94668-212-1 (т. 13)

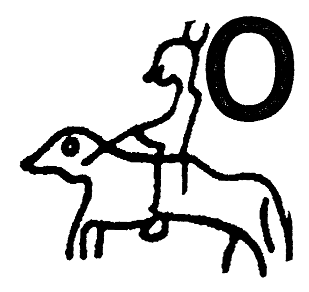
РОССИЯ
В ПИСЬМЕНАХ

Том I

Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довгелло

Баня

начальное



Откуда и как пошло старинное мое пристрастие к старой бумаге и буквам, непонятным для нынешнего глаза?

А все дело в Москве, должно быть: родился я на Москве, в замоскворецких Толмачах, а из Толмачей шаг шагни, и весь Кремль, как на блюдечке. И вот первое, что услышало мое ухо, был старинный кремлевский красный звон, большой реут-колокол, и первое, что увидел мой глаз, были древние кремлевские башни с Иваном Великим.

Позже — хождения в ночные успенские крестные ходы — столповое пение московского Большого Успенского собора. Там, что ни служитель, — стрелец, а соборяне и нынче поют, как при царе Иване пели. Выйдут черные пузатые на литию, да загудут басами самогласен Подобаше — стих литийный — стоишь, шевельнуться боишься.

Много тоненьких свечей перед чудотворным образом Владимирской, много и перед любимым моим Благовещением — перед архангелом, благовествующим радость велию. И тут же из надсвечной тьмы красноустый Спас-ярое око. А там у Петра митрополита Божия Матерь-теплая ручка — приложишься, и такая она теплая, как живая, — там лампада неугасимая.

— Господи, помилуй — Господи, помилуй — Господи, помилуй — Господи, помилуй — гудут соборяне.

Стоишь, шевельнуться боишься.

И, как помню себя, помню Макарьевские Четьи-Минеи — огромные, в кожаном переплете: с восковой свечой, капая, читаю в голос жития мучеников, о страстях их мученических и терпении.

И далеко, еще в раннем детстве, слышал я имена Погодина и Забелина, произносимые с особенным почитанием людьми, никого не почитающими.

А потом слушал я лекции самого Василия Осиповича Ключевского.

Тут наступил срыв в моей жизни и начало плавания моего по морю житейскому. И уж немало лет спустя, пообшаркавшись, выплыл я в Вологде, и свела меня судьба с князем обезьяньим, П. Е. Щеголевым.

* * *

Жили мы в Вологде испокон веков в одном доме у Подосенова. Только Павел Елисеевич на улицу, — а я во дворе. Вместе ели, пили, купались, вместе ходили в баню. С этого все и пошло.

Павел Елисеевич, как известно, сложения богатырского, на воронежских пшеничных хлебах питан, а я, как кощою в Толмачах зародился, так и остался — и в Толмачах не выелся! — и останусь кощою до второго пришествия. Я, бывало, живо вымоюсь и на полок залезу с веником: я все сам себе — и спину тру и веником постегаться могу. А Павел Елисеевич не может. Павел Елисеевич только-еще-только себе головку отмылил. Я над ним и управляюсь. И как, бывало, примусь спину тереть, уж тру, тру, в две руки стараюсь, а все не пробрать никак, чтобы докрасна. Передохнешь малость, да с кипяточком, ну, — и вспыхнет спина, что огонь. Тут-то вот и начинается. И чего-чего, бывало, в распаре да банном воздухе — в банном пару приятном, чего только ни рассказывал Павел Елисеевич!

О Персиде, волхвах персидских, и о звезде вифлеемской, и о Египте, и о Индии, всю старину, и допотопную самую, из-под земли, подспудную, из преисподней на свет Божий подымет, и на всех-то на двунадесяти языках, само собой, и по-нашему, — много-ль нынче среди русских писателей, кто бы по-русскому-то умел говорить, по-настоящему! — начнет с санскритского, кончит по-персидскому.

А как пел! В бане особенно поется, да если еще с голосом да с душою. Ну, подтягиваешь, бывало, ну, что уж, это не то, разбойничьи песни певал Павел Елисеевич, атаманские.

покатилася головка
покатилась голова,
знать, такая уже доля
атамана казака.

А выйдем из бани, да с веником по морозцу, по вологодскому, домой на Желвунцовскую — пар-то от нас за версту! Наша хозяйка, старуха Подсениха, видно, по этому самому пару, по клубам белым, и примечала, что, мол, возвращаются домой нагрешники, да скорее самовар на стол. А рассядемся за самоваром — с полотенцем чай-то пивали! — и опять разговоры.

Павел Елисеевич мне письма самого Гоголя показывал! Ему из Академии в Вологду добра этого тюками присылали: тюк получил, разработает и назад в Питер. А ему еще подвалят. Насмотрелся я, слава Богу, навострил глаз на старой бумаге, на буквах непонятных для нынешнего глазу.

А премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязи, юсам и аористам научила меня ученица покойного профессора Илии Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, действительный член санкт-петербургского археологического института.

Стал я понемногу старину читать, стал в старине разбираться и затеял по обрывышкам, по никому не нужным записям и полустертым надписям, из мелочей, из ничего представить нашу Россию.

Из мелочей, из ничего представить Россию, чем жила она и стоит доныне, — вот она, какая затея!

И затее моей конца краю не видно.

1917 г.

Каменные пруды
подспудное

Какие такие каменные пруды?

А вот такие! Спросите любую бабу с Песков либо с Камеcтровского (Каменноостровского по-нашему) и она вам скажет. Или, не стоит, не спрашивайте, не скажет, а лучше подкараульте, как одна другую переймет где на Суворовском.

— Ты куды?

— На каменные пруды!

И не без лукавого смешка разойдутся.

Та, что спросила, пойдет к себе на Каменноостровский, а та, что ответила — к себе — к Смольному: там знакомый у нее, он же знакомый и той каместровской.

Пруды эти каменные и значит такое место, ни за что не догадаешься.

И если когда вздумается вам от глаз ненужных как получше схорониться, объявите свое жительство на каменных прудах, и уж будьте уверены, беспокоить вас никто не будет: ищи там!

В наших делах житейских этих самых каменных прудов, хоть пруд пруди, а попадаются и такие, и не только в делах, совсем не в делах — в книгах богодухновенных и богоглаголемых, подспудно.

Я вам расскажу о каменных прудах книжных и о диковинках, скрытых в них.

* * *

1

Есть у меня Потребникъ филаретовскій — дар дебренского блудоборца и князя обезьяньего Іоанна Рязановского.

«Книга глагомая потребникъ» начата печатаніемъ 7139 (1631) г. апрѣля 1 дня, окончена 7141 (1633) іюня 29, въ 20-е лѣто царствованія Михаила Өеодоровича, въ 14-е лѣто патріаршества Филарета Никитича, кончается чиномъ братотворенія.

Лѣта 7149 (1641) мѣсяца августа въ 6 день сию богодуховную книгу потребникъ положил в церковь Покрова Пресвятые Богородицы і Великаго Христова Чудотворца Николы і Всѣх Святых Өедор Никитин сынъ Безстужев, зри в другой книгѣ. (Потребник был разделен на две части, вторая начиналась чином и уставом на трапезе и оканчивалась святцами во весь год).

Сия книга богоглаголимая потребникъ церкви Покрова Пресвятой Богородицы и Николы Чудотворца и Всѣхъ Святыхъ и Святыхъ Великомучеников Флора и Лавъра, что въ Кулигѣ на Шарнѣ на рѣкѣ в Кулисъкой вости і въ Богородской.

К сей сказске покровской церковно-дьячек Васка Дѣевъ сынъ вмѣсто Григорья Семенова сына Беварева по ево челобитью руку приложил.

К сей сказске покровской дьячекъ Сенка Козмин сынъ Мурановъ руку приложилъ.

К сей заемной кабалѣ Бориско Ѳедоровъ сынь Поповъ вмѣсто тово и тово именем по его велѣнью руку приложилъ.

А подъписалъ сию книгу церковно-дьячек.

Помилуй мя, Боже, по велицей милости!

Надписи вьявь стоят, раскрой книгу и чти.

А есть и подспудное: на листе, которым оклеена переплетная доска, письмо руки Васьки Деева. Васька Деев не только твердо читал и писать умел крепко, а и по крюкам пел, и горазд был до мудрости.

не тот мудръ, кто много знаетъ,
тоть мудръ, кто молчит.
и не тотъ мудръ, кто много разнаго
добра творитъ.

книжная премудрость подобна есть
солнечной свѣтлости.
солнечную свѣтлость мрачный облакъ
покрываетъ.
а книжныя премудрости и в тварь
скрыти не можетъ.
лѣта 7160 (1652)-го

Вотъ онъ какой Деев, человѣкъ времянъ и розума!

2

Есть у меня Краковская Библия* 1574 г. — дар старейшего кавалера обезьяньего знака, странника Евгения Злодиевского от варяг — Е. Г. Лундберга. Богодухновенная книга сия на языке польском готической печати с гравюрами — монограмма из букв E и S (S змейкой обвилась по стволу E), пере-

* Первая печатная Библия на польском языке 1561 г., а эта 1574 г. — вторая <здесь и далее под * примеч. автора. — *Ред.*>.

плет кожаный, доски дубовые, от застежек сохранились лишь медяные гнезда. Открывается Библия посланием св. Иеронима к капелану Паулину, затем идет предисловие св. Иеронима, заглавнаго листа нет, но уцелело заглавие к евангелию — Nowy Testáment Polski — Новый Завет Польский — 1575.

Въ начале XVIII в. Библия принадлежала Гедеону Гебецкому — Ex libris Gedeonis Giebecki 17 septembris 1715, им же и переплет обновлен, чистые листы пущены, доски совнутри оклеены — чисто, гладко, без пятнышка, и лишь одинокая надпись высоко по краю оклейки: греческое отче наш латинской буквицею.

А до Гебецкого была Библия в руках русского человека, с своей стороны тоже тронувшего старинный переплет: под белой бумагой Гебецкого на досках есть еще бумага, прикрывшая бумагу начальную. Одолел русский человек евангелие, взялся за Ветхий Завет и до книги Иова дочитал, но тут и помере. До книги Иова ко всякому польскому заглавию книг писал он тоже самое по-русски, а всякую главу обозначал числом славянским, а в шести местах, залюбовавшись картинками, не удержался, приложил свою руку доброписную.

і совершися небо и земля и все утверждение их. I соверши Богъ въ день шестый дела своя, яже сотвори. I созда Богъ человѣка і сотвори ему помощницу жену. И насади Богъ рай на востоцѣ и введе ту человѣка, его же созда. И изыдоша четыре рѣки изъ Едема напояти рай, именуемыя Фисон, Геон, Тигръ, Ефрать. И заповѣда Богъ Адаму от древя, еже разумѣти добро и зло, не ясти. И сотвори Богъ звери и птицы и гади, и приведе я вся ко Адаму да наречет имена.

3

В Благовещениев день, по отпущении на волю птички, осенив себя крестным знамением, копнул я Гебецкого наклейку и уж до позднего часа сидел над книгой, разбирая письмо подспудное.

Две наклейки снял я, третья бумага начальная, к доске приклеена, а на ней, на третьей, три польские надписи:

Ja Stanisław Hirzda reką swą własną darowałem Panu Kaznodziei mackiskiemu panu Janowi Nowogórskiemu te swięte księgi Bibliiy roku 1624 maia 24 dnia.

Ja Schwost Maciej oznajmuję, że n... Boży siemu maliaszowi çie... t ostata po żenie mojej bywszej Nowogórskiej. Roku 1624 Maciej Schwost.

Ja Zachariasz Nowogórski pożyczyłem panu Józefowi świetej Biblii i z Krakowskiem c... na czas służny od stycznia do krolewsha dnia stego siodmego kwietnia.

По краю же к корешку, прикрывая польские надписи, наклеены были полоски плотной бумаги, по две полоски, — работа русского человека, скончавшегося на книге Иова. Как видно, обновляя старинный переплет, заклеил он польские надписи, а для прочности веревок и скрепов пустил полоски.

Стал приподнимать я тугие полоски, вижу наша скоропись кудрявая, как березка кудрявая, а крепка, что дубок.

«Съѣхали с Москвы Государя нашего дворовые люди для разных дѣлъ Государя».

У меня так и зарябило в глазах ... Да ведь, это наше, кровное наше, такое прошлое, а словно и ближе вчерашнего, точно сам там был и мед пил, и вот вспомнил все. А вот в уголку под веревкой и углубление величиной с орех — тайник.

«Съѣхали с Москвы Государя нашего дворовые люди для разных дѣлъ Государя».

Листки конца XVII века из записной книги Приказной или Судной или Съезжей Избы, точно сказать не могу, а города нижегородского, Горбатова может быть, судя по упоминаемым селам — с. Богородское, Ворсма.

*

кирпишником куплено капусты два ведра у Евка Кузмина, дано въ половину 2 денги

½ алтына 2 денги
посыланъ в село Богороцкое с писною грамоткою
Стенка Харин...

...рождественской к Василью Леонтьеву для боярскаго дела, дано ему 6 денегъ.

нижегороцкой подячей Митка Суботин...

ноября въ 4 день куплено в судную избу писчей бумаги у Івана Денисова да у Марка Іванова 4 дести, дано въ половину 3 алтына 5 денегъ

декабря в 6 день послана в село Знаменское денежная казна, дано целовальнику Семену Олѳерову 15 алтынъ

...ма 2 алтына

приезжали из Нижнего Новагорода приказной избы подячей Матвей Гавриловъ...

въ ростъ 6 денегъ

куплено на конюшей двор два ко...

в половину 15 алтынъ

съѣхали с Москвы Государя нашего дворовые люди для разных делъ Государя...

по 6 денегъ

куплено имъ харчю и хлѣба... у курихъ на 4 денги.

проводникомъ дано Стенке да Мишке пр...

...ивъ стрелцами для поимки .... для Государева...

поповъ с приставомъ приѣзжали в село Ворсму для заручки выбора о тюремныхъ целовальниковъ, дано ему въ почесть* въ половину Ворсомскаго ста...

тогож числа послан ходок к Москвѣ с книгами и с отписками Стенка Алай, дано ему въ половину...

...с писною грамоткою, дано въ половину 6 денегъ...

декабря въ 10 день кирпишному приемщику Александрику Іванову в два по...

* Благодарность — взятка — хабар.

*

Вотъ и все. Мало?

А когда, снял я скорописные полоски с корешка задней доски, на оклейке которой под одинокой генбецкой надписью — греческим о т ч е н а ш — стояло неизвестно к чему —

Hic jacet
Anna corpus
здѣсь покоится тѣло Анны

и копнул глубже клейкий слой скрепов и веревок, показалась еще бумага уж новогурского, и снова, как при «людях государевых», зарябило в глазах.

Exercitium Scholasticum

Латынь для русского человека! Вы понимаете?

И это так, то самое чувство, как входишь в Notre Dame и веет серый холодок от серых стен, от серых статуй и надписей, от древнего чужого пения и непонятных чужих молитв.

Это не то, это не люди государевы, это не наше, не русское, но и такое, наше родное, только очень далекое, полузабытое — ведь у них наш Никола в Бари покоится, и в Риме Алексей Божий человек, о котором калики поют, и если огненная Последняя Русь стоит на Хождении Богородицы по мукам, я и там слышал страстную песнь. Вот и вспомнил! И зарябило в глазах.

1914 г.

Печь
изразцовое

Когда вас учили грамоте, вам покупали Азбуку и повелось это так давно и с такой старины, что и памяти этому нет. Сейчас вы читаете не только по-русски, но и по-фряжски, а Азбуку, по которой вы учились, вы ее не п о м н и т е, истрепалась она, исковырялась и помину нет.

А были в стародавней России такие Азбуки, что никак не изорвешь, просто зуб не возьмет. И такая Азбука, кроме на-

учения, и стариков веселила. Сидел бы при ней без конца: тепленько!

Азбука эта — печь, покрытая узорными изразцами. К ней-то, русской матушке, жались малые дети, обводили пальчиками голубые узоры, смотрели на диковинных зверей — пальчиками обводили: надписи по складам складывали.

Книга, Бог с ней: где книга, там и розга. А тут тепло и утешно. Что утром с плачем заучит, то в полутьме у лампадки на печи разберет, да тут же и заснет пригретый, — слава Тебе, Господи!

А то, бывает, придвинут короткий дубовый стол к печному пузатому боку, да две скамьи. И два старца сядут вспоминать стародавнее. Развезет их в тепле за четвертым кубком и шепчут беззубые:

— Свое дело знаю.

А другой лбом привалится.

— Не без труда мне сие нести.

— Про себя ведаю.

— А что мне по сем будет?

И опять — очнулись! — и старая память пошла стародавняя, когда плешивые были кудрявыми детьми и учили утешные изречения.

— Сия трупная глава...

Угасает дух, отлетели страсти, прожита жизнь, лишь дети пробегут мимо — детворе все игра, все весело. Стукнет серебряный ковш и старческий голос скажет:

— Любуюся на них.

Прошло время Петра, а гордые изразцы, холодные ледяные, — одно полотно стоит и я, читая надписи, любуюсь на них.

* * *

1

Стоит женщина, левой рукой приподняла подол, а правую положила на большой кувшин, что стоит у нее сбоку.

—хощу измытися—

2

У ног человека сидит пес: голова положена на колени.

—собака моя послушна—

3

Стоить простоволосый, в руках бутылка, на которую показывает правым перстом.

—на него упованіе—

4

Наклонившись, стоит человек, приподняв невысоко топор, — рубит дрова.

—свое дѣло знаю—

5

Поселянка стоит посреди кустов, она в короткой юбке и фартуке, руки опущены.

—ожидаю господина—

6

Плешивый длиннобородый старец в длинном кафтане вроде халата с меховой шапкой в руке.

—бывалъ и я молодецъ—

7

Пейзан, обхватив за плечи пейзанку, приглашает ее жестом правой руки куда-то идти; оба в голландском костюме.

—идемъ мы вкупе с тобой—

8

Две старухи дерутся длинными ложками-шумовками; у одной сбит с головы шлык. Вдали собака лает на кошку, усевшуюся на заборе.

—нѣсть мира между нами—

9

Стоит Самсон и у его ног лежит вверх лапами с изломанной челюстью лев (очень маленький).

—сильнаго победихъ—

10

Расставив широко ноги, сидит на скамейке музыкант и держит подобие скрипки, по которой водит необыкновенно длинным смычком.

—музыку умножаю—

11

Ровное поле. По полю проходит согбенный человек с тяжелым камнем на спине.

—не бес труда мне сие нести—

12

Кавалер в немецком костюме XVI века стоит перед сидящей крестьянкой в короткой юбке с фартучком, и что-то показывает рукой.

—угодно мне сие—

13

Стоит под кустом амфора, наполняющаяся струей из высокотекущего источника.

—темъ наполняюса—

14

Согнувшись, с палкой сидит старик на скамейке.

—сижю на месте—

15

Старик с длинной бородой наклонился с дорожной фляжкой к источнику.

—надобно почерпнути—

16

Виден человек, сидящий по пояс в телеге, впереди пара лошадиных хвостов и копыта, тянет вожжи.

—еду до места своего—

17

Молодой парень с котомкой, прикрепленной на конце палки, он улыбается и смотрит на стоящую вдали девушку.

—о чемъ желаю—

18

На распутье двух дорог стоит человек в армяке, он развел руками в недоумении, ноги врозь.

—стою при пути—

19

В пустой горнице стоит человек в шапке и держит у груди кинжал.

—храню его опасно—

20

За столом сидит длинный бродатый старик в длинной полумонашеской одежде, опершись на левую руку; борода свесилась на стол, глаза полузакрыты.

—про себя ведаю—

21

Кавалер и дама сидят на бревне среди леса лицом друг к другу, рука дамы лежит на шее кавалера, а он ее держит за талию. В свободных руках у них цветы.

—здѣсъ намъ мѣсто—

22

На трупе лошади сидит ворон.

—темъ питаюса—

23

Птица сидит на сучке дерева; одно крыло приподнято.

—прилучися зде сести—

24

Ястреб вцепился в маленькую птичку. Вдали пейзаж.

—познаютъ мя отъ нохтей—

25

Плешивый бритый нюхает цветок.

—духъ его слатокъ—

26

Череп, а вдали колода.

—сия трупная глава,
а по смерти наша такова—

27

Человек держит разбитый сосуд — горлышко от бутылки.

—не во время каюся—

28

Дерутся двое на кулачки.

—дерзновенно и скоро—

29

Один на реке в лодке, другой на берегу.

—советую я тебѣ возвратится—

30

Старик за бутылкой.

—хоша и старъ да хочется—

31

Человек в шляпе голландского образца держит под мышкой большую фиаску — пузатую бутылку, оплетенную камышом.

—сие мне про себя—

32

Двое господ в немецких кафтанах сидят с ружьями на придорожных скамьях, а вокруг них лежат собаки.

—любовь наша с нами—

33

Густой лес. Из-под колоды выглядывает человек. Вверху на ветке воробей.

—отъ всѣхъ гонимъ бываю—

34

По косогору идет усталый путник с посохом.

—иду до места своего—

35

Бешенно мчится через лесную трущобу человек, размахивая веревкой. Сквозь чащу видна голова рогатого оленя с высунутым языком.

—хощу поимати елень—

36

Худощавый человек сидит за маленьким столиком. Вдали окно. На столе разбросаны деньги, у ног мешки. Считает.

—что мне по семъ—

37

Посреди стоит ландкнехт, широко шагнув и подняв большой меч.

—везде храбръ сражатся—

38

На горной плешине на взлобье стоит дуб, мимо него дорога.

—стою при пути—

39

Заяц сидит под кустом. Вдали бегут охотники с луками.

—оно меня защищаетъ—

40

Подсолнечник нагибается, из него летят семена.

—показую путь себе—

41

Охотник стоит с ружьем.

—охота моя со мною—

42

Молящийся старец на коленях, другой замахнулся усечь его мечом.

—правду гонитъ—

43

На завалинке у избы сидят влюбленные. Из высокого маленького окошка выглядывает страшная харя.

—любуюся на нихъ—

1918 г.

Ковш

сребро-вязь

Ловок Петр Баженов кунгурец, посадский человек: чего хочешь сделает и чего не знай выдумает — и в говори горазд и на сметке спор. Грозен царь Петр Алексеевич, великий государь. А и того смилостивил: пожаловал государь кунгурца серебряным ковшом.

Неспроста получил Баженов заветный ковш: при сборе ярыжного налога перебрал голова кружечный и таможенный тысячу триста пятьдесят шесть рублев и полностью представил царю. Как и где, какими силами, правдой или неправдою собрал он излишек, про то Бог ведает. Столбцов не осталось. Сгинули. Помнит лишь ковш.

Божиим произволением ковш дошел до нашего времени и хранится в старой новгородской общине, в Хлынове городе — в Вятке, у Николая Ивановича Кардакова, вятчанина природного, что живет в собственном доме на Московской улице.

И я этот ковш серебряный резной в руках держал — самого государя жалование!

Звенит серебро, тонка резь поблескивает.

Божиею
милостию мы
велики государь
царь и велики
князь
Петръ
Алексѣевичъ
всея
великия
и малыя и
бѣлыя
Россиі
самодержецъ
пожаловалъ симъ ковъшемъ кунгурца
посадъцкого человека Петра Баженова голову кружечного и таможеннаго за ево
радѣніе и за прибор, что он, будучи в
службе великаго государя у збору денежные казны, і противъ настоящего году
учинилъ прибор 1356 рублевъ, прибор немалой, 1700-го апрѣля въ 15 день

Хитра — головоломна вязь в узор сплетает пышный — наследие старой тишайшей Руси — арабскими буквами раскинулась, заплелась. Глядишь и вдыхаешь вольную ширь степей — при-

волье аральское. Гляди зорче, слышишь, звонко колокольчик звенит, мерная поступь верблюдов, дух от степных костров — зелень и ширь степная.

1918 г.

Базар
грыдоровальное

Есть у меня память зарецкая — редкий лист: девяносто и две Богородичные иконы на меди резанные, на синей бумаге отпечатанные.

Из каждой черточки наружу просится детская уверенная вера резчика-кустаря, передававшего, как Бог на душу положит, хитрое изуграфское дело мастера иконописца, а писал мастер по тонким старинным подлинникам.

И там, где была тень, там резчик клал просто черту, и выходил глаз не глаз, нос не нос. А все вместе напоминало, что снята картина с хорошей иконы и что резчик-кустарь в то время, как привычная рука его резала гладкую пластинку меди, шептал неслышно одними губами —

Богородице Дѣво радуйся,
Благодатная Марiе

Благочестив был резчик Арефьич, но и кропотлив непостижимо: возьмет да лист синей бумаги из трех вершечков склеит на хлебной воде, да на таком листе и печатает, а как расстригут лист по иконам, все и распадется.

Да все-таки дело Божье.

Дошли до нас святые иконы в его, Арефьича, отпечатках — «грыдоровальныхъ рѣзяхъ» по Петрову сказу.

Сейчас висят в книжнице моей перед глазами, наклеенные на толстом синем картоне.

В правом верхнем углу — Богородица Ерманская.

Все они разрезаны отдельно и наклеены рядами.

В средней полосе следы мазков масляной краски.

Епифан маляр их наклеивал — не чужд был иконописного дела. Для того и наклеил маляр Епифан все эти иконы и спас арефьевичево дело от потопа времен.

* * *

А достались мне эти иконы от кавалера обезьяньего знака Вл. А. Пяста.

Жил Пяст лето в тверском Зарецком имении у инспектора Мельницкого. В комнате его висел этот лист Богородичный. И как пришла пора назад в Петербург собираться, вспомнил он обо мне, снял со стены лист, сдунул пыль, обернул в чистую бумагу да в чемодан на самое дно к своим заветным стихам и к цветам сухим — памяти лета.

Хотел и образа с собой взять — два образа древнего письма. Да никак вынуть не может — в стену врезаны. Надо рубить косяки. Так и оставил: не хотят уходить, значит.

От времени потрескался и изломался картон.

И задумал я нынче снять иконы и вклеить в тетрадь из такой же синей бумаги — был у меня запас небольшой.

И вот за тихой работой моей, поминая Арефьича резчика и маляра Епифана, отклеивал я листок за листком. И нашел я на обороте одной из икон — образа Пресвятыя Богородицы Ясногорскія запись:

безъ квартере оне.

И сразу вспомнилось мне, точно при мне писались эти слова, смысл которых — нищета и позор.

* * *

И видится мне глухое торговое село.

Жаркий летний день, разноголосно шумит базар.

Под навесом из грубого холста на залавке груды синих печатных гравированных листов-молитв.

За досчатым залавком бородатый румяный торговец — бойко бегают лукавые маленькие глазки. Перед залавком мальчишка-подрушный услужливо предлагает покупателям товар, то перемигиваясь, то перекликаясь со знакомыми мальцами соседних лавочников.

И вот когда господин в рыжем потертом пальто стал шептать приказчику, малый схватил перо, написал на синем листе и сунул на глаза другому мальцу, который недоумевая, глазел на шепчущего приказчика с тем в рыжем потертом пальто.

— Безъ квартере оне, — прочитал тот и все понял.

И слышится мне этот униженный шепот нищеты несчастной. И чую я, как свое сердце чую, всю беду нашу и мне чего-то жалко, и сам не знаю, за кого и кого прошу.

А летний жаркий день, базар, листы, Епифан маляр, резчик Арефьич —

Богородице Дѣво радуйся,
Благодатная Маріе

1918 г.

Полиция
безалаберное

В белой обложке лежит на моем столе толстое дело Ветлужского Полицейского Управления.

«Дѣло о запискахъ, прибитыхъ въ ночь съ 8 на 9 августа къ квартирамъ въ городѣ Ветлугѣ».

Привольно и весело жилось летом в городе Ветлуге. И что хорошо: каждый обыватель знает не только с лица каждого, а даже и то, что у кого на обед было, и когда в последний раз с женой поругался, и кто к чьей жене ходит, — все известно.

Болтливы ветлужане, любят посудачить и особенно за рюмашечкой в клубе: тут и песни поют, тут и пляшут, — кому какое дело! А придут попозднее судейские, заиграет орган и загремит хор:

не говори, что молодость сгубила,
всю зиму ты ходила без штанов...

Не житье, а масленица — тихо, покойно — сладок, жирен пирог, крепок сон.

А знавала и Ветлуга тяжелые дни.

3-го августа загорелось в клети при доме мещанина Комиссарова, от него перекинулось к Евстифееву, и вспыхнуло все Заречье. Ночью как огненная волна прошла по реке Ветлуге. Бегали, кричали. А к утру одни головешки остались.

День передохнули, опять напасть: загорелось уже в самом городе у инвалида Кузьмича однорукого, что поляков усмирял,

а потом задымилась Козья изба — у самого волостного правления изба — да ее отстояли. Сбежались стеной все козьи поклонники, не оставили грешную бабу.

Со страхом легли ветлужане в мягкие перины, всю ночь не спали колотушечники, и два дня благополучны были.

Поставили, наконец, большие чаны-обрезы на каждом перекрестке, налили их доверху водой, все-таки душа поуспокоилась: будет откуда ведрами черпать, не то что на реку бегать каждый раз с ведром! Уснули покрепче, а утром встали и видят, к земской управе к дверям записка со стихами прибита:

о, вы сонливые
ветлужане болтливые,
протрите глаза:
прошла уже гроза,
прошло ваше горе,
упала туча въ море.
не нужны ваши кадки,
все бабьи то повадки:
хоть вашъ исправникъ и дрожитъ,
вашъ городъ *не* сгоритъ!

Несколько таких записок было прибито в разных местах города, две прибиты к дверям исправника Лебедева, «содержа много оскорбленій, — так гласит протокол, — для чиновниковъ, а особенно для полиціи».

Исправник решил, что записки эти могут иметь влияние на настроение умов, а потому постановил их уничтожить.

И осталась только записка, прибитая к дверям управы.

А исправника Лебедева и помянуть нечем, разве тем только, что был охоч до коньяку, и был он к нему лютее, чем даже уездный член.

1918 г.

Псалтырь
провинциональное

Юрий Верховский Слон, кавалер обезьяньего знака, принес мне однажды именинный дар.

Мне показалось, что это табакерка, потом, приглядевшись, подумал:

«Нет, ящичек из желтой кожи, покрытой красным лаком, с золотым тиснением».

А это была не табакерка и не ящичек, это был псалтырь екатерининский.

Поставил я псалтырь на полку. Да так и стоял он у меня, красуя серебряный мой домик — обезьяню великую и вольную палату.

В трудную минуту — поистине скажу, только промыслом Божьим еще и жив я на белом свете! — в ночную темную пору, когда и звезды-то небесные куда-то все запрячутся, с ночником-лампочкой коротая ночь, вспомнил я, раскрыл псалтырь — судьбу уведать.

И вышло:

«И мимо идехъ и се не бѣ».

Грешный человек, ничего не уразумел. А стал я закладку перебирать — бледно-розовая с городочками! А потом перелистывать начал.

И вижу, заклеенная страница.

Взяло любопытство. Посмотрел я на свет, а там густыми, крепкими буро-желтыми чернилами надпись:

> 1785 года, іюня 5 дня, сею книгою благословилъ я дочь свою Екатерину Григорьевну, которая родилась 1776 года ноября 14 дня. Григорій Розановъ

И взяла меня дума — крепко в руках держал я псалтырь — и поплыли передо мной воспоминания. Не воспоминания, а от бурых чернил, от руки старца Григория Розанова плыв памяти.

И встает в памяти моей какой-то далекий провинциальный город XVIII века, затерянный среди песков и лесов обширной родины нашей России.

Видится мне ряд белых домиков, утопающих в зелени садов и палисадников.

А дальше в конце улицы даль и гладь.

За широкой полосой зеленых лугов, за далью холмов сизым пологом подымается туча. Душно после жаркого дня. Белые зарницы полыхают между землей и тучей.

И прощаясь, протянулись длинные полосы света — отблеск последний уходящего солнца.

А светлая зелень палисадников и вымытые нарядные дома — все говорит о мирном житии, о спокойствии духа, о простоте и довольстве.

Задумался о. Григорий в своем палисаднике перед шипящим самоваром.

Белоснежная камчатная скатерть сверкает, как снег.

В палисаднике бегает, рвет малину курносенькая девочка с двумя косками, младшая дочка о. Григория, Катя: пушистая мордочка измазана ягодами.

В душном воздухе пахнет свежей пылью и чаем. Хорошо посидеть за самоваром в палисаднике.

Хороши пенки — первое лакомство Катино.

Задумался о. Григорий о Кате: бедовая уж очень девочка, а главное — любимица первая.

И вдруг вспомнил, вышел в кабинет, взял со стола псалтырь и положил твердую надпись — пусть это будет ей память о сегодняшнем дне.

Шумит самовар, вьются мухи, жужжит пчела — пора спать пчеле, нет, жужжит. Завтра дождик будет. Да дай Бог.

А дальше не знаю, не помню.

1918 г.

Часовник
заволжское

Много пришлось мне на своем веку видеть чего, в какие только углы не забрасывала судьба! И много самых неприметных вещей говорят мне внятно о людях и жизни канувшей.

Вот поглядел я на эту вашу старую книгу — на развалившийся кожаный переплет, процелованный, как частица мощей. Вижу — часовникъ — рука славных Петровских годов. Но где тот человек, Коренев доброписец, имя его едва живо поблекшее на оборванном пожелтелом листе переплета, и чем кончил — самосожжением за правую веру или так в скиту у березок, не скажу. А напоминать — напоминает мне этот часовник о многом.

Вы знаете, что я был судебным приставом в нашей далекой северной глуши. Безконечные поездки на лошадях зимою и ле-

том по тряским дорогам дремучих лесов. Все, что притупляет ум и ожесточает сердце, вся эта будничная сутолока давила меня, маленького бессильного чиновника, слепого исполнителя судебных предначертаний.

Не красна жизнь подначального чиновника в уезде, а еще того хуже жизнь пристава, который только и должен исполнять то, что велит ему суд: описывать, вручать повестки, взыскивать по исполнительным листам. Везде пристав нежеланный гость. В каждой семье это вестник несчастья.

И вот был со мной такой случай, это я все по поводу этой книги. Получил я однажды весной исполнительный лист от одного купца на другого купца старообрядца, очень богатого человека, да у которого только дела позамялись.

Товарищ мой Завитулькин, тоже пристав, не захотел ехать.

— Боже упаси, — говорит, — старик крутой и нравный, пожалуй, кобелями затравит.

И пришлось мне ехать.

Приезжаю в уездный городишко, а там в дому нет купца. Говорят, с семьей выехал на мельницу.

— В верстах так семидесяти от города. Все-то в этих городишках знают!

Сказали бы, выехал неизвестно куда, прибил бы я тогда повестку к дверям, да и назад. А то изволь трястись на мельницу.

Всю ночь ехали по каким-то ухабам и косогорам, а к утру спустились в грязь, в болотину, кое-как перебрались через живой мост — доски ходуном ходят, вспомнишь, тоска берет! — и подъехали к мельнице.

У мельницы дом, хороший дом, двухэтажный, строился заправски.

Долго стучали мы в двери. Наконец-то отпер какой-то старик: смотрит сурово. Я ему все рассказал. А он что-то буркнул и скрылся. Вошли мы в горницу.

— Зачем вошли, не туда! — слышим, старик кричит, — идите по лестнице наверх!

А наверху встречает хозяин. Что и говорить, не с радостью. Уж такие мы постылые! Ну, я все-таки бойко так говорю, документы показываю. А хозяин молчит: ни да, ни нет.

И вдруг слышу, шорох позади где-то. И точно потянуло что, оглянулся я и сразу оробел: в черном староверском сарафане

с серебряным галуном, в белом платке-косынке, бледная такая, строгая — отродясь я не видывал такой.

— Это моя дочь,— говорит хозяин.

А я стою, как дурак.

Она подошла к столу, взяла такую вот книжку-часовник, процелованный, как частица мощей, и бесшумно скользнула из комнаты.

Что потом говорил мне хозяин, чего отвечал я, все позабыл.

Не забыл я и не забыть никогда — через все годы, через ерунду житейскую и неприятности, через псю и парш чиновней жизни моей, эту старую процелованную книгу я помню, вижу ее, темную, в белой руке, да русую косу, перекинутую через белый кисейный рукав.

1917 г.

Патерик
церковнославянское

Помню сводчатую с венецианским окном келью Андрониевского лампадника отца Еввула, веселую: цветы во все окно, в углу иконостас, неугасимые лампады и свежие просфоры на столике — серебряное блюдо.

Вижу в окно нарядные платья, цветные платочки и шляпки рогожских и таганских невест — по тесным дорожкам между крестов и памятников цветами вьются.

И мягким солнцем весенний льется звон.

Всякий день всю Цветную неделю крестный ход после обедни вокруг старой монастырской ограды — носят артос.

И мягким солнцем весенний льется звон.

Господи, и до чего хорош весною монастырский пасхальный звон!

Отец Еввул-Пучок — такое повелось «пучок» за невообразимую отца Еввула тонкость выражений для вещей совсем неподходящих и грубых и самых резких! — немудреный добродушный хозяин сейчас вернется с крестного хода.

Самовар на столе кипит, раскрыт янтарный кулич и с розой паска.

Единственная книга — однокнижная библиотека отца Еввула — большая в кожаном малиновом переплете с медными застежками — какие чудесные картинки, какие буквы! — киевская книга Патерик.

*

Божiею Милостiю Великому
Государю Царю и Великому Князю
Петру Алексiевичу
Всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи
самодержцу
Московскому, Кiевскому,
Владимирскому, Новгородскому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому и Великому князю Смоленскому, Князю Естляндскому, Лiфляндскому, Корѣлскому, Тферскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и Великому *князю* Новгорода Низовскiя Земли Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлоезерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и всея Сѣверныя страны и Повелителю и Государю Iверскiя Земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскiя Земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ Государствъ и Земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ, Отчичу и Дѣдичу
и Наслѣдному Государю и Обладателю,
Богомъ дарованному,
Богомъ вѣнчанному,
Богомъ хранимому
Православному Монарсѣ.

*

Замер звон.

Желтый чижик в клетке поет по-всякому.

— Отче, благослови! — стучит в дверь запыхавшийся хозяин отец Еввул.

— Аминь.

Сколько лет потом не видал я Патерика. А вспоминал не раз, вспоминались картинки: заяц Афанасия Затворника, бесы

преподобного Исакия, голубки Нестора летописца, умный пес Евстратия постника и мученика, змий Иоанна многострадального, шествие бесовское Матфея прозорливого, ангел Алипия иконописца, конь Агапита врача безмездного, яблоки Григория чудотворца, сосуды слезные Феофила блаженного, кот Спиридона и Никодима просфорников, рукописание Арефы и венец Пресвятой Богородицы — шестьдесят и три звезды, просиявших от первоначальников Антония и Феодосия.

Принял я однажды страсть гонения этапного. Накануне подумал: чего на дорогу возьму? И купил Патерик. Не такой, без картинок. Но и не такой не пошел со мной: начальнику ли понравился, только оставили его в тюремной конторе, не дали.

И вот уж в наши дни, в смутные и не ища, нашел я Патерик. Тоже не такой, переплет не такой, не малиновый, а желтый, и застежек нет, а картинки те — гравюры Л. Терлецкого.

А попал в мои руки Патерик от Ивана Петровича Прохорова.

А свел меня с Иваном Петровичем Иван Павлович. Иван Павлович приятель с Иваном Александровичем, а Иван Александрович — князь обезьяний.

* * *

Иван Петрович — камер-лакей, замечательный человек, низкий ему поклон от меня за Патерик.

Восемь лет беспорочно служил Иван Петрович рядовым лейб-гвардии Павловского полку, потом переведен в сводный его величества стрелковый батальон, и к нему, высокому и черномазому, очень подошла форма императорского стрелка с ярко-малиновыми кантами и малиновой рубахой. И эта малина решила его семейную судьбу: он женился на Агафье Федоровне, высокой, немного вялой, миловидной девушке, дочери камер-лакея Матюшкина.

И из этой малиновой поры любил вспоминать Иван Петрович лагери под Павловском, маневры у Царского валика, звучный, чуть хриповатый голос императора Александра II, раздававшийся на заре и до сих пор все еще звучащий ясно: — Трубачи, вперед!

Тринадцать лет военной службы и новая пора — золотая.

Тесть устроил лакеем в Аничков дворец. В дворцовом доме на Фонтанке в хорошей квартире и в спокойной обстановке,

нарушаемой лишь мелкими дрязгами мелких людей, зажил Иван Петрович тихо и смирно. Семья медленно, но неуклонно умножалась. Подрос старший сын Александр, поступил в семинарию.

Раздобрел Иван Петрович, отяжелел, стал невозмутим и ровен, и прежний трепет души, с которым встречал он каждый шаг и каждый звук голоса венценосца, сменился выдержкой и равнодушием, и появление новых лиц шло бесследно по его душе.

Седой старик, о многом позабыв и половину перепутав, одно себе оставил — через все годы и до сегодняшняго дня донес он светлый образ царя-освободителя неизменным.

— Царь Александр III, — шамкал Иван Петрович, надев на кончик носа тяжелые серебряные очки, — был ростом вот повыше Ивана Павловича, а в плечах шире его раза в полтора. Да, был царь, а все далеко до Александра II батюшки. Тот был царь настоящий и последний. Они знали, кого убить. А потом пошли все — чиновники. Трепету от них никакого не чувствуешь. А если гроза, так ровно купец трактир разносит. Да и царями они были больше для проформы, вот их и свергли поэтому. Какие ваши убеждения, не знаю, уж извините, а только настоящего свергнуть нельзя-с. Убить можно. А чтобы он отказался, да ни Боже мой. Это, знаете, испуг и слабость, царям не свойственны.

Старик подымал глаза и, глядя поверх очков, усмехался: или непонятно, что настоящего свергнуть нельзя? Или все можно?

— От старого века была у нас, — продолжал старик, — только царица Александра Федоровна. И пройти умеет и взглянуть по-царски, так что почувствуешь, что сам ты трава и червь, а все-таки далеко до матушки Марии Александровны! Та даже не унизила себя и русским языком, все по-иностранному. И так будто не человек, а выше человека. Конечно, мы твари презренные, а понимать должны, где какая высота. Тут-то вот святость царского сана с Богом сливается, можно сказать, сияние какое-то. Отец протоиерей в Серпухове Памфил говорил мне, что как он в первый раз Николая Павловича увидал, так, верите ли, говорит, от страху чуть душа из тела не вылетела, да только царь рукой махнул и задержал. А при нынешних, чтобы душа вылетела, нужно, чтобы вышибли ее.

Иван Петрович скупал для старшего сына Александра книги, и Александр собирал библиотеку. А тут началась война, Александр был призван и на войне его убили. Книги после революции Иван Петрович стал распродавать.

По указанию Ивана Павловича я пошел посмотреть книги. Познакомился с Иваном Петровичем, завязался разговор, то да се, и вот — Патерик.

И опять я смотрю картинки, как там в келье с венецианским окном, — какие чудесные картинки, какие буквы! — и в душе моей весенний льется звон.

1918 г.

Сундук
елисаветинское

В новоладожском Загвоздье в прохожей комнате старого Философовского дома долгие годы стоял расписной сундук.

Про сундук знали одно, что хранится в нем дедовское добро, покойного еще Никиты Егоровича Философова, двоюродного прапрадеда нашего Димитрия Владимировича Философова, — какая-то ветошь, которая никому не нужна.

Сам Никита Егорович помер в 1779 году, сын его Иларион Никитич в конце 30-х, а внук — Алексей Иларионович в 1874-м. Подумайте, сколько за это время безвозвратно кануло, а сундук цел целехонек: как поставили, так и стоял.

И уж так привыкли, замечать перестали, и только новый человек, проходя, запинался за него и, тихонько бранясь, проходил дальше.

Но нет на земле такой вещи, которой не пришел бы свой час.

Пришел час и сундуку.

Гремя связкой ключей, подошла к сундуку столетняя ключница Ефросиния Антоновна. Порылась в мешке, — в мешке у нее целая уйма ключей.

И завизжал замок, застонал — подалась крышка. Блеснули когда-то ярко-красные розы по зелени, сверкнула облупившаяся оковка. Скрипя, поднялась крышка. И дедовский сундук открылся. Пахнуло запахом сырости, лаванды, сухого чая.

— Пожалуйте!

Стали перебирать тряпье, сгнившее и ни на что не похожее, — какие-то лоскутки, шерстинки, узелки, гнездища паутиные.

Ефросиния Антоновна, стоя над сундуком на коленях, вытащила со дна лист старой желтоватой бумаги.

— Вот, батюшка, — прошептала старуха, — какая-то записка!

А это был реестр.

Да, когда-то во времена блаженныя Елисаветъ хранилось в сундуке добро!

* * *

Записка, что в сундуке імеетца
Никиты Егоровича — а именно:

Рабронъ штофной желтой — 1
Завѣса зеленая с подзорами верхними и нижними
Адеяло алое отласное
Простынь — 2, кисейная і полотнянная
Наволокъ алыхъ — 8, наволокъ же кисейныхъ — 8
Скатертей столовыхъ — 6
Рабронъ і юпка тафтянные
Рабронъ і юпка штофные
А салопа штофная — 1 і сподница канфовая зеленая
Канфы 3 штуки — красная, зеленая, галубая
Кусокъ камки фиалетовой
Фанзы — 6 штукъ, кисеи полосатой — 2 штучки
Кисеи жъ шитой — 1 штучка
Полотна въ пяти штукахъ
Бархату въ 2-хъ штучкахъ, башмаки тафтянные
Три косынечки — алая і черная і блондовая белая
Три веяра, занавѣсъ къ окнамъ зеленыхъ — 2
Канфы полосатой — 2 кусочка
Бумажныхъ покрывала — 2
Адеяло синее канфовое теплое лапчетое
Адеяло жъ канфовое красное на лисьемъ хребтовомъ мехе
Полочка белья — 1, соболиковъ — 2 пары
Шитье на наволоки
Хвосты собольи і куньи

Серебреной посуды:

Доска, подносъ, тарелка
Чайникъ, кафейникъ і малошникъ

Рукомойникъ і лахань
Стаканъ большой і съ крышкою
Стаканчиковъ малинкихъ — 3
Сахарница, чайница і ковшичикъ
Калпаковъ большихъ — 5, колпачковъ малинкихъ — 6
Кружечекъ съ ручками — 6, чарочка съ ручкою — 1
Еще колпачекъ маленкой — 1
Аливки золотые съ кистямй

*

И нет ничего — лоскутки, шерстинки, узелки, гнездища паутиные.

И лучше бы, пожалуй, не тревожить старую ключницу, не отворять дедовского сундука, не бередить прах.

Разве что записка!

От сундука нынче и помину не осталось — все сжег человек с великого ума своего! — а записка пока что у меня, а хранит ее волк-самоглот: если шарик качнешь, кланяется и хвостищем помахивает вверх и вниз — самоглот.

1918 г.

Академия
санктпетербургское

Зелен Васильевский остров. Распустились бледно-зеленые листочки на темных деревьях. Море доносит зеленый живительный воздух. Все помолодело. Золотом горят белокурые косы.

Вечером подымается белый торжественный день без солнца. Белая ночь льет бледно-зеленоватый свет. Прозрачные тени вьются. И шепчут старые дома.

Вот тут мимо бессмертных фивских сфинксов — они пережили Египет, переживут Петербург и Россию! — вот тут на этом месте, где стою я, проходил великий основатель.

И кажется мне, вот взовьется накидка, нахлобучится треугольная шляпа, и пройдет он твердым беззвучным шагом.

Шелестят зеленые листочки, перемигиваются окна старых домов. Усмехаясь, осел апельсинный дом на Кадетской: он не видит трамвайных виселиц, не слышит звонков, ничего не слышит — все, как встарь, при великом Петре.

Из-под арки коллегий Университета выходят один за другим, придерживая треугольные шляпы под ветром и завернувшись в плащи, ученые профессора Академии Наук Российской: Даниил Бернулли, Феофил Сигфрид Баер, Николай Бернулли, Христиан Мартин, Иоанн Христиан Буксбаум, Яков Герман, Иоган Петр Коль, Иоанн Симон Бекенштейн, Михаил Биргер, Иоган Георг Дувернай, Георг Бернгард Билфингер, Христиан Фр. Грос, Фридрих Христофор Маер, Иосиф Николай Делиль.

Слышна французская, голландская, немецкая речь.

Величавые жесты, спокойная поступь.

А последний из них, проходя мимо сфинксов, приподнял шляпу и подал мне сложенный в четверку лист.

Туманом потянуло с Невы.

Затрепетали ветки деревьев. Чуть потемнело. Запахло парною землей. И где-то будто под черным звездным небом запел соловей...

* * *

Академія наукъ россійская
читателю здравіе

Академію намѣреніемъ Петра Велікаго опредѣленную, и нѣкіимъ образомъ зачатую, а нечаемымъ Благочестівѣйшаго Імператора преставленіемъ гораздо ослабленную, Августѣйшая Імператріца Екатеріна, премудрымъ своімъ промышленіемъ, хотя и многіе члены, изъ разныхъ Европейскихъ странъ въ Століцу сію на то призваны были вышше чаянія уставіла, и въ совершенство прівела.

Должность же въ сей Академіи собраннымъ двоіна будетъ. Как въ тщаніи и умноженіи новыми обрѣтеніями наукъ, а наіпаче Медіціны, Фізики, Математики, и прочіхъ свободныхъ наукъ, такъ и въ ученіи Россійскихъ юношъ, да они сімъ образомъ по первой должности своей Академіамъ наукъ Паріжской, Лондонской, Берлінской, какъ въ публічныхъ собраніяхъ трижды повсягодно будущіхъ (отъ ніх же первое недавно Его Высочества Королевскаго Герцога Голстеінскаго прісутствіемъ просвѣтілося), такъ и совѣтованіемъ пріватнымъ дважды по всякой недѣли, а имянно, во Вторникъ и Пятокъ, будущымъ подражати. А по другой своей должности о ползѣ собственной тѣхъ

юношей, которые изъ пространной Россіи для ученія и свободныхъ наукъ соберутся, потщатіся будутъ. Того ради конца Профессоры сея Академіи, сего 1726 году, въ будущій 24 день мѣсяца Генваря чтеніями ученіе свое публічное начнуть, во дни, Понедѣлнікъ, Среду, Четвертокъ и Субботу, и впредь такімъ опредѣленіемъ и учрежденіемъ поступать будуть, о которомъ всѣмъ любітелемъ добрыхъ наукъ, а наіпаче рачітелямъ къ ученію, сімъ для извѣстія объявляется.

1918 г.

Покормяжная
голодное

Случился недород в вотчинах Троице-Сергиевой лавры, и стали отпускать монастырских крестьянских людей на посторонние заработки — на прокормление, только бы им живу быть.

И пошел Матвей Кузмин на все четыре стороны света белого на подножный корм, а для того и дано ему из приказной канцелярии покормяжное письмо.

Что потом случилось с Матвеем Кузминым, с тысячами Матвеев, год от году получавших покормяжные, — тесно им было на холодной и неприютной монастырской земле, — занимался ли Матвей черной работой или ходил по миру, или знался с воровскими людьми — ничего не ведаю и всякая память сгинула.

А что подлинно был на свете крестьянский сын Матвей Кузмин в 1723—24 гг., а с ним и приказный Василий Карпов и смотритель Никита Каменев, только и осталась грамотка — эта покормяжная. Она одна прикрепляет и Кузмина, и Карпова, и Каменева к безвестной и горькой жизни.

1724-го году марта въ 1 день Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря Святѣйшаго Правительствующаго Синода советника школъ и типографій протектора господина архимандрита Гавріила, келаря старъца Іосиѳа Бурцова, казначея старъца Моисея Протопопова и всего собора монастырской нашей вотчины Костромскаго уѣзду села Ѳедоровскаго деревни

Молокова крестьянской сынъ Матвей Кузминъ отпущен покормитца. И превызшимъ господамъ во градехъ каменъданътом і камисаром, или кому сие вѣдать надлежит, оного Матвея деръжать безопасно, потому что онъ, Матвей, в солдатех і в драгунех, и в матрозох і выных ни в каких наборех нигде не бывалъ і в переписных книгах въ 719-мъ году і въ 723-мъ в пополнительныхъ скасках писанъ, а кормятъ ему, Матвею, черною работою, по миру не ходить і с воровскими людми не знатца, в том ему, Матвею, сие і покормежное письмо ис Приказной Канцеляріи дано. А отпущенъ онъ, Матвей, съ сего 724-го году по 725 год марта до 1-го числа. А какъ срочное число пройдетъ і ево, Матвея, по сей покормежной нигдѣ не держать і явитца ему у насъ в монастыре в Приказной Канцеляріи по прежнему.

Приказной Василей Карповъ
Смотрител Никита Каменевъ

1918 г.

Нарва

запечатленное

Жарким летом, когда пахло пылью и старыми кожами, я проходил по костромскому Гостинному двору, облитый солнечным пригревом. На сухих горячих ларях разбросаны были разные пустяки и между ними старинные книги, картины, обрывки бумаг.

Около лавки Ивана Леонтьевича Лапина невольно остановился: тут было и прохладно, и довольно темно.

Хороша лавка у Ивана Леонтьевича! У любителя старины глаза разбегутся. И среди пустяков так много ценных хороших вещей, диву даешься, откуда что взялось.

Знает цену Иван Леонтьевич — рыжая бородка клином! — не процeнит он свои сокровища. Особенно любит запрашивать с приезжих, с петербургской косточки, потому они шах-мах любят, все так скоро-наскоро: купил, разглядел, покинул. Не то, что коренной костромич — тот тридцать раз около рукописей пройдет, левым глазом взглянет, а правым виду не подаст, заторгует что другое, а потом уж к вожделенной рукописи присунется.

Привелось и мне у Ивана Леонтьевича покупку сделать: серая тетрадка без начала и конца петровского времени.

Задорожился было Иван Леонтьевич, да видит, никто тетрадку не покупает, никому она не нужна, решил, что это учебник и смилостивился, продал.

И повез я ее на холодную Неву.

Облюбовал там до последней буковки.

Сошлись любители книжные, смотрели – и так смотрели, и на свет смотрели, трогали.

78 уцелевших листов, – тетрадь порядочная – с нарвского разгрома (1700 г.) и до взятия Выборга (1711 г.) И никакой учебник – год за годом, месяц за месяцем, день за днем с подробным описанием событий и деяний петровых «война шветцкая».

Вот какая находка мне в руки попала – помяну Кострому Костромушку, Ивана Леонтьевича Лапина да кума его князя обезьяньего Ивана Александровича Рязановского, приютившего меня в царевском своем древлехранилище.

* * *

В первый раз взял я с полки петровскую мою тетрадь, когда по злому ли наущению либо от простоты нашей Санктпетербург <так! – *Ред.*> обернули в Петроград. Очень меня тогда за сердце взяло: город святого Петра – Санктпетербург– и вдруг какой-то Петроград!

С тех пор много воды утекло.

Война вспорола каменный мешок, в котором сидючи простецы наши валяли простецкую свою жизнь, храня исконный завет:

– здорово живешь

– обознался

– наплевать

Смута пошла, а с нею раздор и раззор. Уничтожили навсегда твердый знак. А загаженный, заплеванный Петербург обратили из Петрограда в красный Петроград.

И пришло такое время конечное, вон побежали из Петербурга кто куда, оставляя дом Петров – последнее наше окно.

Тут я опять петровскую тетрадку достал.

Горько и досадно мне стало на простоту нашу погубительную.

И если в первый раз я только глазами по тетради прошел, теперь я сел ее переписывать.

Духом Петровым дышит всякая буковка, а всякий завиток виноградный и усик хмелевой надстрочный волен, могуч и крепок.

Сказывают мудрецы, дается человеку при рождении его планета. Ну, как сказать, кому планета, а кому на двоих одна, а то и на троих, а бывает, что и на целое собрание половины много, — не сосчитаешь, а какая доля всех покроет. Петру же дана была планета, не одна, не две и не три, а четырнадцать — одному.

Потому и затеи его не летели по ветру и дело его было крепко.

А дело его — Россия.

Вы понимаете, что такое по тому времени велеть с церквей колокола снимать да из колоколов пушки лить? Да, ведь, это все равно, что по-теперешнему, ну, обратить бы церкви в арсенал.

Колокола сняли, пушки вылили — послушали.

А послушали и за страх и по вере.

А поверили, потому что почуяли.

А почуяли — П е т р а, дело его.

А дело его — Россия.

Несчастье наше тогда под Нарвою не было бедой для России, и не гнев это был Божий, а милость.

И это видел Петр.

Много в нас, русских, подлого духа — лени невообразимой, воровства и какого-то самодовольного ломанья. Надо, чтобы всхлестнуло тебя хорошенько, чтоб ты очнулся от своей дури дурацкой, рожу свою поправил, да за ум взялся.

Бич немецкий хлестнул по России, а Петр поднял дубинку на лежня — тишайшую Русь.

И не бессильное, худосочное, неуверенное с-м о г у зазвучало в слове Петра, а могучее его м о г у.

*

изъ петровской тетради

против котораго его королевскаго ответу, просили паки, хотя б одни полковые пушки велел отдать. Против чего сказал последнее и обещал отдать ис полковых пушекъ толко 6, однако ж после и тех не отдали и послали всю артиллерию в Нарву.

Въ 20 день по утру по учиненному договору наши оставшие начали отступать, и напеup пошла дивизия генерала Головина, в которой и оба полка гварди, которая и перешла без всякаго противления. Но когда Вендова дивизия пошла, тогда неприятель не токмо у них ружъе и знамена стал отнимать, но и платье и прочее с них грабить стал.

А на другой день к генералом россиіским прислал корол своего генерала-адютанта Лагаркрона с шивадроном ковалеріі, и велел их арестовать и отвесть в Нарву х камендднту Горну под арест, которыя хотя просили короля, чего-для тот пароль не содержан, однако причли им в притчину то, что для чего комисары нашей казны увезли, о которой прежде при разговорах и сами они не упоминали.

И тако шведы над нашим войскомъ викторию получили, что есть беспорочно надлежитъ разуметь, над каким войском оную учинили, ибо толко один старой полкъ был Лаѳертовой, которой пред темъ назывался Шепелева, два полка гварди толко были на двух атаках, у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войски никогда не дали, протчие ж полки кромѣ некоторых полковниковъ, какъ аѳицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздым временем великой голод был, понеже за великими грязми правианту провозить было невозможно. И единым словом сказат, все то дело яко младенческое играние было, а искуства, ниже виду, то какое удивление такому старому обученному и практикованному воину над такими неискусными сыскать викторию! Правда, сия победа в то время зело была печальна, чувственна, и яко отчаянна всякие впред надежды, и за велики гневъ Божи причитали, но ныне, когда о том подумать, во истинну не гнев, но милость Божию и исповедать долженствуем. Ибо ежели нам тогда над шведами виктория досталас, будучи в таком неискустве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую беду после нас оное щастие принудить могло, которое оных же шведов уже дивно во всем обученных и славных въ Европѣ, которых называли ѳранцузы бичем немецким, под Полтавою так жестоко низринулась, что всю их махину низ сверху обратила.

Когда сие нещастие или лутше сказать великое щастие получили, тогда неволя леность отгнала и къ трудолюбию иску-

ству день и ночь принудило, с которым опасением и искуством как часъ от часу сия война ведена, то ясно будет и в следуемой посемъ истории.

1918 г.

Ссыльный
казенное

Во времена Павла Петровича не смотры были, а казни египетские.

Прусская выправка, косы да букли с клейстер-корой по форме, все точь-в-точь, как приказано, ни больше, ни меньше. Шляпы такие, что на голове не держатся. А экзерциции упаси Боже, не сразу и запомнишь хитроумную выучку.

Премьер-майор Дмитрий Алексеевич Кушников был старой службы офицер — служил еще Великія Екатерины, помнил государыню и чтил ее. А тут дожил до того, что тягостно даже подумать:

— Нуте-ка, сын истребляет даже память о родительнице, да и слов новых повыдумывал. Не смей говорить с т р а ж а, а говори к а р а у л.

И правда, в пасхальном каноне не «на божественной стражи» а «на божественномъ караулѣ» петь заставили. И пели.

Русского человека всегда заставляли что-нибудь делать: то скажут, украшайся флагами, когда душа не принимает, то ракеты пускай, когда с души воротит. А был и такой случай: нагрянули с обыском и застигли целое сообщество, и вот кто-то из застигнутых, чтобы отвести глаза, крикнул главному коноводу, человеку солидному, профессору — «Аничков, пляши!» — что ж вы думаете, и сроду не пляша, пустился несчастный в пляс.

Ну, какому-нибудь фендрику привыкнуть ко всему легко: ему все внове, а Кушникову, который под Очаковым был, переучиваться трудненько.

И однажды, когда шел он на разводе со своим деташементом и сбился в уставе, сиповатый голос царственного командира громче очаковской пушки хлопнул:

— Налево кругом — в Сибирь!

И через два месяца Кушников в ботфортах и с длинной косой прогуливался по песчаным якутским улицам.

* * *

Ничего не поделаешь, велели.

И опять скажу, такая уж судьба наша: русскому человеку без того никак нельзя, чтобы кто-нибудь да не мудровал над ним.

Кушников и то был рад, что жив остался.

Приди в голову царю сказать: отруби ему голову! — и отрубили бы. А что потом, может, и пожалели бы, да головы-то все равно не приставишь и никакой сендетикон и кольдекон не склеит, потому что голова не деревянная и не фарфоровая, а и у самого простеца простецкого мясная она с мозгом.

Пережил премьер-майор последние безумные годы, поздно дошло до него известие об 11-м марте 1801 г. И с вестью о воцарении Александра I почувствовал он жгучую боль оброшенности и понял, что в сибирской глуши никому он не нужен и позабыт.

Да видно, Бог не забыл.

В 1802 г. дошла очередь до Кушникова, и он был освобожден.

А вернуться-то ему было не на что: доехать из Иркутска до Петербурга и по тогдашнему стоило денег не малых.

И остался премьер-майор в Иркутске. Стал хлопотать то в Иркутске, то в Чите — искать место куда-нибудь по казначейской части: жизнь, кажется, спокойная и правильная, можно сказать, что и все дело, сиди при сундуке вроде цепной собаки, только и стеснение, что в карты не играть, да Бог с ними, с картами!

А где именно и как пристроился Кушников после своей невинно-проклятой судьбы, не знаю. На память о нем достались мне две бумаги в старом сенатском деле по Министерству Финансов — аттестат да свидетельство.

*

Симъ свидѣтельствую, что находившейся здѣсь и возвращенный по Высочайшему повелѣнію бывшей преміеръ-маіоръ Дмитрей Алексѣевъ сынъ Кушниковъ велъ себя добропорядочно и во все время его пребыванія не только ни какихъ на него жалобъ къ начальству не доходило, но были отзывы, что онъ хорошимъ своимъ повѣденіемъ заслуживалъ одобреніе цѣлаго общества.

Данъ въ Иркутскѣ за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати, марта 4 дня 1803 года.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя моего дѣйствительный статскій совѣтникъ Иркутскій Гражданскій Губернаторъ и кавалеръ

Иванъ Репьевъ

Дано находившемуся въ Иркутскѣ на житье бывшему маиору Дмитрію Кушникову, которому по высочайшему Его Императорскаго Величества повеленію, последовавшему въ 18-й день ноября 1802-го года дарована свобода, и во все время бытности своей въ Иркутскѣ велъ себя добропорядочно, въ чемъ симъ и свидѣтельствую Марта 4-го дня 1803 года.

Генералъ-лейтенантъ Лебедевъ

1918 г.

Крест
заветное

Помню из далекого детства в углу киота большой медный шестиконечный крест. Всякое воскресенье, возвращаясь домой от ранней обедни, мы на перепутье заходили чаю попить к одной ласковой доброй старушке, жившей в доме наших родственников. Мы ее звали бабинькой, да и все ее так звали. И всякий раз после чаю, — а какой чай был вкусный и какие густые сливки, и какое поджаренное барбарисное варенье! — досыта напившись, я крестился, на киот глядя, и особенно как-то видел этот крест шестиконечный.

И сначала, ну в возрасте приготовительном, я заглядывался на крест, потому что блестящий, золотой, как я тогда о нем думал; потом постарше меня приковывал он своим необычным видом: не четырехконечный и не восьмиконечный, а шестиконечный — древний; и уж впоследствии я стал вглядываться в изображения на нем и надпись.

О кресте часто я слышал у больших разговоры, — не меня одного, как оказывалось, привлекал он, крест этот заветный.

С тех пор прошло много всего, да и времени кануло немало, успокоилась и наша ласковая добрая — наша бабинька *Анисья Алексеевна Ладыгина.*

На 91-ом году своей жизни, в трудах прожив, скончалась она в Москве (1820—16 V—1911), а крест мне достался. Я никогда и не мечтал, такой этот был крест заветный, и вот мне его передали и так, будто он всегда был только мой.

* * *

Крест медный шестиконечный на медной припаянной жуковине. На кресте в середине распятие, по краям креста пять погрудных изображений в медальонах. На самом верху ангел со скипетром, на верхней перекладине архангел Михаил с одной стороны, а с другой архангел Гавриил — Михаилъ, Гавріилъ; между ними лапчатый двойной нарезанный крест, со внутренней стороны которого идут палочки поперек, и внутри нарезанный же крест шестиконечный с двумя прутиками от основания, знаменующими трость и губу. На средней перекладине с одной стороны Богородица — М. Р. Ѳ. У. (метеръ ѳеу) — «Мати Бога», или как в старину собственным домыслом добирались до букв премудрых, — «Марія роди Фарисеомъ учителя». А с другой стороны Иоанн Богослов — Іванъ. Между ними накладное Распятие. И от Богородицы до Распятия нарезанная веточка еловая и такая же веточка от Распятия до Иоанна. Распятие — крест восьмиконечный, на верхней перекладине нарезан крест четырехконечный, над ним между Распятием и лапчатым крестом — І. Х. и І. С. Х. С. На венчике под крестом четырехконечным надпись неразборчивая, а на средней перекладине — Ника — «симъ побѣждай». Под Распятием Глава Адамова, напоминающая изображение светил небесных — солнца или луны. Под Главой Адамовой столбик — пишет:

сей крестъ
в градѣ ро-
стовѣ во а-
врамиевѣ
монастырѣ
св. Іоанномъ
богословомъ
данъ пр. авра-
мію побѣ-
дити ідо-

ла велеса
при князе
владимере.
престави
ся аврамiй
в лѣто 6551.
зри о семъ
въ пролозѣ
октября
29 дня

Преподобный Авраамiй, ростовскiй чудотворецъ, подвизался около 1073—77 гг., — подобiемъ старъ, власы поджелтыя брада аки Сергiева, риза преподобническая, исподъ дичъ нѣцыи пишутъ: въ рукѣ трость иже даде ему Іоаннъ Богословъ.

Уроженец города Чухломы, Авраамий постригся в Валаамской обители; по откровению Божиему пошел к Ростову. В пяти верстах от Ростова на реке Ишне явился ему Иоанн Богослов и вручил жезл, которым повелел сокрушить идола Велеса. При внуке Мономаха, великом князе Всеволоде Георгиевиче, обретены мощи преподобного. Мощи почивают в серебряной позолоченой раке в соборе Богоявления, построенном 1553 года царем Иоанном Васильевичем.

При мощах сохраняется и крест от пастырского жезла, которым Авраамий сокрушил идола Велеса, а самый жезл был взят из монастыря на Москву царем Иоанном Грозным.

1918 г.

Очаков
царское

Есть такие вещи, о которых всякий знает и не ученый. И можно, кажется, все на свете забыть, так с жизнью отойти к тому, что вот сейчас дело твое требует от тебя помнить и чувствовать неотложно, но и при всей занятости насущной и забвении суетном навсегда сохранить, ну... пифагоровы штаны что ли, если удариться в геометрию, или удельный вес, если стать спрашивать себя по физике. Что-что, а уж эти штаны пифагоровы с удельным весом нипочем не забыть, когда и от всей тво-

ей физики и геометрии останутся всего лишь одни названия: физика да геометрия! И в области знаний исторических среди всякой благодушной путаницы забвения благоприятного есть свои имена неизгладимые. И к таким именам принадлежит *Очаков.*

Вы можете ровно ничего не знать, забыть даже и о том, где и что это за Очаков, и вместе с тем, какое высокое торжественное чувство вызовет в душе вашей одно это имя — Очаков!

Ехал я морем из Одессы в Херсон.

С вечера мы вышли, и вечер простоял я на палубе, — наглядеелся, надышался морем и заснул, как убитый. И вот чуть свет просыпаюсь — пароход стоит, стучат над головою.

«Что это? Кораблекрушение?»

А сосед мой, дьякон, приподнялся на койке и, озирнув зверовидно, проглаголал гласом ерихонским:

— О-ча-ков!

Повернулся на другой бок и затрубил.

И признаюсь, сердце у меня так и заиграло:

«Очаков! Вот он где этот Очаков! Тот самый Очаков!»

И помню, не на пароходе, а дома, в Петербурге, то же чувство охватило меня, когда среди вороха рукописей мне попалась изгрызанная мышем, и я разобрал строчки:

Очаковъ взятъ штурмомъ

* * *

Очаковской зимой — в Николин день 1788 года вернейший подданный князь Потемкин доносил Государыне Императрице о взятии штурмом Очакова.

Донесение написано на небольшом листе серой бумаги, в двадцать три строки: на лицевой стороне девятнадцать, из которых 16-ую, 17-ую и 18-ую по краям изгрыз мыш, а 19-ую и вовсе съел, одна закорючка торчит.

Писано скорописью — рука изнеженная, это не скоропись приказная с зачином твердым, игрой и хитросплетением, это письмо — царское.

Всемилостивѣйшая Государыня
Всевышнiй
даровалъ свою

помощь овладѣт Оча-
ковомъ, которой взятъ
штурмомъ сего мѣсяца 6 ч.
Войско Вашего Император-
скаго Величества поступило съ
неописаннным мужествомъ и по-
радкомъ, непріатель потерял мно-
жество, с нашей стороны по препор-
ціи благодаря Бога мало, болшая по-
тера состоить въ ахвицерахъ, которые
подавая собою примеръ, первыми вездѣ
находились, генералъ маиоръ князь Вол-
хонскій и бригадиръ болшой Горичъ
убиты, сіи достойные и храбрые ахви-
церы первые были жертвою, одинъ
възошедъ на ретранша[ментъ]
Гассанъ пашійчкій замокъ и на
крепость произъведена была
шестью колонами и вс.....съ
четвертью, трехъ бунчуж-
ной ......взятъ въ плѣнь
со многими чи......
совсемъ точныя
....

Вашимъ стопамъ
Вашего Императорскаго Величества!
Вернѣйшій подданный
Князь Потемкинъ

1914 г.

Грамотка
узорное

Дивны дела Твои, Господи! В Новогород-Северске привозила баба на базар рыбу, и случилось одному охотнику с удочками толочься по базару. День и ночь рыбачил, и хоть бы какая сонная попалась, только приманку извел, вот он и задумал:

«С пустыми руками как возвращаться... Присмотрю-ка я себе на уху рыбки!»

Дело-то в пост было. А рыба у бабы — ерш к ершу, привалит же такое счастье! — знатная рыба. Приторговал он себе рыбки, баба ему ершей в грамотку завернула, расплатился и пошел себе домой с покупкой будто с ловом, — будет ему ужотко уха на славу!

А дома, положа удочки в сторонку, как развернул грамотку с ершами, и на ерша глаз — знатная рыба! а пуще на грамотку: что за письмо, что за узорное! Ершей-то на стол уху варить, а грамотку к себе взял, расправил, сушить положил.

Время к обеду пришло, ну, и уха! А по ухе на загладку за грамотку принялся — и так ее и сяк: и буквы наши, другое слово, как слово, а сложить не может — темная грамота.

Вечером собрался к приятелю в гости, захватил и грамотку, а приятель-то книжный, на Ипатовской летописи трудился, — вынул ему грамотку, показывает.

— Откуда?

— Дивны дела твои, Господи! Привозила баба на базар рыбу... — и рассказал все, как было.

— Эге, — говорит приятель, — да тут что-то про божественное.

И решили оба идти поутру на базар вместе, пытать бабу, откуда ей такое добро досталось, и нет ли где других листов подобных.

Так и сделали.

Явились на базар оба спозаранку, разыскали бабу с рыбой, да грамотку ей под нос:

— Откуда тебе, бабо, такое добро досталось?

— Бог послал! — ответила баба.

А много у нее таких листов — большущая книга — и все-то, как есть, до единого извела под рыбу, ни листочка в запасе не осталось.

Ну, на нет и суда нет, с тем и ушли приятели с базару.

И с тех пор пошла ходить грамотка из рук в руки: из Новогород-Северска попала в Тифлис, а из Тифлиса дошла и до Петербурга.

Позапрошлой осенью принес мне эту грамотку поэт *Чернявский.*

— Откуда это, — говорю, — Николай Андреевич?

— Дивны дела Твои, Господи! В Новогороде-Северске привозила баба на базар рыбу... — и рассказал мне все, как было,

помянул и о приятелях, и о ухе ершовой, и оставил у меня грамотку на вечные веки.

* * *

Грамотка — обрезанный лист коричневатой бумаги, водяной знак неясный, подобием тюльпан-цвет. Судя по отличительному *ж* и *в* грамотка — южнорусская скоропись второй половины XVII века.

В грамотке писано о ангелах, знающих путь к дому безвестного праведника и не видящих пути к живущим во грехах: Авраам и Содом; о четырех смертных грехах, на небо вопиющих, от них же первый грех — вольное человекоубийство, второй — беззаконие содомское, третий — утеснение и озлобление людем, четвертый — удержание мзды наемничей (заработной платы); и о рассмотрении дел прежде осуждения: не верь слуху, верь глазу — Иосиф и Пентефрий, Константин Великий и сын его Крисп и о праведном и неправедном убийстве. Много поучительного.

*

...гдѣ-либо тіи зрятся, ни познаваютъ их. Се вина, се таинство изявляется, чего ради святіи ангели ко Аврааму, наединѣ жувущу, безъ проводника улучиша, к Содомѣ же путесказателя требоваху. Во всей странѣ оной, в ней же бяше Содома со окрестними гради, ей же и Мамврія соопредѣленна, единъ токмо праведнаго Авраама дом бяше чистій, Бога боящся, не бѣ в немъ беззаконія никаковаго же, но вси жителствоваху цѣломудренно, и богоугодно, того ради вѣдяху к дому Авраамовому путь святіи ангели, аще и наединѣ в дебрѣ и дубравѣ обитавшу. Ибо тіи вѣну посѣщают невѣдимо людіи чистих и богоугодныхъ, гдѣ-либо они жителствуют, аще в горах, аще въ пустынях, и на коемъ либо мѣстѣ, Содома же со окрестным своимъ селеніемъ не вѣдаху, понеже вся преисполненна бяше беззаконія и грѣховних сквернъ. И никогда же ангели посѣщаху скверних грѣшниковъ, ниже возрѣти к ним хотяху, дѣющихся ради в них нечистот преестественних, того ради и Содомскому, аще и на високомъ мѣстѣ стоящому, великому и славному граду, ниже пути вѣдѣти творяхуся, яко тамо никогда же приходившіи. Се-

му и святій Іоаннъ Златоуст согласовати зрится, гляголя сице: «Содомъ столпи имѣяше велики, колибу* же Авраамъ, но пришедше ангели, Содомъ убо мимо идоша, ко колибѣ же Авраамли приведошася, — не домовная бо свѣтлости искаху, но душевную добродѣтель объхождаху». (Доздѣ Златоуст). Отсюду да вѣдят, аще кій грѣшникъ в нынѣшнее время обритается, коль мерзостенъ есть Богу и ангеломъ его грѣхъ содомскій, яко не токмо с таковая дѣющими ангели святіи не обитаютъ, но ниже вѣдати их хотятъ, и удаляются от такових чистіи дуси, смрадомъ грѣховнимъ, аки пчели димом, прогоними. Ангеломъ же святимъ, от содомитовъ уклонившимся, кто с ними водворяется, развѣ нечистіи дуси! Идеже бо человѣци, измѣнивше нравъ человѣческъ, уподобляются свиніямъ, гной и калъ любащим, тамо отступают ангели Божіи, любящіи с чистими, а не свиноннравними человѣци дружествовати, вмѣсто же ангеловъ бѣси к онимъ приближаются и обществуютъ с ними: тіи таковихъ любятъ и жити в них, аки в свиніях геенскихъ, Христа просятъ, — и попускается, и веселяются в ня и гонятъ я в то пропастное смрадное и скаредное содомства езеро, даже потопятъ их в безднѣ адстей. О, окаяннаго в христіянехъ содомскаго нрава! О, крайнея погибели! Не дремлет бо такових погибель: близъ гнѣвъ Божій и мест, близъ геенна огненная, в ню же впадают нечаянно и погибнут, аще не покаются.

Вопл содомскій и гоморскій умножися ко мнѣ! — рече Богъ.

Катехизисъ церковній от святаго писанія вѣдати учит, яко четири сут грѣхи смертніи. Паче протчіихъ грѣхов смертних, тяжчайшій, на небо вопіющій, и Бога на отмщеніе возстановляющій, и привлащающій казнь люту, первій грѣхъ — волное человѣкоубійство, наченшоеся от Каина, убившаго брата своего Авеля неповиннѣ, то вопіетъ ко Богу, яко же глаголетъ ко Каину: «Гласъ брата твоего вопіетъ ко Мнѣ от земля, вопіетъ же, просящи отмщенія!» Такоже послѣжде слиша св. Іоаннъ Богословъ, в Покалѣщи**, душъ святих, за слово Божіе избиенних, вопіющих гласомъ веліимъ и глаголющих: «„Доколѣ, владыко святій и істенній, не судиши и не мстиши крови нашея от живущих на земли!» Вторій грѣхъ, вопіющъ на небо, ест беззаконіе содомское, яко же вишше речеся. Третій

* Колиба — хижина.

** Покалѣшь — апокалипсис.

грѣхъ — утѣсненіе и озлобленіе людемъ неповиннимъ, убогимъ, вдовицамъ и сиротствующимъ, нищимъ, каково творяшеся от египтянъ ізраильтяномъ, о чесомъ глаголетъ писаніе: «Возстенаша синове ізраелевы от бѣдъ и возопиша, и взіиде вопль их ко Богу от рабовъ, и услиша Богъ стенаніе ихъ». Четвертій же грѣхъ, на небо вопющъ, ест удержаніе мзди наемничи, якоже святій апостолъ Іаковъ ко богатимъ неправеднимъ глаголетъ: «Се мзда дѣлателей, дѣлавшихъ ниви ваша удержанная...»

. . . .
. . . .

...гнѣватися на того и яритися, неизвѣстившися, истинна ли ест вещь глаголемая. Понеже множицею злоба злихъ человѣкъ бываетъ начатком злая о неповиниомъ слави, легкорѣчіе же умноженіемъ, еже бо зліи от злоби своея сочнутъ, то легковѣреніи умножают, емлюще вѣру лжи, и пред многими ближнего обличающе и осуждающе и разсѣвающе в людехъ, аки плевели, золъ слухъ о томъ, иже не содѣя грѣха, о немъ же его осуждают. Иногда же малое нѣкое прегрѣшеніе сіе осуждатели, приложеніемъ и умноженіемъ лживихъ словесъ сказующе, возвращают в велико, и от мравія творят лва, и от комара верблюда, и от заяця слоня, и от сучца бревно веліе. Того ради многаго разсмотренія и опаства в такових требѣ, да не како лжа вмѣнится в истинну, и малое возрастет в велико, и простителное в непростителное поставлено будетъ. Разсмотренія нѣсть лучшое, яко еже своима вѣдѣти очима, то о чесомъ слишится, чесого поучая ны Богъ, дает нам самаго себе во образъ, еже глаголетъ: «Шедъ вѣжду!» Слишалъ вопль содомскій, но не абіе подвижеся на гнѣвъ, аки бы не емля вѣри слуху аще и добрѣ вѣдяше истинну быти, ни на наказаніе грѣш-них абіе простре руку свою, даже сам пришедъ близъ узрѣ очима та, еже зряше издалече, яко да и мы вѣдѣніемъ паче неже слухомъ увѣраемся. О, коль мнози, паче же на владѣтельствах, велми согрѣшают, емлюще вѣру слуховѣ, не вѣдѣвше же очима, не испытавше извѣстно о дѣлѣ, и безгрѣшних всуждают вмѣсто грѣшних. Не осудилъ ли в темницу и узи чистаго и святаго отрока Іосифа Пентефрій во Египтѣ, скверной женѣ своей нань клеветар.шой, емши вѣру, а не испитавши! Великіи во царехъ Константинъ что сотвори, сина сво-его возлюбленнаго Криспа, добраго и неповиннаго и всѣми любимаго, уби сво-

ею рукою, его же мачеха Фавста именемъ оклевета ложнѣ, не получивши сквернаго желанія своего, уязвилася бо бяше красотою Крисповою, яко же египтяниня Іосифовою, не возмогши же сквернаго желанія своего улучити и привлещи того: не хотяше бо цѣломудренній юноша осквернити ложа отча, солга мужу, аки бы насилованна была от сина его, царь же не испитавъ, истинна ли ест, абіе погуби сина. Послѣди же увѣдавъ извѣстно о лжи, о, какъ болѣзноваше сердцемъ и плакаше и рыдаше и каяшеся о неразсмотреніи своемъ, но оживити убіеннаго невозможе, уби же и Фавсту, жену свою, повинну бывшу синовней смерти, — и сотвори единѣмъ временемъ двое убійствъ, неправедное и праведное, и лишися сина и жени, яко изначала емъ вѣру словеси, не испиташа о истиннѣ. Добрѣ Златоуст на властех сущія увѣщеваетъ, глаголя: «Не суди по мнѣнію твоему, прежде даже не увѣси, ест ли тако вещни же кого повинна твори абіе, но паче подражай Бога глаголюща, — Сошедъ да вижду!» Такожде и святій Григорій Бесѣдовникъ глаголет: «Богу, ему же вся нача и откровенна суть, грѣхи содомитовъ казнилъ есть, не яже слиша, но яже вѣдѣ». И святій Ісидоръ Пилусиотъ святаго Кирилла архиепископа, сродника своего, гнѣвавшаго неповѣннѣ на Златоустаго святого, увѣщавая, писа, яко «не разсмотривши праведно и не испитавши извѣстно, никого же судити подобаетъ, ибо и Господу Богу вся прежде...»

1914 г.

Столбец
горностаево

Мало уметь грамоте, надо и еще кое-что, надо своей рукой обвести те письмена русские, какие в прошлом нашем начертались русскими людьми, чтобы поверстать свою душу с душой народной и идти вместе с народом по его исконным думам, — делать русское дело.

Никогда не забуду, как однажды с Волги я увидел наш старый город в его красе колокольной — Романов-Борисоглебск.

— Так вот она какая Россия!

И подумал:

«Это надо, чтобы русские люди заглядывались, как я засмотрелся... и солнце в глаза бьет, и до боли рябит волна, а оторваться не хочется».

— Вот она, Россия наша!

XVII-ый век — век смуты и лихолетья, век Аввакума, огненных дум «Последней Руси», и разбойной вольницы, этот золотперстень русского народа, деяния которого сохранит столбец.

Столбец — это узенькие полосы бумаги, склеенные концами и скатанные в трубочку. Размер столбцов разный: попадают и такие, не длиньше нашей почтовой бумаги, а другой раз возьмется, и мерят — аршину не хватит, да и раскатать его негде, а если вверх подымать, с Ивановскую колокольню будет.

* * *

Предлагаемые столбцы относятся къ концу XVII века царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: Костромская отпись в прiемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ 1695 г. да другая Костромская опись 1694 г. да Отказная царская грамота на Вязьму 1692 г.

Отпись — отписка (квитанция) во взносе казенных сборов. Деньги ямские и полоняничные — окладной доход XVII в. Деньги ямские — ямская подать, деньги полоняничные — подать на выкуп пленных от татар; отделившиеся от денег данных (дань), эти подати слились с 1679 г. в одну податную сумму — по 10 денег с двора и поступали в Ямской приказ.

Обе костромские отписи — печати костромского воеводы стольника Никиты Лаврентьевича Усова. Сбор денег произведен с костромских помещиков Андронникова стану Костромского уезда с Алексея Ивановича Загорского (старца Гермогена) с его поместья-сельца Харина, да с Ивана Никифоровича Куломзина с его поместья деревни Ямы, двух братьев Семеонов Аристовых тех же Ям да с Осипа Михайловича Аристова с его поместья-сельца Зиновьева. Деньги платили крестьяне Родька Карпов и Костюнька Иванов. Принял деньги Логин Ключарев «костромскiе приказные избы подьячей», и Мишка Алферьев: Ключарев — 11 алт. 4 денг., Алферьев — 13 алт. 2 денг.

1 руб. = 33 алт. 2 денг. = 200 денг. = 100 коп; 1 алт. = 6 денг.; 1 руб. тогдашний равен 17-и рублям нашим (1884 г.) Охотнику задача: смекни, много-ль всего на наши будет?

Вяземский документ — отказная царская грамота из Поместного приказа вяземскому воеводе стольнику Роману Михайловичу Грибанову. В грамоте три части: в двух первых — изложение спорного дела, в третьей — указ.

В 1648 г. царем Алексеем Михайловичем дана была в поместье Юрию Бельскому земля в волоцком стану вяземского уезда. По смерти Юрия Бельского в 1675 г. земля перешла его сыновьям: Андрею, Федору и Павлу. Андрей и Федор померли и с 1681 г. землей Юрьевой стали владеть внуки Юрия: Алексей, сын Андрея, Павел, сын Федора, — и сын Павел. И владеть бы им тихо и смирно, да дознался кто-то, что в вяземских писцовых книгах 1594—1595 гг. земля их — пустошь Колобово съ пустошами записана, да не теми именами, и что подали они челобитную о земле той, под другим названием, себе в поместье, подали челобитную и живут прохлаждаются. А жили на Москве капитан стрелецкий Иван Рогульский да стряпчий конюх Назар Стогов, и было им чего-то от царя не додадено, воспользовались они случаем и тоже челобитную подали: дай ему Бельскую землю им в поместье! Дело слушалось в Поместном приказе и вышел указ, по которому, как ни поверни, а Бельские останутся с носом.

Грамоту справил дьяк Иван Обрютин. А письмо московское руки Матюшки Горностаева — бо-ольшой писать мастер!

1

Отпись въ пріемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ съ помѣстья Алексѣя Ивановича Загорскаго

10 декабря 1695

Лѣта 7204-го (1695), декабря въ 10 день, по указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцевъ, столникъ і воевода Никита Лаврентьевичь Усовъ велѣлъ взят в их великих государей казну, въ Ямьской приказ, ямьских и полоняничныхъ денегъ с крестьянских и з бобылских, по десяти денегъ з двора, на нынѣшней 204-ый (1695) годъ Андронникова стану с помѣстья отставного Олексѣя Іванова сына Загорского с селца Харина з деревнями, с семи дворов, денегъ одиннатцать алтын четыре денги.

Платил крестьянинъ Ротка Карповъ.

Къ сей отписи столникъ і воевода Никита Лаврентьевичъ Усовъ печат свою приложил.

Принял Логгин Ключарев.

*

2

Отпись въ пріемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ сь помѣстій Куломзина и Аристовыхъ

23 ноября 1694

Лѣта 7203-го (1694), ноября въ 23 день, по указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцевъ, столникъ і воевода Никита Лаврентьевичъ Усовъ велѣлъ взять въ ихъ великихъ государей казну, въ Ямьской приказъ, ямьских и полоняничных денег с крестьянских и з бобылскихъ, з двора по десяти денег, на нынішней 203-й (1694) годъ Андронникова стану с помѣстей Івана Микиѳорова сына Куломзина з жеребья деревни Ям съ трехъ дворов, да Семена Болшева да Семена Меншаго Савиных детей Аристова, да тое ж деревни Ям, с трехъ дворов, да того ж стану с помѣстья Осипа Михайлова сына Аристова с селца Зиновьева, да з деревни Ям с одного двора, всего с осми дворов денегъ тринатцат алтынъ две денги.

Платил крестьянин Костунка Іванов.

К сей отписи столникъ і воевода Никита Лаврентьевичъ Усов печат свою прнложил.

Принял денги Мишка Алѳерьев.

*

3

Отказная грамота царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича на Вязьму стольнику и воеводѣ Роману Михайловичу Грибанову объ отказѣ за капитаномъ московскихъ стрѣльцовъ Иваномъ Ивановымъ Рогульскимъ и за стряпчимъ конюхомъ Назаромъ Исаевымъ Стоговымъ помѣстья Бѣльскихъ — пустоши

Колобова съ пустошами въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ волоцкомъ стану.

17 февр. 1692

От великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцевъ в Вязму столнику нашему і воеводе Роману Михайловичю Грибанову.

Въ прошлом во 155-мъ (1647) году июля въ 31 день послана отца нашего великихъ государей блаженные памяти великаго государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца грамота въ Вязму къ столнику і воеводе ко князю Івану Хилкову, да к Ивану Загряскому, да къ діаку к Богдану Обобурову по челобитью вязметина Юрья Юрьіва сына Бѣлского, а велено имъ въ вяземской уѣздъ въ волоцкой стан послат, кого пригож, и сыскат болшимъ повалным обыском многими людми, да будет в обыску многие люди скажут, что въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустош Колобово, пустош Хоярково, пустош Буйново, пустош Хмелевая есть і лежать порозжи, въ помѣсье і въ вотчину никому не отданы нихкакимъ землямъ не приписаны і не владѣет ими нихто, и тѣ пустоши велено измѣрит въ десятины і написат въ книги, да тѣ книги і обыски за руками велено прислат къ Москве въ Помѣсной приказ. А въ обыску тритцат человѣкъ сказали: въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустош Колобово, пустош Хоярково, пустош Буйново, пустош Хмелево лежат въ порозжих землях, въ помѣсье і въ вотчину никому не отданы и нихкаким землям не приписаны. А въ описных і мѣрных книгах вязметина Савеліа Соломохина 156-го (1647) году ноября въ 17 день написано: описано і змерено въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустош Колобово — полторы десятины, пустош Хоярково — полтретьи десятины*, пустош Буйнова — двѣ десятины, пустош Хмелевая на рѣчке на Милоховке — полторы десятины, всего четыре пустоши, а въ них пашни из десятин положено двенатцат четьи въ поле, а в дву по тому ж**.

* «Полтретьи десятины» — 2 ½ дес.

** «А въ дву потому жъ» — означает трехполье. Мера земли — четь. Четь = ½ десятины = 1200 кв. саж. «Двѣнатцать четей в поле, а въ дву потому жъ» — значит, в каждом из трех полей (озимь, ярь, пар) по 12 четей, и всего — 36 четей или 18 десятин.

Да въ прошлом же во 156-мъ (1648) году іюня въ 21 день послана отца ж нашего великихъ государей блаженные памяти великого государя грамота въ Вязму къ столнику і воеводе ко князю Івану Хилкову да къ діаку къ Богдану Обобурову, а велено имъ въ вяземской уѣздъ въ волоцкой станъ на пустош Буйново, на пустош Хоярково, на пустош Хмелевую послат сына боярского добра, которой от службы отставлен, да тѣ пустоши – а въ них пашни и перелогу по мѣрнымъ книгамъ вязметина Савы Соломохина на двѣнатцат четей въ поле, а в дву по тому ж – велено отказат вязметину Юрію Белскому въ помѣсье со всѣми угодьи и написать в книги, да тѣ книги за руками велено прислат къ Москве въ Помѣсной приказ. А в отказных книгах отказу вязметина Петра Русинова 157-го (1648) году сентября въ 12 день написано: отказано вязметину Юрью Юрьеву сыну Белскому въ вяземском уѣзде въ волоцкомъ стану пустош Колобово, а на ней были два двора крестьянских – пашенные земли перелогом и овсом поросло три четьи, лѣсу непашенного около тоѣ пустоши на версту, сена по рѣчке по Милоховке четыре копны*, пустош Хояркова на рѣчке на Милоховке, а на ней были три мѣста дворовых крестьянских – пашни паханые четь, да перелогом и овсом поросло пашенные земли четыре четьи, лѣсу непашенного на полверсты, сена по рѣчке по Милоховке по обѣ стороны пять копенъ, пустош Буйново, а на ней были два двора крестьянских – пашенные земли перелогом и лѣсом поросло четыре четьи, лѣсу непашенного на полверсты, пустош Хмелевая на рѣчке на Милоховке, а на ней был двор крестьянской – пашни паханые четь, да перелогомъ и овсом поросло две четьи, лѣсу иепашенного на полверсты, сѣна по рѣчке по Милоховке по обе стороны три копны, і всего четыре пустоши, а въ них пашни и перелогу двенатцать четьи въ поле ж, а в дву по тому. И во 183-мъ (1675) году маія въ 3 день то Юрьево помѣсье Белского – пустош Колобово с пустошми, а въ них пашни двенатцат четьи въ поле, а въ дву потому ж, с ыными ево, Юрьевыми помѣсьи Белского, дано дѣтям ево Андрею, да Ѳедору, да Павлу Белскимъ по четыре четьи человѣку въ помѣсье ж против ихъ полюбовного раздѣлу и за ручной челобитной и допросу. А Юрья Белского въ прошлых годѣх не стало. А Ѳедорово помѣсье Белского, его трет – четыре четьи с ыными ево помѣсьи во 189-мъ

* Мера луговой площади – 1 десятина = 10 копен.

(1681) году дано женѣ ево вдовѣ Марье, да сыну ево Павлу. А Федора Белского во 188-мъ (1680) году не стало.

Да били челом намъ, великимъ государемъ, капитанъ московскихъ стрельцовъ Іванъ Івановъ сынъ Рогулской, да стряпчей конюхъ Назаръ Ісаевъ сынъ Стогов нашего, де великихъ государей, жалованія: велено за ними по окладу учинит помѣсья — за Іваномъ на шестьсот четей, а за Назаром на сто на пятдесят четьи; и за нимъ, де, Іваном помѣсья въ Муромѣ, въ Вязме, в Арзамасе — восмдесят четыре четьи с осминою, а за Назаром помѣсья нѣт нигдѣ і не додано, де ему, Івану, въ оклад пятисот пятнатцати четьи с осминою. А въ прошлом, де, во 156-мъ (1648) году дано Юрью Юрьеву сыну Белскому по обыском ис порозжих обводных земел въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустош Колобово, пустош Хмелевая, пустош Хояркова, пустош Буйново, і въ прошлыхъ, де, годѣх Юрья Белского не стало, а то ево помѣсье во 183-мъ (1675) году дано дѣтям ево Павлу, да Ондрею, да Федору Белскимъ, і въ прошлом, де, во 188-мъ (1680) году Ѳедора Белского не стало, а то ево помѣсье — ево трет во 189-мъ (1681) году дано сыну ево Павлу Белскому, і въ прошлыхъ же годѣхъ Андрѣя Белского не стало ж, а тѣмъ ево помѣсьемъ владѣетъ сынъ ево Алексѣй Белской, не справя. А в вяземских, де, книгах писма і мѣры Василья Волынского с товарыщи 102-го (1594) и 103-го (1595) году тѣ пустоши написаны въ том же волоцком стану въ порозжих землях іными імяны: Івановского помѣсья Голохвастова пустош Колобово — пустошью, что была деревня Захара Беликова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке, пустош Хояркова — пустошью, что была деревня Харланово, Михалевская, Терляево тож, пустош Хмелевая — пустошью, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, пустош Буйново — пустошью, что была деревня Пусковская, Губино, Буйново тож. І въ прошлых, де, во 197-мъ (1689) і во 198-мъ (1690) годѣхъ въ розных мѣсяцех і числѣх били челом нам, великимъ государемъ, Андрѣй Михайловъ сынъ Хрулев, да Іван Сергѣев сынъ, Павелъ Юрьевъ сынъ, Алексѣй Андрѣевъ сынъ, Павелъ Федоровъ сынъ Белскіе, да Ѳедор Іванов сынъ Івинской о тѣхъ же пустошах по писцовым книгам себѣ въ помѣсье, и они, де, бив челом о тѣхъ пустошах, за дѣлом не ходят многое время, а тѣ,

де, пустоши, по писцовым книгам, лежат порозжи, въ помѣсье і въ вотчину і на оброкъ наперед сего никому не отданы і въ вотчину ж не проданы і к нашим, великихъ государей, къ дворцовымъ селамъ и къ черным волостямъ і къ ямскимъ и къ стрелецким слободамъ і къ монастырскимъ і к церковнымъ і къ иным нихкаким землям не приписаны, а владѣют, де, тѣми пустошми по обводной даче Павел Юрьев сынъ, Алексѣй Андрѣевъ сынъ, Павел Федоров сынъ Белскіе, а опричь их нихто не владѣетъ, и нам, великимъ государемъ, пожаловат бы их велет тѣ пустоши дат имъ въ помѣсье.

А въ списку съ вяземских приправочных книг писма и мѣры Василья Волынского с товарыщи 102-го (1594) и 103-го (1595) году въ волоцком стану въ порозжих землях написано — Івановское помѣсье Петрова сына Голохвастова пустош, что была деревня Захара Белѣкова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке пашни перелогом и лѣсом поросло въ кол і въ жердь средние земли* шеснатцат четьи въ поле, а въ дву по тому ж, сена двѣсти копен, лѣсу непашенного рощи две десятины; пустош, что была деревняХарланово, Михалевская, Терляево тож, на ней мѣсто дворовое пашни перелогом восмь четьи, да лѣсом поросло в кол і въ жердь середние земли двѣнатцат четьи въ поле, а в дву по тому ж, сена сто копен, лѣсу пашенного рощи две десятины; пустош, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, на ней три мѣста дворовых пашни перелогом средние земли пятнатцать четьи, да лѣсом поросло десят четьи въ поле, а въ дву по тому ж, сѣна пятдесят копен, лѣсу пашенного две десятины; пустош, что была деревня Пусковская, Губино, Буйново тож, на ней четыре мѣста дворовых пашни перелогом и лѣсом поросло въ кол і въ жердь середние земли тритцать пять четьи въ поле, а в дву по тому ж, сѣна десять копен, лѣсу пашенного кустарю десятина; всего четыре пустоши, а въ них пашни середние земли девяносто шесть четей доброю землею съ наддачею семъдесят семь четей въ поле, а в дву по тому ж.

И мы, великие государи, указали послат къ тебѣ нашу, великихъ государей, грамоту, велѣли сыскат болшим повалным

* *Земля* по качеству своему разделялась на худую, среднюю и добрую.

обыском многими людями пустоши, что написаны въ писцовых книгах и что даны во 156-мъ (1648) году из обводных земел Юрью Белскому, а ныне по дачам за сыном ево и за внучаты, однѣ ль тѣ пустоши или розные? Да будет в обыску многие люди скажут, что тѣ пустоши розные, а не однѣ, и тѣ пустоши, что написаны въ писцовых книгах, лежат порозжи, никому не отданы и спору не будет, отказат въ помѣсье Івану Рогулскому да Назару Стогову и сыскъ и книги прислат, а обводнымъ пустошам быть по дачам за Белскими. А буде в обыску скажут, что тѣ пустоши однѣ а не розные, и іхъ по тому ж отказат Рогулскому и Стогову, а обводную дачю по указнымъ статьям отставит, для того что тѣ пустоши даны были не тѣми имяны, которыми написаны въ писцовых книгах, а Павлу Белскому с товарыщи отказат, для того что, бив челом, не ходят многое время.

И какъ къ тебѣ ся наша, великихъ государей, грамота придет и ты б въ вяземской уѣздъ въ волоцкой станъ послал, кого пригож, а велѣл ему взят с собою тутошних и сторонних людей старостъ і целовалников и крестьян, сколко человѣкъ пригож, да въ том і около того стану велѣл ему сыскат накрѣпко болшимъ повал-нымъ обыском многими людми, дворяны и детми бояр-скими, приказщики и старосты и целовальники і крестьяны, по евангилской заповеди Господни, въ вяземском уѣзде въ волоцком стану по писцовым книгам Івановского помѣсья Петрова сына Голохвастова, пустош, что была деревня Захара Белѣкова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке, пустош, что была деревня Харланово, Михалевская, Терляево тож, пустошь, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, пустошь, что была деревня Пусковская, Губина, Бойново тож, і что даны во 156-мъ (1648) году из обводных земел Юрью Белскому, а ныне по дачам за сыном ево за Павлом, да за внучаты ево за Олексѣемъ, да за Павлом Белским въ волоцъкомъ стану пустош Колобово, пустош Буйново, пустош Хоярково, пустош Хмелевая, — однѣ ль тѣ пустоши или розные?

Да хто, что про то про все в обыску обыскные мъногие люди скажут, и ты б тѣхъ обыскных людей имена и рѣчи велѣл ему написат на список, да къ тому обыскному списку обыскнымъ людем, которые грамоте ꙋмѣют, велѣл имъ руки свои прило-

жит, а которые обыскные люди грамоте не умѣют, и ты б въ их мѣсто велѣл ему руки приложит отцемъ их духовным или кому они въ свое мѣсто руки приложить вѣрят, а тем обыскнымъ людем велѣл ему, обыщику, сказат имянно, чтоб они в обыску сказывали правду, другу не дружа, а недругу не мѣстя никоторыми дѣлы, да и обыщику, приказат і въ наказную ему памят написат против нашего, великих государей, указу і уложенія с подкрѣплением, чтоб обыскивал правдою ближними околными многими людми сряду, а не выбором і не далными людми, отставя ближних, околних людей, норовя кому по посулом или для дружбы или для какой своей недружбы, а обыскных людей велѣл ему, обыщику, допрашивать по святѣй непорочной евангилской заповеди Господни, еже есть всѣх на лицо по-рознь, а не за очи, а за очи никово в обыскъ писат не велѣл, а буде обыщикъ учинит или обыскные люди в обыску скажут неправду, а сыщетца про то до-пряма, и обыщику и обыскнымъ людем быт от нас, великихъ государей, в болшой пене і въ жестоком торговом наказанье безо всякие пощады.

Да будет в обыску обыскные многие люди скажут, что тѣ пустоши, которые написаны въ писцовых книгах въ порозжих землях, — пустош, что была деревня Захара Белѣкова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке, пустош, что была деревня Харланово, Михалевская, Терляево тож, пустош, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, пустош, что была деревня Пусковская, Губина, Буйново тож, и что даны во 156-мъ (1648) году из обводных земел Юрью Белскому, а ныне по дачам за сыном ево за Павлом, да за внучаты ево за Олексѣемъ да за Павлом Белскими, — пустош Колобово, пустош Хоярково на рѣчке на Милоховке, — розные, а не однѣ, и тѣ пустоши, что написаны въ писцовых книгах, лежат порозжи, въ помѣсье і въ вотчину и на оброк наперед сего никому не отданы, і в вотчину ж не проданы, и к нашим, великихъ государей, къ дворцовым селам і къ чернымъ волостям и къ ямским і къ стрелецкимъ слободам и къ монастырскимъ и к церковным і к иным нихкакимъ землям не приписаны, і не владѣетъ тѣми пустошми нихто, и спору не будет, и тѣ пустоши, — пустош, что была деревня Захарова Беликова, Колобово тож, с пустошми, а въ них пашни средние земъли доброю землею с наддачею

семьдесят семь четьи въ поле, а въ дву по тому ж, велѣл отказат капитану московских стрелцовъ Івану Іванову сыну Рогулскому да стряпчему конюху Назару Исаеву сыну Стогову по триццати по осми четьи с осминою* человѣку Івану къ муромскому, къ вяземскому, къ орзамаскому ево помѣсью, к осмидесят к четыремъ четям с осминою, въ их оклады, Івану въ шестьсот четей, Назару во сто въ пятъдесят четей, въ помѣсье со всѣми угодьи, а обводные пустоши — пустош Колобово с пустошми велѣт отставит за Павлом Юрьевым сыном, за Олексѣемъ Андрѣевымъ сыном, за Павлом Өедоровымъ сыном Белскими. А буде в обыску скажутъ, что тѣ пустоши однѣ, а не розные и ихъ по тому ж велѣл отказат Івану Рогулскому, да Назару Стогову, а обводную дачю по указнымъ статьям велѣл отставит, для того что тѣ пустоши даны были не тѣми имяны, которыми написаны въ писцовых книгах. Да что имъ на тѣхъ пустошах откажетъ мѣстъ дворовых і пашни і сѣна і лѣсу і всяких угодей и ты б то въсе велѣл ему написат в книгн подлинно, порознь, да тѣ книги и обыскной списокъ за руками тѣхъ людей, которые на отказе и на обыску будут, и за отказщиковою и обыщиковою, и ты, Роман, пересмотря, за своею руками прислалъ къ намъ, великимъ государемъ, къ Москве і велѣл подать въ Помѣсномъ приказе боярину нашему Петру Васильевичу Шереметеву съ товарыщи, а таковых книги и обыски за руками ж оставил въ Вязме в Съѣзжей избѣ впредь для вѣдома и спору.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7200-го (1692) февраля въ 17 день.

На дѣле помѣта дьяка Ивана Обрютина.

На обороте поперек:

В Вязму столнику нашему і воеводе Роману Михайловичу Грибанову.

Скрепа:

Ді-акъ Іван Об-рю-ті-нъ. Ставъ.

Подписъ:

Писал Матюшка Горностаев.

1914 г.

* Осмина — ½ чети — 600 кв. саж. Четверик — ⅛ чети.

Книжечка рукописная
болезное

В 1764 году изданы были «Духовные штаты», довершившие монастырское разорение. С 1786 года закон распространился на Малороссию, а до тех пор было там все в целости и невредимо, — и именины нежинского о. архимандрита прошли ни мало не омраченные.

О. Ефрем на высоком архипастырском празднике не был: простой иеромонах, к старейшей братии Ефрем не принадлежит, о. Ефрем — «низкая душа», на горы не вхож. Но лазейка туда у него есть: там, на горах есть ему друг — сам кафедральный писарь о. Воронковский.

Просвещенного о. Иакова Воронковского соединило с о. Ефремом книжное почитание. К книге у о. Ефрема страсть, и из всей братии только перед Ефремом раскрывает о. писарь свое древлехранилище. В последний раз, а это было еще на масленице, о. писарь показал Ефрему рукописный сборник. Что это за сборник: «Тайная тайнъ?» — а может, «Троянова бытія?» — а может, «Веселейлъ» (Скинія Божія)?.. Искусный в хитрогласнице, о. писарь готов был на книгах потерять весь голос, и о. Ефрему уходить не хотелось.

На праздниках о. Ефрем простудился. Всякий день на Святой неделе после обедни обносят с крестным ходом артос вокруг церкви, тут о. Ефрем и простудился. И теперь он лежал в лихорадке и в глазах темнело — голова кружилась, койка кружилась, келья и монастырь, и город. Братии он не свой, и его никто не хватился, и некому придти к нему посидеть в его келье. Забыл и сам писарь о. Воронковский. А что бы ему с келейником своим с паном Михайлом удосужиться ту самую книжечку рукописную прислать: книжечка эта вернее печи самой жаркой и лучше всяких лекарств!

Есть в старинной рукописной книге свой особый дух, особенный — ладанный: обернешь лист и почуешь его, из корешка идет... араматоуханный. Лучше всяких лекарств! Принес бы ему пан Михайла эту книжечку, да и еще чего-нибудь. Жажда его измучила, хоть бы кисленького чего!

А там, за окном шумит Остер, шумит, — полноводная, подливает половодьем под недоступные унежские башни.

*

†
Высокопреподобнѣйшему Господину
Отцу Писару Катедралному,
Милостивому Отцу и
Добродѣевѣ Моему,
Его Высокопреподобію Господину
Воронковскому
— всепочтеннѣйще —

Высокопреподобнѣйшій Господинъ отецъ писаръ катедралный, милостивій добродѣю мой!

Я вчера безъ мала не умеръ, цѣлые сутки то въ жару, то въ морозѣ смертно страдалъ шестью параксисмами, теперъ же минѣ будто на похмѣлье: и голова крутиться, и келія крутиться, и монастиръ крутиться, и городь крутиться, и свѣтъ весь на вспакъ сонця вернется. Думка думку пошибае, чимъ бы сему злу запобѣгти, да и розуму прибрать не могу, понеже то рѣчь дорогая, а мы люде убогій. Спасетъ же его Господь, отца Архімандрита нашего, что мене и не оставляеть, да минѣ часто трудить Господина и грѣхъ и соромъ.

Вспомнѣлъ я, что минѣ чи снилося, чи то и вправду Вы комусь въ праздникъ именинъ Архіпастирскихъ изволили говорить со удивленіемъ: чему то я и очей на горах ваших не появлю? А минѣ далеко и барзо дивнѣйше, чему-б то пану Михайлу вашему за вѣдомом и благословеніемъ Вашим не посѣтити мене странного и болного и печалного, а трудъ бы его не въ оцет змѣнился, и праця его святая не такъ, якъ у воду, — минѣ бъ принеселъ книжечку от Вашего Высокопреподобія тую оную рукописную, а може, и еще що далъ бы ему Богъ на розумъ. А я бъ его благости и щедролюбію улѣпивъ писаночку, якую Богъ здарилъ, а Ваше Высокопреподобіе, яко моего дражайшаго благодѣтеля и отца, часто сердечно поздравилъ бы праздником свѣтлым, желая Вашему Высокопреподобію благодати, яко нужнѣйшаго пособія в трудах Ваших непрестанных, милости, яко желаемыя отради въ печалех Ваших, и мира чистосердечнаго на все Богоугодное житіе Ваше, которое да будетъ многолѣтно:

Здравствуйте!
Вашего Высокопреподобія
всеодолженнѣйшій послушникъ
и всеискреннѣйшій всѣх-благ-желатель
Іеромонах Ефремъ.
1765 года, Априля 4.

1913 г.

Бахусова пещера умученнаго отъ трактирныхъ и блиліарныхъ трудовъ и подвиговъ печерскаго инока Епифанія на позоръ и ангеломъ и человѣкомъ трагедія *расчетное*

Одним из источников монастырских доходов с конца XVI-го века и по конец XVIII-го рядом с поминовением усопших, святым маслецом и водицей был, не поверите, скажу: и кабак. В Великой России кабак, в Малороссии — шинок, одно и тож.

По реестру 50-х годов XVIII века за подписью секретаря Алексея Фотеева и канцеляриста Козлова, подлинную копию с которого «зводилъ Кіевовидубицкаго монастыря писаръ иеродіаконъ Моисей», шинков, построенных от киевских монастырей, числится целая дюжина.

«От Софейскаго: за Лвовскимы воротами — 1 шинкъ, близъ рощы — 1 шинкъ. От Ныколаевского: от Печерской крѣпосты к Кіеву по правую сторону промеж казенныхъ кабаковъ — 2 шинка, под горою где живутъ горшечныки, близ казенного жъ кабака — 1 шинкъ. От Мыхайловского: близъ церквы Покрова Богородыцы — 1 шинкъ, а другой внутри того жъ монастыра, третей на Крещатыке блызъ долбиловыхъ заводовъ, да за Лвовскими воротамы — 1 шинкъ. От Выдубыцкого: на Неводныцкой прыстанѣ блызъ того жъ казенного кабака — 2 шинка, на Зверинце — 1 шинкъ».

И сама Киевская Лавра, что греха таить, не уступала прочим монастырям, и у первостатейной святой обители были свои «крайне порочные и преисполненные соблазновъ для монаше-

скаго чина учрежденія», — шинки (в 1750 г. — 2, в 1756 году — 5), да трактиры с биллиардами.

Печерский инок о. Епифаний назначен был в лаврский трактир трактироправительствовать под Киев в Васильков город, принадлежащий с 1680 года и по 1785-ый Киевской Лавре. Этот Васильков, древний Василев, на реке Стугне, пограничный и таможенный, кишел всяким людом, да еще по тому времени в турецкую первую войну (1764—77 гг.) был и военным трактом. И в такое-то горячее время Епифаний вступил в свое командование, и командовал за страх и совесть целых десять месяцев, а затем был изгнан.

К преподобному Исакию печерскому, первому нашему русскому угоднику, принявшему высочайший подвиг юродства, бесы всего раз приходили в пещеру и плясать принуждали в своем хороводе бесовском, и преподобный Исакий поддался бесовскому мечтанию. А в Василькове на большой-то дороге, на армейском тракте за десять месяцев дня не проходило без соблазнов, — там, в лаврском трактире, не только какие, а сама «богоненавистная троица — веселый Бахусъ, гремящій Юпѣтеръ и забавная Венера» денно и нощно торжествовали, где уж там совладать с собою и не пасть в пожирающие души и телеса челюсти!

О. Епифаний, должно быть, не совладал, в чем-нибудь таком о. Епифаний попался, пал и был устранен от командования, а попросту прогнали его, умученного, да еще и под запрещением оставили: ни в Лавру не смей возвращаться, ни в город выйти!

И вот, по вине и без вины обиженный, сидя в заточении васильковском, о. Епифаній после подачи расчетной ведомости васильковскому соборному старцу о. Леонтию, решился написать в Киевскую Лавру — к духовной своей предводительнице себе в оправдание и вывести из вечного забвения вместе с «аккуратнымъ» расчетом позорные подвиги и труды бахусовой пещеры.

Жалко слушать пойманного опозоренного умученного инока, и жалко и жалобно: ведь, он только сено, а кабак — огонь, и не виноват он, что огонь его сжег, как и огонь не виноват, что огонь жжет, а вся вина на том, кто огонь с сеном соединил!

И поверят ли ему или не поверят, но он денег никаких не крал, он своих приложил еще из своего бедного имущества —

63 р. 34 к. И верует, что его простят и дадут ему грех его замолить, ну, а если не поверят, так пусть же знают о том, о чем стыдно честным людям и говорить, и сохранять сынов своих от такого преступного позора.

* * *

Въ Кіевскую Лавру
от монаха Епифанія
рощетное доношеніе!

При перемѣнѣ моей от командованія лаврскимъ василковскимъ трактиром, въ поданной от мене въ Василковѣ соборному старцу отцу Леонтію о приходахъ и росходахъ трактирныхъ вѣдомости, за скоропостижност оной востребованія, запамятовалъ я показат по трактиру нижеслѣдующаго росходу:

1-е — прошлого 1771 году лѣтнымъ временемъ взято у меня въ Лавру до келіи пастырской келейнымъ монахомъ Іоанафаном аглицкого пива сто бутиліокъ, цѣною по 52 к., и того — 52 р.

2-е — бывшимъ при продажѣ трактирныхъ припасовъ наймитам заплачено по договору Ивану Елисееву въ разсужденіи особливых его по новости трактира бывшихъ трудовъ за два мѣсяця по 10 р. на мѣсяцъ, Афанасію Дембровскому за сѣмъ мѣсяцовъ по пяти рублевъ на мѣсяцъ, Ивану Иванову за одинъ мѣсяцъ пять рублей, итого всѣмъ троимъ — 60 р.

3-е — за дрова и свѣчи въ трактиръ, чрезъ десятомѣсячное время покупаемые — 17 р.

4-е — за покупной для издѣлки въ трактирѣ новой печи свинецъ и за краски на кахли — 3 р.

5-е — прежде — бывшему трактирщику Федору Карпову за здѣланные имъ въ трактиръ стекляные окошки, и за выбѣленіе внутрѣ трактира и за бумажные во ономъ обои и за подчинку старой трубы заплачено — 25 р.

Всего — 157 р.

А какъ по присланному ко мнѣ нынѣ изъ Лавры святой ордеру значится, что по щету находится на мнѣ лаврского долгу съ трактирными прибылями полагаемаго — 521 р. 32 к., такъ покорнѣйше прошу оные, в правилно по трактиру расходи со-

стоящіе — 157 р. ись той щисляемой на мнѣ Лаврой суммы исключить. А затѣмъ останется на мнѣ начитаемаго трактирного долгу — 364 р. 32 к., которые я и заплатить бы долженствовалъ, естли бы не потераны были на воинскихъ и таможенныхъ чинахъ за набранные ими напитки трактирные денежные долги, которыхъ число по подданнымъ отъ меня при смѣнѣ реестрамъ состояло въ 627 рубляхъ 88 копѣйкахъ.

Но какъ оное долговъ потераніе послѣдовало по причинѣ учиненной мнѣ от трактира скоропостижной перемѣнѣ, не давъ время къ распродажѣ заготовленныхъ мною трактирных припасовъ, ни къ собранію тѣхъ долговъ, да и опосля того не учинено мнѣ въ собраніи оныхъ никакого от Лавры допоможенія, какъ бы уже то до Лавры и не принадлежало, такъ я въ том долговъ потераніи и причиною не состою, но вся причина въ сем потераніи от самой Лавры послѣдовала.

Не давать же трактирныхъ припасовъ въ долги никак было невозможно, и нигдѣ не упователно сыскат такого трактирщика не толко въ монахахъ, но и въ мирскихъ, чтоб все трактировалъ на готовые денги, а долговъ бы не было. Колми паче мнѣ, въ монашескомъ образѣ, василковской трактиръ въ военное время и на главном армейском трактѣ управляющему, безъ тѣхъ долговъ въ такомъ знаменитомъ трактироправительствѣ обойтись никакого способу не было, поелику трактирные посѣтители были почтенные офиціями и по большой части армейскіе, и въ трактирѣ всегда торжествующіе, и въ случаи подпилости, а паче какъ войдутъ чрезъ игру біліарную въ азартъ, а денегъ на напитки не достанетъ, и потребуютъ оныхъ въ долгъ, такъ и за страхъ принуждено было давать, сохраняя свой животъ, какъ свидѣтелствуютъ тогдашную ихъ смѣлость бывшіе трактирщики и трактирный поставецъ, что многократно гонясь за трактирщиками, въ долгъ давать нехотѣвшими, двери у поставца и самой оной шпагами порубили и покололи. Да и я не одинъ разъ принужденъ былъ от такихъ случаевъ бѣгомъ спасатся; однако, доколѣ еще был при трактирѣ, тѣ долги безъпрекословно платили.

По перемѣнѣ же меня съ трактиру, хотя и дано мнѣ было нѣсколко время для съѣзду въ Василковъ за тѣми долгами, но время сіе было уже безвременно: должники трактирные, видя меня от команды презрѣнна и без всякой помощи оставленна,

требованій моихъ о тѣхъ долгахъ и слышать уже не хотѣли, но паче еще и укорительную принужденъ былъ принять от них срамоту и ругательные насмѣшки:

— Ахъ, де, монахи печерскіи, какъ, де, они нынѣ стали ревниви, вмѣсто, де, святыхъ пещеръ усердствують трактирами и біліарамъ, гонясь, де, за прибылями, свою пристойность позабыли. Не послѣднее ли, де, уже пришло время, что взялись монахи за трактирно бремя, весма, де, ето жалко, что святая ихъ душа здѣлалась соблазном для трактирнаго барыша. Не трудитесь, де, отецъ святой, больше, перестанте огорчать трактирными вашими промыслами, естли, де, хочете быть цѣлы, намъ, де, и такъ от карантиновъ и от ранъ непріятельскихъ тошно!

И что мнѣ тутъ осталось уже дѣлать! Но только ли защищатся самимъ студомъ, прибѣгая подъ покровъ Кроткого Давида, и мысленно съ нымъ глаголя:

«Студъ лица моего покри мя, и поношеніе поносящихъ ми нападаша на мя!»

Но мало мнѣ пособствовала тогда етая святая Богословія, со всѣмъ тѣмъ нѣкоторые съ ныхъ дерзкіе хотѣли было для вѣчной трактирной памяты напоить меня армейскимъ пивомъ, но человѣколюбіе Божіе предостерегло меня от того ихъ дерзкаго предпріятія. Были въ числѣ тѣхъ компанистовъ отличнѣйшіе скромностію и сожалитѣльнѣйшіе, и свободили меня пред своими товарищами от той смертоносной крайности, извинив такими словами:

— Вить, де, онъ не виноватъ, что Лавра трактирщикомъ его здѣлала, и къ такому позорному пути дверь ему отворила, вить, де, сѣно само не горитъ, когда огня не подложатъ, да и огонь, де, не виноватъ, что сѣно сожжетъ, но вся вина причитается тому, кто съ сѣномъ огонь соединитъ!

Но, слава Богу, вскорѣ после того смертоноснаго предверія получилъ я от той трактирной срамоты избавленіе и жизненную отраду, данъ мнѣ пастирской ордеръ, чтобъ не толко уже въ Василковъ, но ни за Печерскъ не отлучатся, а между тѣмъ и трактирные должники, Богу путь ихъ управляющу, разъѣхались въросзнь, и иные въ армѣю, а иные въ Великороссію, другіе же въ страны другіе въ мѣста неизвѣстные.

Однако жъ при всѣхъ тѣхъ трудныхъ обстоятелствах собралъ я исъ трактирныхъ долговъ —

съ таможенного досмотрщика Ивана Константинова — 50 р.

съ Афанасія Дембровскаго — 50 р.

съ бригадира Ивана Евфимовича господина Дарагана — 32 р. 90 к.

съ оберъ-обезчика Семена Потемкина — 35 р.

да разныхъ мелочныхъ должниковъ — 12 р. 10 к.

Итого — 180 рублей.

А затѣмъ оставшіесь въ невзисканіи по вышеписанным долговымъ реестрамъ на разныхъ должникахъ — 447 р. 88 к. трактирные долги, за усилнымъ ихъ споромъ и за неучиненіемъ мнѣ от Лавры въ том ни малѣйшей помощи и за розъѣздом тѣхъ должниковъ, дѣйствително пропали, въ числѣ коихъ не толко означенные Лаврѣ съ трактиру за расходами доводившіесь — 364 р. 32 к. погибшими состоятъ, но и моихъ — 83 р. 56 к. въ тотъ же трактиръ употребленные тамъ же пропали.

Да и что труднѣйшее для монаха и поноснѣйшее можетъ быть, какъ таковое спорных трактирных долговъ безвременное собраніе! Доволно о семъ ко увѣренію самаго Дембровскаго, что уже и реестри, и контрактъ его руки въ тѣхъ долгахъ доказываютъ, да и при посредственникахъ щетъ съ ным былъ производимъ и не малая ему от мене притом исъ тѣхъ долговъ уступка по домогателству посредственниковъ и прочихъ его сторону держащихъ учиненна, и вексель доброволно от него мнѣ на сто рублевъ написанъ, однако жъ совсѣмъ тѣмъ — 50 р. не платит, да еще и командирамъ своимъ подступио на меня клеветы произноситъ, какъ небезъизвѣстно о семъ и святой Лаврѣ. И когда уже такой документалной по трактиру долгъ для монашества къ полученію столко труденъ и безстудныхъ укоризнъ преисполненъ, такъ что остается думать о долгахъ безъдокументальныхъ, по настоянію трактирныхъ торжественниковъ почти принужденно на вѣру имъ даванныхъ?

Что уже принадлежитъ до вышеписанныхъ собранных долговъ — ста осмидесятъ рублевъ, то заплатилъ я из оных проименованнымъ въ прежней моей вѣдомости трактирным кредиторамъ за набранные въ трактиръ припаси — 159 р. 78 к., а прочіе — 20 р. 22 к. остались у меня, и за исключеніемъ оныхъ, остается пропалыхъ въ долгахъ моихъ денегъ — 63 р. 34 к.

А какъ оные пропалые съ причины лаврской трактирные долги составляютъ — 427 р. 66 к., то подлинно такова трактир-

ная гибель была бы Лаврѣ не безчувствителна, естли бъ не взискано въ Лавру василковскаго управителя заимообразно на трактиръ исъ тамошныхъ доходовъ тысячь — рублевой суммы. Но теперь, слава Богу, убитку Лаврѣ святой от трактиру уже нѣтъ, толко что бариши пропали, или, может быть, что Лавра святая какими либо средствами их еще и сищетъ, однако жъ, сіи бариши въ разсужденіи святой обытели и трактира и біліара, да и что самою оною потераны, сожалѣнія не суть достойны. Остается толко святой обытели желать, чтобъ трактирные и біліарные, преисполненные соблазновъ и для монашескаго чина крайне порочные, учрежденія, въ которыхъ принужденъ я былъ просвѣщатся въ монашеском образѣ, преданы были вѣчному забвенію, и не пошли бы въ дальнѣйшую публику.

Но что касается до меня, такъ я много сожалѣть долженъ, да и по гробъ мой забить сего невозможно, что я за тѣ потеранные съ причины лаврской трактирные бариши невинно подверженъ въ Лаврѣ презрѣнію и ненависти, что не уважается здѣсь той непристойности, которая со мною здѣлана, что, будучи я въ Лаврѣ святой печерской новоначалникомъ еще въ монашествѣ, не знаю, по какимъ указамъ и регламентамъ или же по свя-тым правиламъ въведенъ былъ въ такіе позорные бахусовой пещеры десятомѣсячные подвиги и труды.

Дивная поистиннѣ вещъ! Преподобному Исаакію одно толко въ святой пещерѣ от князей тмы искушеніе случилось, а я от бахусовыхъ подражателей въ той ихъ пещерѣ, и внѣ оной, волочась за трактирными промыслами, многократное искушеніе и посмѣшество принялъ. Того преподобнаго одинъ толко разъ тѣ враги, обманувши, привѣтствовали: «Нашъ еси, Исаакій, да воспляшетъ съ нами!» — а мнѣ трактирные торжественники многократно тѣмъ примѣромъ и прочими соблазнами посмѣялись. Нѣтъ тамъ славословія ни святой Троицы, ни святымъ, но безпрестанной тріумфъ проклятым славится. Тамъ денно и нощно оная Богоненавистная тройца — веселой Бахусъ, гремящей Юпѣтеръ и забавная Венера: и что можно найти для монаха безчиннѣе, какъ такое трактироправителство, въ каком я состоялъ под именемъ святаго послушанія, посланъ будучи на сіе от первостатейной святой обытели. Стыдно поистиннѣ честным людямъ о семъ и говорить да не можно жъ и утаить такой трагедіи, которая представлена была во мнѣ на позоръ и анге-

ломъ, и человѣкомъ, а потому и за особливой долгъ я почитаю донесть о семъ святой Лаврѣ, какъ духовной моей предводителницы, да вѣдаетъ святая Лавра, какое въ трактирахъ и біліарахъ благочиніе, и какая тамъ для обытелы слава, и какая командующимъ трактирами монаховъ почесть, и да сохранитъ прочее сыны своя от такого преступнаго позора. За симъ моимъ аккуратнымъ о трактирной должности ращетомъ не остаюсь я по трактирному послушанію должнымъ ни святой Лаврѣ, ни стороннным кредиторамъ.

А потому я имѣю право просить о возвращеніи мнѣ удержанного въ Лаврѣ купленнаго мною въ Полшѣ для трактиру венгерскаго пяти анталовъ вина, которым я долженъ раздѣлатся съ претендатором Яковомъ Покровскимъ, который давно уже меня за извѣстной долгъ истязуетъ. Да притомъ же прошу приказать мнѣ выдать и пропалые въ трактирныхъ долгахъ собственные мои — 63 р. 34 к., денги, кои вмѣстѣ съ прочими долгами и баришами потераны, какъ выше доказано, съ причины лаврской.

А такимъ образомъ и несчастному монашескому въ Лаврѣ святой новоизобрѣтенному трактирному и біліарному послушанію воспослѣдовать можетъ давно быть должной конецъ безъ далныхъ затрудненій, которые естли будетъ, не произведуть похвалы, развѣ посмѣшества и хулы, да и особливой въ разсужденіи венгерского важности, не изволила Лавра доволствоватся тѣмъ, что сперва какъ не умученъ еще былъ я трактирными въ Лаврѣ щетами и ненавистми, доброхотно себя представлялъ къ пополненію трактирной долговой гибели, съ лаврской же причины послѣдовавшей, изъ своего бѣднаго имущества, надѣясь на должную быть отъ Лавры помочь во взысканіи съ Дембровскаго и прочихъ трактирныхъ долговъ, и терпѣливо умалчивалъ о всѣхъ непристойностяхъ, которые мнѣ от сей святой обителы чрезъ трактироправительство случились: но возжелала еще Лавра святая трактирныхъ барышей, которые своею жъ причиною потерала и десятомѣсячно мучила для ныхъ мою жизнь различными щетами, и довела до такой аккуратности, какую принужденнымъ нашелся изъявить по правдѣ чрезъ сей ращотъ, однако жъ, непреминулъ еще сохранить ту скромность, что не изъяснилъ внутренные лаврскіе презенталные расходы, свидѣтельствую тѣмъ мое почтеніе свя-

той Лаврѣ, какъ благонадежной въ Дусѣ святом наставницѣ, въ которую пришелъ я быть монахомъ, а не трактирщикомъ, какъ извѣстно о томъ и Святѣйшему Синоду и Правительствующему Сенату.

Въ прочемъ, что непоспѣшно подношу сію ращетную аккуратность, можетъ меня святая Лавра извинитъ, что я, будучи умученъ от трактирныхъ и біліарныхъ трудовъ и подвиговъ, и от продолжающихся щетовъ и ненавистей и, вмѣсто спасенія, будучи приведенъ едва не въ развращеніе, принужденъ былъ лежать почти на смертной постелѣ, а чрезъ другихъ подносимаго сего моего ращету принимаемо не было, но, слава Богу, не хотящему смерти грѣшника, нѣсколко уже от того поосвободился, а притомъ не безнадежденъ, что и Лавра святая по свойственному ей о душахъ молитвенному попеченію не оставитъ до помогти благопріятными своими молитвами, и умилоститъ Божіе человѣколюбіе къ продолженію моей жизни, въ которую долженъ я каяться за моя погрѣшности, а паче за бывшіе въ трактироправителствѣ аще и принужденныя, благодаря Бога во всю мою жизнь, что сохранилъ мой животъ и избавилъ душу от тѣхъ челюстей, коими пожираются души и телѣса, долженствую о таком Его благодѣяніи хвалится предъ цѣлымъ свѣтомъ, гдѣ толко случай дозволитъ.

Къ подлинному ращетному доношенію
Монахъ Епифаній
руку приложилъ.
Декабря ... дня
1772 года.

1913 г.

Гадальные карты
волшебное

«Карты Сведенборга!» «Сведенборговския карты!» «Погадай ты на Сивенборге!» — слышал я с детства.

И такие карты волшебные были в Москве у моей матери.

Я не знаю, насколько верно приписывать эти карты мудрейшему теософу и духовидцу *Эммануилу Сведенборгу* (1688–1772), я лишь одно знаю, что *говорят* эти карты удивительно верно.

Мы жили на фабрике и помню, редкий вечер к нам в дом не заходил кто-нибудь из фабричных, черный, и жался на кухне:

— Марья Лександровна, погадайте!

Мать неохотно гадала.

Мало она во что веровала, но, кажется, этим своим картам «сивенборговским» она верила. По примерам ли на других, — я помню немало случаев, о которых говорилось и почему-то всегда шепотом, случаи, правда, были все несчастные — или ей самой нагадали они ее горькую долю, вот она в них и поверила.

В подлиннике эти карты с картинками. Я не видал подлинника. Я знаю только список: на лицевой стороне обыкновенных игральных карт рукой матери написан был толк картам необыкновенным. Дознаться, откуда она их списала, мне так и не удалось. Думаю, что русское происхождение их относится к 20-м годам прошлого века.

* * *

Колода — тридцать шесть карт. Перетасовав хорошенько, снять и класть на четыре ряда по девяти карт в ряд.

«Если карта, означающая особу (Гишпанецъ — мужчина, Амазонка — женщина), лежитъ въ серединѣ игры, т. е. имѣетъ съ обоихъ боковъ по четыре карты, то всегда служитъ добрымъ предзнаменованіемъ. Если же она въ другомъ мѣстѣ, то самыя важныя карты — надъ головою, внизу и съ каждаго бока по три карты. Если она лежитъ на краю въ первомъ ряду, то три съ боку и внизу. Если не на самомъ краю, то три съ боку, и съ другого сколько есть. Если она съ краю во второмъ и третьемъ ряду, то брать по три карты съ боку, вверху и внизу. Если въ послѣднемъ ряду, то брать всѣ карты, лежащія въ этомъ ряду».

Почтальонъ

Самое изображеніе, представленное на этой картѣ, показываетъ, что она должна означать письменныя извѣстия, получаемые нами отъ другихъ, въ отдаленіи отъ насъ живущихъ, особъ, съ которыми мы находимся въ сношеніи или по чувствамъ дружбы и любви или по родственнымъ связямъ и по дѣламъ нашимъ, предпріятіямъ и проч. Теперь надобно разсматривать, гдѣ лежитъ эта карта отъ означающей особу. Если надъ голо-

вою, то надобно ожидать радостныхъ, а если съ боку или внизу, то печальныхъ извѣстій; вообще, окруженная счастливыми или несчастными картами, она предвѣщаетъ сообразную имъ вѣсть.

Роза

Эмблема любви, цвѣтущаго здоровья и счастія. Но такъ какъ нѣтъ розы безъ шиповъ, то и она предвѣщаетъ разлуку съ любимымъ человѣкомъ, или какое-либо горестное событіе въ нашей жизни, если вокругъ нея лягутъ карты, угрожающія непріятностями; впрочемъ, когда она находится въ дальнемъ разстояніи отъ особы, то можно надѣяться, что печаль минуетъ насъ, и мы будемъ наслаждаться благополучіемъ.

Караванъ

Карта, изображающая караванъ, означаетъ дальнюю дорогу, хотя сопряженную съ нѣкоторыми непріятностями, но зато совершится по нашему желанію, и обѣщаетъ счастливое окончаніе начатаго. Вообще, если эта карта близко или далеко лежитъ отъ особы, предвѣщаетъ благополучіе, котораго однако же можно достигнуть не безъ затрудненія.

Воздушный шаръ

Эта карта, находясь прямо надъ особою, предвѣщаетъ полный успѣхъ во всякомъ дѣлѣ, задуманномъ съ доброю цѣлью; находясь сбоку, представляетъ нѣкоторыя препятствія, которыя будутъ преодолены, а снизу предсказываетъ, чтобы мы были осторожными къ окружающимъ насъ особамъ, которыя, стараясь показать намъ безкорыстное участіе, желаютъ только выпытать задуманное нами и воспользоваться нашею тайною. Тутъ должно помнить, что излишняя откровенность часто бываетъ намъ во вредъ.

Рѣка

Означаетъ счастіе, богатство и успѣхъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, если лежитъ надъ картою или сбоку Гишпанца, а если надъ Амазонкой, то счастливое и скорое замужество; если находится вдали или внизу отъ особы, то почти всегда предвѣщаетъ какую-либо потерю, происходящую отъ неожиданныхъ случаевъ.

Стрѣлокъ изъ лука

Если стрѣла, направленная изъ лука, обращена къ особѣ, то означаетъ благополучное достиженіе цѣли въ давно задуманномъ предпріятіи; если же она находится на противоположной сторонѣ, то представляетъ различныя препятствія, которыя можно разрушить, вооружившись непоколебимымъ терпѣніемъ, твердою волею и мужествомъ.

Тигръ

Карта эта означаетъ несчастіе, которое бываетъ большее или меньшее, смотря по разстоянію отъ особы: вблизи угрожаетъ измѣною, коварствомъ, неблагодарностью отъ людей, обязанныхъ намъ признательностью; вдали служитъ предвѣстницею домашняго несогласія, которое однако же скоро прекратится.

Филинъ

Эта карта почитается дурной предвѣстницей, впрочемъ, въ дальнемъ разстояніи отъ особы, означаетъ, что бѣда, угрожающая намъ, пройдетъ благополучно и для насъ снова настануть спокойные и свѣтлые дни.

Вѣнокъ

Для брачныхъ предвѣщаеть соединеніе брачными узами съ любимою особою, для пожилыхъ — безмятежную и пріятную жизнь посреди цвѣтущаго семейства, а также увѣряетъ въ искреннемъ расположеніи особъ, окружающихъ насъ.

Пушка

Означаетъ радостное событіе въ нашей жизни, а также преодолѣніе большихъ опасностей и торжество надъ коварными замыслами тѣхъ людей, которые завидовали намъ и старались повредить въ мнѣніи другихъ своими неблагонамѣренными наговорами.

Волкъ

Вмѣстѣ съ этой картою соединяется предвѣщаніе о тяжкой болѣзни, домашнихъ хлопотахъ, продолжительной разлукѣ съ

близкими намъ особами и враждебныхъ намѣреніяхъ со стороны нашихъ непріятелей; по мѣрѣ разстоянія отъ особы всѣ эти непріятности уменьшаются.

Павлинъ

Означаетъ пышность и почести иногда незаслуженныя, а также намѣреніе выказать себя передъ другими, хотя это не принесетъ намъ никакой пользы и даже подвергнетъ насмѣшкамъ. Если карта лежитъ надъ головою или сбоку отъ особы, то обѣщаетъ полученіе наслѣдства, или какое дѣло, которое должно принести намъ хорошую выгоду.

Бабочка

Предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ большой довѣрчивости къ людямъ, которые много обѣщаютъ, потому что обѣщанія ихъ несбыточны; эта карта совѣтуетъ намъ отказаться отъ предпріятій, привлекающихъ насъ своимъ ложнымъ блескомъ и впослѣдствіи заставляющихъ насъ сожалѣть о томъ, что всѣ наши старанія были напрасны.

Хамелеонъ

Самое изображеніе карты показываетъ, что мы окружены лицемѣрными людьми, въ отношеніи къ которымъ мы должны быть осторожны, чтобы не вмѣшаться въ какое-либо непріятное дѣло. Если она лежитъ далеко отъ особы, то означаеть, что вредъ, замышляемый противъ насъ другими, останется недѣйствительнымъ, и что мы избавимся отъ многихъ опасностей, готовившихся обрушиться надъ нами. Во всякомъ случаѣ эта карта причисляется къ несчастнымъ, если лежитъ вблизи отъ особы.

Слонъ

Означаетъ, что настойчивостью и твердостью нашего характера мы достигнемъ того, чего желаемъ. Если эта карта находится надъ головою особы или сбоку, то предвѣщаеть почести, повышеніе въ чинѣ и могущественнаго покровителя; для женскаго пола она означаеть согласіе родителей на бракъ съ человѣкомъ, котораго избрало сердце.

Комета

Когда эта карта выпадетъ надъ головою особы, то предвѣщаетъ счастливую будущность; въ одномъ ряду — блестящую женитьбу, а находясь внизу, предсказываетъ печаль и неблагопріятный путь.

Орелъ

Надъ головою или сбоку означаетъ выигрышъ процесса, занятіе важной должности и спокойную жизнь, которую мы будемъ проводить, какъ бы отдыхая на лаврахъ послѣ преодоленныхъ опасностей; внизу — предвѣщаетъ удаленіе отъ насъ тѣхъ особъ, которыя по своему значительному вліянію могли бы принести намъ большую пользу.

Голубь

Въ близкомъ разстояніи служитъ радостнымъ предвѣщаніемъ, а въ дальнемъ означаетъ потерю близкаго родственника или друга; вообще тутъ надобно смотрѣть, какими картами она будетъ окружена, и поэтому выводить свои заключенія.

Водопадъ

Представляетъ намъ блестящую будущность, удаленную отъ бурь и бѣдъ житейскихъ, если только мы сами не пойдемъ наперекоръ нашей судьбѣ и будемъ спокойно наслаждаться дарами ея.

Цвѣтникъ

Предостерегаетъ насъ, чтобы мы были осторожны въ выборѣ нашихъ удовольствій и старались покорять страсти наши разсудку, въ противномъ случаѣ карта эта предсказываетъ, что мы подвергнемся большимъ непріятностямъ, которыя сами же навлечемъ на себя.

Рыцарь

Если карта лежитъ близко отъ особы, то подаетъ надежду на сильнаго друга, который будетъ для насъ неизмѣннымъ помощникомъ и заступникомъ въ предстоящемъ намъ дѣлѣ; а если да-

леко, то означаетъ, что мы должны опасаться врага, который издавна питаетъ къ намъ вражду и ищетъ только случая, какъ бы повредить намъ и разстроить наше благополучіе.

Тройка

Означаетъ благополучный путь и пріятное свиданіе, если лежитъ близко отъ особы; въ дальнемъ разстояніи предсказываетъ горестное событіе, которое случится въ нашемъ семействѣ или у людей, соединенныхъ съ нами родственными или дружескими узами.

Хорекъ

Если эта карта ляжетъ близко отъ особы, то означаетъ какую-либо горестную утрату, которая въ скоромъ времени будетъ вознаграждена, или пропажу, которая отыщется: если она будетъ далеко, то отнимаетъ всякую надежду на возвращеніе потеряннаго.

Знамена

Въ ближнемъ разстояніи эта карта предвѣщаетъ радость и неожиданное свиданіе съ особами, возвратившимися изъ дальняго путешествія; надъ головою прямо или рядомъ означаетъ пріобрѣтеніе почестей и извѣстности по своимъ заслугамъ; если даже она окружена несчастными картами, то предсказываетъ благополучный исходъ изъ опасности и затруднительнаго положенія.

Арфа

Означаетъ пріятное препровожденіе времени въ веселомъ обществѣ, также то, что изъясненіе нашихъ чувствъ будетъ благосклонно принято предметомъ нашей страстной привязанности.

Астрологъ

Если она находится близко отъ особы, то предсказываетъ благополучіе и успѣхъ, а далеко — грозить бѣдствіями, для отвращенія которыхъ мы должны заранѣе предпринимать свои мѣры.

Сфинксь

Если эта карта каходится надъ головою или сбоку, то предвѣщаеть, что во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ будеть какъ бы сопутствовать намъ незримое и высшее существо, которое избавить насъ оть великихъ опасностей; если она выпадеть внизу, въ слѣдующемъ ряду, то заставляеть ожидать бѣдственной участи, оть которой мы избавимся съ помощью нашихъ друзей.

Пароходъ

Поблизости отъ особы означаеть, что дѣла наши, начавшія приходить въ упадокъ, по непредвидѣнному стеченію благопріятныхъ для насъ случаевъ, примуть счастливый обороть; но въ дальнемъ разстояніи предвѣщаеть, что мы по нашей оплошности и нерадѣнію лишимся большихъ выгодъ.

Ястребъ

Если эта карта ляжеть прямо надъ головою, то означаеть, что спокойствіе, которымъ мы пользуемся, вскорѣ будеть прекращено какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ, которое разразится надъ нами; въ дальнемъ разстояніи предзнаменуеть, что мы нашимъ благоразуміемъ предостережемъ себя оть опасности.

Тюльпанъ

Означаеть, что черезъ гордость нашу и неуступчивость мы нанесемъ себѣ большой вредъ, оть котораго однако же избавимся, если, оставивъ лишнюю самонадѣянность на себя, обратимся съ искреннимъ чувствомъ къ тѣмъ людямъ, которые безкорыстно желають намъ всякаго благополучія. Тюльпанъ есть также эмблема гордой и надменной красавицы, которая въ будущемъ — не обѣщаеть намъ счастья, а также честолюбиваго мужчины, которому чуждо семейное благополучіе.

Маякъ

Если онъ вблизи освѣщаеть своими лучами, то предзнаменуеть благополучный путь и означаеть, что мы удачно выпутаемся изъ затруднительныхъ обстоятельствъ; въ дальнемъ разстояніи

онъ служитъ предвѣстникомъ, что впереди на жизненномъ пути еще не одна бѣда ожидаетъ насъ.

Левъ

Предвѣщаетъ сильную защиту въ трудномъ дѣлѣ и исполненіе просьбы, съ которою по обстоятельствамъ нашимъ придется обратиться намъ къ лицу, могущему имѣть вліяніе на перемѣну судьбы нашей къ лучшему. Эта карта всегда служитъ эмблемою мужества, неустрашимости и вообще тѣхъ качествъ, какими отличается изображаемое на ней животное.

Шлемъ

Находясь надъ головою особы, означаетъ, что въ борьбѣ съ различными обстоятельствами въ жизни мы останемся побѣдителями и, наконецъ, достигнемъ того, что было издавна предметомъ нашихъ желаній и надеждъ; дальнее разстояніе предвѣщаетъ, что по нашему малодушію и робости характера мы испытаемъ большія превратности въ нашей судьбѣ.

Фазанъ

Эта птица, обладающая красивѣйшими перьями и непріятнымъ голосомъ, означаетъ, что много блестящихъ случаевъ будетъ намъ представляться въ жизни, но мы не сумѣемъ воспользоваться ими по небрежности нашей или по другимъ причинамъ.

Гишпанецъ

Амазонка

1916 г.

Странник
пророчественное

Года три назад в воскресенье после обедни пришел ко мне старик. Он едва добрался по коридору до моей комнаты: ноги ему плохо служили. Зимой было, и от морозу на соседнем дворе из прачешной такими вот клубами дым валил, словно пожар, а старик стоял налегке, — так пальтишко уж так ношенно, что,

пожалуй, разве что паутина крепче, и сапоги... от подошвы, поди, и звания не осталось, очень все не к поре.

— С ног простыл, свежо! — все поминал старик в разговоре: видно было, как его всего трясло.

От чаю он отказался, — мелку бы ему, больше ничего.

— Так кусочек, если найдется, а нет, и так ничего ...

Глядючи, сердце болело от этой нищеты ужасной.

Старик мне тогда икону принес — Крылатого Предтечу. Не для продажи — иконы нельзя продавать, а на обмен, обменивать можно и даже на деньги. Я оставил у себя икону, и мел у меня нашелся, и ушел от меня старик будто и бодрее: на сапоги ему хватит!

А жил он тут недалеко, на 9-ой Рождественской: там норы есть такие, так в норе такой угол снимал он, там и грелся. Господи, в норах-то этих ... и как это люди живут? И как это мы жить можем, не в норах-то? Шел я недавно по Морской вечером и думал и думал, — или уж и слова какого нет, чтобы хоть всколыбнуть человеческое сердце?

Да, этот самый старик Павел Силантьевич, Павел Силантьевичем старика звали, — и еще раз заходил ко мне. На Крещенье пришел после обедни и все тот же, и опять с иконой, — Михаила Архангела образ: богатая была икона, да Павел Силантьевич согрешил, больно уж прочистил.

— Согрешил, — каялся старик, — тут вот личико было, а тут вот меч ...

Одно знамение осталось по золотой земле, да кое-какие цветные кусочки, — икону я не взял. Так посидели, о всяких тайностях вели разговор. По весне собирался старик на родину, в Сольвычегодск: там у него клад какой-то на примете. Обещал зайти проститься.

И пропал.

Был кое-кто из Сольвычегодска, хотел я справиться, да фамилии-то не знаю.

Так старик и пропал.

И вот на днях поздним вечером сижу я так, с одной думой о земле нашей русской, — о страде ее. И вижу — Павел Силантьевич.

— Павел Силантьевич, — говорю, — вот Бог-то послал!

Ну, тот же самый и в своем пальтишке истертом и словно сапоги те же, только отчетливее весь при свете, да борода зеленей.

О чем же нынче, как не об одном, о единой нашей думе, — о земле русской, о страде ее.

— Как Бог даст! — в ответ подавал старик слово на всякие мои вопросы.

Рассказал он мне о Белой Кринице, где по нашим церквам колокольный звон запрещен, и как под Воздвиженье юродивый за всенощной, когда вынесли крест, ударил в колокол — подал весть из Дольной Руси в Великую Россию.

— И до сей поры по Карпатам звон идет и на Москве до сей поры слышен: как ночь, на Рогожском слышат ... А вот я вам покажу, пророчество, — Павел Силантьевич вынул из кармана сложенный, как прошение складывают, лист пожелтевшей бумаги, — вот читайте, написано об Англии и России и о всем мире...

* * *

Письмо исъ Шотландіи въ Россію.

Его Сіятѣльству князю Голицыну, президенту Библѣйскаго Общества въ Пѣтѣрбурхѣ въ Россіи, отъ Анны баронессы Карнейзиль въ Нордь-Британіи.

20-го Августа 1814 года.

Милостивый Государь!

Перѣводъ съ анъглицкаго.

Хотя я принадлежу къ слабому полу, изъ числа такихъ, коимъ святое Провиденіе опрѣделило ниской жребій въ мире, однако жь, я въсѣуниженно прося прощенія у Вашего Сіятельства въ томъ, осмѣливаюсь писать толь высокаго званія. Нечаянно попался мнѣ въ руки девятый отъчетъ Велико-Британъскаго и иностраннаго Библейскаго общества, въ нѣмъ прочла я имя Ваше, яко президента Библейскаго общества въ Питеръбурхѣ, и душа моя исполнилась хвалы и благодарѣнія ко Всемогущему Творцу, въ Его же руце сердца въсехъ человѣковъ, и къ Вамъ,

яко благотворящему потъ Божіимъ смотрѣніемъ, такъ, что я того изъяснить не могу. Никакіе военные подъвиги, которые, и по всѣй справедливости, доставили почетныя титла героямъ нашего времѣни, нѣ сравняются никогда съ тѣмъ, что здѣлано для способствованія къ приближенію царства Спасителѣва и для спасенія бесмертныхъ душь, — въремя въ быстромъ теченіи своемъ скоро изгладитъ техъ пышныя титлы, кои възяты только отъ зѣмли, и ихъ славнешія деянія погребутся навсегда въ забвеніи, естьли они не имутъ чести, яже приходитъ свыше, и естьли имена ихъ не суть написаны въ книгѣ животной Агнца; между темъ, какъ въ память вечную будетъ правѣдникъ и обращающій многихъ на путь правды просвѣтятся, аки звѣзды, во вѣки.

Я читала также с некоторымъ восторгомъ указъ великаго и добраго Алѣксандра, утверждающій учрѣжденіе Общества Вашего, и то, что онъ пожелалъ быть самъ члѣномъ онаго, сіе привело мне на память божественное правозвестіе о церкви языковъ «и будутъ царіе кормители твои» (Ісаія, 49 с. 23). Онъ, конечно, нисколько нѣ уронитъ величія своего, потъдержівая толь похвальное претьпріятіе. Соломонъ, о коемъ сказано, что онъ «возвѣличился паче всѣхъ царѣй зѣмныхъ и богатствомъ и смысломъ» (3 цар. 10.—23), не считалъ за ниское для своего сана созидать храмъ и иметь о томъ попеченіе, онъ стоялъ на колѣняхъ, и молился предъ всемъ соборомъ израилевымъ прі освященіи храма. Естьли же позволено мнѣ будетъ изъяснить смирѣнное мненіе мое, я сказала бы, что просвещати омраченныя племѣна, во тмѣ и сени смертей седящія, светомъ божественнаго отькровенія, которое показуетъ имъ путь ко спасенію, есть дело уважитѣльнейшее даже и созиданія Храма Ерусалимскаго, ибо естѣственнаго права и сему священному зданію не имееть никто другой, кроме племени израилева, но то определяется для блага въсехъ языковъ и людей и племенъ и кажется приводящимъ великому событію, — «когда наполнится вся земля вѣденія Господня, аки вода многа покрыетъ море» (Ісаія 11.—9).

Происшествія, совершившіяся в наши дъни, суть таковы, что оныя могли токмо быть произведены Духомъ и ревностію Господа Силъ. Единодушіе и единство чувства, являющіися между христианами столь различныхъ исповеданій

и отдаленіи предърассудковъ, отягощающихъ умы толь многихъ даже и въ нашемъ отѣчестве, не говоря о другихъ нацыяхъ, ис коихъ некоторыя и менее просвѣщены, есть дело Духа Господня. Оно кажется знаменуетъ уже приближеніе того блаженнаго времени, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь. Что по сіе время здѣлано уже посредъствомъ силъ похвальныхъ предъпріятій, почлось бы невозможнымъ за малое число лѣтъ назадъ. Но очищающій пути отъ въсехъ препятствій, которые предъставлялись непреодолимыми для силы человеческой, подобятся совершенію другаго обетованія въ словѣ Божіемъ: «положу въсяку гору въ путь, и въсяку стезю въ паству имъ» (Ісаія 49.—11). Победы, недавно одержанныя союзными арміями, зрятся якобы отъвѣтомъ псалмопѣвцу на пророческое его молѣніе: «запрети звѣрѣмъ тростнымъ ... расточи языки, хотящія бранемъ» (Псало. 67.—31).

Ныне покаряются въсе, каждый приноситъ свои златницы и лѣпты на разрушеніе сатанинъскова господствованія и на приближеніе и устроеніе царства Спаситѣлева на развалинахъ онаго, для сего слово Господнѣ, сопровождаемое силою Духа Его, есть само действительное орудіе. Хотя тьма покрываетъ еще теперь болшую часть земли и густая мгла лежитъ на народѣ, однако, чрезъ разпространеніе между онымъ слова спасенія, возъзывается въсякъ да свѣтится, — «пріиде бо твой светъ и слава Господня на тѣбе возсія» (Ісаія 60.—1).

Вашъ Императоръ, коего снисходительное и милостивое обращеніе соделало имя его любезнымъ, по крайней мере, на целой половинѣ обитаемой поверхности шара зѣмнаго, еще вящшую пріобрелъ к своему имени любовь, поместя оное между подписавшимися для толь божественнаго завѣденія, — въ семъ видимъ мы исполненіе другой части древняго пророчества: «и пойдутъ царіе светомъ Твоею» — «и царіе ихъ предстояти будутъ Тебѣ» (Ісаія 60.—3 и 10-й).

Когда Ваше Сіятельство позволили уже мне столь изъяснится пред Вами, то позволте добавить и еще следующее: продолжайте дело Ваше о имени Божіимъ и не ослабевайте въ начатыхъ усиліяхъ разливать светъ жизни по местамъ мрака на земли и по обиталищамъ нечестія и неправды. Каждый ис сочленовъ Общества Вашего да ощутить надъ собственною душею своею спасистѣлное действіе Слова Божія, да даруетъ

Вамъ Богъ приверженность ко Спасителю и къ Божественной Его правде, которая есть разумъ и конъчина всехъ обетованій, заключающая в сей благословенной книге Библіи. Сіи-то дары, неразрывно звязанные со славою Бога и спасеніемъ душь, соделываютъ времена наши поистине временами благопріятными. Облачко, не более какъ въ человеческую руку величиною, появившуюся при учрежденіи перваго Библейскаго общества, распространилось тѣперь по всемъ небесамъ, и мы слышимъ шумъ отъ изобилнаго дождя, снисходящаго изъ облакъ обѣтованія церкви языковъ, коея часть составляютъ Великобританія и Россія, ибо такъ изрекъ Господь о нашемъ возлюбленнамъ Спаситѣле: «Азъ Господь Богъ призвахъ тя в правде, и удержу за руку твою и укреплю тя», — «се дах тя в заветь рода, во светъ языковъ, еже быти тѣбе во спасеніе, даже до послѣднихъ земли» (Ісаія 42.—6; 49.—6). Какой изобилной рядъ успеховъ представляется Вамъ не толко по божѣственнымъ обетованіямъ, но и по упованію на промыслъ Божій, дѣйствительно тотъ самъ, о коемъ пророкъ говоритъ, — «исходитъ просеченіемъ пред лицѣмъ вашим», Вы уже точно «просѣкли и прошли врата и изошли ими», «и изыдѣ царь вашь пред лицемъ вашимъ, Господь же вождь вашь есть» (Михея 2.—13). Онъ бесъ сумненія вознаградитъ труды Ваши обилною жатвою, тогда-то Вы возрадуетесь, «взѣмающе, рукоятія своя» (Псало. 125.—6), и вся земля да исполнится славы Его. Аминь. Аминь.

*

— Прочитай еще третию Ездры о знамениях! — сказал Павел Силантьевич и, бережно сложив свое письмо пророческое об Англии, стал прощаться: даст Бог, скоро и опять заглянет, не такое время, чтобы искать клады!

И когда старик ушел, я взял Библию и вот что прочитал я о знамениях:

Вотъ настануть дни, въ которые многіе изъ живущихъ на землѣ, обладающіе вѣдѣніемъ, будутъ восхищены, и путь истины сокроется, и вселенная оскудѣетъ вѣрою,

И умножится неправда, которую ты теперь видишь и о которой издавна слышалъ,

И будетъ, что страна, которую ты теперь видишь господствующею, подвергнется опустошенію.

А если Всевышній дастъ тебѣ дожить, то увидишь, что послѣ третьей трубы внезапно возсіяетъ среди ночи солнце и луна трижды въ день;

И съ дерева будетъ капать кровь, камень дасть голосъ свой, и народы поколеблются.

Тогда будеть царствовать тоть, котораго живущіе на землѣ не ожидають, и птицы перелетять на другія мѣста.

Море Содомское извергнеть рыбы, будеть издавать ночью голосъ, невѣдомый для многихъ; однако же всѣ услышатъ голосъ его.

Будеть смятеніе во многихъ мѣстахъ, часто будетъ посылаемъ съ неба огонь; дикіе звѣри перемѣнятъ мѣста свои, и нечистыя женщины будутъ рождать чудовищъ.

Сладкія воды сдѣлаются солеными, и всѣ друзья ополчатся другь противъ друга; тогда сокроется умъ, и разумъ удалится въ свое хранилище.

Многіе будуть искать его, но не найдуть, и умножится на землѣ неправда и невоздержаніе.

Одна область будетъ спрашивать другую сосѣднюю: не проходила ли по тебѣ правда, дѣлающая праведнымъ? И та скажетъ: нѣть.

1914 г.

Оракул
географическое

Учителем моим географии был знаменитый географ Сергей Павлович Меч. В первый же урок в первом классе объявил он нам, что учебника никакого не надо, а будем учиться *так*.

И правда, все пять лет мы и в глаза не видали учебника, все пять лет слушали мы рассказы Сергея Павловича о его путешествиях, — а куда только нога его ни захаживала, в какие царства, в какие государства! — и если не знали мы программных подробностей о заливах и бухтах, зато на всю жизнь остались незабываемы увлекательные истории. И я, в путешествиях моих по белому свету не раз вспомянул добром наши уроки географии.

Конечно, рассказы о путешествиях и сами путешествия научают лучше всякого учебника, за который охотно возьмешься, коли надобность случится поразобраться, куда путь лежит. А в наше время — война: каких только городов и местечек не узнали мы нынче, под боком у нас лежащих, а о которых и слыхом не слыхивали, ну, война, что беда, всему научит, и географии, и не тому еще, — дурака-то валять, видно, конец пришел!

* * *

Передо мной рукописная «Сокращенная Географія» 1780 года — Португалия, Испания, Франция, Германия, Польша, Герцогство Курляндия, Пруссия, Дания, Швеция, Великобритания, Италия. Изложена география вопросником и из всех замечательных сведений о границах, реках, знатнейших городах, климате, правлении, доходах, языке, вере и силе («Войско короля португальскаго, по извѣстіямъ, не составляетъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, и думаютъ, что онъ можетъ содержать только тридцать военныхъ кораблей»), самое замечательное о нравах: какие нравы?

Приведу эти ответы, ровно откуда из Оракула взятые, — птичка вынула:

*

Португальцы суть медлительны въ своихъ дѣлахъ, задумчивы, суевѣрны въ законѣ, склонны къ лихоимству и обману.

Испанцы суть умѣренны и трезвы, выключая только простой народъ. Также постоянны, искренны, глубокомысленны, горды, тщеславны, лѣнивы и сребролюбивы.

Французы суть великодушны, учтивы, разумны, къ чужестраннымъ пріятны, видъ имѣютъ веселой, поступки свобод-

ные, добрые воины, упражняются въ наукахъ и художествахъ съ великимъ успѣхомъ.

Германцы суть искренны, трудолюбивы, сильны, храбры, искусны въ наукахъ, художествахъ и рукодѣліяхъ, сдѣлали многіе преизрядные изобрѣтенія и имѣютъ къ путешествованію склонность.

Поляки суть учтивы, храбры, ревнительны кь вольности, собою велики и крѣпки. Крестьяне польскіе очень бѣдны и грубы. Дворяне имѣють власть надъ жизнію и смертію крестъянъ своихъ и любять роскошь.

Шведы лицемъ бѣлы и пригожи, росту посредственнаго, сильны, храбры и обходительны.

Англичане суть храбры и проворны и имѣють разумъ высокой, острой и способной къ великимъ наукамъ, но суть печальнаго и невеселаго нрава. Шотландцы сильны и храбры на войнахъ, учтивы и простосердечны, выключая тѣхъ, кои живутъ на горахъ къ сѣверу, сіи почитаются грубыми. Ирландцы любятъ чрезмѣрно музыку и охоту, въ протчемъ они храбры, сильны, благосклонны и великодушны.

Итальянцы суть остроумные и искусные политики, они славны въ художествахъ, а особливо въ музыкѣ и въ театральныхъ сочиненіяхъ.

*

А училась этой чудеснейшей географии троюродная прабабушка нашего Дмитрия Владимировича Философова и кавалера обезьяньего знака профессора Евгения Васильевича Аничкова, *Палагея Алексеевна Барыкова*, в замужестве *Философова* за инженер-капитаном Иларионом Никитичем Философовым, — «Сокращенная географія Д. Палагѣя Барыкова 1780 года».

Палагея Алексеевна, чьи чувствительные письма всегда читались со слезами — живой портрет Шарлоты Грандисона* по

* Роман английского писателя Ричардсона (1689—1761) «Чарльз Грандисон» (1754 г.).

словам ея братьев Степана и Василия Алексеевичей, «Безподобная Полюшка», прожившая жизнь с детьми и родственниками * в философовском новоладожском Загвоздье, помянула ли она, хоть когда-нибудь, свою географию, над которой глазки портила, или позабыла ее, как хронологию, тоже рукописную, от которой сохранился лишь заглавный лист, ее собственной рукой разрисованный: в рамке с голубыми цветочками тончайшее кружево — Cahier de Chronologie fait par P. Barikoff. L'annee 1780.

Письмо присутствующего в Придворной Ее Императорского Величества Конюшенной Конторе подполковника Василия Алексеевича Барыкова относится ко времени приезда в Петербург Суворова из взятой им Варшавы и помолвки великого князя Константина Павловича с герцогиней Саксен-Кобургской Анной. Упоминаемая Анна Никитишна Философова, в замужестве Маклакова, сестра Илариона Никитича Философова, жившая с ними в Загвоздье; Степан Алексеевич Барыков, брат В. А., участник польского похода, Катерина Алексеевна, в замужестве Мельгунова, и Лизанька (Елизавета Алексеевна) — сестры В. А., Елизавет (Елизавета Федоровна) жена В. А., Афоничка и Пашенька — их дети. «Кукушки» — Наталья и Катерина Иларионовны Философовы, близнецы.

* * *

Отъ 5 ноября
1795 года
изъ Петербурга.

Любезныя мои и сердечныя друзья, братъ и сестра!

Благодарю, мои милыя, за ваше письмо, а паче всего за подтвержденіе обѣщанія пріѣхать къ намъ, желаю отъ всего сердца видѣть событіе онаго въ непродолжительномъ времяни. Вы въ Петербургѣ, навѣрное, проведетѣ хорошо свое время, ибо въ

* У Философовых воспитывалась бабушка Ариадны Владимировны Тырковой Татьяна Яковлевна Ивкова, в замужестве Тыркова за Алексеем Дмитриевичем Тырковым, дочь Александры Никитишны Ивковой, урожденной Философовой.

предметѣ вашемъ инаго не будетъ, какъ сыскивать себѣ удовольствіе, будучи чужды отъ всѣхъ заботъ, съ должностію связанныхъ. Я такъ думаю, что человѣку съ свободными мыслями нетъ пріятнѣе мѣста, какъ здѣсь, а притомъ еще сочтите и то за что-нибудь, что намъ вы пріѣздомъ своимъ милость здѣлаете. Мнѣ, право, уже наскучило не знать своихъ родныхъ, я на васъ, (право), не имѣлъ времяни и наглядѣться, а какъ я, человѣкъ такой, (что) коего судьба не отъ собственнаго своего разположенія зависитъ, то легко статся можетъ, говоря штилемъ моей любезной Полюшки, что я буду скоро за тридевять земель въ десятомъ царствѣ. Деревенскія ваши препровожденіи времяни мнѣ очинь нравятся и, когда бы я нашолъ способъ навсегда имъ предатся, какъ бы я щастливъ былъ таперь, (это) когда я всего натерпѣлся и всего наглядѣлся, это составляетъ единственное мое желаніе. Дѣти мои здоровы, кромѣ что Афонички на головѣ сыпь сдѣлалась, однако жъ, онъ веселъ, у Лизанки моей къ обыкновеннымъ ея упражненіямъ, то есть, рисованью, клевикордамъ и пяльцамъ, прибавилось еще одно, то есть, верховая ѣзда, она ѣздитъ въ Придворной Манежѣ три раза въ недѣлю и удивително смѣла. Мы двухъ принцесъ Саксенъ-Кобургскихъ съ матерью проводили (во свояси) домой, а третью, меншую и прекрасную, оставили здесь своему Константину Павловичу. Имъ подарили бриліантовъ на 200.000 руб., пенсію опредѣлено обеимъ, возвратившись домой, систрамъ каждой въ годъ до замужества по 25.000 руб., денегъ дано имъ на дорогу тоже не мало. Фелдмаршала Суворова ждутъ дней черезъ десять въ Питеръ, думаютъ, что ему не весма хорошій пріемъ будетъ, ибо узнали таперь или, лутче сказать, опомнилисъ, что онъ ребятишекъ пережаловалъ такъ, что по два и по три чина въ годъ иныя получили безо всякаго разсмотренія и достоинства ихъ, что варварство, (и) убивство и опустошеніе около Варшавы дѣлали безъ всякой нужды, отъ чего войска наши несколко месяцевъ великой голодъ терпѣли, денегъ казенныхъ знатная сумма издержена теми, у кого на рукахъ была, и протчее и протчее. Но, можетъ быть, здесь пособятъ ему оправдатся и всему другой видъ дать. Степанъ нашъ слава Богу здоровъ, онъ къ вамъ пишетъ въ писмѣ Катерины Алексѣевны, которое я ей отдалъ, называя мою Полюшку Шарлотой. Поистинне даетъ онъ весма сходное съ свойствами твоими наименованіе! Я теперь читаю

Грандисона и вижу въ характерѣ Шарлоты Грандисонъ живой портретъ нашей Полюшки. Простите, мои голубчики, (и вамъ низехонко) пишите къ намъ почаще и вертѣ, что я и въ прахѣ моемъ сохраню къ вамъ истинную преданность и душевную приверженность, а притомъ я есмъ

вашъ покорнѣйшій слуга
Василій Барыковъ

Милостивой Государынѣ моей, любезной Аннѣ Никитишнѣ свидѣтелствую усердное почтеніе и цѣлую ее ручки.

Милія друзья сестрица и братецъ!

Приятное ваше писмо мы получили, за которое приношу мою благодарность, радуюсь и съ нетерпеніемъ ожидаю сего приятного времени, когда вы къ намъ, любезныя друзья, приедѣтѣ. Здоровы ли ваши кокошки и я такъ скажу, какъ Стіопочка ихъ называетъ? Афоничка нашъ началъ ходить и довolно крѣпко, толко голова у ево разболѣлась въ затылки, не знаю, што и дѣлать, однака-жъ, я рада, што съ нево идетъ много мокроть, ему ето харашо, потому што сыръ. Штацъ-дама моя А. В. уволненна отъ придворной службы, чему я очень рада и не знаю, гдѣ она теперь. Пашенька смѣетца и голову держить, только еще не прыгаетъ, консерты вокальныи въ полъголоса пускай продолжаютца, пока вы вздумаетѣ къ намъ ехать и, приехавши, послушаитѣ италъянцовъ во весь голосъ. Приежайте, любезныя друзья, поскорѣй, мы нетерпеливо васъ желаемъ видѣть. Поцелуйтѣ за меня любезново брата Ларіона Никитича и дѣточекъ. Прощайте, мои милія, желаю вамъ всѣхъ благъ и остаюсь ваша покорная

Елисаветъ Барыкова

*

Любезная Анна Никитишна!

Нельзя ли уволнить насъ, моя милая, отъ «Милостивыхъ Государей» и писать къ намъ по дружески. Прошу, моя милая, причислить насъ къ своимъ друзьямъ, а мы будемъ стaратца заслуживать вашу дружбу, дѣти мои целуютъ ваши ручки, я же пребуду навсегда ваша покорная слуга

Елисаветъ Барыкова

*

Я позабылъ было вамъ сказать, что трупа италіанская вновь пріѣхавшихъ актіоровъ чудесная, и говорять старожилы петербургскія, что такой прекрасной никогда не бывало здесь: они и певцы отличныя и актіоры безъподобныя. Съ техъ поръ, какъ я ихъ услышалъ, рускія мнѣ такъ огадилисъ, что и смотреть не хочется при всей моей страстной охотѣ. Я знаю, что братъ Ларіонъ тою же болезнію хвораетъ, какъ и я, то есть, любитъ видѣть и слышать этихъ тварей, да и Пѣлагея мая на то же похожа. Вотъ вамъ еще малинкая приманка къ Петербургу.

1916 г.

Львовая печать
клейменое

I

Безмятежно живет в посаде Большие Соли отец Андрей. И домик у него хороший, и семья удалась. И достаток кое-какой есть, слава Богу. У самого протоиерея часы томпаковые, а отцу Андрею помещик Алымов, что живет в усадьбе под самыми Солями, подарил настоящие золотые из Женевы — Блондель-и-Мели, чтобы службу вовремя отправлять. А то жаловался отец Андрей, что часов у него нет: по петуху да по звездам время считает.

Важно ходит по своему дому батюшка, посматривая поверх очков близорукими глазами. Розовеет на солнце плешь, серебрится борода, толстая красная губа висит из-под усов.

«Слава Богу, третий сын уж пристроился. Дочь замуж выдана. Скоро можно на покой. Выдать только младшую Лизавету, да и с Богом. А женихи будутъ!»

Легко и томительно на сердце; щемит:

«Маленькую рюмочку настойки!»

— Сердцещемительно! — говорит отец Андрей, опрокинув рюмку.

Обойдя кругом свой письменный стол с ящиком для бумаг и письменными принадлежностями, отец Андрей остановил глаза на своих печатях.

Две печати у отца Андрея.

Одна печать, как у всех духовных: со святым престолом и пылающим сердцем, а на престоле крест и евангелие и надпись кругом:

Кн. 1, Мак. гл. 12, ст. 18.
— И нынѣ добрѣ сотворите отвѣщевающе намъ на сія.

Печать просто на железе вырезана. А рядом на тоненькой сердоликовой ножке стоитъ другая печать, и судьба ее другая. Самая печать серебряная —

вверху ЛЕВ отдыхающий,
а подо львом две готические литеры:
А. Р.

И сие нужно толковать вразумительно:
— Андрей отъ Льва произошел дьякона—
Вот почему вверху и лев. А так как отец Андрей нисходящий, то и литеры не над львом, а под львом.

И вспоминается отцу Андрею, как случайно купил он у прасола сердоликовый столбик, как потом торговался в Ярославле с серебряником Хольстениусом за серебро — и как осуществился наконец его замысел.

«Хорошая печатка, а после моей смерти перейдет к сыну Александру. Литеры подходят. Хитро задумано. А Лев родоначальник и ему».

Отец Андрей запахнул подрясник, прошел в столовую.

Там, к кипящему самовару, собрались домочадцы: иерейша — свирепого вида с преждевременно увядшим лицом; сонная, зевающая, круглолицая дочь — розощекая поповна Лиза, заспавшаяся до полдня.

«Не будите ее, это будущая попадья!» — говаривал отец Андрей снохе, жене старшего сына Александра, Любови Ивановне, когда та, вставая в шесть, тормошила золовку.

II

Живет отец Андрей по старому завету: в доме глава он и только он, все же остальные, аки рыбы безгласные. И чаю без него никому не пить.

И когда еще в девицах жила в доме старшая дочь Лидия, так она, рано вставая и взяв потихоньку чашку горячего чаю, при возгласе: «Батюшка идет!» — не раз совала недопитую чашку в карман ситцевого платья: обжечься — ничего, только бы не узнал отец о нарушении его воли.

— Да, благодушен отец иерей, не то, что благодушен, можно сказать, мягок, аки воск пчельный, но для врагов он лев рыкающий! — выразился как-то пономарь Гаврилыч.

И точно, недаром лев изображен на серебряной иерейской печати.

И как рассердится, бывало, на Гаврилыча за посошок — любил пономарь выпить и не один, не три, а тридцать и три посошка на дорогу, ну, язык себе и отшибал! — воздвигнет отец Андрей свою пирамидальную главу, сверкнет румяной лысиной, тряхнет рыжими с проседью волосами, — сущая львиная грива! — и пойдет и пойдет. И по писанию и без писания — своими отеческими усты.

В семье, там дрожание и трепет.

Он один — и голова, и глас.

Все помнят, как согрубил ему старший сын Александр: наперекор светлым мечтаниям отца Андрея о преуспеянии сына на духовной стезе ответил отказом.

— Безумный! разве отец пожелает худа сыну? Нет, вся жизнь отца в детях, все заботы.

Хорошо учился Александр в костромской семинарии: первый первым студентом кончил курс. Впереди московская академия и казенный кошт, дальше пострижение и архимандрит. А там архиерей — голова кружится.

А он:

— Хочу в университет.

«И на кой дьявол, прости Господи, рядом в Ярославле завели Демидовский камеральный лицей!» И воспрянул седой иерей:

— Не послушаешь, будь же от меня проклят! Иди от меня прочь, ступай своей дорогой, которая приведет тебя к дьяволу — отцу лжи!

Ушел, исчез Александр, — гордость и радость.

Прилегли, примолкли два следующие сына — Михаил да Василий. Да эти уж совсем не то. А последний, Валериан, так и совсем незадачник.

Вначале Валериан было радовал сердце отца могучим видом и крепью.

«Ну, этот, хоть не учась, а протодиаконом будет!» — думал отец Андрей.

Да нашла коса на камень: у великана, лентяя и бездельника оказался пискливый мышиный голос. Как судьба-то смеется! Какой уж там протодиакон!

И с тоской смотрел отец Андрей, как беспутный Валерка босиком жарил по крапиве.

За великовозрастие и полную неуспешность был уволен из третьего класса духовного училища Василий, затем, из первого класса семинарии — Михаил, а Валериан дальше инфимы не пошел.

Старший взбунтовался, а младшие не удались.

III

Проклял отец Андрей старшего сына, и с проклятием все пошло прахом. И уж львовая серебряная печать не приносила его душе умирение, не располагала и настойка, напротив, с каждой рюмкой переполняла горечью сердце, и сердце, ожесточаясь, выкрикивало проклятия — никому — судьбе проклятой.

Старанием отца Андрея пристроился Михаил в казенной палате регистратором, а Василия взял к себе архимандрит Игнатий, настоятель Николо-Бабаевскаго монастыря.

Архимандрит, потом епископ Игнатий, был замечательной жизни: инженер при Николае Павловиче, вдохновенный монах-аскет, умен, красноречив и даровит.

Молодой Василий сразу очутился в компании челяди, окружавшей уже дряхлого архимандрита. Среди всей этой бесполезной монастырской дворни была своя жизнь, свои интересы, чуждые монашеским побуждениям. Тут было и веселье, была и выпивка. Добродушный старец ничего этого не знал и даже представить себе не мог, что творится в монастыре.

Бойкий подросток, ленивый и мечтательный, надломленный с детства фантазер, любил красно говорить. И умел говорить. Фантазия его была неудержима. И доживая свои последние дни в Петербурге — в Петербурге после монастыря служил он в главном почтамте — едва живой, с чахоточным хрипом рассказывал сыну Володе удивительные сказки.

Безрадостна была его жизнь. Жена у корыта в убогой комнатенке в Чекушах — Чекуши около Шкиперского протока у нас на Васильевском острове — сам на дощатой кровати: левый бок болит невыносимо, рука тянется к рюмке. А сказки вьются, и одна другой огненней застилают от глаз сырые, клопиные обои.

Опять брат Александр прислал гневное письмо: пишет, что не будеть присылать денег, не желает содержать пьяниц.

IV

Жесток и тяжел Александр.

В отца Андрея пошел, в батюшку. Нет, хуже. Тот хоть семитравника выпьет, смягчится, а этот — гроза ходячая, как говаривал про него диакон Димитрий Горитский, муж старшей сестры Лидии.

А судьба Александра тоже не милостивая.

Вот она какая печать львовая!

Выгнанный отцом, маялся Александр в Демидовском лицее. Учился хорошо, но из страха с голоду помереть, вышел, не кончив последнего курса, и поступил в Уголовную палату писцом. Усидчивость же, здоровье и плебейская гордость сломали все: через три года он был назначен без всякой протекции стряпчим за деловитость и честность в костромской Солигалич. А из Солигалича переманили его в акцизное ведомство, и пошел он по чиновной дороге ровными и твердыми шагами.

Требовательный к себе, Александр Андреевич был жесток ко всем окружающим. Рука его жестоко давила подчиненных. Жалости он не знал — никому никакого снисхождения. Всех давил он одинаково, давил и единственного сына. Ласка и нежность были не сродны суровой и жестокой его душе. Единственно питал он слабость к смелости, твердости и трудолюбию, а все эти качества были несвойственны его подчиненным.

Да и где они среди нас, русских, — ухарей, дрябылей и лентяев — смелость, твердость и трудолюбие?

Александр Андреевич был петрова закала.

И бледный мечтательный сын его Иван, больной и молчаливый, пугался отца до обмороков и делался при нем вдруг тупым и неповоротливым; а как бойко рассказывал он, охватив шею матери и глядя в васильковые глаза ее, все — и про гимназию,

про учителей и про чудесные путешествия из прочитанных книг. Отец уходил, замкнутый и холодный, к себе в свой кабинет и усаживался на долгие часы за свой большой стол красного дерева. Тут он царил. Счеты, счета, сложнейшая техника бухгалтерии — его мир. Он находил ошибки в петербургских отчетах и не раз возбуждал из костромской глуши переписку с департаментами. Управляющие гордились своим бухгалтером. А из-за признания его авторитета он сделался придирчивым и брюзгливым: и если начальник не унижался перед ним — это его уже оскорбляло. Он привык, чтобы над ним не было никакого начальства, а он сам был бы над всеми начальник.

Для него оставалось в жизни только одно это акцизное дело и больше ничего, все другое пропало.

Любящая жена? Но и Любовь Ивановна не вынесла его жестокости, глубоко замкнулась и молча отошла.

И если что еще было между ними, это борьба за сына. Самолюбивый Александр Андреевич не допустил этой борьбы и сам оттолкнул сына.

Мать торжествовала: сын — ее нераздельно. И влюбленная в сына, поверенная радости его и горя, всего житейского его пути, участница всех отроческих его мечтаний и надежд, с мстительностью чисто женской, она внушала ему жесточайшую ненависть к жестокому отцовскому роду и старалась развить другие — и опять же не наши — рыцарские чувства.

Кроме дела все пропало для Александра Андреевича — и жена и сын. А если отнять дело, что тогда? Тогда смерть. Это и был последний его путь и единственный.

V

Гнездо Большесольское пустело с каждым отлетом птенцов.

Осталась одна только Лиза.

По старинным обычаям иерейским за ней надлежало оставить приход, и старик должен был лишиться своего приюта.

Жених вскоре нагрянул: высокий, бледный семинарист, с розовыми чахоточными пятнами на щеках — Петр Степанович Троицкий.

Понравился жених будущему тестю, ну, а о согласии невесты в то время не спрашивали. Лиза нашла свою судьбу.

Отец Андрей продал в церковь свой приходский дом и покинул родное гнездо. А хозяйничать стали молодые: поп с попадьей.

Накопление шло своим чередом. А вдруг опять грех. Или уж такая эта львовая печать? Как-то перед Рождеством среди хлопот молодая попадья, засуетившись в бестолковой возне по хозяйству, забыла закрыть подвал в столовой, а было темно. Несколько неверных шагов — и отец Петр с грохотом покатился в подвал.

Начались вскрики и оханье, побежали в поповскую богадельню за фельдшером Кузьмичем.

Кузьмич и начал лечить разбившегося попа. И выздоровел отец Петр, но по весне закашлял кровью. А после Пасхи молодая вдова — попадья поехала в Кострому к старшей сестре к дьяконице, у которой о ту пору доживал свои дни отец Андрей.

С каждым годом становился отец Андрей все сварливей и неуживчивей. С дьяконом Горитским окончательно рассорился из-за богородичных праздников и заклялся, что больше никогда не увидит дьякона.

Наняли отдельную квартиру, и отец Андрей поселился с вдовой Лизой.

Старик осунулся, одряхлел — все-таки, какой никакой, а без дьякона скучно! — стал прихварывать. Слабость заставила его перейти в Костромскую богадельню, а потом переехать опять на родину в Большие Соли, но уж не в свое гнездо насиженное, а в поповскую богадельню. Ему, старожилу, предоставили все удобства, и доктор Курочкин вместе с фельдшером Карасиковым усердно за ним ухаживали.

И вот ослеп старик и не мог уж двигаться без посторонней помощи.

К его смерти едва успел приехать из Ярославля Александр Андреевич, других родных никого не было.

Так и кончил отец Андрей дни свои, оставив две печати: обыкновенную железную и другую серебряную со львом отдыхающим, да еще пуховую подушку со смертного одра, все внуку своему Ивану Александровичу, князю обезьяньему.

И судьба его оказалась такая же не милостивая.

1918 г.

Писмовник
погодинское

I

Первым владельцем Писмовника был Антон Ефимов Матюшонков, от Матюшонкова перешел Писмовник калужскому купцу Павлу Ларионову Золотореву, от Золоторева к Василию Алексеевичу Смирнову в дорогобужские Качаны, а от Василия Алексеевича к жене его Анне Осиповне, от Анны же Осиповны к Ивану Никитичу Соколову-Микитову в соседнее Кислово, а Иван Никитич передал своему племяннику, сыну Сергея Никитича, Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову, Иван Сергеевич принес мне в Обезьянью великую и вольную палату.

Принес мне И. С. Соколов-Микитов Писмовник, да еще калужского теста — «Высшего сорта калужское тесто М. М. Гаврилов в Калуге» — четыре коробки: ананасное, лимонное, яблочное, шоколадное.

Очень я обрадовался Писмовнику, а калужскому тесту и того больше.

В детстве привозили нам с нижегородской ярмарки калужское тесто, и было оно тогда такое вкусное, думал я тогда, вот большим буду, будут у меня деньги, накуплю я себе этого теста — тысячу коробок и буду есть его не по столечку, а сразу коробками. Вырос и деньги бывали, все покупал, только не тесто. А память сохранил на всю жизнь. Годами случалось не помянешь и вдруг вспомнишь: достать бы калужского теста! А где достать? В Калугу ехать? И куда только не носил Бог, а Калуга все мимо. И вдруг на столе калужское тесто — четыре коробки: ананасное, лимонное, яблочное, шоколадное.

Повертел я Писмовник, поставил на полку, и за тесто. Ну, и вы догадываетесь, что произошло?

Калужским тестом угощали мы всех гостей наших, шоколадную коробку в один присест съел Слон Слонович (Юрий Верховский), лимонную послал я Гарольду Васильевичу Вильямсу на удивление — англичанин! Все ели тесто, и помню, долго оно у нас не переводилось, так в начале следующего месяца еще несколько вечеров доедал остатки И. С. Соколов-Микитов.

А ведь какое оно было тогда вкусное! Сколько я мечтал о нем — мне хотелось его гораздо больше, чем даже самого калинового теста: наша старая московская кухарка Марья Тихоновна делала такое тесто из калины, — вот как хотелось! И верите ли, и столечко я не съел его, я только попробовал и сейчас же коробку прочь.

Я занялся Писмовником.

«Книга Писмовникъ, а въ ней наука россiйскаго языка съ семью присовокупленiями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещесловiй. Новое изданiе просмотрѣнное, поправленное и умноженное. Цѣна неодѣтой пятнадцать гривенъ. Въ градѣ святаго Петра. Въ книгопечатнѣ морскаго общества благородныхъ юношей. 1777 года».

Переехали мы от Хренова к Аренду и Писмовник с нами, потом с Песочной на остров к Семенову-Тянь-Шанскому и Писмовник с нами.

О калужском тесте я больше не вспоминаю, а Писмовник всякий день перед глазами. Придет любитель книжный, я ему этот Писмовник! Такие на Руси есть и всегда будут и никаким указом и декретом не выведешь и уравнением не изведешь, а если уж вот куда дойдет, поступят, как поступил московский Д. В. Ульянинский, книжник-библиофил: да, собственными руками сделают гроб для своих сокровищ, заколотят гроб гвоздями, и прощайте, все равно, конец, под поезд ли, в прорубь, один конец. Придет И. А. Рязановский, А. М. Коноплянцев, Я. П. Гребенщиков, петербургские книгочии, раскрою Писмовник.

Вот посмотрите, по листам протянулась подпись первого владельца — написано крепко, рука, как кость:

«Сия — книга — Анто-на — Ефи-мова — сына — Матю-шонкова — 1796 — года — iюля — 10 — дня».

А вот на зеленоватой бумажной обложке второй владелец оставил по себе память — щегольнул латыницей:

Sei pismovniq
Qalousqago Qoupca
Pavla Larionova
Zolotareva

сей писмовникъ калускаго купца Павла Ларiонова Золоторева

И дальше столбикомъ для веры и крепости стих голиардовъ:

Hic liber meus
Testis est Deus
Hoc nomen erit
Quisque eum quaerit
Paulus natus
Zolotarev vokatus[1]

Сія книга моя. Свидѣтель Богъ. Имя сіе будетъ. Кто ни найдетъ. Рожденный Павелъ. По прозвищу Золоторевъ.

Ни Матюшонкова, ни Золоторева я не знаю и ничего о них сказать не могу, и кто такой Иван Васильевич, имя которого выведено сбоку на титульном листе рукой Золоторева — «Государь мой Іванъ Василичъ» я не знаю. А про В. А. Смирнова — третьего владельца и о Соколовых-Микитовых могу.

II

Василий Алексеевич Смирнов — пьяница, да не простой человек. Василий Алексеевич *книгу любил*. Дела делами, дела — для жизни, а книга — для души, заветное, чем жив человек.

У русского человека так: или полное небрежение — случалось мне и среди «образованных» людей, сколько ни шарь, не сыщешь в доме и завалящей книжки, или уж книжное почитание — страсть, и там, где не думаешь и не ждешь.

После смерти Василия Алексеевича книг осталось полный закром — так в закроме и лежали. Нынче в смуту порастащили.

На столе у Василия Алексеевича панорама стояла со стеклом: виды всякие городов иностранных, Лондон. И большой том — «сто русских литераторов». Василий Алексеевич хотел все знать и особенно, как в чужих краях, что делается и чем живут, русские же писатели были для него, как библия, — кит и гордость и надежда.

Большой хлебосол, крепкослов и прибаутчик, умел Василий Алексеевич и подковырнуть и вывернуть. Качановскую барышню, любительницу писать письма, прозвал ящерицей:

— Ящерица, упоенная чернилами.

[1] Сия книга — моя / Свидетель есть Бог / Для всякого, кто спросит / Имя сие будет / Урожденный Павел / По прозвищу Золотарев (*лат. — Пер. изд.*).

Подвыпив, Василий Алексеевич обыкновенно приговаривал, выражая свое полное презрение роду человеческому, низменную природу которого постиг из дел и дум, и по себе и по другим:

— Коза бела, коза сера, дух один. Изворотливый в делах житейских, — а как же иначе? — Василий Алексеевич в главном своем не знал никакой середки. Вернется из города, привезет Анне Осиповне подарков, не понравится ей.

— Ну, душечка, не надо! — пойдет на скотный, развалит добро и затопчет ногами.

Не робкий, кажется, ничем не запугаешь: ни зверь, ни разбойник Василию Алексеевичу не страшен, — а вот, подите-ж, до самой смерти цыган боялся.

Заслышит, что цыгане к Качанам подбираются, и такое охватит его беспокойство, прицепит к сапогу старую французскую бренчатую шпору, да со шпорой, как кур, на двор.

— Касьян, — кричит, — заряди пушку: цыгане идут.

Касьян, он у него и лесник, и сторож, первый человек — приказчик.

— Пули нет, — скажет, бывало, Касьян: знает, все равно, этот народ ничем, и громом, не отпугнешь.

— Ну, заряди картошкой!

И качановская старая пушка, память Отечественной войны, заряжалась картошкой и начинала палить ко всеобщему удовольствию, а Василий Алексеевич понемногу успокаивался.

Василий Алексеевич помер в начале 80-х годов. Качаны и вся казна книжная и вещевая остались на руках Анны Осиповны.

Анна Осиповна женщина замечательная: одарил ее Бог умом хозяйственным, не лишил и благодати — еще при жизни, видела она жизнь то-светную, ходила по мытарствам, такой сон ей приснился.

У Анны Осиповны сын мальчик умер — сахаром подавился. Осталась дочь Марья Васильевна.

Анна Осиповна жила в Качанах, а Марья Васильевна по соседству в Храмцах ельнинских. Марья Васильевна по первому мужу Орлова. Во второй раз вышла за доктора, лечившего ее покойного мужа, за Ивана Григорьевича Щеголева.

Много наделал Иван Григорьевич беды, погубил Храмцы, подбирался и к Качанам — и Писмовнику грозила большая опасность, да Бог сохранил.

Иван Григорьевич — великий плут: носил при себе два кошелька — в одном у него деньги, а в другом ничего не было, пустой. Попросит кто взаймы, он тебе этот пустой:

— С удовольствием бы, да сами видите. Великий плут — старуху Анну Осиповну надувал.

Прикинется тихоней:

— Мамаша, мамаша! — ручку целует.

И уж если сама Анна Осиповна попадалась плуту на удочку, что и говорить про Марью Васильевну. Марья Васильевна женщина кроткая, болезненная, за всю свою жизнь ни разу по железной дороге не ездившая, домоседка, а тому это и на руку. Заложил он Храмцы, перезаложил, все шито-крыто, никому и в голову не приходило. А померла Марья Васильевна, и оказалось — нет Храмцов.

Жаловался Иван Григорьевич, будто какая-то кишка у него болела. И нарисует, бывало, кишку эту с отростком древовидным, а тут, как и кишки никакой ни бывало, ни отростка, — насмеялся и в не быль: ищи-свищи!

Иван Никитич Соколов-Микитов в большой был дружбе с Марьей Васильевной. Марья Васильевна двоюродная сестра ему. И со старухой теткой Анной Осиповной. Анна Осиповна сестра матери Ивана Никитича. И чего ни делал Иван Никитич, а спасти Храмцы не мог, — ни за что пропали.

По смерти Анны Осиповны достался Писмовник Ивану Никитичу, — из Смирновских Качанов попал в Кислово соколовское или, как говорит народ, в микитовское.

III

Въ начале бѣ дьячекъ.

Как и что, никто не помнит, помнят, одно, пахотник в лаптях, — Иван Егорыч.

От дьячка пошел дьякон Никита — щекинской церкви дьякон Никита! — а по Никите и все потомство его: Митрофан, Иван с сестрой близнецы, Сергей и Петр — все микитовы, а Иван, внук дьякона, сын Сергея Никитича, — микитенок.

Решительный был дьякон и бесповоротный, голова — к дьякону Никите в Щекино всякие купцы приезжали: дьякон Никита все мог рассказать. Дьякон семерых попов из прихода выжил: позовет пономаря, а прошение составлено, подписывай!

Память о дьяконе Никите до сей поры жива.

У дьякона приятель пономарь Понамарев. Идет как-то по плотине пономарь с мужиком, пьяный, показывает мужику на Сергея Никитича:

— Дьякон был хитер, а этот еще хитрей!

И точно, большой хитрец был дьякон Никита.

Дьякон Никита верхом на щуке ездил!

По весне, как всякий знает, щуки ходят — около берега трутся. Пошел дьякон в баню, вымылся, выпарился, да с полка на бережок окатиться, глядь, щука — сроду не видал такой: пуда три! Дьякон домой за ружьем, да назад к берегу — бац! Да сам на щуку, зажабрил, а щука его в воду. С версту протащила под водой — да от дьякона никак не уйти! — вынесла на берег и покорилась.

Старший сын дьякона Митрофан в священники вышел в Сырокоренские Липки. Дьяконица померла. Иванъ, Сергей да Петр остались маленькими. Петр был любимый сын, а Иван да Сергей так. Ласки не видели, буками росли.

Скотник Иван сказки рассказывал — навек не забыть Ивановы сказки. Приходила слепая старуха Дуняша.

— Подойди, Сережа! — покличет слепая. Подойдет — она ему как мать родная — погладит его старуха.

— Подрос, подрос! — скажет, погладит. Навек не забыть старуху. И до сей поры Ивану Дуняшину Сергей Никитич луг отводит. Старая хлеб-соль не забывается.

Учился Сергей Никитич в Дорогобужском городском училище. Славился рисованием, нарисовал Луку евангелиста и вышел в учителя. Назначили его в село за 25 руб. в месяц: 15 руб. казенных, 10 руб. от помещика. А было по соседству училище — два учителя. Познакомился с ними Сергей Никитич и раздумался.

«Какой же, — думает, — я учитель? Вотъ эти — учителя!» — и решил в солдаты...

Служил он в Измайловском полку в Петербурге. Заболел на службе, отпустили домой. Поступил к Коншину, сначала в Щекине, потом перевелся в Асики калужские, а из Асиков от Коншина в Кислово переехал хозяйствовать. Больше всего Сергей Никитич лес любит, и в беду нашу смутную ему снится его любимый разоренный лес: ходит он по лесу, песни поет.

Женился Сергей Никитич на Марье Ивановне. Марья Ивановна — калужская.

Отец Марьи Ивановны из финнов, со стороны отцовской, мать русская. При крепостном праве выменяли его — был он первый собашник у барина. В их избе всегда полно псарей. И когда время было родить, мать уходила в теплый собашник — в собачий хлев. Отец варил конину для собак. Первая память: собачий двор — конские кости.

Няньчил Марью Ивановну псарь Антип, — навек не забыть Антиповы песни. Да еще в поминанье записана старушка Александра: любила ее Марья Ивановна — отца и матери не надо. До сих пор хранится у Марьи Ивановны полотенце — память от старухи, в сундуке спрятано — никому не вынимает.

Барин полюбил отца за его честность и сделал его из псарей старостой. Отец называл барина болярин. Умирая, барин хотел ему отказать все свое состояние — бездетный был, холостой, а случилось, приехал в соседнее Бабынино поп новый, пошел Иван Васильевич в церковь. Барин посылает за ним, а ему надо попа послушать. И прослушал — потерял Матюково: кто-то из родственников подвернулся, и подписал умирающий завещание на другого.

Каждый псарь был над матерью хозяин, она должна была готовить на двадцать псарей. Ушатами носили корм собакам. И детей было много: один ребенок на руках, другой за руку держится, третий за подол. Жизнь тяжелая. Как-то попеняла она в досаде Богу:

— У других умирают, а у меня их вот сколько!

И Бог наказал: в одну неделю четверо умерло.

Марья Ивановна девочкой ходила в зипуне и холщовой рубахе, а сарафан холщовый стала надевать, когда уже подросла.

Из Хвалова переехала Марья Ивановна в Асики, а из Асиков в Кислово, тут и остались век вековать с Сергеем Никитичем. А с ними и Иван Никитич.

IV

Иван Никитич мальчиком поступил к генеральше Бологовской на 8 руб. жалованья в контору. Служба его была в двух имениях в Гнездилове и в Арнишицах.

Сын Михаила Петровича Погодина Иван Михайлович женат был на княжне Оболенской, внучке Бологовской. Последние годы своей жизни — начало семидесятых годов — Михаил Петрович проводил в Гнездилове.

Как приедет, бывало, Михаил Петрович в Гнездилово, сейчас же к Ивану Никитичу.

Брат ты мой, я к тебе в гости приехал, дичинкой угости.

Иван Никитич в ту пору много охотился.

Гулял Михаил Петрович рано по утрам — нахрамывал: лошади его когда-то растрепали. Ходил с костылем толстым.

Как-то бежит от лесу, запыхался. Брат ты мой, волка встретил!

А Иван Никитич смеется: эка, невидал, волка! Ты привык тут со зверями жить, тебе не страшно! и не может никак дух перевести: очень напугался.

В церковь любил ходить Михаил Петрович. Становился в стороне около выхода. Загуторят бабы, он по голове костылем:

— Молчи.

Примолкнешь, даже и нужно что, не скажешь.

А раз сунулся поп ему вперед крест дать.

— Не мне давай, их учи! — и не захотел приложиться, пока черед не дошел.

Суровый был, щетинистый, что бровь: побаивались старики, и родной его сын не отставал от других.

Гуляет раз Михаил Петрович в саду по аллее. Навстречу Иван Никитич, ну и сейчас же в сторону, боялся, не помешать бы, а Михаил Петрович заметил и тоже — дорогу загораживает. И столкнулись.

— Вот ты стал и я стал, а дело кто будет делать? — и пошел, только костыль стучит.

Нередко при встречах вдруг остановит:

— Что же, у тебя карандаш есть?

Мысль, верно, в голову приходила, записать хотел, а карандаш забывал.

На слово скупой, на людях Михаил Петрович пустого слова не вымолвит, молчит, а потом такое скажет, ошпарит всех. Любил музыку слушать и очень был доволен, когда в Гнездилово приезжал скрипач Лесли Николай Павлович, на скрипке играл.

Но чем можно было навсегда расположить Михаила Петровича, это стариной. Иван Никитич нашел в Гнездиловской библиотеке рукопись, да не простую рукопись, на пергаменте, и, конечно, Михаилу Петровичу. И уж рад это был старик, не знал, как и благодарить, и подарил за этот дар книгу свою: «Простая речь о мудреных вещах» с собственноручной надписью.

В Гнездилове писал Михаил Петрович историю Петра Великого. Иван Никитич в окно видел: завалится в большое кресло и все рукой ото лба по голове волосы ершит. Работал целый день, только прогуляться выйдет. Историю эту так ему и не пришлось окончить.

Когда в духе, спросит, бывало, Ивана Никитича: — Как, брат, тебя медведи турнули, расскажи! И в который раз начинал Иван Никитич свою медвежью повесть, а старик всегда слушает, и так, будто впервые.

— Говорю как-то солдату Константину, — рассказывал Иван Никитич, — пойдем, медведи в Баскакове на овсы выходят, все поле изъелозили! — Поехали. Прихватили мужика Андрея, да еще Степана. Константин стал в ельничке и Степан с ним. А я с Андреем на пол — камень да елочка. Андрей говорит: «К черту ружье, я топором!» Ладно, думаю, топором, так топором. А посидели час, друтой, стало померкать. «Что стоит медведь?» спрашивает Андрей. «А три рубля!» шучу. «Ну, говорит, не стоит и караулить». А сам — какой уж там топор! Совсем смерклось. Слышу в лесу трещит. Андрей шепчет: «Идет!» «Тише, говорю, молчи!» Медведи близко. Слышно, как сморгают овес зубами. Андрей как заколотился — у него в глотке: ка-ка-ка! — брешет в глотке. Я его к земле: «Накройся!» Гляжу через елочку: стоит махина — саженный. Приподнялся: а там еще три — вместо одного четыре. Тут и я присел: с таким товарищем плохо. «Андрей, шепчу, давай отойдем!» Стали отходить. А медведи зачуяли и прямо на Константина. А Степан под елкой храпит! Медведи и услыхали. Тут Константин из своего ружья как хряпнет, — и медведи врозь и сам кверх ногами. Такое ружье у него было французское: ствол отсюда и досюда, а пороху пуд. Спросишь, бывало, Андрея: «Пойдем, Андрей, медведей караулить!» «Да будь они, скажет, прокляты, и детям закажу и внукам».

Кроме этой медвежьей повести любил еще Михаил Петрович рассказ о Егорыче.

В Гнездилово к Бологовской наезжал погостить старый кавалерийский офицер Василий Егорыч Булычёв, большой бедняк.

— Что ж, братец, — подмигнет Ивану Никитичу, — овсеца-то лошадям. Никому не говори.

Умора смотреть: плешь большая и кок закручен. И когда подвивал, весь, бывало, сажей выпачкается.

Как-то играли в карты. А он — деньжонок не было — не играл, около семенит, засматривает. Богач Барышников Александр Иванович говорит:

— Играй!

— Денег нет.

Дали Егорычу денег.

Наиграл Егорыч целую кучу, да потихоньку за дверь, да к кучеру:

— Запрягай.

Хватился Барышников: — Догнать с. с-а!

Догнали. Привезли.

— Ты, что ж, черт старый, уезжать!

Рассердился Барышников, посадил беднягу в баню, велел баню соломой обложить.

— Зажигай!

Такого натерпелся Егорыч, и с той поры хоть золотом осыпь, не засадишь за карты.

Попал как-то Иван Никитич в Москву к Михаилу Петровичу на Девичье поле. Показывал ему Михаил Петрович древлехранилище свое, сюртук Пушкина — сюртук висел в тумбочке, а на тумбочке стоял бюст Пушкина. Жилетку Гоголя показывал — крапинками замусленная.

Не хотел Михаил Петрович отпускать гостя, сам и кофеем поил.

— Поживи у нас! — оставлял старик Ивана Никитича: Сокольники хотел показать, 1-ое мая, гулянье московское.

После смерти Михаила Петровича все пошло прахом, в конюшне — шесть стойл завалены были книгами — куда все девалось? Дворники продали за десятку и сюртук Пушкина и жилетку Гоголя. Все растащили.

V

Иванъ Никитич († 1919) на всю жизнь сохранил память о Погодине. Ни щетинистого старика, ни его древлехранилища нельзя было забыть. Глазами Погодина смотрел Иван Никитич на книгу. И старый Писмовник не мог не попасть в его руки.

Иван Никитич передал Писмовник племяннику своему Ивану Сергеевичу — писателю Соколову-Микитову. И не прогадал: любит Иван Сергеевич и книгу, и слово, и самому ему дал Бог талант своего слова — дремучих дорогобужских лесов князь обезьяний.

У меня же Писмовник в моей книжнице на верхней полке всегда перед глазами, а караулит его заяц.

1918 г.

Календарь
узорочное

I

Нечай — предок с материнской стороны Ивана Александровича Рязановского.

Иван Александрович Рязановский — костромских деберей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический.

Нечаи ведут род свой с незапамятных времен, — так говорит старая грамота черниговского маршала дворянства Степана Ширая. А нынешний род Нечаев начался с Васи́лия да Никанора, благородство коих было удостоверено семью родоначальниками дворянских фамилий Черниговской губ.

По отзыву этих знатных свидетелей Василий Нечай был знатный полку стародубского значковый товарищ, а Никанор — бунчуковый товарищ. И оба Нечая вели жизнь благородную.

Василий постригся и был черным попом, но и в черных попах вел жизнь благородную.

Никанор умер бездетным, а сын Василия Марко был уже не в Стародубе, а в Мглине подсудком Поветового суда.

Когда переселились Нечаи в Мглин — неизвестно, но тут они осели и перероднились с другими дворянскими фамилия-

ми, особенно же с Бонч-Бруевичами. Родственные связи между Нечаями и Бруевичами были так часты и многочисленны, что местный архиерей грозил запретить им жениться друг на друге. По этой причине, как идет молва, возник несчастный роман между представителями этих перепутанных родством фамилий, а именно: между Лукой Фомичем Нечаем и Матреной Марковной Бонч-Бруевич. И было даже сочинено кем-то из доморощенных пиит стихотворение:

за что такъ жестоко казните вы взоромъ Луку Ѳомича?
за то ли, что сьѣлъ у васъ банку съ груздями...

Стихотворение длинное, — увы! всеми забытое, — пространно повествовавшее о несчастном и прожорливом любовнике.

II

От подсудка Марка родилось трое сыновей. Старший Иван достиг изрядного обучения и для усовершенствования в науках был определен коштом подсудка в Московский университет.

Так первый представитель малороссийского земельного рода попал в чуждую ему обстановку русского севера, и это отразилось не только на внутреннем существе современника Боротынского и Языкова, но и на его внешности: из ярко-рыжего стал на Москве мглинский Иван черным, как цыган.

Не узнал старый Марко любимого сына: — Ивась, где же твоя красота! — всплеснул старик руками и не хотел верить, что все это было натурально.

Три года московской жизни превратили Ивана Марковича в тогдашнего интеллигента и романтизм расцвел в его детски-чистой меланхолической душе. Байрон был для него откровением. Религиозный, не потерял он веру, но его отеческая вера потускнела перед страстной верой-любовью и поклонением женщине — «венцу и перлу творенія». Рыцарское обожание незаметно перешло в горячую безмолвную и безнадежную любовь к «прекрасной Клавдіи». Кто она была, неизвестно, — бестелесная? Да и зачем было романтическому поклоннику души тело прекрасной героини? Он любил только очи, сердце и дух. Он воспевал ея пышные кудри в сиянии волшебной луны. Неопытные, но страстные строфы и теперь живы на синих страницах тетради, куда он вписывал свои черновики.

По окончании университета Иван Маркович был назначен учителем в Ярославль, в местную гимназию и Екатерининский дворянский пансион. На одном из балов в этом пансионе ему блеснули в глаза черные очи Ларисcы Андреевны Нефедьевой, и он увидал в ней сходство с своим идеалом – с воздушной Клавдией, о которой мечтал всю жизнь.

Нефедьева – живая брюнетка, скорее миниатюрная, дочь Андрея Артамоновича, отставного полковника времен Отечественной войны, была из разорившегося дворянского рода Ростовского уезда. Нефедьевы поддерживались своими богатыми родственниками Дансами. Дансы и вывезли на достопамятный бал Ларису Андреевну – «прекрасную Ларисcъ».

Прекрасная Ларисcъ! – я встретил ее через полвека сморщенной старушонкой с длинною до пола трубкой. Помню суровый взгляд ея поблекших глаз, кольца дыма, и потрескивание угольков в трубке.

III

Жестоко, ценою всей своей жизни заплатил Иван Маркович за сходство Ларисcы Андреевны с лунною Клавдией. Душа его больше не знала покою: он, любивший спокойное мечтание и прогулки при луне, должен был таскаться по пикникам, на балы и вечеринки среди пошляков, круглых невежд и взяточников.

Где были мечты его юности? Где блестящие победные имена – где Грановский или благословивший его Боротынский? Это только снилось, и пробуждение было ужасно.

Ларисcъ ничего не понимала, голова ея была набита жадностью разорившейся мещанки, завистью и пошлостью; Ларисcъ была едва грамотна.

Вот если бы Иван Маркович брал взятки, тогда бы он был радетельный муж и отец: у них были дети!

Прежний брак был нерасторжим и оставалось либо петля, либо беспробудное пьянство. Иван Маркович выбрал второе. Его мозг, отуманенный алкоголем, мог еще мечтать среди грубых оскорбляющих буден, ссор дворни, крика детей и визга Ларисъ.

Какое отвращение!

Старое забывалось. Тускнела первая любовь, сливаясь с туманной мечтой. Опоры не было. И как разорвать? Нет, никуда не уйдешь.

И он пил.

В свои отчаянные часы этот кроткий нежный человек делался неузнаваем. Не было возможности подступиться. И одна только младшая его дочь Любочка вбегала к нему и, повиснув на шее отца, останавливала его безумные порывы. Она не боялась, она одна чуяла тягчайший его крест, скрытый для других, и сочувствовала ему.

Отчужденная, нелюбимая, кроме отца, росла она.

Забившись куда-нибудь в угол, целыми днями просиживала она, глядя на всех издали, незаметная, темно-васильковыми глазами. И что там творилось, в спугнутой душе ее васильковой? Кого жалела? Кого проклинала?

А выросши в полную красавицу девушку с густыми черными косами, она сохранила в себе душу тургеневских героинь: молчаливая, внешне спокойная, твердый и роковой характер. Она жадно ловила каждое слово отца, который рассказывал ей о людях непохожих на ярославцев, о героях добра и славных мучениках. Из нее вышел человек исключительной честности и простоты.

Ее узкие тонкие руки казались такими одухотворенными, и в отчаянные часы безумия, укрощаясь, отец целовал их, как мощи святой.

IV

Смерть Ивана Марковича была медленным угасанием: он истаял, как свеча, сопровождаемый и в последние минуты свои ворчаньем Ларисcы Андреевны, ее перекорами с Настенькой, старшей дочерью, и посвистыванием легкомысленного Александра Ивановича, который курил очистительный фимиам папиросы над лицом умирающего отца.

Если бы в эти минуты какой-нибудь лапландский волшебник показал Александру Ивановичу одинокую его смерть в избе в селе Курбе, где, исходя кровью, всеми брошенный — дочери его гуляли на посиденках! — без всякой помощи умирал он, если бы нашелся такой волшебник, тогда бы и Александр Иванович с ужасом выронил свою папироску, вырвал бы из сердца

призрак ненавистной цыганки и заглянул бы единственный и последний раз в глаза отца.

Иван Маркович умирал отчаянно, как отчаянной прошла его жизнь. В потухших глазах загорался огонек — чахлая рука звала какое-то видение. Или прекрасная Клавдия являлась ему, провожая в дорогу своего несчастного рыцаря?

После смерти Ивана Марковича его последние работы, его атлас, его рукописи учебников Лариса Андреевна продала на толкучку. И тщетно, приехавший в Ярославль московский профессор Павловский искал этих рукописей по всему городу. Рукописи были уж куплены и припрятаны хитрым учителем географии Пылининым, его бывшим товарищем. Так погибло все, чем еще жил человек и собирался оставить после себя. Все истребила безжалостная рука Ларисcы Андреевны, будто назло вырвавшая с корнем всякую папамять о муже.

V

Смерть отца застала Александра Ивановича уже взрослым. Он успел побывать в Московском университете, где за легкомыслием своим курса не кончил.

В Москве проводил он время или в биллиардной, или в цыганском таборе за заставой, откуда сразу же и перешел в другой табор под Ярославлем. Тут он ухлопал не одну тысячу на красавицу Стешу, чем вызвал чуть ли не паралич у жадной матери: разгульный кутеж сына не ужасал Ларису Андреевну — это было слишком обычно среди мелких помещиков — а вот истраченные тысячи, это другое дело.

Пришлось продать дом около Спасского монастыря, хороший дом, двухъэтажный, каменный, который очень бы пригодился в приданое за Настенькой, о Любочке как-то забывалось. И дом был продан, а за домом и последние обрезки ростовского имения, попавшаго-таки в руки купца Родионова, который на неудобной земле выстроил саговый завод, выделывая сагу из великолепного картофеля ростовской сырой почвы.

Не прослужив и году в Гражданской Палате, Александр Иванович поступил юнкером в Ростовский полк, произведен в прапорщики и назначен в пехотный полк в Смоленске, а из Смоленска через год попал опять в Ярославль в стрелковый полк, и с медалью на Владимирской ленте вскоре вышел в отставку.

Судьба забросила его в Новгород, гд он занял место управляющего винокуренным заводом.

Все новые и новые связи захлестывали его. Не страстная любовь, не в отца он пошел, непостоянство — вот его страсть и постоянное желание нового. Пользуясь всякой свободной минутой, он ускользал из скучного мертвого Новгорода в веселый живой Петербург.

Привязанности и карты — в этом вся утеха и последний смысл.

Как-то не повезло, и тридцать тысяч хозяйских были спущены в один вечер. Взять было не у кого, — Ларисса Андреевна, не раз выручавшая сына, жила где-то за печкой у Николы Мокрого под горой.

А денег надо было достать!

Александр Иванович женился на богатой новгородской купеческой дочке Шияновой. Красавица жена, совершенно необразованная, принесла большой капитал. Дела поправились. Но тут опять случилось несчастье: сгорел Микулинский винокуренный завод.

Долго не находилось места. Совсем заскучал Александр Иванович. Наконец-то, тесть устроил его в Петербурге на Николаевскую дорогу.

И опять пошло раздолье.

Концессии следовали за концессиями, деньги сыпались грудой неизвестно откуда, все перемешалось — свое и чужое.

Бесшабашный Александр Иванович окончательно запутался. Безудержные кутежи закрутили его шальным потоком. Жену и двух дочерей забросил.

Помешанная от ревности Катерина Ивановна с утра до позднего вечера сидела, согнувшись у стола, рисуя на бумаге из-под табачных картузов сторублевки и раскладывая их кучками.

Дети оставались без всякого призора. И опять случилось несчастье: провалился мост. Мост-то, Бог с ним, другой выстроить можно, да в кессоне залило водой что-то до двадцати рабочих. Пошел всполох: что и как? И тут власти усмотрели нечто удивительное: строился мост не инженером, а Александром Ивановичем за его собственной ответственностью, «чего быть никоим образом не должно». Юристы решили, что Александр

Иванович не может и отвечать за смерть рабочих по закону, а потому и наказания ему никакого не вышло, только от должности отставили.

Извернулся Александр Иванович: с помощью другого Александра Ивановича, земляка и родственника, Кондратьева сделался частным поверенным и дела опять пошли в ход.

И это был последний успех.

При введении новых судов адвокаты плодились, как летним вечером костромская мошкора на болоте. С этой тьмой тем соперничать оказалось невмочь, и Александр Иванович вынужден был переехать на родину.

И вот, как когда-то, в незапамятные времена табора и красавицы Стеши, опять замелькали в глазах кирпичные стены Толчковской церкви и белые купеческие дома.

Поредели, засеребрились черные кудри. Усталость и скука тенью пала на лицо. Измаяли душу. Или уж все перегорело? Жизнь пошла в тягость. А дела все хуже и хуже.

Адвокатская орда завладела и Ярославлем. Народ пошел дотошный, кляуза развилась до старомосковских столбцов. Никак не поспеть да и не возможно.

Появились и такие штукари, которые обмозговывали самые невиданные фокусы вплоть до переряживания, и ничем не стеснялись. А Александр Иванович как-никак дворянский сын, и он совсем отстранился.

Подросли дочери, здоровые и веселые хохотуньи, похожие и с лица и складом на несчастную мать, доживавшую свой безумный век в Новгороде в сумасшедшем доме.

Безвыходность заставила Александра Ивановича из ходатаев спуститься до волостного писаря: нашлось такое место в маленьком селе Курбе, родовой вотчины знаменитых князей Курбских в Ярославском уезде.

Жизнь в грязной избе Волостного Правления, вынужденное пьянство окончательно разбили пошатнувшееся здоровье.

И это было последнее место.

Незадолго до смерти ему отказали и уж идти было некуда.

В Васильев вечер пришел конец.

И никакие воздушные призраки не витали перед ним в последние тяжкие минуты, одна сидела у изголовья горькая забота.

Без веры и упования, пережив свои привязанности и свою ненависть, стражда, беспомощно, кругом один, помер он, никак не понимая, зачем все это, зачем такая боль и зачем было все то, что называется жизнью.

*

После Александра Ивановича, как память, остался бирюзовый перстень — подарил он его сестре Любови Ивановне в день ее свадьбы, да несколько рисунков — копия с портрета отца, нарисованного учителем гимназии Харитоновым, да еще мелкие акварели и календарь.

VI

Три руки писали календарь: Александр Иванович, Любовь Ивановна и Фанни Шишкина, дочь ярославского помещика.

Пожелтели листы да на кофейном переплете по корешку поблекло золото, а то все сохранно, как и в руках не было. А писано, что вышито.

Три рисунка — три рамочки: две красками — «1854 Календарь А. Нечай» и «1857», а одна карандашем — «А. Н.»

Два города: Ярославль и Смоленск.

В начале, как полагается в календарях, святцы, а конец — присловье о кузнеце.

Святцы по четыре столбика на страницу: два с крестными именами, а рядом столбик памяти. В память вписаны рожденье, именины, свадьбы, перемена в службе и кончина родственников и знакомых (1817—1869).

$^{10}/_{21}$ января 1817 г. рожденіе Ларисcъ Андреевны Нечай (урожд. Нефедьева).

$^{7}/_{18}$ января 1834 г. свадьба Ивана Марковича Нечай.

$^{7}/_{18}$ декабря 1834 г. рожденіе А. Нечай.

$^{12}/_{23}$ октября 1857 г. Открытіе Америки въ 1492 г., получилъ на память отъ Фанни Шишкиной браслетъ.

$^{9}/_{20}$ марта 1858 г. смерть учителя исторіи Яр. гимназіи Николая Ильича Петропавловскаго.

14 августа 1858 г. первый разъ видѣлъ Государя Императора Александра Николаевича и Императрицу Марію Ѳеодоровну.

17 сентября 1858 г. была блистательно видна ниже большой Медвѣдицы комета.

$^{7}/_{18}$ августа 1869 г. рожденіе Ивана Алекс. Рязановскаго.

$^{30}/_{11}$ ноября — именины Андрей Артемоновича Нефедьева.

Скажу о Андрее Артамоновиче Нефедьеве, дядюшке Александра Ивановича, помяну чудака.

Сгорбленный в халате, серенький, точь-в-точь воробушек, ласковый к родне и грозный к дворне. Когда дочери Ларисcы Андреевны и другие племянницы — Болдыревы и Дансы приезжали в усадьбу, старик, порхая воробушком, вводил их в дом и начиналось угощение.

А угощал он всеми деревенскими кушаньями, на которые была таровата старина, но главное, не обходилось без любимой каши с горохом. Эта каша полагалась на загладку, и хочешь-нехочешь, а съесть тарелку должен.

Не смея отказаться, давясь, кто со смехом, а кто и со слезами, ели эту самую кашу.

А старик закрывал лицо рукой и, глядя сквозь пальцы, довольный порхал вокруг стола воробушком.

— Племянницы, племянницы! кашки с горошком! кашки с горошком!

И за этой же самой кашей, так вот порхая и трясясь от хохота, вдруг присел и, выкрикнув не своим голосом «кашки с горошком!» испустил дух.

За Святцами «Горе от ума», потом стихи рукою Фанни Шишкиной:

«Ночное раздумье — Туманной пеленой закрыта даль...» (Красова, Клюшникова, Бернета или Грекова, не знаю) «1857 г. 13 X II ч.» С многоточиями и подчеркнутыми строчками —

за мигъ одинъ горячаго участья,
я бъ отдалъ эту жизнь сто разъ.

«На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла» (Пушкина) с подчеркнутым концом —

и сердце вновь горитъ, и любитъ отъ того,
что не любить оно не можетъ...

За стихами рецепт из Поваренной книги. И до того живо написано, возьмешься читать и уж будто за столом сидишь и все

тут перед тобой на столе и такое горячее да вкусное и, не отведав, благодаришь хозяйку.

Супъ изъ раковъ.
Супъ изъ раковъ, приготовленный иначе.
Супъ изъ рису на молокѣ.
Супъ С-Жульенъ.

И опять стихи, уж вписанные Любовью Ивановной, мельчайшие буковки:

«Я помню робкое дыханье» (Огарева), «$^3/_{12}$ октября 1860».

И «Ночь. — Рукой невидимой Бога» — доморощенные стихи, сам Александр Иванович вписывал, с концом оправдательным:

Онъ сказалъ: тотъ, кто любить здѣсь много, много,
много простится ему.

И опять мельчайшие буковки: «Значеніе цвѣтовъ» — «1859 года января 10 числа».

Розы розовыя,
Розы бѣлыя.
Розы алыя,
Розы дикія ...

Или где-то в старой усадьбе в столовой букет на столе.

И вижу в сумерках плечи, глаза и улыбку и — слезы —

Оканчивается календарь «таблицей несчастныхъ дней Тихобрагова».

Приведу эти дни Тихобраговы (Тихо де Браге), а рядом Эразмовы (преподобного Эразма черноризца печерского)

	Тихо де Браге	Эразмъ
январь	1, 2, 4, 6, 11, 12, 20	2, 13
февраль	11, 17, 18	3, 11
мартъ	1, 4, 14, 24	4, 25
апрѣль	3, 17, 18	3, 20
май	7, 8	7, 8
іюнь	17	3, 6
іюль	17, 21	3, 19, 20
августъ	20, 21	8, 14, 16
сентябрь	10, 18	3, 24

октябрь	6	3, 21
ноябрь	6, 8	5, 11
декабрь	6, 11, 18	3, 24

В книге З. Рагозиной, История Халдеи, прочитал я тоже о несчастных днях:

«У шумиро-аккадиянъ послѣднiй день каждой четверти луны считался "тяжелымъ" днемъ — проклятымъ. Такимъ образомъ 7, 14, 21, 28 и еще, почему-то, 19 день каждаго мѣсяца были у нихъ несчастными. Дни эти назывались — саббатувъ».

*

Святцы, память, Горе от ума, стихи, кулинария, цветы и дни, а на последнем листке — «7-ой классъ въ 1853 г.» — тридцать восемь фамилий выпускных гимназистов и против каждой фамилии служебная судьба — «уланъ, въ Оругѣ, въ сенатѣ, чиновн. особ. поручен.», и среди них Нечай Алекс. Иван. и против меленькими буковками —

у м е р ъ

1918 г.

Святцы

сошное

I

Дьякон Василий Яковлевич был родоначальник фамилии Звездкиных — до него мир не существовал.

Дьякон был настоящий кондовый русак.

Отслужив службу и надев зипун, с топором в одной руке и с ружьем в другой, уходил дьякон в глухие лесные дебри и болота, окружающие село Пахтаново, ставил силки, охотился за мелкой дичью и, подобно Исаву, обременный добычей, возвращался с лова.

Мал был доход дьякона от поповки, но дьякон был муж доблий и деятельный. Кроме домоустроения, дьякон создал своими руками, с помощью топора и ножа, самодельные стенные часы с гирями и таким зверским боем, что как бывало забьет

полночь, все собаки по селу встрепенутся и лай подымут ужасный, как на самого страшного зверя.

Пахтановские воры и разбойники на эти самые часы сколько зарились, да подступиться к дьякону не было никакой возможности.

Накрепко заказал дьякон своим потомкам: и пяди не отходить от дому без топора, о чем мне самому довелось слышать от сына его Петра Васильевича, протопопа села Середы Упиной.

С отцом Петром породнился знаменитый блудоборец и князь обезьяний Иван Александрович Рязановский, появший дщерь его, внучку старого дьякона, Александру Петровну Звездкину, и ныне цветущую здравием и благодушием.

Разбирая после покойного протопопа бумаги вместе со свояком Рязановского Димитрием Ивановичем Лебедевым, который безжалостно метал в пещь вещи нужные и ненужные, и, заметив, что ввергает поп в огонь некую малую осьмушку, я удержал его волосатую длань.

И воздействие мое было не напрасно.

Крупно грубо исписанная книжка, желтоватая, как сам тульский пряник, с орденским черным крестом в двух кругах и с красной сургучной печатью.

сии свяцы и молитвы принадлежатъ
села Пахтанова старому Діакону
Василью Яковлеву Звѣскину
1850 года Сеньтября 1 дня.
Аминь.

II

Пряник старого дьякона увесистый.

В нем все: и для души, и для ума, и для дома.

Основа — святцы.

Святцы 1812 года на все дни: с сентября — начало нового лета — по сентябрь — ключ и конец.

Кайма — молитвы: истинные — канонические и ложные — отреченные.

Дьякон начинает по-правильному, слово в слово выписывая молитвы из канонника:

Ангелъ предстатель съ небеси посланъ —
О, пресладкій и всещедрый Іисусе —

Ангеловъ Творче, и Господи силъ —
Святый Ангеле, предстояй окаянной моей души —
Ангелъ Христовъ святый, къ тебѣ припадая, молюся —
О, пресвятая Госпоже, Владычице Богородице —
Моленіе мое прими убогое и плача моего не презри —
Судіи сѣдящу, и ангеломъ стоящымъ —
Малъ бехъ въ братіи моей —
Преблаги Господи —
Благодаримъ Тебѣ, Создателю —
Паки занятъ быхъ окаянный умомъ —

К этим молитвам присоединяет дьякон и некую науку и устав для памяти:

— Годъ имѣетъ двенадцать мѣсецовъ. Дней въ году простомъ триста шездесятъ пять, въ четверьтомъ же году, которой называется высокосъ, прибавляется еще день.

— Временъ въ году четыре: весна, лето, осень, зима.

— Человѣкъ имѣетъ пять чустъ: зрение, слухъ, обоняние, въкусъ, осязание.

— Дела милости, телу принадлежашія: алъчушаго напитать, жаждушаго напоить, нагаго одеть, страждушаго въ домъ въвести, немошнаго посетить, ходить въ темъницу, искупать пленыхъ, умерышаго погребать, согрешаюшаго исправить, неумеюшаго наставить, сомнящему добросоветовать о спасеніи Господа молить, печальнаго утешить, сносить несправедливость съ теръцениемъ, долги прошать.

— Смертныя грехи: гордость, сребролюбие, гневъ, невоздержание, зависть, уныние, клевета.

— Грехи противъ Бога: излишнее упованіе на милость Божию бесъ творения добрыхъ делъ, отъчаяние милости Божией, сопротивление явное. Помни 4 последнія: смерть, судъ, адъ, царствие небесное.

Но дьякону мало обычных молитв, установленных и освященных, сошная душа его испытывает милосердие и другими молитвами, не входящими ни в какие каноны:

Кресте чесны —
хранитель души и телу!
буди ми образомъ своимъ:
бесы низлагая,

враги отьгоняя,
страсти упраздняя.
благословение даруй ми,
жизнь и силу
содействиемъ Святаго Духа
и честными Пречистыя мольбами.

Так стихом умиленным молится дьякон кресту. И еще есть молитва — стих подорожный — не окончил его дьякон:

Боже, Боже нашъ,
истинъ и живы путъ путешестваы
со слугою своимъ Иосифомъ,
спутешествуй Самъ, Владыко,
и рабу Твоему Василию!
всякаго вреда обуреваніе
и наветы вражия,
миръ, благомошие,
всякия правды устрой,
промыслъ творяша по заповедемъ
Твоимъ.

И на отдельной записке, — в святцы вложена, — крупно записана сошной рукой «вторая молитва» — стих покаянный:

яже Петрово приемы рыдание,
пріими мое, Христе, покаяніе,
и даруй ми согрешені прощеніе.
Аминь

И еще есть у дьякона особенная молитва — *заговор на воду* от внутренней болезни — молитва к матери сырой земле, к батюшкам ветрам.

Стоит дьякон над шайкой, долгие волосы на лбу смоклись, — месяц молодой справа ему светит —

Троице единосущная и нераздельная!
Благослови меня, Господи,
сии ключи тецши, насъ обращающихся,
в едину реку —
стекайтесь ключи
чистъ и непорочена раба Божия,
спасите!

чиста и непорочна
ходатаиницею со аньхеломъ своимъ
сия вода — матушка,
и мать сыра-земля,
прости мя грешнаго,
раба Божія Василія,
что я на тебя поступилъ
безъ Божия благословения
и безъ родителя батюшка!
и сии ветры,
простите мя грешнаго

матушка сыра — земля
и батюшки сии ветры,
отпустите мя
отъ внутрённей болезни!
я, рабъ Божій, обещаюсь
вечерню и утреню зарю
Исусову молитву на каждый день
отъ внутренней болезни.
Аминь.

III

О здравии душевном и телесном непрестанно просит дьякон у Бога, у Матери Божьей, у Ангела хранителя — у матушки-воды, у матери сырой-земли, у батюшек-ветров.

А есть у него и другая забота: пчела.

Но пчелиной молитвы в молитвеннике нигде не найдешь, такой нет и быть не может, пчелиной! И вот вписывает дьякон в свои заветные святцы *заговор на пчелу*.

Стал дьякон по утренней заре на своем пчельнике — рубинском рубище, чуть слышно перебирает губами, шепчет — слушайте! — его слова, как цвет, и душисты, как полевой цветок, и крылья лебединые и сила лебединая —

Господи, благослови на сей день Господень
отъ Духа Святаго,
и печать Христова —

Спасова рука,
Пречистой замокъ.

Анъгелъ мой хранитель,
сохрани мою душу
и скрепи мое сердце!
Врахъ-сатана
— худыя дела —
отъшатись отъ меня,
отъ моего пчельника.

есть у меня кресть Господень,
а на томъ кресте написано:
четыре евангелиста —
Лука, Маръко, Иоанъ Богослов, Матъѳей,
Зосима и Саватей,
и Никита, Христова мученикъ,
за Христа мучился,
за наши труды спасеные.

выду я, рабъ Божий,
из дверей во двери,
из воротъ въ ворота
под утренюю зорю
и под вечеръню зорю
Встану я лицомъ
на рубинъскомъ рубище
и подъ луной Господень месецъ.
и какъ ты, светлый месецъ
светишь солънышку,
и такъ посвети въ своемъ пчельнике
своей —
моей пчелой,
пчелиной матъкой!
и та пчела-пчелица,
Божия царица,
даетъ тебе Господь
лебединыя крылья
и лебединую силу

полетишь ты, пчела,
во чистыя поля,
во зеленыя луга,
где не гуляй — не летай,
ко мне на пчельникъ прилетай!
и какъ царь царитъ на царъстве,
и такъ мне царить на-тобой,
надо пчелой.
и ты, пчела-пчелица,
полетишь на полетъ
добра и весела.
сама на чужую не летай,
а чужую на себя не пущай.
оттыкаю сей пчельникъ
божественъным молитвами
и стихами херувимъскими,
запираю сей пчельникъ
замъкомъ и ключами.
те ключи положимъ Господу
на престолъ и на предъставительство
когда соидуца Зосима и Савати,
соловецъки чудотворъцы,
оне молятъ и просятъ
у Царя Небеснова Бога
о своей пчеле и пчелиной матъке.
я васъ утверъждаю
молитвою
отъ глаза и от уроку
и отъ нечистаго духа.
молю я Михаила Аръхистратига
Божия,
помози мне, рабу Божию,
за всею пчелою поводиться
во векъ века
Аминь.

Пчела готова — будет мед. Хорошо с медом чаю попить! Испечет дьяконица к празднику медовые оладьи. Господи, и до чего это хорошо медом пахнет!

С пчелой готово, надо о рыбе подумать — без рыбы в пост никак не проживешь.

Но и рыбьей молитвы, как и пчелиной, нет таких молитв. И записывает дьякон в святцы *заговор на рыбу*.

Вышел дьякон под вечер на речку, стал на бережку, наклонился на правый бок и забурчал — как струя, бегут слова:

лягу я, рабъ Божи, помолясь,
въстану, перекрестясь
умоюся водою,
утруся полою.
пойду я, рабъ Божи,
изъ дверей во двери
изъ воротъ въ ворота
во чистое поле,
во зеленые луга,
на свежия воды
жерълички постановить
рыбъ плавающихъ половить.
рыбѣ половленіе,
а врагамъ на прогоненіе,
а мнѣ, рабу Божию, на прокормленіе

IV

Для души — молитва, для дому — своя молитва.

А есть такая молитва — такое слово, что и о душе и о доме. Есть такое слово — оберег всей жизни: всю твою жизнь стеной огородитъ и в сем веке и в будущем.

И таким словом, ограждающим от бед и напастей, был для русского человека —

Сон Пресвятой Богородицы.

Не век, не два, при великих еще государях, царях и великих князьях всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцах, пошло по Руси это слово, и не было дома, где бы не хранили, как святыню, чтя этот Сон Богородицы, как Николу, и веря, как в свечу четверговую.

Дьякон, имея в уме все молитвы моленные и заговорные, и неослабно памятуя, что в году триста и шестьдесят пять дней, времен же года четыре, а чувств у человека пять, и что на-

до сносить несправедливость с терпением, веруя и ожидая от Креста последнего себе спасения со всей родиной своей дремучей, Русью крестной, осенив себя крестным знамением, вписал в свои святцы —

Сонъ Владычицы нашея Богородицы,
присно девы Маріи

* * *

Егда почивала Пресвятая Богородица во святомъ Граде Вифлееме иудеистемъ въ марьте месеце въ четверьтомъ часу дни и прииде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ истины и единородны Сынъ Божи. И рече ей, Матери Своей:

«Спиши ли, Мати Моя, или не спиши и что во сне видеши? Востани и повешъ ми!»

И возбудися отъ сна своего Мати Божия и рече Сыну своему Іисусу Христу:

«Видела я про Тебя, Господа моего Іисуса Христа Сына Божия, сонъ страшенъ и вельми грозенъ зело. За семъ дней воскресения твоего во градѣ Вифлееме іудеистемъ воскресилъ праведнаго друга Божия Лазаря, а за шесть дней воскресения Твоего ехалъ Ты, Сынъ Божи, на жеребяти осли со ученики Своими во грать Іерусалимъ и дети евреиския стретаху Тебя, Сына Божия, ветви деръжаху въ руцехъ своихъ и подъстилаху ризы своя по пути и вопияше Тебе, Сыну Божию: Осана вышнихъ благословенъ гряды во имя Господне, Царь Израилевъ! А за три дни воскресения Твоего, вливая воду во умывальницу и нача ученикомъ, ноги умывати и ленътиемъ утирати, и по семъ единъ отъ ученикъ Твоихъ, именемъ Іюда Іскариотьски продаде Тебя, Сына Божия, окаяннымъ жидамъ на тридесяти сребреницъ. И они, жидове, советъ сотвориша, какъ бы Тебя, Сына, поимати и распяти. И поидоша къ Тебе, Сыну Божию, на потокъ кедръски со оружіемъ и дреколиемъ, аки на разбоиника, мужей петихъ турокъ. Іудее взяша Тебя, Сына Божия, и связаша Тебя, Сына Божия, и связаша ужема железными и облекоша въ багряную ризу и теръновъ венецъ соплетоша Тебе, Сыну Божию, и на главу Твою святую возложенъ бысть, и по святому лицу Твоему биша и плеваша и заушиша. И приступи къ Тебѣ, Сыну Божию иудеи и удари по святому лицу Твоему и рече: Радуйся Царь Иудейски! И поведоша Тя на дворъ Каияфофъ

и биша тамо, и къ столъпу привязаша Тя и биша вскимъ оружиемъ и дреколиемъ. И повеле Пилатъ вести Тебя, Сына Божия, на пропятие на гору Голъгофу. И на трехъ древахъ — на кипарисное и на певке распяша Тебя, Сына Божия, руце и нозе гвозми пригвоздиша. И съ Тобою распяша два разбойника. И повеле Тебе, Сыну Божию, на запатъ лицемъ зрети. И единъ отъ воинъ, именемъ Логинъ, копиемъ ребра Твои прободоша и авие изъ ребръ Твоихъ, аки речная струя, течетъ на землю. Отъ крови Твоея обагришися земля. Тогда Никодимъ старецъ, Иоанъ Богословъ пречистое тело Твое со креста съняша и благообразны Иосифъ, плащаницею чистою объвифъ, и во гробѣ нове положивъ, и погребоша тело Твое святое. И на гробъ привалиша камень великъ и страшенъ и стражие поставиша римлянъ, иудеевъ до тысеши человекъ. А по утру рано приидоша ко гробу жены мироносицы помазати тело, узреша аньгела на камени седяша и ужасошася. Глагола къ нимъ аньгелъ: «Что ищете живаго съ мерьтъвыми, что плачите нетленаго во тли, шедше проповедите ученікомъ, Его, яко воскре Христосъ, яко естъ Сынъ Божи избавитель всего мира! А крестъ делалъ Тебѣ, Сыну Божию, Симонъ Киринеиски. А по воскресени Своемъ Сынъ Божи Фому уверивъ. А в четыредесятны день вознесения на небеса, а въ пятьдесяты день посла на землю Духъ Свой Святы на святыя своя ученики и апостолы, отого часа бысть разделение языкомъ многимъ странамъ. И виделъ есть неки старецъ Пафнути, всегда размышляше страданія Христово, того ради горьце рыдаше, явися ему Іисусъ Христосъ и сказа ему страдания Своя вся оть Святаго Духа отъ великаго четьверътька даже и до погребения, самъ въ воздыхани серьдечномъ бысть. Испусти ранъ Іисусъ сто, 509 разъ смерьтны ударени принялъ, девяносто ударовъ въ колени принялъ, семъ тысечъ семьсотъ пять ударовъ въ ноги принялъ, 12 расъ истече крови каплей изъ Христа, три тысечи капли по главе, тысеча расъ возложенъ бысть венецъ терьновы на главу Твою святую, и за власы влачимъ по земли и ко кресту пригвожденъ бысть, плевотинъ въ лице принялъ 83, падалъ на землю много разъ. Тогда сонъце померькше, луна въ кровь превратися, ибо и земля потресеся и церьковная завеса раздрася на двое, и мерьтвыя изъ гробовъ восташа, и тогда тма бысть по всей земли оть шестаго часа до девятаго».

И реклъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истины, единородны Сынъ Божи, Спаситель въсего мира:

«О, мати моя возлюбленая Пресвятая Богородица, воистину не ложенъ сонъ твой праведенъ, но все сие сбылоса. Аще которы человекъ въ чистотеноситъ, тому человеку на всякомъ месте милосерьдие Божие и путь ему никто и отворитъ и гад его на землу не уязъвитъ, но и отъ убиения на лесу и отъ заблуждения, отъ злаго человека и отъ напрасныя смерьти и вскори тишину, въ торьгахъ и промыслахъ прибыль, на моряхъ тихое пристанище, въ беседе честъ, на суде превознесется. Аще которы человекъ сонъ Пресвятыя Богородицы въ дому своемъ дерьжитъ, хотя мужески, женьски полъ, хотя н неграмотной, къ тому дому ни огнь, ни тать, ни разъбоиникъ и никое зло не прикоснеца и нечистой духъ не приближица и отъ грому и бури наносимыя и оть лукаваго человека, рабомъ и рабынямъ здравие будеть, скоту приплодъ и въ дому женамъ беременымъ лехкое рождение избавить ея Господь Бохъ оть всякия скоръби и болезни, сказавши тебе слова: «Іисусе, укрепи мя и сохрани мя отъ всякаго зла во дни и въ нощи и въ каждую годину!» Аще которы человекъ сонъ Пресвятой Богородицы при смерьти своей помянетъ или заставитъ кого прочитать, тотъ человекъ милость мою будетъ иметь при смеръти своей. И азъ самъ сойду и мати моя возлюбленая Пресвятая Богородица, и аньгели хранители возмутъ душу его, и избавлю отъ огня негасимаго и отъ червя неусыпаемаго и тарьтарара преисподняго и отъ кромешныя тмы. И приидутъ анъгели Божи и возмутъ душу его и донесутъ до царъствия небеснаго и одадутъ Аврааму въ рай — всегда, ныне и присио и во веки вековъ»

Аминь.

Тут и все святцы.

Сорок и семь лет трудился над ними старый дьякон, храня их у киота, с крепкой верой в силу молитвы и слова, без рассуждений.

И как перевалило за седьмой десяток — все молитвы давно уж на память затвердил дьякон, — повез он заветные святцы из своего галицкого Пахтанова в нерехотскую Середу Упину и собственноручно передал их на соблюдение сыну-протопопу.

На последнем листе святцев положена рукою протопопа надпись:

привезенъ родителемъ моимъ
1859 года генваря 12-го дня
и оставленъ въ наслѣдство.

1914 г.

Печати
резь всяческая

Я старый человек, я совсем отживший человек, все прошло мимо меня. И от всей жизни только и осталось мне сидеть за старым письменным столом с изрезанной клеенкой и перекладывать с места на место перо, сургуч, перочинный ножик.

А в моей жизни все было, как водится, и любовь и предательство, и все свилось туманным клубком и исчезло.

Сейчас я вспомнил себя молодым ученым. Я прохожу мимо шумящей толпы голубых воротников и слышу за спиной шепот:

— Наша будущая знаменитость!

Но из меня настоящий ученый не вышел, все пошло прахом и никакая я не знаменитость.

И вот другие воспоминания заслоняют аудиторию, книги, голубое: балкон большого деревянного дома в Грузинах, воркующий звон гитары и старинный цыганский романс —

и вижу я темные косы, и слова мне звучат из темени сердца —

В темные осенние ночи, когда шумит за окном и дождик бьет по стеклу, я коротаю часы за своим старым столом. И когда мысли от повторений свиваются в безмысленную нить, я отодвигаю ящик стола, беру коробку с печатями.

Еще с детства пошла у меня привычка отстригать сургучные печати у писем. Писем я никогда не хранил, ни дорогих, ни безразличных. А печати берег.

*

Печать моего отца — на бледном сердолике вырезан воин с копьем перед жертвенником, сжигающим маки, а по бокам буквы.

Я хорошо помню эту печать: она стояла около чернильницы и я подходил и любовался ея золоченой ручкой, — резьба неясная, русская.

Гневный взгляд отца и эта печать — нераздельны.

*

Печать предводителя дворянства с фамильным гербом: держатели — рыцарь и лев; на нашлемнике рука с мечом. Это наш дальний родственник, двоюродный дядя — гордый и важный.

Фамильная печать вдавила сургуч на поздравительном письме по случаю получения мною кафедры. Вероятно, потом стыдился своего неудачливого племянника.

*

Печать со снопом внизу, а сверху:

—села натальина конторы—

Это печать родовая, — многим мои деды владели! Кто теперь хапнул, не знаю.

Печать братства: крест и венок.

Печатъ на письме дьякона, просившего о помощи.

*

Самая красивая печать: всадник на бешеноскачущем коне с мечом — литовская погонь.

Помню, змеиная шея коня меня пугала.

Эта печать знатного моего предка: он принял ее в воспоминание своего ратного дела — однажды верхом, во всем вооружении, с обнаженным мечом он влетел на пылающий мост крепости.

*

Печать безымянная, а говорит она мне больше всех.

В треугольнике крест, пылающее сердце и якорь.

—всѣхъ мое блаженство—

Это отпечаток нежной женской руки и души жестокой, ей я обязан всем моей жизни.

*

Печать — А-П-З — печать моего учителя.

Она так же бездарна, с своими славянскими буквами, как и ее владелец.

*

Портрет генерала без подписи: все должны знатъ знаменимость.

*

Нескромная: орлиная сядь дождит на опрокинутую корону — это князь Асланбеков.

Большая печать: голый, сидящий среди степи, из уст его — мат. Это князь Вяземский, а какой, не знаю.

*

И последняя — больше не буду — печать блудоборца и князя обезьяньяго Ивана Александровича Рязановскаго: на дымчатом топазе гусь с мешком денег на лугу —

— mon ové fait tous —

Этой печатью запечатал письмо последний и единственный приятель, с вежливым предложением прекратить знакомство.

1917 г.

Обрывыш
милицейское

Хорошо благоухает жарким летом от скошенной травы, только что скошенной под жарким солнцем.

Хорошо среди свежего сена в тени на ступеньках сарая, когда все, что можно глазом окинуть, залито золотящим солнцем, и легкий ветерок наносит запахи калуфера, мяты, чебыря и дикого шиповника.

В один из таких дней, я, бездомный, присел вот так на спуске у бревенчатого сарая, в который только что входили хозяй-

ственные мужички, обобравшие дочиста владельца. На бревенчатом скате я и увидел эти вот обрывки бумаги и цельный голубой лист.

Почерком начала прошлого века крупно: «Аттестатъ», а дальше — Ковырневъ.

* * *

Данъ сей находящемуся во 2-й колонне костромской подвижной милиціи штабсъ-капитану Ковырневу въ томъ, что онъ находился въ службе сначала съформированія третьяго отделенія подвижной милиціи 2-го баталіона ротнымъ начальникомъ, потомъ въ походе со второю колонною до города Вереи, командуя ротою, а изъ онаго до Могилева пятисотеннымъ командиромъ, изъ сего изъ последняго отъправленъ мною былъ съ препорученною ему командою ратниковъ въ города Смоленскъ и Оршу, гдѣ здалъ техъ ратниковъ во всей исправности, и во все время продолженія служенія его должность, на его возложенную, исправлялъ со всею исправностію и деятельностію, велъ себя, какъ прилично хорошему и радителному офицеру, въ штрафахъ и подозреніяхъ никогда низа что не бывалъ, во свидетельство чего сей аттестатъ ему, господину Ковырневу, за подписаніемъ моимъ и данъ.

Сентября 9 дня 1808 г.

Надворный совѣтникъ и кавалеръ Н. Нелидовъ.

*

Ковырнев? Что-то знакомое. Но это, конечно, не он. И не сын и не внук, а правнук человека из аттестата: узкогрудый прапорщик.

И вспомнился мне Саша Ковырнев: застенчивый, неловкий и на лице, как тень, обреченность. На войне, действуя керенским убеждением, он был истоптан солдатскими сапогами.

Ковырнев? Бесцельно погибшая жизнь.

1918 г.

Цифры
символическое

Прельстительная слагаемость цифр, тайность знаков —

6 — земная жизнь.
7 — царство ангелов.
3 — небесное знание.
666 — страшное число человеческое.

Какое богатейшее поле для самых головоломных задач и невероятнейших открытий, а сколько страсти в исчислениях.

Я знал одного числителя, который пропадал над цифрами, и счастливее человека я не видел.

В числах и цифрах есть волшебная притягательность.

Помню в Казани на пыльной толкучке, перебирая с Ивановым-Разумником книжное старье, я из разрозненных листков старых бумаг вытащил лист — я помню свое чувство и как ревниво спрятал я этот порозовевший от прели лист и как ждал ночи, чтобы тихонько одному разобрать таинственные цифры — лист был весь цифровой.

* * *

Нѣчто о рожденіи и о жизни и о царствованіи и о кончинѣ
Императора Александра Павловича

Во-первыхъ, слова изъ Апокалипсиса:

— и посла мирови Ангела кротости —

Извѣстно, что всякая буква по церковному счислѣнію означаетъ число. И такъ всѣ числа, буквамъ словъ Апокалипсиса соотвѣтствующія, будучи сложены вмѣстѣ означаютъ годъ, въ которомъ родился Императоръ, а имянно:

8-80-70-200-30-1	40-10-100-70-2-8
и-п-о-с-л-а	м-і-р-о-в-и
1-50-3-5-30-1	20-100-70-300-70-200-300-8
а-н-г-е-л-а	к-р-о-т-о-с-т-и

= 1777 годъ рожденія.

Во-вторыхъ, Императоръ родился 1777-го года въ двенатцатомъ мѣсяцѣ года, т. е., въ декабрѣ 12-го дня, воцарился

1801 года въ третьемъ мѣсяцѣ года, т. е. въ мартѣ 12-го дня, скончался 1825-го года въ одиннацатомъ мѣсяцѣ, т. е., въ ноябрѣ 19-го числа. Напишитѣ цыфры, одни только годы означающія, одну подъ другой такъ, чтобы онѣ занимали мѣсто единицъ и сложите, выйдетъ лѣта жизни Императора, а имянно:

1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 8 + 0 + 1 + 1 + 8 + 2 + 5 = 48 лѣтъ,
столько Императоръ жилъ.

Въ третьихъ, напишитѣ цыфры, мѣсяцы означающія, одну подъ другой на мѣстѣ единицъ; а подъ ними напишитѣ цыфры, дни означающія, такъ же одну подъ другой на мѣстѣ единицъ, и сложите всѣ вмѣстѣ, выйдетъ время царствованія Императора, а имянно:

Родился	въ девенатцатомъ мѣсяцѣ	1 + 2
	въ двенатцатый день	1 + 2
Воцарился	въ третьемъ мѣсяцѣ	3
	въ двенатцатый день	1 + 2
Скончался	въ одиннатцатомъ мѣсяцѣ	1 + 1
въ девятнатцатый день		1 + 9
24 года царствовалъ		

Въ четвертыхъ, число 12 примѣчательно: Императоръ родился 12-го мѣсяца и 12-го числа; шведы осадили Кронштатъ 1789 года, тогда Императоръ имѣлъ 12 лѣтъ от роду; Императоръ воцарился 12 марта, имѣлъ 24 года от роду, что составляетъ дважды 12; при изъгнаніи французовъ изъ Россіи въ 1812 году Императоръ имѣлъ от роду 36 лѣть, что составляетъ трижды 12; Императоръ скончался, имѣя 48 лѣтъ, что составляетъ четырежды 12; Императоръ царствовалъ 24 года, что составляетъ дважды 12; на послѣдокъ Императоръ былъ боленъ 12 дней.

Въ пятыхъ, наканунѣ кончины Императора 18-го ноября на петербурскомъ театре представлена была піеса

— послѣдній щастливой день —

а 19-го ноября назначена и объявлена от того же театра піеса

— Ужасная ночь —

1918 г.

Кляуза
дьячье

Потемневший столбец без начала. Ни строчки на нем — писано в перекрест — узоры затменные, хитроумье великое. А выводила эти узоры дьячья рука.

Записал дьяк для памяти, как все пишется. Для дела все писал, справку сделал — и другому в науку и себе в память — чтобы доложить ближнему боярину;

— Я, мол, ту челобитную читал и по ответчику читал, все я, дьякъ, знаю.

Развернув на левой ладони свиток, станет дьяк боярину вычитывать, раскрывая сокращения и буквы целиком —

х. т. — выговорит полностью — х о л о п ъ т в о й,

с. *п.* — скажет — с м и л у й с я, п о ж а л у й,

о. — пойдет за о т в ѣ т ч и к а,

и. — за и с ц а.

Затрясется дьячья бороденка, а боярин будет слушать, браду свою уставя.

Так крепло кляузное дело, юриспруденция по-нашему, в Столбцовой Руси и не один затылок трещал от него.

В ничью сошли и челобитчик, помещик деревни Халуи, Самуйла и крепостной его крестьянин Павелко Семёнов, и послух Павелки Якимко Семенов, и сам дьяк новгородский, и один остался узорный свиток — на Вергеже хранится у Ариадны Владимировны Тырковой.

Да еще остался кошель с серебряными мордовками и копейками — находят везде их, копая у тихих повалившихся избушек Новгорода. Много найдено серебра, разошлось по рукам, лежит по музеям, а много еще в земле дремлет, дожидается своей очереди.

А имя этому серебру *хабар* — благодарствие за кляузу дьяческую.

* * *

В нынѣшнемъ двѣсте четвертом году (1696) бил челом тебѣ, великому государю, на меня, холопа твоего, крестьянин Медвѣцкого погоста деревни Ушна Якимко Семеновъ о крестьянине о Павелке, по стачке назвав напрасно себѣ родственником.

И по тому ево челобитью он, Павелко, взят был в Дворцовой Приказ и допрашиван. А в допросѣ сказал, бутто он зарубежской выходец, а жил де отецъ ево и онъ, Павелко, родился в Орѣховском уѣзде, и бутто имал в прошлых годѣх ваше великого государя жалованье і бутто крепостей никаких не давывал. И по моему, холопа твоего, челобитью он, Якимко, допрашиван. А в допросѣ сказал, бутто де онъ чисто ему, Якимку, родной брат і бутто жил за рубежем в Копорском уѣзде, а не в Орѣховском, по чести он, Павелко, ему, Якимку, бутто родной брат или родственник, на то свидетелей не поставил і никого в допросе своем не объявил и, знатно, что он, Якимко, бил челом об нем, Павелке, стаковся с ним, Павелком. А он, Павелко, в прошлых годѣх дал мнѣ, холопу твоему, на себя крѣпость, а в крѣпости списался работным человѣком, а не зарубежским выходцом. Смилуйся, пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, против сего моего челобитья о том с ним, Якимком, дать свой, великого государя, суд, а я ево, Якимка, и стачна ево с ним, Павелком, уличю.

. . . .

1917 г.

Помещик
столичное

Милостив славный генерал Петр Петрович Чичерин.

Посмотрите, с какими напыженными милующими губами, снисходящими до твари тротуарной едет он неспешно по нарядному воскресному Невскому всякому вглядь и вдивь.

Ходил он и под поляка и под турку, везде прославился, пожаловал его государь генерал-лейтенантом и сердце его умилилось.

Сидит Петр Петрович в голубом атласном халате, склонился над письменным столом, белая пухлая рука с бриллиантом быстро бегает по бумаге. Пишет Петр Петрович приказ подданным своим — в этом году первый.

Первый ясный день в Петербурге. И на душе ясно и нарядно.

Сверху над столом смотрит прямо большой портрет — грустные большие глаза, сжатые губы, на плечах мантилья.

А Петр Петрович не замечает, пишет и пишет. Изредка отклонится, сделает пушку в янтарном мундштуке, затянется и опять писать.

* * *

№ 1 Генваря 6 дня 1843 года, С. Петербургъ.

Приказъ
Бурмистру Тиханову со Старостами.

Съ новымъ годомъ поздравляю васъ, равно въ вотчинныхъ селеніяхъ всѣхъ и всякаго, желаю съ дѣтками всякаго благополучія, новаго счастія и здаровья.

Къ Богу вѣра, къ Царю благоговеніе, усердіе и любовь собственнымъ своимъ Господамъ, вотъ путь къ счастію и благосостоянію вашему, слѣдуйте ему и Всевышній васъ не оставит своею милостію.

Получилъ я твои три донесенія, на которыя не отвѣчалъ по причинѣ моей болѣзни, нынѣ по милости Божіей чувствую себя лутче и занимаюсь дѣлами.

Благодарю за здѣланное молѣбствіе въ день ангела дочери моей Екатерины Петровны, вы исполнили долгъ добрыхъ и вѣрныхъ крестьянъ.

Во 2-мъ донесеніи увѣдомляете меня на щетъ старосты Эссакова: сіе донесеніе было писано не обдумавши. 1-ое, Эссаковъ служитъ подъ моими глазами, попѣченіемъ его о крестьянахъ, находящихся подъ его вѣденіемъ, я совершенно доволенъ: его стараніе неусыпно, онъ не упущаетъ хлопотать о выгодахъ и интересѣ крестьянъ, здѣсь находящихся, и доводитъ до моего сведенія всякой случай, которой бы былъ не въ пользу крестьянъ, по работамъ чрезъ меня по подрядамъ никакихъ платъ у нихъ ни задерживаютъ, — а по сему я не вижу причинъ, по коимъ онъ бы заслуживалъ быть удаленъ отъ должности. Естли онъ писалъ къ тебѣ, что желаетъ увольненія, то собственно отъ того мыслилъ, что ты со старостами его дѣйствіями былъ не доволенъ. Сіе грѣшно, ибо онъ усердно печется, какъ о крестьянахъ, такъ равно и о Господскомъ интересѣ, а по сему я ни нахожу справедливымъ удалять его отъ должности и оставляю на своемъ мѣстѣ.

Буде же что здѣсь дѣлается несправедливо и отъ меня скрыто, а дошло до вашего свѣденія, то въ такомъ случаѣ донести

мнѣ въ подробностяхъ, тогда справедливости будутъ изъслѣдованы.

Во второмъ отношеніи пишешь на щетъ реэстровъ, онымъ заблаговременко присылка необходима, дабы не терять слѣдующихъ сроковъ ко взносу оброковъ и суммы въ банкъ, сія статья довольно важная. А по сему по прибытіи моемъ въ вотчину въ нынешнемъ году непременно я со всѣми личьно переговорю и употреблю возможное къ общей пользѣ и облегченію, будьте только исправны выплачиваніемъ недоимки и не заводите вновь оныхъ, то все конечьно я вамъ здѣлаю всякое добро.

Третье донесеніе пишишь о посылкѣ 2000 р. 50, получено, такъ и позравленіе на новый годъ, за которое благодарю съ дѣтками всю вотчину, начиная съ тебя.

Теперь я предлагаю тебѣ мое желаніе, исполненіе котораго здѣлаетъ мнѣ переворотъ, а въ послѣдствіи вамъ пользу. Буде усердіемъ можете выполнить, мнѣ нужно съ февраля мѣсяца 2250 руб. экстренно. Естли ты можешь перевернутся, то я изъ числа недоимочьныхъ вамъ часть прощу, ибо мнѣ сія сумма очень нужна, въ послѣдствіи я вамъ и самъ здѣлаю помощь. Буде возможно, постарайтесь самимъ слюбится, во всякомъ случаѣ тотъ часъ донести, буде возможно сію плату здѣлать или нѣтъ, дабы я могъ взять свои мѣры.

Прощайте, до свиданія, будьте здоровы и счастливы, я съ дочерьми вамъ кланяюсь.

Доброжелательно П. Чичеринъ.

1917 г.

Дружеские письма Астафьева и одно Козлова

усадебное

Отважен и гремяч шишинский помещик Василий Воинович Замуровский, усы у него аршинные.

Боялись его все крепостные. Да что крепостные, бедняк сосед Астафьев трясся не хуже Филипыча, как остановит на нем суровый взор свой усатый Василий Воинович.

Часу не знаешь, бывало, когда что придет. Дружба дружбой, а вдруг да Василия Воиновича не умилостивит Анна Николаевна, жена его богоданная, и сгонит он со своих светлых очей Алексея Прокофьевича, друга первого и покорного слугу своего.

Покорно слался всю жизнь кудрявой лозой у барских ног кавказский прапорщик покорный слуга Алексей Астафьев. И кормили и грели его усы замуровские. И было ему где преклонить голову его победную.

Старый лакей Лука Терентьев бранил Алексея Прокофьевича прямо в тлаза.

— Объедаешь ты своего благодетеля. Брюхо у тебя двухъовчинное! (Говорят, случается, и о семиовчинном!) Пропасти на тебя, прорвы нет.

Невеглас и охальник Лука! — какъ будто бы Алексей Прокофьевич не чтил своих благодетелей! А эти чувствительнейшие письма к Василию Воиновичу!

Сам Василий Воинович в своей вологодской усадьбе в Шишине переплел эти письма в альбом на память о дружбе своей, да прибавил еще и письмо другого прихлебателя — Николая Козлова потешного, что в застольные праздники скворцом пел на потеху всей честной компании.

Хитер, пройдошлив Николай Степанович, промотал он имение двух жен, третью прогнал, а писал он письмо не безхитростно, кудрявым словом выговаривал:

«Слава ваша не умолкаетъ, гремящій, о источнике Вашего великодушія!»

Где уж равняться с таким Алексею Астафьеву, весь он из преданности и покорности нелицемерный, слуга Василия Воиновича и матушки Анны Николаевны.

И все-то они под крестами-голбцами упокоились: и Василий Воинович — аршинные усы, и матушка Анна Николаевна, и Алексей Прокофьевич, и Николай Степанович, и Филипыч, и Лука охальник, — сгнили давно их косточки в сырой земле, и лишь осталась память писанная, переплетенная в пеструю папку с красной, золотом тисненной, наклейкой:

«Дружескія письма Астафьева и одно Козлова»

Да еще другая память — нарисованная: маленький человечек Василий Воинович, а рядом верзила Алексей Прокофьевич с подписью из уст:

— Нутко, нутко, какъ сего дни поспали?

— Помиюй Богъ, какъ хойосо!

Да еще поговорка осталась, тут же над рисунком, Алексея Прокофьевича:

— Надо допросить: по чемъ рыбка продается, по чемъ сижокъ, снятокъ и рожъ на болотѣ?

* * *

1

Въсемилостивишему моему Государу батушку Василью Воіныччу за все его милости и неоставление мою бедность миня призираите, а миня не оставляите своемъ милостямъ —

Вашъ покорны слуга
А л е к с е й

*

2

Достопочтенейшая маминька Анна Николаевна, за все ваши милости и покровительство наічуствительшую мою благодарнность, за все ваши милости докладыву Вамъ, не будетъ ли Вашева расположения і но бедность прошу сънабдить. Вы изволите знать о моеемъ сертукѣ, что онъ ветхъ, то и прошу Вашева благодеяния. Я надеюся на все милости, что вы милостямъ своеімъ не оставите. Я надеюся Вамъ въпреть заслужить. Ежели Вы для милости отпустите меня въ гости, то я постараюсь Вамъ болей заслужить —

навсегда Вашъ покорны слуга
А л е к с е й А с т а ф ъ е в ъ

*

3

Милостивый Государь мой Петръ Михайлычъ и Милостивая Государони Парасковия Андреевна, и Володымеръ Петровичъ, и Матрене Ивановне, всемъ вообще свидетельствую свое усердное почтение. Уведомляю васъ о сибе, где я нахожусъ, — въ селе Шишине у батушка Василья Воіныча и у матушки Анны Николаевны. Его фамиль такая же милостивая. Уведомляю

васъ, остави миня у себя для Великого поста поговеть и въмисте помолится.

— Но и прошу тебя, господинъ Астафъевъ, со мной и розоговетца!

По милосте батушкава Василья Воиныча три рубахи есть, и одну прошу Васъ, Парасковия Андреевна прислать мне рубаху новую, по прибытию моему Васъ буду благодарит. После Паски Христовой приду побываю. У тутъ, какъ будетъ угодно имъ, батушкамъ, опять ли к нимъ уйду, какъ прикажутъ. Сему подателю подайте рубаху, а коропка у васъ будетъ стоять до лета, а по выплате моего долъгу рубля шестидесяти копеекъ вы сами знаите, что я вамъ плачусъ, чемъ миня одолъжите, такъ вы знаите, что у миня за учиниковъ не все денъги получены —

прапоршикъ
Алексей Астафъевъ

Еше уведомляю, что я просилъ долъжности. Онъ говоритъ:

— Нетъ тебе никакой у миня долъжности, живи у миня на шчотъ канпаний, ты у миня будешъ сыть и доволенъ!

Чево же болей у Господа просить, только долъженъ Бога молить за ихъ денно и нношно.

*

4

Милостивому моему Государу батушку Василью Воiнычы и Милостивой Государонее матушке Анне Николаевне, а потомъ и пошолъ и пошолъ и дошолъ до высокихъ вашихъ ко мне благодеяниевъ. Дай вамъ Богъ, чтобъ вы были милостивы, какъ ко мне, и такъ и ко всемъ къ нещастнымъ, и зашищали бы невиныхъ въ правде, и за оное да навозградить васъ Богъ. Но себя я примеръ положу: я долъженъ Бога молить рано и поздно, по утру въстававъ и вечеру ложасъ, долъженъ Бога молить въобше. Васъ, Василей Воиинычъ, и съ Анной Николаевной за все ваши милости оказанныя прошу, батушка, и въпредь не лишить своемъ милостямъ, о чемъ буду васъ беспокоить. Къ Святой недиле хутъ сертучонько, не будетъ ли вашихъ милостей, хошъ какова небуть объносочка надеть для Светлова воскрисения Христова. И я бы по вамъ буто для празника вышелъ, какъ

и быть дворянинъ, по милосте батушка Василья Воиныча и матушки Анны Николаевны.

*

5

Чувствую ненасие, не надобно и каленъдаря, тогда я хожу купаца, тогда мне лехче бываетъ, только миня съ купания озновъ беретъ, но мне лехче бываетъ, моему здоровию бываетъ. Я и всегда въ дорроге и тимъ избавляюсь, а зимной порой, хоша въ печи выпярусъ, а всо холодной водой умоюсъ. На ходбе я прогульвуюся, на месте просиживаюсъ, думаю себе здоровия получить і темъ себя изънуряю, свое нездоровие теряю. Отъ свое невоздержности і слабости луче опять ити противъ съдороу, темъ болей здоровия буду —

Вашъ покорны слуга навсегда
Алексей Астафъевъ

*

6

Батушка Василей Воінычъ, о чемъ я Васъ беспокоіть буду, — подъ заклатъ моихъ бумахъ для свадбы. Просили миня на свадбу севоднишнаго числа, то и объясняюся Вамъ, куда надобны будутъ денъги. Надобно въ девишникъ подарить такъ же по мое едносте гривеничекъ, и будутъ припевать девушки, надобно ихъ подарить, хоша пятакъ серебра, опять же зовутъ на красныі столъ молодыя и опять молодыхъ подарить въ чемъ мое будуть достани, такъ же бы надобно и девушокъ подарить. Въ прочемъ остаюсъ Всемилостивишаго моего Государя Василья Воиіныча —

Вашъ покорны слуга
Алексей Астафъевъ

*

7

Милостивоі мой Государъ батюшко Василей Воинычъ, прошу Васъ покорниши, увольте миня сиводнишной день, куды я воижировать намеренъ, то и прошу Васъ миня не останавляйте. Я зделалъ Вамъ честь зашолъ, благодарилъ за все Ваши ми-

лости, за угошение, за хлебъ, за соль. Милости Ваши будутъ, я назатъ пойду исъ Чухломы, то за великое почту, хошъ на часъ зайду одъдохнуть, захочется пуще недели, потому что я теперя не усталъ, тогда дорогъ и часъ одохнуть.

Вамъ, матушка Анна Николаевна, осмеливаюсъ доложить, не будете ли чего приказывать со мною сестрице своей Графире Николаевне, я зайду къ нимъ. А для миня очень дорого стоить, захочется усталому человеку одохнуть или поведать, что будетъ Ваше приказание къ сестрице Вашей, то и мне будетъ посмелей затти къ нимъ,— есть Ваша добрая воля.

Василей Воиннычъ, Вы миня упусти севодни добровольно, а не то ежели я крадучи уйду, конечно, мне не хорошо, что я сказалъ екое слово противъ Вашего дому несовобриязяй своей башкой. Но долъжно мне быть чуствительному за все мои повиности и гупости, долъженъ я завсегда за нихъ Бога молить за то, что они миня прошають въ моихъ повиностяхъ.

Остаюсъ навсегда Вашъ покорний слуга
Алексей Астафъевъ

1833 года
Месеца Апреля 19 числа.

*

8

Матушка моя, сердобольной моя, Василей Воинъчъ, прошу Тебя въ бедность мою въкладу дополнить за тримя зделать репетицую. По слову удвой — удвоиша, утрой — утроиша, и будетъ Астафъевъ, тако мой покровитель и благоделъ! Не о чемъ васъ не буду въпреть не буду и беспокоить.

Для Сергя Николаича паталонишокъ какихъ-нибуть?

Вашъ поккорной слуха
Алексей

Летошняго месеца
Прошлогодняго числа.

*

9

Хорошай мой, батушко мой, благодетель и поровитель и милостивецъ мой, дольго мне съ Вами не видаться — до Светътла-

го Воскрисения Христова! Разве пойду въ Чухлому, тогда вамъ, батушко и матушка Анна Николаевна, еще поблагодару за все ваши оказаныя ваши милости и благодеяния и покровительсттва, за неоставления вашихъ милостей. Но и впъреть не лишить своемъ милостямъ меднаго человека своемъ милостямъ, не остате своемъ благодеяниямъ и покровительсствомъ! За все милости ваши долженъ вамъ рабъ сий служить —

Вашъ покорниши слуг
Алексей Астафъевъ

*

10

Милостивый Государь Василей Воиновичъ! Слава Ваша не умолкаеть, гремящій, о источнике Вашего великодушія. За неоставлѣніе Ваше ко мне милости и я надеюсь, что Вы оставите меня до Празніка, и также и матушка Анна Николаевна не оставитъ. И буду наивсегда всепокорнѣшимъ слугою —

Николай Козловъ

1917 г.

Азбука
букварное

I

Память детская — память неизгладимая. И из всех начал начало ученья — на всю жизнь. Первые слезы — беспамятное принуждение. Памятное принуждение — азбука.

Показывают подвижную букву и говорять:

— Это Азъ.

— Азъ.

И этот Азъ меняет тебе лицо — глаза — взгляд.

«Засадили, дружка, за книжку, вот оно что!»

До Аза и после Аза — две разных карточки.

То была игра — принуждение добровольное, а потому и нечувствительное, тут ученье — принуждение постороннее, а потому и чувствительное. Набегается — устанет, это одно, а посидит за книжкой — устанет, это другое.

— Это Азъ.

— Азъ.

Для тех, кто войдя в мир, идет по проторенным путям, грамота легка — ведь, воспоминания живучи и не требуют усилий, так, чуть затронут, один намек, и готово. Но тем, кто вступая в жизнь, только начинает путь, грамота — тяжесть неимоверная.

Само собой, немало тут и от искусства наставника: можно это Азъ так показать или так произнести, что явись во-вторые Кирилл и Мефодий, и самим первоучителям не легко бы далась собственная их же грамота.

— Это Азъ.

— Азъ.

Сколько слез, не тех безпамятных, когда стукнулся — отделился от вещи другой, нет, памятных слез — изволь сложить из воздуха новую вещь.

Без принуждения никак не обойтись.

Мне приходит на память картинка из Букваря Поликарпова: принуждение на картинке наглядно выражается лозою — «въ наученіе».

И сколько должен ты был претерпеть от этой спасительной лозы, дабы вкусить потом с сединой в бороде сладкого плода научения — читать премудрости еллинскія и римскія и поученія святыхъ отецъ.

II

Был я как-то летом в Москве — всякий год на старые родные могилы путь-дорога мне, не минуешь. Зашел на старое пепелище, взял книг узелок. А тут как стал разбирать, все-то знакомые, первые: по одним моя мать училась, по другим мне довелось. И все я вспомнил, тряхнул стариной.

Вот Букварь конца XVIII века — узенькая продолговатая тетрадь. От детства помню ее, только тогда она потолще была. Четыре в ней азбуки: русские буквы, латинские, греческие, немецкие, а посередке картинка. Под азами подпись:

Господи благослови

После письменных букв десять заповедей. А первыми примерами для чтения — Отче: по-гречески, по-латыни, по-французски и по-немецки.

Вотъ и другой Букварь с картинками — книга объемистая. Ее помню очень хорошо, когда еще и читать не умел, и особенно первую картинку на первом листе:

Азъ есмь свѣтъ міру

*

Много букв в Букваре: крупные красные, за ними поменьше с картинками и ни на что не похожими подписями:

нарисован с луком китаец, — подпись: Іоркскій житель.
под буквою Ю — Юлія,
а под Ѳ-ою — Ѳедя.

Почему Іоркскій житель? почему Юлія? почему Ѳедя? — ни я, ни Василий Васильевич Розанов, которому как-то попался на глаза этот Букварь мой, как ни ломали голову, а разгадать не могли. Да так и оставили — есть что-то в несообразности завлекательное и, пожалуй, самое изумительное в том, что называется «ни к чему!» — пускай же себе красуется и Іоркскій житель и Ѳедя с Юлией.

За картинными буквами буквы белые, за белыми обыкновенные поменьше и совсем маленькие. И все в Букваре, чего хочешь: буквы, склады, слова, нравоучения, молитвы, псалом, заповеди, краткое христианское учение, правила благонравия, священная история, грамматика, арифметика, басни, повести, анекдоты и в заключении диалог.

А вот Елка — Русская азбука «Августѣйшимъ дѣтямъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой княгини Цесаревны» Анна Дараган.

Буквы в Елке без картинок, а так картинок много. И некоторые до того памятны:

китаецъ несетъ ящикъ чаю, — маленькая.

рыбакъ, что у тебя въ кадкѣ? — большая.

Я смотрел на эти картинки, как из другого мира, и мне чего-то всегда становилось грустно.

Последняя картинка: елка. А елки у нас в доме никогда не бывало, я ее только и знал, что по этой картинке.

А вот два Букваря немецких. Оба Das Illustrirte Goldne Kinderbuch.

*

1-ый — Die Kinderstube I. Unterweisungen einer Mutter durch Wort und Bild für brave Kinder, welche lesen lernen wollen. Herausgegeben von Lehrer Louis Thomas. Mit 200 Abbildungen. Leipzig. Verlag von Otto Spamer, 1852. 80 S.
2-ой — Die Kinderstube III. Erstes A-B-C, Lere-und Denkbuch für brave Kinder, die leicht lesen lernen wollen. Ein Führer für Mütter und Erzieher beim ersten Unterricht. Von Ernst Lausch, Lehrer an der ersten Bürgerschule zu Wittenberg. Zweite verbesserte Auflage. Mit über 300 Text-Abbildungen und zwei Buntbildern. Leipzig. Verlag von Otto Spamer. 1852. 100 S.

Я их тоже хорошо помню. По ним училась моя мать. И в них, как в русских Букваряхъ всякая буква с картинкой.

Вот какие картинки в четырех букварях по старшинству:

Ангелъ	Ангелъ	Auge	Affe
Бабочка	Бабочка	Brunnen	Brunnen
—	—	Cigarren	Citronen
Ваза	Вѣнокъ	Wiege	Wiege
Глобусъ	Глобусъ	Giesskanne	Giesskanne
Деревня	Дерево	Dampfwagen	Dampfwagen
Евангеліе	Егерскія снаряды	Eier	Ente
—	Жертвенникъ	—	—
Звѣзда	Змѣя	—	—
Исторія	Инструменты	—	—
Іисуса Христа моленіе о Чашѣ	Іоркскій житель	Jagdhorn	Jagdhorn
Корзина съ цвѣтами	Козелъ	Kirche	Kirche
Левъ	Лира	Löffel	Lampe
Меркурій	Медвѣдь	Mühle	Mühle
Нептунъ	Ноты	Nagel	Nagel
Оратай	Озеро	Ohr	Ohr
Пѣтухъ	Птица	Puppe	Puppe
—	—	Quelle	Quelle

Ракъ	Рогъ изобилія	Reiterstiefel	Rose
Стрѣлецъ	Соколъ	Steckenpferd	Steckenpferd
Треугольникъ	Трубачъ	Trommel	Trommel
Урна	Урна	Uhr	Uhr
Фортуна	Филинъ	Vogelbauer	Vogelbauer
Хозяинъ	Художество	Helm	Helm
Церковь	Цвѣты	Zuckerhut	Zucker
Чаша	Чалма	—	—
Шлемъ	Шишакъ	—	—
Щитъ	Щитъ	—	—
—	Ѣзда	—	—
Эхо	Эмблема	—	—
—	Юлія	—	—
Якорь	Якорь	—	—
—	Ѳедя	—	—

III

Букварь с картинными буквами — первая грамота, а учили еще и по карточной подвижной азбуке с картинками. Разные были картинки. На Литейном в витринах раз увидел я старую географическую азбуку, а у меня осталось от книжной казны московской старая азбука зоологическая.

В первый год войны приехал на побывку кавалер обезьяньего знака Е. В. Аничков. Я его очень ждал, хотелось все разузнать по правде, как на войне. Зашел он к нам под вечер, присел к столу. Сразу-то не знаю, чего и спросить, да и ему не знай, с чего начинать, — так оба и сидим. А на столе у меня эти самые картинки лежали зоологические. Взял он одну посмотреть, вижу, и другую берет. И стали мы вместе картинки смотреть да подписи читать, про войну и забыли.

Живописные картинки, а подписей таких не сочинишь.

* * *

Альбатросъ

Водная птица величиною болѣе лебедя, цвѣта темно-сѣраго, питается морскими животными, особливо рыбою; водится на водахъ южныхъ морей.

Бакланъ

Водится во всѣхъ климатахъ по берегамъ морей; величиною съ гуся и питается рыбою.

Гигкунъ или Гага

Живеть на берегахъ ледовитаго моря; питается рыбою и раковинами; пухъ ея почитается лучшій.

Дикобразъ

Водится вездѣ, питается зеленью и плодами, покрыть иглами; шерсть мягкая.

Енкуберъ или тату

О шести полосахъ; питается плодами и птицами, имѣеть двѣ брони; рыло похоже на свиное.

Жербуазъ

Переднія лапы похожи на руки; питается травою; живеть въ норахъ, какъ кроликъ.

Золотой фазанъ

Извѣстенъ красивыми разноцвѣтными перьями; водится въ Китаѣ.

Игла-рыба

Обѣ челюсти ея похожи на иглу, а потому весьма опасна для прочихъ рыбъ.

Іокко

Обезьяна ручная и весьма переимчивая.

Кошка тибетская

Водится въ восточной Индіи и Тибетѣ, живеть всегда на вершинѣ деревъ, и весьма дика.

Леопардъ

Цвѣта темно-желтоватаго съ черными пятнами, лютъ, кровожаденъ; водится въ Африкѣ.

Монгусъ

Величиною съ кошку, спина цвѣта бураго, а брюхо бѣловатое.

Нилъ-готъ

Водится въ Азіи и Африкѣ; питается травою, и мясо его вкусно.

Оргали

Походитъ на овцу, но вмѣсто шерсти имѣетъ щетину.

Поломодея рогатая

Водится въ Америкѣ; на головѣ имѣетъ рогъ и два поменьше на крыльяхъ.

Рудомедъ или Вампиръ

Водится въ Африкѣ и Азіи; изъ числа летучихъ мышей; питается сокомъ деревъ и кровью животныхъ.

Соколъ

Живетъ въ Сѣверныхъ странахъ и извѣстенъ ловлею птицъ и малыхъ животныхъ.

Тапиръ

Водится въ Америкѣ; величиною съ теленка, имѣеть хоботъ, питается кореньямй.

Ударяющій Угорь

Имѣетъ цвѣтъ изъ-красно-черный, и производитъ электрическій ударъ.

Хамелеонъ

Извѣстенъ мгновенно перемѣняющимся своимъ цвѣтомъ; питается мухами.

Цыбетъ

Питается животными и кореньями; даеть извѣстное въ аптекахъ вещество цыбетъ.

Черной вари

Водится въ Восточной Индіи и крикъ его подобенъ реву львиному.

Штокфишъ

Рыба похожая на треску, и употребляется въ пищу вяленая.

Щуръ

Величиною съ дрозда; носъ имѣетъ твердой, и толстой, гнезды вьетъ на вершинахъ деревъ.

Эдинъ

Маленькая обезьяна весьма проворная и забавная, крикъ ея иногда прiятенъ.

Ягуаръ

Лютъ, какъ тигръ, и имѣетъ темнобурую шерсть; водится въ Новомъ Свѣтѣ.

Юмаръ

Частiю похожъ на коровъ, частiю на лошадь.

Ѳассанъ

Похожъ на янота и питается большею частiю зеленью и плодами.

IV

Старые мои Буквари, старые азбучные картинки, только чудом сохранившиеся — ничего ведь так не пропадает и при том без всякого следа, как первые учебники! — очень меня обрадовали, но и на грустные размышления навели меня о бедности нашей азбуковной.

Вот Хрестоматия, по которой я учился сначала у нашего приходского дьякона Василия Егоровича Кудрявцева, а потом в гимназии. Хрестоматия составлена моим учителем Иваном Ивановичем Виноградовым и А. Андреевым для приготовительного класса средних учебных заведений.

Надпись рукою моей матери: «Алексѣя Ремизова 18 Окт. 1883». И хоть бы одна картинка! И недаром, должно быть, на внутреннем листе переплета я переводил цветные картинки, расчеркивался под учителя чистописания А. Р. Артемьева, а в конце нарисовал псозверя: морда песья, и передние лапы песьи, а все остальное, как у рыбы.

По скучным книгам учили нас, позавидуешь старине и богатой, и ясной.

Вот новая Азбука, но на старом пути, напечатанная в Московской Старообрядческой Книгопечатне, в Москве в лето 7421 (1913):

«Начальное ученiе человѣкомъ хотящимъ учитися книгъ Божественнаго писанiя».

Посмотришь на чистые новые листы, и сердце дрогнет от умиления.

Начинается азбука «Во имя Отца и Сына и святаго Духа», «Божіе в помощь мою воньми, и вразуми мя во ученіе сіе» и обращение къ Козме и Дамиану «Святіи чудотворцы и безсребренницы Козмо и Даміане, молите Бога ей о мнѣ грѣшнемъ», а ужъ затем идут буквы заглавныя, буквы строчныя, слози двоеписменніи, слози троеписменніи, число церковно и имена просодіямъ (слогоударение): оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титла, слово титла, апострофь, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, вмѣстительная. А заканчивается Азбука задостойником: «О тебѣ радуется обрадованная всякая тварь».

Еще скажу о старой грамоте, которую в узелке вывез я из Москвы с пепелища. Прописи, по которым я учился писать, пропали, но буквы и до сих пор вижу с усиками, с виноградами. Нет прописей моих, сохранились одни карточки с раскрашенными картинками из священной истории. Любил я смотреть на эти картинки: тут и зеленое Грехопадение прародителей и золотая Царица Савская и крылатая Лестница Иакова и красная Тайная вечеря. Никогда не читал я подписей, только смотрел и на всю жизнь запомнил.

А недавно пришел ко мне князь обезьяний И. А. Рязановский, а я старину мою московскую и старую, и нестарую разложил на столе, вспомянуть захотелось. Среди книг лежали детские Гриммовы сказки в русском переводе, напечатанные в Лейпциге, с ярко-раскрашенными картинками.

Посмотрел князь обезьяний на книгу и прослезился.

— Господи, — говоритъ, — да я по этим сказкам учился. Они мне прямо вот как родные. И Золушка с лестницы сбегает, красавица ненаглядная, и Белоснежка перед егерем плачет, просит не убивать — как я жалел ее! А вот она у карликов спит — измучилась. Вот добрые и злые феи над колыбелью, Красная шапочка с серым волком разговаривает, Кот в сапогах — помню вас, помню!

Смотрели мы Гриммовы сказки, любимые картинки.

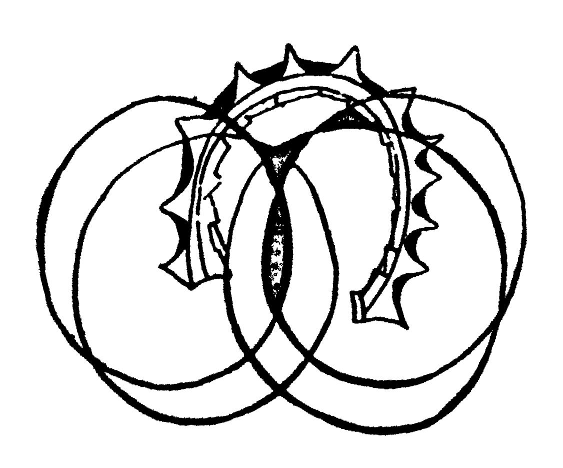
И я все вспомнил — по ёжику в синих штанишках ожила память. Сказок я никогда не читал, только смотрел на картинки и на всю жизнь запомнил.

1917 г.

ТРИ СЕРПА

Московские любимые легенды

Том I и II



ТОМ I

Вне закона

Знаменитый храм Артемиды в Мирах был реквизирован под Пятницу Параскеву. Священная роща срублена, жрецы разогнаны.

Какие-то странные — зеленые появились в «Охране памятников старины и искусства». Лопочущими голосами просили они взять на учет храм, как драгоценный памятник искусства, и не велеть ничего трогать.

«С рощей дело упущено, но хоть внутри — не трогать!»

Вид у них был жалкий — очень странный, а речь, точно ни на каком языке не говорили.

Заместитель заведующего ничего не имел против — «памятник исторический» — но заведующий, с ним не очень поговоришь.

«Ваша религия опиум для народа!» — уперся, и никаких.

Так и пошли.

Я видел в окно — побежали! затравленные.

Откровенно говоря: столкнуться ночью в пустыре с таким — ей Богу, бросится кусаться.

* * *

Из Яффы шел пароход в Ликию — это всё были паломники со святой земли в Миры к Николаю-чудотворцу. На Кипре села какая-то — я очень хорошо помню: высокая, очень худая и страшно бедно одета, а видно: не из бедных, точно — дунь только, пыль слетит и загорится богатый наряд; всё было настоящее, только от носки и непривычной работы истерлось и зашмыргалось. Я и раньше встречал таких: это из вдруг обнищавшей знати и богатых, когда старшая дочь идет стоять на рынок. Не поднимая глаз, прошла она на палубу и села у трубы, бережно держа в руке бутылку.

Помню, еще капитан, обходя, спросил:

«Чего везете?»

Должно быть, он думал, что какое-нибудь особенное вино.

«Масло святителю Николаю!» — сказала она сухими губами и в первый раз посмотрела.

И я увидел: она совсем еще молодая – да, это верно, как старшая дочь.

Верно на сердце у нее большая обида, и вот почему это масло, в этом масле в лампадке всё сожжется — примет Угодник! — тогда и заплачет, такие не плачут, и голос будет другой — с этой обидой сгоришь!

И я всё следил за ней.

Я ехал весь путь от самой Яффы, и всё было хорошо — погода хорошая, ветерок продувает — и никаких ссор всю дорогу, не спорили, не задирали, мирный народ — и осталось-то всего ничего, наутро и приехали! да вдруг как загудит. Ветер! а море вцепилось зубами, ну, никуда.

Все, сколько нас было, все мы на палубу, кричим, вопим: «или неугодно?» – «и неужто Угодник допустит?» – «ведь к нему же едем на его могилу!» И та тут же с нами, стиснула зубы, бутылку свою прячет, бледная такая — зелень!

Покричали-покричали, а легче не стало, так и швыряет – стали мы на колени, скрестили руки и ждем — конец.

— — —

Да ка-ак грохнет — всё небо упало — и все мы, кто так стоял, так и ткнулся. И сколько прошло, не скажу, только очень тихо стало — а открыли глаза — и свет, белый такой свет, лодка плывет, а в лодке старичок, и лодку волной, как кони катят, прямо к пароходу.

И слышим голос — после грома-то человечий голос так прямо в душу:

«Чего это вы, горемыки, бушуете?»

«Милостивый Никола, – отвечаем, – не мы бушуем, море нас топит».

Он к капитану:

«Послушай-ка, — говорит, – у тебя там пассажирка масло везет, конфискуй ты у нее бутылку — бутылку! (повторил), а ее не тронь, слышишь!»

Капитан: кто? где?

А я ему тихонько: «вон эта», говорю — — —у! что море, и глаз не подымет, а и через жжет, не подступись! Ну, капитан, ему чего, этот — рукой под платок ей — и бутылка в руках.

И с бутылкой к лодке.

«Нате, дедушка, эта самая?»

— — —

Взял старик бутылку, подавил пальцем пробку, покрепче чтоб, перекрестился — волна катит — да по волне ее бац — —

Все так и присели — огнище!!! море горит! всё море! и скачет! по зелени красные кони! песьи языки лижут — и сини и черны! — глазам ужасно. И пошел такой удушливый запах.

— — —

А когда рассеялось — и нет ничего: ни старика, ни лодки. Бросились искать: «кто вез бутылку?» — «кто вез бутылку?» А я понимаю — куда уж! — найдешь!

Воображаете: что б это было! — маслица такого в лампадку? — да не только Миры, полмира разнесло бы в куски.

О трех купцах

«Во дни царствования Проба царя и Флориана» плыл корабль по Черному морю в город Византию, тогда еще не переименованную в Константинополь. И такая это была огромадина, все водяные чудовища, как черноморские, так и средиземные, разбегались от него без оглядки, а морские духи плакались. Английской компании принадлежал пароход. А понасовалось в него народу и в каютах, и на палубе, и всякой клади навалено и бочек, так что и за кладью, и между бочек купцы насчитали носов до тысячи. И всё иностранцы: и только трое крещеных: три русские купца из Ростова Великого.

Забрались купцы на пароход загодя, отыскали свою каюту по номеру и засели в ней крепко. А и ловко всё у них сладилось — хитрые купцы! — и удобно, и надежно: никто их ни слова не понимает и бояться нечего. И неспроста наметились они на такой: «английской компании»: своих боялись — на большую сумму товару везли с собой! — а кто его узнает, кто с тобой сядет: жулья и воров! — да и сболтнешь: свой язык — первый враг.

Звали купцов за общий стол ужинать — половые по каютам мальчишки бегали, в колокольчики позванивали — ну вот еще, чай, запасов у каждого с собой порядочно, да и от греха подальше: дни постные, подсунут заместо грибов червячью окрошку либо какой маринад улитошный, а потом изволь кайся. Повынимали купцы из плетушек всякой домашней провизии, копченых закусок, для крепости перцовки выпили, заправились, теперь Богу молиться и спать.

Тут контроль нагрянул; проверка билетов и документы.

И по документам объявляется: Cabine de luxe 200 — Deck A* — три русских купца из Ростова Великого: Горюшин, Лепешкин и Свешников — едут в город Византию и везут с собой на большую сумму товара.

И как только их купеческое звание получило публичную огласку, а главное, что они русские — крещеные, вся картина меняется.

* *
*

Горюшин сунулся запереть каюту — не может найти крючок, нету крючка! нащупал шпынек какой-то, стал крутить, да только свет мигает: дверь ли отсырела, либо такое устройство, и спросить не у кого — никто ничего не понимает. Дело совсем неудобное. Переглянулся он с товарищами, а те себе тоже думают. А под их дверью стоянку устроили, орут, гогочут, — ничего не поймешь, с чего. И, словно б ошибкой, сунется какой в каюту и глазами шарит, потом что-то буркнет — и за дверь, а за ним другой. И вид у всех самый зверский. А не запрешься, не ухоронишься. Смерть надоело, и жутко чего-то.

Вышел Лепешкин на палубу — погода отличная, воздух легкий, а пришлось воротиться: все чего-то на него косятся, не то смешно им, не то недовольны — а и смешного ровно ничего нет: вышел человек перед сном проветриться! Тоже и Свешников: по собственному делу пошел — еще садясь, заметил расположение, а тут, как на грех, отыскать не может, а знаками пробовал объясниться, ему же на его собственную каюту показывают, ну, он по чужим каютам тычется, ищет — так за ним по пятам, точно он вор какой.

* Каюта высшего класса 200 – палуба А (*фр.*).

И полегли купцы невесело, на душе у них смутно: чувствуют, что неспроста это всё, не доброе на уме, не дай Бог, погубят.

И припоминаются всякие случаи, про купцов же: как грабили купцов и мучили, и за то только мучили, что они крещеные, в Бога веруют, а эти — команда и начальники их — в Бога не веруют, идолам кланяются. И полезли в голову всякие страхи и страсти из житий мучеников, что из книг читали или слышали, — а сколько православного народу загублено от лютых язычников!

И пожалели купцы: ведь как они были уверены, что умно и хитро придумали, всех провели, а вот — на погибель себе. И если громко не сказал ни один, но подумал про себя всякий одно: о своем смертном часе и напрасной смерти.

Инда в жар бросило — и так и сяк, с боку на бок, а никак не заснуть: жарко. Раздеться б, да боязно. А всё-таки пришлось. И уж налегке помаялись — потомились — и заснули.

А как заснули купцы да сном уложило тревожные мысли, такую пустили они в три носа музыку, такой волжский свист по каюте — на весь пароход, не надо и джаза.

— — — — — — — — — — — — — — — — —

И вдруг среди ночи ка-ак дернет — — не то шелк рвут, не то пушка пальнула, не то на камень наперлись. Купцы смотрят: дверь настежь, яркий свет в коридоре, а по стенке трое — их трое крадутся: ни лица, ни глаз, одни револьверные дула, и прямо на них: «Вы, — кричат, — русские купцы из Ростова: Горюшин, Лепешкин и Свешников?» И в ответ из коридора кто-то нахально: «Мы, — говорит, — Горюшин, Лепешкин и Свешников». Дула опустили, стали в круг, о чем-то совещаются, и слышно: их начальник: «Они, — говорит, — в Бога веруют, а мы не признаем». И как это сказал он, свет погас. И в потемках набросились на них, да за шиворот, чуть крест не сорвали, да на палубу и потащили. И там один за руку, другой за ногу — раскачали — и, как щенят, швырнули за борт в море.

* * *

Лепешкин и Свешников породы кондовой, оба грузные, как о волну их шлепнуло — волна только вспенилась — ни рукой,

ни ногой без шевеля поплыли они, две здоровенных колоды. А Горюшин сух, как соленый снеток, бултыхнулся и канул с волной.

Озернулись товарищи — ночь, и ниоткуда им помощи, а погибать не хочется — да как гаркнут — Николу вспомнили:

Милостивый наш Никола,
где бы ты ни был!

И откуда ни возьмись, поднялся со дна морского камень — за этот самый камушек они и ухватились. Нащупали: крепко. Да полегоньку на него сперва туловищем, а потом и с ногами. А как засели, камень дернуло, и стрелой помчался он по волнам.

Плывут купцы, пошевельнуться боятся и понять не могут, куда их несет камень. И одно чувствуют: миновала погибель. И вспоминают Горюшина: не иначе как погиб! а покликать не решаются: скувырнешься.

И так всю ночь плывут купцы, и куда — неизвестно. Стало светать. И видно: камень порядочный, а сидят они на самом краешке. Разместились поудобнее и опять о Горюшине: или несчастного рыба сглотнула, или пластом на дне лежит, утопленник!

И когда они так о Горюшине рассуждали и жалели товарища, глядь: чудовище — огромадное: кит! Незаметно подплыл он к камню и рыло свое на камушек кладет, страшную пасть раскрыл — — хорошо еще вовремя отскочили! И из пасти лезет Горюшин, а в руках, ухватя, этакий мешок держит. Глазам не верят: Горюшин! А он спрыгнул на камушек и тоже смотрит — не ожидал товарищей встретить, думал, погибли. И все трое стоят, как одурелые, переглядываются, на кита косятся.

Кит пустил на купцов струю и погрузился на дно морское.

Видят купцы — погряз кит в пучинах, отлегло от сердца, и к Горюшину с допросом: как его в такое чудовище вперло? А Горюшин говорит, что очень просто: кит его проглотил.

«Проглотил кит, и очутился я в его утробе, а там большущий корабль у него сглотнут, товары и бочек навалено, и повсюду мертвые тела разбросаны видимо-невидимо. Жарища нестерпимая! Присел я на его потроха и думаю себе: конец. Главное дело, не знай, куда выскочить: темно. И зажигалка не действует: чикает, а огонька и звания нет. Пропал. А когда рыло-то он

на камушек положил и раскрылась пасть, свет озарил все его внутренности, и я увидел под самым моим носом мешок: воспользовавшись моментом, ухватил я этот мешок да скорее бежать, выскакивать из пасти».

Купцам стало даже весело, и сейчас же с мешка сорвали печать, развязали — а в мешке золото: полно золота!

И стало на душе веселей: с этакой казной куда хочешь проткнешься, всякий тебе ручку пожмет.

А камень мчится — с волны на волну — так и гонит, так и рвется, не угнаться и скоролету.

Так два дня трепало камень в открытом море, и понемногу стало море тише и плыть поспокойней. И на третий день показался остров — и видят купцы город — Византия! — и по ветру звон различают: к обедне звонят — Софийский соборный колокол.

Сбежался народ на пристань и диву дается: купцы на камне по морю плывут! И которые побежали к своему князю Фатапону. И Фатапон, слыша о таком чуде, очень заинтересовался, и велит из пушек палить и немедленно к себе купцов доставить.

А купцы как только с камня спрыгнули на берег, камушек быстро так отплыл от берега и на глазах у всех погрузился на дно морское.

Обступили купцов, всем в диво — и принялись рассказывать о своем чуде. И тут только обратили они внимание, что совсем-то они безо всего, стоят нагишом, а от рубах, если что и сохранилось, так одни ластовки да ворот, да и то все клочья — вывернуто. Нашлись добрые люди, надели на купцов порты и повели во дворец к самому князю Фатапону.

И опять пушки палят и народ бежит, кричат: «Горюшин, Лепешкин и Свешников, русские купцы из Ростова!»

Фатапон принял купцов с честью. Рассказали ему купцы всё по порядку с самой той минуты, как на пароход засели, и как контроль пошел, и что после контроля случилось, и как ночью выбросили их в море и чудом камень со дна поднялся, и на том камне плыли они два дня, а на третий приплыли в Византию, и про кита, и про мешок с золотом. Подивился Фатапон чуду, похвалил купцов за их веру и отпустил с миром: жить в Византии, сколько вздумается и где пожелают.

* * *

Живут купцы в Византии, остановились в лучшей гостинице, и город осматривают, и с тамошними купцами знакомятся, и товары приглядывают — о старом тужить нечего, китовый мешок — золото! разжиться есть с чего.

И вот слышат купцы: пришел в Византию какой-то диковинный корабль — и все только об этом и говорят. Побежали на пристань проверить: так и есть, тот самый. Да скорей к Фатапону и объявляют, что корабль тот самый «английской компании», откуда их ночью сверзили в море, и что они ему всех злодеев укажут.

Фатапон велит купцам немедленно разойтись и ожидать по своим номерам — носу не высовывать, чтобы как корабельщикам на глаза не попасться и не испортить всё дело. А сам посылает на корабль, зовет к себе корабельщиков.

Большой пир устроил князь Фатапон, много собралось всякого народа, и тоже с того корабля явились, начальники. И когда подали ужин, пришепнул Фатапон слуге: ввести купцов и чтоб вино разносили. И как купцов взяли, и с подносом прямо к столу, где те трое сидят.

Фатапон говорит заморским корабельщикам: «Прошу отведать вино этих купцов!» Корабельщики встали — а когда протянули стаканы с купцами чокаться и глаза их встретились — их руки окоченели, и стоят — истуканы.

«Или вы мной недовольны, — говорит Фатапон, — не хотите купцово вино пить!» А те молчат — рот запекло. Поднялся Фатапон и, обратясь к корабельщикам, сказал всем слышно:

«Вы не признаёте Бога — так умрите же смертью, какою вы грозили тем, кто признает Бога. И пусть бросят вас в яму, какую вырыли ваши руки!»

И по знаку Фатапону слуги его набросились на корабельщиков да за шиворот и тут же из окна, как щенят, шваркнули в море.

А товар с корабля присудил Фатапон купцам: в полное распоряжение.

Но купцы и так много довольны — один китовый мешок чего стоит! — из товаров повыбрали они свое добро, а всё остальное отдали Фатапону: разделить среди византийской бедноты:

отдать тем, кому трудно живется, нечем платить за квартиру, и с кого налоги дерут, и кто пишет всякие прошения о вспомоществовании, всем, всем, всем обездоленным в память чуда и на вечный помин: Саввы Горюшина, Андрея Лепешкина и Алексея Свешникова, русских купцов из Ростова Великого.

О ковре

При царе Исааке Комнине и патриархе Михаиле Керулларии жил-был в Константинополе серебряник Козлок. Большой мастер и искусник, всякие он маленькие вещицы делал, и такой невообразимой тонины, глядя, никак не поверишь, что из серебра они, а не из снежинок — морозных цветов: белых елочек, травок, усатых и рогатых листочков, паутинок, прутиков, ну чего только ни навыдумает мороз, выдумщик и колдун, — первый серебряный мастер резчик Козлок.

Под старость глаза у него ослабели и работы он своей не может работать, а так — подвернется чего, то и делает: случится, даст кто ведерко починить, или сито продырявится, тоже и сито поправит.

А с такой мелочью нешто прибыль! и дай Бог как-нибудь день прожить.

Так он и жил — так доживали они свою старость, Козлок и Анна Петровна. Жизнь их была неразделима: и Козлок, когда что говорил, всегда скажет: «мы».

Анна Петровна в молодости ковры вышивала, и тоже на тонину глаз у нее меткий, и тоже, как старость-то пришла, и ушка в иголке не может найти и в канве в дырку не попадает. Занималась она чинкой, что погрубее.

И починка, и чинка — это тоже всем нужно, без этого редко кто обходится, и как-нибудь справились бы они с жизнью, да ведь годы не те — оба прихварывать стали и не споро дело делается, не посидишь ночь, как прежде. И если они еще жили на белом свете, то только чудом, в которое оба верили; и как бы круто ни бывало, не отчаявались и никогда не роптали.

Как это в жизни бывает нескладно: вот он, Козлок, серебряный мастер, и все самые видные мастера серебряники, о которых только и слышишь, вся современная серебряная Византия — от его мастерства и науки, все прославленные изделья по

его манеру, а он живет через силу, и хоть бы вспомнил кто! Очень они бедно жили, и с каждым днем бедовее.

* * *

Николин день — Козлок именинник. И говорит Козлок старухе:

— Анна Петровна, чучелой я прожил всю свою жизнь: завтра Николин день, а нам не с чем и в церковь пройти, свечку поставить.

Анна Петровна говорит:

— А вот ковер, — и точно оправдываясь: — только моль разводит.

Ковер висел во всю стену — и не продали, а у себя хранили, память: когда-то, давно это, сделан был в большом горе: у всякого есть такое, про что человек так и промолчит до смерти и с ним уйдет на тот свет за ответом.

— Снеси ты ковер к Солнцу, — («Солнце» — статуя Константина Великого с лучистой головой, стоит посреди Константиновского рынка), — тогда десять рублей на матерьял пошло: что-нибудь да дадут.

Снял Козлок ковер со стены, повыбрал с него сухие молинки, вытряхнул, аккуратно сложил и так завязал, точно на край света собирается; сам укутался потеплее, всё, что нашлось, — на Николу зима с гвоздем ходит! — и пошел к Солнцу.

И уже совсем близко, обогнул Платоновскую церковь, — а вон и Солнце! И тут какой-то ему навстречу:

— Куда, Козлок, идешь?

— Коврик продавать.

— А много ль за него просишь?

— Анна Петровна говорит, двенадцать рублей он ей стоил, — прибавил от себя Козлок, — а я уж и не знаю: сколько дадут.

И принялся развязывать — долго развязывал, эк его, как запутал! — наконец, высвободил ковер из бумаг и на руку его метнул, как на Бульварах в Париже алжирцы торгуют.

Прохожий, не глядя:

— Бери шесть, — ковер мой.

— Спасибо, — Козлок шапку снял, — спасибо! Ну, слава Богу, выручил, получайте ковер.

И тот взял ковер, вынул деньги — шесть рублей, и Козлоку на ладонь рублями.

Козлок зажал деньги и руку в карман, и там опустил рубли. А когда вынул руку варежку надеть, глядь — а уж покупщика с ковром нет, а стоит вокруг народ, и все на него чего-то смотрят.

— Чтой-то ты, дед, видел что ли кого: стоишь и сам с собой разговариваешь?

А Козлок так рад, не знай, чего и говорить:

— Я Козлок, серебряный мастер, я завтра именинник!

И всем это очень понравилось, кричат:

— Козлок! — Козлок! — с наступающим днем ангела! с именинами!

Сложил Козлок веревку, сунул в карман — пригодится еще! — и пошел, пошел к Солнцу: теперь он всего накупит и с покупкой домой, да еще и останется, на всё хватит.

* * *

Анна Петровна как осталась одна — в комнате пусто! — это без ковра так осиротело — и горько: точно последнее отняли. Что же делать-то: больше нет у них ничего! И всё равно, скоро в путь — за ответом? — всё равно, соседи возьмут, да и праздник-то, может, последний.

Присела к окну, посветлее, взяла себе белье чинить: для праздника-то хоть не рвань наденет. И сидит так за работой, старика ждет.

Стук в дверь, — а это всегда очень пугает: думается, за деньгами по счету, тоже за газ не заплачено! А надо открыть. Поднялась она. Открыла — нет, не за деньгами, а какой-то сверток.

— Ваш коврик получайте!

А она брать не хочет: как же это так — назад?

— У Солнца встретились, — и точно обрадовался чему, — Козлока я давно знаю: серебряный мастер! он мне и говорит: сделайте мне любезное дело, снесите этот ковер домой Анне Петровне.

Анна Петровна взяла ковер — есть чему радоваться? И стало ей очень досадно — хотела еще расспросить: сам-то Козлок что же; куда сам-то пошел с пустыми руками? А тот уж за дверь. И ей показалось: как дверь-то распахнул он, на лестнице свет — —

Или это от сердца в глаза ей огонь?

Она швырнула ковер:

«Всю жизнь вот так! Последних пустяков не может сделать — "сделайте любезное дело!" скажите, как это важно, а сам-то, небось, не посмел! А явится, начнет врать, оправдываться... всю жизнь чучелой!»

И не может она успокоиться — так с ней всегда от внезапности и неожиданности — не может она успокоиться, досадно: «пошел продавать ковер и вернул с каким-то...» — и не может она ничего делать; как села, так и сидит, спичку грызет.

* * *

Козлок, толкаясь у Солнца, накупил вот какой кулек: и апельсинов, и мандаринов, и халвы — специально для Анны Петровны, любимое ее, — и фиников коробку, и винных ягод, и баранок, и два горшочка йогурта, и варенье. Да еще рубль остался.

И затеял он попугать Анну Петровну, чтобы «ефект получился» — так он часто делал. И как вернулся, кулек нарочно оставил в прихожей, а сам входит с пустыми руками — и если бы не так взволнована была Анна Петровна, а когда такое, человек не смотрит, она сразу бы догадалась: ведь у него на лице солнце играло!

— Больше ты меня не увидишь, —сказала она не глядя, — я от тебя только одно зло видела всю жизнь. Скажите, пожалуйста: «сделайте любезное дело!»

И схватя со стула ковер, бросила его на стол.

Козлок узнал ковер — ничего не понимает.

— Я никого не посылал!

Да чтобы не запутывать дело, скорее в прихожую, ухватил кулек и тащит. И на ковер всё: и апельсины, и мандарины, и халву, и финики, и винные ягоды, и баранки, и йогурт, и варенье.

— И еще вот рубль.

И рассказал, как по дороге к Солнцу он встретил какого-то, и тот окликнул: «Козлок, куда идешь?» — и за шесть рублей сторговал ковер.

— Я ему нарочно сказал, что ковер тринадцать стоил! — прихвастнул Козлок.

У них был сын и пропал — сарацины в плен забрали — давно это было, очень они его любили: тоже над всякими маленькими вещицами, бывало, старается, пальчики нежные, пушинку завьет! — и Анна Петровна в добрые свои минуты старика по памяти о сыне «папой» называла.

— Папочка, — сказала она, — да ведь это был Никола.

И слезы от счастья показались на ее измученных от работы и тяготы, погасших и вдруг засветившихся глазах.

А Козлок почувствовал себя виноватым: Козлок старался припомнить и восстановить.

— И ты его не узнал?

— Да я плохо вижу, — оправдывался Козлок, — «Козлок, куда идешь?» Я взглянул, и как будто знакомый, думаю, не мастер ли это Рассыпнов, помнишь, такой к нам ходил? А потом вижу, нет, это не Рассыпнов. И знаешь, как деньги-то он мне дал, и говорит: «я, говорит, тебе, Козлок, и еще бы дал, да у меня у самого нету!» А люди говорят: «Чтой-то ты, Козлок, с ума спятил, сам с собой разговариваешь и руками машешь?»

— А мне, как он вышел, показалось: свет за ним — вся лестница освещена...

— — —

И так, пока они друг другу рассказывали, припоминая все мелочи, и что каждый думал и о чем догадывался, наступил вечер и у Святой Софии ударили ко всенощной.

По морозцу — первые морозы Никольские — заспешили они в церковь и от счастья не помнят, как и всенощная кончилась. После всенощной дождались патриарха и рассказали ему о своем чуде.

А на обедне патриарх всенародно рассказал о ковре.

И по указу патриарха велено было из дома Святой Софии выдавать старикам вспомоществование — шесть рублей в месяц: «чтобы покойно им было жить — их последние дни».

* * *

В первую получку Козлок пошел к Солнцу, накупил на все гостинцев и с улицы созвал гостей. Много охотников нашлось послушать о чуде и на ковер посмотреть.

Проживавший о ту пору в Константинополе переяславский епископ Ефрем тоже зашел к старикам — от него я и узнал о ковре.

А по смерти их чудесный ковер взяли в церковь. И всем видно: висит ковер у Николы Димитровского, что за Святой Софией, в приделе у апостола Петра.

О Димитрии

Патриархом Фотием была освящена знаменитая Нэа — Новая церковь, построенная царем Василием Македонянином во дворе дворца. Новый храм был посвящен Спасителю, Богородице, архангелу Михаилу, Илии Пророку и Николаю Чудотворцу. По словам летописца, этот храм превосходил своим великолепием все храмы, и ни один не мог с ним равняться, особенно много было дверей — входов и выходов. На освящении присутствовал царь, и наро-ду!

В числе почетных лиц был представитель византийской золотой молодежи Димитрий — дом его сейчас же за св. Софией, любого спроси, всякий покажет.

После торжества у всех было приподнятое религиозное настроение, говорили только о божественном и чудесах. Димитрий и его товарищи, такие же, как он, из знатных византийцев, решили ехать в Миры ко гробу Николая-чудотворца. Привлекало путешествие и чудеса, о которых много рассказывали и писали: житие Михаила и похвальное слово патриарха Мефодия известно было всем. Много вечеров было посвящено разговорам о путешествии, но в конце концов пришлось отказаться: Крит был занят арабами и самым их излюбленным делом были набеги на Ликию. Ехать в Миры было опасно. И выбрали поближе — на Атир, это совсем недалеко в Мраморном море, там была церковь Николая-чудотворца: ночь на море могла создать иллюзию ночей к Мирам. На этот Атир и решено было ехать. Наняли судно, пригласили музыкантов и хор, исполнявший гимны византийских поэтов Федора, Романа и Иосифа, посвященные Николаю-чудотворцу.

* * *

Плыть было так легко и незаметно, что если бы не движущиеся звезды, можно было бы забыть, что кругом море. Каким покоем стелились тихие мысли, и было трепетно, как при всяком счастливом ожидании: звездный час кончался, сейчас проснет-

ся утро, оно будет чуть мглистым, чуть приоткроет зеленый остров, и звон к обедне заторопит судно. И вдруг – откуда? – налетела буря, погасли звезды, с громом встала волна и опрокинула судно, – и все пошли ко дну – все: и музыканты, и хор. «Никола – помоги!» – только и крикнул Димитрий и закрыл глаза тонуть. И, погружаясь в воду, почувствовал, что его кто-то тянет, открыл глаза и увидел – таким в Менологии изображен – стоит перед ним Николай-чудотворец, и белый омофор с нашивными крестами светит ему, как прожектор. И, повторяя молитву, Димитрий пошел за ним по морю, как по торцовой мостовой – –

– – – – – – – – – – – – –

Соседи были встревожены криком. Кто-то вопил благим матом. И всем показалось: кричат из дома Димитрия. Решили, что он отпустил прислугу, а воры, воспользовавшись, забрались к нему, напали на сонного и расправляются. И кого как застала ночь, ухватя, что ближе лежало, кто с книгой, кто с молотком, кто с дубилом, освещая дорогу фонарями, побежали спасать.

Но проникнуть в дом было очень трудно: заперто – пришлось выломать дверь. И войдя в комнаты, действительно, из прислуги никого не встретили, но ничего особенного не было заметно: возможно, что вечером были гости, да так не прибрано и осталось. Теперь ясно слышался голос: кричал Димитрий из своей спальни. Спальня была тоже заперта, и еще выломали дверь. И когда вошли и осветили фонарями комнату, увидели, что Димитрий лежит на кровати и выкрикивает одно и то же, надрываясь до хрипа: «Никола – помоги!» И притом весь он мокрый.

Не от шума, а от света Димитрий очнулся:

– Как вы сюда попали? – спросил он в ужасе, – разве я не на дне морском?

– Ничего подобного, – говорят, – вы у себя дома на вашей собственной кровати.

Но Димитрий, хоть и перестал кричать, испуганно озирался: он не верил.

И только когда ему переменили белье, он согрелся, успокоился и рассказал всё бывшее с ним – и все дивились такому чуду.

И на том месте, где стоял дом Димитрия, по смерти его по его завещанию построили церковь — Никола Дмитровский. В этой церкви и висит Козлока ковер, византийского серебряного мастера.

Крестик

Рассказывали о молодом человеке, называли его имя — Николай. Захворал он еще весной: грипп. Стал поправляться, и вдруг отнялись ноги. И чего только не делали: и электричеством, и еще чем-то — ничего не помогает, так и бросили. Так он и лежал всю осень. И вот на Николин день потащился на костылях ко всенощной. Ближайшая церковь Никола-проби-лоб. Навстречу какой-то монах. Пожалел его и говорит: «Не ходи ты к Николе-проби-лоб, пойдем к Николе Дмитровскому, я тебя доведу». А Никола Дмитровский куда дальше. И всю дорогу монах утешает: «поправишься, непременно поправишься!» Так и дошли. И у самой церкви спутник куда-то пропал. Николай один вошел в церковь — очень было трудно. Потихоньку протолкался к образу. И был поражен необыкновенным сходством со своим спутником; и чем больше он вглядывался, тем меньше оставалось сомнения, кто это был его спутник. И охватил его трепет — потянулся к образу приложиться. А костыли: никак не достать! И совсем уж близко, а не дотянуться — — и, сделав последнее усилие, он ртом поймал металлический крестик, — висел на образе, — рванул зубами — — и проглотил. И когда он снова потянулся к образу и невольно протянул руки, сразу почувствовал, что стоит — крепко и твердо — без костылей.

Надоел

Еще о Льве: этого несчастного Льва принесли на носилках и положили перед образом Николая-чудотворца. Он был весь парализован и не говорил, а мычал — и так жалобно, тяжко было слушать. И молящиеся возроптали: третью всенощную нет покою, невозможно молиться, — мычит! И надоел он всем: всё равно, такой — такая его судьба, и надо терпеливо нести крест, а не испытывать и других не тяготить. Но Лев-то, потеряв всякую надежду, не потерял веру и, глядя на образ, жалоб-

но мычал — только мычал, и у него в этом всё было, и никак он по-другому не может. И вдруг замечают, стало как-то спокойно в церкви: а это Лев затих. Думали, ну, помер! Нет, измучившись, он заснул. «И не знаю, как это я заснул, — рассказывал Лев, — и вижу — Николай Угодник подходит, а я мычу, а он ближе, ясно вижу — наклонился: "Лев, — говорит, — перестань! — да рукой меня, как подзатыльник, — вставай и иди!" И я вскочил и бежать». Когда Лев побежал из церкви, народ шарахнулся от него, как от зверя — уж очень это всем странно и страшно. Хорошо еще зима, воздухом-то его сейчас же за оградой очнуло, перекрестился он и пошел назад в церковь.

Проби-лоб

При царе Константине Дуке из всех константинопольских монастырей Моливотский монастырь самый первый и по вкладам, и по убранству церкви, и по подбору братии. Нигде не было собрано таких запасов, и нигде не увидишь такого золота, серебра и драгоценных камней, и нигде не встретишь таких ученых и мудрых иноков. Главная святыня — образ Николая-чудотворца, под кровом которого жил монастырь. Икона чудотворная. И всякий, кто бывал в Константинополе, не мог обойти, не побывав за Золотыми воротами — у Николы Моливотского.

* * *

После вечерней трапезы монахи разошлись по кельям и всякий занялся своим делом: одни — более простые — после дневной работы по хозяйству укладывались спать, другие, свободные от таких работ, сели за книгу, третьи — постигшие всю человеческую мудрость — стали на правило, продолжая дневную жизнь чистого богомыслия. В монастыре наступил час покоя, духовной работы и искушений — час особенно трепетный для тех, кто бодрствовал, и безмятежный, кто отдыхал.

И в такую-то минуту внимательнейшей ночи — в жизнь, освобожденную от всех забот дня и дневных случайностей — в монастыре ударили в било, внезапный неурочный звон. И всколыхнуло до — самого: что-то случилось? По коридору

бегал келарь и два послушника, стучали по кельям, извещая братию, что в монастыре несчастье.

Кто в чем и как попало, сбежались иноки в церковь: думали, пожар.

И в церкви глазам их представилось — нет, это не пожар, а как навождение: вся церковь вдруг выросла, поднялась, и одни огромные глаза смотрят со стен — иконы стояли ободранные, без риз, без украшений — ни одного камешка.

И монастырский сундук с казной — взломан, опустошен и перевернут. А со двора, говорят, из кладовых все запасы — всё вывезено.

Это воры, выследив, где и чем можно поживиться, очень ловко — и, конечно, не без своих — обчистили монастырь.

Теперь монастырю конец — жизнь кончена — пропали!

И после минутного остолбенения взрыв вопля: все глаза устремлены к чудотворному образу Николы — без золотой тяжелой ризы, кутавшей его, как в шубу, легко над землей стоял он и от простертых, осеняющих рук казался крылатым — архангел.

Так как же? устроивший такое великолепное место для молитвы, хранитель и кров монастыря — допустил?

Настоятель, человек опытный, пытался уговаривать: он говорил о неисповедимом божественном суде, о страхе Божьем и о кротости — монашеском обете.

— Нельзя винить ни тех, кто отнял у монастыря сокровища — «и на какую еще пользу, а, может, себе на гибель?» Ни того, в руках которого и чьим промыслом жил и живет монастырь — «и кто знает божественные цели?»

Никто его не слушал, из вопля громче вырывались проклятия.

— Проклятые и окаянные!

— Проклятые и окаянные!

Три инока: Уар, Гаркис и Амлий — особенно из всех неистовствовали; так еще на памяти неистовствовал Гиакин, несчастный инок, свихнувшийся на Плотине.

В исступлении они метались в кругу вертящейся расстери взлохмаченной растерзанной братии: они ныряли и выныряли, и их проклятия из человеческих голосов проклятий высвистывались птичьим свистом, надптичьей скопческой фистулой,

они подпрыгивали — без опоры! — вытоптывали, как копытом, они напрягались, как удавленник в петле, освободить криком задыхающуюся душу, и крича до — — —

— — —

А со стен из внезапных, огромных глаз выскальзывали, как змеи, бескостные мягкие черти и, суча заструнившимися стебельками, скакали, хватались, в ладоши хлопали — пугали и поддразнивали.

Старцы говорили:

— Так по заслугам, и надо принять, не проклиная: никто не знает, дано ли испытание в наказание — а хотя бы и наказание! — или как открытый путь к награде дарами духа. Смирив страсти, надо поблагодарить за всё совершенное.

И это «по-бла-го-дарить» больнее взорвало.

Около образа Николая-чудотворца, прислоненный к стене, стоял шест с медным оконечником: к нему прилепляли огарок для зажжения паникадил. Уар, схватя этот шест, размахнулся и бацнул по образу — — и из рассеченного лба потекла кровь.

* * *

И когда окровавленный образ с трепещущими крыльями был один перед глазами и наступила как бы полночь, все проклятия задушены, безножье и немь, и только это — эта с болью капающая кровь, — в этот отчаянный час, на другом конце города спокойно спал царь, ничего ему не снилось. И вдруг как передернуло, всполохнувшись, открыл он глаза — и закрыть уже не смел: перед ним архиепископ во всем облачении с простертыми осеняющими руками, и руки, как крылья, держат его над землей, а из рассеченного лба течет кровь.

«Царь Константин, ты знаешь, что творится в твоем государстве. Я — Николай Молиботский, архиепископ мирликийский, ступай и уйми безобразников: они не понимают! и от их проклятий — несет!..»

И крылья взвихнулись — и в брызнувшем свете со светом погас.

Царь немедля собрался и, не глядя на ночь, с дежурной стражей отправился к Золотым воротам в монастырь. В монастыре не надо было ему стучаться, все двери настежь, как в брошенном доме. Он прошел в церковь и мимо сбившихся в кучу оро-

бевших иноков подошел к образу и стал — и глядел, не смея опустить глаз: с образа кротко глядели на него глаза — «я им простил!» — и из рассеченного лба текла кровь.

И царь в землю поклонился, прося и его простить.

И обернувшись к инокам, рассказал о своем ночном видении — что привело его в такой час в монастырь.

Отслужив благодарственный молебен, царь удалился, оставив большие дары «посещенному» монастырю.

О золотом гробе

Моливотский монастырь, самый богатый из всех константинопольских, после ограбления обнищал, братия разбежалась, и остался настоятель да старцы, да еще кое-кто: одни не ушли, потому что некуда, другие доживали свои дни, и всё равно было, где помирать.

Настоятель ввел новый устав: монахи давали обет не иметь никакой собственности. И нашлись — приняли. И монастырь опять наполнился, но уж совсем другими.

Жизнь поддерживалась подаянием — богомольцы не обходили монастырь, его знаменитую святыню: чудотворный образ.

Это тот самый образ — «Никола — проби-лоб» — теперь один из всех икон закрытый — в серебряной кованой ризе, и только на Пасху, да царю, когда случалось, снималась риза, и всем было видно: с простертыми, как крылья, руками смотрел он — «архангел!» — и из рассеченного лба запекшейся дорожкой кровь на белый крещатый омофор, царь прикладывался к голове, и опять закрывали ризой.

Трудно, конечно, было при новых порядках, запасов никаких, да и не могло быть, не полагалось, и жили на волю Божью: есть что есть, хорошо, а нету, да живы еще, и то слава Богу!

* * *

В один из голодных дней приезжает в монастырь купец — не здешний, а слышал о чудотворном образе и о строгой жизни, вот и решил побывать в монастыре и милостыней помочь. Но он не один, — привез с собой человека: он подобрал его на дороге, на перекрестке; и человек этот мертвый: разбойники ли его убили, или замерз! И просит похоронить.

Настоятель сейчас же распорядился: сделали гроб, положили несчастного — а верно, что замерз: квелый и ледящий, как зайчатина свернулся! И поставили в церковь, чтобы завтра отпеть, и похоронят.

Купец отстоял всенощную, оставил в монастырь на погребение и наутро, не дожидаясь похорон, поехал домой: дело не ждет.

Едет он по дороге, и весело ему: привел Бог! И, сколько проехал, не заметил, подъезжает к тому самому месту, к перекрестку, где несчастного-то подобрал, и слышит плач; приостановил лошадь — плачет; слез — и видно: какой-то съежился, как птица, голову в колени и горько плачет.

— Чего это ты? — тронул его купец.

И тот посмотрел так — а совсем еще мальчик!

— Сколько дней, — говорит, — ищем: отец у нас пропал — пошел по этой дороге: или замерз, или волки съели.

Вздохнул купец — трудно о таком говорить — и сказал:

— С твоим отцом несчастье: я его с этих местов поднял и мертвого в монастырь свез.

И тот вдруг как встрепенется — и слезы пропали:

— Я туда пойду.

— Куда тебе! — и подумал купец: «такому! пешкова езда не в даль доведет!» — и стало его жалко: «придется, значит, вернуться» — ничего, я тебя подвезу.

А как смотрит! — и тихо, и ясно.

— Похоронили, — сказал купец, — я и денег дал на похороны. Что поделаешь, воля Божья.

И за купцом повторил, и ведь чудно-то как: обрадовался:

— Воля Божья.

Усадил его купец с собой на коня, и поехали. Не очень это приятно, как возвращаться приходится, а тут купец не замечает: всю дорогу спутник его рассказывал — и от его слов было и тихо, и ясно, век бы слушал — сказки рассказывал!

Не заметили, как и приехали, и прямо к настоятелю.

— И опять я к вам, — сказал купец, — давеча мертвого, а сейчас с живым: сынишка их!

— Похоронили, — сказал настоятель.

А купец просит: очень ему жалко мальчишку.

— Взглянуть бы, — говорит, — нельзя ли как: чтобы проститься?

— Придется разрывать могилу, — сказал настоятель и, взглянув на мальчика, почувствовал, что надо так сделать.

Позвал братию, и все пошли на кладбище.

Отыскали свежую могилу, легко разбросали землю, подняли гроб.

И когда открыли крышку — столбняком одернуло и язык одеревенел: не покойник лежал в гробу, а весь гроб до краев — золото.

— — —

А когда очнулись, мальчишки уже нет, исчез — — а это был ангел.

Пастух напутал

На том самом месте, на перекрестке, где купец Казанцев ангела встретил, построили часовню, и обслуживал ее бывший молиботский инок Уар, отличившийся в памятную ночь своим выдающимся безобразием. Жил он около часовни в келейке и часто уходил в город за сбором на поддержание часовни и себе на пропитание. Прохожие, кому случалось в Константинополь, считали своим долгом свечку Николе поставить, на чудного монаха посмотреть и историю от него послушать о молиботском чуде. Уар охотно и с воодушевлением рассказывал и считал неменьшим долгом в послесловии заявить, что только благодаря попустительству Божью, которое его тогда возмутило, сделался он знаменитым.

— Ну кто бы из вас знал монаха Уара, не будь той ночи, когда в мановение ока богатейший из монастырей стал как самая захудалая пустынь!

Не согласиться нельзя было: что верно, то верно, имя Уара само собой в историю никак бы не попало. А наставительные люди прибавляли:

— Пути Господни неисповедимы, и отбрыкиваться от напасти не годится.

— И надо ее бороть, а не расхлястываться! — вставляли уж самые наставительные.

И вот, как на смех, пошел Уар со сбором, а пастух Маркелл — и сколько лет поблизости пас стада, какой пастух! — ну точно сослепу человек не туда вткнется: забрался пастух в келью и всю ветошь, и сапоги, и теплую шапку, и подстилку, всё до тряпки вынес, а в часовне — крестики, образки, свечек, сколько было, полбутылки деревянного масла. И всё уволок на дорогу и в овраг сложил: ночью к себе перенесет в хибарку.

— А дураку еще подадут, не обедняет!

И погнал стадо.

* * *

Со звездами вернулся Уар из города, устал — всю дорогу думал о каше, в печурке с утра поставил, каша хорошо упрела, каши поест, потом выпьет чаю с баранками и — спать. А какой спать! — в келье оказалось так чисто, как, когда строили, было так чисто. Уар в часовню, а в часовне — один только образ и перед образом подсвечник — даже огарышки, и те повынимал, разбойник!

Уар стоял — не мог посмотреть на образ: это когда огорчит кто и руку тебе протянет мириться, а ты не можешь — но пересилишь себя и сразу, как воздухом дунет, легко.

Легко Уар взглянул на образ — а с образа смотрит на него Угодник и словно говорит:

«Уар, я это дело поправлю!»

Хотел Уар лампадку поправить, а лампадка — это луна блестит! — лампадка перевернута: пастух, как крестики да образки срывал, головищей о лампадку задел!

Поклонился Уар и пошел в свою пустую келью, лег на голую лавку, да чтобы поскорее заснуть, не думать о каше, стал думать — от бессонницы верное средство! — думать, как в поле рожь колосится, это когда дунет ветер и пойдет всё поле — —

А пастух — а какой ведь был пастух рассудительный: Маркелл! — кашу-то он к себе припрятал, навалился и весь горшок съел. И стало его распирать и пучить, воздуху нет! и не знает, как уже скорчиться, чтобы посвободней, в глазах снуют мурашки, смерть!

И видит: старик вошел в хибарку.

«Что ты, пастух, напутал? — и головой так, брови сжал, хмурый, — каши что ли не видел? или рванью обрадовался — или

пролежанная подстилка теплее, мягче твоих шкур? Брось, говорю, валяться, неси всё на место!»

— — —

Кое-как, где ползком, где вприпрыжку, добрался пастух до оврага, взвалил на себя рухлядь и к часовне, у дверей и шваркнул. И назад в хибарку, лег и затаился.

«Ну, пастух, с тебя довольно!»

И почувствовал Маркелл, как отлегло вдруг — легко и ничего не больно! — и заснул спокойным зверющим сном.

* * *

На заре прохожий будит Уара:

— Что это там в часовне у тебя непорядок: вся дверь завалена дрянью!

Вскочил Уар, думал, Бог знает что, да бегом к часовне: а там — и всё-то до последней веревочки цело, и подстилка цела, и шапка, и сапоги, только горшок пустой — сожрал разбойник!

И со слезами от радости открылся Уар прохожему о постигшем несчастье.

— Да вот — — Угодник простил!

О трех иконах

При царе Льве Исавре и патриархе Анастасии жил в Константинополе Феофан, богатый и сильный человек, много он добра всякого делал и считал себя счастливым человеком. И правда, великое это счастье — иметь средства помогать людям, и какое несчастье, когда нечем — и есть одно только слово, которое, бывает, что и дойдет до ожесточившегося сердца, успокоит человека и укрепит, а как часто — да если бы еще на ветер! а то хуже, только растравит.

Жена Феофана имела такое же отзывчивое сердце, была заодно с мужем, и оттого в доме у них всегда был лад. И оттого дом их всегда полон — к ним тянуло людей, и не только бедных и странных, которым они помогали, но и таких же, как они сами, одаренных всякими благами и по судьбе удачливых в жизни.

И чем ближе подходили они к беде и несчастью бедняков и странников, тем глубже проникало в их сердце желание: об-

легчить трудную жизнь с непостижимой и какой жестокой судьбой. И делая людям добро, не искали они себе за это славы — все человеческие похвалы и превозношения казались пустым и совсем неважным, если сравнить с захватывающим чувством счастья, какое испытывали они, помогая людям в беде. И правда, как надо оглохнуть, ослепнуть и одеревенеть — и не увидеть, не услышать, не почувствовать свет, звук и теплоту добра, от которого сама тяжелая земля ощущается, как воздух, а легкий воздух, как дуновение.

* * *

Сидит Феофан в своей комнате — ночь. И не может он никак успокоиться и чувствует себя несчастнейшим в мире и очень хорошо понимает, что никто не виноват в его несчастье, только он сам. Весь вечер ждал, и еще была надежда поправить, а теперь такой час — поздно: а это-то и есть самое ужасное, когда видишь, что ждать нечего — поздно.

Много за день перебывало народу и какой-то — вот про него-то Феофан и не может забыть! — его-то он и ждал весь вечер: это был какой-то вроде как заштатный священник и, видно, очень бедный... может быть, запрещенный, и не за злое дело, не такой он, а по слабости человеческой... или оклеветали, ну, мало ли чего бывает! — а пришел он всех позже и лезет вне очереди, и показалось Феофану... не трезвый, и Феофан с сердцем ему сказал: «Идите, проспитесь и потом приходите!» — и тот молча и кротко повернулся и пошел.

Не может простить себе Феофан: и как это так случилось: так грубо отогнал человека? а теперь где отыскать? — как поправить? Ни отыскать, ни поправить он не видел никакой возможности.

В доме давно все спали, а он всё сидел — и его взбудораженная совесть беспощадная мстила ему за все его минуты счастья «доброго человека», который так грубо поступил с человеком.

И ему показалось, — а ночью, да еще когда так, всё очень чутко — ему почуялось, как будто кто-то на столе книги тронул. Поднял он голову — и сразу отлегло от сердца: какое счастье! сбоку за книгами сидел у стола — по грудь видно — тот самый заштатный священник и, видно, отдышаться не может,

запыхался: спешил ли он, или трудно было в дом попасть? — действительно, очень трудно в дом попасть.

«Как вы меня обрадовали: вернулись! — сказал Феофан, — всё время я о вас думаю. Вы понимаете, я даже не спросил ваш адрес и... ваше имя, иначе как же отыскать? И как это хорошо, вы сами пришли, мне так совестно».

Но тот не отозвался — тот только посмотрел спокойно, кротко и глубоко от самого сердца, и этим взглядом как бы говорил он от мудрого сердца спокойно и кротко:

«Что об этом — мало ли чего бывает! — и не надо больше думать, вот я и вернулся...»

И Феофан сказал:

«Вам что-нибудь нужно?»

«Мне — ничего не надо!» — ответил странник. И Феофану показалось, как будто свет заструился вокруг его головы и плеч — это так, будто ножницами вырезали из пространства его фигуру: голову по грудь, а там, где прорезали ножницы, заструился свет.

И странник сказал:

«Если что нужно, ты меня позови — Николай, архиепископ мирликийский».

И свет хлынул из прорези, и лицо его развеялось в свете.

* * *

В Константинополе жил знаменитый иконописец Аггей: он был известен не только в Византии, но и в Египте, Сирии и Палестине. В Константинополе Аггей был первым человеком. Но пришли другие времена, и славная доля византийского иконописца стала долей гонимого и невольника.

Декретом царя Льва почитание икон объявлено было как идолослужение.

И на первых порах еще ничего — разрушали только священные изображения по улицам и на площадях, а по церквам иконы подвешивались выше, чтобы трудно было прикладываться, но после убийства комиссара Стахия — Стахий с топором сам полез и стал рубить мозаичное изображение Спасителя над бронзовой дверью дворца, возмущенная толпа опрокинула лестницу, и его разорвали! — после такого эксцесса дело обернулось круче, и чем дальше, тем жестче.

Все иконы велено было вынести из церквей и частных домов — и сжигать, а иконопись, как «дело соблазнительное, противоречащее духу христианства», запрещалась под угрозой штрафа, тюрьмы, ссылки и даже расстрела, хуже! — забьют кнутом в цирке.

Под эту борьбу на иконном фронте первым попал иконописец Аггей.

С Аггея взяли подписку, что он прекращает свое ремесло и употребит свои знания и искусство на дела, полезные для государства и прежде всего по своей специальности художника: на возбуждение искусством духовности в человеке, а никак не изуверства. Аггей должен был закрыть свою мастерскую и распустить учеников. И еще с него потребовали: внушить ученикам вредность своего ученья, — но от этого он отказался, потому что в своем искусстве он ничего не видел ни вредного, ни соблазнительного, наоборот, его искусство возбуждало только духовность в человеке. И тогда его отдали под надзор и объявили ответственным за учеников.

Безработный, под постоянной угрозой ареста, ссылки и кнута — в самом деле, как можно ручаться за другого, чего тот сделает, тем более, что лучшие его ученики, а это очень хорошо понимал Аггей, никогда не бросят его ученья! — Аггей жил одиноко, в загоне, и писал мемуары.

И те, кто заискивал перед знаменитым художником, теперь осуждали его — говорили, что слава его недоразумение и что он бездарность, а хорошие знакомые избегали с ним встречи, а друзья отреклись от него.

Феофан был связан дружбой с Аггеем. И его очень мучила судьба его друга; если бы дело заключалось только в деньгах, он помог бы ему, но ему надо было дать не денег, а свободу!

К этому «бывшему» иконописцу Аггею, как официально звался теперь знаменитый византийский художник, отправился Феофан после той странной ночи, когда был он и самый в мире несчастный и счастливейший из всех. Он пришел к Аггею, к своему другу, просить написать для него три иконы: «Спасителя», «Богородицу» и «Николу».

Если бы с таким предложением явился с улицы, Аггей, конечно, отказал бы, но от Феофана он с радостью принял заказ. Феофан рассказал ему о своей чудесной ночи, и это еще больше

побудило художника: он уже видел написанными эти три такие непохожие иконы — три образа: Спаситель, Богородица и Никола.

* * *

Заказ был исполнен. Всё обошлось благополучно: работу никто не прерывал, ничто не отвлекало, не случалось, не было и обыска, который мог бы всё расстроить да еще и навлечь большие неприятности.

Со всякими предосторожностями Аггей принес иконы Феофану.

В своем богатом доме в самой лучшей комнате, куда из посторонних никто не мог проникнуть, Феофан поставил их в ряд: посередке Спасителя, справа Богородицу, слева Николу:

> «Спаситель» — как судия, распределяющий долю — судьба, дела которой человеку непостижимы и человеком ощущаемы, как удача в жизни — как промысел, т. е., как заботливость, предусмотрительность и предосторожность вне воли человека, или как боль, как какая-то «беспричинная» кара, постоянная неудача, тягчайшая и никак «непонятная» справедливость, «несправедливость», как выговорит отчаяние;
>
> «Богородица» — как воплощение беззаветного милосердия, нежнейшее сердце, которое уже тем только, что вот тихо бьется, умягчит и самую лютейшую боль и подымет сомкнутые горем или бесцельностью отяжелелые веки;
>
> «Никола» — как человек, таких сколько хотите, прошедший все человеческие дороги беды и, конечно, какой-то вины и той простой радости, что вот живем мы все на земле и, как хотите, при всех невзгодах, а ведь есть что-то такое, почему умирать никому не хочется, есть какие-то уголки, которые держат, привязывают — к улице ли, к полю, к морю, к горам, к степи, к лесу, или к человеку, ну, к тому, кого или что человек любит; «Никола» — человек, которого ничуть не страшно, но перед которым совестно.

Замысел художника пришелся по душе: и Спасителя Феофан увидел судией, Богородицу милосердием, и был несказанно обрадован, увидя в Николе своего знакомого «заштатного» священника — странника, который приходил к нему.

Еще оставалось нелегкое дело: освятить иконы.

Ни один поп не согласился: очень строго — и кто б это захотел рисковать! — с места погонят и запретят, да и в тюрьме насидишься, а станешь оправдываться, не очень-то поцеремонятся, живо зашьют в мешок — и в море.

Феофан был богатый и сильный — доступ ему всюду. С патриархом он был знаком. И он решил идти просить самого патриарха.

* * *

Патриарх Анастасий был заодно с царем: почитание икон он считал грубым пережитком язычества, противным духу христианства, и искоренение этой идолопоклонской повадки обязанностью всякого истинного христианина и прямым своим долгом как главы церкви.

Патриарх Анастасий был вдохновителем «иконоборческого догмата»: анафемы —

> против тех, кто изображает матерьяльными красками образ воплощенного Слова; против тех, кто изображает в подобии человека сущность и ипостась Слова; против тех, кто изображает ипостасное Единство и называет этот образ Христом; и тем, кто изображает плоть, отделяя ее от Слова;
>
> и тем, кто изображает «Рожденного от Девы» и этим разделяет Христа;
>
> и тем, кто изображает обожествленную плоть;
>
> и тем, кто изображает Слово, принявшее зрак раба в Свою Ипостась, — в виде человека, и тем вводит четвертое лицо в св. Троицу;
>
> и тем, кто изображает святых красками, вместо того, чтобы воспроизводить их добродетели в своей жизни.

И не без его участия из Константинополя высланы были все монахи.

Но патриарх Анастасий рассудительный человек: если бы это какой с улицы толкнулся к нему, то само собой он не только отказал бы, но и привлек бы к суду, как нарушившего царский декрет, но Феофан, правда, старорежимный, но во всех своих поступках вполне лояльный. А кроме того, патриарх Анастасий большой был любитель искусства, и именно иконописного ис-

кусства: у него было редкостное собрание икон, и главным образом из иконного фонда, составленного из отобранных икон по церквам и из упраздненных монастырей.

И когда от Феофана он узнал, что иконы работы такого мастера, как Аггей, он охотно согласился приехать к Феофану освятить иконы.

Освящать иконы, конечно, совсем ни к чему и, пожалуй, даже кощунственно, в этом был глубоко убежден патриарх, но ведь освящение было для него поводом посмотреть иконы, и он условился с Феофаном о своем визите.

Поутру Феофан и его жена были на обедне в св. Софии. Служил патриарх. Было очень торжественно: присутствовал царь. Феофану надо было выяснить, когда ожидать патриарха на освящение, а подойти не было никакой возможности. Но патриарх сам вспомнил: архидьякон Дормедонт передал Феофану, что святейший прибудет после всенощной.

Готовили ужин: Феофановский повар постарался — меню из любимого патриархом. Посторонних никого, только иконописец Аггей.

И патриарх приехал с избранным клиром. И прямо прошел в комнату, где стояли иконы. Иподьяконы готовили кадило: синий дым росного ладана проникал душистыми цветами и медовым воском.

Патриарх не скрывал своего восхищения: «Спаситель» и «Богородица»!

— А это что за чучела? — обратился он к Феофану, вглядываясь в образ Николая-чудотворца.

Вспоминается, как один развязный молодой человек, глазея по стенам, спросил хозяйку — барышню — показывая на портрет: «это что за обезьяна?», и та не сразу: «мама», — и было тягостно и неловко, также и на «чучелу» ответил Феофан — —

— Николай мирликийский! — резко перебил патриарх, — этому смердовичу здесь не место.

«Смердович» от «смерда» — низкого происхождения: хотел ли патриарх сказать, что рядом с божественным: божественной судьбой-судией и божественным милосердием — сердцем всего мира — «звездой морей» такое человеческое недопустимо, или заметил, что образ Николы слишком живописен и никак не икона?

Аггею он сказал:

— Так... этого писать нельзя.

А Феофан должен был вынести икону — и он понес ее в свою комнату, поставил к книгам там, где в ту ночь явился его обрадовавший странник.

Патриарх служил молебен с водосвятием и освятил иконы: «Спасителя» и «Богородицу». Служба кончилась. Патриарх разоблачался.

И тут один старый священник, кажется, единственный из сохранившихся от старых времен в клире патриарха, тихонечко дернул Феофана за рукав — Феофан подумал совсем на другое и повел священника в коридор. А старичок шепнул ему, что «Угодника он освятит!» И в комнате у Феофана, заперев двери, священник скороговоркой прочитал молитву и припрятанной кропильницей окропил образ святой водой. Счастливым вернулся Феофан к гостям, да и гости были довольны: время к столу, а стол — царский.

* * *

За ужином Аггей сидел с патриархом. Тема — любимая патриархом: иконы, которые он с такой жестокостью гнал во имя одухотворения веры и искоренения языческого элемента, — «искусство, недоступное массам!» Аггей возражал: он указывал на чудотворные образа как на пример чудодейственного искусства, покоряющего как избранных, так и убогих. А на это возражал патриарх — что для массы любая чурбашка может стать чудодейственной, и всё сводилось к тому, что сначала надо воспитать массы, и тогда можно что угодно. А выговорив свое принципиальное, патриарх сказал слово: похвалу иконописцу Аггею, величайшему византийскому мастеру.

И когда он кончил, нежданно появился новый гость: это был эпарх Феофилакт, приближенный царя Льва: к Феофану его привел след Аггея.

Только подбор вин на всякого любителя и знатока, а то бы расстроился вечер! Опытных людей на бутылке не поймаешь. Всё шло гладко, и как будто так и полагалось: Аггей и Анастасий за одним столом у Феофана. Ужин затянулся за полночь. К всеобщему удовольствию эпарх Феофилакт так же, как поя-

вился, так и исчез. И без него сразу почувствовалась свобода и непринужденность.

Заметил Феофан, как архидьякон Дормедонт щелкнул себя по воротничку, дав понять, что надо еще вина, и, подмигнув, укоризненно скосился на патриарха: патриарх держал в руке пустой стакан. Феофан встал распорядиться. Но ему говорят, что вина нет — ни одной бутылки. Феофан поднял на ноги весь дом. Но опять-таки, что поделаешь, такой час — всё закрыто.

Какая досада! С таким чувством прошел Феофан в свою комнату: всё-таки надо что-то придумать. А чего придумаешь? Не подавать же в самом деле патриарху после самосского шабли? Феофан, присев к столу, взглянул на икону: она так и осталась у книг.

«Мне очень неловко просить вас об этом, — сказал Феофан, говоря, как тогда, как сидел у него на этом самом месте странник, — но если можно — — все лавки закрыты, достать негде!»

И встал — — пошел к гостям.

И когда проходил он по коридору, бежит навстречу Павел:

— Три бутылки достали! — запыхался, — три бутылки достали! — и прижимает старые, не разобрать даже что.

А когда разлили из этих бутылок, ну знаете, — ви-но! в Вавилоне у царей Вавилонских за столом такого не подавали: пей, не напьешься, еще!

Только на заре патриарх поднялся домой ехать — «с миром изыдем!» — по слову архидьякона Дормедонта столпотворенного.

* * *

Дома патриарха ждали: в ночь приехал с островов Василий Карминогенет, очень важный византийский вельможа: с его дочерью припадок — в исступлении. И просит патриарха возложить на нее евангелие.

Очень некстати, но отказать невозможно. Патриарх отпустил Василия, пообещав быть через час: ему хотелось немного оправиться после бессонной ночи. Но когда Василий уехал, он раздумал: утро было чудесное — шел тихий дождик.

И, не распуская клира, патриарх взял евангелие от Луки — и на корабль: плыть на остров, где его ждут с нетерпением и верой.

Как хорошо пасмурное утро на море, и я не знаю, где дышится легче: на лугу, покрытом пестрыми звездочками, или над звездящейся тихой волной! Патриарх вышел на палубу и под тихим дождем почувствовал, как укладываются его мысли, взбудораженные бессонной ночью, как стебельками никнут они и устилается большая дорога — покой. Это чувство покоя, как волна — эта серая живая волна вплывала в глаза и плыла бесконечная — —

— — — — — — — — — — — — —

И вот откуда что взялось, не узнать стало моря: как было тихо — волна наступает и в безветрии рвет вихрь; темное облако опустилось над кораблем — ночь. Патриарх слышит: «погибаем!» кричат, и на миг молния прорезала ночь: у борта стоит архидьякон Дормедонт, высоко подоткнул рясу, в белых штанах: «погибаем!» кричит. И опять — ночь. Патриарх поднялся, но только что сделал шаг, нахлынувшая волна ка-ак бацнет по спине, и он покатился: «погибаю!» кричит. И, глотая волну, вспомнил, как еще в детстве молился, и единственное имя поднялось от сердца с последней надеждой — имя Николы. И почувствовал, как кто-то схватил его за руку — волна отхлынула — и он увидел: тот самый — с иконы Аггея — заштатный священник: это он держит его за руку.

«Смердовича позвал! — сказал священник, но совсем без укора, — и разве он может помочь?» А патриарх глядел на него и — веря: «поможет!» — и виновато: всё вспомнил.

«Ну, что там! пойдем: я тебя на твой корабль посажу, плывите назад в город».

И по скользящим волнам, как по скалам, повел его к кораблю.

— — — — — — — — — — — — —

На корабле была большая тревога — едва живы остались! и в суматохе, спасаясь, кто как мог, никто не помянул о другом. Но когда буря затихла и опять все узнали друг друга, хватились — нет патриарха! Большая была тревога. И вот когда, наконец, нашли — эка куда его забросило! и как это он уцелел! — от радости подняли крик.

И патриарх, как от сна, раскрыл глаза и не может сообразить:

— Где мы?

— На пароходе, — отвечают, — и все мы целы.

И рассказали патриарху, какой был страх — чуть не опрокинуло корабль! — и еще было страшнее, когда хватились — нет патриарха! — и нигде его не могут найти.

— Я виноват перед Николой, — сказал патриарх, — а он меня спас.

И рассказал патриарх, как тонул он и как на его зов явился Никола, взял его за руку и повел по волнам к кораблю и, посадив на корабль, велел плыть назад в город.

— «Смердовича позвал! — повторял патриарх, — и разве он может помочь?» —

— Может.

Корабль плыл назад в город. Не поверить, что только что пронеслась гроза, так было ясно.

И когда вернулись в Константинополь, патриарх послал за Феофаном: принести ему три иконы — работа иконописца Аггея: «Спаситель», «Богородица» и «Никола». Феофан не мог ослушаться патриарха и с иконами не замедлил, явился в дом св. Софии.

И тогда патриарх Анастасий взял иконы и сам поставил у св. Софии: Спасителя, Богородицу и Николу.

* * *

Иконы из св. Софии попали на Русь, их все знают: в Большом Московском Успенском Соборе Спас цареградский — золотая ряса и Пирогощенская-Владимирская Божия Матерь, а на Вятке Никола Великорецкий.

Гимнограф Иосиф

«Иконный фронт» начат Львом Исавром, обоснован Константином Копронимом на «лжеименном» соборе. По смерти Льва Хазара при Ирине новый собор — никейский восстановил иконопочитание. Но и тридцати лет не исполнилось, опять принялись за старое: начал Лев Армянин, а кончилось только со смертью Феофила: ради чистоты веры такую опять встряску задали, только перья летят. Воспрещалось не только поклонение иконам, но и почитание Богородицы, святых и мощей, да

чтобы духу монастырского не было! — или просто говоря, мудровали над человеком: как ему правильно веровать.

Терпели верующие — которые попадались со своей верой; монахи— только потому, что монахи; досталось и писателям и поэтам-музыкантам.

Главное внимание было обращено не на тех, кто, сидя в эмиграции — вне всяких репрессий — крикливо обличал антихристово правительство, кроша анафемой, как прибауткой, и не на тех, кто оплакивал прошлые свободные времена, сочиняя «плачи о погибели», — ни в проклятиях, ни в плаче не было никакой опасности: брань на вороту не виснет, а плач —плачем душу отвести можно, но дела не сделаешь. Опасными представлялись те, кто в стороне от всякой борьбы делал свое духовное дело, а дело, не как-нибудь сделанное, по самому своему духу подрывало «иконоборческий догмат» и было большим соблазном для смирившихся поневоле. Таким надо было заткнуть глотку. Таким оказался византийский поэт-музыкант Иосиф, автор стихир и канонов — величальных и покаянных песен.

Иосиф — монах, и с ним можно было бы расправиться по-монашески: можно было бы его публично женить, обезобразить, ну, отрезать нос, уши, а если и это не проймет, то в мешок — и в море. Но Иосиф очень популярен, и с ним поступили милостиво: его сослали на остров Крит и там посадили в тюрьму.

Много Иосиф чего видел на белом свете: в ранней молодости он должен был покинуть родину — это при первых набегах арабских корсар на Сицилию, жил одно время в Салониках, а потом уж поселился в Константинополе. И теперь, вспоминая «сарацинские зверства» — какие пустяки в сравнении с тем, что он видел в Константинополе: никакому сарацину не придет в голову из-за веры так истязать человека!

В колодках, с цепью на шее, как на аркане, провел Иосиф в тюрьме шесть лет. И за этот срок собачьей жизни он написал семь канонов своему любимому образу, прославляя Николу — «светозарную звезду — небесного человека, сидящего на престоле архангела, которому служат ангелы, повинуется море, слушает воздух, покоряются народы!» Освобождение Иосифа из тюрьмы произошло чудесно.

* * *

В ночь под Рождество, запертый в своей камере, Иосиф без книг служил всенощную, вспоминая стихи Германа, Иоанна, Феофана, Сергия и Романа, византийских поэтов-гимнографов. И вдруг явственно увидел перед собой человека: это был сторож, закованный в латы.

«Иосиф, — сказал он, — по твоей любви я пришел к тебе из Мир Ликийских, я принес тебе весть — идет суд Божий! — ты должен вернуться к людям и укрепить их данной тебе благодатью Духа».

И, подавая записку, велел ее проглотить.

Иосиф взял из его рук клочок бумаги и, положив себе в рот, сказал:

«Как пламенны умной гортани моей души написанные слова!» — и, проглотив, воззвал:

Ускори щедрый и потщися яко милостив

На помощь нашу,
Яко можеши, хотяй!

(«Поспеши на помощь, всеблагий и милостивый: ты всё можешь, коли захочешь!»).

И как только произнес он эти слова, так и случилось: железный аркан сорвался с его шеи и колодки распались.

И слышит голос:

«Следуй за мной».

И увидел: его страж и вестник разделяет воздух и улетает. И сам он, как воспламененный, поднялся на воздух и полетел — —

* * *

В эту ночь царь Лев Армянин был свергнут и убит. И на заре великое славословие разносилось по улицам Константинополя и среди освобожденного народа видели: Иосиф!

О монахе Николае

Хартофилакс Hagia Sophia — архивариус св. Софии — Георгий Декаполит, в своей Похвале вознесший мирликийского чудотворца выше Моисея, Ильи и Иоанна, записал чудесный случай с монахом Николаем, учеником своего знаменитого дяди, Симеона Декаполита, во время гонений на веру при царе Льве Заике.

* * *

Симеон Декаполит, мудрейший из византийских старцев, был заключен в тюрьму. И что было еще придумать, чтобы обезвредить общество от влияния закоснелого «старообрядческого» монаха, почитающего иконы и святых. Конечно, если бы захотел, Симеон давно бы мог эмигрировать — за эти годы в одну Калабрию эмигрировало до пятидесяти тысяч монахов, священников и просто не пожелавших подчиняться никаким декретам о вере! — но Симеон считал, что как кто хочет, но он останется до смерти. Сидя в тюрьме под строжайшим надзором, Симеон поддерживал постоянное общение с Константинополем — такова сила его власти и обаяния! — и не только с Константинополем, а и с далекой своей родиной — с исаврийским Декаполисом. А это было очень трудно, и исполнить поручение старца мог только очень смелый и преданный вере. А таким был самый молодой из учеников Симеона монах Николай. Помогал ему хартофилакс Георгий.

На вечерней заре судно вышло в море. Всё благоприятствовало путешествию. А ночью сбились с пути. И погода расстроилась. Плывут не зная куда. Жуткий наступил час, когда поднялась настоящая буря. Гребцы выбились из сил, сложили весла и легли на дно судна. Один Николай остался стоять у руля. Но что он мог поправить, окруженный со всех сторон грозой: драконы, свистя и шипя, белым огнем лизали море, море вскипало, и в вскипе судно — ни вперед, ни назад. Николай, обессилев, закрыл глаза. И не помнит, долго ли он был в оцепенении без чувств, а очнулся от сильного толчка и видит: в белых ризах, по кипящей волне шел старик —

«Встань, — сказал он, — и не поддавайся дремоте. Иди на порученное тебе дело — мир тебе и благословение!»

И Николай смотрит на удаляющегося белого старика — а это был Никола! — и не может сообразить: такая тишина кругом и из-за быстробегущих туч мелькает звезда.

Гребцы взялись за весла, Николай стал у руля. И тот путь, что делали в две недели, судно проплыло за один час.

Схоларий Петр

Командир самого блестящего «салонного» кавалерийского отряда — схоларий Петр в третий раз попался в плен к арабам. Важная птица — и его перевезли в самый центр, в Самару.

Дважды византийское правительство выкупало Петра — не малый куш перепал в руки арабам. Если и теперь согласятся хлопотать за знатного пленника, арабы, конечно, заломят большую цену, византийцы будут торговаться, а ему сидеть в крепости и ждать — без срока.

Всякий раз, попадая в плен, Петр давал обет: выпустят, он переменит жизнь, всё бросит — и что может быть ценнее свободы! — и уйдет в монастырь. Но как только его освобождали, обещание забывалось, — ведь жизнь так прекрасна! — и он возвращался к прежней жизни, к делам, которые организовывались его волей, и суете, спутнице всяких житейских дел.

На работу его не гоняли, как других арестантов, его берегли — его белую одежду с серебряной гривной. И постоянно один, скованный, он лежал или молился.

И однажды видит он во сне, будто идет он по лесу и никого кругом, тишина, — и чем дальше он уходит, тем тише, и кажется ему, что уйдет он на край света и ему откроется, о чем он и не мечтает — — но ему из яви мысли его прерывают: «как бы далеко ни уходил, а всё равно — пленник! — и какие там края света в тюрьме!» — и он, спохватившись, остановился: у дерева стоит Никола, как лесник-сторож.

«Ты просишь освободить тебя? Тебя освобождали, но ты всегда нарушал клятву. Что же ты клятвой-то, как в игрушку, играть задумал?»

Петр проснулся, и ему очень совестно, оправдания он себе не находил: да, он обманывал — он поддавался привычной жизни, втягивался и отстать не мог.

* * *

Между тем, велись переговоры: обе стороны торговались. И по передаче с воли Петр видел, что хорошего ждать нечего: свои могут от него отказаться.

«И что за важная птица, — говорили в Константинополе, — чтобы за него платить и платить без конца? да и талантик-то у него с куриный носок, делу без него урон небольшой, и не такие командиры найдутся!»

Нет, ему надо самому отказаться: и не потому, что его ждет смерть или, в лучшем случае, жизнь «на покое» — устраненного от всякого дела только из-за несчастной случайности, возможной с каждым, а потому, что — жизнь его была пустой жизнью.

В самом деле, что он такого сделал, чтобы гордиться перед людьми и требовать признания себе и внимательности? Эта его погоня за славой? — и как надо принизить себя, чтобы довольствоваться похвалой, которая часто объясняется невысокой требовательностью, невежеством и дурным слухом, и которую очень легко добыть деньгами, а еще вернее — обещаниями! А постоянная интрига? — ведь всегда кто-нибудь мешает, или кажется, что мешает, и надо всякими способами расчищать себе дорогу, а это значит — лгать, клеветать или что-то замалчивать, обходить кого-то — —

И опять ему снится: он дома в Константинополе, в своей комнате, только всё гораздо больше, длиннее и шире, чем это в действительности — огромный стол, книги и, как троны, стулья, а цветы, как змеиные пасти, картины с великанами — и оттого в комнате очень тесно, а сам он совсем маленький, совсем незаметный; но этого недостаточно — на его глазах вещи растут, завладевают пространством; и он чувствует: всё равно, как он ни мал, а вещи его вытеснят, и то ничтожное место, какое занимает он, отнимут у него; и он подбирается весь, руки так — ноги так, голову в грудь, чтобы только как-нибудь удержаться, и видит: из цветов Никола, но уж садовником.

«Еще не наступил срок... а ты знаешь Симеона?»

«Как же, — отвечает Петр, — все знают: «ныне отпущаеши»!

«Молись ему».

* * *

С этой ночи Петр молился Симеону.

И часто думал о нем, вспоминая сказание о «сретении»: это когда после обрезания принесли Младенца в храм и с ним горлинок и голубят —

> в храме был один человек Божий, исполненный силою посвящения и силою добра, имя его Симеон, и лет ему было сто двенадцать; было ему откровение от Господа миров, что не вкусит он смерти, пока не увидит Христа, Сына Божия, в физическом человеческом теле; и когда он увидел Младенца, воскликнул громким голосом: «Божественный мир посещает свой народ, Господь миров исполнил свой обет!» Потом поднял Его высоко, окутал своей священнической одеждой и поцеловал стопы Его: «Ныне отпущаеши раба Твоего...».

«Ныне отпущаеши раба Твоего...» — повторял Петр и чувствовал, как с этими словами входит в его душу надежда, что произойдет что-то чудесное и изменит его жизнь.

Тюремный его режим резко изменился: бывали дни, никто не входил в его камеру, как будто его и не было, и целый день он оставался без еды; прежнего бережения тоже не замечалось, а это плохой признак: с переговорами, значит, заминка, а может быть, свои отказались от него?

Известия с воли вскоре подтвердили догадку: византийцы отказались платить за него выкуп. И он очутился в руках врагов: что хотят, то с ним и сделают.

А что делать человеку, если свои от него отказались, а здесь ему готовят смерть? Единственный выход: он должен как-то «выпрыгнуть» из самого себя. Ведь всё равно, если он и убежит, нельзя вернуться домой — там ему нет места, а здесь — рано или поздно палач выбьет из-под его ног скамейку, последнее, что он занимает на земле. Человеку, которого загоняют с двух сторон, никуда не скрыться, никакое подполье не поможет: ему действительно только и остается «выскочить» из себя — подняться над землей, и тогда и свои, и здешние столкнутся и он свободно уйдет. Ему надо отказаться от этой земли, с которой его хотят прогнать, отречься от жизни, в которой ему нет места, и духом начать жизнь над этой землей — над этой жизнью.

* * *

Ночью, уж не мечтая ни о какой воле — ведь эта самая воля была связана с землей и жизнью! — Петр собирал в себе духовные силы, чтобы укрепить себя — подняться над собой — своей волей над этой волей, в камеру его вошли, он это почувствовал, и видит: два странника — одного он узнал: Никола, и с ним очень старый в священнической одежде. И тот старик в священнической одежде подошел и эпитрахилью коснулся его: «Ныне отпущаеши...».

«Ныне отпущаеши раба Твоего...» — проговорил за ним Петр и, напоенный силой, поднялся с нар и почувствовал, как ему легко вдруг.

Дверь в камеру была открытой — светлой дорожкой таял след уходивших странников. И Петр вышел по их следу — —

— — — — — — — — — — — —

В эту ночь папе Льву снится: два странника — Никола и с ним в белой одежде с серебряной гривной; и Никола, показывая на своего спутника, говорит: «Я и Симеон освободили его. Поручаю тебе — посвяти его. Ты его увидишь в церкви апостола Петра: его имя Петр».

И когда Петр, выбравшись из Самары, прибыл в Рим и пришел в церковь апостола Петра, папа Лев узнал его. Петр открыл ему свое имя, рассказал о чуде — как спасся он из плена — и просил постричь его.

И монахом Петр не вернулся домой в Константинополь, а прожил жизнь на своей новой родине — в духе.

О Христофоре

В царствование Михаила-пьяницы, пославшего в Моравию первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, жил на острове Лесбосе в Митилене старик священник Христофор. Человек чистой веры и несомненной, умел он на всё ответить — и на житейское, и на духовное — ясно и твердо. И потому пользовался большим доверием как от прихожан, так и от посторонних: и если даже и не согласен с ним, всё-таки знаешь, что вот человек — по совести, неподкупно и бескорыстно, по своей вере, в свете этой веры так рассуждает, и ответ у него один и другого

нет и не может быть, ни про себя, ни за твоей спиной. У Христофора не было этого лукавства, и таким его всегда знали. А времена бывали лукавые: то за икону гонят, то за святых преследуют! — а уж известно — там, где преследования, там подходящий случай свои счеты сводить, и надо было постоянно лавировать, чтобы удержаться, а то живо либо свой тебя подсидит, либо чужой спихнет. И за все эти годы, не такие, как теперь, когда кончилось наконец гонение, Христофор пронес свою веру: всякий год с большим риском отправлялся он морем в Миры, на праздник, и назад вернется, привезет и камушков с могилы, и мира от гроба и всем раздаст и расскажет, как будто и сам с ним там побыл, хорошо рассказывал, и большое было утешение людям. Опасно стало жить, и в особенности на островах, им всех больше доставалось: каждую весну с Крита нападали арабы, и не было весны — всегда слышно: то там, то тут, ну, как саранча. Конечно, зимой много тише, но ведь и то сказать: чем больше добыча, тем смелее — обнаглели!

Плыл Христофор с паломниками хорошо, да на полдороге стоп: арабы! — и всех до одного на Крит в Хандакс. И там на базаре пленников, как водится, разделили на три категории: одних продать — это всё молодые и здоровые, годные на работу — купец найдется из Сирии, Египта, Месопотамии, ишь изпод чалмы перемигивается, всех разберут: кого в Бассору, кого в Геджас, кого на Нил, кого в Андалузию; а других засадят в тюрьму — это те, кто познатней и побогаче — за них хороший выкуп можно сорвать; а третьих — это слабые и старики — с ними не няньчиться же, такая уж судьба: конец.

Христофору выпала на долю судьба: конец.

И когда палач, переходя по рядам, стал рубить головы спутникам Христофора и его очередь приближается, вспомнил Христофор свои грехи за всю свою жизнь.

«И мало бы, что человек хочет жить по правде и давать людям только полезное для их души, но часто не хватает мудрости в человеке, не умеешь подойти к самому живому в человеке, а разбередишь только внешнее, и от твоей правды не свет, а горечь останется — доброго не пробудишь, а злые намерения укоренишь! то же и со слабостями человеческими, и главной — ропот, и ведь часто не знаешь, что еще выйдет от твоего затруднительного положения в твоих делах, а уж ропщешь, а по-

том — слава Богу, что так произошло, ведь эта беда оградила от еще большей беды, или ведь эта беда была толчком для какого-то твоего дела, от которого тебе лучше теперь жить на земле!»

Так вспоминая всё свое, как это было в жизни на месте в такой-то день и в такой-то час, просит Христофор простить ему — теперь он понимает, что это не то было, не так <надо> было жить, и если скажут: начинай всё сначала, как мало, что он повторил бы, и просит Христофор чудотворца, которого он почитал в жизни как своего руководителя и заступника в духовном мире, просит его, как человека, заступиться — смягчить заслуженную им кару.

Палач подошел к Христофору и дернул его за руку, чтобы голову наклонил.

И Христофор, взглянув в последний раз, увидел палача, топор и очень ясно: за палачом — Никола, как рисуют на иконах, только руки не так — а так, будто показывает Христофору: «не бойся, мол, дурного ничего не будет!»

И почувствовал Христофор от этого взгляда такую теплоту, и весь страх, что морозом пробегал по нем, пропал: спокойно наклонил он голову под топор — и слышит, как со свистом пронеслось над ним.

Это топор, выбитый из рук палача, просвистел над его головой.

Не понимает палач: или это чьи-то шутки? или рука сорвалась? — и он схватил другой топор.

Но и другой топор, как выбило из рук, высоко пролетел — и там упал.

— Ты что ж это, — сказал палач, — ты это колдуешь? Куда девал топор?

Христофор поднял глаза и увидел Николу: Никола стоял рядом с палачом и спокойно смотрел. Христофор сказал:

— Твой топор Никола взял.

— Где? — палач оглянулся.

И никого не увидел.

И почувствовал, как тяжесть отяготила его руки, почувствовал, что очень устал и ему бы присесть хоть на минуту, и сказал лениво:

— Никого не вижу — какой Никола?

— Святой Никола, — сказал Христофор, — чудотворец.

— Чудотворец, — повторил палач и точно что-то вспомнил, — да, я от многих слышу это имя, это верно.

В третий раз он не взял топора, а подозвал других — их очередь за Христофором. И когда они подошли, объяснил им дорогу.

И Христофор увидел Николу: за палачом стоял Никола, и лицо его светило — благословенный свет! — и Христофор поклонился ему и за то, что дал ему жизнь, и за палача, что освободил палача от убийства, и за тех несчастных, что ждали за ним горькой смерти.

Все они — их было четверо — пошли, как указал палач. И вышли на дорогу к морю. Не оставили их добрые люди, посадили на корабль. И на корабле вернулись они домой на остров.

Сквозь бездну

Патриарх Мефодий, второй биограф мирликийского чудотворца, возвысивший его над Моисеем и Ильей, автор Похвального слова, написанного для Теодора, византийского посла, к Людовику Благочестивому, и другого Слова с описанием посмертных чудес — греческих сочинений, от которых идет латинское житие, составленное Иоанном, неаполитанским дьяком, рассказывает чудесный случай со своим отцом.

* * *

Мефодий родом из Сиракуз, с занятием Сицилии арабами вынужденный покинуть родину и поселиться в Константинополе, возведен был в патриархи при царе Михаиле-Пьянице, отец же его Иоанн родился, жил и помер в Сиракузах.

Еще не было никакого писанного жития, а рассказы о чудесах мирликийского чудотворца были широко распространены, как в Византии, так и в Италии. Иоанн с детства привык чтить чудотворца и образок его носил на шее вместе с крестом.

Однажды случилось ему ехать из Сиракуз в Отранто. В Ионическом заливе поднялся сильный ветер, да такой, что хоть от берега и было близко, а пристать кораблю никак нельзя. Нашлись смельчаки плыть в лодке. Понасажалась полная лодка. И когда взялись за весла, прыгнул в лодку Иоанн — лодка перекувырнулась, и все пошли ко дну.

«Под водой, захлебываясь, одна мысль пронеслась у меня, одно имя: Никола, — рассказывает Иоанн, — и я увидел чудотворца, схватился за его фелонь, и он, прикрывая меня, как крыльями, вынес, проведя сквозь бездну, и поставил на берег».

Слово в слово рассказывали ту же чудесную историю и спутники Иоанна: одна только мысль, как молния, пронеслась у них о чудотворце, и они спаслись.

А о погибших говорили:

«А эти ничего не подумали и вот, оставленные на свои силы, погибли!»

О двух сосудах

В царствование Льва Мудрого-«Философа» в Византии рождались только девочки. Так и полагается рождаться музам, когда царь поэт, автор стихир, тропарей и величаний, писавший под псевдонимом «Византий».

И только в десятый год нежданно-негаданно появился на свет многочисленный выводок мальчишек. Так случилось у всех соседей знаменитого византийского каллиграфа — доброписца Августария: Илья роди Льва, Александр роди Сергея, Василий роди Ивана. И сам Августарий роди Михаила.

Ни Илья, ни Александр, ни Василий ничего такого не домогались, и далось им это безо всяких, наоборот, они заготовили каждый по женскому имени — одно для всех: имя Божие — Ирина. Августарий же имел семь дочерей — Диалектику, Реторику, Геометрию, Арифметику, Астрономию, Грамматику и Музыку, все погодки; и как бы он ни надсаживался и ни старался, рассчитывать на сильный пол он не имел основания, а между тем он один хорохорился, хвастал, что, как пить дать, будет мальчишка. А говорил он так уверенно не потому, что хотел иметь сына: мало ли чего хочется! — а потому, что верил, что не может не быть сына: если у него родится сын, он пообещал золотой сосуд, сам он этот сосуд свезет в Миры Ликийские и поставит перед образом чудотворца.

Постоянная баталия в доме — семь муз! — ему надоело: он человек тихий, дело его упорное, кропотливое, требует тишины и покоя. Да и какой прок: музы! — он мечтал о мальчишке, с которым будет ходить по субботам в баню: Мишка впереди с ве-

ником, Августарий за ним с узелком; еще будет Мишка бегать в лавочку за папиросами и бумагой, разрезать листы — и понемногу научится тому единственному почерку, каким славился Августарий — «перу августариеву» с паутинной запутанной вязью.

«Для каждой литературной формы есть своя начертательная форма, — учил Августарий, — каждое литературное произведение должно быть написано по-своему, а написать как-нибудь — значит разрушить форму, а разрушить форму и обессмыслить — одно и то же».

* * *

За царем Львом стихи сочиняли все министры и всякие начальники, а кто ничего не умел придумать, заказывали на стороне и выдавали за свое. Искусные каллиграфы были в большом спросе, но платили им за работу очень мало, а бывало, что и ничего, только пообещают. Кое-что перепадало от частных лиц, — звание поэта было в те времена самым почетным!

И когда у Августария родился сын, он мог заказать себе самый простой, самый дешевый — игрушечный стаканчик, да и то только потому, что золотых дел мастер, тот самый Илья, который роди Льва, сосед, поставил по своей цене.

Оставалось отвезти сосуд в Миры, но это очень сложное дело: морское путешествие стоит не малых денег, да и в дом надо на пропитание муз. И прошел не год, не два — Мишке исполнилось пять, вот только когда скопил Августарий денег и мог начать сборы. А за эти годы очень привык к стаканчику: ему он — подкрепительная мера, а Мишке — игрушка, и расставаться ему со стаканчиком не хочется, а Мишке даже и сказать побоялся.

И не всё ли равно, какой сосуд он повезет: этот ли любимый, или другой? — важно исполнить обещание; да и не взыщет Угодник: он же всё понимает!

И пошел Августарий не к Илье, а к серебрянику Василию, что роди Ивана, и всё начистоту рассказал Василию — и сосед смастерил ему точно такой же, только серебряный, а денег не взял: подождет.

* * *

Августарий забрал стаканчики: золотой любимый и серебряный — жертву, и — с Мишкой на корабль. Провожать вышли все семь муз и Мишкин крестный Александр, что роди Сергея: крестнику на дорогу полпалки шоколаду принес: половинку своему отдал, а другую половинку Мишке. И поплыл корабль из Константинополя прямым рейсом в Миры Ликийские.

В дороге всё было хорошо: какая погода! и соседи, всё паломники в Миры, народ бывалый! Августарий и новостей наслушался — чудесные истории, и сам рассказал свою о Мишке — о его чудесном противоестественном появлении на свет и о стаканчиках: золотом любимом и серебряном — жертве; и выспался-то за сколько ночей, и картинами природы налюбовался, а Мишка — из этого выйдет толк! — наловчился за дорогу спички зажигать: вынет Августарий из портсигара папиросу, встряхнет, стукнет о коленку, а уже спичка есть — горит!

На закате третьего дня близко к Андриаки — Мирский порт — пароход пошел тише. И такая тишина была на море: видно — и без всякого увеличительного стекла! — в голубой воде золотые рыбки плавают. А Мишка раскапризничался: надоело ему или еще с чего, ну, ничем не уймешь, выдумал: назад домой поеду! И чтобы его развлечь, дал ему Августарий любимый золотой стаканчик.

— Поймай стаканчиком рыбку!

Так бывало дома, если долго ожидать приходилось с Мишкой на почте или у заказчика, и, случись, пес обнюхивает, говорил Августарий Мишке: «дерни собачку за хвостик!»

Мишка ухватил стаканчик, перегнулся через борт, черпанул в стаканчик золотую рыбку да чего-то поспешил — и кувырк со стаканчиком в воду. Вот тебе и поймай рыбку! Тут кто с багром, кто пояс кидает, все кричат: хватайся! — а его, верно, под корабль подмыло, никак не могут выловить: кончено — утонул.

И пришлось Августарию одному на пристань высаживаться, и один без Мишки приехал он в Миры: ночь ехал и поспел в церковь, еще обедню не начинали. И все богомольцы — всё паломники, вместе ехали — знают о его несчастье, все ему сочувствовали, но помочь не знают как: и рады бы вернуть Мишку, да уж не в воле это человеческой.

Подошел Августарий к образу Николая чудотворца и серебряный стаканчик — жертву свою за Мишку поставил. Но только что хотел приложиться, стаканчик как швырнется и отскочил на самую середку. Пошел Августарий, поднял с пола — какие неловкие, этак и подсвечник когда загремит! — и опять поставил. А стаканчик-то опять — и тут уж винить некого! — эна его куда, еще дальше!

И все смотрят и удивляются: чего это сила не принимает?

— — —

Понял Августарий: не угодна его жертва! И с пустыми руками, холодными, стоял перед образом: золотого стаканчика нет, он виноват, но он его и не собирался отдавать:

«Привык... а у Мишки отнять — обидеть, и разве он поймет — жертва!»

Холодные были руки, а на сердце еще холоднее — — и вдруг точно теплая волна прошла и руки налились, он поднял глаза — не верит: Мишка! Мишка тут же у образа стоит и золотой стаканчик в карман себе прячет.

Позабыв, что это в церкви, бросился Августарий: да как же это так? откуда взялся? — не знает, что и спросить.

А уж кругом обратили внимание, подходят, прислушиваются — узнали Мишку.

А Мишка говорит:

— Меня дедушка привел.

— Какой, кто?

— Да такой, — Мишка показал на образ, — на ослике вместе прискакали, до самой церкви.

Августарий взял оба стаканчика и поставил перед образом — и стаканчики как в гнездышко сели. И загорелись, ну свечи: золотые и серебряные! — «принял, значит, Угодник, простил».

* * *

И что же вы думаете, это уж на возвратном пути, как подъезжать к дому, замечает Августарий, что Мишка чего-то за карманы всё держится и сам лукаво посматривает — и догадался Августарий и даже оробел:

— Мишка, ты от Угодника стаканчики свистнул?

— Нет, — щерится Мишка, — мне их сам дедушка отдал: мне, говорит, они ни к чему, у меня полно небо звезд: золотые и серебряные, а тебе будет поиграться!

Лютня

В царствование Василия Болгаробойца жил в Константинополе странный человек, и имя у него было непростое: Купало. А знали его в Константинополе все от мала до велика: одни за его чудесную игру на лютне, другие как ходячую притчу во языцех — очень уж чудной и образ его жизни, ни на что не похожий. Он не выступал ни на каких собраниях и вечерах, он никогда не играл для людей и потому жил в большой бедности. Зарабатывал он себе на хлеб не музыкой, а бессловесной ролью в цирках, на что поставят: изображая камень, дерево, зверя и человека; и еще вроде фокусника, умел в нос себе вставлять гвозди: в одну ноздрю вставит, из другой гвоздь выскочит; глотал огонь и ходил на голове. А играл он только в церкви: рано поутру и вечерами. Любители послушать лютню отправлялись в Пе́тровский монастырь к Золотым воротам. В монастыре была икона Иоанна Предтечи: Предтеча изображен был среди пустыни крылатый с крестом. Перед этой иконой становился Купало и играл на лютне.

И странная это была музыка: пески — пустыня, демонское море, лилия архангела, метелица Иродиады. Зачарованные слушатели никогда не замечали, как, окончив играть, Купало исчезал из церкви.

* * *

В Иванову ночь в Константинополе произошло событие, отмеченное по всей Византии: из царской кладовой — места недосягаемого — похищен был мешок с золотом, причем воры, сорвав царскую печать, тут же ее и бросили. На утренней поверке установлен был недочет мешка, обнаружена сломанная печать, но никаких человеческих следов. По повелению царя, немедленно заперев городские ворота и заставы, приступили к повальному обыску.

Весь день до ночи работает полиция — и без результата: ни мешка, ни вора. И тут доносят, что небезызвестный музыкант

купил себе новую пиджачную пару и притом обедал. Невероятно, откуда у музыканта такие длинные руки? — но откуда же новенький пиджак, и обедал? «По-моему, следует его обыскать!» «Обыскать, всё равно всех обыщем». Полицейские поспорили друг с другом: действительно, невероятно! И не сразу, а когда пришла очередь, под утро добрались до дома, населенного такой же беднотой, и полезли на его голубятню.

Комната ничего — чисто, только очень уж тесно, на стене лютня, а под лютней — и тут на минуту все как остолбенели: он самый — мешок! — мешок прислонен к стенке. И спрятать, значит, не догадался. А сам дрыхнет, как ни в чем не бывало. Ну и хлюст!

— Ты как же это мешок уволок, а еще музыкант!

А он спросонья чего-то бормочет, святых поминает. Скрутили ему назад руки и с мешком и лютней прямо к царю.

И перед царем — еще по дороге очухался — он не отпирается: мешок у него действительно царский, но он его не брал.

— Каким же манером мешок очутился у тебя?

— А это Никола: вспомоществование мне от Предтечи.

— Очень интересно, — говорит царь.

И все настороже: слушать: музыкант — разбойничий рассказ.

* * *

Вечером, как всегда, Купало пришел в церковь играть, стал на свое место и, взглянув на икону, — не увидел Предтечи: Предтечи не было в пустыне. Не зная, что и думать, вышел он из церкви, и идет так по улице и видит: Предтеча входит в соседний Молиботский монастырь. Купало за ним. В монастыре кончилась всенощная, но церковь была открыта. И когда Купало следом за Предтечей вошел в церковь, он увидел, что навстречу им идет старик. «Что привело тебя к нам? — спросил старик, и, показывая на Купалу: — а это кто такой?» «Музыкант, — ответил Предтеча, — я пришел просить тебя за него. Ты знаешь, у меня нет на земле дара помогать людям в нужде, а ты, Никола, ты можешь — тебе это дано. Этот музыкант сколько лет каждое утро и вечером играет мне на лютне». — «Пойдем за мной!» — сказал Никола, обращаясь к Купале. Когда они вы-

шли из церкви, была глубокая ночь. Запоздалые и подгулявшие прохожие могли заметить двух странных путников: сгорбленный старик, очень живой, и за ним долговязый с лютней. Шли они молча. Вел старик: он всё вглядывался, точно припоминая улицы, иногда, спохватившись, поворачивал назад. Так, колеся, они дошли до площади. Старик остановился и, что-то подумав, направился прямо ко дворцу. Спутник его покорно следовал. А когда они подошли к двери, часовые и усом не шевельнули, словно никого и не было. Дверь сама собой открылась. И они очутились в длинном коридоре. Горели яркие лампадки, и издали видно было, как в глубине ходят часовые. Но когда они проходили, часовые, как зачарованные, застывали на месте, кого как застанет. И другая дверь сама собой раскрылась. И они спустились по лестнице в освещенную кладовую. Большая зала и по стенам навалены мешки до потолка. Старик, показывая на мешки: «Выбирай любой!» А Купале чего-то страшно. «Чего ж ты боишься — это тебе за твою верность! —и, выбрав мешок, взвесил его на руке, — бери этот!» Но Купало не решился: на мешке сургучом была припечатана красная царская печать. Старик сорвал печать. «Неси, на твой век хватит!» И так же незаметно вышли они на улицу. И до самого дому проводил его старик, на голубятню взобрался, присел к столу. «А ну-ка поиграй, давно не слышал».

— И я взял лютню — —

При этих словах веревка упала с рук Купалы, свободный, он взял лютню.

И странная это была музыка: пески — пустыня, демонское море, лилия архангела, метелица Иродиады. Зачарованный, слушал царь и вся следственная комиссия и полицейские, и, кончив играть, Купало стоял с опущенными руками — ждал себе приговор, а этого не замечали, он мог бы свободно выйти на улицу, не заметили бы.

Ударивший в окно луч июньского солнца пробудил царя.

— Деньги твои, — сказал царь, — а мешок мой: ты его дай мне — рука чудотворца его коснулась, и для меня он дороже золота.

И взял царь мешок, а деньги взял Купало.

Освобожденный

У царя Константина Мономаха был один приближенный — Епифаний, человек правильной жизни и мудрый советник. Он был очень богатый и известен в Константинополе: когда случалось какое-нибудь несправедливое дело, обращались к Епифанию и могли быть надежны: Епифаний всегда рассудит и заступится перед царем.

Понадобился Епифанию человек по хозяйству, а это очень просто: неподалеку от Константиновского рынка Хлебная биржа, и там русские купцы торгуют невольниками — большой выбор. Епифаний взял своего любимого отрока Андрея и поехал на Биржу: и который приглянется, того он и купит. Подходит праздник — Никольщина, невольников выставлено, как елок перед Рождеством, но сколько ни приглядывался Епифаний, никто ему не нравится.

Так и вернулся. И деньги, что брал с собой на покупку человека, не в шкап, как всегда кладет, а сунул куда-то тут же на столе. Очень это утомительно — выбирать человека, устал он, да и зря время провел, досадно: придется опять после праздника! И весь вечер в делах — всё из-за этой поездки.

Наутро Епифаний послал за Андреем — его любимый отрок, с ним он никогда не расставался и часто советовался — надо сделать распоряжение по хозяйству: завтра Николин день. Да, кстати, о деньгах:

— Дай мне деньги, — говорит, — которые тебе вчера дал.

— Вы мне никаких денег не давали.

— Т. е., как не давал?!

Епифаний хорошо помнит: как вернулся вчера с Биржи, к шкапу он не притрагивался, ключей не трогал, денег в шкап не клал, и, стало быть, эти деньги у Андрея — больше ведь никому он не мог дать.

Андрей испугался: очень это страшно, когда человек на тебя смотрит и не верит.

Епифаний, сдерживаясь, стал его совестить: никому он так не доверял, и про это хорошо знает сам Андрей, и как же так — за всю его любовь? ну, а уж если так вышло, лучше сознаться, мало ли что может выйти — —

— Может, вы куда положили и забыли?

— Я ничего не забываю! — вспыхнув, крикнул Епифаний и, забывшись, ударил его по лицу, — лгун и вор!

И крик и этот удар не только не отрезвили Епифания, а еще крепче сжали его сердце — и глаз его помутнел: и какие невиннейшие чистейшие глаза у Андрея! да именно так и должна и глядеть бесстыдная ложь.

И он велел заковать Андрея и посадить в подвал: сейчас ему некогда с ним возиться — после праздника разберет.

* * *

У всенощной Епифаний один. А ведь сколько, и это всем известно, всегда с Андреем! Один стоит он в церкви и не может понять, в чем дело: какие-то гласы поются не праздничные и читают — не то́ читают; надо проверить, что-нибудь такое случилось: почему это так тянут — так скучно?

Надо проверить, — переходит мыслью к Андрею, — может, и раньше за ним такое водилось? И вспоминает: три года, как Андрей поселился у него в доме — тоже купил его на Бирже у русских, — и сразу ему понравился: такое бывает в человеке, это как свет от человека, и не видишь глазами, а чувствуешь, и дышать легко, и чего-то весело. Нет, ничего не припоминает — чисто. Что же это его толкнуло? И не денег жалко, а что обманул: украл и лжет. «Вор и лгун!» И это одно — «лжет» — «ложь» — загустевало на сердце до краев черным.

Черный вернулся Епифаний из церкви, и как не из церкви, а из суда — его судили, и вот приговор: он обманулся, поверил человеку —

«От человека всего можно ждать!»

* * *

Андрей забился в угол — темно в подвале. Добро бы за что — тогда хоть подумать есть о чем, а когда так — тогда у человека одна жалоба.

Так вот чего можно ждать от человека! И с этим можно примириться: «от человека всего можно ждать!» Но со своей судьбой? Это когда всё хорошо, тогда забывается, а когда ударит, спрашивают: за что и почему? Перед человеком можно искать защиты, а перед судьбой? Конечно, Епифаний куда-нибудь сунул деньги и забыл — и никак не может вспомнить — да у него

и мысли нет вспоминать, он так уверен, что деньги отдал. Так и останется, пока не найдутся — случайно — а бывает, что долго не находится вещь — и пока не найдется, останется виноватый.

И он просит:

— — чтобы деньги нашлись поскорее!

Очень тяжко: руки и ноги затекли, голова болит... И как уверить, что деньги не брал — — не давали ему денег! — и что сделать, чтобы поверили ему?

И просит:

— — чтобы пришла Епифанию мысль: вспомнить!

И почему и за что его судьба такая? Какою болью сжимает она его руки и ноги? Стужа, нестерпимая жажда и тьма. И из стужи, жажды и боли вдруг озаряет его память: Россия, его родина, Николин день — завтра Николин день! И он чувствует, как тепла эта мысль: Россия — Николин день.

И просит:

— — заступиться за него — сказать через человека (от человека всего можно ждать, и ничем не убедишь!) — поверх его судьбы, сказать туда: он не виновен.

Андрей сжался весь, точно сберечь хочет это тепло — эти слова о защите перед неумолимой судьбой. И забылся.

И, сном освобожденный от боли и горьких мыслей, забывшись, видит: вошел старичок с воли, весь в снегу с мороза, Андрей узнал его: это Никола Липенский из Новгорода. Старик подошел к нему и смотрит.

«Не надо тужить так, — и рукой по голове, по волосам его провел, — вот ты и свободен!»

И почувствовал Андрей: ему вдруг легко — и, разняв руки и вытянувшись, в легком сне крепко заснул.

* * *

Долго не мог заснуть Епифаний. В коридорах сна путался он безвыходно и, обнадеженный, что выходит на волю, опять попадал в коридор — это ложь его путала, и человек, от которого всего можно ждать, коварно водил его. И вдруг он увидел свет, остановился — думает, наконец-то, нашел выход и конец его муке! — и только что хотел ступить, а из света выходит — Епифаний сразу узнал его и по лицу, и по глазам, только он

весь белый, как снегом запорошен, или от него такой это белый свет —

«Епифаний, — сказал он, за что ты мальчишку мучаешь?» — нахмурился и рукой так показывает — туда на стол.

И видит Епифаний, будто входит он к себе в комнату, вернулся с Биржи, какая досада, зря только время провел! взял со стола книгу...

Епифаний, вспомнив, вскочил, зажег свет — и прямо к столу, раскрыл книгу — а в книге деньги, как сунул тогда — теперь так ясно помнит! — так и лежат все деньги.

— — —

Один, никого не будя, со свечой спустился Епифаний в подвал — разметавшись, Андрей спал на полу, и рядом разбитые лежали оковы. Взял его за руку, разбудил и только смотрит, не может сказать. И Андрей понял — легко поднялся.

И повел его Епифаний в свою комнату, уложил его на свою постель. Дождался, когда заснет он — и на коленях простоял перед ним ночь. Заря занялась, и почувствовал Епифаний, как со светом входит к нему свобода — никогда еще не встречал он рассвет с таким чувством свободы!

* * *

Поутру пошли они вместе в церковь. Как на Пасху шли они в церковь. В церкви стояли рядом, и на сердце горяча была молитва.

— Ты свободен, — сказал Епифаний, — не человеку ты должен служить! — и показал на образ Николая-чудотворца, — а эти деньги бери себе: я хотел купить человека.

И в землю поклонился.

— — —

Свободные они вышли из церкви — два брата, Андрей и Епифаний.

О Василии

Какой это был чудесный мальчик — Василий, сын Агрика. Наденет елочную золотую корону — загорятся глаза ярче золота, ну такой он чудесный!

А как он представляет гномов: «керионы разговаривают» — руки сложит так, только два у него пальчика свободны, и ими по столу: «тук-тук-тук?» — «куик-куик!» Так и видишь — а как он озабочен! — вот они в острых колпачках где-нибудь у красного камня, когда солнце идет купаться в море, ведут свой разговор: им вся короткая ночь, а делов! — потому он так и озабочен.

У Агрика виноградник — жили они на самом берегу моря.

Выше — по берегу стоят красные камни — каменное шуршащее вереском поле. Около камней ютятся керионы — это всё «языческие» духи, и им никто нынче не кланяется, но по старой памяти побаивались: Агрик и все соседи, сколько деревень, «православные!»

Духи высвистывали в ветре, летали с бурей, толкали в пропасти и помогали выбраться на ровное место, стращали, пугали и тешились. Их было очень много, и всех их звали поименно — по именам камней, их дома. И каждую весну и осень кто-нибудь уж непременно встретит, но редко, чтобы показалось человеком, чаще — горящий красный куст, черная собака, белый заяц, серая крыса, а то баран — как переходить ручей, схватишься за ветку, тут он тебе на руку лапу свою положит, теплая, и ты иди смело! — еще овца, бык, лошадь, свинья, а то вздохнет или вспыхнет, или человеческий след, а кругом ни души, или слышно: скрипят колеса, а никакой повозки, а то идете вдвоем, и вдруг между вами тень — ни ваш спутник, ни вы его, ну пропал, а голос его как через стенку, или вскочит тебе на плечи, и несешь, и неси, оглядываться не рекомендуется.

И стоял такой длинный, всех длиннее, красный камень. В день св. Анны всю ночь стоят со свечами — полна церковь: это те, кто хочет иметь детей. А на заре к этому камню: о камень трутся. Дионисия сколько зорь ходила — так у нее Василий на свет появился.

Василий не видал ни одного каменного духа, он только не раз слышал, как перед бурей ходит какой-то вокруг дома с колотушкой — и верно, очень маленький в остром колпачке: «пум-пум! — пум-пум!» А Буробу он видел: пробиралась старуха по шоссе к мельнице, огромный у нее мешок за плечами — «собирает в мешок детей, которые долго спать не ложатся!» — но Василия она не тронула, потому что не заметила: — «потому что

он зажмурился!» А когда раскрыл глаза, ее и след простыл: один мешок — и тот далеко и совсем-совсем маленький. А в соседней деревне жил Крокмитэн, муж Буробы, сапожник: очень бывало страшно, когда — никак не обойти! — и проходишь тесной крутой дорожкой мимо его каменного белого дома.

А какой Василий внимательный: берег скалистый, пойдешь с ним собирать перламутровые ракушки, тоже и сучки — в отлив попадаются вместе и ракушки, и камушки, и не сучки они, Василий хорошо знает, а морские духи — водяные! — так вот, где с обрыва спускаться, всегда протянет тебе свою маленькую ручку, будто с ним ничего не страшно! а с ним еще жутче — и за собой следи, и за ним глаз! — ну а зато как трогательна его заботливость и как горяча его ладошка и нежны его побаивающиеся пальцы. Или идешь, и развяжется туфля, заметит — он всё замечает — остановит тебя, станет на колени и примется завязывать. Да плохо это у него: конечно, нет сноровки — или узлом затянет, и после никак не развяжешь, или шнурки запутает, ступишь — и опять по камням за тобой, как белые змейки.

«Очень трудно!» — деловито говорит Василий и виновато тянется ко мне, чтобы непременно носом к носу — так гномы ластятся — и я вижу близко его очень белые зубы: один шатается — скоро его отдадут мышке.

Ну, на седьмую весну, как натащат ему мышки полный кулек с зубами — зубы крепкие и острые! — и всё он поймет в этом мире: и завязывать, и развязывать.

Скал и обрывов Василий не боится, и морских духов не боится.

Сегодня нашли двух: оба одноглазые, и у каждого есть еще по глазу на темени — вот какие они: «плавун» и «ныр» — им не только этот мир, где нужно уметь завязывать и развязывать, но и то открыто, где нет никаких узлов, они и там живут, и тут появляются, очень страшные.

А ничего, Василий их несет в корзиночке; он им подостлал душистой морской травы и еще положил крабью клешню и камушки белые, красные, зеленые и желтые. Но коровы — нет, победить рогатый страх он никак не может: всё ему кажется, что коровы его бодать хотят!

После дождей и таких гремящих бурь — по ночам в доме качает кровать, как лодку! — жаркий день, а солнце у моря еще

жарче. Коровы на берегу, им жарко! и не пасутся, а стоят они тесно: пить хочется. Мы проходим на пяточках, стараемся не смотреть: — «так они нас и не увидят!» Василий прижимается всем своим тельцем к моей руке, я чувствую: не дышит. А пройдя коров — прошла беда! — и мы мечтаем: если бы иметь собственные рога! если бы золотые рога — —

«Или серебряные, я никого бы не боялся!»

Василий делает пальчиками у себя над головой, как рога, и идет уверенно — кажется, будь у него настоящие, он пошел бы рогами коров бодать.

«А меня — не забодаешь?»

— — —

И я совсем не уверен, что Василий и меня — — с рогами-то ему всё по-другому! Наставив себе рога, он то и дело чего-то нагибается, ртом сорвал травку и ест. Я заметил: и за столом, если подается с травой — не для еды, а как украшение, он тихонько всю траву повыберет и ест ее с жадностью: он думает, что от травы вырастут рога.

Размечтавшись о рогах золотых или серебряных, Василий мечтает об автомобиле — маленький авто: в нем он будет катать эти сучки — морских духов.

У Василия есть свой садик: сам он его и устроил в саду — это сейчас же за колодцем, там под мимозой грядки и всего понемногу: помидоры, морковь, репа, редька и один артишок; и в садике построен у него дом — живут сучки-духи и еще другие из пробок — в пробки воткнуты обожженные спички, как руки и ноги, я ему их секкотином склеил, крепко, и это тоже духи, но без имени, у него их много, молчаливые и совсем незаметные, «ненужные»: — «потому что им ничего не надо!» А водяные — их надо прогуливать, беречь.

Только без рог и авто ни к чему: сначала надо обзавестись рогами золотыми или серебряными!

И сны ему снятся всё рогатые. Вчера напал на него бык и так швырнул рогами, Василий упал с кроватки, проснулся — лежит на полу и не понимает: может, бык его уж съел?

«Где я нахожусь?» — и заплакал. Но когда я мычу по-бычьи, он меня не боится, или немножко: если близко, всегда чуть отстранится и глаза такие большущие, а пальчики само собой складываются рогами. Он и сам бы непрочь помычать, да не

выходит, он пробовал. Но зато он может, и это у него выходит: он может пропеть, как петушок поет — «доброе утро!»

* * *

Сядут вечером за стол. Поговорят о дневных новостях, да мало чего случается: ни у них, ни у соседей. Ну, какой-нибудь с пьяных глаз в веялку угодил мордой: машине-то ничего, а себя разукрасил, но главное то, что ничего не почувствовал; ну, где-нибудь на дороге столкнулись автомобили или автомобиль подшиб велосипедиста; а больше разговор о ярмарках — баранья, поросячья, конская, коровья, и о скачках: кто-нибудь из домашних непременно поедет в город посмотреть — все соседи будут — и кто как одет, и с кем, и что говорили; и после скачек на много вечеров только и разговору; еще о свадьбах, и о таких, объявленных, и которые только еще ожидаются, предполагаемых по всяким приметам и замысловатым домыслам: в доме три невесты — Сусанна, Леонила и Елена.

Темнеет — пора свет.

Примащивается около стола на столик электрическая лампа — лампа с рефлектором — и как пустят, весь стол зальет и белые блестящие шарики плывут, ничего не видно. А понемногу глаз привыкает. Это Агрик выдумал — «для оживления».

Василий вскочит из-за стола и прокукарекает.

И так это верно — как петушок: как петушок, голову нагнет, как давится, и откуда-то — отсюда вот из подгрудья «кукареку!» — звонко, чисто, никак не отличишь от правдошного.

А за петушком все, кто во что. Сам Агрик собакой лаял, и, знаете, знаешь, что Агрик, но так это внезапно — вилка из рук выскочит, либо косточку проглотишь; Дионисия — свиньей хрючит: она в хозяйстве свиньями заведует, привыкла — и большой, и поросятиной; Сусанна — бараном; Леонила — она лягушку представляет; а войдет из кухни прислуга Елена, вино или что-нибудь еще к столу подать, Елена помяучит кошкой или распищится котятами, и самыми маленькими, слепыми, как они тянутся к матери и хвостиками заковырки делают, и побольше, сознательными, о матери скучают, и только бабушка — а как бы тоненько кузнечика или стрекозой прошуршала! — да она тихонько всё покажет: и стрекозу, и кузнечика, когда Василий забежит в комнату.

А Василий не только петушка, он может и курицу: курица яйцо снесла!

Василий и сам яйцо снес... И когда он про это сказал мне, я видел: он искренно верит — — но как это могло быть? «На тряпку, — объяснил Василий, — настоящее яйцо!» И действительно, снес, а произошло это чудесным образом. Заметив, как это делает курица, не раз пробовал он сам так делать: присядет на корточки, посидит-посидит, а потом вскочит и закудахчет; но сколько он ни садился и сколько ни кудахтал, яйца из него не выходило, ну, никакого, ни самого маленького, сорочьего. Видит Дионисия, что Василий всё курицей садится — смеется: «Хочешь, — говорит — яичко снесть?» — «Да, — отвечает, — хочу». — «А ты спусти штанишки и зажмурься!» И когда он зажмурился, она ему на тряпочку яйцо подложила. «А теперь вставай и кудахчи!» Василий закудахтал — глядь, а под ним яйцо: лежит на тряпке теплое.

Хорошо Василий кудахчет курицей, а петушком лучше — самый прием у него до петушиного пера — петух: там гребешок, а тут бородка —

« — золотой гребешок — »

« — масляна головка — »

« — шелкова бородка — »

— — —

И действительно, она у него шелковая!

А Агрик еще и болотную птичку умел представлять: как поздним вечером на болоте, слышно, и не поет эта птичка, а как стонет — и покой от нее, от ее стонущего звука, и такая благодать, и такая уверенность, и жизнь — через край. И когда начнет Агрик болотную птичку представлять, тишина входит в дом, и будь ты самый отчаянный и пропащий или податной инспектор, который сидит сейчас за столом, и у него от манжет до очков всё разграфлено, и в глазах проценты, а невозможно — и при всей мертвящей точности и в мертвом оцепенении поддашься этому животворящему чувству. И я всегда думаю, я чувствую: как хорошо жить на земле, и какой это большой дар человеку — дышать воздухом, напульверизированным цветами, травами и земляной сырью. И еще я думал: какая спокойная жизнь у Агрика — благословение его дому, его ближним,

его быкам, коням, коровам, свиньям, курам, уткам и всему винограднику и всем виноградам.

А перед тем как вставать из-за стола, Василий подбирается ко мне, но не для того, чтобы «носом к носу», как гномы, а ему хочется еще винограду — да нельзя ему больше! Но так отпустить тоже невозможно. Я ловлю его единственную пуговицу у штанишек и от нее веду выше — сюда, откуда кукуречит такой чудесный петушок, и, чуть касаясь, начинаю вертеть рукой, как заводят мотор, и чем дальше, тем больший делаю рокочущий заводной круг и мое «р р р у — уч» вывожу еще рурей и, вдруг оборвав, приподнимаю его с земли — летим!

«Полетели!»

«Летели!»

Василию это очень нравится.

А перед самым сном, когда я отмечаю в Календаре прожитый день и смотрю, сколько мне еще осталось гостить у Агрика, Василий уставился на картинку: «по острову бежит олень» — и всякий вечер этот «олень», а ему, как в первый раз: рога!

* * *

Под Николу всем домом поехали в город ко всенощной. Дома остались караулить Елена да Дюк.

Николин день — Никольская ярмарка — после обедни крестный ход. Со всего округа и соседних городов съезжаются купцы с товарами на ярмарку, а богомольцев — не протолкаешься. Очень людно и очень шумно. И всегда какое-нибудь чудо, о котором годами будут поминать во всех концах.

— — — — — — — — — — — —

В Лотарингии по дороге в Варанжевиль какой-то крокмитэн-отельщик заманил к себе в отель ребятишек, зарезал и, разрезав на куски, в кадушку, как поросятину, сложил, посоля. И должно быть последнюю мольбу детей: «не губить!» — а ее никто не мог слышать, услышал и явился Никола, и по молитве его три мальчика вышли из кадушки живые, как после долгого сна.

— — — — — — — — — — — —

Василий с бабушкой стоит в сторонке, а из окна синего, как самое синее небо, наклонившись, смотрит на него Чудотворец: и зеленая одежда переливается морем, а в венчике цветут ми-

мозы — он не такой, как на иконах его пишут, чуть прихмурый, нет — ну, такой, как Елена, так сказалось у Василия: возраст; а волоса на голове, как у Василия, спущены на лоб.

Василий упорно, как на оленя в Календаре, всё заглядывал в его чудотворные глаза и просил о рогах: принести просил завтра в мешке золотые или серебряные... и заодно маленький авто — катать морских духов.

Василий старался молиться, как бабушка: он перебирал губами — «рога-авто», и, истово крестясь, задерживал крепко пальчики на лбу и потом становился на колени — и до самой земли поклонится и медленно приподнимается, очень это трудно ему — медленно, он может очень быстро, но он хочет всё, как бабушка.

И ему слышится: Никола глазами говорит ему:

«Хорошо, Василий, будут у тебя рога — серебряные».

«И авто?» — шепчет Василий.

«И авто».

«Я вам покажу мой садик: помидоры, морковь, репа, редька и один артишок — и вашего ослика я накормлю!», — и начинает прислушиваться, чего бабушка вышептывает.

«Авто-авто!» — шепчет бабушка.

Служба долгая. Агрик сказал: «приложимся к образу, помажут миром и ехать домой», — завтра ему на обедню пораньше вставать: надо поросят везти на ярмарку.

А когда после евангелия пошел народ прикладываться, в церкви поднялось такое, не то землетрясение, не то бомбу бросили — а не то и не это, нет, те самые арабские корсары, о которых писали в газетах всю осень, но которых никто не видел, сарацины, пользуясь темнотой, высадились на берег и на своих арабских конях примчались в город и прямо в остророгих шапках ворвались в собор: «руки вверх».

«Вверх!» — это «вверх» заглушило и канон, и певчих, и только «вверх» — ничего не слышно.

А первая страшная минута прошла — и страх проходит, когда опасно! когда опасно, на одной ноге пойдешь! — первое дело: бежать. И уж кто как изловчился: кто в дверь, кто в окно, а кто — некуда! — влип в стену или юркнул под соседа.

Здесь люди вопят, а за дверями — кони, овцы, бараны, быки, коровы, козы: там свое дело — живая карусель!

Кому из церкви не удалось выстрекнуть, как стали выводить, видят: такая всё дрянь, не стоит и рук пачкать — колотушку в загривок и пошел. Отобрали повиднее «для работы», стариков и старух не тронули, а из детей тоже всех отпустили, одного не отпустили — Василия.

И ведь не тронули б, да такая, видно, судьба: Василий очень испугался — «крокмитэны!» — и остророгие шапки, он только их и видел, рогом наводили на него бодать; и от последнего страха: будь у него рога — а вот и пальчики не слушают, не складываются! — он нагнул голову, как давится, и чистым звонким петушком пропел «доброе утро!» Сарацины бросили Дионисию, а его забрали.

И вернулсяАгрик домой со всем домом, и одного не было — Василия.

Да лучше бы и не возвращаться домой.

«Лучше бы меня на месте, как собаку, пристрелили!» — убивалась Дионисия.

А Агрик, как зачарованный, сидел за столом и, как собака во сне, скашиваясь, ловил ртом воображаемых мух: Агрик спасся чудом!

Агрик действительно спасся только чудом: когда до него дошла очередь, а такого никак не пощадили б! — Агрик стал на четвереньки и к ужасу не только сарацин, а и очухавшихся богомольцев, залаял собакой — вот как он это делает вдруг — так зверски тявкнул, никому и в голову не пришло, что человек, а какой-то из бандитов даже цикнул.

«Лучше бы меня на месте, как собаку, пристрелили!» — убивалась Дионисия и пеняла, что вот с Агриком чудо, а Василия Угодник не пощадил и в свой праздник отдал беззащитного ребенка в руки палачей.

И бабушка, и Сусанна, и Леонила, и Елена — всякий по-своему — повторяли одно: с Агрикомъ чудо, а Василий — — за что?

И в доме стало серо, тесно — Агрик нет-нет да и тявкнет — собачья конурка.

* * *

Корсары с богатой добычей тем же порядком проскакали на своих арабских конях, только их и видели. И на моторных лод-

ках морем в свое разбойное гнездо на остров Крит, а с ними Василий.

Эмир похвалил разбойников — такого подарка ему еще никто не привозил — какой чудесный мальчик!

А Василий всё ждал, когда крокмитэны его съедят.

Крокмитэны нарядили Василия по-своему — в свое сарацинское платье. И когда надели на него остроконечную шапку — она, как золотая корона! — и глаза его заголубились волшебною ночью, ну такой он чудесный.

Эмир не хотел расставаться, он его сделал самым первым среди своих слуг — обер-глав-дотелем — обязанность его: за обедом и ужином при столе находиться, подавать вино — только из его побаивающихся пальчиковъ брал эмир стакан.

День ото дня, и обвык: остророгая шапка, как гномий колпачок, очень ему понравилась, и он нет-нет и заведет разговор, как гномы, пальчиками по столу так: «тук-тук-тук?» — куик-куик!» Никто ничего не понимает, крокмитэны потешаются, глядя, и не только его не съели, а его самого пичкали всякими песочными и слоеными пирожными и швейцарским шоколадом с картинками.

И Василий пел — петушок.

И так хорошо рассказывал: какие скалы, какие стоят красные камни на берегу, и какие каменные духи, и какие водяные-сучки, и о старухе Буробе — муж ее крокмитэн-сапожник, и о своем садике, где живут морские духи и еще из пробок — «ненужные», и о рогах золотых или серебряных, чтобы никого не бояться, и о маленьком авто — катать морских духов, и обо всём доме: об отце, о матери, о бабушке, о тетках, о Елене, и обо всём хозяйстве, о винограднике и о Дюке, и как он настоящее яйцо снес.

Эмир подарил ему елочные серебряные рога: эмир их велел тайно ночью положить ему в туфли около кровати. И в ту же ночь маленький авто поставили в его комнате.

Василий, как проснулся — «рога»! И сейчас же надел их и выбежал во двор, но там коров не было. Он на улицу — и там нет. Он в переулок, переулком — так и есть: навстречу стадо — и «рогатый» он шарахнулся и замер. А в это время откуда-то выюркнула маленькая девочка с хворостинкой, подбежала к самой страшной корове — корова шла прямо на Василия бо-

дать — и не ударила, а только замахнулась хворостинкой — корова шарахнулась, как Василий.

И Василий, за́ря — «рогатый» — не озираясь, прошел мимо коров. Ясно: «рога действовали!» И бояться нечего. «Он больше никого не боится!»

А чтобы и во сне не бояться, он повесил рога около кровати и взялся за авто.

Но и автомобиль недолго занимал его: ведь все морские духи были там — дома, тут были не настоящие — чурочки. И катать чурочки — это не то.

Из кукурузы он сделал себе усы, зеленые, длинные, за уши. Сядет играть в чурочки, молча муслит и клеит самым клейким витколем, а чего-то не поддается, и срыву всё бросит или перемешает. Да очень просто — ведь это всё чурочки — «ненужные», а не сучки — «морские духи»: морские духи там — дома.

Чурочки говорят Василию:

«Мы вовсе не ненужные, и ты напрасно нас забросил: твои ненужные пробки умеют плавать, твои сучки — им подавай авто, а мы — чурочки! — любим летать: нам аэроплан!»

Василий задумался: «если бы аэроплан! наловчиться на чурочках, а потом и сам».

Василия заставляли петь — какой чудесный петушок! И рассказывать — большой фантазер! И он пел и рассказывал, и никогда не заплачет, но почему из-под остророгого колпачка, откуда это взялся — или еще чего-то задумал? — такой сухой блеск?

Эмир скажет:

«Домой хочешь?»

Молчит.

«Чего же тебе: хочешь аэроплан?»

— — —

Эмир подарил ему маленький аэроплан: чурочки подымать.

И Василий подымал чурочки — высоко, и, кажется, унесло, пропали! — а они полетают-полетают и — домой.

И вспоминая, как это делает бабушка, Василий проснется — все заснули — тихонечко встанет с кроватки, подойдет к окну и, глядя на месяц — такой же, как дома! — шепчет луне:

«Домой-домой-домой!»

И истово перекрестясь, низко поклонится и медленно приподнимается, как бабушка.

У него всё есть: и рога, и авто, и аэроплан — ему принес Николай-чудотворец! — и теперь он просит: принести ему в мешке ничего не надо, а домой.

«Домой».

Ему ничего не надо — он «ненужный», как те его духи из пробок с обожженными спичками, а только б домой.

О доме из всех чувств не покидало его, вдруг нахлынет: пропал! — «ты пропал, и никакие рога не помогут, ни авто, ни аэроплан!» И это безвыходное о доме пригибало его голову — и тогда, ему никто не велит, он сам пел: это он весть подает туда, в дом. И в его чистом звонком голосе слышалось не петушиное и не человеческое — а это как с мясом вырвано — —

* * *

А дома ничего не слышно: и жив ли Василий, или Бог взял к себе его маленькую душу, и петушком она там поет у него на заре и в полдень, никто ничего не знает. И только в петушином крике по заре и в полдень чего-то вспоминается. И не было дня, не было часа, чтобы не помянул кто-нибудь.

Жизнь шла не по-старому. От собачьей ли встряски, а у Агрика стало с сердцем: ни с того ни с сего упадет, а то так забьется. Вина больше не подают к столу, сидр. А чтобы Агрик не утомлялся, сократили хозяйство: свиней не держат, разводят кроликов, а главное: молоко. Идут дни одинаковые, чего-то ждут. Не дай Бог кто вскрикнет, весь дом закричит.

На вешнего Николу, как всегда, прилетела утка с утятами — прямо к церкви. И все этой утке очень обрадовались: утка помнит — прилетела!

Неподалеку замок, теперь развалины, и в этом замке когда-то заключена была пленница: владелец замка, возвратясь с войны, привез с собой. Убежать ей не было никакой возможности, и только чудо. Вспомнив о Николе, она обещалась: будет всякий год приходить сюда на праздник в его церковь, она верит: он услышит — заступится: он освободит ее! И — была чудесно восхищена из замка и очутилась

на дороге. — Но когда она шла по дороге, навстречу ей солдаты — слуги этого замка. И она поняла: такая судьба ее — ей не уйти. На пруду плавала утка с утятами. «Пусть эта утка, — сказала она, — прилетает вместо меня всякий год к церкви и благодарит за меня!» Солдаты ее схватили и, надругавшись, бросили ее тело в пруд. А на следующий год прилетела утка с утятами к церкви. И всякий год она прилетает и чего-то заботливо крячет. И опять улетит, и никто не знает, где она живет зиму. Охотники хотели ее убить, но только выстрелили и сами упали мертвые. Тоже пес на нее бросился, но только на три шага не дошел — остановился и, какой злющий, проходу никому не даст, стал на задние лапы и перед уткой служит!

Этот завещанный верный прилет чудесной утки нынче был особенный. Память о Василии всплывала горячей надеждой. И чего-то еще больше ждут. А время не ждет, дни идут — улетела утка с утятами, лето прошло, вот и осень, вечерами разжигайте камин — на Николу будет ровно год, а всё по-старому: о Василии нет вестей.

— — —

Под Николин день всем домом поехали в город. И благополучно вернулись от всенощной. Утром ездили на обедню. И после обедни — крестный ход, потолкались на ярмарке и — с никольскими свистульками домой.

Николин день — престольный праздник, всегда жди гостей. Готовили ужин. Дионисия отказалась: она не хочет праздновать: не ей, это пусть другие!

Гости приехали. И Агрику больших трудов было уговорить Дионисию сесть за стол — «хоть для гостей».

К столу подали вино. И как будто оживились. Вспоминают. Агрик вспомнил о своем чуде: как чудом он спасся тогда, залаяв собакой. Рассказывают о новых чудесах.

Одна Дионисия молчит: ее не развлекли гости, напротив, все чудесные рассказы только ожесточают: почему-то со всеми чудеса и все выходят сухи из воды? и тогда все спаслись — все соседи: и Шалэ, и Марто, и Мутоны?

«Но почему же не совершилось чуда — и допустил в свой праздник надругаться над беззащитным ребенком — —?»

А за рассказами о новых чудесах припомнились и старые, недавние. Кто-то упомянул Василия. И как только это имя сказалось громко, сразу замолчали.

И в тягчайшем молчании — это неотступное «почему же?» — это как золой в огонь всё затушит — вдруг слышат: на дворе Дюк залаял.

И стало еще глуше — точно вошел кто-то в комнату, и вот-вот, как тогда, «руки вверх!» — все присмирели.

И опять Дюк залаял.

— — —

Агрикъ поднялся из-за стола. Подошел к окну — окно блестит: ничего не видать. Прижался лбом к стеклу — холодное! А надо пойти взглянуть — с чего-то собака лает? — надо проверить. И пошел из комнаты.

И по лестнице вниз, и через стеклянную дверь — во двор.

Посреди двора колодец. А кругом тесно деревья и летом цветы, теперь голые прутья. И от прутьев длинные тени к колодцу — каменный белый колодец, такой белый. И у колодца на белом камне стоит — — на голове остророгая черная шапка, и весь он в черном — не то это халатик, не то фартук, а в руке держит коктейль — от месяца стаканчик, как зеленый листик — —

«Ведь это ж Василий! — Василий!» — хочетъ позвать Агрик, а не слышит своего голоса, язык одеревенел, и ноги как не свои, не стронуться ему никак, а руки, как прутья, а сердца — нет.

И Василий смотрит — куда это он смотрит? И показалось Агрику: он силился голову нагнуть, вот и нагнул — а петушка нет. Тутъ опять Дюк залаял. И за лаем резко прозвенело о камень — это выпал стаканчик — и зеленая струйка живой змейкой поползла по камню.

«Где я нахожусь?» — спросил Василий и заплакал.

И голос его вывел Агрика: подошел Агрик к колодцу, взял его за руку и повел в дом.

И когда это маленькое существо в черном колпачке появилось с Агриком в комнате — глазам не поверите! — сами стены раздвинулись, и потолок улетел вверх; и ночь, а свет — золотая синь на праздничный воскресный стол.

А рассказ Василия — — Василий рассказывал о Крите — «какие на Крите елки растут, золотые яблоки!» и о сарацинах — «сарацины не крокмитэны и никого не едят, а усы из кукурузы!», и какъ год служил у эмира — «обер-глав-дотель!», и какие у него были серебряные рога — «он теперь никого не боится!», и маленький авто, и аэроплан чурочки подымать, и как сегодня за ужином, когда он взял коктейль —

когда он держал стаканчик подать эмиру, мгновенный свет рефлектором ударил ему в глаза, и, легонько коснувшись, закрутило вот сюда в подгрудье, как заводят мотор, и он, как чурочка, поднялся на воздух; в глазах от света летели белые блестящие шарики, и он летел за ними, он летел быстрее и, нагнав, увидел, что это вовсе не шарики, а звезды; и когда он увидел звезды, испугался, не понимает, где он? — и вдруг видит: сбоку из сини наклонился над ним, и он сразу узнал, это как в Соборе в окне, Николай-чудотворец. «Василий, домой я тебя отведу!» — сказал он и взял его за руку, и по синей дорожке под звездами мягко и ровно, как по пляжу, пошли они: — «я тебя не оставлю!» А дорожка всё уже, а звезды выше, вот и совсем пропали, и только зеленая одежда подымается к небу. И тут Дюк залаял — —

Василий рассказывал, как когда-то свои страшные рогатые сны, теперь нестрашные, и каждое слово слышно было во всех уголках всеми — все его сучки и пробки — а как они соскучились: ведь целый год! и никто с ними слова не скажет! — все морские духи и «ненужные» слушали, всякий на свой лад, и из каждого слова было им счастье — такое это счастье: «домой вернулся!»

И в доме еще светлее: три солнца: одно восходило над морем греть камни и Агриков виноградник, другое — вот сияет в черном колпачке! — и третье чудесное из сини за этим солнцем.

Обманутый Иаков

В Константинополе «при царице Ирине» жил фотограф Иаков. Но прежде чем сделаться фотографом, Иаков переменил много всяких профессий и все дела его не то что не удавались,

а имели какой-то свой роковой срок, дело остановится — и ни с места, и изволь начинать другое.

Устроился Иаков на заводе в Александрии и только что стал обживаться, пишет приятель из Рима: «приезжай, Яша, есть место по технической части». Долго не решался Иаков, но приятель так настойчиво и заманчиво расписывал римскую жизнь, что ничего не возразишь, и из Александрии переехал Иаков в Рим. И всё было хорошо, и должность хорошая — «по технической части», но вышло распоряжение: проверить состав служащих, и чтобы обязательно римские паспорта, а у кого окажется не римский, того чистить: у Иакова паспорт александрийский, и его вычистили. И переехал Иаков в Константинополь, огляделся на новом месте, выдержал экзамен на шофера и в компании с одним греком открыл автомобильную школу. Дела сначала пошли хорошо, много было учеников, и даже один пленный сарацинский ага записался, но потом с чего-то всё в располз, всё в разбег, и сошло на нет, пришлось закрыть школу, да еще такой налог потребовали, что не знай, как и когда расплатишься. Затеял Иаков под Константинополем кур разводить, искусственные яйца делать и цыплят продавать, и чего-то с яйцами не удалось — вместо цыплят Бог знает что вылупливается, вроде как летучие мыши, и никто не покупает; бросил он кур, взялся за кроликов, и всё шло хорошо, и чего-то опять случилось: не то окормил, не то не доели, — погибли все кролики, одни хвостики да лапки. С полгода продавал Иаков лисицу, и продал бы, да посредников было очень много, и всякий норовит попользоваться, и довели лисицу до такой цены, за такую цену можно было живого слона купить, и положил Иаков лисицу в нафталин до хороших времен и пошел учиться фотографии к знаменитому византийскому фотографу Агапиту.

Агапит был учитель толковый и добросовестный, научил Иакова всякие виды снимать и бюсты и выпустил его с дипломом на звание фотографического мастера.

Иаков открыл свою студию, сначала маленькую — моментальные карточки снимать для паспортов, и заказы исполнял действительно моментально, дело и пошло. Перебрался он в большое помещение на людную улицу, снял самых известных византийских поэтов и музыкантов, выставил их в витрине и сделался сам известным фотографом. Из нафталина он вы-

нул лисицу и к новому году сделал шубу жене, а из обрезков нарядил всех детей: кому лапки, кому хвостик.

* * *

Приходит к Иакову его учитель Агапит чаю попить и говорит, между прочим, что дела у него неважны и что если Иаков одолжит ему сто франков, большое ему спасибо скажет. А что отдаст он ему эти деньги в срок, Иаков не может сомневаться: за время ученья Иаков видел и знает, что Агапит истинную веру держит и святых угодников почитает и изо всех Николу:

— Никола и будет свидетелем.

Иаков, действительно, как учился у Агапита, много наслушался всяких чудес о Николе — и теперь, когда Агапит указывает на Николу, верит и не сомневается, что Агапит сдержит слово, не обманет.

— Получайте, Агапит Семеныч, сто франков! — Иаков положил сотенную бумажку перед Агапитом.

Агапит бумажку сунул в карман, напился чаю, тем дело и кончилось.

И так идет время, в делах незаметно. И как всё у Иакова хорошо начинается, а потом повреждение, так и с фотографией: все негативы, какие у него про запас хранились, все до одного с чего-то поцарапались, и, как тогда с яйцами, вышла неприятность с карточками: снимет лицо приличное, а выходит — показать совестно, всё какие-то приплюснутые черепа и возмутительные носы, клиенты обижаются. И пришлось Иакову очень трудно: надо было весь инвентарь обновить и взять в долг матерьялу.

И когда наступил срок Агапиту, Иаков ждет: ему сейчас очень кстати.

А Агапит не только не пришел с платежом и не известил, а стал избегать Иакова: завидит на улице и стреканет на ту сторону и проходит, отвернувшись, будто номер дома ищет. Пришлось Иакову самому идти: может, забыл? всё бывает, другой раз нужное слово выскочит из памяти, а деньги — сколько хотите!

А Агапит:

— Сто франков! позвольте: я вам их отдал.

И не успел Иаков «когда» спросить, тот уже и число называет.

Очень это огорчило Иакова, не может он понять, как это так возможно, чтобы такой аккуратный, каким он всегда знал Агапита, верующий человек — и так легко поступиться своей верой: ведь клялся! святого, которому верит и почитает, в свидетели призывал. И ухватило его за сердце: всё в нем заколотило — в тысяча кулаков стучит: нет, таких следует проучить — и есть же на свете справедливость, и обманщик должен быть пристыжен и наказан!

Иаков подал в суд жалобу.

А Агапит думает себе: чего? — расписки нет никакой, а клятва? — но Иаков другой веры, на него благодать не распространяется, и за него на том свете к ответу не потянут; и что Иакову сто франков? дела у него хорошие, вон жене лисичью шубу сшил, а кто не знает, что теперь цена лисы — живой слон! и всех своих детей хвостиками и лапками обвесил, это тоже не реклама, даром не раздаются; а кроме того, если уж так припрет, подавай ему эти сто франков — самому неотложный платеж! — и то обойдется: ему помогут, это не наш брат, у них такой человек, как Иаков, такой искусный мастер, не наплевать, ну, а если — — все люди, а человек, или это ангел, или это прохвост! — а если никто не поможет, так сам он выкарабкается: ведь что только с ним жизнь не делала, и так бросит — подымется, и этак вывернет — встанет, Иаков не пропадет, и эти сто франков ему ничего не стоят, а ему, Агапиту, сейчас очень пригодятся: дела идут неважно.

В назначенный день вызывают Агапита и Иакова судиться.

Агапит заявляет, что деньги он отдал — сто франков. Иаков говорит: не отдавал. А расписки представить не может: нет. Почему, спрашивают, нет расписки? А Иаков говорит: потому он Агапиту и без расписки поверил, а поверил, потому что Агапит призывал Николу в свидетели, Агапит верующий человек и верит и почитает святого, и вера его крепче и надежнее всякой расписки, как было не поверить! Судьи говорят: принесите икону Николая-чудотворца, и пусть Агапит поклянется, что деньги отдал Иакову — и мы поверим.

Принесли образ, поставили. И все ждут, что будет: откажется Агапит или не откажется; кто прав: Агапит или Иаков? Агапит не отказывается: он готов хоть трижды поклясться.

А был у Агапита с собой портфель: и в портфеле с готовыми фотографическими карточками и пластинками лежали две бумажки по сто франков. И как становиться перед иконой присягать, обращается он к Иакову:

— Коллега, подержите портфель, а то неспособно.

Иаков портфель у Агапита принял.

И Агапит, подняв руку с благословенным крестом, произнес клятву: денег сто франков бумажку он Иакову отдал, да еще сто в воздаяние за доверие присовокупил.

Ну, что тут скажешь? Кто прав? Дело ясно.

И присудили: деньги сто франков Иакову с Агапита не требовать и заплатить судебные издержки.

И Иаков, вернув портфель Агапиту — «держите ваше!» — от возмущения и горечи не нашел слов, чтобы выразить свое чувство: «так — так если человеку свойственна несправедливость, так неужели там — и он показал рукой на образ и вверх — там так и останется, и Агапиту пройдет? и что же святой, именем которого Агапит клялся, неужто покроет обиду и не заступится?»

И, покорно вынув из кошелька, сколько ему заплатить присудили, подал приставу и пошел вслед за Агапитом.

И все разошлись. Тем дело и кончилось.

* * *

С портфелем подмышкой, довольный, вышел из суда Агапит — вышел с честью. А прав или не прав, успех уверяет, и, если ты ничего, а про тебя всенародно скажут, что ты что-то, ты, ей Богу, почувствуешь себя чем-то. Выросший на голову, шел Агапит по улице, и все перед ним расступались: сейчас он вскочит в автобус — и дома; только бы скорей автобус!

Агапит оглянулся — а каким ничтожным плелся Иаков, и как отстал бедняга, ведь вышли вместе! — и кто это? какой-то монах, нет, это в мантии судейский, судейский поддерживает его под руку. И показалось Агапиту, этот монах судейский поднял руку и погрозил. И весь его пыл пропал: «грози! — выговорил он с сердцем, — что ж, грози!» — и заторопился. Может, лучше бы здесь подождать, а чего-то тянет: и до следующей остановки тоже недалеко. И опять оглянулся — а те нагоняют, и совсем не такой уж слабый Иаков, а этот судейский, теперь

ясно видно, старик: он наклонился и что-то говорит, советует — «жаловаться?» — «всё равно зря!» — и опять поднял руку и погрозил.

И, как от затрещины, бросился Агапит через улицу — вон бежит и автобус, только бы успеть! — и вдруг почувствовал, как какая-то слепая сила двинула его в плечо, он сделал огромное усилие отпихнуть и не выдержал, повалился на спину, видит перед самым носом — металлическая перекладина, и только сказал себе: «конец!» — а это и был конец. Народ кричит:

— Фотограф Агапит под авто попал!

Остановился автомобиль.

Вытащили Агапита — никаких признаков, мертвый! — положили на мостовую. Тут же разодранный портфель валяется, и из него фотографические карточки и пластинки и две бумажки по сто франков.

Подошел Иаков.

— Вот ваши деньги, — говорят ему: все ведь из суда, все знают, — это он наказан, что обманул.

А Иаков не берет: ему не надо этих денег.

— Если святой, именем которого клялся Агапит, если это Никола так наказал его за меня: обманул человека! — пусть же он воскресит его, Бог с ним!

И как только сказал Иаков «Бог с ним», Агапит пошевелился, раскрыл глаза, обтер рукой лицо и на ноги встает — — все так и отступили.

Только Иаков остался.

И, увидев Иакова и народ, который на него так смотрит, всё понял Агапит.

— Там ваши деньги, — сказал он Иакову, — берите себе! — и наклонился поднять с земли портфель.

А Иаков молчит и еще жутче кругом, чего-то ждут.

— Я обманул.

И тут Иаков взял его под руку и, загораживая собой, вывел из толпы.

И до самого дому Иаков проводил его. И дорогой рассказал ему Агапит, как видел он Иакова — как шел из суда обманутый и беззащитный и с ним старик: это тот, кто его защитил.

— Это Никола был.

И с той поры большими сделались приятелями два известных византийских фотографа: Агапит и Иаков. Ходили друг к другу чай пить и в трудную минуту помогали друг другу.

Абул Абба

В Самаре, на берегу Тигра, жил один скромный молодой человек Абул Абба: торговал Абул лимонами, бананами и рахат-лукумом. Глядя, как встречает он покупателя, как взвешивает и завертывает товар, ни один маг и волшебник не разгадал бы, что за лимонами, бананами и рахат-лукумом пылает неудержимая страсть к чудесному. А между тем, это так.

И когда Гарун аль Рашид затеял подчистить остров Родос и под командой адмирала Хумида снаряжался флот, один из первых попал на корабль Абул Абба. Никто не верил, думали, это в шутку пущено любителем чудачеств одурачить и Абула, и падких на всякий и самый несообразный слух. А действительно, Абул распродал лавочку и матросом пошел прощаться с соседями.

Известно, как печально кончилась родосская кампания: у берегов Ликии флот был уничтожен бурей, а из многочисленного экипажа уцелел Абул Абба да еще с десяток, которым на самом деле море оказалось по колено. А загнало их невесть куда — к Далматскому побережью, и выбрались они на один из маленьких островов как раз против греческого города Спалато, знаменитого развалинами дворца Диоклетиана.

Понемногу на острове подобралась своя компания — пираты, рыщущие по морям за добычей и приключениями. И греческий остров обратился в сарацинский. Началась самарская жизнь.

Абул Абба женился и открыл лавочку: лимоны, бананы и рахат-лукум. И глядя, как встречает он покупателя, как взвешивает и завертывает товар, ни один маг и волшебник не разгадал бы, что за лимонами, бананами и рахат-лукумом пылает неудержимая страсть к чудесному. А между тем, это так.

* * *

Спалато в двух шагах от острова. Воскресенье — торговли нет, да и погода хорошая. И задумал Абул на лодке покататься.

И совсем-то пустяки отъехал, откуда ни возьмись, греки зацапали его вместе с лодкой — и попал Абул в плен.

И сидит Абул Абба в тюрьме: днем на работу, вечером изволь на цепь: ошейник толстенный, на шее раны, и голова затекает. Сарацинов никого, один он, остальные греки. Не знал греческого языка, научили: и не только в разговорах не путается — греческие молитвы говорил, как греческий поп.

Заметил Абул, что в молитвах чаще всего поминается имя — святой Никола. И очень это его заинтересовало: почему такое, изо всех святых этому святому такая слава? А ему объяснили, что это самый первый чудотворец: потому что избавляет от неволи — кого из тюрьмы, кого из плена. Абул это очень хорошо запомнил. И еще узнал он одну для себя очень интересную подробность: оказывается, буря, наделавшая тогда столько беды, дело рук этого святого: оказывается, адмирал Хумид захотел в Мирах разрушить его могилу — и разворотили саркофаг, да не святого, а чей-то, ну, тут и поднялось на море. И из всех за что-то Абула пощадил он, и Абул жив остался, не утоп — стало быть, святой однажды сберег ему жизнь. И почему бы Абулу не попытать счастья обратиться к этому святому за помощью: уж год, как сидит на цепи, и конца краю не видно.

И стал Абул Абба на молитве поминать, как другие, имя Николы: просит святого вытащить его из петли — ни за что пропадает.

Правда, Абул пропадал: вся его память о доме сосредоточивалась на бананах: бананы и лимоны. И во сне представлялись они во множестве, и в самой фантастической форме: как змеи окружали они его, припрут к стене, грозят и пыряют — и он, отбиваясь, вскочит, вот задохнется. И весь день такое это чувство: либо сама голова отвалится, либо сам он себе ее ножиком отхватит.

И из последнего терпения молит и просит Абул святого:

— Как угодно — освободите!

И вот в один из таких лимоновых снов, все чувства напряжены — Абул отмахивается и отбивается, а они прут — они змеями обвивались вокруг его шеи душить, вдруг свет погас и из струящейся сини Абул видит — старик — — и знает Абул, это тот самый первый святой-чудотворец, о котором рассказывали греки, Никола, которому молился, только он такой — и подымет если бурю, потопить никого не захочет! Неслышно подо-

шел старик к Абулу, коснулся его шеи — и железная цепь под его пальцами распалась, и почувствовал Абул, как воздухом его, свободно!

«Абул, — сказал старик кротко, — ступай!»

— — — — — — — — — —

Абул Абба очнулся и к своему великому удивлению видит: он у себя дома на своей постели, как будто никогда-то и в плену не был и на лодке не катался. Разбудил жену и ей рассказывает, какое невероятное с ним происшествие, и что только чудом он прямо из тюрьмы:

— Чепуху мелешь! — отозвалась спросонья жена.

— Нет, не чепуха, я по-гречески могу разговаривать! — и пошел ей рассказывать всякие истории из тюремной жизни, острожные анекдоты и молитвы.

Но та ничего не понимает.

А Абул никак не наговорится: ведь целый год, да и какая тюрьма!

* * *

Воскресенье — лавка заперта. Абул провел весь день дома. Весь день в разговорах — конечно, рассказывал Абул. Рано легли спать.

И ночью видит Абул: тот самый старик — святой — но еще роднее: так дед, когда Абул был маленький, бывало, смотрит на него.

«Абул, — сказал дед, — садись в лодку и правь к грекам и расскажи, какими путями ты из тюрьмы вышел. Не верят, думают, ты подкупил сторожей, их допросили, и им грозит смерть».

Абул проснулся:

«Надо ехать!»

Разбудил жену: надо ехать, ему велели, ослушаться он не может.

Жена отговаривает:

— Ты с ума сошел!

— Да никак невозможно, ну сама посуди : за мою свободу с других взыщут и ни в чем неповинные пострадают.

И как ни просила она, как она ему ни доказывала, что это сумасбродная идея — она давно замечает, что он стал заговариваться! — что пора, наконец, перестать фантазировать, Абул не

послушал, сел в свою лодку и, хоть бы палку взять или хлыстик, с пустыми руками поехал к грекам.

И благополучно добрался до самого берега: Спалато — там народ, ничего не понимают: сарацин живьем приехал! И сколько хватило голоса, на ломаном греческом языке, прокричал Абул о своем чуде — чтоб никого не винили. И, выкрикнув имя святого, своего избавителя — «Никола!» — повернул лодку.

А ему вдогонку такой полетел отборный «мерзавец», и десять лодок пустились его преследовать. Но догнать не могли, так ни с чем и вернулись. А Абул вытащил на берег лодку и спокойно вернулся домой — прямо в лавку.

* * *

Не узнать Абула! Торговал он вяло, на вопрос покупателя не ответит, не заинтересует товаром, не прислушается к разговору, как бывало, когда за пиратскими рассказами, из-за бананов и лимонов, видишь — пылают два неутоленные глаза. Всё думает. Или опять чего замыслил? И кончил тем, что распродал свою лавочку, простился с соседями и поехал неизвестно куда.

Добравшись до Иерусалима, Абул крестился от патриарха, и жена его крестилась.

Так нашел Абул Абба свое новое счастье, и пылавшая страсть его к чудесному сама стала творить чудеса.

Эстурган

Эстурган, начальник арабской экспедиции в Калабрию, вернулся в Карфаген с богатой добычей. Налет вышел удачен. Вместе с драгоценностями Эстургану досталась икона: он не хотел ее брать, но ему объяснили, что эта икона обладает чудесной силой: храня ее в доме, можно жить как у Христа за пазухой; а изображен на иконе первый христианский святой чудотворец — Никола.

Эстурган получил большое назначение: генеральный фининспектор эмирата: весь податной африканский округ попал в его ведение.

Перед составлением годового отчета понадобилось Эстургану съездить проверить свой округ. А хранил он у себя большие казенные суммы и очень беспокоился оставить такую казну:

боялся воров. Правда, у него чудодейственная икона: не зря же рассказывают, верно есть в ней такая сила — сторожевое свойство: сбережет и постращает, если понадобится... А ведь это и требуется. Деньги он хранил в сундуке, перед отъездом на сундук он положил икону. Так надежней. А когда вернулся домой: икона лежала на сундуке, как положил, но в сундуке, где хранились деньги, — пусто: всё до копеечки подчистили, как вылущили!

Вот тебе и у Христа за пазухой! — Эстурган пришел в ярость: его обманули!

И что ему делать? — как он ответит? — не может он объяснять пропажу казенных денег — не может он рассказывать, что оставил деньги на икону. Никто не поверит: и что он, с ума что ли спятил, или дурака валяет? просто сочинил эту икону, чтобы прикрыть растрату! — так скажут.

— Послушайте, что же это такое? Я был так уверен. Я оставил на вас казенное. Понимаете? Я поверил, что вы надежнее всякого сторожа. Я вам, наконец, доверил. Что бы сделали со мной, если бы я поступил так? — Так поступят с тем, кто обманет доверие? — и он выбросил икону за окно.

* * *

Воры, запихнувшись в лесу в надежное место, делили эстургановы деньги. Воры были в скрыти и полной безопасности. Нисколько не стеснялись. Ни один человек с воли не ткнется! И вдруг перед ними — старик. Застигнутые врасплох, они как одеревенели, а у их атамана от неожиданности вывалились зацепленные в ноздри маскированные усы.

Язык не поворачивался спросить: чего? И только вытаращенные глаза — —

— Извольте снести эти деньги инспектору, — сказал старик, — откуда взяли, туда и положите: в сундук. Не послушаете, пожалеете: не на добро они вам достались.

— А ты как сюда, — очнулся атаман, — разговариваешь?

Старик посмотрел на всех — да ведь это тот самый старик с сундука у инспектора! — и каждому почудилось: только на него смотрит старик.

— Я — сторож — Никола.

И от этого взгляда мороз пробежал по коже.

— Мы сейчас, — сказал атаман и дрожащими руками стал сгребать деньги в мешок.

И когда собрал всё до последней подклеенной бумажки и, встряхнув мешок, поднял, — старика не было. И только осталось — как след от его слов, гроза: исполнишь волю — избавишься, не исполнишь — пропал.

* * *

Вечер ходит Эстурган по комнате — пустой сундук. И не может ничего придумать — пустой сундук.

Так как же ему выкрутиться? что он скажет? чем оправдается? И сколько он думает, всё ни к чему, все его рассуждения — пустой сундук. В дурацкое положение попал и ответит! Если бы он был подчиненный, турнули бы с места, этим и кончилось бы, но он начальник — и его не только погонят, а еще и примерно накажут... а откуда достать такую уйму? ведь все его личные сбережения, все его калабрские драгоценности — ничтожная часть доверенной ему казны, нет, не выкрутишься! И из-за чего?

И вот когда он рвал и метал перед пустым сундуком, вбегает девчонка, на кухне прислуживала Анютка, тащит икону:

— Дедушку обронили!

Эстурган икону взял — не объяснять же в самом деле девчонке! — поставил икону на стол: «вернулся!»

— Послушайте! — сказал он, глядя на образ, — если сегодня же ночью воры не принесут назад деньги... — но что он мог сделать с иконой? не живое, никак не ответит! и подумал: «надо сделать ему какую-нибудь уступку!» — если сегодня ночью воры принесут назад деньги... — и опять подумал: «надо уж наверняка!» — я бросаю нашу веру и перехожу к вам. Я никогда не обманывал.

И положил икону на сундук, как тогда перед отъездом.

И сам вышел в другую комнату: «не мешать». Уверенный — он никогда не обманывает! — Эстурган лег спать. И преспокойно спал ночь. А когда наутро вошел к себе в комнату, всё оказалось в порядке: на сундуке икона, а в пустом сундуке казна: воры назад положили до последней скленной бумажки.

И тогда Эстурган, исполняя обещание, крестился. И весь податной округ — подчиненные последовали его примеру, и их

семьи, и вся прислуга. А та девчонка Анютка, что «оброненного дедушку» вернула, оказалась давно крещенной!

Имя Николы разнеслось по Африке среди арабов, и вера в его чудесную помощь горела ярче, чем даже в разоренной обездоленной Калабрии.

Хордадбе

Хордадбе, багдадский купец, возвращался зимой с караваном из Мир в Багдад. Ярмарка в Мирах на Николу: в допотопные времена справляли русалии в честь Артемиды Элейтеры — спасительницы, а теперь празднуют Николу — спасителя от всяких бед и чудотворца. Хордадбе наслушался всяких чудес на ярмарке — имя святого во всех рассказах.

Хордадбе возвратился домой в самом благодушном настроении: все шелка он выгодно продал, накупил кож и оружия, да и прибыли порядочно. И на уме у него размышления о высокой материи — Хордадбе философствовал.

День едет и другой — всё горами. С горы на гору трудно, но есть и большое наслаждение по горам. Проехал он большой путь, не заметил, и уж недалеко от границы в Киликии застигла его метель: и такая была ночь, крутит: ни где ты, ни тебе куда — снег!

И тарарахнулся Хордадбе с конем в пропасть.

В смертном страхе всё забыл — из всей его памяти вспыхнуло имя — окоченелыми пальцами он схватился за чудодейственное имя спасителя от всяких бед и чудотворца.

И как только проговорил он мысленно «Николу», — налетел ястреб, сел на грудь ему и распростертыми крыльями закрыл — — конь под ним поднялся и пошел. Там наверху метель, здесь звезды. Бог с ним, с караваном, слава Богу, что сам-то цел!

А когда на рассвете он выехал из долины и остановился для утренней молитвы, вдруг видит: впереди высоко на горе идет его караван.

* * *

Хордадбе, багдадский купец — известен и в Малой Азии, и Месопотамии: большой купец — старшина, и веру свою крепко держит — правоверный. А на его белой одежде на золотой

цепи, как у архиерея панагия, — носит он изображение чудотворца, спасителя от всяких бед, спасшего его от смерти, а караван от гибели.

— С этим талисманом, — показывает Хордадбе себе на грудь, — все мне дороги свободны!

И как, бывало, с ярмарки вернется, кому-нибудь из соседей обязательно образок привезет — «Николу», и кому его даст, значит — дружба.

Айдар

Брошен, валялся Айдар в подполье. Какие это темные демоны закрыли от него солнце? Добрык просунется, затрясет бороденкой: «Дай за себя выкуп, мерзавец, отпущу на твою землю!» А где Айдар возьмет выкуп: половецкую степь закутали сумерки, и на его зов падают с потолка холодные капли.

Добрык набожный человек, читал божественные книги, но ума не нажил: ну хоть бы раз подумал — требовать выкуп от пленника? да где же возьмет он, прикованный безвыходно в подполье? У него и голос — скрипучая телега, и силы тают — воск, и дышит он — задавленная кошка.

— Отпусти в степь, пригоню коней!

— Дай поруку, отпущу.

— Никого не знаю, и нет на Руси человека, кто меня знает.

— А хочешь, я дам тебя на поруку великому святителю и чудотворцу Николе?

— Я его не знаю.

— Он тебя знает: он всё знает.

* * *

На угорском урочище на могиле Олега, где стоял Ольмин двор, поставлена была божница во имя Св. Николы — первая на Руси Никольская церковь.

В церковь повел Добрык Айдара. Показал на образ:

— Вот — ему поручаю тебя.

И у Добрыка мысли не мелькнуло, что Айдар обманет: поручительство Николы крепко.

— Никола не обманет! — сказал Добрык.

И, отпуская Айдара, нарядил его, дал ему хлеба на дорогу и на своего коня посадил, поводья подал:

— Айдар, я тебе верю: ты исполнишь. Но не дай Бог, помни: от меня, человека, ты уходишь, а от руки поручителя — никуда не убежишь.

— Всё исполню! — сказал Айдар и только свистнул.

И конь умчал его в неоглядную, ковылевую, в свою — там каждый свист свой, каждый стрекот тебе — половецкую степь.

* * *

Едет Айдар, так он рад, и смеется себе:

«А и дурак же этот Добрык — что мне может старик на иконе: вот я не вижу его, ни он меня. Да если б и самому русскому князю дал на поруку, не боюсь: мне? — на моей земле!»

И когда вернулся в степь и рассказал всему своему роду, как русский отпустил его: «дал на поруку старику, а старик — икона: на дереве нарисован!» — все так со смеху и покатились.

— И какая уверенность, — рассказывал Айдар, — от меня, говорит, ты можешь уйти, я человек, а от него — никуда не убежишь!

И смех еще пуще:

— Всё это одно воображение.

— Да просто глуп.

И живет себе Айдар, поживает. Какой там выкуп, а что в плену год сидел, и о плене забывается.

И раз ночью снится ему: сидит он будто у своей белой палатки — и свет такой покойный, глазам хорошо, и всё глядел бы — и видит: идет по дороге — всматривается Айдар — старик: старик остановился:

«Айдар, узнаешь меня?»

«Не знаю, — и не может Айдар никак припомнить, — кто ты?»

«Не я ли за тебя поручился? Забыл! — с упреком сказал старик, — а давно б надо исполнить: не отвезешь выкуп, не минуешь беды».

И Айдар проснулся. И ему как-то тревожно. А потом подумал: мало ли чего во сне приснится! И забыл.

И всего три дня прошло, едет Айдар степью, и опять такой свет уже наяву светит, хорошо глазам, и видит: тот самый ста-

рик! — не успел Айдар и подумать, что ему скажет, с чего-то вдруг екнуло сердце, позеленело в глазах, и он упал с коня.

И услышал:

«Не говорил ли тебе: отвези выкуп! Я же за тебя поручился. И еще раз говорю; а не то пожалеешь».

Отдышался Айдар, раскрыл глаза — никого. Сел на коня и повернул домой: выкуп надо отвезти — непременно!

Но решить-то решил, а исполнить воли нет, всё откладывает: завтра! А назавтра помешает что-нибудь, и опять: завтра! Да и всякие объяснения стал подыскивать: почему с ним такое творится? — А это в плену, сидя в подполье, он надорвался, вот почему: ему надо хорошенько отдохнуть, и тогда он будет спать спокойно и ничего ему не будет казаться.

А как объяснил себе, так и «завтра» забыл, и успокоился.

* * *

В степи был съезд половецких князей — курултай. Приехал и Айдар. И когда на коне он стоял в кругу, вдруг на глазах у всех он упал с коня.

«Я тебе говорил, — услышал он голос, — а посмотри, еще хуже будет. Добрык поверил мне и теперь ходит печальный. Не могу я видеть его в печали. Слышишь, не побоялся ты суда Божья — а суда не минуешь».

С болью Айдар раскрыл глаза и видит: тот старик — и такой грозный, смотреть нет силы! — и Айдар ударился головой о землю, а его подбросило и кинуло наземь — весь он скорчился: голову свело с ногами: кто-то палкой бил его, и он не мог уклониться от ударов, и с каждым ударом слышал и голос: «повези выкуп!»

Все, кто был в круге, повернули коней — да кто куда.

Весь избитый остался Айдар один среди поля. Там дали знать его роду, и родственники приехали и взяли его: думали, помер.

— — —

Айдар лежал без памяти. И когда очнулся, не мог слова выговорить. Только в мыслях клялся: только б встать, он всё исполнит! И заговорил — рассказал всему роду о сне, и встрече в степи, и о грозе на круге.

— Идиот! — напустились родственники, — да как же так можно? Мы же тебе говорили: раз за тебя поручились, надо отвезти выкуп.

А другие говорили:

— За тебя поручился сам русский Бог, а ты обманул, вот теперь и расхлебывай.

И еще говорили:

— Русские говорят: «за грехи наши Бог не помогает нам!» Хорошо еще, что не всегда помогает, а то бы ни одного из нас не осталось.

И все — весь род — в одно слово:

— Если ты сейчас же не поедешь на Русь, не повезешь выкуп, уходи от нас и погибай один, а то еще и нам за тебя влетит!

Не дали человеку поправиться, чуть поднялся на ноги, гонят: выбрал Айдар табун лошадей — свой выкуп, и еще отобрал другой табун — дар поручителю.

* * *

В Киеве Айдар не повернул ко двору Добрыка, а прямо в угорское урочище к божнице. И слез с коня и до церкви пешком впереди отборного табуна. И, войдя в церковь, подошел к образу — тот самый старик глядел на него.

Айдар сложил руки и, прикоснувшись лбом к образу, глубоко вздохнул.

— Не мучь меня! Я свой выкуп привез, а там — это тебе.

И увидел: старик совсем не грозный, а милостиво глядит на него: «Вот, мол, и молодец, давно пора: Айдар обещания исполняет, а не водит за нос!»

— Я водить никого не буду! — сказал Айдар и еще раз глубоко вздохнул.

— — —

И, выйдя из церкви, передал отборный табун Никольскому попу Мине, а большой табун погнал к Добрыку.

— Вот тебе табун — выкуп, а у поручителя я был уж.

И рассказал Айдар Добрыку всё, что с ним было: какую принял муку — а теперь он чист! И с легкой душой поехал в свою степь — никогда не забудет: русский Бог — Никола Добрый.

Глаза

Из всех сербских королей, потомков Симеона Неманя, Стефан Урош Милутин самый мудрый, и только слава его внука царя Душана затмила память о деде.

Царем Золотой Орды после смерти Батыя сделался его брат Беркай. Поссорился Батый с Византией: из-за мамлюков — половцев, застрявших в Египте: от их султана Бейбарса не пропускали послов через Константинополь в Орду. Беркай послал своего «темника» полководца Ногая войной на императора. Ногай победил греков, и Михаил Палеолог вынужден был заключить союз с Золотой Ордой.

У ногайцев руки чесались, и первому, кто ближе — Сербии угрожала большая опасность. Сербия Милутина не Сербия его внука царя Душана, Ногаю стоило только пальцем пошевелить — и крышка.

Король отправил послов к Ногаю. И сговорились: в самом деле, зачем разорять сербскую землю, когда рожон общий — греки, и мир никогда не мешает. И такая пошла дружба у короля с Ногаем, своего сына королевича послал он ко двору Ногая в татарскую науку.

Ну, конечно, дело понятно, дружба дружбой и наука наукой, а жил королевич при Ногае как пленник. Только королевич этого не замечает: ему было что смотреть и слушать.

И много чему научился он — всяким искусствам, а кроме того, хорошее знакомство: сколько русских, тоже и китайцы, да и гостей не переводится, со всех стран к Ногаю едут. И все старались говорить или по-русски или по-китайски, а кто не может, ну хоть по-татарски. Рассядутся чай пить и всякие истории рассказывают.

Королевич больше всего любил про чудесное — и глаза у него такие, не позабудешь. И все королевича любили. Ногай — это он любил говорить про себя, как когда-то Гуюк: «на небе Бог, на земле Ногай!» — Ногай сам страх, а с королевичем был кроткий, а когда распалится, один королевич — только взглянет, и отойдет от сердца: такие даются глаза человеку, их возжигает какой-нибудь очень высокий ангел.

И такое стало, что Ногаю с королевичем никогда не расстаться — какой там заложник! самый первый при дворе, и вы-

ше его нет. И если Ногаю подарок, королевича не позабудьте! Королевич-то, может, и не заметит, а Ногай ничего не пропустит, от него ничего не скроешь — недаром Менгу-Темир в роде царем его сделал; от Таврии до Дуная первый старейшина у великого хана. И вон Телебуге за одну такую оплошку всю жизнь помнил, ну а Тохта — шаманский глаз — этот сумел втереться: задарил королевича, а за ним все его и синие, и желтые ламы.

Рубрук, посол Людовика Святого, по дороге к великому хану Менке, заезжал к Ногаю. Рассказал чудесную историю с королем Людовиком, от самого короля слышал.

Когда возвращались из крестового похода, ночью неподалеку от Кипра поднялась буря. Опасность была так велика, ничего не оставалось, как только готовиться к смерти. Королева была в отчаянии, и сенешаль Жуанвиль предложил ей — единственное спасение! — дать обет паломничества в Варанжевиль к св. Николаю. Но королева не решилась на такое без согласия короля. Тогда Жуанвиль предложил пообещать чудотворцу серебряный корабль. Королева обещалась. И в ту же минуту ветер затих, и опасность миновала.

«Маленький серебряный корабль сделали в Париже, и всё было серебряное: и паруса, и мачты, и фигурки короля, королевы и всех детей».

Королевичу очень понравилось, что всё маленькое.

«И маленькие лодочки?»

«И маленькие бато, — говорил Рубрук, и, поправляясь, по-русски, — ботики».

Юсуп Дубаев, первый мастер при Ногае, смастерил королевичу серебряный караван — везут на верблюдах, и чего только нету, каких только товаров, и всё серебряное, и шатер, а в шатре Ногай с королевичем чай пьют, и такой вот крохотный самоварчик — скороходов нарочно на Волгу в Сарай посылали за матерьялами и инструментом.

«Это вам не ботики!»

И еще поразило королевича: рассказывал приезжий из Бретани и русский из Киева. Это когда при перенесении мощей Николая-чудотворца везли его по морю и разлилась благодать

по всему миру, два чуда: в Нанте чудесное исцеление бретонского принца Конана, а на Днепре русского мальчонку зацепило.

Отец Конана — Алэн Ферждан, второй герцог Бретани из дома Корнуаллиса, мать Эрменгарда, дочь Фулька, князя Анжуйского. Идти в аббатство в Анжу и посвятить себя и детей св. Николаю дали обет родители Конана. Только чудо могло спасти маленького принца.

«И когда над умирающим произнесено было имя св. Николая, погасшие "трехтысячелетние" глаза кельтского мальчика вдруг засветились, и он стал рассказывать про море: как он на берегу собирал ракушки и подошел к нему "эвэк", взял за руку и повел по волнам, и в лицо брызнула волна, и он увидел: отец, и мать, и брат».

А про Днепр такое — и в то же время:

Мать переправлялась на лодке через Днепр, задремала, мальчишка у нее и бултыхнись в воду, и пошел ко дну. С тем и домой вернулась: потонул.

«А ночью видели: по воде шел старик на ту сторону к св. Софии, и к ногам его подняло со дна, нагнулся он, выловил мальчонку, взял себе на руки и понес. И вынес его на берег и к св. Софии, и там на полати (на хоры) под икону — тепло там — и положил: Ваня очнулся и ротиком, как плотвичка, воздух глотает».

А случившийся при разговоре новгородский посол Труфанов говорит:

«А у нас тоже, это Никола Мокрый, только у нас по-другому называется: явился он на Ильмень-озере на острове Липно, и водой с него исцелился Мстислав, сын Владимира Мономаха, образ поставили в Новгороде на дедовом Ярославовом дворе, и называют его не Мокрый, а Дворищенский или Липенский».

«Николины чудеса» сменились арабскими сказками: от Хулаги из Багдата приезжали послы, по-русски рассказывали. А арабские сказки — китайскими чудесами: от Кубилая из Пекина — китайские лисичьи «про лисицу».

Королевич из отрока вырос юношей. Неразлучно провожал Ногая, где-где не был — и в Польше, и в Венгрии, и под Галичем — и уж такое видел, но глаза его — глаза его всё так же све-

тились, будто жизнь не коснулась его, впрочем, в жизни — не то, что мы видим, а что в нас...

И вот случилось, что Тохта, по наущению Ногая, Телебугу прикончил, а потом и самого Ногая, правда, не своими руками — русский убил! — да ведь это всё равно, важно, чей почин. И стал Тохта царем Золотой орды, а королевич вернулся к отцу в Скоплье.

* * *

Возвращение королевича отпраздновали свадьбой: женился он на болгарской царевне Феодоре, получил от отца Зетскую землю и стал там жить королем.

Чары ли его глаз, или тут Ногайский дух действовал — поднялись бояре, хотят, чтобы не король Милутин, а королевич королем был над всей Сербией. И король испугался: он Ногая так не пугался! Пишет сыну в Зету: зовет его для объяснения, — очень трогательно писал ему. Остерегали бояре, предупреждают, — «или ты головы своей не жалеешь?» — не поверил. Поверил и приехал в Скоплье.

Король плакал при встрече и в глаза — в эти глаза — целовал сына. А когда проходили они по улице, из свиты короля забежал вперед один из его ближних и шилом королевичу выколол глаза.

Королевич упал, и в глазах его покатилась волна, а зеленые молоньи — воробьиная ночь — резали мозг. И вдруг волна остановилась и молоньи погасли — или это сердце остановилось? — старик остановился, наклоняется над ним:

«Не бойся, — говорит, — твои глаза в моих руках».

И поднял руки — и королевич видит — из его ладоней глаза светятся.

Королевич лежал без памяти на камне около Никольской церкви. А когда очнулся, на глаза ему надели повязку и повели к отцу: теперь он не страшен! — или и слепой еще страшен?

Море житейское не поддается никакому правописанию — человек одержим страхом, и, чтобы устранить этот страх, ему ничего не страшно.

Король присудил его к ссылке, и с ним жену его и внука, будущего царя Душана, — и это на верную гибель: король послал его к своему врагу в Константинополь.

* * *

Андроник заключил сербского гостя в Пантократор. В этом монастыре Вседержителя и началась слепая жизнь королевича.

Не было больше на свете таких глаз, но свет, возженный каким-то высоким ангелом, человеку не погасить, этот чудесный свет светился из сердца. И Андроник, не такой человек, привязался к королевичу, и, бывало, вечерами придет в Пантократор и — прямо в его келью и сидит — ночь готов просидеть: очень любил слушать, как королевич рассказывает. А порассказать было что и о чем: Ногай, Телебуга, Тохта — русские, китайцы, татары — чудеса и сказки!

Пять лет прожил королевич в монастыре — пленник тьмы, а свет его сердца разгорался: стал светом чуда, светом творчества, светом жизни.

Однажды, стоя за всенощной, он задремал и видит: старик — и тихо ему, точно боится — не напугать бы, или тайна:

«Степан, помнишь, что я тебе говорил?»

Королевич всмотрелся — и не может признать:

«Не помню... я, дедушка, всё позабыл».

«Я говорил тебе о твоих глазах, — и старик поднял руки, и из ладоней его засветились глаза, — я их возвращаю тебе».

И руками так его обнял.

И это как от какого-то внезапного тепла королевич сразу очнулся и видит: лампады и много свечей.

Он рукой к глазам — повязка сбилась — да он видит! Закрыл глаза — и опять: и опять — он видит!

Нет ничего прекраснее белого света — только он теперь знает, как это страшно на белом свете! И не снял повязки, так и остался.

И когда король, незадолго до своей смерти, вернул его и простил, и сам у него просил простить: «лишил белого света!» — королевич всё видел, а не снял повязки: «слепой».

Наречённая доля

Был Аника купец богатый. Ехал он раз путем-дорогой домой с барышами.

Едет он селом, а там на бане надпись надписана:

рожаница лежала Авдотья Муравьева:
— мальчика родила —
быть этому мальчику солдатом!
Проехал Аника, ничего не подумал.
Въезжает в другое село, опять надпись:
рожаница лежала Палагея Архипова:
— мальчика родила —
этому мальчику быть хозяином!
Едет Аника дальше, думает о доле:
«рядит судьба человеку долю,
судьбы конем не объедешь!»
В третье село въезжает Аника.
И тут баня, и тут надпись:
рожаница лежала Наталья Котова:
— родила мальчика —
этому мальчику Аникиным добром и казной владеть!
Анике это не показалось:
— Как так, Котову моим добром и казной владеть! Не согласен.
Всё село поднял Аника.
Указали ему Котову Наталью:
на краю села, муж-то пропал, одна с ребятишками билась, — очень худо жила Наталья.
Аника ей денег дает:
«отдай ему мальчика!»
Поплакала Наталья и отдала:
«всё едино, Бог приберет!»

С Ванюшкой Котовым поехал Аника домой.
Едет лесом. Стоит осиновая дупля. Приостановился да Ванюшку в дупло и спустил.
— Ну, слава Богу, — перекрестился Аника, — избыл беду!
И ходчее поехал.
А случилось о ту пору, соседский поп поехал в лес за дровами. Наехал на осину. Видит: из дупла парок идет. Колонул —
а там Ванюшка плачет.
Ну, сейчас же вытащил его из дупла, завернул в тулуп — и домой.
— Что, отец, приехал порожним? — встречает попадья.

— Молчи, мать! Я нам сына нашел.

А они бездетные были, поп с попадьей.

И остался Ванюшка у попа жить.

Воспитали его, обучили.

Десять лет прошло — и выровнялся мальчишка на славу, дельный.

* * *

Позабыл богач Аника о Ванюшке, живет, богатеет. Пуще прежнего валит ему счастье и удача.

«Вот она, судьба-то».

Заехал Аника по делам в то село, где поп жил. Знал попа Аника сколько лет, остановился у него ночевать.

— Откуда это, отец, сына взял, ровно бы и не было у вас?

— А вот Бог сынка дал: в дупле нашли!

И рассказал поп, как поехал он в лес по дрова, наткнулся на дупло.

Аника так и замер:

«Вот она, судьба-то!»

Да спохватился: просит у попа мальчишку.

Смутил попа. За полтысячи сторговались.

И поутру увез Аника Ванюшку.

Куда его девать?

Где схоронить, чтобы уж дочиста — концы в воду?

Едет Аника большой деревней. Большой колодезь. Вылез. И Ванюшка за ним — воды напиться.

Ванюшка нагнулся —

а Аника сзади как пхнет.

И угодил Ванюшка в колодезь.

— Ну, слава Богу, ушел от беды!

Перекрестился Аника да скорее домой.

И надо же такому быть — пожар. Запылала деревня. Набат. Всполошились крещеные: кто с чем — и прямо к колодцу.

И как опустили первую бадью, так и вытащили Ванюшку.

Глядь, а огня как и не было, чуть только курится.

— Это, — говорят старики, — для него и пожар появился. Станем-ка мы, крещеные, кормить его миром.

И остался Ванюшка жить в деревне.

Из дома в дом — в каждой избе ему дом.

Поили, кормили — этакий молодец вышел.

* * *

Двадцать лет Ванюшке.

Не признать его и родной матери, не узнал бы и поп с попадьей, а Аника и подавно.

Позабыл Аника, был или не был на свете Ванюшка.

Была судьба Ванюшке владеть его добром и казной —
«Аника судьбу обошел!»

Старый стал Аника, а счастье с годами не убывало, —
богатый купец Аника.

Едет Аника с товаром на ярмарку в ту самую деревню. Остановился у старосты. Разговор о том, о сем.

А Ванюшка о ту пору у старосты прислуживал.

— Экий молодец-то у тебя! — залюбовался Аника на Ванюшку.

А староста и говорит:

— Не простой он у нас, колодезный: из колодца вынули!

И рассказал Анике про пожар.

«Вот она, судьба-то!»

Ударило больно Анику, он к старосте:

— Отдай да отдай молодца!

Ну, старосте чего, — бери.

Дал Аника отступного тысячу, да с Ванюшкой и покатил домой.

Приехал Аника домой, привез Ванюшку.

Сам со своей старухой раздумался:
«чего бы такое сделать, отделаться от Ванюшки?»

— В монастырь бы его определить! — советует старуха.

А и в самом деле, чего лучше.

И на следующий день повез Аника Ванюшку в монастырь.

Знакомые были монахи — уважали Анику. Так в монастыре Ванюшку и оставил:
«пускай за душу молит».

Полюбился Ванюшка в монастыре — хороший работник.

Два года прожил — на братию трудился.

* * *

Два года прошло, сбыл Аника Ванюшку.
Кажется, теперь чего ему бояться?
А сердце неспокойно:
ест ли, пьет, а Ванюшка из памяти не выходит.
Так и видится ему баня: на бане надпись:
рожаница лежала Наталья Котова:
— родила мальчика —
этому мальчику Аникиным добром и казной владеть!
И во сне Ванюшка снится:
стоит перед ним, как живой, ничего не скажет, только смотрит неотступно, как судьба безотступна — —
«Рядит судьба человеку долю, судьбы конем не объедешь!»

— Вот что, старуха, поеду-ка я в монастырь проведать: не убег ли Ванюшка?

Собрался Аника и поехал.

Повез монахам угощенье.

— Ну что, как Иван?

— Жив, живет хорошо, в монахи постригаем.

— Что вы говорите: в монахи?

У Аники от радости дух захватило.

Тут подскочили к Анике, высаживать его пустились из коляски.

— Ах, — говорит Аника, — беда какая: деньги-то я дома забыл. Отпустите Ивана с письмом, пусть он сходит домой, а я у вас погощу.

Ну, монахи что угодно: известно, — для богатого да щедрого на голове пойдешь! — притащили и бумаги, и конвертов, и промокашку.

И написал Аника старухе:
как будет Иван домой, послала б его в лес, а след за ним Шалапуту, чтоб там его и кончил.

Запечатал письмо, подал Ивану.

— Снеси старухе, передай в руки, никому не показывай!

С письмом Аникиным пошел из монастыря Иван.

Идет лесом. Задумался. Роботко что-то. Глядь — старичок навстречу.

Ласково посмотрел старик:
— А, здорово, Аникин приемыш!
— Какой я Аникин приемыш, я — монах.
— А покажи, что несешь?
— Письмо.
— Дай, покажи.
— Да как я покажу? Аника не велел.
— Да дай же, говорю тебе.
Да так строго и праведно смотрит —
а это Никола был: печальник о всех гонимых.
Иван письмо ему подал.
Разорвал старик письмо:
— Вот, не давал, а тут тебе смерть была!
Сам отошел в сторонку, стал у сосны.
Иван уж и смотреть боится.
— На́ тебе письмо, иди с Богом.
И пошел Иван — понес старухе письмо — не Аникино.

Пришел Иван в дом Аникин, подал старухе письмо.
А в письме будто пишет Аника, —
чтобы шла к попу да просила б попа обвенчать дочку с Иваном до света.
Схватилась старуха, вывела дочку —
благословила Ивана с Софьей.
А сама к попу.
Поп было уперся: так скоро! Ну, она ему волю Аникину сказала, поп и размякнул: известно — для богатого да щедрого всё можно! — до света Ивана с Софьей и обвенчал.
И живут молодые день, и другой, и третий — полюбили друг друга, дней не замечают.

А Анике не терпится:
хоть бы узнать поскорей, прикончил ли Шалапут Ивана?

Прожил Аника в монастыре три дня, отблагодарил монахов — деньги-то при нем были! — и домой поехал.
Весел Аника: теперь уж окончательно развязался —
лежит Иван где под кустом в лесу, мертвого едят его звери.

Смешно Анике, смеется —
«вот она, судьба-то!»
— Я — Аника!
Доехал до ворот да к дверям:
— Я — Аника!
Распахнул дверь —
а на пороге Иван с Софьей под руку, а за ними старуха.
У Аники в глазах помутилось: как стоял, так и остался:
«Вот она, судьба-то!»
Едва отошел, присел на лавку.
— Что ты наделала, старуха?
— Твоя воля, Аника.
— Да я ж его велел в лес завести Шалапуту.
Старуха письмо:
«обвенчать дочку с Иваном до света!»
Его рука: сам и писал, сам и подписывал.
Ничего понять не может Аника:
уж не снится ли ему?
или он ума решился?
— Я — Аника!

Аника вскочил да опять на лавку — и повалился. А когда очнулся, призвал Ивана.

И рассказал ему Иван о старике чудном.
— Никто, как Никола угодник.
Не может Аника помириться:
нет, сам он спросит Николу, так это или обман?
И посылает Ивана:
пусть идет, отыщет Николу и попросит для него письмо — «хочет Аника видеть Угодника».

* * *

Ранним утром простился Иван с женою и отправился в путь:
пусть Никола будет ему водитель!

Шел Иван путем-дорогой — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, доходит до речки.

На речке перевоз:
сидит в лодке девица, почернела вся под ветром, сидит, держит весла.
— Перевези меня! — крикнул Иван.

— А куда пошел, Аникин приемыш?

— А иду я к Николе. Не знаю, найду ли?

— Найдешь, найдешь, Ванюша! Перевезу тебя на тот берег, пойдешь берегом, выйдешь в лесок, и будет направо избушка, тут и увидишь.

Сел Иван в лодку.

Перевезла его девица.

— Послушай, Ванюша, как будешь ты у Николы, спроси, сделай милость: долго ли мне перевозить еще, устала! ни стать мне и рук не разомкну.

Пообещал Иван — не забудет, он спросит о сроке. И пошел, как указала девица. И по тропочке дошел до избушки.

А там сидит старичок — тот самый, что в лесу встрелся.

— Далеко ль ты, Аникин приемыш, пошел?

— Николу ищу.

— Самый я и есть Никола. Что тебе, Ванюша, надо?

— Аника послал к тебе: просит письмо — хочет спросить у тебя, мне не верит.

— Ну, что ж, напишу. Да чтобы скорее сам приходил.

И написал Никола письмо Анике.

Взял Иван письмо, стал прощаться.

— Да вот еще что: перевозила меня девица, черная под ветром, заказала спросить у тебя, долго ли ей перевозить, устала она, ни стать ей и рук не разожмет.

— А скажи ей, Ванюша: как придет Аника, она и встанет со скамейки и ее руки отстанут от весел. Да скажи ей, чтобы сказала Анике: «Аника, мол, богатый, погреби сам, я отдохну малость!»

Попрощался Иван с Николой, тропочкой вышел к берегу.

А там девица ждет.

Сел Иван в лодку.

— Ну, что, Ванюша, когда мне срок?

Он ей всё — все слова Николы.

Поблагодарила девица — черна от ветра.

— Спасибо тебе, Ванюша, дай тебе Бог счастья.

* * *

Вернулся Иван домой, подает письмо Анике.

Обрадовался Аника:

сам Никола-Угодник письмо ему написал — велит к себе ехать!

— Я —Аника! — кричит Аника, — старуха, пеки пироги, суши сухарьки! Меня сам Никола-Угодник приказывает.

Рассказал Иван Анике путь-дорогу. И пошел Аника, понес мешок с пирогами да с сухарьками. Дошел до речки. На речке перевоз. Он — в лодку.

— Аника богатый, погреби сам, я отдохну малость! — сказала девица.

И тотчас поднялась со скамейки —

и руки отошли от весел.

Аника сел на ее место.

И как сел, точно влип —

и руки приросли к веслам.

Доехали до берега.

Встала девица да на берег.

А Аника хочет подняться и не может.

— Ты куда, девка?

— Я тридцать лет перевозила, устала, теперь ты перевози свой век, мне будет.

И пошла, не оглянулась.

Аника порвался, порвался, —

нет, не может стать и рук не оторвешь от весел.

И остался в лодке свой век оттруждать.

А Иван с Софией зажили богато: всё добро, вся казна Аникина перешла к Ивану.

ТОМ II

Урс

В век, когда жил на земле Николай-чудотворец, в его молодые годы — еще не скажут про него ни «чудотворец», ни «архиепископ мирликийский», а у всех на виду «младший» священник Патарской церкви, а главное единственный сын патарских богачей — помрут, всё наследство ему! — (священники и епископы могли быть только из богатых семей), Патары гремели на весь мир: мировая торговля, банки и самая разнообразная «надстройка» искусств, магии и развлечений (Александрия под боком!) — город «централизованных воль» и бесчисленных рабов этих воль, богатства и нищеты, мечты и отчаяния, а никакого болота и эти пески — ? — песком дорожки посыпали, да дети, как во все времена, играли в песке.

По смерти родителей этот младший священник (имя Николая скоро станет самым громким в Патарах!) широко раздавал наследство. И чем больше, тем большую чувствовал он радость — давать людям средства жить, выручать из беды, поддерживать жизнь —

а радость — послушайте меня! — когда от нее радость и у других, как и тайная и личная скорбь, глубят душу. А голубиная душа открывает «внутреннее зрение»: что обыкновенно проходит незаметно за сутолокой и шумом рядовой жизни — сколько на земле народа! сколько живет жизни! и у всякого свое! и разве можно всё заметить? — но такой так не пройдет — —

Был в Патарах один человек, не простой — Урс. И было у этого Урса три дочери. Очень их любил отец и никогда с ними

не расставался и всё, что делал, делал для них — самому ему ничего уж не надо, ему, хоть в книжный ящик залезай, вот тебе и дома, нет, хотелось их жизнь украсить — дать радость жизни. Ведь жить на земле — это великое счастье!

Большой город — жизнь жадная, цепкая: подавай без никаких или пропал! Выйдите вы днем, станьте где-нибудь у Опера́ или у Мадлэн, посмотрите кругом — идет народ — какая стена! — это человеческая воля, сосредоточенная в нескольких живейших центрах по боковым улицам, гонит и подгоняет весь этот человеческий заворот: бежать, исполнить. Да, жизнь этого дневного часа — жесточайшая: не послушаешь или опоздаешь — пропал!

Сестры, чтобы жить в таком городе, морды куклам раскрашивали: раскрашенных отдавали заказчику, а этот заказчик нес в большие магазины для продажи. Если бы половину того, за что покупали в магазинах эти раскрашенные морды, перепадало сестрам, жили бы они не тужа, но какая там половина! — заработка еле хватало на день, а одеться и на квартиру думать нечего.

Урс служил в газетах по информации. Весь день в бегах. Надо, чтобы было интересно и схватить налету: чего еще не случилось, но что может произойти. А если не было ничего особенного, надо было выдумывать. И что странно: на этом вся деловая жизнь стоит, без этого заскучали бы и дело б не делалось, а между тем цена этой выдумки — этой «ложной» информации — цена кукольных раскрашенных морд.

И из всех плоше всех ему было, этому Урсу.

Может, другой и нашелся бы, как обернуться в жизни, да и он как-никак всю жизнь карабкался, а вот сорвался —

А отчаяние — это вот что: не посидит человек на месте, одно возьмет, за другое схватится, и всё бросает, закинет все дела — ничего не интересно!

* * *

Поздним вечером лежит Урс на соммье, дети в соседней комнате морды куклам раскрашивают. (Приходил сегодня Трясиборода, заказ принес — морда у него не бритая, а просто волос не растет, потная — вот уж кто никогда не отчаивается! — дурак не поймет, на что намекал!). И раздумался Урс, и так

раздумал, что куда ни ткнись, всё стена: пропадут! И никуда не пойдешь, не объяснишь словами, что вот пропадем! Ведь это и есть жизнь — стукотня — и иначе невозможно; в этом и есть жизнь: одним надо пропасть, чтобы другие поднялись. Мечтать, чтобы иначе было в жизни, сделай милость! — когда защемит, выдирайся из тисков — «вставай проклятьем заклейменный...» — сделай милость! Но жизнь не переделывается: «пропасть или подняться» — во всем и всегда — «борьба», а «не развалясь». И когда есть силы, здоровье — и дело идет с успехом, это даже хорошо, весело: и пусть хлещет, видишь цель, знаешь, а когда достигнешь, и сам хлестанешь, весело! А когда силы не те — и удачи нет, — вот руки и опустишь и одно остается: пропасть. Ну, если он и пропадет — так и надо, пришел черед! — но им-то? да такое и в голову не придет: пропадать? Он один это чувствует и знает (разве можно забыть?), когда был молод, ничего не боялся, и как хочется жить, как всё занимает, и на люди хочется, и принарядиться хочется, ведь это такое счастье — жить на земле! — и вот: «пожалуйте бриться!»

— — — — — — — — — —

«кто стар или больной, беднота, отчаяние, все пусть соберутся, я освобожу вас!» И отозвались — всё горе-горькое, и старость, и болезнь, и отчаяние, без числа нищих и от бедовой жизни. Он же велел построить огромный барак, расставить столы и всякое угощение. И собрав всех в этот барак, поил и кормил вволю. В разгар он вошел на пир. «Чего еще вам хочется?» — «Тебе знать, сам рассуди!» — «А хотите, я сделаю вас без печали, и никто не будет знать никакой нужды?» — «Согласны». Тогда оставил он несчастных и сам велел: с четырех концов поджечь барак. И загорелось. И все сгорели, кто был в бараке — всё горе-горькое, и старость, и болезнь, и отчаяние, и нищих без числа».

— — — — — — — — — — — — — — —

«это будет последний и самый решительный бой!» — Урс схватился за веревку — — Вот тебе и твердыня Иль-де-Франс, для которого океан с московскую Яузу — одни щепы! И лезет Урс на мачту, единственное спасение, а сверху Трясиборода (этот всегда успеет!) с мешком — раскрашенные из мешка морды — «неужто не поможет?» — «поможет!» да как саданет сапогом — Урс сорвал-

ся, а ветер шварк, захлебнуло волной — каюк! И горчайшее, тинистое, мутно — хоть бы! всё равно! не мучиться так! — зажмурил глаза. И вдруг воздухом в лицо, глотнул глоток, и ему совсем легко, смотрит: палуба, на палубе священник — молодой, в сутане — море благословляет. И волны подобрались, рябят, и тихо кругом. И всё сужается, близится — священник совсем близко, совсем над ним, благословляет — —

Урс открыл глаза.

И странно: или всё еще сон? этот самый священник — видел спину, как священник выходит из комнаты. В соседней комнате темно, дети заснули. Урс погасил электричество, разделся и лег по-человечески.

А когда наутро он проснулся, пошарил на столе папиросы — нет ни одной! — свертывает из окурочного табаку, языком муслит, — что такое? — глазам не верит: на столе — чек:

— — —

Детей не было дома. Урс сварил себе кофе и без пальто — тепло, весна! — вышел.

В Сен-Сюльпис звонили к обедне. И так он почувствовал всеми корешками — а ведь и он хочет жить на белом свете — и как хорошо в Божьем мире — и этот звон, и тепло, и люди!

* * *

Когда получишь деньги, рассказывать особенно нечего: сейчас же заплатили за квартиру, накупили шляпок, кофточек; у одной не было ботинок, у другой чулки продраны — всё нужно, а Урс себе бумаги купил сразу, чтобы не бегать за несколькими листками, и конвертов всяких размеров. И долги порассовали — всё ведь беднота, сами из последнего, отдавать надо.

Но кто же это мог положить чек? Кто мог войти ночью, а главное — узнать, что вот так нужно тебе сейчас — — священник? — И вспомнился сон. — Где он видел это лицо: наклонился, благословляет?

И как осенило: да это «младший» священник —

Урс первый назвал это имя громко — Н и к о л а й.

И с тех пор имя Николай стало самым громким в Патарах. Только о нем и говорили. А тут и еще: «пропал!» — служил обедню, вышел из церкви и пропал. И куда скрылся? Неизвестно.

На святой земле

Слава среди людей —это тягчайшее бремя и великое искушение. После случая с Урсом, когда везде, и в газетах, и в разговорах, только и трубили о «тайной милостыне», и при этом полностью называлось имя: «младший свяшенник Николай», оставаться в Патарах стало невозможно.

Из Тристомы с первым египетским пароходом Николай поехал в Аскалон. А молва, от которой, думал он, что скрылся, настигла его в дороге.

Поднялась буря, от порывов ветра оторвался крестец мачты и висел на древке; какой-то матрос, совсем мальчик, взобрался на мачту и, не удержавшись, упал. А такое было, такая страсть на море, ни до кого, только б самому-то ухорониться —

«Молодой священник, — рассказывали, — вышел к несчастному и, помолившись над ним, взял его за руку, и Аммоний, так звали матроса, встал здрав и невредим».

И когда высадились в Александрии, только об этом и говорили — и со всех сторон повалил народ, прося помощи и ожидая чуда.

В Диолко, куда ездили осматривать храм св. Феодора, принесли одного тяжело больного, и еще был там слепой. Чтобы их успокоить, он помазал их маслом — и недужный, который корчился и ничего не мог есть, легко вздохнул и поднялся, а слепой, не видевший три года, прозрел.

— Чудотворец!

До самого Иерусалима его провожал шепот и мольба: его выделяли, о нем говорили громко, пальцами показывали:

— Чудотворец!

Но что такое он сделал? И разве это какая заслуга: «помочь человеку?» Ведь он только пожалел этого юношу Аммония, и там, в Диолко, он только помолился о погибающих — да и как же иначе? Или в мире так очерствело сердце? А на него смотрят, точно он и в самом деле какой-то особенный — «чудотворец!», и уж не просят молитвы, а требуют чуда.

И вот без бури — ясно, попутный ветер — а как в самую злую погоду стал для него путь из Александрии в Иерусалим.

* * *

На Святой земле в толпе паломников легко затеряться: каждый камушек освящен, каждый кусок земли согрет и насыщен — тайна и память! каждое слово не из пуста — смотри, слушай и касайся!

В те времена пустыни Фиваиды, Сирии и Палестины населяются отшельниками; уйти в пустыню — жить вне житейских дел и суеты — всегда глазами к Богу; молитвой очистить помыслы и сердце, чтобы ухо открылось к голосу Бога, и уж поступать не по своей воле, а исполняя волю Божью — делать дело Божье. Какая завидная доля! Жизнь пустынников светилась горящими столпами поверх мглы грешной жизни со страстями, раздражением и злобой, спутницей всяких достижений в мире вещей и благ жизни.

За восемь дней Николай обошел все святые места и монастыри, расспрашивал о подвижниках — о дорогах, по которым ходили к ним: одни несли свой грех, другие желание научиться праведной жизни — жить с людьми наперекор воле и закону жизни: не в борьбе, а в кроткой любви. С каждым словом бывалых людей о подвигах труда и молитвы решение его становилось тверже: уйти из мира и жить в пустыне.

В пасмурный летний день, когда тихо и особенно отчетливо собираются мысли, шел он по пустынной улице к Голгофе. Проходя мимо полуразрушенной стены, он взглянул на башню и почувствовал необыкновенное счастье, — это было ощущение всей жизни, всего живого, и это ощущение сказалось словом: «счастье».

Какое это счастье жить на земле, и как ему всё близко до ползучих слепых подземных корней! И пустыня — пустыня, куда завтра он скроется, белая гудела перед ним, опорошенная весенним цветом. Окутанный светящимся облаком чистейшего счастья, вдруг он увидел: сквозь тающий свет жизней идет навстречу с лицом того юноши Аммония, над которым он молился на корабле —

И он стоял зачарованный.

А тот, плывя в воздухе, быстро приближался: бездонные глаза его, как тысяча глаз в глазах, и над бровями синие торо-

ки — проводники небесных сфер — искря, волнятся. И вот совсем близко — коснувшись руки, блеснул мечом:

«Поспеши, иди в Ликию: твой путь не пустыня — путь тебе в мир. Обратись к людям, ты победишь народы, и прославится в тебе имя Христа!»

И архангел погас, как свеча.

А Николай стоял — в руках зеленая пальмовая ветка — — и свет чистейшего счастья и чувство наполненности жизнью подымали его над землей:

«Не пустыня, мир! в мир!»

В мир

Безвестность —

ходить среди чужих чужим, и ты можешь смотреть, не жди: на тебя не взглянут. В «общем порядке» ты войдешь, куда всех пускают, и в толчее тебе не уступят место — «никаких исключений»! Ты со всеми и как все — всё это безымянное — толпа. Никто при встрече с тобой не будет пыжиться умником и стараться говорить по-умному, чтобы ты не открыл, что перед тобою дурак, да и сам ты ничего из себя не будешь корчить. С тобой заговорят, как со всеми, а скорее не заговорят: «с чего?» На тебя не будут глядеть ни с похвалой, ни с завистью, ни со злобой, и не заискивая. Ни в ком ты не пробудишь злого чувства, разве что под сердитую руку, а если вызовешь доброе — это ничего: может, пожалеют, как бездомного, как странника. Но какая свобода: ходи, как все, смотри, и — слушать! И никакого соблазна для других.

Безмолвие —

что может быть выше слова, и как легки и пусты слова! При встречах слово закрывает душу — набор лживых «вежливых» слов плотнее всякой пробки. И отрава — обольщающее «постараюсь», и яд — безответственное «обещаю». А мигающий свет поверхностного слова — сорная трава — осадок. И как же быть слову, как пробиться через все загородки и сквозь эту муть? Слово есть выражение мысли, но самая мысль во власти слов — кос и серпов, этих трамбующих колес и плющащих прессов.

Сказать «в голоде» — так и только так в посте безмолвия рождается слово.

Бедность —

вот что раскрывает душу — вот кто ведет по всем ступеням креста! Бедность — это дар, как и богатство, — крестный дар со жгучим отчаянием, покинутостью, унижением и взлетом мечты. Нет, мечта о «счастье всего человечества» не от пустого брюха, не от оборванных штанов, не от зависти, не от жадности, а от пригвожденного «распятого» сердца. Когда вся утроба выворачивается и кулак над тобой (жизнь — это стукотня!), ты всё увидишь: все закоулки, всё поддонное человеческих измыслей.

Молитва —

от молитвы мытаря до молитв молитвенника, от нечаянных вскриков радости и горестных причитаний до лестовочных, положенных по Потребнику, слов, от пятерни — «щепоти» и наспех «счета пуговиц» до уставных поклонов и метаний, от ангельского аллилуйя, человеческой песни и звериного рыка до благоуханного безмолвия трав и цветов — этих звезд на земле! — одни и те же единственные нити с тем, что над и во всем: и слабые человеческие руки, как стебли, подымаются звездами в небеса, и человеческий немощный дух становится громовой волей и могучим сердцем —

«Отче наш!»

Посвящение

Николай не вернулся в Патары, а поселился в Мирах. Третий год кончался его безвестной жизни. И за эти годы, никем не узнанный, он прошел всю страду жизни простого человека.

Те чувства, какие раньше постигал он своим избранным сердцем, теперь почувствовал кровно: живя среди людей в самой толчее борьбы, беды и радостей жизни, встречаясь с людьми на самой черной работе и в самую черную безработицу.

Какие высокие побуждения теплятся в человеке и такая «низость», какую только и может измыслить человек на человека; и если простым словом сердца человек подымет и умирающего, человек же своей злой мыслью свалит и самое неколе-

бимое; и есть еще и совсем не от злого, а сколько может сделать зла человек человеку по легкомыслию или слепоте!

Чем жив и живет человек на земле — не про тех, кто хватает с неба звезды, «цари духа», и не про тех, кто на дне духа и даже еще не родившиеся духовно, перед которыми «звери» чище, потому что бесхитростней и проще, а вот эти, которые составляют «мир». Дать миру этот хлеб «иносущный» — открыть человеку о человеке — «человек есть храм Божий, и дух Божий живет в нем!» — тогда и тем «не от мира сего», кто над — «избранные» — облегчится трудная и странная их жизнь, а у тех, кто под — «убогие» — очеловечится шкурная порода и просветится их хлеб «насущный».

Во все безвестные дни одно чувство не покидало его: жалость к человеку. Это чувство было так остро: лучше бы, казалось ему, или распылиться, или окаменеть! И была одна неустанная молитва: имея дар мудрости, скрепить свое сердце и дать мир неумиренной человеческой жизни.

* * *

В то время умер архиепископ мирликийский Иоанн. В Миры съехались епископы на выборы: надо было решить, кто тот крепкий и мужественый, кому поручить стать во главе митрополии: надвигалась тяжелая пора — последние гонения. Но сколько ни рассуждали епископы, согласия между ними не было.

Старику-священнику из клира епископов снится сон: слышит он голос: «иди, дедушка, в церковь: первый, кто придет к заутрене, того движет мой дух!» — и явственно называет: «имя ему Николай». В страхе проснулся старик: светает — а еще не звонят — помолился и тихонько пошел к Собору.

В то утро Николай поднялся, пробужденный необыкновенным сном. Ему приснилось: опять, как тогда на Святой земле в решительный час судьбы, он увидел: сквозь тающий свет жизней навстречу идет с лицом того юноши Аммония: бездонные глаза его, как тысяча глаз в глазах, и над бровями синие тороки — проводники небесных сфер — искря, волнятся; и вот совсем близко, коснувшись руки, блеснул мечом — и свет рассекся;

и в новом свете он увидел: престол и на престоле архиерейские одежды, архангел, показывая на престол, велит ему сесть — —

Рассветало. И этот рассвет был особенный — особенный день. Как всегда, Николай пошел в церковь.

Три года исполнилось его безвестной жизни, и он не помнит никаких лишений за эти годы: вся горечь, скрытая на сердце, забыта и только одно чувство — благодарность.

И когда он вошел в Собор, эта одна молитва в уме и на сердце:

«Благодарю Тебя, Господи, что сделал меня свободным!»

Голос остановил его:

— Кто ты и как твое имя?

Николай обернулся: старик-священник — и в лице его не гнев, а жестокое бесповоротно.

И все чувства всколыхнулись: тайна раскрыта! Остается одно: убежать. И он сделал шаг, но старик, преграждая дорогу, повторил:

— Твое имя? — и в голосе его прозвучал испуг.

— Николай, — и почувствовал, что не может сопротивляться: старик крепко держал его за плечо.

— Пойдем за мной! — кротко сказал старик. И Николай покорно пошел, готовый ко всему.

Вечером в Мирах стало известно, что избран новый архиепископ, имя ему Николай — Николай, младший патарский священник, три года скрывавшийся в Мирах.

— И не человеческим собором, — говорилось, — Божий суд избрал его.

* * *

Ночью, оставшись один, Николай долго не мог успокоить мысли и скрепить чувства. Молитва его была порывиста: он, как оглушенный, криком сердца взывал к Богу — просил о помощи: как и где найти ему мудрость — живя среди людей судить и решать? быть всегда близким к человеческой беде — и облегчить и направить?

— — — — — — — — — — — — —

и увидел он, будто стоит он в длинном сарае, низкий потолок, и в том же сарае еще двое в темной одежде, и он

узнает их мысли: они явились, чтобы убить его. Побежал на другой конец, и они побежали за ним. Дверь — он толкнул ее и вышел: а это церковь — он в церкви. И когда подумал, что вот он свободен, дверь приотворилась — и он понял, что это за ним, и побежал через всю церковь. И очутился в том же самом сарае: и не двое, а их много по углам — затаились. И опять он бросился на другой конец, но и там по углам такие же и много: затаились, чтобы напасть на него и убить. Он опять к той же двери, выскочил и, крепко захлопнув за собой, обессиленный упал. И лежал во тьме, как без чувств. И вдруг свет открыл дорогу — от царских врат широким снующим лучом до выхода — и из голуби-света, он увидел: шла от царских врат Богородица и с ней апостолы: Андрей и Петр. И он почувствовал, как руки коснулись его плеч и тепло и свет проникают в него, он поднял глаза и видит: на груди у себя серебряный омофор и из голуби-света Богородица — это от нее тянется скользящий, как свет, омофор. «Матерь Божия!» — протянул он руки. И увидел свои руки, простертые как из пропасти. А чувство непомерной жалости к человеку с болью разорвало ему грудь и тянется из его сердца веткой — вмиг запламенела ветка, плывет в голуби-свете — голубь-свет теплым веем заполняет ему глаза. Богородица показала на него апостолам: и апостол Андрей подал ему посох, а Петр евангелие.

Чудотворец

Архиепископ мирликийский Николай сразу же заявил себя как действительно избранный среди людей. Не злопамятен и всех милующий — и уж где бы он ни появился, с ним всегда мир: обо всем расскажешь и всё попросить можно; и чудеса — чудотворец.

Одна женщина — мирская — привела в церковь к обедне своего немого сына двенадцати лет; про нее говорили, что она одержима демоном, оттого ее сын немой родился. Когда кончилась обедня, Николай велел привести в алтарь немого, и когда привели его, он поставил мальчика рядом с собой, открыл ему рот и, дунув, сказал: «Узел твоего языка да будет развязан, ты

будешь говорить чисто!» И при последних словах мальчик крикнул: «мама!» — — Кузьма, чтец из Каркавы, по прозвищу «полоумный», его привели в церковь два человека: «зачитался» и очень буйствовал и в буйстве обыкновенно возносился, называя себя именами великих людей, и что он всех перещеголяет; Николай поставил его в алтаре и всю службу не отпускал от себя, а после обедни Кузьма вышел из алтаря тихий. — — Пастух Павел из Крабы — этот сам пришел, Кузьма посоветовал — пастух жаловался, что «обтенился демоном» и в голову ему лезут всякие неподходящие мысли, и которая засядет, топором ее не вырубишь; Николай, обняв его голову, стал молиться, пастух с криком упал, но Николай продолжал молиться и до тех пор молился, пока Павел не поднялся проясненный. — — Зинон из Кастелля пришел с провожатым, тихий, его называли «самоубийца»; Николай занимался посадкой винограда, увидя Зинона, он дал ему мотыку и велел работать; весь день трудился «самоубийца» и вечером пришел домой, не узнать: говорит — «свой виноградник заведу, очень это дело интересное!» — — Принесли связанного Пирра из Андроник, Николай велел его развязать, но провожатые отказались: «убежит, говорят, не словим!» — Николай взял масла и ознаменовал его, и буйный вдруг затих, развязали, и он спокойно вышел. — — Родители принесли из деревни Дамасей дочь Кириаку: высохла — «семь лет без движения, а ничего не болит!» — и ее он тоже помазал маслом, и она зашевелилась. — — Из Симбола пришли муж с женой: «всем, — говорят, — довольны, тридцать лет живем мирно, ни разу не побранились, одно горе: детьми не благословил Бог!» — Николай соединил их руки и помолился, и на другой год они опять пришли, и дитё с ними — окрестили мальчика Николаем.

И много еще рассказывалось всяких чудесных историй. Вот почему у всех большой интерес был к его жизни — к его прошлому: какой он был, когда был маленький, как он рос, учился и сделался священником.

* * *

Родился Николай в Трагалоссе — там храм во имя архангела Михаила.

«Архангел Михаил, — говорили, — его ангел-хранитель, и силою его он творит чудеса!»

О его рождении было открыто архимандриту Ивановского монастыря в Акализосе старцу Савватию, духовным сыном которого и учеником был дядя Николая, тоже Николай. Рождение его совпало с закладкой храма св. Сиона в Фарроа. (Трагалосс, Акализос и Фарроа — нагорные селения к северу от Мир). Когда он родился, положили его мыть в корыто, и он без всякой помощи встал на ноги и — «держался два часа». А некоторые уверяли, что «не два, а три», и случилось это при крещении. Родители сейчас же послали в Фарроа сказать дяде и старцу Савватию о чудесном ребенке. И старец Савватий сказал:

«Слава тебе, Боже, что родился и нам истинный раб Божий!»

Николай был единственный сын — «вымоленный»: Епифаний и Нонна, родители его, были не молодые. Избранность его сказалась с первых же дней: грудным он принимал только правую грудь матери, в постные дни — по середам и пятницам — один раз вечером в часы, положенные по уставу.

Когда ему было три года, с ним самим совершилось чудо: был он с матерью на стройке храма в Фарроа, и, когда бегал среди лесов, стена обрушилась и его завалило камнем; мать в отчаянии звала на помощь — сбежались рабочие, но всем было ясно, что ничего не поправишь: завалило насмерть!

«И вот, — рассказывали, — на глазах у всех камни сами начали расступаться, и ребенок вышел невредим».

По смерти старца Савватия архимандритом Акализосского монастыря и строителем св. Сиона в Фарроа сделался дядя Николай. Не раз ездил он в Палестину: ему хотелось по образцу «матери церквей» воздвигнуть и здесь, на горах Ликии, «лучистое солнце мира» — св. Сион. Постройка храма была делом его жизни. И однажды во сне представилось ему, будто архангел Михаил ведет его на гору, чтобы показать храм, какой он будет; и видит он: на горе засиял свет и в свете выступила церковь, и архангел сказал, что этот храм прославит «мирликийский» Николай —

«Я его ангел-хранитель!»

Николаю исполнилось семь лет. Дядя поручил священнику Конону учить его грамоте. С первых же уроков Конон был поражен необыкновенным даром своего ученика. И стали говорить, что «Дух Божий» сошел на него. Конон повел его в Миры

к архиепископу, и архиепископ, поговорив с Николаем, поражен был не меньше Конона и посвятил Николая в чтецы.

К этому времени относятся два чуда, о которых долго будут вспоминать в горах Ликии: «чудо о исцелении сухорукой» и «чудо о слуге, потерявшем золото».

* * *

Николай шел поутру заниматься к Конону, около церкви сидит сухорукая нищенка, просит милостыню. И он положил ей в ее сухую руку яблоко, и нищенка подняла эту руку и, сложив пальцы, перекрестилась.

Также утром, проходя по базару, Николай заметил человека: сидел на самом припеке, и все прохожие смотрели на него с любопытством, а он, как слепой, глаза открыты, а ничего не видит.

«Что с вами случилось, чего вы так?» — спросил его Николай.

Взглянув на мальчика, этот странный человек только покачал головой: что, мол, рассказывать, всё равно от тебя не будет проку.

«Я вам помогу!» — не отходил Николай.

И тот даже рассмеялся:

«Помогу! мне — помочь?»

И рассказал, что он простой человек, послал его хозяин волов купить, дал денег, и сам он не знает, как это случилось: нагнали его молодцы, заговорили, обещали волов показать и за сходную цену, а пришел на базар, хвать, денег-то и нет: либо потерял, либо вытащили.

«Подождите, — сказал Николай, — к вечеру я вам всё достану!» — и пошел не к Конону, а в церковь.

До вечера ждал несчастный — прохожие трунили и подсмеивались: поверил мальчишке! — а уж ему всё равно: с пустыми руками куда ему? а на воров валить, сам в воры попадешь! — как одеревенел. И вот в сумерки видит: бежит и в руках что-то прячет. А подошел совсем близко, и тот, как очнулся, слышит:

«Нате, — слышит, — деньги! сосчитайте, сколько: нашел на дороге: не то подкинул кто, не то обронил! это вам дар».

Тот из рук деньги выхватил, и руки затряслись: тридцать три фунта золотом — точка в точку!

* * *

В девятнадцать лет Николай был рукоположен в священники. Постройка храма настолько была закончена, что можно было совершать службу. И на освящении храма служил дядя Николай, учитель Конон и в первый раз Николай. Вскоре дядя помер, похоронили его в алтаре в приделе св. Иоанна, и после похорон новый акализосский архимандрит Лев назначил Николая главным строителем св. Сиона.

У Николая было два помощника — духовные братья: Артемий и Гермий. Они были исполнителями его указаний; руководил же постройкой он один.

Когда обсекали скалу перед алтарным выступом храма, Николай временно должен был покинуть Фарроа: надо было проехать во Фригию за матерьялами для украшения храма. Перед отъездом он наказал братьям до своего возвращения распустить каменотесов. Братья не послушали и решили на свой страх продолжать работу. Через месяц Николай вернулся и застает такое: семьдесят пять человек трудятся над камнем и не могут повернуть.

«Без меня ничего не можете!» — сказал он братьям и, выбрав двенадцать, с двенадцатью повернул камень.

«Сила Господня в нем!» — говорили про него.

И пошла молва, что ему повинуются камни.

* * *

Сидит Николай в своей комнате в сумерки, читал книгу и чего-то задумался. В комнату вошел демон и, преобразившись в ангела, стал перед ним. Николай это сразу почувствовал.

«Я ангел Господен, — сказал демон, — послан посмотреть, что ты тут делаешь?»

«Уходи, — сказал Николай, — я знаю, какой ты ангел!»

«Напрасно ты меня гонишь, — сказал демон, — тебе повинуются камни, я пришел сказать тебе мою волю: если захочешь, ты можешь и больше: камень ведь это мертвое, но ты можешь и над живым проделать...»

«Говорю тебе: уходи!» — и Николай ознаменовал демона.

«Хорошо, — сказал демон, — я уйду, но под твоей кровлей я останусь».

Николай зажег свет и стал на молитву.

На кухне брат Гермий, начистив картошки, перебирал лесную землянику: завтра из Трагалосса придут странники, всех надо накормить и угостить. Надоело смертельно. Редкий день, чтобы посидеть спокойно, с утра до вечера в работе. И раздумался Гермий.

«Какая твоя жизнь, — услышал он голос, — неужто ты только и годен, чтобы чистить картошку и перебирать землянику, а почему Николай, ведь он куда моложе тебя, а посмотри, у него своя комната, сидит он в тепле, ему есть время и книжку почитать, и подумать. Камни повинуются! Скажи, какая хитрость: повернуть камень умелыми руками! Да если бы Артемий нанял не семьдесят пять, а семьсот семьдесят пять дураков, разве что камнем задавило бы их на месте. И вот он, всемогущий, сидит и книжку читает, а ты на кухне...»

Николаю после демонского визита не по себе, и он вышел, заглянул в кухню:

«Что ты тут делаешь?» — спросил он брата.

«Не дрова рублю, видишь!» — сказал Гермий и стал выговаривать, жалуясь на судьбу.

Не узнать было кротчайшего Гермия: с какой горечью и ожесточением выходили его слова. Николай слушал: все упреки, они относились к нему, принимал терпеливо... только почему ж это? И вдруг понял и, ознаменовав брата, коснулся его руки.

И оба увидели, как из кухни в окно планул огонь.

Демон ушел, но дома он не покинул. В доме стало беспокойно, и в особенности ночью в глухой час, когда все спали. И однажды ночью Николай вошел в комнату Артемия. Артемий тоже не спит.

«Ты ничего не слышишь?»

«Кто-то всё ходит, — ответил Артемий, — я смотрел: на лестнице никого нет. Шорох — ты слышишь?»

«Это не человек!» — сказал Николай.

И оба стали на молитву, пока не успокоилось.

* * *

Два чудесных случая особенно любили вспоминать на горах, они относятся ко времени окончания работ по постройке храма: «чудо с хлебом» и «чудо с вином».

Неожиданно собралось много рабочих. Николай заметил, что братья, готовя столы, смущены. Подозвал Гермия. Гермий, кивнув на ожидавших, тихо сказал:

«Орава — восемьдесят три человека, а у нас один хлеб!»

«Принеси мне этот хлеб!» — сказал Николай и, обратясь к мастерам, пригласил к столу.

Когда все разместились, Гермий принес хлеб. Николай взял его и, благословив, разломил и стал раздавать по кускам. И все ели и насытились, и остались еще куски: их набрали с девяти столов три лукошка.

«Одним хлебом, — говорили, — все насытились, да еще и осталось!»

Братья св. Сиона тоже затеяли отпраздновать окончание и устроили обед. Николай дал Артемию три хлеба и «тришестеричную» кружку вина. А когда Артемий с благословенным полуштофом показался в трапезной, братья возроптали:

«Это что ж, — говорят, — этим и усов обмочить не хватит!»

Артемий вернулся:

«Ропщут, — говорит, — вином, говорят, обидел!»

Тогда Николай взял поднос и вышел к братьям:

«Надо было мне сегодня, братья, послужить вам».

И обходя столы, стал наливать, кому сколько хочется. И все пили, не отказывались и разошлись навеселе.

«Пусть, — говорили, — от сего дня не будет никого не верующего ему!»

А эту веру в его чудесную силу подтвердил случай во время засухи.

В Фарроа пришли из долины просить помощи: всё поле выжжено и грозит голод. Николай спустился с горы к церкви мученицы Калиники, отслужил обедню и после обедни, созвав всё село, с крестами обошел поле, прося о «примирении» и о «послании спасения». А когда с поля возвращались в церковь и весь народ кричал: «Господи, помилуй!» — ударил дождь, да такой, испугались: думали, что все потонут.

А завершил чудеса чудеснейший случай с Тигрием из Плиния.

Пришел этот Тигрий со своей Леонилой в Фарроа, кланяются: у всех на селе урожай двадцать пять медиев, а у них пятнадцать, а зерно у всех одинаковое. И подают в горстке:

«Нельзя ли как поспособствовать!»

Растрогали: уж очень смешные, и жалко. Благословил он семена.

«Идите, — говорит, — старики, с Богом, засевайте ваше поле и не ропщите: могущий малое умножит и многое умалит!»

Тигрий с Леонилой вернулись домой и, одно твердя: «могущий умножит», засеяли свое поле. И урожай, на глаз, как у всех, как всегда, а как смололи: у всех — двадцать пять медиев, а у стариков — тысяча двадцать пять!

И как потом в Патарах Урс трубил о тысяче франков — чек, который в тяжелую минуту его жизни Николай тайно положил ему на стол, так этот Тигрий с Леонилой звонили по всем горам, что собрали не пятнадцать, как всегда, не двадцать пять, как все, а тысячу двадцать пять! — и прямо указывали, что эту самую тысячу сверх нормы подсыпал им священник св. Сиона в Фарроа Николай.

* * *

Отчасти по просьбе родителей, у которых была земля и дом в Патарах, отчасти для испытания и стажа — Николаю исполнилось двадцать семь лет — архиепископ Иоанн назначил его в Патары.

И вот из глухого захолустья, куда и дорог не было, одни горные тропинки, из села Фарроа попадает Николай в самый центр Ликии. В Патарах он прослужил три года. Смерть родителей, наследство, щедрость и наконец случай с Урсом.

Как Тигрий — горам, Урс городу объявил имя «Николай».

Передавая чудесные случаи из его жизни, о нем говорили по всей Ликии как о избранном среди людей — чудотворец, который просвещает очи слепым, отверзает уши глухим, приводит в голос язык немых, разрешает союз демонов и исправляет расслабленных.

«Архангел Михаил, — говорили, — его ангел-хранитель, и силою его он творит чудеса!»

И Миры стали центром, куда потянулись за чудом.

Кипарис

В Плакоме славилось священное дерево: кипарис. Кипарис стоял среди поля, и к нему вела дорожка. Во всяких несчастных случаях — с ушибами, искривлениями, грыжей — шли к кипарису за помощью. И кипарис же, отеняя поле, посылал урожай.

В кипарисе гнездился демон. В его воле и жизнь, и смерть Плакомы: рассердится, несдобровать — и тогда ни людям, ни зайцам близко нечего и думать.

Демон с чего-то был недоволен: сжег поле и беспощадно требовал жертвы. Беспощаден он был к детям: не проходило дня — тот с крыши свалился, другого автомобиль переедет, — не было дома, везде растет калека.

В Миры отправилась депутация, просят архиепископа — все средства испробовали, ничего не действует, жертвами не умилостивить демона.

— Или все погибнем, или бежать. Архиепископ взял топор и пошел на село — Плакома сейчас же под Мирами.

По красному выжженному полю повели его по дорожке к кипарису. А там всё село в сборе и все жмутся в сторонке: страшно переступить заветной тени. И такие все маленькие и слабые — козявки! — перед мощью и овеянностью дерева.

— Это и есть священное дерево?

— Кипарис, — отвечают, — такого нигде нет, один на весь округ.

— А что это за раны? — показал архиепископ на насечки.

— Давно это было, — сказал старик, — точно никто не помнит, а рассказывают, будто кто-то из древних приходил, три топора принес, а как начал рубить, демон вырвал у него из рук топоры и зарубил насмерть: тут его и могила у корней.

— Я его срублю! — сказал архиепископ и стал на молитву.

И за те часы, что он молился, все глаза были устремлены не на него, а на кипарис: и разве можно безнаказанно посягать на такое? И когда он кончил молитву, он видит, что он один, а те еще дальше за заветным кругом.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! — сказал Николай и трижды ударил топором.

И в наступившей тишине все слышали голос: издалека донесся этот голос, как бы из-за гор, и глухо, как удары топора:

— Увы! никем никогда я не был побежден, а ты заставляешь меня бежать.

Переступив заветный круг, бросились к дереву и начали рубить, а те, что остались за кругом, галдя, наблюдали.

— Отойдите к северу — к Анаве! — приказал архиепископ: он заметил, что кипарис наклоняется к западу.

И когда, присмирев, перебежали, кипарис выпрямился, точно чья-то рука держала его, и медленно стал нагибаться на север — к Анаве.

— Он падает на нас! — кричали не своим от страха, и от страха никто не смел шевельнуться.

Николай, подняв руки против дерева, громко сказал:

— Возвратись назад! и иди, куда тебе показано.

Кипарис перегнулся и полетел на запад — и там упал.

И заветная тень его рассеялась.

Послали в Миры, Анаву и Арнабанду за пильщиками. Но ни один мастер не решился пилить священное дерево.

А было оно в толщину три с половиной аршина, а в высоту сорок.

* * *

Из окрестных округов — Арнейского и Мирского согнали народ тащить кипарис в Миры: в Мирах строилась церковь Богородицы, и этот чудесный кипарис назначался для церкви.

Народу сбилось — муравейник, да с голыми руками не подступиться.

Из Мир привезли машину, окутали кипарис проволокой и цепями, подвели под него колеса. Сто человек взялись за цепь — «Дай дорогу!» — кричат — а дерево ни с места.

Николай велел звонить в Соборе и, отстраняя народ, сам взялся за цепь — и один подвинул дерево на шаг. И дерево легко покатилось на колесах.

По дороге несчастье: когда спускались с горы, цепь лопнула и этакий кусок оторвался от дерева и в щепы. При такой длине, конечно, пустяк, не обратили внимания, поправили цепи и опять потащили. И притащили к церкви, а как подняли, архитектор говорит:

— Не годится: трех метров не хватает, а наставлять другим, всю музыку испортишь.

Позвали архиепископа: не их вина, а несчастье —

— Это — рук демона.

Николай велел стать по концам дерева и тянуть, а сам взял посох и, трижды ударив дерево, сказал:

— Расти!

И когда опять подняли кипарис — дерево как раз да еще метра на два заскочило выше церкви.

Архитектор полез укрепить, схватился за прибавочную верхушку и упал. Глядь — а он и не дышит.

Николай стал над ним и молился.

Все ждали, а у всех было такое, что не встанет: ведь этак дряпнуться о камень! Николай молился. И вдруг архитектор глубоко вздохнул, раскрыл глаза и говорит:

— «Поругаться — то люди всегда успеют, давай жить дружно!» Не успел я рот разинуть, а он меня за горло. Больше я ничего не помню.

И поднявшись, как ни в чем, полез опять.

* * *

Демону скучно, на чем успокоиться?

Из Каркавы пришли к архиепископу с жалобой.

— На селе один колодец, и этот единственный колодец испортили!

Какой-то прохожий зашел к пильщикам звать на работу, угостил, как полагается, подвыпили и пошли по селу. И захотелось их приятелю пить, подошли к колодцу, наклонился он воды почерпнуть, да и кувырнулся с ковшом. И так и этак его вылавливали — чем только в колодец не тыкали, ковш всплыл, а его и звания нет, как и не было. Тут хмель-то у пильщиков весь соскочил, поняли, что за приятель, да поздно: воды в рот не возьмешь — и мутная, и горькая, и кислотой-то от нее на три версты, глаза ест.

— Ни скоту, ни людям — душа не принимает. Архиепископ пошел в Каркаву и прямо к колодцу — и все пильщики собрались и народ: просят. Нагнувшись над колодцем, Николай трижды осенил его крестом —

— — —

И такое поднялось в колодце, точно где в брюхе урчит, да с переливом, и толстым голосом из перелива:

— За что ты гонишь меня?

И всё затихло.

Архиепископ почерпнул воды — вода была светлая и чистая. Попробовал и подал ковш передавать.

И все пили:

— Вода как вода!

* * *

Архиепископ вернулся из Каркавы, а его ждут из Арнабанды. В Арнабанде несчастье: высохли источники — и люди, и скот мрут от жажды.

— Источник есть, — говорят, — но скрыт на Кесари.

— Откуда это вы знаете, на Кесари?

— От отцов слышали, — говорят, — называли Кесари, но в каком месте, не знаем.

Всё село собралось для встречи, и всякий высказывал свои догадки.

— Пойдемте к горе, — сказал архиепископ, — просимое исполнится.

День был знойный, дорога трудная, но шли безропотно, прошли бы и еще столько! На закате он остановился и, опустившись на колени, стал молиться.

И одни последовали ему, но были и другие.

— Немыслимое дело, — говорили, — на такой высоте! какой же может быть здесь источник? уж если действительно есть, то, конечно, там — ! — и показывали в противоположные стороны.

— На месте, где я преклонил колена, — сказал Николай, — здесь мне открылось благословение воды.

И поднявшись, взял кирку и до трех раз копнул землю.

— Здесь источник! — и велел копать.

И когда прорыли на полтора аршина, высоко ударила струя.

* * *

Высоко — еще выше! — задохнувшись, взлетел демон.

Над ним было солнце, и с земли, как тысяча солнц, выбивал на горе источник. В последний раз он посмотрел на Ликию — не было заветной тени! — и, перемахнув крыльями — мертвая петля — понесся над морем на полдень.

«Вот, — говорили, — в нынешнем году появилось много пятен на солнце, и вон, посмотрите! а какая жарища!» — и, подставляя лицо и руки светящейся горной воде, от удовольствия фурчали.

* * *

В Александрии на площади стояла бронзовая кошка. Никто не помнит, кто поставил или в честь кого стоит кошка на самом видном месте. Кошка занимала немного места, и ее не трогали, но, проходя, постоянно подтрунивали и называли ее «бестия». И кошку это раздражало, усатая, с выпущенными когтями, не будь из бронзы, она ослепила бы всю Александрию.

В эту бронзовую усатую кошку и засел демон.

Ему было очень тяжко: грудь его прорублена, руки распилены, дышать нечем!

И с того дня, как демон сел в кошку, Александрия вдруг как ослепла и началось такое безобразие, одному Богу известно: к вечеру большая половина жителей была привлечена к уголовной ответственности, на следующий день все архонты попали в комиссариат, а на третий день не было человека, не исключая малолетних и особ духовного сана, на кого бы не был составлен протокол, и в заключение префект, человек безукоризненной честности, сам поймал себя на вымогательстве и, добросовестно запротоколив свое деяние, подал в отставку.

Александрийский патриарх, видя, что все дела спутались — дальше идти некуда, и грозит Содом и Гоморра, явился в магистрат и на заседании объявил, что никакими административными мерами прекратить безобразие невозможно, потому что не только люди, а и со скотом подозрительно. И весь цик охотно передал власть патриарху, лишь бы как-нибудь взять себя в руки и вернуться к мирной жизни.

Патриарх немедленно издал указ:

«Грудные дети разлучаются с матерями, скоту прекратить корм, архонты обязаны снять свои шитые золотом мундиры и надеть синее камло, и на всё население наложен пост — пятнадцать дней, всеобщая и обязательная молитва».

А сам, отслужив обедню, вышел на амвон и распростерся на земле.

И распростертый на земле семь дней, он не пил и не ел. И на седьмой день привиделось ему: слышит он голос:

«Пока, — говорит, — не явится Николай, архиепископ мирликийский, демон не покинет город!»

Патриарх поднялся, вышел на площадь и объявил народу:

— Пока не явится Николай архиепископ мирликийский, демон не покинет город!

Лучший александрийский авиатор предложил свой аэроплан доставить архиепископа в Александрию. Патриарх написал письмо: всё, что творится, и просил помочь. На аэроплан посадили с письмом архидиакона — умолял его патриарх на несколько часов воздержаться: молчаливый и скромный архидиакон, подверженный всеобщему омрачению, без удержу и неистощимо сквернословил.

И когда аэроплан благополучно снизился в Мирах и высвобожденный из кабинки архидиакон, одергиваемый пилотом, передал письмо архиепископу, слезы показались на глазах у архиепископа:

— Враг человеческого рода, — сказал он, — когда ты прекратишь войну?

Пока пилот запасался бензином, архидиакон, окруженный любопытными, порассказал такие чудеса — «три дня в Александрии», на что, кажется, человек ко всему привычен, и то, знаете, неловко, ну и смеху было. Всё оказалось в исправности, медлить нечего, и с архиепископом полетели назад в Александрию.

И когда аэроплан был в расстоянии трех стадий, демон почуял и вышел из города — что он чувствовал? какую таил жгучую месть? или на какую гибель обрекал врага? — бронзовая усатая кошка упала на камень, и разнесло бестию на мелкие куски. Архиепископ пробыл три дня в Александрии. И жизнь в городе пошла по-прежнему мирно, ну как идет деловая и домашняя жизнь среди людей, и одни даже не вспоминали, или делали вид, что не помнят, а другие вспоминали и не без удовольствия.

* * *

И вот оно пришло: она пришла из Ефиопии — Ефиопия, Египет, Палестина, Миры — и имя ей было бубон, не щадя и никого не милуя.

В Мирах наступило настоящее бедствие: мерли и от чумы, и от голода.

Крестьяне соседних сел боялись занести чуму и прекратили подвоз в город. Пробовали воздействовать силой, не помогло: карательный отряд вернулся в Миры — кто с фонарем, кто об одной ноге.

Архиепископу во сне явился ангел и сказал:

«Иди в дома молитвы и принеси жертву!»

Николай понял указание своего ангела и собрался сам объехать все ближайшие села, где его имя знал всякий. Только на это он возлагал надежды спасти город от голодной смерти.

Он начал с Трагалосса — своей родины, там у храма архангела Михаила он заколол двух быков и устроил угощение. И все были очень довольны и обещались всё исполнить, что он укажет.

Из Трагалосса он прошел в Акализос, где он учился у Конона, там у храма Иоанна Предтечи он заколол пять быков и угостил всё село. И все были очень довольны и обещались всё исполнить, что он укажет.

Из Акализоса он прошел в Фарроа и у храма св. Сиона, где прошла его юность, заколол трех быков. Очень ему все обрадовались и обещались всё исполнить, что он укажет.

Из Фарроа дорога в Плиний, где жил чудесный старик со старухой — Тигрий и Леонила, там его встретили с крестным ходом, и у храма Георгия он заколол семь быков — на обеде было до двухсот столов, и подали на столы сорок медиев хлеба и сто мер вина, а оставшиеся после угощения шестьдесят мер и сто хлебов раздали странникам. И все были очень довольны и обещались всё исполнить, что он укажет.

Потом пошел он в Каркаву и у храма архангела Гавриила заколол трех быков, и на обед подали семьдесят мер вина и тридцать медиев хлеба. И все были очень довольны и обещали всё исполнить, что он укажет.

И то же в других селах, куда приходил он: и в Каусаи у храма Феодора, и в Новой Деревне у храма архангела Михаила, и в Симболе у храма Димитрия, и в Партезосе у храма Епифании, и в Наутене у храма Богородицы Великой, и в Серине у храма Ирины, и в Тревендае у храма архангела Михаила —

везде закалывал быков — жертву, ставились столы и подавалось угощение.

И было пьяно и весело, и все были очень довольны и обещались всё исполнить, что он укажет.

За двадцать пять дней Николай обошел всю окрестность и везде видел избыток и встречал радушие. И когда он вернулся в Миры, не узнать было города, зачумленного бубоном и истощенного голодом, — ни о чуме, ни о голоде: все базары были завалены продуктами, трубы в домах дымились, и слышно было — музыка и песня.

* * *

После дня безмолвия, когда душа особенно раскрыта и все чувства очень чутки, приснилось Николаю: видит он жертвенник — обломанный и сдвинутый — серые камни; подошел поближе, чтобы поклониться, и когда взглянул вверх: завеса была вне. Возвращается в церковь, а там у дверей вода — вода собирается в притвор — много, и водопадом льется по ступенькам из церкви —

— — — — — — — — — — — — —

И он очутился в Фарроа, он сидит в своей комнате и с ним брат Артемий. И вдруг видит: всадник — в руках серпы.

«Я ангел, держащий жатвенные серпы, — сказал всадник, — меня послал Господь дать тебе один из серпов: время жатвы приходит на весь мир».

Николай поднялся, потрогал серпы: ширина их в пять, а длина в пятнадцать локтей. И говорит тихо брату:

«Принеси три хлеба, дадим ему!»

Но Артемий не хочет: с какой стати!

«Не хочешь, да он сам возьмет и еще возьмет и двух голубей».

И пошел в кухню за хлебом —

— — — — — — — — — — — — —

И опять он в церкви, входит в алтарь и видит: от жертвенника ему навстречу воин. Николай вглядывается и узнает его, остановился. А воин сделал еще шаг, и в синем круге засветились крылья и в руках сверкнул меч.

«Я Михаил, — сказал архангел, — твой водитель. Серпы, которые ты видел, сила и печать Господня, и дано тебе, что через твои руки будут серпами отдаваться Богу человеческие души».

И Николай увидел в руке у себя горящую свечу.

К стенке

Ни возраст архиепископа, ни тюрьма и опасность — в гонения немало высидел, а уж принял горя, на глазах самых близких расстреливали! — нет заботы: человек-то, вон его как!

Все назывались христианами, не быть христианином опасно, строились церкви, справлялись праздники — постоянно процессии, крестный ход, всюду образа, иконы, кресты, и всегда толпы, не проткнешься или задавят, а попробуй-ка не пойти, попадешь на заметку.

И откуда эта черная злоба — человеческая, ненависть, подсиживание? — братский крест, а как последние враги!

* * *

В соседней Фригии взбунтовались из-за какого-то продналога. Из центра послан был карательный отряд под начальством трех командиров. Имена их известны: Непотиан, Урзос и Герпилион — отчаянный народ! Метил отряд во Фригию без всякой задержки, а поднялась буря и высадились в Ликии. Ликийцы перепугались, а те думают, приехали — и пошла потасовка. Начальники справиться не могут. Порт Мирский — Андриаки, сейчас же послали в Миры. А там — дряньцо народ! — перетрусили и к архиепископу: ему ехать. (Шкура-то своя больно близко!). Приехал архиепископ: в чем дело? А такое творится — и не подступись. Архиепископ вышел к народу:

— Не случись бури, — сказал он, — не видали бы и в глаза эти несчастные банды!

И благословил их.

А отряду велел идти в казармы: там их напоят и накормят, а успокоится море, ни минуты не задержат, поедут туда, куда их послали.

— Ликия не Фригия, Фригия подальше!

И благословил их.

И когда на улицах началась обычная жизнь, открыли магазины, архиепископ пошел к начальникам. Очень были все довольны. Но просили архиепископа перебыть день и переночевать: мало ли что может выйти!

— А наутро, даст Бог, и в путь пойдем!

Архиепископ остался.

* * *

Вечером за чаем любопытно послушать — молодежь порассказать горазда: Константинополь, Константин, и какие новые порядки и столичная жизнь. А на воле море погуляло — побесилось и успокоилось — и это хорошо; и в городе тишина, огоньки зажгли — и того лучше. А намучились-то как за день! Пораньше бы спать лечь.

А вот и опять: приехали из Мир, просят — надо переговорить с архиепископом по важному делу.

Непутевое дело вышло в Мирах:

> по проискам начальника схватили трех ни в чем неповинных (зуб имел!), обвинили в тягчайшем преступлении — «против государства», суд в спешном порядке, и вынесли приговор: к высшей мере наказания — и каждую минуту приговор может быть приведен в исполнение.

Рассказывала сестра одного из осужденных, плакала, просила за брата — «не виновен, и те его товарищи ни в чем не виноваты!» Она обращалась к самому начальнику — Евстафий! — ее турнули и пригрозили самое засадить. Одно спасение — слово архиепископа.

— Но надо сейчас же, сию минуту!

— Да кого же это?

Имена известны: Крессан, Диоскорид и Никоклес — честные, прямые люди, и не вихляй какой, не шкурник, и нет этой гадости человеческой — «выслужиться», лакейства!

Архиепископ поднялся, чтобы немедленно ехать. И с ним командиры: любопытно!

И как раз вовремя поспели — еще минута, и уж было б поздно.

* * *

На тюремном дворе перед белой стеной в одних сорочках стояли осужденные, сливаясь со стеной, и только лица черные от фонарей, да ноги, как жерди — архиепископ появился внезапно в дверях двора и с ним вооруженные командиры — палач нацеливался —

> «и только что я нацелил — солдат рассказывал, исполнявший обязанности палача, — вдруг меня как кольнет

в пах, вздрогнула рука, я отвел глаза и вижу: в дверях архиепископ и рукой жалостно так, — до смерти не забуду!»

Да и никому не забыть: архиепископ остановил казнь!

Перепуганный Евстафий (начальник) — не столько архиепископа, сколько этих молодцов: «дойдет до центра, вытурят, да еще под суд!» — признался, что зря всё наделал, «сшибся»! — и просил прощение.

Осужденных освободили.

Не покидавшие архиепископа командиры — Непотиан, Урзос и Герпилион: огромное впечатление — «вот что может сделать один человек!» — распростились с архиепископом и назад в Андриаки, а архиепископ остался в Мирах.

«Архиепископ мирликийский Николай!» — записал себе в записную книжку который-то: будет о чем порассказать!

* * *

Непотиан, Урзос и Герпилион — начальники карательного отряда благополучно добрались с отрядом во Фригию, бунт усмирили и всё, что требовалось по продналогу, даже с лишком (с перепугу обсчитывались, а кто и задобрить), победителями вернулись в Константинополь.

Ответственное это дело — Фригия, а за то и награда.

И не думали, взлетели!

И жить бы тихо-смирно — деньги, почет, слава. Ведь повезет же людям! Но не дай Бог этого счастья! Тебе счастье — другому зависть. Без этого невозможно.

А позавидовал сам префект — правая рука царя: и у самого некуда девать, и чего, кажется, человеку надо, так нате ж — и зачем и почему? — успокоиться не может. Этот префект, похвалить при нем никого нельзя, морду надует, бя-бя — (должно быть, во все времена все народы на всех языках, важничая, блякали!) обиделся!

Если человек человека извести захочет, найдет себе. А если еще власть, и ждать не заставит.

Так этот Авлалий с этими. (Это вам не Фригия — Константинополь!).

Зацапали. В тюрьму. И обвиняют: за участие в организации — против царя. А на самом деле: организации-то никакой, всё подстроено, да и в мыслях не было против царя. Да кто

ж твои мысли проверит: а может, и было? Такие дела скоро решаются. А конец — к стенке. И никто не заступится: еще и тебя приплетут!

Вот и сидят —и на уме ничего нет — все лазейки испробованы — ничего не поможет. Последняя ночь. Завтра: «пожалуйте бриться!»

И вспомнили они всю свою жизнь — много было всяких авантюр! — буря, Мирский порт, бунт, Миры и вдруг отчетливо: тюремный двор и у белой стены в одних сорочках — черные от фонарей лица и ноги, как жерди, архиепископ поднял руку — и палач задрожал — и потом, какие это лица! — не черные — белые, как стена — «они не виноваты!» — они тоже не виноваты — —

И последним словом — в памяти своей — последним голосом, безнадежно ко всякой людской защите, взмолились они —

Милостивый наш Никола,
где бы ты ни был, явись к нам!

И на сердце тепло — вера — успокоились и заснули.

* *
*

Была глубокая ночь. Давно все спали. Только в ресторанах еще безобразничали да угрюмо, бессонные, дальние поезда шли, да пароходы внимательно колесили море.

Спал и царь.

И в ту минуту, когда несчастные заключевники из последних воззвали к архиепископу мирликийскому, видит царь сон:

> раскрывается дверь в спальню, входит старик и в раскрытой двери свет, как морское дно, колеблющийся, зеленоватый, и в свете старик приблизился к кровати. «Освободи Непотиана, Урзоса и Герпилиона, — сказал старик, — они невиновны!»
>
> Царь оторопел было, но старик стоял очень спокойно.
>
> «Как ты смел войти сюда?»
>
> Ничего старик не ответил, спокойно, и только по улыбке прошло: «дурак ты, дурак!»
>
> «Кто ты такой?»
>
> «Я — архиепископ мирликийский Николай! — и нахмурился, — говорю тебе, освободи невинных или самому не сдобровать!»

Царь хотел крикнуть: «вон!» — да рот не разлипается
и свет заливает глаза.

Утром пришел Авлалий: принес бумаги для подписи — и эту, приговор — помилования не может быть.

— Вот: Непотиан, Урзос и Герпилион, по делу о покушении — — страный сон мне сегодня снился! Эти господа чего-то мудруют! Только что я заснул, вижу: отворяется дверь и входит старик и прямо с угрозой: «освободи Непотиана, Урзоса и Герпилиона или сам погибнешь!» Я говорю: «послушайте, кто вы такой?» — «Я архиепископ мирликийский Николай!» И я проснулся.

Царь — как холодом обдало:

— И мне тоже, — сказал он пугливо, — снился — Миры ликийские...

— Около Родоса в Малой Азии, теперь это всё Анатолия.

— А интересно бы проверить, какой такой способ: насылать один и тот же сон одновременно двум разным лицам?

И царь велел привести к себе осужденных.

И когда их привели из тюрьмы, первый вопрос: пусть откроют секрет, как наводить сон?

— Один и тот же одновременно двум разным лицам?

— Мы не умеем.

— Но ведь вы же это сделали!

— — —

Пользуясь случаем говорить с царем — а ведь их обвиняли в организации покушения на царя! — стали они рассказывать о себе, о своей службе. Но царь их не слушал: ему насчет сна интересно!

И они это поняли: их с кем-то перепутали, в первый раз слышат, им и снов никогда не снилось, и дело их пропащее; вот и последнее — лично говорить с царем ни к чему. И не видя себе никакого спасения, как тогда в раздумье в последнюю ночь, вырвалось у них из самого сердца, последнее:

Милостивый наш Никола,
где бы ты ни был, явись к нам!

А их уж хотели уводить назад в тюрьму.

— Кто такое этот Николай? — остановил царь.

— Николай архиепископ мирликийский!

И опять — как холодом обдало, нет, еще жутче.

— Когда мы были во Фригии по продналогу —, — и осужденные рассказали, как в Мирах архиепископ освободил от казни трех невинно осужденных, — мы это своими собственными глазами видели.

Царь поднялся.

— Вы свободны, — сказал царь, — не я вас помиловал, Николай архиепископ мирликийский! Идите и поблагодарите его.

И взял со стола евангелие — работа московских доброписцев, и два серебряных подсвечника со свечами (ростовской резьбы):

— Передайте ему от меня, и скажите: говорит царь: «я — исполнил!»

А Непотиан, Урзос и Герпилион, ухватя царские дары — теперь они на свободе! — от счастья как обалдели: топочутся в дверях, а выпихнуться не могут —

— Покажите нам выход!

Продовольствие

Голод — это такое, за какой завалящий кусок душу продашь, а нажрался и всё позабыл. О голоде, как и холоде, не вспоминают. И благословенно это забвение, потому что нет большего унижения, как человек — голодный.

В Ликии голодовки не редкость. Своего хлеба никогда не хватало. А если случится неурожай или заминка в торговле, пиши: пропал. И этого всегда можно ждать. И дождались. Больше всего пострадали, конечно, города.

В Мирах ввели хлебные карточки: выдавали хоть немного, а всё-таки хлеб, потом пошел овес, а за овсом яблоки. Но яблоков, не рай Божий, есть мера... Состоятельные люди улизнули в Константинополь и добра, что подымешь, захватили с собой. А средним и бедноте — им бежать некуда. И когда последние яблоки подъели и принялись за дохлятину, стало в Мирах опасно. Пробовали стращать, да голод никаким страхом не возьмешь. И начался разбой среди бела дня. Префект сбежал. Один архиепископ — к нему и потянулись руки и рты.

* * *

Плыли корабли с хлебом из Александрии в Константинополь — —

«Среди ночи, — рассказывал купец, — вижу: входит ко мне в каюту священник и приторговывает у меня хлеб. «Никак, невозможно, говорю, батюшка, везу не на продажу, в казну налог». А он говорит: «Уступите хоть немного, без хлеба народ мучается, нельзя, чтобы так человек мучился, дайте с каждого корабля по сто четвериков, вам не убудет». — «А как хватятся, говорю, на проверке, я в ответе!». — «Нет, говорит, меры вашей не убудет, уж вы мне поверьте!» Я и раздумываю: чего в самом деле, может, как-нибудь и выкрутимся. И, признаюсь, заломил большую цену. Он на всё соглашается. «Так завтрашний день, говорит, мимо Мир поедете, у пристани и остановитесь. И вот вам задаток». И кладет передо мной три золотых монеты. Я со столика деньги сгреб, зажал в кулаке, хочу в карман сунуть и слышу, кричат: «Сергей Иваныч — Сергей Иваныч!» — — Проснулся я и думаю: вот когда нельзя, так и во сне торговлю завел! Да потянувшись, махнул рукой, а из меня на пол деньги — по полу так и покатились. Зажег я свет: чудеса! — на полу три золотых. Меня лихорадка забила. Выполз я из каюты, разбудил нашего бухгалтера и говорю ему, какая история. А он говорит: «раз задаток, дело верное, а насчет прочего уладим». И сейчас же послали к капитану, чтобы обязательно остановился, как у Мир будем. Всю ночь я на палубе просидел, чего-то страшно. Светать стало. И как въехали в Андриакский порт, а там — народу, и такая публика, ну одни скелеты, и вижу: с ними священник, — а это, оказывается, сам архиепископ. «Спасибо, — говорит, — хлебца нам везете!» Глаза наши встретились, и у меня, знаете, руки задрожали. Снял я шапку: «Ваш, говорю, задаток — ваш товар». И со всех пяти кораблей ссыпали им по ста четвериков. Господи, как они обрадовались!».

Все пять кораблей благополучно прибыли в Константинополь, и на проверке хлеб оказался в порядке — весь груз по накладной в казну сдали и благодарность получили за точность.

Налог

В жизни всё так: одно свалишь и живи, ни о чем не думай, а глядь, уж другое напихивается. То забыл, как и не было, а новая напасть — она только и есть в голове! — и какими судьбами, а спасаться надо.

Только что стали поправляться после голода, опять беда: по распоряжению из центра Мирская митрополия была обложена в десять тысяч талантов, а это, если перевести на наш счет, так на строчке не помещается, а на кого падет, тому деваться некуда.

Из Константинополя приехал в Миры главный податной контролер Феофраст: ему, как царскому наместнику, дана была диктаторская власть по сбору налога.

Феофраст, крутой сириец, наводивший страх не только на своих подчиненных и уж, конечно, на податные жертвы, но даже и на самого себя: отдаст какое-нибудь экстренное распоряжение и сам испугается — так всегда оно бьет, и беспощадно. И все Феофраста пуще огня забоялись и думали по простоте, что от него всё зависит, а в действительности сам он больше всех боялся, потому что, если не взыщет полностью налога, ему за всех попадет, и прощай все его старания. И по мере выколачивания налога он не только не смягчался, а лютел: ему чтобы обязательно всё до последнего взять и не промахнуться — всё, что подлежит обложению, обложить и взыскать.

На площади против запустелого храма Артемиды поставлен был трон под балдахином не столько от солнца, сколько от мух, и на этот прохладный трон с утра засядет Феофраст и распоряжается, а вокруг секретари, помощники, агенты и дактило. Состав служащих — мужской персонал — и один зверее другого: если ты налог внесешь, тебе ответят на твое приветствие, если же ты проситель о сбавке или рассрочить, только морду воротят. Сам же Феофраст, если и ответит на предложенный вопрос, то говорил он на таком языке, по-гречески, конечно, но так, — ничего не понять, и только чувствуешь: пошел к чёрту!

Прежний обычай осведомления и вызова плательщиков рассылкой желтых извещений и штрафных зеленых был отменен, как проволо́чка, а прямо рассылались синие: в трехдневный срок ты должен или заплатить налог, или жди, придут описывать. А распределялся налог, как всегда это бывает и всегда

было, неравномерно и бестолково: люди состоятельные платили относительно гораздо меньше средних, а средние меньше бедняков. Приходилось придумывать всякие извороты и пускаться на все тяжкие. Но я не думаю, чтобы кому-нибудь удалось что-нибудь утаить от Феофраста и увильнуть от платежа.

Со стоном и скрежетом несли последнее на площадь, где с утра до позднего вечера сидел царский наместник, главный контролер, диктатор Феофраст. И ведь до чего дошло рвение и фискальный нюх, рыбака Симпева, страстного любителя рыбной ловли, не поймавшего за всю свою рыбацкую жизнь ни одной рыбишки, жившего на волю Божью в такой бедности, что, бывало, на Троицу, когда все за обедней с букетами стоят, в руках у него пучок травы, и этого самого Симпева обложили. И как ни уверяли добрые люди, что Симпев только по страсти, а на самом деле, фиктивный рыбак, всё равно, за эту рыбацкую страсть заставили его внести какую-то долю таланта, что-то франков двадцать. А для рыбака двадцать франков — это куда больше, чем для миллионщика миллион. Как, какими судьбами, а рыбак внес — конечно, не без помощи архиепископа, так все думали, но возможно, что от отчаяния просто стянул у кого на пристани.

Всем было ясно, что если так будет продолжаться, жизни никакой не будет: всякий день только и слышно: того ограбили, там убили, а нищих развелось ни на какую стать, и попадались с протянутой рукой — милостыню собирали на уплату подоходного налога.

Купцы и промышленники жаловались, что обложением затронут капитал и нет обороту, чиновники и служащие говорили, что одеться не во что, до дыр износились, а бедные — жрать нечего.

Жаловались префекту, но префект сам с ног сбился: извольте — и пожары туши, и воров лови, и что он может, раз царский наместник, в руках которого вся власть и все дела? Пошли к архиепископу: нельзя ли как повлиять на контролера? Но архиепископ хорошо понимает, что говорить с Феофрастом без толку: Феофраст, конечно, пообещает сделать всё, что можно, и ничего не сделает, да он и не может сделать — он исполняет царский приказ, и только. Один царь может, и, стало быть, один есть выход: просить царя. Просят архиепископа проехать

в Константинополь и добиться свидания с царем. Архиепископ согласился. Изготовили прошение и за подписанием всего города вручили бумагу архиепископу.

— Ехать в дальний путь передать царю.

В канун Введения вечером приехал архиепископ в Константинополь. И поспел ко всенощной к празднику во Влахернскую церковь.

Влахернская церковь первая после св. Софии: чудотворная икона Божьей Матери — «Царица Света», покровительница и защитница Византии — «взбранной Воеводе», целебный источник, истекающий из рук Богородицы, и мофорий — риза Богородицы.

За всенощной узнали архиепископа, и на акафист он вышел с епископами. «О всепетая мати, родшая всех святых святейшее Слово», — повторялись эти слова с такой надеждой, что и самое неумиренное сердце на мгновение не могло не поверить, что всё пройдет и будет опять хорошо, как прежде, или наступит такое, о чем нет больше мечты. А во время обедни, когда он возгласил «святая святых», видели, как из его уст сверкнуло пламя.

Причастников была полна церковь — всем хотелось принять дары от прославленного чудотворца. И было у всех одно чувство: не от человека причащались, причащал ангел. Долго народ не расходился. И молва неслась по городу.

И когда архиепископ сказал, что хочет видеть царя, ему не пришлось ждать — посланные от царя сами принесли ему в церковь пропуск.

* * *

Константину любопытно было взглянуть на архиепископа мирликийского, о котором столько наслышался он диковинных рассказов, и был очень разочарован, увидев перед собой обыкновенного священника, какого в Константинополе встретишь на каждом шагу, и совсем он не такой грозный, каким однажды явился ему во сне.

Был солнечный день — широкие лучи входили в окно. И от этого нарядного света еще обыкновеннее, серее выглядел архиепископ.

Архиепископ поздоровался с царем. И на вопрос царя, что привело его в Константинополь, ответил: «горе» и полез в кар-

ман за прошением. Мешал плащ, и, чтобы не задерживать, он сбросил с себя плащ и, не видя, куда положить, к великому изумлению царя, повесил на солнечный луч — и плащ повис, как на гвоздике.

— Горе, — повторил архиепископ, — ты защитник и покровитель народов, живущих в твоем государстве, неужели моя родина исключение?

И, подавая бумагу, подписанную всем городом, стал рассказывать о несправедливом налоге и как люди дошли до отчаяния, и рыбака Симпева помянул, не поймавшего за всю свою жизнь ни одной рыбы, а только за свою рыбацкую страсть обложенного Феофрастом, и о Феофрасте, который и сам не рад, что принял такое ответственное, непосильное человеку дело: на законном основании, именем царя обирать народ.

Царь слушал со страхом, смотря не на архиепископа, а на его плащ: плащ качался в воздухе и не падал. И когда архиепископ кончил, царь, подозвав главного нотариуса, велел ему принести золотой царский бланк.

— Сколько же по-вашему следует назначить на Миры?

— Как вдохновит Господь, так и сделай! — сказал архиепископ.

И когда нотариус принес бланк, царь велел ему записать налог в тысячу талантов на Миры Ликийские. И, подписав, передал ордер архиепископу.

Архиепископ вышел от царя, но не во Влахернскую церковь, где его ждали к вечерне, а пошел он на берег моря: там из тростника он вырезал трубочку, запихал в нее ордер и, благословив, бросил в море — плыть в Миры доброю вестью.

* * *

Рыбак Симпев, как всегда, сидел на берегу с удочкой. Все рыбы его знали, рыбы плавали вокруг поплавка, великолепно соображая, что поплавок Симпева, и, хоть с закрытыми глазами плыви, на крючок не заскочишь. Симпев тоже знал всех рыб поименно и, глядя на море, ничего не думал, следил за волной, как идет она, вхлывает в берег и назад катится.

И вдруг в первый раз в жизни дернуло — не хотел верить, на себя подумал, что нечаянно как — но поплавок так заплясал, и удочку потянуло в море, а за удочкой и его самого. Откачнув-

шись, уперся он ногой в камень, как это, видел он, делают заправские рыбаки, и высоко взбросил удочку. И в первый раз, но только это не рыба, за крючок зацепилось — сразу и не разобрать — что-то длинное зеленое — или необыкновенный рак? — и не рак, а просто тростник.

Снял Симпев тростник с крючка и в ведерко, как рыбу, бросил и с добычей гордо пошел к себе в землянку.

А по дороге ребятишки бегут, кричат:

— Симпев рыбу поймал! Покажи, Симпев, рыбу!

Отказать невозможно, остановился Симпев, поставил ведерко, окружили его ребятишки — и как в руки-то взял, и все пальцами стали тыкать — кто говорит: «неправдашный рак», кто «змей»! — из тростника углышек бумажки и показался: потянул Симпев и видит: бумага не простая, царская, с золотыми орлами. И опять ее в трубочку запихал да в ведерко и побежал к префекту.

И до самой префектуры бежали за ним ребятишки:

— Симпев рыбу поймал! Покажи, Симпев, рыбу!

По случаю праздника в префектуре приема не было. Но когда Симпев вынул из ведерка тростник и объяснил дежурному, что, по его соображению, в нем находится, вышел сам префект и из трубочки царский ордер вынул. А прочитав, забыл и о Симпеве, побежал на площадь к Феофрасту.

Феофраст, ознакомившись с бумагой, испугался и не захотел брать — «бумага подложная!» Послали за Симпевом, который сидел в префектуре задержанный, и когда ажаны привели рыбака и он рассказал, как на удочку ему попался тростник и как по кончику узнал он, что это бумага не простая, царская, и сейчас же побежал к префекту, Феофраст велел составить протокол и, зарегистрировав бумагу, положил ее вместе с тростником к себе в портфель.

И почувствовал диктатор, что конец его мытарствам, и за сколько месяцев в неурочный час поднялся с трона и пошел со своими секретарями в бассейн купаться.

И сразу все догадались, что в царской грамоте что-нибудь о налоге — что это архиепископ льготу выхлопотал: иначе с чего бы Феофрасту раскупываться, и даже без лентия, по нашему — без трусиков.

И такое благодушие напало на всех — к удивлению префекта, несмотря на большой праздник, в этот вечер не совершено ни одного убийства и нигде не горит.

* * *

Третий день живет архиепископ в Константинополе. Полюбилась ему Влахернская церковь. Всякий день служит, и с каждым днем всё больше народу: все хотят получить благословение от мирликийского чудотворца.

На третий день к концу обедни пришли звать архиепископа к царю.

Там скандал: министры говорят царю: «Помилуйте, что вы наделали, Мирликийская метрополия самая доходная, и так неизвестно, откуда взять денег!» — и подговаривают царя под благовидным предлогом аннулировать указ, и если сделать льготу, ну сбросить тысячу, но никак не больше. Царь и сам понимает: он тогда очень растерялся, ничего не соображал! — конечно, надо же откуда-нибудь достать деньги. Царь чувствовал себя виноватым, но был уверен, что к архиепископу он сумеет подъехать: бумагу востребует и дело поправит.

И когда пришел архиепископ, царь его усадил рядом с собой, просит вернуть указ: он сделает кое-какие изменения.

— Пустая формальность.

— Но это никак невозможно: третий день указ находится в Мирах.

— Как третий день? — три дня, как я его подписал!

— Проверьте.

Царь велел соединить себя по прямому проводу с Феофрастом. Слышно, как царь спрашивает: «в какой день и час?» Царь очень взволнован: «третий день! удивительно!» Феофраст сообщает подробности. Царь переспрашивает: «Симпев? какого чина?» Феофраст рассказывает о рыбаке. Царь: «никогда в жизни ни одной рыбы?» И после объяснения Феофраста: «тростник сожрал червя, чудак!» — вешает трубку.

Архиепископ во время разговора стоит: над его головой сияет венец.

По знаку царя входят министры — увидя архиепископа, как остолбенели.

— Пусть будет так, как я написал! — говорит царь и, обратясь к архиепископу, просит благословить его, город и весь народ.

И, благословив царя и весь его двор, архиепископ, сопутствуемый народом, вернулся во Влахернскую церковь. И после всенощной в ночь покинул Константинополь.

А в Мирах, несмотря на поздний час, вся площадь была запружена народом — это очередь за получением разницы переплативших налог. И с удочкой стоял в хвосте Симпев и в который раз, самый из всех счастливый, рассказывал, как в первый раз в жизни он поймал рыбу, — непростую, тростник.

Кораблекрушение

«Удивительно, до каких гигантских размеров доходит часто наша досужая фантазия: на днях у Хелидонских островов в Средиземном море случился из ряду выходящий случай...»

Затем следует описание этого случая: кораблекрушение у Хелидонских островов между Ликией и Памфилией в опаснейшем пункте, упоминаемом Лукианом в его «Корабле».

Матросы, застигнутые ночью бурей, и не зная, что делать, впали в отчаяние. Кому-то пришла в голову мысль, наслышавшись чудесных рассказов о мирликийском чудотворце, обратиться к нему за помощью, и начал отчаянно вопить, выкликая его по имени. Вопль заразителен, подхватили товарищи. И вдруг видят: из заливающей волны выходит старик в архиерейской одежде, он говорит им, что явился на их зов, и, ободряя, проходит на корабль. Мгновенно буря затихла и видение скрылось. Корабль, благополучно обогнув острова, наутро прибыл в Мирский порт. Про это все читали в газетах.

* * *

Утром на улицах в Мирах заметили группу матросов. Вид у них был чрезвычайно дикий: растерзанные, с блуждающими глазами, не то пьяные, не то безумные. Их сторонились. Но те, с кем они вступали в разговор, уверяли, что они были только необыкновенно взволнованы. И на расспросы отвечали кратко: «чуть не погибли», сами же спрашивали одно: как им повидать архиепископа, с которым необходимо лично переговорить.

Архиепископ был у ранней обедни, уж звонили к «Достойно», и им посоветовали идти в Собор. Матросы поспешили к Собору, но не вошли в церковь, а стали у дверей в ограде.

Обедня кончалась, пищали дети-причастники, медленно выходили из церкви. И при виде такой банды шарахались, не зная, что и думать. А когда показался архиепископ, матросы, как один, упали ему в ноги. И, поднявшись, тот, выкрикнувший первый имя чудотворца, рассказал о кораблекрушении и благодарил за всех:

— Спас от смерти!

— Вы спаслись от смерти, — сказал архиепископ, и, взглянув пристально: — но есть гибель страшнее, это духовная смерть: исправьте же ваши сердца и очистите помыслы! — и, обратясь к народу и ко всем, с любопытством смотревшим на этих помешанных матросов: — если не станете, как дети, не войдете в царство духа!

Ударение

Память Никейского собора: Символ веры — «Верую» передается из поколения в поколение, заучивается до всяких уроков Закона Божьего и потом повторяется автоматически, как «Отче наш», «Троица» и «Богородица». И еще осталось два имени: Арий и Николай. — Арий, признавая Христа совершеннейшим человеком, отвергал Его божественность, и Николай, утвердивший Христа неразделимо в св. Троице. А про отцов собора, которые там орудовали и составляли деяния, никогда ничего не говорится; словно бы их и не было, а знают одни спецы, да и те спорят.

* *
*

В правоверной Ликии, которой не коснулась ересь, главный интерес не к «Символу веры», а к «действию с Арием»: было ли на самом деле «ударение», или это для наглядности пущено — «из ревности к вере святитель Ария по щеке хлопнул»?

«Полоумный» чтец Кузьма из Каркавы, не вдаваясь ни в какие рассуждения и догадки — ведь появлялись и такие фрукты, которые уверяли, что святителя и на соборе-то не было, не присутствовал! — Кузьма ссылался на Андрея Критского, на то ме-

сто из его Слова, которое послужило основанием для рассказов об оплеухе:

— «Решительной рукой схватив меч веры, — громогласно читал Кузьма, — он нанес Арию удар, до корня вырвав его из сообщества Савеллия».

Какия же еще рассуждения и догадки: ясно, не оплеуха, а «меч веры».

Но против Кузьмы выступил небезызвестный Урс из Патары, переменивший профессию «информатора» на обезьянщика: он был в то время со своей Зузу в Никее и всё видел собственными глазами. Урс, как очевидец, рассказывал с такими подробностями, нельзя было не поверить, и от Кузьмы понемногу отходили.

И уж не находя слушателей, Кузьма в одиночку решительно взывал, повторяя из Слова:

— «Решительной рукой схватив меч веры, он нанес Арию удар, до корня вырвав его из сообщества Савеллия!».

— На святителе помешался! — говорили благочестивые люди, отходя от Кузьмы подальше: не ровен час — звезданет!

Урс же появлялся всюду, и все его слушали. Сначала он свою Зузу пустит:

Il grimpe la nuit,
il grimpe le jou(r)
voici le petit singe
Zou-Zou*.

покрутится обезьянка, повертится, лапочкой сделает приветствие, вспрыгнет на плечо хозяина, пройдет раскорякой и засядет на плече, умная, сидит, смотрит. Тут начинается урсова никейская повесть.

И уж около Урса завязывался спор.

Такие, как «самоубийца» Зинон из Кастелля, которому теперь принадлежали все кастелльские виноградники, именно за этот поступок и уважали святителя: в оплеухе они видели по-

* Она взбирается ночью,
Она взбирается днем,
Вот маленькая обезьяна
Зу-Зу (*фр.*).

хвальный волевой акт — «правило веры» — пример непримиримости и активной борьбы:

— Святитель безо всяких просто треснул мерзавца!

Другие же, как пастух Павел из Кробы, «обтененный демоном», приняли эту оплеуху как факт осудительный, как выражение очень человеческого, свойственного простому человеку: «святитель погорячился».

— Святитель, — говорит Павел, — дерзнул рукой на Ария безумного: святителям не подобает рукою дерзку быть: в законе пишется: не убий! — а он убил рукою Ария треклятого.

Но как те, что шли за Зиноном, так и его противники, шедшие за Павлом, в одном сходились, — это на последствии оплеухи: «святителя посадили в тюрьму и разжаловали!» И это несчастье делало его еще популярнее и еще ближе человеческому сердцу.

Il grimpe la nuit,
il grimpe le jou(r)
voici le petit singe
Zou-Zou.

слышался голос Урса на другом конце, и там собирается толпа.

И после обезьяньих всяких проделок Урс начинает никейскую повесть.

— Движимый божественной ревностью, — рассказывал Урс, — поднялся он и дал такую затрещину Арию, от которой тот весь содрогнулся. И за это сорвали с него омофор и, как нарушителя закона — «ударил в присутствии царя!» — вывели. И бив, бросили в темницу!

Но этого мало, по словам Урса, — видел собственными глазами — ариане с зажженными свечами ворвались в тюрьму и святителю спалили бороду.

— — — — — — — — — — — —

Избитый, с выжженной бородой очнулся Николай в темной крысиной камере старинной башни. Он не чувствовал боли ни от ударов, ни от ожогов, только на сердце саднило: Арий неотступно стоял, и в его умных пытливых глазах светилась гордость и сожаление: «я — человек!»

«Как же он теперь вернется и чему научит?» «Человек есть храм Божий, и дух Божий живет в нем!», — как же это — храм и...?»

И он утерся рукой, как крыса, ошпаренная кипятком, как человек, на которого плюнули, как человек, на которого — которому от себя уйти некуда. Он утерся рукой, боясь раскрыть глаза, пронизанный насквозь непомерной жалостью:

«Господи, что я наделал!».

— — —

И вдруг тихий голубь-свет озарил камеру. И из голуби-света он видит: Христос и Богородица.

И Христос — и судия, и благостный — спросил его:

«Николай, почему ты заключен?».

И Николай ответил Христу:

«Из-за великой любви к Тебе».

И говорит ему Христос:

«Возьми сие!».

И дал ему евангелие.

А Богородица дала ему святительский омофор.

Урс и еще рассказывал, но уж это со слов венецианца Петра Наталибуса, сам он не видел.

«Наутро по повелению императора Константина Николай был освобожден из тюрьмы, и когда простым священником без митры и паллия он служил мессу Богородице, вот на глазах у всех приблизились к нему два ангела, и один возвратил ему митру, другой — паллий».

— А к концу обедни, — добавлял от себя Урс, — борода внезапно опять вся выросла чудесным образом.

— — — — — — — — — — — —

И когда вышел он из церкви, отслужив обедню, народ последовал за ним. Далеко за заставу провожали его. И, благословив, он пошел по дороге один с посохом — странник.

Два дня шел, но не в Миры, другою дорогой. Подойдя к Хонэ — в Хонэ большая святыня храм архангела Михаила и всегда много паломников — видит — на берегу народ: чего-то ждут. Подошел поближе. А ему говорят:

«Переправы, дедушка, нет: река разлилась, очень бурная».

«Пропустите, — говорит, — хоть посмотреть».

«Да ты и близко не подойдешь: с ног собьет».

И всё-таки дали старику дорогу — всё равно, не за хлебом очередь.

А он подошел к самому берегу и, ознаменовав реку, поднял посох и трижды ударил по волне — — — как голуби, воркуя, разбежались волны: одни по, другие против — и открылось дно.

На дне бурно текла вода, а по сторонам две стены: зеленое стекло.

И он первый ступил на дно, — а за ним народ.

И когда все перешли на другой берег, он, снова ознаменовав, трижды ударил посохом:

«Плыви, река, как тебе положено!»

И стены с шумом растаяли, и река пошла.

И весь народ — все видели! — войдя в храм архангела, прославили Архангела, силою которого странник «разделил» воду.

Беспризорные

В жаркое лето, какое бывает только здесь, улицы вечерами пустеют, — все разъехались, кто на море, кто в горы, но, конечно, еще больше просто прячутся после знойного дня в какой-нибудь запыленный, продушенный автомобилем сад или у ворот толчется. Развлечения всегда беднее и музыка что полегче. После заката особенно тяжелый воздух, точно везде одна пекарня и липкие руки.

Архиепископ, незадолго до своей смерти, приехал побывать в родной город.

Вечером — такой вот после зноя! — шел он по набережной к Нотр-Дам. У моста перед ним — неизвестно куда двое детей, и как они шли и глядели, видно было: бродячие и дом их — хорошо еще лето — под мостом.

Архиепископ догнал их: это были совсем маленькие, брат и сестра, ничего толком не понимают. Из расспросов выяснилось: ни отца, ни матери — «отца вообще у них никогда не было», а мать померла.

— Кто же ваша мама?

— Крокодил, — ответили оба.

И это «крокодил» совсем сурьезно, не в смех, а чего-то путали: или это прозвище матери?

— Крокодил!

Дичились, но понемногу привыкли: болтали наперебой и о себе, и о соседях словами улицы, где когда-то жили, непонятными в соседнем квартале.

Так дошли до Нотр-Дам, не отставая.

Архиепископ вошел в собор и твердо по каменным плитам к каменной статуе Богоматери — и дети за ним — —

В соборе никого не было, только Моретто-да-Брешиа, художник из Ломбардии — иностранцам-туристам, им и зной нипочем, всякое лето едут, не здешние! — художник зашел в собор взглянуть.

«— — и я вижу, — рассказывал Моретто, — одной рукой взял он за плечо детей, а другой так — как омофор — к Богородице, и глаза его были полны мольбы, скорбной — куда они денутся? кто защитит? ведь жизнь такая суровая, беспризорно! прожил он жизнь — сколько было! — и теперь возвращает омофор Богородице — — И я видел, как Богородица протянула руку: показывала ли она Младенцу на этих вдруг засмиревших брата и сестру, или им: «никогда я вас не оставлю!» И крупные слезы задрожали в мудрых и скорбных глазах архиепископа — —»

Меч веры

Через семьсот лет после смерти, когда имя Николая призывалось на всех концах земли — Богородица и Никола, вот первые имена! — много чего совершилось на белом свете, а от Мир Ликийских одни развалины, и самое имя Миры живет лишь в имени чудотворца.

* * *

В царствование Алексея Комнена архиепископу барийскому Урсу было видение: явился Николай-чудотворец и объявил, что избирает себе другое место успокоения: не Миры, а у Гарганской горы архангела Михаила город Бари. Урс поехал в Рим и там открылся папе, и папа Урбан благословил перенести мощи из Мир Ликийских в Бари.

Три корабля, нагруженные пшеницей, вышли из Бари в Антиохию.

На кораблях было семьдесят два человека. Но это были вовсе не купцы, и Антиохия совсем ни при чем: моряки — барийские матросы. И во главе священник Луп, а пламенным вдохновителем был шестнадцатилетний юноша — русский из Переяславля — Матвей; он первый поклялся, а за ним и все —

«Без мощей чудотворца они не вернутся в Бари!»

В Антиохии моряки узнали, что прибыли венецианские корабли и на кораблях не настоящие купцы и затея та же: хотят взять мощи и из Мир перевезти на Лидо в Венецию, — ничем не торгуют, а ходят по лавкам, присматривают всякие инструменты. И еще узнали — сами венецианцы проболтались, — что в Мирах полный разгром и все жители убежали в горы, а в Сионском монастыре осталось четыре монаха.

Распродав хлеб и закупив товару, — что ни попало, барийцы отплыли из Антиохии и остановились в Андриаки. В Антиохии они прихватили с собой двух иерусалимских паломников — грека и француза, этих-то безобидных «иностранцев» снарядили в Миры на разведку — и те подтверждают, что так всё и есть, как сказывали в Антиохии венецианцы.

И тогда сорок семь с оружием сошли с кораблей.

Как по пустыне шли они по городу — камень на камне. И монастырь разрушен, только церковь.

На стук шагов выползли четыре старика-монаха: обрадовались — давно никто не бывал на поклонении, запустела дорога, не несут и жертву! — и повели в церковь.

В церкви у мраморной плиты сделано было отверстие, через это отверстие на кисточки монахи собирали ми́ровую влагу, и паломники разносили во все концы земли — «миро от гроба Николая-чудотворца».

Луп расспрашивал монахов, точно ли, где отверстие, покоится тело или в другом месте? И из расспросов монахи поняли, что дело неладно, и, прямо не говоря, стали рассказывать всякие случаи — помянули и императора Василия, который задумал перенести гроб чудотворца в Константинополь:

— Поднять подняли, а никакими силами не могли вынести за двери. Угодник не попустит!

Луп сказал:

— Мы пришли исполнить волю угодника.

И рассказал о видении барийскому архиепископу Урсу. А чтоб миром кончить, предложил по сто солидов от корабля.

Монахи к дверям — и! как мыши. Но оставшиеся караулить за дверями всех переловили и связанных привели назад в церковь.

На колонну поставлен был пузырек с миром, от стука пузырек упал, и, к удивлению, цел — не разбился! И в этом увидели знамение:

— Воля чудотворца непреклонна!

Матвей с револьвером бросился на монаха: или убьет, или пусть тот скажет, где мощи?

— Там, где миро! — сказал монах.

Тогда Матвей взял лом и ударил по мраморной плите. И удар был так крепок — одни мелкие куски, а под ними земля. Начали рыть — и показалось: белый саркофаг. Откопали до половины. Матвей опять за лом и по крышке — и вдруг благоухание наполнило церковь, и там, в Андриаки на кораблях, по вечернему ветру донеслось на корабли: такая была сила мира.

В мире плавали кости. Одну за другой вылавливал Матвей и подавал Лупу. Так все были собраны до последней, не хватало лишь головы. И Матвей вскочил в саркофаг и, выловив, высоко поднял ее над головой.

Теперь всё было. Завернули в полотно — и в бочонок.

Хотели еще взять чудотворную икону, но пришлось отступиться: икона никак не снималась.

Освободили монахов, Луп поднял бочонок на плечи, и сорок семь вышли из церкви и той же дорогой на пристань.

— — — — — — — — — — — — — — —

Под предводительством Иоанна Виталия, сына венецианского дожа Михаила, во главе с ректором-епископом Генрихом, венецианский флот вышел на завоевание Святой Земли.

Рвение их было так велико, они возжглись таким жаром, что раскаленным железом делали себе знамение креста на теле — крестоносцы.

Перезимовав на Родосе, они подошли к Андриаки и отправились в Миры.

Миры лежали пустыней, и в Сионском монастыре встретили их четыре монаха. Монахи подвели их к разрушенному саркофагу:

— Десять лет, — сказали они, — приходили барийцы, взяли часть. Берите остальное.

Но в саркофаге, кроме воды и масла ничего. Монахи обманывали! И тогда ломами стали разбивать плиты и крушить стены — трудились день и ночь.

Один монах под пыткой сказал, что в приделе Иоанна Предтечи под престолом гробница: лежит Николай Акализос, дядя мирликийского, и с ним — монах хотел сказать Артемий — от боли выкрикнул Феодор.

Повернули престол — и под ним есть: стоит саркофаг. А как разбили, видят: три кипарисных гроба — в двух кости, а третий — пустой.

Другой монах показал под пыткой: он ничего не знает, он только заметил, что на Николин день служат не в алтаре, а под чудотворной иконой. И это навело на мысль: поднять помост под иконой.

Вся церковь была завалена разбитыми кусками — пришлось расчищать. И когда под иконой освободили место и подняли плиту, сразу ощутили благоухание.

Копали — и это было очень трудно: под слоем земли оказалась стеклянная крепкая масса, а под стеклом открылся пласт из смолистого вещества, а еще глубже смоленый кипарис.

И когда подняли кипарисовую крышку — там кости: на голове епископский куколь, в руке пальмовая зеленая ветка и на стенке царская печать и высечена надпись:

— Здесь покоится Великий Николай —
славный чудесами
на земле и на море

Три кипарисных гроба вынесли крестоносцы из церкви и по пустынной дороге к своим кораблям.

— — — — — — — — — — — — —

А только что отплыли венецианцы, жалуют в Миры генуэзцы.

Пустыня их встречает. И говорят монахи — четыре монаха:

— Простите, вы опоздали!

И правда: камень на камне — ничего!

И поплыли домой генуэзцы, прихватя что под руку попало: песок, камушки и вереск — чудотворные! — от гроба Мирликийского чудотворца.

* * *

А когда тело его в ми́ровом гробе плыло по морю, светя и освящая море — три черных барийских корабля и три голу-

бых венецианских увозили его на запад в латинские земли, духом он поднялся над землей, и крылатый архангелов свет распахнул ему путь в Господнюю высь.

И поднявшись высоко над землей, благословил ее — она, как темная вода, текла, поблескивая, благословил ее — ее томную долю, которую нельзя так покинуть.

И благословив, спустился на землю.

Он шел на север — и свет архангела крылил за ним.

> Бурная ночь. Когтями вцеплялось море. Перевертывало корабли: заговорила немая — потопит! Покинутые просили о помощи — пощади! И к свету тихо — всё успокоилось. Какая-то птичка — с волны порхнула на руль и с руля на ми́ровый гроб, и всё перелетала — переговаривала: просила ли чего, или славу славила?

По камушкам апостола Андрея, пройдя «мрачную» Киммерию, он вышел на Русь.

В дружине игумена Даниила, как возвращались со Святой Земли домой, как не помянуть: догнал нас по дороге старичок один — седенький в лапотках с посохом. Дорога трудная — и погода замаяла, и половецкие волки по степи рыщут, думали, и до дому не добраться, а он, бывало, в дождь борода мокрая, усы мокрые, а сам чего-нибудь слаживает, огонек ли разводит, сумку ли чинит, только так ртом сделает — воду с усов: «Ничего, — скажет, — други, Бог милостив, добредем!» И так это скажет — и опять всем станет уверенно и тяжесть с плеч:

«Никола — милостивый!»

И о ту пору монах Морис, ирландец, братства св. Петра, ехал из Киева от князя Святополка с дарами в Регенсбург — строить церковь св. Иакова, русская жертва! И нагоняет его какой-то в лесу. Пожалел монах странника, подсадил на подводу — на подводе сложены были дорогие меха. Ночь, ехать опасно — спасибо доброму человеку, вот и не страшно. Разговорились. В Варанжевиль спешит странник: несчастье — крокмитэн-отельщик заманил трех ребятишек, зарезал и кусками, посоля, сложил в кадушку — «семь лет прошло... надо помочь». И когда странник сказал: «поможет» — и что загубленные дети опять будут жить на земле, весенний животворящий свет озарил его. И монах видит — молодой епископ! — и этот свет от доброты и милосердия его слов.

Таким знали в Фарроа, Патаре и Мирах, таким стоит он в Шартрском соборе весь в свете милосердия из согретой добротой души в просящую помощи озябшую душу —

«Saint Nicolas évêque de Myre!» *

А в весенней ночи под гул океана тринадцать всадников, светя звездой, выблескивали из мрака — король Артур и рыцари: им путь через Шартр на Модену к Гарганской горе архангела в Бари.

Милостивый

Шел Христос с Николою.

Много прошли они сел, городов — много видели беды на земле.

А там, по раздолью — полям весенним такие цветы цвели —
красовали Божий мир.

* * *

Шел Христос с Николою по нашей земле.

Из дома в дом заходили странники.

И немало труда поднял Никола — всякому поможет, никому не отказывал! — и оборвался весь, нищ...

Нищими странниками постучались они в избу на ночлег.

Тесно в убогой избе.

Жила в ней солдатка с ребятишками, и хлеба у них не было, была краюшка одна да с горстку муки, а в хозяйстве корова-белуха, да и та без молока.

— У меня и покормить-то вас нечем, и молока нет, всё жду, вот отелится белуха.

— Не кручинься, — сказал Христос, — все будем сыты.

Сели за стол.

Подала хозяйка последнюю краюшку —
и одна краюшка всех насытила.

— Вот, ты говорила, нечем будет накормить, гляди-ка, все сыты, да еще и осталось!

Радовался Никола больше матери и ребятишек сытых.

* Святой епископ Николай из Мира (*фр.*).

Уложила мать ребятишек.
Улеглись и странники.
А сама пошла в закром:
не соберет ли муки на блины — угостить поутру странников?
И откуда что взялось:
было с горстку в ларе,
а тут этакую махотку принесла!
Сделала она раствор. И наутро испекла блинов.
— Вот видишь, и мука есть! — радовался Никола.
А уж как ребятишки-то блинам рады.
Попрощались странники и пошли себе дальше в путь.

* * *

Шел Христос с Николою.
Шли они зеленями — молодым полем зеленым —
как хорошо на земле в Божьем мире!
Гадал Никола о урожае.
Уморились странники и задумали передохнуть малость.
А стояло у дороги большое хозяйство, там же и мельница.
Они на мельницу.

Увидал хозяин, видит — побиральщики, да и ну гнать со двора.

— Лодыри, бродяги! стащут еще чего! — ворчал вдогонку, грозил собаками.

Так и пошли.
Так и пошли, куда повела дорога.

* * *

Шел Христос с Николою по нашей земле.
К вечеру привела их дорога в лес.
На лесной поляне прилегли странники —
и ночь со звездами, такими колыбельными, покрыла их.

По звездам — от звезды к звезде — гадал Никола о нашей земле, думал думу невеселую.

И вот среди ночи прибежал на полянку серый волк, поклонился Христу и просит есть:
третий день ходит голодом.

— Господи, я есть хочу! Господи, я есть хочу!

— Поди, волк, к солдатке, — сказал Христос, — изба ее с краю при дороге. Есть у нея корова-белуха, ту корову ты и съешь.

— Господи милостивый, — вступился Никола, — за что же так? Ведь последнее отнимаешь, а ребятишки-то как заплачут! Господи, Ты вели лучше у мельника попользоваться: и прогнал он нас, и добра у него девать некуда.

— Нет, нельзя так, — сказал Христос, — нет ей талана на сем свете: пусть бедует до времени.

А волк, как услышал повеление, да со всех волчьих ног — за едой.

И Никола поднялся.

Пошел пособрать хворосту, костер разложить:

что-то зябко ему.

Зашел старик за деревья да по следам волчиным бегом за волком. Обогнал волка — волк-то где еще: с голодухи не очень-то прытко побегаешь. И поспел.

Взял Никола белуху солдаткину, вымазал всю грязью и опять поставил.

А сам назад.

Там набрал хворосту. Да только не надо разводить огня —

и так тепло.

— Экая ночка-то теплая!

И задремал старик.

И вот будит Христос:

— Вставай, Никола, в дорогу пора.

Не заставил ждать — легко поднялся Никола.

И на сердце ему, как заря горит:

слава Богу, ни с чем уйдет волк,
и мать не заплачет!

А волк-то и бежит, серый, кланяется.

— Господи, нет у солдатки белухи, а есть черная.

— Так бери черную, — сказал Христос.

* * *

Шел Христос с Николою.

Шли они по утренней заре —

пробуждались цветы полевые и цветики малые,
красовали Божий мир.

А там, на селе, волк добрался до черной белухи, зарезал и ел свою долю. И когда хватилась солдатка, от ее белухи только рожки да ножки остались.

— Бог дал, Бог и взял, Его воля! — приняла несчастная свою горькую долю.

Шли странники в гору.

Шли молча.

Трудно было Николе после краткой ночи —

вела дорога всё в гору.

И когда поднялось солнце и красным огнем ударило в полмира, увидел Никола:

катится им навстречу бочка,

а в бочке — золото.

— Господи, куда это богатство?

— Мельнику, — сказал Христос, — ему это золото.

— Господи, удели хоть горстку той несчастной: без белухи осталась, ребят больно жалко.

— Нет, нельзя, — сказал Христос,— мельнику талан даден на сем свете, и пусть ему будет довольно до время. Так и быть должно.

Прокатилась бочка —

как жар горит на дороге.

Посторонились странники и дальше пошли.

А бочка катилась всё под гору и так до самой мельницы.

Сгреб мельник золото — золото к золоту и не заметишь! — нет, ему мало бочки.

«Кабы десять бочек!» — думал мельник.

И старая забота давила плечи.

* * *

Шел Христос с Николою горой.

Всё в гору, и чем дальше, тем круче гора —

и хоть бы передохнуть часок!

А идут и идут.

На вечерней заре поднялись они высоко — к самой вершине.

— Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.

— Ступай по той тропинке: там колодец, напейся! — сказал Христос.

И пошел Никола, как указал Христос —

едва ноги идут.

И отыскал Никола колодец. Заглянул, чтобы воды достать — а там змеи кишат.

И отшатнулся.

И увидел:

тот самый мельник —
мельник стоял у колодца,
весь изорвался о камни и руки в крови.

«Жажду!» — просил несчастный.

И ничем ему не мог помочь Никола.

Вернулся ко Христу Никола.

— Нет, Господи, там нечистый колодец.

Христос ничего не ответил.

И опять пошли.

Еще выше, еще круче — на еще бóльшую гору.

* * *

Шли они по горе высоко над землею.

Поднялись они до звезд высоко —
и звезды, такие близкие и грозные,
разрезали путь.

— Господи, Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.

— Ступай по этой тропинке: там тебе будет колодец, — сказал Христос.

И пошел Никола, как указал Христос —
падает уж, из последних.

И добрался, отыскал колодец, зачерпнул —
а вода такая свежая да чистая.

И не узнал Никола места:
где камни?
и нет пропастей!

И до того хорошо кругом и свет такой светлый —
такой сад, как рай.

Стал и стоял, любуясь.

И увидел:
мать стоит у колодца, та солдатка,
и такая, как сам он, любуясь.

И до того хорошо кругом и такой свет светлый —
такой сад, как рай.

И вдруг услышал голос:
— Никола, — звал Христос, — что же ты так долго стоишь?
— Господи, как долго? Три минуточки!
— Не три минуты, три года, — сказал Христос.
И они пошли с горы опять на нашу землю.

Судия

Жил-был Савелий-богатый —
богатый человек.
Жил он с женой ладно. И состарились оба.
И до того они были добры и жалостливы к людям —
всех бедных, нищих кормили и поили,
и в долг давали, и назад долгу не требовали.
А казна их не убывала.
И жили они спокойно.
Савелий и говорит старухе:
— Ну, старуха, пригрешили мы у Господа Бога. Кто бьется да старается, у того нет ничего, а мы сиднем сидим и нам всё равно с неба валится.
И просит старик старуху напечь пирожков да насушить сухариков:
пойдет он Николу Угодника разыскивать — пускай Никола рассудит, спросит у Спаса: что им за этот грех выйдет?
Напекла старуха пирожков, насушила сухариков — истолкла сухарики в мучку, насыпала мешок.
Простился Савелий со старухой и пошел искать Николу.

* * *

Мало ли, много ли шел Савелий. Идет он, раздумывает о своей богатой доле, и попадает ему навстречу разбойник.
— Что, старик, где это Савелий-богатый живет?
— А тебе что в нем? — спросил Савелий.
— А иду я, обокрасть хочу богача.
— Я самый и есть! — обрадовался Савелий, вынул ключи, — вот тебе ключи, ступай, сколько хочешь бери, только старуху не тронь.
Взял разбойник ключи.

— Ты-то сам куда пошел?

— Николу ищу. Пусть рассудит — спросит у Спаса: что нам за грех наш выйдет? Кто мучается, бьется — и у того нет ничего, а нам, и раздаем мы казну нашу, а всё равно с неба валится.

Усмехнулся разбойник:

«Рехнулся, мол, старик с сытости!»

И разошлись.

Отошел немного разбойник, раздумался.

«Господи, ведь и мне тоже не только на сем свете жить, а и на том свете!»

И всё припомнил:

сколько он душ погубил, и как ему всё было мало!

Догнал разбойник Савелия.

— Возьмите ключи-то назад!

— Что же не пошел? — опечалился Савелий.

— Возьмите меня с собой! — сказал разбойник.

И пошли они вдвоем искать Николу:

Савелий-богатый да разбойник.

Дошли до деревни. Ночь настигает. Надо ночевать. Постучались в избу.

В избе одна хозяйка.

— Пусти нас, хозяюшка, ночевать!

— Милости просим, ночуйте, только кормить нечем.

— Нам ничего не надо. У нас свое есть. Дай только чашку да ложку да влей водички.

Хозяйка подала чашку и ложку, влила в чашку воды.

Взял Савелий мешок, насыпал сухариков в чашку, помешал-помешал —

чашка полная стала, разбухли сухари.

Поел Савелий, передал разбойнику.

Наелся разбойник.

А чашка не убывает!

Идет хозяин —

Как ступил на порог, затопал ногами и стал жену крошить.

— Это у тебя что за гости? Самим есть нечего, а эти расселись, кормишь!

— Не ругайся, хозяин, это у нас всё свое!

И предложил Савелий хозяину отведать кушанье.

Присел хозяин к столу, поел.

И хозяйка наелась.

— Мы такого и век не едали, — благодарят.

Ну, и разговорились:

откуда и куда странники идут?

Савелий и говорит:

— Вышел я Николу искать. Пусть рассудит — спросит у Спаса: что нам за грех наш будет? Кто мучается, бьется — и у того нет ничего, а нам, и раздаем мы казну нашу, а всё равно с неба валится.

А разбойник говорит:

— А я вот на свете сколько душ погубил, иду спросить: что мне за это будет? Не на сем только свете жить мне, а и на том свете.

Переночевали ночь.

Наутро поднялись в дорогу.

— Возьмите и меня с собой, — просит хозяин, — и мне не на сем только свете жить, а и на том свете. Я во всю мою жизнь никого не напоил, не накормил: всё боялся, что самим не хватит.

И пошли втроем:

Савелий-богатый, да разбойник,

да хозяин.

* * *

Идут и идут —

от часу дорога лучше, и шире, и глаже.

Стоит дом. Подошли к дому —

нигде ему конца нет, такой большой.

Поднялись по лесенке и попали в коридор.

И стоит там старичок седенький, древний старичок.

— Не ты ли, батюшка, Никола Милостивый?

— Я, — говорит, — я. Что вам нужно?

— Спроси у Спаса: что нам за грех наш выйдет? Кто мучается, бьется — и у того нет ничего, а нам, и раздаем мы казну нашу, а всё равно с неба валится.

— А я — разбойник. На этом свете сколько душ загубил. Спроси у Спаса: что мне за это будет?

— А я вот живу на свете и никого не напоил, не накормил. Спроси у Спаса: что мне за это будет?

Никола Угодник и говорит:

— Ночуйте, странники, тут вам будет покой. И отворил дверь по правую руку —

и впустил туда Савелия.

И отворил другую дверь —

и впустил туда разбойника.

И отворил третью дверь —

и впустил туда хозяина.

* * *

Вошел Савелий в комнату.

И до того эта комната убрана: большая, чистая, кровать высокая, подушки пуховые.

Ходит Савелий по комнате.

«Господи, это как царство небесное!».

Походил, походил да и прилег на кровать.

А по стене у кровати, как забор, а в заборе щелка.

Он в эту щелку и смотрит:

а там комната еще лучше убрана.

Вошел разбойник в свою комнату.

Пусто. Одни голые стены. И две доски вместо кровати.

Походил, походил да на дощечки-то и лег —

и как повалились на него с потолка сабли, тесаки, пистолеты, ружья, топоры, ножи.

Всё на него валится и колет.

Всю ночь продрожал.

Вошел хозяин в свою комнату.

У него, как у разбойника, голо.

Лег он на доски. И напала на него жажда, и такой голод —

попадись какое животное, сырьем съел бы!

Вскочил он —

бегает да стены грызет зубами.

Тошно.

* * *

Наутро выпустил Никола Савелия.

— Каково тебе, Савельюшка, было спать?

— Ох, Никола Милостивый! Как царство небесное.

— Это вечное место твое. А рядом — старухе твоей. Ступай с Богом. Будет тебе покой.

Выпустил Никола разбойника.

— Каково тебе было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мне было спать: всю ночь продрожал.

— Как от тебя невинные души тряслись, и умаливали тебя, и упрашивали, а ты их бил, колол, давил. Теперь твой черед. Это место твое.

Выпустил Никола хозяина.

— Каково тебе было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мне было спать: всю стену прогрыз.

— Это за жадность твою: как те, кому ты отказывал, сам будешь мучиться голодом и жаждать. Это место твое.

И отпустил их Никола.

* * *

Пошел разбойник свой грех замаливать.

Не забыть и хозяину голодной ночи! — пошел он к своей хозяйке: не поскупится, поделится с несчастным.

Вернулся Савелий домой.

И зажили по-прежнему старики:

поят и кормят бедноту, взаймы дают
и долгу назад не требуют.

По-прежнему идет народ к Савелию.

Но уж что отдаст, того нет и нет!

Всё роздали:

и хлеб роздали,
скота всего роздали,
всю казну роздали.

И ничего в доме больше нет.

Осталась только краюшка на столе —
только укусить маленько тому и другому.

Перекрестился старик:

— Слава Тебе, Господи, у нас ничего теперь нет.

Перекрестилась старуха:

— Слава Тебе, Господи! Давай, старик, закусим краюшечкой да и пойдем в мир.

Закусили краюшкой, попрощались с домом.

И пошли — —

— — идут старики мимо своего окошка и
слышат в доме плач:
«Ой, кто же это там?»
Заглянули в окно —

А там мертвые два тела лежат. — *Это души их, значит, пошли!* — Оба тела лежат рядышком:

Савелий да старуха его.

А над ними беднота, горемыки.

Чудотворец

Жили-были три брата — купцы Ломтевы. Большую торговлю вели с заморскими королями.

Три каменные дома Ломтевых славились на весь город. А старшего брата дом всех богаче.

И был у него один сын Василий.

Стали братья собираться на ярмарку. И говорит старший брат братьям:

— Возьмите моего сына не для торговли, а для науки.

Братья согласились.

Нагрузил ему отец шесть кораблей драгоценными камнями и благословил в путь для науки.

Приезжают они в королевскую землю.

Привалили на пристань, пошли себе место откупать, а Василий остался на пристани, знай посматривает.

Вот идет старичище, королевский карла.

— Что, молодец, привез?

— Дядья привезли красного товару, а я драгоценного камню шесть кораблей.

— А еще дома есть?

— Есть.

— Предоставь мне еще шесть кораблей. Деньги получишь враз.

Крикнул Василий рабочих — выгрузили товар. Написал карла расписку. Тут вернулись на пристань дядья и хвалят, что хорошо товар запродал, цену хорошую взял.

Стала ярмарка закрываться, поехали они домой.

Отец встречает Василия.

— Что, милой, с накладом или с барышом?

— Не знаю, что выйдет. Предоставь еще, тятенька, шесть кораблей: деньги получишь враз.

И отец его за то похвалил.

И когда подошла пора, нагрузил ему отец еще шесть кораблей драгоценного камню. И поехал Василий в королевскую землю.

Привалили на пристань.

Дядья пошли место себе выторговывать, а Василий остался поджидать покупателя.

Вот идет старичище, королевский карла.

— Что, молодец, исполнил договоренное?

— Исполнил.

Карла поглядел: шесть кораблей — товар тот же.

Крикнул Василий рабочих — выгрузили товары.

Велит ему карла явиться за деньгами.

Вернулись дядья на пристань. Рассказал им Василий о продаже.

— Нате расписку, сходите в такой-то дом, получите. У меня толку не хватит расчитаться.

Взяли они расписку и пошли за расчетом. Вышел к ним старичище.

— Идите, молодцы, за мной. Чем вы желаете получить: медными деньгами, или серебром, или золотом, или — есть у меня еще про вас, коли хотите?

Сидит девица, и так хороша — не столь зарились они на деньги, сколь смотрели на эту девицу. Да так от греха и ушли на пристань.

Ступай, Вася, бери, что знаешь сам.

Пошел Василий.

— Что, молодец, какими деньгами желаешь: медью, золотом, или серебром, или — есть у меня еще про тебя, коли хочешь?

Василий посмотрел на девицу и долго не думал —

вот что ему надо за двенадцать кораблей!

— Имущества с ней не много пойдет, только одна шкатулка, — сказал карла.

— Ничего, у нас казны довольно с отцом. Попрощался Василий с карлой. Взяла девица шкатулку и пошла за ним.

И как вышла она на волю, помолилась —

она как в аду тут была, сызмлада выкраденная!

Увидели дядья, что ведет Василий девицу на пристань, голову потеряли:

хороша-то хороша, да не похвалит отец —

навечно его разорил!

Окончилась ярмарка. Приехали они домой.

Встречает отец Василия:

— Что, милой, с накладом или с барышом?

— Не знаю, тятенька, видно, с накладом: я взял себе жену за двенадцать кораблей.

Отец и ну его таскать.

— Сгинь, — кричит, — с моих глаз, и не ходи ко мне никогда в дом. Куда знаешь, туда и ступай!

И остался Василий на улице с молодой женой.

Ночь переночевали на постоялом дворе.

Наутро жена вынула из шкатулки три златницы.

— Ступай, Василий, купи себе дом.

Василий взял деньги и пошел по городу. И недолго искал купца, нашелся такой.

Повел купец Василия дом смотреть:

дом трехэтажный, каменный.

— Много ли возьмешь?

— А что дашь?

— У меня три златницы.

— Одной довольно, — сказал купец.

— Ну бери две: мой дом!

Расчитался Василий с купцом да скорей за женой — будет им где жить!

А на последнюю златницу купил он вина, выкатил бочку к воротам:

и кто бы ни прошел, ни проехал, всех

зовет справлять новоселье.

Потом пошел к дяде — посулился дядя. Пошел к другому — и другой не отказал.

Пошел к отцу и пал перед ним на колени.

Да слышать ничего не хочет отец — да за волосья, да вон его и выбил на улицу.

* * *

Вернулся Василий в свой новый дом — полон дом народа.

— Что не весел, хозяин? — обступили гости.

А какое ему веселье? Рассказал он про отца: как отец его встретил.

Всем народом пошли к старику за сына просить.

И уломали старика.

Пришел отец — первое место ему, первую чару.

Подарил отец молодым козла,
старший дядя — лошадь,
младший — корову.

И много им набросали серебра — много денег собрал Василий с женой.

Отец простил сына и уж домой не вернулся, а велел запечатать свой дом, сам остался с сыном да с невесткой.

И зажили втроем дружно.

Говорят дядья Василию.

— Вот, племянничек, едем мы на три ярмарки, поедем с нами!

— Да не с чем мне ехать-то.

А жена и говорит:

— Поезжай, Василий: богаче их вернешься.

Василий и согласился.

Тут жена открыла шкатулку, вынула еще златницу и посылает его на рынок купить ей разных шелков. Пошел Василий на рынок, купил жене разных шелков.

В трое суток вышила она три ширинки, законвертила их вроде кирпичиков, подписала подписи.

— В первое королевство приедешь, там крестная моя — королева: подай этот конверт. А в другое королевство приедешь, вот этот конверт подай, там мой крестный — король. А в полунощное царство приедешь, там мой отец и моя мать!

Взял Василий конверт, простился с женой.

— Прощай, царевна!

И без денег поехал с дядиными кораблями.

Приезжают в первое королевство.

Приходят к королю с гостинцами.
дядья свое — всякие материи подносят,
а Василий царевнин конверт.

Развернул король ширинку, а на ширинке подпись к крестной.

Обрадовался король с королевой.

— Где ты нашел ее, нашу крестницу?

— Очень она мне дорого стала: дал за нее я двенадцать кораблей драгоценного камню.

А король и королева на радостях всё бы отдали.

— Жертвую тебе три корабля на отдарки. Нагрузили Василию три корабля драгоценного камню, кончилась ярмарка, и поехали они в другое королевство.

Приходят к королю с гостинцами:

дядья свое,

а Василий царевнин конверт — с ширинкою.

А на ширинке — подпись к крестному.

— Где ты нашел мою крестницу? — удивился король.

— Очень она мне дорого стала: дал за нее я двенадцать кораблей драгоценного камню.

И крестный пожертвовал на радостях три корабля на отдарки.

Нагрузили Василию три корабля драгоценного камню. Кончилась ярмарка, и поехали они в полунощное царство.

Приходят они к царю с гостинцами:

дядья свое — материи всякие,

Василий — царевнин конверт.

И как вывернули конверт, а там ширинка.

А на ширинке подписана подпись царю.

Обрадовался царь.

— Где ты нашел мою милую дочь?

Рассказал Василий о королевском карле:

как в аду жила там царевна.

— Очень она мне дорого стала: дал за нее я двенадцать кораблей драгоценного камню.

— Эка, дорого! Жертвую тебе на отдарок шесть кораблей.

Нагрузили Василию шесть кораблей дагоценного камню, и стало у него всех двенадцать, как было.

Раздумался царь:

да вправду ли Василий нашел его дочь?

И говорит приближенным:

— Как бы так проверить? Нельзя ли мою дочь предоставить сюда?

— Поздно ты хватился, надо было пораньше! — говорят царю приближенные.

А один выискался Кот-и-Лев:

море ему по колено и на догадку горазд.

— Через его именной перстень можно ее скоро достать.

А уж ярмарка кончилась, собрались корабли плыть домой. Царь Котылева послушался, да на пристань, зовет Василия: просит остаться еще на денек.

— Милой зять, попируй со мной суточки, я тебя отправлю потом.

Поплыли домой корабли, а Василий остался у царя пировать.

На пиру ему подлили сонные капли:

как выпил, и уснул крепко.

С сонного сняли с него именной перстень. С этим перстнем и поехал царский посол в Ломтев-город за царской дочерью.

Много ль спал Василий, проснулся и скорее на свои корабли догонять дядьей.

А посол приехал в их город, разыскал старика Ломтева и прямо к царевне.

Узнала царевна мужнин перстень, поверила и сейчас же отправилась в полунощное царство к отцу.

Нагнал Василий корабли дядьей. И приехали вместе.

На пристани встречает отец:

— Что сынок, с накладом или с барышом?

— Вот тебе, тятенька, радость: получил я двенадцать кораблей драгоценного камню, бери их себе!

Обрадовался отец:

все двенадцать кораблей вернул ему сын!

— А где же жена? — спрашивает Василий.

— Да ведь ты же ее по своему перстню вызвал к отцу!

Тут хватился Василий, а перстня-то нет.

Затужил он, не пошел и домой, пошел он на край моря, куда глаза глядят.

* * *

Идет Василий на край моря и день, и другой, и третий, — не три дня — три года.

И показался ему старичок.

— Что, Василий, идешь и плачешь, о чем больно тужишь?

Посмотрел Василий на старика.

— Ой, Никола милостивый, как не тужить мне: жену потерял. Мне на нее хоть бы глазком поглядеть!

— Увидишь, — сказал Никола.

Подал Никола ему топор, велел рубить дуб.

Срубил Василий дуб.

Изладил Никола из листьев и веток ковер-самолет, из верхушки сделал самогудную скрипку. Дал скрипку Василию в руки.

Оба стали на ковер-самолет.

— Играй на верхние лады! — сказал Никола.

Заиграл Василий на верхних ладах —
и они полетели.

Высоко летели над морем.

— Дедушка, не шире бараньей кожуры мне кажется море! — удивлялся Василий.

— Ну, играй теперь на нижние лады.

Заиграл Василий на нижних ладах —
сел ковер-самолет у царского сада.

— Слушай, Василий, — сказал Никола, — жена твоя выходит замуж за королевского сына. Последние минуты. Выйдет она сейчас в сад, веди ее сюда. Только знай: тут есть беседка, в беседке скамейка, не садись на скамейку, уснешь — не увидишь.

Василий ходил-ходил по саду, а ее всё нет.

Вошел в беседку, забылся и сел на скамейку.

И уснул.

Вот вышла царевна на прогулку, заглянула в беседку — что за человек? — подошла поближе и узнала. Вспомнила царевна старопрежнее, любовь свою, обрадовалась. Но сколько его ни будила, никак не могла разбудить.

Так и ушла.

Проснулся Василий да скорей из беседки.

— Дедушка, родимый, что я наделал!

— Долгое время она тебя будила, — сказал Никола, — еще раз она выйдет на прогулку, карауль, не проспи!

И опять Василий ходит по саду, а ее всё нет, — зашел он в беседку, сел на скамейку.

И уснул.

И опять вышла царевна в сад и прямо в беседку. И долго будила. И будит и плачет.

— Ты больше меня никогда не увидишь.

А он спит.

Поплакала царевна и ушла домой.

Проснулся Василий, хватился, да поздно.

— Ну, дедушка, я сам пойду за ней.

Никола дал ему ковер-самолет и самогудную скрипку.

— Попросись у царя поиграть, — сказал Никола.

С дарами Николы вошел Василий в царские палаты.

Там пир, свадьбу играют — выдают царевну за королевского сына.

Поздоровался Василий с царем — не узнал его царь! — просит Василий поиграть в свою музыку. Царь дозволил.

Разостлал Василий ковер-самолет, взял в руки скрипку, стал на ковер.

— Ваше царское величество, велите отворить окна и двери: моя музыка громко играет.

Растворили окна и двери.

И заиграл Василий в самогудную скрипку —
всплакались самогудные струны.

Подбежала к нему царевна — захотелось ей поцеловать его — подбежала царевна, стала на ковер-самолет.

— Держись за меня крепче! — шепнул ей Василий.

И заиграл высоко на верхних ладах.

Тогда поднялся на воздух ковер и, всё равно как метлячок полевой, вылетел на волю.

Забили тревогу:
кто из ружья,
кто из пушки —
метят, целят, палят —

Гром гремит от пальбы, а достигнуть не могут: высоко!

Залетел Василий с царевной высотою высоко —
море под ними не шире бараньей кожуры.

«Кабы нам сюда дедушку!» — вспомнил Василий.

— Играй теперь на нижние лады! — услышал Василий.

А Никола-то с ними:
он и на пиру у царя с ним невидимо был.

Заиграл Василий на нижних ладах —
стали спускаться на землю.

— Ступайте теперь домой, — сказал Никола и дал Василию тайно кремень и огниво: — чиркни трижды, и будет помощь! Да смотри, про кремень и плашку никому не сказывай.

Попрощался Василий с Николой, повел царевну домой.

Обрадовался отец сыну, а пуще того, что с женой вернулся.

А там у царя всё разладилось.

Королевский сын, делать нечего, уехал в свое королевство.

Опять потерял царь любимую дочь.

И собрал царь своих приближенных, говорит им:

— Не Василий ли хитник? не он ли увез царевну?

Говорят царю приближенные:

— Должно, что он, Василий Ломтев, некому больше.

Тут выискался опять Кот-и-Лев и надоумил царя:
самому царю ехать немедля в Ломтев-город
и испытать дело.

Послушал царь Котылева и на семи кораблях поплыл за царевной.

Побежал народ на пристань встречать царя.

А Василий запряг карету, встретил тестя и привез его в свой дом.

Обрадовался царь, что нашел дочь. И пировал царь у зятя.

А после пира зовет его к себе на житье.

Согласился Василий, попрощался с отцом.

— Когда в живности меня не будет, отпусти ты мою скотину на волю: моего козла, коня и корову.

Пообещал отец исполнить волю, проводил сына.

И вернулся царь в полунощное царство, а с ним царевна и Василий.

И завел царь пир на весь мир.

* * *

Узнал королевич, что невеста его за Ломтевым, обидно стало:
собрал он большую силу и пошел войной на полунощное царство с царем воевать.

У царя силы тоже не мало, да снарядов нету:
какие были пули, все тогда расстреляли
по ковру-самолету.

Выехал царь с Василием в луга —
застлала королевская сила луга.
Говорит царь Василию:
— Что, милой сын, на что нам надеяться?
— Я на Бога надеюсь, на Николу милостивого! — сказал Василий.
Вынул Василий кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз — —
и выскочили три ухореза.
— Что нас покликал, на какие работы!
— Секите силу безостаточно! — приказал Василий.
И не больше часу дело продлилось —
ничего не осталось от королевской силы.
— Ну, зять, стоишь ты звания! — похвалил царь Василия.
Вернулись они во дворец.
Истопила царевна баню.
— Милая ладушка, чем ты орудуешь? — стала она пытать у Василия.
— Я на Бога надеюсь, на Николу милостивого! — отвечал ей Василий.
Ночь прошла.
Наутро смотрит царь в окно: черно, все луга застланы —
еще бо́льшую силу за ночь пригнал королевич.
И опять выехал царь с Василием в луга.
— Что, милой сын, на что нам надеяться?
— Я на Бога надеюсь, на Николу милостивого! — сказал Василий.
Вынул Василий кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз — —
и выскочили три ухореза.
— Что нас покликал, на какие работы!
— Секите силу безостаточно! — приказал Василий.
И решили силу за два часа.
Вернулся царь во дворец с Василием.
Истопила царевна баню.
— Милая ладушка, чем ты орудуешь? — стала она пытать у Василия.
— Я на Бога надеюсь, на Николу милостивого, — отвечал ей Василий.

А царевна ну ластиться:

— Скажи да скажи про ухорезов: откуда такие, ухорезы?

Василий ей всё и сказал.

— Есть у меня кремень и плашка, я ими и действую, — открыл тайну Василий.

После ласковой бани сладко спится —

крепко заснул Василий.

Осталась царевна одна и раздумалась:

жалко ей королевича, погубит Василий всю его силу, и его самого погубит!

Да долго не думая, и вытащила из кармана у Василия кремень и огниво. И приказала взять в лавке такой же кремень и огниво: те спрятала, а эти положила на место.

А Василий спит, ничего-то не знает.

Наутро смотрит царь в окно:

есть в лугах королевская сила, да не такая уж, больше старые да малые.

И в третий раз поехал царь в луга с Василием.

И говорит Василий царю:

— У королевича силы не больно много. Хоть и немного, да сердце у меня сегодня слышит: едва ли мне сегодня живу быть.

И вынул Василий кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз — —

а нет никого.

Нет никого, нет ухорезов.

— Ну, батюшка, поезжай домой, а мне конец! — сказал Василий.

Тогда подбежала королевская сила — старые и малые — и иссекли его на мелкие куски:

собрали куски, зарыли и столб поставили.

А королевич вошел во дворец, взял царевну и увез ее в свое королевство.

Заревела скотина Васильева:

козел,

конь,

корова.

И не может отец ее никаким кормом уважить: всё ревет.

И догадался старик:

«Неужели сына нет в живности!»

И выпустил их на волю.

И пустились они, кто как мог, и прямо на побоище — к кровавому столбу.

Говорит буренушка:

— Козел Козлович, вырывайте! И ты, лошадушка, вырывайте! А я помчусь за живой водой.

Трое суток трудились козел и конь —
отрыли все куски и кусочки,
и собрали всё вместе:
как есть человек.

Примчалась буренушка, фырскнула из левой ноздри —
и куски срослись.

Фырскнула из правой ноздри —
и Василий стал.

Помянул он отца, что не забыл обещание, и скотине спасибо.

— Ну, родимая скотинушка, ты ступай к моему родителю, а мне идти некуда!

И побежали на радостях домой:
козел,
конь,
корова.

А он на край моря пошел, куда глаза глядят.

* * *

Идет Василий край моря и день, и другой, и третий — не три дня, три года.

И показался ему старичок.

— Что, Василий, победствовал?

— Ой, Никола милостивый, мне теперь ее вовек не видать!

— Увидишь, — сказал Никола и дал ему ягоду: — на чего тебе подумается, тем ты и сделаешься. —

Василий съел ягоду, подумал на воробья —
воробьем и сделался.

Воробьем и полетел — и прямо полетел в заморское королевство к королевичу.

Там ударился о землю —
и сделался опять молодцом.

Идет Василий по городу мимо королевского дворца —
мимо окошка царевны.

Царевна в окне сидит.
Признала Василия —
схоронилась в окне.

И пошел Василий из дворца на край города.

Там жила старуха, на краю города, нищая. К ней и зашел Василий.

— Откудова? Какой молодец ты! — поздоровалась старуха.

— Очень, бабушка, я дальний, — осмотрелся Василий, — а бедно ты живешь!

— По миру хожу.

— Я тебя сделаю богатой. Сослужи мне службу. Пойдем вместе на улицу, там я обернусь жеребцом, а ты меня веди на базар продавать и возьми за меня сто рублей. Сам королевич меня купит. Только уздечку не продавай, себе оставь. Купит меня королевич — заколет меня. И когда меня будут колоть, возьми ведро, стань с ведром под гортанью — хлынет кровь прямо в ведро, и посей эту кровь перед дворцом — вырастет сад. А когда станут рубить этот сад, возьми с земли первую щепку и кинь ее в море.

Вышел Василий со старухой на улицу —
и стал жеребцом.

И повела старуха жеребца на базар.

Едет королевич.

— Стой, старуха, продай жеребца.

Старуха продала жеребца, получила сто рублей и, богатая, пошла домой.

А царевна всё знает:
догадалась, что за жеребец.

— Если ты его не заколешь, ты меня не увидишь! — говорит королевичу.

И как ни жаль королевичу, велел заколоть жеребца.

Вывели жеребца на площадь перед дворцом —
свалили колоть.

Услыхала старуха, вспомнила и пошла с ведром на площадь.

Поставила ведро коню под горло.

— Что вы делаете, жеребца такого колоть? — жалко стало старухе коня.

— Хозяева приказали, так что нам! — отвечали работники.

Да как резанут его по горлу, кровь так и хлынула —

и прямо в ведро.

Старуха набрала полно ведро — и рассеяла кровь перед дворцом.

Поутру смотрит королевич —

а около дворца сад.

А царевна всё знает:

догадалась, какой это сад.

— Сад если ты не вырубишь, меня не увидишь! — сказала она королевичу.

— Коня мне жалко, а сада еще жальче: сад больно хорош! — говорит королевич.

А она стоит на своем:

— Если не вырубишь, меня не увидишь!

И покорился ей королевич — велел вырубить сад.

Услыхала старуха, вспомнила, потащилась на рубку.

— Что вы тут с топорами пришли, — говорит работникам, — такой чудесный сад?

— Хозяева приказали, так что нам!

И как стали рубить —

из первого дерева вылетела щепка наодаль — —

Старуха подняла щепку—

и кинула ее в море.

И стал из щепы селезень — всякое перышко в серебре.

Плавал селезень по морю.

Выходит народ к берегу, смотреть на диковинку.

А царевна всё знает:

догадалась, что за селезень.

— Застрели, — кричит королевичу, — застрели селезня, а не то не увидишь меня никогда!

Вот и вышел королевич в море и увидел селезня.

А селезень к краю плывет, покрякивает.

И захотелось королевичу так поймать, живьем:

снял он с себя всё, вошел в воду и ну селезня руками ловить.

А селезень ныряет от него — и к нему:

манит в глубь.

Королевич и стал тонуть.

Селезень вспорхнул на берег —

и сделался молодцом.

Вынул Василий из королевского платья кремень и огниво, чиркнул раз и два — до трех раз —

и выскочили три ухореза.

— Что нас покликал, на какия работы?

— Сожгите весь город, только оставьте дворец да избушку старухину! — приказал Василий.

И подожгли ухорезы —

у! загорелось!

С берега смотрел Василий на огненное царство.

И показался ему старичок:

шел старик к огню — вел царевну через огонь.

— Ой, Никола милостивый! — взмолился Василий.

А старичок подвел к нему царевну.

И огонь погас.

И благословил их Никола милостивый чудотворец на новую жизнь —

жить верно в любви.

Василий с царевной вернулся в полунощное царство, и стали они жить и быть.

И по смерти царя наступил Василий Ломтев в полунощном царстве царем.

Верный

Жили-были два брата:

один брат богатый,

другой — голый.

У бедного нечего есть, а ребят много. Приходит бедный к богатому.

— Дай мне на пудик: дети голодом сидят.

Тот ему не дал.

Дома хозяйка ждет, ребятишки.

— Ну, что?

— Нет, не дал. Ложитесь, детушки, голодом.

Плохо бедному, и не с голода, с тоски нездоров сделался, полежал немного времени и помер.

Приходит жена его к богатому.

— Помер братец твой. Дай мне на похороны рублика полтора! — со слезами просит.

А хозяйка богатого брата услышала.

— Дай, дай, — говорит, — ты беден не будешь, похорони брата.

Тот не дает.

И опять просит:

— Дай, пожалуйста, вот Никола Угодник свидетель! — на икону показывает.

Тот дал на похороны.

* * *

Везти покойника на кладбище было мимо города.

Едет богатый брат, лошаденку подхлестывает —

раз хлестнет, да Николе Угоднику пеняет:

— Ты вот ручаешься за этих людей, а чего я с них возьму?

Сидел в лавке молодой купеческий сын, слышит, и жалко ему, выскочил из лавки.

— Постой, — говорит, — дай проститься с покойником.

Простился и стал расспрашивать у богатого:

чего он такой,

что думает?

— Да вот я дал на похороны, и деньги мои, видно, пропащие, а поручился Никола Угодник за них.

Купеческий сын вынул деньги, рассчитал его.

— Не считай за братом долгу!

И просит отдать ему икону Николы Угодника.

А тому, почему не отдать!

Взял купеческий сын икону и поставил к себе в лавку — Николу Угодника.

А как стал вечер, запер лавку и домой.

* * *

Дома встречает мать.

— Что, каково сегодня поторговал, дитятко?

— А хорошо, маменька, я поторговал. Я икону купил, маменька.

— А какую ты, дитятко, икону купил?

— Купил я Николу Угодника.

— А где ты купил?

— А везли покойника, выбежал я проститься и купил.

— Дорого ль?

— За похороны отдал.

— Ну, дитятко, это доброе дело. Слава Тебе, Господи, хорошо поторговал.

Легли спать.

И видится матери сон:

> «Возьмите вы, — говорит, — приказчика, у тебя сын не в полных летах, он его наставит в торговле. Вы выйдете на улицу: кто попадет первый человек навстречу, тот и будет приказчиком. Вы будете счастливы!»

Утром мать рассказала сыну.

Помолился он Богу и вышел на улицу. И никто не попался ему навстречу.

Уж от дома отошел порядочно, и вдруг идет — —

— Здорово, дедушка!

— Здорово, милый вьюныш.

— Дедушка, не можешь ли мне послужить!

— Где, сынок?

— Да вот по торговой части. Я еще глупый, ты меня наставь.

Старичок послушал, вернулись они в дом, заходят в избу.

Увидала мать.

— Слава Богу, нашел себе товарища! Дедушка, я тебе помолюсь, как Богу, наставь моего сына уму-разуму.

— Я взяться возьмусь, только меня слушай: что я велю, то и делай.

Мать на всё согласна.

И остался старичок с ними жить в доме.

* * *

Поутру, чуть свет, будит старик Ивана.

— Вставай, сынок, пора идти в лавку торговать. Торговые люди долго не спят. Ишь разоспался!

Поднялся Иван, и пошли.

Осмотрел старик лавку.

— У вас благодать какая, можно торговать. Подпишите под меня всё теперь — я полный хозяин.

Иван подписал.

И день торговали хорошо.

Вернулись вечером домой. Собрала мать ужин. Сидят втроем, ужинают.

Приходит большой ее брат.

— Зачем пришел, братец?

— Да вот в Заморье король требует.

— Зачем же он вас требует?

— А потому, что он нам должен. Мы вместе жили, сколько кораблей товару продавали ему.

— А когда думаешь отправляться? — спросил старик.

— А у меня всё готово и корабль готовый, только отправляться!

Простился с сестрой, простился с племянником и со стариком, приказчиком их.

Остались одни, Иван и говорит:

— А мы когда, дедушка?

— Поспеем.

И легли спать.

* * *

Чуть свет, будит старик Ивана:

— Вставай, сынок, нам надо идти на корабельную пристань, корабль выбирать.

Поднялся Иван, пошли они на корабельную пристань.

Долго ходили и выбирали корабль:

сколько лет стоял этот корабль, не ломился.

— Нам такой в самый раз: мне, старику, и сынку молодому.

И сейчас на корабль заходят.

— Дедушка, как мы поедем, нельзя пробраться!

— Проберемся.

Заволновалась корабельная пристань — и сделался им ход.

Удивились корабельщики.

— Чтой-то у нас, живучи, никогда не бывало!

Привалили они к бережку, оприколили корабль.

— Молись, сынок, Богу, счастливы будем.

— Наш дядюшка теперь далеко идет!

— Молись Богу, и мы выйдем.

К ночи вернулись они домой.

Встречает их мать.

— Что, купили кораблик?

— Купили.

— Слава Богу, — взмолилась она к Богу, — нашли!

— Когда же, дедушка, будем отправляться?

— А будем отправляться завтра.

Дождались они дня — и на пристань, сели на корабль, простились с матерью.

— Господа корабельщики, дайте ход!

— Ступай с Богом, дедушка, дорога готова.

И выехали они на море и пошли морем.

* * *

Шел корабль честно.

Едут они сутки, и другие, и третьи.

— Погляди, сынок, в подзорную трубку, что не видать ли?

Посмотрел Иван и увидел:

чернеет.

Проехали еще. И опять посмотрел.

— Дедушка, дядюшка наш идет!

— Ну, теперь поедем вместе.

А и на корабле у дяди увидели корабль.

— Едет племянник, и флаг их развевается! — узнал дядя.

И догнали и поехали вместе.

Вот им изладилось ехать мимо города недалеко.

— Дедушка, нам надо заехать в город, купить королю подарки, — говорит дядя.

— Ладно.

— Мы без этого никогда не являемся, всегда подарки покупаем.

Остановились у города.

Накупил дядя подарков, упаси Боже сколько.

— Дедушка, а мы что повезем?

— Чего повезем? Что повезем, то и ладно.

— А как же мы поедем, купить надо что.

— Ну, да ладно, и так доедем.

И велел дяде впереди плыть.

Отъехал дядя — они за ним следом.

Подъехали к горе, взял старичок железную тростку.

— На, сынок, рой в горе.

Иван ткнул —

и повалились каменья в корабль.

— Теперь, сынок, будет с нас.

И опять поехали. И скоро достигли королевского города.

Поглядел Иван в подзорную трубку.

— Вот и дядюшкин корабль, а нам нету места, негде стать.

— Ну, да станем.

И раздвинулась корабельная пристань.

— Потихоньку-потихоньку! — закричали корабельщики.

* *
*

Так и вошли и стали рядом с кораблем дяди.

Пора было заявить, что такие-то купцы явились; пора было идти к королю с подарками.

Дядя забрал свои подарки и пошел.

— Дедушка, а мы-то с чем пойдем?

— А поди, сынок, купи две хлебные чашки, что хлебы валяют.

Иван пошел на базар, купил две чашки.

— Ладны ли, дедушка?

— Ладны, ладны! умел выбрать.

И набрал камушков чашку, другой закрыл.

— На, сынок, понеси королю подарки.

— Что ты, дедушка, какие это королю подарки?

И стыдно ему с этими чашками и каменьем, да и ослушаться не смеет, — и пошел.

Приходит к королевскому дворцу.

— Чего ты несешь?

— Подарки королю.

— А что ты, какие это подарки королю! Он тебя выгонит.

— Не ваше дело.

И пропустили его. Доложили королю.

Король выходит, на него смотрит.

— Извольте от меня принять подарки!

И подает королю чашку.

И как раскрыл король чашку, так в горнице и осияло.

Очень обрадовался король, и королева.

И в назначенное число рассчитал король Ивана и его дядю и отпустили на корабль с миром.

* *
*

А была у короля дочь —
сколько годов в расслаблении лежала!

И была перенесена она в церковь, как неживая.
И объявляет король:
— Кто будет ночью мою дочь караулить, я того человека награжу. А выздоровеет, отдам в замужество за того человека.
Услышал Иван и говорит:
— Дедушка, я пойду караулить.
— Ой, ты, ну куда лезешь.
— Нет, дедушка, пойду.
— Ну, ладно, Бог помилует! Нá уголек, очертись, очерти и ее, да купи куль груши и возьми с собою в церковь.
И еще дал старик книгу:
читать Святырь до последнего псалма
и, что бы ни было, не давать ответу.
Купил Иван куль груши и к ночи отправился в церковь.
Рассыпал по церкви грушу, очертился, очертил королевну и стал читать Святырь.

* * *

В самую полночь вдруг выходит —
«От нашего короля обед сегодня нам!»
И слышит Иван:
начали собирать грушу, хряпают —
и скоро всю подобрали.
И увидел Иван:
огоньки, ровно свечи, по всей церкви.
И сделался шум, вереск —
Кричат:
«Ой, есть нечего, давайте съедим их!»
И увидел Иван в огоньках козлые рожи —
а сам всё читает.
Буквы, как огоньки мелькали —
а он всё читает.
И дошел до последнего слова.
— Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже!
И закрыл книгу.
Тут петушки спели —
и их не стало.
— Ну, теперь, королевна, вставай!

Поднял ее за руки, поставил.
И стали оба Богу молиться.
— — — — — ——
Ключи забрякали — двери отпирают:
сторожа пришли.
Сторожа пришли и видят:
живы! стоят, оба Богу молятся.
— Идите, скажите королю: дочь здорова, на ногах стоит!

* * *

Бегут сторожа к королю:
— Дочь здорова! на ногах стоит!
Обрадовался король, и королева.
Велел король запрягать коней самых лучших:
везти дочь во дворец да Ивана.
И привезли их.
Вошли они в горницу, Богу помолились.

— Ну, теперь, — говорит король, — ты ее освободил, я позволю на ней жениться. И ты уж не Иван, купеческий сын, а королевич!

И повенчался Иван-королевич на королевне.

И стал пировать. Тут только и вспомнил:

— Ой, у меня на корабле есть дедушка — доверенный приказчик, и дядя!

Ну, сейчас же поехали за ними, подхватили под ручки да в карету, и привезли во дворец —
за гостей почитать будут.

— Эх, Иван-королевич, позабыл ты дедушку! Повенчался на королевне! — пенял старик Ивану.

Да делать нечего, не воротишь.

* * *

Трое суток пировали.

— Иван-королевич, хорошо гостить, да время отправляться.

— Когда будем, дедушка, отправляться?

— Да на завтрашний день.

И назавтра велел король сказать на корабельной пристани, чтобы простору им было.

Удивляются корабельщики.

— Был Иван купеческий сын, а стал Иван-королевич!

Вышли они на белые дворы, сели в кареты.

Музыка впереди и войско. Приехали на пристань, вошли на корабль. Простились с тестем.

Дядю вперед отправили.

Сел старик на руль, Иван-королевич стал на нос — и поехали.

* * *

Шел корабль честно.

На корабле войско и музыка.

— Иван-королевич, посмотри в подзорную трубку.

Посмотрел Иван-королевич.

— Дедушка, недалеко что-то чернеет. Дедушка, остров!

— Ну, слава Богу, можно погулять и войско покормить.

Пристали они к острову.

Приказал старик наносить дров и дрова сжечь.

Разгорелись дрова на мелкий уголек —
сильный жар стал.

Взял старик королевну да в огонь —
и сжег.

И не стало королевны.

Один остался Иван-королевич.

— Что же ты, Иван-королевич, запечалился?

— Да как же, дедушка!

— Не печалься, подождем немного!

Сам дунул в пепел —
и на две грудки он сделался.

— Можешь ли ты отгадать: какой пепел от дров, какой от человека?

Иван-королевич посмотрел — и узнал.

— Вот этот.

— Ну, молодец!

Взял старик пепел в руку, кинул его в воду —
пепел расплылся по воде.

И здрава выскочила королевна из воды.

— Что, королевна, чувствуешь ли теперь что?

— Да ничего, дедушка, я жива и здорова.

— Молитесь Богу, ты — королевич, ты — королевна.

И благословил их старик.

Сели на корабль и дальше в путь.

* * *

Корабль бежит, и сердце радуется.

— Иван-королевич, посмотри в подзорную трубку, не увидишь ли что?

Посмотрел Иван-королевич.

— Мне, дедушка, показывается что-то — чернеет что-то.

Вот ближе и ближе.

— Ой, дедушка, наш город!

— Ну, слава Богу, домой попали.

Вышел воинский начальник встречать их с войском, с музыкой.

Сошли с корабля.

Королевич и королевна, старичок, а за ними войско.

— Иван-королевич, спросите, что, мать жива ли? Дом цел ли?

И сейчас распознали:

старуха жива,
а там всё крапива и дома нет!

И выстроили новый дом-дворец — жить да поживать.

Простился старичок, благословил и пошел —

Никола Угодник верный.

А они и теперь живут.

Свеча воровская

Жил-был один человек, а время было трудное, вот он и задумал себе промыслить добра, да недобрым делом.

Что у кого плохо лежит, — не обойдет, припрячет, а то накупит дряни какой, выйдет купцом на базар и так заговорит, так выкрутит, совсем тебя с толку собьет и втридорога будет, — одно слово: вор.

И всякий раз, дело свое обделав, Николе свечку несет.

Понаставил он в церкви свечей, только его свечи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердию своему первый он человек и в делах его Никола ему помощник.

Да и сам Ипат уверился, что никто, как Никола.

* * *

И однажды хапнул он у соседа да скорей наутек для безопаски. А там, как на грех, хватились да по следам за ним вдогонку.

Бежал Ипат, бежал, выбежал за село, бежит по дороге — вот-вот настигнут! — и попадает ему навстречу старичок, так, нищий старик, побиральщик.

— Куда бежишь, Ипат?

— Ой, дедушка, выручи! Не дай пропасть, схорони: настигнут, живу не бывать.

— А ложись, — говорит старик, — вона в ту канавку.

Ипат — в канаву. А там — дохлая лошадь.

Он под лошадь, в брюхо-то ей и закопался.

Бегут по дороге люди и прямо по воровскому следу. А никому и невдомек, да и мудрено догадаться:

канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то разнесло, что гора.

Так и пробежали.

Ипат и вышел.

И старичок тут же на дороге стоит.

— Что, Ипат, хорошо тебе было в сырости-то лежать?

— Ой, дедушка, хорошо, — чуть не захлебнулся!

— Ну, вот, видишь, захлебнулся! — сказал старик и стал такой строгий, — а мне, как думаешь, от твоих свечей слаще? Да свечи твои, слышишь, мне, как эта падаль!

И пошел такой строгий.

Каленые червонцы

Шел мужик лошадь продавать и хвалился:

— Кого хошь обдую: и умника, и простого, и святого, кого хошь.

И только это сказал, а ему старичок навстречу.

— Продай лошадку-то!

Посмотрел на него Кузьма: так, старик не из годящих и разговаривать-то с таким, — время тратить.

— Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что ты, креста на тебе что ли нет? Конь-то твой был конь, да съезжен, десятки не стоит.

— Ну, и проваливай, — огрызнулся Кузьма, — не по тебе цена, не для тебя и конь!

И пошел.

И старик пошел, ничего не сказал, да остановился, что-то подумал. И уж догоняет.

— Уступи.

А тот молчит.

— Уступи хоть сколько! — просит старик, не отстает.

И вот-вот двинет его Кузьма: надоело.

— Ну, ладно, коли уж так надо, бери сто! — сказал старик и высыпал ему на ладонь червонцы.

А сам сел на лошадь и — прощай.

* * *

У Кузьмы в глазах помутилось: червонцы!

И хотел он их в карман спрятать, а никак и не может с ладони ссыпать:

пристали к ладони, не отлипают.

Бился-бился, — а ничем не отдерешь.

И жжет.

От боли завертелся Кузьма — и уж едва до дому добрался.

И дома места себе не находит: жгут червонцы.

Извелся весь. Уж кается, да ничего не помогает —

жгут червонцы, как каленые угли.

И вот совсем обессилел и заснул.

И приснился ему сон:

«Иди, — говорит, — той дорогой, по которой шел продавать лошадь. Встретишь того старика, покупай назад лошадь: сколько ни спросит старик, давай»

* * *

Очнулся Кузьма.

Чуть свет вышел на дорогу — на свет ему поднять глаза трудно.

И жжет.

А старик-то и едет.

Поклонился он старику.

— Продай, дедушка, лошадь-то!

Смотрит старик, не признает.

— Лошадку-то продай, дедушка, мою! — едва слова выговаривает несчастный.

— Десять рублей, — сказал старик.

— Бери сто.

— Зачем сто? Десять.

И поехал.

Кузьма стоит на дороге — впору волком завыть.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай уж сто.

Обрадовался Кузьма — и в ту же минуту отлипли червонцы, так и зазвенели, каленые, о холодный камень.

Нагнулся, собрал в горсть, глядь — а перед ним старичок-то, как поп в ризах.

— Батюшка Никола угодник!

А старик стоит и так смотрит: броватый такой, а кротко.

— Прости, родненький!

— Ну, иди с Богом, да не обманывай! — сказал старик.

И как не было.

И червонцы пропали.

Только лошадь одна.

Николино стремя

Жил-был бедный мужичонка, Моргуном прозвали.

Бился, старался Моргун до кровавого поту, а ни в чем счастья нет.

Городит Моргун огород у дороги, едет Никола Угодник.

— Бог помочь, мужичок!

— Милости просим! Куда едешь, Угодник?

— К Спасу.

— Милостивый Никола, спроси у Спаса: есть ли мне в чем счастье?

— Хорошо, спрошу.

— Да ты позабудешь.

— Не позабуду.

А видел мужичонка:

стремена в седле у Николы золотые.

— Милостивый Никола, отвяжи стремено да оставь мне! Станешь у Спаса на коня садиться, а стремена нет, ты обо мне и вспомнишь.

Послушал Угодник, отвязал стремя, отдал мужичонке — и об одном стремени поехал к Спасу.

И приехал Угодник к Спасу, и пора ему назад возвращаться, — и забыл он спросить про счастье-то. Да по стремену вспомнил:

— Спас Пречистый, Истинный! Мужичонка Моргун мне сказал про счастье спросить, несчастный: есть ли ему счастье?

— Есть, есть счастье.

— Какое же ему счастье?

— А ему счастье: воровать и божиться.

* * *

Городит Моргун огород у дороги, ждет Николу.

Никола Угодник скажет про счастье!

Отощал совсем мужичонка.

А Никола и едет.

Подъехал к мужичонке.

— Спросил, милостивый Никола, о счастье?

— Спросил, спросил! Есть тебе счастье.

— Какое же мне счастье?

— А счастье твое: воровать и божиться. Давай же стремено-то!

А Моргун стоит, ровно оглох.

— Давай, говорю, стремено!

— Какое стремено? Я, вот те Христос, знать не знаю: стремено?!

Так об одном стремени и поехал Никола — поехал по русской земле, по бездолью нужду выведывать, скорый помощник и милостивый.

* * *

Мужичонка вывесил на кол золотое стремя —

как солнце, засияло стремя!

сам принялся за городьбу.

А ехал по дороге из Питера барин на тройке — позванивал колокольчик. Издалека увидел он золотое стремя и прямо направил на мужика.

Остановил коней у кола.

— Ты, мужик, украл стремя!

— Ваше благородие, вот те Христос, стремено мое.

— Врешь, я тебя в суд преставлю.

А Моргун стоит на своем, клянется, божится:

— Я и в суд пойду, стремено мое.

Снял барин стремя с кола, мужичонке велел садиться к кучеру, и поехали в суд.

Дорогой пригляделся барин к мужику.

— Ой, — говорит, — и рвань же на тебе! Стыдно и на суд с таким ехать. На, вот, мое пальто, надень.

И нарядил мужика: и шляпу, и сапоги из чемодана ему вынул, всё честь честью, — и не узнать.

* * *

Барином приехал Моргун в суд.

И доказывает на него барин, —

что не иначе, как украл он золотое стремя.

— Вот те Христос, мое стремено! — стоит на своем мужичонка.

И все верят.

Поглядел Моргун на барина:

— Ты скажешь, что у меня и пальто твое?

— Мое и есть.

— И тройка твоя?

— Да, конечно, моя!

— А вот те Христос, и пальто мое, и тройка моя!

И все верят.

Поверили мужичонке и присудили ему:

и золотое стремя,

и барскую тройку.

Эво! обогател мужик — нашел свое счастье!

И позабыл про всякое горе.

Заря перегорелая

Мало мы чего знаем и понятием, к чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаем, на это нас нет.

* * *

Пахал Антон пашню, измаялся. И вечер стал, заря перегорела, а Антон всё пашет.

И попадается ему навстречу старичок:

смотрит куда-то, будто о чем задумал.

— Скажи, — говорит, — Антон, к чему это заря перегорает?

— Да к ненастью, старинушка, — ответил Антон.

Старик его за руку да через оглоблю.

Перевел через оглоблю — оборотил конем и ну на нем землю пахать.

Перегорела заря, звезды усеяли небо, месяц вона где стал, когда кончил старик пахать — а это сам Никола был.

И уж еле поплелся Антон с поля домой.

На другой день пашет Антон, и опять ему старичок навстречу.

— Ну, Антон, к чему заря перегорает?

А день стоит светлый да теплый.

Тут Антон — вчерашнее-то ему ой как засело! — повинился, что не знает.

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о том помолчи! — сказал старичок и пошел.

Пошел Угодник уму-разуму учить нас, на думу ленивых, —

гневный — карать неправду,
милостивый — жалеть
и собирать нас, разбродных.

Глухая тропочка

Жили соседи, два охотника, и такие приятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тем и жизнь свою провождали.

Идут они раз лесом, глухой тропочкой, повстречался им старичок.

И говорит им:

— Не ходите этой тропочкой, охотники.

— А что, дедушка?

— Тут, други, через эту тропочку лежит змея превеликая, и нельзя ни пройти, ни проехать.

— Спасибо тебе, дедушка, что нас от смерти отвел.

Старик пошел — не узнали, за простого человека сочли, а это был сам Никола милостивый.

Постояли охотники, подумали.

— А что, — говорят, — нам какая вещь: змея! Не с пустыми руками, эвона добра-то! Как не убить змею?

* * *

Не послушали старика, пошли по тропочке и зашли в дремучую чащу.

А там превеликий бугор казны на тропочке. И рассмехнулись приятели:

— Вон он, старый хрен, насказал! Кабы мы послушали его, он бы казну и забрал себе, а теперь нам ее не прожить!

Сели и думают, что делать:

уж больно велика казна, на себе не дотащишь.

Один и говорит:

— Ступай-ка, товарищ, домой за лошадью, на телеге ее и повезем. А я покараулю. Да зайди, брат, к хозяйке моей, хлебца кусочек попроси: есть что-то хочется.

* * *

Пошел товарищ домой, приходит домой да к жене:

— Тут-то, жена, что нам Бог-то дал!

— Чего дал?

— Кучу казны превеликую: нам не прожить, да и детям-то будет и внучатам останется. Затопи-ка поживее печь, замеси лепешку на яде, на зелье. Надо: приятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспела на яде, на зелье. Завернула лепешку, положила ему в сумку.

Запряг он лошадь и поехал.

А товарищ там, сидючи над золотой кучей, о своем раздумался, зарядил ружье и думает:

«Вот как приедет приятель, я его хлопну — все деньги-то мои будут! А дома скажу: не видел его!»

Подъезжает к нему приятель, тут он прицелил — да хлоп его.

А сам к телеге, да прямо в сумку — проголодался очень! — лепешечки поел — — и тоже свалился.

А казна так и осталась никому.

Дар

Жил один бедняк, Иваном звали.

Не велико у него было хозяйство — земли немного; и жизнь нелегкая — один, как перст, без семьи остался. Да не возроптал — принял Божье и всё, бывало, песни поет, такой уж.

Раз пашет Иван поле — пшеницу сеет.

Рассеял, пашет, за собой борону возит, сам песни поет — и уперся концом в дорогу.

А по дороге два путника:

седенький один с посохом,

другой не стар, не млад, грозный.

Илья говорит Николе:

— Что это, Никола, человек-то больно веселый, поет?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходят, нужды не знает, вот и поет.

Поравнялись путники.

— Бог помощь тебе, Иванушка! — сказал Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные! — снял Иван шапку.

А Илья и говорит:

— Что больно весел?

— Что мне не веселиться! Лошадки ходят ничего — а мне больше ничего не надо, только бы батюшка Никола-угодник пшенички зародил.

Пошли странники своею дорогой.

Шли, святые, по полям, по раздолью весеннему.

Говорит Илья Николе:

— Что этот сказал? Разве пшеницу ты родишь? Ведь не ты? Эту я премудрость творю.

— Как его осудить, — заступился Никола, — человек простой: где ему знать про такое!

— Ну, ладно ж, я ему урожу пшеницу, по колено будет — и градом прибью!

* * *

И уродил грозный Илья великий такую пшеницу:

посмотришь, душа не нарадуется.

«Вот урожай! Вот Бог счастье послал, Никола-угодник помиловал. Хлеба-то будет, девать некуда».

* *
*

Вечером вышел Иван, стал за околицей, песни поет.

И видит:

по весеннему полю идет старичок седенький с посохом.

— Добро пожаловать, дедушка.

Жаль Николе беднягу:

всё ведь прахом пойдет!

— Слушай, Иванушка, ты пшеницу продай.

— Как же так, — оторопел Иван, — такую хорошую! Да и что за такую просить?

— Проси, сколько хочешь, всё дадут. Смотри же, продай!

И пошел.

Иван послушал и продал пшеницу:

сладил ее богатый сосед за сто рублей.

И не кончился день, как взмыло тучу большую: как ударит, с громом прошла гроза — градом побило пшеницу —

как ножом, весь хлеб срезало.

По разоренному полю идет Никола.

А навстречу Илья.

— Посмотри, что я сказал, то и сделал: вот оно поле Иваново!

— Нет, не Иваново, — сказал Никола, — пшеницу он продал, это поле Гундяево. Правого ты разорил, то-то, чай, плачет.

— Ну, так поправлю я ниву, — поправил Илья, — он от этой громобойной пшеницы двадцать сот нажнет с десятины.

К ночи приходит Никола под окно к Ивану:

жалко ему беднягу, не к рукам добро достанется.

А Иван Угоднику молится, что того старичка надоумил такой совет подать. И как увидел, обрадовался:

просит на ночлег остаться.

Нет, Николе не время — путь ему дальний.

— Купи назад пшеницу-то.

— Да ведь она, дедушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на корм скосить годится. В убытке не будешь.

Поблагодарил Иван старичка и чуть свет к соседу —

откупать пшеницу.

* * *

А тот несчастный рад-радехонек — бери хоть даром! — да за полцены и отдал.

Отдал и прогадал.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла.

И такой уродился хлеб высокий да частый, а колос полный, так и гнется, так к земле и гнется —

золотая нива, благодать!

И в страду много Иван нажал снопов и выжал всю — двадцать сот нажал.

* * *

В поле встретил Никола Илью:

грозный, весело смотрит.

— Вот у кого я градом убил, тому и уродил! Он ее и выжал совсем.

— Да, тот, кто посеял, тот и пожал. Ведь пшеницу-то Иван назад купил.

— Как так купил...

— Так и купил.

И рассказал Илье Никола, как богатый сосед Гундяев в несчастье за полцены Ивану громобойное поле отдал.

— Так я ж ему умолоту не дам!

И пошел — гроза! — как гроза.

* * *

Не оставил Никола беднягу: в ночи пришел под окно.

Куда сон, — не знает Иван, как отблагодарить гостя.

— Молотить будешь, — учил старичок, — сади на овин, да понемногу, по пяти снопов: в углу по снопу поставь, пятым окошко заткни.

Как сказано, так и сделано. Долго Иван молотил и всё обмолотил: со снопа по пудовке сошло.

Со снопа по пудовке! — да такого умолоту сроду не бывало.

По закромам, по клетям, по набитым амбарам дознался Илья, и не дай Бог! — еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезет на мельницу, я ему примолу не дам.

И не дал.

Повез Иван на мельницу три пудовки молоть, смолол — а осталось две. Куда третья? —

а не знает, что Илья взял!

Раздумывал бедняга — и придумать ничего не мог.

* * *

В ночи старичок постучал под окном.

Обрадовался Иван и всё ему рассказал про напасть.

— Вот что, Иванушка, испеки ты из этой муки пшеничной два пирога. Да с молитвой посади! И ступай с ними к обедне: один положи себе на голову — то Илье грозному, а другой под правую пазуху — то Николе милостивому.

Вот на Николу ранним утром, когда еще звезды не все погаснули, вышел Иван по морозцу в церковь к обедне.

По дороге странник ему навстречу —

не стар, не млад, грозный.

— Куда пирожки-то несешь?

— На голове — батюшке Илье великому, а под правой пазухой — Николе-угоднику! — сказал Иван.

И как услышал Илья ответ мудрый, умирился и перестал грозить.

И с той поры зажил Иван без опаски: две пудовки весь год брал, и не убывало —

Николин дар щедрый.

Доля

Ехал казак к царю с вестями, вез царю три слова:
первое слово — о помощи Божьей,
второе — измена,
третье — надежду.

Едет он ночью лесом. От дерева до дерева светят ему звезды.

И видит:
под елью что-то белеет.
И конь почуял:
непростое!

Подъехал казак поближе, смотрит —
сидит старик под елью и вяжет лыко,
старый-престарый такой.

— Что это ты тут, дедушка, делаешь? — остановился казак.

— Али ослеп? Лычко вяжу.

— А для чего тебе лыко вязать?

— А вяжу я лычко — вяжу долю людскую.

— Лыко худое вяжешь с добрым...?

— А такие люди на свете: одни добрые, другие худые. И надо соединить их: чтобы худые были с добрыми, а добрые с худыми.

— А зачем же так?

— А затем, чтобы шла жизнь на земле: соедини ты худых с худыми — и всякая жизнь прекратится, а соедини одних добрых — и Бога забудут.

— Дедушка, кто ты такой?

— Да я, сынок, Никола.

Казак слез с коня.

— Помолись за нас, Милостивый Никола.

И старик поднялся.

— Ну, поезжай, казак, с миром.

И казак поехал.

Ехал казак всю-то ночь — по звездам, вез царю три слова, а четвертое слово — самое большое — милость Николы.

Ночлежник

Нищего накормит, напоит, а ночевать не просись, ни по чем не пустит!

Такова была воля и норов — богатый мужик Егорычев.

Всех ко вдове ночевать отправлял беднеющей — к Адриановне.

* * *

А приходит к вечеру гость незваный —
Никола угодник.

Стучит к богачу. Пустили нищего.

Поужинал старичок да на лежанку.

— Нет, брат, погоди, — говорит хозяин, — у нас этак не водится! Иди к Адриановне, там тебе ночлег.

А старик забрался на лежанку.

— Мне, — говорит, — и тут хорошо.

И заснул.

И, как ни будили, ничего не поделают. Ну, хоть силком стаскивай. Так и отступились.

Поутру поднялся старик и пошел.

И весь день проходил, а к вечеру опять стучится.

Пустили.

Поужинал и опять к лежанке.

— Нет уж! — забранилась старуха, — моду нашел! Сказано: иди к Адриановне, там ночлег.

А старик и ухом не ведет, забрался на лежанку.

— Мне, — говорит, — и тут хорошо.

Да только и слышали, — спит.

Обозлилась старуха: расквилил ее нищий.

— Уж погоди, явишься ужотко, полетишь за дверь!

Проспал старик ночь, вышел.

День по дворам околачивался, а ввечеру к Егорычеву — гость незваный.

Отказать совестно. Уломал хозяин старуху. Пустили.

Только старуха не дура, стала у лежанки —
подступись-ка!

Поужинал старик да на лежанку — на старуху и наперся.

— Иди к Адриановне, — заорала старуха, — говорю тебе: у нее ночлег.

А старик изловчился да через старуху и махнул на лежанку.

— Мне и тут хорошо.

Заснул старик.

И уж глодала ж старуха хозяина всю-то ночь.

— Нипочем не пущу. И не проси. Или сама сбегу. Попомнишь тогда. Нашел приятеля.

Поутру поднялся старик.

— Ну, — говорит, — Зиновей Григорьевич, я у тебя загостился. Приходи же ты ко мне в гости.

А старуха усмехается.

— Мало, — говорит, — к нищему ходят в гости.

— Ну, что ты, Никифоровна, чем богат, тем и рад. Может, я попотчую и хорошохонько.

Попрощался старик и пошел.

* * *

День за днем успокоил старуху.

И позабыли б о нищем старике:

мало ли их всяких у Егорычева кормится!
И вдруг прибегает конь под окно —
на седле письмо.
Распечатал хозяин, диву дался.
— От кого это тебе?
— А помнишь, старуха, ночлежник-то нищий-старичок: в гости зовет!
— Что ж, поезжай, погости! — усмехнулась старуха, — долго-то больно не загостись! — усмехается.
Конь ждет под окном.
Хозяин сел на коня и поехал.

* * *

И привез его конь к дому — большой дом, богатый.
Встречает нищий-старичок.
— А, — говорит, — Григорьевич, пожаловал!
И стал его угощать:
отроду такого кушанья не едал Егорычев.
А после угощенья на отдых:
завел старик в комнату, да на ключ, —
одного и оставил.
А в комнате ни стула, ни постели, пусто.
И такой холодина, всю ночь продрожал несчастный.
— Околею я тут без покаяния!
Показалась ему ночь за год.

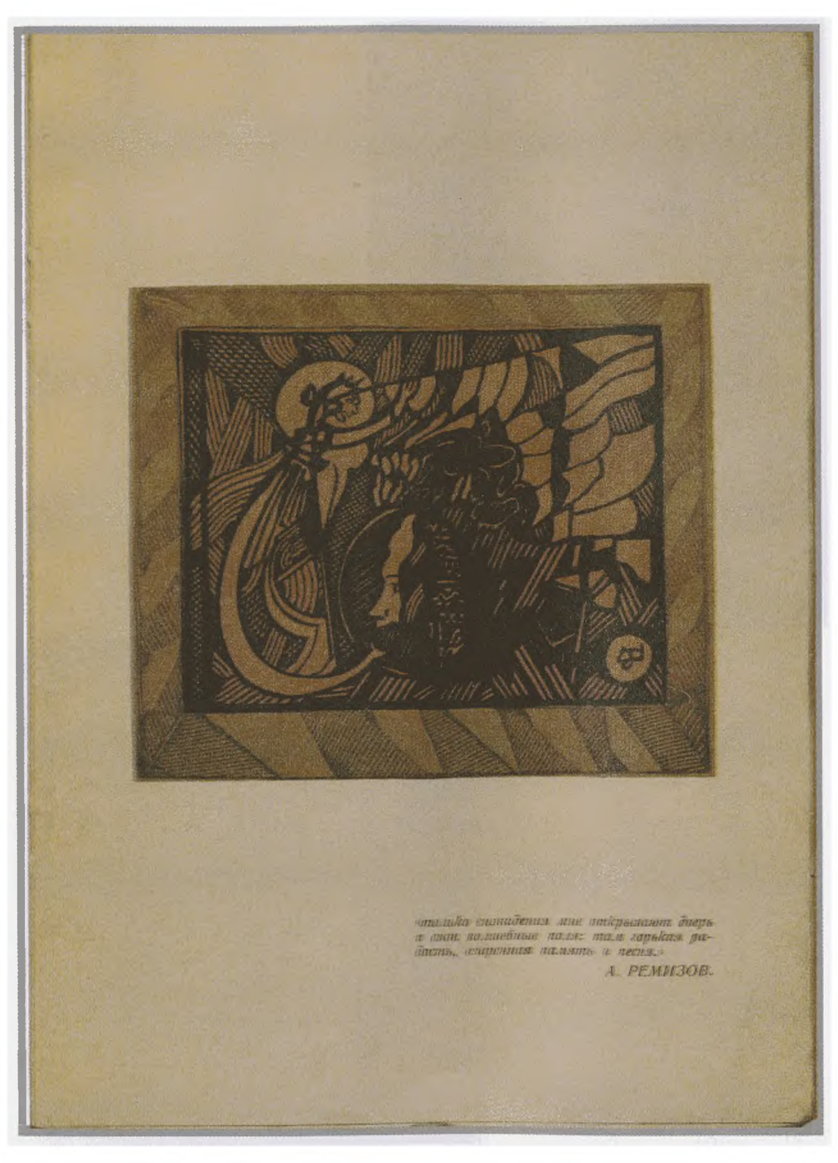
* * *

Наутро выпустил его старик.
И опять в тепло, и опять за угощенье —
пей, ешь, чего душенька взнимет, всего довольно! и ничего-то не убывает.
Настала ночь, пора спать.
И завел его старик в комнату, еще хуже той.
Темь и холодно, душит — места не найти.
— Пропаду я совсем.
Едва утра дождался.
Показалась ему ночь за десять лет.

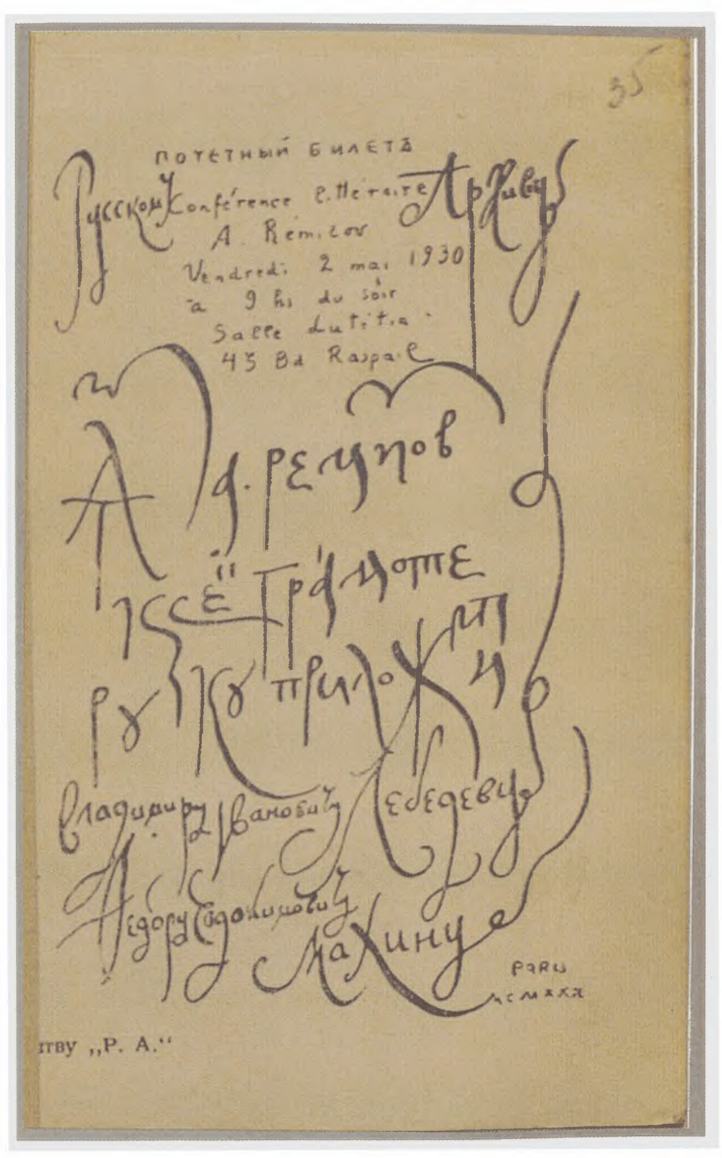
А. М. Ремизов. Обложка к колоде «Карты Сведенборга». 1950. Рисунок. Бум., чернила. — ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

А.М. Ремизов. «Карты Сведенборга». 1930-е гг. Рисунки. Бум., чернила. – ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

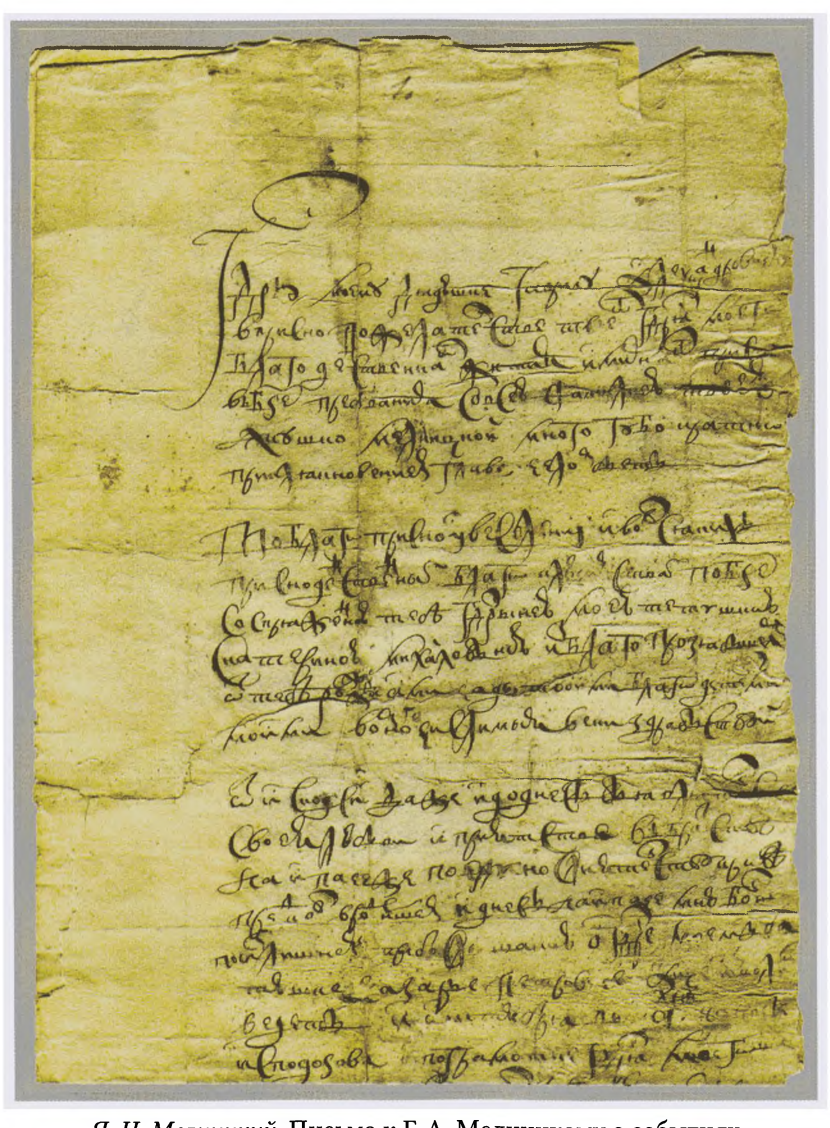
А.М. Ремизов. «Карты Сведенборга». 1930-е гг. Рисунки. Бум., чернила. — ИРЛИ РАН. Публикуется впервые



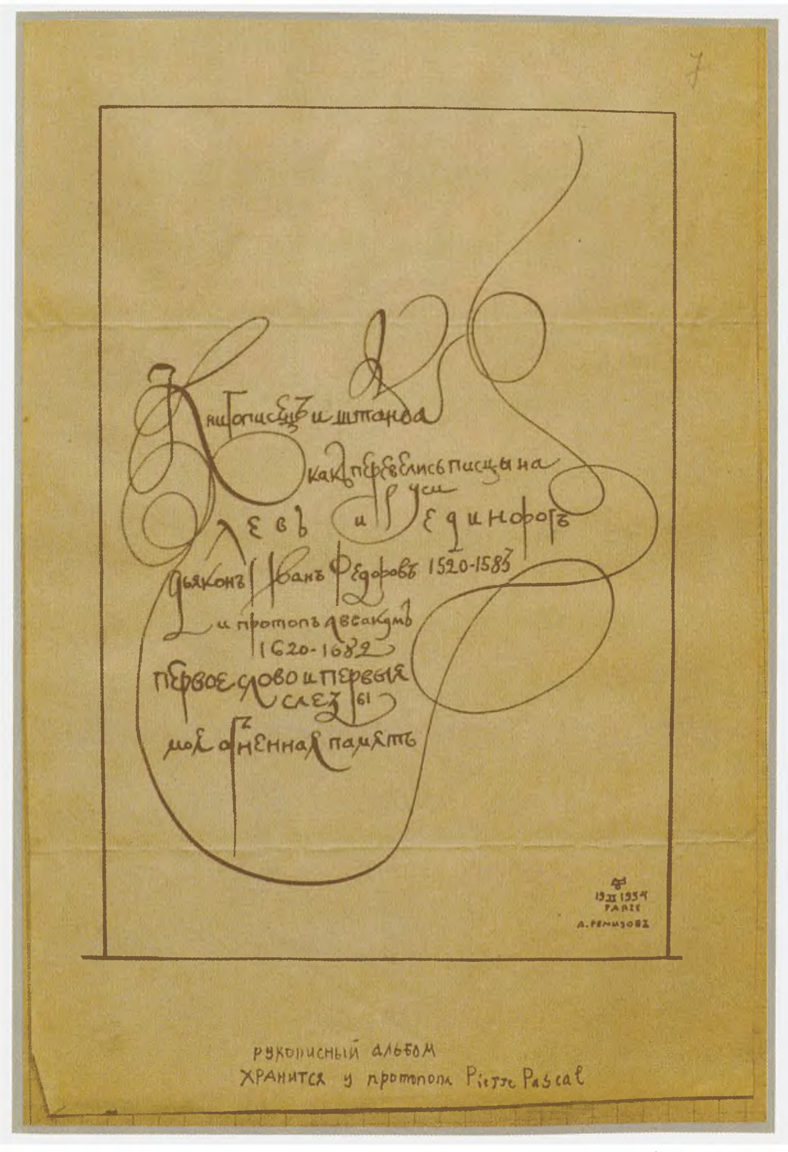
А. М. Ремизов. Автоиллюстрация к книге «Пляшущий демон» (Париж, 1949). Печ. оттиск



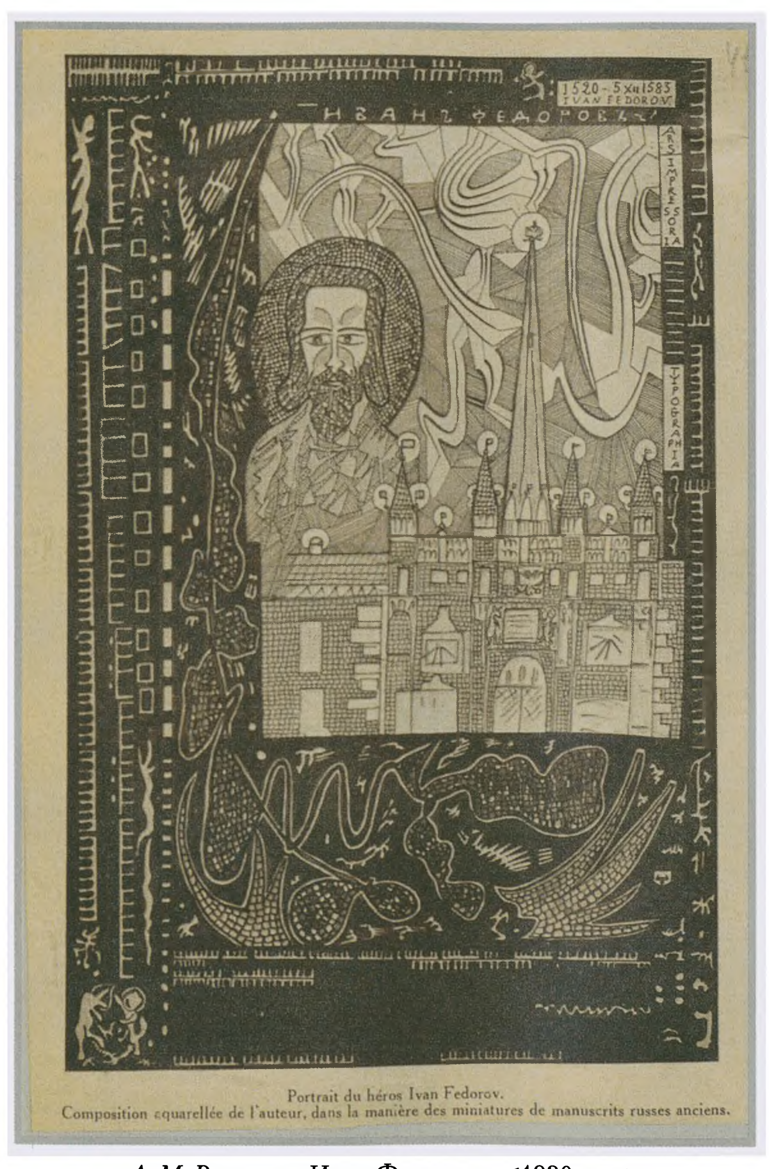
А. М. Ремизов. Почетный билет Русскому Архиву. Париж. 1930.
Печатное воспроизведение автографа. — ИРЛИ РАН.
Местонахождение оригинала неизвестно



Я. Н. Мелницкий. Письмо к Г. А. Мелницкому о событиях, связанных с Азовом. 1697 г. Автограф. — ИРЛИ РАН

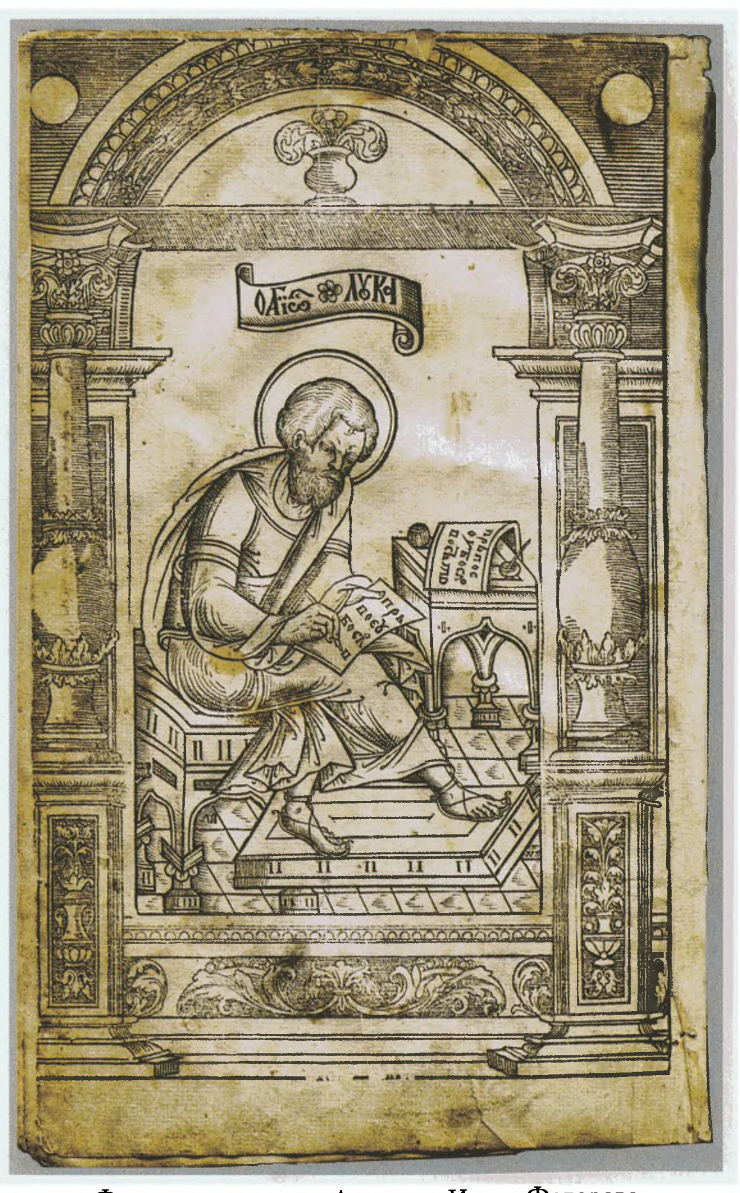


А. М. Ремизов. Титульный лист альбома. 1934 г. <1940-е гг.>.
Печатное воспроизведение графического листа. — ИРЛИ РАН.
Местонахождение оригинала неизвестно

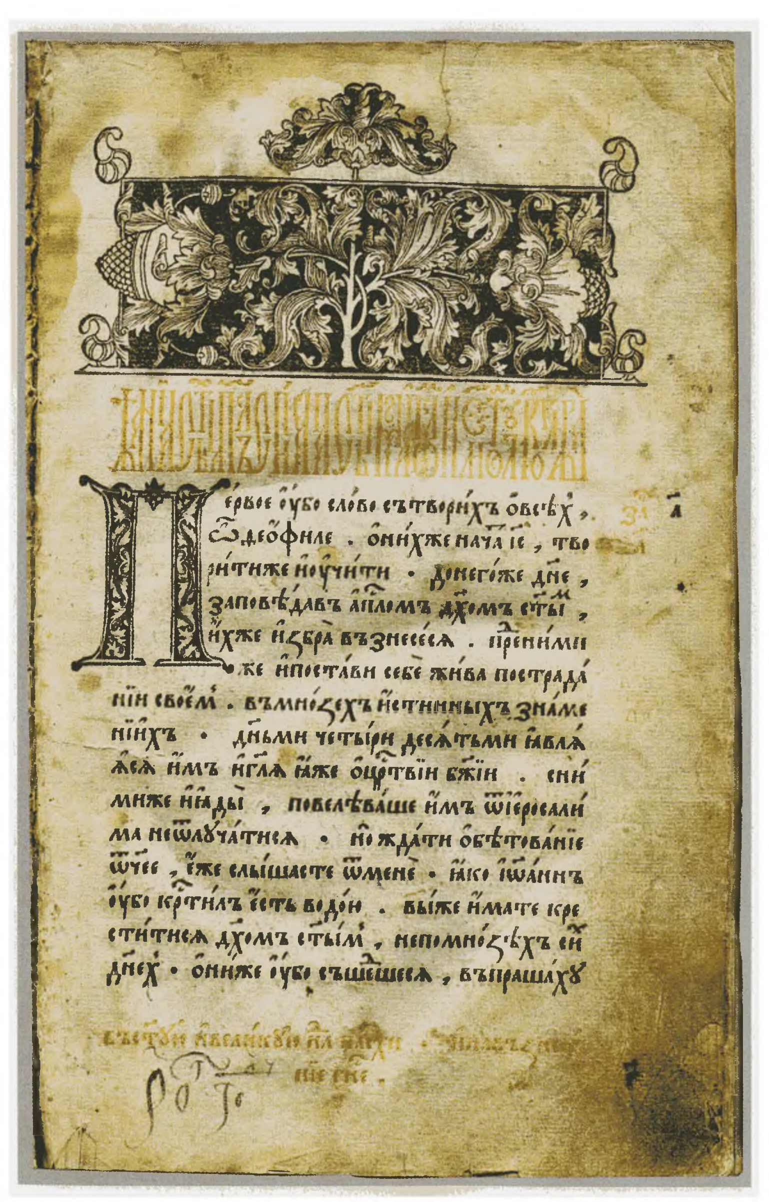


Portrait du héros Ivan Fedorov.
Composition aquarellée de l'auteur, dans la manière des miniatures de manuscrits russes anciens.

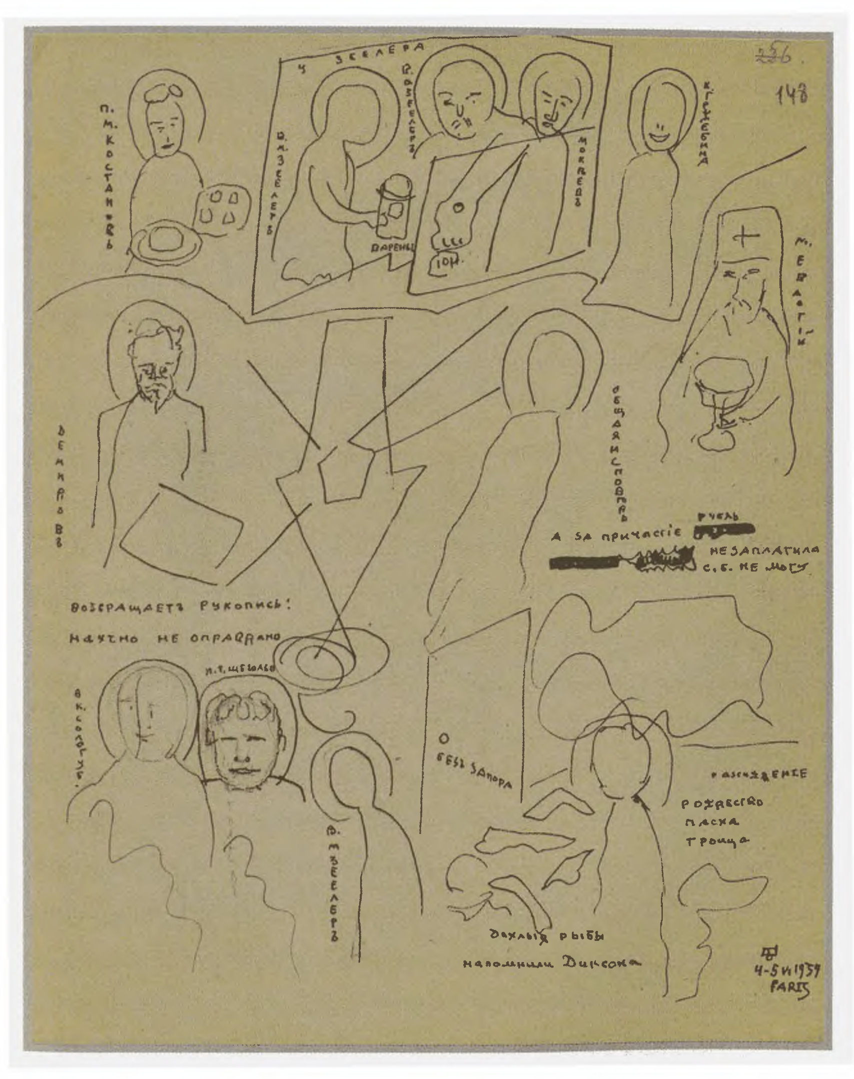
А. М. Ремизов. «Иван Федоров». <1930-е гг.>
Печатное воспроизведение графического листа. — ИРЛИ РАН.
Местонахождение оригинала неизвестно



Фронтиспис книги «Апостол» Ивана Федорова
(Львов, 1574). — Экземпляр ИРЛИ РАН


Первое оубо слово сътворихъ ѡ всѣхъ,
ѡ Ѳеѡфиле. ѡнихже нача Іс, тво
рити же и научити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра вознесеся. пред ними
же и постави себе жива по страда
нии своем. въ многыхъ истинныхъ знаме
ниихъ. дньми четыри десятьми являя
ся имъ и глаголя яже ѡ црствии бжии. с ни
миже и ядыи, повелѣваше имъ ѿ Иерусали
ма не ѿлучатися. но ждати ѡбѣтованіе
ѡчее, еже слышасте ѿ мене. яко Иѡаннъ
оубо крстилъ есть водою. вы же имате кре
ститися дхомъ стымъ, не по мнозѣхъ си
днехъ. ѡни же оубо сшедшеся, въпрашаху

Заглавная страница книги «Апостол» Ивана Федорова (Львов, 1574). — Экземпляр ИРЛИ РАН

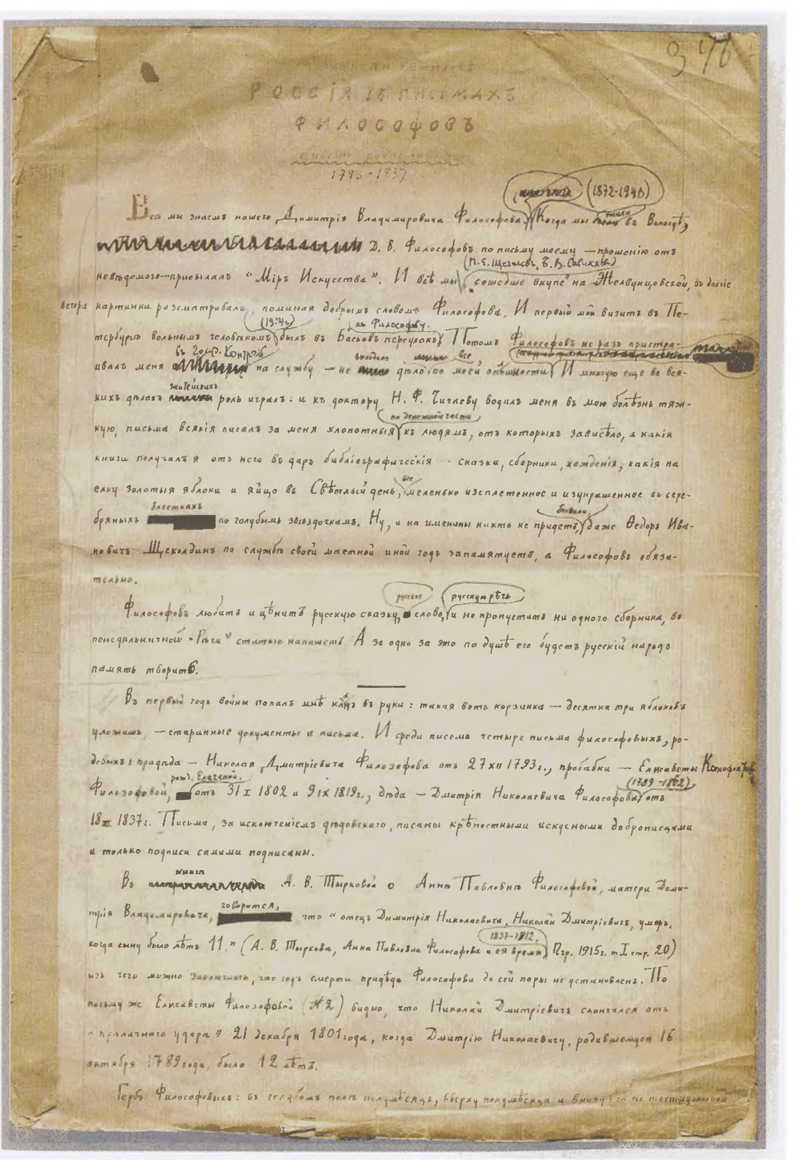


А. М. Ремизов. Лист из альбома «Именинный графический полупряник Тырло. 550 снов. 22.XII.1933–8.IX.1937». Бум., тушь. — ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

А. М. Ремизов. Лист из альбома «Именинный графический полупряник Тырло. 550 снов. 22.XII.1933—8.IX.1937». Бум., тушь. — ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

А. М. Ремизов. Лист из альбома «Именинный графический полупряник Тырло. 550 снов. 22.XII.1933—8.IX.1937». Бум., тушь. — ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

А. М. Ремизов. Авторская обложка к наборной рукописи книги «Россия в письменах. Том II--». <1930-е гг.> Бум., чернила, коллаж. — ГЛМ. Публикуется впервые



РОССІЯ ВЪ ПИСЬМАХЪ

ФИЛОСОФОВЪ

1793 - 1837

Всѣ мы знаемъ нашего Димитрія Владиміровича Философова (1872-1940). Когда мы жили въ Вологдѣ, [illegible] Д. В. Философовъ по письму моему — прошенію отъ невѣдомого — присылалъ «Міръ Искусства». И всѣ мы (П. Е. Щеголевъ, Б. В. Савинковъ), сошедше вкупѣ на Желвунцовской, въ долгіе вечера картинки разсматривали, поминая добрымъ словомъ Философова. И первый мой визитъ въ Петербургѣ вольнымъ человѣкомъ (1904 г.) былъ въ Басковъ переулокъ къ Философову. Потомъ Философовъ не разъ пристраивалъ меня въ Госуд. Контроль на службу — не выходило дѣло по моей отвѣшности. [redacted] И многую еще во всякихъ дѣлахъ житейскихъ роль игралъ: и къ доктору Н. Ф. Чигаеву водилъ меня въ мою болѣзнь тяжкую, письма всякія писалъ за меня хлопотныя по денежной части къ людямъ, отъ которыхъ зависѣло, а какія книги получалъ я отъ него въ даръ библіографическія — сказки, сборники, хожденія, какія на елку золотыя яблоки и яйцо въ Свѣтлый день, все меленько изплетенное и изукрашенное въ серебряныхъ блесткахъ [redacted] по голубымъ звѣздочкамъ. Ну, и на именины никто не придетъ, бывало, даже Ѳедоръ Ивановичъ Щеколдинъ по службѣ своей маетной иной годъ запамятуетъ, а Философовъ обязательно.

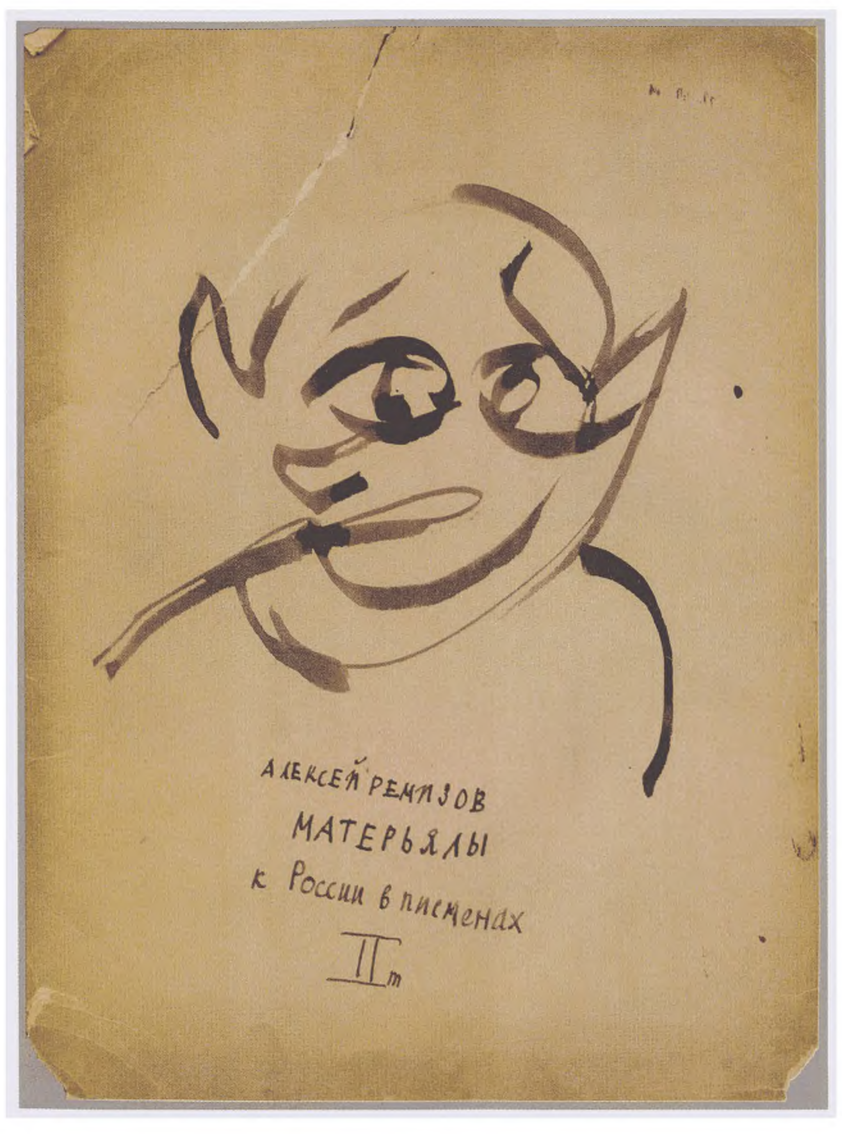
Философовъ любитъ и цѣнитъ русскую сказку, русское слово, русскую рѣчь и не пропуститъ ни одного сборника, въ понедѣльничной «Рѣчи» статью напишетъ. А за одно за это по душѣ его будетъ русскій народъ память творитъ.

Въ первый годъ войны попалъ мнѣ кладъ въ руки: такая вотъ корзинка — десятка три яблоковъ уложишь, — старинные документы и письма. И среди писемъ четыре письма философовыхъ, родовыхъ: прадѣда — Николая Димитріевича Философова отъ 27 XII 1793 г., прабабки — Елисаветы Конофъевны Философовой, рожд. Елагиной, [redacted] отъ 31 X 1802 и 9 IX 1819 г., дѣда — Дмитрія Николаевича Философова (1789-1862) отъ 18 III 1837 г. Письма, за исключеніемъ дѣдовскаго, писаны крѣпостными искусными доброписцами и только подписи самими подписаны.

Въ книгѣ А. В. Тырковой о Аннѣ Павловнѣ Философовой, матери Димитрія Владиміровича, говорится, [redacted] что «отецъ Димитрія Николаевича, Николай Димитріевичъ, умеръ, когда сыну было лѣтъ 11.» (А. В. Тыркова, Анна Павловна Философова и ея время (1837-1912), Пгр. 1915 г. т. I стр. 20) изъ чего можно заключить, что годъ смерти прадѣда Философова до сей поры не установленъ. По письму же Елисаветы Философовой (№ 2) видно, что Николай Димитріевичъ скончался отъ «паралычнаго удара» 21 декабря 1801 года, когда Дмитрію Николаевичу, родившемуся 16 октября 1789 года, было 12 лѣтъ.

Гербъ Философовыхъ: въ голубомъ полѣ полумѣсяцъ, вверху полумѣсяца и внизу его по [illegible]

А. М. Ремизов. «Россия в письмах. Философов». Автограф. Б. д. Бум., чернила, красная тушь. — ГЛМ. Публикуется впервые



А. М. Ремизов. «Материалы к России в письменах II т.».
Рисунок. <1950-е гг.>. Бум., тушь. —
ГЛМ. Публикуется впервые

* * *

Стало светать, явился старик:

слава Богу, освободил!

И опять попал несчастный в тепло. И прямо за стол.

И опять потчевал старик лучше еще.

А к ночи спать.

Встал из-за стола, идет за стариком.

«Господи, —думает несчастный, — неужто и опять на муку ведут?»

А старик в другое место ведет.

И оставил его одного в комнате.

И до чего хорошо в этой комнате:

тепло, манный дух, и постелька-то мягкая, всё бы лежал.

И утро настало, пришел старик, а и уходить неохота.

— Каково спать-то было?

— Больно хорошо, дедушка.

— А по те-то ночи как?

— А больно худо.

— Первая ночка — тебе место. А другая-то ночка — твоей старухе. А эту ночку спал — Адриановне. Отправляйся теперь с Богом домой!

Попрощался Егорычев со стариком, вышел из дому.

Конь у окна. Сел на коня — и домой.

И до самых ворот донес его конь. А как слез, и конь пропал.

* * *

Вошел Егорычев в дом, —

а его и живым не окладывали!

Обрадовалась старуха:

не три дня, три года пропадал без вести.

— Поди-ка, старуха, наливай самоварчик да зови Адриановну в гости.

Поставила старуха самовар, побежала к соседке.

Удивилась Адриановна:

никогда еще не бывало такого!

Принарядилась, пошла к соседям.

Сели чай пить.

— Что это случилось, потчуете меня?

— А вот что, Адриановна, давай домами меняться.

— Куда мне: мой-то домишко худой.

— Да уж говорю, давай меняться: я — в твой дом, а ты здесь живи.

И уговорил Адриановну.

Осталась она у Егорычевых в доме богато жить.

А Зиновей Григорьевич со старухой в ее келейке поселился.

Ворчит старуха:

— Чего ты наделал, ума ты рехнулся!

— Не понимаешь ты ничего, старуха. Место у нее хорошее, а у нас худое. Нам не измотать нашего добра своими руками, а она расточит. Она опять заслужит себе место.

И всё про старичка, про те три вещие ночи — какие ночи! рассказал старухе.

И остались покорно жить в нищете и бедности.

Никола-Угодник

Чудна некая вещь:

> явился Николе верхом на коне с серпами в руках ангел Господен. «Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю!»

* * *

В страхе проснулся Никола, поклонился гробу Господню, где неустанно молился за род христианский, и, по морю ходящий яко по суху, отошел на Русскую землю.

Не узнал Никола свою Русскую землю.

Вырублена, выжжена, развоевана, стоит она пуста-пустехонька, и лишь ветры веют по глухим степям —

> и не найти на ней правды.

Уязвился сердцем святитель, поднял посох и, скорый на помощь, пошел по Руси.

Шел из города в город, из деревни в деревню, с Волги-реки, с Днепра на Поморье —

> заушал нечестивцев ариев — беззаконных правителей, забывших слово Божие, карал лежебок-тунеядцев и расточителей, не радеющих о своей родине, освобождал невинно заключенных в темницы, останавливал меч, занесенный над головою напрасно осужденных на казнь,

воскресил трех разрубленных отроков,
одарил нищих детей погремушками,
обошел полевые межи,
вывел к солнцу буйное жито,
поправил яровые всходы,
покрыл травой обогретую землю;
и где вымокло, там подсушит,
и где высохло, там дождем польет;
надоело коням стоять во дворе — выгнал в поле, в ночное — городи городьбу!

А осень настала, загнал Угодник с поля коней и пошел под дождем по трудным дорогам:

там телега увязнет,
там лошадь не вытащишь, —
на всё надо помощь!

Без него, как без рук — не поднять мужику полевые работы.

Всё, что сиро и слепо, одному ему видно.

Попроси — выручит, всё скажет Спасу, самого Илью умилостивит:

не поляжет от града рожь наземь —
живи, не тужи!

В лапотках, седенький, с посохом ходил так Угодник по Русской земле с вешнего Николы всю весну, лето и осень до самой Никольщины.

* * *

Отстоял Никола вечерню у Софии в Киеве. Второй звон звонят — пришел к Софии в Новгород. Третий звон звонят — идет в Питер к Казанской. А к великому славословию в Успенский на Москву поспел.

И, подняв со всех ветров густой большой иней, серебром покрыл от края до края всю Русскую землю и благословил ее —

своюгорькую,
свою голодную,
свою бесшабашную,
свою пьяную,

чтобы сумела она мудро устроиться, не грешила б ротозейством, самомнением, глупостью, не выставляла б себя на посмешище, не попрекали б ее в лености.

И, трижды благословив ее великим благословением, пошел помаленьку вверх по облакам на небеса к райским вратам справлять Никольщину.

* * *

Перед вратами рая, под райским деревом за золотым столом сидели угодники Божьи.

Все святые собрались на Никольщину:

Петр-полукорм,
Афанасий-ломонос,
Тимофей-полузимник,
Аксинья-полухлебница,
Власий — сшиби-рог-с-зимы,
Василий-капельник,
Евдокия-плющиха и Герасим-грачевник,
Алексей-с-гор-вода,
Дарья-загрязни-проруби,
Федул-губы-надул,
Родион-ледолом,
Руфа — земля-рухнет,
Антип-водопол,
Василий-выверни-оглобли и Егор-скотопас,
Степан-ранопашец,
Ярема-запрягальник,
Борис и Глеб — бырыш-хлеб,
Ирина-рассадница,
Иов-горошник,
Мокий-мокрый и Лукерья-комарница,
Сидор-сивирянин и Алена-льносейка,
Леонтий-огуречник,
Федосья-колосяница,
Еремей-распрягальник,
Петр-поворот,
Акулина-гречушница — задери-хвосты,
Иван-купал,
Аграфена-купальница,
Пуд и Трифон — бессонники,
Пантелеймон-паликоп,
Евдокия-малинуха,

Наталья-овсянница,
Анна-скирдница и Семен-летопроводец,
Никита-репорез,
Фекла-заревница,
Пятница-Параскева,
Кузьма-Демьян с гвоздем,
Матрена — зимняя,
Федор-студит,
Спиридон-поворот,
три отрока,
сорок мучеников,
Иван-Постится,
Илья Пророк,
Михайло Архангел
да милостивая жена Аллилуева, милосердая.

Одного только не было — самого Николы Угодника.

И не раз посылал Илья отроковицу Милостыню —
и возвращалась отроковица одна.

В девятом часу явился Никола.

В лапотках, седенький, с посохом пришел Никола к райским вратам — райское платье его поиздергалось, заплатка на заплатке, дырявое.

— Что, Никола, что запоздал так? — спросил Илья, — или и для праздника переправляешь души человеческие с земли в рай?

— Всё с своими мучился, — отвечал Никола, присаживаясь к святым за веселый золотой стол, — прощай народ: вор на воре, разбойник на разбойнике, грабят, жгут, убивают, брат на брата, сын на отца, отец на сына! Да и все хороши — друг дружку поедом едят.

— Я гром-молнию нашлю, попалю, выжгу землю! — воскликнул громовный Илья.

— Я росы им не дам! — поднялся Егорий.

— А я мор пущу, чуму — изомрут, как псы! — крикнул Касьян; известно, Касьян вгорячах Златоусту усы спалил!

— Велел мне ангел Господен истребить весь русский народ... да простил я им, — отвечал наш Никола милостивый: — больно уж мучаются.

И, восстав, поднял чашу во славу Бога Христа,
создавшего небо и землю, море и реки,
и китов, и всех птиц,
и человека по образу своему и по подобию.
И вдруг чаша выпала из рук —
Чаша упала на стол — не разбилась:
а как была, осталась с краями полна.
Притихнули угодники — все святые — весь райский пир.
— — спит Угодник — закрыты глаза — —
Раз окликнул Илья —
не слышит Никола.
И в другой раз окликнул —
не просыпается.
Кричит Илья в третий раз —
и поднял Никола голову.
Стали тут святые пытать у Николы.
Стал Угодник святым рассказывать:

— Пустился по Черному морю с хлебом корабль, плыли на том корабле триста старцев соловецких, везли старцы воск и мед, спешили на Никольщину в Миры Ликийские. И застигла буря корабль. Ударили волны — вспелешилось море. Шипело. Бурная, над ветром и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы. Скача на белом хрустальноногом коне, резала море, разрывала когтями корабль. В твердой вере и крепко надеясь, в голос крикнули старцы: «Помилуй нас, Боже и святой Никола, где бы ты ни был, явись к нам!» Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня святым Духом, я пошел к ним на море и избавил их из глуби морской. Велеша угомонилась. Спокойно плывут корабли. Вот почему задремал я — и выронил чашу.

— Помилуй нас, Боже и святой Никола, где бы ты ни был, явись к нам! — воскликнули святые.

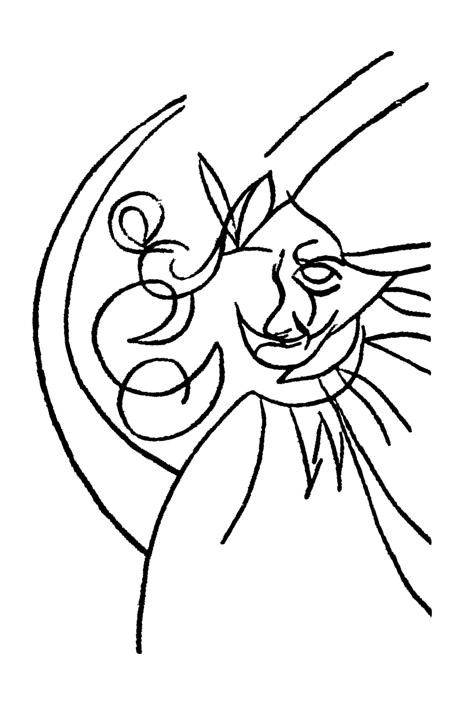
Пили святые питие новое райское, ели высокий пирог с кашей, с горохом, с капустой.

И пировал с ними Никола — сильный Богом, всем святым помощник — редкий их гость, нищелюбец, странноприимец, вечный странник, вечный труженик, чудотворец — заступник за Русскую землю.

Помилуй нас, Боже и святой Никола,
где бы ты ни был, явись к нам!

ПЛЯШУЩИЙ ДЕМОН

Танец и слово



Наша краткая жизнь бесследный обрывок во времени
дух души человека без начала и без конца
каждый из нас несет в себе бесконечность
превращений разнообразных но явных при-
страстий к всегдашнему. Наши глаза за-
вешены. наше знание мелкое. Память
живет в снах, и пробуждается во встречах
живых и книжных. Мой источник книга.
Странствую по русской словесной реалии запи-
сал мою глубокую память — ведомость о моем
прошлом XVI·XVII·XVIII в., называю по ор-
дину мою вековой работе. Воронье перо.
Имена живые для меня: Иван Федоров, протопоп
Аввакум и Ванька Каин.
Встреча с Лифарем всколыхнула мою русскую
музыкальную память и по книгам я рассказываю
о моем прошлом с XI века. И через все
века неизменно проносится образ Лифаря —
пляшущий демон. История
Киев до Парижа, Опера со Святой Софии,

Алексей Ремизов

Париж

Наша краткая жизнь — не бесследный обрывок во времени, дух души человека — без начала и без конца. Каждый из нас несет в себе бесконечность превращений: разнообразных, но явных пристрастий к вчерашнему.

Наши глаза завешены, наше знание — мельком. Смутная память живет в снах и пробуждается во встречах — живых и книжных. Мой источник — книга. Странствую по русской словесной земле.

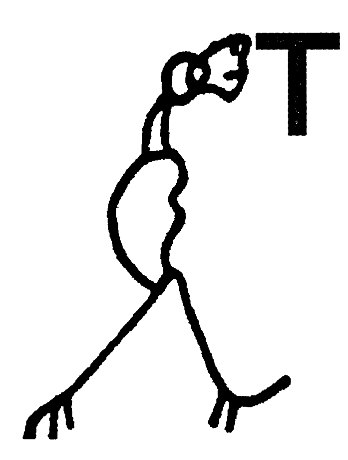
Я записал мою глубокую память: «ведомость» о моем прошлом в XVI, XVII, XVIII в. — называю «Писец — воронье перо» по орудию моей вековой работы. Имена из этого прошлого, живые для меня: Иван Федоров, протопоп Аввакум и Ванька Каин.

Встреча с Лифарем всколыхнула мою русальную память. И по книгам я рассказываю о моем прошлом с IX века. Через все века проносится образ Лифаря — «пляшущий демон». История со Святой Софии, Киев и до Парижа, Опера́.

Алексей Ремизов.

РУСАЛИЯ

Русалия



ТАНЕЦ по-русски «пляс» — плясать — плясун — пляска. В слове «пляска» — плеск, плескание, хлопать в ладоши и плящ или плещ — раскаленность, и плющ — взвей.

«Танец — пляс» значит вьющийся взлет, вскипающий под плеск — хлопанье. Надземное к звездам — вершина танца, «звезда» русской пляски, по-немецки «крест», по-древнему «перст», палец елки. Танцующий выступит из хоровода — круга плещущих, хлопающих в ладоши, когда хоровод «вскипает». Душа танца — вскипь — восторг. В плесканьи-хлопаньи — воздушное окрыляющее чарование; в плесканьи — музыка. Под музыку танцуется. Из этой кипящей музыки — воркующее пение — гнусавая сопель. А затем песня. Из взлета пляшущего вызвучало слово и человек стал человеком.

Песня из танца, песню «играют». Прообраз песни — цыганское. Цыганские песни так и называются «пляской».

*

Слово — музыка — живопись — танец, это «единое и многое», и у всякого свой ритм, своя мера. Слово вдохновит музыканта, но читать под музыку не выйдет. Тоже с живописью: картина вызовет слово, но живописать слово — пустое дело.

Графика... но потому что мысли и, выражающие их, слова линейны, одной породы.

Никакого слияния искусств. Разве ритмическое соприкосновение. Потому что материал и средства выражения у каждо-

го свое и разное. Как редко ладится слово — музыка — живопись — танец, а чаще кто в лес, кто по дрова.

«Единое» осуществлено в многообразии «природы» и что гаснет с последним взглядом на земной мир. Но искусственно объединить «многое» возможно ли человеку и как?

*

В существе танца музыка. А всякая посторонняя музыка только подхлёст. И часто без этой музыки, что без нот, никакого танца. Но не под всякую музыку можно танцевать. А потанцевать кто не охочь, но спляшет только скоморох.

У Гоголя в Вечерах, «Заколдованное место», пляшет дед под «плесканье» — прихлопывают в ладоши: «ой-дуб, дуба-дуба! дуба!» с выбивающимся из хора наперекорным — тенор, как хлыстом ударит: «Дівчина моя люба, набрехала на мене...» У Гоголя про это нет, понятно само собой, но без этого у деда, «а танцевал он так, хоть бы с гетманшей», не поднялась бы нога «вывертывать ногами, ни чесать дробно, мелко».

В «Скверном анекдоте» у Достоевского гости на свадьбе Пселдонимова в доме Млекопитаева танцуют до разгонной «Рыбки», «дружеский намек жениху», под музыку — под которую музыку «можно все танцы танцевать».

*

Танец без музыки — зловеще и сокровенно, чего по-настоящему и смотреть-то не полагается: сап, стон, вздох, истошный выкрик — когда «душа исходит». Радение. Из колдующей ступи и топота — из этого сухого пламени выполыхнет сияющий образ и исказенится (изручьится, блистая) песня. В «радении» природа пляски, верть и опьянение. Но искусство танца, как всякое искусство, под знаком меры.

*

Свирепый одиночный танец в молчанку — под музыку разгоряченного воображения. Я видел из окна, как на нашей пустынной улице плясал какой-то подвыпивший прохожий. Он шел посередке, подкидывая и расшвыривая улицу; шарахался и отбивался, и вдруг с напастною щерью леопарда, левой рукой

ловя и прикрывая ладонью себя... как в купальне, а правой подбоченясь, стремительно со страстью стрекозы несся по тротуару.

На тротуаре, в весенней сырой колдобине, притаясь, стоял вдохновенно его спутник, наблюдая театр «безобразия»: прообраз ведовского, лысогорского танца.

*

Прообраз танца — Океан на океане и Метель в степи: взлет и движение волн. Поземелица и взвихренный вьюн.

Стелящийся по земле танец — только преддверие, предчувствие танца: танец в крутящейся белой кудели из поднявшейся снеговой стены и в бурю вьющейся дыби волн.

С именем «Русь» начинается пляска. «Русалия» и есть русское плясовое действо.

Русалия тоже, что сновидение, ни дневной, ограниченной «действительности», ни правды трезвого «нормального» зрения. Как сновидение, Русалия колдует. Без колдовства нет танца. В Русалии — как в сказке, «неожиданное становится, как ожидаемое, а невозможное возможным».

Магия танца: чаруя, танец уводит в сказку, захлестывает в неправдошный чудесный круг. Дневные меры, ограничивающие сознание, их логика нарушена. С топотом, ударяющим в музыку, танцующие призрачно снуют — тени, сплетаясь и расплетаясь, входя и выходя, по земле и над землею.

*

В Русалии русское: не Океан, а Метелица. Метель — завар русского танцевального действа. А участвуют все, кому дан пыл, легкие ноги и воображение: печенеги, половцы, болгары, косоги — кто только в русской истории поминается до татар и с татарами.

Танец не слово, не музыка, не живопись, но по существу и танец народен: огонь — который огонь его сожжет, вода — которая вода его затопит, земля — которая земля его задавит, стихия русская. А как искусство, танец вне всякой национальности.

Ученый медведь ходит «под барыню», не ошибешься сказать: «Михайло Иваныч Топтыгин!» — ходи медведь по Москве

или ходи в Париже. Но когда кактусовый мордастый зверок — «зинское щеня», таким был Перро, пустится в прыжки или вывиливает поземную стель, на Москве или в Париже, не скажешь: итальянец, француз или русский.

*

Танец, что любовь, все красит, и светит, и греет, и мучает. Единственное из искусств, где так явно и осязательно очарование.

Никогда не признаете вашего танцующего знакомого: одно он в комнате разговаривает, болтая ногами, другой — на подмостках, и как — другой! Тоже балерина, «в ужас приводящая сердце», она на сцене преображается в «спящую красавицу», ей-Богу. И замечание, сделанное Перро: «отворачивай морду, когда танцуешь» — не имеет никакого смысла.

Зритель шалеет.

*

Танец не изобразишь, и словами не передать.

Танцующий всегда нарушает дневную привычную меру. И разве не чудно смотреть на танцующего? А из выверта — на что смотреть чудно, исходит магия. А разве расскажешь про волшебство? Слово непременно остановит то, что неустанно. В волшебстве все танца. Или — попробуйте сфотографировать, и останется: дрыгание ногами, обезьянство, карабар.

В честь Фанни Эльслер издана была в Москве особенная книга — не простые, золотые буквы. Вот экземпляр с пометками читателя, пишет беспокойно карандашом: «так, так!» — «сильно сказано!» — «о, как я плакал в эту торжественную минуту!» — «не достает сил делать заметки, о Фанни! Фанни!!!»

Лучшего и не найти определения танца, как это заключительное: «не достает сил!»

Весь живой мир танцует — начало и конец жизни. Танец с земли греет небо. Танец — опьянение, цвет и песня жизни. Танец и есть «единое и многое».

Киев
1025–1035

В вечерний час с закатом солнца Алазион и с ним двенадцать, явясь на землю, проходили улицей мимо св. Софии. И как будут на площади у входа в Собор и донесло пение, уши их навострились: киевский распев пронял сердце. Звездой став на колени, жалобно они заглянули в безжалостные глаза своего крылатого вожа. И дружно, как птицы, повскоча, ловко пригладили себе хвост — на площади лежал неубранный мусор от стройки Собора, огрызки и лопнувшие пластырем объедки — и затянули свою волынку: дело их пропало, за божественным умилением куда угнаться! и сила их соблазна пойдет впустую.

Алазион — демон радости, из крепких и могучих демонов: заунывная «Слава» («Слава Тебе, показавшему нам свет...») — Я покажу вам свет! — и торжественное «Хвалите» («Хвалите имя Господне...») — Мое имя восхвалите! — никак не тронут гордое сердце. Он только разомкнулся.

— Не пройдет часа, — сказал Алазион, — дайте только отстоять всенощную, и не церковные «гласы», а русальные «лады» оголосят вечер. Пляс, что молитва, нет, больше, молятся только в беде, но не бедой стоит мир, слышите: «Божий» мир! Мои чары возносят человека с земли к звездам. Я улыбка неба. Мне в честь и славу!

Скрутив глаза, он насторожился, и все двенадцать звездой повернулись: гудки и торбы, сопя, докатили к Собору захлестывающий свой бойкий зазыв.

Всенощная кончилась — выходят из церкви. А встречу все ближе подбирается домра и шеломайка.

На площади я приткнулся к этим, глазевшим на Собор «иностранцам» — мне и в голову не приходило, что это бесы.

И это были не персы — уж очень поджарые, цыплячьи, а скорее всего французы: Киев первый город после Царьграда — — всем любопытно. И на моих глазах эти персы менялись: они принимали самый неожиданный облик — от павлина до синих эфиопов; под руку что попадет их извилистой мысли, тем они и покажутся нам, нашей «догадливой» мысли.

Пестрое звучащее шествие приближалось.

Я следил: я видел, как в движущемся тесном кругу пляшущий всплывал над головами и, завьюнясь, под плеск, под взывающую домру, под глухой топот — плыл, ныряя в вечере зловещим черным огоньком.

А как оживились мои нечаемые черные спутники, когда захлестнула нас толпа. И это вовсе не воображение моей извилистой мысли, я не собою затеял, а вот что было на самом деле: взвинтясь, их крепкие, а еще так недавно мочалкой унывавшие бесячьи хвосты работали в «четыре руки», пятая — в подсобу, как крысы, и с какой репей влипавшей цепкостью опутывали они всех нас, любопытных, тонким — паутина, а и клещами не скусишь, проволочным адским канатом. У меня было такое чувство, не на ногах иду, а на аркане тащут и вьют и крутят и загибают. А это и значит, волей-неволей я попал в русальный хоровод.

*

У окна — зеленое, как св. София, сел Герольд, крещен Ростислав.

На фресках новогородской Спасо-Нередицкой церкви, Ярослав Мудрый построил, четыре фигуры: свв. Григорий, Василий, Иеванос, четвертого надпись стерта, а это и есть Ростислав-Герольд.

— Беспросветный мрак, невыразимая скорбь, осуждение миру, себе: «нет прощенных!» — и глубь скорби пала им в сердце: «все будут гореть, но я первый!»

Скорбного старца, советника Ярослава, в Киеве все знают, чтят за благочестие и мудрость, и предусмотрительность.

Изукрашенный резьбой, порфировый саркофаг — работа болгарских мастеров — выставлен по желанию Ростислава в св. Софии на всенародное удивление: как протянет ноги, положат его в эту каменную драгоценную домовину, сохранно, любо будет ему ждать Архангелову трубу и по воскресении мертвых, как Фаворским воздухом подымет крышку, беспокоиться нечего и тыкаться спросонья, только шагни, и опять в церкви — стою на старом излюбленном местечке, и хор слышно и дьякона видно.

Отстояв всенощную, отдыхал он у окна, и весь отдался умилению растрогавших его молитв.

«И чего еще есть — тихо плыла мысль — и может быть на земле выше и прекраснее? Небо и звезды — глубина, премудрость и щедрость — «Он ветки надломленной не сломит и льна курящегося не погасит».

А со Зверинца русальный гуд — шеломайка.

И как будут гудцы близ зеленого дому, всплыла песня к безмятежному зеленому окну. И старец, как пробудясь, легко без кряха поднялся и, прикрывая плешь голубым чудотворным воздухом с мощей, высунулся из окна и пискливо кличет.

Но кому надо, слышно.

И все шествие остановилось.

Алазион мигнул черненькому, выраставшему в лёте до черного заоблачного джина, этому и без крыл крылившему над землей — за которым плясуном я следил зачарованный. И тот только развел руки вплавь — и уж снова загудело и покатилось волной, звеня.

В воздухе плыл он в карагоре под неиссякаемый плеск. Демонские хвосты ласково стлались под ним, буря его к лёту.

И я видел, как он взлетел к зеленому окну и глазами в упор огнем ударил по благоговейным глазам расчувствовавшегося старца. Дрожали руки, Ростислав копался по карманам, ловя.

И за окно в толпу с сорвавшимся с головы голубым чудотворным воздухом звякнула серебряная гривна: великий князь Владимир Киевский с лицом Тараса Бульбы. Но гривна не упала на камень; подхваченная ловкой рукой, сверкнула она, богоотступная, в разверзшуюся бездну.

Душевными очами гляжу я в разверзшуюся бездну.

На наливном огненном престоле С А М: в его руке искрой мигает серебро. И вдруг запламенев, он затрясся, хохоча:

А л л и л у я!

«Лиллия-Уллия!»

Клича, как отголосок и подхват оттуда, мы продвигаемся, утаптывая землю, мы, связанные адским канатом, и тесно, плечо-в-плечо.

Мы шли за Днепр к Аскольдовой роще играть русалию — «лиллия-уллия!»

И до зари я, как в омут закружен, и всю ночь — всю-то ночь до зари из утони жабий клич, вой и вопль, лебединые плески. Поземелица, завейница, взвив и круть.

Псков
1505

«Когда приходит этот великий праздник, день Рождества Предтечива (24 июня) и в ту святую ночь мало не весь город возмятется и взбесится. Встучит город и возгремят в нем люди... Стучат бубны, голосят сопели, гудут струны. Женам и девам плескание и плясание и главам их накивание, устам их клич и вопль, всескверные песни, хребтам их виляние и ногам их скакание и топтание».

*

Написал старец Касьян, игумен Ферапонтовой пустыни. Смолоду первый заводчик — без него ни одна Купальская русалия (с 23 по 24 июня) во Пскове, много вёсен.

А звался старец Касьян — Ондрей Кузмин Пузырев, а я тогда не Алекс, а Ольксей подписывал, а кличка мне — Олех. И были ли те времена, а будет были, незапамятно.

С какими слезами он прощался со светлым миром, как в монастырь идти. Все-то мы тогда припомнили.

«Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите звезды, простите озера, реки и горы, простите все стихии небесные и земные».

Аминь.

Москва
1675

Стоглавый Собор *1550—1551* г. осудил Русалию, как чародейство. Повторяются слова псковского летописца: «Мужам и отрокам великое прельщение и падение, женам замужним беззаконное осквернение, девам растление».

Мы, скоморохи, поджали хвост.

И это еще не гроза, только угроза.

Ревнуя о благочестии и чистоте жизни, задумав обескрасить мир по-монастырски: «прости небо, прости земля, прости луна, простите звезды...» — царь Алексей Михайлович начал с нас — мы, сатанинское отродье! — и по указу царя, за подписью дьяков: Бормосова, Лихачева и Жеребилова — велено было всех скоморохов согнать с Москвы.

Великий изгон «веселых людей», так — «веселые» — нам кличка, а русалиям крышка. Имя «русалия» как выжглось. Так и протопоп нас гнал, огненный ведьмедоубоец Аввакум. Но пока солнце греет и звезды манят и луна колдует — или мир истребить, или нас извести — пусть не «русалия», что имя! — но весеннее алое «лелю» и купальское жаркое «ладо» оголосят и будут оглашать русскую землю.

*

Когда в растери и пропаде кинулись кто куда по лесам, я остался в Москве. Могу сказать, с тех пор прошло немало и никого в живых — один я, я последний, последняя Русь! — спасибо, царский истопничий Александр Васильевич Борков приютил меня. Еще был со мной Десятка, что за Иван Ивановичем Шуйским, старый человек, бежать некуда, отмахались ноги и глазами слаб.

Первое время нелегко было, боялись доносов, под полом жили. Я подпольную эту жизнь вот еще с каких мест знаю, было о чем подумать, чего тронуть — неприкосновенное, а перевернуть — незыблемое. Хорошо еще, что Десятка на оба оглох, а то быть бы мне под «словом и делом» и в Разряде ложись под огонь жечь. А Борков, хороший человек, еще раз спасибо тебе, а только выпьет, и пошел дуровать: досками нас заложит, будто верности для, да с дьяконом Герасимом, приятели, в яри бровь скусил, по доскам скачут, и пляшут, не знай, что петь, дери горло: «Радуйся — царь — Иудейский — твое царство — пришло!». Как в мышеловке бегаем, трясемся, и уж не чаю, ли жив останусь, ли... Десятка не выдержал, задохнулся: лежит, страдник, глаза выпучил, язык высунул, синий весь. Я над ним. Говорю дьякону: «Дьякон, молитву!». А дьякон — рожа: попади в зев, проглотит. «Крест, говорит, не настоящий (у дьякона-то крыж латынский!), да и в потребнике не велено». Ночью стащили товарища из дворца к Боровицким воротам. А оттуда — путь из-

вестный: Покровский монастырь, место упокоения занапрасно погибшим, утоплым и замерзшим, отчаянные и отчаявшиеся и из Разряда с пытки, горемыки бесприютные, где без креста моя мать лежит.

*

Раз сижу я, уткнулся в дрова, томно мне было. И сквозь горькую думу слышу голос: «Вылезай!» кличет дьякон. Я не поверил, очень меня оглушило. «Выйдь!» — не ошибаюсь, Борково горло. И я вышел.

Царю о ту пору понадобился дурак. Меня и нарядили. Только я нынче не Алексей, а царский дурак. Сергей Зажигай.

Памятен мне вечер — с какой горечью вспомнил я о прошедшем: про наше русское, русальное.

*

Артамон Сергеевич Матвеев выписал из-за границы немца Ягана и с актерами. Было представление во дворце. Тешили царя музыкой — орган, труба и литавры.

А после разыгрывали комедию: «Комедия о Ассуре и Эсфири» и «Как Юдифь Олоферну отсекла голову» и еще: «Артаксеркс велел повесить Амана по царицину челобитью и Мардахеину наученью».

Что ж, хорошо. Музыку я очень люблю. Музыка меня пробуждает, моя душа растет. Долгие шли мысли.

*

И еще не забыть мне: 20 февраля *1675*.

На масленицу в первый раз ставили «Орфея»: «Орфей», что потом назовут «балет». А балет то же, что русалия — организованное плясовое действо.

Царь долго не решался смотреть церковью отверженное, чародейское и соблазнительное. И только в угоду царице согласился. А потом очень благодарил: понравилось, да и греха мало чего почувствовал.

Да и откуда было почувствовать!

В театре на представлении кроме царя никого — пустой зал. В утеху царю я прошел к его креслу «боком», дрыгаясь «калечиной-малечиной»: одна-нога, одна-рука, один-глаз; я вспом-

нил, как тогда еще, как выйдя из подполья, я взял царя «колесом». И став на одной ноге: одна-нога, одна-рука — я наблюдал одним, как в оба. И был со мной другой, тоже дурак — Мракобес; он дымчатый, я алый, бархатные лапки, а вместо моих зажигалок-глаз два серебряные хоботка, выпускает по надобности, гасить — «огонь-берегись!»

Я заметил, что царю было очень неловко, хотя и один он, мы не считаемся, то он прятал глаза, то смотрит как-то в сторону, «боком», кривясь. И я стоял «боком». Ну, а понемногу забылся и, выпрямился, вижу, царь не отводит глаз.

И что мне было обидно: даже и такое, жалости подобное, зрелище — какая уж русалия! — очаровывает.

*

Две движущиеся пирамиды.
Между Орфей.

Дылды актеры добросовестно исполняли pas de deux.

Это были те самые немцы — впоследствии они изучат русский язык и напишут для нас, русских дураков, русскую грамматику, это наши учителя: Греч и Грот.

И опять, как под музыку, думаю длинной думой, заглядывая в завтра.

«И ни один русский писатель не осмелится им противоречить, — я как читаю XIX век, — и только в своем звании “дурака” буду в лицо спрягать для безобразия: “стриговался-стригонулся-обстрыгался”. А без шутовства — из какого подполья, заваленный какими досками, какой задавленной мышью: “вы, просветители наши, образовавшие наш литературный язык, книжную речь, вы подняли руку на русский народ: ваша машинка-грамматика оболванила богатую природную русскую речь!”»

После Грота и Греча, скрытых под пирамидой, под монотонный танец Орфея вышла на сцену вся труппа — какие блестящие чарующие наряды!

Эти блестки и пестрота взволновали Мракобеса — его серебряные хоботки, курясь, пускали дым. А из-за дыма еще ярче выблескивали, дразня, фальшивые камни.

И два часа, я следил по часам, царский подарок, два часа перед царем добросовестно нога в ногу, плечо к плечу, глаза в глаза и лоб в лоб истуканно танцевали актеры.

И как мне было не вспомнить купальскую теплую зарю, огненную пляску — этот жаркий луч с земли на небо, песенный вихрь, хмельную ночь.

И став перед царем на обе, по-человечески, я, царский дурак Сергей Зажигай, отшвырнув Мракобеса, взвился, крутясь, — огненный шар.

С.-Петербург
1772

Петербург с чудеснейшим Версалем — Петергоф.

На придворном театре французы.

Французы сменили немцев, и прочно возгнездятся на русской земле. И не за горами, когда французский язык станет на Руси единственным, а французская литература — пример для подражания. И это французское скажется и в рассвете русского: проза Пушкина, Лев Толстой, проза Жуковского — думано по-французски и лада не русского.

Все как в Париже — играют Корнеля, Расина, Мольера.

Балетмейстер и танцовщик Ланде обучает танцам моих старых знакомых по «русалии», их кличут, как нынче воров и татей, впрочем, нам дело привычное: Тимошка Бубликов, Афонька Топорков, Андрюшка Нестеров — — Аксинья Сергеева, Лизавета Зорина, Авдотья Тимофеева.

Танцует среди «сволочи» и сама русская императрица Елизавета Петровна.

Великий льстец Ланде, сахаря и глазами и улыбкой:

«Нигде, — говорит, — не танцуют менуэт с такой грацией, как при дворе Елизаветы».

Если бы он знал, что мы были бы первые и не только в менуэте! Но что поделать, старое не вернешь, нечем щегольнуть, а нового — да и сами французы еще не открыли. Но они откроют и мы подхватим.

Париж — Петербург
1790–1808

В *1790* году, Карамзин, насмотревшись в Лионе и Париже, открывает для России первого танцовщика, единственного, —

эльф! — воздушного Вестриса. И Вестрис в России станет, как свой всякому, кто заплачет над «Бедной Лизой».

Первый русский историограф, зачаровавший русское ухо, несвойственными русскому, немецкими периодами, перенес чарами своего красноречия к нам на нашу просторную, от края до края белоснежную, волшебный образ вечно-весеннего, совершеннейшего человеческого тела — Огюст Вестрис.

Петербургские щеголи — «дэнди» и «львы» на балах подпрыгивали под Вестриса. Марлинский, Нарежный и Измайлов говорят, как о хорошем тоне «большого света»: везде прыжок. Я уверен, Онегин и Чацкий, наводя свои «телескопы» — мода на длинные бинокли, или пуская мыльные пузыри — тоже из моды, подпрыгивали под Вестриса.

*

В *1808* г. Дюпор, не ужившийся в Париже с Вестрисом, танцует в Петербурге. Восторг и удивление: в три прыжка он перелетел сцену Большого Театра, а в антраша и пируэтах взлетает, как мяч. Серебряная куртка.

Летучий Дюпор заворожил Петербург, а в канун Московского пожара Москву: увековечен Львом Толстым в «Войне и мире».

Серебряная куртка! Я тоже в белом — серебро, я задумал однажды полетать, залез на шкап — и переломил себе нос. С чайником-носом, как клоун, доживаю мои годы в блестящем, блистающем Париже Вестриса и Дюпора.

Париж
1936

«Прошло два лета. Также бродят
Цыганы шумною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой».

Не Вестрис, не Дюпор, а русский — Сергей Лифарь танцует в Оперá, изобретая танцевальные зрелища — «русалии» — на парижский глаз.

О Лифаре молва, что он «торжественно» хорош, а за его легкость, и как вертится и кружится, за его воздушный лёт уподобляют метели — сказочной русской метели — вертень-вихрь. Его сравнивают с Шаляпиным: «трагический актер» — так очаровывает он своим летучим блеском, как Шаляпин своим изнывным, потрясающим душу голосом.

Для Парижа он новый Вестрис, памятный для нас по «Письмам русского путешественника».

«Питомец милых граций», «ритор без слов — Цицерон», «Сириус меж звезд», «первый танцовщик во вселенной», — легкостъ, стройность, чувство, гармонию и жизнь его танца не выразить никаким гоголевским словом и Пикассо не изобразит.

Или по Бурнонвилю: он достиг захвата в страстности Вестриса, совершенства Дюпора, чёткости Альбера — этого сына земли, блеска Поля — этого сына неба, и фосфорической легкости гнома Перро — зефира с крыльями летучей мыши.

Для нас, русских, Лифарь второй Дюпор, заколдовавший однажды Петербург и Москву.

Изображая в «Войне и мире» Дюпора, знал ли сам Толстой, и уж никак ни его Наташа Ростова, ни Элен, ни Анатоль, что без чар Дюпора ничего бы не случилось, и встреча Наташи с Анатолем не имела бы никаких последствий: легкость и свободу, которую почувствовала Наташа, — это легкость и воздушность полетов Дюпора.

Не забыть мне, как после «Икара» — этой соловьиной песни Лифаря — энтузиазм в Опере был так велик, что в ту минуту — театр стонал от рукоплесканий — и почитатели Лифаря готовы были провозгласить его диктатором: диктатор Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки — кругосветный!

А в моей памяти, через «Икара», как распахнулось. И вспомнил я Киев, Аскольдову рощу, Зеленую неделю, синий павлиновый вечер, русальное шествие с музыкантами, — и тот черненький выраставший под чарами демона грозным маридом, — и тот плывущий в воздухе над головами — черный зловещий огонек — Сергей Лифарь!

ПЕТЕРБУРГСКАЯ РУСАЛИЯ

Кикимора

«РУСАЛИЯ» — плясовое музыкальное действо. Коновод-Алазион, князь бесовский, демон радости и удовольствия, церкви соблазн, христианской душе пагуба. С незапамятных времен беспощадно гнали Алазиона и со всеми его подручными, потаковниками и прихлебателями — этих всякого рода бесов, исполнителей русалий. Ненаписанная история «веселых людей» скоморохов — история пожарных, но не воду льют, туша пожар, а в тлеющем пожарище вздувают огонь.

Алазион, по словам Нифонта, святой старец видел его собственными глазами, — черненький вихрастый, искрящиеся щелки-глаза и проворный живой хвост. И всюду, где его морда покажется, там хохот, песни и пляска.

Его видел Гоголь: «нахмурит, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги, Бог знает куда». И тоже всюду, где покажется его мерзкая харя, там хохот, песни и пляска. «Отец Афанасий объявил, что всякого, кто спознается с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой веры и всего человеческого рода».

Никакие угрозы не действовали, и русалия — «песня-пляска-музыка» — на русской земле не заглохла и живет в веках под Алазионом, по-киевски, или под Басаврюком, по-полтавски, зови, как кому любо.

*

Наше время, Петербург, *1912* год. Алазиона никто не знает, про Басаврюка читают детям, «русалия» называется «балет».

И вот на первые заморозки Он появляется на Неве во всей своей славе и свитой — по городу говорили, что Терещенко прямо из Киева пригнал на собственных автомобилях ораву, но не поминалось, что это были настоящие бесы — кто ж теперь верует в бесов!

«Алалей и Лейла» волшебный балет — «петербургская русалия» А. К. Лядова. Танцы и хор. «Пляска-песня-музыка» древних русалий, где песня — цветение взлета или пламенный выдох кручи.

М. И. Терещенко — чарующий Алазион. Я под именем Куринаса пишу либретто русалии — образы моей весенней сказки, они зазвучат в музыке Лядова-Кикиморы.

В шествии на русалию, как видел Нифонт, музыкант идет об руку с Алазионом, а с ним, согнувшись, либреттист —

Алазион — Кикимора — Куринас.

В свите Алазиона я различаю: режиссер, художник и балетмейстер — Мейерхольд, Головин, Фокин —

Гад — Дад — Коловертыш.

Алазион (Терещенко) мне передал от Буробы (В. А. Теляковский, директор Имп. Театров) за мое либретто тысячу рублей. И когда в Аничкином Дворце я подписывал контракт — 3% с представления — усатые хвостики Буробы шевелились под мой до небес исструнченный росчерк.

Это был первый и единственный случай в истории Императорских Театров: тысяча рублей за либретто.

Лядов рассказывал, вспоминая своего отца — имя громкое, кто только ни писал — Павлов и Соллогуб и Ап. Григорьев, «оркестр Лядова» — что в старину либреттист за свой труд довольствовался полдюжиной пива, а начнет хорохориться, в шею без разговоров.

«Тысяча за либретто, да этак можно с ума спятить!» — повторял Лядов, прицениваясь, сколько же будет стоить его музыка?

«Да не меньше, двести тысяч!» — поджигал Гад с Дадом, им, известно, наговорить, что огоньки пускать, болотная нечисть.

И эти болотные двести тысяч — гонорара за музыку — заколдовали воображение Лядова.

*

«Русалия» и наши тайные собрания на Дворцовой набережной у Терещенки и на Подьяческой у Головина не скрылись от любопытных глаз, знал весь Петербург: не было человека, кто бы поверил, что Лядов напишет балет и русалия осуществится на Мариинском Театре.

На собраниях Лядов только смотрел, подпирая свой виноватый взгляд задорно кикиморным носом, единственный надежный природный упор, почему-то обращаясь не к Терещенке, не к Мейерхольду, а к Блоку — Блок был привлечен в свиту Алазиона под именем Марун — Блок, краснея, отвечал Лядову также молчаливым болезненным сочувствием.

А сколько раз я со своим либретто волшебной сказки ходил к Лядову на Николаевскую и заставал его: сидит — «дивясь сам себе».

Моя обезьянья грамота, много вечеров я над ней гнулся, какие там болотные двести тысяч, царь Асыка сулил золотые горы! — еще глубже вдавалась в музыку, озолотя.

«Баба-Яга» и «Кикимора», Лядову и выдумывать нечего, давно прозвучало и напечатано, но, ведь, среди метели Ягиной нечести и проказ Кикиморы мои Алалей и Лейла?

«На черном бархате, — сказал Лядов, — под скрипку, вспыхнув, спускаются две серебряные звезды, Алалей и Лейла».

И это единственное, — это начало русалии, что осталось в памяти за два года «тайных» совещаний, неизменно за любимым янтарным Токайским — из запасов Терещенки.

*

Мастерская А. Я. Головина на сверх-верхах Мариинского Театра завалена чудищами, вся моя «Посолонь» с весны годовой круг, — «игрушки» работы Анны Алексеевны Рачинской, чудесным образом вышедшей из «неизлечимого» умопомрачения, выкуколив полевое, лесовое и воздушное моих «подстриженных глаз».

Буроба (Теляковский) очень беспокоится: первое представление волшебного балета «Алалей и Лейла» предполагалось в царский день в присутствии царской семьи, не напугать бы «чертями!» Буроба подымался в мастерскую Головина и, глядя на Доремидошку, Криксу-вараксу, Ховалу, Кощу, да на ту же свою Буробу, только шевелил усами, столбенея.

На «тайных» совещаниях каждый раз я читаю новую редакцию русалии, сокращая, Мейерхольд затевал ввести цирковые трюки в явлении Чучелы-чумичилы и особенно занимает его «солнечная колбаса» в эпилоге: как эту блестящую колбасу по-

хитрей спустить с Головинских небес, чтобы угодила прямо в лапы лесавым — Гаду и Даду.

М. М. Фокин на «тайных» совещаниях не показывался — музыки и в помине не было, а танец не колбаса.

*

В сентябре *1914* года — в самую горячку войны — Лядов помер, унеся с собой на тот свет две мои серебряные звезды, звучащие скрипкой — Алалея и Лейлу. Глазунов среди оставшихся бумаг не нашел ни строчки, посвященной русалии.

*

Все мы с Алазионом стояли на обедне в Ново-Девичьем монастыре — за гробом Лядова.

Лицо его было закрыто голубыми шелковыми воздухами, из-под узкого золотого покрова виновато торчали смертные туфли без задников. И на эти тычки-туфли все глядели, как на самого покойника — все, что осталось от живого человека.

Молодая монашка-гермафродит «неестественно» горловым совьим басом читала за обедней Апостол — впечатление потрясающее — это был Лядову прощальный голос его Бабы-Яги и Кикиморы.

Осенний солнечный день грел по-летнему и только не летний ветер все настигал и пересвистывал желтыми листьями по дорожкам кладбища. И в раскрытую могилу залетали золотые листья — могила Лядова об-бок с Некрасовым, Салтыковым и Тургеневым.

Когда все было кончено, и одни только черные в осеннем золоте среди крестов и памятников монашки, мы, кланяясь в последний раз: «прощайте!» — вышли за ворота.

Недалеко от кладбища, у Нарвских ворот, второразрядный трактир, туда мы и зашли, Гад, Дад и я. И помянули блинами Кикимору, Бабу-Ягу и мою, так и не зазвучавшую волшебную русалию, мои серебряные звезды — Алалея и Лейлу.

Бесприданница

Я часто встречал В. Ф. Коммиссаржевскую. Сказал ли я с ней хоть слово? Никогда. В памяти испуганные глаза и как здоровалась: крепко держит мою руку. Так же было и с Блоком. Он,

краснея, «Вера Федоровна...» — а испуганные глаза серыми светляками, погасая, как на нитке куда-то туда убегали: то она что-то забыла, то ее куда-то позвали.

Ей что-то хотелось сказать, но она не находила слов. А я всякий раз себе говорил: «видел Веру Федоровну».

В те времена «мракобесия» — корифеем был Мережковский, облепленный сверху донизу Достоевским — выражались туманно. Вере Федоровне казалось, что со мной и с Блоком надо говорить какими-то особенными словами под всеобщий словесный мрак.

Так объясняю я наши молчаливые встречи.

Ясной мысли, чего мы хотим от театра, у нас не было, ясно было, что современный театр не театр и что реализм — разрушение театра. Без всяких рассуждений у Блока вышел «Балаганчик», у меня «Бесовское действо», это было так не похоже на все, что тогда называлось «театром».

Я читал Коммиссаржевской «Иуду». В пьесе есть роль: «Ункрада» — трагедия. А это как раз по ней. У Коммиссаржевской было вдохновение. Научиться играть она не могла, она плохо играла, но вдохновляясь, она могла творить чудеса. Ее прославила «Бесприданница» Островского: изумительно! У нее вдруг менялся голос, и соскакивали слова, звуча таким первородным — Плач Адама на проклятой Богом земле, в эти минуты душа ее кипела. Выражаясь с моих глаз, «пар подымался». Коммиссаржевская была трагической актрисой — вот по какой дорожке надо было ей идти, а не водевилить.

Все это я, не называя, чувствовал. Здороваясь, я прикасался к вулкану. Но что она чувствовала — со мной и с Блоком — что-то да чувствовала, почему и глядела такими испуганными глазами.

Мейерхольд заворачивал голову наукой, А. В. Тыркова-Вильямс — общественной деятельностью. «Наука» довела до слез, тут и произошел разрыв с Мейерхольдом. А мысль о общественной деятельности привилась. Перед погибельным Самаркандом (позарилась на ковры и тюбетейки) только и было разговору о создании Театральной школы, куда входил Блок и я (два неизвестных) «и надо поговорить с Вячеславом Ивановым!» (третий неизвестный).

И только смерть спасла ее от слез — какое это было бы разочарование — Театральная школа с тремя «неизвестными». Коммиссаржевская была трагическая — там ее и место! Но без всяких головоломных затей — живой человек среди «мракобесия».

*

Расскажу, кого из великих мне посчастливилось видеть — Федотову, Ермолову, Стрепетову я отчетливо помню. Все три не простой марки.

У Стрепетовой — «Горькая судьбина» — все в ее горюющих руках, в них и через них звучит слово. У Федотовой — «Макбет» — голос, а ее голос — черный родник. А Ермолова — «Мария Стюарт» — какой чувствительный изгиб: живет каждый мускул ее тела, и какое бездонное дыхание!

Всех я их видел на театре и раз Федотову в жизни. Это было на похоронах отца, полная церковь, и я моими «подстриженными глазами», мне было шесть лет, видел вон ту — потом я узнал, что это знаменитая московская актриса, какая-то дальняя родственница отца, на его счет воспитывалась в театральном училище. Но чем она поманила меня, не могу вспомнить, я только, говоря, повторял, «в такой шляпке».

*

Очень важно, как входит человек.

Когда семеня и перебирая руками, появлялся в комнате В. В. Розанов, все, и самое мертвое, вдруг оживало, подымался беззаботный смех.

В появлении Мережковских было всегда что-то комическое, потому и было так смешно смотреть. На похоронах Мережковского, стоя за гробом, я понял, что в жизни он был ходячим гробом: гроб, закрытый крышкой и среди церкви ничего смешного, но каково в жизни — такая встреча. З. Н. Гиппиус вся на костях и пружинах — устройство сложное — но к живому человеку никак. Да они и всю жизнь, а прожили в удовольствие, только и говорили о «конце света», с какой-то щиплющей злостью отвергая всякую жизнь.

Вячеслав Иванов входил, танцуя, а Горький урча. Блок медленно и трепетно лунным лучом. Коммиссаржевская как вихрь.

*

За «Бесовское действо» она наградила меня лавровым венком, стоил 80 рублей (*1908* г.), на месяцы щи, а красная лента на память (хранится в Пушкинском доме). А когда с этим венком под хлещущий свист я прошел со сцены в ее «ложу», она встретила меня как всегда — ни слова — не отпуская мою руку, она только смотрела: она боялась, как это на меня подействовал свист, и вместе с тем я видел в ней Гильду из «Строителя Сольнеса» и в ее испуганных глазах я читал, что одобряла, что так и надо и навсегда: «наперекор».

Ей потом и Ункрада («Иуда») пришлась по душе за этот извечный «наперекор». Почему-то это настроение души называется туманно «демонизмом».

И когда после моего чтения, она, пробуя, сама читала:

«Зимы там долги и темны — белый снег...» — эти слова Ункрады будили в ее душе память, однажды излившуюся тоской в песни «Бесприданницы».

*

И еще памятен мне вечер. Сквозь петербургский туман одни фонари, закутанные крепом, с болью светят в себя.

В театральной мастерской на Офицерской читали поэты: приезжий из Москвы Брюсов и петербургские столпы: Блок, Кузмин, Сологуб, Вячеслав Иванов.

Когда Вяч. Иванов прогнусил свои церковнославянские канты, а на столиках зазвякали тарелки, я непрошенный, я не поэт, неожиданно для других, но, главное, и для самого себя, — было устроено вроде эстрады из ящиков, помню, как я пробираюсь со страхом, и говорю себе «куда и зачем» — и вылез.

Баю-бай, медведевы детки, баю-бай.

И от того, что мотив «Медвежьей колыбельной» я запомнил из моего сна, я не пел, а только вызвучиваю ритм, а слова были звериные, как это далеко к петербургскому! вдруг наступила такая тишина — это бывает, когда покажется, что все провалилось, и только слышно один голос — свое.

И потом первое, что я увидел и запомнил — это были знакомые испуганные глаза. Мне и снилась однажды Коммиссаржевская в образе Сфинкса — в этом испуге была загадка.

*

На похоронах Коммиссаржевской мне не пришлось быть. Но ее верный рыцарь А. П. Зонов, старый актер, мне рассказал, как было торжественно в Александро-Невской лавре и сколько венков. А от себя и от меня — Зонов был странный человек — но без нашей подписи, он положил сверх всех, венков:

«Радуйся благодатная!»

Послушный самокей
(Михаил Алексеевич Кузмин)
1871—1936

Михаил Алексеевич Кузмин, рассказавший в «Александрийских песнях» по-русски о Антиное, взблеснул на литературном искусном Петербурге *1906* года и умер в Ленинграде в *1936* году.

*

Такое состояние человека, когда только глядят глаза... Как избитый за ночь, поднявшись через силу, иду за добычей. Навстречу и обгоняют: у кого мешок, у кого кувшин, а бывает, и с пустыми руками.

И в тот же самый утренний час, и всегда особенно зябкий, вы тоже и как часто с пустыми руками. Из Парижа вижу вас, вашу улицу.

«Счастье свободного человека, — говорите вы, “тихим стражем”, поворачивая ко мне ваши единственные вифлеемские глаза, — зависит от того, сколько у него рублей в кармане».

Вы на своей земле — в Ленинграде, а я в Париже, а судьба наша одна. Вы идете, остерегаясь, не толкнуть, но вас толкают. Какие счастливые, потому что наполнены горьким чувством, не пустые, наши беспризорные дни!

*

Когда мне говорят «Кузмин», я слышу антифоны:

«О, дороги, обсаженные березами, осенние, ясные дали, новые лица, встречи, приезд поздно вечером, отъезд светлым утром, веселый возок, возницы, деревни, кудрявые пестрые рощи, мона-

стыри. Целый день и вечер и ночь видеть и слышать того, кто всего дороже, — какое это могло бы быть счастье, какая радость, если бы я не ехал, как слуга, хлопотал о лошадях, ужинал на кухне, спал в конюшне, не смел ни поцеловать, ни нежно поговорить с моей Луизой, которая к тому же жаловалась всю дорогу на головную боль».

Татуированный Сомовым, шляпа с лентой «умирающего Адониса», в одной руке левкой, в другой мешочек: «акакия» (земля), символ смирения базилевсов, — такой в моих глазах, когда мне говорят: «Кузмин».

Наши пути другие и от того, что моя стихия, мой огонь, вспыхнувший в веках, живет и светит по-другому, как бы я хотел быть, как вы, «послушный»:

Если мне скажут: «ты должен идти на мученье» —
С радостным пеньем взойду на последний костер, —
Послушный.

Если б пришлось навсегда отказаться от пенья,
Молча под нож свой язык я и руки б простер, —
Послушный.

Если б сказали: «лишен ты навеки свиданья», —
Вынес бы эту разлуку, любовь укрепив, —
Послушный.

Если б мне дали последней измены страданья,
Принял бы в плаваньи долгом и этот пролив, —
Послушный.

Если ж любви между нами поставят запрет,
Я не поверю запрету и вымолвлю: «нет».

Таким я вижу Кузмина и в «Сове» (Бродячей собаке), веселом ночном подвале «Плавающих и путешествующих», за высокими ширмами, где тесно сидят с блестевшими в полумраке глазами, и там, в Таврическом Народном Театре, битком набитом солдатами, — стоячие места, «послушно» опущенные руки.

В метро вошла женщина с девочкой, я взглянул на мать и вдруг понял, откуда эта знакомые «вифлеемские» глава, — в роду матери у Кузмина французы.

Ваша звезда не погасла: она мне видится над зеленым морем среди мигающих мохнатых звезд, а в безлунные ночи, в засыпанном золотыми зернами небе.

Ваше имя еще живет в кругу книжного Петербурга и всегда останется у любителей стихов.

Брюсов повторял, что писатель должен быть на уровне с достижениями науки, философии, литературы и искусства. Его ученик, Гумилев, как Горький, учительствовал — обоим не доставало «высшего образования». Зато с Вячеславом Ивановым стоило раз поговорить, чтобы с первых слов, и без Брюсова, понять, что требуется от писателя. С. К. Маковский — одним словом, «Аполлон», Андрей Белый — «философ» — гласолалия, а Кузмин — начетчик.

Для Кузмина искусство — все; а все остальное только хлеб, да и тот выпечен. Говорю по Кузмину, его манерой.

Начитанность Кузмина в русской старине не заронила ни малейшего сомнения в незыблемости русской книжной речи: Карамзин и Пушкин. Следуя классическим образцам, он добирался до искуснейшего литераторства: *говорить ни о чем*. У Кузмина есть страницы, написанные просто для словесного складу и очень стройно, точь-в-точь, как у Марлинского его великосветские кавалеры, подпрыгивая под Вестриса, говорят с дамами «средь шумного бала» или, как дети в игре разговаривают друг с другом «по-шицам». Этого песку и в «Тихом страже» и в «Нежном Иосифе» и особенно в «Плавающих и путешествующих», написанных как будто под Лескова.

Свое несомненное в незыблемость и единственность образцов русской классической книжной речи, увенчанной Пушкиным, Кузмин выразил и объявил, как манифест «О прекрасной ясности». Это был всеобщий голос и отклик от Брюсова до Сологуба. Мне читать было жутко.

«Чуть слышный шепот прошелестел, как шаткий камыш: “Зачем ты все воюешь, если и всем обладать будешь, возможешь ли взять с собой?” — Александр горестно воскликнул: “Зачем ветер вздымает море? Зачем ураган взвихряет пески? Зачем ту-

чи несутся и гнется лоза? Зачем рожден ты Дандамием, а я — Александром? Зачем? Ты же, мудрый, проси чего хочешь, все тебе дам я, владыка мира". Дандамий потянул его за руку и ласково пролепетал: "Дай мне бессмертие!"»

(Подвиги Великого Александра).

Прекрасная ясность!
Прекрасная ясность по Гроту и Анри де Ренье.

«Роман или рассказ могут быть приятной выдумкой, не больше. Если же они представляют неожиданный смысл еще и по другую сторону того, о чем повествуют, то следует радоваться этому, полуумышленному дополнению, не требуя излишней последовательности, а рассматривать повествование лишь как плод таинственных соответствий, какие, вопреки всему, существуют между явлениями».

(Рассказы о маркизе д'Антеркер).

Кузмин следовал этому правилу, искусно делал литературные вещи. В его рассказах так много «беспредметной мудрости духовных бездельников и обеспеченных лентяев».

*

Родина Кузмина — Ярославль. Земля питерских и московских половых «шестерок» — белотелый щеголь, зоркий и слухменный, а уж речист — перепелку языком перешиб.

Источник неиссякаемого словотёка — глубокомысленно пустых страниц «Нежного Иосифа» и «Тихого стража» не материнское французское «causerie», а уставленный чашками поднос — как перышко, бросает его на стол ярославец —

«Ракета! Рассыпалась розой, роем разноцветных родинок, рождая радостный рев ротозеев».

«Ярославль» для Кузмина символ. Старообрядки — васильсурская Марья Дмитриевна и Устинья с Гагаринской моленной — «Ярославки». О «богу-славных» Кузмин не знает. А его демон-вдохновитель ярославский Зевс — ярославский Дионис — ярославский Гелиос.

«Цветы, пророчески огромные, огненные зацветают; птицы и животные ходят попарно и в трепещущем розовом тумане

виднеются из индийских «manuels érotiques» сорок восемь образцов человеческих соединений».

Так кончаются «Крылья» — взлет ярославца.

Живой вдохновитель Кузмина Пьер Луис, а соблазн — французские новеллы XVIII века. Любимые писатели: Анри де Ренье и Анатоль Франс. От «Песен Билитис» — Александрийские песни; от новелл — «Приключения Эме Лебефа» и «Калиостро»; от Анатоля Франса — «Путешествие Сера Джона Фирфакса», «Кушетка тети Сони», «Решение Анны Мейер». Из русских: Мельников-Печерский и Лесков — Прологи и Апокрифы, откуда вышли Кузминские действа — «О Алексее, человеке Божием», «О Евдокии из Гелиополя».

Ирония Кузмина никак не от Анатоля Франса, а лесковская с «подмигом», но без всякого юмора Лескова. Оттого от повестей Кузмина такая скучища, а все его «протягновенности» — провинциальный всурьез.

«Занавешенные картинки», есть у Кузмина такая книга не для дам, от «Казначейши» Лермонтова, но какой ярославщиной несет от петербургской «галантности».

И снова я слышу антифоны, и в моих глазах вифлеемские глаза:

«Имея душу спокойной, я был счастлив, ведя жизнь странствующих мимов. Я любил дорогу днем между акаций, мимо мельниц, блиставшего вдали моря, закаты и восходы под открытым небом, ночевки на постоялых дворах, незнакомые города, публику, румяны, хотя и при маске, шум и хлопанье в ладоши, встречи, беглые интриги, свиданья при звездах за дощатым балаганом, ужины всей сборной семьей, песни Кробила, лай и фокусы Молосса».

(Повесть о Елевсиппе).

*

Кузмин выступил в *1905* г. в «Зеленом сборнике». Блок написал рецензию в «Вопросах Жизни». Так я узнал имя Кузмин. С Кузминым и тоже стихи, в первый раз был напечатан Ю. Н. Верховский, известный под «обезьяньей» кличкой Слон Слонович, «фиктивный» враг В. Ф. Ходасевича, и «заковычный» друг М. Л. Гофмана, оба одновременно негласно труди-

лись над Дельвигом. Третий участник «Зеленого Сборника» проза: Вяч. Менжинский, впоследствии заместитель Дзержинского. Блок выделил Менжинского, а Верховского (Слона Слоновича) и Кузмина напутствовал добрым пожеланием.

А познакомился я с Кузминым осенью *1906* года на вечере «Современной музыки». Кузмин был один из организаторов этих вечеров: В. Ф. Нувель, А. П. Нурок, Вяч. Гавр. Каратыгин, И. И. Крыжановский, Гнесины, В. А. Сенилов и М. А. Кузмин.

В антракте Нувель показал мне, подмигнув, — сидел в среднем ряду.

«Кто это чучела гороховая?» — спросил я.

«Кузмин, я вас познакомлю», — Нувель улыбнулся носом.

Не поддевка А. С. Рославлева, а итальянский камзол. Вишневый бархатный, серебряные пуговицы, как на архиерейском облачении, и шелковая кислых вишен рубаха: мысленно подведенные вифлеемские глаза, черная борода с итальянских портретов и благоухание — роза.

Заметив меня, он по-лошадиному скосил свой глаз:

— «Кузмин».

И когда заговорил он, мне вдруг повеяло знакомым — Рогожской, уксусные раскольничьи тетки, суховатый язык, непромоченное горло. И так это врозь с краской, глазами и розовым благоуханием. А какое смирение и ласка в подскакивающих словах.

У Вячеслава Иванова на Таврической «Башне» я услышал его «Александрийские песни». Он их пел под свою музыку, ученик Римского-Корсакова. Музыка незаметная, а голос — козел. Смешновато, но не раздражает, как обычно авторское исполнение, спасал слух.

И когда он не пел, а читал свои стихи по-своему с перескоком слов, теткиным знакомым голосом, было очень трогательно, одинаково как «трагическое», так и «смешное». В его словах звучала тусклая бисерная вышивка ярославской работы.

А как меня слушал Кузмин? Одновременно, с «Крыльями» вышла моя «Посолонь». Да так же слушал, как и все петербургские «аполлоны»: — снисходительно.

Природа моего «формализма» (как теперь обо мне выражаются) или точнее в широком понимании «вербализма» была им враждебна: все мое не только не подходило к «прекрасной яс-

ности», а нагло пёрло, разрушая до основания чуждую русскому ладу «легкость» и «бабочность» для них незыблемого «пушкинизма». Они были послушны данной «языковой материи», только разрабатывая и ничего не начиная.

Так было оттолкновение «формально», но и изнутри я был чужой. Вся моя жизнь была непохожей. И все их «приключения» для меня только бесследная мелочь или легкая припыленность.

Но как случилось, что я очутился с «аполлоном»? Да очень просто: ведь только у них, «бездумных», было искусство, без которого слово немо и от набора слов трескотня и шум. Но близко меня не подпускали, «своим» я не чувствовал себя ни с ними, ни у отрицавших их, веровавших в искусство — «жарь с плеча».

Висеть в воздухе — моя судьба. «Муаллякат» — символ моей жизни. Или как в Петербурге, в те дореволюционные времена, прислугам писали на удостоверениях из наемных контор: «неподходяча».

Так «неподходяча» и до сих пор в моем русском советском паспорте, а в эмигрантских удостоверениях внушительная «похерь».

*

Что осталось от Кузмина, какая звучащая память?

Кузмин создал русскую легенду о Александрии. Как Блок своим петербургским цыганским туманом, Кузмин чаровал египетской цыганщиной. — Вот что со мной от Кузмина.

«Когда мне говорят Александрия, я вижу белые стены дома, небольшой сад с грядкой левкоев, бледное солнце осеннего вечера и слышу звуки далеких флейт...»

*

В расцвете «кларизма» в «Аполлоне», а на другом конце литературной улицы «дубоножия», эти двери для меня «вход воспрещен», помню осенний петербургский мой любимый вечер. Я что-то писал и никогда не покидавшая меня надежда из безнадежного осеннего дождя подстукивала в окно, собирая горячие мысли и неостывшие слова.

Мы жили в Казачьем переулке – Бурков дом. Мимоходом зашел учитель, не похожий на учителей Сологуба, М. Н. Картыков, он только что выпустил тоненькую книжку: М. Багрин «Скоморошьи и бабьи сказки». Он торопился на собрание в «Аполлон», где будут все: Ф. Ф. Зелинский, И. Ф. Анненский, Вяч. Иванов, С. К. Маковский, Блок, Гумилев, Сологуб, Кузмин, а из Москвы Брюсов и Андрей Белый.

«Знаете, – сказал Картыков, – все они высшей культуры, а мы с вами средней».

И это осталось у меня в памяти.

«Знает ли нильский рыбак,
когда бросает
сети на море, что он поймает?
Охотник знает ли,
что он встретит?
Убьет ли дичь, в которую метит?
Хозяин знает ли,
не побьет ли град
его хлеб и его молодой виноград?
Что мы знаем?
О чем нам знать?
О чем жалеть?

Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крепче за руки.
Звуки
звонкого систра несутся, несутся,
в рощах томно они отдаются».

Бесовское действо

Моя страсть к театру, как и моя непреодолимая охота рисовать – без них я не я. Люблю все представления – от балагана до Эсхила и Вагнера. Самый воздух меня подымает. Тайна театра... видано ли, чтобы волк, лиса, осел, конь и верблюд, павлин, лев и черепаха разыгрывали между собою вторую жизнь – театр; но человек – в шкуре и перьях – и по природе одной повадки может *притворяться* и не в защитных целях, а по

какой-то и совсем не «жизненной» воле. Начало моей литературной работы театр: *Бесовское действо* у Коммиссаржевской. Так оно и должно было случиться и именно у Коммиссаржевской, а не в Художественном, в самой своей затее, как реакция на напыщенную театральность, отрицавшем «скоморошье» существо театра.

Постановка моего «действа» — театральная история: без грима я разыгрывал сумасшедшего, которому «представляются черти», как объяснял помощник режиссера, кивая на меня, цензору: Ланкерт решительно отказывался понять пьесу; потом я «ломал комедь» под цензора, вычеркивая «соблазнительные» места из моего «святочного гаданья с переодеваниями», как в конце концов растолковано было мое загадочное «действо», а когда разрешение было дано, роли распределены, началась канитель со Змием: никто не соглашался — очень стеснительно и беспокойно: ведь актеру надо было сидеть на корточках, шевелиться и затем издохнуть! — и много выпало мне приманочной надсадки и уговора, пока не вызвался смельчак из театральных рабочих, но потребовал за каждое выступление бутылку водки и рубль денег, а в заключение, после премьеры, я представлял «корм», питая петербургских карикатуристов и пользовал знакомых и соседей лавровым листом из своего венка, для щей: и больше всех наел появившийся в ту пору в Петербурге М. М. Пришвин, прославленный русский писатель, «академик», а тогда застенчивый и не «выразимый» этнограф и космограф.

«Действо» принято было, как безобразие, оригинальничанье и издевательство над зрителем — «Бесовское действо насупротив публики за то, что с доверием принесла свои рублики».

Спектакль «Действа», как и «Балаганчик» Блока, — театральный скандал: свистки в аплодисменты или аплодисменты под свист — неистовство и исступление.

Старый актер К. Б. Бравич отказался играть, пришлось заменить молодым, неопытным, но не постеснявшимся ходить весь вечер с демонским хвостом, приколотым «ангельской булавкой». «Бесовское действо» было первым выступлением М. В. Добужинского, как декоратора, и началом Ф. Ф. Коммиссаржевского, как режиссера. Музыку сочинял М. А. Кузмин, пел хор А. А. Архангельского.

Когда о произведении говорят: «непонятно» — что ответить? Я понимаю и готов выслушивать всякую критику — на то и критики на белом свете, чтобы судить, а не целоваться, но одного я не могу принять, как можно ставить в упрек театральному писателю, что он «издевается над зрителем», точно существует в природе какой-то одушевленный, постоянный зритель, тогда как на самом деле «зрителем» для автора был, есть и будет сам он. Я понимаю и терпеливо выслушиваю всякий отзыв. Горький говорил, что для него критика «хлыст: встрепенешься!». Я согласен, много соблазнов потерять перспективу, вообразить себя не на том месте, где посажен — низкий уровень читательского круга, льстивая критика, дружественный отзыв приятелей — и успокоиться в гении Льва Толстого, да, плетка не помеха, я понимаю, но никогда я не мог согласиться, как возможно упрекать писателя, будто бы он старается быть оригинальным во что бы то ни стало, послушайте: «оригинальность» это лицо, а имея вместо лица лопату, сколько ни старайся — ничего не выйдет.

«Бесовское действо»... бесы откололи себе хвосты и поделались людьми, не отличишь от правдашних, вторая часть трилогии — «Трагедия о Иуде», разрешенная Дризеном под названием «Проклятый принц» с заменой Пилата — «Игемоном»; имя обезьяньего царя Асыки осталось неприкосновенно: Валахтантарарахтарандаруфа.

Пьеса, принятая В. Ф. Коммиссаржевской, осуществлена лишь через шесть лет Ф. Ф. Коммиссаржевским в Москве: пять лет рукопись носил у себя в заднем секретном кармане режиссер А. П. Зонов, неприкосновенно-единственный экземпляр, что, по его мнению, «подымало интерес». Третья часть трилогии — бесы не ряженные и не бесовские люди, а в своем демонском видении: «Действо о Егории Храбром», появившееся в «Аполлоне», пытался в инфляцию устроить в немецком театре в Берлине известный знаток старинного пения П. П. Сувчинский, помешала стабилизация, и все «бесовское» хлынуло волной в Париж.

А еще в революцию, как апофеоз «Бесовского действа», я написал по народным текстам «Царя Максимилиана»; трагедия, другого определения не найдется, показана была в дни

кронштадтского восстания на Лиговке, в железнодорожном клубе под гармонью; зрелище незабываемое.

Сколько у меня было надежд, как верил я, что революция подымет и соберет слова со всей русской земли и то, что считалось «областным», станет в свете таланта «литературным»: какое богатство слов и у каждого слова, как листья, слова-оттенки.

«Конек-горбунок» в незапамятные времена положил нача́л моему любопытству к балету.

Встреча с М. М. Фокиным, для которого я сделал несколько сценариев на музыку, разговоры с ним, открыли передо мной балетную мудрость.

И потом под глазом Терещенки, Михаил Иванович занимал в те времена какую-то должность при Императорских Театрах, на свой страх и риск написал я *русалию* (древнее название балетного действа) «Алалей и Лейла» для Мариинского театра. Лядов за годы подготовки не раз поминал о своих затеях: и помню скрипку на черном бархате — появление моих героев Алалея и Лейлы.

В канун революции — моя русалия на тибетскую легенду «Ясня» для О. О. Преображенской. Все было готово, но случился призыв ратников ополчения второго разряда, и режиссера, его помощника и меня с ними, пропустив через Проходные Казармы, посадили в Военно-клинический госпиталь на испытание.

В революцию для детского театра моя последняя русалия «Гори-цвет». Связанный с театром я после моего единственного и позорного выступления ни разу не принимал участия, как актер. «Ночные пляски» Сологуба не в счет. Кто не знает, как может говорить Н. Н. Евреинов! — по длительности и магии его можно сравнить, если вспомнить московских «философов», собиравшихся на Собачьей площадке в годы войны и революции… ну, и заговорил — и я поддался: правда, моя роль Кошмара, как силы бесплотной, оказалась и бессловесной — а «появиться» я и без очков могу, не сшибая кулис.

От моего актерства — мое чтение. Но «чтение» не «игра». Профессиональные актеры при своих дарованиях голосовых и мимических читать не могут, не в состоянии отказаться от игры, а «игра» нарушает ритм — от произведения ничего не остается.

Я слышал чтение Горева — по «темпераменту» никому не угнаться, но от слов, стиха — ничего. Я видел в Москве в Зоологическом саду «Золотую рыбку»: что это было! — старуха визжала, старик охал, рыбка сюсюкала (школа Художественного театра и прием Рейнгарда: сюком, напоминающим всплеск волны, передать голос рыбы!) и от Пушкинского величаво-могучего предопределенного, но человечески-раздумного «жил старик со своею старухой у самого синего моря» ничего не осталось.

Я понимаю отчаянных, но никогда не отчаивающихся «изобретателей» — в них живет и действует страсть. Что говорить, «Бесовское действо» — весь мой театр и с русалиями пролетел! Кто знает или хотя бы слышал о «Бесовском действе»? И никого-то из свидетелей не осталось: Блок, Андрей Белый, Кузмин, Сологуб, Гумилев, Розанов, Щеголев, Волынский... Брюсов, Гершензон, все на том свете!

Но разве моя театральная страсть из-за неудач или моего неуменья могла погаснуть? И я не существую?

Моя «Обезьянья великая и вольная палата» (Обезвелволпал) или по-здешнему l'Académie des Singes — тот же театр. Царь обезьяний Асыка Валахтантарарахтарандаруфа, персонаж возможный в «Подвигах Великого Александра», а в существе от Гоголевского Вия, выпущенный на сцену в «Трагедии о Иуде» и хранившийся пять лет неприкосновенно в заднем кармане у Зонова, вышел к детям щедрый и без всякого лукавства.

Детям очень понравилось играть в обезьяньего царя. Я рисовал им «обезьяньи знаки»: линии, как они сами из себя вылиниваются, по Кандинскому; из фигур, а у них всегда свое лицо, высовывались или прятались, высматривая рожи и морды другого не фигурного мира, чудища и звери, конечно, «лютые», но в своем существе, по Достоевскому («Бог им дал начало мысли и безмятежную радость»), как на рисунках Ф. С. Рожанковского и Натальи Парэн; звери пугать пугали и иначе невозможно, но они были своими, они тоже пугались, очень близкие детскому безмятежному миру.

Детей занимало и то, что они должны были носить эти знаки скрытно, никому не заметно — тайна! и то, что если и заметят, все равно, никто ничего не поймет, а также трудновыговариваемое имя царя и то, что его никто не видел и о нем никто ничего не знает.

Они верили, что только один я, как-то «схвостясь», могу с ним разговаривать и объясняться на «обезьяньем языке».

А от детей игра перешла к взрослым и «обезьянье царство» как-то само собой получило в войну и революцию сатирический характер Свифтовского лошадиного царства *гуигнгнмов:* царь Асыка издавал манифесты и подписывал «собственнохвостно» декреты. Но и то скажу: что я могу подарить людям? Прежде была надежда: книгу; но теперь, когда нет никакой возможности издать и все подготовленное — вся работа многих годов обречена храниться в рукописях? Именины, рожденье, Пасха, Рождество или юбилей, или свадьба, или кто мне добро сделал, и хочется как повыразить человеку — со всякими завитками я писал «обезьяньи грамоты»: жалованье обезьяньего царя о возведении в кавалеры обезьяньего знака, украшенного виноградом, турецкими бобами, лисьим хвостом, египетской пирамидой, все по человеку, и разрисовывал обезьяню печать, и каждый раз по-другому.

И что я заметил, мои грамоты принимались с добрым чувством: я помню, как читал свою Анатолий Федорович Кони, как слушал Зигфрид — Иван Васильевич Ершов, когда на юбилейном спектакле в Мариинском театре ему читали всенародно, вижу и Федора Кузьмича Сологуба, всегда сурового, вдруг улыбнувшегося на свой знак, и А. М. Горького, возведенного в «князья обезьяньи»; втянув воздух и раздувая ноздри: «Из рода Пешковых (ударение на «о») — князь, какие же мои обязанности?». Я сказал: «никакие». Так, по обезьяньей конституции.

Но подумал, как всегда думал, что только в беде и нужде знает человек: что человек человеку должен. И всего единственный раз мне показалось... действие, произведенное моей грамотой, было совсем не то и все не так.

Игра в обезьяньего царя — театр без грима и масок. Исключение: дети — я их красил, их рожицы и руки. Счастливые они уходили от меня; они не подозревали, какое доставляло мне удовольствие — эти краски по живому, смеющемуся материалу.

Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке.

Обезьянье делопроизводство велось не на «кириллице», всем понятной, на ней пишут книги и прошения, а на «глаголице», о которой редко кто слышал.

При обыске обратили внимание на фигурки — ничего понять невозможно. Сам нарком по просвещению Луначарский не понимает! Будь это в Москве, с Каменевым легко поладить, но в Петербурге Зиновьев. Пришлось подымать Горького и научить его ответу. И Горький объяснил Зиновьеву, что фигурки — глаголица, а глаголица не шифр, не криптография, тайнопись, а буквы нашей первой азбуки. «Наша первая азбука, — сказал Горький, — глаголица, ученые думают, ее, а не кириллицу, изобрели первоучители славянские, святые Кирилл Философ и Мефодий».

ПИСЕЦ — ВОРОНЬЕ ПЕРО

Первая книга Московской печати

МАКАРИЙ, архиепископ новогородский — Петровской породы — затеял большое литературно-рукописное дело: составить Четьи-Минеи. Началось это в Новгороде, а завершилось в Москве с назначением Макария митрополитом московским.

За Макарием к Москве потянулись и съехавшиеся в Новгород книгописцы. Нас было узнать по согнутой спине и крепким пальцам.

«Успенский список» — вклад Макария в Успенский собор — тысяча триста житий, составлялся и переписывался двенадцать лет; «Софийский» — дар в Софию Новгородскую — двадцать лет (1-ая редакции — *1541,* III-ья — *1544).* Большая работа — 27 тысяч страниц крупнейшего формата. Сколько бумаги, чернил, а того больше птичьего пера: лебяжье и с гуся брали.

Жития святых, слова и беседы святых отцов, похвалы, сказания о мощах, жития из Патериков, слова из Пчелы, Измарагда, Златая цепь, Козьма Индикоплов — сборники, обращавшиеся на Руси до Макария, и все эти чудеса, назидания и поучения, разделенные на двенадцать книг по числу месяцев, — Великие Четьи-Минеи — предназначались для чтения за всенощной на шестой песни канона за кондаком и икосом. А писаны, как одна рука, одним складом и на один образец.

*

Наши первоучители, просветившие нас в вере христианской, нарядили наше слово в болгарские одежды, и только к XVI-му веку мы освободились от всяких юсов, больших и малых, и аористов, и дан простор русскому звуку речи.

Литературным языком признаны были образцы «широких словес» Троице-Сергиевского монаха Епифания Премудрого и другого, столь же премудрого монаха, выходца с Афона, серба Пахомия Логофета, этих создателей искуснейшего «словопле-

тения», непревзойденной, звучащей для русского уха, как латынь, изысканной до невразумительности, рчивой церковнославянской речи. Ее завершение и конец – слова московского митрополита Филарета (XIX в.) и лирика, чудеса и пустословие святогорского инока игумена Парфения *(1856)*.

С Премудрым и Логофетом перекликнутся из Киева «Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича и «Ключ разумения» Иоанникия Галятовского — словесная земля, откуда выбьется серебро гоголевского слова.

Все написанное «простыми письмены» или «простыми словесы» — живым природным русским языком было отметаемо, как писаное «невеждами», или подвергалось обработке по литературному канону «добротословия» Епифания Премудрого и Пахомия Логофета. Как нынче, применяясь к стилю «классиков» и грамматическим правилам Грота, поправляют и учат русских писателей.

А кроме того все, что не подходило под схему «житие-писателей» — жития, как образы без лиц или жизнеописания вне живой жизни, а лишь в символах святости и праведности — все, что отклонялось от житийного шаблона, выработанного в Византии (VI в.) дьяконом Игнатием, учеником Тарасия, «Тарасиевской школой», все написанное «некако и смутно» — с болью, радостью и грехом человеческим — нещадно черкалось и вычеркивалось. Писцам опять работа и поучение.

*

Я, московский рядовой книгописец, имя мое в писцах не громко, я простой человек, не «Еркул», как все мы величали Ивана Александровича Рязановского, костромского книгописца и грамматика.

«Еркул» один из всех нас писал павьим пером и был, как говорилось, «так хитер в Божественных книгах, что никто не смел перед ним от книг глаголати», а уж как букву ставит, заплетет и выведет — Филаретовское евангелие, наша московская гордость, его рук дело.

Не могу я равняться и с «Коко», под такой кличкой известен был на Москве Яков Петрович Гребень, ржевский книгописец. А прозванный так за «како», что всегда «коко» напишет — «Кормчую» переписывал.

И про таких, как «Еркул» и «Коко», думаю я, в летописях где-нибудь да помянется, а про меня умолчат.

Пишу я вороньим пером, павье не по карману, люблю украсить рамкой мою рукопись, подрисовать глаза и уши в геометрические фигуры — в переплет полей, киноварью выделить букву. Я делаю то самое, о чем в Палеографии будут говорить, как о переходе «геометрического орнамента в тератологический или чудовищный».

Только мои чудовища совсем не страшные — птицы, крокодилы, бегемоты, куринасы, а больше зайчиков рисовал. И рисовал я этих куринасов и прочих зайцев равно, как в книгах божественных, за что мне не раз попадало, так и в «отреченных», что наводило ленивый ум читателя на размышление: из какой-нибудь спирали вдруг усатое рыльце на тебя высматривает и уж, конечно, хвост.

Перед Епифаньевой премудростью я преклоняюсь. Но при моем непреодолимом пристрастии к «словоплетению» или к тому, что выражает чисто-словесное течение, — оно проходит вряд с мыслью и биением чувства и развивается по-своему, даже вопреки мысли и чувству, это как в живописи краска, а в музыке звучание, и на чем именно строятся добрословные украшения «похвал» и забитые словами акафисты, — мою русскую душу всегда влекло и было мне ближе церковнославянского изощрения наш природный русский язык. Я очень хорошо понимаю и ясно вижу, что только благодаря «словоплетению» (XV–XVI в.), — ему придут на смену «немецкие периоды» с «как, что, который и потому что» (Карамзин) и бледная французская точность (Пушкин и Лермонтов), — благодаря этой всей нашей вековой словесной казне мог на весь мир заговорить по-русски Толстой и Достоевский, и все-таки, повторю, за огненным Протопопом: «Люблю свой русский природный язык».

Кое-что сохраняю из забракованных Макарием рукописей русского лада, да еще хранит у себя монах из Старицы Герман Тулупов, писец и собиратель. Но кому пойдет, не знаю, очень у нас это не любят.

*

Переписывал я не однажды нашего классика-дидаскала, си — есть учителя, Епифания Премудрого, повесть его о Стефане, епископе Великопермском:

«Чем же чтем тя, яко делателя
винограду Христову, яко терніи
востерзал еси идолослужение
от земли Пермские, яко плугом,
проповедью взорал еси, яко семенем
учением словесе книжных насеял
еси в браздах сердечных...»

Но разве по трепету моего сердца могу сравнить, с каким чувством переписываю «Рафли» — гадальная книга, осужденная Стоглавым собором, с угрозой: отвержену быть от церкви, а от царя быть в великой опале, а спрос на которую книгу, как на «Часовник». И воистину, этими «Рафлями» я питался, как вафлями.

«Бегает заяц травою и впадает
в тенета, и выдерется заяц из
тенет и побежал в дальнюю пустыню.
И возрадовался заяц воле своей.
Тако и ты, человече, возрадуешься
орудию своему, и во всем тебе Бог
на помощь. Аще о болезни — восстанешь,
и беглый твой придет, а пропажа
твоя сыщется от чужих. Бот тебе
на помощь во всем» (4—3—3).

Или «Житие Филиппа Ирапского», Макарием отвергнутое: «мужик набрехал», тоже, как «Рафли», втай, кабы голову не взмылили, и всякий раз, как пишу, слышится мне: Каменский старец Герман, вспоминая Филиппа Ирапского, стих выговаривает:

«Соеждает преподобный Филиппей-Раб-
ский из Соловецкого острова;
И пошел подле моря,
взыскающи себе места;
И пришед к Выге-реке,
И речет Выге-реке:
«Сотворю плот на тебе:
куды меня Дух Господень по тебе
понесет, туто хощу Христа умолити».

И садящася преподобный Филиппей
на плоте;
И емля его тишина;
И несет его за Выг-реку,
И сходя с плота своего с Выг-реки,
И пошел в гору...»

Переписывал я на заказ, да и так, для души «Люцидарий», две книги жидовствующих: «Аристотелевы врата» (Тайная тайных) и «Логику» Моисея Маймонида; индейскую повесть на языке зверей и птиц: «Стефанит и Ихнелат», «Трепетник» иерограмматика Гермеса и Меланпода александрийского, Громник, Колядник, Мартолог, Царевысносудцы, Ухо-звон, Мысленик, Естественник (Физиолог), Звездосказание, Метания — приметы, гаданья и апокрифы. Осуждает Максим Грек. И о том было подумать: не простой он афонский монах, а «еллин», наделенный даром памяти и богомудрым разумом, как сам он говорит о своем друге — Савонаролле, слушал его во Флоренции, и дано ему разуметь языки и сказание, и потому исправлять описки в Божественных книгах. Савонароллу сожгли, а Максим за исправленные им описки в Божественных книгах сколько лет в заточении и теперь у Троице-Сергия страждет, и сам Макарий ему пишет: «узы твои целуем, а пособить тебе не можем».

Но меня всегда влекло к чудесному и к сказкам, и я согласен с Максимом, но думаю так, что понимать все эти «басни» надо не разумом. И в этом видении «недействительного» среди нашей действительности и в его передаче по глазу своему и слуху в сказке, Божий дар, как «слово премудрости, как вера, как дар исцеления, как пророчество и как языки». Говорю словами многострадального ученого старца, сочинения которого тоже переписывал.

Было что переписывать, не жалуюсь.

Другой раз носом клюешь над рукописью — «зевота непременная», а пишешь. И чем больше переписывалось, тем навык искусней был, и мое воронье перо послушнее. И не представляю себе, до какой изощренности и точни, и твердости в руке могло бы достигнуть наше рукописное искусство. Но судьба и на этот раз повернула по-свойски, и разрушились все мои мечты.

*

С Великих Четий-Миней начались в Москве большие рукописные работы. Переписывалась «Степенная книга» — «курс» русской истории. Летописи в новой обработке — «Никоновская» — по-московски, «Домострой» попа Сильвестра — ходовая книга, настольная во всякой благочестивой семье.

Много строилось на Москве церквей — и всегда требовались богослужебные книги. А с завоеванием Казани открылась Казанская епархия — и опять нужна книга.

Без дела не посидишь, с утра, а бывало, и ночь пиши, да за пером посматривай.

И все мы, книгописцы, твердо знали, как правило, слова переписчику от игумена Александра, чтобы —

> *«Ся тщал на прямые точки и запятые, да не погрешил бы ся разум писанию, яко же мы душу полагаем* за *истинная словеса и за точки».*

И каждый из нас старался — буква в букву и точка в точку. Случалось, был грех, прошибешься и вместо «пчела» напишется «бчела», и вместо «уподобился» — «убододобился» или «видитя» вместо «видити» и не «обаче», а «обоче», а то другой раз в оригинале или по-нашему, в матице, никак не разберу, а пропустить тоже нельзя, возьмешь свое и придумаешь — по догадке, потом схватишься или тот же Еркул подцепит или Солнцев, сенпиятский куробоец, начнет щунять, а уж книгу не воротишь, продал. А какое с Якуном вышло, не дай Бог! В Несторовской летописи: «бе Якун сь леп» — «был Якун этот прекрасен», а кого-то под руку дернуло, возьми да и соедини «сь» (се — этот) с «леп» и получилось: «бе Якун сьлеп». А этот Якун никогда и на глаза не жаловался, а за свои глаза и в летопись попал. Только это не я, за собой я знаю грех: вместо «реть» (распря) написал «радость», а вместо «полома» (пополам) написал «поломает», и однажды прибавил букву «к»: было в матице — «слыша пение и лики» (хор), а я написал «слыша пение и клики», а в «довлеет дни злоба его» вместо «злоба» — «утроба». Сознаюсь, ошибка, но не в такой степени.

А между тем, всех нас книгописцев взяли на подозрение или на заметку. И оказывается, будто книги нашей работы — «все

растлены от преписующих, ненаученных сущих и неискусных в разуме». И что с каждой рукописной книгой «опись к описи прибывает и недописи и точки непрямые», — и по тем книгам «в храмах Божьих козлогласуют».

«Козлогласуют? Непрямые точки? А кто сшиб все навязанные нам противоприродные «юсы» и тем самым вывел гугню, и всякие «беаху» и «беаше» — болгарская аористовая чепуха! про то забыли?»

Я человек смирный, но меня это вздернуло. Как теперь, когда читаю «красивые» страницы русской прозы, эти слащавые описания, прошитые «глагольными» (мереть — тереть — переть) стекляшками, я всегда чувствую ёж и хлоп по глазам.

А тут слышно, на Никольской с благословения митрополита Макария, строят от царской казны Печатный Двор, двухэтажное каменное здание между Никольским монастырем и немецким двором Белоборода, где Посольское подворье. Этот каменный дом — под типографию или как тогда говорилось для «штанбы». Штанба будет с двумя резными фигурами над зелеными воротами: Лев и Единорог — эмблема могущества и славы. И Гостунский дьякон Иван Федоров с Петром Тимофеевым Мстиславцем, назначенным царем управлять Штанбой:

«Произвести от письменных книг печатные,
ради крепкого исправления и утверждения,
и скорого делания, и ради легкой
цены, и ради своей похвалы, дабы было всякому
православному християнину праведно
и несмутно читать святые книги и говорить
по ним, и дабы повелеть и спущать во
всю Русскую свою землю».

И уж вызван царем из Новгорода мастер печатных дел, наш старый знакомец, Маруша Нефедьев быть на Никольской в Штанбе к дьякону, вместе с дьяконом резать буквы для шрифта и печать: «Единорог вонзает рогом в пасть льву». Говорили, что задержанные рыцарями в Любеке немцы-типографщики приедут, да обошлись своими руками! — немцам нос наставили.

*

На Евдокию — 1-го марта *1564-го* — вышла в Москве первая печатная книга Апостол:

«Деяния Апостольска и послания соборная и святаго апостола Павла послания».

«Апостол» с картинкой в архитектурной рамке: евангелист Лука со свитком, а на свитке пишет: «первое убо слово».

Нам, книгописцам, особенно было любопытно, как оно будет в печати наше искусство, и прямо скажу: ошеломило. Шрифт – полуустав «Лицевых Летописей», прописные вдвое строчных, «очко» (величина буквы) одной меры, а строчка – ровней не выровнять – буква к букве, строка в строку, не косит и не кривит нашора; отдельные слова, как это у нас в рукописях, «уставом» – набраны вплотную; киноварь в вязи, в заставках и начальных буквах. Но есть и так, что киноварная строка начинается черной буквой – очень занятно! Бумага французская. Против ничего не скажешь.

И что еще важно: ведь, как бы волшебством, в мановение, – и не одна, а сколько готовых книг, живой руке и самому быстрому перу никак не угнаться.

Темная прошла дума, и осталось: «не угнаться!» Но все молчим.

Еркул на всю Москву писал Апостол, и в Литву покупали, Еркул первый подал голос:

«Апостол исправлен!» – сказал Иван Александрович Рязановский. А по каким спискам дьякон исправлял, того он не знает.

Этот Еркулов приговор облегчил нам душу. И был той искрой, от которой запылал пожар вокруг Штанбы.

Поп Козьма Григорьев – «мудрование кознено», как говорилось о нем на Москве. А появился поп из Новгорода еще с Сильвестром, «и вси его бояхуся и трепетаху».

«Еретики, – пригвоздил поп Козьма, – огнем сжечи их!»

А тут «Коко» Яков Петров Гребень и в Штанбу пробрался, был у него знакомый батырщик. И все оглядел: и пиан, и фрашкет, и мацу, и тимпан. Ловя себя за свою козью бороду, он только вскрикивал:

«Мать честная! Кощунники! Глаголической телятиной свой мерзостный тимпан оклеили!» («Тимпан» – четырехугольная рамка для станка, накладывается печатный лист; «телятина» – пергамен или пергамент).

Тогда и молчальники провещались — писцы народ смирный и робкий и, скажу, терпеливый: век вечный с пером над книгой, не захорохоришься!

«Подохнем, — говорили, — не совладать!»

И это единственное «подохнем» было единственным словом темной мысли — она, как тень, упала на нашу рукописную медлительную душу от первой московской печатной книги.

Кое-кто из наших писцов, очертя голову, ночью через частокол перелезет на Печатный Двор и под окнами караулит. И пошло по Москве: «по ночам де Гостунский дьякон над буквами шепчется с нечистым — дьякон колдун». А это как раз набирался «Часовник».

«Часовщик» вышел годом позже — в *1565-м* в Сергиев день. А после Казанской второе издание. Очень торопились. Да и было чего.

Всякий день «Большой колпакъ», как мать родила, и только на голове шутовской железный колпак торчит, юродивый, проходя по Никольской, остановится у зеленых ворот подо Львом и Единорогом: и на голос кричал, и от измученных корней своего бедного сердца плачет, пальцем указывая на окна Штанбы.

Слов было не разобрать, но в этом грозящем крике мне слышалось, и я скажу по-толстовски: «книгопечатание — самый верный слуга невежества», и добавлю: «лжи, глупости, клеветы».

Или он плакал, предрекая беду и опасность, и в его лучистых ясных глазах «милого братца» вдруг вспыхивала боль — такая белоснежная синь — моя боль, и с мольбой он тянулся, показывая трепетными руками на окно — выше — туда: спасти хотел.

На крестцах в Белом, в Китае и на Земляном, там, где толкучка, поп Козьма — только и слышно:

«Огнем сжечи их!»

*

Не знаю, как сказать и отчего, жизнь моя была задумчивая.

Отрываясь от работы, я ни о чем не думал — мои мысли клубились. Я все старался о чем-то вспомнить, и моя мысль «вспомнить» переходила болью в чувства, они клубились, как мои мысли. Мне казалось, и я смутно видел, к чему я был уже

готов и что непременно случится, стоит только «переступить», и это что-то посмотрит в глаза мне — ужасно. Я люблю слово, и как оно звучит и как держится на бумаге моим вороньим пером, и еще люблю, чего не бывает — и после ночной работы я просижу ночь, слушая сказку. В этом вся моя жизнь. А чтобы «переступить», я должен отказаться и от слова, и от сказки. Так говорил во мне кто-то, предостерегая.

Еркул таскал меня по пьяному делу, но вино меня не хмелит. «Ты без вина хмельной, — сказал Еркул, хмелея, — пропадешь, как осенний лист!» «Коко» водил меня к Веселым людям, мне было только грустно, когда все смеялись, а скоморошья песня меня окунула в такой омут, едва очнулся. Чешуйчатый, блестящий робкой лунной зеленью, наряженный змеей, шпильман, заглянув розовым языком: «Не кручинься, — сказал он, — на моей душе три греха, а ты...» — «Но разве я что-нибудь...» — перебил я змею. — «Но у тебя глаза убийцы». И он расхохотался. «Рафли», сколько я ни взброшу кости, повторяют одно: «меть злая», и всякая цифра гаданья сулит беду и горе на всех путях моей дороги.

Жил я у Николы в Воробине, где потом Самойловские маляры жили, близ Ивановского монастыря, пристанище Божьих людей. Любил я ходить ко всенощной к Грузинской на Воронцово поле — ветхая Покровская церковь, чудотворная икона Грузинской Божьей Матери: темный лик, а глаза, как звездная ночь. Я заглядывал в эти звезды-глаза, величал ее — таких имен и праздников нет — «душу мою освободи!» Подтягивал на клиросе по крюкам, — говорят, у меня хороший голос, только смеются, «с таким голосом, а вороньим пером пишешь». Что же, повторяю себе, значит, ни гуся мне, ни лебедя, а уж о павлине... будь вороной доволен. Под двунадесятые через всю Москву иду в Кремль.

И вот что однажды подумалось мне, когда на всенощной на литии вышли на середину к царскому месту старые соборяне и загудело на весь собор вековечное московское «Господи, помилуй»:

«В левом приделе, — так вдруг блеснуло мне, — в уголку у окна лежит Петр, митрополит, там и есть сердце России; и всегда огонек; разве есть в мире такая сила, чтобы погасить этот огонь?»

Сколько раз переписал я моим вороньим пером житие святителя, сочинение ученого серба митрополита Киприяна. И в честь первого московского святителя, предсказавшего значение и величие Москвы и славы ее во все концы земли, я постарался: в буквах такую вязь заплел — на глаз узор, паук не соткёт, а понять, голову ломай, ничего не поймешь. А ведь это и есть искусство, слышите: «искусство — бери его сердцем, а понимать не обязательно. Это, как музыка, стихи, сновидение».

«А вот придет на Москву Девлет-Гирей, — вдруг подумал я, — и посвистом татарским загасит огонек. Да это так, как пришел Гостунский дьякон и литыми литерами расплющил мое живое воронье перо, и нашему рукописному искусству крышка».

У меня не было зависти, а ведь было чему позавидовать: какой-то вдовый калужский дьякон, «сердыч» из деревни Никола-Гастунь переводится дьяконом Гостунской кремлевской церкви, снюхался с немцами — немцы народ ученый! — и вдруг, пожалуйте, первый человек в Москве: резчик, литейщик и печатник. И никакого особенного колдовства в печатании книг я не видел: всякое искусство колдовство. И в порчу книг я не верил: мне ли не знать описок — ведь только от того, что люди не замечательны, а то бы давно ходил я под кличкой «скок»: всегдашняя моя описка: не напишу — «вскачил», а непременно «вскочил». И я не кричал «подохнем», хотя и был первый из обреченных.

Но мне чего-то жаль, душа исходит этой жалостью. Или мое сознание, что кончилось и не вернется, не вернуть. «И Ты своими звездами и Ты не поможешь. Прости мне, очень я измучился!» А как мне не хотелось расставаться. И вот начинается новая Россия, и огонек уже не в Кремле, не у Петра в приделе, а на Никольской. И кто посмеет тронуть это сердце России? Слышите, никто! Совсем я отбился от работы.

Жизнь моя была задумчивая, а стало и еще — и отчаянная. Я очень хорошо сознавал свое скромное место безымянного человека, «бывшего книгописца», как стал я сам себя звать, я искренно со всем помирился — ну что ж, ничего не поделаешь. И вдруг находило на меня — не узнавал себя: стоило меня затронуть и по сущим пустякам, я лез в драку. А очнусь — и бывало очень стыдно — перед другими, а главное, перед собой. Но

я никак не представлял, до чего дойдет мое огненное бешенство и на что я способен с моими глазами «убийцы».

*

Гостунского дьякона, мастера печатных дел, Ивана Федорова видел я трижды: в первый раз за обедней, потом на Красной площади с царем на встрече, а в третий раз в типографии на Никольской.

Тесные кремлевские соборы, но всех теснее Никола Гостунский, это там, где и Иван Лествичник, что под колоколами, похоже на часовню. А замечателен этот собор резным Николой: «Никола Обручник» и деяниями, написаны на стене, как однажды ночью Никола тайком кладет деньги на стол спящему Урсу для его обреченных дочерей. Собор всегда полон —- московские невесты, все бесприданницы, а больше таких, что и безо всякой надежды.

В этой Никольской церкви обездоленных, а называлась она раньше Никола Льняной или Ельняной, я и увидел в первый раз дьякона. И как читал он Евангелие и как произнес на ектеньи: «день весь совершен, свят, мирен, безгрешен...» и потом: «единение веры и причастие Святаго Духа испросивше *сами себе* и *друг друга...*» — мне, писцу, было ясно, что в грамматических хитростях большой у него навык и на «прямые точки» не собьешь, а голос — колодец. С тех пор я стал знать Ивана Федорова.

И еще раз я увидел его, когда о нем говорила вся Москва, но не как о речистом дьяконе, а как о первом мастере-печатнике, которому царь поручил печатать книги вместе с другим мастером Петром Тимофеевым Мстиславцем.

«И повелел царь, как потом писали, нещадно даяти от своея царския казны на соделование тем мастером Иоанну и Петру и прочим клевретом их, изобрати их и повелел им даяти упокоения много зело».

А это означало, что тронуть такого никто не посмеет.

Вся Москва собралась на Красной площади встречать образ Николы из Хлынова — «Николу Великорецкого». На этой иконе Никола изображен не архиереем, а простым попом — «смердич», перед которым все можно сказать без утайки, не стесняясь, и который все выслушает — все примет и даже ту подноготную,

в чем не посмеешь признаться и самому себе, и от чего «на свете поднялся бы такой смрад, что нам всем надо бы было задохнуться». И царь затеял, ему все с рук, отобрать эту чтимую вятскую святыню из Хлынова (Вятка) и поставить в только что отстроенном псковскими мастерами Покровском соборе, который собор назывался не как теперь зовется Василий Блаженный, а «Никола Великорецкий».

У меня был знакомый царский знаменщик (рисовальщик) Иван Яковлев, один из тех мастеров, что писали знаменитый «Царственный Летописец», так я и пробрался к Лобному месту. И нам все видно.

Дьякон стоял в «избранной раде» с князем Курбским и какой-то лист показывал царю.

«Немецкая резь!» — сказал знаменщик.

А я подумал: «до дьякона теперь простому смертному не доткнуться»!

А вот, подите ж, и еще раз, в последний, и уже в самой типографии я столкнулся с дьяконом глаз в глаз.

*

Накануне мне приснился сон, подымаюсь я на гору. Все в гору и выше. За плечами тяжелый мешок. Будет ли мне когда отдых? На пути стала ель. И я остановился. И до меня доносит: кричит зверина. А под обрывом на самом дне, вижу, плоский серый камень, и кувыркаются и пляшут на камне медвежаты. И тут в игре их вдруг — и медвежаты, их в серый комок закрутило. Все затаилось. — И я о тебе вспомнил. — И от кишащего серого камня отделяется... Или на дыбы стал камень? Но это был не камень, а серая медведица. Голубые глаза переливались в сталь и елочную зелень. Резко посмотрела она на меня и, под ее взблеснувшей сталью, стою скован. И опять я о тебе вспомнил: люблю тебя — до черной тоски. И напрягши до белой жари огонь моих непокорных глаз, я зеленой пригоршней кинул огонь в ее пучинную ледяную глубь. И я видел, как крутя головой, она вскидывает лапы и в глаза, по глазам себе — очень больно. И, вытянув перед собой лапы, пошла. Я и зеленая ель, не отличишь, но и слепая она меня видит и идет, ловя. Она меня увидит, не ошибется. И стало между нами так тесно, разве что муравью перебежать. И не лед, теплом в меня дышит, и се-

рая пуховая мякоть кутает меня — мои ноги, мои руки, мою грудь и плечи. «Я беспощадная роковая сила!» — беспощадно прозвучало мне в сердце. И под неуклонно-пронизывающей синью, глаза мои закрылись. И я увидел: не лапы, а тянутся ко мне, в венок сплетаясь, весенние ветви — твои алые руки, и легким веем, но я различаю, — в горячих губах горький стон.

*

И разве могу забыть я ночь на Михайлов день. Торжественно крутящая метель, свив воя, оклика и крика с кремлевским набатом, когда на Никольской загорелся Печатный Двор, а для меня когда — вся Москва горела — я сам горел.

Перепрыгнув через острый частокол Штанбы, я стоял, туша на себе огонь, не зная, на что еще решиться. И, оглушенный набатом Никольского монастыря, бросился в Ряды и Рядами выбрался на Красную площадь.

И побежал. Я бежал, подхваченный метелью, как сама метель, напролом бежавшим с головнями доканчивать подожженную мною Штанбу.

В распаленных глазах моих, — мне виделся: из зарева торжественно снующих розовых столбов и мётел в куполах Николы Великорецкого, стоял Гостунский дьякон; я видел ясно, как из пылавшего станка он выхватил и, подняв высоко над головой дымящиеся резные доски — он мог бы ими раскроить мне череп! — и гнев, укор и убежденность сверкнули сквозь чадный дым. А выше, в воздушной крути зияла кровавая пасть Льва и досиня белый рог Единорога врезался в пасть.

Сквозь вой и свист, и колокол до меня доносит: «огнем сжечи!» — но этот голос был не грозный, и какой-то нежной болью проникал мне в мое взрезанное сердце. Это был не исступленный клич осатанелого попа Козьмы, а жалоба моего горького отчаяния. И плакать хотелось — (ой!) этот плач о навсегда утерянном и непоправимом. А глаза мои колола ржавая резь.

И не зная, куда девать мне эти замученные глаза, и эти, в кровь ободранные и обожженные, руки, я вдруг почувствовал нестерпимую боль — мне было больно все, во всем — болело «всем человеком!» и я побежал к Москворецкому мосту: одна была дорога на Москва-реку.

После сырого ненастья, метель, крутя, ковала лед на реке. Проломив тонкую кору льда, я опустил руки — последняя надежда! Но хлынувшая вода резанула меня огнем.

И, вздрогнув жгучею дрожью, я понял, сквозь жгут моих мыслей, что черная ледяная река для меня огонь, а от огня мне некуда.

Пламень взвивался над моей головой, и пламень вырезалась из сердца, — пламя окружило меня.

Первопечатник Иван Федоров

Отстроенная после Михайлова пожара типография на Никольской еще раз сгорела в революцию или, по-старинному, в Смутное время и была восстановлена, как было при Иване Федорове, с резным Львом и Единорогом над зелеными воротами — герб Государева Печатного Двора.

Я вспоминаю себя в этой типографии после первой забастовки, случившейся при управляющем Телепневе: задумал перевести нас на сдельную плату. Я служил под начальством подьячего азбучных дел Василия Федоровича Бурцева-Протопопова. Печаталось «Уложение царя Алексея Михайловича», «Святцы» с пасхалией и лунными течениями, и замечательное — книга: «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей», с иллюстрациями; заглавный лист отпечатан в Голландии, рисовал Посольского Приказу золотописец Григорий Благушин.

И в этой же самой типографии книжными справщиками-корректорами сидели столпы русской веры, ставленники Неронова. Заглядывал и Аввакум Петрович, любимый протопоп. По воскресеньям, не пропуская, ходил я за обедню слушать его проповедь в Казанской, что нынче зовется Василий Блаженный.

Наш природный русский язык, гонимый и вытравляемый в веках, всенародно и всезвучно выговаривался с амвона, не унижая ни праведности, ни святости святых и праведных отец и страстотерпцы.

Было что послушать и душу отвести.

Я набирал с Киевского издания грамматику Мелетия Смотрицкого. Случалось набирать книги и духовного содержания, и что мне было удивительно: те самые описки, без которых не

обходилась ни одна наша рукопись, тщательно воспроизводились корректорами «старой веры и старого пения», и я набираю, как правильно написанное, без рассуждения, «душу полагая за истинная словеса и точки».

Старицкий монах Герман Тулупов, писец и собиратель, хранивший кое-что из забракованных Макарием житий, писанных «простой беседою», — этих предшественников протопопа Аввакума, и новые жития о русских святых-строителях, проложивших тропки по непроходимой топи и в лесном бездорожье русской земли, собрал большую рукописную казну — тысяча столбцов. И не раз наведывался в типографию. Старался за него и Симон Азарьин, автор жития Дионисия, умнеющий человек, но издать Тулуповские столбцы не удалось за нашей волокитой.

Наведывался и другой собиратель старины, священник посадской церкви Сергиева монастыря Милютин, и тоже без результата: деньгу у нас очень любят, и без подарка никуда не проткнешься.

И скажу так, что и Милютинское собрание, как и Тулуповское, — драгоценнейший памятник «простой беседы», русской природной речи и «живой жизни» — и до сих пор лежит на Москве, не издан: огонь, пощажено, но мышь неотлагательно сгрызет.

А однажды пришел не то беглый монах, не то странник: голова в стать греческой митры, а гола, как коленка, принес отец свое сочинение печатать, книга не малая и титул громкий: «Сказание о воображении книг печатного дела».

И по тому, как, говоря, держал он руки перед собой, выклевывая в воздухе указательным пальцем себе, своим словам, дорогу, и как «Алексей» прозвучало у него, не по-нашему, «Олексеем»: «Уложенье царя Олексея Михайловича», я узнал в страннике костромского Еркула: Иван Александрович Рязановского. Только говорят, что теперь он не просто Еркул, а Еркул-блудоборец, старец святой жизни и бессребреник. Очень мы обрадовались друг другу. Стали грозную старину вспоминать — про царя про Ивана Васильевича.

«Поп Козьма Григорьевич нынче протопоп у Спаса за Золотой Решеткой, — сказал Еркул, — а Яков Петров “Коко” погиб в революцию от женского полу, — и бесстрастно добавил, как

какой-нибудь сросшийся эпитет, — несытно — беспрестанно — и — безвременно — творя — блуд — с ляхами».

Из «Сказания о воображении книг печатного дела» и просто живою беседою узнал я от Еркула подробности о первопечатниках: о Иване Федорове и о Петре Тимофееве Мстиславце, о судьбе их.

Учителями наших московских первопечатников были немцы, заезжавшие в Москву из Новгорода — Новгород ход в Европу. И еще до «Апостола» и «Часовщика», до *1564—65* г. были изданы в Москве безымянные книги на свой страх: Евангелие, Псалтырь и Триодь. Пожар типографии на Михайлов день соседи-немцы с Белобородова двора потушили, но печатный станок сгорел. Ивану Федорову и Петру Тимофееву удалось спасти из огня матрицы и клише. И захватя московское казенное добро, оба бежали на Литву.

«А другого выхода им и быть не могло, — сказал Еркул, — дорога известная — приятеля их, изменщика Курбского. Пишет дьякон в послесловии к Львовскому Апостолу: “не от царя шло оскорбление, а по наущению начальников и священноначальников”. И правильно, ведь кого тогда на пожаре застигли, всем была от царя одна милость: кого задавили, а кого в Москва-реку охлаждаться — и где ж это видано, и как это можно, государеву казну поджечь! А “еретик” осталось у всех в памяти и за это дьякон перед царем в ответе: все едино, не убеги, на Болоте сожгли б — зачем Апостол исправил?»

Сто лет прошло с «Апостола» — нынче *1654-ый*, а Еркул бессребреник и блудоборец стоял на своем, не унимался: «дьякон еретик».

*

Печатный Двор вскоре после первого пожара был восстановлен — имя поджигателя так и осталось тайной. И через два с половиной года снова начались типографские работы. Во главе стал Никифор Тарасьев и Андроник Тимофеев Невежа, ученики Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца.

Подражая первопечатникам, выпустили они Псалтырь с изображением царя Давида, но в послесловии и словом не обмолвились о своих учителях. И выходило так, будто до Никифора

и Андроника ничего на Москве и не заводилось из печатного, а они первые. Но то не их вина: с бегства на Литву первопечатников имя Иван Федоров, как и имя Петр Мстиславец, строго запрещено было не только печатать, а и упоминать вообще. Москва искони не любила беглецов, и недаром чтимым образом на Москве был Никола: Никола милостивый и Никола грозный, заушивший Ария отступника — а ведь каждый беглец с Москвы изменщик и предатель — «отступник».

И когда появились на Москве привезенные из Литвы Евангелие и Псалтырь, напечатанные в Заблудове у гетмана Хоткевича, а потом из Львова Апостол, где под Львовским гербом стояло имя печатника: «Иоанн Федоров друкарь москвитин», все смотрели и удивлялись, но имени печатника, как не замечали. А когда вышла Острожская Библия с подписью «многогрешный Иоанн Федоров сын с Москвы» на нетерпеливые вопросы неопытных — «кто ж это такой Федоров с Москвы?» — мудрые люди и лукавые, глядя себе в бороду, отвечали: «поляк».

Еще в Блудове после выхода первой отпечатанной книги «Книга зовомая Евангелие учительное» (*1568—1569*), первопечатники, разделив спасенное из огня московское добро, расстались: Петр Тимофеев уехал в Вильно и устроился в типографии Мамонычей. В Вильне вскоре появились две его работы: Евангелие (*1574—1575*) и Псалтырь (*1575—1576*). И больше имени его нигде не встречается, и о последних днях его жизни ничего не знаю.

«С дьяконом нелегко было ладить, — сказал Еркул, — своя голова: и в воле и в слове, упрется, не сдвинешь, и во все глаз. А что до Мамонычей, опять же с дьяконом не ровнять: возлюбил он всем сердцем свое печатное искусство и работать было с таким не в труд, а в веселие, — Петр промашку дал, отскоча от диакона».

Издание Заблудовской Псалтыри с Часовником (*1569—1570*) принадлежит одному Ивану Федорову — это была последняя его работа в Заблудове.

Гетман Хоткевич незадолго до своей смерти закрыл «варштат друкарский». Ценя Федорова не меньше, чем когда-то на Москве царь Иван Грозный, предлагал он Федорову в награду большое поместье. Но Федоров отказался.

«Тайное искусство» — книгопечатание, начатое так блестяще в Москве, было для него «Божье дело» — делом его жизни.

«Неудобно ми бе ралом, — говорит он, — ниже семен сеянием, время живота своего сокращати, но имам убо вместо рала художество наручных дел сосуды, вместо же житных семен духовные семена по вселенной рассевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу».

Из Заблудова Иван Федоров переехал в Львов. И начинаются его горькие разочарования «без земли и отечества».

*

Заколоченная Москва искони имела преувеличенное представление о загранице.

Кругу просвещенных московских книжников, Курбский и Иван Федоров, и к которому близок был царь Иван Грозный, известно через того же Максима Грека и от наезжавших в Москву немцев, имя самого Гутенберга и имена знаменитых типографщиков — Фуста, Финфа, Альда Мануция, Феоля, Скорины, и о типографиях в Милане, в Венеции, в Генуе, в Эслингене, в Кракове, в Вильне, в Цетинье, в Богемии, Валахии, Сербии. Но едва ли кто знал в Москве о разгроме и преследованиях первых немецких печатников и что во Франции при Людовике XI-м первые печатные книги были осуждены парламентом на сожжение. Не знали на Москве и насколько глубок уровень западного просвещения — европейской культуры.

Иван Федоров, очутившись в Львове, был уверен, что Львов не татарская Москва и просвещенные богатые львовичи так сразу его и поддержат и он немедленно откроет друкарню. А на поверку оказалось, денег ему никто не хочет давать — с какой стати?

И вот дьякон, которого Москва не раз видала с царем на Лобном месте, да и в Гостунском соборе заслушивалась его полногласным истовым чтением, здесь, за рубежом, без «земли и отечества», став на колени перед богатой и знатной мразью — правда, по морде его никто не смазал, но только везде вежливо выпроваживали: идите к чертовой матери.

На собранные средства среди бедняков, при поддержке коекого из духовенства, Ивану Федорову удалось, наконец, оборудовать типографию и, при крайне тяжелых условиях, выпустил

он Львовский Апостол (*1573—1574*). А дальше дело остановилось.

И наступила такая нужда: живя в Москве и потом беженцем в Заблудове у Хоткевича, дьякон и представить себе не мог, что такое жить «оголомя». Продал любимые книги, прожил какой-то срок, обшарился, а уж нет ничего, пустовато и сорно, и ветер в щели гудит — его песню все знают в беде. И пришлось расстаться с самым дорогим: заложил типографское имущество.

Князь Константин Острожский, зная о Федорове от Хоткевичей, зовет его к себе в Острог. Федоров поехал. И после пробной работы — Псалтырь и Новый Завет — выпустил знаменитую Острожскую Библию (*1580* г.) — первую полную Библию по-славянски.

Помогал ему его сын — переплетчик Иван и любимый ученик Гринь. Гриню вывез Федоров из Заблудова. Но, как водится, этот Гринь Иваныч, переняв «тайное искусство», перебежал в Вильно к Кузьме Мамонычу и, нарушив слово, сделал для Мамонычей типографский Федоров шрифт, но вскорости повздорил с Кузьмой, поперечный, поцарапался и снова бежит к своему учителю во Львов. Дьякон простил его.

«Чем больше живешь, — говаривал дьякон, — тем снисходительнее к людям становишься».

А ведь «жить» для него и «бедовать» стало одно и то же, а в беде, сами знаете, какой только нет подлости.

Гриню взял с собой дьякон и в Острог.

«Острожская Библия» — последний труд Ивана Федорова. Имя его стало громким, как когда-то на Москве: «печатник русских книг».

Вернувшись из Острога во Львов и уже не беженцем, а русский житель города Острога, продолжать работу он не мог.

Из Острога вывез он не одну подводу с Библией, надо было перепечатать бракованные страницы, а выкупить заложенное типографское имущество нечем. Приезжали с Москвы — имени Федорова на Москве не существовало, но всегда за ним глаз — торговались с выкупом, но в цене не сошлись: так и не вернулось в Москву спасенное дьяконом из огня московское «орудие». Да и дьякон на бобах остался.

И вот Иван Федоров, Петровского закала, решил бросить заклад и начать все сызнова.

Сосед-пушкарь ссудил его деньгами, другой сосед — седельник поручился. Любимый ученик, изменщик Гринь, взялся отлить шрифт. Но тут произошло заключительное событие в жизни Ивана Федорова — проба человека — и его конец.

*

Стефан Баторий только что вернулся из-под Пскова, где заключал перемирие с Москвой, для Москвы очень тяжелое, и вызвал Ивана Федорова к себе в Краков. Дорожные были выданы — 45 злотых (63 рубля) и дьякон поехал.

А в Кракове ему дан был заказ — Федоров еще мог сделать пунсоны, отлить шрифт, а ему говорят: «отлей пушку».

И ничего не оставалось, как только сказать, наклоня голову: «как прикажете» или по-арабски: «слушаю и повинуюсь».

И под пушку выдана была ему ассигновка на имя Львовского старосты от 50 до 70 злотых (70—98 рублей). Вот тебе и сеятель «духовных семян»!

Вернулся дьякон из Кракова совсем разбитый. И куда что девалось и глаза погасли, и деньги куда-то ушли, и пушкарь с седельником теребят, взбесились: «отдавай долг!»

«Приезжал из Львова на побывку в Москву сын дьяконов, переплетчик Ваня, теперь это можно, — сказал Еркул, — очень они бедовали и “кофею, говорит, не на что было купить, а про сахар и забыли”. А я его спрашиваю: “а что ж, говорю, с пушкой-то?” Помните отца-то дьякона, так сын еще превыше отца будет, а плечищи, стесняется, а тут на пушку-то, вижу, как малое дитя во всю рожу сияет: “не отлил, говорит, как же можно, чтобы на Русь...”»

В канун Николы *1583* года в престольный праздник кремлевской Гостунской церкви, помер во Львове первопечатник Иван Федоров.

«Бедный горемыка, брат мой! Какими глазами, умирая, ты смотрел на мир, были ли в этих глазах мне знакомый гнев? Но кого карать: на Москве свои подожгли, а у чужих пушка? И кто даст мир твоему несмирному сердцу? И в сырую декабрьскую ночь, чьи тихие пальцы закрыли твои измученные на работе и совестью выжженные глаза — “друкарь москвитин” — слышишь, “чаю воскресение мертвых!” — друкарь книг пред тем невиданных “Иван Федоров, сын с Москвы”».

Царский венец

Никон, митрополит Новгородский и Великолуцкий, по смерти Иосифа избран был по указанию царя Алексея Михайловича патриархом. И с приезда его на Москву начинаются новые порядки.

Книжных справщиков-корректоров «старой веры и старого пения», приятелей протопопа Аввакума, всех с Никольской взашей вытолкали. А на их место — «дабы впредь святые книги изложилися праведне», назначены были люди «духовные и разумичные, которые подлинно и достохвально извычни книжному учению и грамматику и риторию умеют».

Вместе с корректорами уволили и кое-кого из подозрительных наборщиков, в их числе оказался и я. Я никогда не скрывал своей привязанности к протопопу, даже когда протопопа в Сибирь загнали, и стало выражать к нему свои чувства опасно, и в спорах всегда я защищал наш природный русский язык его проповедей. Конечно, донесли — и кто ж это не знает, что доносы у нас в чести и «слово и дело государево» огнем поощряется, а слабая человеческая душа на подлость падка.

В последний мой день в типографии, как рассчитаться, — и вот уж никогда не ожидал: среди появившихся «духовных разумичных» властей, новоставленных корректоров я увидел и глазам не верю: живой стоит Яков Петров — «Коко». Ловя себя за бороду, Коко одному из справщиков — греку, не говорящему ни на каком, только по-гречески, нашу церковнославянскую рукописную книгу объясняет на природном русском языке, поминая «мать честную».

Не знаю, узнал ли он меня, но когда я его окликнул, отозвался. А стало быть, я не ошибся, и, стало быть, погибать в революцию он и не думал. Или Еркул с кем-нибудь спутал?

Вижу, и он меня знает, поздоровались и пошли расспросы да память.

Осторожно я коснулся ляцкого вопроса: «несытно — беспрестанно — и — безвременно — творя — блуд — с — ляхами»?

«Ничего подобного, — взъерепенился Коко, — это Еркул, Еркул для "разнообразия", Еркул "мифотворец", и ни одному слову его не верь, все врет. Читал я его "Сказание о воображении книг печатного дела". А ведь есть дураки, что и верят, но

откуда, скажи, пожалуйста, и по каким источникам он приводит всякие точные исторические сведения, когда Архив Печатного Двора и все документы сгорели в Революцию? И скажу больше, он уверял нас, что ты и есть поджигатель и первый пожар Печатного Двора дело ваших рук».

Помню, эти слова меня ошеломили, я невольно посмотрел себе на руки — руки мои дрожат. И я как прирос.

А он, видя на моем побледневшем лице Каинову печать — ее не отличить от дурацкой, — ловя себя за бороду, отошел прочь.

Очнувшись и глубоко спрятав в сердце мою тайну и с чувством, с каким говоришь себе, что вот и опять пронесло: уличен, но не доказан, — я, не дожидаясь расчета, нетвердо, заплетаясь ногами, пошел к двери.

И в последний раз взглянув на Льва и Единорога — все так же они стоят над зелеными воротами, как и во дни Гостунского дьякона Иван Федорова, я покинул типографию с клятвой: на Никольскую не вернусь.

*

И разве могу забыть я Пустозерскую гремящую весну, красу-зарю во всю ночь, апрельский морозный утренник, летящих на север лебедей.

На площади перед земляным острогом белый березовый сруб, обложен дровами, паклей и соломой. Посреди сруба четыре столба — четыре земляных узника привязаны веревками к столбам: трое с отрезанными языками и один пощаженный — рука у палачей не поднялась — и в нем я узнал моего духовного наставника, любимого протопопа Аввакума.

Мне и до сих пор чутко из веков, явственно слышу, жалобной пилой звенит стрелецкий голос Успенского кононарха:

«По указу государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца — за великие на царский дом хулы — сжечь их!»

И из замеревшей тишины, блеснув, пополз огонь — «жечь».

Не сводя глаз, я следил: огонь шел, — и шел, как хряпающая пасть; разгораясь до краев, подымался полой мертвой водой.

В его глазах я видел ту же убежденность — там, на Печатном Дворе, в пожар видел эту самую крепь в глазах первопечатника

Иван Федорова, оба друг другу под рост, одной стати, но не гнев и укор, в его глазах горела восторженная боль.

Огонь, затопив колена, взбросился раскаленным языком и, гарью заткнув рот, лизнул глаза. Свистом перебесясь в разрывавшейся клоками бороде, с шумом взвился огневой бородой над столбом.

И запылал живой костер.

Тогда, перегорев, веревка, скручивающая руки, распалась, упали свободные черные руки и скрученными пальцами, как львиные лапы, крепко вонзились в пылавшую — в русскую свою землю.

«Бедный горемыка, умчавшийся на огненной колеснице, горя, как свеча, "ловить царский венец" — пока на земле звучит русская речь, будет ярка, как костер, о тебе память... ты научил меня — "люблю свой природный русский язык!", протопоп всей русской земли, Аввакум!»

Тяжелым горьким дымом наполнило мне горло, я только слышал, как рухнул один за другим четыре столба — «сердце озябло и ноги задрожали».

Под колоколами

Я был с теми, один из пятидесяти, из тех первых, кого царь Петр послал заграницу, в Амстердам для изучения «навигацкой науки» и о которых в истории говорится, что ни один из нас не вернулся в Россию.

Расставшись поневоле с типографией на Никольской, я занялся рисованием и достиг большого в нашем искусстве: я царский знаменщик знаменовал и на красках и на золоте. Мое дело, как в старину в рукописях: звери, цветы, и чудовища — сажал я эту братию на стул, лавках, на столе, и стены расписывал. А плаваю я с детства, водное крещение получил на Яузе, не раз купался и на Москва-реке под Симоновым и под Москвой на Синичке и, во святой воде многоцелебного Косина, но сказать о себе, как говорили про Микитова, «мужественный на водах», мне не пристало. Или от того, что на Москве шла молва после моего путешествия — со стрельцами побывал я в Пустозерске, как жгли протопопа, что не только Яузской водой крещен, а прошел и сквозь Пустозерский огонь.

Так гадаю, почему это царь, выбирая природных «волков», нарядил и меня, знаменщика, к навигацким наукам.

Я не знаю о судьбе всех навигаторов, хотя все мы вместе покинули отечество. Но пятеро нас — Микитов, Толстой, Кузмин и Шишков — очутились не в Амстердаме, а в Венеции на родине Альдов, изобретателей курсивного шрифта.

История печатной книги меня всегда интересовала.

Я помню, что только потом уж, мы говорили о венецианских каналах, я их не заметил, я весь был поглощен книгами, бисером и св. Марком. И никак не мог примириться с латынью в «нашем русском» соборе — я по совести считал собор русским, так все было в нем близко моему московскому сердцу. Я, как завороженный, простаивал часами на площади перед цветным чудом, и никогда не видел таких светящихся голубей, разносивших по каменным плитам влажное солнце.

За Венецией наступили не менее волшебные дни во Флоренции, грохотом мостовой напоминавшей мне Москву, и я не знаю, что это было, но однажды вечером я наткнулся на красные Кремлевские стены.

Потом Рим, оглушивший меня своим величием, целыми днями до упаду мы бродили по улицам, не пропуская ни одной церкви, ни одного дворика. Странные воспоминания нахлынули на меня и такое мое прошлое мне представилось, о котором, сидя в Москве, я и не догадывался: мне казалось, что я уже видел однажды, ходил по этим улицам — в Колизее, затаившись, я сидел на каком-то своем месте, и не могу позабыть своего восторга на старой Аппиевой дороге на поле мертвых.

О моих впечатлениях, встречах и догадках я подробно записал тогда, но о судьбе моей рукописи ничего не знаю,— одно мне известно, что вместе с другими моими вещами продали ее с аукциона в Кенигсберге в войну за 500 марок.

Из Рима мы попали в Милан — в Милане в *1476* году была отпечатана первая греческая книга, но каким пустынным показался нам этот книжный город. Я смутно помню «Тайную вечерю» Леонардо, мы спешили к Миланскому собору.

Внутренность собора нас не интересовала — да и что могло быть особенного после Рима? — но у нас было, как наперегонки, лазить на колокольню. И мы полезли.

Лоха Толстой грузный, без подпора трудно, над ним «Миша» Микитов работал: и где возьмет легонько, а где и стукнет; Шишков шел степенно, атаман, сибирским разбоем выструнет, только голову поворачивает; шибкий Кузмин, верткой веревкой по перилам, а я отродясь ног под собой не знаю, за день, бывало, к Троице-Сергию без передышки, и мне что одна, что на три колокольни, и одно, что всегда я плохо видел.

Так мы и дошли до последней ступеньки. Дальше некуда. А перед глазами все та же пустыня.

По случаю ремонта к куполу и еще выше были положены доски: лесенка без перил. И никому в голову не приходило подниматься по такой лесенке, да наверно, она и не предназначалась для посторонних. Все мои товарищи стоять остались, а я полез.

Проснулось ли во мне мое «переступить», мое «коснуться до чего нельзя», или не думал, а со мной бывало такое, как будто кто-то меня ведет, я поднимался по жердочке ровно, уверенно и не задерживаясь. Так со ступеньки на ступеньку и все выше. И совсем не заметил, как очутился на такой высоте, откуда виден был не только весь Милан, а и кругом на дальнюю даль. А все та же пустыня и только где-то там что-то змейкой вьется и курится, нет, еще пустыннее показалось мне, когда в выступах купола я заметил притаившихся маляров, их удивленный взгляд и какой-то печальный.

И я вдруг спохватился — подо мной был каменный пролет — бездонный. И не зная, куда девать ноги, я, сжав их, на одной стал спускаться. И чувствовал, как затаившись, на меня смотрят и только воем-воил ветер. И то самое страшное — колодезь с кипящим огнем — притягивающее дно провала — стало мне вдруг так близко, я различал тоненькую травку на камне среди серого щебня, и эта травка, как стеклышко, взмеившимся зеленым взблеском, вдруг кольнула — и в глазах у меня черно.

И я услышал, как с протянутой мне теплой рукой, все колокола вздохнули этим человеческим вздохом, когда с плеч и груди свалились камни. А сквозь колокола цирковой наградой «браво» в восторге мне кричали маляры.

Под мостом

И где я захряснул после Милана с моей «навигацкой наукой», не помню точно, и чем занимался: то ли на Женевском озере — почему у меня такое измывочное чувство к Женеве и озеру, — то ли в Праге, тоже чувство не из веселых. Кормился не иначе, как мошенничеством.

Вспоминаю себя в годы царствования Елизаветы *(1741—1761)*. Москва. Под Ехаловым Каменным мостом. Я был в шайке Каина, тогда просто Иван Осипов. «Каина» он получил потом за Ивановских Божьих людей, как не разбойником, а в сыщиках взлетел на «что хочу, то и делаю» — от Сената был указ не давать хода доносам на Каина. И как к хлыстам в Ивановский влез, радел в кругу их и дометнулся через пророков прямо в «Христа» (экая сила-то!), а после всех и зацапал, вот за что Каин. В ремесле сплутовать грех, а в вере не прощается.

А стал знать я «Каина», еще когда Ваней звали — атаман. Он да Камчатка — первые люди: «когда мас на хас, так и дульяс погас».

Плавали мы по Волге, гуляли и по дорогам — любимый путь к Троице-Сергию. И по Владимирке, помню село Избылец, Работки — «вздували виногор».

В разбойных делах я принимал самое живое участие. Меня занимало, как это происходит. Убивать мы никого не собирались и «в мешок не прятали, чтобы никто не нашел» — про утопленников после нас не слыхать. Стращали, это верно — человек, как и зверь, очень пуглив — но без этого никакой поживы: что же это добром — своим добром поделиться?

Я любил лес, поля, грозы, метель, тревогу и опасность. И потом все запишу в тетрадку. Под Каменным мостом у нас была квартира. «Каин» тоже любил писать: сочинял песни и комедии.

Ночью все спят. А я в своем углу записываю. Да с чего-то задумался. Я пишу без извитий и сплетений словами Посольского приказа, точно. И вдруг, как во сне, меня как светом окатит. Я зажмурился. И когда открыл глаза — а на меня знакомая рожа: солдат из полицейской команды Воронопегов, а за ним Куваев! — кишь! как крысы, затопили всю нашу пристань солдаты.

Кто успел, выскочил. А «Каина» зацапали. И меня с моими тетрадями. И прямо в Тайную Контору, в Китай.

Грозили мастерскими топорами, да нам упираться не в чем: в моих тетрадях все начисто, только без имен, по кличке, да это все равно. Николу в колодках отплясывали, такой студеной ночи, как эта Никольская, ввек не запомню. А наутро в Сыскном Приказе «Каин» предложил себя в сыщики (*1741* г.).

Теперь пойдет работа. Всех товарищей переловят — до полтысячи воров на Москве поубавится. А всего, считай с новыми, миллион будет под секретным руководством главного Московского сыщика. Атаманом родился, атаманом и кончит — это и будет Ванькин путь. А меня тогда из Сыскного взашей, проваливай — в разбойники я не гожусь, а в доносители сам не пойду. Так и пропали мои тетради. О них вспомнит «Каин», как сам дойдет до кнута и на допросах станет стихом сказывать сказку о Ваньке Каине «славном воре и мошеннике».

С Москвы я не ушел, но с «Каином» не знался. А устроился я при типографии: все-таки это мое дело — и глазу, и руке извычно.

А в последний свой год, как пропасть ему со своей Ариной, дурак, ни силой, ни сыском, ни крестом любовь не возьмешь! — захотел он удивить Москву. На масленице на Каменном мосту, над нашим старым гнездом, устроил он народное игрище. Через Тайную Контору отыскал меня. Он сочинил комедию о царе Соломоне и Китоврасе: он играет Китовраса, а я – царя Соломона.

На Прощеное воскресенье на глазах у всей Москвы было мое прощанье да не только с Москвой, а и со всем белым светом.

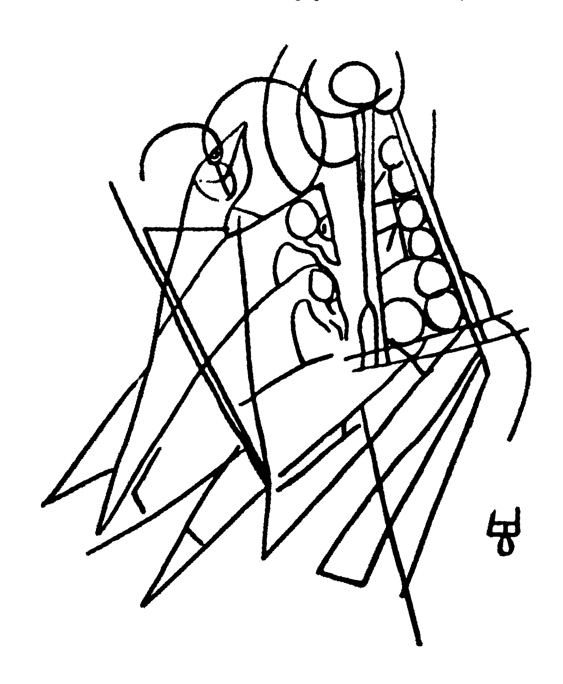
В последней сцене Соломон велит расковать Китовраса. И у расковапного кентавра поднялись за спиной крылья. Я снял со своей руки перстень и отдал ему. Китоврас проглотил мой Соломонов перстень и, ухватя меня за шиворот, да как кокнет — царя Соломона Китоврас закинул на край обетованной земли, и Соломон на берегу теплого моря под звездами очнулся, а я, отшвырнутый с Ехалова Каменного моста, угодил головой в москворецкую прорубь. И меня ожгло таким мокрым огнем, всю память выжгло, да ее подо льдом и не спросят — представление кончилось.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ

Том II
Письмовник

Памяти Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло († 13 мая 1943)



<ЧАСТЬ I>

1. Круг жизни
1817–1826

О знаменитых людях сам Бог велел писать. Всякую черточку жизни их и самую малую, самый последний обрывышек мыслей выведут на свет, и то, чего не было, обо всем расскажут. Но знаменитостей, которых славим мы и гордимся, живущих веки вечные, таких по пальцам пересчитаешь, все же остальное, все мы, живущие вместе с ними, помогающие им или мешающие им жить, так и проходим без памяти народной.

Вот на кладбище, когда ходишь, да надписи читаешь, так ясно становится эта судьба многих. Другой раз и памятник стоит, крепкий каменный — какой-нибудь именитый человек, генерал, но имя его немо, и вон тот крест со своим именем, так и жизни то ему до первой осени, а цена одна... Что за человек лежит под памятником, а зачем он жил, думал ли, хотел ли чего, мучился ли, искал? — я ничего не знаю. И идешь дальше, проходишь мимо таких же памятников, и крестов немых и, наконец-то, доберешься, попадается имя, о котором всякий знает, станешь, постоишь, подумаешь, скажешь:

«Был человек!» — шапку снимешь.

Да, был человек, а те? Кто же те, чье имя ничего не говорит, под памятником и под крестами? Тот человек, а эти? Но ведь они жили, проходили свой путь жизни и жили они вместе с тем, который «был человек!». И тот человек с ними хлеб-соль ел, находил с ними возможность быть, проводил в кругу их дни

жизни. И может быть, в их уме и сердце было больше дара, чем в его уме и сердце, и еще неизвестно, почему так случилось, что он на виду стал, а те другие в тень ушли, и тенью своей еще больше выделили его? И кто же не знает, что среди нас немало таких молчащих, которые так и уходят молча, уносят с собою большие дары, а как часто имя совсем недостойное, а у всех на устах, и достойное, а где оно? — никто не знает.

Россия знает имена свои. К ним и обращено все наше внимание: для России, для нас они святы. Но и те, среди которых сложились имена непреходящие, они тоже «были люди» и отошли под памятники и кресты людьми: для России, для нас и о них должна быть память.

Как же проходила жизнь того общества, из которого вышло имя единственное, непреходящее? Как жили все эти отшедшие под крепкие памятники без памяти народной и все те притаившиеся под крестами, и вся жизнь-то которых до первой осени?

Я беру дюжину писем, обнимающих десятилетие: с 1817—1826 г. В этих письмах видится мне некоторый круг жизни: письма поздравительные со вступлением в брак и сообщение о судьбе приятелей-товарищей холостой жизни; письма о разводе и благоприятной развязке дела, письмо деловое о делах по службе, письмо о смерти жены и о устройстве детей, письмо городское — о событиях петербургской жизни, и письма деревенские, семейные, — на одном листе по трое пишут! — семейные, о детях, о приискании гувернантки, пожелания родственнице благоприятно разрешиться, приглашения погостить и обещания провести вместе Святки.

Так жизнь идет, не выставляющаяся, будничная, так, как у всех, наша, какой мы живем и любим и не хотим расставаться.

Из двенадцати предлагаемых писем восемь адресованы *Петру Петровичу Калечицкому* и четыре жене его *Анастасье Ивановне*, урожденной *Лыкошиной.*

—

Калечицкие — помещики Красненского уезда Смоленской губ. Их родовые имения — Щелканово, Клемятино, Доброселье. Имения их родственников Корбутовских — Герчиково Крас-

ненского уезда и Бобровка Ржевского уезда Тверской губ. Имение Храповицких — Кощино Красненского уезда. Имение Лыкошиных — Козулино Бельского уезда Смоленской губ.

Родословие Калечицких начинает Юрий Халютин Калечицкий, у которого было четыре брата — Стефан, Христофор, Григорий и Юрий. Стефан и Христофор померли бездетными и владения их в Красненском уезде — Барсуки и Ледники — привильем короля Владислава IV от 30 марта 1635 г. перешли к Юрию. Юрию же принадлежало и Щелканово (Королевский лист Владислава IV о мостовом налоге от 1 марта 1641 г.). Король Ян Казимир привильем от 31 декабря 1650 г. жалует Щелканово, Поповщину и Пловучье Андрею Григорьевичу Калечицкому, племяннику Юрия. У Андрея Григорьевича была единственная дочь Елена, вышедшая замуж за Петра Красного-Милашевича. По Герчиковскому свадебному акту от 31 октября 1680 (189) г. Щелканово переходит Петру Красному-Милашевичу. По выписи же с отказных книг смоленского рейтера Якова Телеснина от 6 марта 1682 (190) г. «смоленскій шляхтичъ Андрей Колечицкой отказалъ Щелканово въ родъ смоленской шляхтѣ Осипу да Василью Ивановымъ, дѣтямъ Калечицкимъ», внукам Юрия. От Василия Ивановича Калечицкого Щелканово перешло сыну его Михаилу Васильевичу, полковнику († 1759 г.). У Михаила Васильевича было два сына: Николай и Петр († 1812 г.). По купчей от 9 июня 1792 г. Щелканово, Гостимля и Прудище проданы были за 5000 руб. отставным поручиком Николаем Михайловичем Калечицким брату Петру Михайловичу, отставному ротмистру, женатому на на Анне Михайловне Корбутовской.

У Петра Михайловича Калечицкого три сына — Яков, женатый на Елизавете Яковлевне Барадулич, Петр — на Анастасии Ивановне Лыкошиной и Михаил († 1841 г.) — на Александре Петровне Богданович, и две дочери — Феврония († 1812 г.), вышедшая замуж за Виктора Денисовича Рачинского, который после ее смерти женился на Марье Ивановне Лыкошиной, и Мария, девица († 1832 г.).

Петру Петровичу досталось Щелканово, Михаилу Петровичу — Клемятино. Петр Петрович родился в 1792 году, в 1812 году вместе с братом Михаилом Петровичем и двоюродным братом Владимиром Степановичем Храповицким участвовал под

Бородиным, в 1814 году брал Париж, в 1817 году 19 октября женился на Анастасии Ивановне Лыкошиной, и в 1818 году 17 сентября родилась дочь Анна. В 1823 году Петр Петрович был предводителем дворянства в г. Красном.

Анна Петровна, единственная дочь Петра Петровича, вышла замуж за Алексея Антоновича Рачинского. Дочь ее, внучка Петра Петровича, покойная Анна Алексеевна Рачинская застала еще в живых Петра Петровича. По словам А. А. Рачинской, Петр Петрович «лет 10-ть до смерти был неподвижный в кресле старик — безучастный паралитик, а раньше живой, веселый, беспечный, непрактичный и, хотя и не глупый, но узких крепостнических взглядов помещика, добродушно из педагогии секущий слуг, и при этом любящий, восторженный, сентиментальный муж и отец, — полная противоположность своей высокоумной образованной передовой жене». Петр Петрович помер в 1867 г. и похоронен в Бобровке.

Анастасия Ивановна Лыкошина, жена Петра Петровича, замечательная по уму и образованию женщина, родилась в 1800 г., замуж вышла 17-ти лет и скончалась в 1871 г., похоронена в Бобровке. Анастасия Ивановна оставила записки и большую переписку.

Вот что пишет она в своих записках под 1823 годом о родственниках Петра Петровича:

«Сестра его Марія Петровна живетъ въ Добросельѣ, верстахъ 12-ти отъ насъ (Щелканова), это добрѣйшее въ мірѣ существо оказываетъ мнѣ постоянно искренюю любовь: хотя наши воззрѣнія и вкусы расходятся во многомъ, но и я душевно уважаю и люблю ее. Старшая сестра Февронія Петровна была первою женою Виктора Денисовича Рачинскаго и оставила одного сына Петра, котораго моя Марья любила наровнѣ съ собственными дѣтьми. Старшій братъ Яковъ Петровичъ добрѣйшій оригиналъ имѣлъ любимую пословицу: “Живи и другимъ не мѣшай”! — и дѣйствовалъ по ней; жена его Елизавета Яковлевна Бородуличъ — пожилая, очень добрая женщина, любящая свѣтъ и гостепріимство, но благодушно покоряется противоположнымъ вкусамъ мужа. Меньшой братъ, любимый другъ мой Мишель, самаго веселаго пріятнаго характера, благородный душою, и любящаго сердца, никто лучше его не умѣетъ оживить бесѣду, но его веселость нѣсколько измѣнили заботы и обстоя-

тельства; онъ женился на молоденькой богатой Богдановичевой Александрѣ Петровнѣ и ихъ жилище — старинный отцовскій домъ Клемятино въ двухъ верстахъ отъ насъ».

1

Декабря 4 дня
1817 года

Милостивой Государь мой
Петръ Петровичъ!

Большую справедливость отдаете Вы мнѣ, полагая на пріемлемое мною участіе во всемъ, что до Васъ касатся можетъ. Извѣщение Ваше о вступлѣніи въ супружество с Настасьей Ивановной получилъ я съ сердечнымъ обрадованіемъ. Поспѣшая поздравить Васъ съ симъ радостнымъ произшествіемъ, желаю, чтобъ перемѣна состояния Вашего, Милостивый Государь, была навсегда сопровождаема при совершенномъ здоровье всевозможными благополучіями. Покорнѣйше прошу не переставать верить, что я съ почтениемъ моимъ есмь и буду.

Вашъ, Милостивой Государь мой,
покорнейшій слуга
Князь Андрей Долгоруков

P. S:

Милостивая Государыня
Настасья Ивановна!

Принося мою благодарность за пріятнейшій Вашъ ко мне отзывъ въ письмѣ Петра Петровича, поспѣшаю изъявить желаніе мое оправдать предъ Вами доброе расположеніе ко мне Петра Петровича и имѣть случай доказать, что я съ почтеніемъ моимъ есмь и буду.

Вашъ, Милостивая Государыня,
покорнѣйший слуга
Князь Андрей Долгоруков *.

* Кн. Андрей Николаевич Долгоруков, статский советник, род. 1772 г., скончался 31-го марта 1843 г. — от Рюрика колено XXVII-е, женат на Елизавете Николаевне Салтыковой. «Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым», часть I. СПб. 1854 г. Стр. 98.

2

[1817]

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю моему
Петру Петровичу
Калечицкому
въ Смоленскѣ

Любезнѣйшій другъ
Петръ Петровичъ!

Дружеское извѣщеніе о твоем благополучіи несказанно меня порадовало, но нисколько не удивило! Зная коротко твою душу и ее правила, коимъ ты не измѣнялъ даже и въ жару своей юности, я всегда былъ уверенъ, что Провиденіе — сей строгій цѣнитель поступковъ нашихъ — готовило тебѣ теперешнее блаженство! Наслаждайся имъ, любезнѣйший мой другъ! И дружественныя узы 22 Декабря 1809 достопамятнаго дня нашей жизни да поручатся тебѣ въ искренности моего желанія.

Настасья Ивановна пускай позволитъ мне принѣсть ей мое поздравление на счетъ ея выбора, что же касается до твоего, то он совершененъ по словам тѣхъ, кои не только видали, но слыхали про Настасью Ивановну! И так тѣмъ болѣе мнѣ желается заслужить ея благосклонность.

Всѣ наши, как то: батюшка, матушка, жена и сестра мои отъ всего сердца тебя поздравляютъ и, хотя противу правилъ твоей экономіи, но желаютъ, чтобы тебѣ фантазія пришла повидать Петербургъ, и тогда они имѣли бы приятнѣйшій случай познакомится съ Настасьею Ивановною.

Теперь надобно тебя удовлетворить на вопросы твоего письма: начать съ того, что я ѣздилъ за границу цѣлой почти годъ по причине слабаго здоровья моей Катерины Ивановны, сдѣлалъ порядочной кружокъ, да много и проѣздилъ — одно другаго стоитъ! Воротясь сюда, не нашелъ меньшой дочери, которая скончалась въ нашу отлучку, равно какъ и дядя Александр Яковлевичъ. Братъ Яковъ вышелъ въ армію, и слѣдственно наша семья поограничилась и тѣмъ утратилось видимо здоровье батюшки. Однако какъ не бываетъ худа безъ добра, то кончина дяди по крайнѣй мере улутчила состояніе Петра Александровича: ему идетъ одно содержаніе съ сестрой. Служба моя та же,

что и при тебе была, то есть, в Коммисіи Прошеній, и я ею доволенъ, ибо не препятствуетъ устраивать мои дѣла. Братъ имѣетъ въ Сумскомъ Гусарскомъ Полку экскадронъ и доволенъ своею перемѣною. Загоскинъ женился, пустился в литературу и полились рѣкою комедій, журналовъ и прочее. Впрочемъ, иныя хвалятъ!!

Хомутовъ тотъ же капитанъ по вѣкъ свой, и тотъ же вѣтренникъ при постарѣлой его физіономии. Аверкіевъ в Твери живетъ, служитъ совѣтникомъ и не жалуется! Киселева я потерялъ изъ вида, говорятъ, что въ Казанѣ всѣхъ на публичномъ экзаменѣ загонялъ, ученостію или деньгами о томъ не упоминаютъ.

Вотъ тебѣ, любезной другъ, краткое описаніе о всѣхъ нашихъ пріятеляхъ, на счетъ коихъ хотя я нѣсколько зло объяснился, но сіе не мѣшаетъ мнѣ искренно любить ихъ, — а шутить позволительно и даже въ свѣте необходимо, если захочешь когда-нибудь улыбнуться послѣ долговременнаго сидѣния за бумагами, кои не только истребляютъ игривость въ нравѣ, но и въ лицѣ самомъ производятъ какую-то холодность.

За симъ увѣряя тебя, любезнѣйшій другъ, в моей непоколебимой къ тебе пріязни и прося въ минуты свободныя писать ко мнѣ, остаюсь

вѣрный тебѣ другъ
Николай Шамшевъ.

3

Октября 23 дня
1823 года

Милостивый Государь
Петръ Петровичъ!

Съ пріятнейшимъ моимъ удовольствіемъ свидѣтельствуя Вамъ всегдашнеѣ мое искреннеѣ къ Вамъ почтеніе. Имеющыя у меня на отданныхъ въ прошлыя три набора рекрутъ пять квитанцый, при объявленіи моемъ съ симъ посланнымъ Вамъ представляя, покорно прошу въ принятіи оныхъ дать мнѣ подлежащую росписку и оную чрезъ сево жъ человека моево пожаловать переслать ко мнѣ, за что чувствитѣльно буду я Вамъ благодаренъ. Повторяю также мою къ Вамъ покорную прозьбу в разсужденіи назначенія на состоящыя за мною по Красинско-

му уезду души участка на большой дорогѣ, по местоположенію, неотяготительнаго и соразмернаго противъ другихъ владѣльцовъ и, ежели возможно, в томъ же самомъ месте, гдѣ и по сіе врѣмя крестьяне мои исправляются, въ семъ на правосудность Вашу и на доброжелательныя къ намъ Ваши расположенія всегда вернейше обнадежываюсь.

Покорнейше прошу Васъ не оставлять менѣ пріятнейшыми Вашими уведомленіями о своемъ здоровьѣ и о пребываніяхъ Вашыхъ, симъ порадованъ буду сердечно. Душевно желающей Вамъ совершеннаго здоровья и благополучіи, пребывающей всегда съ искреннимъ Васъ почитаніемъ,

Милостивому Государю,
покорнейшый слуга
Богданъ Пенской

P. S.

Милостивой Государынѣ *Настасье Ивановне* свидетельствуемъ я и Катерина Васильѣвна всегдашнеѣ наше искреннеѣ почтеніе, а любезнейшую Анну Петровну, пріятнейше заочно целуя, желаемъ отъ всехъ нашыхъ искреннихъ чувствъ благополучнаго ей возраста и счастливой участи.

Покорнейший слуга
*Б. Пенской**

4

С. Петербург
6-е декабря
1817 года

Любезнейшій братецъ,
Петръ Петровичъ!

Съ сердечнымъ удовольствіемъ узналъ я чрезъ письмо Ваше отъ 14-го Ноября о благополучномъ окончаніи Вашего брака и о пріобрѣтеніи наивеличайшаго сокровища, которое только на землѣ пріобрести можно, въ сочетаніи Вашемъ съ Настасьею Ивановною, которою хотя и не имѣю еще удовольствіе лично

* Сын Богдана Пенского был женат на Александре Александровне Станкевич – внучке Епафродита Ивановича Станкевича, родного дяди Миропии Ивановны Лыкошиной, урожд. Лесли (матери Анас<тасьи> Ив<ановны> Кал<ечицкой>, со стороны ее матери тоже Миропии Ивановны Лесли, урожд. Станкевич.

знать, но которою все рекомендуетъ, и я увѣренъ, что Всемогущій не остановится в продолженіи ниспосыланія Его небесныхъ благъ на Васъ равно какъ и на Вашу супругу: сихъ благъ не отказываетъ Онъ никому, который бы только ихъ старался искать. Пріимите, любезный братецъ, отъ меня сердечное и нелицемѣрное поздравленіе, которое чувствительно радует мое сердцѣ, и будьтѣ уверены, что всякія благополучія, которые только Вамъ не встрѣтются на поприще Вашемъ, будутъ радовать того, который не перестанетъ быть вашимъ искреннымъ

родным и другомъ

Владимир Храповицкий

P. S.

Братъ Михайла Петровичъ сейчас только пріѣхалъ, спешу къ нему, почѣму и не имѣю времени болѣе писать.

* * *

Ma chère *Cousine*!

La charmante lettre que j'ai eu le plaisir de recevoir de votre part, m'a tellement confondu par vos prévenances, amicales, que je n'ai pas mérités, qu'il m'est absolument impossible d'y répondre, comme elle le mérite, je vois seulement le bohneur que la Providence a daignée envoyer à mon cousin.

Soyez persuadée, chère cousine que son bohneur m'est bien à coeur, c'est pourquoi je me réjouis infiniment de votre union avec lui. Veuillez être persuadée encore que je sens bien senciblement les marques de votre attachement pour l'ami de votre époux, à qui je tacherai par tous les moyens qui sont seulement en mon pouvoir de chercher à m'en rendre digne. Agréez en même tems mes félicitations à l'occasion de l'heureuse fin de votre mariage. Excusez indulgecements la faiblesse de mes paroles pour vous prouver les sentimens du vifs intérêts que je prends à votre bohneur mutuelle, ses sentimens sont bien plus profondèment gravés dans le coeur de

Votre dévoué parent

Wolodimir de Chrapowitzky *

* Дорогая сестрица!

Очаровательное письмо, которое имел я удовольствие получить от Вас, настолько меня смутило своей дружеской предупредительностью, мною не заслуженной, что мне совершенно невозможно от-

Примитѣ, любезная сестрица *Мария Петровна*, искренное увереніе в радости, которую я ощущаю въ благополучномъ окончаніи браков Ваших братцев, съ которыми я васъ душевно поздравляю. Боже, благослови ихъ жизнь, да продолжають они оную в супружествѣ, съ такимъ же смиренномъ христіанстве, как и прежде. Брат Michel, который сей час приехалъ, заставляет окончить мое письмо, ибо спѣшу к нему.

Преданный Вамъ братъ
Владимиръ Храповицкий *

ветить, как письмо сие того заслуживает, я вижу только счастье, которое Провидение удостоило послать брату. Будьте уверены, дорогая сестрица, что его счастье очень близко моему сердцу, почему я и радуюсь бесконечно Вашему сочетанию с ним. Примите еще раз уверения, что я очень чувствителен к знакам Вашей привязанности к другу Вашего супруга, ее я постараюсь сделаться достойным всеми средствами, какие только находятся в моей власти. Примите в то же время мои поздравления по случаю счастливого окончания Вашего брака. Простите великодушно слабость моих слов, которые должны доказать Вам чувства живейшего интереса, их я имею по отношению к Вашему взаимному счастью, эти чувства гораздо глубже начертаны в сердце

Вашего преданного родственника
Владимир Храповицкий (*фр.*)

* Владимир Степанович Храповицкий († 1861) двоюродный брат Петра Петровича Калечицкого. Имение Храповицкого – Кощино в 17-ти верс<тах> от Щелканова. Храмовый праздник 16-ое июня, Тихонов день. Жена Петра Михайловича Корбутовского (брата Анны Михайловны, матери П<етра> П<етровича>) Пелагея Ивановна, урожд<енная> Храповицкая, сестра Степана Ивановича Храповицкого, женатого на сводной сестре Петра Мих<айловича> Корбут<овского> на кн<яжне> Друцкой-Соколинской (мать Петра Мих<айловича> Корбут<овского> Феврония Федоровна вышла замуж за Ив<ана> Бог<дановича >Друцкого-Соколинского).

Владимир Степанович был женат дважды. Вторая жена его (его же двоюродная племянница) Елизавета Александровна Лярская.

Сестра Владимира Степановича Софья вышла замуж за Павла Егорыча Соколовского. Имение Соколовских Преображенское в 12-ти верс<тах> от Смоленска. (Вторая жена П<авла> Ег<орыча> – Анна Андреевна Реад). Дочь Павла Егор<ыча> и Софии Степ<ановны> Елена Павловна Соколовская замужем за Владимиром Ивановичем Лыкошиным, братом Анаст<асии> Ив<ановны> Калечицкой.

5

С. П. Бургъ,
Июля 20 дня
1821 года

Милостивые Государи, любезные братцы
Петръ Петровичъ и
Михайла Петровичъ!

Несчастною женитьбою своею удалясь отъ всѣхъ родныхъ, несовмѣстными поступками своими заслужилъ справедливое ихъ ко мнѣ негодованіе. Но по блиской связи родства нашего долгомъ поставляю себѣ известить васъ, любезные братцы, о происходящей важной перемѣнѣ въ жизни моей. Жена моя повѣденіемъ своимъ вынудила меня просить о разводѣ, каковымъ деломъ я теперь и занятъ.

Покорнейше васъ прошу, любезные братцы, принять искренное признаніе и раскаяніе во всехъ проступкахъ моихъ противу васъ и быть увѣрену въ искренно родственныхъ чувствахъ вамъ

преданнаго брата
Владимиръ Храповицкий

P. S: Любезному брату Якову Петровичу свидѣтельствую мое усердіе.

6

С.-Петебург.
Сентября 8 дня
1821 года.

Любезный братецъ
Петръ Петровичъ!

Дружеское и родственное письмо Ваше отъ 25-го Августа имелъ удовольствіе получить; хотя и не полагалъ никогда какой-либо перемѣны въ чувствахъ истинныхъ родныхъ моихъ, но послѣ толь долгаго времяни пріятно очень получить снова доказательства их дружбы.

Ни разумъ, ни сердцѣ наше, любезный братецъ, ничего не значутъ, коль ими не управляетъ Всевышняя Десница, т. е., когда они не следуютъ имянно тому, чему учитъ насъ законъ хри-

стіанской, а также и наше собственное благоразуміе. Не могу дождатся той минуты, въ которую увижу всѣхъ меня любящихъ родныхъ, а до того врѣмяни будьтѣ увѣрены въ непремѣняемости чувствъ искренно Вамъ

преданнаго брата
Владиміръ Храповицкій

P. S. Къ братцу Михайлѣ Петровичу не пишу отътого, что адреса его въ обширной Москвѣ не знаю. Братцу Якову Петровичу и всѣмъ сестрицамъ свидетельствую мое почтеніе. Сестрицу Марью Петровну благодарю за участіе, которое она во мнѣ принимаетъ.

Адрес мой: Московской части близъ Семеновского моста въ доме подъ № 391.

7

[1826 г.]

Vous pouvez-vous imaginer, ma chere *Cousine*! comme j'ai été agréablement surpris par l'arrivée de votre Pierre ici, qui ont eu l'amabilité de s'arrêter dans la même maison où je loge de sorte, que nous nous voyons assez souvent, mais pourtant pas assez comme je le désirerais car il n'abandonne pas leur coutume de se levér à 5 hs et de se coucher à 9, хлопочутъ ужасно, но кажется, дождутся и моего отъсюдова отъезда, т. е., зимы, quoique cela ne vous arrange pas, et que je n'aurais pas voulu être assez ègoiste de le désirer, pourtant si le sort le voudra, je serai enchanté de l'agréable voisinage d'aprésent. Mes affaires vont grace à Dieu bien et s'approche de leur fin. Votre tout dévoué cousin

W. Chrapowitzky.

Mon cousin exagere croyant que cela peut nous retenir aussi longtems et je crois surement que cela ne peut pas durer plus d'un mois*.

* Можете Вы себе представить, дорогая сестрица! как я был поражен прибытием сюда Вашего Пьера, который имел любезность остановиться в том самом доме, в коем и я обитаю, так что мы видимся довольно часто, но, однако, не столь часто, как я того бы желал, потому что он не оставляет своего обычая вставать в 5 часов и ложиться в 9-ть. Хлопочут ужасно, но кажется, дождутся и моего от-

8

28 апреля
1819

Милостивый государь мой
Петръ Петровичъ!

Усерднѣйше благодарю Васъ за вашу память о старикѣ и за дружеское письмо Ваше. Свѣтлый праздникъ, съ коимъ поздравляете, былъ для всего семейства затменъ скорбью и печалью. Въ самую Пасху жену соборовали масломъ, а въ среду въ ночь оставила міръ сей любившая и почитавшая Васъ по самую смерть свою пріятельница Ваша: вѣсь вечеръ поминала Вашего братца, коего милости къ сыну умела цѣнить. Прошлой и нынѣшней годъ были для меня черныя годы: она во все сіе время не жила, а страдала, ослабѣвая час-от-часу. На новой годъ я былъ безъ памяти, прервали готовящуюся силную горячку, остался слабымъ до крайности, и едва сталъ оправляться, она начинала ослабѣвать. Мнѣ ясно было, что жизнь ее клонится къ концу, такія обстоятельствы были тѣмъ мучительнее, что скорбь сердца долженъ былъ таить, чтобъ и ей не нанести горести разлуки после тритцатишести лѣтняго союза едва сносной, но не могъ совершенно скрытся, и она сама видѣла приближающуюся смерть и готовилась къ ней съ мужествомъ и терпеніемъ, вручая Искупителю судьбу свою.

Отъ ученыхъ слыхалъ, что противныя краиности производятъ одинакія действіи, вѣрю отъчасти: ибо печаль и огорченіе отымаютъ способность дѣятелности, сжимая сердце, корча чувствителность, наводятъ одурялость неспособную ни къ чему, — памяти нетъ, воображеніе во тъмѣ. Вотъ мое состояніе. Радость же, утѣха, сочетавшись съ милою подругою, производитъ излишнюю дѣятельность, новое родство, присоединяясь къ ваше-

---

сюдова отъезда, т. е. зимы, хотя это Вас и не устраивает, и хотя и не желал бы быть настолько эгоистом, чтобы этого желать, однако, если судьба того захочет, я буду в восторге от приятного нынешнего соседства. Мои дела идут слава Богу хорошо и приближаются к своему концу. Ваш всецело преданный брат

В. Храповицкий.

Брат преувеличивает, полагая, что это может задержать нас столь долго, я всецело уверен, что это не может длиться более одного месяца (*фр.*).

му, связывается съ онымъ небывалыми прежде узами дружбы, любви, искренности, васъ растягиваетъ на разныя стороны пріятностями и тоже производить разсѣяние, что производитъ сжатіе скорби, забываемъ многое, воображеніе, блистающее свѣтомъ радости, не видитъ и не представляетъ многихъ предметовъ менше чувствуемыхъ, кои какъ звѣзды, скрываются при свѣтѣ сонца. Почему можно привести пословицу: горшокъ не укоряетъ котла закоптелостью. Мнѣ нельзя пѣнять Вамъ, ни упрекать забвеніемъ, тоже и съ Вашей стороны нельзя и меня не извинить во многих упущеніяхъ. Силнейшія чувствованіи различнымъ образомъ въ обѣихъ помрачили слабѣйшія: и въ етомъ никто не виновенъ, потому что чувство не въ нашей власти.

Поздравляю Васъ съ пріятнымъ титломъ отца, а супругу Вашу съ титломъ матери: сіи титлы даръ Божій, превыше всѣхъ титловъ царскихъ и сами Цари оными величаются. Желаю, чтобъ Ваша Аннюта выросла въ Анны Петровны и явила въ себѣ всѣ добродѣтели и свойствы благія, украшающія родителей ее. Но желаніе Ваше не исполнится, нѣтъ, не буду имѣть удоволствія видѣть ее невѣстою, украшенную всѣми прелестями ей свойственными. Чрезъ два года минетъ мне 10 седмицъ, а на одиннадцатой надобно пересѣлится въ вѣчное жилище, въ землю. Таковъ общій законъ, не минетъ и меня.

Федоръ мой, попался въ роту, которую послали на поселѣніе, почти годъ провидилъ, накладывая бревны, ломая избы и пр., насилу переведенъ въ гвардію во вторую Артиллерійскую Бригаду. Сіе послѣднее весма много ускорило смерть его матери: разлука съ нимъ ее печалила, она грустила и недолго порадовалась, видя его при себѣ, — онъ пріѣхалъ въ самое заговенье на масленницу. Сашеньку братецъ Вашъ закомандировалъ къ себѣ въ роту и столько ему оказываетъ ласки и пособіи, что для брата роднаго нельзя здѣлать болше, и не знаю, какъ и чемъ ему оказать мою благодарность. Бывъ произведенъ въ полковники, вышелъ изъ роты, и на его мѣсто попался ему подобный и честью и воспитаніемъ и добрыми качествами капитанъ Герсдорфъ, датчанинъ по отцу, но русскій по матери и воспитанію, почему Саша остался въ той же роте и вмѣсто одного благодѣтеля приобрелъ двухъ. Братецъ нашъ познакомилъ его съ своими пріятелями и такъ его рекомендовалъ всѣмъ, что Саша мой пошелъ въ люди и свелъ со всѣми знакомство. Вы сами чувствуе-

те сколь великое одолженіе здѣлалъ мнѣ братецъ Вашъ, онъ не принимаетъ моей благодарности по скромности, такъ Вы ее примите, а то мнѣ болно будетъ.

Супругѣ Вашей прошу засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе и благодарность за ее приветствіе. А какъ вы два теперь стали въ плоть едину, то желаю, чтобъ Господь даровалъ Вамъ благодать и милость быть душа едина въ двоихъ, связанна союзом любви и довѣренности взаимной, ниже тенью сомнѣнія не омрачаемой, тогда живя вмѣстѣ отъчасти пріобщитеся рая сладости. Но сія благодать отъ Господа иначе пріобретена быть не можетъ, какъ твердою вѣрою въ Искупителя нашего Іисуса Христа, поучаясь въ законѣ Его день и нощь. А для сего селская жизнь великія даетъ удобности. Препоручая себя и все мое семейство въ продолженіе дружбы Вашей, имѣю честь быть съ нелицемѣрнымъ усердным почтеніемъ Вашъ,

Милостиваго Государя моего,
покорнейшій слуга
А. Арсеньев *

9

Его Высокородію
Милостивому Государю моему
Петру Петровичу Калечитцкому
въ Смоленскѣ.

9 июля
1820.

Милостивый Государь мой
Петръ Петровичъ!

Съ покорностью прошу извиненія за долгое мое молчаніе. Все время былъ въ хлопотахъ, въ развлеченіи. Насилу нашелъ покупщика на мой домъ, все являлись щечилы ** желавшія взять задаромъ съ расщетами болъшихъ барышей, а как мнѣ не было

* Александр Иванович Арсеньев, род. в 1751 году, дослужился до тайного советника, масон, сотрудник масонских журналов. — «Род дворян Арсеньевых» состав. Вас. Серг. Арсеньевым (изд. Мих. Тихон. Яблочкова, Тула, 1903 г.). Стр. 56—7.

** *Щечила* — таратор, говорун.

нужды понести убытковъ, то дѣло не сходилось. Наконецъ, явились два покупщика, одинъ щечила, а другой настоящей, и въ тотъ же день ударили по рукамъ, я, наконецъ, оставилъ свое жилище, переѣхалъ насупротивъ наискосокъ въ домъ серебрянника Бунцеля № 421, гдѣ прежде стоялъ Старковъ, и очень доволенъ своею квартирою. Но при переѣзде нашелъ столко неисправностей во всемъ, что все долженъ былъ иное передѣлать, иное купить и пр., а хаосъ разобрать, однимъ словомъ, возни пропасть, какъ по опыту знаете при новомъ устройствѣ. У нас возня страшная, заборы ломаютъ, перестроиваютъ мостовыя, тротуары, трубы по улицамъ. Хватальныя ради, и я радъ, что съ ними никакого дѣла иметь не буду. Противъ дворца все переломано, все перестраиваютъ цыркулемъ, avec un Arc de Triomphe, comme à Paris*, на Невской липы вылѣтели и обсѣли домы по обѣ стороны, гдѣ несомненно пропадутъ, хотя самимъ хозяевамъ поручено их сохраненiе. Домъ Лобанова едва отстроился и назначенъ въ ломку. Жаль стало прекрасной площади, испорченной онымъ. Ету шутку полагается исправить лотареею въ 3 милiона билетовъ изъ коихъ Лобанову 2, а остальный кому достанется домъ, а самой домъ царю на сломку. Мои пришли съ маневровъ, на коихъ находился молодой прусакъ, къ сестрицѣ повидатся приѣхавшiй. En un mot on se trémousse beaucoup pour ne rien faire et on dapence beaucoup pour detruir**.

Михаилъ Петровичъ уехалъ и насъ забылъ. Не знаю, совѣршилось ли его благое намеренiе и есть ли съ чемъ его поздравить. Фридриксъ поисправился и здѣлался людцковатѣе ибо онъ съ нимъ выкинулъ штуку по своему манеру и выказался тѣмъ, чемъ он есть. Курский губернаторъ Кожуховъ, словно одурачился. Великий Князь отнесся къ нему по дѣламъ, яко фельдцехмейстеръ, и подписался *Михаилъ*, а тотъ къ нему въ ответъ: «Г. фелдцехмейстеру Михайлову» и пр., и на пакетѣ такая же надпись. Великiй Князь держитъ пакетъ напоказъ и хохочетъ надъ премудростью Губернатора, и Великiй Князь хвастается новою фамилiею, ему Кожуховымъ пожалованною.

Теперь лѣто съ Багданомъ Алексеевичемъ увидитесь, прошу ему напомнить о старомъ прiятелѣ и сказать ему отъ меня, что

* С Триумфальной аркой, как в Париже (*фр.*).

** Словом, много суетятся, чтобы ничего не делать, и много тратят, чтобы разрушить (*фр.*).

я его люблю и почитаю. Сынъ его былъ у меня и простился, отъѣзжая на свирепую войну въ Красное воздухъ бить, хлѣбъ топтать и воронъ пугать. Нынѣшний годъ кажется, здѣлался покрѣпчѣ и поздоровѣе, думаю отъ того, что душа не страдаетъ виденіемъ страданія и приближеніемъ смерти жены, столь близкаго къ сердцу предмѣта. А что собственно до меня касается, то проплывъ пучину суетъ мирских и хоть въ дали, но въ виду имѣю тихое пристанище мира и спокойствія, о себѣ уже не думаю, ничего не ищу, ничего не желаю, какъ толко устроить дѣтей моихъ и простится со всѣми до свиданья тамъ. Оно не такъ долго, какъ кажется. А Вамъ съ любезнѣйшею супругою Вашею желаю веселится и наслаждаться новыми еще для Васъ чувствами родителской любви къ дѣтямъ. Но по опыту предвѣщаю, что сія сладость превратится во множество заботъ и попеченій, и не мало причинитъ оскорбленій и пѣчали. Ето все скопляется подъ старость, когда и самыя силы начинаютъ слабѣть, а утѣхи чувство тупѣть. Старайтесь толко приближатся къ Источнику блага заблаговременно, посвѣщая Ему умъ, волю и чувства Ваши и поучялся Его закону и исполненію заповѣдей Его, кои всѣ истинно для существеннаго блага человѣчества открыты въ Священномъ писаніи. Въ семъ толко найдете un antidote contre le poison la mechanceté humaine* въ преклонныхъ лѣтахъ Вашихъ, а безъ сего, ой, тяжко и даже несносно переносить скорби и перемогать непріятныя случаи жизни нашей на землѣ. Лѣтъ черезъ двадцать вспомните сей дружеской советъ и ощутите онаго ползу. Имѣю честь быть съ истинным почтеніемъ и преданностью Вашъ,

Милостиваго Государя моего,
покорнейшій слуга
А. Арсеньев

10

[1826 г.]

Любезная сестрица
Анастасія Ивановна!

Искренно благодарю за пріятное писаніе, сердечно желею о нездоровьи твоемъ, ma chere soeur, усерднейше желаю скора-

* противоядие против яда человеческой злобности (*фр.*).

го облехченія. Письма отъ Петра Петровича мы не получили, о которомъ пишешь, что очень досадно, хотелось знать о отъездѣ ихъ съ Минина*, какъ милые Петруша и Митенька, думаю, очень грустили, расставаясь со всеми вами. И любезная милая сестрица Марья Ивановна верно въ большой грусти была. Дядюшка и тетушка уехали въ Москву 12-го сего месяца, обещали писать по пріездѣ своемъ и прислать адрезъ своей квортеры. Сестрица Елизавета Яковлевна благодаря Бога возвратилась благополучно изъ Кіева въ Бутко и располагала скоро быть в Милоселье. Съ большимъ удовольствіемъ ожыдаемъ ее пріезду, а братъ Яковъ Петровичъ еще въ Ильинскомъ.

Я ето время провела въ Клемятинѣ, 6-ть дней гостила, сегодня еду дамой и пробуду до шестаго ноября. Много бъ обрадовала, любезная милая сестрица, когда бъ могла пріехать къ 8-му ноябрю, именинника и всехъ насъ много б утешала. Милаю Анниньку целую, желаю здоровья и остаюсь

преданная сестра

Марья Калечицкая

Почтенной Миропіи Ивановнѣ** свидѣтельствую мое истинное почтеніе. Любезной сестрице Марьи Ивановнѣ и Елизавете Ивановнѣ мое искренное усердіе.

* * *

Равно и отъ меня прашу сказать оное. А Вамъ по среднему, любезной сестрицы, изъявляю мою высочайшею благодарность за пріятнейшіе Ваше писанья, которого съ нетерпеніемъ ожидалъ, хотя и неприятно мнѣ было узнать, что Вы долго къ намъ не будете, а еще тяжели слышать, что Вы не очень здаровы. Дай Богъ, чтобъ это письмо застало Васъ въ совершенномъ здаровьи съ милою Анютою, которую целую. Повеленіи Ваши для меня святы и уже исполнены Ваши приказаніи. А что у Васъ делается? Алешка предаетъ письмо, о истинѣ онаго я конфир-

* Минино – имение Рачинских в Бельском уезде, Петруша (Петр Викторович) и Митенька (Димитрий Викторович) Рачинские.

** Миропия Ивановна, урожд. Лесли, жена Ивана Богдановича Лыкошина, род. в 1770 г., мать Анаст<асии> Ив<ановны> Калечицкой. Марья Ивановна Рачинская и Елизавета Ивановна Тулубьева, урожденные Лыкошины, сестры Анастасии Ивановны.

мую, потому что сегодня я былъ въ Щелкановѣ, а на дняхъ въ Братцкомъ. Пребуду душою Вас

любящий брат

Михайла Калечицкий.

* * *

Равно и я васъ благодарю, милая и любезная сестрица, за писаніе Ваше. Но вы вдвойне меня огорчили нездоровьемъ Вашимъ, а еще более, что Вы пишите про Белую нашу, что она подгуляла. Пожалоста, приежаите поскорей, скучно очень, и всякой день ожидаю брата и не знаю, что думать, что ево такъ долго нетъ. Всемъ Вашимъ прошу сказать мое почтеніе, а Васъ целую и милую Анниньку

Александра Калечицкая.

11

10 ноября
1826 года.

Не получаю отъвету на наше письмо отъ Васъ, милая и любезная сестрица, *Анастасья Ивановна*, я знаю, что Вы не очень здоровы, что насъ много безпокоитъ. Пожалоста, пишите чаще. Какова любезная Марья Ивановна? Принимаю всегда участіе, какъ въ самой близкой родной. Прошу Васъ не пропускать ни одной почты. Дай Богъ ей благополучно разрешится! Мужъ Вашъ пишет къ намъ часто, хлопочетъ и для меня о гувернанке. Не зная, какъ ево отблагодарить за это, дала слово исполнять ево патриаршіи наставления и смирить себя къ ево пріезду. Церковь кончили 6 числа и мы ездили съ сестрицей Марьей Петровной смотреть. Очень хороша. Вы знаете мою слабость брать на себя знаніи архитектуры. Пріехавши, захаила мужа, нашла много погрешностей. Въ аправданіе себя онъ говоритъ, что матерьалъ дуренъ.

И въ Ваше хозяиство мешаюсь, не зная тоже ничего. Почтеннейшей Миропьи Ивановне свидетельствую мое почтеніе равно и всемъ Вашимъ, а Васъ съ Анютой целую и желаю здоровья. Въ ожиданіи Вашихъ писимъ, пребуду Вам

покорная и преданная

Александра Калечицкая.

Дети мое не очень здоровы, а со мной много жалкихъ и смешныхъ произшествіиевъ, которые не въверяю бумаги, а самое жалкое слепота: глаза мое такъ ослабели, что день ота дня все слепею.

Мужа я сваево и Марью Петровну жива силомъ тенула писать, но атказались, въпротчемъ, можно имъ извинить: двое сутокъ безъ одыху пишутъ.

Адресъ дядюшкинъ — въ Малой Бронной, въ приходе Спиридонія, въ доме Ильина № 381.

12

Ноября 30-го
1826-го
Клемятино

Любезная, милая сестрица
Анастасія Ивановна!

Премного благодарю за пріятнейшые твои письмы, которые почти кажду почту получаемъ, что намъ доставляетъ большое удовольствіе, но сожелею сердѣчно, что такъ сильно грустишь. Милая сестрица, береги свое здаровье: чрезъ тоску много его потеряла. Мы получили письмы пріятнейшие от 20-го сего месяца отъ любезнаго брата Петра Петровича: пишетъ, что милой Петруша екзаменъ выдержалъ и везутъ его къ представленію Его Высочества, — съ чемъ Васъ съ любезнейшею сестрицею Марью Ивановной усерднейше поздравляю. И вместѣ съ онымъ получили письмо отъ брата Владимира Степановича *, пишетъ, что дело его совершенно кончено, уничтоженъ брак его съ дозволеніемъ вступить въ другой бракъ, и по первой зимней дороги располагаетъ быть. Пишетъ братъ Петръ Петровичъ, что груститъ очень, не получая отъ тебя писемъ, боитца, здарова ль? Сей часъ получыли еще чрезъ Никишку письмо твое, милая сестрица, много благодарю и прошу прощенія за леность мою, что такъ редко пишу. Любезной милой сестрице Марья Ивановне мою искренную приверженность свидетельствую и душевно желаю здаровія и благополучнаго разрешенія. Когда въ случае Вы останетесь праздникъ Рождества Христова в Мининѣ, то прошу меня уведомить: когда будетъ возможно, мо-

* Владимир Степанович Храповицкий.

жетъ, и я придвинусь. Милых Анниньку, Катеньку* и всехъ милых деточек целую и остаюсь

преданная сестра
Марья Калечицкая.

* * *

Премного Вамъ благодарин за приятнейшіе Ваше извещеніе, а еще боліе, что Вы узнали цену домаседу, и когда Вы бы по стопамъ моимъ ходили, были бы въ дабрѣ, а не въ хандрѣ. Маловѣри, почто усумневаитесь и о всемъ грустите, — что муж поехалъ месяца на два! По крайне мѣре, хорошо, что съ таски много ходите и это послужитъ въ пользу. А мы immer lûstich**: седимъ у моря и ждемъ снежной погоды, чтобъ быть в Бельскія пределы. Надѣюсь Васъ тамъ застать, и пачтеннейшею сестрицу Марью Ивановну желаю сердечно видѣть въ добромъ сдаровьи. И когда Вы не уговорите нашихъ прабыть праздники у Васъ, то послѣ этаго я долженъ буду сумневатся въ Вашемъ красноречіи или думать, что Вы не желали ихъ у себѣ удержать. А и мы къ Вамъ бы явились праздновать матки-святки, жаль, что Барадина нѣтъ для вертеповъ! Но за то пріедутъ наши петербургскіи, наслушались тамъ въ театрѣ, скажутъ намъ какуюнибудь тираду, а можитъ, когда полегчели, (что и несумненно нащотъ денигъ), то сломаютъ комедію и я буду *слуга двух гасподъ*, а Анастасія — *субретачка*, только бы пріискать карсетъ, чтобъ сзделать ее субтильною, а въ Шемиловѣ въ 3-мъ этажѣ на свирьне я виделъ въ шкапу на 5-ой полочки снизу зеленой тафтяной съ розовыми лентачьками на кастяхъ, и такъ по письму этому Вы можите у матушки попрасить. Но надо знать честь и перестать врать, когда есть сурьіозныи вапросы. Никишка спрашивает у менѣ, когда Вы ему прикажете выежать, гаваритъ, что Вы ко мнѣ объ ономъ писали, но я не получилъ на мое имя письма, а есть написанное въ Клемятино, и такъ какъ жихарей сздесь много, то и не знаемъ, кому оно адресовано, запечатанное лежитъ до Вашего уведомленія. Прошу сказать мое почтеніе Вашимъ, детишек целую и Адель***, когда будитъ жива, обещаюсь ущипнуть. Затем прощайте

Михайла Калечицкій.

* Екатерина Петровна Калечицкая.

** всегда веселы (*нем.*).

*** Адель — маленькая француженка, взятая для дочери – Анны Петровны.

* * *

Получа чрезъ Никишку Ваше письмо, очень жалели, любезная сестрица *Анастасья Ивановна*, что Вы хотите уехать изъ Минина до праздника и темъ лишите нас величайшева удовольствія видить Васъ такъ скора, какъ бы мы желали. Съ нетерпеніемъ жду Петра Петровича, онъ мнѣ даетъ надежду привести съ сабой гувернантку. Дай Богъ Марьи Ивановне благополучно разрешится, и къ нашему приезду быть здоровой. Съ нетерпеніем жду дороги, чтобъ быть поскорей в Бѣлой. Я сделалась безъ Васъ совершенной пустынницей, одна Марья Петровна насъ не забываетъ, а Яковъ Петровичъ въ Бутку поехалъ, но я съ нимъ писала къ сестрицѣ Елизаветѣ Яковлевнѣ объ Вашемъ письме, и надеюсь съ собой привести. Въ пріятной надежде Васъ скоро видить, пребуду Вамъ

преданная сестра

Александра Калечицкая.

Аниньку целую.

2. «Разорение, общественно случившееся»
Письмо отечественное
1752–1814

«По грѣхамъ нашимъ...» Огонь стал на западе и пошел, и пошел на нас, чтобы поразить сердце наше — Москву. Или еще мало было огня на Москве в смутный год и *поганое болото* не очистилось? Или такой, вопиющий на небо, грех принял русский народ? За его ли *безумное молчание*, за обиду кровную своей *последней* Руси? Старца ли огненного Епифания горькое слово, слезы ли удавленнаго Федора, Христа ради юродивого? *

«По грехам нашим это жег огонь Россию».

Так народ русский принял свою огненную судьбу.

А что за огонь был на Москве, скажу, не поверите, прадед мой, красильных дел мастер Егор Иванович Найденов, оста-

* Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. Летопись занятий Имп. Археограф. Коммис. за 1911 г. вып. 24. СПБ. 1912.

вавшийся караулить Москву, забирался в пруд и сидел там по шейку (это в сентябре-то месяце!) — вот он какой был, жар-огонь московский! *

Огонь шел на Москву, Москву палить, а Смоленская губерния так в середку попала. А посмотрите, как она строилась, и не просто, а по московскому — «съ шишачками» (*письмо 1*): Семен Максимович Ивков, сосед Михайла Ивановича Корбутовского, знал, как это дело делать, — на Москве, как видно, свой человек был. И вот за четыре месяца дважды прошли по земле смоленской две армии, и сами посудите, какие там шишечки, дай Бог, чтобы столбы-то какие остались **.

Остались! Ну, не все, а все-таки остались, как осталась Москва стоять, и жива московская белокаменная речь. И чуть только поутих огонь, опять пошла стройка, освятили церковь, стали избы огораживать, и Анна Михайловна Калечицкая, дочь Михайла Ивановича, на укорном французском письме своей родственницы, записывает — озабоченно пером выцарапывает по-русскому, что и откуда взято и получено по хозяйству (*письмо 19*).

Этот год ей особенно тяжел выпал: и муж ее, Петр Михайлович Калечицкий, в 12-ом году помер, и два ее сына, Петр и Михаил, на войне, и земля их под Красным разорена — там старший ее сын, Яков, управляется, и живет она не в Клемятине и не в Щелканове, а на земле брата, Петра Михайловича Корбутовского, в тверской Бобровке.

«Бабушка», «матушка-тетушка», «сестрица», «маменька» — Анна Михайловна и впредь терпеливо будет записывать, помечать для памяти, что и откуда по хозяйству, строить разоренное гнездо, Россию строить, собирать ее, разбежавшуюся по лесам смоленским.

— Божье немилостиво, надо и своей головой дѣлать!

Много тревог пережила Анна Михайловна за этот большой год, ездила она на самый короткий срок в Горбатов Нижегородский, к брату покойного своего мужа, к Николаю Михайловичу Калечицкому, сама не поехала бы, только для дочери, для Ма-

* Н. А. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М. 1903 (*не для продажи*).

** И. П. Лесли. Смоленское дворянское ополчение 1812 года. Изд. Смоленского дворянства, Смоленск, 1912 (*не для продажи*).

рьи Петровны, за нее было страшно. И за сыновей была дума невеселая, — лишь через месяц после Бородина получилось от них известие (*письмо 7*).

Ну, даст Бог, все поправится, освятили церковь, огораживаются, приговорили и приказчика для Клемятина, в начале лета переедет Анна Михайловна из Бобровки под Красный в гнездо свое, а там и дети вернутся с войны, вот уж из-за Рейна ей письмо пришло (*письмо 8*), а дойдут и до Парижа — до столицы мира, и оттуда ей придет громкая весть (*письмо 20*): «Парiшъ въ рукахъ нашыхъ!»

Письмо с берегов Сены, проскочив по белым дорогам и минуя Гостимлю и Прудище, завернет в Щелканово и мимо озера, мимо церкви Успенской, подкатит на господский хоромный двор. Вечерами, и таких будет много вечеров предвесенних, будет письмо читаться в кругу родных и соседей, и Анна Михайловна всякий раз перекрестится и скажет вместе с народом, освобожденным от ига:

— Да здравствуетъ Александръ великай, нашъ избавитель!

И за ней скажет и весь народ русский, Россия.

Россия уж не самоед, зарытая снегами, Россия отныне благословенная, и русский народ, русские — не люди «по пупъ мохнаты до долу, а отъ пупа вверхъ, какъ и прочiе человѣцы», нет, русский — сын великой благословенной России — русский.

Из 20-ти предлагаемых писем одно написано *Михаилу Ивановичу Корбутовскому*, отцу Анны Михайловны, от 1752 г., остальные — *Анне Михайловне Калечицкой*, урожд. Корбутовской, и дочери ее, *Марье Петровне Калечицкой*: одно — до 12-го года от Петра Михайловича Калечицкого, пять — 1812 года, двенадцать — 1813 года и одно — 1814 года; письма 12-го года большинство осенние, а 13-го года — весенние.

Корбутовские — смоленские, родовое их имение — Сальниково (Санниково), на речке Поникле, Верховской волости, Бельского уезда, им же принадлежало Герчиково в Красненском уезде, Смоленской губ. и Бобровка в Ржевском уезде, Тверской губ.

Родоначальник Корбутовских — Степан Иванович Корбутов (Корбутович) — выехал из Польши в Россию, служил в смоленской шляхте и пожалован в 169 (1661) г. поместьем в Бельском

уезде, в Верховском стане. Сын его, Петр Степанович, и внук, Иван Петрович, Корбутовские служили в смоленской шляхте. (Выпись Смоленского Наместнического Правления от 23 дек. 1787 г. № 22964)*. Иван Петрович был женат на Анне Григорьевне, которая после его смерти (до 1749 г.) вышла замуж за Василия Федоровича Сасновского. Сын Ивана Петровича, Михаил Иванович Корбутовский (1703 до 1765 г.), лейб-гвардии Преображенского полку ротмистр, служил с 1720—1745 гг., жена его, Февронья Федоровна, после его смерти вышла замуж за кн. Ивана Богдановича Друцкого-Соколинского. Сыновья Михаила Ивановича — Александр Михайлович Корбутовский (род. в 1754 г.) и Петр Михайлович Корбутовский (упоминается в документе1765 г., умер в 1834 г.), лейб-гвардии Преображенского полку капитан-поручик, служил с 1785—1804 гг.. а в 1812 г. был Красненским предводителем дворянства, женат на Пелагее Ивановне Храповицкой. Дочь Михаила Ивановича Корбутовского, Анна Михайловна, вышла замуж за Петра Михайловича Калечицкого.

Портрет Анны Михайловны Калечицкой висит в Бобровке. По словам покойной Анны Алексеевны Рачинской на прабабушку ее, Анну Михайловну, была похожа ее мать, Анна Петровна, урожд. Калечицкая (дочь Петра Петровича Калечицкого и Анастасии Ивановны, урожд. Лыкошиной), и ныне благополучно здравствующая племянница ее, Александра Николаевна Верховская, урожд. Рачинская. И это сходство было не только с лица, но и по душе: «ясность и доброта нрава, душевность в отношениях с людьми и обаятельность».

Дочь Анны Михайловны, Марья Петровна Калечицкая, вместе с которой Анна Михайловна провела 12-ый год, замуж не вышла и всю свою жизнь прожила около братьев— Якова, Петра и Михаила Петровичей Калечицких — в Доброселье, в 12-ти верстах от Щелканова.

Анастасия Ивановна Калечицкая, урожд. Лыкошина, в своих записках оставила нежную память о своей золовке.

«Лѣтом этого года (1832) скончалась добрая сестра наша Марья Петровна. Она переѣхала въ Вознесенскій монастырь

* См. Прилож. VI.

(Смоленскъ), гдѣ заболѣла желчнымъ разстройствомъ желудка, семейною болѣзнью Калечицкихъ, и всѣ усилія д-ра Забѣлло спасти ее были тщетны; подконецъ по неразумной просьбѣ огорченныхъ братьевъ, желавшихъ продлить ея жизнь, Забѣлло давалъ ей много мускуса, и это было причиною, что она нѣсколько дней кончалась. Ей видѣлись видѣнія, которыхъ она объяснить не была въ силахъ, но разъ сказала доктору, уговаривавшему ее принимать лекарство:

— Какъ трудно тому, кто видитъ небесное, опять думать о земномъ.

Всѣхъ насъ она благославляла: меня вызолоченнымъ крестомъ, Пьера и Анни образомъ Казанской Божіей Матери. По словесному завѣщанію, она намъ назначила свое Доброселье съ темъ, чтобы мы уплатили 10 тысячъ брату Якову Петровичу, и почти столько же бѣднымъ родственникамъ и людямъ ея, такъ что вмѣстѣ съ расходомъ на погребеніе, которое братья, несмотря на ея нежеланіе, сдѣлали очень дорогимъ, намъ пришлось заплатить всего болѣе 20 тысячъ асс. и перезаложить имѣніе. Но со всѣмъ тѣмъ Доброселье сдѣлалось хозяйственнымъ подспорьемъ Щелканову, и доходы наши прибавились. Я никогда не забуду ея постоянной материнской любви ко мнѣ, которую она особенно доказала во время прошлогодней халеры (1831 г.).

Столько обязана я доброй сестрѣ, Марьѣ Петровнѣ, которая изъ любви къ намъ съ христіанскимъ самоотверженіемъ оставила домъ свой, гдѣ не было болѣзни, и все это горькое время провела съ нами, побѣждая свой собственный страхъ, чтобы успокаивать меня и брата своего. Это великое дѣло милосердія, такъ скромно ею совершенное, будетъ имѣть награду тамъ, гдѣ все оцѣнится по достоинству и поставит ее *выше многихъ славныхъ земли.*

Эти волненія, кажется, положили начало ея послѣдней болѣзни; она стала думать о вступленіи въ монастырь и по совѣту одной монахини наложила на себя особенный постъ безрыбный, который былъ слишкомъ тяжелъ при ея разстройствѣ желудочномъ. Миръ праху этого добрѣйшаго благочестиваго существа! Она чрезвычайно любила покойную сестру мою Марью и при кончинѣ все о ней вспоминала».

1

Сентебря 22 дня
1752

Государь моі, *Михайло Івановичъ*! *

Желаю Вамъ, Государю моему, здраствовать купно і съ любезною Вашаю супругою, а съ моею Государынею Θевронию Θедаровною на множества летъ! За писание Ваша, Государя моего, много благодарствую, которая я получилъ чрезъ человека Вашаго Алексея. Хотя я вчерашнего числа писалъ вкраце съ моімъ поспешениемъ, понежа онъ, Алексеі, въ краткое время до Васъ поехолъ, покорна прашу Васъ, Государя моего, прашу, чтобъ деревнишки мои і присмотрамъ Вашемъ оставлены не были, і призвать моево старасту і выборнова і накозать крепко-на-крепко, чтобъ у нихъ было все ісправна, какъ въ молоченье хлеба чтобъ не запусчалъ ни единаго дня, все бъ заблаговременно прибрано было, такжа бъ скотину берегли и смотрели бъ за нею сами почасчи. Такжа писалъ я къ нимъ а строениі, чтобъ всеконешно бъ ныне осенью было зделано, а імянно, канюшну съ сараемъ, заборъ кругомъ, а столбы бъ были тесаныя, а вишиною съ калиташнымъ сталбомъ наровень бы подвели, а на сталбахъ бы шишачки были, да у воротъ ізбу бъ зделали, ежели успеютъ, да дране бъ на ізбу і на канюшну бъ припосли. Да пожалчи прикожи старосте і выборнаму, чтобъ поранче вина мне добрава 20 ветіоръ выседили, да вотки ветръ 6 прастоі беза всево, а кубовую отпись такжа бъ взяли заблаговременно, чтобъ імъ быть въ Маскву съ Вами по первому пути, ежели Вы изволете быть. Да, покорна-шъ прашу імъ приказать, чтобъ сена берегли і держали бъ все на запоре въ сарае, а не, такъ какъ прежи сего была, ужа я імъ не буду спусчать!

---

* Михаил Иванович Корбутовский (род. 1703 г. умер 1761 г.) — отставной лейб-гвардии Преображенского полку ротмистр, на службу поступил в 1720 г., вышел в отставку в 1745 г. Отец Анны Михайловны Калечицкой. Февронья Федоровна, жена Михаила Ивановича, вышедшая замуж по его смерти за кн. Ивана Богдановича Друцкого-Соколинского.

При семъ астаюсь Вашъ, Государя моего, покорный слуга

Семенъ Івковъ *
зъ жаною моею.

А я по Вашаму делу гатовъ съ радостию старатца і челобитная подана въ Каморъ-коллегію і копия къ Вамъ посилаетця. А Олексеі за грязью возвратился въ Маскву! Да прашу Васъ, Государь моі, не можна ль въ малыхъ моіхъ покоехъ проемною печь приказать складсть, ежели тамо пешникъ, а въ люцкой, что перенесена, кирпишнаю, а кирпичь гатовъ.

Можетъ, я зимою самъ буду, а детца негди.

2

1811 г.

Любезнейшей другъ *Анна Михайловна*!

Известно мне, что Анастасья Івановна будетъ въ Щелканово, уповательно и насъ не минуетъ. Пожалуй, постарайся, чтобъ было всіо порядочно, люди были одеты въ сертуки, и на столе чтобъ не стыдно было, тако жъ и въ горницахъ, чтобъ чисто было, да присматривай, чтобъ изъ погреба у новаго ключника лишнева росходу не было по сторонамъ. Въ протчемъ желаю всякого благополучія, остаюсь верной

Петръ Калечицкій **

Любезного Николашу *** целую.

Пожалуй, присматривай за домашними, чтобъ у нихъ шалостей, соръ, раздоровъ не было и содержи ихъ построже, чтобъ они тебе послушны были и исправны въ своихъ должностяхъ.

* С. В. Ивков – двоюродный дед Ариадны Владимировны Тырковой, прабабушка которой Александра Никитишна Философова в замужестве за Яковом Васильевичем Ивковым.

** Петр Михайлович Калечицкий, муж Анны Михайловны, урожд. Корбутовской.

*** Николай Михайлович Калечицкий.

3

[1812 г.]
отъ 22 февраля
Петербургъ
въ 1-мъ часу.

Милостивая Государыня, тетушка
Анна Михайловна!

Благодаримъ Бога, что Васъ поднялъ отъ лютой болезни и просимъ совершеннова Вамъ здоровія.

И такъ лишились мы навекъ неацененова и возлюбленнова моего дядюшки...* Не могла ево забыть и чувствительно для меня, что не могла съ Вами въместе ево... оплакивать...

Мы слава Богу здоровы, но не знаю, когда решымся въ деревню въ расужденіе множества больныхъ. Свидетельствуя мое почтеніе Вамъ, Милостивая Государыня тетушка, съ каторымъ честь имею называтца пакорнаю племянница

*Елисавета Каховская***.

* * *

Любезная сестрица
Марья Петровна!

Слава Богу! что Вы возвратилися въ саю сторону, дай Богъ въ добромъ здаровіи прожыть благополучно. Боже мой, Боже! что ето было!..

Adieu, астаюсь усердная Вамъ

Елисавета Каховская.

Тетушка, ва всей суете не забываемъ о векселе, каторой написанъ отъ Генваря 4 числа. Ежели Вамъ угодно переписать, я согласна на волю Вашу, процентъ получимъ Вамъ, Милостива Государыня тетушка, семдесятъ рублей, сіе извольте вычесть долгу маво за каверъ. Извините, Милостивая Государыня тетушка, что всехъ денегъ не въ силахъ таперь воротитъ въ расужденіе нещастныхъ обстоятельствахъ. Уведомите меня, любезная

* Петр Михайлович Калечицкий.

** Елизавета Дмитриевна Каховская, урожд. Потемкина, воспитанница первого выпуска Смольного Института, по матери кн. Друцкая-Соколинская, дочь Екатерины Никитишны кн. Друцкой-Соколинской.

сестрица, здаровъ ли Петруша * и прашу брату Якову Петровичу ** и всемъ моимъ раднымъ и знакомымъ отъ меня пожелать доброва здаровія и всякаго благополучія.

* * *

Милостивая Государыня бабушка,
Анна Михайловна!

Принашу маю нижайшею благодарность за приписаніе, желаю Вамъ доброва здаровья, свидетельствую мое нижайшее почтеніе, съ каторымъ навсегда пребыть честь имею

Ваша,
Милостивая Государыня бабушка,
покорная внучка
Кнегиня Марья Друцкая-Саколинская ***.

Ma tres chere tente, je suis bien charmée savoire que vous vous portez bien. Je vous remerçie beaucoup, ma tres chere tente, pour la bontée que vous avez à vous souvenire de mes enfans. Je finis en vous asuran mon profond respec, avec lequelle j'ai l'honeure d'être de ma tres chere tente la tres humble et tres obeisente niese

Princece Mary Drouskay-Sacolynsky.

Prenez la pene, ma tres chere tente, de dire mais respec à mon tres cher oncle Яковъ Петровичъ et d'embraser mon chere petie cousin Piere ****.

---

* Петруша — сын Виктора Денисовича Рачинского и первой его жены Февронии Петровны Калечицкой.

** Яков Петрович Калечицкий.

*** Кн. Мария Друцкая-Соколинская, дочь Елизаветы Димитриевны Каховской.

**** Дорогая тетушка, мне весьма приятно знать, что живете Вы хорошо. Очень благодарю Вас, дорогая тетушка, за Вашу доброту, за память о детях моих. Кончаю с уверением в моем глубоком почтении, с которым имею честь пребыть, почтительнейшая и послушнейшая моей дорогой тетушки племянница

Княгиня Мария Друцкая-Соколинская.

Потрудитесь, дорогая тетушка, выразить мое почтение дорогому дядюшке Якову Петровичу и поцеловать дорогого маленького братца Пьера.

4

12 Октября
1812 года
С. Знаменское [Сергачевскаго у. Нижегородск. губ.]

Милостивая Государыня!
Анна Михайловна!

Знакомства Ваше доставила мнѣ совершенное услажденiя чувствъ маихъ: чрезъ Васъ пазнала я, что Богъ сниспасылая горесть, печется абъ сазданiи сваемъ. Вы и въ злапалучiи своемъ найдети людѣй, которыя вечна будутъ уважать Васъ и пачтутъ за щастiя, естьли могутъ въ чёмъ быть Вамъ палезнымъ. И такъ, ежели угодна будитъ Вамъ избрать домы наши, съ радастью предложемъ все, что имѣемъ. И прашу Васъ увѣдамить меня абъ здаровьи Вашимъ, каторымъ я сильна интересуюсь.

Примитѣ мое истинное почтенье, съ каторымъ навсегда астанусь къ Вамъ,

Милостивая Государыня,
готовая къ услугамъ
Вашимъ
Настасья Беклемишева.

Прашу Васъ пакорнѣйши абъявить мое почтенье Марьи Петровнѣ и уверить въ савершеннай маей къ нѣй преданнасти.

5

1812 года
15-го Октября
с. Воскресенское

Милостивая Государыня
Анна Михайловна!

Позвольте изъявить сердечное мое почитанiе и нелестную благодарность за обязательныя ласки Ваши, каторыми имѣла честь пользоватся. Паверте, Милоствая Государыня, что анѣ вечна останутся незабвенными въ душе моей, равно какъ и тотъ день, въ каторой случаю угодно было доставить мнѣ столь лестное знакомство. Теперь еще разъ асмеливаюсь прасить Васъ пакорнейши не отвергнуть предложенiе батюшки и матушки моей принять убежищемъ домъ нашъ, въ каторымъ все силы употребимъ даставить Вамъ пакой. Здѣлайте адалженiе, не лишите

вазможности хать нескалька быть Вамъ полезными. Ахъ, сударыня! такія случаи весма ценитъ дорага всякая добрая душа. Дай Боже, чтобъ Вы наслаждались лутчимъ здаровьемъ и по возможности спакойствіем, — такаво есть желаніе, имеющей честь пребыть съ душевнымъ почитаніемъ,

Милостивая Государыня,
покорнейшей ко услугамъ
Марьи Братцовой

* * *

Неоцененной даръ привлекать сердца принадлежитъ Вамъ, Милостивая Государыня *Марья Петровна*! Никто падобна Вамъ, никто не усмѣетъ заставить любить себя столь искренна. Паверете ли, разлучась съ Вами, я толька живу прашедшимъ, припоминаю абязательныя ласки Ваши, любезность, пріятныя прогулки, картинныя местоположенія акрестностей Гарбатова и льщусь усладительной надеждою, что Вы угаварите маменьку свою адалжить насъ своимъ присудствіемъ, а мы употребимъ все возможности даставить вамъ покой. Прастите, любезная милая Марья Петровна, душевно желаю, чтобъ Вы были здаровы и не забывали почитаюшей Васъ,

Марьи Братцовой.

Если вздумаете адалжить меня отвѣтомъ, вотъ мой адресъ: Нижегоротской губерніи въ городъ Сергачь, отъкуда пиреслать въ сѣло Воскресенское Марьи Васильевнѣе Братцовой.

6

1812 года
Ноября 2 дня
Нижній.

Милостивая Государыня
Тетушка *Анна Михайловна*!

Изъ писма Вашего къ братцу Григорію Николаевичу * видила, сколько Вы заботитѣсъ о Вашихъ радныхъ, гдѣ и о братцѣ

* Григорий Николаевич Калечицкий, сын Николая Михайловича, двоюродный брат Петру Петровичу Калечицкому, женат на гр. Авдотье Александровне Салтыковой, брату которой гр. Григорию

Петрѣ Дмитровиче * не забыли, приемлю сіе равно, какъ о себѣ. И извещаю Васъ, что братъ въ Тамбовѣ, а я здесь. Милосердный Творецъ сохранилъ меня отъ всѣхъ грозящихъ бедствій, правда, что лишилась совершенно всего, на тележкѣ убежала отъ врага и благодаря Бога здарова до сехъ поръ. Что Богъ устроитъ со мною, воля Его святая! Желала бы очень знать, осталось ли что изъ принадлежащаго мнѣ въ цѣлости, о чемъ и прашу Васъ, дражайшая тетушка, такъ какъ слышу, Вы отправляетѣ человѣка въ Смоленскъ, то прикажитѣ, ежели нашъ монастырь ** уцелелъ, узнать, уцелели ль маи келіи и находятся ль въ нихъ хто изъ маихъ келейницъ, ежели жъ нетъ, то заехалъ бы въ маю дачку Гефсиманію и писмо, при семъ приложеное, доставить имъ. Гефсиманія моя тутъ же, на Кіевскомъ трактѣ, гдѣ и Петра Дмитровича Спаское, а по ту сторану озера моя дача. Великую мнѣ зделаетѣ милость, ежели прикажитѣ Вашему посланному сію маю къ Вамъ прозбу выполнить. Я въ Нижнимъ пробуду только до возможнаго пути, отправлюсь въ Москву, гдѣ только пока получу сведеніе о маихъ келіяхъ и о прочемъ мнѣ принадлежащемъ, а получа сведеніе, не замедля, отправлюсь въ Петербургъ.

Приятно бы мнѣ очень получить хоть строчку отъ Васъ. Нихто маи радные не знаютъ, гдѣ я, а потому ни отъ кого ни строчки не имею и здесь въ Нижнемъ никого нашихъ нетъ, только Григорій Николаевичъ, съ которымъ мы только на сихъ дняхъ свидились къ великому моему удовольствію: отраднее, что есть радной, да и такой доброй, какъ братѣцъ Григорій Николаевичъ умеетъ сваихъ любить. Желая Вамъ добраго здаровія, пребываю съ почтеніемъ,

Вамъ, Милостивой Государынѣ,
Тетушкѣ,

Александровичу Салтыкову, женатому на Екатерине Алексеевне, урож. Херасковой, принадлежало местечко Хиславичи, Могилевской губ., верстах в 30-ти от Щелканова, где в конце июля бывает ярмарка.

* Петр Димитриевич Потемкин, брат Еливаветы Димитриевны Каховской.

** Вознесенский монастырь в Смоленске.

покорная слуга
*Татиана Воеводская**.

Ежели захотитѣ меня утешить Вашимъ писмомъ, то извольтѣ адресовать: въ Нижнемъ, въ домѣ медника противъ Крестовоздвиженскаго монастыря. А ежели въ Москву, то въ Новодевичіемъ монастырѣ въ келіяхъ Наталіи Василевны Ивановой.

7

5-е Октября. (Канунъ Тарутинскаго боя) 1812.

Бивак на Калужской дороге от Москвы — 60 верстъ.

Дражайшая Родительница,
Милостивейшая Государыня,
Маминька!

Богъ, посещая насъ нещастіями, подкрепляетъ и силы къ перенесенію оныхъ, снизпосылая намъ святою Его милостію видимыя отрады, которые удостоверяютъ насъ сильнѣе всего о милосердіи непостижимомъ къ намъ Всевышняго промысла. Вы, любезнейшая маминька, и мы вместѣ испытываемъ надъ собою Божеское милосердіе, бывъ спасены и вышедъ невредимы, я съ братомъ изъ жесточайшаго сраженія, какое можетъ когда быть, и въ какомъ мы находились 26-о августа при селѣ Бородинѣ въ 10-и верстахъ отъ Можайска. Продолжалось оно 13-ь часовъ и съ самаго начала до самаго конца нашъ полкъ въ ономъ находился подъ самомъ сильномъ непріятельскомъ огнѣмъ.

Полкъ нашъ имѣлъ щастіе въ ономъ отличитца, удерживая несколько часовъ большую часть леваго нашего крыла, и заслужить чрезъ то, какъ Главнокомандующаго, такъ и всеобщею похвалу. Князь Свѣтлейшій самъ несколько разъ подъезжалъ къ полку и отдавалъ ему всю справедливость.

Чемъ жесточѣе было дѣло, тѣмъ болѣе непостижимо, какъ можно изъ онаго выйти невредимымъ, и тѣмъ милость Божія тому, кто изъ онаго такимъ вышелъ. Извольтѣ вообразить, какъ

* Татьяна Николаевна Воеводская, урожд. Калечицкая, дочь Николая Михайловича Калечицкого, замужем за Василием Федоровичем Воеводским.

мы были щастливы и всею нашею артелью! Изъ числа 49 офицеровъ, которые вошли въ дѣло, 38 были ранены, изъ коихъ одинъ остался на местѣ сраженія, а двое уже умерли, и только 11-ь вышли целы. Въ томъ числѣ Богу угодно было помиловать совершенно меня съ братомъ, любезнаго нашего товарища Адлерберга * и брата Владимира **. Онѣ трое были до того щастливы, что, бывъ во все время въ сильнейшимъ томъ огнѣ, не имѣли и платья затронуты; у меня же ранена только лошадь и пробила сертукъ въ двухъ мѣстахъ, не давъ даже и малейшій контузіи.

Отъ самаго дня сраженія искали мы случая узнать объ Васъ и писать къ Вамъ, но никакъ не могли, и сию пору не знаемъ навѣрное, гдѣ Вы находитѣсь, а слышели отъ братца Сергея Николаевича Глинки ***, что Вы изволили будто уехать въ Нижній Новгородъ? **** Неизвестность обо всехъ радныхъ чрезъвычайно насъ тяготитъ, почему и решились уже къ Вамъ, хотя не навѣрное, но туда писать, адресовавъ письмы на имя дядюшки Николая Михайловича *****, которова мы, по словамъ Сергея Николаевича Глинки, такъ пологаемъ. Писать мы прежде сего не имѣли никакого способа, а недавно устроена во всѣ города полевая почта при Главной Квартерѣ, чрезъ которою можно, какъ обещаютъ, вѣрно посылать, равно и получать письмы. Ето насъ чрезъвычайно съ обѣихъ сторонъ радуетъ, потому и спешимъ пользоваться симъ случаемъ, чтобы имѣть наипріятнейшѣе удовольствіе, которова такъ долго не имѣли, къ Вамъ писать и уведомить о себѣ, что мы слава Богу живы и здаровы.

---

* Владимир Федорович Адлерберг (10.XI.1790–8.III.1884 г.) — офицер гвардейского Литовского полка в кампанию 1813–1814 гг., адъютант Великого Князя Николая Павловича с 1817 г.; министр Импер. Двора с 1852–1872, генерал от инфантерии и член госуд. совета; граф с 1847 г.

** Владимир Степанович Храповицкий († 1861 г.) — двоюродный брат Петра Петровича Калечицкого.

*** Сергей Николаевич Глинка (1776 — 5 апр. 1847) — писатель, бессребренник и отчаянный поборник русского.

**** Из письма Марии Васильевны Братцовой от 15 окт. 1812 г. видно, что Анна Михайловна с дочерью Марьей Петровной были в Горбатове.

***** Николай Михайлович Калечицкий, брат Петра Михайловича.

Въ протчемъ долго не писавъ, вместѣ съ симъ имѣю честь Васъ поздравить отъ всего сердца съ новопроизведеннымъ за отличіе порутчикомъ! Братъ получилъ севодни оный чинъ за 26-е августа, день сраженія нашего при Бородинѣ.

За етотъ славной день и дѣло для насъ и особенно для нашего полку всѣ наши офицеры до штабсъ-капитанскаго чину уже награждены Его Светлостію, а мы остаемся въ пріятныхъ ожиданіяхъ. Всѣ награды и всѣ выгоды по службѣ и во всемъ, что можетъ со мною случится, радуютъ меня всегда несравненно болѣе тѣмъ, что я уверенъ, что приношу оными Вамъ утешеніе, любезнейшая и дражайшая маминька! Прошу Васъ беречь драгоценнейшѣе Ваше для насъ всѣхъ здаровье и Бога прошу, чтобы сохранилъ оное, надеясь въ томъ несомнѣнно на святую Его милость, что Онъ, сохраня насъ въ жестокой опасности и давъ Вамъ тѣмъ отраду, продлитъ лѣта Ваши и намъ доставитъ случай всѣмъ утешать Васъ и заслуживать всегдашніи Ваши родительскіе милости и попеченія. Всего болѣе просимъ Васъ съ братомъ, чтобы Вы не беспокоились объ насъ ни по какимъ обстоятельствамъ, и уверяемъ Васъ, что мы только и думаемъ, чтобы Вы, маменька, и сестрица не нуждались въ чомъ, а мы на службѣ и милостію Бога и нашего Государя можемъ жить щастливо.

Покорнейше прошу Вашего родительскаго благословенія и, целуя дражайшія Ваши ручки, имею честь пребыть съ всегдашнимъ почтеніемъ и совершенною преданностью.

Вашъ всепокорнейшій сынъ
Петръ Калечицкій

При семъ и я Вамъ, Милостивая Государыня тетушка *Анна Михайловна*, цѣлую Ваши ручки, о себѣ честь имѣю извѣстить, что я слава Богу живъ и здоровъ. Свидетельствуя Вамъ и любезной сестрицѣ Марьи Петровнѣ мое искренное почтеніе, съ которымъ пребыть честь имѣю

Вашъ покорный племянникъ
Владимиръ Храповицкій

8

Ея Высокоблагородію
Милостивой Государынѣ
Аннѣ Михайловнѣ
Калечицкой
въ Смоленскъ

на конверте:
Взыскать отъ Бѣлостока 72 коп.
5 Пом. Почт.
отъ13 Ген.
2-е/14 Декабря 1813.
Г. Дармштатъ.

Дражайшая и любезнейшая
Маминька!

Третьяго дня мы оставили г. Офенбахъ, гдѣ квартировали болѣе месяца очень весѣло, имѣя хорошихъ хозяевъ и вообще жителей, отмѣнно хорошо къ намъ расположенныхъ.

Получили маршрутъ съ 16-го етова месяца, по коему дорога намъ къ Швейцаріи до г. Фрейбурга всіо въ вѣрхъ по Рейну. Идемъ встречать весну въ тотъ край, куда она ранѣе приходитъ. Здѣсь кромѣ инею мы снегу еще почти не видали, морозы, однако, градусовъ до 10-и, но не болѣе. Часто сравниваемъ съ рускимъ климатомъ, воображаю, каково у насъ теперь, а здѣсь только лужы насилу замерзли! Когда же бываетъ оттепель, то скотъ пущается въ поле, какъ у насъ в Сентябрѣ месяцѣ.

Передъ выходомъ изъ тѣхъ квартиръ, былъ данъ большой балъ въ г. Франкфуртѣ у генералъ-адъютанта Уварова*, но по всему казалось, что ето только онъ звалъ, а вечеръ былъ данъ отъ Государя, всіо было такъ хорошо отделано и устроено. Кромѣ очень многихъ розныхъ принцовъ и принцесъ оба были Императоры, Король и наши великія князья. Публика всего города Франкфурта и окружностей, всіо, что ни есть лутчѣе, — очень было весело и танцовали до 4-го часа. Балъ былъ несравненно лутче того, которой городъ давалъ перьвые дни вступленія нашихъ войскъ туда, гдѣ также были Царскіи Особы.

* Гр. Федор Петрович Уваров (1773—1824) в 1794 г. назначен генерал-адъютантом, в 1813—1814 гг. состоял при Государе.

На стоянки раза два мы имѣли удовольствіе къ Вамъ писать: перьвой разъ чрезъ Петербургъ, а последній послали писмо на почту. Сердѣчно желаемъ, чтобы Вы получили оныя, а также чтобъ и Ваши вѣрно къ намъ доходили, которыхъ мы уже очень давно не имѣемъ.

Пожелавъ отъ чистаго сердца, чтобы тому не было никакой причины и чтобы Богъ сохранилъ Васъ въ совершенномъ здоровьи, покорнейше прошу Вашего родительскаго благословенія и, целуя Ваши ручки, пребыть честь имѣю,

дражайшая маминька,
Вашъ всепокорнейшій сынъ
Петръ Калечицкій.

* * *

Дражайшая и любезнейшая
Маминька!

Оставили мы нашъ г. Офенбахъ не безъ сожаленія, идемъ въ г. Базель, праходимъ все владѣніе Герцога Баденскаго, брата нашей Императрицы, очень богатый край, жители принимаютъ хорошо, особенно рускихъ; въ Базеле мы переходимъ Рейнъ, теперь отъ него мы за несколько часовъ, но прежди Базеля не переходимъ.

Желаю, чтобъ это письмо застала Васъ, любезнейшая маминька, въ совершенномъ здаровьи, и прася Вашего родительскаго благословенія, целую дражайшіи Ваши ручки, пребыть честь имѣю со всегдашнимъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ и сыновнію преданностію,

Милостивая Государыня, Маминька!
Вашъ покорный и послушный сынъ
Михайла Калечицкій.

* * *

Любезнейшему *братцу* и *сестрицы** свидетельствую мое усердіе, нетъ ничего у насъ новаго, будущіе письмо уже будитъ къ Вамъ писать съ Франціи, оставляимъ Германію, — край, съ которымъ ни одинъ богатствомъ своихъ жителей, я думаю,

* Брат Петра Петровича и Михаила Петровича Яков Петрович Калечицкий, лейб-гвардии прапорщик, женат на Еливавете Яковлевне Барадулич, сестра их — Марья Петровна († 1832 г.).

сравнится не можитъ; съ Офенбаха мы къ вамъ писали, не знаю, получили ли вы оные письмы, желаю, чтобъ это застала васъ въ совершенномъ здаровьи, пребуду навсегда

Вашъ покорный и усердный братъ
Михайла Калечицкій.

* * *

Любезный братецъ и сестрица, целую васъ мысленно, желаю всякова добра, не успѣваю писать къ вамъ, прошу дядюшкино писмо запечатать и отослать.

Петръ Калечицкій.

9

ч. 21-го апрѣля
[1813 г.].

Дражайшая и Милостивая Государыня
Матушка!

Получа за проданную подгороднію пять тысячь рублей, которую по нынѣшнимъ разстроѣннымъ обстоятѣльствамъ никакихъ способовъ не оставалось удѣржать оную, по порученію Алѣксандра Васильевича * купить для себя рогатого скота отдалъ и я изъ оныхъ денегъ, такъ какъ у насъ въ недостаткѣ купить шесть каретныхъ лошадей и рогатого скота на двѣ тысячи рублей. Стѣпанъ Филипьевичъ разполагаетъ ѣхать въ началѣ іюня въ Петербургъ для свиданія съ дѣтками, можно будетъ попросить его купить что изъ провизіи или оставить до Хиславской ** ярмонки, при нуждѣ жъ и въ Смолѣнскѣ можно уже купить. Братцамъ, кокда будѣтъ нужно, изъ оныхъ дѣнегъ я охотно пошлю тысячу рублей. Письмо, получа черезъ человѣка Викѣнтія Алѣксѣича, къ Вамъ препровождаю, съ которымъ я и самъ видѣлся, просилъ переписать Вашъ вѣксѣль, а письмо тетушки Пелагеи Ивановны, разспѣчатавши прочиталъ, дядя Петръ

* Александр Васильевич Лярский, женатый на Софье Ивановне, урож. Храповицкой, на сестре Пелагеи Ивановны Корбутовской, дочь их Елизавета Александровна вышла замуж за Владимира Степановича Храповицкого.

** Хиславская ярмарка в местечке Хиславичи Могилевской губ. в конце июля.

Михайловичъ въ Красномъ *. У насъ въ дѣревняхъ о сю пору не выздоравлѣваютъ ещо, но благодаря Бога лутчѣ, дѣсятины пашутъ, агараживаемся по возможности избы, скотный и къ онымъ пуни **, къ Вашѣму прiѣзду черезвычайно хочѣтся отдѣлать. Пошли Милосѣрдой Творѣцъ Вамъ, Милостивая Государыня маминька, доброе здаровье и благополучнѣйшее возвращенiе, чѣго душѣвно жѣлая, чѣсть имѣю быть съ нижайшимъ моимъ почитанiемъ

Вамъ, Милостивая Государыня, маминька
всѣпокорнѣйшимъ сыномъ
Яковъ Калѣчицкой.

Александра Данильевна *** по Вашѣму вѣксѣлю деньги всѣ заплатила, а Алѣксандра Васильевичъ на 4000 рублей вѣксѣль хотѣлъ Вамъ приготовить. Алѣксандра Данильевна полчетьверти гороху обѣщала къ намъ прислать на заводъ.

* * *

Любѣзнѣйшая сѣстрица *Марья Петровна*!

Проводя праздники ****, усѣрднѣйше Васъ поздравляю, жѣлаю только душѣвно предбудущiя въ лутчѣмъ здаровьи, благополучiи и обстоятѣльствахъ намъ препровождать оный, никто, какъ Богъ, Милосердный Творецъ, когда поможѣтъ всѣ дѣла исправить! Искрѣннѣйше благодаренъ Вамъ за всѣ родственные Ваши ко мнѣ совѣты, даложитѣ матушки, что ковiорчикъ уже начатъ ткать и, что нужно къ оному, всеiо приготовлено. Жѣлалъ бы о многомъ съ Вами, любѣзнѣйшая сѣстрица, поговорить, оставимъ до прiятнѣйшаго свиданiя, когда имѣть буду удавольствiя съ Вами видѣтся, быть имѣя усѣрдно и искрѣннолюбящимъ

Васъ братомъ
Яковъ Калѣчицкой.

* Петр Михайлович Корбутовский.
** *Пуни* – поветь, сеновал, сарай.
*** Александра Данильевна Озерова.
**** Пасха – 13 апреля.

10

[Смоленскъ]
ч. 2-го маія
[1813 г.].

Дражайшая и Милостивая Государыня
Матушка!

Пользуясь въ Смолѣнске у одного присланнаго изъ Костромы доктора Логвинова отъ бывшей жестокой боли головы вмѣстѣ и зубъ, чувствуя себя благодаря Бога несколько лучшѣ. Ставилъ мнѣ къ затылку шпанскую муху, которая своимъ дѣйствіемъ нѣмного облѣхчила нестѣрпимую боль, далъ пить травку и поласканья для зубовъ, завтрѣ хочѣтся отъсюда отправится, взявши у его наставлѣніе. Приношу покорнѣйшую мою благодарность Вамъ, Милостивая Государыня маминька, за поздравлѣнія съ дніомъ моего ангѣла, спѣшу сообщить пріятнѣйшую Вамъ вѣсть, что по Смолѣнской и Московской губерніямъ указомъ * повѣлѣно всю милицію разспустить на прежнія ихъ жилищи. Провизіи въ Клѣмятинѣ ** мало, а есть всѣго понемногу, курей сорокъ, свѣжихъ ѣицъ сотни три, каровъ дойныхъ четыре,—для малака и смѣтаны будѣтъ пока, завѣдіотся больше, барановъ старыхъ и ягнятъ по дѣрѣвнямъ довольно, витчина есть, только не такъ-то хороша, свѣжей говядины можно всѣгда купить въ Хиславичахъ, а каренья пряныя и вины розные привѣзли въ Смолѣнскъ, и посѣму ни въ чемъ для Вашѣго пріѣзду недостатку имѣть нельзя. Прошу Бога, Милостивая Государыня маминька, чтобъ Вы только были здаровы, а пражыть можно безъ дальней нужды по тапѣришнымъ обстоятѣльствамъ. О приготовлѣніи корѣнья и травъ скоро по пріѣздѣ въ Климятино, какъ наискарея, приказаніе Вашѣ старатца буду выполнить. Въ ожиданіи благополучнѣйшаго Вашѣго прибытія съ нижайшимъ моимъ почтеніемъ чѣсть имѣю быть

Вамъ, Милостивой Государынѣ маминькѣ,
всѣпокорнѣйшимъ сыномъ
Яковъ Калѣчицкой.

* Высочайший указ о роспуске ополчения — 30 марта 1813 г.

** *Клемятино* — Красненского уезда, Смоленской губ. в 2-х верстах от Щелканова, впоследствии перешло Михаилу Петровичу Калечицкому, лейб-гвардии полковнику.

11

[Герчиково]*
[18 марта]
[1813 г.].

Любезнейшая сестрица
Анна Михайловна!

Сердечно сожелею о слабости здаровья Вашего, желаю получыть, какъ наискарея, отъ Васъ уведомление, и чтобъ Вы были совершено здаровы. Я очень обрадовался и много меня успокоило приездъ маей Полиньки, я по должности моей очень азабоченъ, по крайней мере мне большая отрада, хотя когда и выеду въ Красное, объ ней всегда магу знать, будучы такъ блиско до ея приезда, и при таковыхъ нещастныхъ агарченияхъ много тревожылся. Благодарю Васъ, сестрица, что Вы нашего брата Александра Михайловича** къ себя взяли, и когда Богъ дастъ, что Вы будитя возвращатся, прошу его съ собой привести и какой будетъ нуженъ екипажъ приказать прислать. Но ранеѣ мы васъ не можемъ ожыдать, какъ въ маіе месяце, между темъ къ приезду сколько можно паустроимся и исправимся, таперь какъ изъ дому, такъ изъ деревень все солдаты вышли и гошпиталя нетъ.

На етихъ дняхъ пригаварили мы къ Вамъ, въ Клемятино, и на все деревни прикащыка таго самаго, что пакойнай Петръ Михайловичъ*** хателъ нанять въ Щелканово, настояще каковъ, не знаемъ, но по крайней для таперешняго случая крайне нуженъ, цена притомъ небольшая, — сто рублей безъ провизии, между темъ не отыщатся ль известной человекъ, когда будетъ, и когда етотъ не способенъ. Въ протчемъ будте пакойны и берегитя свое здаровье, — Богъ милостивъ, всіо исправитъ!

Ожидая приятнейшаго Вашего уведомления, остаюсь навсегда

Вамъ усерднейшымъ братомъ
Петръ Корбутовский

* *Герчиково* — Красненского уезда Смоленск. губ.
** Александр Михайлович Корбутовский, род. 1754 г.
*** Петр Михайлович Калечицкий, муж Анны Михайловны, отставной ротмистр, умер до 1812 г.

Любезнейшай Марии Петровне кланяюсъ, пожалуй, пишы къ намъ почаще, желаю чтобъ Вы были здаровы и къ намъ скарея возвратилисъ, брату Александру Михайловичу кланяюсь.

* * *

Любезная сестрица *Анна Михайловна* и милая *Марья Петровна*!

За неимениемъ время пишу къ вамъ вместе. Мы слава Богу благополучно и здароваи доехали въ воскресенья* по утру въ восемъ чесовъ въ несщастной Смоленскъ. Ни магу вамъ описать, какъ грусно ево видить, кроме ужасовъ нигде ничево нетъ и никакъ нельзя безъ сліозъ взгленуть на жалкіе все виды. Тотъ день был назначенъ для освещенья церкви на варатахъ, отъ усталости мы ни магли быть, а заежъжали поклонитца Заступнице нашей. Любезнава своево Пьера я застала въ Смоленске, тамъ же нашла Софью, Лизаньку**, Александра Васильевича, Евлампия, Мишеля*** и Якова Петровича, и слава Богу все здаровы. Въ понедельникъ**** на ночь мы приехали сюда и съ нами Яковъ Петровичъ. Здесь я кроме благодарности Богу ничево ни нашла, правда, что ничево въ доме ни осталось кроме кой-чево абодронова и изломонова, но за то церьковъ и домъ совершенно невредимы, что я за асобое милосердия Божия къ намъ принимаю. Писмо Ваша и вексель Александрѣ Данильевѣ я отдала Якову Петровичу, и все Ваши къ нему словеснаи приказаніи въ точности выполнила. Лярскиі***** благодарятъ Вамъ за денги, но ни берутъ ихъ и ту тысечу хочут заплатить Вамъ, потому что теперь всемъ памещикамъ выдаютъ ежимесично денги съ казны для прокормления крестьянъ: въ месицъ на мускую и женскую душу денгами по два четверика и ржи, что и выходитъ большая сума, и Государь еіо даіотъ на 10 летъ бесъ проценту, три года ничево ни платить, а последнихъ семъ летъ уплачевать суму по честямъ, и даютъ за выключениемъ душъ въ другихъ местахъ ниразоренныхъ. Мы ничево не полу-

* 16 марта.

** Софья Степановна Храповицкая, по мужу Соколовская. Лизанька — Елизавета Димитриевна Каховская, урожд. Потемкина.

*** Мишель — Михаил Иванович Храповицкий.

**** 17 марта.

***** Лярские — Александр Васильевич и Софья Ивановна.

чаемъ, а Вамъ вычислютъ Ильинское изъ етихъ деревень и всіо Вамъ придіотца въ месицъ получить слишкомъ 1000 руб. А теперь собираютъ сведеньи, сколько кому нужно хлеба на пасевъ еравова, и обещаютъ выдавать денги. Ежели ета зделаютъ, то велика милость Государя! Севодни я начела гаветь къ Благовещенью, а Пьеръ завтри едитъ въ Красное, пока еще стаитъ дарожка, то онъ хочитъ тамъ побывать, а посли согласинъ на маю прозьбу сидеть дома. Я такъ устала, что съ трудомъ пишу. Душевно желаю, чтобъ Вы были здаровы и астаюсь

Вамъ усердная сестра

Пелагея Корбутовская.

Александру Михайловичу отъ меня кланейтесь.

* * *

При сѣм и я Вамъ, Милостивой Государынѣ и дражайшей *матушкѣ*, будучи въ Герчиковѣ, чѣсть имѣю свидѣтельствовать мое почтенiе и увѣдомить Васъ, что прикащика в Клѣмятино и Щелканово приговорили съ жѣною и осмилѣтнимъ сыномъ. Кажѣтся, довольно хорошъ, на готовыхъ дѣньгахъ сто рублей въ годъ и имѣть на нашѣмъ содѣржанiи лошадь и, когда будутъ, корову дойную, о чѣмъ увѣдомя, чѣсть имѣю быть всѣпокорнѣйшим сыномъ.

Яковъ Калѣчицкой.

Милостивому Государю дядюшки Алѣксандру Михайловичу искрѣннѣе мое пачтѣнiе чѣсть имѣю свидѣтельствовать и любѣзнѣйшей сестрицѣ Марьи Петровнѣ усерднѣйше кланяюсь.

12

22 апреля
1813 году
село Герчиково

Любезная сестрица
Анна Михайловна!

Съ празникамъ Васъ усерднейше поздравляю, душевно желаю, чтобъ Вы и съ любезнами Вашими детками были совершенно здаровы и благополучны. Писмо Ваша исъ Зайкова на

прошетчей почте мы получили, очинь рада, что Вы празникъ ни одни были, жаль только, что не въ Герчикове, а въ Зайкове. Скажу Вамъ, любезная сестрица, что Богъ посетилъ насъ новою горестию, мы имели несщастья лишитца брата Павла, онъ былъ болинъ и близъ Калиша 23-го февраля умеръ. Можитя посудить, какъ намъ былъ весилъ нончи празникъ, только, Господи, поткрепи пиреносить такиі чувствительнаи горести, какиі мы нончи имели и избави въперіотъ отъ подобныхъ нечщастиевъ! Празникъ у насъ былъ Яковъ Петровичъ, каторой, и гавелъ здесь на Страсной недели, а на третей день къ намъ приехали братъ Михайла Ивановичъ, сіостры Лизанька и Катинька*. Третьева дни Пьеръ мой и Мишель отправились къ должностямъ своимъ, а сіостры астались у меня и пробудутъ до именинъ моихъ. Лизанька проситъ меня вамъ обеимъ сказать еіо всеусерднейшее почтение. Камисию Вашу выполнила: Авгишка была у меня и кавіоръ уже наставлинъ, а прикащику лично о крупахъ приказывала, онъ, кажитца, порядочной человекъ, не знаю, что въперіотъ будитъ. Вы за мартъ на продовольствия ни получили, потому что въ первомъ обявленіи Яковъ Петровичъ показалъ, что до апреля не имеитъ нужды въ продовольствиі, а на пасевъ и на прадавольствия съ етова месица вышло уже исъ камисиі разрешения Вамъ выдавать, и какъ казначея выбирутъ, такъ и получитя денги. Денги Ваши, какъ первою тысичу, такъ и две тысичи отъ Александры Данильевны, Александръ Васильевичъ беріотъ. Яковъ Петровичъ поехалъ третьева дни къ Александрѣ Данильевнѣ съ вексилемъ, и какъ получитъ денги, то отдадимъ ихъ Александру Васильевичу и возміомъ на три тысячи вексиль. И я очинь рада, что Ваши денги по желанию Вашему будутъ помещены. Надеюсь, что Вы не далия, какъ въ конце маія сюда приедитя, и непременно нужно Вамъ скарей приехать. И такъ прощайте, будьте здаровы, астаюсь

Вамъ усердная сестра

Палагея Корбутовская.

* * *

Любезнаю *Марью Петровну* поздравляю съ празникомъ, съ усерднымъ желаниемъ всехъ благъ. Камисиі твои Пьеру ни ад-

* Михаил Иванович Храповицкий, Лизанька Каховская (Потемкина) и Катинька Храповицкая.

на не будитъ выполнина. Первое, потому что ему минуты нетъ время хлапатать абъ етомъ, онъ такъ занятъ должностию, что отдаху не имеитъ, а второе, потому что етава зделать теперь невозможна. Ратникавъ никакъ нельзя пиременить, потому что списки уже поданы, и намъ нада было тріохъ обменить, но уже опоздали. А дваренинъ тотъ былъ у насъ и запираитца, что онъ ничево не бралъ въ Клемятине, и верно, ежели онъ и взялъ что-нибудь, то давно уже забылъ, то и изобличить ево нечимъ, а дварянина марать, не имевши верныхъ доказательствъ, нивозможно, и самъ будишь отвечать. Прежди нада было ето делать, а теперь уже поздно. Ежели увидишъ Марью Ивановну и Виктора Денисовича*, то прошу сказать имъ мое почтение. Целую тебя и прошу не мешкать въ Ильинскомъ.

Палагея Корбутовская.

Милова Петрушу** целую. Александра Михайловича поздравляю съ праздникомъ.

* * *

I я Милостивой Государыне *Анне Михайловне* имѣю честь свидетельствовать мое почтеніе и усерднейше поздравляю съ праздникомъ, съ истиннымъ желаніем всевозможнова Вамъ благополучія.

Вамъ покорнейшая слуга
Катерина Храповицкая.

Je vous felicite très chère cousine portez vous bien***, наравим ехать сюда.

---

* Марья Ивановна и Виктор Денисович Рачинские. Виктор Денисович был женат на Февронии Петровне Калечицкой, по смерти которой до 1812 г. женился на Марье Ивановне Лыкошиной, сестре Анастасии Ивановны, по мужу Калечицкой.

** Петруша – Петр Викторович Рачинский, сын Февронии Петровны, урожд. Калечицкой и Виктора Денисовича Рачинского. Имение Минино Бельского уезда Смоленской губ.

*** Поздравляю Вас, дорогая сестрица, будьте здоровы (*фр.*).

13

1-е маія,
1813 года.

Любезнейшая сестрица
Анна Михайловна

Съ нетерпениемъ желаемъ скарея Васъ видить, кажется, и по времени и по объстоятельствамъ время Вамъ возвратится въ Клемятино, Вы своимъ присутствиемъ можытя много делать пользы. Благодаря Бога по сие время идіотъ изрядно, — что можно успевать, то исправляется, въ протчемъ домъ чыстъ и ломаныи каторыи вещы почыниваются. Я приказалъ до времени скотной дворъ хатя маленькой поставить на томъ же месте изъ гатоваго крестянскаго строения, каторай можетъ быть въ непродолжытельномъ времени быть зделанъ. Всего лутче сами приежжайтя на первой случай прямо къ намъ, все вашя соседи хатятъ видить.

Любезнейшай Марии Петровне мое усердие изъявляю и сoветою скарея къ намъ приежжать по всемъ надобностямъ, полезнее будет таперь и время довольно харашо. Брата Александра Михайловича съ собою пожалуй привазитя. Всехъ васъ съ нетерпениемъ будемъ ожыдать. Остаюсь навсегда

Вамъ усерднейшымъ братомъ
Петръ Корбутовскій.

* * *

И я Вамъ, любезная сестрица *Анна Михайловна*, и милая *Марья Петровна* усердно кланиюсь. Ни хачу ничево писать, а прошу скарей приежъжать. Денги Ваши на прадавольствия на апрель 2668 руб. у меня хранятца и въперіотъ что получу, то до приезду Вашева у себя спрячу. Милицию велено распустить, съ чемъ Васъ поздравляю! Мы все здесь слава Богу здаровы. Лизанька и Катинька и теперь еще у насъ, Вамъ свидетельствуютъ свое почтение. Больши отъ насъ не ждитя писемъ, время такъ харашо, что Вамъ нечимъ отгавариватца, а непременно нада ехать сюда. Во ожиданиі астаюсь

Вамъ усердная сестра
Палагея Корбутовская.

14

Марта 20-го дня.
1813 года.
Ханино*

Милостивая Государыня, сестрица
Анна Михайловна!

Удовольствиемъ поставляю изъявить Вамъ мое усерднѣйшѣе почтѣніе и съ желаніемъ совяршѣннаго Вамъ здаровья и всякаго благополучыя, а притомъ и желаю знать о Вашемъ здаровье и где пребыванія Ваше имѣетѣ. О себѣ данесть имею Вамъ, Милостивой Государыне сестрице, что выехали мы изъ города Горбатова 6-го февраля и прыехали въ Маскву 16-го числа по утру и пробыли до 20-го числа по разнымъ надобностямъ. Зная, что дома никакихъ вещей не осталось, то необходимость того заставила исполнить, и проезжая дарогаю близъ житья Гришиныхъ** бывалицъ, остановились въ селѣ Леонтьевѣ, и посылалъ за Грышынымъ управляющимъ и крестьянами узнать обо всѣхъ обстоятельствахъ бывшихъ въ ономъ домѣ и селѣнияхъ. То по показанію оныхъ никакова строенія какъ гасподскаго, такъ и крестьянскаго не осталось, всѣ истреблено и імущество также, крестьянѣ по саседнімъ жилищамъ прыбежищѣ имѣютъ, и ревижскихъ душъ померло 19-ть и теперыча есть нездаровыхъ многа. Бедствѣнное состояніе, въкупе богатъ и убогъ, всіо-то отъ воли Вышняго состоитъ! Въ Вязмѣ пробыли дни полтора и елинскую ярмонку еще захватили, но харошѣва ничево нѣ отыскали и 3-го числа прыехали въ Ханино благополучно, только путь намъ попался такъ непрыятенъ, и воды и вьюги съ марозами перерезали лошадѣй, сыскали дома нѣ такъ харашо, всѣ порастащено. Но благодарю Бога за всѣ милости Его нисъпосланныя ко мнѣ! Разстались мы съ зятемъ Васильемъ Федоравичемъ и Тотіяною***, і осталась Настенька**** съ ними,

* Ханино в 40 верстах от Казулина Лыкошиных Бельского уезда Смоленской губ.

** Григорий Николаевич Калечицкий, женат на гр. Елизавете Алексеевне Салтыковой.

*** Татьяна Николаевна, урожд. Калечицкая, замужем за Василием Федоровичем Воеводским.

**** Анастасья Николаевна Калечицкая, вышедшая замуж за Аполлоса Епафродитовича Станкевич, двоюродного своего дядю, а их дочь

упрасили насъ, чтобы нѣ такъ скучно было, но нѣ безъ тягости для насъ раставаніе оное было, изъявляютъ онѣ Вамъ ихъ нижайшѣе высокопочытание. Также прошу, сестрица, увѣдомить насъ о любезныхъ Вашыхъ сыновьяхъ, гдѣ нынѣ находются, и давно ли получали письма, мы отъ своихъ детѣй никакова извѣстия нѣ имѣемъ. Боліе нѣ имѣю чего къ донѣсению, какъ съ желаніемъ Вамъ всехъ благъ и совѣршеннаго здаровья, остаютысь,

Милостивой Государыни, сестрицы
Ваш покорнѣйшый братъ
Николай Калечицкій.

* * *

Милостивая Государыня и любезная племянница
Марья Петровна!

Прыятнѣйшымъ для сѣбя поставляю удовольствіемъ, что нахожу случай ко изъявлѣнию Вамъ маего усердия и съ пожеланіем совершѣннаго Вамъ здаровья и благополучыя. Благодаря Бога добрались до прежніва жилища и заводимся новымъ хозяйствомъ. Прошу увѣдомить, много ли Вы намерѣны въ техъ местахъ пробыть и нѣ извѣстны ли о братѣ Богданѣ Алексѣевичѣ * съ ево семѣйствомъ, где нынѣ оные находютца. И нѣ имѣя болие чего къ донѣсѣнию, остаютысь, пребуду

Вашымъ доброжелательнѣйшымъ
Николай Калечицкій.

Ежели Вы таперь находитѣсь у дядюшки Петра Михайловича ** въ Бабровкѣ, то прошу Васъ засвидѣтельствовать Милостивому Государю Петру Михайловичу и Милостивой Государынѣ Палагеи Ивановнѣ мое нижайшѣе почтение съ желаніемъ имъ совершѣннаго здаровья и всякаго благополучыя.

вышла замуж за Илью Васильевича Воронец (сын Марьи Николаевны Станкевич, внучатой сестры Анастасии Ивановны Калечицкой).

* Богдан Алексеевич – гр. Салтыков, брат Елизаветы Алексеевны Салтыковой, невестки Николая Михайловича, жены Григория Николаевича Калечицкого.

** Петр Михайлович и Пелагея Ивановна Корбутовские.

* * *

При семъ и я Вамъ, матушка любезная сестрица *Анна Михайловна*, имею совершенное мое удавольствие изъевить Вамъ мое искреннейшие почтение и сказать а себе. Слава Богу, здаровы, живемъ дома въ Ханине. Слава Вышнему, домъ целъ, есть где жить, хотя многова нету, любящеи насъ посещаютъ. Скучно, матушка сестрица, раставшись зъ детми, имевши большое семейство, таперь остались зъ двумя детми и отъ сыновей никакова сведение не имеимъ, что дле меня весма агорчительно. Не пишутъ ли Вамъ Ваши любезные дети а нашехъ деткахъ? Душевно желаю знать, скоро ль Вы, матушка, будете въ Клемятено, сердечное желание видитца съ Вами, моими любезными родными. Якова Петровича мы еще не имели удовольствия видить. Въ протчемъ пожелавъ Вамъ и любезнейшей Марьи Петровны совершеннова здаровья и всякаго благополучия, пребуду

Вамъ, матушка, любезнейшия сестрица,
покорная сестра
Авдотья Калечицкая.

Милостивому Государю братцу Петру Михайловичу, сестрици Палагеи Ивановны имею удавольствие свидетельствовать мое усерднейшие почтение.

15

[2 мая]
[1813]

Христосъ воскрес!
Милостивая Государыня и почтеннѣйшая тетушка!
Анна Михайловна!

Особливою честью и наипріятнейшимъ удовольствіемъ почитаю свидѣтельствовать Вамъ, матушка тетушка, мое всеусерднѣйшеѣ почтеніе съ желаніемъ здаровья и съ праздникомъ Воскресенія Христа Спасителя отъ души сердечно поздравляю и істинно желаю, да продлитъ Всевышни Ваше здаровье и подкрепитъ силы, многіе годы препровождать въ лучшемъ здаровьи, спокойственно и въ удовольствіи, нежѣли сей годъ для всѣхъ нещастной и горестной, а болеѣ для всей нашей губерніи, которая во всѣхъ частяхъ потерпѣла и таперь страдаитъ. Мнѣ

очень чувствительно и сожалительно, будучи въ Пречистой*, не могъ у Васъ, почтенной тетушки, побыть и проведать о Вашемъ здаровью, о чемъ душевно скорбѣлъ. Причиною заботы и обремѣнительные беспокойства, которыхъ по жизни моей довольно случилось, но не терпѣлъ такого разорѣнія, пусть что общѣственно случилось со всеми. Хлебъ, скотъ, посуда, екипажи, фарфоры, мебели и прочіе вещи, если бъ только оное, то такъ и быть, а то дача бережоная, въ которой опустошено и істреблѣно ужасное количество и неимоверное. Если бъ самъ зрителемъ онаго не былъ, здѣлано было свидѣтельство и осмотръ подъ присягою 24 человекъ стороннихъ, и по показанію оказалось струговыхъ дровъ 1700, еловаго бревенья около шестидесяти тысячъ бревенъ, заборнику шесть тысячъ, лучины березовой шесть тысячъ пней, а дровъ счесть трудно. И такъ, матушка тетушка, несравненной съ прочими убытокъ и невозвратной, а болеѣ всево, возвращаясь по осмотрѣ въ селѣнияхъ, куда вожженъ лесъ, на переправахъ совсемъ утонулъ бы, если бъ не спасъ Всевышни и не помиловалъ: помогли близъ-стоявшія изъ воды вытащить! Вотъ, матушка тетушка, каковы обстоятельства прискорбныѣ угнетаютъ и лишаютъ здаровья. Нужно вездѣ свое присудствіе, а безъ того никаковаго успѣху быть не можетъ. Людѣй способныхъ нѣтъ, а и смѣрть хорошихъ многихъ лишила, а и таперь страдаютъ болѣзнями, самъ жѣ нѣсколько усталъ и облѣнѣлъ и не такъ здѣлался поспѣшнымъ и предъ Вами очень много виноватъ, что не могъ персонально засвидѣтельствовать нижайшего почтенія и столь медлилъ и писмѣнно изъяснить, прошу простить великодушно. Былъ въ Драгобужскихъ деревняхъ, имѣлъ сведѣніе отъ дядюшки Николая Михайловича**, что онъ и всѣ семѣйство благополучны и въ здаровью находяться, о братцахъ какъ изъ Нижнево, такъ изъ Арміи сведѣніевъ не имѣитъ, а зъ сестрами зять слава Богу здаровъ и былъ праздниками у брата Григорія Николаевича***. Я видился въ деревнѣ съ новымъ соседомъ братомъ Сергеѣмъ Дмитричемъ****, которому законно части уступлѣны. Въ Слав-

* Пречистая Духовщинского уезда Смоленской губ.

** Николай Михайлович Калечицкий.

*** Григорий Николаевич Калечицкий, сын Николая Михайловича.

**** Сергей Димитриевич Потемкин, жена его Анна Францовна, сестра его Елизавета Димитриевна Каховская.

ковѣ * быть не могъ, а для того ездилъ, чтобъ какое-нибудь здѣлать вниманіе и приказаніе управителю: сами хозяева не ѣдутъ, домъ сожжѣнъ, дватцать четырѣ двора крестьянскихъ сожжѣны, людѣй болеѣ ста обоего пола лишился, земли не засѣяны, скота и лошадѣй нѣтъ, хлеба нѣтъ, да и таперь страдаютъ болѣзнями, а сколько осталось, пахать не на чемъ, всево дватцать пять лошадѣй. Вотъ, обремѣняитъ къ своей потери и оное, дажѣ лишаитъ спокойствія, вотъ огорчаитъ сіе прискорное и сострадательное положеніе! Но благодарѣніе Вышнему и за то, что сестра княгиня Мария Евграфовна ** возвратилась изъ дальняго вояжа и, въ разъсуждѣніи болѣзней по темъ деревнямъ, проживаетъ въ городѣ Мценскѣ. Онѣ пишутъ, что со всемъ семѣйствомъ во Мценскъ переѣхали. А я вездѣ живу и переѣзжаю, былъ въ городѣ. Слава благодарѣнію Вышнему по благости Божіей и *милосердаго Монарха* милицію распустить приказано по домамъ! Такжѣ два сенатора пріехали для дѣлъ бывшихъ камисаровъ судить. На посевъ ероваго деньгами дать обещаютъ, подряды неслыханные дороговизны въ еровыхъ хлебахъ, четверть овса по 17 рублѣй и рожь тожъ, ещѣ и по такихъ ценахъ мало охотниковъ. Брата Якова Петровича *** видѣлъ, онъ не очень здаровъ, но посоветовали шпанскую муху къ затылку, таперь лучшѣ, я посылалъ узнать. И Петръ Михайловичъ **** былъ въ городѣ. Дядюшки князь Богдану Стефановичу и тетушки княгини Анны Михайловны ***** даровалъ Богъ внуку Александру, братъ князь Григорей Богдановичъ 6* и сестра княгиня Катерина Александровна очень обрадованы. Сестра Елѣна Кестянтинов-

* Славково, близ Дорогобужа принадлежит кн. Никите Константиновичу Друцкому-Соколинскому, брату Андрея Константиновича. Отец их кн. Константин Степанович был женат на Анастасии Михайловне Калечицкой, сестре Петра Михайловича и Николая Михайловича Калечицких.

** Кн. Марья Евграфовна Друцкая-Соколинская, жена кн. Никиты Константиновича.

*** Яков Петрович Калечицкий.

**** Петр Михайлович Корбутовский.

***** Богдан Степанович кн. Друцкой-Соколинский, жена его Анна Михайловна Лыкошина.

6* Григорий Богданович кн. Друцкой-Соколинский, сын Богдана Степановича, жена его Катерина Александровна.

на * въ Жегловѣ **, а я еду опять хлапатать. Проститѣ, матушка тетушка, медленному письму, все сіи объстоятельства причиною оному, а душевно радъ, что исполняю и свидѣтельствую то душевное почтеніе, которое всегда къ Вамъ имѣю, и пребыть имѣю честь съ отличнымъ почтеніемъ

Васъ, Милостивой Государыни,
тетушки,
покорнѣйши племянникъ
и слуга
Князь Андрей Друцкой-Соколинскій ***.

* * *

Христосъ воскресъ!

У сего и васъ, Милостивая Государыня дрожайшая сестрица *Марья Петровна*, зъ симъ высокоторжественнымъ праздникомъ Воскресенія Христа Спасителя отъ души поздравляю и сердечно желаю какъ сей, такъ и множество таковыхъ благополучнеѣ и удовольственнеѣ въ здаровьи и спокойствіи провести, чего навсегда желаю и свидѣтельствую мое сердечное почтеніе и чувствительнѣйшею благодарность и імѣю честь пребыть съ истиннымъ и усерднымъ къ Вамъ почтеніемъ

Васъ, Милостивой Государыни,
сестрицы,
покорнѣйши братъ
и слуга
Князь Андрей Друцкой-Соколинскій

16

10 марта
1813 году

Матушка Милостивая Государыня
тетушка
Анна Михайловна!

Приятнейшимъ удавольствиемъ почитаю принести мою нижаишию благодарность за милостивое Ваше ка мне писание

* Елена Константиновна, сестра Андрея Константиновича кн. Друцкого-Соколинского.

** Жеглово Бельского уезда, Смоленской губ.

*** Кн. Андрей Константинович Друцкой-Соколинский, имение его Гальцово в 30-и верст. от Смоленска.

и уведомление о дражайшихъ Вашихъ деткахъ,а моихъ милыхъ братцахъ. Сердечно рада, что Васъ Богъ симъ утешилъ, желаю и впредь ихъ видить здаровыхъ и благополучно служить щасливо и получать отъ Бога милосердие, а отъ Монарха милость и чины, а Вамъ, матушка тетушка, симъ утешатся и чтопъ были здаровы и спакойны. При семъ нижайше прашу Васъ, матушка, Милостивая Государыня тетушка, о переписки векселя, и ежели милость Ваша будетъ, то куда прикажите проценты прислать и сколько? А срокъ векселю феврале прашолъ. Не можно ли безъ переписки векселя получить проценты, а Вы мне пожалуете расписку въ получении, а вексель записать, чтопъ не потерять, право я уверена, что Вамъ сумневатся ва мне, кажится нечево, кроме моей всенижайшей благодарности за все Ваши, матушка тетушка, милости къ себе не могу и помыслить довести Васъ до беспакойства и хлапотъ, и всегда чувствую и помню Ваши къ себе милости. А я пишу, потому прося не переписывать, что отъ меня кнегиня Прасковья Дмитровна* получаетъ только проценты, а вексель не переписуетъ, уже три года посылаю, только не знаю, какъ ана записала. Писала ка мне, хатя на 10 летъ безъ переписки. Какъ Вамъ угодно матушка, Милостивая Государыня тетушка, только нижайше прашу меня уведомить, можно ли въ Лукахъ** переписать и куда къ Вамъ прислать и проценты. Въ протчемъ свидетельствую мое истинное и нижайшие почтение, съ каторымъ пребыть честь имею

Вамъ, Милостивой Государыни
тетушки
пакорная племянница
Авдотья Челищева.

* * *

И Васъ, мая милая сестрица *Марья Петровна*, усерднейше благодарю за приятное писание и о всемъ уведомление и душевно поздравляю съ любезными братцами получа чины и орденъ, желаю отъ истинной души всякаго благополучия и здаровье, а тетушки утешения и Вамъ, милая сестрица, истинной любви. Господи, утеши всехъ насъ чтопъ были здаровы! Мне

* Кн. Прасковья Димитриевна Друцкая-Соколинская.
** Великие Луки — Псковской губ.

столь приятно получать отъ Васъ, мая милая сестрица, любезные письмы, только не такъ скоро получили, какъ прежде. Изъ Смоленска чресъ 2 недели получили 5-е марта, какъ-то в Белаю будутъ приходить скоро. Давольна неприятель разстроилъ, Господи, подкрепи и пошли терпение! Желала бы душевно съ Вами видится и поговорить. И радныхъ своихъ не могу видить, отъ братца князь Андрея Константиновича * только письмы получаю и жаль душевно, что въ большой скуке и хлопатахъ, а другой братецъ, еще больнее, далеко и розно съ своимъ семействомъ, домъ и деревня сожены, а сестрица тоже одна. Охъ, Боже нашъ, дай терпение! Воля Его святая, Онъ создалъ, Онъ и управляетъ! Поздравляю и Васъ, мая милая сестрица, съ новымъ раднымъ. Дай Богъ, чтопъ благополучна, щастлива наша сестрица и утешены дядюшка и тетушка ихъ согласиемъ! Вотъ, милая сестрица, судьба и определения Божие, где жить сестре Софьи Николаевны не далее ль меня определилъ Богъ судьбу. Дай, Господи, милость Божию и здаровье и согласие! Прашу Васъ, милая сестрица, насъ не забывать, благодарю пакорна Вашу тетушку Иелисавету Юрьевну за незабытие меня, кагда увидите, скажите, милая, мое почтение. А о себе скажу, слава Богу, здарова, только скучно, а Егорушка здаровъ, давно видили, онъ у батюшки своего, а оставляетъ, какъ вздумаетъ, въ своей сестрицы въ Торопце ** и мы въ декабре видиля, а самаво другой годъ не вижу съ октебря. Прощай, милая сестрица: остаюсь усердная Вамъ сестра

Авдотья Челищева

* * *

I я Васъ, милая и почтенная *тетушка*, усерднейше благодарю са приятное и родственное Ваше писаніе, которое съ истиннымъ удавольствіемъ и душевнымъ обрадованіемъ получаемъ. Поздравляю Васъ, милая тетушка, съ дастоинствами милава моего дядюшки Петра Петровича и любезнава Миши ***. Дай Богъ, чтопъ навсегда были такъ щасливы и Васъ онымъ почаще утешали. Хатя въ душевномъ не агарчены и то велика миласть

* Андрей Константинович кн. Друцкой-Соколинский.
** Торопец — Псковской губ.
*** Петр Петрович и Михаил Петрович Калечицкие.

Божія, а интересъ можна приобрести и нажить съ дастоинствами и дабрадетелью. Скажу Вамъ, милинькая тетушка, о себе, слава Богу здаровы и время праводимъ всячески, иногда приятно, а случается и скучно, са всеми радными розно, и вотъ уже другой годъ никаво не видимъ, такъ и ето не веселитъ, а асабливо въ нынешнихъ обстоятельствахъ очень прискорбно слышить, все разсеены. Пращайте, мая дражайшая тетушка, будте здаровы и благополучны, отъ истиннова моего усердія желаю и прашу не забывать многолюбящую

Васъ племяницу
Александру Челищеву

Милостивой Государыне и почтенной бабушке цалую ручки и пакорнейше благодарю за писание.

17

Отъ 8 марта
1813 года
изъ Киева

Милостивая Государыня *Анна Михайловна*
і Милостивый Государь *Петръ Михайловичъ*! *

Крайнѣ сожелѣемъ Васъ, Милостивыхъ Государей, претерпѣвшихъ толь великие бедствиі отъ нахождения неприятеля. Сие ясное посещение вообще для многихъ есть отъ Всевышнѣй власти. Я въ надеждѣ вашей ко мнѣ благосклонности осмелюсь разпространится о нынѣшнихъ нещасныхъ временахъ. Милосердый Богъ отечески милостиво насъ призываетъ знать законъ Его святыі симъ ізречениемъ во евангелиі: «Тотъ мя любить, жле поучается въ законѣ моемъ!» Святый Духъ въ первоі кафизме усты Давыдовы гласитъ намъ: «Поучуся въ законѣ Твоемъ день и нощь». І во многихъ другихъ книгахъ Господь угрожаетъ тѣмъ, коі не упражняются у сей высочайшей науке. Апостоли святые строго предписали: аще хто не любитъ Хрыста, проклятъ! Я на каждаго благоразумного отдамъ разсудокъ. Любитъ ли тотъ Хрыста, хто не внимаетъ Его евангельского учения? Я не могу умолчать, сколь великое небрежение на-

* Петр Михайлович Корбутовский, брат Анны Михайловны.

шiхъ приходцкихъ священниковъ, я во всю жызнь мою не ни отъ одного духовника не iмѣлъ наставления, чтобъ поучатся въ законѣ святомъ, а только отъ преосвященнаго Парфения * получылъ въ день Сошествiя Святаго Духа еванъгелие, равно i наставление его отеческое. Не ясное ль пренебрежение къ чтенiю! Я жытие святыхъ отецъ отдалъ въ Герчиковскую церковь ** i священнiку отцу Симеону подарилъ дом i просилъ его, чтобъ онъ ко мнѣ когда приедитъ, то сказалъ бы мнѣ жытие того святаго, котораго въ тотъ день, но онъ никогда не зделавъ мнѣ удовольствия. Я i въ другую церковъ отдалъ также жытие святыхъ отецъ i просилъ, чтобъ при исповеди моiимъ подданымъ прочелъ для примеру, i деньги платилъ за то, но ни один разъ не прочтено. Типерь употреблю мою прозбу къ вамъ, Милостивымъ Государемъ, зделайте милость, перепишыте вексель еще на годъ. Не дастъ ли Богъ миру, то мое дети не женится ль, чтобъ могли насъ на старости пропитать, а у насъ запасноi капейки не было, да i нельзя быть, будучы ганимъ двадцать семь лѣтъ отъ богатыхъ немилостивыхъ моiхъ родственниковъ. Пожелавъ же вамъ, Милостивымъ Государемъ, усерднѣйше всякого блага, честь iмеемъ быть навсегда съ совершеннымъ нашимъ почтениемъ,

Милостивые Государи,
ваши покорнѣйшие слуги
Евфросиния Воронцова
Алексей Воронцовъ ***

Милостивоi Государыни Марье Петровнѣ честь имѣемъ свидетельствовать наше почтение.

* Преосвященный Парфений – архиепископ Владимирский, потом Воронежский, в мире – Павел Васильевич Васильев-Чернеков, род. в 1782 г. Его проповеди изданы в 1882 г. во Владимире.

** Герчиково – в восьми верстах от Щелканова принадлежало Петру Михайловичу Корбутовскому.

*** Воронцовы – родственники Ильи Васильевича Воронца, женатого на дочери Анастасьи Николаевны Калечицкой и Аполлоса Епафродитовича Станкевич.

18

ч. 23 Апрѣля
1813

Ея Высокоблагородію!
Милостивой Государынѣ!
Аннѣ Михайловнѣ
Калѣчицкой

надпись на конверте рукою Анны Михайловны Калечицкой:
Атъ Александры Д. Грабленаі * а палученіі денегъ за кравать.

Милостивая Государыня!
Анна Михайловна!

Почтеннѣйшее Ваше письмо и деньги имѣла чесьть получить, за оныя а равно и за поздравленіе принося мою чувствительнѣйшую благодарность, сожалѣю весьма, что не Вы и Марія Петровна не осчастливили меня своимъ посѣщеніемъ, тѣмъ паче, что я не имѣла пріятънѣйшаво удовольствія видѣть Васъ въ сіе время, и деньги присланныя пять сотъ рублевъ мнѣ весьма прискорбно было принять. Ужасъ, какой Вы потерпѣли убытокъ и притомъ отъ моей оплошности! Нынѣ же паки Васъ всепокорнѣйшій прошу обязать меня Вашимъ посѣщеніемъ, но такъ какъ Вы нездоровы, хотя Маріи Петровны сего дня послѣ обѣда или завтрешній день, за что я и Петръ Андреевичъ обязуемся лично Васъ благодарить въ Вашемъ Ильинскомъ. И по принесеніи Вамъ моего и всего моего семейства нижайшаго почитанія и преданности, пребыть чесьть имѣю Ваша,

Милостивая Государыня,
всепокорнѣйшая услужница
Александра Грабленова

* * *

И Васъ, матушка Милостивая Государоня и любезнѣйшая *Марія Петровна*, всеусерднѣйшій благодарю за поздравленіе и чрезвычайно сожалѣю, что сего дня не вмѣстѣ. Одолжите, матушка, хотя послѣ обѣда или завтрешній день къ намъ пожало-

* Александра Димитриевна и Петр Андреевич Грабленовы — соседи Анны Михайловны Калечицкой.

вать, чемъ наичувствительнѣйшій обяжете. Съ совершенною преданностію и почтеніемъ пребываю

покорную ко услугамъ
Александра Грабленова

Въ разсужденіи присланныхъ отъ матушки Вашей денегъ мнѣ такъ совесно, что не въ силахъ онаго изъяснить, и не знаю, что съ ними дѣлать.

* * *

Благодарю Васъ, любезнѣйшая сестрица *Марія Ивановна**, за поздравленіе, жалѣю очень, что Вы не пожаловали и я сего дня съ Вами не въмѣстѣ. Затѣмъ пожелавъ совершеннаго здоровья и благополучія Вамъ и любезному братцу Виктору Денисовичу, съ моимъ почтеніемъ и преданностію пребыть чесьть имѣю

Ваша покорная слуга
Александра Грабленова

* * *

И я Вамъ, Милостивая Государоня *Анна Михайловна* и Милостивая Государоня, *Марія Петровна* чесьть имѣю свидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе и благодарить за поздравленіе. Весьма сожалѣю, что не имѣли удовольствія сегоднишной день видѣть васъ у себя. Надѣямся хотя завтрешній день имѣть оную чесьть, за что лично будемъ имѣть чесьть благодарить въ Ильинскомъ и во ожиданіи сего пріятьнѣйшаго удовольствія навсегда имѣю чесьть имяноваться,

Милостивыя Государони,
всепокорнѣйшій слуга
Петръ Грабленовъ

Дѣти всѣ свидѣтельствуютъ свое нижайшее почтеніе, цѣлуютъ ваши ручьки и весьма Анна** огорчена вашимъ неприбытіемъ.

---

* Марья Ивановна, урожд. Лыкошина, жена Виктора Денисовича Рачинского.

** Анна Петровна Грабленова.

* * *

И Васъ, матушка Милостивая Государоня сестрица *Марія Ивановна*, чесьть имѣю благодарить за поздравленіе съ имянинницею, жалѣемъ весьма, что сами не пожаловали. И по принесенію Вамъ и любезному братцу Виктору Денисовичу нашего совершеннѣйшаго почтенія пребыть чесьть имѣю Вашъ

Милостивая Государоня!
всепокорнѣйшій слуга!
Петръ Грабленовъ

Всѣ дѣти всенижайшее свое почтеніе приносють и цѣлуютъ Ваши ручьки.

Милаго Петрушу* все мое семейство мысленно цѣлуетъ и желаютъ всѣхъ благъ. А Катенька** весьма его ожидала.

19

1813 года
отъ 1 марта

Ея Высокоблагородію
Милостивой Государыни
Анне Михайловны
Калечицкой
въ Бабровку
Милостивая Государыня!
бабушька
Анна Михайловна!

Хотя я и лишена удовольствія Васъ видеть, то пазьвольте мне хатя чрезъ письмы иметь ето душевное удавольствіе знать о Вашемъ здаровіи. Вы изволите писать, что палучили отъ матушьки изъ Петерьбурьха письмо. А я теперича въ польномъ удавольствіи узнала совершенно атъ князя Ивана Анътоновича***, что маменька и сестра здаровы. Онъ сабираетьца на втарой недели поста ехать къ нимъ въ Петерьбурьгъ. Князь очень будет желеть, что атлучилься на ето время въ Смоленьскъ и ли-

* Петруша — Петр Викторович Рачинский.
** Катенька Грабленова.
*** Кн. Иван Антонович Друцкой-Соколинский.

шонъ удавольствія къ Вамъ писать. Пожелавъ Вамъ атъ души быть здаровымъ съ почьтеніемъ пребыть честь имею

Ваша,
Милостивая Государыня бабушка,
покорьная ко услугамъ
Анна Станюкевичева

* * *

При семъ и я Вамъ, Милостивая Государыня бабушка *Анна Михайловна*! имѣю удовольствіе свидѣтельствовать мое нижайшие почтеніе. Пожелавъ Вамъ добраго здаровью, пребыть честь имѣю съ истеннымъ почтеніемъ.

Вашъ пакорнѣйшый слуга
*Иванъ Станюкевичъ**.

* * *

Ma tre chere *tante*, vous ecrivés que vous ete beaucoup deranjer par cose de votre maleur et ancore parle deranjemand de Клемятино. Permetés, ma chere tante, de vous reprochés un peux. Sés naturelle d'etre deranjés de toute sés chose, més il fos pansés que tous se qui nous arive et le volontés du Tous-puisand et sa dois nous concolés. Pansés dons que votre Клемятино et bien deranjéz, sés bien vréz! Jais etes a Клемятино é je les trouvez comme plusieur maisons quités apréz la guère, mais que feres! Vou savéz, ma chère tante, Ильинское, et il y a beaucoup des persone qui ayans une petite situation, lon perdu sans avoir a presans un morsos du pain et poin d'asil, on beaucoup d'anfans et ses petite creature sans comprandre leur meleur pretande que leur maman leur done tous a cois il étés acoutumez oparavans. Pansés a sés meleureuse mere! Jes etez temoind de tous sés maleur avec grande inpasiense j'atans le mois de mais pour avoir le plesir de voir mes respectable parans. Je vous pri de prandre la peine d'asuréz mes respec a ПалагеяИвановна.

Votre fidelle niese.
Anette de Stanukewiz.

---

* Анна Станюкевич и Иван Станюкевич – родственники Аполлосу Епафродитовичу Станкевич, женатому на Анастасии Николаевне Калечицкой. Иван Станюкевич штабс-капитан – пятисотенный Дорогобужского ополчения 1812 г.

Mon mari et acéz o bien et le valez qui et anvoyéz ché nous de mon oncle Яков Петрович ne veu pas atandre ни минуты, а патаму я, ни дажьдавьши ево, письмо атъправила; веръна, будет меня бранить, что лишила ево удавольствия к Вам писать. Adieu, ma chere tante! *

надпись на письме рукою Анны Михайловны Калечицкой:

Прівезена ізъ Гарбатава халстъ: кужельныхъ — 2, парусіна — 1, аленыхъ клемятінскіхъ — 11, атласку купілі — 1, А. Н. — 1 холстъ.

1813 марта 20 прінета атъ Грішкі прісланыхъ съ Клемятіна халстінъ: салфетачная Нахімава штука — 1, паласатая Нікішкіна — 20 ½ ар., — 1, Грішанава салфетакъ 12 ¾ ар., канефасу кружочками глаткава шырокова Грішанава — 21 ар. К А. К. глаткава — 1 штука, Андреева для платковъ — 16 ар. пачатокъ съ платками Никишки, ніткі начатокъ штучка, кужельныхъ шыра. — 5 ар.

20

23 марта
1814 г.

Богъ, благаславляющеі праваі дела, відема благаславляетъ Манарха нашева и оружые ево, светою Ево волею дастіглі мы

---

* Дорогая тетушка, Вы пишете, что были очень огорчены своим несчастием и еще разорением Клемятина. Позвольте, дорогая тетушка, немного попенять Вам за это. Натурально быть огорченной всеми этими делами, но следует помнить, что все случающееся с нами — воля Всемогущего, и это должно нас утешить. Подумать только, Ваше Клемятино совсем разорено, это совершенная правда! Я была в Клемятине и нашла его покинутым, как и многие дома после войны, но что делать! Вы имеете еще Ильинское, дорогая тетушка, а ведь есть много таких, которые, имея малое состояние, потеряли и его, и не имеют теперь ни куска хлеба, ни убежища, имеют много детей, и эти маленькие создания, не понимающие своего несчастия, требуют, чтобы матери их давали им все то, к чему они привыкли до сих пор. Подумайте о сих бедных матерях! Я была свидетельницей всех этих несчастий, с величайшим нетерпением жду 8 мая, чтобы иметь удовольствие видеть почтенных моих родителей. Прошу Вас принять на себя труд уверить в моем почитании Палагею Ивановну.

Ваша верная племянница
Анет де Станюкевич.

Мой муж вышел в баню, а лакей, который послан к нам от дядюшки Якова Петровича не хочет ждать ни минуты, а потому я, не дождавшись его, письмо отправила; верно, будет меня бранить, что лишила его удовольствия к Вам писать. Adieu, дорогая тетушка! (*искаж. фр.*)

велічаішеі славы, какоі можна было ожидать: спасшы сваю родіну, освабаділі чужые землі и давершаемъ те славные дела, даруя свободу и самаі Францаі. Парішъ въ рукахъ нашыхъ!* И четырі дні таржествуемъ здесь, відя весь народъ, воскліцающеі едіна-гласна міласті нашева Государя і прославляющеі оружыя, ізбавляющая іхъ атъ тірана, катораі былъ едінственноі нашъ врахъ и всево света. Народъ весь съ нами, і самая армія аставляетъ Напаліона, атдавая себя падъ пакравительства нашева Государя и союзныхъ державъ, і просітъ дать імъ караля изъ прежнева пакаленія Бурбонавъ, – не въ прадалжытельнамъ времені сего надабна ажыдать. Сколь непостіжымы і чудны дела Господа, управляющего царставами всего света, кто могъ бы падумать, чтобъ въ нескалька дней магла проізаіті такаа перемена і наіщаслівеішая для насъ! Таперь всякоі можетъ іметь вернѣе надежду возвратітца на сваю родіну, пріятнейшая ета надежда ожывляетъ всехъ насъ и воабраженіемъ будущаго истенна награждаеться уже за все претерпенная, сполна пріятнеішая, а для насъ таперь і еще впередь. Естлі народъ француской іскренна прінімаетъ насъ за ізбавителеі сваімі подвігамі ихъ атъ бедствіі велікаго іга, падъ коімъ ане страдалі, что должны сказать те землі і народы, которої прежде прісталі къ намъ на общева врага, что скажетъ Россія, восщедшая на первою степень славы і відя своево Манарха, дающаго законы всему свету і обожаемого всемі народамі! Здесь не можетъ пачті Государь выехать, народъ, сколь скора где онъ пакажетца, талпамі падаютъ къ его ногамъ і везде раздаютца крікі радості: *«Да здравствуетъ Александръ великаі, нашъ избавитель!»*

Парадуітесь всему етаму, дражаішая мамінька і пачтенеішаі нашы радные, права есть чему! Таперь астоіотца намъ прасіть Бога, чтобъ сахранілъ дражаішоя Ваше для насъ здаровья і возвратілъ бы насъ скарея къ сваімъ благапалучна. Водъ едінственная желанія істенна преданнава Вамъ сына.

Петръ Калечицкій.

Начала пісьмо гарадъ Парішъ атъ 23 марта, дражайшая мамінька.

* Париж был взят 18 марта 1814-го года, а 19-го марта Государь во главе победителей вступил в столицу мира.

3. Жичливая жена
письмо хозяйственное
1783–1835

28 июня 1783 г. ногайский хан Шагин-Герей отрекся от своего ханства, и Крым стал русским. Не Крым уж, татарское царство, а Таврида. А Исай Иванович Бровцин с братьями своими и не думал возвращаться в свой вяземский Каменец, оставаясь попрежнему на царской службе под начальством Никифора Феодоровича где-то там, на Черноморье, куда с неделю идет письмо.

Не возвращался Исай Иванович и, когда вернется домой, — никто верного ничего не знал, ни старицкий ландрат Преображенского полку отставной капитан Гаврила Михайлович Савинов, ни вяземский комиссар Феодор Михайлович Гурьев, ни сосед Тимофей Иванович Грибоедов, и ни в Смоленске, ни в Вязьме, ни в тверской Старице, ни в Белом, нигде ничего не знали, не знала и Мàря Бровцина, жена жичливая (усердная), и только одно сказывали, что годовать ему в его «безвѣстном походе».

Частые и продолжительные войны, отрывая на ратное поле мужей от дома, ставили жичливых жен на страже покинутых безглавых очагов. И ведение хозяйства женами в XVII и XVIII веке — дело заурядное: конечно, попривыкнешь и ничего, но на первых-то порах приходилось их сестре очень туго.

Вот уж пятое письмо посылает Мàря свету своему, другу своему и государю, и все безответно. А на ней дом, все хозяйство и все дела хозяйские — земля и люди, и хлеб, и скот, хлопоты, заботы и напасти всякие: за Биберовские пустоши требуют, Лукашонка и шесть крестьян за караулом держат, и титовский Федька под пыткой повинился — воров укрывал. И за разграбленное ворами с нее требуют, и гоняет она Игнатья из Каменца в Вязьму, добиться ничего не может — к Приказу не допускают, в шею гонят! И никого у нее нет, никто ей не поможет, и все друзья подьячие лицемеры, а рожь не сжата, а сено не кошено, паводки (разливы) беспрестанные, и яровые подмокли, и мельница не работает, и уж третью неделю головушка у нее болит, и конь бурый пал!

В Каменце, в доме не одна Мàря, с ней ее сестры и брат Богдан Лыкошин. В дворне — люди: Микишка, Нестерка, Куземка,

Федька, Ивашка, Прошка, Трошка, Матюшка, Ивка, Якушка, Сенька, Ефимка, все каменецкие, а есть и не наши — волошка Лиска, она же Лисафка — досталась ли в приданое она Мàре с благословением родительским вместе с опашенью черчатой настрафильной, с серьгами— двойчатки жемчуги, с телогрией киндяшевой рудожолтой теплой на зайцах, эта самая Лиска — «голова людей» турецкаго полону, или Исай Иванович завез ее из своих безвестных походов... В доме, слава Богу, хранимо все Богом, в доме растет дочка — Машенька. А какие смешные у Машеньки маленькие ручки! — под письмом ручка ее обведена и зачернена чернилом, а пальчик большой страсть оттопырка! Машенька делает кружевца к платочку — батюшке своему упоминок (гостинец).

Письмо пишет Богдан Лыкошин со слов сестры Мàри, но своим слогом, и только всего несколько строк пишет своеручно сама Мàря: старательно, крупно, почти полууставом, выводит она букву за буквой, слово за словом, строчку за строчкой, — и непривычно ей и головушка болит, — и она выводит усердно букву за буквой это письмо свое другу своему и свету необъявное.

Марья (Мàря) Васильевна Бровцина — урожденная Лыкошина. Род Лыкошиных идет из Польши, родоначальник Илья Григорьевич Лыкошин — польский шляхтич, его сын Борис в 1655 г. поступил на русскую службу, а сын Бориса Леонтий получил жалованное поместье. У Леонтия было два сына — Степан и Иван, у Ивана — Василий, отец Богдана и Марьи. Сын Богдана Иван Богданович женат на Миропии Ивановне Лесли, и у них дочь Анастасия Ивановна, по мужу Калечицкая. Богдан Васильевич — дед Анастасии Ивановны и прапрадед Александру Ивановичу Лыкошину, быв. тов. министра внутренних дел. (Богдан — Иван — Александр (брат Анастасии Ивановны) — Иван — Александр Иванович).

Анастасия Ивановна Калечицкая — женщина замечательная, ума редкого и наблюдательности отменной, жена жичливая в бабку Мàрю — Марью Васильевну Бровцину. И хотя муж Анастасии Ивановны Петр Петрович, лейб-гвардии полковник, герой Бородина, с тех самых пор, как женился — с 1817 года ни в какие безвестные походы не ходил, Анастасья Ивановна одна правила хозяйством, усердно оберегая родовые гнезда — Щелканово и Бобровку.

В прекрасном исследовании «*Жизнь помѣщиковъ три четверти вѣка назад*», сделанном на основании приходо-расходных книг и амбарных счетов Калечицких из Бобровского архива покойной Анны Алексеевны Рачинской, Иван Петрович Лесли такими словами характеризует свою замечательную бабку*: «Настасья Ивановна принадлежала к типу хозяек, мимо рук которой ничто не может пройти незаметно, и, продавая крупные партии хлеба, она в то же время отмечала по своей кладовой все малейшие выдачи, посыпки птицам, расход яиц, прибыль и убыль цыплят и т. п. Даже яблоки, соленье, варенье — все было на учете».

Из предлагаемых 30-и писем первое — родоначальное лыкошинское конца XVIII века, остальные 29-ть — все XIX-го, из которых только второе до отечественной войны. Написанные во времена мирные, они обнимают мирный круг жизни: тут и поздравительные и пригласительные и советы соседского доктора и всякие дела семейные.

И совсем неважно, что среди писем попадают так пустышки и особенно те французские, все равно, и пустые и не пустые, французские и по-русски писанные — по выговору, надо хранить до последнего обрывышка. Каждый записанный обрывышек от того прошлого нашего и особенно того круга, к которому принадлежали Калечицкие, помещики средней руки, представляет большую ценность; ведь эта середина — серое поле русской жизни, на которой разыгрывалась история, происходили великие отечественные события и проходили люди, память о которых сохранится в век беззабвенно. А кроме того и писем-то, если пособрать, дополна не уложишь ларя, да и откуда им быть во множестве?

«Почтовых отделений тогда не было, и даже в уездный город почта приходила два раза в неделю: вполне понятно, что, не имея возможности и надобности посылать нарочного каждую неделю в город, помещики получали корреспонденцию еще реже, если только случайно ее не доставлял сосед, бывший в городе, или крестьянин, попавший туда по каким-либо делам.

* У брата Анастасии Ивановны у Владимира Ивановича Лыкошина дочь Ольга замужем за Петром Ивановичем Лесли, сын их — Иван Петрович.

Получая редко письма, и самому приходилось корреспондировать не часто, да с другой стороны, вряд ли было к кому... Письма отправлялись или в большой город с каким-либо заказом, или же к родственникам, проживающим в другой губернии, куда посылка нарочного являлась уже затруднительной. Почтовая такса была очень высока — отправка письма стоила 35 коп., почему бесцельной переписки избегали».

Из упоминаемых лиц в этих письмах останавливает громкое имя Грибоедовых. Это родичи Александра Сергеевича Грибоедова — соседи и родственники Лыкошиных, Анастасии Ивановны Калечицкой. В Записках Анастасии Ивановны имеются строки, посвященные Грибоедовым и самому Александру Сергеевичу.

Имение Грибоедовых Хмелита — великолепное родовое имение, перешедшее по наследству светлейшим Паскевичам. Прабабушка Анастасии Ивановны Прасковья Никитична из рода Татищевых, родная сестра нашего историка Василия Никитича Татищева, была третьим браком за Грибоедовым (Теряева, Станкевич, Грибоедова). Внучатный брат матери Анастасии Ивановны Алексей Феодорович Грибоедов имел от первого брака с кн. Одоевской дочь Елизавету Алексеевну в замужестве за Иваном Феодоровичем Паскевичем, впоследствии гр. Эриванским — светлейшим князем Варшавским. «Когда она выходила за молодого дивизионного генерала, это казалось не блестящею партией для богатой наследницы, когда ничто не предвещало тех побед в Азии и Польше, которые послужили к такому скорому возвышению». Алексей Феодорович Грибоедов от второй жены Нарышкиной имел дочь Софью Алексеевну в замужестве за Корсаковым. «Сестра Алексея Федоровича Грибоедова Анастасия Федоровна Грибоедова по мужу той же фамилии была лучшим другом нашей матери (Миропии Ивановны Лыкошиной, урож. Лесли). Ее сын, известный творец превосходной комедии — *Александр Сергеевич Грибоедов*, женился на княжне Чавчавадзе, был посланником Персии и там убит. Ее дочь Мария Сергеевна, по мужу Дурново, талантл. музык. любителя, так как она сама была лучшею ученицею Фильда и на арфе играла замечательно хорошо. Другие дочери были Александра Тиникова и Елизавета Акинфьева». Анастасия Федоровна Грибоедова имела попечение о братьях Лыкошиных (Владимир,

Александр, Алексей), когда они ходили в университет в Москве. Анастасия Ивановна в 1822 г. чаще всего бывала у нее.

«Помню в один день она позвала меня обедать, и я нашла у нее большое общество. Вдруг входит молодой человек в очках, которого мне не трудно было узнать, как Александра Сергеевича Грибоедова, товарища нашей юности, а ему невозможно было неожиданно догадаться, что я та, которую он знал девочкой. Но мать его с ее обычной живостью воскликнула:

— Александр, как это ты не узнаешь дочь Миропии Ивановны Лыкошиной?

Тогда он подошел ко мне и стал расспрашивать о братьях...»

1

Государъ мой *Ісай Ивановичъ*, здравствуй на множество летъ!

Благодарствую теби, другъ мой, что писав ко мне о своим здоровю, чего и въпрет о том же прошу, пожалуй, пиші почастей к нам о своим здоровю, а мы всегъда середечьно желаемь добъраго здравия милости твоей. А мы въ которой дѣнь обретаем виедомост о твоим добрым здровю и мы в великой радости зостаем, а якъ долго виедомости не имѣем, въ великой печали и въ слезахъ безъпрестанъныхъ.

А про насъ изволишъ виедат, и мы въ живыхъ обретаемся, а объ моим здоровъю сам, милость твоя, известен, въ таких ниещасъныхъ клапотахъ и убытъкахъ безъ тебя, другъ мой, заставъшися, не маю покою, да еще спрашiвают за старые годы за Биберовъские пустоки по пальтине з двора и дерзатъ за караулом Лукашонка и шести крестьян. Ваша милостъ, извол погаворит Тимоѳю Ивановичу Грибоедову, что он в записи написал, и ему очи стат во всемъ.

Да еще доношу милости твоей, что камисар копие из Тулубьева дела въ Смоленскъ послал и отписку, а в отписце написав, что крестяне не држатца за карауломъ, а держатца за подати Государевы, а ныне подати все заплачены, а мужиковъ держат за караулом. А въ Старицъкою правинцыю лантрат отпущон Преображенскаго полку отставъной капитан Гавърыла Михайлов сын Савинов, а Вяземской камисар Ѳедор Михайлов сынъ Гурьевъ.

Отъ, другъ мой, Ісай Іванович, набралася клапот без тебя. Цитовскаго крестяніна Ѳецку взяли по аговору воровъ за караулъ и з жаною и савсим разорили и пытан дважды: с одной пытки не винился, а съ з другой повинился, что были у нево и жили три дні и от нево пошли в Смоленской уездъ и там разбили крестяніна Ридванскаго и възели у нево сто рубълев, да въ том же уезде у попа взяли десят рублев, у Грибоедова крестяніна взяли 50 рубълев, и хотят сыскат на насъ. Я і сама не знаю, что делат. Посылала Игьнатя Вязму сколко раз, чтобъ добитца расъпросных речей и списка з дела, не могъла никакими мерами достат: друзя твое лицемерные подячие Вяземские пущі камисара и не допустят близ приказу, велят у шію бит, — нет теби ни отного друга Вязме, не с ким осведомитца и съписка взять. А сие письмо посатцким человѣком с прошлоготскими солоными головами посылаю. Ваша милость, извол у нево спросит и он об нашем деле Вяземским устне скажет. Уже я до Вашей милости пятое писмо посылаю, ци въсе досли или не? Да извол, Ваша милость, осведомитца, тут ли Господар Волоски, а буде тут, да извол ему поговорит о Лисъке, а ныне зовут Лисафкою. А въ домехъ нашіх слава Богу все хранимо Богом, а и ръжи еще не починали жат, такъ же и сена косит, для того что павотки у насъ безпрестанные, яровые все подмякли и велми плохи, мельницу почали было ставит і вадою от работы отбило, не дало робит. А Игънатя по се поры в Смоленскъ не посылала, сама не ехала на Белаю, всио за Вяземскимъ деломъ.

* * *

При семъ писанію жичливая жена *Маря Бровцина.*

Пожалуй, друхъ мой, не обявлай писма моиего никому, для таго што худо писано, бо головную великую болезнь имею уже третея неделя. Намъ сказиваютъ, што вамъ гадоват тамъ, и ти, друхъ мой, хот у деле буд, толка би ближи дворамъ бит, а бес тебе доми наши разоратся.

Пожалуй, друхъ мой, Исай Иванович, извол, милост твоя от мене отдат ниски похлон брацам своим и семиям ихъ, также и Алаксею Ивановичу и семи его, особливе Государу моему Никифору Федоровичу наиниши поклонъ отдат извол: за очно прошу Государа моего, штоб пожаловал, бил ласкав на тебе, света моиго. И еще доношу милости твоией, што бури кон пав.

Пожалуй, друхъ мой, извол постаратца лекарства отъ галавни болезни.

* * *

А особъливо Машенка ниско свой покълонъ засылаетъ, а з благословенія что ден от тебя, Государя своего батюска, желатъ, а посылатъ, тебе Государю батюску своему упоминокъ.

И я сестрами Государю нашему Ісаю Івановичу наинижайшой свой поклонъ засыламъ.

Богъдан Лыкошін *

Отпечаток детской ручки чернилами.

Ета ручъка делает кружова Вашей милости до платочика.

Из Каменца июля 27
1783

Надпись на письме:

Получилъ сие письмо сенътебъря въ 3 д. чрезъ посатцкава человека.

2

Moscou
1811
le 4 de juillet

Vous ne sauriez vous imaginer l'agréable surprise que votre lettre m'a causée, mon aimable amie. Je suis charmée d'avoir enfin trouvé l'occasion de vous écrire pour vous prouver l'attachement que j'ai pour vous et ma reconnaissance pour l'amitié que vous me témoignez. J'ai été bien fachée en apprenant que vous aviez été malade, mais je rends grace à Dieu que c'est passé et que vous vous portez bien maintenant.

Je n'éspère pas non plus d'avoir le bonheur de vous embrasser de si tôt mon aimable ami, car Madame de Gribayedoff a l'intention d'aller à Petersbourg l'année prochaine, et peut-être que nous y res-

* Богдан Васильевич Лыкошин отец Ивана Богдановича, дед Анастасии Ивановны Калечицкой.

terons longtems. Comme je juge d'après mon propre cœur, j'espère que vous ne m'oublierez pas et que vous me croirez toujours.

Votre fidèlle amie

Julie Capeble *

Miss Wooten ** kisses you and thanks you for your kind remembrance ***.

3

[1817]

Милостивый Государь мой

Петръ Петровичъ!

За приятнійшее письмо Ваше покорнейше благодарю и съ совершениемъ благополучия Вашего усерднейше Васъ поздравляю, крайне лестно для меня иметь такова ближнева ротственника, какъ нахожу Васъ, и приятно будетъ иметь прадалженіе ласки Вашій, коею уже я имела случей пользоватца. Могу Васъ уверетъ въ искренемъ моемъ располаженіи ко всему семейству Ивана Багданача и Миропьи Ивановны ****, то какъ

---

* Москва
1811 г.
4-го июля

Вы не можете себе представить, какое неожиданное удовольствие доставило мне Ваше письмо, мой любезный друг. Я в восторге, что, наконец, нашла случай написать вам, чтобы доказать Вам мою привязанность и благодарность за ту дружбу, которую Вы мне высказываете. Я была очень огорчена, узнав о Вашей болезни, и благодарю Бога, что все прошло и что теперь Вы чувствуете себя хорошо.

Я не надеюсь иметь счастье обнять Вас в скором времени, мой любезный друг, так как M-me Грибоедова намеревается на будущий год поехать в Петербург, и возможно, что мы пробудем там долго. Сообразуясь с собственным моим сердцем, я надеюсь, что и Вы меня не забудете и всегда будете меня считать

Вашим верным другом

Жюли Капебль.

** Мисс Вутен целует Вас и благодарит за добрую память (*пер. ред.*).

*** В Записках Анастасии Ивановны Калечицкой, т. I. 1826 г. стр. 90 есть упоминание о Жюлю Капебль: «Il y avait dans la maison des Griboedoff une jeune personne Julie Careple que j'aimais beaucoup». («В доме Грибоедовых жила одна молодая особа Жюль Капебль, которую я очень любила».)

**** Иван Богданович и Миропия Ивановна Лыкошины — родители Анастаси Ивановны Калечицкой.

Вы уже принадлежите къ оному, всегда найдете ва мне усердною искательницу Вашей любви. Пребывая зъ желаниемъ всякова благополучия Вамъ

Милостивой Государь
покорная слуга
Марѳа Станкевичева *

* * *

Позвольте и мнѣ, Милостивый Государь *Петръ Петровичь*, поздравить Васъ съ совершеніемъ Вашего благополучія и увѣрить Васъ, что для насъ крайнѣ лестно имѣть столь достойнаго и любезнаго родственника. Прося Васъ о продолженіи того пріятнаго и родственнаго расположенія, которымъ имѣла я удовольствіе пользоваться въ бытность Вашу въ Москвѣ, честь имѣю прибыть покорною Вамъ слугою

Федосья Станкевичева

* * *

Любезной *другъ Настинька*!

Съ совершениемъ твоего благополучия отъ искреннева сердца и душевно поздравляю, дай Богъ, штобъ сие благополучие во всю вашу жизнь продолжилосъ въ такой цене, какъ мы его находимъ. Не можешь, мой другъ, сумневадца, штобъ не отъ истенной моей любви я сево тебе жилаю. Надеясъ на харошее расположение Петра Петровича, онъ мне прАститъ, что я фамилию ево называю Настенкой: перемена фамиліи не переменила ва мне сево названия. Затемъ мысленно тебя, моя милая, цалую, пребываю много любещея васъ

Марѳа Станкевичева

* * *

J'embrasse du cœur et d'âme, mon aimable *Nany*, en la félicitant avec l'accomplissement de son bonheur. Fasse le ciel, chere amie, que vous jouissiez durant toute votre vie d'une parfaite félicité. Je

* Марфа Иванова Станкевич – жена Епафродита Ивановича, брата Миропи Ивановны, урожд. Станкевич, по мужу Лесли, дочь которой тоже Миропия Ивановна, по мужу Лыкошина, мать Анастасии Ивановны Калечицкой.

me flatte que vous voudrez bien me recomender à Monsieur vorte Mari, comme une parante qui s'est fait une douce coutume de vous aimer et d'être aimée de vous. Adieu, chere et aimable amie, portez-vous bien, soyez heureuse et donnez de temps en temps un moment au souvenir de celle qui se fait un plaisir de se dire votre plus sincere amie

Fanny Stanckevitsch *

4

от 25 августа
1823 году
с. Ковалево

Милая *Настенька*!

Душевно благодарю за покупку рицемору, я ево и оставшие денги все исправно получила. Рицеморъ очень харошъ и я много очень Вамъ благодарна, а што долго не отвечала, таму препядствовали пиршиства: первое празновали именины князь Никиты Костентиныча **, а потомъ въ Богородскомъ храмовой празникъ, маминька твоя была у меня въ Ковалеве съ Лизанькой *** и въ Успеньевъ день после абеда атъ меня паехала дамой и я больше не надѣюсь съ ней видетца. Князь Никита Костентинычъ съ кнегиней, кнежной и съ ними Анъна Костентиновна выехали 22 числа хъ Катерине Никитишне **** и прасили меня ихъ дождатца, абещали къ 8 числу сентебря воротитца, если пагода меня не потревожитъ можетъ быть, и даждусь ихъ, а за всемъ темъ далее 10 числа не проживу здесь. И такъ дожелавъ

* От души и сердца обнимаю мою любезную Нани и поздравляю ее с осуществлением благополучия ее. Молю Бога, любезный друг, чтоб во всю Вашу жизнь было Вам полное счастье. Льщу себя надеждой, что Вы представите меня Вашему мужу в качестве родственницы, которая привыкла нежно любить Вас и быть любимой вами. Прощайте, милый и любезный друг, будьте здоровы, будьте счастливы и изредка, хоть на мгновенье, вспоминайте ту, которая считает радостью называть себя Вашим лучшим другом

Фанни Станкевич

** Кн. Никита Константинович Друцкой-Соколинский женат на Марье Ивановне Арсеньевой.

*** Елизавета Ивановна Тулубьева, урожд. Лыкошина.

**** Екатерина Никитична Потемкина, урожд. кн. Друцкая-Соколинская, муж ее Дмитрий Иванович Потемкин.

вамъ съ любезнымъ Петромъ Петровичемъ и милой Аннечкой совершеннова здаровья, ее, моево друга, мысленно цалую, пребываю любящая васъ

Марѳа Станкевичева

5

le 15 d'Octobre
1823
СельцоКовалево

Bien bien de remerciemens, mon aimable et très chere *Nanycha*, pour la peine que vous avez pris de m'acheter l'ettoffe, elle est très joli et je ne desire rien que d'avoir bientôt l'occasion de vous rendre le même service. Mais je doute fort que je puisse y réussir aussi bien que vous l'avez fait. Maman en est aussi enchentée et vous en remerciera par une lettre à la première poste. J'ai prié votre sœur Lise de se charger de la mienne, afin de vous exprimer le plutôt possible, mon contentement et ma reconnaissance. Ma lettre n'aura ni rime, ni raison aujourd'hui, votre Maman qui a passè deux jours chez nous, compte partir aujourd'hui. A nous attendons du monde chez nous, je vous écrie à la hâte. Vous ne me dites rien du fichus noir, qu'en panssez vous? Adieu, chère amie, portez-vous bien. Dites mes respectueux hommages à votre Mari, un tendre baiser à votre chère petite. J'ai reçu la nouvelle de la noce des Posnicof, ils sont parti pour Kostroma. Agripine m'écrit que sa sœur était superbe en courone et mise à ravir. Je vous embrasse du cœur et d'âme et me recomende à votre precieux souvenir. Votre très affectionnée cousine et sincere amie

Fanny Stanckevitsch *

---

* 15 октября
1823 г.
сельцо Ковалево

Очень, очень, благодарю Вас, любезная и дорогая моя *Наниша*, что потрудились купили мне материю, она очень хорошенькая, и я хотела бы иметь случай оказать Вам подобную же услугу, хотя сильно сомневаюсь, что мне удастся сделать это так же хорошо, как Вам. Мама тоже в восторге и поблагодарит Вас письмом с первой почтой. Я просила Вашу сестру Лизу передать Вам мою благодарность, чтобы как можно скорее выразить Вам мое удовольствие и признательность. Мое письмо выходит бестолковым. Ваша мама,

6

[1824]

Recevez l'assurence de ma plus vive reconnaissance pour votre bon souvenir, ma bien chère et bien aimable *Настасья Ивановна*, et mes félicitations avec les fêtes de Paque, puissiez vous les passer dans la joie de votre cœur. Vous ne pouvez qu'être persuadée que le souvenir de votre amitié est d'une douce consolation pour moi, condamnée à être si loin de vous. Je m'estimerais fort heureuse de recevoir de temps à autre un petit mot de vous et vos lettres ne seront jamais sans réponse, mais il faut que vous me donniez votre adresse. Sûre de l'intérêt que vous prenez à mon sort, je vous dirai que je suis aussi heureuse qu'on peut l'être ici bas, mais il me coute d'être si loin de mes parents. Je m'occuppe du ménage et des fleures, dans ce dernier je suis secondée de mon mari, amateur, comme moi, mais notre triste climat fait que je suis très souvent trompée dans mes esperences. Mes respectueux hommages à votre Epoux, un tendre baiser à la chere Annette de ma part. Est-elle grandie embelie? Adieu, chere amie, croyez moi à jamais votre plus sincere amie

Fanny Alalikine *

проведшая у нас два дня, собирается сегодня уезжать, а мы ждем к себе гостей, пишу Вам наспех. Вы ничего мне не сказали о черной косынке, что Вы о ней думаете? Прощайте, любезный друг, будьте здоровы. Передайте мой почтительный привет Вашему мужу, нежный поцелуй Вашей милой крошке. Я получила известие о свадьбе Постниковых, они уехали в Кострому. Агрипин мне пишет, что ее сестра была прекрасна под венцом и прелестно одета. Обнимаю Вас от души и сердца и прошу хранить меня в Вашей драгоценной памяти. Ваша горячо любящая сестра и искренний друг

Фанни Станкевич.

* Примите уверение в моей глубокой благодарности за Вашу добрую память, моя дражайшая и любезнейшая *Настасья Ивановна*, и мои поздравления с праздником Пасхи, чтобы провести Вам праздник в радости сердечной. Вы не можете не быть уверены, что память о дружбе Вашей есть сладостное утешение для меня, обреченной жить вдали от Вас. Сочту себя чрезвычайно счастливой, если буду получать от Вас хоть изредка словечко, и письма Ваши никогда не останутся без ответа, только Вы должны дать мне свой адрес. Уверенная, что Вы интересуетесь моей судьбой, скажу Вам, что я счастлива, сколь возможно быть счастливой на земле, и одно мне тяжело, что нахожусь я далеко от моих родителей. Я занимаюсь хозяйством и цветами, в этом помогает мне мой муж, как и я, большой люби-

7

A Madame
Madame de Kaléchizqui
à Chelkanowo

Trostianka
le 21 de mai
l'an 1818

Je vous suis infiniment obligée ma, bonne cousine, de m'avoir donnés de vos nouvelles. Je suis enchanté de ce que vous et mon aimable cousin se porte bien. Jusqu'à présent nous avons eu très mauvais printems, tout le monde s'en resentait. Dieu merci mon mari vas mieux, il ne reste que de légéres marque de son indispasition, mon beau-frère et Barbe se porte bien, moi je suis indisposés de depuis deux jours ainsi que m-lle Ritter. Nous gardons notre chambre. Je vous envoye cinq jolies livre. L'... il sont très agréable a lire, sûrement qu'ils vous pleairont, il sont très bien ecrie. Mon mari, mon frère, Barbe et m-lle Ritter vous presentes leurs respects ainsi qu'a mon cousin et de ma part je vous prie de lui dire bien des jolie schoses.

Adieu, ma bonne cousine, veuillez me croire toujours avec les mêmes sentiment pour vous

Votre sincère amie
Elisabeth de Milaschevitch
née *Opatchinin*

Je vous prie de faire mes compliments a ma cousine Елизавета Яковлевна et a mon cousin Яковъ Петровичъ surement que vous vous voyez souvent *.

тель цветов, но из-за нашего скверного климата я так часто обманываюсь в своих надеждах. Шлю почтительный привет Вашему супругу, нежный поцелуй милой Анюте. Выросла ли она, похорошела? Прощайте, любезный друг, верьте, что я навсегда Ваш искренней-ший друг

Фанни Алалыкина

* Тростянка
21 мая
1818 г.

Я бесконечно благодарна Вам, добрейшая сестрица, за известия о себе. Я в восторге, что Вы и мой любезный братец чувствуете себя хорошо. До сих пор у нас стояла очень плохая весна, все от этого страдали. Слава Богу, мой муж поправляется, остались лишь легкие

8

Trostianka
le 16 de septembre
l'an 1818.

Ma bonne et aimable cousine!

J'étais bien impatiente d'avoir de vos nouvelles ainsi que celui de mon cousin, depuis la foire j'étais continuellement occupée des voyages de chez nous a Kolma et de Kolma a Smolensque où nous avons achetés une terre chez Schoukline. Depuis deux ou trois jours que nous sommes arrivée chez nous. Ne voulant plus remettre d'envoyer chez vous. De grace ma bonne cousine veuillez informer de votre santé ainsi que de celle de mon aimable cousin je vous prie de lui dire milles jolies choses de ma part. Mon mari, Barbe vous baises les mains, toutes nos dames et demoisselles vous présentes leurs respects ainsi qu'a mon cousin et de ma part je vous prie de lui dire bien des jolies choses.

Adieu, ma bonne cousine, veuillez me croire toujours avec les mêmes sentiment pour vous

Votre sincère amie et cousine
Elisabeth de Milaschevitch
Née *Opatchinin* *

следы его болезни; мой бо-фрер и Барб здоровы, а я вот уже два дня, как захворала, также и M-elle Риттер. Мы не выходим из нашей комнаты. Посылаю Вам пять прекрасных книг. Они очень легко читаются и наверное понравятся Вам, они очень хорошо написаны. Мой муж, брат, Барб и M-elle Риттер свидетельствуют Вам свое почтение, также и моему брату, от меня же передайте ему наилучшие пожелания.

Прощайте, любезная сестрица, всегда верьте в неизменность чувств

Вашего искреннего друга
Елизавета Милашевич
урожд. *Опочинина*

Прошу Вас передать мой привет моей сестрице Елизавете Яковлевне и моему братцу Якову Петровичу, вы верно часто видаетесь.

* Тростянка
16 сентября
1818 г.

Моя добрейшая и любезная сестрица!

Я очень нетерпеливо ожидала вестей от Вас, а также от моего брата, с начала ярмарки я все время была занята разъездами в Кол-

9

20 сентября
1818 года
Тростянка.

Милостивый Государь братецъ
Петръ Петровичъ!

Всеусерднейше имею честь поздравить васъ и Милостивую Государыню сестрицу Настасью Ивановну съ новорожденной дочерью, желаю, чтобы она всегда радовала и утешала Васъ. Желалъ бы иметь удавольствіе лично васъ поздравить, но жена моя нездарова, вчера слегла въ постель, то и просимъ извиненіа, что въ назначенный день 22 числа быть не можемъ, а Елисавета Николаевна и въ томъ извиняется, что писать сама не можетъ, а поручаетъ мнѣ обеихъ васъ поздравить. С истиннымъ почтеніемъ и преданностью пребываю,

Милостивый Государь мой,
Вашъ покорнейшій слуга
Василій Красный-Милашевичъ *.

10

Trostianka
le 2 de décembre
l'an 1824

Ma chère cousine
Настасія Ивановна!

Le 4 de Décembre jour de la St. Barbe est un jour que les parent ou les personne qui nous accordont leurs amitié viennent nous voir.

му и из Колмы в Смоленск, где мы купили землю у Шуклина. Уже два три дня как мы приехали домой. Больше не хочу откладывать посылку к Вам. Ради Бога, добрейшая сестрица, известите о Вашем здоровье, а также о здоровье моего любезного братца, прошу Вас передать ему тысячу наилучших пожеланий от меня. Мой муж, Барб целуют Ваши ручки, все наши дамы и барышни свидетельствуют Вам свое почтение, также и моему братцу, от меня передайте ему наилучшие пожелания.

Прощайте, любезная сестрица, всегда верьте в неизменность чувств
Вашего искреннего друга и сестры
Елизавета Милашевич
урожд. *Опочинина*

* Василий Красный-Милашевич, бывший генерал губернатор Молдавии. О роде их см. прилож. IV.

Vous ne doutes, ma chère cousine et mon chèr cousin combien il m'est précieuse de comter vous surtous de ce nombre je vous rapelle, ma chère cousine, et mon cher cousin, combien il m'est precieux que vous veniez le passer avec nous et mon chèr cousin. C'est le jour de nom de Barbe et si vous nous ameniez votre charmante petite et madame votre gouvernante. Et comme les jour son courte je vous supplirais de rester jusqu'à le lendemain. Faisent tous pour que vous soyez et mon cousin a votre aise j'espère que vous ne me refuserais pas ce plaisir a celle qui est pour toujours

Votre toutés dévouée cousine
Elise de Kr. Milaschevitch
née *Opotchinin*

Je vous prie de dire bien des jolies chosses de ma part à mon cousin et de le part de ma fille Barbe et de mes nièces et elle vous presentes leurs hommage et embrasses de ma part votre charmante petite qui doit être bien interessente dans ce moment *.

---

* Тростянка
2 декабря
1824 г.

Любезная сестрица
Настасия Ивановна!

4-ое декабря – день св. Варвары, в этот день наши родственники и те, с кем связывает нас дружба, нас навещают. Вы не сомневаетесь, любезная сестрица и любезный братец, что мне особенно дорого считать Вас в числе этих лиц, я напоминаю Вам, любезная сестрица и любезный братец, как мне дорого, чтобы Вы и любезный братец провели этот день с нами. Это день ангела Барб и, может, Вы привезли бы к нам Вашу прелестную крошку и Вашу гувернантку. Так как дни коротки, то я просила бы Вас остаться до следующего дня. Сделаю все, чтобы Вам и моему братцу было удобно, и надеюсь, что Вы не откажете в этом удовольствии той, которая всегда остается Вашей преданной сестрой

Елиз Красная-Милашевич
урожд. *Опочинина.*

Прошу Вас передать от меня самые наилучшие пожелания моему братцу, также от Барб и моих племянниц, они Вам свидетельствуют свое почтение, и поцелуйте от меня Вашу прелестную дочку, которая должна быть нынче очень интересной.

11

A Monsieur
Monsieur de Kalechizqui
à Chelkanovo

Trostienka
le 12 de juin
l'an 1825

Mon chère cousin
Петръ Петровичъ!

Je vous félisite avec votre jour de nom et je vous souhaite toutes sortes de prosperités et une parfaite senté. Je suis aux désespoire de ce que je ne peut pas venir moi-mê ne vous féliciter de vive voix, je ne me porte pas tros bien. Et puis mon cousin Петръ Дмитровичъ Коховскій et venue avec sa famme et les enfens de Vitepsque et c'est aussi aujord'hui son jour de naissance. Ainsi voila ce qui me prive de vous félicité de vive voix ainsi que mon aimable cousine. Je m'ennuie bien de ce qu'il y a longtems que je ne vous ai pas vue, mais ma maledie qui est la cause. Je souffre extrement de mes grand maux de tête. Barbe à étés bien malade. A présant Dieu merci elle se porte bien, seulement elle est un peut faible. Je vous envoye, mon chèr cousin, un a anat et un bouquet de fleurs de mon partere. Exquses que je prend le liberté de vous envoyer une si petite begateille, c'est un tous petit gage de mon amitié pour vous. J'embrasse de tous mon cœur mon aimable cousine et ma chermente aimable petite nièces et je le félicite avec l'aimable именинникъ. Dieux donne qui le porte bien et qui jouisse, de tous le bonheur passible. Ma fille Barbe vous présente ses respects ains qu'à le tente, ainsi que mes nièces et veut vous félicite avec votre jour de nom, ainsi que ma cousine. Je regrette bien de ce que je ne peut pas venir moi-mêmes. Vous m'exquserais bien mes aimables parents.

Adieu, mon chère cousin, je me recommende à votre aimable souvenir et suis

Votre touts dévouée amie
et cousine
Elise de Kr. Milaschevitch
née *Opatchinin* *.

---

* Тростянка
12 июня
1825 г.

12

A Madame
Madame de Kalechitzqui
à Chelkanovo

Trostianka
le 28 Novembre
l'an 1825

Ma chère et très aimable cousine!

Mille remerciment pour votre aimable souvenir, je ne me porte pas bien apres tous mes chagrins, j'ai perdu au mois d'Aout une charmente misse Mademoisselle de Marichi, une jeune personne de 22 ans, et le 16 du mois d'Octobre j'ai perdu le meilleur des frère Mousieur le Sénateur de Maridikine que j'aimais comme mon propre frère et après le mort de mari, c'est lui qui m'éder dans toutes les affaire. Je suis bien inquiete par le conte de ma sœur, je ne sais comment est ce qu'elle se porte, je conte partire au mois de Désembre ou de Janvier pour voir ma pauvre sœur qui est très affliger,

---

Любезный братец
Петр Петрович!

Поздравляю Вась со днем ангела и желаю Вам всякого благополучия и совершенного здоровья. Я в отчаянии, что не могу лично поздравить Вас, чувствую себя не совсем хорошо. И кроме того брат мой Петр Димитриевич Коховский приехал с женой и детьми из Витебска и сегодня его день рождения. Итак, вот что лишает меня возможности лично поздравить Вас и мою любезную сестрицу. Я очень скучаю, давно Вас не видев, и этому виною моя болезнь. Я страдаю чрезвычайно от сильных головных болей. Барб была очень больна, слава Богу теперь поправилась, только еще слаба немного. Посылаю Вам, любезный братец, ананас и букет цветов с моих клумб. Простите, что беру на себя смелость послать Вам такую безделицу, столь малый знак моей дружбы к Вам. От всего сердца обнимаю мою любезную сестрицу и мою прелестную милую маленькую племянницу и поздравляю их с дорогим именинником. Дай Бог, чтобы он был здоров и наслаждался всеми возможными благами. Моя дочь Барб свидетельствует Вам свое почтение и своей тетушке, также и мои племянницы поздравляют Вас со днем Вашего ангела и мою сестрицу. Очень жалею, что не могу быть лично. Вы простите меня, мои любезные родные.

Прощайте, любезный братец, прошу хранить меня в Вашей драгоценной памяти

Ваш преданный друг и сестра
Елиз Красная-Милашевич
урожд. *Опочинина*

dans six mois elle a perdu sa belle sœur la princesse Kouraquine, sa fille et son nièce. Imaginez-vous, ma chère cousine, qu'elle malheur et quel désespoire! Barbe Dieu merci se porte bien, mais elle est très affligé. Je conte aller à Smolensque, si le chemin sera praticable pour le 4 de Décembre. Je serais enchantes, ma chère cousine et mon cher cousin, de vous y voir et de vous dire de vive voix, combien je vous aime et je vous estime. Barbe et mes nièces vous présentes leur respects ainsi qu'à mon cousin, j'embrasse votre charmente petite demoisselle et je me recommende à votre amitié et suis

Votre toutes dévonée
amie et cousine
Elise de Kr. Milaschevitch

Je vous prie de dire bien des jolies chosses de ma part à mon chère cousin et j'embrasse votre charmente petite par amitié à tous vos aimable parents *.

Черная печать: В. М.

---

* Тростянка
28 ноября
1825 г.

Милая и любезнейшая сестрица!

Тысячу раз благодарю Вас за добрую память, чувствую себя и нездоровой после всех перенесенных мною огорчений, в августѣ я потеряла прелестную мисс Мариги, молодую особу 22-х лет, а 16 октября я лишилась лучшего из братьев сенатора Маридыкина, которого любила я, как родного брата, он после смерти мужа помогал мне во всех делах. Я очень беспокоюсь о сестре, не зная, как она себя чувствует, я рассчитываю выехать в декабре или в январе навестить мою бедную сестру, которая в большом горе: за шесть месяцев она потеряла свою бельсёр княгиню Куракину, свою дочь и племянницу. Представьте себе, любезная сестрица, что за несчастье и отчаяние! Барб слава Богу чувствует себя хорошо, только очень расстроена. Я рассчитываю проехать в Смоленск, если дорога установится к 4-му декабрю. Я буду в восторге, любезная сестрица и любезный братец, увидеть вас там и передать вам лично, как я люблю вас и почитаю. Барб и мои племянницы свидетельствуют вам свое почтение, также и моему братцу, целую Вашу прелестную маленькую дочку и, поручая себя вашей дружбе, остаюсь

Ваш преданный друг
и сестра
Елиз Красная-Милашевич

Прошу Вас передать от меня наилучшие пожелания моему любезному братцу, и поцелуйте Вашу прелестную крошку, мой привет всем Вашим любезным родным.

13

8 марта
1821

Почтеннѣйший и любезный мой
Петръ Петровичъ

Прости меня, что звавъ тебя сего дня обѣдать, не могу къ сожалѣнію быть дома, отроду почти первый разъ не дома обѣдаю и такъ случилось, что сего дня долженъ непремѣнно обѣдать въ людяхъ. Впрочемъ во всѣ другія дни я къ Вашимъ совершенно услугамъ, только бы вздумалъ пожаловать. Искренно тебя любящій и вѣрный старый сотоварищъ и

слуга
Графъ Сергій Потемкинъ

Надпись рукою Анастасіи Ивановны Калечицкой:
Отъ графа Сергія Павловича Потемкина.

14

1822-го года
Генваря 2-го дня.

Любезнеішые родные, плѣмянникъ
Петръ Петровичъ
и Милостівая Государыня племянница
Анастасья Ивановна!

Сердечнеішыя вашы поздравлѣніи искрѣнно прынимаю и благодорю васъ за пожеланіи вашы и въ цене любви оные себе поставляю. И васъ, любезные радные, имею съ прыятнымъ сердечнеішымъ моімъ удовольствіемъ поздравить имею съ прошѣдшымъ праздникомъ Рожѣства Хрыстова и Новымъ Годомъ, жѣлаю множаішыя лета дождать и видеть своіхъ сыны сыновъ пры вашѣмъ совершѣнномъ здоровье и всякомъ благополучіи, сего вамъ душѣвно желаю и съ мілою вашѣю Анненькою. Свидетельствуя мое серьдечное почтеніе съ жѣланіемъ всехъ благъ

Вашъ,
любезные родные,
усердноі дядя
Николай Калечицкій *

* Николай Михайлович Калечицкий. В Записках Анастасии Ивановны Калечицкой о нем и его семье говорится следующее. «Дядя Николай Михайлович, брат Пьериного отца (Петра Михайловича),

P. S. Пры семъ мою вамъ благодарность прыношу за прысылку заемного писма, а вами данъную росписку назадъ надравшы доставляю.

15

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Петру Петровичу
Калетчитскому
Смоленской Губерніи, Краснинскаго уезда

3-го Ноября
1822-го

Милостивой Государь братецъ
Петръ Петровичь
и милая cousine *Настасья Ивановна*!

Бывъ уверѣна въдружбѣ вашей, имѣю честь представить вамъ моего Михайла Степановича, котораго прошу удостоить

Калечицкий умный строгий старик прошедшего века, у которого в раболепном повиновении поседевшие сыновья и дочери, живет в верстах более ста от нас в им. Николаевском в Дорогобужск. уезде (Смоленс. губ.) Все обычаи этого дома напоминают глубокую старину. Старший сын его Григорий Николаевич Калечицкий женат на графине Елизавете Алексеевне Салтыковой, которой брат гр. Григорий Алексеевич Салтыков владетель местечка Хиславичи, верстах в 30-и от Щелканова уже в Могилевской губ. Там в конце Июля бывает многолюдная ярмарка, куда также считается за обязанность ездить, привозя с собой целый дом посуды, постелей и провизии и помещаясь в мерзких лачугах. Если бы не приносило это стольких хлопот, я может быть и любила бы эту суету и балы и ласковые приемы графини Екатерины Алексеевны, урожд. Херасковой, но физическая усталость отнимаету меня всякое удовольствие. Меньшой сын дяди Николая Михайловича Иван Николаевич Калечицкий любезный гусар мой любимец из всей семьи, впоследствии женился на богатой Ушаковой Марии Петровне и жил в Ханине, верстах в сорока от нас. Меньшая дочь его была за Николаем Петровичем Опочининым и оставила двух детей. Огорченный женитьбою сына на молдаванке, Иван Николаевич умер в 60-х годах. Старшая дочь дяди Николая Михайловича Калечицкого Анастасия Николаевна вышла замуж за моего двоюродного дядю Аполлоса Епафродитовича Станкевич, а дочь их за Илью Васильевича Воронец, сына внучатной моей сестры».

родственнымъ разположеніем вашимъ, онь же съ своей стороны удовольствіем себѣ вмѣнитъ быть онаго достоинъ. Я виновата очень предъ вами, почтеннѣйшія родныя, что до сихъ поръ не увѣдомила васъ о щастливомъ окончаніи судьбы своей, причиной тому случившіяся военныя пересуды наши изъ бивакъ въ деревню, въ слѣдъ же почти за соединеніемъ нашимъ. Несмотря на столь дальнее наше разстояніе отъ васъ, надѣюсь, chers cousins, что вы сохраните эту дружбу, коей имѣла щастье пользоваться до сихъ поръ, доказательствомъ чего прошу увѣдомить меня о здоровье своемъ, и вѣрить, что я съ истинной преданностію

имѣю честь быть покорная слуга

Анна Сухочева *

Милостивые Государи

Петръ Петровичъ и

Настасья Ивановна

Имѣю честь представить вамъ себя въ родственное расположеніе ваше, въ чемъ поставя, за удовольствіе быть уверенъ, имѣю честь пребыть

Вашъ

Милостивыя Государи

покорный слуга

Михайла Сухачевъ.

* * *

Veuillez bien mon aimable cousine m'envoyer une fois la copie de la reception de Mr. Moudroff ** sur la médecine dont il nous a traité toutes deux ensemble. Mes complimens à Madame Clammet me recommandant à son souvenir. Mille baisers à ma chère nièce, ah! que je désirerais avoir une toute pareille à moi ***.

* Анна Александровна, урожд. Лесли, замужем за Михайлом Степановичем Сухачевым, дочь Александра Ивановича. Александр Иванович Лесли — брат Миропии Ивановны (род. 1770 г.), в замужестве Лыкошиной (за Иваном Богдановичем Лыкошиным). Миропия Ивановна мать Анастасии Ивановны Калечицкой, урожд. Лыкошиной.

** Матвей Яковлевич Мудров, доктор в Москве, удачно лечивший Анастасию Ивановну Калечицкую в 1822 г. несколько месяцев, умер от холеры в 1830 г.

*** Соблаговолите, любезная сестрица, прислать мне когда-нибудь копию рецепта г-на Мудрова на то лекарство, которым он нас с Вами

Адрес мой: Новгородской Губерніи въ г. Старую Русу.
Зеленая печать: С.

16

[1822 г.]

Mon adorable et chère cousine!

J'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre le 9-me de ce mois at je me dépeche de Vous y répondre*.

Спѣшите утѣшить огорченную мать извѣстіемъ, что сынъ ея не только не женатъ, но даже и не имѣетъ повода тому и по словамъ его намѣрения жениться. Онъ, какъ молодой человѣкъ, старался найти предмѣтъ, которой бы могъ на несколько времени его занять и нашелъ оной въ дочери некоторой помещицы *Масловой*... pour passer le tems** волочился – и болѣе ничего. Вотъ все, что я могъ касательно его узнать, и тѣмъ выполнить почтеннѣйшая cousine Ваше приказаніе. Впротчемъ я обо всемъ уведомилъ Шварца, а естли молодой человѣкъ действительно имѣетъ какія-нибудь тайныя намѣренія, то увертѣ мать его, что полковникъ не допустит его ихъ выполнить.

Adieu donc ma charmante cousine, portez vous toujour bien, ainsi que votre jolie petite Annette que j'embrasse mille et mille fois du fond de mon cœur et n'oubliez pas celui qui vous est dévoué a la vie

*Jean de Lesley****

* * *

За счастіе почелъ, почтеннѣйшій братъ *Петръ Петровичъ* исполнить въ точности препорученіе Ваше и темъ оказаться въ

лечит. Мой привет M-me Кламэ, прошу ее не забывать меня. Тысячу поцелуев моей дорогой племяннице, ах как бы я желала иметь точно такую же свою.

* Моя очаровательная и любезная сестрица!
Имел удовольствіи получить Ваше письмо от 9-го сего месяца и спешу Вам на него ответить.

** Для времяпрепровождения.

*** Итак, прощайте, прелестная сестрица, будьте всегда здоровы, как и Ваша хорошенькая маленькая Анет, которую тысячу и тысячу раз обнимаю от всего моего сердца, и не забывайте преданного по гроб жизни
Жан де Леслей.

чемъ-нибудь Вамъ угоднымъ. Le jeune homme en question* кажется не съ большимъ состояніемъ, Дульцінея же его имѣетъ 100 душъ et pour lui ce n'est pas un parti à dédaigner**, впротчемъ я сужу по поверхности и въ обстоятельства их мне нетъ нужды вникать.

Скажу Вамъ про себя, любезнейшій братецъ, что я со дня на день ожидаю перевода в *киросиры* въ бригаду къ Уварову, и естьли каким-либо несчастнымъ случаемъ оной не воспоследуетъ, то я также рѣшился идти въ отставку, ибо служить въ нашемъ Гренадерскомъ корпусѣ невозможно, во-первыхъ награжденія совершенно никакого нетъ, а во-вторыхъ, убивать свое здоровье по милости Остермана трёхъ месячнымъ лагеремъ и въ перспективѣ не имѣть ничего, кромѣ неудовольствій, интригъ, и проч. и проч., согласитесь сами, что подобная сему служба хуже каторги.

Итакъ позвольте мнѣ в заключеніе письма моего пожелать Вам почтеннѣйший братецъ совершеннаго здоровья и всего того, что можетъ послужить къ благополучію Вашему и равно просить Васъ не забывать того, кто съ душевнымъ къ Вамъ почтѣнием за честь поставляетъ называться покорнѣйшим Вашимъ слугою

*Лесли****.

---

* Молодой человек, о котором идет речь.

** Партия, которой ему не следует пренебрегать.

*** Иван Александрович Лесли (1800—1879 г.г.). Служил в Екатеринославском гренадерском полку с 1815 г. (прапорщиком) и вышел в отставку штабс-капитаном в 1822 г. из того же полка. Женат на Александре Сергеевне. Имелось в Бельском уезде при с. Рохлино 300 душ. Служил уездным предводителем по Бельскому уезду 1844—1846 г.

Дочь Владимира Ивановича Лыкошина, брата Анастасии Ивановны Калечицкой, Ольга Владимировна вышла замуж за сына Ивана Александровича Лесли, Петра Ивановича. Внук Ивана Александровича — Иван Петрович Лесли, ныне благополучно здравствующий, секретарь Смоленского Губернского Дворянского Собрания, автор обстоятельного изследования «*Смоленское Дворянское Ополчение 1812 года*», изд. Смоленского Дворянства, а также статьи, помещенной в «Историческом» Вестнике за 1913 г. «*Прием Смоленским Дворянством Наследника Александра Николаевича*», характеризующей простоту прежней жизни, и интереснейшей работы «*Жизнь помещиков три четверти века назад*», сделанной на основании рас-

17

Moscou, le 14 Juin
1823

Madame!

Pardon si je viens encore vous causer quelque embarras, mais une circonstance particulière me force à vous prier de me mander si vous avez pris en votre nom ou au mien le billet de loterie que vous avez bien voulu prendre pour moi. En vous priant d'excuser la peine que je vous donne, j'ai l'honneur d'être, Madame, votre très humble et très obéissant

serviteur
H. Masson

Veuillez adresser votre réponse à Mr. Iacob Petrovitsch Kiouri, à la Spiridona, maison de Mr. Alexandre Ivanovitsch Vasiltschikow, à Moscou (pour remettre à M. Masson). Oserais-je vous prier de présenter mes respects à Mr. Kaletschitzki *.

18

Scherepovo
le 17 Juin
1821

Monsieur,

Je suis charmé d'apprendre des nouvelles de votre charmente petite: tachez d'observer si la douleur picoté qu'elle éprouve est extérieure ou profonde; dans le cas où elle serait extérieure, vous

---

ходных книг Калечицких из Бобровского архива покойной Анны Алексеевны Рачинской.

* Москва, 14 июня
1823 г.

Милостивая Государыня!

Простите, что опять беспокою Вас, но некоторые обстоятельства заставляют меня просить Вас сообщить мне, взяли ли Вы на мое имя или на свое лотерейный билет, который Вы согласились достать для меня. Извиняюсь за причиняемые Вам хлопоты, имею честь быть, Милостивая Государыня, Вашим покорнейшим и послушным

слугой
Массон

Соблаговолите адресовать Ваш ответ Якову Петровичу Кюри, Спиридоновка, дом Александра Ивановича Васильчикова. Москва (для передачи Массону). Осмеливаюсь просить Вас засвидетельствовать мое почтение г-ну Калечицкому.

n'avez qu'à la frotter avec de l'esprit de savon, si au contraire elle est profonde et forte, empêchant la respiration d'être libre, appliquez un cataplasme de farine de graine lin. Quand à la toux qu'elle éprouve et qui ne parait pas forte, vous n'avez qu'à la combatre à l'aide d'un régime doux et d'une tisane faite avec ce que je vous envoi et dont vous ferez bouillir une pincée dans une petite bouteille d'eau ou le verres pendant 2 ou 3 minutes; elle en boirede tems en tems une tasse tiède edulcorée avec la miel. Assurez Madame de mon respect, donnez un baiser à vos deux petites et croyez Monsieur au sentimens d'estime et d'amitié de votre très humble serviteur *.

Dr. Mandilèny **

19

Scherepovo
le 27 Août
1821

Monsieur,

C'est avec beaucoup de plaisir que j'ai reçu du vos nouvelles. Loin de m'importuner vous m'obligez en m'offrant l'occasion de vous être de quelque utilité. Soyez convainca que je ferai tout ce que sera possible pour le jeune homme que vous m'avez envoyé,

---

* Шерепово
17 июня
1821 г.

Милостивый Государь!

С большим удовольствием получил я известие относительно Вашей прелестной девочки. Постарайтесь заметить, поверхностная ли или глубокая та боль, которую чувствует она в боку: если поверхностная, то Вы просто натрите ее мыльным спиртом, если же глубокая и сильная, мешающая свободно дышать, приложите припарку из льняного семени. Что же касается кашля, который у ней не кажется сильным, его просто побороть легким режимом и настойкой из того лекарства, что я Вам посылаю, вскипятите щепотку в маленькой бутылке или в стакане, 2 или 3 минуты, и пусть она пьет через некоторые промежутки чашку этой настойки в теплом виде, подслащенную медом. Засвидетельствуйте мое почтение Вашей супруге, поцелуйте Ваших двух девочек и верьте, Милостивый Государь, в чувства уважения и дружбы Вашего покорного слуги

Др. Мандилени

** Доктор Мандилени жил у Миляшевых, соседей по Щелканову.

mais à ce moment je ne puis rien faire pour lui en l'absence de mes instrumens qui arrivent enfin de Petersbourg et que je recevrai dans une 15-e de jours, s'ils ne sont pas perdus. D'après ce que j'ai vu votre homme a une maladie grave du sinus maxillaire, je ne puis encore assurer si c'est un abcès dans cet os ou une autre altération de ce même os. Quoiqu'il en soit son mal se lié à une dent gâtée dont la racine penètre vers la cavité ou siège le mal, il faut l'arracher et pénétrer dans cette cavité avec l'instrument tranchane. Cette opération ne laisse pas d'être douloureuse comme ensuite, il faut pendant quelque tems un traitement suié, je pense que vous n'auriez rien de mieux à faire que de le laisser ici au lazaret pendant quelque tems, en demandant l'agrément à Mr de Milacheff qui est trop obligeant pour ne pas s'empresser de le donner avec plaisir.

Je souhaite que vos santés soient très bonnes et qu'elles ne se ressentent pas des vissicitudes de la saison. Présentez mon respéct à M-me Votre épouse et embrassez vos aimables enfants pour moi. Agréez Mousieur l'assurance de la considération et du dévouement

de votre tres humble
et obéissant servitenr
Dr. Mandilèny *.

---

* Шерепово
27 августа
1821 г.

Милостивый Государь!

С большим удовольствием получил я известия от Вас. Тем, что даете Вы мне возможность быть Вам хоть чем-нибудь полезным, Вы нисколько не отягощаете меня, напротив, обязываете меня. Будьте уверены, что я сдѣлаю все возможное для молодого человека, присланного Вами, но в данную минуту я ничего не могу сделать для него, пока нет у меня инструментов, которые наконец должны прибыть из Петербурга и которые я получу дней через 15-ть, если они не затерялись. Поскольку могу я судить, Ваш молодой человек страдает тяжкой болезнью челюстной пазухи синуса; я не могу еще утверждать, нарыв ли это в кости, или какое другое изменение этой кости. Хотя боль его соединяется с испорченным зубом, корень которого проникает к полости, где находится боль, надо его выдернуть и проникнуть в эту полость острым инструментом. Эта операция не будет болезненной, как и последующая, надо в продолжение некоторого времени тщательный уход, я думаю, самое лучшее, что можете Вы сделать, это временно оставить его здесь в лазарете, ис-

20

Madame
Madame de Kaletchisky
à Scholkanovo

Scherepovo
le 17 Octobre
1822

Je vous envoie, Madame, la recette d'une poudre dentifrice pour votre aimable sœur, je désire de grand cœur qu'elle puis de lui conserver ses belles dents et j'ai lieu d'esperer qu'elle en sera satisfaite par l'effet que je lui ai vu produire sur l'autres personnes. Ce petit mot, Madame, n'est pas écrit à l'occasion de l'envoi de cette recette, mais bien pour vous témoigner ainsi qu'a toute votre famille combien j'ai été sensible à l'interet que vous m'avez marqué bien certain que je suis que ces témoignages flatteurs ne sont pas tous pour le docteur. Aussi croyez que je sais les apprecier comme ils le méritent et que j'éprouve de bien pénibles regrets en pensant qu'il est très probable que je m'éloignerai beaucoup de vous, car sans en avoir la certitude entière j'ai lieu de penser que Moscou sera le but de mon déplacement d'apres ce que je viens d'en apprendre, mais quoique éloigne de vous ne craignez pas que je vous oublie, car, même par égoisme, je dois me me rappeler toutes les douces émotions que j'ai éprouvées et en conséquence je m'empresserai toujours d'avoir de vos nouvelles et de saisir l'occasion de vous revoir. Jouissez, Madame, du bonheur qui vous entoure et que vous méritez, jouissez surtout de votre excellente et respectable mère qui ma si tenrement et si douloureusement rappelé la mienne, vous l'avez pres de vous, mais moi je suis seul. Adieu bien, chère dame, conservez de votre amitié à celui qui vous en a vouée une sure et durable

Votre devoué serviteur
Mandilèny

просив согласие у г-на Миляшева, который слишком обязан, чтобы не поспешить дать его с удовольствием.

Желаю, чтобы здоровье Ваше было бы прекрасным и не поддалось бы капризам сезона. Передайте мое почтение Вашей супруге и поцелуйте от меня Ваших милых деток. Примите, Милостивый Государь, уверение в уважении и преданности

Вашего покорного
и послушного слуги
Др. Мандилени.

N'oubliez personne de la maison de ma part, je vous prie, pas même les absents au dela du Dnieper*.

Красная печать

21

Moscou
le 23 Mai
[1823]

Madame,

Mon mari étant absent lors de la réception de votre lettre et un nouveau dépar l'empechant d'y répondre c'est moi, Madame, qui

---

* Шерепово
17 октября
1822 г.

Посылаю Вам, сударыня, рецепт зубного порошка для Вашей любезной сестрицы, от всего сердца желаю, чтобы могла она сохранить с его помощью свои прелестные зубки, и я имею основание надеяться, что она будет довольна действием, которое, я видел, производит он на других. Сии несколько слов, Милостивая Государыня, написаны не по случаю посылки этого рецепта, но чтобы, пользуясь этим случаем, выразить Вам и всему семейству Вашему, сколь чувствителен был я к тому вниманию, которое Вы мне оказывали, несмотря на то, что я вполне уверен, что эти лестные свидетельства не относились только, как к доктору. Верьте же, что я знаю цену, которую они заслуживают, и я испытываю большое огорчение при мысли, что очень вероятно придется мне очень удалиться от Вас, ибо, не имея в этом полной уверенности, имею основание думать, что Москва будет пунктом моего перемещения, поскольку я узнал об этом, но хотя и удаленный от Вас, не подумайте, что я забуду Вас, уже в силу одного эгоизма я должен припомнить все нежные чувства, испытанные мною, и вследствие этого я буду стараться всегда иметь от Вас известия и добиваться случая Вас увидеть. Наслаждайтесь, сударыня, счастьем, которое Вас окружает, и которого Вы заслуживаете, наслаждайтесь особенно вашей прекрасной и достойной матерью, которая мне столь нежно и столь горестно напомнила мою, она с вами, а я — один. Прощайте же, дорогая, сохраните дружественное отношение Ваше к тому, кто посвятил Вам свою верную и долгую дружбу

Ваш преданный слуга
Мандилени

От меня никого не забудьте из домашних, прошу Вас, даже отсутствующих, по ту сторону Днепра.

me suis chargée avec le plus grand plaisir de vous faire part de la reussite des demarches qu'il a faites pour ce que vous désirez. J'ai donc vu Miss Blackwood qui me parrait une charmante personne, elle me dit n'avoir point reçu la lettre de Madame votre sœur ainsi je lui ai fait part de tout ce que vous saviyez de la personne qui doit être auprès de votre enfant. Elle accepte donc d'entrer dans votre maison pour mille roubles assignation de banque par an et être défrayée de son voyage pour aller et revenir dans le cas que vous ne vous conviendriez plus ou que quelque circonstance l'exige. C'est tout ce que je puis vous dire Madame à son sujet l'ayant priée d'écrire elle même à Madame votre belle-sœur la lettre que vous trouverez ci-jointe, elle a donnée sa parole à Mr. Gourieff chez qui elle est d'accompagner son élève à la campagne près de Toula, et que pour le 8 Juillet elle serait à Moscou. Si donc vous pouvez envoyer l'équipage pour cette époque et lui donner une réponse avant son départ pour la campagne qui est très prochain, elle se regardera comme engagée à sa parole et ses appointements comptant du 8 Juillet.

Quant à votre désir d'envoyer l'èquipage et de l'argent chez nous, je suis bien fachée, Madame, que cela ne soit pas possible, car à cette époque il est très probable que nous serons à la campagne qui à 50-es d'ici. Mon mari y est actuellement avec le generai Apraxin. Le temps, les chemins et ma santé m'ont forcé de rester pour le moment et c'est ce qui m'a procuré l'avantage de vous être utile, Madame, j'espère que si je ne puis l'être aujourd'hui autant que je voudrais, vous voudrez bien une autre fois disposer de moi pour toute autre chose et croire que si c'est en mon pouvoir je ne négligerai rien, en profitant de mon offre vous me prouverez, Madame, que l'épouse de celui que Vous honorez de votre confiance, ne vous déplait pas de loin et que si un jour elle a l'avantage de faire votre connaissance elle ne vous sera pas absolument etrangere. C'est avec les sentiments, Madame, que j'ai l'honneur d'être votre très dévouée

A. Mandilèny *

---

* Москва
23 мая
[1823 г.]

Милостивая Государыня!

Мой муж был в отлучке во время получения Вашего письма и новый отъезд препятствовал ему ответить, и вот я берусь с удо-

22

A Madame
Madame de Kalétchitsky
chez elle

Le 15 Decembre
[1820]

Je viens de recevoir votre charmant billet pour Barbe, qui étant envoyée par M-me Kaversnef pour la fête de son mari, y est allée par notre persuation. Recevez ma toute aimable *Настасья Ивановна* mes remercimens pour la jolie romance que vous avez eu la complaisance d'envoyer à ma sœur. J'apprécie infinement l'intéret

---

вольствием сообщить Вам о успехах, сделанных им в том чего Вы желаете. Я уже видела мисс Блэкуд, которая мне показалась очаровательной особой, она мне сказала, что никакого письма ею не получено от Вашей сестры, тогда я ей сообщила все то, что Вы хотите от особы, которая должна быть при Вашем ребенке. Она соглашается поступить к Вам в дом за тысячу рублей ассигнациями в год и чтобы оплачена ей была дорога в случае, если вы не сойдетесь, или если потребуют какие-либо обстоятельства. Это все, что я могу сообщить Вам, Милостивая Государыня, на ее счет ибо я просила ее, чтобы она сама написала Вашей бель-сер письмо, при сем прилагаемое, она дала слово г-ну Гурьеву, у которого она сопровождает своего ученика в деревню близ Тулы, и что к 8 июлю она до ее отъезда в деревню, который очень близок, она считала бы себя связанной словом и ее жалование началось бы с 8 июля.

Что касается Вашего желания послать к нам экипаж и деньги, то это, к огорчению моему, невозможно, так как в это время очень вероятно, что мы будем в деревне, отсюда за 50 верст. Мой муж в настоящее время там с генералом Апраксиным. Погода, дороги и мое здоровье вынудили меня остаться на некоторое время и это дало мне возможность быть Вам, Милостивая Государыня, полезной, и если теперь я не могу быть столь полезной, как хотела бы, я надеюсь, Вы не откажетесь в другой раз располагать мною по другим делам и верить, что не премину сделать все, что в моих силах. Пользуясь моим предложением, Вы мне докажете, Милостивая Государыня, как супруге того, которого Вы почтили Вашим доверием, что она Вам не неприятна, и если в один прекрасный день она будет иметь случай познакомиться с Вами, она не будет Вам совсем чужой. Вот с какими чувствами, Милостивая Государыня, имею честь быть

Вам преданная
А. Мандилени.

que vous prenez à la santé de Maman qui se joint à moi pour vous en témoigner sa reconnaissance et c'est avec un plaisir incaprimable que je puis vous dire que les bains d'herbes lui font un grand bien. Quoique sa santé varie encore beaucoup, mais Dieu mercie, par un peu Maman va mieux. Recevez l'assurance de nos sentimens pour vous, avec les quells que suis pour la vie

Votre toute dévouée
Marie Baradulitch

P. S.

Mille choses honnêtes et aimables de ma part à votre cher époux, j'embrasse tendrement la charmante demoiselle Annette *.

23

[1821]

Recevez chère et bieu aimable *Настасья Ивановна*, votre livre et vos nottes que je vous renvoie avec bien de la reconnaissance. Puisse-je à l'avenir égaler votre complaisance. Dernièrement en vous quittant nous avons emporté le souvenir de votre aimabilité et le desir de vous revoir plus souvent. Si ma sœur Елизавета Яковлевна est encore chez vous, voudrez-vous bien me dire, comment va sa santé. Ma société vous prie d'agréer son sincère dévouement,

* 15 декабря
[1820]

Я только что получила Ваш очаровательный билет для Барб, которая, будучи послана M-me Каверзневой на именины ее мужа, по нашему предположению приехала туда. Примите, любезнейшая Настасья Ивановна, мою благодарность за Ваш прекрасный романс, который Вы были так любезны послать моей сестре. Я бесконечно ценю Ваше участие в здоровье Maman, которая присоединяется ко мне, чтобы засвидетельствовать Вам свою признательность, и могу сообщить Вам с неподдельным удовольствием, что травяные ванны приносят ей большую пользу. Хотя ее здоровье еще очень неустойчиво, но, благодаря Бога, понемногу Maman выздоравливает. Примите уверение в наших чувствах к Вам, с которыми я остаюсь по гроб жизни

Вам преданная
Мария Барадулич.

P. S. Тысячу наилучших и почтительнейших пожеланий от меня, обнимаю нежно очаровательную Анет.

mille choses honnêtes à votre cher époux, j'embrasse de tout mon cœur votre charmante Annette et vous prie de me croire à jamais

Votre toute devouée
Marie de Baradoulitsch *

24

[1821]

Comme vous etes indulgente mon aimable et chère sœur, de ne m'avoir rien dit pour mon peu d'exactitude à vous envoyer les dessins que vous aver desiré avoir. Je m'empresse à répdrer mes faute et vous envoye ce que j'ai pu trouver de mieux. Je vous remercie beaucoup pour le registre que vous avez eu la complaisance de me prêter, il m'a beaucoup aidé dans mes embarras actuels, je joins aussi un petit cahier de médecine que vous avez desiré avoir. Adieu, mon aimabe et chère sœur, je me recommande à voire agrèable souvenir et suis pour toujours

Votre toute devouée
aimée
Baradoulitsch **

---

* [1821]|

Примите, дорогая и любезнейшая Настасья Ивановна, Вашу книгу и ноты, я возвращаю их Вам с большой признательностью. Если бы могла я когда-нибудь отплатить Вам за Вашу снисходительность! В последний раз, покидая Вас, мы унесли с собой память о Вашей любезности и желание видеть Вас чаще. Если сестра моя Елизавета Яковлевна еще у Вас, не сообщите ли мне о ее здоровье. Все наши просят принять их искреннюю преданность, тысячу наилучших пожеланий Вашему любезному супругу, от всего сердца обнимаю Вашу очаровательную Анет и прошу верить, навсегда

Вам преданная
Мария Барадулич.

** [1821]

Сколь снисходительны Вы, моя любезная и дорогая сестрица, ничем не попрекнув меня за мою неаккуратность в присылке Вам рисунков, которые Вы желали. Спешу исправить мою ошибку и посылаю Вам все, что могла найти лучшего. Очень благодарна Вам за регистр, который Вы были так любезны одолжить мне, он мне много помогает в нынешних моих затруднениях, прилагаю также небольшие записки по медицине, которые Вы желали иметь. Прощай-

25

14 ноября
1823 года
Москва

Любезнейшыи родныи
Петръ Петровичъ
и *Настасьія Ивановна*!

Къ сожалению нашему, жывучы въ Москве пачти месяцъ, отъ васъ ни одной строчки не получали. Я знаю любезнаго маего Красенскии заботы, но за всемъ темъ уделилъ бы отъ своихъ делъ писменыхъ хатя некоторое время насъ о себя известить, что насъ много утешыло, надеюсь въ ономъ вы намъ не откажытя, уведомитя о всехъ новостяхъ, а также сведение дадитя о Герчекове, мимоездомъ прошу тебя заехать посмотреть. Мы пожываемъ давольно приятно, а только грусно, что мая Палагея Івановна кашлеитъ и по сие время, ещо никуда не выежала, домъ мы имеемъ очень выгодной одной госпожы Горчаковой против Алениной, съ катораю я познакомился, пачтеная и хорошая дама. Ожыдая вашего извещения, остаюсь

вамъ искрено раднымъ
Петръ Корбутовскій *

Любезною Анюту цалую.

те, моя любезная и дорогая сестрица, поручаю себя Вашей доброй памяти и остаюсь навсегда

Вам преданная
и любящая
Барадулич

** Петр Михайлович Корбутовский – дядя Анастасии Ивановны Калечицкой, родной брат Анны Михайловны Калечицкой, «матери Пьеровой, почтеннейший и добрейший старик, женатый на Храповицкой Палагее Ивановне, ласковой и весьма внимательной женщине. Они живут в семи верстах от нас в Герчикове в прекрасном доме, окруженном садами, гдехотя не бывает роскошных праздников, но всегда беспрерывный приезд родных и знакомых, с гостеприимством принимаемых». Под 1834 г. в Записках Анастасии Ивановны рассказывается о кончине Петра Михайловича. «В Смоленске скончался добрый дядя Петр Михайлович Корбутовский, честный и благородный старик, который постоянно оказывал мне самое доброе расположение. В тяжкой болезни он с терпеньем переносил мучительные операции катетера, и при последних минутах меня

* * *

И я вамъ, мои любезныи лениваи радныи! усердной поклонъ посылаю, а Анютачку милаю целую, и желаю, чтобъ вы были здоровы.

Палагея Корбутовская

* * *

Уведомтя, какии цены на хлебъ.

Петръ Корбутовскій

26

[1823 г.]
[Москва]

Любезнейшая родная
Настасия Ивановна!

Очень Вам благодарны, что доставили намъ удовольствие знать объ Васъ, мы здесь по своему обыкновению проводимъ довольно приятно, только и грусно, что мы розно съ вами, любезными родными. Отъ нашего Петра Петровича одно писмо только получыли, очень радъ, что оне въ своихъ желанияхъ успели, полагаю, что онъ долженъ скоро возвратится. Прошу насъ о себя и его возвращении уведомить. При желании моемъ быть здорову и любезную Анюту за меня поцеловать остаюсь

Вам іскрено роднымъ
Петръ Корбутовскій

Прошу сказать мое почтение Милостивой Государыни Митропии Івановне и Марии Ивановне*.

особенно тронуло спокойствие и присутствие духа, с каким этот простосердечный человек встретил смерть. Он сделал знак рукою жене, чтобы она удалилась в другую комнату, тогда перекрестился и тихо скончался... Он умер бездетен, и его имение наследовали Калечицкие, дети сестры его (Яков, Петр и Михаил Петровичи), за исключением части, доставшейся по завещанию его тетушке Пелагее Ивановне и сыну другой сестры, от второго брака бабушки княгини Февронии Федоровны, Владимиру Степановичу Храповицкому. Мы никогда не ожидали этого наследства, всегда слыша от родных тетушки что все имение передано ей по векселям; но каким образом случилось иначе, это для нас загадка».

* Миропия Ивановна Лыкошина, мать Анастасии Ивановны, Марья Ивановна, сестра Анастасии Ивановны, по мужу Рачинская.

* * *

Очень благодарна, моя любезная *Настасия Ивановна*! за уведомления. А мы такъ долго не имевши объ Васъ известия, очинь беспокоились. Надеюсь, нашъ Петръ Петровичъ скоро возвратитца. Братъ Иванъ пишитъ, что Петруша принятъ въ Юнкерскую школу, и мы сердечно порадовались. Теперь дай Господи любезной Маріи Ивановне кончить благополучно свои обстоятельствы, и прошу насъ объ етомъ уведомить. Мы все ето время были здоровы, но со вчерашнего дни я нихарашо себя чувствую, у меня съ приезда еще сюда заделасъ сыпъ на спине и я полагала, что она сама по себе пройдетъ, и ни хатела брать доктора, но со вчерашняго дни ана такъ меня безпокоитъ, что принуждена была послать за Мудровымъ и ожидаю его. Милостивой Государыни Миропиі Ивановне и Маріи Ивановне прошу сказать мое почтения. Милаю Анюточьку целую. Желаю, чтобъ Вы были здоровы и астаюсь

Вамъ уседная радная
Палагея Корбутовская.

27

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Петру Петровичу
Калечицкому
въ Белой

20 декабря
1826 году
Москва

Любезные мои родныи
Петръ Петровичъ
и *Нястасия Ивановна*!

Съ наступающемъ Праздникомъ и Новымъ Годомъ усерднейше васъ, мае милае, поздравляю. Дай Господи вамъ, сердечно желаю и съ милаю Анюточькаю провести его благополучно въ совершенномъ здоровиі и спокойствиі. Равно поздравляю почтенною Миропию Ивановну и любезныхъ радныхъ Марию Ивановну и Виктора Денисовича и съ новорожденнымъ сыномъ, — ето известия насъ очинь обрадовало. Полагаю, что вы все теперь вместе наслаждаитесь приятнымъ свиданиемъ и по-

здравляю васъ съ етимъ удовольствиемъ. Ежели наши Михаилъ Петровичъ и Александра Петровна теперь въ вашей стороне, скажитя и имъ мое поздравления и желания. Мы точно съ ними въ жмурки играимъ, что нигде ихъ ни поимаимъ: писали ане, что едутъ въ Белаю, мы туда къ нимъ два письма адресовали, и посли узнали, что ане еще въ Клемятине, и туда писали, не зная точно где ане, решилисъ подождать писать, пока узнаемъ верное. Спешу очинь на почту, по чему и ни продолжаю. Целую васъ и остаюсь

вамъ усердная родная
Палагея Корбутовская

* * *

Любезнейшые родные!

Полагаю, судя по дороги, что нашъ Петръ Петровичъ и Викторъ Денисовичъ возвратились и все вы оной праздникъ праводитя въместе, всехъ васъ усерднейше поздравляю, желая всехъ вамъ благъ и получыть скарея отъ вас уведомление

искрено вам родной
Петръ Корбутовскиій

Гербовая красная печать.

28

21 декабря
1826 году
Москва

Любезныи ми радныи
Петръ Петровичъ
и *Настасия Ивановна*!

Севоднешней день мы были очень обрадованы получениемъ твоего писма изъ Петербурга о выезде вашемъ съ Владимиромъ * въ своясы. Какъ съ симъ, такъ и наступающымъ праздниками васъ поздравляю и желаю всемъ вамъ весело и здоровымъ проводить. Интересно мне знать, какъ нашъ Владимеръ разделался. Я очень старался ему помочь денгами и въ многихъ моихъ знакомыхъ, на которыхъ и надеялся, но генерально все обезденежели, не могъ достать. По нынешнему времени долж-

* Владимир Степанович Храповицкий.

но каждому быть бережливея. Ожыдать буду вашего уведомления и остаюсь

вамъ іскренно раднымъ
Петръ Корбутовскій

Любезною Анюту мыслено целую.

* * *

Мы вчера отправили къ вамъ, любезнаи радныи! наша поздравления въ Белаю, а на этой почте получа севодни извещения о выезде въ Щелканова, пишимъ въ Смоленскъ. Мы точно за вами гоняемся, и нигде васъ ни поймаемъ, все Калечицкіи нонечи принеосновательнаи стали. А здесь Григорій Николаевичъ* семь летъ выежжаитъ и все не едитъ и, кажитца, не только святки, но и долия пробудутъ, потому что равно все не хочутъ съ Москвою растатся. Желательно намъ теперь получить известия о вашем приезде, тогда уже поверимъ, что вы точно на месте, а то всіо еще не веритца и не знаешъ, где васъ поймать. Целую Васъ и милаю Анюточьку и сердечно желаю, чтобъ вы были здоровы

вамъ усердная родная
Палагея Корбутовская.

29

Любезному моему родному
Петру Петровичу
Калечицкому
въ Бобровкѣ

[1835]
20 октября

Любезныи мои родныи
Петръ Петровичъ
и *Анастасія Ивановна*!

Очень вам благодарна за удовольствіе, которое вы мнѣ доставляете вашими письмами. А милая моя Анюта ужасно стала лѣнива, даже не отвѣчает мнѣ на вопросы по ея же порученію. Я къ ней послала квитанцію на ея денги, и спрашивала, отдать ли остальной цѣлковый Маргаритѣ на башмаки ея племянни-

* Григорий Николаевич Калечицкий, сын Николая Михайловича Калечицкого.

цы? — а она не изволила мнѣ отвечать. Прошу увѣдомить, какъ прикажет? Очень рада, что Петръ Петровичъ сталъ разсудителенъ и не собирается на свадьбу, которая не знаю, была или будетъ. Даже и въ Клемятинѣ не знаютъ, гдѣ Павел М. и когда свадьба? А я это время все очень нездорова, завтра пошлю къ Ф. С. просить совѣта.

Милаго моего Николиньку и Мишиньку прошу за меня поцѣловать. И душевно желая, чтобъ вы всѣ были здаровы, остаюсь навсегда

Вамъ усердная родная
Палагея Корбутовская.

Красная печать.

30

[1835]

. . . .
. . . .
. . . .

упрямится, презабавная дѣвочка, и кто только..., то всѣ равно говорятъ, что подобной полуторо-годовой такой прелесной не видали. Меня какъ увидѣла, так и бросилась ко мнѣ и во все время что я ее цѣловала, она все ласкалась. . . . .

всегда

вам усердная родная
Палагея Корбутовская

Всемъ знакомымъ, кто меня помнетъ, прошу отъ меня кланитца.

4. Живая жизнь
Письма Пестелей
1824–1827

Живая жизнь — это очень трудно да еще и бессмысленно. Но как летучей мыши нужна тьма, так человеку смысл — и что бы ни начать рассказыватъ о жизни, все выходит, как по-писанному, т. е. обдуманно, а значит, осмысленно, и уж видишь не живую жизнь, а воображаемую — осмысленную. Только при

навыке запоминать сны, они и рассказанные живы «живой жизнью» — трудной и бессмысленной. Да еще есть щелка, кое-что можно увидеть из этой живой жизни — разглядеть «растительный процесс» жизни, и это дают письма, о которых автор никак не думал, что попадут в печать.

Вот для примера из сегодняшнего: на обрывышке записка, нашел, на столе оставлена —

> «Поправила. Были только запятые. Поела картошки и яйца, оставила картошку для тебя, сжарю, когда приду. Я пошла к Г-ым, тоска у меня неутомимая, и слезы льются сами из глаз, кушай без меня телятину».

*

В литературных произведениях, т. е. в изображении воображаемой жизни, всегда осмысленной, даже когда рассказывается, как едят и пьют, рожают и умирают, всегда выходит очень «духовно». А самые завязи — эти ломтики (листики) сырые, чуть скользкие и парные, головная боль, которая занимает такое первое место в человеческой жизни, всякие слезы, рев и стон — — Впрочем, литературные произведения, если бы за таким погнались, было бы сущее недоразумение. Нет, только сны да кое-что из нелитературных писем открывают о «живой жизни».

Переписка соседей — письма Пестелей Колечицким — из Васильева в Щелканово (Крансненского уез. Смоленской губ.)

— — стихи Ламартина (Lamartine, Méditations poétiques, Paris, 1820) — именины, рожденье — болезнь — первый осенний путь — доктор Забелло (и «докторъ хвораетъ» — непостижимо!) — «Миѳологія» и перевод Франка — бочонки — пивовар, солод — продолговатый картофель — глубокое горе (извѣстие о казни сына) — Шатобриан, Дух христианства (Chateaubriand, Géni du Christianisme, Paris, 1802)—земляничная вода, малиновая, смородиновая — деньги — причащение — служба — —

Не хватает «сплетни» или чего-нибудь такого чудесного, о чем передается с «говорят», но про это, не в письмах, а в дневнике А. И. Колечицкой:

> семидесятипятилетняя бабушка Пестелей, о которой говорят, «что она еще настолько привлекательна, что возбудила страсть въ одномъ молодомъ человѣкѣ, который застрѣлился отъ отчаянія».

*

20 писем Пестелей: 18 по-французски и 2 по-русски. По-русски пишет отец декабриста — Иван Борисович Пестель (1765—1843) сибирский генерал-губернатор, с 1821 г. в отставке, живет в имении жены в Васильеве. Из 18-и французских: 2 письма Софьи Ивановны Пестель, сестры, и 16 — Елизаветы Ивановны Пестель, урожденной Крок, матери. На конвертах печати: по белому красным, по белому зеленым и черные — *Pestel.* Два русских письма написаны с отчетливым произношением и ясными ударениями— при печатании следует обязательно сохранить правописание и читать, как написано (№ 5 и № 20).

Павел Иванович Пестель родился в волшебную Купальскую ночь — 24 июня 1792 г. в Москве, арестован 13 декабря 1825 г., заключен в Алексеевский равелин, камера № 13, и казнен 13 июля 1826 г. 33-х лет. Его письмо из крепости к родителям, о котором поминается в дневнике А. И. Колечицкой, — от 1 мая 1826 г.

Петр Петрович Колечицкий (1792—1867) предводитель дворянства в городе Красном (1823 г.), Анастасия Ивановна Колечицкая, урожд. Лыкошина (1800—1871), их дочь — Анна Петровна (1818 г.), вышедшая замуж за Алексея Антоновича Рачинского, и у нее дети — Анна Алексеевна Рачинская и Григорий Алексеевич, московский философ.

Летний месяц 1912 г. мы жили в Бобровке у Анны Алексеевны Рачинской. Я писал повесть мою «Пятую язву» и слушал рассказы Анны Алексеевны о ее бабушках и дедушках. И затеял «Круг жизни» — в подлинных письмах представить тогдашнюю жизнь обыкновенных людей, о которых по смерти, хоть и поется «вечная память», но никто никогда не вспоминает, а среди которых жил и Грибоедов и Пестель.

Три главы из этого «письмовника» мне удалось напечатать:

I) «Круг жизни» (1817—1826) — письма семейные (12-ть). Заветы, 1914 г. № 3.

II) «Разорение общественно случившееся» (1752—1814) — письма отечественные (20-ть). Сборник «Полон», СПБ. 1916.

III) «Жичливая жена» (1783—1835) — письма хозяйственные (30-ть). Сборник «В год войны», СПБ. 1915.

Письма «письмовника», как и предлагаемые пестелевские письма и из дневника А. И. Колечицкой мне дала переписать Анна Алексеевна Рачинская, а оригиналы остались у нее в Бобровке.

* * *

Из Дневника Анастасии Ивановны Колечицкой.

4 генваря 1826 г.

Я провела весьма пріятный день въ Васильевѣ. Пестели такъ любезны каждый въ своемъ родѣ. Говорятъ, что у него умъ государственнаго мужа, но я люблю въ немъ пріятнаго старика, веселаго, съ умомъ нѣсколько злымъ, и который повѣствуетъ пріятнѣйшимъ образомъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ лучшіе дни и объ отношеніяхъ со многими замѣчательными людьми, это дѣлаетъ бесѣду съ нимъ такой занимательной. Госпожа Пестель, урожденная Крокъ, женщина ума высокаго, украшеннаго познаніями, доступными лишь немногимъ женщинамъ, обладаетъ наивысшимъ умѣніемъ держать себя и искусствомъ вести бесѣду съ безконечной пріятностью. Она провела часть своей жизни при дворѣ въ Дрезденѣ, въ Парижѣ, въ Италіи, удивительно ли, что въ ея обществѣ получаешь столько пользы и удовольствія. Но то, что я уважаю въ ней превыше всего, это душевная твердость, бодрость, заставляющая ее черпать силы въ себѣ самой, пребывая въ самомъ печальном уединеніи, какое себѣ только можно вообразить; и при обстоятельствахъ, которыя сломили бы обыкновенную душу, у нея достаетъ самообладанія поддерживать мужа, дѣлать жизнь его болѣе пріятною, слѣдить за воспитаніемъ дочери, замѣняя всевозможныхъ учителей, однимъ словомъ, нести все бремя тяжкой жизни, и несмотря на это она какъ доброжелательна ко всѣмъ, — скучные сосѣди, говорящіе лишь о капустѣ и рѣпѣ, обожаютъ ее. Поистинѣ эта женщина достойна восхищенія, я гляжу на нее, какъ на великій образецъ для подражанія. Ея дочь, прелестное дитя 15-и лѣтъ ангельской доброты и кротости, будетъ — я въ томъ увѣрена — утѣшениемъ свой достойной матери. Эта милая Софи по доброй волѣ встаетъ въ 5 часовъ

утра, чтобы пораньше окончить свои уроки и посвятить затѣмъ весь день двумъ юнымъ сироткамъ Рейнеръ, коихъ отецъ ея состоитъ опекуномъ. Надо видѣть материнскія заботы, которыя она имъ расточаетъ, и совершеннѣйшій порядокъ, въ которомъ находятся ихъ занятія.

Госпожа Пестель, будучи прекрасной музыкантшей, сыграла намъ маршъ изъ «Волшебнаго стрѣлка» Вебера, — оперы, плѣнившей въ прошломъ году всю Европу.

2 апрѣля 1826 г.

Я навѣщала госпожу Пестель, она въ невообразимомъ горѣ. Сынъ ея сильно замѣшанъ въ дѣлѣ либераловъ. Я поѣхала, чтобы утѣшить ее, но вмѣсто того получила отъ нея урокъ смиренія и бодрости. Душа ея, несмотря на всю ея чувствительность, сильная и крѣпкая. Она обожаетъ сына, она оплакиваетъ его, но все же находитъ въ религіи все необходимое, чтобы противустоять несчастію, утѣшаетъ мужа и дочь и продолжаетъ свои ежедневныя занятія. Эта борьба природы съ разумомъ все же сильно вліяетъ на ея здоровье — она исхудала до крайности. Нѣжная дочь ея столь же благоразумна и покорна, какъ и она, она скрываетъ отъ матери горькія слезы, проливаемыя ею въ тайнѣ. Достойное семейство, никогда не покидаю я васъ безъ восхищенія вашими добродѣтелями и рѣшенія подражать имъ самой. Совсѣмъ иначе дышется возлѣ людей добродѣтельныхъ, мысли облагораживаются и съ наслажденіемъ сознаешь все величіе и красоту добродѣтели.

23 августа 1826 г.

Я возвратилась отъ Пестелей, гдѣ провела три дня, искреннимъ участіемъ къ ихъ горю я заслужила ихъ довѣріе. Лизавета Ивановна показала мнѣ нѣсколько писемъ своей матери, слогъ которыхъ восхитителенъ, особенно послѣднее, написанное черезъ нѣсколько часовъ послѣ ужасной вѣсти объ ихъ несчастіи, где она съ такимъ чувствомъ говоритъ объ ихъ бѣдной заблудшей овцѣ, какъ она называетъ его, и болъ ея полна смиренія и вѣры. Трудно повѣрить, глядя на этотъ почеркъ, такой твердый и красивый, что это рука 75-тилѣтней женщины. Говорятъ, что она еще настолько привлекательна, что возбудила страсть

въ одномъ молодомъ человѣкѣ, который застрѣлился отъ отчаянія.

Но что мнѣ доставило горькую радость, это письмо злосчастного *Павла Пестеля*, написанное за нѣсколько часов до смерти. Какая благородная душа, какая возвышенность чувства, какая нѣжная привязанность къ матери. Нѣтъ, человѣкъ мыслящій такъ при приближеніи послѣдняго часа не можетъ быть *тѣмъ чудовищемъ, какимъ намъ его представляли*.

Онъ проситъ свою мать, ту, которая такъ хорошо знаетъ его, не вѣритъ всему тому, въ чемъ его обвиняютъ; онъ признаетъ, что можетъ упрекнуть себя въ заблужденіяхъ, но онъ говоритъ, что сердце его никогда въ нихъ не участвовало и, что если бы пришло время дѣйствовать, то сердце его исправило бы заблужденія разума. Выраженія любви его къ родителямъ крайне трогательны. Онъ горько упрекаетъ себя въ томъ, что причиняетъ имъ столько боли и говоритъ, что въ избыткѣ своей любви онъ желалъ бы, если это возможно, быть ими забытымъ. «Я усталъ отъ жизни, говоритъ онъ, и предпочитаю смерть всякому отдохновенію. Но между тѣмъ я желалъ бы жить, чтобы всю мою жизнь посвятить вамъ. Какова бы ни была моя судьба, послѣдній вздохъ мой будетъ вздохомъ любви къ вамъ».

Онъ приглашаетъ мать свою порадоваться тому, что онъ призналъ нынѣ божественность Спасителя, и говоритъ, что вѣра эта дѣлаетъ ему смертъ сладостной.

Я такъ огорчена, что у меня не хватило смѣлости попросить списать это прекрасное письмо, я побоялась возобновить ихъ боль и совершить неловкость.

* * *

1

Насколько благодарна вамъ, Милостивая Государыня, и обрадована тѣмъ удовольствіемъ, какое Вы благоволите съ мадемуазель Аннетъ обѣщать мнѣ на завтра и... настолько же огорчена я лишеніемъ, которое намъ предписываетъ строгій Докторъ, и обстоятельствами, удерживающими Вашего Супруга и обѣихъ барышень въ Щелкановѣ. Соблаговолите взять на себя трудъ засвидѣтельствовать имъ наши сожалѣнія и, принявъ благосклонно почтеніе моего мужа и моей Софьи къ Вамъ и Петру Петровичу, не откажите присоединить къ нимъ и увѣ-

реніе въ чувствахъ уваженія, которое приноситъ Вамъ, *дражайшая и любезнѣйшая* Настасья Ивановна,

Ваша преданнѣйшая слуга

Елиз. Пестель.

Печать: по бѣлому краснымъ.

2

Я въ восторгѣ, Милостивая Государыня, если *Стихотворенія Ламартина* могли вамъ доставить нѣсколько пріятныхъ минутъ, и это увеличиваетъ ихъ цѣну въ моихъ глазахъ.

Мой мужъ и моя дочь свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе и поручаютъ мнѣ быть ихъ посредницей передъ Вашимъ Супругомъ; или, лучше сказать, мы всѣ втроемъ просимъ васъ передать ему наши поклоны и искреннюю благодарность за сообщеніе (которое и прилагается при семъ) и въ особенности за кусты, на которыхъ каждый цвѣтокъ будетъ намъ напоминать о его любезномъ вниманіи.

Примите, Милостивая Государыня, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Ваша преданнѣйшая

Елиз. Пестель.

3

Четверг, 23 іюля.

Примите, Милостивая Государыня, усердное почтеніе, которое мой мужъ, моя дочь и я имѣемъ честь засвидѣтельствовать вамъ, также какъ и вашему супругу, и соблаговолите сообщить мнѣ, будете ли Вы оба дома завтра въ пятницу, и не надоѣдимъ ли мы Вамъ, пріѣхавъ втроемъ провести часть дня въ Вашемъ любезномъ обществѣ, чтобы я могла наконецъ осуществить свое желаніе и намѣреніе, которое давно имѣю, выразить Вамъ, у Вас въ домѣ, чувства уваженія, каковыя и приноситъ Вамъ

Ваша преданнѣйшая

Елиз. Пестель.

4

Мой мужъ и моя дочь, свидѣтельствуя свое почтеніе, присоединяются ко мнѣ, чтобы повторить наши поздравленія съ двой-

нымъ торжествомъ, которое Вы сегодня справляете, и принести Вамъ нашу благодарность за любезную память также, какъ и за пожеланія, которыя Вы были такъ добры выразить моей *имяниницѣ*. Прошу Вашего Супруга принять также выраженіе нашей благодарности. Надѣюсь, что Вы соблаговолите вскорѣ вознаградить насъ за лишеніе, навязанное намъ въ настоящее время обстоятельствами, прошу Васъ, Милостивая Государыня, предупредить меня наканунѣ того дня, который Вы назначите для пріѣзда Вашего въ Васильево — гдѣ мы расчитываемъ задержать Васъ больше дня — такъ какъ, имѣя также въ виду поѣздку, я была бы очень огорчена, если бы наши планы совпали и Вы не застали бы насъ дома, сдѣлавъ намъ удовольствіе Вашимъ пріѣздомъ.

Примите, Милостивая Государыня, увѣреніе въ чувствахъ почтенія, которое приноситъ Вамъ

Ваша преданнѣйшая

Елиз. Пестель.

5

Васильево, 17 Сентябрь 1824.

Къ крайному прискорбію моему лишаюсь я сегодня возможности лично Васъ, Милостивый Государь мой, Петръ Петровичъ, поздравить съ сегодняшнимъ праздникомъ Вашимъ, а потому спѣшу исполнить сіе хоть на бумагѣ. Жена моя и дочь соединяются со мною, чтобы Васъ и почтенную супругу Вашу поздравить со днемъ рождѣнія милой дочѣри Вашей, пожелавъ, чтобы она наслаждалась во всю свою жизнь полнаго удовольствія и всѣхъ техъ благъ, которые Вы сами ей желаете и чтобы она всегда служила вамъ, дрожайшимъ родителямъ ея, совершеннымъ утешѣніемъ и отрадою.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы подтвердить увѣрѣніе в томъ истенномъ почтеніи и преданности, съ какимь я прибываю

Вашимъ покорнейшимъ слугою

Иванъ Пестель.

6

Уже давно, Милостивая Государыня, я напрасно ожидаю счастія принять Вась у себя въ Васильевѣ. Позвольте мнѣ по-

просить Васъ не откладывать дальше сегодняшняго дня и пріѣхать всѣмъ семействомъ, Милостивая Государыня, съ Вашимъ Супругомъ и Вашими милыми Барышнями, пожить въ Вашемъ обычномъ маленькомъ помѣщеніи. Я только что узнала, что Г-жа *Храповицкая Елизавета Андреевна* предполагаетъ пріѣхать провести сегодняшній и завтрашній день у насъ, и я хотѣла бы, особенно на первый разъ, доставить ей самое пріятное общество, которое я всегда считаю праздникомъ для себя. Расчитывая на Вашу доброту и Вашу дружбу, я ожидаю Васъ, насколько возможно раньше, къ обѣду (или, если это невозможно) по крайней мѣрѣ послѣ обѣда, ночевать и т. д. и т. д. и т. д., и спѣшу отправить свое посланіе.

Примите изъявленіе уваженія отъ Васильевскаго Тріо

Ваша преданнѣйшая

Елиз. Пестель.

Печать: по бѣлому зеленымъ.

7

«Лучше поздно, чѣмъ никогда!» — говоритъ пословица. И вотъ поэтому я прошу Васъ, Милостивая Государыня, принять мою благодарность нѣсколько запоздавшую, но не менѣе оттого чувствительную, за любезное вниманіе, которое Вы оказали мнѣ,приславъ копію письма нашей несчастливой и чудной Императрицы *Елисаветы.*

Я все надѣялась видѣть Васъ у себя въ Васильевѣ съ первымъ осеннимъ путемъ, но, повидимому, обстоятельства рѣшили иначе. Выражая Вамъ по этому случаю свое сожалѣніе, прошу Васъ позволить мнѣ, Милостивая Государыня, поручить Вашему попеченію *Алекс. Аф. Горямыкину*, которая находится въ эту минуту у Васъ. Если она не настолько счастлива, чтобы остаться при Вашей особѣ въ какой-нибудь должности (что превзошло бы какъ ея желанія, такъ и сестры ея), соблаговолите по крайней-мѣрѣ постараться доставить ей хорошее мѣсто среди многочисленныхъ Вашихъ знакомыхъ, которыхъ наступленіе выборовъ заставило собраться въ настоящее время въ Смоленскѣ. Эти молодыя особы, обѣ съ прекраснымъ характеромъ и очень искусныя во всѣхъ рукодѣліяхъ, *чрезвычайно достойны сожалѣнія.* Вы сдѣлаете доброе дѣло, доставивъ, средство къ существованію младшей изъ нихъ, которую я особенно

поручаю Вашему покровительству, и я вамъ буду за это, со своей стороны, также очень благодарна.

Мой мужъ и моя дочь приносятъ Вамъ изъявленія своего почтенія и просятъ Васъ со мной напомнить о насъ Вашему Супругу и прелестной мадемуазель Аннетъ.

Примите, Милостивая Государыня, увѣреніе въ чувствахъ уваженія, которое приноситъ Вамъ

Ваша преданнѣйшая

Елизавета Пестель.

8

Барышни Горямыкины, возвратившись изъ Смоленска, сообщили мнѣ, Милостивая Государыня, что мы скоро будемъ имѣть честь видѣть Васъ у себя. Съ истиннымъ огорченіемъ узнала я послѣ этого о печальномъ обстоятельствѣ, отнявшемъ у насъ пріятную надежду. Теперь, когда Вы, благодареніе Богу, вполнѣ оправились, я надѣюсь, что зима, установившись вскорѣ основательно, не лишитъ насъ надолго удовольствія, которое мы всѣ считаемъ истиннымъ праздникомъ. Но, когда Вы, Милостивая Государыня, будете имѣть возможность и любезное намѣреніе совершить поѣздку въ Васильево, будьте добры предупредить меня заранѣе, такъ какъ я была бы въ отчаяніи принять Васъ въ томъ состояніи, въ какомъ была еще третьяго дня и бываю слишкомъ часто, т. е. лежа въ постели и страдая настолько, что едва могу говорить. Къ счастью эти пароксизмы никогда не продолжаются болѣе двухъ дней. Примите, Милостивая Государыня, нижайшее почтеніе моего мужа и моей Софьи, а также и увѣреніе въ моей совершенной преданности

Ваша покорнѣйшая

Елиз. Пестель.

Прошу Васъ передать тысячу привѣтствій отъ всѣхъ насъ мадемуазель Аннетъ, которую мы надѣемся видѣть у себя вмѣстѣ съ Вами.

9

Такъ какъ Ваша дружба и Ваше общество доставляютъ мнѣ одно изъ наибольшихъ удовольствій, Милостивая Государыня, Вы можете судить, какъ мнѣ было досадно быть лишенной, въ

теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, наслажденія провести нѣсколько часовъ или лучше нѣсколько дней съ Вами и съ вашимъ милымъ семействомъ. Обѣщаніе, которое Вы мнѣ даете пріѣхать съ первымъ саннымъ путемъ, чтобы совершить маленькую прогулку въ Смоленскъ, заставляетъ меня горячо желать снѣга, который будетъ встрѣченъ мною, какъ самый приятный вѣстникъ.

Тысячу благодарностей за вниманіе, которое выказываете Вы къ моему здоровью. Благодаря нашему доброму Забѣлло, который самъ сильно боленъ въ настоящій моментъ, оно улучшается, но я перенесла слишкомъ сильное потрясеніе, чтобы можно было ожидать совершеннаго выздоровленія когда-нибудь или такъ скоро. Поэтому я веду поистинѣ жизнь больной, тѣмъ болѣе уединенную, что постоянныя страданія бѣдной мадемуазель *Храповицкой* мѣшаютъ намъ видѣться, какъ мы предполагали обѣ. Я нашла ее сегодня утромъ въ состояніи дѣйствительно очень жалкомъ.

Принося Вамъ благодарность за Ваше любезное письмецо, прошу Васъ, *дрожайшая* Настасья Ивановна, позволить мнѣ упрекнуть Васъ въ его содержаніи, или, лучше сказать, въ томъ, что оно вовсе не содержитъ, потому что Вы мнѣ ни слова не говорите ни о Вашемъ здоровьѣ, ни о здоровьѣ Вашего Супруга, который былъ боленъ, ни о мадемуазель Аннетъ, доставлявшей Вамъ такое продолжительное и сильное безпокойство упорствомъ своей лихорадки.

Примите насколько усердные, настолько же и почтительные поклоны моего мужа, Софьи и моихъ малютокъ, присоединяющихся ко мнѣ, чтобы попросить Васъ о насъ напомнить благосклонному вниманію *Петра Петровича* и мадемуазель Аннетъ, и будьте увѣрены въ неизмѣнныхъ чувствахъ преданности и уваженія, въ которыхъ вамъ признается, Милостивая Государыня

нѣжно вамъ преданная
Елиз. Пестель.

Печать: по бѣлому зеленымъ.

Извините мнѣ мое маранье. Съ тѣхъ поръ, какъ моя рука и вся я такъ много страдала, я пишу, какъ кошка. *Анна Аф.* проситъ меня засвидѣтельствовать Вамъ ея почтеніе. Позвольте мнѣ поклониться еще Вашимъ двумъ барышнямъ.

10

Я, право, очень досадую, Милостивая Государыня, на незадачу, которая, кажется, меня преслѣдуетъ. Когда, послѣ долгаго ожиданія, у насъ явилась, наконецъ, надежда принять васъ у себя, надо было этому снѣгу, такъ долго жданному и такъ горячо желанному притти съ ожесточеніемъ и ураганомъ, лишившимъ насъ опять счастья видѣть Васъ. Вѣтеръ, кажется, начинаетъ утихать, и я льщу себя поэтому надеждой, что Вы *въ скоромъ времени* вознаградите насъ за эти препятствія, на которыя мы такъ сѣтуемъ. Мы Васъ ожидаемъ, слѣдовательно, постоянно, со всѣмъ вашимъ семействомъ, включая и Вашу Сестрицу, съ которой я буду въ восторгѣ познакомиться. Пока что, примите Вы, Милостивая Государыня, такъ же какъ и Вашъ Супругъ, усердныя изъявленія нашего Тріо и увѣреніе въ моей искренней преданности.

Ваша покорнѣйшая
Елиз. Пестелъ.

Мой мужъ поручилъ мнѣ еще засвидѣтельствовать Вамъ особенно его почтеніе.

11

Милостивой Государынѣ моей
Настасьѣ Ивановнѣ
Калечицкой
въ Щелкановѣ.

Позвольте мнѣ, Милостивая Государыня, освѣдомиться о здоровьѣ Вашемъ и всего Вашего милаго семейства, и прислать Вамъ книгу *Миѳологію* и совсѣмъ маленькій образчикъ моего *скромнаго искусства*. Вы должны быть это время такъ заняты поѣздками и праздниками, что я сомнѣваюсь, застанутъ ли эти строчки Васъ дома, и не надѣюсь имѣть счастье скоро Васъ увидѣть. Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ и сожалѣніемъ вспоминаемъ мы, что, какъ разъ годъ тому назадъ, мы провели у Васъ три восхитительныхъ дня, и что тогда насъ сопровождалъ нашъ добрый Александръ, который поручаетъ намъ выразить Вамъ, также какъ и Вашему Супругу свое почтеніе и изъявленіе благодарности за Вашу благосклонную память о немъ, которую онъ такъ высоко цѣнитъ. Примите тѣ же

самыя увѣренія со стороны моего мужа, Софьи и малютокъ моихъ, которые обнимаютъ всѣ, вмѣстѣ со мной, мадемуазель Аннетъ. Мадемуазель Февріе, которой мы сердечно кланяемся, предназначается, прилагаемый здѣсь образецъ большихъ успѣховъ Софьи въ почти дословномъ переводѣ *Франка*. Краснѣя, но подчиняясь желанію *Петра Петровича*, посылаю при семъ два боченка, не имѣя болѣе маленькихъ. Примите заранѣе мою благодарность за ихъ содержимое и вѣрьте, Милостивая Государыня, въ привязанность самую горячую и искреннюю, которую и выражаетъ вамъ

Ваша преданнѣйшая
Елиз. Пестель.

12

Примите, мои дорогіе и милые Сосѣди, нашу благодарность за любезность, которую Вы намъ оказали, прилавъ къ намъ пивовара. Когда мы съ нимъ уговорились, онъ предложилъ намъ варить пиво у Васъ, но такъ какъ для этого намъ нужно Ваше разрѣшеніе, мы испрашиваемъ его, чтобы послать ему въ *Щелканово* продукты, необходимые для одной заварки пива и для нѣсколькихъ мѣръ различнаго *солода*. Расчитывая на Ваше любезное согласіе, мы пошлемъ къ Вамъ нужную пивовару провизію, если только не получимъ отказа съ Вашей стороны, въ случаѣ, если это намѣреніе Вамъ не понравится.

Іримите еще наши искреннія привѣтствія съ прошедшимъ днемъ рожденія мадемуазель Аннетъ, которую мы всѣ поздравляемъ отъ всего нашего сердца, желая ей, какъ лучшаго счастья продолжать радовать своихъ достойныхъ родителей, и прося ее, также какъ и Васъ, Милостивая Государыня, и Супруга Вашего, извинить насъ въ томъ, что мы, дѣйствительно не могли послать Вамъ наши пожеланія черезъ одного изъ нашихъ людей въ тотъ самый день. Мой мужъ и мои дѣти спѣшатъ выразить вамъ свое почтеніе. Соблаговолите испросить для насъ благосклоннаго вниманія Вашей Матушки и передать наши поклоны Вашей сестрицѣ. Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ того времени, когда будемъ имѣть удовольствіе видѣть Васъ у себя, на нѣсколько дней, всѣмъ семействомъ, и мы были бы въ восторгѣ, если бы Ваша Матушка пожелала изъявить свое согласіе

сопровождать Васъ, и такимъ образомъ доставить намъ честь познакомиться съ нею.

Теперь позвольте мнѣ, Милостивая Государыня, прибавить отъ себя лично увѣреніе въ чувствахъ уваженія и нѣжной привязанности, каковое и приноситъ Вамъ искренно

Ваша преданнѣйшая слуга
Елиз. Пестель.

13

Не зная дня вашего возвращенія, Милостивая Государыня, я хотѣла объ этомъ справиться и велѣть сложить у Васъ на огородѣ *продолговатый* картофель, который Вы изволили мнѣ предложить, когда Вашъ посланный сообщилъ мнѣ о Вашемъ благополучномъ пріѣздѣ. Восхищенная этимъ извѣстіемъ и тѣмъ, что все ваше семейство здорово, я была крайне огорчена, услыхавъ, что Ваше здоровье плохо. Благоволите дать мнѣ о немъ вѣсточку и, когда оно поправится, по моему желанію вспомните, что у Васъ есть въ Васильевѣ сосѣди, досадующіе какъ на долгое ваше отсутствіе, такъ и на разстояние, отдѣляющее васъ отъ нихъ, и жаждущіе счастья провести съ вами возможно больше времени. Мой мужъ, Софья и Малютки мои приносятъ вамъ изъявленія ихъ почтенія и всѣ просимъ благосклонно насъ не забывать, какъ Супруга Вашего, такъ и мадемуазель вашу дочь и двухъ вашихъ барышенъ.

Петръ Петровичъ такъ давно уже жестокъ къ намъ, что онъ долженъ намъ воздать долгимъ и многократнымъ удовлетвореніемъ.

Примите, Милостивая Государыня, увѣреніе въ чувствахъ уваженія

Вашей преданнѣйшей
Елиз. Пестель.

14

Я совершенно растрогана, Милостивая Государыня, вашей памятью обо мнѣ и всѣмъ тѣмъ, что Вы мнѣ говорите любезнаго и ласковаго отъ Вашего имени и отъ имени Вашего Супруга. Примите мою искреннюю благодарность Вамъ обоимъ, также какъ и увѣреніе въ томъ, что Вы не имѣете дѣло съ особой неблагодарной. Мой мужъ, Александръ и Софья цѣлуютъ вамъ

руку, принося Вамъ выраженіе своего почтенія и благодарности. Мы часто говоримъ о тѣхъ пріятныхъ дняхъ, которые мы провели въ *Щелкановѣ*. Прилагаемые при семъ планы докажутъ Вамъ, какое удовольствіе мнѣ доставляетъ заниматься Вашимъ будущимъ жилищемъ и какое я буду испытывать, если одна изъ моихъ идей поможетъ мнѣ сдѣлать Вамъ пріятное. Поздравляю Васъ заранѣе, Милостивая Государыня, съ пріѣздомъ Вашей Матушки и съ праздникомъ прелестной *именинницы* 9-го, которой я посылаю тысячу пожеланій.

Ѣдутъ гости, я должна Васъ оставить, я дѣлаю это, повторяя Вамъ, Милостивая Государыня, мою благодарность и увѣреніе въ моей искренней привязанности

Ваша преданнѣйшая слуга
Елиз. Пестель.

15

Я должна вамъ принести столько и столько благодарностей, что я не знаю, право, съ чего начать. Примите же ихъ по крайней мѣрѣ за все то, что Вы и Вашъ Супругъ были такъ внимательны намъ оказать, а затѣмъ, въ особенности за то счастье, которое Вы мнѣ обѣщаете на завтра. Я льщу себя, однако, надеждой, что Вы не захотите причинить намъ огорченіе, уѣхавъ въ тотъ же день и, не смѣя разлучать Васъ на болѣе долгій срокъ съ Вашей Матушкой, я разсчитываю, что Вы проведете по крайней мѣрѣ ночь и останетесь до пятницы, также какъ и Сестрица Ваша, которую я безконечно рада снова увидѣть. Вы обѣщали также привезти къ намъ мадемуазель Вашу Племянницу и я надѣюсь, что Вы не измѣните Вашего намеренія. Я не смѣю расчитывать видѣть все Ваше семейство, такъ какъ здоровье Вашей Матушки не позволяетъ ей этого маленькаго путешествія. Благоволите засвидѣтелствовать ей наши сожалѣнія, передавъ ей наши усердные поклоны. Всѣ мои приносятъ Вамъ изъявленія своего почтенія, Милостивая Государыня, также какъ и Супругу Вашему. Я обнимаю мадемуазель Аннетъ и прошу у Васъ позволенія сдѣлать то же самое ея милой, превосходнѣйшей Маманъ, которой и приношу искреннѣйшія чувства уваженія и дружбы

Ваша преданнѣйшая слуга
Елиз. Пестель.

Мы позволяемъ себѣ отправить сегодня же Вашему пивовару условленную провизію.

16

Маманъ поручила мнѣ поблагодарить Васъ за Вашу любезную память о ней и выразить Вамъ сожалѣнія, какія она испытываетъ, не имѣя возможности воспользоваться Вашимъ милымъ предложеніемъ, такъ какъ глубокое горе, въ которое насъ повергли страшныя вѣсти, полученныя съ послѣдней почтой, дѣлають ее неспособной наслаждаться Вашимъ обществомъ. Въ то же время она проситъ Васъ, Милостивая Государыня сохранить Ваше доброе расположеніе къ ней на то время, когда горечь волнующихъ ее теперь чувствъ немного смягчится. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы попросить Васъ принять увѣреніе в совершенномъ уваженіи, съ каковымъ имѣю честь, пребывать, Милостивая Государыня.

Вашей покорнѣйшей слугой
Софъя Пестелъ.

17

Вѣрьте, Милостивая Государыня, что я совершенно умѣю цѣнить расположеніе, которыя Вы изволите намъ оказывать въ несчастіи, возложенномъ на насъ волею Провидѣнія и что я плачу за нихъ искреннею благодарностью и привязанностью. Предполагая, что Вы говорите отъ имени всего Вашего семейства, я Васъ увѣряю, Милостивая Государыня, отъ имени моего, которое свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе, что *мы всѣ* будемъ въ восторгѣ имѣть счастье видѣть *васъ всѣхъ* у себя в теченіе двухъ дней, а еще дольше было бы, конечно, лучше. Васъ не ожидаютъ здѣсь удовольствія, но для сердца, подобнаго Вашему, будетъ наслажденіемъ принести нѣкоторое облегченіе въ такихъ горькихъ скорбяхъ, каковыя насъ постигли. Мой мужъ поручилъ мнѣ еще разъ выразить Вамъ его уваженіе и проситъ, вмѣстѣ со мною, Вашего Супруга не забывать насъ.

Примите, Милостивая Государыня, увѣренія вѣ чувствахъ уваженія, приносимое Вамъ

Вашей преданнѣйшей
Елиз. Пестелъ.

18

Я очень горжусь обязанностью посредницы, которая, доставивъ мнѣ честь получить отъ Васъ письмецо, доставляетъ также удовольствіе выразить вамъ мою благодарность. Родители мои поручили мнѣ передать вамъ, что они очень огорчены нездоровьемъ Вашего Супруга. Они свидѣтельствуютъ Вамъ свое почтеніе и благодарятъ Васъ за вниманіе, которое Вы благоволите имъ оказывать. Мы всѣ были это время больны, а Маманъ и сейчасъ настолько больна, что лежитъ въ постели. Мой братъ, хотя онъ еще очень слабъ, былъ вынужденъ сегодня уѣхать. Прилагаю къ этому письмецу послѣдній томъ «*Духъ христіанства и Чудеса человѣческаго тѣла*», принося Вамъ благодарность, Милостивая Государыня, за удовольствіе, которое Вы мнѣ доставили этимъ чтеніемъ. Соблаговолите передать отъ меня много пожеланій миссъ Февріе, мадемуазель Аннетъ и мадемуазель Адель.

Аннетъ и Александръ особенно часто вспоминаютъ двухъ послѣднихъ. Кончаю письмо, принося вамъ увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ честь имѣю пребывать, Милостивая Государыня, вашей покорнѣйшей слугой

Софья Пестелъ.

Черная печатъ.

19

Недостатокъ памяти ставитъ меня въ необходимость надоѣдать Вамъ, Милостивая Государыня, съ просьбой соблаговолить указать мнѣ, какъ дѣлается у васъ земляничная вода, малиновая, смородиновая и т. д., такъ какъ я совершенно забыла наставленія Ваши, которыя Вы были добры дать мнѣ раньше въ этомъ дѣлѣ, а мнѣ не хотѣлось бы упустить время сдѣлать, если возможно, маленькій запасъ.

Мнѣ кажется, что уже очень давно я не имѣла счастья Васъ видѣть, Милостивая Государыня. Не имѣя ничего пріятнаго, что я могла бы предложить Вамъ въ Васильевѣ, я не должна была бы приглашать Васъ пріѣхать, но природный человѣческій эгоизмъ заставляетъ меня однако сказать Вамъ, что я льщу себя надеждой, что Вы не лишите насъ надолго Вашего милаго общества и вскорѣ *послѣ 24-го*, которое не можетъ быть для насъ

ничѣмъ инымъ, какъ днемъ траура, Вы предпримете доброе дѣло совершить всѣмъ семействомъ поѣздку въ Васильево.

Пока что примите изъявленія уваженія отъ моего мужа, дочери моей и моихъ малютокъ, которые, вмѣстѣ со мной, просятъ Вашего Супруга, мадемуазель Аннетъ и Вашихъ Барышенъ не забывать ихъ, также какъ и увѣреніе въ чувствахъ уваженія, приносимое Вамъ, Милостивая Государыня,

Вашей преданнѣйшей
Елиз. Пестелъ.

Черная печать.

20

Его Высокоблагородиію
Милостивому Государю моему
Петру Петровичу
Количицкому
въ с. Щелканово

7 Генваря 1827, с. Васильево.

Приношу Вамъ, Милостивый Государь мой Петръ Петровичъ, чувствительную благодарность за доставленіе моей посылки г. Мератову и письмо ко мнѣ отъ сына моего Владимира. Мы всѣ соскучились, что столько врѣмени лишины были удовольствія Васъ и почтеннейщую супругу и милую вашу дочь видеть. Вы знаете, что жѣна моя по разстроенному ея здоровью въ зимнее время не можетъ выезжать, а потому не можемъ мы къ вамъ пріехать. Не окажете ли Вы намъ одолженіе завтрѣшный день (въ суботу) пожаловать к намъ откушать и пробыть у насъ хоть двое сутокъ? Вы бы намъ симъ доставили бы большее удовольствіе. Притчина, что я имянно нозночаю день, въ которой сіе Ваше посещѣніе испрашиваю, слѣдующая: въ понедѣльникъ долженъ я ехать вь Смоленскъ, имѣя тамъ принять необходимо нужные мнѣ деньги. Потомъ пріедетъ к намъ нашъ священникъ, ибо мы со всемъ здѣшнымъ семействомъ предъ отездомъ сына моего Александра желаемъ исполнить вмѣсте долгъ христіянскый преобщась святых тайн, а въ слѣдъ за тѣмъ отправленіемъ сына моего Александра, озобочены будемъ, которому хотя отпускъ продолженъ до 1 февроля, но онъ праведно желаетъ преждѣ срока возвратиться на службу.

Жѣна моя сердечно обнимаетъ Настасью Ивановну, а Вамъ усердно кляняется и ожидаетъ Васъ со всемъ домомъ Вашимъ, особенно жъ съ Катериною Петровною и Адѣлью Францовною и Катериною Андрѣевною и со всеми, кого Вамъ привѣсти угодно будетъ.

Милостивой Государынѣ Настасье Ивановнѣ цѣлую я ручку, прося Васъ принять увереніе въ истенномъ почтеніи и преданности, съ коими пребывать честь имѣю

Вашимъ покорнейшимъ слугою

Иванъ Пестелъ.

Черная печать.

<5.> Смоленщина

— родословное —

1624—1680

Смоленщина — земля благословенная с дремучими лесами и звериными норами, многодорожная, место горячих битв — великие князья Литовские с княжею Московскою Русью, литовский рубеж, где сходились — блестящая Польша, сумрачная Литва и крепкая созидающая Москва.

Смоленскую землю некогда населяли кривичи, кривичи же и там сидели, где стоит Москва, и в Смоленске и в Москве говорили по-одинаковому. «Литовский рубеж» — смутная память, но сердце еще волнует: сколько былых чаяний и соблазна!

Рубеж рубежом, как какому народу положено, а пройдут сроки, и нет никакой заставы, как и не было, а один путь — во все концы — звездный.

Смоленская земля хранима великим угодником Авраамием (Н. Редков, Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. Смоленская Старина, изд. Смол. Уч. Арх. Ком. С., 1909) и есть на старом литовском рубеже чудотворный образ Божьей Матери «Смоленской» — «евангелист Лука писал».

Много славных русских имен знает Смоленская земля, в которых слился дух Ольгерда, Гедемина и Казимира и москов-

ских благочестивых князей-строителей, и были они с прямой душой, твердым сердцем и крепко стояли за свою землю.

Таким был род Юрия Халютина Колечицкого.

*

Юрий Халютин Колечицкий (1635—38—41) и четыре его брата: Стефан, Христофор, Героним и Григорий, жолнер, жена его — Галышца Микалаевичевна (1637—38—39—49);

У Григория Халютина сын Андрей, женатый на Анне Сурыновне (1650); у Андрея дочь Елена за стольником Петром Андреевичем Красным-Милашевичем (1668—80—83—84, 1700—2); у них дети: Константин, Иван и Михаил.

У Юрия Халютина сын Иван (1655—57—68).

У Ивана сыновья Осип и Василий (1682—90).

У Василия сын Михаил, полковник (1728—31—48 г. + до 1759), женатый на Авдотье Ивановне, по второму браку за Георгием Дементьевичем Храповицким (1761).

У Михаила дети: Алексей, ланд-милицкого полку поручик; Самуил, ротмистр († 1759), женатый на Федоре Даниловне Верховской; Николай, женатый на гр. Авдотье Александровне Салтыковой; Петр, ротмистр († до 1812), женатый на Анне Михайловне Корбутовской; и две дочери — старшая за Потемкиным и другая — Анастасия за кн. Константином Степановичем Друцким-Соколинским.

У Петра Михайловича дети: Яков, лейб-гвардии прапорщик; Петр, лейб-гвардии полковник; Михаил, лейб-гвардии полковник († до 1841), Февронья († до 1812) и Мария († до 1832).

У Петра Петровича (1792—1867), женатого на Анастасии Ивановне Лыкошиной (1800—1871), дочь Анна Петровна за Алексеем Антоновичем Рачинским —

У них дети: Анна Алексеевна Рачинская († 10.3.1916) и Григорий Алексеевич Рачинский, философ, «столп московский»: в дореволюционные времена говорили, что быть на Москве и не послушать Григория Алексеевича, это все равно, как попасть в Кремль и не услышать в Успенском соборе «столповое» пение; на философских и литературных собраниях председатель, неутомимый оратор и «опровергало» — Н. А. Бердяев, Андрей Белый, М. О. Гершензон в одном кольце, но до Григория Алексеевича куда! Разве что Степун.

*

12 документов — пять на польском языке (перевод современный), из них четыре королевские: № 2, 7, 8 — подписаны королем Владиславом IV (1632—1648); № 11 — королем Яном Казимиром (1648—1668); № 12 — сговорная при короле Яне Собеском (1674—1696); остальные по-русски: «полскія пять привилегей (№ 4, 5, 6, 9, 10) на россійской діолект чрез находящегося в Смоленской Губернской Канцелярии в должности переводчика шляхтича Яфимовича по челобитью надворнаго советника Григория Дементьева сына Храповицкого жены Авдотьи Івановой дочери, 25 сентября 1761; на всех оных привилегиях печати приложены на аплатке, оставлены порожия места для того, что за склейкою в орегиналах на згибах строк литеры заклеины; на подлинном (№ 1 — копия XVIII в.) печати не имеется; не было, а точию для приложения оной вырезано на том листу».

Крепко по старине выговаривалось «врубомъ» — переводчик № 3, имя неизвестно: «покуль мужского рожаю ставить будет!» (по Ефимовичу), «пока линия его продолжится». Или: «с грунтомъ и лесами, сеножатми (сенокосами) и бортными угодья и с рыбными и звериными ловлеми». «Развиловатый дуб над болотом стоит, а с того болота ручей, тем ручьем до речки Бирульки».

А как звучны фамилии: ротмистр Данило Медиленский — «под хоронгвіею Данилы Медиленского нужду, глад и недостаток великий претерпевах и частые из города вылазки противу неприятеля чиня!» Или Янъ Гієронимъ Гримола-Кремневскій, завладевший Иванками Якова Гурского: очень просто — назвал Иванки Иванчонками, пренебрежительно-ласкательнымименем, означающим такие пустяки — «Иванчонки!» — о которых смешно и говорить. Тоже и Андрей Леневичъ-Каминскій, «беззаконный владелец», оттяпал у Калечицких их Шебяки и Напалку и «спокойно» владеет. Белицкий-Облесков, Велицкий-Обложек, Петр Красный Милошевич, о котором говорится в сговорной: Если свадьба расстроится, панну Елену за него не выдадут замуж, то он имеет получить денег триста рублей мелкой монетой. Лавруха зъ Банки-Бонецкой, Станиславъ Лешевичъ-Бородуличъ, но всех громче — «присаглый мерничей и енерал» Адамъ Заремба!

Слова по выговору: Тих-а-новец, Аршанскій (Орша), отмеж-а-ваніе, княз-зе-тво, вым-и-рив, пустош-а-й, поворач-е-вается, Светл-а-вская, нар-о-жного, конч-а-лась, м-я-жи, в-о-локъ (волок). Жмуйскій, выласки, П-е-воварка, держател-я-мъ, про-з-бу, Напал-а-къ, ручаемъ, около поль Бахтаярскихъ.

Имена: Христофъ Корвин-Гасевскій (Гонсевскій, Генсевскій) — референдир и писарь В. К. Л. Воевода Смоленской, сынъ Александра Госевского, велижского старосты, начальника польского войска въ Москвѣ 610 г.; Мартіанъ Трызна, Янъ Д. Емишъ, Станиславъ Намшевицъ, Станиславъ Нарушеницъ.

Годы: 1634 г. — Поляновский мир после осады Смоленска Шеиным; царь Михаил Федорович — 1613—1645; Алексей Михайлович — 1645—1676; Федор Алексеевич — 1676—1682.

Приведенные документы — из архива Рачинских, нигде никогда не были напечатаны.

1

Росписка Ивана Тихоновецкаго, оршанскаго земскаго писаря, в полученіи вымѣра межевщика Адама Зарембы деревни Матвѣева, пустошей — Зубова, Мотавилова, Сверчкова 50 волокъ земли, назначенной отъ Александра Корвинъ-Гансѣевскаго, референдера и писаря Великаго Княжества Литовскаго.

20. 8. 1624

Дана господину Ивану Тихановецкому, писарю земскому Аршанскому. Напротив данной лист я, Иван Тихоновецкій, писар земскій Аршанскій, обявляю сим моим листом, что в нынешнем 1624 году августа 20 дня, імея назначенных себе от господина Александра Корвин-Генсевскаго референдера и писаря Великаго Князества Литовского, деревни в Смоленском уезде в-ывановском стану над рекою Сажем лежащие, а именно: деревня Матвеева, в которой крестьян три двора, пустош Зубово, п. Матавилово, п. Сверчково, для вымеренія которых и при них земли 50 волок для отмежеванія придал мне межевщика Адама Зарембу, по велениію которого показанныя пятьдесят волок по тем межам нижеписанным, вымирив и отмежевав, отдал мне во владение. Межеваня жъ оных пустошай і деревни начинаетца первая стена границы, во-первых, над берегом реки Сажи на великом лугу, при границе господина Бѣлицкого-Облескав, усы-

пан копец, от того копца начинается первая стена рекою Сажем, вниз идучи срединою той реки до земел господина Ивана Воевоцкого, называемых Вятлова, в том же стану Ивановском лежащих, где на берегу реки Сожа копец на старой границы Свѣтловской и Матвеевской усыпан, от того копца поворачеваетца поперечная стена Светлавская вправо до копца нарожнаго треугольнаго, у котораго та поперечная стена кончалас, от того копца, влеву идучи, прямо до земел названных Матавилавских, занимая часть земель Светловских, от того копца, которой усыпан на старой мяжи Светловской и Матовиловской, возле которого копца на дву осинах кресты и на три вруба вырублено, от того копца и признаков идучи возле земель Светловских границею старою, при которой на разных деревах — березах, осинах и дубах признаков не мало и крестов также и вырубов вырублено, идучи по берегу реки Веприны, вниз идущей, на котором Матавиловском берегу стоит великая береза з двумя крестыми и тремя врубами вырубленными внов, при которой усыпан копец; от тех признаков поворачиваетца другая стена срединою реки Вепрены, идучи вверх до селища названнаго Юлошавского, против которого усыпан копец на лугу юлушовском; от того копца поворачиваетца третья длинная стена, занимая часть селища Юлошковского три шнуры от реки Выпрены, а влево к реке Вепрене же с лесу Его Королевского Величества идучи признаками, на деревах вырубленнымі до копца нарожного, которой усыпан на старой границы Матвеевской и господина Велицкаго-Облажек; а по третьею сторону пуща Его Королевского Величества, у которого третяя стена кончилас, от того копца нарожнаго, идучи прямо до реки Сожа до перваго копца, где первая стена границы началась, там и кончилас обоих земел господина Белицкаго-Облескова. Сей вымер и межеваня господина Зарембы и себе напротив данной лист подписую и книгам межевым подаю.

2

Королевскій привалей Владислава IV Юрію Халютину Колечицкому на пустоши — Барсуки и Ледники въ Ивановскомъ станѣ 30 волок.

30. 3. 1635.

Владиславъ IV, Божіей Милостью Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовец-

кій, Инфлянтскій, Северскій, Черниговскій. А Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдный Король.

Объявляемъ симъ листомъ Нашимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ. По смерти безъ потомства шляхты — Стефана и Христофора Халютиновъ Калечицких: осталась земля, которою они ленным правомъ владѣли, именно, тридцать волокъ на пустошахъ — Барсукахъ и Ледникахъ, находящихся въ Ивановскомъ станѣ. Весьма благосклонно относясь к заслугам благороднаго Юрія Халютина Калечицкаго, перенесшаго осаду въ Смоленскѣ, которыя оказалъ онъ Намъ и Рѣчи Посполитой въ разныхъ прежнихъ экспедиціяхъ, особенно же въ нынѣшнюю оконченную Московскую, находясь всю осаду въ Смоленскѣ, голодъ и лишенія терпя, мужественно и отважно обороняясь, за что и желая по милости Нашей наградить и тѣмъ найти въ немъ на будущее время усерднѣйшаго въ службѣ Намъ и Рѣчи Посполитой, дали Мы поименованные выше тридцать волокъ на пустошахъ Барсукахъ и Ледникахъ ему самому и потомству его. И сим листом — привильемъ Нашимъ даемъ ленное право и конферуемъ: благородному Юрію Халютину Калечицкому, самому ему, женѣ, дѣтямъ и потомству ихъ мужскаго пола, взявъ себѣ это именіе съ подданными, съ землями, съ лѣсами, съ боромъ и со всякимъ инымъ добромъ и угодьями, ничего изъ нихъ не исключая, кромѣ селитры и лѣсныхъ товаровъ, мирно правомъ леннымъ владѣть и пользоваться, ни къ Намъ, ни къ Нашей казнѣ не подлежа никакимъ обязательствамъ, кромѣ обороны Замка Смоленскаго, по кондиціямъ, означеннымъ въ Сеймовыхъ конституціяхъ. И по сему выдали Мы отъ Насъ привилей за подписью руки Нашей и съ печатью Великаго Княжества Литовскаго. Писанъ в Варшавѣ дня XXX мѣсяца марта, года Господня MDCXXXV, царствованія Нашего въ Польше и Швеціи въ III годъ.

Владислаусъ Рексъ

Перенесшему осаду в Смоленскѣ Калечицкому на 30 волокъ по умершихъ двухъ братьяхъ Калечицкихъ въ станѣ Ивановскомъ.

Христофъ Корвинъ-Гасѣвскій
Писарь Великаго Княжества Литовскаго

Въ станѣ съ грамоты 1682 г. царя Феодора Алексѣевича въ Смоленскъ боярину Петру Самойловичу: «А в королевскомъ привиле 143 [1635] году написана: дано Юрью Халютину Колечицъкому в-ывановском стану в деревне Щелканово на починках — Клементьеве и Верещакине пятнадцат волок».

3

Список съ привила королевскаго Владислава IV Герониму Халютину Колечицкому на владѣніе починкомъ Вишневымъ, пустошью Малаковой, починкомъ Вилейкой, починкомъ Глѣбовым — 50 волокъ.

4. 7. 1635

1635 июля в 4 день дано в вотчину за службы уроженому Герониму Халютину Колечицкому в Смоленском уезде в-ывановском стану починок Вишнев, пустошь Малаковой, починок Вилейка, починок Глебов по обе стороны речки Вилейки, а на них пятдесят валок пустых, которыми он, Ероним, преж того и в то время владел, правом ленным вечистым самому, жене и детем и потомкам, покул мужского рожаю ставить будет, за вымеренным и ограничинем присаглого мерничего, з грунтом и лесами, сенежатми и бортными угодя и с рыбными и звериными ловлеми и со всяких угодьи и лесных товаров.

4

Королевскій привилей Владислава IV Григорію Халютину Колечицкому на пустоши — Позняки, Шепелево по обѣ стороны рѣчки Пивоварки и на пустоши Момино, Ермоки, Бздёхіно и на деревню Ведерники — 30 волокъ.

12. 6. 1637

Владислав IV, Божиею Милостию Король Полский, Великій Князь Литовский, Руский, Пруский, Жмуйдский, Мазовецкий, Інфлянский, Смоленский, Серверский, Черниговский, Годский, Виндальский Наслѣдный Король.

Обявляем вообще, кому о том ведать надлежит, что взирая милостивно на услуги урожденного Григорья Халютина Колечицкого , который Нам и Речи Посполитой служа чрез всю осаду в городе Смоленске под хоругвіею урожденного Данила Меда-

ленского, ротмистра Нашего, нужду, глад і недостаток великий претерпевая і частые із города выласки противу неприятеля чиня, мужественно и отважно с похвалою всех людей знатные на теле своем повреждений, отбирая в награждение сих достойных услуг ево, вознамерилис Мы ему ізвестныя добра Наша в воеводстве Смоленском, а именно тритцат волок (земли) пустых на пустошах Познякове, Шепелеве по обе стороны речки Певоварки в станѣ Івановском, і на других пустошах Монине, Ермоках і Бздіохине і на деревни Ведерниках в стане (Поуском) лежащие, правом ленным вечистым дать и пожаловать, яко ж сею привилегиею Нашею даем и жалуем. Імеет урожденный Григорій Халютин Колечицкій, жена его, дети і наследники ево мужеска полу, пока линия ево продолжитца, получа оные тритцать волок землями пахотными і непахотными с лесами, рощами, речками, реками, сенокосами и со всѣми іными доходами і принадлежностями, выключая селитру и товар лесной, спокойно против отдачи и ограничения чрез межевщика Нашего присяжнаго, под правом і волностию шляхетскою держать и употреблять, не чиня с оных Нам і в казну Нашу никаких податей, кроме установленей сеймовых о оборонѣ города тамошняго, описанных, коим со оных добр он и наследники его. Все подтверждая, дали Мы сей лист привилегий Нашей с подписанием руки Нашей, к которой печать Великого Княжества Литовского проложит указали. Писан в Вилнѣ 12 дня мѣсяца іюня 1637 году, владѣния Нашего Полского и Шведского 5 году.

У подлинника подписано тако:

Владыславъ Король

Григорью Колечицкому, бывшему в осаде, на тритцать волок в стане Івановском

Криштофъ Корвинъ-Госневский
Писарь В. К. Л.

5

Королевскій привилей Владислава IV Григорію Халютину Калечицкому, подтверждающій привилей 12 іюня 1637 г. На пустоши — Позняки, Шепелево, Монино, Ермоки, Бздёхино и деревню Ведерники — 30 волокъ съ придачею пустоши Задка съ починкомъ Бахтоярками — 20 волокъ.

11. 4. 1639

Владислав IV, Божиею Милостию Король Полский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский, Жмуйдский, Мазовецкий, Інфлянский, Смоленский, Серверский, Черниговский. Годский, Вандалский Наслѣдный Король.

Обявляем сим листом Нашим, кому о том ведать надлежит. Представлена Нам, данная от Нас привилегия в Вилне 12 дня мѣсяца іюня тысяща шестьсотъ тритцать седмаго году, которою Мы пожаловали жолнеру нашему урожденному Григорью Халютину Колечицкому ізвестные Наши добра правом ленным вечистым, в воеводстве Смоленском, тракте Дорогобужском, в стане Івановском і Поуском лежащия, а именно: тритцат волок в деревни Ведерниках і пустошах Познекове, Шепелеве, Монине, Ярмоках і Бздіохах, которыя отдая во владение уроженному Колчицкому дворянин Наш отдал те и пустош Задки с починком Бахтаерками, також і межевщик тамошней листом своим описат, яко добра до тех же вышереченных подлежащие. Донесено Нам есть прошение урожденного Колечицкого чрез господ совета урядников Наших дворных, при Нас в то время бывших, дабы Мы ему сию предоставленную привилегию Нашу, подтвердивши, при тех ево добрах оставили, в пустоши Задках і починку Бахтыерках – дватцать волок придали, Мы на предстателство оных соизволяя, а не менее і милостиво взирая на услуги ево, которые он Нам і Речи Посполитой верно і доброжелателно не беспотеряния здравия своего производил, милостивно на то позволяя вышереченную привилегию во всех пунктах і параграфах подтвердивши, при вышереченных добрах оставляем і на пустоши Задках и починку Бахтаярках, которых он же находитца держателям дватцать волок, таковым же правом ленным. И потомство его мужска полу вышереченныя добра все против отдачи і ограничения межевщика Нашего присяжного под властию теперешняго владения своего со всеми к ним доходами і принадлежностямі спокойно под правом і волностию шляхецкою, кроме делания товаров лесных, держать и употреблять, не чиня Нам і в казну Нашу никаковой должности, кроме установления об оборонѣ города Смоленска равно з другими. Что все подтверждая дали Мы сей лист привилегий Нашей с подписанием руки Нашей, к которой і печать Великого Княжества Литовского приложит указали. Писан

в Вилне мѣсяца апреля 11 дня 1639 году, владения Нашего Полского и Шведского 7 году.

У подлинного подписано тако:

Владыславъ Король

Подтверждение урожденному Колечицкому на іззвестные добра в воеводстве Смоленском с придачею к ним дватцати волокъ.

Станиславъ Нарушеницъ
Писарь В. К. Л.

6

Королевскій привилей Владислава IV Якову Гурскому на владѣніе имѣніемъ Иванками, которыми незаконно завладѣлъ Янъ Гиеронимъ Гримала-Кременевскій, королевскій секретарь, назвавъ Иванчонками.

1. 2. 1641

Владислав IV, Божиею Милостию Король Полский, Великій Князь Литовский, Русскій, Прускій, Жмуйдский, Мазовецкий, Інфляндский, Смоленский, Черниговский; Шведский же, Годский, Вандалский Наслѣдный Король.

Обевляем сим листом Нашим, кому о том ведать надлежит. Донес Нам урожденный Яков Гурский, что урожденный Ян Гиероним Гримала-Кременевский, Наш секретарь, ізвестныя добра Наши, названныя Іванки, ныне назвавше Іванчѣнками, в воеводстве Смоленском, тракте Дорогобужском в стане Поуском по обе стороны реки Узы лежащия, беззаконно завладев, держит і доходы, з оных приходящия, на себе собирает. Взнося к Нам чрез некоторых господ совета урядников Наших дворных прозбу, чтоб Мы тѣ добра, яко учреждению Нашему принадлежащия, ему правом ленным пожаловали і у означенного незаконного владелца правом отыскивать позволили. Мы как по предстателству Своему господ урядников Наших соизволяя, так не менее взирая на услуги урожденнаго Гурского, вышереченныя добра Іванки, как ныне завладелец оныя назвал Іванчонки, оному правом ленным вечистым отдаем и жалуем с тем, однако, чтоб их по правам получил, а получа по определению надлежащаго суда Нашего с подданными і их повинностями, полями пахатными и непахатными, сенокосами, борами, лесами, дубровами, зарослями, реками и речками, озерами і прот-

чими всякого звания доходами і принадлежностями, каким бы образом не названнымі, ничего не отемля і никому не оставляя, получа в свое владение, імеет сам, жена и потомство ево мужска полу, пока происходящая от них линия продолжитца, спокойно владѣть, употреблять і доходы всякия, кроме селитры и лесных товаров, ізыскивать.

Ради уверения рукою Нашею подписав, печать Великого Княжества Литовского приложить указали. Дан в Варшаве 1 дня мѣсяца февраля 1641, государствования Нашего Полского и Шведского 9 году.

У подлинного подписано тако:

Владыславъ Король

Судом доходит урожденному Гурскому ізвестных добр, чрез урожденного Кременевского беззаконно завладенных

Мартіанъ Трызна
Референдаръ В. К. Л.

7

Королевскій листъ Владислава IV присяжному межевщику воеводства Смоленскаго Адаму Зарембѣ о размежеваніи и ограниченіи земель, пожалованныхъ Юрію Халютину Калечицкому въ Ивановскомъ стане.

26. 2. 1641

Владиславъ IV, Божіей Милостью Король Польскій, Виликій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Инфляндскій, Смоленскій, Черниговскій. А Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдный Король.

Шляхетному Адаму Зарембѣ, Нашему присяжному межевщику воеводства Смоленскаго, вѣрному Намъ и любезному Милости Нашей Королевской и вѣрной шляхты Намъ любезной. Подана Намъ просьба отъ имени благороднаго Юрія Халютина Калечицкаго, дабы Мы, вѣря Вашей Милости, приказали земли и пустоши, пожалованныя отъ Насъ въ привилеяхъ благородному Юрію Калечицкому, спецификованныя по мѣсту своему въ Смоленскомъ воеводствѣ, въ станѣ Ивановскомъ, вымѣрить и ограничить. Милостиво снисходя къ сей справедливой просьбѣ, пожелали Мы и повелѣваемъ Вашей Милости вѣрной по законному требованію упомянутаго благороднаго Юрія Халютина Калечицкаго всѣ пустоши, въ привилеяхъ ему

отъ Насъ пожалованныя, безъ всякаго замедленія и проволочки вымѣрить, ограничить и утвердить. Иначе вѣрная Ваша Милость не поступятъ ради милости Нашей и своего долга. Данъ въ Варшавѣ дня XXVI мѣсяца февраля, года Господня MDCXLI, царствованія Нашего Польскаго и Шведскаго IX-го.

Владислаусъ Рексъ

Межевщику, дабы благородному Калечицкому упомянутыя въ привилеяхъ имѣния вымѣрилъ и ограничилъ.

Мартіанъ Трызна
Референдаръ Великаго Княжества Литовскаго

8

Королевскій листъ Владислава IV о мостовомъ налогѣ въ Щелкановѣ, имѣніи Юрія Колечицкаго.

1. 3. 1641

Владиславъ IV, Божіей Милостью Король Польскій, Великий Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, Смоленскій, Черниговскій. А Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдный Король.

Объявляемъ симъ листомъ Нашимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ. Наши комисары, съехавшись въ мастности благороднаго Юрія Халютина Калечицкаго, называемой Щелканово, находящейся въ воеводствѣ Смоленскомъ въ станѣ Ивановскомъ на большой дорогѣ — изъ Орши, Мстиславля, Могилева, Горъ и еще другихъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ — ведущей въ Дорогобужъ, Рославль, а также и въ другіе пограничные города, обслѣдовавъ трудный и опасный проѣздъ и точно сообразивъ расходъ, потребующійся на сооруженіе плотинъ и постройку мостовъ, рѣшили взимать мостовой налогъ, а темъ донесеніемъ своимъ Насъ извѣстили. Желая, дабы подданные Наши дорожные люди имѣли своевременный и безопасный проѣздъ, а для избѣжанія того, чтобы при скопленіи таковыхъ налогов при взиманіи оныхъ не было большаго затрудненія постановляемъ и для благороднаго Юрія Халютина Калечицкаго и суксесоровъ его въ вышеупомянутомъ имѣніи установить мостовой налогъ: съ людей купеческихъ и фурмановъ съ воза, нагруженнаго товаромъ, брать по одному грошу, съ крупнаго рогатаго скота, который будутъ вести на продажу, по одному шелягу (1/3 гроша), а начальство, также шляхетство, духовенство, и ближайшие

подводы ихъ и тѣ, что пѣшком идутъ, должны быть свободны отъ этаго налога. Затѣмъ именованный благородный Юрiй Калечицкiй и суксесоры его, взимая по установленiю и рѣшенiю Нашему этотъ мостовой налогъ, должны блюсти, чтобы на ихъ землѣ всегда былъ проѣздъ подъ защитой и безопасенъ дорожнымъ людямъ. Ставя ко всеобщему свѣдѣнiю, именно, людей купеческихъ, желаемъ и предписываемъ, чтобы, проѣзжая въ вышеупомянутомъ имѣнiи черезъ мостъ, всегда и безъ задержанiя мостовой налогъ давали и платили Милости Нашей, для чего, ради большей крѣпости, подписавшись Нашей рукой, указали мы наложить печать Великаго Княжества Литовскаго. Данъ в Варшавѣ дня 1-го мѣсяца марта года Господня MDCXLI-го царствованiя Нашего Польскаго и Шведскаго въ IX годъ.

Владислаусъ Рексъ

Мостовой налогъ въ имѣнии Юрiя Калечицкаго

Мартiанъ Трызна

Референдаръ Великаго Княжества Литовскаго

9

Королевскiй листъ Владислава IV Юрiю Халютину Колечицкому, подтверждающей владѣнiе его на деревню Шебяки и на пустошь Напалку, пожалованныхъ ему привильемъ 31 марта 1638 г. И отнятыхъ у него Андреемъ Леневичемъ-Каминскимъ.

12. 10. 1641

Владислав IV, Божиею Милостию Король Полский, Великий Князь Литовскiй, Рускiй, Прускiй, Жмуйдскiй, Мазовецкiй, Iнфлянскiй, Смоленский; Шведский же Годскiй, Виндалскiй Наследный Король.

Обявляем сим листом Нашим, кому о том ведать надлежит. Iмея урожденный Юрiй Халютин Колечицкий привилегию ему от Нас на законное iзвестных добр отыскивание, то есть, деревенки Шебяк и пустоши Напалъкѣ названных в воеводстве Смоленском, тракте Дорогобужском, и в стане Поуском, над речкою Узою лежащих, у безаконнаго владельца урожденного Андрея Леневича-Каминского, данную Варшаве мѣсяца марта 31-о дня 1638 году оных добр ко владению, что вышереченный Колечицкий за доброволным реченного Каминского, беззаконного владельца, уступлением чрез межевщика присяжного i енерала законно преступил, i оных в спокойном содержании i упо-

треблении состоит. И для того взносил Нам чрез некоторых господ совета урядников Наших дворных, при Нас в то время бывших, прозбу, дабы Мы, яко привилегию на законное дохождение данную, так же право и владения ему силою і властию Нашею Королевскою подтвердили; почему Мы, по предстателству совета господ радъ наших то чиня, тако жъ і на заслуги урожденного Колечицкого милостивно взирая, вышереченную привилегию, тако ж право и владѣния реченною деревенкой Шебяки и пустошью Напалки властию Нашею Королевскою утверждаем і подкрепляем, против которой привилегии и владение правом ленным і при спокойном владении деревни Шебяк и пустоши Напалак вышереченного Колечицкого, жене, детем і потомству их мужеска полу, пока от них линия происходить будет, всякого звания з доходами і принадлежностями, исключая селитры і товары лесные, сохраняем, с тем однако ж, чтоб с тех добр оборона градов северных по установлениям сеймовым от него самого і наследников ево должны быть, чего для лутчаго уверения, рукою Нашею подписав, печать Великого Княжества Литовского приложить указали. Дан в Варшавѣ мѣсяца октября 12 дня тысяща шестсот сорок первого году, государствования Нашего Полского 9, и Шведского 10 году.

У подлинного подписано тако:

Владиславъ Король

Подтверждение известных добр в Воеводстве Смоленском урожденным Колечицким

Станиславъ Намшевицъ
Писарь В. К. Л.

10

Листъ Томаша Рацевича, межевщика Его Королевскаго Величества воеводства Смоленскаго, Григорію Халютину Колечицкому и женѣ его Галышцѣ Миколаевичовнѣ о вымереніи и ограниченіи земель на 56 волокъ въ деревнѣ Ведерникахъ, Монинѣ и пустошахъ Ермакахъ, Задкахъ, Бахтаярках, Пиручинѣ — 50 волокъ и въ деревнѣ Клемятинѣ и пустоши Баковѣ — 6 волокъ.

8. 5. 1640

Томаш Рацевич, межевщик Его Королевского Величества при должности воеводства Смоленского, чиню ізвестие сим моим листом, что в силе привилегий и конфирмаций Его Ко-

ролевского Величества Государя нашего милостивого і писма Господина Подскарбего, ко мне писаннаго, дабы вымерил і ограничил земли, до пашни і осады годного, пятдесят волок господину Григорью Халютину Колечицкому і жене ево госпоже Галыщце Миколаевичевнѣ, а именно: деревни Ведерники, Монино і пустоши, названныя Ермаки, Задки, Бахтаярки, Пиручино в воеводстве Смоленском, в тракте Дорогобужском, в стане Поуском, да другой деревни Клемятина, по обе стороны речки Бирулки, і пустоши Бахова, над рекою Полною, шесть волок в воеводстве Смоленском в стане Івановском. Той земли ограничение такое: первая стена от реки Вузы по суточние, которая идет от Вузы до копца, что подле дороги Дорогобужской и Смоленской усыпан, от копца ручаем вверх ручая до дороги Еленской, которая ідет в Монина, с той дороги черной ручей, а черным ручаем до мостка і дороги, которая ідет з Ведерников на Казанку вверх ручаю до стены господина Воронца, тою ж стеною господина Воронца до дороги, которая ідет з Ведерников до долины отездной, от той долины около поль Бахтаярских даже до дороги Анцыпинской, которая ідет до слободки Мстиславской в ров, тым же рвом до Ворсохи речки, тою же Ворсохою вверх черного ручья до березы, от той березы до Узы. В сем месте граница окончилась деревни Ведерников, Монино і пустоши — пятидесят волок Поуского стану, а починается другой деревни Клемятина і пустоши Бахова — шесть волок. Тако починается от реки Полны в ров Лукьяновской, тем же рвом до Гостинца Дорогобужского, которой идет до Досугова, в двух елях кресты і врубы, оттуда до болота, а с того болота ручей, тым же ручаем до речки Бирулки, вниз речки Бирулки до рву, а вверх того рову даже до дороги Борсуковской, і, которая идет с Клемятина и чрез дорогу Борсуковскую, перешла до осины, а с стены нарожной до врубов и крестов вправо поворотя до сосны и до крестов и врубов от той сосны до дубу развиловатого, которой над болотом стоит, от того до другого дубу, которой над дорогой стоит, идучи по правой руке тою ж дорогою до липки над дорогою от той липки вправо даже до рву, которой идет до реки Полны, — в сем месте окончилас граница. В сем ограничении болотами и реками и вырубами, на разных деревах врубы зделаны, которой земли пятдесят шест волок вымерив і достаточное ограничение зделав, отдав во власть и в со-

держание господину Григорью Халютину Колечицкому и жене его госпоже Голыщце Миколаевичновнѣ, и для лучшаго уверения и утверждения даю ему сей лист вымерения і ограничения моего с подписанием собственной руки моей і с моею печатью. Писан в Смоленске 1649 году мѣсяца маия 8 дня.

У подлинного подписано тако:

Томашъ Рацевичъ

Межевщикъ Его Королевского Величества Воеводства Смоленского

11

Королевскій привилей Яна Казимира Андрею Колечицкому на село Щелканово и пустоши — Поповщину и Плавучье въ Ивановском станѣ.

31. 12. 1650

Янъ Казимиръ, Божіей Милостью Король Польскій, Великій Князь Литовский, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Инфляндскій, Смоленскій, Черниговскій. А Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдный Король.

Объявляемъ симъ листомъ Нашимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ. Заслужилъ благородный Андрей Калечицкій въ разныхъ военныхъ экспедиціяхъ наяснѣйшихъ антесесоровъ нашихъ, заслуживаетъ нынѣ Намъ и Рѣчи Посполитой, дабы въ предстоящихъ оказіяхъ милость Наша Королевская его не миновала, что сей часъ и доказываем. При его ленномъ правѣ вѣчномъ на имѣнія — село Щелканово, пустоши Поповщина, Плавучье — находящіеся въ воеводствѣ Смоленскомъ въ станѣ Ивановскомъ въ пользованіи благородной Анны Сурыновны, супруги его, рѣшили мы эти земли въ пожизненное владѣніе дать ему и конферовать. И настоящимъ листомъ даемъ и конфируемъ: есть и будутъ въ правѣ благородные вышеупомянутые супруги — Андрей Калечицкій и Анна Сурыновна выше-спецификованными имѣніями, in genere et specie, съ принадлежностями и прилегающими угодьями, издавна къ этимъ имѣніямъ принадлежащими, сами и потомство ихъ мужскаго пола, пока таковые будутъ, владѣть и пользоваться, кромѣ селитры и лѣсныхъ товаровъ, и всякіе тамъ пожитки увеличивать, соблюдая кондиціи о оборонѣ Смоленскаго замка вмѣстѣ съ другими тамошними обывателями на вѣчныя времена, для чего, ради боль-

шей крѣпости, подписавшись Нашей рукой, указали Мы наложить печать Великаго Княжества Литовскаго. Данъ въ Варшавѣ дня XXXI мѣсяца декабря года Господня MDCL, царствованія Нашего Польскаго во II, а Шведскаго въ III годъ.

Янъ Казимиръ Король

Communicatio Juris при ленном праве благороднаго Андрея Калечицкаго на извѣстныя имѣнія въ Смоленщинѣ благородной Сурыновны, супруги его.

Янъ Д. Емишъ

Референдаръ и Писаръ Великаго Княжества Литовскаго.

12

Сговорный листъ (сговорная) Казимира Воронца и жены его Ядвиги Макшецкой, опекуновъ Елены Андреевны Колечицкой, при обрученіи ея съ Петромъ Краснымъ-Милошевичемъ, на приданое ея, состоящее из села Щелканово и деревень — Панское и Марово.

30. 10. 1680

Отъ меня Казимира Воронца и отъ меня Ядвиги Макшецкой, жены Казимира Воронца, данъ сей листъ Волею Божіей и съ совѣта Ихъ Милости Пановъ друзей нашихъ обручили мы Ея Милость Панну Елену Калечицкую, подъ опекой нашей находящуюся, съ Его Милостью Паномъ Петромъ Краснымъ-Милашевичемъ на святое супружество. Панну Елену Калечицкую выдаемъ въ святое супружество за Его Милость Пана Петра Милашевича въ нынѣшнемъ семъ тысячъ сто восемьдесятъ девятом году [1681] мѣсяца января двадцать третьего дня по старому календарю въ мастности нашей въ усадьбѣ Горчаковской въ воеводствѣ Смоленскомъ въ станѣ Максимовскомъ. По сему свадебному акту имѣемъ мы и должны будемъ за Панну Елену въ посесію съ усадьбой его Милости Пану Петру Милашевичу и этой его, дастъ Богъ, будущей супругѣ, уступить мастность въ воеводствѣ Смоленскомъ, въ станѣ Ивановскомъ — село Щелканово съ усадьбой, мельницей, подданными и пустошами, къ этому селу принадлежащими, другую деревню Панское, лежащую въ томъ же воеводствѣ Смоленскомъ въ станѣ Долгоместскомъ, со всѣми подданными и со всѣми угодьями, и третью деревню, лежащую на трактѣ Дорогобужскомъ съ подданными и съ пустошами, называемую Марово, и съ дви-

жимостью, что во время свадебнаго акта указать можно. А ежели, давъ сей листъ за нашими руками, не захотимъ мы выдать Панну Елену Колечицкую за Его Милость Пана Петра Милашевскаго, то обязуемся заплатить Его Милости Пану Петру Милашевичу денегъ триста рублей мелкой монетой, для чего и дали мы эту запись нашу ради большей крѣпости съ подписаніемъ рукъ нашихъ и Ихъ Милости Пановъ друзей, отъ насъ действительно приглашенныхъ, подъ обязанностями и условіями сей грамоты подписавшихся. Писанъ въ Горчаковѣ семъ тысячъ сто восемьдесятъ девятого года [1680] мѣсяца октября XXXI дня.

Казимир Воронецъ и равно супруги моей руку приложилъ.

Устно действительно приглашенный отъ лицъ вышеупомянутыхъ въ сей грамотѣ — *Лавруха зъ-Бонхи-Бонецкій.*

Приглашенный отъ вышепоименованныхъ лицъ печентарь — *Николай Высоцкій* — руку свою.

Приглашенный отъ лицъ вышепоимнованныхъ — *Станиславъ Лешевичъ-Бородуличъ.*

Отдано въ приданое Петру Милашевичу Щелканово, Панское Елены Калечицкой.

<6.> <Друг сердца и души
Письма Якушкиных
1806—1827> *

<7.> Философов
Письмо родословное
1793—1837

Все мы знаем нашего Димитрия Владимировича Философова (1872—1940). Когда мы жили в Вологде, Д. В. Философов по письму моему — прошению от неведомого — присылал «Мир Искусства». И все мы (П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков), «сошед-

* «Из архива Рачинских. Рукопись я оставил в России Евг<ении> Фед<оровне> Книпович» (*помета Ремизова на тексте содержания «Россиия письменах. Кн. 2». — Ред.*).

ше вкупе» на Желвунцовской, в долгие вечера картинки рассматривали, поминая добрым словом Философова. И первый мой визит в Петербурге вольным человеком (1904 г.) был в Басков переулок к Философову. Потом Философов не раз пристраивал меня в Госуд<арственный> Контроль на службу — не выходило дело все по моей оплошности. И многую еще во всяких делах житейских роль играл: и к доктору Н. Ф. Чигаеву водил меня в мою болезнь тяжкую, письма всякие писал за меня хлопотные по денежной части к людям, от которых зависело, а какие книги получал я от него в дар библиографические — сказки, сборники, хождения, какие на елку золотые яблоки и яйцо в Светлый день, все меленько исплетенное и изукрашенное в серебряных блестках по голубым звездочкам. Ну, и на именины никто не придет, бывало, даже Федор Иванович Щеколдин по службе своей маетной иной год запамятует, а Философов обязательно.

Философов любит и ценит русскую сказку, русское слово, русскую речь и не пропустит ни одного сборника, в понедельничной «Речи» статью напишет. А за одно за это по душе его будет русский народ память творить.

В первый год войны попал мне клад в руки: такая вот корзинка — десятка три яблоков уложишь, — старинные документы и письма. И среди писем четыре письма Философовых, родовых: прадеда — Николая Дмитриевича Филозофова от 27. XII. 1793 г., прабабки — Елизаветы Ксенофонтовны Филозофовой, рожд. Елагиной, от 31. I. 1802 и 9. IX. 1819 г., деда — Дмитрия Николаевича Философова (1789—1862) от 18. III. 1837 г. Письма, за исключением дедовского, писаны крепостными искусными доброписцами и только подписи самими подписаны.

В книге А. В. Тырковой о Анне Павловне Философовой, матери Димитрия Владимировича, говорится, что «отец Димитрия Николаевича, Николай Дмитриевич, умер, когда сыну было лет 11» (А. В. Тыркова. Анна Павловна Философова и ее время, 1837—1912. Пгр. 1915 г. Т. I, стр. 20), из чего можно заключить, что год смерти прадеда Философова до сей поры не установлен. По письму же Елизаветы Филозофовой (№ 2) видно, что Николай Дмитриевич скончался от «праличного удара» 21 декабря 1801 года, когда Дмитрию Николаевичу, родившемуся 16 октября 1789 года, было 12 лет.

Герб Философовых: в голубом поле полумесяц, вверху полумесяца и внизу по шестиугольной звезде.

Род Философовых — от Марка Македонина философа «мужа честна», выехавшего в Россию при Владимире Святом вместе с послами греческими (Родосл. кн. VI).

И про это нынче всякий знает.

В прежние же времена до такой древности и сами Философовы не доходили. И когда понадобилось объявить о своем корени, не малое было замешательство.

«За присланную родовой нашей фоммилиі благодарю, только я и братецъ Михайла Михайловичь * не знаемъ, како бы со оной обстоятелно свести и вашъ и нашъ родъ согласно со оной родословной, затемъ и не представлено от нас еще: *мы и сами далее нашего рода не знаимъ*», — пишет из Богдановского от 27 дек. 1793 г. (№ 1) Николай Дмитриевич Философов троюродному своему брату Лариону Никитичу Философову ** в Новую Ладогу.

А спустя четыре года Никита Никитич Философов *** в письме своем из симбирского Философова от 10 сен. 1797 г. родному своему брату Лариону Никитичу жалуется:

«Я теперь въ великомъ нахожусь недоумѣніи въ разсужденіи представленія доказательства на дворянство, которое по извѣстному Вам указу всякой представить долженъ, то прошу тебя, любезнѣйшій братъ, увѣдомить меня, какое есть твое въ разсужденіи сего намѣреніе, дабы я сообразно оному поступить могъ. Мнѣ же кажется, намъ бы всего лѣгче было утвертится на доказательствѣ Михайла Михайлыча или Николая Дмитрича Философовыхъ, такъ какъ мы съ ними от одного поколѣнія происходимъ, то онѣ без сумнѣнія больше имѣютъ способовъ на отисканіе доказательствъ. И когда от нихъ оные представлены будутъ, то нам только останется вывесть родословную, что

---

* Михаил Михайлович Философов (1732—1811) — ген. от инфантерии, с 1768 по 1774 посланник при Датском дворе. При Александре I состоял членом Гос. Сов., скончался в имении своем Котельна Островского уезда Псковской губ.

** Илларион Никитич Философов — инженер-капитан, женат на Пелагее Алексеевне Барыковой (1791 г.).

*** Никита Никитич Философов — симбирский помещик, женат на Марфе Михайловне Карамзиной, сестре историка (1796 г.).

мы съ ними отъ одной и той же самой фамиліи произходимъ, что уже намъ весьма не трудно здѣлать можно будетъ. И такъ не оставь меня, любезной другъ, о семъ своимъ увѣдомленіемъ».

Родичи Димитрия Владимировича подписывались *Филозофовыми*, только с деда — Дмитрия Николаевича (16. X. 1789 — 2. IV. 182) пошло: Философовы. Троюродные же братья звали себя *Философовы*: Никита Егорыч с женою и дети их — Иван Никитич, ЛарионНикитич, Никита Никитич, Анна Никитишна (за Маклаковым) и Александра Никитишна (за Ивковым).

В XVII в. Философовых писали *Ѳилосоѳовыми.*

«Царю, государю и велик. кн. Михаилу Федоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ѳедосѣйка Аѳонасьевъ сынъ Ѳилосоѳовъ. Послан я, холопъ твой, на твою государеву службу въ Пермь въ Великую въ Чердынь къ цесарскому послу и я, холопъ твой, живу другой год, а которые были прежде меня и тѣ жила по ... Милосердый государь, царь и в. кн. Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, меня перемѣнить съ своей государевы службы, а я, холоп твой, одолжалъ великими долги. Царь, государь, смилуйся пожалуй».

«*По склейке помета*: Государь пожаловалъ, велѣлъ перемѣнить и послать память въ разрядъ о дворенинѣ».

«Въ прошломъ во 136 [1626] г. генваря въ 22 день посланъ былъ въ Пермь Великую въ Чердынь въ приставы къ цесареву послу къ Адаму Дорну Кузма Шестаковъ. И былъ онъ въ Чердынѣ и съ проѣздомъ годъ и 2 мѣсяца. А въ прошломъ во 137 [1627] году марта въ 30 день посланъ въ Пермь Великую въ Чердынь въ приставы къ цесареву жъ послу къ Адаму Дорну въ приставы на перемѣну Кузмѣ Шестакову Ѳедосей Ѳилосоѳовъ и живетъ въ Чердынѣ марта съ 30 числа 137 [1627] г. сентября по 17 139 [1629] году — год и 7 мѣсяцевъ. И ныне государю, царю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи Ѳедосей Ѳилосоѳовъ бьетъ челомъ, чтобъ государь его пожаловалъ, велѣлъ его съ Чердыни перемѣнить».

(«Костромская старина», изд. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком., вып. III, К. 1894 г. Отд. Смеси, стр. 5-6. Сообщ. И. Токмаков, библиотекарь Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел).

Библиография о роде Философовых помещена в Библиогр. указат. Савелова, указывающего литературу до 1900 г.

1) Зам. (Спр. Энц. Сл.) – Энциклопедический Словарь Брокг. Эфрона, см. Философовы.

2) Бояр. Кн. – Боярская книга – Иванов П. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упомиаемых в боярских книгах, хранящихся в 1 отд. Москов. Арх. Мин. Юст., с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М. 1853 г.

3) Родосл. (Вс. Ил.) – Всемирная Иллюстрация 1873 г. IX. № 234.

4) Для немног. – Для немногих. Специальные заметки по генеалогии, истории, археологии и искусству. П. П. Петрова. Спб. 1871 г. 3 тома.

5) О. Г. V – Общий Гербовн. Дворян Российск. Имп. т. V.

6) Дв. Р. Ч. I. – Бобринский А., гр. Дворянские Роды, внесенные в О. Г. Спб. 1890 г.

<* * *>

Я всегда был убежден, что нет на свете других Философовых, только родственники Димитрия Владимировича – внуки, внучки и правнуки Анны Павловны Философовой, оказывается, нет, есть Философовы и другие и совсем не родственники Философовым ни Богдановским, ни Новоладожским, ведущим род свой от Марка Македонина философа.

Судьба свела меня в Госпитале с ученым доктором, доцентом Медицинской Академии, Петром Ивановичем Философовым: лежали мы вместе в одной палате, и многому он наставлял меня от учености своей и помогал мне от доброго и благородного терпеливого сердца. А кореня он западнорусского, ведет свой род из Ка́менца-Литовского из деревни Дворцы, что в верстах десяти от Ка́менца*. А построил Ка́менец в 1276 году и жил в нем внук Даниила Галицкого Владимир Василькович Волынский, князь мудр, красноречив, книжник велик, за что и прозван философ.

* О истории Ка́менца есть большое исследование отца П. И. Философова Ивана Никитича Философова, книга называется: «Исторический очерк местечка Каменец-Литовска Гродненской губ.» (в рукописи).

1

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю моему
Лариону Никитичу
Философову

Богдановское
от 27 декабря
1793-го года

Любезнейшей другъ и Государь мой
Ларион Никитичъ

За приятное и дружеское Ваше писание покорно благодарю. Съ наступающимъ новымъ годомъ Васъ и всю любезнейшею вашу фомилию усердно поздравляю от искренасти серъца желаю преправодить во вякомъ благополучиі. Что жъ Вы меня уведомляите, что щитается на крестьянъ моих недоимка 60 ру. 48 ко. рекруцких денегъ за 790-й годъ, не знаю, отчево етакая происходитъ неспрведъливость, что верно, не даходютъ отправленныя от здешнего уезднаго нашаго предводителя промеморіи, я в доказательство посылаю симъ старостомъ настоящіи квитанціи, как за 790-й годъ, такъ и за нонешней 793-й годъ, и при томъ васъ предворяю я единожды и навсегда, здешнеи души причисляю къ Новоржевским душам, то васъ староны етай и не обеспокоиваю. За присланную родовой нашей фоммиліі благодарю, только я и братецъ Михайла Михайловичь не знаемъ, како бы со оной обстоятелно свести и вашъ и нашъ родъ согласно со оной родословной, затемъ и не представлено от нас еще, мы и сами далее нашего рода не знаимъ. Затемъ совершенною къ вамъ преданностию есмь и буду,

любезнейшей другъ
ваш верный и пакорный слуга
Николай Филозофовъ

І васъ, Милостивая Государыня моя, *Палагея Алексъевна*, покорно благодарю за приятное ваше приписание, прашу и вперетъ не оставить вашимъ уведомълениемъ, что для меня весма лесна получать. Затемъ съ почтением пребуду вамъ,

Милостивая Государыня моя,
покорнейшей слуга
Николай Филозофовъ

* * *

Міластівая Государыня
Палагея Алекъсеевна
і Міластівой Государь моі
Ларіонъ Некітічъ

Пакоръна благодарю за пъріятъное ваше пісаніе і за ніосътавленіе кърсъсътьянъ нашыхъ, которыхъ пакоръна прашу і впъреть ні осътавіть. Деті моі съвідетельствуютъ съвае почтеніе, любезъныхъ детеі вашихъ заочна цалую

съ почтеніемъ пребуду вамъ,
Милостивымъ Государямъ,
покорная сълуга
Елісаветъ Філозоѳава

Красная сургучная гербовая печать

* * *

На отдельном листке:
Промемория отправлена в Питербургъ 1793 года декабря 13 дня по № 165.

2

1802 года
Генваря 31 дня
с. Богдановское

Милостивая Государыня моя
Палагея Алексеивна!

Богу угодно было прашедшева месяца 21-я число оставить меня но воспитанія малалетнава моево сына. Николай Дмитревічь скончался праличнымъ ударомъ. А я, матушка, поблагодарю Васъ и любезнава моево раднова, какъ редкава родственника почитая Лариона Никитича за неоставленіе моихъ и я называю Будаевскихъ и вашихъ крестьянъ, такъ какъ приказано было от покойніка, равно и от меня, чтобъ оне почитали васъ в адъсудсвіи нашемъ, повіновались бы вамъ и Ларіону Нікітичу и надеились бы болше всехъ на васъ, моихъ радныхъ, вся моя надежда. Ещо жа прикасъ: в летнія время в адну страду каждая баба три дни должна отжить на барщины съ серпомъ

или з граблимъ, а в другую три дни мужикъ каждой с касой или с граблимъ, какъ потребуети. Мне не очень приятна, что мужикъ мой на дворянки женілся, да когда нетъ невестъ и она по воли пошла, такъ волю и свабоду нихто не отъемлетъ, толка, матушка, пусь Ларионъ Никитичь, какъ салдатку, такъ и дворянку законнымъ порядкомъ утвердитъ, я думаю, ихъ нужна обеихъ допросить в суде. Монастыречку свою, когда поедітѣ навестить, не забывайтѣ и мою. Долгомъ себя чту сказать вамъ, прошедъшева году октебря второе я и Ніколай Дмитріевичь выдали дочь Надежду за Александра Ивановича Бораздина, котораго вамъ рекомендую. Прошу сказать Лариону Никитічу, что я налажила на нихъ двесте рублей, да приказала отправить вдову Агафью Васильеву з детми, пусь дастъ подшпортъ для пропуску в Порховской уездъ для отвозу в деревню Сущова. За рыбку васъ и за соленую благодаримъ, приказана и на тотъ годъ купить, я люблю сиги, а когда будутъ дешевлія нонішнова, то в дабавокъ саленой велина, свежей 10 сигов. Препоруча себя вамъ и Ларіону Нікітичу, равно и детѣй, прося о продолженіи родственный вашей любви, которой по гробъ мой почтусь быть достойный,

пребуду с почтеніемъ вамъ,
моимъ Государемъ,
слуга Ваша
Елисаветъ Филозоѳава

3

Сентября 9-го дня
1818 года

Милостивый Государь и любезной другъ
Ларіонъ Никитичь!

Я ноничи была въ восхищеніи от вашей Полагеи Алексеевнѣ в проездъ ея, такъ была обрадована, свидивши, что для ней воткнулась въ карету къ Аннѣ Степановне Протасовой, которую я всегда найду въ Питербурге, хотя она и уважительна и очень рада, что могла моей умницы Полагеи Алексеевнѣ показать мое прежнѣе жилищѣ, хотя ее побеизпокоила поместила въпиреди, разцалуй ее ручьки за меня, она предоставила мнѣ побыть с ней

и Анну Степановну провести. Теперь у меня сокровищѣ неоцененное приехала въ июнѣ и на сихъ дняхъ отъезжаетъ ко всемъ къ намъ погостить Катерина Михайловна Кожина, которою я просила и принудила ее принять от меня подарокъ, такъ какъ родной племянницы которую я душевно люблю, мужъ ее былъ не племянникъ, а благодетель моих дѣтей, такъ нужно квитатся съ его женою и детьми по возможности, она и сама любезна для меня не меньше мужа ее. Отдала я по смерть мою приказаніе старосты, которое къ вамъ и посылаю. Сбери, батюшка, всехъ крестьянъ и прочитай имъ, а имянно в томъ состоящѣе: она не можетъ ихъ не продавать, не заложить, ничего накладывать, равно и лесу продавать, а вместо аброку онѣ должны нанять барку, пригнать въ Питербургъ бичевой, на каторую нагрузить 300 пудовъ сена, сто сажень дровъ. А крестьяном прошедшію зиму позволено было по саженю дровъ выбрубить, а нынечи не позволяю, да и нечево от нихъ не получаю, даже и сынъ мой не смеитъ имъ камандывать и накладывать при жизни моей и никто из детей моихъ, а по смерти моей власть сына моего, одинъ у меня только есть вамъ и имъ известно, кто таковъ, но какъ я имъ была всегда госпожа и онѣ мною отзывались давольны и вами, то и теперь опять вамъ вручаю, ежели что въстретится, должны все къ вамъ прибегать и спрашиватся, какъ имъ поступать. А и васъ нижайше прошу ихъ не оставить и приказывать лѣсъ не разорять отнюдь въ чужия руки не продавать не бревна, не пьянничить, въ тишины жить, у каво семейство въ извосъ ездить, въ заработки ходить въ Питербургъ, къ вамъ въ навозныя толоки на неделю мужикъ баба навозникъ и лошадь съ двухъ венцовъ. Да уведомте, батюшка, получил ли староста верющіе письмы два отпуска на дворянкину дочь послано было по почте на имя Александра Ивановича и еще на крестьянку и верющѣе письмо старосты ладожскому выгруска чтобъ была моихъ крестьянъ, а перевоска ее и болѣе оне не мешкали, какъ три дни и по пустякамъ чтобъ онѣ отнюдь не мешкали въ Питербурге, деньги остальные, которые от дворянки будутъ взяты за дочь, когда будетъ давать староста отпускную, взять о ней и отдать для пересылки дочери моей Надежды Николаевнѣ Бороздиной суммою ассигнациями двестѣ рублей я от ней получила лично въ задатокъ и разсудила такъ же и подарить не-

сколько, я сама дворянка такъ с дворянками такимъ образомъ и объхажусь по моимъ чувствамъ, хотя дочь моя крепостная

съ уваженіемъ моимъ к вамъ пребуду,
Милостивые Государи мои,
сълуга ваша
Елисоветъ Філозофава

1818 года
9 сентября
Бѣжаницы

4

1837-го года
марта 18-го

Милостивый Государь, почтеннейшій
Ларіонъ Никитичъ!

Самыя тяжкія два года моего Предводительства потому, что розно былъ съ семействомъ, миновались и уже полагая долгомъ здѣлать сію жертву, какъ членъ общества, больно, что последній годъ, когда я определя меньшаго сына въ училище Правоведенія могу служить и пользоваться сообществомъ жены, вынужденъ былъ оставить службу, чувствуя, что по немощамъ моимъ безъполезно занимаю мѣсто и не безъ опасности остаюсь безъ помощи. Сіи-то удручающія меня недуги и притчиною, что по сіе время не отвечалъ на почтенное письмо Ваше. Приношу мою покорнейшую благодарность за память Вашу о насъ и милостивое ваше расположеніе чувствую во всей силѣ.

На щетъ браковъ доверенности менять дѣвокъ старосты мнѣ давать не хочиться, полагаю вѣрнѣя, естли относиться будутъ по сему предмету для каждаго случая къ намъ или лично при оказіи или писменно. Брак есть эпоха въ жизни, следовательно, и похлопотать можно и подождать некоторое врѣмя не беда.

По чувству уваженія и любви моей къ вамъ мнѣ бы весьма пріятно было зблизиться съ семействомъ вашимъ, но три раза повторяемыя визиты мои къ любезнымъ сыновьямъ вашимъ, оставленныя съ ихъ староны безъ всякаго вниманія, заставили уже давно потерять ихъ изъ виду.

Торгуитъ у меня г-жа Опрелева пустошъ отдельную при рѣки Сяси въ коей шездесятъ двѣ дѣсятины. Продать дёшево, получишъ деньги ничтожныя. Запрасилъ я шесть тысячъ, не

даетъ. Между тѣмъ, знаю, что ее крестьянамъ она весьма нужна и онѣ пользуясь за бездѣлицу не сильно хлопотать будутъ купить и потому полагаю потребовать съ нихъ не менѣе трехъ рублей за дѣсятину, то есть, 186 руб., естли хотятъ оною пользоваться. Откажуться, не бѣда, что не получуться платимыя ими 60 руб. При строгомъ смотренiи чтобы не пользовались сiе можетъ заставить ихъ дать мнѣ желаемую цѣну. Или не поселить ли мнѣ на сiю землю какую-нибудь позаботливѣе фигуру псковскую, то со временѣмъ, давъ на некоторое врѣмя льготу, можетъ быть польза прочная. Надеясь на Ваше родственное расположенiе, буду ожидать отъ опытности вашей, какога вы по сему дѣлу мнѣния.

Какъ я, равно и жена свидетѣльствуимъ наше истинное почтѣнiе Милостивой Государынѣ Пелагеи Алексѣевнѣ.

Пребыть честь имею съ чувствомъ совершеннаго уваженiя Вашъ,

Милостивый Государь
покорнейшiй слуга
Дмитрiй Философовъ

<ЧАСТЬ II>

<1.> Парижский клад
1701–1732

Клад

Эка, куда его занесло! Ищи среди бела дня на Набережной в Париже —

нарочно не придумаешь!

Клады кладутся с зароком — и первое дело: знать зарок.

А зарок зароку рознь; один зарок — на голову человечью, другой — на сорок голов воробьиных, третий — на «отчу», а бывает — на матерное слово:

выругайся — и клад покажется, а без того
всю жизнь ходи вокруг
и — ничего!

Клад в Париже лежал с зароком на матерное слово.

Вот и подумайте!

Ведь это на Москва-реке с таким зароком — да тот же, ну... Пильняк давно бы его, походя, забрал, а тут — в Париже —

Ведь население еще не просвещено! и не только мысленно, а и громко не употребляют таких слов!

Да и из русских заезжих, ну, скажите, кто из литературного круга разумеет? Возьмите для примера самого Милюкова или Фондаминского с Авксентьевым, ну нарочно при всех попробуйте проэкзаменовать!

Да им самое ходовое из этого словаря коломенского, что тому же Пильняку по-английски.

Да, трудно придумать что-нибудь более несообразное и более замысловатое, как такой зарок — в Париже!

*

Купил Поляков соломенную шляпу. У Делиона купил на Сен-Жермене. Надел — крепко. Идет — посвистывает. (В Европе все посвистывают, у нас — не полагается!)

Дни яркие — солнцем проняло — прёт.
А у него с глазами чего-то:
и не двоится, а муть,
зажмурится, потрет — пятно —
ультрафиолетовое.
Шел Поляков по Набережной к книжным ларькам:
не найдется ли какой книжки оккультной?
Сколько хотите! — и оккультной и по терапии.
Остановился. Прицелился — книга к книге, всякие —
Но только что за корешок тронул, откуда ни возьмись ветер — как ду-нет:
шляпу-то и сорвало,
вскрутнуло!
и — в Сену.
Тут Поляков не удержался: досадно — новенькая ведь! у Делиона! — да как матнёт —
И кто бы подумал:
Поляков жизни благочестивой —
Поляков-Литовцев!
прошлым летом вместе на гору Андекс подымались (это в роде как наша Лавра монастырь) и с Элиасбергом, и какие уж там слова, он и песен-то не поет... Постойте! у Шестова — рисовал Шестова Борис Григорьев, зашел Поляков посмотреть — это Борис Григорьев! Или и в самом деле прав Шкловский: уши даны человеку не для того, чтобы все слушать, а чтобы хлопать ушами!
Поляков не удержался —
И в ту же самую минуту в глаза его влипли листы — лист за листом — расписанные, как нарезанные, с усиками, закорючками—
а это клад вышел!
Тронул: бумага старая, а живет. И ничего сразу не разберешь — чего это? — а наше — русское.
— Сколько? — спросил Поляков по-французски.
И не торгуясь, заплатил мелочь —
продавец-то и сам ничего не понимает, откуда?
Забрал Поляков связку и домой.
А какая была шляпа — соломенная! — Делион!

*

Как ехали из России, взяли мы с собой земли — так с пёрсточку в костяной коробке —

русская земля!

Был я всем и стал ничем, как и всякий тут русский без России.

А земля — это и память и крепь.

Жили мы у Делион на Кирхштрассе. Только что начали обживаться: подвесил я над столом паука, открыл «Обезьянью палату» и за работу.

Русскому человеку тут, в Германии, большое ученье: начинай с аза и долби, как школьник —

книг, каких хочешь, — ведь нет такого вопроса, над которым бы не потрудился немец! — и вокруг работа кипит: слышали вы, как проходит поезд, как он дышит, так тут работа.

Ноябрь — там в России первопуток, а здесь дождище, самая осень и только клен стоит перед окном зеленый.

В субботу приходили дети — в «Обезьяньей палате» им вольготно: ведь для них все в ней живое от пряника «Michel'я» до черного Унтергрундика, такого косматого духа, который по подземной дороге — от Wilhelmplatz до Wittenbergplatz — ночью один катается, винтики проверяет.

Приходила Ира, — играли в медведи.

Приходил Гиви, персидский мальчик, разговаривал с ним по-грузински — дети на всех языках понимают! И Леночка: ей все кошечку хочется, медведей не надо — медведей она не боится, сама пугает.

Приходила Женя: я ей «книжку писал», она мне домики рисовала.

Потом Гржебинские дети и Юра — «паука смотреть».

И Андрей Белый —

я ему про сон, что мне снилось сегодня, как ходили мы с ним по дорогам, потом входим в комнату, а там лежит на постели — большущая черная, как унтергрундик черный, ворона, а брюшко и лапки лягушиные. И не то она спит, не то так отдыхает. И Андрей Белый будто сказал, что эта ворона — вороляг — это я. Вот, говорю, никогда-то я не думал, что я —

И еще звонок — Поляков-Литовцев.

Знал я Полякова еще по Петербургу — у Вячеслава Иванова на «башне», много тому прошло! Все с театром, какое уж благочестие, а тут гляжу — и леп и благообразен (портрет Сорина в «Жар-Птице» видели? — живой!)

— В Обезьяню палату?

— Послом обезьяньим из Парижа, — смеется, — а это хабар обезьяний (Affenbestechung).

И подает сверток.

Признаюсь, подумал на сигары —

либо, думаю, кофе!

Такое было постановление обезвелволпала, чтобы все обезьяньи кавалеры несли всякий по силе в обезьяню палату: кофе (настоящий), сигары, папиросы, табак и бумагу — канцеляристу «хабар обезьяний».

А развернул — рукописи.

«Ну, — думаю, — есть у нас русская земля, а вот и наша старина рукописная: еще крепче будет крепь!»

— Откуда?

— Купил я соломенную шляпу. У Делиона купил на Сен-Жермене. Надел — крепко. Иду — посвистываю. (В Европе все посвистывают!)

И рассказал Поляков все по порядку до самого того места, как ветром унесло у него шляпу и как с досады выругался он последними словами, — «новенькая ведь, соломенная, Делион!» — и как в ту же минуту вдруг увидел среди книг и эти рукописи.

— Ничего не понимаю! Что-то о построении Петергофа, а имена: Савинков, Милюков, Бурцев, Шатилов, Аничков, Лукьянов, Путилов, Карташов, Бронштейн и несколько писем не то Алексею Максимовичу, не то Алексею Михайловичу? Ничего не понимаю!

Тут дети стали прощаться и с ними Андрей Белый — домой пора.

Выкрасил я им рожицы на прощанье в разные краски: кого в красную, кого в синюю, кого в зеленую.

Простились они о моим Feuermännchen'ом — нос у него колбаской розовый, колпачок на голове черный, а сам озабоченный:

еще бы, зима идет, надо тепло беречь!

И долго — к великому моему страху — шумели в прихожей и на лестнице.

Проводил я детей, за посла взялся Полякова.

Сварил я ему кофе — по особому рецепту А. М. Поляковой! — в карлсбадском кофейнике: носик с пробкой, чтобы кофейный дух беречь.

И стало послу жарко —

как там у ларьков книжных на Набережной весною жарко, пошел посол о Париже рассказывать:

как был у старейшего кавалера обезвелволпала у Льва Шестова, о его новой книге о Паскале «Маковка мысли» и как его рисовал Борис Григорьев.

Прокуковала кукушка девять кукуков.

Заторопился посол:

некогда! — пишет он повесть, по листу отхватывает в сутки!

Пошел выпускать его за дверь.

— Спасибо! спасибо! — забывшись, громко крикнул вдогонку.

И уж тихонько — совсем неслышно — вернулся в комнату:

там рукописи — крепь крепкая, как земля.

*

Пять дней, не разгибаясь, сидел я над рукописями — клад разбирал.

В трудных местах, где очень уж хитро и стерто, помогала С. П.

68 документов — 1701, 1719—1725 и 1732 гг. — Петр (1682—1689—1725), Екатерина (1725—1727), Анна Иоановна (1730—1740), не хватает Петра II (1727—1730) — или ветром со шляпой унесло? 97 имен — мастера, вельможи, комисары, а действуют в Петербурге, в Петергофе, в Стрельне, в Красном.

Вот какой кирпич!

Все переписал (трижды переписал!) — букву за буквой, строчку за строчкой. Переговорил каждое слово — слово за словом — ведь писали, как говорили! Я как прошелся по годам — от года к году.

Подклеил, склеил, переплел — разными золотыми и серебряными бумажками, разноцветными, как камушками, покрыл переплет.

(Иван Пуни за эту работу мне картинку свою подарил — «революция»).

Поедем в Россию, это будет первый наш дар России —
клад.

I
Кедрики

Нет, нигде по всей Устюжине от Северной Двины и Вычегды и выше до Устьсысольска я не видел таких купавых кедров, таких и тихих и шумящих вековой сибирской сурью, как в Коряжемском монастыре в монастырской ограде.

Монастырь за Сольвычегодском по Вычегде — в белые ночи колокол слышно.

А какие орехи!

С орехами с кедровыми скоротаешь и самые длинные зимние вечера, когда на Устюжине саженный снег и только сорок колоколен сорока церквей сольвычегодских гудут — — ко-локо-лами.

Соль Вычегодская (Сольвычегодск) — это наш северный Rothenburg!

А за белой зимой разольется весна, зашумят кедры —

*

> 1701-го марта въ — день по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца (каков прислан указъ) ис Приказу Правианских Дѣл за приписью дьяка Ѳедора Михайлова у Соли Вычегоцкой в Приказной Избѣ перед выборными земских дѣлъ бурмистры Николаевского Коряжемского монастира келарь монах Мина сказал:
> «Что велено по Переписным книгам прошлых 186-го (1678) и 187-го (1679) годов для нынѣшней свѣйской службы впред для запасу к городу Архангелскому поставить по шти четвериков з двора муки ржаной в новых рогожных четвертных кулях по нынѣшнему вешнему водяному пути к отдаче провианских дѣл к подячим Алексию Наумову с товарыщи — «И Николаевского Коряжемского монастиря с монастирских своих со

штидесятъ с пяти дворовъ половничьих, с пяти дворовъ бобылских, с четырех дворов скотьих, с одного двора на приѣздъ — всего с семидесят с пяти дворов по шти четвериков муки ржаной з двора в новых рогожных четвертных кулях по нынѣшнему вешному водяному пути поставить собою без всякого задержания у города Архангелского к отдаче провианских дѣл к подячим Алексию Наумову с товарыщи.

«А буде мы, келарь, того (вышеписанного) запросного хлеба по нынѣшнему вешнему водяному пути у города Архангелского к отдаче подячему с товарыщи не поставим, и нам тотъ хлѣб, по указу великого государя, поставять вдвое на Воронеже в Азовской отпускъ самим собою.

«А как тот запросной хлѣб к городу Архангелскому (в отпускѣ будетъ) поставим и в отдаче будем, и о том мы, келарь, у Соли Вычегоцкой в Приказной Избѣ вѣдомо учинимъ на писмѣ.

Такова подана за рукою келаревою

1701-го.

Сказку келареву о поставке хлеба писал не сам келарь — келарь Мина только исправил: вычеркнул «каков прислан указ» и «вышеписанного», а «в отпуске будем» заменил «поставим и в отдаче будем» и в самом конце к «ведомо учиним» прибавил «на писме».

— Теперь можно и перебѣлить!

И вдруг вспомнил —

за окном в монастырской ограде кедры шумят —

И тут же на «сказке» сделал приписку — широкой разгонистой строчкой:

припаметовать когда поездка будет к Устюгу свести два кедрика к Ивану Агаѳнову Смолнякову.

II
Вино и табак

Вино и табак — вещи соблазнительные.

О происхождении и вреде их столько написано, что ей Богу ж ничего и не придумаешь.

1719-ый год — первая пора табачная у нас в России:
на табак была мода и создавались легенды и были свои мученики.
А табак не такой был, не эта вот моя смесь —
куриный помёт со мхом — Hühner Unrat mit Moos, на этикетке птичка!
а горлодёр — голландский.

Курил его князь Димитрий Михайлович Голицын (теперь на Руси и князья перевелись, одни остались обезьяньи) и сам директор над строениями оберкомисар Ульян Акимович Синявин и его брат комисар Федор Синявин.

Вино же в России искони — от Бахуса.
И первый его слуга — сам царь Петр.
Да и государыня Екатерина Алексеевна не брезговала.
А уж Савинкову и сам Бог велел.

Простое вино курилось дома — с Водочного двора принимайте, не простое же заморское из Голландии Любс доставлял.

1

Сего 1719-го году ѳевраля въ 25 день принял я, копралъ Демѣнтей Савинковъ, из сприему дворянина Ѳедора Боранцова простаго вина, которое он принял на Водочном дворѣ у инспектура, триста девяноста ведръ, в том я, копрал Савинковъ, ему, дворянину Боранцову, і сию росписку дал.

А росписку пісал по его, Демѣнтьеву, велѣнию ярославѣцъ посацкой человѣк

Петръ Івановъ

*

Того же году августа въ 2 день принял я, копрал Демѣнтей Савинков, из сприему дворянина Ѳедора Боранцова, которое он принял съ імения дому свѣтлейшаго князя, [Меншикова] простаго вина двести девяноста пять ведръ, в том, яз, копрал Савинковъ, ему, дворянину Боранцову, і сию росписку дал.

А росписку писал по ево, копрала Демѣнтья Савинкова, прошенію ярославѣцъ посацкой человѣкъ

Петръ Івановъ

2

Государь мой милостивыі братец
Ульян Акимовичь, [Синявин]

Князь Дмитрей Михайловичь [Голицын] приказал мнѣ до вас отписать, чтоб вы изволили прислать ихъ денги 300 рублевъ за взятой от них табакъ.

Зело о семъ изволилъ приказывать, чтоб прислали денги немедленно!

Братъ и другъ Вашъ,
государя моего,
Июня въ 18 день. Ѳедоръ Синявинъ.

3

Государь мой
Ульянъ Акимовичь, [Синявин]

Сего 1719-го году в ноябре мѣсяце по указу Ея Величества всемилостивѣйшей государыни царицы і великой княгини Екатерины Алексѣевны прислано от васъ в вѣдомство мое за проданое вино денегъ две тысячи рублевъ.

А за сколко ведръ тѣ деньги к нам присланы и по какой цѣне за ведро, того не вѣдомо, і затѣм в приход тѣхъ денегъ записать не по чемъ.

Прошу васъ, прикажи о томъ насъ увѣдомить чрез писмо свое, дабы намъ по чему было внесть оные деньги в приходную книгу.

Покорной слуга ваш
Родионъ Кошелевъ.

Санктъпитербурхъ.
Декабрь 1 день
719 году.

4

Мой господинъ,

Понеже указомъ изъ Правительствуюшего Сената кроме меня денги на вексель никому давать не велено. І нынѣ нужду имѣю в Москвѣ в денгахъ. Того ради изволь подателю сего писмо господину Ивану Петровичъ Любсу меншему денги, которие нынѣ перевестъ надоботься, оному Любсу меншему места

меня отдавать. И я здесь такие денги, сколька онъ приметъ, стано платить.

В покорности прибываю
слуги ваша

Сантпитербурхъ Herman Meyer
Декаберь 28 день
1720 году.

III
Белые медведи

Борис Неронов пишет князю Алексею Михайловичу Черкаскому.

(А. М. Черкаский (1680–1742) – б. ближний стольник (1702) с 1714-го член комиссии городских строений, канцлер.)

Не своей рукой пишет Неронов, – доброписец из XVII века строчит, – своеручно он только подписывается.

И только однажды –

о веревках в сад Его Величества для обвязывания елей за подписью пристягнул:

– отпусти спешно!

Но и со слов писаное – живо.

Неронов послал Кишкину в Петергоф подъем (лебёдку) для подъема фигур, а потом не раз писал и при встречах напоминал Черкаскому, чтобы вернули подъем. И вот промешкали – спрашивает о подъеме государь, а подъема-то нет!

– для милости Божьей, пошли сегодня!

Не дай Бог: схватится опять, быть грозе.

А так все мирно и тихо.

Надо две кожи – красную и сыромятную, сибирского татарина для уборки (убирания), больших собак –

– которых не потеряем!

Надо досок –

– на дело в сад государыни царицы лавок.

Надо железной проволоки «против образца» –

– для дела клетки.

У птичника Симона Шталя (S. Stahl) в птичнике завелись кинарейки – это клетка для кинареек. А скоро будут и «красные вороны».

Кожи, доски, проволоки, веревки отпустят из Казенных амбаров от Якова Шатилова и Заборовского.

И для медведей веревку — шестьдесят сажен веревок — от Заборовского ж:

— велено изготовить четырех медведей белых к свадьбе.

Чья свадьба? кого Петр выдает замуж? —

надо свадьбу сыграть не как нибудь, надо чтоб —

— с белыми медведями!

— Весь Петербург белыми медведями!

*

1

Отправить.

Государь мой князь Алексеі Михаіловичъ,

Двѣ кожи — красную и одну сыромятную прикажи отпустить, не помешкавъ. И сибирскова татарина для убиранья. И сабакъ болших пожалуй, которых не потеряем.

Слуга вашъ

Борис Неронов.

Подано генваря 5 дня 1719 году.

І об отправлениі тѣх кож к дворянину Якову Шатилову указ послан того ж числа.

2

Отправить.

Государь мой князь Алексѣй Михайловичъ,

По указу Ево Величества велено изготовить четырѣх мѣдвѣдей бѣлыхъ къ свадбе.

Того ради васъ, мой государь, прошу, прикажи отпустить шестьдѣсятъ саженъ верѣвокъ противъ обрасцовъ.

Слуга ваш, моего государя,

Борис Неронов.

Генваря въ 19 день.

Об отпуске веревокъ к маіору Заборовскому указ послан.

3

Государь мой князь Алексей Михайлович,

Много-кратна я да вас, моего гооударя, писал и словѣсно просил, чтоб ис Питер-гоѳа приказали привѣсть подъемъ, которой послонъ был от меня для подъему ѳигур х Кишъкину.

Того ради васъ прошу, прикажи ево привѣсть поскаряе —
понеже его изволил спрашивать Государь.
Для милости Божеи, пошъли сего дня!

Слуга вашъ
Борис Неронов.

Генваря въ 21 день.

4

Отправить.

Государь мой князь Алексѣй Михайловичъ,

Надлежитъ к столярнымъ дѣламъ сто досок пилованных в восемъ вершков ширины на дело в сад Государыни Царицы лавокь, да сто досок топорных.

Того ради васъ, мой государь, прошу, прикажи оные доски отпустить и перевесть на Мостѣрской двор казенными лошадми.

Слуга вашъ, моего государя,
Борис Неронов.

Генваря въ 22 день.

Об отправлениі тѣх досокъ к маіору Заборовскому указ послан вышеписанного числа.

5

Отправить.

Государь мой князь Алексей Михайловичъ,

По ведомости птичника Симона Шталя надлежитъ зделать для кинарѣекъ клетку ис проволоки.

Того ради вас, мой государь, прошу, прикажи для дела той клетки отпустить проволоки железной против обрасца два пуда.

Слуга вашъ, моего государя,
Борис Неронов.

Ѳевраля в 5 день
1720.

Об отправлениі той проволокн к дворянину Якову Шатилову указ послан в вішеписанного ж числа.

6

Государь мой князь Алексей Михайловичъ,

Надлежитъ в сад Ево Величества для обязыванья елей семъ сотъ саженъ веревокъ толщиною в два дюйма в округлость.

Того ради вас, мой государь, прошу, прикажи оные веревки отпустить.

Слуга вашъ, моего государя,
Борис Нероновъ.
Отпусти поспешно!

Подано өевраля 22 дня
1720 году.
Посланъ өевраля 22 дня 1720 году.

IV
Подъемный мост

— Зачинается строить через Мъю реку подъемный мост!

Напуганные «концом мира», а при всяком взрыве большого человеческого воления для напуганных «конец мира» — и кров и пугало, никогда не поймут и не почувствуют подъема и одушевления при вести о новой стройке.

—Зачинается строить через Мъю реку подъемный мост!

Да еще из ничего.

Или почти из ничего: из того, что естъ.

А в Казенных амбарах не так-то уж много, чего есть — надо все сделать, достать, выработатъ.

И притом в спешном порядке — «без замедления».

Это уж второй мост: первый — Большой, а этот пока без названия — у Мытного двора.

Мост деревянный.

Доски — с Охты; цепей нет — цепи сделают вольные кузнецы; копры бить сваи — от архитектора (архитекта) Трезина (Трезини); прочие припасы (матерьялы) из Казенных амбаров от командиров: мел, обивальные нити, напари, долота, говяжье сало — от Якова Ѳ. Шатилова, веревка — от майора Заборовского, уголь — от капитана Милюкова.

Только вот плотников нет — не идут на работу, и у Большого моста не работают.

Зимнее время — самый злющий мороз — январь.

Да и с ковшами беда:

«сети перепортились и земли ими тоскать не можно».

Тоже вот, как со шлюзами: две сделаны, а одной нет—кирпичу не хватило и плиты для фундаменту. Еще в прошлом году

требовали, а все нет. А теперь бы самая пора подвезти зимним путем и поставить у Соляных амбаров: плиты с Тосенских заводов, кирпич с Казны.

Будет, все будет, но не так скоро: невозможно, не поспевают!

Послано письмо за «подписанием князя Алексея Михайловича Черкаского» к архитектору Ѳонарлеусу: Ѳонарлеус этим ведает.

Если есть воля, а этот дар есть и величайший, воля всесильна, такая на своем поставит:

—лежебок вскнутнет, лодарей за шиворот в работу, с таким несметным богатством — Россия!

—это не то, что Голландия или там — только бы мастеров, и все на работу! и все можно — города, дворцы, мосты —

А строит мост через Мойку А. Девиер, в помощниках — Василий Туволков.

*

1

Государь мой князь Алексѣй Михайловичъ,

Сами вы извѣстны, что по Его Царского Величества указу

— зачинаетца строить чрез Мъю рѣку подъемной мост —

И к строению того надобно желѣзныхъ припасовъ по нижеозначенному при сем реэстру, по которому тѣ припасы и доски прикажите прислать до нас без замедления.

А что бревенъ и другихъ припасовъ потребно будет, справяся в преведъ, пришлетца до васъ извѣстие в скорости.

В протчем слуга
Милости вашей
А. Девиеръ.

Генваря 18 дня 1720 году.
Подано 20 дня генваря.

Реэстръ

гвоздей желѣзных длиною 12 дюймов — 10 пуд,

— корабельных — 15 пудъ семи дюймовъ;

желѣза осмиграннаго — 20 пуд толщиною полтора дюйма;

на боуты — 20 пудъ желѣза полоснаго длиною каковы будутъ, толщиною 1 дюймъ, шириною в 3 дюйма;

16 цепей длиною разных мѣръ: четырем длина — 20 ѳутъ, четырем же длина — 11 ѳутъ, четыремъ — 23 ѳута, четыремъ — 6 ѳутъ; толщию всѣ — 1 дюйм; длиною всякое звено — 4 дюйма;

досок — длиной 60 ѳутъ, шириною 16 дюймовъ, толщиною 2 дюйма;

топорного тесу — 1000.

*

Доски отправить съ Охты и перевесть наймомъ, а цепи делать — нанять волных кузнецов.

2

Что есть отправить.

Государь мой князь Алексѣй Михайловичъ,

При семъ прилагается по поданной вѣдомости Василья Туволкова потребностямъ к строению подемного мосту реэстръ, по которому прикажите отправить без замедления.

Также плотниковъ изволили вы послать к строению того моста, но и по се время не бывали.

Также и у Болшова подъемного мосту не работаютъ і по се ж время.

В протчем слуга
милости вашей
А. Девиеръ.

Генваря 21 дня 1720 году.

Реэстръ

бѣлого мѣлу — 1 пуд;

обивалных нитей — полдюжины;

12 напарей — диометръ: половина — полтора дюйма, другая — в одни дюйм;

16 долот — шириною в два дюйма і в одинъ дюймъ.

*

Об отправлениі тѣхъ припасов із Казенных анбаров что есть к дворянину Якову Шатилову указ послан генваря 21 дня.

3

Отправить. А буде нѣтъ, купить.

Государь мой князь Алексѣй Михайловичъ,

Прикажи прислать картузных верве, которыя надлежатъ на сете ковше — которыми тоскать із воды землю, два пуда.

Понеже тѣ ковши і сети перепортилис і земли іми тоскать не можно.

Въ протчем слуга
Милости вашей
А. Девиеръ.

Генваря 23 дня 1720 году.

*

Об отправлениі тѣх вервей ис Казенных анбаров. А буде нѣт, о покупке і подаче в канцелярию вѣдения: у кого имяны и по чем ценою куплены будут.

К дворянину Якову Шатилову указ послан генваря 25 дня.

4

Государь мой князь Алексѣй Михайловнчъ,

Чрез сие васъ прошу, соблаговолите приказать отправить потребного к строению подъемного мосту через Мъю рѣчку у Мытного двора без замедления, чтоб в том не учинить остановки, а имянно:

к битью свай четыре копра с принадлежащими снастьми и припасы.

А буде в скорости не можно прислать копров, то прислать х копрам

веревок сорокъ саженъ толщиною восемь дюймов тонких в двенатцать прядей;

сто сажен для ковки боутовъ и скоб и протчаго, уголья — тритцать кулей,

на подмаску копровъ сала говяжья — два пуда.

При сем слуга
милости вашей
А. Девиеръ

Генваря въ 27 день
720 году.

*

720-го генваря въ 28 день об отправленіи хопров пісать к архитекту Трезину. А нынѣ для скорости вышепомянутыя припасы отпустить, записав в расход с роспискою.

Об отправленіи припасов указы посланы вышеписанного ж числа, а имянно:

о веревках — к маэру Заборовскому,
о уголье — х капитану Милюкову,
о салѣ — к Якову Шатилову.

5

Об отпускѣ припасовъ дать указ на заводы.

Государь мой князь Алексѣй Михайловичъ,

В прошлом годе писал я к вамъ указомъ Царского Величества, чтоб отпустили кирпичу на желѣзной видъ, также і плиты на прешпективую для слюзы, —

ис котораго кирпичу здѣлано двѣ слюзы, а на третьюю не достало, которая будет противъ тѣхъ дву одна.

А надобно кирпичу на желѣзной видъ — 30.000 да 6 саженъ плиты для ѳундаменту.

Того для изволте приказать отправить нынѣшнимъ зимнем путемъ и поставить возле Соляныхъ анбаровъ.

При сем слуга
Милости вашей
А. Девиеръ.

Ѳевраля въ 21 день
720 году.

*

Об отпуск тѣх припасов указы посланы ѳевраля 22 дня:

плиты — с Тосенских заводов к подпорутчику Карсухину,
кирпича — с Казны.

Писмо послано к архитектору Ѳонарлеусу за подписанием князя Алексѣя Михайловича Черкаского.

V
Бронштейнова ведомость

И опять беда –

Петр спрашивает Кишкина:

— Зачали ль кровли и потолки в Момплезире на полатки делать?

Семен Кишкин бывалый человек, в 1706 г. курьером ездил от Петра к царевичу Алексею (Алексей Петрович казнен в 1718 г.), не моргнул, ответил:

—Зачали.

Или с перепугу такое выскочило.

Какой там зачали!

«Полатный мастер» архитектор Браунштейн – Braunstein (Леблон помер 27. 2. 1719 г.) еще в октябре прошлого года (1719) требовал матерьял крыть кровлю и на подбойку потолоков (потолков) и на пол в малых палатках в Монплезире, четыре месяца прошло, а ничего еще не отправлено.

Кроме того Петр затеял сделать два люст-гауза и надо чтобы к весне было все кончено (всеконечно), а нет ни досок, ни бревен.

А в Петербурге все имется:

замки и петли – в Казеннам амбаре,

«досные припасы» – на Охте,

аесли каких досок нет, можно взять от Мошкова за деньги.

– Мастеровые люди и арестанты помирают с голоду без провианта!

Вот она беда какая.

*

Браунштейнова ведомость подана князю А. М. Черкаскому по немецки с переводом на русский.

Написано – как сказано, что и в русском – по говору:

gleinen (kleinen),
fünten (finden),
kombt (kommt),
mächlich (möglich),
frihe Jahre (Frühjahr)

Буква d — везде прописная. Diese, also, als — везде ß — dieße, alßo, alß. Вместо ä — ë: die Döcke вместо die Däcke.В некоторых словах, где надо с большой буквы, написано с маленькой и наоборот: fußboden вместо Fußboden, Lang вместо lang. Описка: beschagen вместо beschlagen.

Сокращения: Ihro Fürstl(iche) Durchl (aucht), Großzarl (iche) Majest (ät)...

Справлял мой разбор немецкий и толковал проф. кильского университета Dr. S. Keller.

1

Отправить.

Сиятелнѣіші князь

премилостивѣйшій мой государь,

Повелит ваше Сиятелство в Питергоф бочку сороковую вина приказать отправить для салдат больных і мастеровых людей і арестантов, і на заплату во дворецъ мызнику взятого вина на салдат сентября 9 дня в пришествие Его Величества прошедшаго 719 году.

вашего княжеского сиятелства

нижайши слуга

Семенъ Кишъкин.

Генваря въ 22 день

720 году.

Подано ѳевраля 7 дня 1720 году и об отправлениі того вина из Казенных анбаров к дворянину Якову Шатилову указъ посланъ ѳевраля 8 дня 1720 году.

2

Замки отправить и пѣтли из Казны, а лѣсныя припасы съ Охты. А буде какихъ досокъ нѣтъ, взять от Мошкова за денги съ мелницы государыни царицы.И оное все отправить наймомъ.

1719-го 18 октября подана роспись о послѣдующих материалах, по которой еще і по нынѣ ничего не отправлено, что надлежали к малым новым полаткам при Момплезире на крышку кровель, на подбойку потолков і на полъ:

600 досокъ — (къ 10 каморам на пол в по...)

10 ѳут длиною, 1 ½ дюйма толщиною на (полъ) кровли;
300 досокъ — 14 ѳутъ длиною, в 1½ или 2 дюйма толщиною на полъ;
300 досокъ на подбойку потолоков для штукаторной работы въ 1 или 1 ½ дюйма толщиною ординарной длины;
70 дубовых досокъ въ 1 дюймъ толщиною на пиластры в галерию, что при Момплесе;
1000 маленкихъ брусковъ на портали, которые будутъ в болшой прешпехтивой на канал;
7500 гвоздей в 7 дюймов длиною на кровли і на подбивку потолковъ і на полъ;
20.000 гвоздей на подбивку прутковъ в потолоки по штукатурную работу; петли і замки к дверям і окончинам чтоб повелѣно было здѣлать в Санктъпитербурхе.

Будучи в Питер-гоѳе, Его Царское Величество изволил приказать здѣлать два люстъ-гаусы в прешпехтивой, а нынѣ при Питергоѳе к той работе досокъ і бревенъ, какия к тому дѣлу потребны, ничего нѣтъ. А надлежит оныя люстъ-гаусы по Ево Величества приказу к предбудущей вѣсне всеконѣчно, дабы на то дѣло отправлено было 200 досокъ — 1 ½ дюйма толщиною да 100 бревен ординарной длины і толщины.

3 ѳевраля 1720.

Браунштейнъ

Anno 1719 Den 18. October ist diese Specifiction Eingegeben worden, weil nun Dießelbe nicht zu fünten ist, so wird Ihro fürstl. Durchl. Nochmahls Ersuchet wegen Einige Materialien zu Verfertigung. Der kleinen Palleen so bey Monplaisier stehen nehmlich Daß Dach Darauf zu machen von Brettern wie auch Die Deke mit Brettern zu beschlagen und den fußboden zu legen.

600 Bretter zu 10 fuß Lang 1 ½ Daumen stark zu die Decher

300 Bretter 14 fuß Lang 1 ½ oder 2 Daumen stark zu die fußbodens

300 Bretter oben an Die Deken wo Die Stukatorarbeit kommbt 1 oder 1 ½ Daumen stark und Die Länge wie sie Ordinäre sein

70 Eichene Bretter von 1 Daumen stark Die Pfeiler zwischen Die großen fenster in Der Gallerie Darmit zu begleiden

1000 Kleine Latten zu Die Porthalen so in die große Perspektiv an den Canal kommen

7500 Bretter Nagel zu Dem Dach und Den fußboden wie auch an Die Decken wo Die Stucatorarbeit kommt zu 7 Daumen Lang

20.000 Kleine Nagel Die gleine Latten Darmit an Die Decken zu schlagen Da Der Alabaster Daran hangen bleibt

Die Bänder und Schlößer an Die Thüren und Fenstern werden Ihro fürstl. Durchl. in St. Peterburg befehlen zu machen weil in Peterhoff nicht solche Leute sein

Nun haben Ihro Großzarl Majest Kürzlich befohlen zwey Lusthäuser (befohlen) zu machen in die Perspectiv und weil nun gantz seine gesagte Bretter in Peterhoff sein und Ihro Majest. Befohlen gegen Den frihe Jahr fertig zu sein alßo wird Ihro Fürstl. Durchl. ganz unterthänigst 200 Bretter von 1 ½ Daumen so bald alß es möchlich nach Peterhoff zu schücken wie auch 100 Balken

Peterhoff, Den 3 Febr. 1720

F. Braunstein

3

Доски по прежнему указу и правиантъ отправлять немедленно.

Сиятелнѣйшиі князь

премилостивѣйшиі мой государь,

Сего числа Царское Величество ізволил спрашивать меня:

— Зачали ль кровли і потолоки в Момплѣзире на полатки делать?

И я донес,

что зачали.

Токмо прошу вашего Сиятелства меня не оставить в сем слове,

дабы доски пилные отправить немедля по вѣдомости Бронштейновой.

Да прошу о правианте на мастеровых і на арестантов:

понѣже помираютъ з голоду бѣс правианта!

Вашего княжеского сиятельства

нижайші слуга

Семенъ Кишъкинъ.

Ѳевраля въ 8 день

720 году.

VI
Мельница

Сквозь туман петербургский вижу, как в Копорье, Дудоровке, Стрелиной рубят леса. И сквозь сосны, ели, березу — мельницы. Круть мельничная, шум воды, вой ветра.

Мельницы — крупяные, мучные соломосечные, масленые, цементовые, каменнотесные.

Вода и ветер — единственный тогда двигатель, мельница — как фабрика.

Сквозь туман петербургский видится — валят леса, крутят мельницы — взгорыхнуло! — неугомонная воля — новая Россия

В Красном строит цементовую (сементовую) мельницу архитектор Яан Кристьян Ферстер. Заведует стройкой — Евсевий Савинков.

Савинков должен достать все припасы — весь матерьял:

> приискав, приторговать сосновые леса, дуб, липу, а вместо кизиля и пальмы, зенгауту, напилив, перевезти из Петербурга от Зенбулатова, железо и сталь — из Казенных амбаров от Баранцова, железный вал, гвозди, шипы, железную доску «против моделей» с Оружейного двора от Харзухина, медные орехи — от архитектора Микеттия (Мекетти).

И все надо «непременно» и «немедленно».

А мельничный крепкий камень сделают в Красном каменоломщики.

Дьяк Лука Тарсуков, дьяк Петербургской Городовой канцелярии, скрепив указ, отдал самому Савинкову и другие указы ему же — к командирам: к Зенбулатову, Баранцову, Арзухину.

Лука Тарсуков знает! — и не только свою указную канцелярию.

— Когда в драке бьют по морде, — говорит он Савинкову в напутствие, — это ничего, подживет, а когда при этом крушат и вещи, это уж чего. Морда мордой и останется, а от вещи дребезги, куски, — пропало! А вещь — это — дух живой! И за это мало по морде.

А на взморье в избе — пять бумажных окон! — гудит ветер:

> тысячу лет гулял здесь на воле, а теперь и его в работу — изволь колеса вертеть.
>
> — Сшибануть разве —— ! стройку!

1

(лѣса)

Государь мой Іван Юрьевич!

Прошедшаго октября в последних числех подал я в Кантору Лесных дел доношение, дабы позволѣно было вырубить в смотрени вашей милости к будущему лету для обжегу кирпича дровъ тысячю пятьсот саженъ.

А нынѣ просил я господина вахтместера Каѳтырева, чтоб послал к вашей милости о позволени тех дровъ указ.

И оной господинъ вахтместер сказал мнѣ:

то мое доношение отдал вашей милости и празал вам оное число дровъ вырубить нам позволить.

Того ради, государь мой, послал до вас нарочно того салдату, которому велѣно быть у рубки и приему тех дровъ.

Прикажи, государь, взявъ у него скаску, какъ надлежит, пожаловать послать ведѣнии своего салдатом лѣснаго смотрения билетъ, дабы позволили вырубить в Капорской, в Дудоровой і Стрелинской ведомостях дровъ — тысечу пятьсотъ саженъ в тех мѣстах, гдѣ і напред сего рублены — із бѣрезовых, сосновых, елевых...

2

(Взморье
на адмиралтействе)

1721-го июня въ — день по указу Великого Государя камисару Ѳедору Ѳедоровичу Шатилову в поданном вѣдениі камисара Ігнатева написано:

«По присланному к нему указу, по требованию вашему, для отпуску пяти окончинъ в-ызбу, которая поставлена на Възморье подле масленой и крупяной мелницъ, и по тому указу тѣх окончинъ купить не сыскано. И по помѣте камисара Ѳедора Акимовича Синявина велѣно окончины здѣлать бумажные. И по полученіі сего указу о дѣле тѣхъ окончинъ учинить по сему указу непремѣнно».

3

(Красное село)

Указ Его Величества Імператора и самодержца всероссійского из Городовой канцеляріи.

Порутчику Евсевью Савинкову в поданной вѣдомости архитекта Ягана Крестьяна Ѳерстера написано:

«Надобно к пристройке мучной мелницы в селѣ Красномъ на речке Дудоровке, в которой будетъ дѣлать сементъ, материалов, а имянно:

один сосновой вал — длиною дватцати четырех ѳутъ, толщиною двухъ ѳуть;

осмнатцать досок — длиною в три ѳутъ, шириною дву ѳут, толщиною трех дюймов;

осмнатцать досок к жолобу х колесу — длиною трех сажен, шириною семнатцати и осмнатцати дюймовъ, толщиною трехъ дюймовъ;

двенатцатъ досокъ, которые будутъ в водяномъ колесе — длиною трех сажен, шириною двенатцати дюймовъ, толщиною в полтора дюйма;

восем дубовых досокъ к сухому колесу — длиною семи ѳут, шириною дву ѳутъ, толщиною пяти дюймовъ:

четыре штуки дубу ж на ручни к оному колесу — длиною семи ѳутъ шириною четырнатцати дюймов, толщиною семи дюймов;

двѣ доски дубу ж к шестерне — длиною десяти ѳутъ, шириною четырнатцати дюймов;

сто (тритцать шесть) ѳутъ дерева кизилю (палмы) — разные штуки на дѣло палцовъ к сухому колесу (к шестерне толщиной трех дюймовъ);

36 палмова дерева к шестерне — толщиною тѣ (трех дюймовъ) штуки по 3 дюйма;

сто пядесят бревен сосновых или елевых к починке той мелницы: свод — длиною четырех сажен, толщиною осми вершков;

дватцать бревенъ ясновых к подставамъ под пол — длиною двух сажен, толщиною осми вершков;

на покрывание одного анбара и на обивку (того) кругом у старой соломосечной мелницы шесть сотъ досокъ — длиною четырех сажен, толщиною одного дюйма;

тритцать штукъ дерева липы ко всякой работе; четыре шипа и один вал желѣзные против мадели ж, а имянно — валъ длиною девяти ѳутъ, толщиною четыре дюйма;
четыре мѣдные орѣха против мадели ж;
сто пуд желѣза;
один пуд стали;
двести топорных досок к мощению пола и перегородки ящиков;
восем тысячь гвоздей разных рукъ против маделей;
одинъ крепкой мелнишный камень — толщиною чрез диаметри в три ѳута;
одна желѣзная доска против мадели».

И по Его Імператоръскаго Величества указу велѣно по вышеписанной вѣдомости оного архитекта:
сосновые лѣса, приискав, приторговать тебѣ настоящею ценою, и по какой ценѣ и, у кого имянно приторговано будетъ, о том тебѣ прислать в Городовую канцелярию вѣдение за рукою немедленно;
а дубовые доски и штуки дубовые ж и липовые, напиловав, а вмѣсто кизиля и пальмового дерева зенгауту отпустить — от порутчика Зенбулатова;
а желѣзо і сталь — ис Казенных анбаров;
желѣзный вал і гвозди, четыре шипа и одну доску желѣзную против маделей — здѣлать на Оружейномъ дворѣ;
четыре мѣдные орѣхи против мадели ж — у архитекта Микеттия;
мелнишной крепкой камень велѣно здѣлать при Красномъ селѣ каменоломщиками.

И означенные припасы из Санктъ Питеръ Бурха перевесть к той мелнице на казенъных лошедях, которые есть у тебя, Савинкова.

И по полученіи сего указу о вышеписанном тебѣ вѣдать, и о подряде лѣсовъ, а других о поревоске из Санктъ Питеръ Бурха на казенных лошадях учинить тебѣ по сему указу непремѣнно..

А об отпуске и о пиловане дубу, липы и зенгауту — к порутчику Зенбулатову, и о желѣзе і стали — к дворянину Баранцову,

а о дѣле против маделей желѣзных штуков на Оружейном дворѣ — к прапорщику х Арзухину, а о дѣлѣ (орѣховъ) мѣдных орѣхов — к архитекту Микеттию — указы посланы.

Таков указ отданъ порутчику Савинкову самому в канцеляріи июня 5-го дня 722-го году да за скрѣпою дьяка Луки Тарсукава.

Тако ж и протчие указы х командирам отданы ему ж Савинкову.

VII
По пунктам и сверх

1721 г. кончилась великая северная война (1701—1721).

С 1721-го — самая горячая стройка, заканчивают работы начатые в войну.

Главные работы в Петергофе, — в «Питере» по сокращенному.

Генерал-архитектор Леблон, строитель Петергофа, Стрельны (Стрелиной мызы), Дубков, помер от оспы в 1719-м году. На его месте «полатный мастер голанец» архитектор Браунштейн.

Работы делаются по пунктам Е. И. В. и сверх пунктов— в совете мастеров.

— как покажет полатный мастер голанец,
— как Мишель присоветует,
— с позволения Мекентива (Мекетти).

Директор над строениями оберкомисар Ульян Акимович Синявин. Под ним в Петергофе комисары: Павлов, Карпов, Елчанинов и русский архитектор М. Г. Земцов.

Лето 1723 года.

Уж кроют свинцовыми досками каскады, площадку перед малым гротом, палаты в Монплезире.

Фонтанный мастер француз Полсолем (Солем) изготовляет эти доски: в амбаре, где работает столяр Фарсуар, поставлены станы.

Кровельный мастер — швед Константин Генекре.

Пояльщик — Потап Басемщиков.

А Монплезир кроют железом и сверх намётом —
—дабы от дождя какой вреды не было.

Еще одно лето работы и не по пунктам, а уж сверх — свинцовой крышкой покроют самого и намѐта не надо: вреды бояться нечего.

Спешат во всю — «к празднику», «чтобы не упустить удобного», «к пришествию» — одно лето осталось! (Петр помер в 1725 г.).

Все делается «с поспешением», «с неусыпным старанием», «с неоплошным смотрением» и принуждением:

— матерьял отпущать без остановок!

— быть у работы беспеременно!

— чтобы работы отправлялись без остановки!

Все отделывают совсем в отделку, последний гвоздь вколачивают —

солярный мастер Мишель и Кардасей доделывают галереи (галареи) на малой марлинской каскаде у шлюза (слюза);

балясы красят пока белой краской, потом будут расписывать;

в верхних галереях полы настилают;

роют малые дождевые каналы;

набивают глиной — укрепляют — у больших фонтанов против большой, гладкой каскады, где положены чугунные и деревянные трубы;

Антон Квадрий за штукатуркой смотрит;

Кардасей белым камнем отделывает босейн и перед каскадою;

маляр Ѳедор Григорьев с учениками золотит урны;

дожидают живописца Короваку для молеванья;

во флигере печники делают печи из образцов (изразцов);

как в Момплезире (по Мишелю) делают вставни или затворы в малых палатах у спальни;

отделывают каскады по лестницам и в Монплезире и расписывают;

у шлюза галереи и зымцы (карнизы) прибивают и расписывают;

Франц Цыглер и Конрад Оснер привезли из Петербурга две деревянные фигуры к концам стоков, деревянного драка и две деревянных курицы (работа Пинови) —

фигуры переделывают, а к драку и курицам Полсолем свинцовые трубки делает для фонтана в нишелях решетчатых;
проводят от большой фонтаны (фонтана) чугунные трубы к нужнику в Монплезире: надо поднять свинцовый ящик в столчаке, чтобы из лягушек било воды одинаково.

Страшно спешат. У мастеров — людей для работ с избытком («с удовольством»). Не проронить бы какой работы!

Оберкомисар Ульян Синявин всегда под железной рукой: скорей!

*

«В Монплезире по другую сторону шайфы или чуланец конечно вели поставить и росписать, а в нужнике сукном зеленым столчак и стены убить. Во флигере ко всем дверям замки прирезать. И вычистить и насыпать можжевельником, садовнику скажи, подле большого пруда ров покрыть досками и засыпать землею, буде успеет сегодня, буде же не успеет, чтоб на расчинал, и рыбу, как возможно, за решетку вели сажать больше и присланную карпи вели тут же посадить. Солдат петергофской команды на Стрелиной мызы сойми, а оставь пятьдесят человек, кои у каменной тёски, о чем к Бачманову присем письмо. А яхта, которая прислана от светлейшого князя, вели поконопатить и починить не вынимая, в бассейне, поваля на бок. И на всех работах, чтоб неправно было — надеюсь, что завтра императорское величество будет [к] Бронштейну до сих мест. Дай шлюпку и пришли ево немедленно сюда, а квартермистеру вели явиться у меня! Во флигире кроватей по пяти и по шти надобно изготовить и столов, чтоб было числом двадцать и с старым. А кроватей не худо б, чтоб и больше изготовить! В голореях штукаторную работу надобно конечно поспешить и очистить начисто весь сор по дорогам, — с подкреплением садовнику прикажи! Мосты в верхних голореях чтоб гладки были и крепки, где ставится будут игры. И провесть покрытый каналец от саду мимо флигерей, чтоб вода не взливалась на мост

с огороду. Учеников, как на кашкадах, так на фонтанах определить лучших отменных, и сделать им роспись и определить над ними добрых урядников и капралов, дабы всяко свое место знал и маня репортовать».

*

А комисар Павлов под вечным «на тебе все взыщется» знает, дело не убежит, и на ордера «предлагает свои известия», рассвечивая их не общим, а словом своим именным на каждую работу:

«в большом канале разломанной стены на 11 сажен, в том числе камнем выкладено и глиною набито, а дерном не выстлано на 5 сажен;
«на четвертой стороне стенки в одну линию сваи побиты, брусьё наложены и щиты защают; в другую линию сваи бьют и сегодня начнут на — дво связи класть;
«от моря под фашины землю ровняют, от малого прудка речки мелким камнем выкладывают, перемиду делают.

*

А надо спешить — надо во что бы то ни стало исполнить все по пунктам к сроку — еще, еще одно лето! — а и загнул-таки задачу, какой там на лѣто! — да и средств нет —

Денег не хватает на жалованье, нечем платить —

— кровельный (покрывальный) мастер Генекре непрестанно докучает!
— резному мастеру Оснеру только в сентябре выдали 100 рублев в зачет заслуженного жалованья за прошлый год!
— мастеровые из солдат не получили за семь месяцев!
— а рекруты, «употребленные (размещенные) по шестокам» к старым солдатам, «будучи в работе и видя к пропитанию неимущество», бегут — за июль сбежало 10 человек!

А с Пудожи и из Нарвы камень везут: затеваются новые работы уж не в Петергофе, а в Петербурге — у Летнего дома и Госпиталь (Шпиталь).

И опять надо деньги.

И какой-то народ бестолковый: ведь каждому надо втемяшить в башку всякую мелочь, иначе или перепутает или такое устроит, греха не оберешься.

В Петергоф из иностранцев — послов и посланников — никого не пускали: караул стоял в гавани и на сухом пути за мызниковым двором у моста и от Ораниенбаума (Аранибома) смотрели.

И вот, наконец, фонтаны и каскады — работа итальянцев с архитектором Микентевым (Мекетти) — готовы.

Петр затеял выдать замуж старшую свою дочь цецаревну Анну Петровну за герцога голштейн-готторгского Фридриха Карла.

Прусскому посланнику барону Мардефельду было разрешено в Петергоф, и велено было для него отворить все фонтанные воды.

Старичок, скорбный ногами, этот Мардофельт, прибыл.

В приказе обергофмейстера Матвея Алсуфьева между прочим сказано, чтобы лошадям его давали овес и сено. И тут же оговорено:

> «пока он в Петергофе будет».

А не оговори, с дурьей-то головы чего доброго мардофельтовых лошадей будут кормить до скончания веков лошадиных, — всего станется!

Тоже и в другом приказе.

Меншиков распорядился, чтобы всем петербургским гарнизонным полкам, что на работах в Петергофе, быть к Богоявленьеву дню в Петербурге на стоянии у воды.

Ульян Синявин в ордере к Павлову по этому случаю пишет, чтобы отобрать у мастеровых людей этих полков инструменты в казну. И добавляет:

> «а когда оные полки в Петергоф возвратятся, тогда по прежнему им те инструменты отдайте».

Иначе может всякое быть: с великого-то ума отобрать инструменты отбирут, но уж назад не жди, не получишь — «велено отобрать!»

Или все это не оттого — не потому что везде такой дурак подобрался, нет, дурак-то дураком, а это исконное наше, от «грозных» и «тишайших» столбцов идет — необыкновенная

предусмотрительность от всегдашнего подозрения в злоупотреблении: человек-то уж очень не надёжен!

А тут — в «гороскат петровский» под железной рукой, в таких тесках и таком вопиющем «неимуществе» всего жди.

И все эти толковые ордера, «пашпорта», весь этот подробнейший «бумажный аппарат» вовсе не от неуменья, а от глубочайшего недоверия человека к человеку, а к русскому (к своему) в особенности.

И это такое исконное русское, такое же, как Кардасей — из Coeur Dacier, а еще лучше Полсолем — из Paul Solem.

Двести лет прошло, а нынче весной звонят, слышу русский голос: приехал из Москвы Комковендровский, желает видеть. Комковеновский? Через двести лет русский человек из com (andor) Kenworthy произвел Комковендровского. А вскоре после этого Sir Bernard Pares сошел за Перцова — Петр Петрович Перцов, хорошо еще не Крючков!

*

Кровля свинцом покрыта, галереи расписаны, фонтаны бьют и каскады — русский Версаль готов.

Петр построил русский Версаль —
не ударить в грязь перед Европой!

Петр — «орлова полку», ни в каких столчаках, зеленым сукном убитых, не нуждался, любил море, механику — фонтаны — рѣзь и строил, все отделывал так, чтобы как там в Европе
Россия, как Европа!

И это по пунктам —
нет, еще больше, сверх —
Россия удивит Европу!

1

Господинъ камисаръ Степан Карповичъ, [Карпов]

Сего апреля 6 дня просил насъ резнаго дела мастер Эръгартъ Эль-Крисаръ в Санктъ-Питеръ-Бурхъ для резялицых работ к архитектору Мекентиву с вышеписанного числа того ж апреля да 8 числа.

I ваша милость благоволи дать ему пашпортъ.

Доброжалательный
вашъ слуга порутчикъ
Курташевъ.

Питеръ-Гоѳъ
Апреля 6 дня
1723 году.

По сему писму вышеозначенному мастеру пр... апрѣля 6-го по 8 число.

2

Господинъ камисаръ Павловъ,

По получениі сего, іс прибывшихъ в Питергоѳ із Нова города судовъ з деревьями, отправь сюда для сажания в садах Его Імператорского Величества; одну барку з деревьями, посадя на неѣ Орлова полку капрала і дватцать человѣкъ салдат. А по выгруске тѣх дерев, на той баркѣ отправлены будутъ отсюда в Питергоѳ на аранжерею брусья.

Такъ же для сажания здесь оных дерев отправь сюда Орлова полку капитана со всею ево командою немедлѣнно—

которым уже надлѣжит у работ быть здесь завтрешняго дня.

Садовника удоволствуй людьми для сажания дерев, дабы какъ возможно наискоряе тѣ деревья посадить —

чтоб тѣм деревьям в нынѣшнѣе вѣшнѣе время не учинилось какого повреждения.

І коликое число какихъ дерев в пересадке будет на упалые мѣста і на квартиры, вели записывать имянно.

І скажи садовнику, чтоб на квартиры сажал деревья на хорошей земли!

понеже у него в прошлом году многое число дерев посохло, которые были посажены на квартирах.

Слуга вашъ
Ульянъ Синявин.

Из Стрелиной
Іюня 2-го дня
1723-го году.

3

Господинъ камисаръ Павловъ,

О всехъ питергоѳскихъ работахъ, которые нынѣ дѣлаютца по пунктам Его Імператорского Величества і сверхъ пунктовъ, учиня купно с Земцовым обстоятелной репортъ—

что нынѣ здѣлано и дѣлаетца,

о чем і ко оному Земцову при сем прилагаетца пісмо.

І учиня тот репорт, привези ко мнѣ в Стрелину утрем: понеже я завтрешняго дня поѣду в Санктъ-Питербурхъ —

и надлѣжит мнѣ о тѣхъ работах доносить Его Імператорскому Величеству.

Ранея приезжай!

Слуга вашъ

Ульянъ Синявин.

Июня 22-го дня
1723 году.

4

Господинъ камисаръ Павловъ,

Репорть о питергоѳских работах Его Імператорское Величество ізволил читать весь.

І принялъ за благо.

І указал тѣми работами поспѣшать к празнику.

— А особливо галареи, что у слюза, конечно обѣ здѣлатъ к празднику ж.

— И хотя толко бѣлою краскою выкрасить!

— Такъ же и в верхнихъ галареяхъ полы здѣлать конечно ко оному ж времяни.

— І малыми дождевыми каналамі, кои вновь дѣлаютца, поспешать.

— Того ради оными работами поспѣшайте, дабы конечно к празднику здѣланы были. І в том імѣй неусыпное стараніе і мастеров в том принуждай, а особливо Мишеля в додѣлке галерей у слюза!

Слуга вашъ

Ульянъ Синявин.

Із Санктъ П. Б.
дня 24-го іюня
1723 году.

5

Благородный господинъ камисар, [Карпов]

По приказу господина директора над строениями Ульяна Акимовича отправлены отсюда в Пигергоѳъ на шлюпке ево резного дѣла мастер Кондрат Оснеръ да колоколной игралной мастер Ѳерстер.

А на той шлюпке изволте прислать сюда тотчас для золочения желѣзной болшой двери в грот Лѣтняго дому Его Імператорского Величества моляра Ѳедора Григорьева з двумя ево учениками.

Да для згону отсюда ж в Пітергоѳъ пилованных досокъ в плотах пришлите сюда две шлюпки немедлѣнно, о сем пишю к вам приказ от ево ж господина директора и остаюсь

слуга ваш

Із Санктъ П. Бурха. Иван Румянцов.

Июнь 24 дня

1723-го.

6

Господинъ камисар Павлов,

Понеже у Болшихъ ѳантановъ, что против Болшой гладкой каскады, где положены трубы, не токмо что лошадь, но и человѣкъ можетъ провалитца, такъ же і в других во многихъ мѣстах такая худоба естъ, чего надлѣжало было смотрить тебѣ неоплошно.

Того ради оные всѣ мѣста вели укрѣпить конечно завтре.

А ежели гдѣ явитца такая худоба, то взыщетца на тебѣ!

Ульянъ Синявин.

Июня 30-го дня

1723 году.

7

Господинъ камисаръ Павловъ,

Для дѣла в Санктъ-Питербурхе на реке Охтѣ блоковъ к оснаске новоманерных романовок отправь отсюда на присланном оттуда щерботѣ с веревками — на оснаску здѣсь новоманерной романовки — Нарвского пять человѣк салдатъ, которые дѣлают тѣ блоки, і вели имъ явитца маэру Заборовскому.

А присланными веревками вели оснащивать романовку и на нѣе дѣлать косые парусы, какие надлежитъ, с поспѣшенимъ,

Слуга вашъ

Ульянъ Синявин.

Июня въ 30 день

1723.

8

Государь мой Ульянъ Якимовичъ, [Синявин]
Его Імператорское Величество вчерашняго числа указал:
с Котлина острова в Питергоѳъ отправить пушку ис полковыхъ пушекъ
і к ней десять ядер
и пуд пороху.
И оная пушка в Питеръ послана і велѣлъ объявить вашей милости.

Слуга ваш,
моего государя,
Василей Порошин.

Іюля 10 дня
1723 году.

9

Господину камисару Павлову.
Господинъ камисаръ Павловъ,
Надлежитъ каскады и перед Малым гротомъ площадку крыть свинцовыми досками. Того ради прикажи ѳранцузу Полсолему [Paul Solem] заготовливать доски свинцовые с поспѣшением.
І вели вынести с Казенного двора станы из-ызбъ — в чемъ выливаютъ свинцовые доски — в анбар, в которомъ дѣлаетъ нынѣ столяръ Ѳарсуар, і придѣлай тутъ одну печь, о чем я и с ѳранцузом говорил,
дабы на Казенном дворѣ от пожарного случая вреды какой не было!
А как доски будутъ в готовности, чтоб оное дѣлать с позволения архитекта Микеттия.
Момплезиръ вели крыть желѣзными досками с поспѣшением, дабы не упустить нынѣшняго удобного, і вели накрыть намётомъ,
дабы от дождя какой вреды не было!
Антону Квадрию прикажи, чтоб в Момплезире берег штукаторную работу, гдѣ надлежитъ, и чтоб у труб гдѣ в близости дерева отнюдь никакого не было!

Десять человѣкъ салдатъ из столяровъ пришли в Стрелину мызу немедленно для садовой работы і вели имъ явитца камисару Басманову.

Кровелной мастеръ здѣсь явился, которому вели доски заготавливать и крыть Момплезиръ.

Роспись, которую ты ко мнѣ прислалъ, однѣмъ санктъ-питербурским послал, а нарвскимъ, которые у тебя прописаны, ко мнѣ не присылывал —

и для чего так мотаешъ и время тратишъ, не знаю!

Которую послал к тебѣ назад, переписав, присылай сего дня в канцелярию к вечеру.

Ульянъ Синявин.

Из Стрелиной мызы.
Июля 16 дня
1723 году.
Печать

10

Господинъ камисаръ Павловъ,

Требовалъ мастеръ Кардасей [Coeur Dacier] бѣлого камня тритцать штукъ на басейн и перед кашкадою, которого в Питеръ-Гоѳѣ нѣтъ. А отбиралъ тотъ камень онъ в Стрелиной —

которымъ уже і такъ все дѣла остановилис!

Нынѣ писал я к порутчику Савенкову, чтоб тот камень возили извощиками с Пудоси. Которое писмо при сем посылаю к вамъ, такъ же і казенных лошадей, кои у тебя есть, управя роспуски і дав на корм темъ лошадямъ овса, посылай для взятья того камня на Пудос.

И вели тѣ басейны камнем конечно отдѣлать, і в дву малых прудах вышиною, какъ другіе деревом отдѣлать.

По дорогам и гдѣ кладены чугунные и деревянные трубы осмотри вѣзде. И ѣзди на лошадяхъ, чтоб везде набито было глиною, дабы лошадь нигдѣ не проваливалась,

а паче того смотри в Момплезирѣ!

А ежели гдѣ не усмотришь и не укрѣплено будетъ, и то все взыщется на тебѣ,

понеже я многократно о том словесно тебѣ приказывалъ!

Для золоченья урнов в росписыванья бѣседки живописцовъ, золотарей и золота требуй ис канцеляриі. И вели дѣлать в одном өлигерѣ печи, а печников и обрасцовъ требуй же из Стрелиной.

На Гладкой Марлинской каскаде, какъ показано от Земцова ж, столяръному мастеру [Мишелю] и Кардасѣю вели дѣлать немедленно галареи у слюза. Вели отдѣлывать совсемъ в оддѣлку и болясы покрыть краскою хотя бѣлою.

Вставни или затворы в Малых полатахъ у спални у других полатъ вели здѣлать такъ, какъ в Момплезирѣ,

или какъ Мишел присовѣтуетъ.

Ульянъ Синявин.

Із Санктъ П. Бурха.
Июля 17-го дня
1723 году.

11

Господинъ камисар Павловъ,

В Питергоөе кашкады и фонтаны, которые отправляли италианцы, от архитекта Микеттія велено отдать в смотреніе фонтанному мастеру Полсолему,

которые сего дня архитект Микеттиі ему и отдалъ.

А что въ их вѣдені было інструментовъ і паялщиков і всяких мастеровых людей, немедленно отдай с росписью и с-ымянным списком, и о том меня репортуй.

А ис тѣхъ паялщиков и литейщиков двух добрых и четырех из учеников, і что понадобитца инструментов отдай кровелному мастеру шведу Констянтину Генекре,

которому надлежит в Момъплезирѣ полаты і кашкады крыть свинцом.

І материал всякой отпущайте без остановки.

Слуга вашъ
Ульянъ Синявин.

Пітергоөъ.
Іюля 27-го дня
1723-го году.

12

Господинъ комисар Павлов,

При семъ посылаетца писмо к господину подполковнику Путилову о присылке із санктъ-питербурских салдат дву-сотъ человѣкъ.

В то число пятдесят і с ними одного доброго капрала отправте сюда —

которые в росписи написаны і в Военную колегию подадутца —

которымъ надлѣжит быть здѣсь у каменной работы бесперемѣнно.

Слуга вашъ
Ульянъ Сінявинъ.

Іюля 28-го дня
1723

13

Господинъ комисар Павловъ,

Вчерашняго дня Его Императорское Величество изволил указать:

— кругом Эрмитажа сваи не бить, а дѣлать кирпичем в один ряд с сементью іли как покажет полатной мастер галанец [Браунштейн];

— на Болшой Гладкой Марлинской кашкаде ступени дѣлать до самой горы деревянные и овалы столярные, а ступени із досокъ, которые можно б было конопатить в Момплезирѣ в крытых дорогах;

— у одной фонтанны малой въ камѣрке боков прибавить, а ступеней унизитъ, и у обоех внизу окласть галанским кирпичемъ.

Того ради по оному Его Императорского Величества указу помянутые работы вели мастерам делать с поспѣшением.

И сам над ними смотри с прилѣжаниемъ, чтоб отправлялис без остановки!

И как которая работа начнетця или окончаетца, о том меня репортуй тотчас.

Ульянъ Синявин.

Августа 1-го дня
1723-го году.

14

Господинъ комисар Павловъ,

Яхту фрижскую, которая приведена сюда из Санктъ-Пітербурха и отнесена в Верхней сад в пруд, у послонного на нѣй из Адмиралтейства квартирмейстера Архипа Жилкина вели принять со всем такалажем, отписав, что чего імянно.

І какъ принято будетъ і с каким такалажемъ меня репортуй пісменно тотчас.

Ульянъ Синявин.

Пітеръ-гофъ.
Августа 2-го дня
1723.

15

1723 году августа въ 2 день принета яхта рижская на пруде в Верхнем огороде у квартермейстера Архипа Жилкина:

машта со всею снастию, толко у машты попорчено гнездо,
одинъ гротъ-селъ.
одинъ ѳокъ-селъ,
руль и с рулпилем,
одинъ ѳлагъ и с ѳлагъ-штокомъ,
одинъ ѳлюргар,
шесть весел,
три крука,
две лейки,
шесть окончинъ слуденыхъ,
да чатыре круглыхъ малых,
одинъ брезентъ крашеной,
два шверца,
одинъ гротшкотъ,
одинъ гикъ.

Вышепомянутую яхту рижскую принел Преображенского полку караулной капралъ обозной Тимоѳей Щербачев.

К сей росписке архитектурной ученик Михайла Петров руку приложил.

16

Господинъ камисаръ Павловъ,

Сего часа указал Его Императорское Величество имяннымъ своимъ указомъ

— «смотрѣть накрѣпко, чтоб никто, а особливо чужестранныя послы и посланники и протчии иноземцы в Питеръ-Гоѳе не были, и не пускали б!»

И для того поставь караул, как в Гавани, так и на сухомъ пути за мызниковымъ дворомъ у мосту; и от Аранибоума повели смотрѣть накрѣпко, чтоб такихъ не пропускали,

понеже посланники намѣрены ѣхать сухим путемъ,

что Его Величество изволил именно указать мнѣ;

— Кашкады, как по лесницам, так и в Момплезире с великим поспѣшенiемъ отдѣлывали б;

— у слюза галарѣи и зымцы прибивали и росписывали б;

и где еще надлежит к расписанию кашкад протчего, чтоб в завтрѣ все зделано было.

Ульянъ Синявин.

На карабле лесном
на якоре при Кроншлоте
в 7 день августа
1723-го.

17

Благородный господинъ камисаръ
Степанъ Карповичъ [Карпов],

По Его Императорского Величества указу из Военной коллегiи в Нарвской гварнизонной полкъ — писменным повелителством от Главной артилерiи в Санктъ-Питеръ-Бурхе — получено новое ружье. А за неiмушеством перемид в квартирахъ оное ружье содержать апасно пожарного случая.

Того ради покорно прошу на дело при лагире перемид во оном полку повелено б было определить лесу и тесницъ, сколько потребно будетъ.

А ежели в том доволства не имѣетца, повелено б было камандровать ис полку для припасения к дѣлу техъ перемид в лесъ салдатъ пристойное число, в чемъ бы оному ружью иметь охранение.

И на сие от вашей милости требую резолюцыи или именного известия.

Покорной слуга вашъ
Іван Хотяинъцевъ.
Питеръ Гоѳъ.

Августа — дня
1723 году
Подано 7-го дня.

18

Благородный господинъ камисар
Степанъ Карповичь, [Карпов]

Понеже высоким Его Императорского Величества всемилостивѣйщимъ указомъ — для прилежащих Его Императорскаго Величества работъ в Питергоѳѣ — предложено Нарвской гварнизонной полкъ доволствовать заработными денгами Его Императорскаго Величества ис Кабинѣта, которых получено ѳевраля от 1 числа сего 723-о году на четыре мѣсяца,

и за поданиемъ от полку ведомостѣй в Канцелярию Питергоѳского Строения под вашим вѣдениемъ держатца оные многое время.

А понеже во оной полкъ опредѣлены рекруты, которые для неимущества их употреблены по шесткам к старым салдатам — с которыми в работах имѣют быть равно, а денежного жалованья, как от камисарства, тако и заработных, не получают для того, что еще не заслужили, — а за долговремяннымъ неполучениемъ оныхъ заработныхъ денегъ и старые салдаты, воздерживая оныхъ рекрутъ на своемъ коште, приходятъ в неимущество ж,

потому что техъ заработных денег не получали на 7 мѣсяцов, —

отчего в прошедшемъ июле и сего августа в разныхъ числѣх ис тѣхъ рекрут, будучи в работѣ і видя к пропитанию неимущество, ис полку сбѣжало десять человѣкъ, чего і впредъ опасно.

Дабы о вышеписанном от неизвѣстия моего на нас взыскано не было, того ради о долговременном задержании помянутыхъ заработных денегъ требую на сие писменного известия,

с котораго надлежит намъ писменно же о томъ репортовать его высокопревосходителству господину генералу

маэру и лейбъгвардии маэру Івану Илъичу Дмитрѣеву-Мемонаву,

понеже присланнымъ от его ордеромъ июля в 28 числѣ оной полк повелѣно ему имѣть в командѣ своей и обо всемъ ево, господина генерала, нам репортовать.

Покорны слуга вашъ
Іванъ Хотяинъцовъ.

Петергоѳъ.
Августа 7-го дня
1723 году.

19

Господинъ камисар Павловъ,

В Момплезире по другую сторону шайфы іли чюланецъ конечно вели поставить і росписать, а в нужнике сукном зеленым столчак і стены убить.

Ѳо ѳлигире ко всем дверямъ зомки прирезать.

І вычистить і насыпать мосжевелником, содовнику скажи, подле Болшева пруда, ров покрыть досками і засыпать землею, буде успѣетъ сегодни зделать, буде же не успѣетъ, чтоб не розчинал, і рыбу, как возможно, за решетку вели сажать болше і присланную карпи вели тут же посадить.

Салдатъ Питергоѳской каманды и — Зтрелиной мызы сойми, а оставь пятдесят человѣк, кои у каменной тёски, о чемъ к Бачманову при сем писмо.

А яхта, которая прислана от свѣтлѣйшаго князя [Меншикова], вели поконопатить і починить, не вынимая, в боссейне, поволя на бокъ.

І на всех работах чтоб іcправно было —
надѣюс, что завтря Імператорское Величество будитъ Бронштейну да сех месть.

Дай шлюпку і пришли ево немедленно сюда!

А квартермистеру вели явитца у меня.

Ѳо ѳлигире краватей по пяти і по шти надобно изготовить і столов чтоб было числом двадцать і с староми; а кроватей не худо б чтоб і болше ізготовить.

В голореях штукотурную работу надобно конечно поспешить, і очистить начисто вес соръ по дорогамъ —
с подкреплением содовнику прикажи!

Мосты в Верхних голореях чтоб глатки были і крепки, где ставитца будут ігры, і провесть покрытой каналецъ от саду мимо ѳигерей, чтоб вода не взливалас на мост с огороду.

Учеников, как на кошкадах, такъ на ѳонтанных, определить лутчих, отменных, і зделать имъ роспись і определить над ними добрых урядниковъ, і капралов,

дабы всяко свое мѣсто знал і меня репортовать!

Слуга вашъ
Ульянъ Синявин.

Котлинъ островъ.
Августа 10 дня
1723 году.

20

Господинъ камисар Павловъ,

Сего числа Его Імператорское Величество изволил читать репортъ о обрѣтающихся нынѣ при Питергоѳе у работъ ундераѳицерах, капралах і рядовых.

І указал здѣлать репортъ:

— коликое число людей х каким работамъ порознь надобно?

І обявить Его Величеству.

Того ради, какъ сего дня мастеры будут требовать к завтрешнему дню к работам людей, вели записывать порознь —

сколко х какой работе надобно,

і с той записки такъ же —

сколко в каких расходех і в отлучках порозных людей.

Учиня подлинной репортъ, подай мнѣ завтрешняго дня рано,

которой надлѣжит мнѣ обявить Его Імператорскому Величеству.

Слуга ваш
Ульянъ Синявин.

Пітергофъ.
Августа въ 15 день
1723 году.

21

Господинъ камисаръ Павловъ,

Понеже в Санктъ-Питеръ-Бурхе в Лѣтнем домѣ Его Императорского Величества в каменном строениі імѣетца великая нужда, того ради каменщиков всехъ отправь тот час кромѣ тѣхъ, которые живут на Мартышкинских заводах, а вмѣсто ихъ употреби х каменной тёски салдатъ, кои у нас в имянном списке написаны и безсмѣнно імѣютца.

І вели быть у того дѣла, какъ зиму, такъ и лѣто, всегда сту человѣком з добрыми урядники і капралы, и в реэстръ к доношению их написать,

понеже плиты гладкой із Нарвы привезено будетъ не малое число, которую надобно тесать к полированію на мелницѣ в Пітергофе.

І вышеписаным каменщиком дай шхерботъ или островку меншую, дабы они совсемъ тутъ убрались (совсем) и были сего дня к вечеру, а конечно завтра рано к Лѣтнему дому і явились у капитана Ягнетева.

І для того пошли с ними доброго капрала, чтоб в пути нигдѣ не мешкали.

Реэстръ к доношению с Петром Борисовым немедленно зделайте!

І обяви архитекту Бронштейну и мастерам, чтоб требовали людей к работамъ, кои имъ повелены дѣлать, со удоволством,

дабы впред прибавочных не требовать,

і не проронили б какой работы.

І к тому вам надобно прочесть все пункты, смотря по плану, из сего, как вам, так и ім, можно лутче выразуметь все работы.

И как здѣлаешь, присылай с Петром Борисовым тотчас, а не хуже б, что и сам приедешь хотъ на малое время —

А лутчи приехать!

Ѳонтанному мастеру [Полсолему] скажи, чтоб по писму моему, с которого остав у себя копию, оправлял немедленно, а особливо в Момплезире. И над трубою чтоб набить накрепко глянсъ не так, как нынѣ, чего надлежит садовнику.

Слуга вашъ
Ульянъ Синявин.

Августа въ 17 день
1723.

22

Копия.

Өонтанной мастеръ Солемъ, [Полсолем]

Его Императорское Величество указал:

в лѣсницах по обѣ стороны Болшого канала к Малым кашкадамъ привесть от Болшихъ фонтанъ, что в партерахъ, как вамъ о томъ приказывано, в Момплезирѣ к нужнику от Болшой өонтанны чюгунные трубы; и свинцовый ящик, кой в столчаке, поднять выше, из лягушки чтоб било такою ж пропорцию вода, какъ із другой, которую ты починивалъ.

Того ради вышеписанные дѣла отправляй немедленно.

У подлинного подписано тако:

Ульянъ Синявинъ.

Таково писмо послано из Стрелиной Баталиона от Строеней с салдатом Евсевьемъ Смирновымъ августа 17-го дня 1723-го году.

23

Господинъ камисар Павловъ.

Как скоро возможно ревелскую плиту, которая послана от Радиона Михайловича Кошелева, вели полировать.

А сколко есть в готовности, тотчасъ вели перевесть на пристанъ и отправляй на присланномъ от него боту.

І каменшиков и с-ыструментами тотъча присылай, о которых к тебѣ писано.

Слуга вашъ
Ульянъ Синявин.

Августа въ 19 день
1723.

24

Господинъ камиссар Павловъ,

Сего числа отправлены отсюда ис Канцеляриі от Строеней в Питер-Гоөъ для работ —

резного дела мастеры иноземцы: Өранцъ Цыглер, Кондрат Оснер.

Да с ними —

две болшия деревянные лежащие ѳигуры, которые делал здесь помянутой Цыглер, х концам стоков, что по обѣ стороны слюза в Болшом канале,

да один драк деревянной же, которой делал здесь же резного деревянного дела мастер Пинови для ѳонтану в нишелях решетчетых, также две курицы деревянные.

И как оные мастеры с помяпутыми ѳигуры в Питер-гоѳъ прибудутъ, вели означенному мастеру Цыглеру двѣ болшие ѳигуры переделывать, какъ Его Імператорского Величества указом повелено, с великим поспещением,

дабы к пришествию Его Величества в Питергоѳъ оные были в готовности!

И ежели оной Цыглер к той переделке вспоможение будет требовать резных мастеров, определи к нему всех, кои обретаютца нынѣ в Питергоѳѣ, и с мастером Сенлорамом.

А к драку деревянному и к деревянным курицам вели заготавливатъ ѳантанному мастеру удобные свинцовые трубки для ѳантану в нишелях с великим жѣ поспешением.

И помянутому посланному в Питергоѳ резному мастеру Оснеру вели камисару Елчанинову выдать в зачет ево заслуженного жалованья на прошлой 722 годъ сто рублев записав в расход с роспискою.

Также чтоб и с покрывалным мастером кровел [Константин Генекре] (чтоб) за работу ево в Питергоѳѣ расплатился немедленно,

понеже оной о том непрестанно докучает.

Слуга вашъ
Ульянъ Синявин.

Санктъ Питербурхъ.
Сентября 3 дня
723-го году.

25

Господинъ камисаръ Павловъ,

Императорское Величество указалъ имяннымъ своимъ указомъ:

когда прибудет в Питергоѳъ — а имянно завтре или после-завтре — пруской посланник Мардоѳелть, то какъ

кашкадъ, такъ и ѳантанны, все велите отворить и показать ему.

Посланы к вамъ ѳигуры деревянные для ѳантанъ, также и мастеры, о которых ведомости от вас не имею.

И репорту обо всех работах ко мнѣ сюда не присылаешъ, а в писмах своих пишешь о работах не о всех, —

чему я зело удивляюс!

Того часу меня репортуй обо всехъ работах, а особливо какъ могут поспеть две новые ѳантанны в нишелях?

і как возможно скоро ими поспешать вели!

и х которому дни прислать для молеванья живописца Коровакy?

В Болшем канале починкою, как можно, поспѣшай!

надеюсь Его Величество изволить итить в Питергоѳъ в будущей вторникъ.

К делу Шпиталя имѣетца нужда в столярах, пришли человека четыре из салдат и с-ынструментами тотчасъ.

Василию Елчанинову скажи, чтоб сено, овесъ и солому казеннымъ лошедямъ готовилъ —

и лошадей беречъ надобно и кормить казенных для воски материаловъ!

Слуга вашъ
Ульянъ Синявинъ.

P. S. Кругом Ермитажа в канале, как стенкою каменной, так и фашинами от моря, и всею работаю какъ скоро возможно, поспѣшай, такжѣ и речки, кои ведутца ис малого прудка,

чтобы готовы были к пришествию Его Величества.

Ис Санктъ Питербурха.
Сентября 7-го дня
1723.

26

Милостивой государъ мой
Ульянъ Акимовичъ,

Во извѣстие вам, государю моему, предлагаю о питергоѳских работахъ, а имянно:

в Болшем канале разломанной стены на 11 сажен, — в том числе камнем выкладено и глиною набито, а дер-

ном не выслано, на 5 сажен до сего числа, той же стены на 6 сажен сваи бьют і станут связи класть;

по горе к перемиде канала, сверху прежних осмидесят двух сажен, выкопано вновь 66 сажен; у Армитажу стѣнку каменную, которая против прешпективой что к Зимнему дому, заложили сего сентября 4-го дня — длиною на 10 сажен, шириною в 2 ѳутъ без дву дюймов, вышиною выкладено на 2 ѳута;

на четвертой сторонѣ стѣнки — в одну линѣю сваи побиты, брусье наложены і щиты защают, в другую линѣю сваи бьють і сегодня начнут на-дво связи класть;

от моря под ѳашин землю ровняють;

от малого пруда к рѣчки мѣлким камнем выкладывають, перемиду дѣлают.

Сентября 6-го дня 1723-го послано с ѳатермистром с Михайлом Колотвиным. [Комисар Павлов]

27

Господину камисару
Степану Карповичу
его милости Карпову.
Государь мой Степан Карповичъ,

Сего сентября 7 дня писал ко мнѣ оберъ-говъ-местеръ Матвѣй Дмитревичь Алсуѳьевъ, что Его Императорское Величество указалъ —

господину прускому посланнику в Питергоѳе показать воды ѳантанные и прочие.

С которого писма при сем прилагаю копию.

Того ради изволте приказать утре воды ѳонтанные и протчие пустить —

понеже оной посланникъ прибыл в Питергоѳ.

С. А.
Вашей милости слуга
Carl Arnander.

Сентября 7-го дня
1723-го году.
печать

28

Копия.

Государь мой Карлъ Монсовичь,

Его Импораторское Величество указал —

господину прускому посланнику Мардоѳелю в Питергоѳе показать воды ѳантанные и протчие.

И поѣдетъ оной посланникъ сего числа.

И какъ прибудетъ, извол ему и при нем протчим персонам дать квартиру, гдѣ вы нынѣ живете. И лошадям давать овесъ и сено, пока он в Питергоѳе будетъ. Такъ же и для поѣздки в алѣях дать ему линею и — старых, понеже он скорбен ногами, и для того пошли х конюхам, чтоб оная линея была готова.

Так же ежели оной господин посланникъ постребуетъ каких питей и кушанья, и вы его удоволствуйте; а что каких питей и кушанья и протчего будет издержано, о том ко мнѣ пришли извѣстие.

У подлинного писма написано:

оберъ-говъ-мейстеръ
Матвѣй Олсуѳьев.

Питербурхъ.
Сентября 7-го дня
1723-го году.

29

Господин камисар Павлов,

Приложенные при сем писма к господину контръ-адмиралу Сандерсу да к полковнику Островскому, и оные, кой часъ получишь, того часа пошли на Котлин островъ,

понѣже во оных писано об отправленіи к строению Гошпитали одного баталиона салдатъ.

И как отданы будут, тот час пришли репортъ, а имянно пошли на шлюпкѣ.

Слуга вашъ
Ульянъ Синявин.

Из Санктъ Питеръ бурха.
Сентября 9-го дня
1723.

30

Государь мой Василей Івановичь, [Елчанинов]

По писму вашей милости о поялшике Потапе Басемщикове писал я к господину директору над строениями Ульяну Акимовичу Синявину.

А без вѣдомя ево, господина директора, того поялщика к вашей милости прислать не смѣю.

Ноября 7-го дня 1723-го году отдано Ѳедору Аничкову.

[КомисарПавлов]

31

Господинъ камисаръ Павловъ,

Сего числа светлѣйшиі князь Александръ Даниловичь Меншиковъ изволил приказать —

всем санкт-пітербурхским гварнизонным полкам, обрѣтающимся в Питергоѳе у работ, быть сюда к Богоявлениеву дни для стояния на воде.

И о том будь свѣдом и у мастеровых людей из салдатъ оных полков инструменты вели все отобрать в казну. А какъ оные паки в Пітергоѳъ возвратятца, тогда по прежнему им тѣ інструменты отдайте им.

Слуга вашъ
Ульянъ Синявинъ

Из Санкт-питер бурха.
Декабря 25-го дня
1723 году

32

Милостивой государъ мой
Ульянъ Акимовичъ,

В ордере вашем, государя моего, ко мнѣ писано, (сего де числа):

«светлейший киязь Александръ Даниловичъ Менщиков изволил приказать всем санкт-питербурским гварнизонным полкам, обретающимся в Питергоѳе у работ, быть в Санкт-Питер-Бурхѣ к Богоявлениеву дни для стояния на воду.»

І на оное вам, государю моему, во извѣстие предлагаю вышеозначенных полков солдаты, на караулех которые обретаютца при Питергоѳе, а имянно:

на Столярномъ дворе (на ко) на карауле и для убирания досок і воски дров для топления мастерских изб:

капрал — 1
салдат — 6

у Эрмитажа — 2

на Казенном дворе у материалов:

капрал — 1
салдат — 2

на пристани у Казенных анбаров — у правианту і материалов — 3

на бабьем гону, во дворце, у магазейна, у слуза и у колесъ:

капрал — 1
салдат — 14

на питергоѳских кирпичных заводах у кирпича і для окалывания пристани — 2

в Оранибоме у принятых досок:

капрал — 1
салдат — 3

у приему на казенных лошадей ѳуряжу і с Пудожских заводов у воски і у приему ж камня:

(са) капрал — 1

Всего по вышеозначенным мѣстам:

капралов — 5
салдат — 32

которые в тех мѣстах обретаютца безсмѣнно.

А пробыть без нихъ невозможно.

І тѣхъ капраловъ і салдат посылать ли? о том что благоволиш имъ? — понеже в тѣх смѣнах інтересу его (і в) чинитца многая (пропажа) трата.

Декабря 26-го дня 1723-го году послано Нарвского полку (с салдатом) з барабанщиком с Сергѣем Буслаевым в 11 м часу вначале.

О обиранії із салдат у мастеровыхъ людей питербурских полков інструментов писано х камисару Василью Елчанинову.

А когда возвратятся, велено отдать.
Декабря 26-го дня.

[Комисар Павлов]

33

Государь мой Степан Карповичъ, [Карпов]

В бытность его высоко-княжеской светлости в Аранибомскомъ доме ізволил до вас писать,

чтоб отправить для рубки ѳашин в камандрованные полки салдата для окладу в Кронштате города сто сорок девить тапаровъ.

И оные тапоры в Аранибомском доме приняты, а нынѣ посланы да вашей милости са канюшником Ѳедосеемъ Кароткимъ, которые прикажите принять, а о приеме насъ писменно уведамить.

Слуга вашъ, моего государя,
порутчикъ Сергѣй Бурцовъ.

Декабря въ 30 день
1723-го году.

34

(Стрельна)

Государь мой Семенъ Михайловичь,

В указе Его Імператорского Величества іс Канцелярии от строений к дѣлам Стрелинского строению сего генваря 4-го дня написано:

велено по промеморіі, присланной из Дворцовой канцелярії, для окладывания в Дубках дерев принят от васъ ис Красного села соломы от молодбы десятиннаго хлѣба дватцать возов весом четыре ста пуд, которую і перевесть велено в Дубки того Краснаго села на дворцовых подводах сего генваря в перьвых числехъ; а за провоз той соломы до Дубковъ выдано будетъ на каждую подводу по одной денге на версту.

І об отпуске и отвозѣ помянутой соломы із Дворцовой канцелярії к вам указ посланъ.

Того ради, государь мой, прикажи помянутое число соломы пуд на дворцовых того села подводах в Дубки отпустить с по-

сланным для оного отправления от нас Преображенского полку из отставных салдат і капралов Ісаем Брюховым,

дабы за неотвоз в Дубки оного числа соломы впред на нас не взыскалося.

Ваш, милостивого государя моего,

слуга

Іван Бачмановъ.

Генваря 8-го дня
1724 году.

VIII
Резной мастер

1725-й год — царствование Екатерины Алексеевны (1725—1727).

Со смерти Петра прошло несколько месяцев, работа идет, как ни в чем не бывало.

Петровский упор необычаен — надолго хватит.

Это — «воля к деянию» такая страсть — действует и тогда, если даже сам-то человек онегожен, действует и после смерти.

Петровские мастера — люди такой страсти, отчасти и зараженные или вернее завороженные Петром, его необычайным упором и кипью работы: страсть к работе заразительна, как и противоположность ее—тля праздная.

Резного дела мастер — резной мастер Франц Циглер!

Два года назад, в 1723-м, Франц Циглер сделал в Петербурге две больших деревянных лежачих фигуры — «к концам стоков, что по обе стороны слюза (шлюза) в Большом канале». И повез их с другим резным мастером Конрадом Оснером в Петергоф вмѣстѣ с двумя деревянными курицами и деревянным драком — работа резного деревянного дела мастера Пинови «для фонтану в нишелях решетчетых».

В Питергофе Франц Циглер должен был переделать по указанию Петра эти большие фигуры, при этом в его распоряжении были все находящиеся о ту пору в Петергофе резные мастера и Конрад Оснер и Фарсуар и Эдгар Эль-Крисар и Кардасей (Coeur Dacier) и сам мастер Сенлорам.

Из Петергофа Франц Циглер перебрался в Москву к работам на Головинский двор (дворец), а когда на Головинском дво-

ре стройка прекратилась, попал в Госпиталь к «Гоѳшпитальному строению».

Он лежит в «паралижной болезнии» — руками и ногами не владеет, а образцы делает и за работами смотрит! — всегда к работам является.

Так доносит госпитальный доктор Николай Бидлоо и добавляет, что человек он нужный и «впредь к госпитальному строению нужен будет».

О чудодейственном резном мастере рассказывают и штукатуры (штукаторы) Фрол Борисов с товарищи: они работали на дворце подле Яузы, а теперь в Госпитале же — в церкви и в Анатомическом театре.

— Руками и ногами не владеет, а образцы делает и к работам всегда является, вот это мастер!

1

Благородный господинъ порутчикъ,

Писмо ваше сего 1725 году іюля 19 числа получилось, через которое вы изволите требовать:

что штукаторы Ѳрол Борисов с товарищи дѣлали и в каком дѣлѣ нынѣ обрѣтаются?

По которому отвѣтствую:

что прежде работали у Государыни Імператрицы на дворце подлѣ Яузы рѣки, а нынѣ в Гоѳшпиталѣ в штукаторной работѣ обрѣтаются в церквѣ и в Театрѣ анатомическомъ и в протчіихъ.

А резной мастер Ѳранцъ Цыглер в паралижной болѣзниі лѣжитъ — руками и ногами не владѣетъ — однако жъ нам образцы дѣлаетъ и помогает, сколько можетъ.

Остаюсь вашъ доброжелатель
N. Bidloo.

1725 годъ.
Іюль 27 дня

2

Благородный господинъ порутчикъ,

По вашему писму от сентября 17 писанному, отвѣтствую:

что мастеръ Ѳранцъ Цыглеръ нынѣ у работъ на Головинскомъ дворѣ не обрѣтается, понеже там нынѣ стро-

ить вновь ничего не указано, того ради оттуду взятъ нынѣ къ Гоѳшпиталному строению, гдѣ у работъ и обрѣтается и, сколка может по болѣзни своей, работаетъ и над прочіими надзирает и всегда к работам является.

И потому, понеже в службѣ обрѣтается под моею командою, жалованья ему на майскую трстъ выдать надлежитъ. А впредъ к Гоѳшпиталному строенію нуженъ будетъ.

В протчем пребываю вашъ усердный
доброжелатель
Доктр Николай Бидлоо.
N. Bidloo.

Сентябрь 19 дня
1725 года.

Писмо сие присокопить к выписке 1725 года.

IX
Красная ворона

1732-ой год — царствование Анны Иоановны. (1730—1740).

Самая из русских русская царица, дочь царя Ивана Алексеевича, брата Петра, (1682—1689) и Прасковьи Ѳедоровны, урож. Салтыковой. Вся в ширь — императрица! — ножка белого гриба с «напачканными» бровями.

(При дворе такая мода была: пачкать брови).

А круг — рощи, сады, огороды, птичники, курятники, «ранжерея».

В садах — погреба, в погребах — коренья и овощи про обиход императрицы: петрушка, постарнак (пустарнак), порей, сельдерей, морковь, репка, свекла, ондиви.

В птичнике в железной клетке кинарейки.

А живут еще в клетках же красные вороны.

Сад насадил Петр и всяких птиц вывез из Голландии и красных воронов. И на огородах петровские солдаты старики караулят — Иван Замараев да Артемий Русинов из Батальона от Строений.

Сад разросся до невозможности.

— Решеточные ворота большим ветром сломило, и столбы у пришпехта подгнилили и тоже большим ветром сломило.

Столярного дела подмастерье Димитрий Максимов ветхости все исправит — по памяти петровской.

А памяти идет конец — —

Нового ничего не строят, заканчивают петровские затеи, заколачивают последние петровские гвозди — через годы Екатерины, через годы Петра внука — последний дых петровской силы.

Уж восковую персону Его Императорского Величества велено по приказу обермаршала графа фон-Левенвольда отдать в Кунсткамеру (кунштькамору) к библиотекариусу Шумахеру.

Скоро будет действовать первый русский зотчий Земцов (1688—1743), ученик Трезина, помощник Леблона и Мекентива, скоро приедет из Парижа Растрелли сын и опять пойдет дым коромыслом — Елизаветинская стройка! (1741—1761).

А пока что все в садах, огородах, рощах.

Петербург и Питергоф — курятник.

Запах помёта, перьями и теплыми яицами.

Контора Садовых дел — все.

В Петербурге в Васильевском саду садовый мастер — Яган Эйк (Iohann Heug), в Петергофе — садовых дел мастер Ле-ванхарнигфельт (Le van harnigfeltt) и старичок иноземец Симон Шталь (Simon Stahl), в Четвертом «Итальянском» саду садовый подмастерье Семен Лукьянов, в Конецком огороде смотритель прапорщик Алешутин.

А над всеми — Антон Кормедон — Антон Антонович — красная ворона!

*

Красные вороны — первая птица — за ними особый уход и забота.

Живут они в клетке, сидят на столбиках (второй столбик уж протоптали!), а кормятся или, как говорит любитель лесковских «писмовручительств» подканцелярист Петр Часовников, «принимают пищу» в корыте (все корыто продолбили!)

Как привезли их в Питергоф — «к пришествию в Петоргоф Его Императрского Величества» — да как раскрыли клетку, все диву дались.

— Что за вороны!

— Ну, и вороны!

— Красные вороны! — сказал солдат Горохов. Так и окрестили.

Птичник Шталь учил-кликал:

— Der Papagei.

Но ни садовые подмастерья, ни сама птица не откликались: птице понравилось русское прозвище.

Так и рапортовали (репортовали).

Это было еще в 1720-м году, когда верховодил кн. Алексей Михайлович Черкаский, а в подручных ходил при нем Борис Неронов.

А теперь обермаршал «его графское сиятельство и ордена святого Андрея кавалер» фон-Левенвольд, а под ним Антон Антонович Кормедон — красная ворона.

Так прозвали Антона Антоновича все садовники до Петра Шапошника и старосты Матвея Гиллера.

Да и сам Антон Антонович любит щегольнуть русским словом:

— Ich bin russische красная ворона!

*

На всякое садовое «доношение» «ведение» и «промеморию» Антон Антонович кладет резолюцию.

Все равно — о еловых кольях и тычье гороховом; о досках для делания столов и скамеек (скамеяк) в сады и по рощам; о лейках для поливки (поливанья) овощей и фруктов; о колесах под роспуски и одноколок (аднаколак), на которых песок, черную землю возят, также навоз и прочая; о олове, говяжьем сале, нашатыре, деревянном масле для починки леек (леяк); о висячих замках большой руки и малой (такой размер); о дубавых кадках (катках) для держания воды в оранжереях (ранжареях); о починке чулана, «в котором будут сидеть подорожники»; о железном скребке для чистки (чиски) в клетках; о потошниках (поташниках) для ловления птиц; о пробной лопатке и кирке — все равно, так пропишет, будто не птичник, не сад, не огород, не роща, а вся Россия в его воле и власти, и всякое дело, чтобы немедленно —

А н т о н   К о р м е д о н

Да, много бывало чудес на Руси и каркать о ее погибели, только воздух портить!

Это я не вам, это я старикам петровским огородникам солдатам Замараеву да Русинову.

На Конецком огороде, что за Казачьею, вон они пригрелись на солнышке, вспоминают крутое Петровске время, —

когда были настоящие комисары:

— Обер-комисар Ульян Акимович Синявин!

— Комисар Ѳедор Акимович Синявин!

— Комисар Семен Михайлович Павлов!

— Комисар Степан Карпович Карпов!

— Комисар Ѳедор Ѳедорович Шатилов!

— Светлейший Римского и Российского государств и главный генерал и кавалер Александр Данилович Меншиков!

— Генерал-майор, лейбгвардии маиор Дмитреев-Мемонов Иван Ильич!

Настоящие комисары, не эти:

— Поручик Алешутин? майор Коробанов? Петр Мошков... разве что полковник Андрей Ивановнч Брунц...

Но главное-то — эта «красная ворона», она им вот где — Антон Кормедон.

— Погубит, мерзавец!

Ну, ничего, — от огородного духу ой как спится! — поворчат старички и задремлят на своем «прилежном смотрении».

А сад разросся до невозможности и все ростет, овощи поспѣвает, птицы топчутся, несут яица, работа идет — в Конторе Садовых дел и в Валдместерской (б. Лесных дел) пишутся донесения.

А пишут, как говорят. Читай, как написано, русскому языку научишься — русскому произношению.

1

В Кантору Садовыхъ делъ
доношение.

Потребно Ея Импараторского Величества в Василевской сад для горожения двора, гдѣ поставлѣны ученические покои, и для привяски шпалѣръ і протчих деревъ:

> кольевъ еловых две тысячи — длиною в полторы сажени, а в отрубъ толщины в три і в полтора дюйма ж, а меннщи бы полтора дюйма нѣ было, да дватцать возовъ тычья гороховаго.

Того ради прошу от Садово канторы, чтоб повелѣно было послать промѣморию Валтъмѣстерскую кантору для того что, где оная показала, Валтъместерская кантора покаже оные колья рубить, тако жъ і тычья.

О семъ доносит садово мастѣръ Яган Эйкъ.
Ѳевраля – дня 1732 году.

Johann Heug.

Публиковать охотчим людем.
Ѳевраль 12 дня 1732 году.

2

В Кантору Садовыхъ делъ
доношение

Потребно Ея Імператорского Величества в Василевском саду починить і вновъ зделать, а имѣнно:

надлѣжит зделать решеточные ворота, которые большим ветромъ сломило сето іюля 1 дня, еще ж надобно починить пришпехтъ по пришпехтивой дороге от светолок, а оной пришпехтъ росписат также по светолочному, а у оного пришехта столбы подгнилили і оттого болшим же ветромъ сломило,

еще жъ потребно зделать ізбу или погребъ хорошей для сохранения кореньев і овоще про обиход Ея Імператорского Величества в зиму, также і конюшню казеным лошадямъ.

І о том да соблаговолит Садовая кантора ізвестить.
О семъ доносит садовой мастѣръ Яганъ Эйкъ.
Іюля – дня 1732 году.

Johann Heug.

№ 135 записано.
1732 году июля 6-го дня.

Записав показанные вѣтхости, осмотрить столярного дѣла подмастерью Дмитрею Максимову. И какая по осмотру ево найдется ветхость, и что на починку оной надобно порознь материалов и мастеровых людий, в Кантору Садовых дѣлъ репортовать. И о томъ к нему послать указъ.

Антон Кормедон.

3

В Кантору Садовыхъ делъ
ведение.

Потребно в сады Ея Императорскаго Величества, такожде и по рощамъ, для делание столовъ и скамеякъ отпустить досокъ, а именно:

двудюймавыхъ — педесят,

полутарадюймавыхъ — дватцать.

Да ещо прислать для воски дровъ навозу и протчихъ работъ восимь лошадей.

Да прислать салъдатъ или другихъ работныхъ людей в работу для пересаживания деревъ и для воски черной земли и протчихъ всяких садовыхъ работъ нынѣшънимъ зимнемъ временямъ сто пятдесятъ человѣкъ —

понеже которыя работали сто человѣкъ салдатъ и нынѣ отымаютца и повелено требовать другихъ.

О семъ требуетъ ис Питергоѳа садовыхъ дел мастеръ

Le. v. harnigfeltt.

Ѳевраля въ 14 день 1732 году.

Выписать, что против в сей требованіе определено, і предложить немедленно.

Ѳевраль 16 дня 1732 году.

4

В Канътору Садовыхъ делъ
ведение.

Надлежитъ зелать новыхъ леякъ из двойной жести — десятъ для поливания овощей и ѳруктовъ,

да для починъки выдать одинакой жести дватцать листовъ,

да прислать столарей для делания столавъ, скамеякъ в садах, такожъ и по рощамъ по удобнымъ местамъ,

да зелать колесъ большихъ подъ роспуски и адънаколакъ, на которыхъ песок, черную землю возятъ, тако жъ навозъ и протчая, — двенатъцать паръ окованныхъ,

да для пайки оконницъ в рамъкахъ, тако жъ и для і починакъ леякъ:

олова — пять ѳунтъ,

сала говяжъява — пять ѳунътъ,

нашитыръ — два ѳунта,

масла деревяннова — полътретья ѳунта;

замъков висячихъ большой руки и малой — дватцать,

да зелать или купить четыре катки дубовыхъ для держания воды в ранжереяхъ.

О семъ требуетъ Питеръгоѳскихъ садовъ садовыхъ дел мастеръ

Le. v. harnigfelt

Ѳевраля въ 14 день 1732 году.

Выписать чево на лицо і предложить нымедлено.

Ѳевраль 16 дня 1732 году.

5

В Кантору Садовыхъ делъ
доношение.

Потребно к воронам красным для сидения их зделать вновь два столбика по показанному моему обрасцу,

да имеющейся в старом зимнемъ доме чюланъ починить, в котором будутъ сидеть подорожники,

да для чиски в клетках зделать скребок железной по показанному ж от меня обрасцу,

к тому ж потребно для кормления воронов два корыта.

О семъ доносит птичникъ іноземецъ Симон Штал.

Марта — дня 1732 году.

H. S. Stahl.

Освѣдителствовав, требовать для дѣла материалъ і отправить немедлено.

Мартъ 8 дня 1732 году.

6

В Кантору Садовых делъ
доношение.

Надлежитъ купить для ловления птицъ два потошника дленою по десети аршынъ,

да на оные ж поташники холста — дватцать аршинъ ценою по алтыну,

дватцать гвоздей — в том числѣ десеть по полуаршину да дѣсять по четъверти.

І отдать вышеписанное все Петру Шапашънику с роспискою.

H. S. Stahl.

Справетъ, імиѣтсе на лицо, і предложить нымедлено.

Мартъ 10 дня 1732-году.

7

1732 г. ѳевраля въ 24 день.

В Кантору Садовых дел Четвертаго имянуемого Италианского саду садовому подмастерью Семену Лукьянову.

Справясь, прислать ізвестие сего числа, колико імеѣтца ныне на лицо петрушки и постарнаку и протчих поваренных овощей, и прислать с сим писмовручителем, ибо о том требуют сего числа ізвестия Ея Імператорского Величества в Придворную кантору.

Подканцеляристъ Петр Часовниковъ.

И противъ сей вышеписанной справки в Четвертомъ Ея Імператорского Величества саду имеется нынѣ на лицо коренья в погребахъ:

петрушки — сотъ шесть,
пустарнаку — четверика съ четыря,
порою — ста (четыри) з два і болши,
селдерей — ста три и болши, токмо уже и та портится, понеже уже время вешъное,
моркови — четверика з два и болши,
репки — четверика з два,
а свекла в росходѣ, по ордеру из Канторы Садовых дел осталось на два дни,
а ондиви и протчее в расходе і показоно будетъ.

8

Господинъ прапорщикъ Алешутинъ,

По получени сего принять тебѣ от обретающихся в лазаретах ведомства Адмиралтействъ колегиі от маэра господина Коробанова Конецкой огород, что за Казачьею, с описью и іметь оной под своим смотрением.

Чего ради для караулу реченного огорода определены из Баталиона от Строеней ис стариковъ салдатъ два человѣка, а имянно:

Иванъ Замараевъ, Артемей Русиновъ,

которым прикажи, дабы они в том огороде имели прилежное смотрение.

А что в том огороде каких порознь в приеме будетъ деревъ и какое имеетса строение и городба, в Кантору Садовых делъ

репортовать, понеже хотя для приему того огорода и определенъ был подмастерья Семенъ Лукьяновъ, и оной команъдруется в другое место.

Іюня 22 дня 1732 году.

9

Салдать Борисъ Гороховъ

При сем посылаетца старостою Матвѣем Гиллеромъ промемория в Сестрорецкую кантору и при ней пробная лопатка да кирка.

И оные, приняв у старосты, отвесть на Сестрорецкие заводы.

И вручи господину полковнику Андрею Ивановичю Брунцу и попроси ево ат мяня, чтоб пожаловалъ приказал оное исправить по силе промеморiі.

І в скорости исправить і переслать со онным вышеписанным старостою, (как он отправитца).

Марта 10 дня 1732 году.

№ 257 в. з.

10

Государь мой Антон Антонович,

Его граѳское сиятелство обермаршелъ и ордена святаго Андрѣя ковалер ѳон-Левенъволдъ изволил приказать вамъ обявить:

чтоб персону Его Императорского Величества восковую, которая стоит в домѣ государя царевича, отдать в Кунштькамору,

и другие вынесть в удобное место,

и караул свести,

и оные два покоя очистить.

И сие изволил приказать учинить немедленно.

Слуга вашь, моего государя,

Петръ Мошков.

Июль 8

1732.

Получено июля 10 дня.

1732 июля 10 дня. По указу Ея Императорского Величества о приемѣ той персоны писать к господину библеотекариусу Шумахеру.

Антон Кормедон.

<2.> Купчая
1742–1746

«— — наступи на землю Половецкую, притопта холмы и яруги, возмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луки — моря отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославли — —»

Начну со «Слова о полку Игоревѣ» о в. князе Святославе и о половецком хане Кобяке, не потому что о них речь, а потому что в «купчей» покупщик потомок «поганаго» хана — Кобяков: купил Кобяков у Левашова крестьянина Абрама Панова с женою, с детьми, с их дворовым и хоромным строением, с хлебом стоячим и молоченым и в земле посеянным, с мелкою и рогатою скотиной и лошадьми и со всеми их крестьянскими пожитками, в вечное владение, впрок, бесповоротно за 50 рублей; а у Секериной крестьянскую девку Ксению Иванову, никому не проданную, не заложенную и ни в каких крепостях не укрепленную, за 3 рубля. И вот судьба — «въ вѣчное владѣніе, въ прокъ, безповоротно!» — а последний въ роде, последний поганый хан Кобяк, поэт Дмитрий Кобяков не серым волком по степи рыщет, а в Париже на железной дороге на товарной станции сцепщик вагонов, и так черный-половчанин! — а от мазута, копоти и пыли что уж чернее не бывает, и дети зовут его галчонком, ныряет под вагонами со своими стихами.

— — —

Чтобы знать свой язык, мало знать, как пишется слово и выговаривается, надо знать, как писалось и выговаривалось. А для этого необходимо ходить по письменным русским векам — чи-

тать старинные грамоты, памяти и изучать памятники литературы. Это и для России, где живут русские люди, и для заграницы, куда попали жить русские люди.

В России этих грамот и старинных памятей горы — лежат неразобранные, глазом не выласканные и не вычитанные, ждут: приходи и пользуйся. Другое дело за границей — много ль сюда занесло старинной русской бумаги! А ведь тут она еще ценнее, чем на родине, – нужнее для русского человека, попавшего жить за границей. Читая и разбирая грамоту, будто разговариваешь с русским, хорошо говорящим по-русски. А это такое счастье, и такое — точно в России побывал, от самой земли слово послушал.

Русскому человеку как нужно беречь эту «старинную память», если попала она ему в руки! И как надо искать ее среди нерусских бумаг, а найдя, не прятать для показа приятелям, а дать человеку, который может разобрать, а потом напечатать, чтобы все читали — строчку за строчкой, поговорили б и здесь, на земле нерусской, послушали б Россию, ее слово. Ведь слово — это крепь, крепче всякого секкотина!

Прежнее время часто как говорили, так и писали. Вот посмотрите: «въ родѣ своемъ не послѣдней», «женѣ ево», «дѣтемъ», «бесповоротно», «з дѣтми», «вступатца», «петдесятъ», «Мещерскай», «Выборского», «денги», «денехъ», «три рубли», «взела», «по чищенаму», «свидѣтелямъ», «стацкай», «унтдѣръафицеръ», «Григорей», «копѣякъ», «Валконъской» (или «Волкъконской»). А теперешнее: «почему нибудь» раньше было — «по чему ни буди». А Леонов звался «Левоновымъ».

Обе купчии — и Левашовская (15. 9. 1742 г.) и Секеринская (9. 9. 1746 г.) написаны на орленой бумаге, вкруг орла напечатано: «Писать крѣпости и выписи до 50 и въ 50 рублев и Отказные книги — 1738, 2 ко.»

(1738 г. — в царствовании Анны Иоанновны (1730—1740); 1742—46 — в царствовании Елизаветы Петровны (1741—1761).

I

В тысяща семь — сотъ четыредесять — втораго, сентября пятого — надесят дня отставной капрал Иванъ Аѳонасьевъ сынъ Левашовъ, в родѣ своем непослѣдней,

продал я, Иванъ, дворянину Өедору Іванову сыну Кобякову, женѣ ево і дѣтем — в вѣчное владѣние, в прок, бесповоротно — из Пронского уѣзду Каменского стану, из деревни Салковой земли крестьянина Аврама Герасимова сына Панова, з женою ево Натальеею Васильевою дочерью и з детми Ефимомъ, Дмитриемъ и со их дворовым и хоромным строением, с хлѣбом стоячим и молоченым и в земле посеянным, и с мелкою і рогатою скотиною и с лошадми и со всеми ихъ крестьянскими пожитки, — за которого своего крестьянина Аврама, з женою і з детми ево и со всеми их пожитки, взял я, Иванъ, у него, Өедора Кобякова, денегъ пятьдесятъ рублевъ; а напред сей купчей оной мой крестьянин, з женою і з детмі, иному никому не проданы, не заложены и ни у кого ни в каких крепостях не укреплены; а буде кто у него, Өедора, у жены ево и у детей и у наследниковъ, во оного моего крестьянина, з женою ево и з детми, учнет вступатца по каким крепостям или по чему ни — буди, и мнѣ, Ивану, и жене моей и детем и наследником, ево, Өедора, жену ево и детей и наследников, ото всяких крепостей очищат, харчей и упытков не доставить; а ежели моим неочищением оной мой крестьянин, з женою и з детми і со всеми ево крестьянскими пожиткн, от него, Өедора, от жены ево і от детей і от наследников, по каким крепостям или по чему ни — буди отойдуть, и ему, Өедору Кобякову, женѣ ево и детем и наследникомъ ево, взять с меня, Ивана, з жены моей і с наследников, вышеписанные свои данные денги пятдесят рублев и убытки все сполна, что ему в том учинины ж.

К сеі купчеі капролъ Іванъ Аѳанасьевъ сынъ Левашовь вышеписанного своего крестъянина Аврама Панова, женою ево Наталъею и з детми Ефимомъ, Дмитрием и со всеми пожитки іхъ дворяиину Өедору Кобякову продолъ и денегъ петъдесятъ рублевъ взялъ и руку приложилъ.

У сей купчей капитанъ князь Василей княж Степановъ сынъ Мещерскай свидетелем былъ и руку приложилъ.

У сей купчей капитан Никонъ Тарасов сынъ Арсеньевъ и при взете денегъ свидетелем былъ и руку приложилъ.

Купчую писал Переславской Правинциалной Канцеляріи Рязанского копеистъ Алексѣй Сарыковъ.

1742-го году, сентября 15-го дня сия купчея в Переславской Крепостной Канторе Рязанского в книгу записана, пошлин отъ писма и от записки и на расход пятъ рублевъ двадцать двѣ копѣйки три четверти взято, подписалъ надсмотрщикъ Алексѣй Сарыковъ.

II

Лѣта тысяща семьсотъ четыредесят — шестаго, сентября девятаго дня Выборского пехотного полку сержанта Василья Іванова сына Секерина жена ево Прасковья Іванова дочъ продала я дворянину Федору Іванову сыну Кобякову по повѣренному писму оного мужа моего крепостную ево крестьянскую дѣвку Михайловского уѣзду деревни Савинки Ксению Іванову дочь, — а за эту дѣвку взяла я, Прасковья, у него, Федора Кобякова, денегъ три рубли; а напред сего оная моя дѣвка иному никому не продана и не заложена и ни у кого ни в каких крепостях не укреплена; а ежели в ту мою дѣвку станет кто по каким крепостямъ вступатся, и мнѣ, Прасковье, дѣтем и наслѣдникомъ моимъ ево, Кобякова, жену, дѣтей и наслѣдников ево, ото всяких крепостей и ото вступщиков очищать і убытка никакова не доставить; а буде нашимъ неочищеніем та моя дѣвка по чему писму от него, Кобякова, и от жены и от дѣтей і от наслѣдников ево, отойдет, и ему, Кобякову, женѣ, дѣтем и наслѣдником ево, взять с меня, Прасковьи, з дѣтей и с наслѣдников моих, вышеписанныя данныя свои денги и с убытки всѣ сполна.

К сей купчей Прасковья Іванова дочъ, сержанта Васильева жена Секерина вышеписанная мужа своего девку Ксению Іванову дочъ двоsренину Ѳедору Кобякову продала и денехъ три рубли взела и руку приложила; а что сверху в четвертой строке по чисщенаму написана «жена», а о том я не спорю.

У сей купчей капитан Іван Даниловь сынъ Спицынъ свидетелямъ былъ и руку приложилъ.

У сей купчей отставной сенацъкай унтдѣръ-аѳицеръ Василей Родивоновъ сынъ Левоновъ свидѣтелемъ был и руку приложил.

У сей купчей статцкой советникъ князь Григорей княж Ѳедоров сын Валконъской свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

Купчую писал по приказу надсмотрщика Переславской Правинцыалной Канцеляриі Рязанского писец Александръ Жепинъ.

1746 года сентября въ 9 день сея купчея в Переславской Правинциалной Канцеляриі Резанского у крепостных дѣл в книгу записано, пошлинъ тритцать от писма и от записки дватцат копѣякъ, на росходъ четверть копеки взято, подписал надсмотръщикъ Тимоѳей Бѣляев.
Пошлин — 30 ко.
от писма— 10 ко.
от записки — 10 ко.
на росход — ¼

<3.> Сговорная
1707 г.

Крепка жизнь работой, красна гуляньем. Праздники — «гулянье» — без них простому человеку скучно. Да не только простому, а и монаху — и для монаха есть пост («великое море») и Пасха.

Кн. Богдан Иванович и кн. Василий Иванович Гагарины играют свадьбу: сестру Дарью Ивановну выдают замуж за Григория Алексеевича Колтовского (— прозравляем! —). На смотринах вот — сундуки раскрыты: красное, алое, малиновое, васильковое, песошное, коришневое («коришное»), лазоревое, жаркое («жеркое»), осиновое, бруснишное, белое — все это приданое за невестой. А для крепи — договор (— пожалуйте! —) — «сговорная роспись» («письмо») — опись тому, что дается «в приданые»: 6 образов, 1 кафтан, 7 кунтышей, 5 бострогов, 1 телогрея и проч. и проч. — на 1000 рублей, да 4 де-

ревни — 40 дворов — крестьяне с женами, с детьми, с братьями, с племянниками и с внучаты, да 500 рублей на покупку вотчин.

Пишет сговорную подьячий Федор Грешищев: этот умеет, как вещь назвать; знает, как выразиться, чтобы в память вбило зарубкой — «дела нет и впредь не вступаться! (— ишь ведь, как вляпал! —).

И не только для крепи пишет Федор Грешищев, а и для славы — теперь на-даль-далеко по всей по Сибири молва: «как Гагарины выдавали сестру замуж!» И не только для славы — есть тайна слова: названная вещь (именная) живет сильнее и ярче безымянной — и эти изумруды и эти яхонты и эти лалы и этот жемчуг и эти алмазы — — и лазурь лазоревее и красное краше. А когда такой мастер, как Федор Грешищев (— воистину Адам! —), дав название вещи, оплетет его словом — все эти сундуки, таким ударят светом в глаза, тут и рассамый придирчивый сват не устоит (— по рукам! —). Все останутся довольны и, конечно, автор — Федор Грешищев, и Феофан Яковлев — его дело записать в книгу пошлины: «1 рубль 23 алтына 2 деньги взято» (1 р. = 33 ал. 2 д.; 1 ал. = 6 д.).

А подписали эту сговорную: подьячие — Иван Шмаевский, Яков Чернов, Семен Киреев, Федор Богданов; стольники — Роман Траханиотов, кн. Семен Гагарин, Иван Павлов.

Кн. Василий Иванович Гагарин сам подписал, а вместо кн. Богдана руку приложил сам кн. Матвей Петрович Гагарин.

> Матвей Петрович — сибирский губернатор, казненный Петром за непредставление в казну сборов с вверенной ему губернии; был в большой дружбе с китайцами, китайское правительство за него ходатайствовало перед Петром; до сих пор по-китайски русские губернаторы называются «га-га-линь».
>
> Богдан Иванович — бригадир (1673 — 9. 6. 1722).
>
> Василий Иванович, дейс. ст. совет.; жена его — Марья Петровна; от них происходят все нынешние известные и знатные Гагарины. В числе их потомков особенно известны: Иван Сергеевич (1814) иезуит, друг Тютчева; Григорий Григорьевич (1810) художник; Вера Федоровна — жена поэта кн. П. А. Вяземского.

А написана сговорная, как сказана — читая, слышишь слово: тыся-щ-а, в-а (во), з-говорили, Григор-е-я, серебр-е-ных, Васил-

е-й, ал-а-й, к-а-фтан, ю-п-ка, одеял-а, в шесть нит-а-к, се-рг-и, зап-а-нка, рубаше-ш-ная, бархотн-о-й, зерк-о-ло три-ц-ать, двена-ц-ать, му-с-ких, кре-стьян-я, с брат-е-ми, пи-см-у, з-говорн-ова, Р-а-ман Александр-а-в, Шмаевск-о-й, записан-а, яво-ш-ной, а-синовой.

А пишет Федор Грешищев на орленой бумаге — вкруг орла напечатано: «Под сею мерою герба писать всякие крепости от тысящи и в десять тысящ рублев. Пол-полтины». Упоминаемые «Писцовые и Переписные книги» 186 (1678) г. — при Федоре Алексеевиче (1676—1682); сговорная 1707 г. — при Петре (1682—1725), копия 1737 г. — при Анне Иоановне (1730—1740).

Документ — находка M-r Jean Gavelle (Paris).

Ва тысяща семьсот седмаго, августа в пятый ден, князь Богдан да князь Василей княж Івановы дѣти Гагарины, зговорили мы сестру свою родную княжну Дарью Івановну замуж за Григорья Алексѣевича Колтовского, а благословляемъ мы сестру свою княжну Дарью, Божиім милосердим:

образ Всемилостивого Спаса,
образ Вескресения Христова,
образ Предтечи Иоанна,
образ Вознесения Господня,
образ чюдотворца Николая,
образ преподобного отца Еѳрема —

в окладѣхъ серебреных и позлащенныхъ;
да мы ж, князь Богдан и князь Василей, приданого за нею, сестрою своею, даемъ платья и низанія:

каѳтан бархотной, красной подбит порчею пестрою, круживо золото с серебром, опущен огонками;
кунтышъ объяринной гулинной, мѣхъ бѣлей червей, опушен огонками, круживо золото с серебром;
кунтыш алай камчатой, мѣхъ лисѣй черевѣй, опушен огонками, круживо золото с серебром;
кунтышъ бебрековой молиновой, опущен пухом, кружево золото с серебром, мѣхъ бѣлей черевей;

кунтышъ штоѳоной василковой, мѣхъ бѣлей черевей, опушен пухом, круживо золото с серебром;
кунтышъ бебереково, песошной, мѣхъ бѣлей черевей, опушен пухом, круживо золото с серебром;
кунтыш камчатой коришневой, мѣхъ бѣлей черевей, круживо золото с серебром, опушен пухом;
кунтыш камчатой лазоревой камѳарной, мѣхъ бѣлей черевей, опушен пухом;
бострогъ-порча золотная жеркая, круживо золото с серебром, — юпка штоѳовая каришная с сеткою серебреною;
бострог штоѳоной жаркой, травочки золотные, обнизан жемчюгом, — юпка алая камчатая, травы виноградные, ѳалборы отласные осиновые;
бострог объяринной гулинной, круживо золото с серебром, — юпка малиновая камчатая с круживом золотным;
бострог бобереково песошной, обложен лентою золотною, — юпка осиновая камчатая, круживо золото с серебром;
бострог отласной осиновой, круживо золото с серебром, — юпка бейберековая песочная, ѳалбары камчатые бруснишные;
юпка красная камчатая; юпка бруснишная камчатая;
телогрѣя камчатая жаркая, круживо серебреное;
перина с-ызголовьем да двѣ подушечки маленких; на перине и на изголовье и на подушечкахъ наволоки камчатые; застенки у изголовья и у подушечекъ с кружевом серебреным; простыня камчатая с круживом серебреным; простыня камчатая; одѣяла песцовое, покрыто камкою бруснишною; шапка бархотная соболья, запонкана с яхонты и с лалы; муѳты соболей; ѳанташъ;
складенецъ алмазной з запоною алмазною; перло, низаное в шесть нитак; на руки перевези, низаны жемчюгом в три нитки с-ызумрудами;
плетешекъ низаной с крестом золотым, на кресте зерны бурмицкие; плетешекъ золото с серебром,

варворки обнизаны мелким жемчюгом, крестъ золотой з зерны бурмицкими, чепочка золотая;
серги алмазные; серги — яхонты лазоревые; серги — коронки алмазные, подвѣски изумрудные з зерны бурмицкими;
запанка алмазная рубашешная; две запонки к рубашки в рукава с-ыскры изумрудными и лаловыми;
перстен яхонтъ бѣлой; персен с лазоревым яхонтом, два колца золотых; лысинка шита волоченым золотом по асиновом отласу, обнизана жемчюгомъ;
ларецъ бархотной з голуны, а в нем: зерколо бархотное, оправлена серебром, бѣлилница, румянница — серебреные, рукавицы шелковые з золотом;
ларецъ дубовой обитъ железом бѣлым;
ящикъ дубовой, а в нем бѣлья: десять скатертей браных и шитых, трицат четыре рубахи женских, двенацат рубах муских, двенацат простын, восем десят полотенецъ, сорокъ платков;

всего приданого на тысячю рублев;
да мы ж, князь Богдан да князь Василей, даем за нею, сестрою своею, в приданые: вотчину в Галицком уѣздѣ в Судаской осадѣ в Егоревских починках — деревню Нагорскую, деревню Ковизину, деревню Салникову, деревню Шепырева; а в них крестьянских и бобылских — сорок дворов; а тѣ крестьяня — з женами и з дѣтми и з братеми и с племянниками и с внучаты, которые ныне в тѣх деревнях живут; а крѣпки тѣ крестьяня по Писцовым и по Переписнымъ Книгам сто восемдесят шестаго году (186 г — 1678 г), а четвертная пашня по Писцовым же Книгам и по дачам; а которые крестьяня и дѣти ихъ и братья и внучата и племянники ис тѣх съвышеписанных деревен вывезены в прошлых годѣхъ до сего нашего договору в-ыные наши помѣстья і вотчины и в-ыные уѣзды, так же и оприч дѣвокъ, которые выданы замуж за посторонних крестьян, — и до тѣх вывозных крестьян и до дѣвок, которые выданы замуж за

посторонних крестьян, ему, зятю нашему, Гигорью Колтовскому, дѣла нетъ і впред не вступатца! а которые крестьяня из вышеписанных деревен — из деревни Ковизиной и деревни Салниковой, из деревни Шепыревой — бѣжали, і тѣх бѣглых крестьян сыскиват и бить челом ему, Григорью самому;
да нам же, князь Богдану и князь Василью, дать ей, сестре своей княжне Дарье, на покупку вотчин денег пятьсотъ рублев.
К сей зговорной росписи вмѣсто князь Богдана княж Иванов сынъ Гагаринъ, по его писму, князь Матвей княж Петров сынъ Гагаринъ руку приложил.
К сему зговорному писму князь Василей княж Іванов сынъ Гагаринъ руку приложилъ.
Стольникъ Іванъ Івановъ сынъ Павъловъ у сего зговорънова письма свидетелем былъ і руку приложилъ.
У сего зговорнова писма столник князь Семен княж Семеновъ сынъ Гагарин свидетелем был і руку приложил.
Свидетель столник Раман Александрав сынъ Траханиотов был і руку приложил.
Сибирского Приказу подъячей Ѳедор Богданов Траханиотовъ был і руку приложил.
Того ж Приказу подъячей Семенъ Григорьевъ сынъ Кирѣевъ свидѣтелем был и руку приложил.
Того ж Приказу подъячей Яков Андреевъ сынъ Чернов свидетелем был и руку приложил.
Того ж Приказу подъячей Іванъ Петровъ сынъ Шмаевской свидѣтелемъ был и руку приложил.
Зговорную роспис писал крѣпостных дѣлъ подъячей Ѳедор Грѣшищевъ
707-го августа в 7 день за писмо той записки рубль двацать три алтына двѣ денги взято і в книгу у крѣпостных дѣл записана — подписал Ѳеоѳанъ Яковлев.
1 р. 23 а. 2 д. взято.
По второй явошной книге № 315.
1737-го апреля 26-го дня в Вотчинную Колегию принята копия.

<4.> Россия

I.
Указ
1710 г.

Стоглав (1551 г.) — уложенье все-Русии со «страхом Божьим», «часом смертным» и запрещением колбасы сожжен вместе с протопопом Аввакумом (1681 г.), и на пожарище стал Петр (1682 г. со своей волей: пропустя Аввакумову Росию «через живой огонь») строить свою гранитную Россию. Память о Петре — его завет русскому народу — что еще живее? — наши дни! — с грозой, круто.

> «Смотреть тебе на заставе накрепко и со всяким опасением и быть безодходно денно и ночно!»
>
> «А ежели кто каким способом в городы Московской губернии приедет или пройдет через заставу, а опосле пойманы будут, и таких вешать!»
>
> «А ежели ты будешь смотреть неопасно и оплошкою своею кого пропустишь, и тебе за то плочено будет тож!»

В начале осени 1710 случилось поветрие в Инсарском уезде в селе Большом Чамбаре, а позже в Торжке и на Хотеловском яму. О Чамбаре доносит Петру ландрихтер Петр Кикин, а о Торжке тверской воевода Иван Кокошкин. На это последовал указ — «по грамотам из Розряду за подписью дьяка Степана Алексеева в Серпуховской уезд на станцию, что под селом Тешиховым московскому дворянину Гавриле Прокофьевичу Бакееву: какие принять карантинные меры, чтобы не занести заразу в Москву и Петербург». (Приписал Василий Кирьяков; правил Михайла Хрущов).

Основанием для указа:

I. Письмо Петру воеводы Кокошкина (2. 10. 1710) по письму из Торжка коменданта Петра Коробина (7. 8. 1710):

> «что в Торжку многие помирают смертоносною язвою, а преж де той учинилось на Хотеловском яму».

II. Грамота из Розряда в Серпухов за приписью дьяка Ивана Ульянова (30. 9. 1710); в ней указ из Адмиралтейского Приказа в Разряд (8. 9. 1710), в указе письмо ландрихтера Петра Кикина Государю (8. 9. 1710) по письму инсарского коменданта

Алексея Зиминкого (23. 8. 1710, которого «словесно извещал» в Приказной избе на Инсаре подьячий Инсарской площади Иван Максимов (14. 8. 1710), а Ивану Максимову в селе Большом Чамбару сказали сотник Кирило Семенов и староста Лаврентий Дмитриев с товарищи (1. 8. 1710):

> «волею Божиею учинилось моровое поветрие и многие люди померли скоропостижною смертью и ныне мрут непрестанно, а здоровых людей не сталось и тридцати человек».

Карантинные меры: засесть засеку, поставить караулы на заставах говорить с приезжими через «живой огонь, вытерши из сухого древа», письма у курьеров принимать издали, распечатав, держать на ветре часа по два, потом окуривать можжевельником, а самих курьеров держать дней по семь и по десять, а прочих расспрашивать (допрашивать) через огонь и «распросные речи» в трех экземплярах в Розряд —

> «кто и какого чину и какими дорогами ехал или шел и давно ли из Торжка и с Инсары и про моровое поветрие где что слышал и давно ль из Торжка или с Инсары»?

Письмо московское: ва (во), р-о-зряд, станци-ы-ю, двор-енину, нын-я-шнем, Кор-а-бик, К-а-кошкин, из Тор-ш-ку, н-и-не-шн-е-го, ко(а)мендант, преж, Адмираельский приказ, Дмитр-е-в, М-о-ксимов, Зиминск-о-й, учинилос, бли-с-ко, велен-а, Санк-Пи-тер-бурх, посыл-а-к, остан-о-вливать, изд-о-ли, р-о-спечатав, запе-чат-о-в, ч-е-са, из тех жа, дорог-о-ми, ш-о-л, к-о-кими, что слыш-е-л, лутчих.

Дороги: большие, проезжие, проселочные.

(Петр — 1682-89-1725 г.).

> Ва 1710 году октября въ 2 день, по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича, всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца, и по грамотамъ из Розряду — за приписью дьяка Степана Алексѣева — в Серпуховской уѣздъ на станцыю, что под селомъ Тѣшиховымъ, московскому дворянину Гавриле Прокоѳьевичу Бакѣеву —
>
> > смотритъ тебѣ на заставе накрепко и с великимъ опасениемъ и быть безодходно денно и ночно! —

для того в ныняшнемь 710-мъ году сего октября въ 2-мъ числѣ вѣдомо великому Государю учинилось по писму изо Твери воеводы Івана Какошкина: что де сего сентября 7-го числа писал к нему ис Торшку комендат Петръ Корабин, —

> «что де в Торшку многие помираютъ смертоносною язвою, а преж де той учинилось на Хотѣловскомъ яму» —

да в нинешнемъ же 710-мъ году сентября въ 30 день в грамоте великого Государя из Розряду — за приписью дьяка Івана Ульянова — в Серпухов писано: сентября въ 8-мъ числѣ нинешнего 710-го году в указе великого Государя из Адмирателского Приказу в Розряд писано — сентября въ 8-мъ числѣ к великому Государю писал в Приказ Адмирателских дѣл ландрихтер Петр Кикин: августа в 23-мъ числѣ писал к нему с — Ынсары камендат Алексѣй Зиминской, — августа ж де 14-го дня на Инсаре в Приказной избѣ извещал словесно Инсарской площади подячей Іванъ Моксимовъ, — посылан де он был по наказу в — Ынсарской уѣздь для ево, Государева дѣла, і в селѣ де Болшомь Чанъ-бору, Моча то ж, сказывали ему, Івану, сотникъ Кирило Семенов да староста Лаврентей Дмитревъ с товарыщи:

> «что де августа въ 1-го числа волею Божиею учинилос в том селѣ моровое повѣтрие и многие де люди померли скоро-постижною смертию и ныне мрутъ непрестанно, а здоровыхъ людей не осталось и тритцати человѣк,» —

и при нем де, Іване, в ночи умерло человѣкъ з десятъ; и по той ево, Алексѣевой, описке Зиминского писал он к нему, Алексѣю:

чтоб он вкругъ вышеписанного села Чанбара версты по двѣ или по три велѣлъ засѣсть засѣку и поставить крѣпкие короулы, и с — Ынсары и с — Ынсарского уѣзду ни для каких дѣл никуда никого б пропускать не велѣл, и велѣл около Инсарского уѣзду по всѣм дорогам поставить крѣпкие короулы, приходящихъ и проѣзжихъ никого б блиско пропускать не велѣл, а естьли кто на заставы приѣдеть, и с тѣми велѣл говорить издали чрез живой огонь, вытерши из сухова дерева, и с писем на

заставах не чрез живой огонь отнюд принимать не велѣлъ, и чтоб с Москвы и з инныхъ мѣстъ куриеры и они хто в Санкъ-Питер-бурхъ і в Нарву і во Псковъ і в Новгород і в — ыные городы чрез Торжок и с — Ынсары инзярцовъ и с иныхъ городовъ с — Ынсары проѣзжихъ людей отнюдь к Серпухову и к Серпуховскому уѣзду не пропускать и никакихъ посылакъ не посылать;
и по ево, великого Государя, указу по тѣмъ вѣдомостямъ велена: с Московской губерни в городѣхъ і в уѣздехъ на болшихъ и на проѣзжихъ и на проселочныхъ дорогахъ и по речкам на перевозахъ поставить крѣпкие заставы, и на тѣх заставахь смотрѣть того накрѣпко, чтоб никакова человѣка ни съ чѣмъ исъ Санктъ-Питер-бурха и с тамошнихъ мѣстъ чрез Торжокъ к Клину, а с — Ынсары инсарцов і с іных городов с — Ынсары к Серпухову и к прочим городам Московской губерніі не пропускали; а куриеров, которые будутъ у застав из вышеписанныхъ городовъ, остановливать и писма у нихъ принимать издоли и, роспечатавъ, держать на вѣтре чеса по два и по три, а потомъ окуривать можжевелникомъ и присылать зъ заставы к Москвѣ, запечатов, съ-воими послонноми, которыхъ для токихъ посылакъ по нѣсколку нарочно имѣть, и с приѣжжими оныхъ отнюд не пропускать, а тѣхь пріѣзжихь куриеров отпускать назад, не мешковъ ни часу; а которые гораздо с нужными писмами от Івана Кокошкина ис — Ынсары и с иныхъ тамошнихъ мѣстъ присланы у нихъ будутъ, писма принимать и присылать к Москве, а ихъ у застав держать дней по семи или по десяти, и ежели в токое время болѣзни на нихъ не явитца, тогда ихъ принимать; а буде опричъ оныхъ куриеров кто к тѣм заставам ис тѣхъ жа или из других мѣстъ приѣдетъ или придетъ, и тѣхъ людей у тѣхъ заставахъ содержживать и роспрашивать чрез огонь:

> «хто и какова чину и откуда и кокими дорогами ѣхалъ или шол и давно ль ис Торшка и с — Ынсары и про моровое повѣтрие гдѣ что слышел и давно ль ис Торшка или с — Ынсары?»

и тѣ ихъ роспросные рѣчи, переписывая на первою и на вторую и на третью бумагу, прислать в Розрядъ же,

а тѣхъ людей чрез заставы отнюдь никого не пропускать; а ежели кто ис Торшку или с — Ынсары или с тамошнихъ мѣстъ каким способом в городы Московской губернии приѣдетъ или пройдетъ чрез заставу, а опослѣ поиманы будутъ, и такихъ вѣшать; а ежели ты будешь смотреть неопасно и оплошкою своею ково пропустишь, и тебѣ за то плочено будетъ тож;
и о всем тебѣ, московскому дворенину, чинить по сему великого Государя указу с великим опасениемъ, а для караулу и посылокъ взять тебѣ, дворенину, на ту заставу в томъ Серпуховском уѣзде близ той заставы в монастырскихъ и в помѣщиковыхъ і в-отчинниковых селехъ и деревняхъ крестьянъ человѣкъ пят и больши самыхъ лутчихъ людей, чтоб в томъ было мочно кому вѣрить.

Приписалъ Василей Киръяков.
Справил Михайла Хрущов.

II.
Паспорт
1819 г.

В Стоглаве гл. 91-ая: «Божественное писание заповедало есть, удалятися от крови и удаленины, и от блуда, неции убо угождения ради чрвного, кровь коего любо животного, хитростию некако сотворяют снедно, еже глаголет колбасы, и тако кровь ядят». И за это наказание: «аще есть причетник, да извержется; аще мирский человек, да отлучится».

Авдотья Наумова, веневская, крепостная нянька Волконских, «мирский человек» — всю дорогу, как села в Одессе и до самого Ливорно колбасой питалась (ну, ничего нет больше!) великий грех приняла на душу. Но за то и насмотрелась: Москварека там широченная, не оглянешь, а другой раз смотришь, по берегу гряды, думаешь, картошка, ан виноград! Очень боялась потерять паспорт: листище вот! в ладонку не зашьешь да и сгибать не велено, носи в руках — «печати повредить можно». Авдотья Наумова неграмотная, но люди читали: и чего-чего поненаписано! и про ордена и про бриллиантовые звезды, граф Ланжерон, член Вейс, кавалер Иван Видман, экзекутор Лозовецкий, статский советник Манчаки и, должно быть, самый над всеми

главнеющий — Деслюнис! и все они обязаны ее, няньку Авдотью, два года без задержки везде пропускать и во всяком деле оказывать бла-го-во-ление и вспо-мо-жение!

Вот она, какая — Авдотья Наумова! Ну, Бог простит: без хитрости она колбасу ела, да и не сладко на чужой земле — за два-то года благоволения! — и за человека тебя не считают, а вроде как чурка.

По Указу Его Величества Государя Императора
Александра Павловича
Самодержца Всероссіскаго
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показательница сего *Генералъ Маіорши Княгини Зенеиды Волконской крестьянка Тульской Губерніи Веневскаго уѣзда изъ села Урусова Авдотья Наумова отправляется чрезъ Портъ Одесскій въ Ливорно и въ разныя мѣста Италіи срокомъ на два года*. Того ради всѣ высокіе Области приглашаются по состоянію чина и достоинства, кому сіе предъявится, Нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ управителямъ поставляется въ обязанность *означенную крестьянку Авдотью Наумову*, какъ нынѣ изъ Россіи ѣдущую, такъ и потомъ въ Россію возвращающуюсь не токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе оказывать. Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда, данъ сей паспортъ отъ *Херсонскаго Военнаго Губернатора* съ приложеніемъ Его Императорскаго Величества печати. Въ *Одессѣ Мая* 27 дня 1819 года.

(*Черная орловая печать*): «Его Императорскаго Величества Печать».

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Генералъ отъ Инфантеріи въ свитѣ Его Величества, Херсонскій Военный Губернаторъ, управляющій по Гражданской части въ Губерніяхъ: Херсонской, Екатериностлавской и Таврической, Одесскій Градоначальникъ, Черноморскихъ казачьихъ войскъ

и пограничной стражи главный Начальникъ, Орденовъ: Св: Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго украшеннаго бриліянтами, Св: побѣдоносца Георгія большого Креста 2-й степени, Св: Анны 1-й степени, Австрійскаго ордена Маріи Терезіи 3-го класса; Королевства Французскаго Св. Людовика; Прускихъ Чернаго и Краснаго Орла большого Креста; Королевства Шведскаго Меча 1-й степени; Іоанна Іерусалимскаго и Американскаго Синсинатуса Кавалеръ; имѣющій золотую Шпагу съ надписью за храбрость, Медали: за штурмъ Измаилской и за 1812-й годъ.

Графъ Ланжеронъ

Сей пашпортъ въ Одесской Портовой Таможнѣ явленъ и въ Книгу подъ N 166 записанъ Маія 29 д. 1819 года.

Членъ Вейсъ

No. 2444

Означенную въ семъ пашпортѣ Авдотью Наумову пропуститъ чрезъ Карантинъ на Судно шхипера Андреа Турчиновича и на ономъ изъ порта выпусьитъ; учинена сія памѣта въ Одесской Карантинной Конторѣ Іюня 4 д. 1819-го года.

Товарищъ въ Карантине Надворной Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Видманъ, Експедиторъ Лозовецкій.

Transl.

Auf Befehl Sr. Kaiserlichen Majestät
Alexander des Ersten
Selbstherrschers Aller Reusser
ec- ec. ec.

Allen und jeden, denen daran gelegen, wird hiemit kund und zu wissen gethan, dass Vorzeiger — dièses — Es ergeht deshalb an alle hohe Mächte, und an aile u jede, welche Standes und welcher Würde sie auch seyn mögen, denen dièses vorzuzeigen ist, das Ersuchen, unsern Kriegs-und Civil-Beamten aber wird zur Pflicht gemacht, gedacht — sowohl auf — gegenwärtigen Hin-als Rückreise nach Russland nicht nur frei und ungehindert passiren, sondern auch allen geneigten Willen und Beistand wiederfahren zu lassen. Urkund dessen und zu — freien Reise ist — dieser Pass durch den —

von — unter Seiner Kaiserlichen Majestât Insiegel ertheilet worden — den — 181 — *

N 500.

Сей паспортъ въ Россiйской Министерской Его Императорскаго Величества въ Константинополѣ Канцелярiи явленъ и при отъѣздѣ означенной во ономъ крестьянки Авдотьи Наумовой моремъ въ Ливорно ей возвращенъ съ сею надписью. Моровая язва въ здѣшней Столицѣ и въ окружностяхъ продолжается. Пера. Iюня 26-го дня 1819 г.

Статскiй совѣтникъ Манчаки

(Накладная орловая печать)

Visto il presente in questa Imp-le Russa Consolare G-le Cancellaria di Smirne ed in seguito restituito all'esibitrice che parte per Livorno. Smirne li 19 Agosto 1819 A. V.

Il Console G-le S. Deslunis **

(Накладная орловая печать): «Печать Константинопольской Канцелярiи»

N 977

V. alla Polizia d'Acquapendente li 18 Marzo 1820 Roma pago

Guerra ***

(*Черная печать*): «Polizia di Acquapendente delegatine apostolica.»

---

* По приказанию Его Императорского Величества / Александра Первого / Самодержца всероссийского / и проч. и проч. и проч. / Всем и каждому, кому сие надлежит, сим уведомляется и сообщается, что предъявителя — сего — это касается всех высоких властей, всех и каждого, какого бы сословия и звания он ни был, кому сие предъявлено, а нашим воинским и статским чиновникам к обязательному исполнению представлено — в нынешнее время проезд из России и обратно не только должен происходить свободно и беспрепятственно, но ему должно оказывать всякую помощь и содействие. Сия грамота и сей для свободного проезда паспорт подкреплен Его Императорского Величества печатью — такого-то... 181.... (*нем.*; *пер. изд.*).

** Канцелярия генерального консула Российской империи в Смирне разрешает предъявителю сего листа поездку в Ливорно. Смирне 19 августа 1819 / Генеральный консул С. Деслунис (*итал.*; *пер. изд.*).

*** № 977 Просмотрено полицией Д'Аквапенденте 18 марта 1820 (*итал.*; *пер. изд.*).

No. 21-do 109 Visto nel Consolato Generale Pontificio in Toscana buono per Roma Via di Terra passando per Firenze. Livorno li 20 marzo 1820

Il Console Generale
Conte Maggior Marchio *

(*Красная печать*): «Consolato Generale Pontificio in Toscana. Livorno».

Livorno 20 Marzo 1820. Visto buono per Roma.

Pipiez **

(*Черная печать*): «Governo di Livorno».

V alla S. Frediano di Firenze ad 21 Marzo 1820

Bacy

Firenze li 24 Marzo 1820. Visto buono per Roma solo per il Viaggio ***.

Borce

(*Красная печать*): «Granducato di Toscana Affari esteri».

Visto buono alla nunziatura di Firenze per Roma li 24 Marzo 1820.

Valentini ****

(*Красная сургучная печать*)

Visto alla Dogana di G. Contesso. Li 28 Marzo 1820 Cornevali

S. *****

---

* Разрешение № 21 Генерального Папского Консульства в Тоскане проехать наземным путем до Рима через Флоренцию и Ливорно. 20 марта 1820 / Генеральный консул граф Майор Маркио (*итал.*; *пер. изд.*).

** Генеральное Папское Консульство в Тоскане. Ливорно. Ливорно 20 марта 1820. Разрешается проезд до Рима. Пипиец (*итал.*; *пер. изд.*).

*** «Правление Ливорно». Просмотрено в Сан Фредьяно во Флоренции 21 марта 1820 / Баси / Флоренция 24 марта 1820. Разрешается один проезд до Рима (*итал.*; *пер. изд.*).

**** «Великое герцогство Тосканское Внешние дела». Со стороны нунция флоренции разрешается проезд до Рима 24 марта 1820 / Валентини (*итал.*; *пер. изд.*).

***** Просмотрено на таможне G. Contesso 28 марта 1820 / С. Корневали (*итал.*; *пер. изд.*).

<5.> Росия

I
Царская жаловальная грамота
1669 г.

«Русь» Слова о полку Игореве — от русской земли, но какая преисподняя и никаких-то корешков с ивановскай «Русией» — с русским Домостроем и Стоглавом — с Русией, завершившейся «Росией» (с одним «с») Аввакума, протопопа всея Росии; а за Росией идет «Россия» (о двух «с») — — Лесков, Розанов, а там поперла вся зазеленелая «Рос-с-сія».

«Русь» — археология ((Китеж?), «Росия» — современно.

«Росию» высказал Аввакум, грамоты и писцовые выписи: Аввакум — проговоря на «о» (нижегородец да и протопоп!) с московским защелком (аллитерацией) медведчика-гудца (родной брат Даниила Заточника); грамоты — выпевая знаменным догматиком с окриком по «Уложенью»; выписи — деловым кудрявым «столбцом».

В 1654 г. нарушен «вечный мир» (1634 г.) с Польшей, Росия пошла воевать:

за Божьей помощью —
молитвою, надежды христианские, Пресвятые Богородицы —
взяв, непобедимое оружие, святый и животворящий крест Господен —
царь своею государскою особой —
с царевичи: грузинским, касимовским, сибирскими —
с боярами, воеводами и ратными людьми.

В 1667 г. война кончилась (Андрусовское перемирие, заключенное Афанасием Лаврентьевичем Ордин-Нащокиным с товарищи) — вернулись с победой:

милостью всесильного Бога —
заступлением, надежды христианские, Пресвятые Богородицы —
молитвами московских чудотворцев: Петра, Алексея, Ионы и Филиппа —
а царя и детей его государских счастьем.

Тут уж не сказ, а величание, за которым следует окрик по Уложенью:

> «— — а в той вотчине он, Макарей Чириков, дети его и внучата и правнучата, по нашему царскому жалованью, вольны и продать и заложить и в приданые дать, а в монастыри тое вотчины по душе не отдать!»

Макарий Григорьевич Чириков, участник в войне с Польшею, получил в Луцком уезде (отсюда «лученин») в вотчину поместье — 170 четвертей (85 дес.) — царь пожаловал «по своему царскому милосердному осмотрению» за его службу к «нам, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея великие и малые и белые России самодержцу, и к нашим государским благородным чадом, и ко всему Московскому Государству», в роды «неподвижно».

Грамота с красной царской печатью, справленная дьяком Андрюшкой Соколовым, напечатана с пробелами — записаны рукой: кому и чего с ссылкой на Отказные Книги Кирилла Скрыплицина (1640 г.) и Федора Очкасова (1653 г.)

В напечатанном тексте поставлены ударения: читаешь, как слушаешь — московское: «лучен-и-на», «всчал-а-сь» (началась), «после Пол-я-новскаго докончания», «прот-и-венство», «Смоленеск», «по-и-мали», (взяли), «детем», «внучатом», «вольн-ы», «в прид-а-ные», «не продан-а», «не заложен-а».

(1669 г. — в царствовании Алексея Михайловича (1645—1670); 1634 г. — Поляновский мир — Михаил Феодорович (1613—1645).

> Божіею Милостью, мы великій Государь Царь, и великій Князь Алексій Міхаиловичь, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержецъ, по своему Царскому милосердому осмотренію, пожаловали *лученина Макарья Григорьевича Чирикова*, за его к намъ великому Государю Царю, и великому Князю Алексію Міхаиловичю, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, и к нашымъ Государскимъ благороднымъ чадомъ: Благовѣрному Царевичю и великому Князю, Алексію Алексіивичю, и благовѣрному Царевичю и великому Князю, Ѳеодору Алексіивичю, и благовѣрному Царевичю и великому Князю, Симеону Алексіивичю, и благовѣрному Царевичю и великому Князю Іоанну Алексіи-

вичю, и ко всему Московскому Государству многую службу, которая всчалась въ прошломъ во 162-мъ (1654) году, послѣ Поляновскаго докончанія (1634–1654), что было во многихъ разрушительныхъ писмахъ, вѣчному миру противенство учинено. И за тѣ досадительства, за Божіею помощію, и надежды хрисіанскія пресвятыя Богородицы молитвою, взявъ непобѣдимое оружіе, святый и животворящій Крестъ Господень, мы великій Государь Царь, и великій Князь Алексій Михаиловичь, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, своею Государскою особою, съ Царевичи, которые служатъ намъ великому Государю в московскомъ Государствѣ, з грузинскимъ, и с касимовскимъ, и съ сибирскими, и з бояры нашими и воеводы, и со многими ратными людми, на Полское и Литовское королевство ходили, и Смоленескъ, и Вилну, и Бресть, и иные многіе городы, в Литвѣ, и на Бѣлой – россіи поимали: и коруны полскія, и княжества литовскаго в далныхъ мѣстахъ в походѣхъ великое одолѣніе учинилось. И в прошломъ во 175-мъ (1667) году, Генваря в 20 день, Милостію того весилнаго Бога, и заступленіемъ надежды христіанскія пресвятыя Богородицы, и силою честнаго и животворящаго Креста Господня, и молитвами московскихъ чюдотворцовъ, Петра, и Алексіа, и Іоны, и Филиппа, а нашимъ великого Государя Царя, и великого Князя Алексіа Міхаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и дѣтей нашихъ Государскихь, благовѣрнаго Царевича, и великого Князя Алексіа Алексіивича, и благовѣрнаго Царевича, и великого Князя Ѳеодора Алексіивича, и благовѣрнаго Царевича, и великаго Князя Симеона Алексіивича, и благовѣрнаго Царевича, и великого Князя Іоанна Алексіивича, счатіемъ, будучи на с(ъ)ѣздѣхъ великіе и полномощные послы, бояринъ нашъ и намѣстникъ шацкой Аѳанасій Лаврентіевичь Ординъ-Нащокинъ с товарыщи, съ полскими и литовскими послы и комисары договоръ учинили на перемиріе на тринатцать лѣтъ и на шесть мѣсяцовъ. А в тѣ перемирные лѣта, за Божіею помощію, намъ великому Государю, нашему Царскому величе-

ству, с братомъ нашимъ с великимъ Государемъ, съ его Королевскимъ величествомъ, искать вѣчного миру: и в надежду того во всякой помочи Государственной противъ бусурманъ союзъ учинили. А завоеваного за нами великимъ Государемъ, княжество смоленское, и украина по Днепръ. А уступили в сторону Королевского величества, по Двинѣ рѣкѣ всѣ городы до Лиѳлянтъ, и договорную запись на чемъ вѣру учинили, к намъ великому Государю к Москвѣ привезли. И мы великій Государь Царь, и великій Князь Алексій Михаиловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, за тѣ службы которые с начала в нашемъ великого Государя в Царственномъ, с благодареніемъ всесилнаго Бога, в походѣ были, и во всѣ лѣта тое войны с полки в розных походахъ, многое одолѣніе над противными славно по всему свѣту показали, пожаловали *ево Макаръя Чирикова*, похваляя его службу, промыслы, и храбрость, в роды и роды, с помѣстнаго его окладу со 850 четвертей, со 100 четвертей по 20 четвертей, и того 170 четвертей из его —

помѣсья — в вотчину: в Луцком уѣзде в Жижецкой волости селцо Наумовское, над озером над Жижцом пустош Кононово, Посниково тож, на рѣчке на Кодоснице пустош, что была деревня Мосѣевская в Глиніщахъ; Алексѣевская и Шванево тож, над озером над Глиніщем і над Жисцом деревня, что был починок Василково в зарѣчье на устье Вясячи реки над озером над Жисцом над Иваною лукою, Пякалово тож, да ис тое ж деревни выставок; — словетъ Мокѣйково пустошъ, Еремин̃ъ починок, Красная Гостево тож, на рѣчке на Вісяче деревня Матвѣевская, Бородино тож, на рѣчке на Кодоснице деревня, что была пустош Подколодье, надъ озером над Жисцом над Ивановою лукою деревня Гузново на рѣчке на Кодоснице, да ис тое ж деревни выставок на отхожей землѣ тое ж деревни над озером над Едрецом и возле Лохтевы, что нынѣ зовут Панкратовым, над рѣчкою над Едрицею деревня, что была пустош Івановская в зарѣчье, над озером над Жисцом пустош Переволока, над озером над Жисцом на Нарове на лукѣ, пустош Шилово,

Шиловское тож, а нынѣ словет Шухново, на озере на Жисце на острову на Серебренике деревня Ортемьевская, Спарино тож, над озером над Жисцомъ надъ Івановою лукою пустош, что была деревня Юдино, Максимово, Звешня и Лысохино тож, на рѣчке на Коденице пустош Кудіновская, Теренино тож, на рѣчкѣ на Кодоснице пустошъ Олябъево, пустошъ Ануфрево, Синяково тож, над рѣчкою над Лупкою; да в Торопецком уѣзде в Казаринской волости двѣ-трети деревни Колюховой, Ісаковское тож, на суходоле двѣ-трети пустоши в Олфимовской полупустоши Фофановской, Лопатино тож, над Торопою рекою и над Городном озером полупустоши Фалѣевской; а в томъ ево Луцком помѣсье в селце Наумовском з деревнями і с пустошми по дачам і по Отказным Книгам отказу лученина Кирила Скрыплицына 148-го (1640) да отказу лученина Федора Очкасова 161-го (1653) году написано — «пашни паханые и перелогом и лѣсом поросло добрые и середние земли и худые сто пятьдесят шесть четвертей с осминою»; а в Торопецком ево помѣсье по даче и по Отказнымъ Книгамъ отказу лученина Федора Очкасова 152-го (1644) году написано — «пашни паханые и перелогом і лѣсомъ поросло середние земли четырнадцать четей с осміною и с полъ-полтретником»; обоево в Луцком и в Торопецкомъ ево помѣсье — пашни сто семдесят одна четверть с пол-полтретникомъ в поле, а в дву потому ж, со всѣми угодьи; и за вотчиною дачею в том ево Макарьеве помѣсье Чирикова в пустоши Онофреевой, Синяково тоже, осталосъ одна четверть с полъ-полътретникомъ, и тою перехожею землею владѣть ему жъ, Макарью, в помѣсье. И на ту вотчину велѣли есмя дать сію нашу Царскую жаловалную грамоту, за нашею Царскою красною печатью. И по нашему великого Государя Царя, и великого Князя Алексіа Міхаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, Царскому жалованью, — та вотчина ему, *Макарью Чирикову*, и его дѣтемъ, и внучатомъ, и правнучатомъ в роды ихъ неподвижно: чтоб наше Царское жалованье, и их великое дородство, и храбрая служба, за вѣру и за насъ великого Государя, и за свое отечество,

послѣднимъ родомъ было на память, и на ихъ бы службы дѣти его и внучата и правнучата, кто по немъ роду его будетъ, такъ же и за вѣру христіанскую и за святыя Божія Церкви, и за насъ великого Государя, и за свое отечество стояли мужественно. А в той вотчинѣ онъ, *Макарій Чириковъ*, дѣти его и внучата и правнучата, по нашему Царскому жалованью, волны и продать и заложить и в приданые дать. А в монастыри тоѣ вотчины по душѣ не отдать! А будеть продастъ въ чюжой родъ, а кто будетъ роду его похочетъ ту вотчину выкупить, и ему ту вотчину выкупить по Уложенью. А будетъ у него роду не останетца, и та вотчина останетца не продана и не заложена и в приданые не отдана, и та вотчина — взять на насъ великого Государя Царя, и великого Князя, Алексіа Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, в помѣстные земли.

Печатана нашего Государства в Царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7177-го (1669) *генваря в — день.*

8 алтынъ 2 д. взято.

В книгу записана.

Царъ и великиі князь Алексьі Михаиловичъ всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержецъ.

Справил дъяк Андрюшка Соколов.

Из архива Николая Сергеевича Чирикова.

II
Писцовая выпись
1681 г.

Ну и мастак же писать этот Мишка Кудрявцов! Возьмется за выпись и так закудрит, такой заплет выведет, и уж столбец не в 74 строки, а в 774 — в 1000 кинется в глаза, а из всех букв «к» (Кудрявцов!), какая она у него нарядная — «к»: как царский конь!

Выпись Степану Петровичу Веснину, зятю покойного Алексея Тихоновича Жировинова, из Поместного Приказа на Нееловское поместье в Вологодской губернии, в Угольской волости в деревне Шулино, Шуклино тож, и в пустоши Марьине, за

«пометой» (подписью) дьяка Бориса Протопопова и «скрепой» дьяка Ивана Клементьева.

В выписи содержится: 1) выпись из вологодских писцовых книг (книг «письма и меры») Семена Коробьина и подъячего Федора Стогова — 1628, 29, 30 гг. с ссылкою на выпись из книг «письма и отделу» кн. Петра Збарецкого и Осипа Болашова — 1614 г. о поместье Исака Васильевича Неелова; 2) справка о дальнейшей судьбе Нееловского поместья: а) «дача» (передача) 1635 г. поместья Ивану Ивановичу Монастыреву, b) 1651 г. по смерти Монастырева — его жене Дарье, c) 1654 г. по смерти Дарьи Монастыревой — Алексею Тихоновичу Жировинову, d) 1678 г. — зятю Жировинова Степану Петровичу Веснину.

Хорошо слово «на росчистяхъ» — писал Мишка Кудрявцов!

(1681 г. — в царствовании Федора Алексеевича (1676—1682).

Выпись с Вологоцькихъ книг писма и мѣры Семена Коробьина да подячего Ѳедора Стогова 136-го (1628) и 137-го (1629) и 138-го (1630) году: в уголской волости в помѣстьех написано за Исакомъ Васильевымъ сыномъ Неѣловымъ по отдѣлной выписи с книгъ писма и отдѣлу князя Петра Збарѣцкого да Осипа Болашова 122-го (1614) году:

деревня Шулино, а-Шуклино тож, а в ней — дворъ, Исакова племянника, Семена Неѣлова, двор люцкой Юрки Гаврилова да крестьянъ, дворъ Томилко Васильев, пашни паханые середние земли пят четі с четвериком да перелогом шесть четі да лѣсомъ поросло двѣ четі и в поле, а в дву потому ж, сѣна тритцат девят копенъ, лѣсу пашенного три десятины; пустощь, что была деревня Марьино-Верховье — пашни перелогом худые земли дватцать одна чет да лѣсом поросло тритцать четі в поле, а в дву потому ж, сѣна по перелогу и на росчистях сорок копен, лѣсу пашенного двѣ десятины, а непащенного пятнатцать десятинъ;

и по даче 14-го (1635) году из-Ысакова помѣстья Неѣлова — деревня Щулино, Шуклино тож, без четі середние земли десять четі бес полу-осмины, да пустошъ

Марьино худые землі пятдесятъ одна чет, всего середние и худые землі шездесятъ одна чет бес полу-осмины, а доброю землею с наддачею сорокъ двѣ четі бес третника — дано Івану Іванову сыну Монастыреву;
і во 159-мъ (1651) году Іваново помѣстье Монастырева дано женѣ ево вдовѣ Дарье на прожитокъ;
і во 162-мъ (1654) году вдовино Дарино Івановы жены Монастырева прожиточное помѣстье — сорокъ двѣ четі бес третника — дано Алексѣю Тихонову сыну Жировинову в помѣстье со всѣми угодьи;
і во 186-мъ (1678) году Алексѣево помѣстье Жировинова дано зятю ево Степану Петрову сыну Веснину в помѣстье со всеми угоді.
А дана ся выпис с книг Степану Петрову сыну Веснину на то ево помѣстье — по ево челобитью и по помѣте на выписке дьяка Бориса Протопопова для помѣсного владѣнья — в нынѣшнем во 189-мъ (1681) году. тьев.
На оборотѣ:
(Скрѣпа): *Дьякъ*
Іван
Клемен
(Подпись):
писал Мишка
Кудрявцовъ

<6.> Расея
(Письмо)
1916 г.

«Расею» я слышу через все России — от Руси «кагана нашего» Владимира (освятили Десятинную церковь на манер царя Соломона, восемь дней праздновали: семь дней праздник, восьмой попразднество, как потом на Петров день будут праздновать Петра, а на другой день — «Полпетра»); через Русию царя Ивана с его — «доподлинно известно» (разговор с Антонием Поссевином), что сам Апостол Андрей, по дороге из Корсуни в Рим, приходил на русскую землю, был в Киеве, на киевской

горе поставил крест и благословил: «имать град велик быти и церкви многи Бог воздвигнути имать», побывал и в Новгороде — баню видел, и потом в Риме о этой хитрой нашей бане апостолам, святым отцам и учителям церкви рассказывал: «бани древены, и пережгуть камние рамяно и совлокутся и будут нази, и оболеются квасом уснияном, и возьмут на ся прутье младое и бьют ся сами, и того ся добьют, едва слезуть ле живы и облеются водою студеною и тако оживуть. И то творять во вся дни, ни мучимя никимже, но сами ся мучать, а то творять не мытву себе, но мученье», — и все удивлялись; через Русию «Рафлей» (гаданье зернью) — «за смотрение в которые, по Стоглаву, от царя в великой опале быть и всячески отверженным по священным правилам (эпитемья на шесть лет!); через «Щеголеватую аптеку или туалетные препараты, содержащие в себе разные способы для поддержания, умножения, лечения и возвращения телесные красоты...» — Кострома. Вол. Ти. Н. С. 1796 году; через Лесковское «действие с Арием» — до письма «весьма получить нужно»: пишет на войну Ефиму Ивановичу Паращенкову его товарищ Никита Кириллыч (на воле самая весна, по ночам лягушки свадьбу играют!), и до сего дня — до хитрой «реализации» инженера Шапошникова: приделал себе к «агрегату» провод и вывел в приемную, красная лампочка: сядет за работу — красный огонек загорится; а для посетителей стул с кнопкой, плюхнется который, кнопку прижмет и сейчас же за дверью, глядь, белый вспыхнул, и все понимают, что зав занимается и у него сидит проситель и зря, значит, ломиться нечего.

* * *

Бросил кости (что-то выйдет?) — 4. — 3. — 3. Смотрю в «Рафли» 433:

> «Бегает заец травою и впадает в тенета, и выдерется заец из тенет и побежал в дальнюю пустыню, и возрадовался заец воле своей.
> Тако и ты, человече, возрадуешися орудию своему, и во всем тебе Бог на помощь. Аще о болезни — восстанет, и беглой твой придет, и пропажа твоя сыщется от чужих, Бог тебе на помощь во всем».

*

А вот из «Щеголеватой аптеки»:

Вода для рощения волосов.

«Возьми бутылку французского вина, положи в него сто пчел и оставь их в том вине дней на шесть, а после пережги их и золу смешав с тем же вином, зделай из того щелок, которым по-часту голову примачивай».

Настоящая венгерская водка.

«Положи в кубик полтора фунта розмариновых цветов, полфунта цветов маерановых, полфунта цветов лавенделевых, и сверьх сего налей три бутылки хорошей водки, закупори хорошенько чтобы не выдохлось: потом поставь на сутки в горячей лошадиной навоз, а после передвой обыкновенным образом, и водка будет готова. Сей есть подлинной рецепт, которой доставлен Елисавете Королеве Венгерской. Она производит хорошей цвет на теле, отвращает головную боль, молодит кожу, возбуждает силу, и предохраняет от простуды и худого воздуху. Употребляется оная нюханьем и на место притиранья».

Личная помада.

«Возьми тринатцать бараньих ног и шесть говяжьих, мясо с оных очисти хорошенько, выбери одни только длинные позвонки, а протчее брось... и т.д.

«Действие с Арием» из «Полунощников» Лескова:
— —

«Сделай моего ангела Николу, как он Ария в щеку бьет. Я приму и заплачу».

«Лучше сделайте, как о бедных хлопотал или осужденных юношей от казни избавил».

«Нет, этого я не могу. Я сам бедным подаю и видел, как казнят... Это тоже необходимо надобно... их священник провожает... А ты представь мне, как святитель посреди собора Ария по щеке хлопнул».

Сейчас и пошел у них новый спор, пошел и о казни и о пощечине, и Клавдинька в конце говорит:

«Я этого не могу».

«Почему? Разве тебе не все равно?»

«Во-первых, мне не все равно, потому что хорошо то работать, что нравится, а мне это не нравится; а во-вторых, слава Богу, теперь известно, что этой драки совсем и не было».

Николай Иванович сначала удивился, а потом и стал кричать:

«Не смей этого и говорить!.. Потому что это было, да, было. Он его при всех запалил».

А Клавдия говорит:

«Нет».

Дядя говорит:

«Ты это только для того со мной споришь, чтобы мне досадить потому что я его уважаю».

А Клавдия отвечает:

«А мне кажется, что я его уважаю больше, чем вы, и хочу, чтобы и вы то знали, за что его уважать должно».

И чтобы спор порешить, Николай Иванович вздумал ехать ко всенощной, а оттуда к какому-то профессору спрашивать у него: было ли действие с Арием? И поехал, а на другой день говорит:

«Представьте, я вчера с профессором на блеярде играл и сделал ему постанов вопроса об Арии, а он действительно подтверждает, что наша ученая правду говорит — угодника на этом соборе действительно совсем не было. Мне это большая неприятность, со мной через это страшный перелом религии должен выйти, потому что я этот факт больше всего обожал, и вчера, как заспорил, то этому профессору даже блеярдный шар в лоб пустил: теперь или он на меня жалобу подаст и я должен за свою веру в тюрьме сидеть, или надо ехать к нему прощады просить. Вот какая мне катастрофа от Клавдии сделана!»

Сел и зарыдал.

— —

*

В действующею армии. Стрелковой полк. 8-ю роту. Получить Ефиму Ивановичу Паращенкову. Весьма получить нужно.

«1916-го года месяца апреля 11 дня письмо от товарища вашего Никиты Кириловича. Во-первых строках моево письма спешу ведомить, что по-милости-Божией нахожусь жив-издоров, того и вам желаю от Господа-Бога доброго и щастливаго успеха. Низко кланеится вам товарищ Никита Кирилович и посылает всенижающая почтения и с любовью низской поклон. Еще низко кланяится ваш товарищ Михаил Кирилович и посылает всенижающая почтения и с любовью низкой поклон. Еще низко кланеится ваш товарищ Захар Алексеевич и посылает всенижающее почтение и с любовью низкой паклон. Еще низко кланяится ваш товарищ Петро Левонович и посылает всенижающее почтение и с любовию низкой поклон. Еще низко кланяится товарищ Евсей Федотович и посылает всенижающея почтения и с любовию низкой паклон. Затем засвиданя, остаем живы и здоровы, того и вам желаим. Еще ведомляим тибя, што Михаил Кирилович дома. Еще ведомляим, Евфим Иванович, что все хлопцы начуют вместе по клетям, так-что хлопцяв мало, так девчат — и фамилий не испрашивают: Никита — Химу Таранову, а Михаил — Ульяну Савостерхову, Петрок Левонович за сторожа у Вульяны Семенковы около — Захар Алексеевич спит на отцовской печьки, Тимофей Семенович — Аксинью Евфимовну Пичунку, Петр Сысоевич грызет Малаховку за спину — — —. Приехав Андрей Сысоев в отпуск на 3 месяца. Иван Яковлевич Дятлов — Аксинью Чурилину, Никита Евтенович Крупенков — Марину Панкову, а Яков Иванович Морзов только — — , Авсей Федотович так-что там-апочтам. Новостей у нас нет никаких, некруты гуляют еще дома. Затем засвидания, остаемся живы-здоровы, того и вам желаим.»

* * *

И я никак не скажу, чтобы эта «Расея» — я ее вижу во всех вывертах и поворотах и даже такою, коли б пропала на веки вечные, русские люди скажите, слава Богу! с этим ее «обознался» и «здорово живешь» (смазал — чего? — а так, здорово живешь!) — что хотите, но совсем она не идиотская, вытаращенная, перекошенная и истощенная.

<7.> Путь чист
XIII в.

Дорога из Новгорода в Любек — «путь чистъ»: купцы латинского языка по крестному целованию с новгородцами могли приехать с товарами в Новгород и отъехать домой — «гости ѣхати безъ пакости (вреда) на Божьей ручѣ и на княжей и на всего Новгорода» или «на Божьей рукѣ святой Софьи и на новгорочкей безо всякаго опаса». Так — к концу XIII века, когда тафья «безбожнаго Махмета» покрыла «откровенную» голову московских предков — кость московскую «роуськой земли». (Москвы тогда еще никакой не было, одна Москва река).

Новгородские купцы, бывалые в Любеке, в Риге и на Готланде, говорили по-немецки, а новгородские писцы набили руку и на латинском готическом шрифте. Говорили они по-немецки, как тогда и сами немцы, на английский манер — не grossen, а groten, не das, а dat, а немецкие имена по-русски переделывали: Eughelbert — Игнатій; Swarten Ghodeken — Фёдоръ Черный, свои же оставляли неприкосновенно; Сидорь и по-немецки писался Sider, Олисей — Olycee, Иванъ — Ywan, Андрей — Andree.

Случилось такое дело: ехали новгородцы морем, напали на них разбойники (de rovere) и в одной лодке (en lodge) 12 человекъ убили, а товар повезли в Любек; любецкие посадники (borchermesteren) и ратманы (menenrade) отобрали у разбойников добычу, а среди награбленного оказалась бочка (en tunne) любчанина Федора Черного, эту бочку ему выдали, а остальной товар у себя оставили. И еще случай: был Сидор «посольствомъ» с новгородцами в Стокгольме, привезли товар (товар компанейский — более 200 купцов!) и чего-то там такое вышло, задолжал ли Сидор ганзейским купцам или плутня какая, только напал на него Игнатий съ Готского берега со своими «складники» (mit siner Gheselschap) и стокгольмскими ратманами, отняли товар и послали продавать в Любек, а в Любеке опять же ратманы, дознавшись, что товар отнят силою, конфисковали.

Из Новгорода пишут в Любек: требуют отдать товар потерпевшим и «разбойничій» и «стокгольмскій», отдать в срок — к Иванову дню (binnen desseme daghe Johannes daghe), а не то — грозят — придется пенять на себя, «вамъ-ти на себѣ жалоба»!

Грамота написана по-русски и по-немецки, к немецкой печати привешаны: «посадника новгорочкого иванова печать семенова» и «печать олисиіева тысячкого новгорочкого».

* * *

от великого князя намѣстьника ондрея, от посадника ивана, от тысяцкого олисѣя и от всего новагорода к посадникамъ к любьцкимъ и к ратманамъ и ко всимъ лубцанамъ — буди вамъ свѣдомо: братьи нашей побито на морѣ 12 (дванадесять) человѣка въ-дной лодьи и тый товаръ разбойники привезлѣ к вамъ в любокъ, а в той лодьи была немцинова боцка федора церного и ту боцку іесте далѣ федору, своіему брату, а нашей брати тваръ за вами ; тако же брат нашь сидоръ былъ въ стокольмѣ посольствомъ с тыми погыблыми людми, которыхъ племя на морѣ побито, — игнате с готкого берега своими складники и с ратманы стоколомъскыми, и отимя товаръ силно, послалѣ к вамъ в любокъ торговать, и вы то оуслышавъ, аже оу нашей брати товаръ отималъ игнатъ силно, и вы той товаръ отималѣ; и нынѣ тако вамъ повѣстуіемь: по хрестьному человаnью отдайте той товаръ погыблымъ людемъ, обы ся просто не оуцинилося, зане же тыхъ погиблыхъ людей боле двусотъ человѣкъ в томъ товарѣ; сели не оуцините исправѣ в тѣй срокъ по хрестьному целованью, вамъ ти на себе жялоба.

*

Документы — русский и немецкий — из Любека, найдены Кильским профессором Зигмундом Келлером. Я пользовался фотографическими снимками.

<8.> Повольная торговля
Царская жалованная грамота городу Любеку
1603 г.
7111

Письменные документы имеют непосредственное значение для историка: документы, проверенные, прямое свидетельство о жизни народа. И эти же документы, какъ словесный матерьял, не менее важны для историка литературы: письменный документ есть снимок словесного образа — по нему можно представить и склад речи и говор.

Склад русской речи (синтаксис) и русский говор XVII века, означенные протопопом Аввакумом в его Житии как «вяканье» и «просторечие» в противоположность книжным «философским виршам» и «красным словесам», в совершенстве выражены им самим в Житии и Посланиях. Кроме этих единственных литературных памятников XVII в. и рядом с Повестью о Савве Грудцыне тоже по-русски сказанной, источником «русского природного языка» могут быть Приказные документы: жалованные грамоты, купчие, сговорные, писцовые выписи: из искуснейшего плетения красных канцелярских словес выбивает природная русская речь «протопопа всея России».

Не для одних ученых, изучающих историю русского языка, не только для русских писателей, которым без истории своего языка никак не обойтись, но и для всякого русского человека «книжного почитания», прочитать не глазами только, а и губами такой документ — стоит.

*

Торговля с Западом началась въ половине XII в., в те еще времена, когда не было той грани между Западом и Востоком, какая положена с татарского нашествия и возвышения Москвы-Русии, и новгородское письмо очень близко «каменной», высеченной где-нибудь в Шартре латинице. Торговля была с островом Готландом, с городом Висби, в Новгороде стояла «варяжская божница» скандинавского святого Олафа, а немецкие купцы въ 1184 г. свою поставилн «немецкую ропату» во имя св. Петра.

С усилением Ганзы в XIV в. высшее руководство немецкой торговлей перешло от города Висби к Любеку, главе ганзейского союза.

Грамота царя Бориса 1603 г. давала Любеку свободную торговлю съ Россией. По этой годуновской грамоте любчане могли свободно приезжать в Новгород, Псков, Ивангород и в Москву и иметь гостиные дворы в Новгороде, Пскове и Ивангороде со старостой и штатом служащих; немецким кораблям разрешался въезд в Архангельск и там отведено было место для складов; никаких пошлин не накладывалось на немецкие товары и никакого таможенного досмотра; сами должны объявить товар и цену; имели право на своих дворах пиво и вино варить и мед ставить для своего употребления, а привозное заграничное вино продавать только в бочках, по мелочам нельзя; немецкое сере-

бро должны отдавать на монетный двор для чекани денег; в случае каких недоразумений посылать жалобу прямо в Москву, непосредственно к царю, и могли разъезжать по всей России бесконтрольно.

Грамота написана с той живостью сказа, что читая, и слышишь и видишь московского человека: «царь аст-а-раханскій», «въ бочкахъ бы толстины были по-прежнему», «поставъ сукна мѣрою покороте и поплошае», «про свою нужу питье: пиво и медъ держати», «отъѣзжати доброволно и сь ихъ товары», «зговоръ чинити изнова (сызнова)», «а въ чемъ межъ ихъ зговоръ не сстанется (не состоится)», «только бъ хитростью обманки въ товарехъ не было».

Грамота делится на три части: царский титул, челобитная бурмистров, ратманов и полатников города Любека, поданная через послов бурмистра Кондрата Гермеса и ратмана Индрика, и третья часть — само «жалованье» по пунктом челобитной. И в конце грамоты висячая царская золотая печать.

А написана грамота тем узорчатым бисерным почерком начала XVII в., на не русский глаз арабской грамотой, каким отличаются рукописи годуновские и самозванца.

Грамота хранится в Любеке. С разрешения профессора Зигмунда Келлера, предоставившего мне фотографический снимок, списываю грамоту, сохраняя правописание, слово в слово и буква в букву. Выделенное «Богъ» оплетено виноградами. Знаки препинания расставлены для облегчения чтения.

Царствование Бориса Федоровича Годунова: 1598 до 1605.

Бога в Троицы славимаго милостию и властию и благоволением утвердівшаго скифетръ держаті в православиі во осмотрене и во обдержаніе великого росиіского царьствія мы великиі государь, царь і великиі князь Борисъ Феодорович всеа Русиі самодержецъ владимерскиі, московскиі, новгородцскиі, царь казанскиі, царь астраханскиі, царь сибирскиі, государь псковскиі і великиі князь смолнскиі, тверскиі, пермскиі, вятцкиі, болгарскиі и иных государь і великиі князь Новагорода, низовскіе земли, черниговскиі, резанскиі, ярославскиі, белоозерскиі, лифлянскиі, удорскиі, обдорскиі, кондинскиі і всея сѣверные страны повелител і государь іверские земли грузінскихъ гарeі і кабардінские земли черкаских и горских князеі і іных многихъ государствъ государь и обладател, и нашего царьского величе-

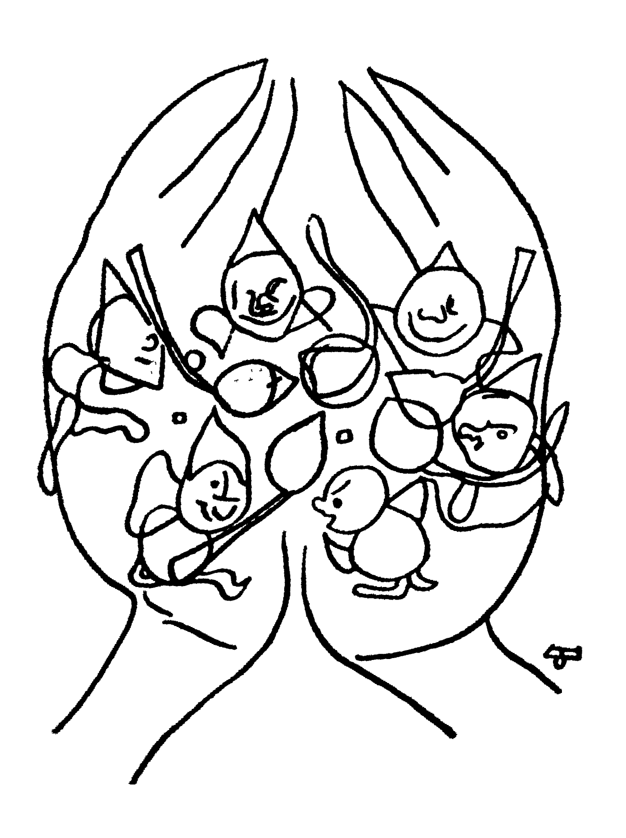
ства сынъ великиі государь царевичь князь Федор Борисовичь всеа Русиі — пожаловали есмы города Любка бурмистров и ратманов и полатников, что присылали к нашему царьскому велічеству бурмистры и ратманы і полатникі города Любка послов своих бурмістра Кондрата Гермеса да ратмана Индрика биті челом, что б намъ великому государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі самодержцу і нашего царьского величества сыну великому государю царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русиі пожаловати города Любка купетцкимъ людемъ позволиті приезжаті в наші великие государства в Великий Новгород і во Псковъ і в-ываньгород і в царьствующиі град Москву і торговаті поволною торговлею и назад отезжаті с своимі товары без задержанья, и пожаловаті б в Великом Новѣгороде і во Пскове і в-ыванегороде велѣти імъ поставіті дворы на приѣздъ, а быті на тѣх ихъ дворехъ ихъ неметцкимъ людемъ; так же бы пожаловати поволиті приезжати их гостем и торговымъ людемъ на караблѣхъ для торговли на сѣверную страну к нашеі отчине х колмогорскоі землѣ к Архангелскому городу и на приѣздъ бы имъ мѣсто было, а которых товаров не іспродадутъ і тѣ б имъ товары назад отвозіті, і вѣсы б всякіе по всѣхъ мѣстех были ровны, какъ исстари бывало, і в продаже б і в купле никому обиды не было і браковать всякой товар вѣсчеі — воскъ, сало, ленъ, пенку, сало-ворванье в бочках прямо і в бочках бы толстины были по прежнему, что б торговымъ людем убытка не было; а будеть обявитца у ихъ торговыхъ людеі в товаре постав сукна мѣрою покороче или поплошае или который товар помок от чего, і в том бы нашему царьскому величеству на ихъ торговых людей опалы не положити і товаров ихъ в том иматі не велѣті, для того что тѣ товары привозят із-ыныхъ государствъ і переменяетца один товаръ во многих руках, а в чом зговор в торговле не станетца, і тѣм бы своі товары іматі назад беспенно; і пожаловати б нам великому государю царю і великому князю Борісу Федоровичю всеа Русиі самодержцу і нашего царьского величества сыну великому государю царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русиі города Любка бурмистров и ратманов и полатников сь ихъ товаров таможных пошлінъ іматі не велѣті і велѣти б имъ торговати беспошлинно і товаров бы неметцких у ихъ торговых людеі в таможне не осматриваті и не записывати, что б отъ того торговым людем убытка не было і от русских бы пріставов имъ, торговым лю-

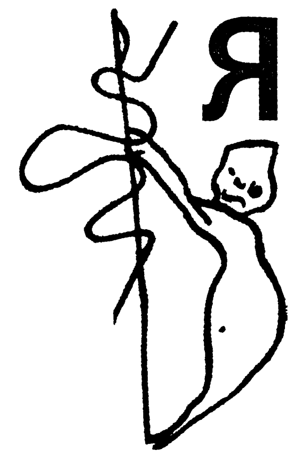
дем, въ ихъ дворех через ихъ уставленные сторожі утесненья не было, а которого торгового человѣка любчанина в наших государствах не станет і того б животы і товары отдаваті торговых людей старосте, которой в то время на их неметцких дворех будет, і онъ их отшлетъ к тому, кому пристоит, а которої мертвецъ іли убітой обявтица под ихъ гостіными дворы, і имъ бы о томъ убытков і продаж не было, і на гостиных бы имъ на своих дворех, которе устроены будут, про свою нужу питье: пиво і мед і вино держаті і самим варіті і меды ставити і на денежные дворы серебро даваті дѣлаті в деньги; а коли ихъ торговым людем от кого какая обіда будет, і тѣмъ бы торговым людем ѣздіті или посылати товарищеі своих волно в наше государство к Москве к нашему царьскому величеству бити челом, — и МЫ великиі государь царь і великиі князь Борис Федоровичъ всеа Русиі самодержец і нашего царьского величества сынъ валикиі государь царевичь князь Федоръ Борисовичь всеа Русиі по своему царскому милосердому обычаю города Любки к бурмистром и к ратманом и к полатником обявляючи свое царьское жалованье челобитья их милостивно выслушали и по их челобітью своимъ царским жалованем пожаловали поволили ихъ гостем и торговым людем города Любки приезжаті в наши государства в Великиі Новгород и во Псков і в-ыванъгород и к Москве со всякіми товары і торговаті с нашімі людми поволною торговлею на всякой товар и назад отезжати беззадержаня і бережене есмя к німъ во всемъ по нашего царского величества указу в тѣхъ городѣхъ велѣли держаті, что б имъ ни от кого обідъ і бесчестья и продаж не было, і дворы имъ в Великомъ Новѣгороде и во Пскове и в-ыване-городе поволили ставиті собою на указныхъ мѣстех, гдѣ велим имъ под дворы мѣсто указати или купить дворы готовые, і на тѣхъ дворех по-полно имъ держати приказщиков своих і дворников любскихъ нѣмецъ, какъ бываетъ і у иныхъ торговых людеі, і питье на тѣхъ своихъ дворех любскимъ гостемъ и торговым людем про свою нужу пиво и вино вариті і мед ставиті, толко то питье держаті про себя, а на продажу питья не держати опричь того что привезуть из-за моря красных вин всяких і то імъ продавати бочками, а не в вѣдра и не в стопы, и на денежных дворех сѳімкі і всякое серебро в денги им передѣлываті поволно; также есмя пожаловали города Любка бурмистров и ратманов и полатников іхъ гостем и торговым людем города Любка поволили приходиті с товары

на кораблѣх к нашему государству х колмогорской прістані к Архангелскому городу і торговаті нашихъ государствъ с торговыми людми на всякой товар поволною торговлею і на приѣздъ им мѣсто под двор у Архангелского города дати велѣли і приезжати имъ в наши государства і отезжати назад доброволно и сь ихъ товары, которых будетъ не продадутъ, безо всяково задержанья; а хітрості и обману меж торговых людей в товарех і в весах не быті, а котороі будетъ товар у торговых людеі обявітца не ровенъ или какая прітча учинітца не ихъ хитростью, і в том вѣдатца купцу с продавцом и зговор чиніти ізнова, а в чем меж ихъ зговор не сстанетца, і в том судьям меж ихъ управу учинити или товары отдавати назад, толко б хитростью обманки в товарех от любских торговых людей не было, и в браковане в товарех и в весу обману потому ж не быті і в дереве вѣс прямой сказываті; а таможные пошлины с товаров ихъ с любских со всѣх имать не велѣли есмя, опричь вѣсчие пошлина имати по прежнему, а во всякой торговле поволность им велѣли есмя учинити и товаров их не пересматріваті и не ценіті, а являти імъ товары своі і записываті в таможне самимъ и цѣну товаром своим сказываті в-правду, ни которых товаров не таіти; а котораго человѣка любчаніна не станетъ, і того человѣка жіvoты і товар отдаті торговыхъ людей старосте кому будетъ в то время на их гостине дворѣ приказано; а которым любскимъ торговым людем лучитца ѣхаті к Москве биті челом нашему царьскому величеству для своих дѣл или о какой биде, и иѣхъ велѣли есмя пропущати по всѣм нашим городом безъ задержанья, — і сеѣ нашу царскую желовалную грамоту имъ дати велѣли есмя і города Любка гостем и торговым людем в наши государства с товаром приезжая торговати и назад отезжаті і о всемъ ходіті по сеі царской жаловалной грамоте. Дана ся наша царская жаловалная грамота в нашемъ царствующем граде Москвѣ лѣта от созданія миру 7111 (1603)-го іюня мѣсяца, государствія нашего и царствъ 5-го, индікта 1-го.

З о л о т а я в и с я ч а я о р л о в а я п е ч а т ь: черьниговскій, рязанскій, ростовскій, лифлянскій, обдорскій, кондинскій і всея сѣверныя страны повелитель и государь иверскіе земли грузинскихъ царей и кабардинскіе земли черкаскихъ и горскихъ князей в иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель.

СЕВЕРНЫЕ АФИНЫ
—история с географией —
(предбанная память)





Я называю мою память — «предбанной», потому что из предбанника вся эта «история с географией». Ходили мы в Вологде в баню втроем, займем номер: П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков и я. И как, бывало, тру спину Павлу Елисеевичу, а он песни поет — голос у него звучал в пару особенно, с наливом и так звонко, все соседи, бывало, всполошатся и главный банщик их унимает; Борис Викторович молчком моется, аккуратный, ни кипятком не обдаст, ни холодной плеснет; а я все на скорую руку, без очков сослепу мне и шайки не найти, а как выйду одеваться, тут вот у меня и разыгрывается — и я сочиняю.

I.
Олимп и Парнас

Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся, — только вологодские. Полунощное солнце в белые ночи — вон, гляди! голубая и алая плывет Вологда — Вологда, Лея, Сухона, Луза, Юг, Вычегда, Сысола. А зимой в северное сияние — небо пополам! и над белой (на сажень лед!) скованной рекой льется багровое, как июньская полночь, а зеленее самой суздальской муравы, а уж красное — красная северная ягода. А когда на сутки верст дремучий берег заглядится дикой розой, смотришь, и не знаешь, точно с иллюстрации к гриммовской волшебной сказке «Спящая красавица». А эти розовые пески между Устюгом и Сольвычегодском и эти белые алебастровые горы по Север-

ной Двине к Архангельску! Или осенью, когда цветут сырые кустатые мхи яркими персидскими цветами — — да что! надо видеть глазом и чувствовать, и никакими словами этого не скажешь.

За неповторяемость и единственность красок «времен года» — какая громчайшая весна и сорокоградусная лють зимой! — Вологда подлинно Северные Афины. А в начале этого века (невероятно, ведь так недавно, а как тысяча лет!) таким именем «Афины» звалась ссыльная Вологда, и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая была самая плевая революционная организация, а где ее не было!

Вологда — «Северные Афины» и за ландшафт, и за свой Олимп и Парнас.

*

В Кувшинове под Вологдой в сумасшедшем доме доктором Александр Александрович Богданов (Малиновский), автор «Курса политической экономии» и «глас Ильича» в России. А ушел А. А., на его место О. А. Аптекман — член «Земли и Воли» и «Черного Передела», один из организаторов группы «Народное право» († 1926).

В Кувшинове же с А. А. Богдановым и Марьей Богдановной — Анатолий Васильевич Луначарский, автор «Брадобрея», нарком по просвещению, а тогда только что выступивший в литературе под псевдонимом Анатолий Анютин («Русская Мысль»), женат на сестре А. А. Богданова Анне Александровне. «Между первым и вторым блюдом пишет по акту!» — так говорили про Луначарского за его письменную кипучесть. Из первых его поэм мне вспоминается: «Она умерла...»

На Галкинской-Дворянской в доме костела — Борис Викторович Савинков († 1925), женат на дочери Г. И. Успенского Вере Глебовне, и у них дети: Таня и Витя. Тогда еще не автор «Коня бледного», а, как и Луначарский, только что выступивший в литературе под псевдонимом В. Канин (московский «Курьер»). И около Савинкова — Борис Николаевич Моисеенко (†), кротчайший человек, впоследствии член «боевой организации» у Савинкова.

На Желвунцовской — сам Павел Елисеевич Щеголев, автор исследования «Сказание Афродитиана о чуде в Персиде», ре-

дактор «Былого», голова «Музея Революции», писавший тогда театральную хронику под псевдонимом П. Павлов. На той же Желвунцовской — Вера Григорьевна Тучапская, переводившая К. Тетмейера (Изд. В. М. Саблина, М.) и Павел Лукич Тучапский (†). А потом Юлия Григорьевна Топоркова, др. Чиникаев, Владимир Валерьянович и Любовь Николаевна Татариновы и сын Любови Николаевны Миша Чернов. И по соседству — Адам Дионисиевич Рабчевский (†), о котором шла слава, как о будущем знаменитом адвокате («на одном собрании два часа без передышки говорил!»), писал стихи, но не печатал, занимался, как помощник, у б. ссыльного прис. пов. Николая Васильевича Сигорского (†), женатого на Анне Александровне (†).

В единственной первоклассной гостинице в «Золотом Якоре» жил Николай Александрович Бердяев, автор «Субъективизма», наш знаменитый философ, в ту пору увлеченный «Женщиной с моря» и «Геддой Габлер» (статья его в «Мире Божьем»), переходил от марксизма к идеализму. И по соседству с Бердяевым — Иосиф Александрович Давыдов, автор «Так что же такое, черт возьми, экономический материализм?». А за Давыдовым — Борис Эдуардович и Любовь Александровна Шен, Марья Вильямовна Кистяковская и Снежки.

В «Колонии» в доме Киршина (что-то вроде коммуны) неподалеку от «Золотого Якоря»: Ольга Гермогеновна Смидович, Николай Михайлович Ионов, Зоя Владимировна Александрова и дядя Яша Принцев — Яков Васильевич (воспитанник в Чудове у Г. И. Успенского), по своей доброте превосходивший всех: его лицо и улыбка сияли круглый год весенним вологодским солнцем! Все они работали в статистике под начальством Петра Петровича Румянцева. В «Колонии» же одно время жила Елена Михайловна Крумзе (†), очень напоминавшая Марью Михайловну Шкапскую, и тоже стихи писала, но не такие, а из рядовой жизни: что увидит, то и опишет. И еще: Анфуса Ивановна Смирнова, Анна Николаевна Рождественская и Броновицкая — статистички. А наискосок от «Колонии» б. ссыльный прис. пов. Владимир Анатольевич Жданов и Надежда Николаевна. А от них два шага Людмила Викторовна и Отто Христианович Аусем, нынешний консул в Париже: с лица мрачный, а на самом деле веселый человек, и как бывало, примутся с П. Е. Щеголевым песни петь — Павел Елисеевич «чтобы ей угодить, ве-

селей надо жить!» а Отто Христианович «на ней большой бриллиант блестел!» — мертвого подымут!

На Ивановской — штурман Николай Константинович Мукалов, награжденный серебряными медалями за спасение утопающих. А этажом выше — Иосиф Доминикович Косминский, старый слесарь, и два его сына, одного звали Мячик. А по соседству Щербаковы и музыкант Жилинский.

За Собором Василий Васильевич Бадулин, пензенский книжник — «Фогт и Молешот», напоминавший мне Павла Владимировича Беневоленского (†); и там же тоже пензяк Вячеслав Алексеевич Карпинский, редактор московской «Бедноты», и Сарра Наумовна Равич, нарком внудел Северной Коммуны, а потом зав. Отд. Управления Петросовета и зав. Наркоминделом в Петербурге, и Войткевич.

За Острогом старый статистик Сергей Николаевич Суворов, Иван Акимович Неклепаев, Бороздич, Русанов. Между Острогом и «Золотым Якорем» Саммер, кротчайший, как Моисеенко. И там же Маноцков и его жена Анна Маноцкова, сестра Броновицкой, Анна Николаевна Щепетова и князь Аргутинский с женой и дочерью Серонушей, что значит «любовь».

По Вологде ходил хромой ссыльный ксендз, автор «Сна Царя», и пиротехник Петрашкевич, первый хорист и запевало: голос, как у знаменитого василеостровского книгочия — у Якова Петровича Гребенщикова, изо всех один ведет и ни с кем не спутает — альпийский рожок. Был одно время А. В. Амфитеатров, стоял в «Золотом Якоре», но его никто не видел, только шубу, о шубе и говорилось.

*

В Устьсысольске: Федор Иванович Щеколдин († 1919), автор «Электрического Солнца» и повести «Голчиха» (отрывок из нее напечатан в «Деле Народа», 1918) и с ним: Александр Иванович Петров, Андрей Петрович Завадский, Тупальский, Ян Янушкевич, Адольф Келза, Савицкий, Михаил Кириллович Биринчик с женой и Логач.

В Кадникове: Белоусовы Петр Ильич и Ольга Васильевна.

В Великом Устюге: Викентий Андреевич Дрелингь (†) и Зинаида Павловна, урожд. Цурикова, Белецкий, Н. Рассказов, Адамович, Серебряков, Курицыны и Тепловский.

В Красноборске: др. Заливский и Любовь Семеновна и Бебка, их сын; на Печоре — др. Севастьянов.

В Сольвычегодске: Казимир Людвигович Тышка († похоронен в Сольвычегодске). (О нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то немногое, что осталось, — «рассказы» — издать отдельной книгой с портретом; какое прекрасное лицо!). И там же — Николай Павлович Булич, Казимир Адамович и Янина Ивановна Петрусевич, др. Петр Евграфович Полонский, Фунтиков, Юлиан Марианович Малиневский, Александр Алексеевич и Вера Владимировна Ванновские, Дмитриевский, ветеринар Николай Иванович Гусев, Скулимовский с женой и дочкой, два брата Стечкиных Павел и Вячеслав, Александр Владиславович Цверчакевич, Поморцев, Зюков и Евреинов — «у которого было 22 обыска!».

Срок ссылки три года. Усидеть на одном месте нет никакой возможности — осточертенеет! — и обыкновенно передвигались: из Яренска и Устьсысольска в Сольвычегодск, из Сольвычегодска в Великий Устюг, а потом в Тотьму либо в Кадников и, наконец, в Вологду, или прямо в Вологду.

Возраст ссыльных от 17-ти до 40 и выше. Всех партий, какие только есть, и такие, ни подо что не подходящие, или еще «не выявившиеся».

Если которые на Олимп не метили и на Парнас не совались, то и без «имен» всякий чем-нибудь выделялся: Н. М. Ионов известен был, как изобретатель конспиративных пряток: в летний вологодский зной он появлялся в непромокаемом плаще, а это означало — какая-нибудь конспиративная сигнализация; или, и не рыболов вовсе, а ходит по улицам с удочками, и никак не поймешь, чего эта удочка, а он себе знает и, конечно, тот, кому нужно, смекнет! Тоже и другие, кого ни возьмешь, не без искусства: Третьяков — охотник на лыжах, Б. Э. Шен — на велосипеде, Цандер — гармонист, Квиткин — зоолог, Кварцев — книгокуп! — получит вспомоществование, другой бы на его месте еды себе купил, ветчины там или огурцов, а этот трах — на все книг, и опять без денег. А вот — Николай Иванович Малинин: ходила молва, будто для закала «сиживал в муравейнике» и большой любитель иностранных слов, «оратор». Тоже и Бабкин — этот умел так русскую плясать, ни один Фокин не угонится, а уж Фокин свое дело понимает. Ну, и Моциевский, и Моц,

и Пьянковский тоже чем-то отличались. И если искусством не возьмешь, какой-нибудь афоризм или замечание все покроют: дядя Яша Принцев, никакой не философ, а как-то находясь в прекрасном кругу статистичек, не без глаза заметил: «Почему, — сказал дядя Яша, — в 17-т лет не думают, как одеться, а в 27 наряжаются?».

*

В Вологде жил датский писатель Аггей Андреевич Маделунг (Aage Madelung, автор «Jagt paa Dyr og Mennesker»). Часто наезжал Иван Платонович Каляев († 1905): по соседству, в Ярославле, служил он корректором в газете «Северный Край». Приезжала Бабушка-Брешковская, Лидия Осиповна Цедербаум (Дан), сестра Мартова, Евгений Николаевич Чириков — доброй души хороший человек, рассказы читал! — Всеволод Эмильевич Мейерхольд и Аркадий Павлович Зонов († 1922), Богдан Александрович Кистяковский (†). А из Грязовца Александр Константинович Левашов (†), в дни молодости при побеге Кропоткина был у него за кучера, и сохранивший до старости лет революционный запал, и как начнет, бывало, рассказывать, и так живо и с такой страстью, Савинков корчился.

Все книги, выходившие в России, в первую голову посылались в Вологду и не в книжный магазин Тарутина, а к тому же П. Е. Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы Короленко, из Петербурга Д. В. Философов, он же высылал и «Мир Искусства», А. И. Шахматов, П. Б. Струве, Д. Е. Жуковский, а из Москвы — В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно «прямой провод».

Близкое и живое участие в делах ссыльных принимала Ольга Кудрявая.

*

Я попал в Вологду при исключительных обстоятельствах. Место, мне назначенное — Устьсысольск, я год и прожил в Устьсысольске, а потом получил разрешение приехать в Вологду для освидетельствования у доктора-специалиста по глазам.

Приехал я в Вологду — пять суток плыл на Хаминовском Ангарце! — и сразу попал на Парнас. (Выступил я в литературе позже, в один год с Савинковым и Луначарским в московском «Курьере» у Леонида Андреева и в «Северных цветах» у Брюсова).

Если Луначарского подковыривали, будто он всю бумагу извел у Поди Тарутина — такое недержание писать!— меня корили в другом:

Павел Лукич: «У Ремизова все есть: и язык, и форма, не достает только...» (*запнулся*)
Петр Ильич: (*вспохват*) «Смысла».
Павел Лукич: «Совершенно верно — конечно, смысла!»

И все-таки эта моя отличительная особенность не помешала мне заскочить в самое гнездилище Парнаса, где сидел Бердяев и Луначарский, а распоряжался Щеголев. Между прочим, вологжане из почтения называли его не иначе, как «академик Щеголев», некоторые же, ну, Соломон Леонтьевич Сегаль, хозяин часового магазина, гармонист и неистощимый острослов, прибавлял для еще пущего веса «почетный», а Константин Лукич, обер из «Золотого Якоря», еще и «потомственный», что звучало совсем по-лесковски: «высоко-обер-преподобие».

Сволочь меня с Парнаса и отправить назад в Устьсысольск грозили всякую минуту: разрешение было выдано на два месяца, и эти два месяца давным-давно прошли. Про это знал и полицеймейстер Слезкин и прокурор Слетов и жандармский поручик Булахов. Только один губернатор мог переменить решение. А для этого требовались уважительные причины.

Пустить меня одного самостоятельно с губернатором объясняться, значит, все дело испортить — никогда в моей жизни не умел я разговаривать с высокопоставленными лицами, даже так скажу, с «князьями обезьяньими» мне не по себе, теряюсь или такое понесу, не дай Бог, да что я, в самом деле, скажу, какую-такую причину: я и у доктора-специалиста не был и никакого глазного свидетельства у меня нет...

Причина? — А такая всегда была. И нечего было далеко ходить и копаться. Про это все знали.

«Изумление ума»! — сказал Петр Елисеевич.

«Изумление? прекрасно! — согласился Савинков, — но для этого надо докторское свидетельство и не от А. А. Богданова, а от главного доктора в Кувшинове».

А. А. Богданов ко мне относился всегда ласково, бывало, приедет кто из Кувшинова и мне от Александра Александровича конфету: не забывал. Мне кажется, он искренно верил в мое «изумление». Ободренный, я поехал в Кувшиново, меня там освидетельствовали, и главный доктор подписал бумагу. А с этой «изумительной» бумагой Щеголев и Савинков пошли к губернатору Князеву. И чего она про меня рассказывали, а должно быть крепко и упористо, губернатор согласился: он меня оставил в Вологде, но с условием — «под присмотр Щеголева и Савинкова».

Так я и остался в Вологде и два года до последнего дня ссылки, находясь под гласным надзором полиции, прожил под негласным — Щеголева и Савинкова.

*

У меня всегда были царские замашки. В раннем детстве в Москве я щедро раздавал счастье — я хлопал моей левой, отмеченной счастьем, рукой по руке всякого, кто бы ни попросил; потом в играх — в игре «в казаки-и-разбойники» я раздавал бумажные ордена и медали; забыл, чем наградил я, очутившись в Пензе, Сергея Алексеевича Баршева, др. Курилу, Иннокентия Васильевича Алексеева и Горвица, и не помню, имеются ли какие знаки отличия у Биркенгейма и Горяинова — — теперь я выдаю «обезьяньи» жалованные грамоты с печатями, а в Вологде писал заживо некрологи.

Всякий, отбывший срок ссылки, в канун отъезда устраивал прощальный вечер, я заготовлял некролог, а П. Е. Щеголев, большой искусник «выразительного чтения», читал полным голосом, отчетливо выговаривая все буквы по-писанному. Некрологи я писал на листе в виде свитка с закорючками и завитками. Прощальные вечера обычно устраивались у В. А. Жданова. За годы мало чего сохранилось, «покойники» теряли «некрологи», как «кавалеры обезьяньего знака» теряют мои обезьяньи грамоты, но кое-что уцелело.

Если что не так или перепутал, прошу «прощады».

1
ПАВЕЛ ЕЛИСЕЕВИЧ ЩЕГОЛЕВ
— потомственный почетный академик —

Синие льды проплыли по Белому морю, и весенние стальные ветры, отбушевав, сиплые, забились в ледяные пещеры до будущего года. Вздулся лопух, а острый запах крапивы, как летом: ходи с оглядкой! Опушились одуванчики, и какие еще цветы, все отцветает. Среди бела-дня и желтой, как самовар, «белой» ночью свистят пароходы свище гама, грохота и колоколов, а уж орут — затыкай уши! — а то так запоет и столько в их пении соблазну, так бы и сел налегке и уехал, а куда — все равно. А вот и нельзя! Заря с зарей — вечерняя и утренняя — и нет начала дня и конца ночи. А земля после ледяной зимы, как ударило — первый гром! — распарилась и без отдыху, без просыпу и день и ночь громка. В желтом безотбойно снует и зуд — комары.

В такую ночь нет сна. Шторы завешаны, заткнешь все скважины, завернешься с головой, а в ушах: зуу-зум — комары.

*

— — у Спасителя ударила полночь. И от звона я как очнулся. Смотрю и не верю: «Золотой Якорь», как наяву, а не тот — и выше (17-ть этажей), а главное — весь задрапирован черными флагами, а в окнах бледные огоньки. И комар точит ночь заунывно.

Я позвонил. Открывают дверь.

— Что такое, — говорю, — эти флаги и свет?

И вижу, не швейцар это, а сам Константин Лукич «обер».

— Павел Елисеевич... — Константин Лукич говорит шепотом, но внятно, — Павел Елисеевич приказали долго жить.

— Что вы говорите — — ?!

— Неисповедимо.

Тут подошел Николай с салфеткой:

— Покушали они — сказал Николай, — зубок и разболелся. Позвали меня: «Эх, говорят, Николай, подай мне мадеры в бочке, с зубом смерть, свету не вижу!». «Слушаюсь, говорю, Павел

Елисеевич!». Да скорее в буфет. А они без меня прилегли на диванчик, руку под головку и тихо преставились. Вот и ихния калоши.

В прихожей, действительно, глядя в стороны, стояли внушительные калоши — приманка прокурорской собаки: собака вышла из угла, потянулась и, ласково, обнюхав, загребла ногой.

— Цыц! — не голосом, ощетинившись, усами цыкнул Николай на собаку.

— И больше ничего не осталось?

— — —

Собака недовольно отошла в угол.

Николай молча покачивал головой — — и вдруг как зазудит — зуу-зум — комар!

Я поспешил наверх. И там все двери и пол черный. И № 1 — место веселых сборищ — задрапирован черным.

— Занят?

— Никого нет! — Константин Лукич, как Николай, покачивал головой, — «на блеярде» ушли играть: и Василий Христофорыч Белозеров, и Владимир Анатольевич Жданов, и Борис Викторович Савинков.

Я прошел в № 1. Заказал в память покойного джинджиру. И сел один. Было очень тихо, никаких комаров, точно на том свете. И в памяти моей тихо прошли — день за днем — дни из этой жизни, невозвратимые.

*

— — вон диван, на нем Николай Александрович Бердяев не без игры декламировал «одного не доставало...» — стих из «Царя Никиты»; вон стол, на нем Аггей Андреевич Маделунг выплясывал какой-то неподобный датский танец коня; а вон оттуда Соломон Леонтьевич Сегаль, разувшись (летом особенно жмет мозоль!) подавал своя острые реплики; а тут — где сижу я — сиживал сам Павел Елисеевич! Как сейчас вижу — — бритое его лицо, хищно раздувающиеся ноздри, подвитую гриву крепких воронежских волос и из-под пенсне бесстыдные глаза: «свобода, смелость и дерзость!» — говаривал покойный.

«Свобода, смелость и дерзость!». Первая моя вологодская встреча — Павел Елисеевич! Квартирная хозяйка Юлия Ивановна, мастерица печь пироги и варить варенье, угостила яич-

ницей. Яичница-глазунья — это к хорошему! А потом чай с душистым поляничным вареньем. А в окно булавочная звездочка в белой ночи — и это тоже не плохо.

«Я скептик, — говорил покойный, поддевая с пышащей сковородки неподдающийся яичный глазок, живой, как устрица, — я скептик, а меня под доску тащут! Вот и опять был обыск!»

— — едем по Вологде на лодке, за нами луна — широкий ключ — а не догонит! Лунная ночь — находчивый и хитрый интервьюер, разговоры — автобиографичны.

«Павел, говаривал мне покойный отец, — рассказывает покойный повесть своей жизни, — Павел, учись на трубе, толк из тебя выйдет!»

Николай Александрович в лунном осиянии любуется своим отражением.

— — весь день, как много дней, африканский зной, и только к вечеру, когда только и можно дышать, выходим на волю и медленно идем по досчатому тротуару к Собору на набережную: там фруктовые ларьки дожидаются покупателей — груши, яблоки, сливы, виноград, смородина, арбузы, чего хочешь! С пятифунтовыми пакетами усаживаемся на перилы набережной.

«В гимназии, бывало, — рассказывает покойный, — на спор пирожные ели: кто больше съест? Я всегда выигрывал».

Реферат. Читает А. А. Богданов. Он в черной рубашке, подстриженный и такой аккуратный, точно из бани, и листки перед ним мелко исписаны без помарок. А читает он что-то мудреное — «энергетический метод». Слушателей полна комната. И в сенях не протолкнешься. Все в сборе. Кончил. Выбирают председателя. Конечно, Павел Елисеевич.

«Павел Елисеевич, вас председателем!»

А покойный, как сейчас вижу, на ступеньках лестницы в сидячем положении, и никакие аплодисменты не смутят его мирного безмятежного сна.

«Ну, еще бы, — объясняет Иосиф Александрович Давыдов, — они с Ремизовым пуд груш съели!»

— — покойный снял рубашку, повесил на гвоздик. В купальне он занял всю скамейку, а на краешке нас трое: я, Соломон Сегаль и лесоторговец Гирш. На подсыхающем полу играет

солнце — по щелястой стене бегают зайчики, Павел Елисеевач, не торопясь, погрузился в воду — поднимаются волны, купальня ходуном пошла, как в бурю.

«Эх, — не выдержал Соломон, — Россия!»

«Дда, — одобряет сосед, — “Ангарец”!»

И оба, прикованные, следят за пловцом: с намыленной головой покойный плывет. В купальню набрались любопытные: не купаться, а посмотреть. Они виновато жмутся к стенке: они опоздали! Только бы не упустить, когда выходить будет —

«Зосима и Савватий!» — подхватывает Гирш.

Покатилася головка,
Покатилась голова...

На столе Кроновская мадера с оборванной голубой ленточкой. (Увы, архангельского Тенерифа больше не достать!). Покойный встал из-за стола после обеда и предается пению:

Поклонился он народу,
Поклонился на собор...

И, когда разбойничья кончится, начинается представление: семеня ногами, как в оперетке, Павел Елисеевич ходит по комнате и один ходит, а как будто и стулья и стол и посуда — «Венера любит смех, веселие для всех» — и начинает хохотать да с такими раскатами и так заразительно, стены трясутся. И вдруг — грох об пол:

«Доктора! Позовите мне доктора! — и так плачевно и жалостно: — где доктор!» — соседи сбегались.

Я изображаю доктора: я сажусь на покойного и мну и трясу его за голову и кулаками и коленкой, а он будто помер.

«Помер! — объявляю, — сердце не бьется, все средства напрасны, конец!»

А он опять на ноги и еще прытче, а смех еще пуще, ну, ржет.

— — —

Вологодский театр. Бенефис Стоянова (Стоянов — антрепренер и режиссер). Что бы такое придумать для бенефиса, да такое, чтоб не только в Вологде, а и по всей России шум?

— Это можно, — говорит Павел Елисеевич, — приедут два француза из Парижа из «Théatre des Arts», поставим Метерлинка, электрических свечей 20.000!

«Павел Елисеевич! — Стоянов на все согласен: французы из Парижа, Метерлинк, это не шутка! — Павел Елисеевич, в городе нет электричества!»

«Так Аркадий Павлович проведет».

(Аркадий Павлович Смирнов — почтовый чиновник, мой сосед, живет у одной хозяйки, страстный охотник, но к электричеству никакого).

«Ну, если Аркадий Павлович — — »

Стоянов так поверил, что я и Павел Елисеевич — «приезжие французы», почему же не поверить ему и в электричество Аркадия Павловича?

С месяц висят афиши — французы, Метерлинк и 20.000 электрических свечей! Билеты распроданы. Полный театр. После вызова — а публика требовала обязательно приезжих французов — полицеймейстер грозил прекратить. А уж поздно: афиша из Вологды попала в Ярославль, из Ярославля в Москву, из Москвы а Петербург, и пошла гулять — вся Россия! — еще нигде такого не бывало!

Чтобы ей угодить,
Веселей надо жить...

«веселей-веселей-веселей — (и грох): Доктора!» — — (Доктор): «Сердце не бьется, все средства напрасны, конец!»

— — —

На дне бутылки белели одни кристаллы. Я поднялся.

— Записать? — просунулся Константин Лукич.

— Да — — на покойного!

И я вышел. И стал спускаться по черной уплывающей лестнице: бледный, как Тиняков, прошел Белозеров, промелькнуло каменное лицо Савинкова — —

— А как пел покойный! как пел!

2
ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДАВЫДОВ

— так что же такое, черт возьми, экономический материализм? —

— Иосиф Александрович помер!

— Давыдов — — ?

— — —

«Давыдов, пиши!» — понукая, говорил П. Е. Щеголев. И Давыдов писал.

Вот он: сухой, на тонких вытянутых ногах, в розовой сорочке и желтых ботинках — и это лицо, издали напоминавшее портрет Канта с бородой; неизменно записная книжка в руках: щурясь, записывает.

Покойный не любил неясного и неопределенного.

«Пардон-с, пожалуйста! — морщась, прижимал он левый кулак себе к сердцу, — — постулирование абсолютного? все это бессодержательные слова, Lecre Wörter!» — и тут же приведет какое-нибудь латинское изречение или излюбленное всеми философами: «это все равно, как если бы вместе с водой выплеснуть и ребенка из ванны!»

Я помню нашу встречу: Иосиф Александрович лежал на диване у В. А. Жданова, в руках книга — скоро позовут чай пить! Я помню наши вечерние прогулки около Собора по бульвару: перешагнув через Авенариуса и Маха, покойный настойчиво требовал признания «злого начала» — дьявола.

Обладая даром ясновидения, однажды поздним вечером по дороге в «Золотой Якорь» к Н. А. Бердяеву, Иосиф Александрович упал, и, когда затворилась за нами дверь № 1, он попросил чаю и даже без лимона.

Отличаясь трудолюбием, покойный тихо скончался за переводом с немецкого.

3
НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ИОНОВ

— статистик —

Да, неспроста всю свою жизнь Ионов посвятил изучению «женского вопроса». И дядя Яша Принцев и Basile Badouline отдали ему первенство над всеми румянцевскими статистичками.

Покойный появлялся незаметно, сгорбившись, покашливая, зимой в башлыке и с подвязанным горлом, а говорил шепотком и сразу пленял. Говорят, Николай Александрович Бердяев даже рассердился.

Я помню вьюжные устьсысольские вечера, в окно мечутся «кутьи-войсы» — их белое царство! Я помню синие осенние сумерки и из сумерок оловянные глаза подпольного «быбули»!

Я помню красный июльский зной и из колосьев васильки «полезницы»! Я помню весенний прилет птиц и щелк «кикиморы»! — покойный все хотел приняться за какое-нибудь систематическое изучение, он мечтал овладеть всеми отраслями знания и, наконец, остановился на фотографии.

Сердце у него было доброе, улыбка насмешливая: посвистывает сквозь зубы и ухмыляется.

Мир праху твоему! Твой сломанный тяжелый револьвер, с ним ты не расставался, останется памятью о твоей незлобивости.

4
НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ МУКАЛОВ

— моряк, рыцарь и герой —

— Не хо-ро-шая тут жизнь! не хо-ро-шая!

Борис Викторович, расставляя буквы, долбил. Пообедав в кредит, шли мы за добычей: денег ни у кого не было, Павел Елисеевич сидел в тюрьме.

А был весна, и чего-то, как весной бывает, тянет. Самому поседливому не усидеть, а уж таким, как Савинков, вот он все и сердился.

— Борис Викторович, а когда придет революция, — я продолжал обеденный разговор, — и вы начнете вводить социалистический строй, куда вы меня денете? — и сам подумал: «в самом деле, куда меня сунуть с моим “не подо что”?»

Савинков не сразу ответил, потом вдруг перекосившись, насмешливо и твердо:

— В каталашку.

Мы шли молча.

«Но ведь вам без меня будет скучно!» — хотел я сказать и подумал: «в каталашку — это милость, ведь могло бы быть и покруче».

— И никогда не выпустите?

— — —

Мы подходили к часовому магазину Сегаль. Какой-то матрос с «Сухоны» остановил нас:

— Штурман помер! — сказал матрос.

— Какой штурман?

— Да Мукалов Николай Константинович.

— Не может быть!

Я не хотел верить — «Мукалов что-нибудь придумает и выручит!» — нет, это никак невозможно.

Я сдал Бориса Викторовича Мосе, брату Соломона, а сам скорее на Ивановскую.

И что же вы думаете — матрос оказался прав и последняя моя надежда рухнула! — покойный, как сидел, переписывал «Разрушенный мол», так с пером в руке и застыл. И мне оставалось только сказать надгробное слово:

«Мукалов! Геройский человек!
на твоей гордой голове торчали вихры,
а бородка твоя колышком, и ты
налетал ястребом. Тебя знала вся
Вологда и все любили. Вытащить из
Яренска в Вологду, без тебя не
обойдешься, или отыскать работу —
ты поможешь. Ты входил в самую
толкучку и выходил чистым. А как
тут не поссориться, когда каждый
считает правым только свою «правду»
и никого не хочет слушать. А к
начальству ты был беспощаден.
Помнишь, когда провожали Третьякову,
ты крикнул: «Наплюйте на них!»
И Булахов, жандармским нюхом
уловя смысл твоего крика,
громко заметил: «Еще интеллигенты!»
А вот № «Северного Края». Читаю:
какой-то неизвестный, катаясь на лодке
по Вологде, кувырнулся и стал тонуть
— «как вдруг, откуда ни возьмись,
киевский дворянин Николай Константинович
Мукалов...» Это ты появлялся вдруг
и спасал утопленников. Николай Константинович,
у меня нет денег, понимаете, и надо
во-что-бы-то-ни-стало —
— — —

И я остановился. Я понял, что это никак невозможно, и что все слова на ветер. Я сделал еще опыт: взял со стола спички и положил себе в карман, потом выпростал из его заколенелых пальцев ручку — ну, хоть бы что!

Раскрытое окно — весна! — по-весеннему зазывно свистели паровозы: кто-то счастливый уезжает.

Входит Вера Глебовна с Таней.

— Вот полюбуйтесь, — говорю, — обманул!

— Помер?!

— Нет, — погрозила пальчиком Таня, — нет.

5
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ
— философ —

(Мы жили так: наверху П. Е. Щеголев, а я во дворе — сдала мне Подосениха сторожку. А обедаем вместе.)

Одному в сторожке жить хорошо, только холодно. Печка топится жарко, а ветер в щели и под дверью; и пышет и знобь.

С полдня мело, к вечеру круть. И дверь не отворить; поутру разгребай лопатой! Закрыл я трубу. А ветер и там, трясет вьюжкой, гудит — — Я оканчивал перевод Леклера «К монистической гносеологии», собирался к Бердяеву — без него не обойдешься; много мудреных слов, философы иначе не могут —

— суппонировать — субсумировать — предицировать —

*

Иду — заблудился. А мне непременно надо к Бердяеву! Повернул назад. В лицо еще резче. Метель крутит. И черно: японская тушь и хлясть белым. Какие-то «женщины с моря», поравнявшись со мной: «Умер! умер!» — кричали. И голоса их сливались в метельную рыдь — «(Бер) — рдяев-рдяев!» И хоть бы где фонарь! «Все огни потушены давно!» — голос Павла Елисеевича (из Бодлэра). И опять: черные, вопя, пронеслись: «Умер! умер!» И вдруг все замолкло. Только из желобов робко падали капли, И глазам ясно: белый пушистый снег, и на пороге моей двери Гедда Габлер: «Николай Александрович внезапно скончался!» — «Ну вот еще! наверно Ремизов сочинил!» А Гедда Габлер тихо заплакала —

*

— суппонировать, — субсумировать — предицировать — — вижу темные локоны без всякой куафюры; глаза — по неостывшему асфальту солнечной рябью; смех — покойный смешно смеялся. И только раз, вступившись за одну из Гильд, он выбежал в мороз на улицу без шубы в одних перчатках и быстро махал своей увесистой японской палкой, норовя куда-ни-попало по «мерзавцу».

Есть такое в жизни: «как надо» (по другому «мещанство») — оно убивает всякую радость жизни. Я встречал так воспитанных людей — без всякого порыва и «безумия»! они проходят жизнь ровно (должно быть, и спокойно) — во-время встать, вовремя есть, ну все, «как надо»! за них не страшно, но какая скучища, одним своим видом — «трезвость, осторожность, расчет» — они вносят мертвую скуку! В покойном и намека не было на такое, вот уж кто всю жизнь прожил без всякого «как надо», и оттого с ним всегда было легко и этот его смех — «смешно смеялся».

Сколько народу он возьмет с собой в могилу! Ведь все эти «женщины с моря», все эти кричащие в метель, с отчаяния спешили за ядом в аптеку к Гальперину. И кто его заменит? Сам Луначарский не в силах затопить своим обильным красноречием разверзшиеся бездны: «бездну верха и бездну низа».

«Мир тебе! Пусть там за гробом — —»

Перекликались петухи. Скоро кончится ночь. Я заглянул в окно. А небо чистое! — звезды.

И вот, глядя на звездное небо, точно в первый раз увидя, я понял, что звездное небо — это то же, что наша земля, и оно для земли (и увы, для тех, кто поступает «как надо»!). Лучшее сравнение, пожалуй, звезд с семенем, а звездное поле — небесное поле. И вот уж никак не скажешь, что есть какой-то там «дух», нет, это зримое, почти осязаемое глазом — эти льющиеся блестящие сперматозоиды, носители жизни, это кровь в ее чистейшем виде.

«Николай Александрович, — вы слышите! — ей-Богу, я что-то не чувствую и никак не могу себе представить ни ангелов, никакой силы бесплотной там, ну, что хотите... и где хотите, только не на этих — нормальнейших, “как надо”, небесах!»

6
ИВАН АКИМОВИЧ НЕКЛЕПАЕВ

— автор многочисленных, не увидевших свет, исследований по земскому вопросу —

Такой законченности и цельности, ну, у кого ни возьмите, все будет не так, нет, это как вылитый от имени до голоса: «Иван Акимыч Неклепаев!» — весь добрый, мягкий, приятная улыбка, нежный голос и румянец («как свежее пирожное, забытое в витрине!»)

15 лет прожить в ссылке — в Великом Устюге и Вологде!

15 лет мечтать о Париже!

15 лет в осенние лунные ночи томиться у окна! (весенних на севере нет).

Ради Ивана Акимыча я переловил бы всех курских соловьев и в клетках перевез бы в Вологду на бульвар и в садик; ради Ивана Акимыча я посадил бы на каждом перекрестке музыкантов, и пусть бы в теплую погоду (иначе можно простудиться!) они играют задушевные мелодии...

Помню, у фотографа: все собрались сниматься, нет Ивана Акимыча. Ждем. Наконец явился: весь сияет — надушен одеколоном. («Иван Акимыч, какая жалость: на фотографии ведь этого не выйдет!»)

Еще мне вспоминается весенний вечер (накануне роковая ночь!) Я застал покойного за самоваром: он только что вернулся из бани и пил чай с малиновым вареньем. У него сидел гость — «другой боец погибший — Давыдов». И, вспоминая, Иван Акимыч улыбался и тужил, «что поздно так вкусил от зла».

Последние слова покойного:

— «В кои веки раз» — и — «по мере возможности».

7
ЗОЯ ВЛАДИМИРОВНА АЛЕКСАНДРОВА

— лестгафтичка —

Это было в тот год, когда Луначарский исписал всю бумагу Поди, а Павел Елисеевич не окончил и клочка чудом уцелевшей промокашки, а на запрос Академии Наук отвечал неопределенно: «шлите бумагу».

Это было в тот год, когда часто собирались собрания и говорилось помногу —

— а где-то далеко казнили человека —

Вологдою правил тот самый — что издал постановление, запрещающее ссыльным посещать пристани и вокзал. (Пристани и вокзал — сколько в них надежды! и ждать, хотя бы никого — большое развлечение!)

Вожди ковали друг на друга тугие ошейники, и каждый умилялся своей «правде» —

— а где-то далеко казнили человека —

Сказывали на пристани, будто Н. И. Малинин под руководством А. А. Богданова обсуждал с точки зрения экономического материализма «желательное» и «нежелательное» с теми, «кто говорить не может».

Жандармский Булахов и прокурор Слетов «веселились», забирая Зюковых и открывая гениальные «прятки» Поморцевых.

Все были довольны:

Борис Эдуардович сшил себе фрак,
Луначарский женился,
у Отто Христиановича обнаружилась
широкая русская натура,
Суворов и Малиновский по-прежнему стреляют в доску.

Осеннее утро. Сентябрь. Самая пора «нового лета». И хорошие заботы. И чего-то грустно. Но никаких снов. Все здесь, на этой земле, где самые свежие и крепкие цветы — пунцовые и бледно-фиолетовые астры, и под этим небом, где горят самые яркие звезды.

— Я влезу! — слышу за окном голос.

— Лезьте.

— Я влез.

В плаще, из которого торчали рыжие крепкие усы, в руке удочки, стоял передо мной Николай Михайлович Попов.

— Идемте, нас ждут! — сказал он глухо и пошевелил усами.

И я подумал: «быть беде, неспроста и плащ, и удочки!»

Мы вылезли через окно и шли по ясной улице (вчера был дождь) — свежо.

— Тут, входите! — также глухо сказал Ионов и пошевелил усами.

Спотыкаясь о калоши, мы спустились куда-то в подземелье.

Это был дом Киршина — «Колония» — но перегородки комнат были сняты. Длинная и узкая, как коридор, комната была полна народу. Сквозь дым я различил бороду Луначарского, но голос Бориса Викторовича: Савинков рассказывал о последних днях Балмашова.

— Рабочие должны быть жадны! — прорезал чей-то крик.

А из наступившей тишины зазвенело:

— Она умерла — она умерла — —

Малинин или Шербаков, не разбираю, говорит о высылке кого-то в Яренск и предлагает в виде протеста всем ехать в Яренск.

— В Яренск! в Яренск! в Яренск!

И сквозь крики, как колокольчик:

— Она умерла — она умерла — —

— — — — —

сами набьем мы патроны.
к ружьям привинтим штыки...

Три голоса затянули в унисон зловеще, и комната как запрыгала, и густой дым заволок лица.

— Вот она! — глухо сказал Ионов.

И я увидел: кровать, над кроватью Маркс, а под ним покойница. Я наклонился —

— Зоя Владимировна!!

И меня как отшвырнуло:

— Убирайтесь! — сказала толстым голосом покойница, — кажись, и раньше я вас осаживала!

Дядя Яша хлюпал.

А я полез в окно — —

И опять эта золотая осень! свежее утро переходило в ясный день.

8
ФЕДОР ИВАНОВИЧ ЩЕКОЛДИН

— старец —

«Подстрекоз!» — так окрестил смутьяна Федор Иванович Щеколдин, человек учительный и верховой.

С тем и пошло, и так привилось, что уж по фамилии его никто не звал, как ее и не было у него, а было всегда: «Подстрекоз!» Ну, а он ничего — посмеивается. И кто его знает, что эта улыбка его означала, только никогда не обижался.

Придешь к нему, сидит, бывало, носом в книгу: любил книгу — и за год комната его прибралась, что библиотека. Тоже и спросишь о чем, толково ответит. И бывали вечера, соберутся гости, и все по-путному, примется какую чудную историю рассказывать. А пройдет день и другой, и он такое тебе выкинет — и весь тут: «Подстрекоз!»

Был в Устьсысольске ссыльный Шведков с одним глазом — несчастный, глаза за работой лишился и при жене своей жил, вроде как помогал ей: если приходилось жене шитьем заниматься, машинку вертел! И такой, ну в чем душа, а вот по этой части хлебом не корми. У Подстрекоза, как известно, частенько и хозяйские, и соседние барышни, а Шведкову это на руку — ему, несчастному, около постоять, и то праздник! Вот он вечером под каким-нибудь предлогом, чаще всего будто за книжкой (Маркса изучал!), увильнет от жены и притащится к Подстрекозу. И войти-то войдет честь-честью, да только Подстрекозу-то все это известно и, хоть и в очках, а все заприметит, да как, бывало, свистнет подрушным (такие всегда водились из своих же), а уж те знают, да на Шведкова разом, да все с него срывом. И уж в чем мать родила при всем честном народе визжит несчастный, тычется и ловит — чтобы как-нибудь прикрыть, потеха!

Всем потеха, от хохота кикиморой трясутся.

Был еще один ссыльный Штык, такая фамилия Штык, в деле своем деловой, тихий и работящий человек, и затеял он на своем подневольном досуге заняться каким-нибудь научным предметом. (Все мы скуки-ради в ссылке для собственного развития за что-нибудь ученое принимались!) Вот Подстрекоз и взялся за Штыка, да вместо того, чтобы научить человека по-русски грамотно писать, (вот ей-Богу!) учил его по-итальянски. Штык несчастный из кожи лезет, старается, но и в русской грамоте нетвердый, взявшись за итальянскую, совсем с толку сбился. И как, бывало, примется со своим учителем Подстрекозом по-итальянски объясняться, со смеха живот надорвешь.

И много смеялись, провождая дни и вечера.

Да, Подстрекоз какую хочешь дурость над человеком сделать, не облизнется.

Тоже вот ссыльный студент Салакин, был такой у нас, большой спорщик или, как сам величал себя и выставлялся, «общественный человек»: дома у себя сам-друг с минуты не посидит, а как с утра, бывало, выйдет и до ночи по знакомым пропадает и все говорит — и как говорил! с одного, вот как! — не поспеешь слова ввернуть. И влюбился этот студент Салакин в устьвымьскую учительницу Налимову, ну, и все, слышно, сговорено у них было, и только ждут, дай срок кончится, и обвенчаются. Конечно, дело велось в большой тайне, да разве утаишь чего и особенно в таком деле — Подстрекозу все было известно. И случилось, поехал Салакин куда-то в Рязань к родителям в отпуск по особому разрешению (так не полагается!), пробыл там с месяц и благополучно назад вернулся. И дернула же его нелегкая чуть ли не с парохода прямо к Подстрекозу со своим разговором.

Слушает его Подстрекоз час и другой и третий, да всего не переслушаешь, а перебить — поди перебей! — да все-таки както изловчился да в передышку будто мимоходом:

«А слышали, — говорит, — Василий Васильевич, Налимова-то замуж вышла!»

Василий-то Василевич только глаза вытаращил — заплеснуло в голове, сказать ничего не может.

«Точно не знаю, — Подстрекоз облизнулся, — за Колесникова, кажется».

А уж того, ровно варом: телеграфист Колесников, действительно, приударял за учительницей!

«Окончательно?» — только и пролепетал несчастный, да живо за дверь, да бегом.

И с той поры — будет! — никаким разговором к Подстрекозу с разговором не затащишь: устьвымьская учительница, само собой, и не думала выходить замуж, а Салакин Подстрекозу поверил и чуть не рехнулся.

Да то ли еще! Много мы видывали, немало слышали, а больше того испытали: замутить, в грех втянуть человека Подстрекозу ничего не стоило!

Спутал с «наблюдающим»! Кормился такой наблюдающий при полиции забитый человек Фырин: должность его проверять нас, вроде сыскной, а дара сыщицкого не было отпуще-

но — проследит, бывало, за нами то, что «под дозволением», а проворонит такое — того и гляди, самого в шею прогонят. С этим-то Фыриным и началась всякая дурь и удаль. И уж сам исправник Сократ Дмитриевич кое-кому замечание сделал, а бесталанного сыщика самого под надзор.

*

А скучное было житье в Устьсысольске!

В других городах съедутся ссыльные и сейчас же друг против друга суды начнут: все развлечение! А у нас и такого не полагалось. И не потому, что некого — ну, того ж Подстрекоза! — да судная орава, что суды подымает, совсем перепутанная тем же Подстрекозом, сама завязла вот по-куда!

Сядешь у окна — печка натоплена жарко — пригреешься и смотришь — —

> В окно — снег, и, пока глаз хватает, снег — ровный да такой белый и лишь стороной по горизонту черный частокол — лес, а в лесу — медведи, а и сама Яга-Буроба свой собственный домик имеет на козьих ножках, на бараньих ножках: «там ей попить, там ей поесть, там ей на косточках поваляться!» Любо и ветру, у! выйдет, безрукий, по воле гуляет, крыши долой рвет.

Конечно, кто испоколенно трудится на этой промерзлой земле, тот так свою жизнь поведет, ему не до скуки. За работой нешто скучают! За работой — само дело! — и весело. А работу ты везде найдешь: и в аду найдешь, коли обживешься, а не то, что тут среди снегов и теми в большую зимнюю пору и кратких белых, как день, ночей с незакатным солнцем. Ну, а так — пришлому человеку, чужаку, ссыльному скучно.

Скучно — снег — пустынно.

Хорошо на возрасте лет в пустыне пожить: подумать. Да опять же без работы и в пустыне никак не справиться, и как пить дать, со спасительной-то «лествицы» вот-вот скувырнешься. Сами старцы, уходившие доброй волей в пустыню, прямо говорят, что в пустыне без работы жить невозможно:

«Там уныние находит, — говорят старцы про пустыню, — и печаль и тоска велика!»

А ведь наш возраст — и думать-то нам и раздумывать не о чем было: еще не было у нас в жизни ни «белого дня», ни «крас-

ного солнца», ни «блеклой луны», ни «частых звезд», ни «вещей полночи» — надо было добыть их! еще мы ничего в жизни не сделали! Дело нам делать надо б было, не покладая рук, силы свои «расточать», землю строить, людей смотреть да и себя не в дураках показывать.

И так худо — безвременно, да еще и дела никакого — совсем плохо.

И как осудить человека, коли другой раз не выдержишь, да и поддашься — на удочку Подстрекозу попадешь.

И скажу не в осуждение, эта дурацкая участь не миновала ни единого из нас: все мы, так или этак, а в каверзных и озорных его лапах побывали. И один только старейший из всех, Федор Иванович Щеколдин, человек учительный и верховой, стоял твердо и неприкосновенно.

*

У всякого грешки водились, ну, человеческие, а что касается Федора Ивановича, его ни в чем не попрекнешь. И потрудился он немало на своем веку, с народом на миру пожил: сам поучился и другого уму-разуму научил. И, живи он одиночно, был бы большой прок для него и в этом нашем «пустынном» житии: по спасительной-то лестнице исхитрился б куда подняться! и, трудясь, за год дошел бы до «рассмотрения дел и рассуждения». Да беда в том, что не одиночно он жил, а с нами — нас орава неприкаянных всегда на глазах у него: тот клянчит, другой жалуется, третий нюнит, пятый беснует, седьмой — Подстрекоз! Зрителем да бесчувственным наблюдателем он по совести не мог оставаться, вот и хороводился с нами. И за нашим назоем уж о своем-то ему подумать и часу не доставало, разве что в ночи.

За год ссылки снискал себе Федор Иванович всеобщее уважение. И сам Сократ Дмитриевич, если что надобно было — выходило ли какое распоряжение от губернатора либо по собственному какому своему наказу — вызовет, бывало, из всех одного только Щеколдина. А если стучалось какое недоразумение по нашим делам, шел к исправнику за всех ссыльных старостой Федор Иванович: всех нас отстаивая и выгораживая. И на почте имя Щеколдина стояло высоко и подпись его — да большим не удостоверишь! Писем получал он со всей России и сам часто писал, и по этим письмам почтмейстер Запудряев

доподлинно удостоверился, что Щеколдин человек правильный. Да кроме того, по собственному признанию Запудряева, Щеколдинские письма доставляли ему большое развлечение и «сердцу сладкую отраву».

*

Федор Иванович Щеколдин кореня костромского и речь его округлая.

И как станет, бывало, в красный угол под вербу —

«власы поджелты, брада Сергиева!»

«Эх, — подумаешь, — Федор Иванович! стоять бы тебе в старчестве, проводить житие в пустыне среди полей и лесов Богу на послушание, человекам в научение. А какие там цветы цветут, а какие колокольчики! Жить бы тебе в пустынной келье у березок — благословенных белых сестер!»

Федор Иванович в миру жил, с нами: хотел устроить нашу жизнь «*совестно*». С малых лет запала ему в душу от житий угодников и подвижников эта «*совестность*».

Федор Иванович и миру жил и, делая прямое и полезное дело, видимое и понятное на «сей день», и, как всякий из нас, ошибаясь и плутая в выборе средств устранить этот тягчайший «сей день», его беду, несправедливость и бессовестье, никогда не забывал заповеданное от пустыни — «*совестное*», хранил пустынный завет:

> «только через “*отречение*” и “*жертву*” человек подымается духом для совершения дел, направляющих нашу спутанную жизнь, не распутываемую домашними житейскими средствами — враждой и ложью!»

Так сам он мне однажды признался, когда я ему о пустыне — его любимых колокольчиках да березках, благословенных белых сестрах, свои мысли вслух говорил.

В заботах о нас проходила жизнь Федора Ивановича: ему хотелось собрать нас, беспастушных, растерявшихся в безвременной жизни среди печорской дебери обок с медведем да Ягой-Буробой.

И тут немало досаждал ему Подстрекоз.

Как-то на Святких, наткнувшись на озорное «обнажение» Шведкова и «на прочее содомское бесстудие», отряс он прах от ног своих и больше к Подстрекозу ни ногой.

*

Прошли Святки, прошла пора «золотого венца», понаехали на маслену самоеды с оленями да с оленюшками, и весной повеяло.

Как почернело вдруг небо над белой равниной — я никогда не видал такого черного неба и такого белого снега! — да как завоет в лесу — ой, не Яга ль Буроба; окрещу дверь и окно! — ударили в церкви по-великопостному, помянулось о Пасхе и все помирилось: скоро и Пасха!

И все семь недель поста прошли мирно.

Что-то не слыхать стало о подстрекозьих проделках («оплешничках», как говорил Федор Иванович), ни разу за весь пост не обнажали Шведкова, а таскался он по-прежнему языком почесать, и сам итальянский язык на время был оставлен, а несчастный Штык без итальянского понемножку пришел в себя.

Или и сам Подстрекоз не такой сделался?

Заглянешь к нему: сидит у окна, с белобокими сороками разговаривает — сорочьё у него под окнами так и прыгает!

Или и впрямь: и не только в Чистый понедельник, а и во весь пост бесу скучно?

В Великую субботу Федор Иванович загодя зашел к Подстрекозу уговориться вместе идти на заутреню в собор к Стефану Великопермскому.

Все на нем было по-праздничному и только не умудрился подстричься.

> В Устьсысольске ни цирульников, ни парикмахеров не водилось и, если бывала нужда, стриг городской Щекутеев: весь пост собирался Федор Иванович к Щекутееву, да что-то помешало.

— Позвольте, Федор Иванович, да я вам бородку поправлю! — у Подстрекоза так глаза и загорелись.

Другой бы раз Федор Иванович, может, и подумал бы: даваться ли? и не натворит ли Подстрекоз беды какой? — но тут, под Пасху...

— Так с боков разве немножко! — поглаживал Федор Иванович свою «Сергиеву браду».

И откуда-то в мановение ока появился одеколон, вата и пудра; а за пудрой и ножницы — большие «редакционные» для газетных вырезок, а маленькие — для ногтей.

Только бритвы не доставало.

— Ничего! — утешал Подстрекоз и, кажется, больше себя, чем Федора Ивановича, — ничего, я вам маленькими ножничками чище бритвы сделаю.

И еще что-то говорил так, несвязно как-то — и все чего-то поперхивался. Вдруг на минуту исчез. Не предайся Федор Иванович своему пасхальному умилению, тут бы вот и спохватиться! — время еще было. Ведь, что говорить, Подстрекоз выбегал не за чем-нибудь, а просто-на-просто тихонечко выхохотаться: мысль о стрижке — какую-такую бородку смастерит он Федору Ивановичу? — занялась неудержимой игрой.

Стенного зеркала не было, Устьсысольск не Париж, было маленькое стоячее, — его-то и поставил Подстрекоз на стол против Федора Ивановича. И хоть Федор Иванович никак себя поймать в зеркале не мог, а все-таки сидел перед зеркалом, вроде как по-настоящему. И все шло по-настоящему: подвязал ему Подстрекоз белое — белую занавеску, запихал под воротник ваты, щелкнул в воздухе редакционными ножницами — —

Был девятый час — в Соборе ударили к «Деяниям».

— Вот одну минуту! — и заработали ножницы.

«Хорошо бы поспеть к Деяниям!» — подумалось Федору Ивановичу.

— И к Деяниям успеем! — стрекотал Подстрекоз.

Работа кипела.

И под ножничный неугомонный стрекот кипели воспоминания.

Подстрекоз припоминал свою московскую Пасху и, мыслью ходя по стоглавым векам, заглядывал в церкви, церковки, монастыри и московские часовни.

— У нас в Кинешме, — сдунул волос Федор Иванович, — прочитают все Деяния до конца и начинается Полунощница. И после Канона, как унесут плащаницу в алтарь, станет до слез трепетно...

— — —

— Тогда игумен и с прочими священники и диаконы... — истово, как по-писанному, словами «Иовского служебника», выговаривал Подстрекоз под ножничный стрекот — —

> «тогда игуменъ и съ прочими священники и діаконы облачится во весь свѣтлѣйшій санъ, и раздаетъ игуменъ

свѣчи всей братіи. Параклисіархъ же вжигаетъ свѣчи и кандила вся церковная предъ святыми иконами, приготовитъ и угліе горящіе въ двоихъ сосудахъ помногу. И наполняютъ въ нихъ ѳиміама благовоннаго подовольну, да исполнится церковь вся благовонія. И ставятъ одинъ сосудъ посреди церкви прямо царскимъ дверямъ, другой же внутрь алтаря. И затворятъ церковныя врата — къ западу. И вземлетъ игуменъ кадило и честный крестъ, а прочая священницы и діаконы святое евангеліе и честныя иконы по чину ихъ, и исходятъ всѣ въ притворъ. И тогда ударяютъ напрасно въ канбанаріи и во вся древа и желѣзное и тяжкая камбаны, и клеплютъ довольно — —»

Подстрекоз забрал глубоко и из «Сергиевой брады» вытесывался помаленьку колышек под Луначарского.

«Выходятъ же сѣверными дверями, впереди несутъ два свѣтильника. И, войдя въ притворъ, покадитъ игуменъ братію всю и діакона, предносящему горящую лампаду. Братія же вся стоятъ со свѣчами — —»

Время быстро бежало — «Деяния» окончились — с щелком бегали ножницы: а еще только одна сторона бороды подчищалась, другая кустатая неровно.

«По окончаніи кажденія приходятъ пред великія врата церкви, и покадитъ игуменъ діакона, предстоящаго ему съ лампадою, и тогда діаконъ, взявъ кадило от руки агумена, покадить самого настоятеля. И снова игуменъ, держа въ рукѣ честный крестъ, возьметъ кадило и назнаменаеть великія враты церкви, затворенныя, кадиломъ крестообразно и свѣтильникомъ стоящимъ по обѣ стороны, и великогласно возгласить: "Слава святѣй единосущнѣей и животворящѣй нераздѣлимѣй Троице всегда и нынѣ и присно и во-вѣки вѣкомъ". И мы отвѣчаемъ: "Аминь". Начинаетъ по аминѣ велегласно съ діакономъ: "Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи, и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова!" — трижды. И мы поемъ трижды, «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся вразя Его». Мы же кь каждому стиху: "Христос воскресе" — трижды. И скажетъ высочайшимъ гласомъ: "Христос воскресъ изъ мертвыхъ смертію смерть наступи!" — и, крестомъ отворивъ двери, сту-

питъ въ церковь. И мы, поющіе за нимъ, подхватимъ: "И сущимъ во гробѣхъ животъ дарова!" И тогда ударяют напрасно во вся древа и желѣзная и тяжкая камбаны и клеплють довольно, — три часы!»

— «Три часы»! — протянул Федор Иванович за Подстрекозом, выговаривая московским «стоглавым» словом «Иовского служебника».

И как в ответ внезапно ударило — ударил из ночи пасхальный колокол и покатился — и катился разливной (вестница-туча!) над снегом, над лесом, над собственным домом Яги-Буробы, над медвежьей берлогой — и катился — колокол-за-колоколом — по сыпучим снегам за Печору к уральским железным воротам за Камень.

Федор Иванович поднялся.

— Федор Иванович! Федор Иванович, еще немножко!

Оставалось и вправду немножко: левая сторона совсем была готова, и только с правой все еще кустики грязнели.

— Кустики срезать, и делу конец. Сию минуту!

Федор Иванович опять уселся.

Но если и у настоящего парикмахера, где и бритва, и сам автострон действует, и то не одну папироску выкуришь, дожидаясь очереди, а ножницами — ножничками только с первого взгляда пустяки: отрежешь волосок, за ним другой, за этим третий — а ты попробуй-ка волосок за волоском, да и не как-нибудь, а начисто! да и свету такого нет, одна лампа — одна лампа не обманет темную пасхальную ночь.

Молчком трудился Подстрекоз.

Время бежало, минуты летели, как ветер — безрукий дед! Ветер — безрукий — разбуженный пасхальным звоном, летал за окном.

Ничего-ничего, еще успеем, — утешал самого себя Подстрекоз, — ризы долго меняют, у нас, у Николы-в-Толмачах сто раз батюшка на заутрене переменит!

Федор Иванович сидел под ножницами — на себя не похож.

— Ничего-ничего, — утешал его Подстрекоз Златоустом:

— «кто пропуститъ и девятый час, да приступитъ, ничто же сумняся, ничто же боясь, и кто попадетъ лишь въ одиннадцатый часъ, да не устрашится замедленія: велика Господня любовь! Онъ пріемлетъ послѣдняго, как и перваго!»

Федор Иванович сидел — на себя не похож: ус его необыкновенно тонкий и длинный и, если не поднять кверху, что-то вроде Луначарского получается, а поднимешь — Мефистофель.

И уж когда зазвонили к обедне (заутреню пропустили!), Подстрекоз наконец-то отвязал белую занавеску, прошелся пуховкой по подбородку, сдунул с лица волос и так навел зеркало, чтоб можно было посмотреться — —

— Что это? — Федор Иванович безнадежно потянул себя за бородку, — не понимаю!

— Колышек.

— Ко-колышек! — и безнадежно махал головою.

И пришлось усы кверху поддернуть — пусть уж лучше Мефистофель! Подстрекоз ему и закрутил их, на кончиках тоненькие — мышиный хвостик.

И вышли на волю: Подстрекоз и «Мефистофель».

В соборе Стефана Великопермского звонили к обедне.

Хлопьями летел снег, несло и мело. И в крещенской крути со звоном, с железом и тяжким камбаном выла метель отчаянно — —

«Федор Ива-ныч! Федор Ива-ныч!»

9
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ДЕРЯГИН
— агитатор —

Дом Пятновой особняком прямо под ветром на берегу Сысолы: живет Дерягин.

Зимой без огня зря не шатайся: вон намедни в бани волк затесался! А ветер свистит, освистывает дом, выворачивает с реки белые широкие полосы — белые лыжи, подымает столбом и, закалив в поднебесной стуже, пускает вьюжным гребнем на землю и ледяными зубьями расчесывает белую землю — до пара, до синей плеши. Солнце такое красное после долгих сумерек выходит на масленицу из морозного дыма, как из жаркой бани, и наступает весна. Пройдет лед, зацветет берег, заалеет остров и раскинется медная ночь: медный свет все обнажит, выест всякую тень и чего только не ска-

жется в этой медной ночи! Весну сменит комариное знойное лето, а за кратким летом ясная осень. Краснеет брусника, тешится Леший последние дни. «Колесом дорога!» закричат ребятишки, провожая гусей. Ну, кричи-не-кричи, не остановятся, зимы не задержать. Ночь обтычется звездами, постелится млечный путь, затрясет ветер голые ветви — —

Налево пойдешь — много верст — один снег. Направо пойдешь — много верст — один снег.

*

Дверь Дерягину отворил Козел.

Козел черный — в валенках.

Дерягин, протирая очки; весь в снегу:

— Там такое творится...

— А я вас тут давно поджидаю, Андрей Петрович, думаю: и куда это могло занести в такую пору? Почта пришла! Перечитал все газеты. Мне, сами знаете, все пригодится.

Козел — наборщик: читает газеты, как печатник, критикует шрифт, набор.

Дерягин поставил самовар, приготовил к чаю и уселся к столу за газеты: почта приходит не всякий день, а за метелью еще и задерживается, газеты — праздник!

Козел тараторил — —

Козла не любили: слоняясь из дома в дом, он рассказывал одну и ту же историю о своей тюремной жизни и что поделывают другие товарищи.

— Я вам скажу, Андрей Петрович, по истинной правде: все они, с позволения сказать, свиньи. И чем заняты? Им бы только пьянствовать. Кирилл с Феклой чем свет за драку. Казаков шашни завел, удавиться собирался. К жене девочка помогать ходит, рассказывала, сама видела. Подумайте, Андрей Петрович! пошел Казаков в сарай, снял с себя помочи, да на помочах прилаживается. Хорошо еще во время прихватили. Тоже кампанию водят, нечего сказать, хорошая: телеграфисты, писаря... А я, как старший, я не могу слова сказать? Больно видеть, Андрей Петрович, я в тюрьме двадцать два месяца высидел!

Правда, другие ссыльные были в лучших условиях. У Козла не было работы и не могло быть: какие тут ти-

> пографии! Слесаря и сапожники скорее могли найти, впрочем, заказы бывали так незначительны, возиться с мелочами охоты нет, грошовые починки под стать мальчишке, но никак не мастеру. И мастера сидели, сложа руки. Ну, и бывал грех. Трезвый Козел все это принимает к сердцу, да еще и непочтительность...

— А интеллигенты! Бирюков знать никого не хочет, вы его и дома никогда не застанете! Тоже и Ревякина... Да нешто можно так: я, как рабочий человек, и потому, значит, толпа. Да какая же я толпа, сами посудите? – Козел петушком прошелся по комнате, — раз я толпа, я, значит, все: и дурак, и негодяй, и скотина. Жене тоже за кофточку второй месяц не платит.

— А не скоро нам отсюда! — говорит Дерягин через газету.

— Мне, как агитатору, – жеманится Козел, – сами знаете, Андрей Петрович.

Закипел самовар.

*

Дерягин собирался занять новогодний вечер чтением: он прочитает рассказ Глеба Успенского «Выпрямила» или, по Козлу, «Выпрямляй». Он напомнит товарищам о их прошлой жизни, такой непохожей на эту — с пересудами и ссорой, он разбудит мысли — те, что беспокоили их и двигали —

> «и разве они не правы? разве их борьба не сама правда? Они хотели жить лучше – кто же не хочет жить лучше? Они верили: добьются своего, победят “старый мир” и построят “новый”. “Старый мир” – беда и несправедливость; “новый” – рай на земле! И не от одного же отчаяния обрекали они себя на тюрьму и даже смерть».

Дерягин читал — — и ему казалось, словами рассказа он передает свою заветную мысль:

«Жертвой – человеческим страданием – будет побежден “старый мир” с его бедой и несправедливостью и тем законом жизни, по которому ты обречен на смерть, и настанет “новый мир” своевольный – рай на земле!»

— — —

Сапожник Казаков не громко, но внятно Козлу:

— — был у нас один сапожник Флотов, колбасу любил до страсти. «Что ты думаешь, спросили его, о рае, как ты его себе

представляешь?» И Флотов, ухмыляясь, ответил: «Рай? это вроде повсеместной немецкой колбасной: ешь, нюхай и висит».

Козел, прищелкнув языком:

— — в колбасных ловко пахнет!

— — а еще был у нас такой Лаврун: хоть что хочешь сделает над собой, смерть ему не страшна! Зашел у нас спор: кто в какой храбрости отважный? Он и говорит: «Хотите я вам сейчас нагишом в муравейник сяду и, не пикнув, высижу четверть часа?» «Ан, не сядешь!» «Ан, сяду!» Отчаянный! Лес-то у нас рукой подать. Отправились на маевку. Нашли муравьиную кочку. И он себе так и плюхнулся в кочку, как в кресло. И они его, как есть, всего выели, сам я после осматривал...

Шорник Лупин с другого конца:

— — муравей не бумажка!

Кто-то громко захохотал.

А Дерягин продолжал чтение, ничего не видя и не замечая, что творилось в комнате.

*

Комната набивалась гостями: это уж не свои, а с хозяйской — пятновские гости; дверь была не заперта, какой-то один зашел полюбопытствовать, а за ним другой, так и набралось. От тесноты, должно быть, и хоть не кричали, а чтения что-то не слышно.

По книжным полкам и потолку лез табачный дым и чадно спускался окурками. Чьи-то руки без туловища висели из дыма над столом: слипались и разлипались — лампа мигала. И чья-то нога, опять же самостоятельно, лебезя, ходила прямо на тебя — вот скувырнет книгу.

— Скажите, пожалуйста, как вас зовут, милостивый государь?

Дерягин, не обращая внимания, читал изо-всех!

— Я вас где-то встречал, милостивый государь!

— Вы господин Дерягин, позвольте с вами познакомиться: я — Пундик.

Книга упала под стол.

— Я ничего не понимаю.

— А я все понимаю: я — Пундик паспортист, и все ерунда.

Дерягин оторопел.

— Вы, как хозяин, эту ночь веселей.... проведемте друзья.

— Ура! ура!

Должно быть, пробила полночь — наступил новый год: булькало, хлопало, пузырило, чокались.

Руки без туловища ловили Дерягина и, захватя, тащили в разные стороны.

— Обязательно, как хозяина, с новым годом!

— Андрей Петрович! А, Андрей Петрович! мое приобретение: сам-коптил-сам-солил...

— Яичка-с-яичка-с!

— Колбасики, а, Андрей Петрович! сам-коптил-сам-солил...

Может, нам продолжать чтение?

— — —

— «Во пиру была — во беседушке!» — завизжал старушечий пьяный голос самой Пятаковой: она не ходила, а сигала посреди комнаты, размахивала сулеей.

Пятнова наплясывала прямо на Дерягина, как та нога без туловища, и вот зацепила незанятой левой рукой, и, проливая водку, полезла целоваться. Дерягин не сопротивлялся. Но ей мало показалось: она хотела еще и еще — липкий, беззубый ее рот тыкался в губы — она старалась прикусить их и подержаться, а лягушачий, ошпаренный водкой язык норовил послаще всунуться.

— Ай-да бабка!

— Андрюшенька! а-Андрюшенька, ух! хвостом пройдусь-сверлит-тело-прыгает, ух, да-во-пиру-была-во-беседушке!

— Андрей Петрович! А, Андрей Петрович! сам коптил-сам-солил... варененькой-копчененькой колбасики немецкой!

— Я вас обидел, раз-дра-жил? Я, можно сказать... мы ... пришел без позволения чтение послушать, как какие-нибудь свиньи-нахалы и тому подобное.

— Ну что ж, что старуха!

— Я стыда не знаю, с какой стати Богу молиться? Я — старуха?!

И, пожимая плечом, Пятнова опять зацепила Дерягина и молодецки чижиком закружилась с ним по комнате: Дерягин старался поспевать за ней, подпрыгивал мячиком — очки запотели, ничего не разберешь, только рот, сжимающийся, как резинка, летает в глазах красный, ошпаренный водкой, беззубый.

— Али скачет-али пляшет-али прыгает, пойдем, Андрюшенька в баню, уж-пойдем-со-мною-в-баню!

И не выдержала старая нога — со всего размаху грохнулась Пятнова, а на нее Дерягин — и из кокнувшейся сулеи, брызнув, полилась водка по полу.

— Я вас обидел, можно сказать, безобразный труп ужасный, я раз-дра-жил?

Откуда-то взялась веревка: стали веревкой скручивать Пятнову.

— Сволочь! целую бутылку!

Завязывали крепко коленкой узел.

— Охо-хо, перепелястый черт! — стонала несчастная.

Очков на Дерягине не было.

— — —

Накинув плащ
с гитарой под полою...

— — —

И один визгливый взял вразрез всем голосам, мутя и душа.

Пятнова, со связанными ногами, ползала по полу на цепких руках и плакала. А под гармонью Козел в валенках семенил от печки до полки, залихватски заводя ногу за ногу. А перед Козлом скакала Фекла, высоко задирая свою вязанную кофту и так скалила зубы, будто кусать сейчас кинется — шерстяные серые паголинки на ее толстых ногах расшвыривали колбасу. В кучке у полки с книгами, разместившись поудобнее, тишком кусали пупок упившемуся Лунину — «для вытрезвления». Руки без туловища тащили Дерягина —

— Вы, можно сказать, как хозяин, с новым годом!

— Я — Пундик! — икал Пундик, — я все понимаю, я — Пундик.

— Сам-коптил-сам-солил, мое приобретение...

Накинув плащ
с гитарой под полою...

И под визг, топотню и выкрики хряснула гармонья: длинный с рыжей бородой навалился всей грудью и вот не выдержала. Гаврилов ударил рыжего по голове. И тоненько заревел рыжий жалобно:

— Хочешь, я тебе всю рожу раскрою?

— Я Пундик! — икал Пундик, и, проливая рюмку, жаловался, что он все понимает и что нет для него ничего непонятного в мире, — я — Пундик!

Захмелевшая барышня, мерно ударяя кулаком по столу, растроганно объясняла полицейскому писарю с крысьими усиками, что жить ей тут невозможно.

— И пущусь я в путь-дорогу прямо в-Астралию!

— Яичка-с, яичка-с — равнодушно отзывался писарь. Кирилл и Фекла, стоя на четвереньках друг против друга, упрекали друг друга. Пятнова со связанными ногами ползала по полу на цепких руках и плакала. А за ней Козел, вообразив себя связанным, ползал в валенках, через силу.

И вот какой-то Подстрекоз взял перечницу и, как та нога (самостоятельно), пошел прямо на тебя и перчил едким перцем; куда ни попало, всех, все. И хоть бы каплю холодной воды — один глоток — —!

*

Звонили к ранней обедне. По хлевам скот договаривал свой ночной новогодний разговор по-человечьему. (Под новый год скот разговаривает по-человечьему!). Метельный, как метельною прошла ночь, вставал новогодний день и торопился — чтобы прибавиться на «курячий шаг». А не скоро нам отсюда!

«Я, ПОСЛЕДНИЙ КНИГОПИСЕЦ...»:

Россия сквозь грани письмен Алексея Ремизова

Ранние прозаические произведения Алексея Ремизова были ориентированы на стиль европейского символизма. Наиболее сильным было влияние на молодого писателя творческой манеры Ст. Пшибышевского и М. Метерлинка. В годы вологодской ссылки, при посредстве П. Е. Щеголева, Ремизов открыл для себя мир древнерусских апокрифов. Это было знакомство с печатными текстами памятников, опубликованных медиевистами. Отреченные сказания, известные и даже знаменитые в узкой научной среде, но неведомые обычному читателю, были восприняты Ремизовым как источник новых сюжетов художественной прозы. Однако в это время он не ставил перед собой специальной задачи усвоения их языковых особенностей для формирования своего литературного стиля. Ремизовский сборник «Лимонарь» (1907), во многом, был произведением, стилистически родственным творениям русских символистов. Возможно, именно в связи с этим, когда в 1908 г. «Лимонарь» вместе с книгой «Посолонь», по предложению академика А. А. Шахматова, был предложен автором на соискание Пушкинской премии Императорской Академии наук, сборник был отвергнут рецензентом — почетным академиком Д. Н. Овсянико-Куликовским, негативно относившимся к новейшим течениям в литературе. В своем отзыве мэтр с полемическим пылом отмечал: «Кому это нужно? Кому это может быть интересно? О художественности и поэтичности тут не может быть речи. Тут одна лишь так называемая “стилизация”, в результате которой получается неприятная смесь простонародности с модернизмом. <...> “Лимонарь сиречь Луг Духовный” представляет собой опыт подобной же “стилизации” ста-

ринных мистерий ("вертеп"), и сказаний апокрифического характера. Изложены эти темы манерно и запутано» [1].

Следующий значительный этап в формировании стилевой индивидуальности Ремизова связан с 1910—1912 гг. — временем обучения жены писателя — выпускницы словесно-исторического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов С. П. Ремизовой-Довгелло в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте. Он был учрежден для лиц с высшим образованием с целью подготовки «специалистов по русской старине, для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных» [2]. С. П. Ремизова выбрала своей специальностью «русскую палеографию» и была ученицей профессора И. А. Шляпкина. Изучение избранного ею предмета подразумевало: «1) Знакомство с вопросом о возникновении славянской письменности и распространении ее в разных славянских землях, равно и с вопросом о происхождении славянских букв. 2) Умение бегло читать уставные и полууставные почерки и разбирать глаголические тексты. 3) Умение переводить нетрудные тексты на древнеславянских наречиях. 4) Знакомство с церковнославянской грамматикой, насколько это необходимо, как для точного понимания текстов, так и для уяснения отличительных особенностей орфографии (языка) древних памятников собственно церковнославянских, сербских, среднеболгарских и русских. 5) Знакомство с древнейшими типами кириллицы и их изменениями в последующие эпохи у разных славян (до XV в.). 6) Знакомство с важнейшими типами глаголического письма. 7) Уменье на основании данных языка и особенностей письма определять эпоху и место написания рукописей» [3]. Занятия С. П. Ремизовой-Довгелло шли в русле литературных интересов Ремизова, который фактиче-

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 86. Подробнее см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук // *РЛ.* 2014. № 3. С. 185—196.

[2] Об открытии в С.-Петербурге Археологического института. СПб., 1877. С. 12.

[3] Экзаменационные требования гг. профессоров к слушателям Императорского С.-Петербургского Археологического Института с указанием пособий для подготовки к экзаменам. СПб., 1907. С. 4.

ски вместе с ней проходил обучение по специальности «русская палеография».

В созданном после смерти Серафимы Павловны, в 1945—1948 гг. многотомном рукописном мемориале ее памяти Ремизов воспроизвел и прокомментировал ее институтский диплом:

«"АТТЕСТАТ
Императорского Археологического Института
14 V 1912

Императорский Спб. Археологический Институт удостоверяет, что *Серафима Павловна Ремизова*[1], поступив в 1909 году в число слушателей Императорского Археологического Института, выслушав курс наук: первобытную и христианскую археологию, юридические древности, славяно-русскую палеографию, историческую географию и этнографию России, нумизматику, дипломатику, архивоведение и археографию и по испытании в названных науках признан <sic! — *А. Г.*> достойным звания действительного члена Императорского Археологического Института, в удостоверение чего дан этот аттестат за надлежащими подписями и с приложением печати Института. С. Петербург 1912 года, мая 14-го дня.

Директор Императорского Археологического Института Н. Покровский

Члены Совета Института: Н. Каринский, Н. Веселовский, Н. Лихачев, Вал. Майков, И. Шляпкин, С. Гольдштейн, С. Середонин, С. Платонов, А. Марков.

Секретарь Института С. Розанов

№ 154

(Рисовал Слуш<атель> II Курса П. Красновский [— Ну и дурак! — *А. Р.*][2])"

(Душой Института, он же и создатель, был Николай Васильевич Покровский. На Пасхальную заутреню мы бывали в Александро-Невской Лавре в Академической церкви и там всегда подходили к Покровскому похристосоваться: он сиял весь от умиления. А помер в Революцию, в самом начале.

---

[1] Фамилия, имя, отчество выпускника списаны в универсальный каллиграфический текст Аттестата.

[2] В квадратных скобках комментарий Ремизова к тексту в круглых скобках.

Однажды я видел Николая Павловича Лихачева, не помню где, он мне показался таким крепким, как гвоздь-костыль. Николая Михайловича Середонина раз встретили на музыке в Павловском вокзале, С. П. меня познакомила с ним, на нем было пальто с оборванной пуговицей, совсем не был похож на профессора, а скорее под конторщика в будний день.

Между прочим, С. П. рассказывала, как надо быть осторожным на экзамене: древности — спорный предмет: напр<имер>, тьмутараканский камень — Шляпкин утверждает, что подделка, а Каринский, что камень — подлинный. Надо это иметь в виду, чтобы не ляпнуть Каринскому Шляпкина и наоборот.

Для изучения палеографии С. П. пользовалась двумя книгами: Соболевским и Карским. И потом в Ecole des langues orientales в Париже она будет пользоваться ими для своих лекций.

Алексей Иванович Соболевский
1856—1929

А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Лекции. СПб., 1908. Изд. 2

Пока здесь, в Париже, достала С. П. себе эти лекции, ей пришлось переписать всю книгу. Рукопись ее храню: мало ли, пропадут все книги, а рукопись останется, кому она нужна, разве огню.

Евфимий Федорович Карский
1860—1931

Е. Ф. Карский. Палеография.
Е. Ф. Карский. Образцы славянского кириллического письма X—XVIII в., Вар<шава>. 1902. Изд. 2»[1].

Еще в середине 1910-х гг. писатель указывал, что именно супруга была его главным учителем в области чтения древнерусских рукописей: «Премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязи, юсам и аористам научила меня ученица покойного профессора Илии Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло,

[1] Дневниковые и прочие записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга III // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 289. Л. 36—37.

действительный член санкт-петербургского археологического института»[1]. Для Ремизова его «заочные» занятия имели ряд значимых следствий.

Как каллиграф, он получил возможность изучить и впоследствии использовать все многообразие древнерусских типов письма. Как художник, Ремизов аккумулировал в свои рисунки некоторые принципы древнерусской миниатюры и иконописи. Знание глаголической азбуки дало ему возможность овладеть своего рода «тайнописью», что добавляло в его облик новые грани столь излюбленной в эпоху Серебряного века неординарности, принадлежности к ордену «избранных».

Во время учения Серафимы Павловны Ремизов познакомился с рядом людей, оказавших серьезное влияние на дальнейшее развитие его интереса к старорусским древностям. Это, прежде всего, был ее наставник — известный ученый-медиевист и собиратель древностей И. А. Шляпкин. Знакомство и контакты с ним существенно дополнили «заочное» палеографическое образование Ремизова. Примечательно, что еще в самом начале их знакомства Шляпкин стал прототипом героя ремизовского рассказа «Глаголица» (1911)[2]. В эти же годы, через посредство М. М. Пришвина, писатель познакомился и подружился с еще одним учеником Археологического института — юристом по первому образованию, архивистом, знатоком и коллекционером древностей И. А. Рязановским[3].

Но главным результатом полученного образования для Ремизова-писателя была открывшаяся возможность *чтения и многоплановой художественной аккомодации рукописей*, в первую очередь, древнерусских, но также относящихся и к последующим векам развития русской истории. Отныне в своей литературной работе, в частности, в выборе источников, он не был ограничен рамками только опубликованных материалов. Литератор получил в свои руки «ключ», с помощью которого он мог отворять врата, отделяющие современность от истории, поднимать завесу и читать записанные (а, значит, способные вновь

---

[1] *Ремизов А.* Россия в письменах. Т. I. М.; Берлин, 1922. С. 14. Далее цитируется в тексте *Россия в письменах* с указанием тома и страницы.

[2] *Ремизов А.* Глаголица // Речь. 1911. 25 дек. № 354. С. 2—3.

[3] См. подробнее о контактах Ремизова и Рязановского: *Зга-Росток XI.* С. 612—617.

зазвучать) голоса живших в былые эпохи. Ремизов начал воспринимать опубликованные и рукописные письменные памятники не только как источники сюжетов, но и как «звучащую историю», состоящую из призывов, молений, шепотов или криков давно ушедших людей, при помощи писателя переставших «немотствовать». Их речь, зазвучавшая со страниц сохранившихся документов, стала неистощимым фундаментом для обогащения языка писателя и формирования его литературного стиля. Возможно, именно отсюда проистекает установка ремизовских произведений на сказовое многоголосье — полифонию текста.

В это время у Ремизова возник замысел начать работу по созданию произведений новаторской художественной структуры. В них авторский текст монтажно соединялся с публикуемым текстом-источником, который относился к тому или иному виду документальной (эпистолярной, деловой) прозы или, наконец, был просто надписью на том или ином объекте материальной культуры.

Летом (9—31 июля) 1912 г.[1] Ремизов гостил в с. Бобровка Тверской губернии, в имении А. А. Рачинской, где он не только работал над повестью «Пятая язва», но и интенсивно копировал письма из обширного семейного архива Рачинских. Значительная архивная база, которая в результате оказалась в распоряжении писателя, была дополнена той информационной и эмоциональной поддержкой, которую Ремизов получил во время недельного пребывания в гостях у И. А. Рязановского (10—20 августа[2]). Позднее он вспоминал: «За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а прямо сказать, выварился в книгах. В эти незабываемые дни не могло быть и речи заснуть. Сам бессонный хозяин подымал меня ни свет, ни заря, да и посередине ночи, вдруг вспомнив о каком-нибудь замечательном первом издании или рукописной, мне очень полезной книге, он входил ко мне со свечой по-ночному в халате <...> Уткнувшись в книгу и уже забыв обо мне, он вычитывал восхищавшие его строки или, оглядывая книгу через двойные очки,

[1] См.: *Ремизов А. М.* Адреса его и маршруты поездок // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 15.

[2] Там же.

принимался рассказывать историю ее, припоминая мелочи покупки и о собственнике-предшественнике и тоже книжнике. За семь дней и семь ночей я узнал о книге не как о библиотечном явлении, но о книге в ее сущности, о книге в “себе самой”, и понял, что такое книжник в царстве своих книг. Ведь не будь Александры Петровны <жены Рязановского. — *А. Г.*>, он и о еде не вспомнил бы, да и я просидел бы голодом. Только мне было все равно: я сам весь был в книге» (*Иверень-РК VIII*. С. 133).

Начав публиковать тексты новаторского жанра (их очень условно можно называть «рассказами»), Ремизов изначально манифестировал, что это части задуманного целого (цикла, книги)[1]. Первые четыре публикации из подборки, озаглавленной «Россия в письмах» («Паришъ въ рукахъ нашыхъ!», «Шишачки», «Жичливая жена», «Книжечка рукописная») вышли из печати в 1913 г. После начала Первой мировой войны состав источников задуманного труда изменился. Кроме документов былых времен, Ремизов стал включать в «Россию в письмах» рассказы, основанные на современных текстах, в частности, на солдатских письмах. Это были ускользающие «мелочи» повседневности, которые мгновенно становились достоянием истории (см., например, рассказ «Россия в письмах: «Фомилия не надо»)[2].

Ремизовские намерения издать книгу «Россия в письмах» на рубеже 1916—1917 гг. окончились неудачей[3]. При отсутствии сохранившихся архивных материалов сложно говорить о том, что конкретно представляла собой «Россия в письмах», подготовленная к изданию в конце 1916 г. Однако анализ текстов, которые по времени своего создания могли быть в нее включены, позволяет сделать некоторые предположения.

В книгу конца 1916 г. входили бы тексты, дававшие возможность вспомнить знаменитые события, связанные, к примеру, со славой русского оружия (взятие русскими войсками Парижа в 1814 г. или Очакова — в 1788 г.), события, увиденные глазами

---

[1] См.: *Edward Manouelian*. From Pis'ma to Pis'mena: Ideological and Journalistic Contexts of Remizov's Documentary Project // The Russian Review. 1996. January. Vol. 55. P. 1—20.

[2] Отечество. 1914. № 7. С. 126—128.

[3] О попытках издания книги подробнее см. с. 754–757 наст. тома.

их рядовых участников, чьи имена не упоминались в исторических сочинениях и справочниках. Также в составе книги должны были присутствовать тексты, восстанавливающие черты «истории повседневности», уцелевшей благодаря ее фиксации в семейной переписке, в разного рода деловых бумагах и в надписях на предметах бытового обихода.

Еще после Первой русской революции Ремизов пришел к убеждению, что только в результате «эволюции», а не «революции» Россия может продолжить движение по своему телеологически предопределенному историческому пути. Замысел «России в письмах» как писательского проекта изначально заключался в том, чтобы предложить читателю своеобразную интеллектуальную «игру» (квест) — постараться самому сложить воедино публикуемые «обрывышки», «иверни» (осколки) документов разных эпох и на основе этой «мозаики» увидеть внутреннюю логику развития русской истории.

После краха попытки издать «Россию в письмах» в периодической печати революционных лет, главным образом, в левоэсеровской прессе, продолжали публиковаться рассказы под общим заголовком «Россия в письмах», а затем — «Россия в письменах». Вероятно, часть их была извлечена литератором из наборной рукописи так и не увидевшей свет книги, а другую часть составляли вновь написанные тексты. Но только в 1922 г., в Берлине, Ремизов смог выпустить книгу под названием, возникшим уже в годы революции, — «Россия в письменах».

В этой книге нашли отражение историософские взгляды писателя, пережившего разные этапы Второй русской революции, не только Февраль, но и Октябрь 1917 г., а также прошедшего испытание «Опытом», — так позднее былой студент-естественник называл годы «военного коммунизма».

Писатель не принял Февральскую революцию и Октябрьский переворот. В творчестве и публицистике тех лет он неоднократно проводил параллели между современностью и событиями русской Смуты начала XVII в. Началом новой «Смуты» он называл события марта 1917 г., Петроград именовал «Тушинским лагерем», лидера большевиков В. И. Ленина — «Болотниковым». На страницах книги 1922 г. представала история России, чей исторический образ был дополнен ликом «взвихренной Руси».

Целый ряд текстов, публиковавшихся в 1913—1916 гг. под общим заголовком «Россия в письмах», в «Россию в письменах» включены не были. Также за рамками издания 1922 г. остались рассказы, основанные на документах периода Первой мировой войны. Подобная трансформация состава и структуры книги отражала изменившуюся авторскую концепцию.

Бóльшая часть книги была составлена из рассказов, написанных в 1917—1918 гг. и тогда же опубликованных в антибольшевистской прессе. Их печатание прекратилось в начале 1919 г., после закрытия большевиками оппозиционных изданий. До этого момента ремизовские исторические миниатюры, казалось бы, далекие от современности, появлялись в газетах в едином контексте с сообщениями о расстрелах невинных заложников; об убийствах священников и поругании храмов; о разграблении усадеб и особняков, хранивших художественные коллекции; о нарастающем в стране голоде и ужасах Гражданской войны. Все это придавало рассказам о «пустяках» давней истории остроактуальный смысл, а также делало их своеобразной формой полемики с существующей властью.

По художественной структуре рассказы «России в письменах» можно разделить на несколько типов. Одни из них имеют изначально выработанную, достаточно жесткую композицию, в которой авторский текст (предисловие) предваряет, а иногда, если имеется еще и послесловие, то и замыкает публикуемый документ. К этой категории относятся как ранее опубликованные рассказы («Каменные пруды», «Очаков», «Грамотка», «Столбец», «Книжечка рукописная» и др.), так и созданные в годы революции («Печь», «Полиция», «Сундук», «Академия», «Цыфры» и др.). Если первые публикации текстов из задуманной литератором серии являли собой примеры по-академически бесстрастных изданий памятников прошлого, сопровождаемых беллетризованным комментарием, то тексты, созданные после 1917 г., имели имманентную соотнесенность с современностью. Таков, например, рассказ «Покормяжная. Голодное». Его документальная основа — грамотка XVIII в., выданная начальством Троице-Сергиевой Лавры монастырскому крестьянину, чтобы тот мог легально уйти «подкормиться». Рассказ, напечатанный в апреле 1918 г., воспринимался читателями злободневно в контексте реалий тогдашней петроградской жизни:

царившего в бывшей имперской столице голода, поездок горожан в деревню «за хлебом», для легализации которых надо было иметь «мандат», подтверждающий свободу передвижения. В рассказе «Цыфры» (1918) публиковался отрывок из, казалось бы, допотопного нумерологического сочинения начала XIX в. «Нечто о рождении и о царствовании и о кончине Императора Александра Павловича...». Документ (и, одновременно, текст миниатюры) заканчивался фразой: «– Ужасная ночь –» (*Россия в письменах-I.* С. 195). «Проницательный читатель» легко мог мысленно сопоставить данную фразу об обстоятельствах смерти императора Александра Первом с событиями ночи с 16 на 17 июля 1918 г., когда свершилась судьба другого императора – Николая Второго. Возможно, подобная злободневность и способствовала тому, что рассказ «Цифры» был опубликован только в составе берлинской книги, т. е. уже за пределами Совдепии.

К другому типу относятся рассказы, в которых предисловие и послесловие перестают выполнять служебную функцию «обрамления» документа. В совокупности они образуют единый текст основного повествования, в которое публикуемый источник входит как вставной элемент. Так, в рассказе «Патерик» (1918) старинная книга – это, фактически, только повод для развития сюжета о старом дворцовом лакее Иване Петровиче. Воспоминания героя об императорах Александре Втором и Александре Третьем дают возможность опять-таки непосредственно соотнести события века минувшего и века нынешнего: «Царь Александр III <...> был царь, а все далеко до Александра II батюшки. Тот был царь настоящий и последний. Они знали, кого убить. <...> Какие ваши убеждения, не знаю, <...>, а только настоящего свергнуть нельзя. Убить можно» (*Россия в письменах-I.* С. 49).

И, наконец, в книгу включены несколько «классических» нарративов, имеющих фабулу и последовательно разворачивающийся сюжет («Львова печать», «Календарь», «Писмовник»).

В книге «Россия в письменах» рассказы с явно выраженной политически заостренной темой соединяются с теми, которые, на первый взгляд, предстают окрашенными ностальгическим флёром повествованиями об исторических «мелочах» (израз-

цах с надписями, дарованном ковше, замысловатом кресте и пр.). Однако в совокупности все тексты, формирующие монтажную художественную структуру книги, раскрывают магистральную авторскую идею о произошедшем историческом сломе, об отходе страны от пути ее естественного развития. Целостность и историософскую значимость книги хорошо почувствовал и выразил в своей рецензии на «Россию в письменах» один из помощников Ремизова в деле собирания «обрывышков» документов – Д. В. Философов: «Возвратимся к сборнику. Если выдержки из него печатались прежде как некий бытовой и литературный курьез, то теперь этот сборник получил совсем особое значение, особый смысл. / Точно вещее сердце <...> “обезьяньего царя” <...> предсказывало ему, что все скоро рухнет, что наступит пора, когда в апокалиптической “грозе и буре” все будет сметено. Сметена и “старая бумага” Ремизова, его игрушки, составлявшие как бы его музей. / “У меня же Писмовник в моей книжнице на верхней полке всегда перед глазами, а караулит его заяц”, – пишет Ремизов (стр. 160). / Караулит ли? Не пропали ли зайцы и белки А. М. Ремизова вместе с его письмовником? / Как бы то ни было, а книга осталась» [1].

В годы революции Ремизов воспринимал происходящее в России в апокалипсическом контексте, как явления «последних времен» перед Страшным Судом, когда земля (Россия) оказалась во власти явленного антихриста. О такой трактовке происходящего свидетельствуют его публицистические «слова» (самое известное из них: «Слово о погибели Русской земли»), повесть «Странница», легенды и рассказы тех лет. В художественном языке Ремизова усиливается использование библейской лексики и стилистики.

К этому же периоду относится и смена заглавия книги. «Россия в письмах» стала «Россией в письменах». Возможно, именно в Библии писатель нашел источник ключевого слова нового названия своего произведения: «И послал во все области царя *письма, писанные в каждую область письменами ее и к каждому народу* на языке его, чтобы всякий муж был господином в доме своем, и *чтоб это было объявлено каждому на*

[1] *Философов Д.* Литературная хроника. Бытовая Россия // «За свободу!» (Варшава). 1922. 8 окт. № 275. С. 2.

природном языке его <курсив мой. — *А. Г.*>» (Есф 1: 22). В новой исторической ситуации «письма» обернулись «письменами», предъявляемыми как свидетельства против слуг антихриста, нарушивших ход российской истории и сделавших ее жителей жертвами проводимого над целой страной противоестественного «Опыта».

В «России в письменах» особенностью вводной части рассказов — авторских преамбул к публикуемым источникам — стало частое упоминание о том, что их владелец или тот, кто в свое время подарил писателю тот или иной документ, носит титул кавалера или даже князя Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпала). Сравнение текстов произведений, опубликованных до 1917 г., с их вариантами в книге показало, что при формировании «России в письменах» 1922 г. Ремизов последовательно осуществлял правку дореволюционных текстов — вводил в них упоминание о включенности того или иного человека в систему табели о рангах Обезвелволпала. В произведениях же, созданных после 1917 г., подобное титулование присутствовало изначально.

Как установлено исследователями[1], после Октябрьского переворота созданная в духе «жизнетворчества» эпохи Серебряного века и в значительной степени обращенная к детям «игра» Ремизова в Обезвелволпал — общество фантастических добрых обезьян — переросла в форму ненасильственного сопротивления режиму большевиков. Таким образом, тексты — «обрывышки» документов — свидетельств о прежней, исторически естественной жизни России, через посредника (Ремизова) «предъявляемые» их владельцами или дарителями, членами Обезвелволпала, уподоблялись таинственным и грозным письменам, обнаруженным на стене царем Валтасаром (Дан 5; 5—24), становились доказательствами беззаконности происходящего в современной России.

[1] Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 95—96; *Грачева А. М.* Из комментария к «Взвихренной Руси» Алексея Ремизова (глава «Обезвелволпал») // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 368—376. (Stanford Slavic Studies. Vol. 32).

Среди присутствующих в книге реальных соратников и сомысленников Ремизова на первом месте стоит «Иван Александрович Рязановский — костромских деберей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический» (*Россия в письменах-I.* С. 161). Именно он был постоянным консультантом, поставщиком документов и духовным вдохновителем писателя в процессе его работы над книгой. В 1910-е гг. Рязановский переселился из Костромы в Петербург. В устных беседах и дружеской переписке двух друзей неоднократно обсуждались темы, сюжеты для «России в письмах» (а потом и для «России в письменах»), перипетии ремизовских попыток издания отдельных рассказов, а потом и всей книги. Так, в письме Ремизову от 6 января 1916 г. И. А. Рязановский в шуточной форме сообщал о запрошенной для упоминания в книге дате своего рождения и о своих новых архивных находках для будущих рассказов: «Смиренный затворник родился в 1869 г. августа в 2 часа ночи, когда представился ... неизвестно. Я привез с собою из Костромы “Дружеские письма Астафьева и одно Козлова”, не будут ли они Вам нужны для “России в письмах”, которою Вы сейчас заняты? Там есть и рисунок, и портрет автора и получателя. Можно поискать и еще, может быть, и найдется...»[1] Именно с Рязановским Ремизов обсуждал все обстоятельства своей неудачной попытки опубликовать книгу при помощи издательского отдела Скобелевского Комитета[2]. Друг Ремизова был великолепным рассказчиком. Его устные истории, воспоминания о российской провинции в дальнейшем становились сюжетами ремизовских произведений. В начале 1917 г. юрист Рязановский поступил на службу в петроградскую тюрьму «Кресты». Там он нашел новый источник для своих исследований человеческой натуры, которые в дальнейшем могли быть использованы его другом-писателем в своем творчестве. Об этом, например, он сообщал Ремизову в письме от 24 июня 1917 г.: «Много у меня накопилось для Вас материалов “сказов узных” и первый сказ будет “Иван Парфеныч Голубков и его обиталище”, “Регистраторша”, “Иван Исходящий” и другие. Все это продукты моих послед-

---

[1] Письма И. А. Рязановского А. М. Ремизову // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 17.

[2] См. подробнее с. 756—757 наст. тома.

них наблюдений. Много, очень много интересного, интересна и масса преступников. Вообще, если бы Вы и Серафима Павловна были здесь, то я много бы рассказал Вам интересного. <...> Следующий роман, который Вы будете писать, будет почти из тюремной жизни, это будет жизнь писца Ивана Парфеныча, маленького винтика во всей жизни, но незаметно создающего что-то, его дочери Александры Ивановны и т. д. Только возвращайтесь скорее, за сюжетами дела не станет, а то потухает и сохнет воображение. Тяжело. Тяжко. О политике лучше и не думать — так все гадко. <...> сейчас в свободную минуту хочется записать Вам <...> материалы, и потому кончаю письмо» [1]. Тесные контакты Ремизова и Рязановского продолжались и после Октябрьского переворота. Так, в письме от 28 июля 1918 г. Рязановский сообщал писателю: «Сегодня вырезал из “Нашего века” статью о Философовском сундуке (серия “Россия в письмах”) и убрал до Вашего возвращения» [2]. Целый ряд текстов «России в письменах» связан с именем Рязановского. Так, на воспоминании об эпизоде из его практики судебного пристава основан сюжет миниатюры «Часовник», на его устных повествованиях об истории своей семьи и предках его жены — рассказы «Календарь», «Львова печать». Во многих случаях он упоминается как владелец того или другого раритета, обыгранного в том или другом рассказе.

Но главная заслуга Рязановского в развитии индивидуальности Ремизова-писателя заключалась в том, что он утвердил литератора в стремлении преобразовать свой художественный язык (стиль) за счет использования неисчерпаемых словесных сокровищ, таящихся в «голосах прошлого», сохранившихся в деловых и бытовых документах прошлых веков, в древнерусских памятниках, в словарях устаревших слов; а в современности являющих себя в различных формах «живого русского языка»: в народных говорах, городском просторечии, сленге, жаргоне. В дальнейшем этот постулат стал одним из краеугольных камней ремизовской «теории русского лада». Впоследствии Ремизов писал о роли друга в формировании своей стилевой программы: «Значение изустного слова Рязановского в возрождении

---

1 Письма И. А. Рязановского А. М. Ремизову // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 24–25.

2 Там же. Л. 35 об.

“русской прозы” можно сравнить только с “наукой” <...> Вячеслава И. Иванова в возрождении “поэзии” у стихотворцев. <...> Рязановский наперекор Брюсову с его “парижской” культурой, Кузмину с его элегантной “прекрасной ясностью” и Сологубу с его шикарным “провинциализмом” <...> годами только о русском и рассказывал (повторяю, писать он не мог), расценивая слова на слух, на глаз и носом и восхищаясь своими русскими книгами от Киево-Печерского патерика до Новикова» (*Иверень-Русская книга VIII*. С. 132).

Кроме историософской, другой ведущей лейтмотивной темой книги стала тема «письмен» (письменной культуры) как особой формы метемпсихоза. При этом «воспроизведение» записанного кем-то осмыслялось литератором как некое сакральное действие, как способ духовного «воскрешения» писавшего и, одновременно, как воссоединение с единой душой народа, пребывающей в пространстве нематериального, и потому вечного мира. Ремизов отмечал: «Мало уметь грамоте, надо и еще кое-что, надо своей рукой обвести те письмена русские, какие в прошлом нашем начертались русскими людьми, чтобы поверстать свою душу с душой народной и идти вместе с народом по его исконным думам, — делать русское дело» (*Россия в письменах-I*. С. 83).

С «России в письменах» начинается проходящая через все последующее творчество Ремизова, личностно маркированная тема памяти как припоминания душой своих былых воплощений, ушедших в пространство мировой культуры.

В середине 20-х гг. штудии писателя в области истории литературного стиля органично вошли в круг историко-филологических интересов евразийцев. В Париже он укрепил свои давние дружеские связи с одним из лидеров евразийства — музыковедом, философом, литературным критиком Петром Петровичем Сувчинским. Одним из итогов их контактов было активное участие писателя в создании журнала «Версты» (Париж, 1926—1928), выходившего под редакцией Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона и «при ближайшей участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова».

Первый номер нового журнала открывала программная статья, в которой отмечалось: «В настоящее время — *русское* больше самой России; оно есть особое и наиболее острое выражение

современности <...> Что же касается попытки найти естественное сочетание наиболее живых и нужных тяготений русской современности, то, объединяя в одном издании русскую поэзию, беллетристику, литературную критику, библиографию и литературные материалы со статьями, посвященными вопросам философии, искусства, языкознания, русского краеведения и востоковедения, мы — как нам кажется — устанавливаем один из возможных обобщающих подходов к нынешней России и к *русскому*»[1].

В журнале произведения писателей-эмигрантов (М. Цветаевой, А. Ремизова) были объединены с творениями литераторов, оставшихся на Родине (Б. Пастернака, С. Есенина, И. Сельвинского, И. Бабеля, А. Веселого). Также в номере были опубликованы записи народных частушек, статья Е. Трубецкого о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, две философские статьи Федотова, статья Д. Святополк-Мирского «Поэты и Россия». Завершал журнал раздел «Материалы». Он представлял собой публикацию «Жития протопопа Аввакума» — текст, являющийся выполненным Ремизовым сводом трех редакций[2]. Как показал целостный анализ первого номера «Верст», вся его композиция была четко выстроена и жестко ориентирована на финал — публикацию «Жития» Аввакума.

Комплекс произведений, написанных для этого номера Ремизовым, также последовательно подготавливал читателя к концовке журнала — изданию текста памятника XVII в. Первой была публикация ремизовских рассказов из книги «Николай Чудотворец» (впоследствии: «Три серпа»). Ее предваряло авторское вступление, в котором была актуализирована преемственность национальной истории, закрепленной в языковом строе народной речи: «“Русь” Слова о полку Игореве — от русской земли, но какая преисподняя и никаких корешков с ивановской “Русией” — с русским Домостроем и Стоглавом — с Русией, завершившейся “Росией” (с одним “с”) — — Лесков, Розанов, а там, поперла вся зазеленелая “Рос-с-сія”. “Русь” —

[1] Версты (Париж). 1926. № 1. С. 5.

[2] О характере ремизовской редакции «Жития» см.: *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // Евангельский тест в русской литературе XVII—XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 436—447.

археология (Китеж?), "Росия" — современно. "Росию" высказал Аввакум, грамоты и писцовые выписи: Аввакум — приговоря на "о" (нижегородец да и протопоп!) с московским защелком (аллитерацией) медведчика-гудца (родной брат Даниила Заточника); грамоты — выпевая знаменным догматиком с окриком по "Уложению"; выписи — деловым кудрявым "столбцом"» [1].

В следующем, опубликованном в этом номере тексте, Ремизова — посвященной памяти В. В. Розанова статье «Воистину» — детально и последовательно развивалась тема преемственности линии литературного развития, начатой Аввакумом и в XX в. ярко продолженной Розановым. Для Ремизова огнепальный протопоп являлся основателем художественной прозы новой русской литературы, опирающейся на «природный» (т. е. разговорный) русский язык: «Жил в России протопоп Аввакум (Аввакум Петрович Петров, 1621—1681), жил он при царе Алексее Михайловиче <...> и итог своих дел — это "Житие им самим написанное": ума проникновенного, воли огненной (конец его — сожгли в срубе!), прошел весь подвиг веры и, страждa, на цепи и в земляной тюрьме долгие годы сидя, не ожесточился на своих гонителей. "Не им было, а бысть же было иным!" А это называется: не только что около своего носа... да с другого и требовать нельзя: жизнь жестокая, осатанеешь! А как написано! Я и помянул-то протопопа "всея Росии" к слову о его "слове". Ведь его "вяканье" — "русский природный язык" — и ваш "розановский стиль" одного кореня. Во дни протопопа этот простой "русский природный язык" (со своими оборотами, со своим синтаксисом "сказа") в противоположность всякой книжно-письменной речи "книжников и фарисеев" в насмешку, конечно, и презрительно называли "вяканьем" (так про собак: лает, вякает), как ваше "розановское" зовется и поныне в академических кругах "юродством". <...> В русской литературе книжное церковнославянское перехлестнулось книжным же европейским и выпихнулось литературной "классической" речью: Карамзин, Пушкинская проза и т. д., и т. д. (ведь и думали-то они по-французски!) <...> Их синтаксис — "письменный", "грамматический", а Ваш и Аввакума — "живой", "изустный", "мимический". Теперь начали это изучать, докапываться в России —

[1] Версты (Париж). 1926. № 1. С. 52.

там книжники и вся казна наша книжная! Но и среди русских, живущих за границей, есть та же дума. Сидит тут, в Париже, Федотов <...>, опять же Сувчинский, глава евразийцев, Петр Петрович, а в этой самой Англии кн. Д. Святополк-Мирский» [1].

Как видно из статьи «Воистину», к 1926 г. в основных чертах уже сформировалась ремизовская «теория русского лада» и его основанная на анализе языковой базы концепция развития русской литературы от Древней Руси до нового времени. Писатель выделил последовательно проходящую через века традицию следования законам устной «народной речи» — традицию «вяканья», которой была противопоставлена литература, строящаяся на языковом фундаменте, на всех уровнях деформированном иностранными заимствованиями.

В целом все произведения современной литературы, опубликованные в первом номере «Верст», как бы представляли собой иллюстрацию развития «русского лада», аввакумовского «вяканья», продолжающегося по обе стороны границы, искусственно разделившей русскую культуру.

Заключающая журнал «редакция» «Жития» Аввакума базировалась на его издании в первой книге «Памятников истории старообрядчества XVII в.» [2]. Основа ремизовского текста — первая редакция «Жития», дополненная вставками из других редакций. Принцип ремизовской «обработки» древнего памятника — выявление его литературной природы как манифеста «русского лада». В связи с этим в преамбулу к тексту была взята похвала русскому языку из третьей редакции. В целом текст «Жития» оказался сокращенным, что , возможно, было вызвано ограниченностью рамками журнальной публикации. Из второй и третьей редакции в текст добавлены пассажи, демонстрирующие возможности изложения аввакумовским «вяканьем» как «низких», так и «высоких» тем: и бытовых сюжетов, и теологических проблем. Журнал «Версты» вскоре прекратил свое существование, но в своем творчестве Ремизов продолжал постоянно поминать протопопа как одного из «вечных спутников» современной литературы.

---

[1] Там же. С. 83—84.

[2] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Изд. Императорской Археографической Комиссии (Оттиск из первой книги Памятников истории старообрядчества XVII в.). Пг., 1916. 254 с.

Сразу же после выхода из печати первого тома «России в письменах» Ремизов стал работать над вторым томом[1]. Он неоднократно упоминал о его существовании в периодических изданиях, в рекламных объявлениях о своих произведениях, в интервью и в переписке с друзьями и издателями. Насколько можно судить по сохранившимся материалам, второй том был подготовлен в конце 1920-х гг. Он был составлен из старых публикаций (оказавшихся вне состава первого тома); из рассказов, написанных и изданных в 1920-е гг., в частности, напечатанных в журнале «Версты»[2], и из новых текстов. Сохранился план этого тома, условно датируемый концом 20-х гг.:

«“Россия в письменах” А. Ремизова / II-ой том

II-ой том “России в письменах”, приготовленный к печати, состоит из трех частей: *из документальной, письма и история.*

1) *Документы* — “Парижский клад” (1701—1732); “Купчая” (1742—1746); “Сговорная” (1707); “Россия” — “Указ” (1710), “Паспорт” (1819); “Росия” — “Царская жалованная грамота” (1669), “Писцовая выпись” (1681); “Расея” — “Письмо” (1916); “Путь чист” (XIII в.); “Повольная торговля” (1603); “Выпись с книг игродских замку Луцкого” (1638—1641).

2) *Письма* — "Круг жизни” (1817—1826); “Разорение, общественно случившееся” (Письмо отечественное — 1752—1814); “Жичливая жена” (Письмо хозяйственное — 1783—1835); “Живая жизнь” (Письма Пестелей — 1824—1827); “Философов” (Письма родственников — 1793—1837); “Смоленщина” (Письмо родословное — 1624—1680).

3) *История* — “Северные Афины” (Вологда 1900—1903)»[3].

На основании анализа этого краткого, но полного изложения содержания можно сделать вывод о концепции подготовленной книги. В двух первых частях второго тома «России в письменах» Ремизов как бы соединял воедино развитие офи-

[1] Об истории создания второго тома «России в письменах» см. подробнее с. 913—917 наст. тома.

[2] См.: Росия <sic!>: 1. Царская жалованная грамота 1669 г. 2) Писцовая выпись 1681 г. // Версты. 1926. № 1. С. 52—57; Россия: I. Указ. 1710 г. II. Паспорт. 1819 г. // Версты. 1927. № 2. С. 114—121; Расея (Письмо): 1916 // Версты. 1928. № 3. С. 35—39.

[3] ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 1.

циального бытия государства Российского (часть: «Документы») и частной жизни населяющих его людей (часть: «Письма»). Источники, лежащие в основе рассказов обеих этих частей, свидетельствовали о следовании России путем своего естественного развития. Однако введение третьей части («История») показывало сквозь призму ви́дения недавнего прошлого, чем завершились этапы существования России, о которых говорилось в двух первых частях. Рассказ «Северные Афины» — это повествование о юности тех, кому было суждено в недалекой перспективе перевернуть историю России. Юмористические «некрологи» молодым революционерам, покидающим место ссылки, приобретали отнюдь не шуточное значение в контексте читательского «знания», к каким кровавым страданиям привели Россию в дальнейшем эти молодые юноши и девушки. Завершающее рассказ «Северные Афины» и фактически всю книгу «Россия в письменах-II» описание вечеринки, перерастающей в пьяную оргию, как бы показывало читателю, чем закончилось ранее телеологически закономерное развитие России и какие трагические сломы ожидали «взвихренную» Русь.

Вследствие так и не состоявшейся в конце 20-х гг. публикации готовой книги, Ремизов продолжал работать над ней и дальше, вплоть до своей смерти. После Второй мировой войны и осознания роли, какую сыграл в ней СССР = Россия, писатель отказался от завершения книги иронически-мрачной иллюстрацией грядущего исторического тупика. Сохранившаяся в архиве наборная рукопись Второго тома свидетельствует, что на последнем этапе писатель вернулся к своему первоначальному замыслу, относившемуся еще к 1910-м гг.: «Стал я понемногу старину читать, стал в старине разбираться и затеял по обрывышкам, по никому не нужным записям и полустертым надписям, из мелочей представить нашу Россию. / Из мелочей, из ничего представить Россию, чем жила она и стоит доныне, — вот она, какая затея! / И затее моей конца не видно» (*Россия в письменах-I*. С. 14).

В эмиграции с начала 1930-х гг. и до 1949 г. книги Ремизова на русском языке не издавались. Фактически писатель стал, используя старорусское определение, «немотствующим». После почти двадцатилетнего перерыва была опубликована профинансированная С. Лифарем книга «Пляшущий демон». Ее

появление прервало долголетнее вынужденное молчание, и не случайно посвященное ее выходу программное эссе писателя начиналось со слов:

Говорит Алексей Ремизов[1]:
ПЛЯШУЩИЙ ПЛАМЕННЫЙ ДЕМОН

В первый раз моя русская книга после осьмнадцатилетнего мордоворота. Этот каторжный срок ни одно русское издательство за границей не осмелилось выпустить мою книгу, потому что, как принято думать, я пишу непонятно и, что звучит совсем не гораздо, пишу не по-русски, а на обезьянском языке. Против моей «герметичности» я ничего не скажу, но обезьянский язык попо́лнкой: «спаси Господи и помилуй...», это уж чересчур. И не иначе как чудесным образом, на манер обновления иконы, появилась моя новая русская книга: «Пляшущий демон. Танец и слово». Paris, 1949.

x x x

Мой демон огня,
Моя одержимость огнем,
Моя огненная память —

Что мои глаза видели, и что мне слышалось в веках. Я из дали помню себя и мне, как вчера XI, XVI, XVII и XVIII век.

Душа танца огонь.

Искусство танца — скованный огонь, число и мера, иначе радение, русская метель, океан.

Природа танца сновидение.
Чары сновидений чары танца.

И как сновидение, танец не изобразим, не нарисуешь и не построить пирамиду. Танец подзвучен музыкой и выговаривается словом.

x

Между огнем русских вековых русалий и Московским пожаром (XVI в.) Петербург: «Бесовское действо» (1905—1917).

Алазион, демон радости, вдохновитель танца, с гоголевского Днепра появляется на туманной Неве Достоевского.

В Петербурге Алазион под видом Обезьяньего царя Асыки. И все ему служат и повинуются.

[1] Вписано чернилами рукой неустановленного лица.

И сквозь скок Бабы-Яги Лядова — «Пусто место!» — сквозь [итальянскую он говорит мне...] «Ei mi diceva che avria sfidato»[1] и «Александрию» Кузмина: «кружитесь, кружитесь, держитесь крепче за руки, звуки...» всполохом Кремлевский набат.

Горит Печатный Двор на Никольской: я, последний книгописец, поджег московскую типографию (XVI в.).

x

Первопечатник Иван Федоров — первое печатное русское слово, жизнь, труды и слава: «Острожская Библия», и конец в изгнании — едкая гарь нищеты (XVI в.).

И моя другая встреча — XVII в. Пылающий живой костер в Пустозерске: протопоп Аввакум — его огненная казнь. В срубе пылает первое русское слово на русский лад.

Сердце озябло
И ноги задрожали.

— —

«А они, эти учителя правописания, говорят: я, следуя Аввакуму, природному русскому ладу, не по-русски пишу, тупые, кривлятые тяпуши!»

— —

Петровский вздвиг России: вдолбить в Московскую Русь европейский ум-разум. Наряженный учиться навигацкой науке, я по природному своему любопытству к искусству, я, бывший книгописец XVI в. и знаменщик (рисовальщик) XVII в., угодил не в Голландию, а попал в Италию. Я помню подъем на Миланский Собор к куполу без лесенки по лесам: черный огонь — это жуть упасть, сходя.

И разбойное зеленое раздолье под Москвой с Ванькой Каином (середина XVIII в.). Московский Картуш, разбойник, сыщик и провокатор, поэт и комедиант, последний хранитель в европейской немецко-французской России заветов Аввакума, его природной русской речи.

[1] Букв.: «Он говорил мне, что бросил бы вызов...» (*итал.*). Начало итальянского романса «Non m'amava» («Нет, не любил он...», 1886 г., музыка Alfonso Guercia, стихи Ernesto Del Preite), который, с переводом М. Михайловым стихов на русский язык, стал знаменит в России с 1896 г., после его исполнения В. Ф. Коммиссаржевской в драме А. Н. Островского «Бесприданница» (т. наз. «романс Ларисы»: «Он говорит мне — будь ты моею...»).

x

Демон Алазион, пока играет жизнь на земле и человек грабит человека, ему нет рубежей и сроков в веках.

Однажды в Киеве (XI в.) в весеннюю ночь, зачаровав одного из пляшущего круга, он взвил его жарким волшебным купальским огоньком, а через девять веков в Париже в Опера́, вскрыля, подымет его до пляшущего Икара – взлет к солнцу, серебряное пламя и по́гарь дерзкой двуногой твари, человека.

И вот Алазион, в личине Китовраса гуляет на Москве.

«С широкой Масленицей! Басалай — лелёха —шуреньбень!»

Ванька Каин затеял под стенами Кремля всенародное игрище собственного сочинения, но не «на край обетованной земли», а швырком в москворецкую прорубь.

«Брось хухню, не морочь шарап!» — последнее в загривок напутственное слово.

Представление кончилось.

Мою память залил белый огонь» [1].

В тексте эссе не только дан краткий пересказ содержания книги. В нем также четко обозначены две главные темы «Пляшущего демона»: тема «памяти» души творца, вечно пребывающей в бытии, в разные эпохи перевоплощающейся во все новые облики, но сохраняющей воспоминания о своих прежних жизнях; и тема защиты «теории русского лада». Таким образом, и на последнем этапе своего творческого пути Ремизов остался верен тому направлению эстетических поисков, которое было начато им в «России в письменах». 23 февраля 1948 г. он писал своей литературной ученице Н. Кодрянской: «Каждый вечер по грамоте XVI в. Читаю вслух под кукушку <речь идет о часах с кукушкой. — *А. Г.*>. Так только и можно войти и перенять лад речи. Но надо всякий день, упорно» (*Кодрянская-1977*).

А. М. Грачева

---

[1] *Ремизов А. М.* «Пляшущий, пламенный демон». Авториз. машинопись // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 234. 4 л. Опубл.: Говорит Алексей Ремизов. Пламенный демон // Русские новости (Париж). 1949. 30 дек. № 239. С. 6.

КОММЕНТАРИИ

От редакции. Общие эдиционные принципы подачи текстов в настоящем томе подробно изложены в преамбуле к 11 тому Собрания сочинений А. М. Ремизова, вышедшему в 2015 г. (*Зга-Росток XI.* С. 3–8). Она предваряет тома Собрания сочинений А. М. Ремизова, которое является продолжением издания, увидевшего свет в 2000–2003 гг. (*РК I–X*).

Настоящий том содержит исторические документы, в том числе на иностранных языках, которые включены в состав произведений писателя. Их текстологическая подача полностью соответствует ремизовскому прочтению и публикации данных документов, в том числе на иностранных языках, в прижизненных изданиях соответствующих текстов. Произведения публикуются с учетом авторских особенностей орфографии и пунктуации. В текстах также сохранена «литературная игра» Ремизова с особенностями различных книжных и разговорного стилей русского языка, зафиксированных в письменных источниках XIII–XX вв.

РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ
Том I

Печатается по изданию: *Ремизов А.* Россия в письменах. Т. I. М.; Берлин: Геликон, 1922. 222 с., с сохранением вариантов авторских написаний, орфографии, пунктуации и с исправлением опечаток. Далее: *РвП-1.*

Публикация и рукописные источники отдельных рассказов:

Баня

Впервые: Россия в письмах: «Откуда и как пошло...» // Интимный журнал (Пг.; Киев). 1917. № 2.

Прижизненные издания: Баня. – В подборке из двух рассказов под общим загл. «Россия в письменах» вместе с рассказом «Печь» // Сирена: Пролетарский двухнедельник (Воронеж). 1918. № 2/3. Стб. 57–59; Россия в письмах: Откуда и как пошло: Письмо начальное // Раннее утро. 1918. 26 (13) мая. № 95. С. 1; *РвП-1.* С. 11–14.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Россия в письмах: Откуда и как пошло: Письмо начальное. — Беловой автограф. Черные и красные чернила. Б. д. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 37. 5 л.

Беловой автограф в РГАЛИ представляет собой наборную рукопись для газетной публикации (на л. 1 помета Ремизова: «Для Раннего утра») с разметкой и техническими авторскими пометами для наборщика. Наборная рукопись и публикация в газете «Раннее утро» отличаются от текста в *РвП-1* лексически; также отсутствует деление на части. После слов «какая затея» присутствует другой финал вступления, в котором перечислены все помощники Ремизова, способствовавшие реализации замысла создания *РвП* (в том числе дарители текстов-источников): «Любовно и благожелательно отнеслись ко мне все, кому затея моя пришлась по сердцу. / И. А. Рязановский, старец Дебренский, блудоборец Комаровский и князь обезьяний, принес в дар мне филаретовский Потребникъ с Кулиги. / Е. Г. Лундберг, странник Злодиевский, — Краковскую Библію второпечатную. / Н. А. Чернявский — Грамотку Новгород-северскую. / С. П. Яремич — Книжечку рукописную унежскую и Бахусову васильковскую. / А. А. Измайлов — Столбец руки Горностаева. / А. М. Коноплянцев — елисаветинскую Симфонию, “рабское приношеніе — всенижайшій рабъ и подножіе Академіи Наукъ переводчикъ Иоаннъ Илинскій”. / В. Я. Шишков, тунгусовед и кн. обез., — бархатную вишневую книгу сибирскую, “графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому съ чувствомъ высокаго почтенія Сергеѣвъ”. / Ю. К. Балтрушайтис — Лимонарь скоропечатный. / Л. Д. Бурлюк-Кузнецова — с картинками “Сердце человеческое” и “Зерцало человека”. / М. М. Пришвин, агроном по образованию и кн. обез., — Аль-Коран Магометов “кн. Г. А. Потемкину-Таврическому, Вашей Свѣтлости издавна всеусерднейшій слуга Михаилъ Веревкинъ”. / Р. В. Иванов-Разумник, академик, — Гипотипозис с картинками. / Ю. Н. Верховский, великопермский профессор, — Алфавит духовный. / Н. А. Клюев — рукописный Даниловскій часовникъ. / Ю. И. Юркун — Ваньку-Каина, и полный Оракулъ женихамъ и невѣстамъ. / М. А. Кузмин — Букет для любителей и любительниц театра. / К. А. Сомов — нотные обложки тонкого письма. / Ф. И. Щеколдин, кн. обез., — Ласточкино гнездышко из Гольчихи. / Л. М. Добронравов, кн. обез., — Покормяжную от Троицы Сергия. / Е. И. Замятин — корабельщик и кн. обез., — топор-саморуб и волка, дернешь, кланяется. / Д. В. Философов — грушу, на елку вешаем, не надо никаких и украшений. / М. И. Терещенко — Громовникъ призрѣнскаго протопопа да служебникъ Михаила Милгоста Граматика, рукописные сборники на пергамене XIV—XV в. / З. Н. Гиппиус — Лягушку-квакушку: росту с наперсток, а вес — пуд. / А. А. Блок — ягиную медную черпалку. / С. Н. Со-

колов — сеть чертячью. / И. Н. Соколов — ларец дубовый. / И. А. Тотеш, турка, — трубку-невыкурку. / А. А. Борисяк, астроном и виолончелист, — вихрастого Задуму-грустителя. / Н. К. Рерих, академик, — каменного века горстку камушков. / И. В. Жилкин, член I-ой Государственной Думы и кн. обез., — тмутороканскую медную ложку. / М. М. Исаев, прив.-доц. уголовного права, кавказский пулеметчик, красноармеец отряда Мстиславского и кн. обез., — жертвенную серебряную монету из Зороастровой Урмии. / Гр. А. Н. Толстой, кн. обез., — ослоп да фарфорового коня златогривого. / А. П. Зонов, кн. обез., — вотскую гривну со мгашкино яйцо. / И. С. Соколов-Микитов, летчик на Илье Муромце, матрос Балтийского флота и кн. обез. — кургановскій Письмовникъ. / В. В. Князев — ларь писем, да от самого П. Е. Щеголева, письма, и от соседа нашего, издателя моей книги отверженной о Николае Угоднике, З. И. Гржебина, письма — простой человек писал, а таким словом и слогом, любому писателю не грех поучиться. / Не пожалуюсь, добрая попала мне встреча с добрым словом и добрым делом, и всем я кланяюсь и всех покорно благодарю» (Раннее утро. 1918. 26 мая. № 95. С. 1). В двухнедельнике «Сирена» текст опубликован по новой орфографии. Под текстом подборки стилизованная под скоропись XVII в. подпись-факсимиле «Алексей Ремизов». В текст публикации в газете «Раннее утро» введены незначительные лексические и строфические варианты, а также реалии Обезвелволпала — титулование упоминаемых лиц обезьяньими князьями и кавалерами. Ср.: «И уж немало лет спустя, пообшарпавшись, выплыл я в ссыльной Вологде и свела меня судьба с Павлом Елисеевичем Щеголевым» (Сирена. 1918. № 2/3. Стб. 57); «И уж немало лет спустя, пообшарпавшись, выплыл я в ссыльной Вологде и свела меня судьба с князем обезьяньим, П. Е. Щеголевым» (Раннее утро. 1918. 26 мая. № 95. С. 1).

Каменные пруды

Впервые: Россия в письмах: Каменные пруды: Письмо подспудное // Заветы. 1914. Кн. 7. Отд. 1. С. 153—158.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 15—22.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Россия в письмах: Каменные пруды: Письмо подспудное. — Авториз. печ. текст с приложенными в авторской обложке с названием «Обрывки рукописей на переплетном листе польской Библии 1575 г.» отрывками рукописных текстов (конец XVII в., скоропись) // РГБ. Ф. 416 (Э. Ф. Ципельзон). Карт. 8. Ед. хр. 33. 26 л.

При переработке текста первой публикации в текст *РвП-1* произведена лексическая правка, вводящая в текст реалии Обезвелволпала. Было: «дар дебренского старца Иоанна (Кострома)» (Заветы). Стало:

«Есть у меня Потребник филаретовский — дар дебренского блудоборца и князя обезьяньего Иоанна Рязановского» (*РвП-1*). Было: «дар странника Евгения (от немец)» (Заветы). Стало: «дар старейшего кавалера обезьяньего знака, странника Евгения Злодиевского от варяг — Е. Г. Лундберга» (*РвП-1*). К фразе: «Листки конца XVII в. из записной книги» было снятое в *РвП-1* примечание: «У Н. В. Калачова в "Актах, относящихся до юридического быта древней России", изд. Археограф. Комис., СПб., 1864 г. т. II напечатаны две записные книги: одна — 1610 окт. 1 — 1650 авг. 24. Другая — Торопецкой приказной избы (1674—1675)» (Заветы). К словосочетанию «дано в половину» в *РвП-1* снято примечание: «Половина условленной суммы». Изменено примечание к словосочетанию «в почесть» — «Благодарность — взятка — хабар»; было: «Благодарность (взятка)» (Заветы). Снято примечание-перевод слов «Exerticium Scholasticum». В *РвП-1* неверное прочтение текста источника «ржитецской» заменено на правильное: «рождественской».

В РГБ находится мини-альбом, составленный Ремизовым из текста первой публикации и находящихся в авторской обложке с названием «обрывки рукописей на переплетном листе польской библии 1575 г.» источников рассказа «Каменные пруды» — отрывков рукописных текстов конца XVII в. По формату (в 4-ку) и типу бумаги, на которую наклеены материалы, мини-альбом РГБ соответствует комплексу переписанных Ремизовым архивных документов XVII—XIX вв. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 10. 248 л. Далее: *РвП-Материалы*).

Печь

Впервые: Азбука ненаученная: Письмо изразцовое XVIII в. // Новый вечерний час. 1918. 4 апр. № 5. С. 3; Печь. — В подборке из двух рассказов под общим загл. «Россия в письменах» вместе с рассказом «Баня» // Сирена: Пролетарский двухнедельник (Воронеж). 1918. № 2/3. Стб. 59—64.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 23—30.

В «Сирене» опубликовано по новой орфографии. Текст соответствует основному. Под текстом подборки стилизованная под скоропись XVII в. подпись-факсимиле «Алексей Ремизов».

Ковш

Впервые: Россия в письмах: Царское жалование: Письмо сребровязь. 1700 г. // Вечерние ведомости. 1918. 11 апр. (29 марта). № 28. С. 4.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 31—32.

Текст первой публикации отличается от текста *РвП-1* незначительной лексической правкой.

Базар

Впервые: Богородичные листы // Жизнь. 1918. 23 апр. № 1. С. 3.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 33—35.

По сравнению с текстом первой публикации в *РвП-1* произведена незначительная лексическая правка. Характеристика дарителя Богородичных листов актуализирована за счет введения реалий Обезвелволпала. Ср.: в первой публикации: «А достались мне эти иконы от кума моего Владимира Алексеевича Пяста. Жил кум лето...»; в *РвП-1*: «А достались мне эти иконы от кавалера обезьяньего знака Вл. А. Пяста. Жил Пяст лето...»

Полиция

Впервые: *РвП-1*. С. 36—38.

Псалтырь

Впервые: *РвП-1*. С. 39—41.

Часовник

Впервые: Осияние: Рассказ // Москва: Журнал литературы и искусства. Изд. книгоиздательства «Творчество», 1918. № 1. С. 7.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 42—44.

Текст первой публикации идентичен основному тексту в *РвП-1*. Возможно, сюжет основан на устном рассказе И. А. Рязановского об эпизоде из его судебной практики.

Патерик

Впервые: *РвП-1*. С. 45—50.

Сундук

Впервые: Россия в письмах: Росписной сундук: Письмо елизаветинское // Наш век. 1918. 28 июля. № 129. С. 1—2.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 51—54.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Россия в письмах: Росписной сундук: Письмо елизаветинское. — Беловой ав-

тограф с правкой. Черные и красные чернила. Подпись: «Алексей Ремизов». Б. д. // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 16. 3 л.

Беловой автограф ИРЛИ представляет собой наборную рукопись для первой публикации. Название, подпись, заглавная буква и знаки деления на абзацы выделены красными чернилами. По сравнению с текстом первой публикации при включении текста в состав *РвП-1* произведена незначительная стилистическая правка.

Академия

Впервые: Россия в письмах: Белая ночь: Письмо академическое // Наш век. 1918. 12 июля (29 июня). № 115 (139). С. 2.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 55—57.

При включении текста первой публикации в *РвП-1* произведена незначительная лексическая и стилистическая правка вступления к публикуемому тексту.

В экземпляре книги *РвП-1-ИРЛИ* к рассказу «Академия» приклеены газетные вырезки: на с. 54 — фотография здания Академии наук в Петербурге; на с. 55 — портрет первого президента Академии Л. Л. Блюментроста; на с. 57 иллюстрация: «Академия наук. С рисунка М. П. Пахаева. 1753 г.». Между с. 54 и 55 вклеена вырезка статьи С. Ф. Ольденбурга «Академия Наук двести лет тому назад и теперь» — перепечатка неустановленным берлинским изданием текста из журнала «Красная нива» (1928. № 37).

Покормяжная

Впервые: Россия в письмах: Подкормяжная <так! — *Ред.*>: Письмо голодное. XVIII в. // Новый вечерний час. 1918. 16 апр. № 6. С. 3.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 58—59.

Текст первой публикации за исключением вероятной опечатки в названии соответствует основному.

Нарва

Впервые: Судьба Петрова: Письмо запечатленное // Россия в слове: (Прил. к еженедельнику «Воля России»). 1918. № 3. 13—14.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 60—64.

Текст первой публикации отличается более детальным палеографическим описанием документа: «78 уцелевших листов, тетрадь порядочная — (1—5 л.) 6—60 (61—93 л.) 94—101 (102—109 л.) 110—125 л. — с нарвского разгрома (1700 г. и до взятия Выборга (1711 г.)» (с. 13). Также имеются различия в строфике текста и лексические разночте-

ния. Более очевидна антибольшевистская направленность рассказа. Ср.: «город святого Петра и вдруг какой-то чешский Петроград!» (Россия в слове. С. 13); «город святого Петра Санктпетербург — и вдруг какой-то Петроград!» (*РвП-1*). Ср.: «А загаженный, заплеванный Петербург обратили из Петрограда в красный Петроград. (Красный означает по-русскому прекрасный, а не то чтобы непременно кумачный или кровавый.) И пришло такое время конечное...» (Россия в слове. С. 13); «А загаженный, заплеванный Петербург обратили из Петрограда в красный Петроград. И пришло такое время конечное...» (*РвП-1*). В окончательный текст в *РвП-1* также внесены реалии Обезвелволпала. Ср.: «Вот какая находка мне в руки попала — помяну Кострому Костромушку, Ивана Леонтьевича Лапина да кума его Ивана Александровича Рязановского, приютившего меня в царевском своем древлехранилище» (Россия в слове. С. 13); «Вот какая находка мне в руки попала — помяну Кострому Костромушку, Ивана Леонтьевича Лапина да кума его князя обезьяньего Ивана Александровича Рязановского, приютившего меня в царевском своем древлехранилище» (*РвП-1*).

В ИРЛИ находятся выписки Ремизова из рукописи, обозначенной им как «Петровская тетрадь» (Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1—11), однако их содержание не соответствует отрывку, цитируемому в *РвП-1*.

Ссыльный

Впервые: *РвП-1*. С. 65—68.

Крест

Впервые: 2. Крест-посох: Письмо заветное — В подборке из трех рассказов под общим загл. «Россия в письмах» вместе с: 1. Грамотка: Письмо узорное; 3. К надзвездным небесам: Письмо пророческое // Стрелец: [Лит.-худож. альм.]. Пг.: Стрелец, 1915. Сб. 1. С. 120—122.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 69—72.

В первой публикации тексту предшествует эпиграф: «Крестъ всѣмъ воскресеніе. Крестъ падшимъ исправленіе, страстемъ умерщвленіе и плоти пригвожденіе. Крестъ душамъ слава и свѣтъ вѣчный» (Стрелец. С. 120). Даты жизни и смерти А. А. Лыдыгиной даны более обобщенно: «1820—1911 гг.». Описание креста детализировано: «Крест медный шестиконечный на медной припаянной жуковине: длин. — 7 верш., верх. перекладина — 2 верш., ниж. перекладина — 3 верш., жуковина — $^{1}/_{5}$ верш.» (Стрелец. С. 121). Надпись на кресте дана в разрядку, но по сравнению с основным текстом графически не выделена.

Очаков

Впервые: Россия в письмах: Очаков взят штурмом! Письмо царское // Отклики: Литература, искусство, наука. 1914. № 11. С. 1—2 (Беспл. прил. к № 77 газ. «День»).

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 73—76.

При переработке первоначальной публикации в *РвП-1* произведено деление на части, значительно упрощено палеографическое описание рукописного источника, изменена графическая подача текста донесения (обычный столбец газетной публикации заменен на текст в виде шестигранника) и внесены незначительные пунктуационные изменения.

Грамотка

Впервые: 1. Грамотка: Письмо узорное — В подборке из трех рассказов под общим загл. «Россия в письмах» вместе с: 2. Крест-посох: Письмо заветное; 3. К надзвездным небесам: Письмо пророческое // Стрелец: [Лит.-худож. альм.]. Пг.: Стрелец, 1915. Сб. 1. С. 111—119.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 76—82.

В первой публикации авторское вступление к историческому тексту отличается от основного текста лексическими и стилистическими вариантами, точным палеографическим описанием рукописи со ссылкой на книгу А. И. Соболевского «Славяно-русская палеография»; в публикуемой рукописи указаны листы. Также дан развернутый рассказ о дарителе рукописи — Н. А. Чернявском. Ср.: «Осенью 1912-го года принес мне эту грамотку Чернявский Николай Андреевич» (Стрелец. С. 114). После слов: «и оставил у меня грамотку на вечные веки» — в первой публикации следует авторское примечание: «Нынче осенью встретил я Н. А. Чернявского и много докучал ему о бабе: справиться у приятеля, из какой слободы или хутора привозила баба в Новгород-Северск на базар рыбу? Было дано мне обещание послать запрос к приятелю в Действующую армию. И ответ получился, — открытка.

Dorf Lakellen (получ. Петроград 17-XI)
3-XI 1914 г.

Конечно, история о том, как была найдена рукопись, немного забавна. Но поверь, дорогой Коля, что я также сказал бы не более, чем написал Ремизов, т. к. историю эту я забыл, а название хутора не помню. / Сейчас нахожусь в стране культуры и порядка. / Многое ново и интересно. Постепенно идем в глубь страны. Однообразие, а главное, отсутствие того, что называется войной или боем, побуждает меня стремиться перевестись из парка в батарею. / Видишься ли ты с Ваней, что поделывают твои братья? Извиняюсь, что пишу мало. Кланяйся Андрею Гавриловичу / Твой П.».

Столбец

Впервые: Россия в письменах: Столбец: Письмо горностаево // Заветы. 1914. Кн. 6. Отд. 1. С. 178—188.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 83—96.

Автографы и авторизованные тексты: Столбец: Письмо горностаево — Авториз. печ. текст в авторской обложке с приложенными рукописями: 1) Отпись в приеме ямских и полоняничных денег с поместий И. М. Куломзина и Аристовых (1694 ноября 23, скоропись, 1 л.), 2) Отпись в приеме ямских и полоняничных денег с поместий А. И. Загорского (1695 декабря 10, скоропись, 1 л.) // РГБ. Ф. 416 (Э. Ф. Ципельзон). Карт. 8. Ед. хр. 32. 11 л.

При публикации текста «Столбца» в составе *РвП-1* произведена незначительная лексическая правка, изменена строфика и сняты данные в подстрочных примечаниях указания на источники воспроизводимых текстов. При первой публикации «Отписи въ пріемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ съ помѣстій Куломзина и Аристовыхъ» дважды дан знак сноски, указывающий на подстрочное примечание: 1) после слова «Куломзина»: «Родословие Куломзиных — “Долматовский архив” Изд. Костромской Ученой Архивной Комиссии, СПб. 1895 г. Прилож. VII, стр. 71»; 2) после «Зиновьева»: «“Архив сельца Зиновьева”. Изд. Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии. СПб., 1913».

В РГБ находится мини-альбом в авторской обложке с надписями в левой верхнем углу: «1682—1689 / (Петр, Иоанн V, София) / Петр Иоанн — до февраля 1696 г. (7204)», в правом верхнем углу: «1695 г. / (7204) / 10 декаб<ря>», посередине обложки : «1695. декабря 10. Отпись в приеме ямских и полоняничных денег с поместья Алексея Ивановича Загорского / столбец / 5 верш. / 3½» , внизу страницы: «См. Архив сельца Зиновьева (акты и письма) Костромская губернская Ученая Архивн<ая> Ком<иссия> СПб. 1913 г. Стр. 114—190. XIV». Альбом состоит из вырезки текста первой публикации и оригиналов источников рассказа — двух рукописей XVII в. в авторских обложках из чистого листа бумаги с соответствующими пометами Ремизова в верхнем правом углу карандашом: «(7204) / 1695 г.» и «1694 г. / (7203) 23 XI». По формату (в 4-ку) и типу бумаги, на которую наклеены материалы, мини-альбом РГБ соответствует *РвП-Материалы*.

Книжечка рукописная

Впервые: 4. Книжечка рукописная: Письмо болезное. — В подборке из четырех рассказов под общим загл. «Россия в письмах» вместе с: 1. «Паришъ въ рукахъ нашыхъ!»: Письмо отечественное // Литера-

тура. Искусство. Наука. Беспл. прил. к газ. «День». 1913. № 9. С. 1 (Прил. к газ. День». 1913. 2 дек. № 327); 2. «Шишачки»: Письмо московское // Там же. № 10. С. 2 (Прил. к газ. «День». 1913. 9 дек. № 334); 3. «Жичливая жена»: Письмо необъявное // Там же. № 11. С. 1 (Прил. к газ. День». 1913. 16 дек. № 341). — Литература, искусство, наука: Беспл. прил. к газ. «День». 1913. 23 дек. № 12. С. 1 (Прил. к газ. «День». 1913. 24 дек. № 349 (437)).

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 97—99.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Письмо нежинского монаха Ефрема писарю о. Иакову Воронковскому. «Книжечка рукописная»: Письмо болезное. — Авториз. печ. текст с присоединенной рукописью: Письмо Ефрема иеромонаха к Воронковскому Иакову, кафедральному писарю. 1765, апр. (автограф) // РГБ. Ф. 416 (Э. Ф. Ципельзон). Карт. 8. Ед. хр. 34. 4 л.

В РГБ находится мини-альбом в авторской обложке с надписями в левом верхнем углу: «(1764 Ек. II)», в верхнем правом углу: «4 апр. 1765 г.»; в центре: «Письмо нежинского иеромонаха Ефрема писарю кафедральному о. Иакову Воронковскому. “Книжечка рукописная”. Письмо болезное». Альбом состоит из печатного текста — вырезки первой публикации с авторской пометой — данными об ее издании: «Литература, искусство, наука, № 12, 24 XII 1913 Ко «Дню» № 349 (вторник)» и оригинала источника рассказа «Книжечка рукописная» — рукописи XVIII в. Мини-альбом РГБ по формату (в 4-ку) и типу бумаги, на которую наклеены материалы, соответствует *РвП-Материалы*. При переработке текста для *РвП-1* снято данное в конце указание на местонахождение текста-источника: «Из собрания Степана Петровича Яремича».

Бахусова пещера

Впервые: Бахусова пещера // Отклики: Литература, искусство, наука: Беспл. прил. к газ. «День». 1914. № 3. С. 2—4 (Прил. к газ. «День». 1914. 23 янв. № 22).

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 100—110.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Бахусова пещера. — Авториз. печ. текст с присоединенной рукописью: «Рощетное доношение» монаха Епифания в Киевскую Лавру (писарский список, 1774 мая 27) // РГБ. Ф. 416 (Э. Ф. Ципельзон). Карт. 8. Ед. хр. 31. 17 л.; «Реестр шинкам, построенным от киевских монастырей» — автограф, автор. печ. текст с присоединенной рукописью: «Реестр построенным от киевских монастырей шинкам» (<1670-е гг.>, писарская копия). // Там же. Ед. хр. 35. 8 л.

В РГБ находится разъятый на две части мини-альбом, составленный Ремизовым из печатного текста — вырезки первой публикации «Бахусовой пещеры» с авторской правкой и оригиналов источника. В ед. хр. 31 на л. 1 — вырезанная из печатного источника литография — вид Киево-Печерской лавры и рукописные дополнения: в верхнем левом углу рукой Ремизова: «(1764—96 Ек. II)»; в верхнем правом углу: «дек<абрь> 1772 // 27 V 1774 Копия»; над видом Лавры надпись: «1. Расчетное донесение лаврского монаха о. Епифания, уволенного от командования лаврским трактиром в г. Василькове, — в Киевскую Лавру. / (2. Реестр шинкам, построенным от киевских монастырей)» (л. 1). Текст вырезки имеет авторскую правку: «50-х годов» исправлено на «70-х годов». Далее следует наклеенный на листы текст газетной вырезки с авторским указанием на публикацию: «Отклики (литература, искусство, наука) 1914 г. № 3 ко дню № 22 от 23.I.1914». Текст дополнен приложением: вложенным в обложку из чистого листа с пометой Ремизова: «XII 1772 // 27 V 1774 Копия» оригиналом источника — писарской копии «Рощетного доношения» монаха Епифания (дата рукописи: 27 мая 1774 г.). В ед. хр. 35 содержится часть рассказа «Бахусова пещера» в виде печатной вырезки о реестре шинков, переписанной Ремизовым рукописи Реестра и оригинала — рукописи XVIII в. На обложке, предваряющей ремизовскую копию и наклеенный печатный текст, надпись: в левом верхнем углу: «1764—96 Ек<атерина> II», в правом верхнем углу: «18 век 70-е годы Копия». Оригинал текста-источника вклеен в обложку из белой бумаги. Две единицы хранения РГБ (ед. хр. 31 и 35) представляют собой сознательно разъятый Ремизовым (?) на две части оформленный в виде мини-альбома единый текст газетной публикации и ее источников. По формату (в 4-ку) и типу бумаги, на которую наклеены материалы, весь комплекс РГБ соответствует *РвП-Материалы.* При включении текста первой публикации «Бахусовой пещеры» в *РвП-1* убрана концовка текста, указывающая на местонахождение источника: «Из коллекции С. П. Яремича».

Гадальные карты

Впервые: Россия в письмах: Гадальные карты: Письмо волшебное // Аргус. 1916. № 6. С. 31—39.

Прижизненные издания: *РвП-1.* С. 111—121.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Гадальные карты Сведенборга. Коллаж, печ. текст, автограф. Б. д. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 44. 38 л.

Текст первой публикации соответствует основному тексту в *РвП-1.* На с. 30, 32, 33, 37 помещены типографские воспроизведения реми-

зовских рисунков, изображающих 36 «карт Сведенборга». В архиве Ремизова в РГАЛИ сохранился сделанный писателем самодельный комплект «карт Сведенборга», состоящих из отдельных карточек. На одной стороне каждой карточки-коллажа — вырезанное из журнала «Аргус» воспроизведение рисунка Ремизова, дополненного авторской рамкой, раскрашенной цветными карандашами; на другой (выборочно) — рукописное толкование значения карты, соответствующее основному тексту.

Странник

Впервые: 3. К надзвездным небесам: Письмо пророческое. — В подборке из трех рассказов под общим загл. «Россия в письмах» вместе с: 1. Грамотка: Письмо узорное; 2. Крест-посох: Письмо заветное // Стрелец: [Лит.-худож. альм.]. Пг.: Стрелец, 1915. Сб. 1. С. 123—129.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 122—129.

В первой публикации: 1) странник носит иное имя: «Иван Николаевич»; 2) текст вступления имеет незначительные лексические разночтения с основным текстом. В конце приводимых документов указан источник: «“И та скажетъ: нѣтъ” (Ездры 3 кн. 5 г. 1 с. и до 12)» (Стрелец. С. 129).

Оракул

Впервые: Россия в письмах: Оракул: Письмо географическое // Пряник осиротевшим детям: Сб. Пг., 1916. С. 149—153.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 130—137.

В РНБ (Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 358. 25 л.) находится текст-источник рассказа «Оракул» — рукописная тетрадь XVIII в., озаглавленная «Сокращенная география. Д. Пелагея Барыкова. 1780 года». Тетрадь оформлена Ремизовым в авторскую обложку из мраморной бумаги с красным переплетом и листом-шмуцтитулом. На переплете рукой Ремизова надпись: «Из архива Философовых “Загвоздье” 1780 г. Сокращенная география Пелагеи Алексеевны Барыковой (Философовой)». На шмуцтитуле надпись Ремизова: «Сокращенная география Д. Пелагея Барыкова (Mad^lle^ Barikoff)». На обороте шмуцтитула вверху каллиграфическая роспись: «Алексей Ремизов». В РГАЛИ сохранились переписанные Ремизовым источники рассказа «Оракул»: 1) «Сокращенная география». Д. Пелагея Барыкова. 1780 г. Mad^lle^ Barikoff» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 52. 10 л.); 2) переписанные письма В. А., Д. А., Е. А., Ст. А., П. А. Барыковых к Л. Н. и П. А. Философовым (Там же. Ед. хр. 54. 33 л.). Текст первой публикации отличается от основного текста незначительными пунктуационными вариантами

в разделе авторского вступления и точным палеографическим описанием рукописи источника: «Передо мной рукописная “Сокращенная Географія” 1780 года — тетрадь 25 × 22 см, 24 листа: Португалия ~ Италия» (с. 149). В экземпляре *РвП-1-ИРЛИ* на с. 74 наклеена вырезка из газеты под заглавием «Грамота Потемкину»: «Царская похвальная грамота, выданная кн. Г. А. Потемкину в 1789 году за взятие Очакова, считалась до сих пор потерянной. Теперь ее нашли в одной из случайно купленных в Москве библиотек, и “пропавшая грамота” лежит на столе заведующего московского товарищества писателей, Бахтина. / Документ этот “подписан Екатериной и содержит пять страниц”. На первом листке на самом верху портрет Российской “Семирамиды”, затем пышный нескончаемый титул. Поля первой страницы украшены гербами упоминаемых в титуле царств и княжеств. Остальные страницы обрамлены обычной в этих случаях виньеткой. / Обращают на себя внимание удивительно четким выполнением деталей и художественным мастерством небольшие миниатюры, расположенные в конце каждой страницы: “Общий вид Очакова с моря”; “Поражение турецкого флота в Лимане”; “Взятие острова Березани”; “Взятие Очакова 6 декабря 1788 года”. / Рисунки эти сделаны подпрапорщиком псковского драгунского полка Корнелием Новоселовым». Под текстом вырезки помета Ремизова: «(“Веч. Москва”, 23 мая)».

Львова печать

Впервые: Россия в письмах: Львова печать: Письмо клейменое // Вечернее слово. 1918. 17 (4) апр. № 22. С. 3.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 138—146.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Россия в письмах: Львова печать иерея Андрея: Письмо клейменое. 1810—1883. — Беловой автограф с правкой. Черные и красные чернила. Б. д. // ГЛМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 73. 6 л.

Беловой автограф ГЛМ в составе архива И. А. Рязановского — тщательно выписанный первоначальный вариант текста, по которому скорописью проведена правка для подготовки его в качестве наборной рукописи для первой публикации. На л. 4 позднее вписано: «Да и где они среди нас русских. — Ухарей, дрябылей и лентяев — [петровой] смелость, твердь и тру<долюбие> Ал<ександр> Ан<дреевич> был петрова закала» (л. 4). В первоначальном варианте было: «А у Александра Андреевича кроме дела, уж ничего не было. А раз отнимут дело, остается смерть. Это и был последний его путь и единственный» (л. 5). Исправлено на текст, соответствующий основному. Текст первой публикации отличается от текста *РвП-1* незначительной стилистической правкой и введением реалий Обезвелволпала.

Писмовник

Впервые: Россия в письмах: Кургановский писмовник: Письмо погодинское [1—2] // Страна. 1918. 3 апр. (21 марта). № 6. С. 2; Россия в письмах: Кургановский писмовник: Письмо погодинское [3—5] // Страна. 1918. 7 (21) апр. № 21. С. 2.

Прижизненные издания: *РвП-1.* С. 147—160.

Автографы и авторизованные тексты: Алексей Ремизов. Россия в письмах. Кургановский писмовник: Письмо погодинское — Авториз. печ. текст с рисунком (черная тушь, цветные карандаши). Б. д. // РГБ. Ф. 231/V (М. П. Погодин). Карт. 16. Ед. хр. 17. 14 л.

При переработке первой публикации уточнены имена реальных героев рассказа. Было: «Принес мне И. С. Соколов». Стало: «Принес мне И. С. Соколов-Микитов». Было: «Слон Слонович». Стало: «Слон Слонович (Юрий Верховский)». Произведена незначительная правка графики и пунктуации текста.

В РГБ находится самодельная авторская книга, составленная из вклеенных в тетрадь текстов газетных вырезок с авторскими пометами о месте публикации и рукописной обложкой с наклеенным на нее рисунком Ремизова, изображающим фантастических зверей. В печатный текст вставлено одно авторское исправление. Было: «10 руб от помещика». Стало: «10 руб от помещика Артюхи Ломоносова». В экземпляре книги *РвП-1-ИРЛИ* в конце текста рассказа в страницу вклеен вырезанный из газеты портрет М. П. Погодина.

Календарь

Впервые: Россия в письмах: Дворянский календарь: Письмо узорочное // Страна. 1918. 3 мая. № 31. С. 2.

Прижизненные издания: *РвП-1.* С. 161—173.

В первой публикации, очевидно, из-за ограниченности объема газетного листа, напечатаны только 1—4 части рассказа. В *РвП-1* внесена более пространная по сравнению с первой публикацией характеристика И. А. Рязановского, в которую также введены реалии Обезвелволпала. После слов: «Ивана Александровича Рязановского» (Страна. С. 2) — добавлен абзац: «Иван Александрович Рязановский — костромских деберей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический» (*РвП-1*).

Святцы

Впервые: Святцы старого дьякона Василия [1.—3.] // Жизнь. 1918. 4 мая (21 апр.). № 10. С. 2; Святцы старого дьякона Василия [4.] //

Жизнь. 1918. 11 мая (28 апр.). № 13. С. 4; Святцы старого дьякона Василия [5.] // Жизнь. 1918. 14 (1) мая. № 15. С. 4.

Прижизненные издания: *РвП-1*. С. 172—186.

При переработке текста первой публикации произведена лексическая правка. В ряде случаев цитаты из источника заменены авторским пересказом. Сохранившиеся цитаты раскавычены, убрано точное указание, на каких листах они записаны в источнике. Также изменено шутливое титулование владельца текста-источника — И. А. Рязановского, введена реалия Обезвелволпала. Ср.: 1): «С отцом Петром породнился знаменитый старец дебренский Иоанн (Рязановский)...» (Жизнь. 1918. 4 мая (21 апр.). № 10. С. 2); 2): «С отцом Петром породнился знаменитый блудоборец и князь обезьяний Иван Александрович Рязановский...» (*РвП-1*).

Печати

Впервые: *РвП-1*. С. 187—190.

Автографы и авторизованные тексты: «Алексей Ремизов». Печати: Резь всяческая. — Беловой автограф с правкой. Черные и красные чернила. Подпись: Алексей Ремизов. Б. д. // РНБ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 347. 3 л.

Беловой автограф написан на бумаге размером в 4-ку. Красными чернилами выделены заглавие, подпись «Алексей Ремизов» над текстом и в его конце, а также заглавные буквы отдельных абзацев. Текст незначительно лексически отличается от текста в *РвП-1*. Ср. финал: «Старец этой печатью запечатлел письмо с вежливым предложением прекратить знакомство».

Обрывыш

Впервые: *РвП-1*. С. 191—192.

Цыфры

Впервые: *РвП-1*. С. 193—195.

Кляуза

Прижизненные публикации: *РвП-1*. С. 191—192.

Автографы и авторизованные тексты: «Алексей Ремизов». Россия в письмах: Дьякова память: Письмо кратное. 1696 г. Подпись: Алексей Ремизов. — Беловой автограф с правкой. Черные и красные чернила. Б. д. // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 15. 7 л.

Беловой автограф ИРЛИ – наборная рукопись для первой публикации. Название, подпись, знаки деления на абзацы выделены красными чернилами. Текст представляет собой первую развернутую редакцию рассказа. Библиографические сведения о первой публикации не установлены. При включении текста в состав *РвП-1* произведены: сокращение цитируемого документа XVII в. и незначительная стилистическая правка авторского вступления.

Помещик

Впервые: *РвП-1*. С. 199–201.

Дружеские письма

Впервые: *РвП-1*. С. 202–209.

Азбука

Впервые: Россия в письмах: Азбуковник // Свободный журнал. 1917. № 1. С. 6–7.

Прижизненные публикации: *РвП-1*. С. 210–220.

Первая публикация представляет собой краткую редакцию, значительно отличающуюся от основного текста в *РвП-1*. При ее переработке существенно расширены планы повествования: 1) тематический (воспоминания о детстве, о контактах со знакомыми – кавалерами Обезвелволпала); 2) предметный (более пространный список азбук разных видов). Начало краткой редакции: «Ни по азбуке, ни по букварю буквам я не учился. А когда стал читать, очень любил рассматривать картинки – Азбуку. / Две азбуки были у нас в доме. / Одна в переплете – *Азбука* без заглавного листа довольно большая – 147 страниц, 72 картинки, начало прошлого века, а происхождения немецкого (“Bete und arbeite” – надпись на стволе древа под Символом веры), с молитвой перед ученьем с таким окончанием: “возрасли Тебѣ, Создателю нашему, во славу; родителямъ же нашимъ и *обществу всему* на пользу”. / Другая без переплета – Азбуковник русско-греческо-латино-французский и немецкий, без заглавного листа сохранилось всего 22 страницы, узенькая продолговатая тетрадка, 38 картинок, 20-х годов прошлого века, а происхождения французского (“Histoire” – надпись на развернутом свитке в картинке “История”), после “письменных букв” десять заповедей, а затем Отче наш по-гречески, по-латыни и по-немецки» (с. 6).

Замысел создания книги «Россия в письменах» (далее: *РвП*) возник у Ремизова в период окончания С. П. Ремизовой-Довгелло С.-Петербургского Императорского археологического института (1912),

в котором она прошла полный двухлетний курс обучения (1910–1912) и специализировалась по славяно-русской палеографии у проф. И. А. Шляпкина. Вместе с С. П. Ремизовой-Довгелло литератор обучался чтению древнерусских рукописей, а как художник-каллиграф — воспроизведению различных типов письма. Основа *РвП* — тексты-источники — были взяты Ремизовым из его личного собрания, начавшего формироваться в 1910-е гг., в основном, на базе дружеских даров; из обширных семейных архивов Рачинских и Философовых; а также из личного собрания его друга — архивиста, коллекционера И. А. Рязановского. Создаваемые Ремизовым тексты были частями единого творческого замысла — труда под заглавием «Россия в письмах». Отдельные журнальные и газетные публикации рассказов, входящих в *РвП*, начались в 1913 г. С самого начала реализация монументального замысла встречала непонимание со стороны издателей. Трудности публикации подготовленных текстов отражены в письмах Ремизова Д. В. Философову. См. письмо от 17 декабря 1914 г.: «Посылаю Вам три “России в письмах”. Посмотрите их, может, и пригодится которое письмо. Места не должны занять много: тексты можно было бы печатать мелко, а введения мои крупно. Гранки писем из “Заветов”, которые обещали прислать, пришлите. <...> Я думаю о 12 годе отдать в сборник — в *большой* сборник в пользу раненых Литер<атурного> Общ<ества>» (РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 79. Л. 2). Письмо от 10 декабря 1915 г.: «Дмитрий Владимирович, если Вам не надобна “Россия в письмах”, то прошу, пришлите мне ее — “Грамотку”» (РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 79. Л. 3). Письмо б. д. <1915?>: «В “Голос Жизни” отдал я 6 сказок <...> Уговорился с Л<еонидом> Евг<еньевичем> по 30 коп<еек> за строчку. Выходило по моим расчетам 200 руб<лей>. Деньги попросил вперед. И пришел артельщик (старичок такой складный), принес 200 руб<лей>, принес и условие подписать. А в условии сказано по 25 коп<еек> за строчку. Долго я морил Л<еонида> Евг<еньевича> у телефона. Согласился на 25 коп<еек> (потому согласился, что эти 200 руб<лей> под носом лежат, а отказаться страшно, нет ничего), согласился, но с уговором: дам я “Россию в письмах” “Разорение, общественно случившееся” 100 руб<лей> за лист. Напечатают эти письма и я не только не буду должен (ведь, если по 25 коп<еек>, как согласился, выходило, что сказки не покроют 200 руб<лей>), а мне еще должны будут. В последний раз Леон <ид> Евг<еньевич> мне сказал, что “Письма” пойдут в ближайшем №-е — в 2-х №-рах и пообещал корректуру прислать. <...> Если “Письма” теперь не пойдут, а мне почему-то кажется, что не пойдут *, мне нет никакого расчета давать

* Леон<ид> Евг<еньевич> знал всю пружину и потому, должно быть, решился их напечатать. — *Примеч. А. Р.*

рассказ, п<потому> ч<то> за этот рассказ получить мне ничего не придется, все пойдет на покрытие 200 руб<лей>. Только прошу Вас, мне их тогда верните: рукопись самих писем цела, а вступления к ним у меня нету. В "Голос Ж<изни>" я послал рукопись вступления и гранки писем (набрано было в "Заветах" для августа). Димитрий Владимирович, пишу я очень мало и очень кратко, длинные у меня только письма, п<потому> ч<то> не мои. И сую я их всюду на разбавку, их принимают, выдают деньги, а потом они возвращаются ко мне. Такая же история и в "Вершинах", там лежит письмо одно 1814 г. кн. Голицыну о Библейском обществе, англичанка писала. За него я 25 руб<лей> у Вл<адимира> Ник<олаевича> взял, а Гутзац испугался. Носил я это письмо в "Отечество", там оно не подошло. Если про это писать, и строчек не хватит. А пишу я это для того, чтобы сказать, какая это питательная вещь письма и как из этого ничего не выходит» (РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 79. Л. 4—5 об.).

Окончательная кристаллизация замысла свести отдельные тексты публикаций откомментированных Ремизовым исторических материалов в книгу «Россия в письмах» относится к концу 1916 г. и связана с издательским отделом благотворительного Скобелевского комитета (1904—1918). Перипетии этой неудавшейся попытки издания книги отражены в письмах Ремизова И. А. Рязановскому. 10 января 1917 г. Ремизов писал: «Дорогой Иван Александрович! Сейчас я составляю книгу "Р<оссия> в пис<ьмах> вып<уск> I Каменные пруды". Так как издать такую книгу невозможно за гонорар, я предложил ее в пользу детей осиротелых. Чехонин будет делать обложку. Рвусь к Вам, чтобы посоветоваться» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 11). О ходе работе над оформлением книги свидетельствуют открытки Ремизова Рязановскому: от 26 января 1917 г.: «<...> кланяется и поздравляет Чехонин, сидящий сейчас за моим рукописанием. Жду дорогого Ивана Александровича в субботу 28-го на совещание по украшению "России в письмах"» (Там же. Л. 16); от 6 февраля 1917 г.: «Дорогой Иван Александрович! В среду 8-го около $6^{и}$ ч. вечера буду у Вас. К этому времени подойдет Давыд Иванович Марьянов с художником. Решили Вам поклониться: дать указания и научить художника украшениям из Ваших сокровищ пряничных — мою "Россию в письмах" хотят ознаменовать Вашими пряниками. Книга поступит в продажу в пользу бехтеревского приюта "детей беженцев". Придется на обложке это сказать. Ужасное слово "беженцам". Пишу нескладно и... плохо себя чувствую. [*Посередине открытки схематичное ремизовское изображение титульного листа книги*: "Алексей Ремизов / Россия в письмах / Вып. I / Каменные пруды". *Сбоку от рисунка запись:* "1) надо подобрать для обложки рамку и буквы 2) украшения для отделения текста моего от материалов"]» (Там же. Л. 19). Данное воспроизведение обложки бу-

дущей книги свидетельствует об изначальном планировании Ремизовым издать несколько выпусков (томов) *РвП*. После Февральской революции Скобелевский комитет претерпел серьезную реорганизацию, затронувшую и деятельность его издательского отдела. Это сыграло негативную роль в деле публикации книги Ремизова. См. письмо-открытку Ремизова Рязановскому с характерной датировкой: «14 V 1917 Смутное время»: «Во вторник очень прошу Вас зайти к нам. Вдруг вспоминаю Марьянчика и начинаю беспокоиться. До чего это свинство у нас — я ему три открытки послал. Со скарбом насвинячили, с “Рос<сией> в письмах”» (Там же. Л. 26). В августе 1917 г. произошел раздел имущества благотворительного и просветительного отделов Комитета, значительно изменился характер его деятельности. Очевидно, все это способствовало окончательному краху планов публикации книги Ремизова. См. его письмо Рязановскому от 28 августа: «Надо отыскать Марьянова. Где-то в Скобелевском комитете надо искать его. (Где Скобел<евский> комитет не знаю, кажется на Суворовск<ом>.) Надо взять “Россию в письмах”» (Там же. Л. 30). Это письмо вложено в самодельный конверт с абстрактным рисунком Ремизова и адресом: «старцу Дебренскому Ивану Александровичу Рязановскому Кавказский пряник от А. Ремизова 1917 г. 29.VIII Ессентуки». Рисунок окружен надписями. Над ним написано: «Тушино»; под ним — «Смутное время»; справа — «Спасите мою “Россию в письмах” из рук нечестивых Марьянчика»; слева: «Приезжаем 9 (суббота) в 12 ч. 50 м. дня» (Там же. Л. 40). После Октябрьского переворота деятельность Скобелевского комитета была парализована, в апреле 1918 г. он был окончательно ликвидирован. Наборная рукопись книги, состоящая из текстов опубликованных и неопубликованных материалов, была возвращена автору. В 1917—1921 гг. Ремизов печатал материалы из подготовленной, но так и не изданной книги в периодике, дополняя ее состав новыми материалами. Тексты, созданные после 1917 г., имели политический подтекст, им был присущ скрытый, но легко прочитываемый антибольшевистский характер. В опубликованные ранее тексты писатель внес существенную лексическую правку: указал на принадлежность определенных дарителей или владельцев материалов-источников к числу князей или кавалеров придуманной Ремизовым, оппозиционной по отношению к существующему режиму Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпала).

В 1918 г. кроме прежнего названия «Россия в письмах» в публикациях подборок текстов появляется название «Россия в письменах». Издание первого тома «России в письменах» (*РвП-1*) стало возможным только в Берлине в 1922 г. (издательство «Геликон»). Книга вышла в оформлении художника В. Н. Масютина.

В сжатом виде история создания книги и планировавшегося продолжения — второго тома «России в письменах» (далее: *РвП-2*) изложена в дарственной надписи Ремизова жене на экземпляре *РвП-1*, хранящейся в ИРЛИ: «Этот экземпляр, зовомый, так начал бы / Иван Александрович принадлежит тебе / а надписан в Charlottenburg в веселом / месяце мае 28 1922. / Никогда я не думал, что удастся осуществить / такую книгу / начал положен был, когда ты археологическ<ий> / институт кончала и / я “воспрiял” приятную / науку археологию / с тех пор все и пошло. / А столько было предварительных / всяких упражнений / скорописных, / опытов и ошибок. / на Таврической вся наука прошла / и упражнения / с Таврической связано по преимуществу / и потом на В. О. продолжение. / Еще 1 том и этим закончится. / Будет разве что под старость, / если суждено будет / прийти и старости / и в мой век. / А сколько раз эта книга готовилась напечататься, / и однажды потерялась у Марьянова-Марьянчика / — Наталья Васильевна выручила. / Вот и вся история книги / связанная с Иваном Александровичем Рязановским / а тебе благодарность / за науку / Алексей Ремизов. / Пишу и солнышку радуюсь, только деньги смущают — / не приходят, да еще-то что / только надо сделать / часов не хватит!» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 108; далее: *РвП-1-ИРЛИ*).

Подготовительные материалы-источники *РвП* по своему составу представляют собой: 1) принадлежавшие Ремизову (в основном, подаренные) оригиналы древнерусских рукописей и автографов XVII — начала XX в.; 2) переписанные им и неустановленными лицами копии текстов и документов из личных архивов; 3) фотокопии памятников письменности. Источники *РвП* сохранились не полностью и находятся в частях личного архива Ремизова, имеющихся в различных архивохранилищах (ГЛМ, ИРЛИ, РГБ, РНБ, РГАЛИ), а также в составе личных архивов других лиц и отдельных коллекций. Сохранившиеся материалы свидетельствуют, что в 1912—1921 гг. Ремизов вел работу по созданию планомерно пополняемой и расширяемой базы источников *РвП*, уже к 1917 г. планируемой автором к изданию в нескольких выпусках (в дальнейшем — томах). Имеющиеся тексты-источники делятся на: 1) использованные в *РвП-1* и в *РвП-2*; 2) только подготовленные для последующего включения в состав литературных произведений Ремизова. Их палеографический анализ показал, что писатель переписывал бóльшую часть источников черными чернилами на однотипной бумаге в 4-ку, сразу же делая красными чернилами разметку для последующего набора (указания на размер кегля, интервалы и красные строки в тексте). Материалы, предназначенные для создания дальнейших текстов *РвП*, но не использованные писателем, наиболее полно представлены в папке, содержащей в себе переписанные

Ремизовым архивные документы XVII—XIX вв. (*РвП-Материалы*). На титульном листе папки — надпись рукой неустановленного лица: «Россия в письменах. Том II». Фактически это — комплекс подготовленных источников — «заготовок» для второго тома *РвП*. Копии выполнены на однотипной бумаге в 4-ку черными чернилами, заголовки и предварительная разметка для наборщика сделана красными чернилами. В РГАЛИ имеется значительный комплекс переписанных Ремизовым копий писем и документов из архива Рачинских и Философовых (Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 52—60), частично использованных в *РвП-1* и *РвП-2*. Часть из них по палеографическим характеристикам рукописей однотипна с *РвП-Материалы*. В РНБ в архиве Д. В. Философова сохранились два самодельных альбома, созданных Ремизовым и связанных с его работой над документами из семейного архива Философовых. Во-первых, это — рукописная тетрадь в 4-ку, содержащая оригиналы писем Философовых конца XVIII — первой трети XIX в. (РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 11. 16 л.). На обложке альбома посередине листа надпись Д. В. Философова: «Подарок Алексея Михайловича Ремизова ко дню моего рождения, 26 марта 1919 г. Д. Философов». Вверху справа надпись Ремизова: «Богдановское. 4-е письма: прадедушки, прабабушки и деда Димитрия Владимировича Философова 1793 г. 27 VIII 1801 г. 31.X 1818 г. 8. IX 1837 г. 18. III». На л. 1 тетради рукой Ремизова вычерчено родословное древо членов рода Философовых, упоминаемых в письмах, и нарисован герб рода. Далее следуют оригиналы писем. Тетрадь завершается написанной Ремизовым краткой библиографией, в которой перечислены источники сведений о генеалогии Философовых. Во-вторых, это — рукописная самодельная тетрадь в 4-ку, работы Ремизова, содержащая его записи черными и красными чернилами (РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 200. 8 л.). На обложке надпись: «Реестр / Архива / сельца Загвоздье / Философовых / 1763—1845 / 1873, 1884 / (1101 документов)». Наверху обложки карандашная дата рукой Философова: «1919 г.». Часть подготовительных материалов для продолжения создания текстов для *РвП* Ремизов увез с собой в эмиграцию. В парижской части архива Ремизова в ГЛМ (Ф. 156. Оп. 2) находится папка с ремизовским заголовком: «Алексей Ремизов. Материалы к “России в письменах”» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 78. 71 л.). На л. 1 Ремизовым переписан состав находящихся в ней материалов: «1) Летописный список XVII в. — 1685 / 2) Новгородские рукописи / 3) Лицевое житие Федора Стратилата / 4) «Брюсов календарь» / 5) Часовник / 6) О построении храма (Библия) / 7) Письмо Михаила Индийского 24 XI 1864 / 8) Альбом / 9) Письмо из России / 10) Письмо / 11) Устьсысольск». После списка в папке находятся материалы: 1) «Летописец XVII века». Выписки рукой Ремизова. 1938 г. (л. 3—18); 2) «Новгородские рукописи». Выписки рукой Ремизова с перерисо-

ванным списком сокращений под титлами. <Б. д.> (л. 23—33); 3) «Образ Федора Стратилата». Копия рукой неустановленного лица. <Б. д.> (л. 35—39); 4) «Брюсов календарь». Копия рукой неустановленного лица. <Б. д. > (л. 41); 5) «Часовник». Переписанное Ремизовым начало Часовника 1701 г. <Б. д.> (л. 43—46); 6) «О построении храма». Выписки из Библии рукой неустановленного лица. <До 1917 г.> (л. 44—46); 7) Письмо Михаила Индийского 24 XI 1864. Копия рукой неустановленного лица. <До 1917 г.>. (л. 47—49); 8) «Альбом». Переписанный рукой неустановленного лица текст альбома конца XVIII в. <Б. д.>; 8) «Письмо из России». Автограф — оригинал письма крестьянина. Дата-помета Ремизова: «1921 г.»; 9) «Устьсысольск». <Рассказ Ремизова «Адольф Келза»>. Машинопись. <Б. д.> (л. 63—71). Отдельно в составе той же части личного архива Ремизова находятся: **I.** Оригиналы рукописей: 1) Письмо Индийского Михаила брату Алексею Гавриловичу и сестре Елене Ивановне. 24 XI 1864. — Автограф (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1015. 2 л.). — Письмо хранилось среди материалов книги «Россия в письменах. Том 2» (Там же. Ед. хр. 81. Между л. 60 и 61); 2) Рапорт полковника Романовича $1^{\text{го}}$ командиру отдельного корпуса внутренней стражи господину генералу-адъютанту графу Комаровскому. 23 февраля 1823 г. — Автограф (Там же. Ед. хр. 1014. 1 л.). — Рапорт хранился среди материалов книги «Россия в письменах. Том 2» (Там же. Ед. хр. 81. Между л. 46 и 47); **II.** Фото- и иные материалы: 1) «Царским указом», «Гербуцы». Материалы к книге «Россия в письменах. Том 2». — Фотографии документов, копии с документов рукой Ремизова и Н. В. Резниковой (Там же. Ед. хр. 80. 4 л.); 2) Оттиск гербовой печати и фотографии памятников Петру Первому в Ревеле и Риге. Материалы к книге «Россия в письменах. Том 2» (Там же. Ед. хр. 81. 1 л.).

Автографы ремизовских рассказов, в дальнейшем вошедших в *РвП-1*, почти не сохранились. Анализ имеющихся материалов показал, что часть оригиналов источников, автографов-наборных рукописей и вырезок первых публикаций произведений из *РвП-1* были оформлены Ремизовым в виде мини-альбомов, предназначенных для дарения или, возможно, для продажи. При этом в большей части случаев они имеют палеографические характеристики (бумага в 4-ку, черные и красные чернила, тип почерка), характерные для *РвП-Материалы*. Так в РГБ находятся несколько таких мини-альбомов с каллиграфически выполненными красными чернилами названиями отдельных рассказов, предваряемых общим заглавием: «Алексей Ремизов. Россия в письмах». Альбомы состоят из текста-вырезки первой публикации и из приложенного к ней оригинала источника. В архиве И. А. Рязановского в ГЛМ (Ф. 19) сохранился беловой автограф с правкой — наборная рукопись первой публикации текста «Львова

печать иерея Андрея. Письмо клейменое. 1810—1883» (ГЛМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 73. 6 л.) с тем же общим заглавием («Алексей Ремизов. Россия в письмах»), что и в мини-альбомах РГБ. Вероятно, автограф был подарен автором Рязановскому, чей устный рассказ стал источником сюжета «Львовой печати».

Наборная рукопись *РвП-1* на настоящее время не выявлена. См. относящееся к 1950-м гг. свидетельство Ремизова: «По моей археологической страсти я не выбрасываю рукописи <...> В Берлине начал вновь собирать, и собранные черновики и рукописи <...> перевез в Париж. А в Париже — это собранное в Берлине, рукописи, взялся один отвезти в Петербург, а потом исчез, тем и кончилось, мой архив пропал» (*Кодрянская 1959*. С. 118—119).

После выхода из печати *РвП-1* получила положительные критические отзывы. А. Вольский отметил, что «“Россия в письменах” — одна из самых своеобразных исторических хрестоматий, какие когда-либо появлялись на Руси. <...> И вот немые цифры оживают под магическим дуновением ремизовской любви к русской старине, таящей в себе столько трогательного, наивного, почти маниакального, со всеми крайностями такого подхода к “доброму старому времени”» (Накануне (Берлин). 1922. 13 апр. № 16. С. 5). «Мих.» [М. Осоргин] писал: «Вышел первый том ремизовской затеи — книга чрезвычайно интересная, вдвойне любопытная. Она любопытна для всякого любителя старины, так как собрана в ней цветная мозаика книжных курьезов, документов, печных изразцов, крестов восьмиконечных, волшебных карт и цифр, — и искусно, как умеет и знает А. Ремизов, приправлена воспоминаниями и рассказами его удивительного, совершенно оригинального слога. Она интересна и тем, что вводит нас в лабораторию писательского творчества, показывает, откуда, из каких письмовников, оракулов, азбук, календарей старинных, рукописных книжечек, записных книг Приказной или Судной или Съезжей Избы черпает он и свое вдохновенье, и свое искусство. И правда, из всех этих обрывышков, из никому, казалось бы, не нужных записей и полустертых надписей, из письмен — встает старая Россия, в простой и крепкой вере, во вкусном суеверии, в уюте изразцовой печи и бани с веником, в горестях и радостях еще несложного быта (Дни (Берлин). 1922. 5 нояб. № 7. С. 14). Рецензент той же газеты, скрытый под инициалами «П. Ш.», подчеркнул художественные достоинства книги: «А. Ремизов — страстный любитель старины. <...> В течение многих лет он неустанно подбирал всякие памятники прошлого, старые книги, грамоты, записки, крестики, ковши, печати, все, в чем так или иначе запечатлелись черты когда-то живших людей и их времен. “Россия в письменах” представляет собой плод этой многолетней работы. В ней Ремизов раскрывает перед читателем свою связь с прошлым, которое

продолжает жить для него какой-то странной потусторонней жизнью. <...> Иногда собранные им памятники старины говорят сами за себя. Но это бывает редко. Чаще случается, что заставляет говорить их Ремизов, оплетая их причудливым художественным узором. А то бывает и так, что Ремизов берет какую-нибудь маленькую, маленькую печатку, — и, ухватившись за нее, набрасывает пером подлинного художника картину жизни целого поколения. / <...> К некоторым памятникам старины Ремизов чувствует особую близость. Так бывает в тех случаях, когда памятник старины связан с судьбой людей, близких автору или созвучно настроенных с ним. С любовью он вспоминает и о предках этих людей. И как всегда у Ремизова, он умеет мастерски, иногда в двух, трех словах, выразить свое настроение и перевести читателя в тот мир, куда только он один знает путь. / То, что дает Ремизов в своей книге, не история и не археология. Он вычитывает и раскрывает в памятниках старины то сокровенное, что доступно только художнику. Поэтому всюду чувствуется его своеобразная индивидуальность, и памятник как-то сливается с настроениями и мыслями Ремизова в одно целое. / Содержание памятников старины, подобранных в книге Ремизова, пестро, как пестра человеческая жизнь, как пестра Россия». В то же время рецензент не увидел художественной целостности *РвП-1*: «Есть в книге и вещи, попавшие в нее совершенно случайно и не имеющие к ее содержанию никакого отношения, кроме того, что они запечатлелись в памяти А. Ремизова. Такими случайными вкраплинами представляются описания двух немецких азбук лейпцигского издания, по которым училась мать Ремизова. Их-то уж ни в каком случае нельзя подвести под тему: “Россия в письменах”» (Руль (Берлин). 1922. 4 июня. № 470. С. 7). На фоне в целом благожелательных, но поверхностных статей выделяется развернутая статья-рецензия Д. Философова «Бытовая Россия» из цикла «Литературная хроника». Этот критик был детально осведомлен и так или иначе участвовал во всех этапах работы Ремизова над *РвП*. В 1910-е гг. он предоставлял писателю тексты-источники – материалы из своего семейного архива, помогал публикации отдельных рассказов. Статья Философова — это первая попытка не только критического осмысления книги Ремизова, но и создания реального комментария к ней. «Когда А. М. Ремизов печатал свою “Россию в письменах” отдельными кусками в русских газетах и журналах, начиная с 1914 года, редакторы пожимали плечами, а читатели улыбались. / Возьмет Алексей Михайлович какую-нибудь старую бумажку 17-го века или письмо 18-го, или девичий альбомчик сороковых годов прошлого века, или старенький шестиконечный крест, словом, какую-нибудь бытовую мелочь старой России и преподнесет ее читателю, окутав предварительно своим, личным опытом, своей, ремизовской интимностью. / Непременно расскажет кто ему

письмо, или крест, принес, кто отец и бабушка "обезьяньего князя" Соколова-Микитова или Рязановского, который собирал в Костроме всякую старину и издал в 100 экз. интереснейшие воспроизведения со старинных пряничных досок. / Начинается книга с описания Вологодской бани, где Ремизов парился с "Павлом Елисеевичем". Он не говорит, кто этот "Павел Елисеевич", но мы-то знаем, что это Щеголев, автор многих, крайне ценных исследований о Пушкине. Тогда в Вологде, он под руководством ныне покойного академика Шахматова (одного из самых замечательных русских ученых и русских людей) занимался русскими апокрифами и древними русскими повестями. Помнится — Щеголев тогда напечатал в "Записках Академии Наук" исследование об "Афродитиане". / Он и ввел Ремизова в святилище старины или, как говорит Ремизов: "насмотрелся я, слава Богу, навострил глаз на старой бумаге, на буквах непонятных для нынешнего глазу". Благодаря Щеголеву. Здесь надо было бы сделать маленькое отступление о Вологде конца 19-го века. / Там, благодаря департаменту полиции скопилось много интересной, но "неблагонадежной" молодежи: Н. А. Бердяев, П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков, А. М. Ремизов, С. П. Довгелло и мн. др. Все люди, каждый по-своему, замечательные. Кое-что об этой эпохе вошло уже в литературу. Кажется, о ней писал, между прочим, и Б. В. Савинков. Но особенно сочны о ней были устные рассказы. / Но возвратимся к сборнику. Если выдержки из него печатались прежде как некий бытовой и литературный курьез, то теперь этот сборник получил совсем особое значение, особый смысл. / Точно вещее сердце этого "обезьяньего царя", этого "суслика", который смотрит на мир испуганными глазами, предсказывало ему, что все скоро рухнет, что наступит пора, когда в апокалиптической "грозе и буре" все будет сметено. Сметена и "старая бумага" Ремизова, его игрушки, составлявшие как бы его музей. / "У меня же Письмовник в моей книжнице на верхней полке всегда перед глазами, а караулит его заяц", — пишет Ремизов (стр. 160). / Караулит ли? Не пропали ли зайцы и белки А. М. Ремизова вместе с его письмовником? / Как бы то ни было, а книга осталась. / Странная, не для всех понятная, но милая и близкая всякому русскому. / Есть в ней запах России. "Жарким летом, когда пахло пылью и старыми кожами, я проходил по костромскому Гостиному двору, омытый солнечным пригревом. На сухих, горячих ларях разбросаны были разные пустяки и между ними старинные книги, картины, обрывки бумаг..." ("Нарва"). / Разве возможен этот запах теперь? Возможен старый, провинциальный Гостиный Двор, полный всякого добра? / А вот и целая повесть о "калужском тесте". Привез его Ремизову Соколов-Микитов, вместе с письмовником. / Четыре коробки: ананасное, лимонное, яблочное, шоколадное. "Калужским тестом угощали мы всех гостей наших. Шоколадную коробку

в один присест съел Слон Слонович (Юрий Верховский), лимонную послал я Гаральду Васильевичу Вильямсу на удивление англичанам! (ныне г. Вильямс состоит членом редакции газеты "Times" в Лондоне. — *Д. Ф.*). Все ели тесто, я помню, долго оно у нас не переводилось..." Было это уже в 1918 году. Продолжает ли Калуга печь это тесто, радовавшее Ремизова, еще когда он был мальчиком? / А нам, эмигрантам, эти напоминания о вкусе и запахе старой России, когда мы находимся на чужбине, и сладки, и приятны. / Само собой, разумеется, что этим не исчерпывается содержание книги. В ней много и очень существенного в историческом отношении» (За свободу! (Варшава). 1922. 8 окт. № 275. С. 2).

С. 5. *...родился я в Москве, в московских Толмачах...* — Ремизов родился в Замоскворечье, в собственном доме отца — М. А. Ремизова в Малом Толмачевском переулке, дом 8/11, строение 1. Переулок идет от Большого Толмачевского переулка до Кадашёвской набережной Москвы-реки. Через реку открывается вид на панораму Кремля.

Реут-колокол — второй по величине колокол на Успенской звоннице Московского Кремля. Был отлит мастером Андреем Чоховым в 1622 г.

Иван Великий — церковь-колокольня Ивана Великого (XVI–XVII вв.), находящаяся на Соборной площади Московского Кремля. Высота 81 м.

Столповое пение — основной вид древнерусского богослужебного знаменного пения, которым распет практически весь корпус книг русской богослужебной литургической традиции. Название происходит от слова «столп» — восьминедельного цикла «Октоиха» — книги, распетой данным распевом и получившей распространение на Руси в последней трети XV в.

Успенский собор (XIV в.) — православный храм, расположенный на Соборной площади Московского Кремля. Усыпальница глав Московской православной церкви. Архитектор — Аристотель Фиораванти. С 1991 г. — патриарший кафедральный собор Патриарха Московского.

Соборяне — мн. ч. от *соборянин* — служитель культа (священник, дьякон, дьячок), служащий в соборе.

...как при царе Иване пели. — Скорее всего имеется в виду Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584), — с 1533 г. — великий князь Московский, с 1547 г. — первый царь всея Руси.

...самогласен Подобаше... — цитата из текста стихиры: «Самогласен: Подобаше царствующему градов...».

Лития — в православном богослужении часть всенощного бдения, следующая за просительной ектеньей.

...перед чудотворным образом Владимирской... — Имеется в виду находившаяся в Успенском соборе святыня — Владимирская икона Божией Матери (Византия, XII в.). После закрытия Успенского собора в 1918 г. икону изъяли для реставрации, в 1926 г. передали в Государственный исторический музей. С 1930 г. была в Государственной Третьяковской галерее. С сентября 1999 г. находится в церкви Святителя Николая Чудотворца в Толмачах при Третьяковской галерее.

...и перед ~ Благовещением... — русская икона Благовещения Пресвятой Богородицы («Устюжское Благовещение», XII в.). Была перенесена в Успенский собор Московского Кремля из Великого Новгорода царем Иваном Грозным. С 1930 г. — в Государственной Третьяковской галерее.

Спас «Ярое око» — русская икона (XIV в.). Находится в Успенском соборе, в нижнем ряду иконостаса, шестая от царских врат.

А там у Петра митрополита Божия Матерь-теплая ручка... — В Петропавловском приделе собора Успения Богоматери Московского Кремля у раки святителя Петра стояла икона «Богоматери Владимирской с праздниками на полях» (ок. 1514 г.). Икона была точным списком со святыни — иконы Богоматери Владимирской (XII в.), но на полях иконописец воспроизвел праздники с оклада митрополита Фотия, а между ними поместил образы святителей. Главной композиционной особенностью списка 1514 г. было высокое положение левой руки Богоматери, касающейся пальцами рукава одежды Младенца Христа. Только в 1514 г., после поновления-реставрации византийской чудотворной иконы XII в. было восстановлено первоначальное положение высоко поднятой руки Богоматери и появились аналогичные по композиции иконы-списки. Первый из них — «Богоматерь Владимирская, с праздниками на полях» — икона, всегда находившаяся в Успенском соборе. Во 2-й половине XVII в. ее перенесли в Петропавловский придел. В плохую погоду этот образ носили в крестных ходах вместо древней чудотворной иконы. В настоящее время находится в Успенском соборе в киоте с левой стороны от царских врат (на том месте, где до 1918 г. стояла чудотворная икона Владимирской Богоматери). Вероятно, именно эта икона прозывалась верующими «Божия Матерь-теплая ручка».

Макарьевские Четьи-Минеи — Великие четьи-минеи — сборник XVI в. из 12 книг, на каждый месяц года начиная с 8 сентября, включающий в себя жития святых на каждый день, святоотеческие поучения и апокрифы. Сборник был составлен под руководством Макария (имя в миру Михаил; ок. 1482—1563) — архиепископа Новгородского и Псковского (с 1542 г.), впоследствии митрополита Московского и всея Руси (с 1542 г.).

С. 6. *...слышал я имена Погодина и Забелина ~ слушал я лекции самого Василия Осиповича Ключевского... — Михаил Петрович Погодин* (1800—1875) — историк, журналист, писатель, коллекционер. *Иван Егорович Забелин* (1820—1908) — историк, археолог; член-корреспондент (1884) и почетный член С.-Петербургской АН (1892); инициатор создания и товарищ председателя Российского Исторического музея им. Императора Александра III, тайный советник. *Василий Осипович Ключевский* (1841—1911) — историк, академик С.-Петербургской АН (1900).

Тут наступил срыв в моей жизни и начало плавания моего по морю житейскому ~ выплыл я в Вологде, и свела меня судьба с князем обезьяньим, П. Е. Щеголевым. — 18 ноября 1896 г. вольнослушатель Московского университета Ремизов был арестован на студенческой демонстрации в память о событиях на Ходынском поле и осужден на два года ссылки в г. Пензу. За продолжение революционной деятельности он был вновь арестован и выслан в Вологодскую губернию на три года (Усть-Сысольск, Вологда, 1900—1903). В Вологде он познакомился с ссыльным студентом Петербургского университета, историком литературы и общественного движения *Павлом Елисеевичем Щеголевым* (1877—1931), сыгравшим значительную роль в становлении Ремизова-писателя. Подробнее см.: *Грачева 2000.* С. 12—30.

Жили мы в Вологде испокон веков в одном доме у Подосенова. ~ Вместе ели, пили, купались, вместе ходили в баню. — В Вологде Ремизов и Щеголев жили на Желвунцовской улице. См. главку «Предбанная память» в книге воспоминаний Ремизова «Иверень»: «Ходили мы в Вологде в баню, займем номер: Павел Елисеевич Щеголев, Борис Викторович Савинков и я. И, как бывало, тру спину Павлу Елисеевичу, а он песни поет — голос у него в пару особенно, с наливом и так звонко, все соседи, бывало, всполошатся <...> а я все на скорую, без очков сослепу мне и шайки не найти, а как выйду в предбанник одеваться, тут вот у меня и разыгрывается — и я сочиняю всякие “истории с географией”» (*Иверень-РК VIII.* С. 476—477). См. также рассказ «Северные Афины» (с. 687—691 наст. изд.).

Павел Елисеевич ~ на воронежских пшеничных хлебах питан... — П. Е. Щеголев родился в д. Верхняя Катуховка Воронежского уезда Воронежской губернии и окончил Воронежскую классическую гимназию (1895).

...чего только не рассказывал Павел Елисеевич! О Персиде, волхвах персидских... — Имеется в виду блестящая студенческая работа Щеголева, посвященная древнерусскому апокрифическому памятнику «Сказание Афродитиана». По рекомендации Академии наук она была опубликована (Известия Отделения русского языка и словесности

Императорской Академии наук. 1899. Т. IV. Кн. 1. С. 148—199; Кн. 4. С. 1300—1344).

...начнет с санкскритского, кончит по персидскому... — Щеголев сначала учился на санскритско-персидско-армянском отделении факультета восточных языков С.-Петербургского университета, затем перевелся на историко-филологический факультет.

С. 7. *Покатилася головка ~ атамана казака.* — Фольклорный вариант песни «Казнь Степана Разина» (слова И. З. Сурикова).

...мне письма самого Гоголя показывал! Ему из Академии в Вологду добра этого тюками присылали... — В вологодской ссылке Щеголев работал с материалами по биографии Н. В. Гоголя (см.: *Щеголев П. Е.* Из школьных лет Н. В. Гоголя, 1821—1828 // Исторический вестник. 1902. № 2. С. 509—547).

А премудростям палеографическим ~ научила меня ученица покойного профессора Илии Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, действительный член санкт-петербургского археологического института. — В 1910—1912 гг. жена писателя *С. П. Ремизова-Довгелло* (1876—1943) прошла полный курс обучения в С.-Петербургском Археологическом институте по специальности русская палеография, преподавателем которой был филолог-медиевист, профессор *Илья Александрович Шляпкин* (1858—1918). См. подробнее: *Грачева 2000.* С. 73—91.

Пески — исторический район Петербурга, находящийся на месте Советских улиц (ранее Рождественских) , а также пересекающих их Мытнинской и Дегтярной улиц, Суворовского, Греческого и Лиговского проспектов. Этимология названия района восходит к песчаной гряде, протянувшейся вдоль Лиговского проспекта и доходившей до Суворовского проспекта, Невы и далее по Охте.

Каменноостровский проспект — проспект в Петербурге, проходящий от Троицкой площади до набережной реки Большой Невки.

Суворовский проспект — один из крупнейших проспектов Петербурга, проходящий от Невского проспекта до площади Пролетарской Диктатуры (с 1854 по 1918 г. — Лафонской площади).

С. 8. *Смольный* — имеется в виду комплекс зданий Воскресенского девичьего Смольного монастыря, действовавшего на востоке Петербурга в 1744—1764 гг. С 1764 г. на территории монастыря располагался Смольный институт благородных девиц.

Потребникъ филаретовскій — имеется в виду старопечатная книга, изданная по благословению святейшего патриарха Филарета: Требник. М., 1623 (переизд.: 1625, 1633 — дважды). *Потребник* (требник) — богослужебная книга, содержащая чинопоследования таинств и других священнодействий, совершаемых православной церковью в особых

случаях и не входящих в состав храмового богослужения суточного, седмичного и годового круга.

С. 8. *...дар дебренского блудоборца и князя обезьяньего Иоанна Рязановского – Иван Александрович Рязановский* (1869–1927) – историк-архивист, юрист, искусствовед, коллекционер рукописей, редких изданий, предметов народного быта, в 1910-е гг. один из ближайших друзей писателя. Ремизовское прозвище Рязановского («Дебренский блудоборец») связано с его проживанием в г. Костроме рядом с церковью Вознесения Господня на Дебре (XVII в.), а также с обстоятельствами его лечения от хронического заболевания. В Обезьяньей Великой и Вольной палате Ремизова носил титул обезьяньего князя.

С. 9. *...по крюкам пел...* – Имеется в виду знаменное пение – основной вид древнерусского богослужебного пения. Название происходит от невменных знаков («знамен», «крюков»), использовавшихся для его записи.

...дар старейшего кавалера обезьяньего знака, странника и Евгения злодиевского от варяг – Е. Г. Лундберга. – Евгений Германович Лундберг (1887–1965) – прозаик, литературный критик, мемуарист. В Обезьяньей Великой и Вольной палате Ремизова носил титул старейшего кавалера обезьяньего знака, варяга Евгения Злодиевского, странника (см.: *Обатнина 2001*. С. 350).

С. 10. *В Благовещениев день, по отпущении на волю птички ...* – По русскому народному обычаю, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта) выпускали на волю птиц.

С. 11. *Ja Stanisław Hirzda reką swą własną darowałem ~ stego siodmego kwietnia* (польск.). – Перевод: «Я, Станислав Хижда, своей собственной рукой подарил пану проповеднику мацкискому пану Яну Новогурскому эту святую Библию 1624 года 24 мая. / Я, Хвост Мацей, заявляю, что .... после жены моей, бывшей Новогурской. 1624 года Мацей Хвост. / Я, Захария Новогурский, дал пану Юзефу святую Библию и с краковским ..... на время ... от января .... седьмого апреля». Владельческие записи скопированы с ошибками в польском языке. В связи с этим перевод ряда слов невозможен.

Скоропись – вид кириллического письма, возникший во второй половине XIV в.

...из записной книги Приказной или Судной или Съезжей Избы... – Приказы – органы центрального государственного управления в Русском государстве в XVI–XVII вв. Судный приказ (судная изба) – судебный орган. Съезжая (приказная) изба – канцелярия воеводы, куда съезжались служилые люди уезда на смотры и перед походами.

С. 13. *Exercitium Scholasticum* (*лат.*) – схоластическое упражнение.

Notre Dame (*фр.*) – имеется в виду собор Нотр-Дам (фр. Notre Dame de Paris) – католический храм в центре Парижа, возведенный в 1163–1345 гг.

...наш Никола в Бари покоится, и в Риме Алексей Божий человек... – Мощи святого Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских (ок. 270 – ок. 345), ныне находятся в базилике Святого Николая в г. Бари (Италия). Мощи святого Алексия, человека Божьего (конец IV – начало V в.), хранятся в базилике святых Бонифация и Алексия в Риме.

Калики – старинное название пеших странников, паломников, поющих духовные стихи и былины.

...если огненная Последняя Русь... – имеются в виду старообрядцы, в конце XVII-го и на протяжении всего XVIII в. в связи с ожиданиями грядущего конца света и с протестом против преследований властей практиковавшие добровольные самосожжения. См. также неоднократно использовавшуюся Ремизовым скрытую цитату из «Послания» дьякона Федора – сподвижника протопопа Аввакума, сожженного вместе с ним в срубе в 1682 г.: «Мерзость запустѣнія – неправедное священство и прелесть антихристова на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на алтари неправославная служба, еже и видимъ нынѣ сбывшееся. Инаго уже отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ» (*Дьякон Федор*. Посланіе въ Москву из Пустозерска // Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 6: Историко и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 3: Сочинения бывшего Благовещенского собора диакона Федора Иванова / Под ред. Н. Субботина. М., 1881. С. 66). Ср. в «Слове о погибели Русской Земли» (1917): «Где ты, родная твердыня, Последняя Русь? <...> Или нет больше на Руси – Последней Руси бесстрашных вольных костров?» (*Взвихренная Русь-РК V*. С. 405). Ср. также в рец. «Ни за нюх табаку: (Пьеса Евгения Замятина – “Огни св. Доминика”» (1920): «Заволжские огнепальные старцы “Последней Руси”» (*Русалия-Росток XII*. С. 965).

«Хождение Богородицы по мукам» – переводной древнерусский памятник апокрифической литературы (XII в.), в котором описано посещение Богородицей ада, где мучаются грешники.

...читаете ~ по-фряжски... – т. е. по-итальянски. От слова «фряги» – древнерусского названия выходцев из Южной Европы романского происхождения, обычно итальянцев.

С. 15. *Пейзан* (от фр. paysan) – крестьянин, селянин.

Шлык – чепец, шапка, головной убор, имеющий коническую форму.

Стоит Самсон и у его ног лежит вверх лапами ~ лев... – Библейский герой Самсон обладал неимоверной силой. При встрече со львом он схватил зверя и разорвал его руками.

С. 16. *Армяк* — верхняя долгополая распашная одежда из грубой шерстяной ткани.

С. 19. *Ландкнехт* (нем. landsknecht) — солдат-наемник.

Кунгурец — житель г. Кунгур (основан в 1648 г. в Пермском крае).

Петр I Алексеевич (Великий) (1672—1725) — царь всея Руси (с 1682 г., до 1692 г. совместно с братом Иваном V), император Всероссийский (с 1721 г.).

С. 20. *Ярыжный налог* — налог с *ярыжных людей* — в России XVI—XVIII вв. общее название нескольких категорий бедного населения (наемных рабочих: грузчиков, бурлаков, погонщиков и т. п.).

Голова кружечный и таможенный — в Московском государстве выборное должностное лицо на вере, отвечающее за сбор таможенных пошлин и кабацких сборов.

Столбец (*ист.*) — длинная лента из подклеенных один к другому листов, свертываемая в свиток (способ хранения документов в приказах).

Николай Иванович Кардаков (1885—1973) — энтомолог, специалист по бонистике.

...в Хлынове городе — в Вятке... — старые названия города Кирова (после 1181—1781 — Хлынов; 1781—1934 — Вятка).

...наследие старой тишайшей Руси... — Определение Ремизовым Руси XVII в. основано на прозвище *Алексея Михайловича* («Тишайшего»; 1629—1676), второго царя из династии Романовых (1645—1676). «Тишайший» (лат. clementissimus) — почетный титул латинского происхождения, означающий «тишину» (спокойствие, благоденствие) в стране во время правления государя. Не имеет отношения к свойствам характера Алексея Михайловича.

С. 21. *грыдоровальное* (*устар.*) — гравированное.

...память зарецкая... — зд. от названия имения в Тверской губернии — Зарецкое.

...Богородичные иконы... — иконы, отражающие христианскую Богородичную догматику.

Подлинник — имеется в виду иконописный подлинник — руководство по иконографии, собрание образцов (прорисей) икон, располагаемых по дням церковного почитания.

Изуграфское (*др.-рус.*) — иконописное.

Богородице Дѣво радуйся, Благодатная Марiе! — цитата из молитвы Богородице (*«Богородице Дѣво радуйся»).*

Дошли ~ святые иконы в ~ отпечатках — «грыдоровальныхъ рѣзяхъ» по Петрову сказу. — С 1698 г. по указу царя Петра Алексеевича в Оружейной палате Кремля была основана мастерская по печатанию светских гравюр.

Богородица Ерманская — Германовская (Ерманская) икона Божией Матери — особо чтимый в России тип иконы, который, по церков-

ной традиции, связывают с именем патриарха Константинопольского Германа, защитника иконопочитания (VIII в.).

С. 22. *Владимир Алексеевич Пяст* (наст. фам. Пестовский; 1886—1940) — поэт, прозаик, литературный критик. Кавалер обезьяньего знака Обезвелволпала.

...образа Пресвятыя Богородицы Ясногорскія... — Изображение восходит к чудотворному образу Ченстоховской иконы Божией Матери (IX—XI вв.), находящейся на Ясной Горе (польск. Jasna Góra) в польском городе Ченстохова. Иконографический тип иконы: Одигитрия.

Залавок — длинный глухой стол в виде закрытого ящика, прилавок.

С. 23. *...не говори, что молодость сгубила, всю зиму ты ходила без штанов...* — переложение в эротическом духе романса «Не говори, что молодость сгубила...» (слова Н. А. Некрасова, музыка Я. Ф. Пригожего (1877), А. С. Фаминцына (1889)). Частично текст приведен в издании повести «Пятая язва» 1912 г. (*Плачужная канава-РК IV*. С. 213). В издании «Пятой язвы» 1922 г. начальная строфа «переложения» приведена почти полностью: «Не говори, что молодость сгубила, / ты ревностью истерзана моей, / Не говори, что ... простудила, / всю зиму ты ходила без штанов...» (*Ремизов А.* Пятая язва. М.; Пб.; Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1923. С. 79).

С. 24. *Колотушечник* — сторож.

Исправник — начальник полиции в уезде.

...уездный член... — зд.: член уездного Окружного суда.

Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — историк литературы, поэт, литературный критик. Ремизовское прозвище: «Слон». Кавалер обезьяньего знака Обезвелволпала.

С. 25. *...красуя серебряный мой домик — обезьянью великую и вольную палату...* — речь идет о ремизовской настенной росписи в его последней петроградской квартире (14 линия Васильевского острова, д. 31/33, кв. 48), в которой писатель жил с сентября 1916 г. по май 1920 г. См. фотографию этой росписи в кн.: Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. Вклейка между с. 192 и 193.

«И мимо идехъ и се не бѣ». — Цитата из Псалтыри (Пс 36: 36). См. контекст цитаты: «Видех нечестиваго превозносящаса и высящася, яко кедры Ливанския. И мимо идох, и се не бе, и взысках его, и не обретется место его» (Пс 36: 35—36).

С. 26. *Часовник* — богослужебная книга, содержащая тексты неизменяемых молитвословий суточного богослужебного круга.

...чем кончил — самосожжение за правую веру или так в скиту... — См. комм. к словосочетанию «огненная Последняя Русь» (с. 769 наст. изд).

С. 28. *Патерик* — жанр аскетической литературы, сборник изречений монахов-подвижников и рассказов о них.

Венецианское окно — трехчастное окно: центральное окно с полукруглой аркой, которое отделяется двумя пилястрами от узких полуокон.

...Андрониевского лампадника... — имеется в виду насельник мужского Спасо-Андроникова монастыря в Москве, находящегося на левом берегу реки Яузы. Рядом с ним во флигеле на территории владений купцов Найденовых Ремизов жил в детские и юношеские годы.

Вижу в окно нарядные платья ~ рогожских и таганских невест — по тесным дорожкам между крестов и памятников цветами вьются. — Названы находившиеся недалеко от Спасо-Андроникова монастыря места, где традиционно селились купцы (Рогожская застава и Таганская площадь с окрестностями). До 1917 г. в день празднования Спаса у стен монастыря собирались гулянья, на которых, в частности, происходили смотрины невест.

Цветная (Вербная) неделя — неделя в народном календаре славян, отмечаемая на шестой неделе Великого Поста. Заканчивается в Вербное воскресенье.

Артос — в православной церкви освященный на Пасхальной седмице квасной (дрожжевой) хлеб.

С. 29—30. *...вспоминались картинки: заяц Афанасия Затворника ~ шестьдесят и три звезды, просиявшие от первоначальников Антония и Феодосия.* — Перечислены иллюстрации в старопечатном издании Киево-Печерского патерика (Патерик Печерский. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1702). См. подробнее: *Чумичева О. В.* Образ и текст: Цикл миниатюр к Киево-Печерскому патерику в киевских изданиях середины — второй половины XVII века // XI Филевские чтения: Материалы науч. конф. М., 2012. С. 102—106.

С. 30. *Просфорник* — зд.: клирик, занимающийся выпечкой различных просфор, хлебов для литии и артосов. Во время приготовления просфор просфорник был обязан (вслух или про себя) читать молитвы.

...в наши дни, в смутные... — Ремизов называл Смутным временем революцию 1917 г., постоянно проводя аналогии между современностью и событиями истории России конца XVI — начала XVII в.

Патерик ~ гравюры Л. Терлецкого — См.: Киево-Печерский патерик: по древним рукописям с добавлением гравюр XVIII в. Киев, 1893.

Иван Павлович Кобеко (1892 — после 1961) — юрист, мировой судья. После 1917 г. эмигрировал во Францию.

..лагери под Павловском, маневры у Царского валика... — Имеется в виду расположенное недалеко от Павловска Красное Село, на территории которого с середины XIX в. летом размещался огромный военно-учебный комплекс. На территории военного поля располагался

Царский валик — искусственная насыпь, сооруженная для того, чтобы император и приближенные к нему лица могли с высоты наблюдать все поле, где происходили маневры.

Александр II Николаевич (Освободитель, 1818—1881) — император Всероссийский (1855—1881).

Аничков дворец (1741 г., архитекторы М. Земцов, Б. Растрелли; переделка 1776—1778 гг. — архитектор И. Старов) — один из императорских дворцов в Петербурге, находящийся у Аничкова моста на набережной реки Фонтанки (Невский пр., 39).

С. 31. *Александр III Александрович* (Миротворец, 1845—1894) — император Всероссийский (1881—1894).

...все далеко до Александра II батюшки. Тот был царь настоящий и последний. Они знали, кого убить. А потом пошли все — чиновники. ~ Царями они были больше для проформы, вот их и свергли поэтому. ~ настоящего свергнуть нельзя-с. Убить можно. А чтобы он отказался, да ни Боже мой. — Отражение в народном сознании событий русской истории. 1 марта 1881 г. император Александр II был убит в результате террористического акта, осуществленного тайной революционной организацией «Народная воля». Правление династии Романовых в России завершилось 2 (15) марта 1917 г., когда царь Николай II подписал акт отречения от престола.

Александра Федоровна (урожд. принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, Friederike Luise Charlotte Wilhelmine von Preußen; 1798—1860) — супруга российского императора Николая I, мать Александра II.

Мария Александровна (урожд. принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская, Maximiliane Wilhelmine Auguste Sophie Marie von Hessen und bei Rhein; 1824—1880) —супруга российского императора Александра II, мать императора Александра III.

С. 32. *...в новоладожском Загвоздье в прохожей комнате старого Философовского дома...* — имеется в виду принадлежащее дворянскому роду Философовых поместье Загвоздье (Новоладожский уезд С.-Петербургской губернии). Для работы над книгой «Россия в письменах» Ремизов пользовался материалами семейного архива Философовых, предоставленных писателю Дмитрием Владимировичем Философовым (1872—1940) — литературным и художественным критиков, публицистом, религиозно-общественным деятелем. Подробнее о взаимоотношениях Д. В. Философова и А. М. Ремизова см.: *Обатнина Е. Р.*: 1) Несостоявшийся кавалер Обезвелволпала: К истории взаимоотношений А. М. Ремизова и Д. В. Философова // Философовские чтения: Сборник статей Первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 179—188; 2) Материалы архива Философовых в творческом насле-

дии А. М. Ремизова // Философовские чтения: Сборник статей Вторых Философовских чтений. Бежаницы: Изд-во и печать ИП Брянцев А. М., 2006. С. 128–134.

Никита Егорович Философов (?–1779) – прокурор, помещик.

Илларион Никитич Философов (1760-е – конец 1830-х) – надворный советник, предводитель дворянства Новоладожского уезда.

Алексей Илларионович Философов (1799–1874) – генерал-адъютант, воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевичей, временный военный губернатор С.-Петербурга.

С. 33. *...во времена блаженныя Елизаветъ...* – период царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761).

С. 34. *От сундука нынче и помину не осталось – все сжег человек от великого ума своего...* – Возможно, отражение восприятия Ремизовым последовавших после февраля 1917 г. известий о массовых поджогах дворянских усадеб.

...записка пока что у меня, а хранит ее волк-самоглот... – имеется в виду народная деревянная игрушка из коллекции Ремизова. Персонаж сказки Ремизова «Волк-Самоглот» (*Докука и балагурье-РК I*. С. 99–103).

Васильевский остров – самый большой остров в дельте реки Невы, входит в состав Петербурга.

...мимо бессмертных фивских сфинксов... – речь идет о двух статуях древнеегипетских сфинксов, высеченных 3,5 тыс. лет назад и украшавших храм, сооруженный в Египте около Фив для фараона Аменхотепа III. В 1832 г. привезены в Петербург; в 1834 г. установлены на Университетской набережной около здания Академии художеств.

...проходил великий основатель... – имеется в виду император Петр I, 16 (27) мая 1703 г. основавший город Санкт-Петербург.

...осел апельсиновый дом на Кадетской: он не видит трамвайных виселиц... – Меньшиковский дворец (архитекторы Д. М. Фонтана и Г. И. Шедель, 1710–1720-е гг.) находится на Университетской набережной, д. 15. Здание сохранило историческую окраску в светло-оранжевый цвет.

С. 35. *...коллегий Университета...* – В характеристике Ремизова соединены два этапа истории здания. Первоначально здание Двенадцати коллегий (Университетская наб., д. 7/9) было построено арх. Д. Трезини, Т. Швертфегером (1722–1742) для размещения в нем петровских коллегий-министерств. В 1804 г. в здании разместился Педагогический институт, а с 1835 г. – С.-Петербургский университет.

Даниил Бернулли (Daniel Bernoulli; 1700–1782) – швейцарский физик-универсал, механик и математик, один из создателей кинетической теории газов, гидродинамики и математической физики. Академик и иностранный почетный член (1733) С.-Петербургской АН,

член Академий: Болонской (1724), Берлинской (1747), Парижской (1748), Лондонского королевского общества (1750).

Феофил Сигфрид Баер (Gottlieb *Siegfried Bayer*; 1694—1738) — немецкий ученый, профессор истории и древностей, академик С.-Петербургской АН.

Николай Бернулли (Nikolaus II. Bernoulli; 1695—1726) — швейцарский юрист и математик. В 1725 г. по приглашению президента С.-Петербургской АН Блументроста прибыл в Петербург и занял кафедру механики.

Христиан Мартин — имеется в виду *Христиан Данилович Френ* (наст. имя Христиан Мартин Иоахим Фрэн, Christian Martin Joachim von Frähn; 1782—1851) — немецкий и российский востоковед-арабист и нумизмат; профессор Казанского университета (1807—1815), академик Петербургской АН (1817), действительный статский советник. В 1818 г. основал и до 1842 г. возглавлял Азиатский музей АН.

Иоанн Христиан Буксбаум (Johann Christian Buxbaum; 1693—1730) — немецкий естествоиспытатель-ботаник, путешественник, профессор ботаники и натуральной истории, член С.-Петербургской АН (1725).

Яков Герман (Jakob Hermann; 1678 —1733) — швейцарский математик и механик; член Берлинской (1701), Болонской (1708), Петербургской (1725) и Парижской академий наук (1733).

Иоган Петр Коль (Johann Peter Kohl; 1698 —1778) — немецкий историк и богослов, член С.-Петербургской АН (1725—1727).

Иоанн Симон Бекенштейн (Johann Simon Beckenstein; 1684—1742) — немецкий доктор права, правовед, профессор (1726—1727), иностранный почетный член С.-Петербургской АН (1738).

Михаил Биргер (Michael Burger; 1686—1726) — прусско-российский медик и химик, профессор, академик С.-Петербургской АН (1725).

Иоган Георг Дувернай (Дюверную) (Johann Georg Duvernoy; 1691—1759) — немецкий ученый, медик, академик С.-Петербургской АН по кафедре зоологии и анатомии (1725—1741).

Георг Бернгард Билфингер (Бюльфингер) (Georg Bernhard Bülfinger/Bilfinger; 1693—1750) — немецкий математик, физик, философ; профессор (1725—1726), иностранный почетный член С.-Петербургской АН.

Христиан Гросс (также Христиан Фридрих) (*Christian Friedrich Gross;* 1680—1742) — немецкий философ; адъюнкт (1725), экстраординарный профессор (1725), иностранный почетный член С.-Петербургской АН (1732) по кафедре нравоучительной философии.

Фридрих Христофор Маер (Friedrich Christoph *Mayer*/Maier/Meyer; 1697—1729) — немецкий математик, астроном; адъюнкт (1725),

экстраординарный профессор математики С.-Петербургской АН (1726—1729).

С. 35. *Иосиф Николай Делиль* (Жозеф-Никола Делиль / Де Лиль, Joseph-Nicolas De L'Isle; 1688 —1768) — французский астроном и картограф; профессор (1725—1747), иностранный почетный член С.-Петербургской АН (1747—1768).

С. 36. *Троице-Сергиева Лавра* — Свято-Троицкая Сергиева Лавра — крупнейший мужской ставропигиальный монастырь Русской православной церкви. Находится в г. Сергиев Посад Московской области, основан в 1337 г.

Ходить по миру (фразеологизм) — просить милостыню, побираться.

С. 37. *Жарким летом ~ я проходил по костромскому Гостинному двору...* — Воспоминание о первом посещении Ремизовым Костромы 25 июня 1909 г., когда он гостил у И. А. Рязановского. См. подробнее: *Зга-Росток XI.* С. 614.

...около лавки Ивана Леонтьевича Лапина невольно остановился... — Речь идет об известном костромском букинисте и антикваре *Иване Леонтьевиче Лапине* (1865—1919). «В начале века в костромских газетах можно было видеть объявления: “Антикварная торговля Ивана Леонтьевича Лапина в Костроме. Гостиный двор”. Далее шел длинный список вещей, предназначенных к покупке и продаже: “Золото, серебро, бронза, картины, фарфор, монеты, гравюры”. Особо крупным шрифтом выделялось: “Книги и рукописи”. Почти во всех объявлениях имелась фраза: “Покупаю для своего музея. Особенно желательно что-либо о Костроме и ее губернии”. Под лавку он снял помещение внутри Гостиного двора. Дела его шли успешно, — он купил собственный дом на углу улиц Мясницкой и Лазаревской. Первый этаж был сдан купцу К. Яковлеву, второй этаж заняла семья. Одна из комнат была оборудована под домашний музей» (*Анохин С.* Кострома в будни и праздники. Кострома, 2013. С. 191).

С. 38. *...с нарвского разгрома (1700 г.)...* — Имеется в виду одно из первых сражений Великой Северной войны — битва при Нарве между русской армией царя Петра I и шведской армией короля Карла XII, состоявшаяся 19 ноября 1700 г. и окончившаяся тяжелым поражением русских войск.

...и до взятия Выборга (1711 г.). — Неточность Ремизова. Эпизод Великой Северной войны — осада Выборга русскими войсками началась 21 марта 1710 г. и окончилась 12 июня того же года, когда комендант сдал крепость.

...помяну ~ князя обезьяньего Ивана Александровича Рязановского, приютившего меня в царевском своем древлехранилище. — Воспоминание о своем посещении в 1909 г. И. А. Рязановского, проживавшего

в Костроме на Царевской ул. в доме 16, и о работе с его личной коллекцией древнерусских рукописей и старопечатных книг. См. в книге «Подстриженными глазами»: «Мне посчастливилось неделю провести на его костромской родине. Она <...> громко выделяла его самыми разнообразными знаками внимания... от дверей его дома на Царевской (теперь Пролетарской) время от времени весь тротуар устилался дорожкой <...> и никак не минуешь, обязательно попадешь ногой. <...> За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а прямо сказать, выварился в книгах. В эти незабываемые дни не могло быть и речи заснуть. Сам бессонный хозяин подымал меня ни свет, ни заря, да и среди ночи, вдруг вспомнив о каком-нибудь замечательном первом издании или рукописной, мне очень полезной книге, он входил ко мне со свечой по-ночному в халате с уцепившимися и висевшими на концах пояса котятами, от которых он отбивался, но не руками, занятыми книгой и свечой, а своим костромским окликом с торжественным “о”. Уткнувшись в книгу и уже забыв обо мне, он вычитывал восхищавшие его строки или, оглядывая книгу через двойные очки, принимался рассказывать историю ее, припоминая мелочи покупки и о собственнике-предшественнике и тоже книжнике. За семь дней и семь ночей я узнал о книге не как о библиотечном явлении, но о книге в ее сущности, о книге в “себе самой”, и понял, что такое книжник в царстве своих книг. <...> я сам весь был в книге» (*Иверень-РК VIII.* С. 133).

...когда по злому ли наущению либо от простоты нашей Санктпетербург обернули в Петроград. — После вступления России в войну с Германией 31 августа 1914 г. в атмосфере антинемецких настроений в обществе император Николай II объявил о переименовании г. Санкт-Петербурга в Петроград. Ремизов неоднократно писал о своем негативном отношении к переименованию, воспринимая его как отказ от небесного покровителя — св. апостола Петра, в честь которого был назван город. См., например, в книге «Крашенные рылá»: «В угоду власти, увенчавшейся “народным” *Петроградом*» (*Русалия-Росток XII.* С. 606).

Простец — недалекий, простой, наивный. В ироническом смысле неоднократно использовалось в русской политической публицистике начала XVII в.

Смута пошла, а с нею раздор и раззор. Уничтожили навсегда твердый знак. А загаженный ~ Петербург обратили из Петрограда в красный Петроград. — Отражение отрицательного отношения Ремизова к революции 1917 г., события которой писатель напрямую проецировал на исторический катаклизм рубежа XVI—XVII вв. — Смутное время. В едином контексте шло и отношение Ремизова к реформе русской орфографии 1918 г., в частности, упразднившей написание твер-

дого знака в конце слов. Она готовилась Императорской Академией наук с начала XX в., была официально объявлена 11 (24) мая 1917 г. и принята к реализации Министерством народного просвещения Временного правительства. После Октябрьского переворота декретом за подписью советского народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского, опубликованным 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.), всем правительственным, государственным и прочим изданиям предписывалось с 1 января (ст. ст.) 1918 г. печататься согласно новому правописанию по реформированной орфографии. В сознании художественной интеллигенции, отрицательно относившейся к новой власти, реформа правописания напрямую ассоциировалась с многочисленными революционными декретами большевиков.

С. 38. *И пришло такое время конечное...* — Ремизов использует характеристику времени, ориентированную на эсхатологическую стилистику и неоднократно используемую русскими публицистами начала XVII в.

...вон побежали из Петербурга кто куда, оставляя дом Петров — последнее наше окно. — Намек на начавшийся с конца 1917 г. процесс эмиграции из Петрограда. Также использована широко применявшаяся в «петербургском тексте» аллюзия на крылатую фразу из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1833), передающую замысел основателя Санкт-Петербурга — Петра Первого: «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно».

С. 39. *...всякий завиток виноградный и усик хмелевой надстрочный...* — распространенные мотивы растительного орнамента русских рукописей XVII — начала XVIII в.

Сказывают мудрецы, дается человеку при рождении его планета. ~ Петру же дана была планета, не одна, не две и не три, а четырнадцать — одному. — Отражение исследований историков первой половины XIX в. о гороскопе Петра Великого. Подробнее см.: *Погодин М. П.* Материалы для русской истории вообще и истории русской словесности. I. Гороскоп Петра Великого // Москвитянин. 1842. № 1. С. 58–76; *Полевой Н. А.* Астрологические предвещания при рождении Петра Великого // Русский вестник. 1842. № 2. С. 258–280.

...Петр поднял дубинку на лежня — тишайшую Русь. — Ремизовская характеристика допетровской Руси основана на прозвании отца Петра Первого — царя Алексея Михайловича, которого называли «Тишайшим». Также использован известный факт о существовании коллекции дубинок Петра Первого, которые неоднократно использовались царем при личном наказании провинившихся.

С. 41. *Во времена Павла Петровича ...* — в период правления императора Павла I (1754—1801) — в 1796—1801 гг.

Казни египетские — фразеологизм. Восходит к библейскому рассказу о 10 жестоких наказаниях, посланных Богом на египетского фараона и его землю за то, что он не желал отпускать иудеев из рабства (Исх 7: 20, 21; 8: 5, 6, 17—19, 20—25; 9: 3—7; 8—11; 23—25; 10: 13—15; 22—23; 12: 29).

Прусская выправка, косы да букли ~ по форме... — отражение расхожего мнения о сути павловской реформы военного обмундирования как о возвращении после реформ кн. Г. А. Потемкина к форме прусских войск XVIII в.

Экзерциция (*устар.*, от лат. exercere — упражнять) — упражнение, ученье.

...служил еще Великія Екатерины... — имеется в виду Екатерина Алексеевна (Великая, урожд. София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729—1796) — императрица Всероссийская с 1762 по 1796 г.

...в пасхальном каноне не «на божественной стражи», а «на божественном карауле» петь заставили. — См. в книге П. И. Ковалевского: «Запрещено было ввозить из-за границы какие бы то ни было книги, цензура дошла до того, что в церковной песне “На Божественной страже” приказано было одним усердным администратором, ввиду того что Павел запретил употреблять слово стража, а вместо него приказал произносить караул, слово “страже” заменить словом “карауле”» (*Ковалевский П. И.* Император Павел I // *Ковалевский П. И.* Психиатрические эскизы из истории. Т. I. Изд. 7-е. СПб., [1901]. С. 137).

А вот был и такой случай: нагрянули с обыском и застигли целое сообщество, и вот кто-то из застигнутых, чтобы отвести глаза, крикнул ~ профессору — «Аничков, пляши!» ~ пустился несчастный в пляс. — *Евгений Васильевич Аничков* (1866—1937) — историк литературы, критик, фольклорист, прозаик. До революции 1917 г. неоднократно привлекался к судебному преследованию за свои политические убеждения, близкие «легальным марксистам». В Обезвелволпале — кавалер обезьяньего знака первой степени с мечом.

Фендрик (от нем. Fähnrich — знаменщик) — в Российской империи военный чин XIV класса (1722—1731). В дальнейшем слово получило переносное значение: молодой офицер, прапорщик, фатоватый молодой человек.

Деташемент (*фр.* détachement) — подразделение.

...сипловатый голос царственного командира ~ хлопнул: — Налево кругом — в Сибирь! И через два месяца Кушников ~ прогуливался по песчаным якутским улицам. — Отражение сведений мемуаристов. См. в книге П. И. Ковалевского: «Каждый смотр мог быть роковым для каждого действующего лица. У каждого наготове был чемоданчик для немедленной отправки на поселение, или в Сибирь. Несколько жан-

дармских троек всегда было наготове. Малейший гнев государя, и слышалось слово “в Сибирь”. Несчастного хватали, бросали в кибитку и мчали по назначению, а за ним летел слуга с заготовленным чемоданчиком. Военная строгость бывала неимоверна; высылка, крепость и Сибирь расточались весьма щедро. Бывало далеко не в редкость, что несколько генералов сидело на гауптвахте. В Сибирь летели и в одиночку и в обществе. Был такой случай. Во время парада гвардии на Царицыном лугу почему-то недовольный Измайловским полком Павел закричал: — Слушай, полк! Направо кругом — марш... в Сибирь!.. И полк во всем составе церемониальным маршем двинулся в Сибирь. Только благодаря заступничеству добрых людей его вернули назад уже из-под Новгорода» (*Ковалевский П. И.* Император Павел I. С. 125—126).

С. 42. *Сендетикон* (от греч. Syndetikon — скрепляющее) — жидкий клей, изготовлявшийся из кишок и плавательного пузыря некоторых видов рыб.

Кольдекон (от фр. colle de cône) — вид клея.

...известие об 11-м марте 1801 г. — В ночь с понедельника 11 на вторник 12 марта 1801 г. император Павел Первый был убит в результате заговора с участием гвардейских офицеров.

Александр I Павлович (Благословенный; 1777—1825) — российский император (1801—1825). Вступил на престол после убийства своего отца — императора Павла I. Коронован 15 сентября 1801 г. в Успенском соборе (Москва).

Оброшенность — заброшенность.

С. 43. *Помню из далекого детства ~ заходили чаю попить к одной ласковой старой старушке ~ Мы ее звали бабинька...* — См. в рассказе Ремизова «Бабинька»: «Нам совсем не родная, только полюбившая нас, чужих детей, как родных, встает в воспоминании моем одна старая старушка, до преклонных лет экономкой присматривавшая за хозяйством в соседнем с нами господском доме. Мы, дети, старушку звали бабинькой» (*Оказион-РК III.* С. 147).

С. 44. *Жуковина* (*др.-рус.*) — кольцо.

...крест шестиконечный с двумя прутиками от основания, знаменующими трость и губу. — Трость и губа — элементы изображений на кресте, символизирующие предметы мучений и Страстей Христовых. *Губа* — губка, которую, напитав уксусом, поднесли на *трости* к губам распятого Иисуса Христа. Подробнее см.: *Гнутова С. В.* Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII—XIX веков // Филевские чтения. Вып. V: Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII — начала XVIII веков, 8—11 июля 1993 года. М., 1994. С. 68—86.

Глава Адамова — изображение черепа со скрещенными костями, помещаемое под распятием. Согласно преданию, распятие Иисуса Христа произошло над местом погребения первого человека — Адама. Попав на череп Адама, кровь и вода из прободенного ребра Спасителя омыли первородный грех человека.

С. 45. *При внуке Мономаха, великом князе Всеволоде Георгиевиче... — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо* (в крещении Дмитрий; 1154—1212) — великий князь владимирский (с 1176 г.).

...в соборе Богоявления... — Богоявленский собор Богоявленского Авраамиева монастыря в Ростове Великом (построен в 1553—1554 гг.).

...сохранить ~ штаны пифагоровы... — шуточное школьное название теоремы Пифагора («пифагоровы штаны во все стороны равны»), возникшее в силу того, что построенные на сторонах прямоугольника и расходящиеся в разные стороны квадраты напоминают покрой штанов.

С. 46. *Очаков* — имеется в виду штурм турецкой крепости Очаков, предпринятый русскими войсками 6(17) декабря 1788 г. после ее осады в ходе Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Очаков был окружен вооруженными силами под командованием государственного деятеля, генерал-фельдмаршала, создателя и первого главнокомандующего Черноморского военного флота светлейшего князя *Григория Александровича Потемкина-Таврического* (1739—1791). В состав осаждавших войск входили черноморская эскадра контр-адмирала Поля Жонеса и армия А. В. Суворова, в составе которой действовала гребная флотилия под предводительством принца Насау-Зигена. Предпринятый успешный штурм отличался страшным кровопролитием и человеческими потерями с обеих сторон. Тела погибших русских офицеров были перевезены для захоронения в Херсон.

Глас иерихонский (*иноск.*) — оглушающий, необыкновенно громкий голос. Фразеологизм восходит к ветхозаветному сюжету (Нав 6: 1—19) об осаде евреями города Иерихона. Стены крепости рухнули после того, как еврейские священники обошли вокруг них, громко трубя в трубы.

С. 48. *...на Ипатовской летописи трудился... — Ипатьевская летопись* — общерусский летописный свод южной редакции конца XIII — начала XIV в., древнейшим списком которого является Ипатьевский первой четверти XV в., принадлежавший костромскому Ипатьевскому монастырю.

Николай Андреевич Чернявский (1893—1945) — поэт-футурист.

С. 49. *...и о рассмотрении дел прежде осуждения: не верь слуху, верь глазу — Иосиф и Пентефрий, Константин Великий и сын его Крисп...* — Отсылка к известным сюжетам, иллюстрирующим приведенное суждение. Согласно ветхозаветному рассказу (Быт 39: 1—20),

находившийся в египетском рабстве Иосиф был ложно обвинен не сумевшей добиться его благосклонности супругой его хозяина в попытке изнасилования и заключен в тюрьму. В 326 г. Флавий Юлий Крисп, старший сын римского императора Константина Великого от его первой жены Минервины, был оклеветан, по легенде, его второй женой — Фаустой, и убит по приказу отца.

С. 53. *...век Аввакума, огненных дум «Последней Руси»...* — Скрытая цитата из «Послания» дьякона Федора — сподвижника протопопа Аввакума, сожженного вместе с ним в срубе в 1682 г. (см. комм. к с. 13 наст. изд.).

Аршин — линейка, планка для измерения длины, равная 0,71 м.

Ивановская колокольня — церковь-колокольня Ивана Великого (см. комм. к с. 5 наст. изд.).

...к концу XVII в. царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича... — русские цари из династии Романовых: Иоанн Алексеевич (1666—1696) — царь (1682—1696); Петр Алексеевич, прозванный Великим (см. о нем. комм. к с. 19 наст. изд.). В 1682 г. оба брата венчались на царство, но фактически в 1682—1689 гг. страной правила их сестра — царевна Софья Алексеевна. Иоанн Алексеевич делами правления не занимался вследствие нездоровья.

Ямской приказ — центральное государственное учреждение в России середины XVI — начала XVIII в. Ведал организацией перевозок, службой ямщиков, устройством и поддержанием ямов и ямских слобод.

С. 54. *Алексей Михайлович* — см. комм. к с. 20 наст. изд.

Поместный приказ — центральное государственное учреждение в России середины XVI — начала XVIII в. Контролировал изменения в сфере землевладения, производил описания земель и переписи населения, наделял дворян поместьями, производил сыск беглых крестьян.

С. 63. *«Духовные штаты»* — установления правительства Российской империи, определявшие количество и содержание епархий, монастырей и духовенства Русской православной церкви в Синодальный период. В ходе проведенной в 1764 г. императрицей Екатериной II секуляризационной реформы после изъятия у церковных учреждений их владений были введены «монастырские штаты», по которым некоторые из монастырей («штатные») были обеспечены небольшим жалованием взамен конфискованной собственности.

Древлехранилище (*книжн., устар.*) — место для хранения древних рукописей и книг, архив.

«Тайная тайнъ» — «Тайная Тайных», или «Аристотелевы врата» — древнерусский вариант средневекового западноевропейского памятника «Secretum Secretorum» — сочинения, восходящего к араб-

скому оригиналу VIII—IX вв. Представляет собой собрание житейских наставлений по различным вопросам, которые, по преданию, были преподаны Аристотелем его ученику — Александру Македонскому.

«Троянова бытія» — древнерусский литературный памятник конца XV— начала XVI в. («Троянская история») — перевод латинского романа Гвидо де Колумна (XII в.).

«Веселейлъ» (Скинія Божія) — сборник проповедей «Веселеил, си есть Скиния Божия» иеромонаха, религиозного писателя, педагога Кариона Истомина (сер. XVII в. — 1717 или 1722). *Веселейл* (*др.-евр.* «в тени, под защитой Бога») — имя библейского мастера — сына Урии, которому Бог поручил изготовление Скинии.

Хитрогласница (*церк.-слав.*) — риторика.

Святая неделя — праздничная неделя, длившаяся от Пасхи до Красной горки.

Артос — см. комм. к с. 28 наст. изд.

...за окном шумит Остер ~ подливает половодьем под недоступные унежские башни. — Речь идет о расположенном на реке Остер г. Нежине, до 1514 г. известного как крепость Черниговского княжества — Уненеж.

С. 65. *Киевская Лавра* (Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра) — православный мужской монастырь, основанный в 1051 г.

С. 66. *К преподобному Исакию печерскому ~ бесы всего раз приходили в пещеру и плясать принуждали в своем хороводе бесовском.* — Преподобный *Исаакий Печерский* (?—1090) — монах, затворник. В тексте дана отсылка к эпизоду из «Жития преподобного Исаакия, затворника Печерского»: «Посадив его, они и сами сели вокруг него; вся келлия и пещерная улица около той келлии наполнились бесами. Тогда один из бесов, мнимый Христос, сказал: — Возьмите сопели, гусли и тимпаны и играйте на них, а Исаакий пусть пляшет перед нами. Тотчас бесы стали ударять в сопели, тимпаны и гусли; схватив Исаакия, они стали скакать с ним и плясать в течение долгого времени; утомив преподобного и оставив его едва живым, и таким образом надругавшись над ним, бесы исчезли» (Четьи-Минеи, 14 февраля / 27 февраля).

С. 73. *Карты Сведенборга* — приписываемый мистику Эммануилу Сведенборгу старинный пасьянс-гадание по 36 картам-картинкам, имеющим названия и соответствующее значение. Согласно одному из вариантов правил гадания, карты должны были быть нарисованы вручную, на них рукой должно быть написано их значение. На протяжении жизни Ремизов несколько раз по памяти рисовал полную колоду карт с целью гадания. Сохранилось несколько совпадающих друг с другом комплектов его рисунков (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1—11; РГАЛИ. Ф. 42. Оп. 1. Ед. хр. 44. 37 л.). См. также в книге

«Подстриженными глазами»: «Гадальные карты Сведенборга! Эммануил Сведенборг (1688–1772) – какое волшебное имя – и с ним я родился. Я помню эти карты с первой памяти. <...> Подлинных карт я никогда не видел. Знаю обыкновенные игральные карты, на обороте рукою матери ясно и четко имена и значение. Но когда во время гаданья произносились имена, передо мной возникали живые образы: одни сулили удачу, другие грозят бедой, третьи предостерегали. Я "моими" глазами видел всех этих хамелеонов, волков, фазанов, тигров, астролога, водопад, арфу. И потом, когда прошли годы и годы, и все, кажется, забылось, так давно это было, вдруг я вспомнил эти карты. И рисую их, совсем не думая, как нарисуется, а только вспоминаю, как они легли на столе, голос матери и взлохмаченный у стола черный "гишпанец" – его глаза, ожидающие решения. Так нарисовались эти мои карты Сведенборга – "бесхитростного знаменования" (dessin inconscient). Попробовал я нарисовать эти же самые карты, но думая только о рисунке. И вышло – "прилично", но какая пустота и никакого волшебства. Да любой рисовальщик, не чета мне, сделает отчетливее, но и еще скучнее, и Сведенборгу никак не признать за свои карты: астролог будет со знаками зодиака, сфинкс с египетской фотографии, "гишпанец" – тореадор из "Тореадора", "амазонка" – знатная "леди" со старой гравюры, а звери и птицы – смотри Зоологический атлас. Нагадала ли моя мать себе злую долю, она неохотно гадала, а себе никогда. <...> И вот что странно – и это уж потом, когда нарисую эти волшебные карты – вспоминая старину, на Святках для забавы около елки в свете свечей гадаю – если по картам выходило плохо, я всегда вычитывал другое из "благоприятных"; а после проверю: да никакой беды не случилось, и все как по-моему вышло. <...> В дорогу или при решении и начале дела, появлялись у нас на кухне наши фабричные соседи погадать на Сведенборге. В самом имени Сведенборга, звучавшем как-то на русский лад, передавалась таинственность карт. Если мать уступала и раскладывала карты, я всегда был возле» (*Иверень-РК VII*. С. 19, 22).

С. 74. *Толк* – зд.: значение, толкование.

Гишпанец ~ Амазонка... – две главные карты в гадальной колоде. Обозначают, соответственно, мужчину и женщину, которым гадают.

С. 82. *...икону принес – Крылатого Предтечу.* – Имеется в виду икона «Иоанн Предтеча – Ангел пустыни». Иконография образа сформировалась в Византии в конце XIII в. На иконах этого типа Иоанн Предтеча изображался в пустыне с секирой на неплодном дереве, держащим в руках свиток и главу в сосуде, с крыльями за спиной.

А жил он тут недалеко, на 9-ой Рождественской. – 9-я Рождественская улица проходит в Петербурге от Греческого проспекта до Мытнинской улицы (исторический район Пески). С сентября 1910 г.

по июнь 1915 г. Ремизов жил по соседству: Таврическая ул., д. 3в, кв. 29.

Шел я недавно по Морской... — Имеется в виду Большая Морская (с 1902 г. — Морская, в 1918—1993 гг. — улица Герцена) улица, до 1917 г. одна из наиболее респектабельных улиц в историческом центре Петербурга. Здесь располагались банки, ювелирные мастерские и магазины, продававшие предметы роскоши, в связи с чем неофициально улица называлась «Бриллиантовой».

Сольвычегодск — город в Котласском районе Архангельской области.

С. 83. *Рассказал он мне о Белой Кринице, где по нашим церквам колокольный звон запрещен... — Белая Криница* — ныне село в Глыбокском районе Черновицкой области Украины, центр поселения старообрядцев на Буковине. Название села легло в основу наименования одного из видов старообрядчества — Белокриницкого согласия. В начале XX в. находилось в составе Австро-Венгрии.

...звон ~ на Рогожском слышат... — На старообрядческом Рогожском кладбище в Москве с XVIII в. находятся могилы епископов и священников белокриницкой иерархии.

С. 86. *...третию Ездры о знамениях!* — Имеется в виду Ветхозаветная Третья книга Ездры.

С. 86—87. *Вотъ настанутъ дни ~ И та скажет: нетъ.* — Цитаты из Третьей книги Ездры (3 Езд 5: 1—11).

С. 87. *Оракул* — гадательная книга; в переносном значении: ящик, откуда достают листки с предсказаниями.

Сергей Павлович Меч (1848—1936) — педагог, географ-методист, писатель. См. о нем в книге «Подстриженными глазами»: «Знаменитый московский географ Сергей Павлович Меч. Его любимое имя Стэнли, но не Стэнли, "Алтаец" — страстный путешественник, описавший наш дремучий север. Преподавание географии без учебника. Большой выдумщик, любил и сочинить и пересочинял, т. е. с вариациями. <...> Я был из первых: моими ответами всегда был доволен Сергей Павлович» (*Иверень РК-VIII.* С. 60).

С. 89. *А училась этой чудеснейшей географии ~ «Сокращенная географія Д. Палагья Барыкова 1780 года». — Палагея (Пелагея) Алексеевна Философова* (урожд. Барыкова; 1764 или 1770—?) — супруга отставного инженер-капитана, помещика И. Н. Философова. В 1782 г. окончила Смольный институт с серебряной медалью. В архиве Ремизова сохранились: 1) источник рассказа — рукописная тетрадь XVIII в. озаглавленная «Сокращенная география. Д. Пелагея Барыкова. 1780 года» (РНБ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 358. 25 л.); 2) переписанный им текст источника: *Барыкова П. А.* Сокращенная география. [1780] (РГАЛИ.

Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 52. 10 л.). Подробнее см. комм. на с. 750—751 наст. изд.

С. 88—89. *Португальцы суть медлительны ~ Итальянцы суть остроумные...* — точные цитаты из текста-источника.

С. 90. *Cahier de Chronologie fait par P. Barikoff. L'annee* 1780. (*фр.*). — Перевод: Хронологическая тетрадь, выполнена П. Барыковой. Год 1789.

Василий Алексеевич Барыков (? — ок. 1796) — помещик, статский советник.

...ко времени приезда в Петербург Суворова из взятой им Варшавы... — Имеется в виду подавление Польского восстания 1794 г. русскими войсками под командованием А. В. Суворова, закончившегося взятием польской столицы и капитуляцией польских войск 24 октября 1794 г.

...помолвки великого князя Константина Павловича с герцогиней Саксен-Кобургской Анной. — Помолвка *Анны Федоровны* (урожд. принцессы Юлианы Саксен-Кобург-Заальфельдской, Juliane von Sachsen-Coburg-Saalfeld; 1781—1860) с великим князем Константином Павловичем (1779—1831) состоялась 3 февраля 1796 г.

С. 93. *Львова печать* — повествовательная часть произведения основана на рассказанной Ремизову И. А. Рязановским семейной истории его предков по отцовской линии. На момент написания Ремизовым рассказа упоминаемые в нем исторические предметы находились в личной коллекции Рязановского.

Безмятежно живет в посаде Большие Соли отец Андрей... — Речь идет о деде И. А. Рязановского священнике Спасо-Преображенской церкви посада Большие Соли — А. Л. Рязановском. См. «Автобиографию» (23 октября 1925 г.) И. А. Рязановского: «Родился я в бывшем городе Варнавине Костромской, ныне Нижегородской, губернии 6 августа 1869 года в семье помощника акцизного надзирателя, бывшего сыном священника и жившего на получаемое жалованье. Жизнь была средней чиновничьей среды, живущей от 20-го до 20-го числа» (*ОКГУ ГАКО*. Р-107. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 17).

...часы томпаковые... — *Томпак* — разновидность латуни с содержанием меди и цинка. Использовался, в частности, для изготовления корпусов карманных часов.

С. 94. *Прасол* — оптовый скупщик скота и разных припасов (мяса, рыбы и пр.) для перепродажи.

...перейдет к сыну Александру... — Имеется в виду Александр Андреевич, отец И. А. Рязановского.

Любовь Ивановна Рязановская (урожд. Нечай; 1840—1911) — мать И. А. Рязановского.

С. 95. *...рассердится ~ за посошок...* — отсылка к идиоме «выпить на посошок» (*прост., шутл.*) — т. е. выпить перед дорогой, перед расставанием.

Кошт (*польск.* kost) — содержание, иждивение.

Демидовский камеральный лицей — высшее учебное заведение в Ярославле. Официально назывался: Ярославское Демидовское училище высших наук (1803—1833); Демидовский лицей (1834—1868); Демидовский юридический лицей (1868—1918). *Камеральный* — от камералистика (*устар.*) — цикл административных и экономических дисциплин, преподававшихся в университетах России со второй половины XIX в.

С. 96. *Инфима* (лат. infima) — низший класс в семинарии.

Епископ Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807—1867), богослов, проповедник, церковный писатель. В 1861—1867 гг. жил на покое в Николо-Бабайском мужском монастыре Ярославской и Ростовской епархии.

С. 97. *Чекуши* — исторический район Петербурга, находился на юго-западе Васильевского острова.

И бледный мечтательный сын его Иван, больной и молчаливый, пугался отца до обмороков... — См. «Автобиографию» (23 октября 1925 г.) И. А. Рязановского: «Отец был в постоянных разъездах по уезду, а я жил одиноко, рано выучился читать и быстро пристрастился к чтению. Бывшие тогда в ссылке ксёндзы, один Вышинский, а другого фамилию забыл, которые бывали у отца, выучили меня по-польски, по-латыни и по-французски и давали мне книги для чтения на этих языках. С их помощью я приготовился и успешно выдержал экзамен в классическую гимназию, где и прошел полный курс, сначала в Нижнем Новгороде, а потом в г. Костроме, куда отца перевели на службу. В высших классах гимназии я давал уроки, давал их и в университете, куда поступил по окончании гимназии, стараясь жить на свой (счет) заработок; когда его не хватало, помогал отец, который также платил за ученье. Сначала я поступил в Московский университет, на медицинский факультет, но, недолго пробыв, заболел: у меня отнялась правая нога, и я перешел в Ярославский Демидовский лицей, который и окончил со званием действительного студента. Еще не выздоровев (ходил с палочкой), я поступил на ту же службу, что и отец, хотя эта служба мне не была очень симпатична, почему я при первой же возможности перешел на службу по своей специальности — в Окружной Суд, где и прослужил с 1899 по 1906 год, когда, разочаровавшись в юстиции и перенеся повторившийся нервный удар, я вышел в отставку, в которой пробыл до ноября 1909 г.» (ОКГУ ГАКО. Р-107. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 17).

С. 99. *И судьба его оказалась такая же немилостивая.* — См. «Автобиографию» (23 октября 1925 г.) И. А. Рязановского: «<В конце 1909 г.> для лечения я переехал в Ленинград (тогда Петербург) и там занимался, благодаря знакомствам в писательской среде, мелкою газетною и журнальною работою, которая проходила у меня довольно удачно, благодаря знанию языков и начитанности. Здоровье мое начало поправляться, и я поступил в Ленинграде на службу в I-ый Департамент Министерства Юстиции и поступил в Археологический Институт, где и прослушал полный курс и стал в свободное время самостоятельно заниматься археологией и архивоведением, вскоре после этого времени переехал я опять в г. Кострому и здесь стал продолжать работать по архивоведению, поступив членом Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии, где вскоре же был назначен правителем дел, что дало мне возможность практически изучить архивное дело, в теории мне уже известное по Археологическому Институту. Уединение, замкнутое детство наложило отпечаток на всю мою жизнь: я жил без людей, одиноко, замкнуто, привык проводить время в чтении и работе, так что самый характер мой не давал возможности мне выступить на путь общественности или примкнуть к какой-либо организации, так что я был совершенно в стороне от жизни, при чем однако чувство товарищества заставило меня принять участие в московских студенческих беспорядках, за что и был выслан в Кострому из Москвы. В 1912 году я был командирован Костромскою Губ<ернскою> Ученою Архивною Комиссией за границу — в Швецию для разыскания материалов по истории Смутного времени, что и было мною удачно выполнено, при чем я, попутно, воспользовался этой поездкой для изучения архивного дела за границей — в скандинавских странах. В 1913 г., когда в Костроме устраивался Музей местного края (тогда Романовский), то вся работа по музею в его организации и подбор коллекций была возложена на меня. Устроив Музей, я вскоре же вернулся в Ленинград, где продолжал заниматься знакомою газетною работой, а затем 25 июня 1917 года поступил опять на службу по министерству юстиции в Главное управление местами заключения, где и служил до перехода этого учреждения в Москву, куда я не пожелал ехать, а через два месяца поступил на службу по своей специальности в Отделение Центрального Архива РСФСР научным сотрудником и служил до 1920 г., когда голод вынудил меня вернуться в Кострому. Тут я поступил архивариусом Губархивбюро, в каковой службе состою и поныне» (*ОКГУ ГАКО.* Р-107. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 17—18). И. А. Рязановский скончался в Костроме 30 марта 1927 г.

С. 100. *Писмовник* — сборник образцов для составления писем, а также собрание сведений общеобразовательного характера и коротких поучительных рассказов.

Иван Сергеевич Соколов-Микитов (наст. фам. Соколов; 1892—1975) — прозаик, литературный критик, знакомый Ремизова с 1910-х гг. В 1917 г. жил в Петрограде на квартире Ремизова на Таврической ул.; кавалер обезьяньего знака. Подробнее см.: *Взвихренная Русь — РК V* (по указ.).

...привозили нам с нижегородской ярмарки... — Нижегородская ярмарка — крупнейшая в России (1817—1917, 1921—1929).

Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — историк литературы, поэт, переводчик. Знакомый Ремизова с середины 1900-х гг. Ремизовское прозвище: «Слон Слонович». Кавалер обезьяньего знака.

Гарольд Уилмор Вильямс («Гарольд Васильевич»; 1876—1928) — английский славист, журналист, корреспондент газеты «Таймс» в Петрограде до 1918 г. Муж политической деятельницы, члена ЦК кадетской партии, журналистки, писательницы А. В. Тырковой-Вильямс (1869—1962). Неоднократно упоминается в книге «Взвихренная Русь» и «Дневнике 1917—1921 гг.» (см.: *Взвихренная Русь — РК V* (по указ.)).

С. 101. *Переехали мы от Хренова к Аренду ~ потом с Песочной на остров к Семенову-Тянь-Шанскому...* — С сентября 1910-го по июнь 1915 г. Ремизов жил на Таврической ул., в доходном доме архитектора и домовладельца А. С. Хренова (Зв, «Дом Хренова»); в июне 1915-го — июне 1916 г. — на Песочной ул., д. 8, кв. 3; в июне—сентябре 1916 г. — на той же улице, д. 24а, кв. 11; в сентябре 1916-го — мае 1920 г. — на Васильевском острове, 14-я линия, д. 31, кв. 48 (домовладелец — Дмитрий Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1852—1917), сын путешественника и географа П. П. Семенова-Тянь-Шанского).

...если уж вот куда дойдет, поступят, как поступил московский Д. В. Ульянинский, книжник-библиофил: да, собственными руками сделают гроб для своих сокровищ, заколотят гроб гвоздями, и прощайте, все равно, конец, под поезд ли, в прорубь, один конец. — Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861—1918) — библиограф, библиофил. После Октябрьского переворота он потерял место работы и казенную квартиру. «У него не осталось ни средств, ни надежд на пенсию, ни возможности подыскать новую квартиру либо, самое главное, сохранить свою библиотеку. Последнее его и убило <...> Часами Ульянинский сидел в каком-то оцепенении и забытьи, был грустен, рассеян и безразличен ко всему. В этом болезненном состоянии он решил продать библиотеку своему старому другу антиквару П. П. Шибанову, но тот ответил отказом. Доставленные для перевозки библиотеки ящики казались тяжелыми и непригодными для этого, безразличие жены к судьбе его собрания, — все это ускорило трагическую развязку. <...> 2 февраля 1918 г. тело Д. В. Ульянинского было извлечено из-под колес паровоза Курской железной дороги» (К 150-летию Д. В. Ульянинского (1861—1918): Заседание клуба «Библиофильский улей», 18 июня

2011 года. М., 2011. С. 11). Впоследствии собрание Ульянинского было куплено у его вдовы Румянцевским музеем.

С. 101. *Александр Михайлович Коноплянцев* (1875 – не ранее 1939) – публицист, педагог, после 1917 г. – библиотекарь, автор работ о К. Н. Леонтьеве, друг М. М. Пришвина со времен учебы в Елецкой гимназии.

Яков Петрович Гребенщиков (1887–1935) – библиотековед, библиограф, библиофил. В 1917–1921 гг. входил в ближнее окружение Ремизова. См. о нем в книге «Взвихренная Русь», «Дневнике 1917–1921 гг.» (*Взвихренная Русь-РК V* (по указ.)). См. также ремизовскую характеристику Гребенщикова в посвященном ему некрологе: «Помер Яков Петрович Гребенщиков <...> известный всему книжному Петербургу под именем "василеостровского книгочия" <...> Я помню, в самую темь военного коммунизма, в годы 1918–1921, у кого только не было слабости человеческой мысли бежать куда глаза глядят – "оставить Россию? А кому же сторожить русскую книгу?" – Яков Петрович приходил в ярость» (*Петербургский буерак – РК X*. С. 369–370).

С. 102. *Голиард* – в средневековой Франции бродячий актер, участник сатирических представлений и исполнитель песен.

...о Соколовых-Микитовых могу. – Летом 1918 г. Ремизов с женой гостили у родителей И. С. Соколова-Микитова в селе Кислово Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

И большой том – «сто русских литераторов». – Имеется в виду один из томов издания: Сто русских литераторов: В 3 т. / Изд. книгопродавца А. Смирдина. СПб., 1839–1845. Т. 1: Александров, Бестужев, Давыдов, Зотов, Кукольник, Полевой, Пушкин, Свиньин, Сенковский, Шаховский. 1839. 830 с.; Т. 2: Булгарин, Вельтман, Веревкин, Загоскин, Каменский, Крылов, Масальский, Надеждин, Панаев, Шишков. 1841. 696 с.; Т. 3: Бенедиктов, Бегичев, Греч, Марков, Михайловский-Данилевский, Мятлев, Ободовский, Скобелев, Ушаков, Хмельницкий. 1845. 692 с.

С. 103. *...видела она жизнь то-светную, ходила по мытарствам...* – отсылка к жанру виде́ний (ср.: «Виде́ние ученика преподобного Василия Нового Григория о мытарствах преподобной Феодоры из "Жития Василия Нового"»). В 1918 г. параллельно с работой над рассказом «Писмовник» Ремизов написал повесть «Странница», основанную на сюжетах «загробных виде́ний» (см.: *Зга-Росток XI*. С. 237–287).

С. 104. *Въ начале бѣ...* – цитата из Библии (Ин 1: 1). Сознательное использование Ремизовым в тексте церковнославянского языка. Дальнейшее изложение родословия Микитовых стилистически ориентировано на библейскую традицию.

С. 105. *Пономарь* – причетник, прислуживающий в церкви и звонящий в колокола.

Учился Сергей Никитич... — В рассказе изложена биография отца И. С. Соколова-Микитова — Сергея Никитича Соколова — приказчика, управляющего лесными угодьями купцов Коншиных.

С. 106. *Марья Ивановна Соколова* (1870—1939) — мать И. С. Соколова-Микитова.

С. 107. *Михаил Петрович Погодин* — см. комм. к с. 6 наст. изд.

Иван Михайлович Погодин (?—1885) — помещик, сын М. П. Погодина.

Николай Павлович Лесли — коллежский регистратор, скрипач.

С. 108. *«Простая речь о мудреных вещах»* (1873) — книга М. П. Погодина.

...писал Михаил Петрович историю Петра Великого. — См.: *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет жизни Петра Великого, 1672—1689. М., 1875. 448 с.

С. 109. *...к Михаилу Петровичу на Девичье поле. Показывал ему Михаил Петрович древлехранилище свое...* — Имеется в виду частный музей Погодина («Древлехранилище»), находившийся в его доме на Девичьем поле (так называемая «Погодинская изба»), включающий в себя рукописи, книги, памятные вещи. В 1852 г. книжные и рукописные собрания музея были приобретены императором Николаем Первым.

...Показывал ~ сюртук Пушкина — сюртук висел в тумбочке, а на тумбочке стоял бюст Пушкина. ~ После смерти Михаила Петровича все пошло прахом ~ куда все девалось? Дворники продали за десятку и сюртук Пушкина и жилетку Гоголя. — Простреленный на дуэли сюртук поэта был передан Н. Н. Пушкиной В. И. Далю, который в конце 1850-х гг. отдал его Погодину. «Романист Мельников-Печерский слышал от Погодина предположение, что когда будет воздвигнут памятник поэту в Москве, то нужно положить сюртук под памятником в приличном вместилище, “на память грядущим поколениям”. Хранил его Погодин дома в не запирающейся тумбе под бюстом Пушкина. В день смерти историка (1875 год) сюртук исчез. Существует другая версия пропажи сюртука — о ней рассказывает старый москвич, воспитанник Московского университета Леонтий Федорович Снегирев, который в 1882—1883 годах встречался с сыном Погодина — Дмитрием Михайловичем. Однажды они поехали в знаменитые Челышевские бани, а затем зашли в трактир Тестова. У Д. М. Погодина, по словам Снегирева, был с собой, кроме белья, таинственный сверток — сюртук Пушкина, который Погодин хотел кому-то показать. Сверток этот потерялся, и все поиски оказались напрасными» (*Февчук Л. П.* Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. Л., 1984. С. 203).

...Сокольники хотел показать, 1-ое мая, гулянье московское. — *Сокольники* — парк на северо-востоке Москвы. С начала XVIII в. на тер-

ритории парка устраивались гулянья. «Самое известное гулянье в Сокольниках происходило 1 мая и называлось когда-то “Немецкими станами” или “столами”. Это название пошло, как говорят, от шведских пленников, учителей Петра I, поселенных им неподалеку. Они собирались 1 мая в Сокольниках и отмечали там весенний праздник, а со временем к ним присоединились и русские, перенявшие у них этот обычай» (*Романюк С. К.* По землям московских сел и слобод. М., 1998. Ч. I. С. 295).

С. 110. *Иван Александрович Рязановский — костромских деберей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический.* — Ремизовские прозвища Рязановского основаны на обыгрывании топонимики — названий городов и улиц, где его друг проживал: в Костроме: Царевская ул., д. 16, недалеко была расположена церковь Воскресения Господня на Дебре (XVII в., адрес: Мельничный пер., 5); и в Петербурге: угол Тележной и Золотоношской улиц, 4/39 (дом Комарова). Также обыграно проводившееся Рязановским лечение новым прибором, основанным на использовании электрического тока.

Значковый товарищ — низший титул значкового войскового товарищества, введенный в Гетманщине во второй половине XVII в.

Бунчуковый товарищ — почетное звание, которым малороссийские гетманы сначала награждали сыновей генеральной старшины и полковников, а с середины XVII в. звание «бунчуковый товарищ» стали получать в отставке чины полковой старшины и полковников.

Черный поп — в православии: монах, рукоположенный в сан священника.

Подсудок (*польск.* podsędek) — старинный малороссийский и польско-литовский земский чин, бывший иногда помощником земского судьи, а иногда вполне заменявший его.

Поветовый (*укр.* повітовий) — уездный.

С. 111. *Кошт* (*укр.*) — счет.

Евгений Абрамович Боротынский (Баратынский) (1800—1844) — поэт-романтик, переводчик.

Николай Михайлович Языков (1803—1846) — поэт эпохи романтизма.

Джордж Гордон Байрон (Byron; 1788—1824) — барон, пэр Англии, поэт-романтик.

...*«венцу и перлу творения»* (книжн.). — Характерное для эпохи романтизма клише — идиоматическое определение женщины как идеала.

С. 112. *Екатерининский дворянский пансион* — Ярославский женский Благородный пансион был открыт в 1836 г.

...*времен Отечественной войны*... — имеется в виду Отечественная война 1812 г.

Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) — историк-медиевист, профессор всеобщей истории Московского университета (1839—1855).

С. 113. *Если бы в эти минуты какой-нибудь лапландский волшебник показал Александру Ивановичу одинокую его смерть...* — Отсылка к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1818—1820), в которой волшебник-финн предсказывает главному герою его будущее.

Посиденки (*диал.*) — посиделки.

С. 114. *Иван Маркович умирал отчаянно ~ чахлая рука звала какое-то видение. Или прекрасная Клавдия являлась ему, провожая в дорогу своего несчастного рыцаря?* — отсылка к теме и образам стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» (1829).

Папамять (*прост.*) — сохраненная изустно память.

Пришлось продать дом около Спасского монастыря... — Спасо-Преображенский (Спасо-Ярославский) мужской монастырь был основан в XII в., упразднен в 1787 г.

С. 115. *...жила где-то за печкой у Николы Мокрого под горой.* — Имеется в виду ярославская церковь Николая Чудотворца (Николы Мокрого) (II пол. XVII в.).

Николаевская железная дорога — построена в середине XIX в. для обеспечения железнодорожного сообщения между Петербургом и Москвой. До 1855 г. назвалась Петербургско-Московской, с 1923 г. — часть Октябрьской железной дороги.

Кессон — в строительном деле конструкция для образования под водой или в водонасыщенном грунте рабочей камеры, свободной от воды.

С. 116. *...кирпичные стены Толчковской церкви...* — Речь идет о ярославской церкви Иоанна Предтечи в Толчкове (1671—1687).

Жизнь ~ вынужденное пьянство ~ и уж идти было некуда. — Отсылка к мотивам романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1865—1866). Ср. слова Мармеладова: «Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти?» (ч. 1, гл. 2).

Васильев вечер — русский народный праздник, отмечавшийся в ночь с 31 декабря на 1 января. Название происходит от дня памяти св. Василия (1 января).

С. 117. *Без веры и упования...* — неточная цитата из книги св. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе»: «*Все для меня Господь.* Он моя вера, мое упование, моя любовь, моя крепость, моя сила, мой мир, моя радость, мое богатство, моя пища, мое питие, мое одеяние, моя жизнь — словом — все мое» (*Иоанн Кронштадтский.* Моя жизнь во Христе. М., 2010. Т. 1. Ч. 2. Запись 593. С. 118).

С. 118. *«Ночное раздумье»* — стихотворение И. П. Клюшникова (1839).

С. 119. *Тихо Браге* (Tyge Ottesen Brahe; 1546—1601) — датский астроном, астролог и алхимик. В 1600 г. составил таблицу катастроф, выделив наиболее неблагоприятные дни, чреватые бедствиями. До настоящего времени «Таблица несчастных дней Тихобрагова» («Дни Тихо Браге») используется в астрологической практике, а в странах Скандинавии существует как основа бытовых суеверий.

Преподобный *Эразм Печерский* (? — ок. 1160) — схимник Киево-Печерского монастыря.

С. 120. *«У шумиро-аккадиян последний день каждой четверти луны считался "тяжелым" днем — проклятым. Таким образом 7, 14, 21, 28 и еще, почему-то, 19 день каждого месяца были у них несчастливыми. Дни эти назывались — саббатув»* — близкая к тексту цитата из кн.: *Рагозина З. А.* История Халдеи с отдаленнейших времен до возвышения Ассирии. СПб., 1902. С. 215.

Святцы — православная церковная книга, состоящая из месяцеслова, пасхалии и некоторых молитв и песнопений.

Дьякон Василий Яковлевич был родоначальником фамилии Звездкиных... — Рассказ основан на семейной истории жены И. А. Рязановского — Александры Петровны (урожд. Звездкиной; 1880—1973) — дочери священника и краеведа Петра Васильевича Звездкина (1832—1902). Дьякон Василий Яковлевич Звездкин — дед А. П. Рязановской.

...дебри и болота, окружающие село Пахтаново. — Имеется в виду село Пахтаново Макарьевского уезда Костромской губернии.

Исав — библейский персонаж, сын Исаака и Ревекки, искусный зверолов.

..муж доблий... — мужественный, доблестный. Формульная летописная характеристика героя, неоднократно использовавшаяся и в новой русской литературе. См.: *Рожникова Р. П.* Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник. М., 2000. С. 147.

С. 121. *...появший...* (*церк.-слав.*) — взявший в жены.

Святцы ~ с сентября ~ по сентябрь... — Православный церковный год начинается с 1 сентября по юлианскому календарю или с 14 сентября по григорианскому («новому стилю») и заканчивается 31 августа (13 сентября).

..молитвы ~ ложные — отреченные. — Имеются в виду молитвы, отвергнутые церковью из-за имеющихся в них отступлений от официального вероучения.

Каноник — богослужебная книга православной церкви, содержащая в себе собрание церковно-служебных песен, называемых канонами, а также молитв и акафистов.

С. 122. *Сошная* — в Древней Руси *сошными людьми* назывались земледельцы.

С. 127. *Сон Пресвятой Богородицы* — православная молитва, считающаяся оберегом. Ее читают при неприятностях и бедах; дают читать больным сорок дней кряду, не пропуская ни одного дня; дают с собой отправляющимся в путешествие.

Четверговая свеча — свеча, зажигаемая в церкви в Чистый четверг Страстной недели (последней недели перед Пасхой) в знак любви к Спасителю. Наделялась магическими свойствами. Ее огонь считался святым; с ним обходили все углы дома; благословляли молодых; давали в руки болящему, чтобы облегчить его страдания; зажигали во время гроз, чтобы уберечь дом от молнии и т. д.

С. 131. *Грузины (Грузинская слобода)* — название исторического поселения в Москве, исчезнувшего в XIX в. На его былой территории ныне находятся Большая и Малая Грузинские улицы. В первой половине XIX в. в этом районе целыми таборами жили цыгане. Их хоры выступали в загородных ресторанах.

С. 132. *Печать братства: крест и венок.* — Речь идет о печати масонского «братства», на которой присутствуют характерные символы: крест (символ жизни) и венок (символ славы). Крест в круге (венке) образует масонский крест, обозначающий святое место и космический центр.

...всадник на бешено скачущем коне с мечом — литовская погонь. — Герб Великого княжества Литовского с конца XIV в. *Погонь* (от *польск.* pogoń) — герб.

С. 133. *...mon-ové fait tout* (*фр.*) — Мой яйцевидный <?> делает все. Описание реальной печати И. А. Рязановского. См. оттиск этой печати на письме Рязановского Ремизову от 15 июня 1917 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 22 об.).

Кулуфер (*лат.* tanacetum balsamita) — пиретрум бальзамический, травянистое растение из семейства сложноцветных или астровых.

С. 134. *На войне, действуя керенским убеждением, он был истоптан солдатскими сапогами.* — Возможно, речь идет об эксцессах в период провала так называемого «наступления Керенского» — наступления русской армии в июне 1917 г., когда митинги отказывавшихся воевать солдат иногда переходили в расправы над офицерами.

С. 135. *...тайность знаков ~ 6 ~ 7 ~ 3 ~ 666...* — приведены символические значение указанных пяти цифр в нумерологии.

Разумник Васильевич Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов; 1878—1946) — литературный критик, историк литературы, мемуарист. Один из близких друзей Ремизова. О взаимоотношениях Иванова-Разумника и Ремизова подробнее см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. зам. и комм. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Ива-

нов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. II. С. 19—147; Ремизовы: [Переписка А. М. и С. П. Ремизовых с Р. В. Ивановым-Разумником, 1942—1946 гг.] // Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов / Публ., вступ. ст., подг. текста и комм. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж, 2001. С. 73—117.

С. 137. *Послух* (др.-рус.) — свидетель.

Мордовка — позднесредневековая монетовидная пластика. Изготавливалась в XV—XVII вв. в Среднем и Нижнем Поволжье в подражание русским (московским) монетам.

Хабар (*укр.*) — взятка.

С. 141. *Невеглас* (*устар.*) — невежда.

Крест-голбец — могильный крест, имеющий крышу в форме схематической кровли или в виде избушки.

С. 147. *...явись во-вторые Кирилл и Мефодий...* — святые равноапостольные Кирилл (в миру Константин; 827—869) и Мефодий (в миру Михаил; 815—885) — братья из города Солунь, монахи, христианские проповедники, создатели славянской азбуки.

...картинка из Букваря Поликарпова... — Имеется в виду кн.: *Поликарпов-Орлов Ф.* Букварь. М., 1701. Дано точное описание содержания двух книжных иллюстраций, сопровождаемых поучительными стихами.

Зашел на старое пепелище, взял книг узелок. — Речь идет о посещении Ремизовым флигеля на территории фабрики Найденовых в Москве, где прошли детство и юность писателя и где до смерти (1919 г.) жила его мать.

А первыми примерами для чтения — Отче... — Имеется в виду текст молитвы Господней «Отче наш» («Отче наш, Иже еси на небесех!...»).

С. 148. *Василий Васильевич Розанов* (1856—1919) — религиозный философ, критик, публицист. Один из близких друзей Ремизова. О взаимоотношениях Ремизова и Розанова подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Вариации памяти (творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // *Ремизов А.* Розановы письма. СПб., 2011. С. 231—319. (Лит. памятники).

А вот Елка — Русская азбука ~ Анна Дараган. — Имеется в виду многократно переиздававшаяся кн.: *Дараган А.* Елка: Подарок на Рождество: В 2 ч. 1-е изд. СПб., 1846.

С. 150. *Литейный проспект* — магистраль в центре Петербурга. Проходит от Литейного моста через Неву до Невского проспекта. В XX в. на Литейном проспекте недалеко от Невского проспекта располагались книжные и букинистические магазины.

Евгений Васильевич Аничков — см. комм. к с. 41 наст. изд.

С. 153. *Василий Егорович Кудрявцев* — выпускник Московской духовной семинарии (1874). В годы детства Ремизова был дьяконом Покровской церкви на Воронцовом поле. См. «Автобиографию» Ремизова 1912 г.: «Учился я сначала у дьякона Василия Егоровича Кудрявцева — дьякон В. Е. Кудрявцев священником теперь у Бориса и Глеба на Арбате» (*Плачужная канава-РК IV.* С. 455). См. также в книге Ремизова «Подстриженными глазами»: «Дьякон Василий Егорыч Кудрявцев славился от Воронцова поля до Старой Басманной, как просвещенный педагог и законоучитель, — память о моем учителе я сохраняю через всю мою жизнь: это был кротчайший человек» (*Иверень-РК VIII.* С. 32).

Хрестоматия ~ составлена Иваном Ивановичем Виноградовым и А. Андреевым... — Имеется в виду кн.: Хрестоматия для приготовительного класса средних учебных заведений: [С прил. церк.-слав. текста Евангелия и «Свода грамматических сведений»] / Сост. И. Виноградов и А. Андреев. М., 1883 (обл.: 1884).

...расчеркивался под учителя чистописания А. Р. Артемьева... — *Александр Родионович Артемьев* (сценический псевдоним: Артем; 1842—1914) — преподаватель рисования и чистописания, с 1898 г. — артист Московского Художественного театра. Многократно упомянут в книге Ремизова «Подстриженными глазами» (*Иверень-РК VIII*, см. по указ.).

Вот новая Азбука, но на старом пути... — Речь идет о кн.: Азбука для начального чтения. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1913.

С. 154. *Задостойник* — одна из разновидностей богослужебных песнопений в составе евхаристического канона православной литургии. В качестве задостойника могут служить различные песнопения, например, ирмос или тропарь. В русской богослужебной традиции это обычно ирмос 9-й песни праздничного канона.

ТРИ СЕРПА
Московские любимые легенды

Впервые: *Ремизов Алексей.* Три серпа: Московские любимые легенды. Париж: ТАИР, 1929. Т. 1—2 (далее — *ТС I* и *ТС II*).

Первую притчу о Николае Чудотворце («Никола Угодник») Ремизов напечатал в газете «Голос Москвы» в 1907 г. Последующие легенды писатель публиковал в периодических изданиях и сборниках в 1914—1916 гг. Ремизов предпринимал попытку выпустить их в издательстве А. Ф. Маркса. 8 ноября 1915 г. он сообщал А. И. Тинякову: «У меня Николины сказки лежали в Ниве больше году» (цит. по: *Докука и балагурье-РК II.* С. 651; публ. И. Ф. Даниловой). Затем Ремизов

объединил легенды в книге «Николины притчи», состоящей из 24 текстов (Пг., 1917; далее — *НП-1917*). В ней Ремизов привел список основных отечественных первоисточников данных легенд (с. 123—124). Они учтены как в комментариях О. П. Раевской-Хьюз к «Николиным притчам» в *Лимонарь-РК VI*, так и в комментариях наст. изд. Подробнее о *НП-1917* см.: *Лимонарь-РК VI*. С. 716—718 (комм. О. П. Раевской-Хьюз). В 1918 г. вышел сборник «Никола Милостивый. Николины притчи» (далее — *НМ-1918*), составленный из 5 легенд («Никола Милостивый», «Свеча воровская», «Глухая тропочка», «Никола Угодник», «Задача»). Следующий сборник, связанный с Николаем-чудотворцем, — «Звенигород окликанный. Николины притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924; далее — *ЗО*). В него были включены произведения из *НП-1917* и добавлено вступление «Теплый пламень».

Л. Львов писал Ремизову 8 августа 1924 г. о *ЗО*: «Вам огромное спасибо за Николины притчи. Это самая лучшая книга в мире. Пишу о ней. Но не знаю, где печатать» (цит. по: *Обатнина 2001*. С. 296). Позднее Л. Львов опубликовал рецензии на *ТС I* и *ТС II* (Россия и славянство. 1929. 12 янв. № 7. С. 4; 31 авг. № 40. С. 3—4).

Главный редактор издательства «YMCA-Press» Б. П. Вышеславцев писал Ремизову в октябре 1925 г. о *ЗО*: книга «дает русской душе то, о чем она больше всего тоскует: запахи весенних полей, родной земли, звук исконной народной речи и наивность язычески-христианской <веры>. Но за всем этим есть нечто бесконечно более глубокое, что я оцениваю как гениальное достижение: это святые в русском духе, прикосновение к Божественному, к наглядным глубинам народной сказки, к самому заветному в ней» (цит. по: *Лимонарь-РК VI*. С. 774; публ. О. П. Раевской-Хьюз).

К. В. Мочульский так откликнулся на появление *ЗО*: «Литература ли это, или фольклор? “Народное” или индивидуальное творчество? В применении к Ремизову — вопросы праздные. К народным притчам отнесся он благоговейно (кто, как он, умеет любить и хранить русское наше достояние: лучшего казначея не найти!). <...> Ремизовскую речь издалека узнаешь и обрадуешься. Единственная, неповторимая, особенная <...> и своя, родная. Старые сказания о Николе-угоднике, знакомые, испокон веков по России ходили: привыкли мы к ним так, что и вспоминать перестали. Но вот Ремизов собрал их, записал, пересказал со вниманием, верой любовной — и ожили они для нас: засиял светлый лик на законченной древней иконе.

В этих притчах — простота до строгости, кто без кокошников и пестрых изразцов, без малинового звона и кумачовых рубах русского духа не понимает, тот над книгой этой соскучится. Тишина ее и сосредоточенность покажутся ему убогостью. Вымысел не богатый, живописности мало, лубка совсем нет. Куда как незатейливы чудеса

и деяния угодника. <...> Искусство Ремизова — во внутренней правдивости, почти прозорливости: тот же сюжет и поэффектнее можно было развить и приукрасить и присочинить немножко — ведь так и просится! А он знает: одним тоном выше, одним штрихом больше — и будет фальшь. Лишнего не следует — это как в молитве: самые необходимые, самые простые слова. <...> В притчах Ремизова святость без монашеской елейности: Никола — крестьянский бог, ходит в “лапотках”. <...> “Русский народ сказкой сказал о Николе: свою веру, свои чаянья, свою правду”. Кто другой, кроме А. Ремизова, мог бы отважиться пересказать эту “сказку”?» (*К. В.* [*Мочульский К. В.*]. Звенигород окликанный. Николины притчи: [Рец.] // Звено (Париж). 1924. 22 сент. № 86. С. 3).

Ю. Айхенвальд так определил достоинства книги (в частности, в контексте творчества писателя): «Известно, что Ремизов пишет узорным и затейливым слогом, что русское у него иногда искажается в руссизм, что он поэтому бывает порою непонятен без справок у Даля, без погружения в темные колодцы самого изысканного фольклора. Но “Николины притчи” всем этим как раз и не страдают: они написаны просто, чудеснейшим языком, которого нельзя не заслушаться, которым вдосталь не насладишься; они черпают свое содержание из свежих и студеных родников народной легенды, преломляя его в личном творчестве самого одаренного автора; они исполнены глубокой содержательности и неподражаемой красоты. Здесь не орнаментика, подчас так пленяющая Ремизова, но не всегда пленяющая у него; нет, здесь — подлинная живописность, открывающая перспективы во всю даль русского миросозерцания... <...> Несомненно, в России был бы запрещен “Звенигород”, потому что он говорит о России, о русской сказке, о русской вере... <...> Микола изображен как представитель и наместник Бога, облеченный всеми его полномочиями и силами, но в то же время сохраняющий все человеческие повадки и обличие. Именно это соединение божественности и самой земной, самой домашней человечности придает Николе Угоднику его неотразимую привлекательность и обаяние. У Ремизова это не безличный и сверхличный отвлеченный святой; это — определенная личность, определенный характер и темперамент; это — святой с мировоззрением, с известными привычками и особым складом ума и речи... <...> На фоне быта воссоздал его Ремизов, и оттого <...> разнообразно проходят перед нами живые бытовые картинки. <...> Глубока, и радостна, и прекрасна та погруженность в русскую стихию, какая отличает книгу Ремизова. Больше она, чем книга; это — клад родной земли, нечаянно оказавшийся в земле чужой; это — драгоценная словесная иконопись...» (*Каменецкий Б.* [*Айхенвальд Ю. И.*]. Литературные заметки // Руль (Берлин). 1924. 8 окт. № 1170. С. 2, 3).

В рецензии на *ЗО* З. Н. Гиппиус основное внимание уделила своеобразию ремизовского искусства: «Скажу сразу, что делает Ремизова писателем с “необщим выраженьем”, непохожим на других: это — его умение сливаться с очень реальной и очень таинственной стороной русского духа, к которой мы и подходить не привыкли. Ремизов вовсе не “описывает” его, он говорит, — когда говорит — как бы изнутри, сам находясь в нем.

Таинственную сторону России даже зовут, пусть неточно, но понятно — “Юродивой Русью”. Что это такое? Если взять широко — это вся жизнь русской народной души, ее сложный рост в истории. Это — неразнимчатая сплетенность язычества, христианства, сказки, порыва к правде; это ее смех и горе, ее хитрость, слабость и сила. Страницы Ремизова, где он сам становится частью этой жизни с ее безмерностью и неуловимой мерой, с ее всегдашним, хотя бы чуть заметным уклоном к “юродству” (напрасно мы понимаем его только в отрицательном смысле!), эти страницы и драгоценны, их-то и нельзя не любить, если любишь и чуешь Россию. <...> Не знаю, все ли “притчи” Ремизовым только взяты, или сочинены иные, но это безразлично: они *единого духа*. Ремизов тут почти не “писатель”, просто один из многих “создателей” Николиных “сказов”.

Разбойник, вор, лукавый или простодушный обманщик, совершенно так же, как и добрый Иван, “сын купеческий” — все они, в трудную минуту, готовы позвать: “святой Никола, где бы ты ни был — явись к нам!” Зовут и верят: будет им понятие и помощь от этого старичка, ведь он и чудотворец — и свой брат, вечный труженик и странник, вечный заступник. <...> Бесполезное дело — подходить к этой сложной области русской жизни с чисто эстетической меркой. Тут нужно чутье. То же художественное, — но иного порядка; ведь нужно понять глубочайший *реализм* такой “фантастики”. Ремизов в ней — самый настоящий реалист» (*СЗ*. 1924. Кн. 22. С. 447—448; курсив З. Н. Гиппиус).

В. Н. Тукалевский размышлял об органичной близости легенд Ремизова к народному духу, сознанию, мировосприятию и творчеству: «Ремизов — писатель, которого будут не только читать, но и изучать. Уже и теперь так часто слышим: “пишет под Ремизова, школа Ремизова, язык Ремизова” и т. д. <...> Каждая фраза у Ремизова “со значением”, мало того, еще и фраза эта на странице напечатана — одна ближе к краю, другая дальше, а то и посередине. Нет “лишних” слов, нет “напрасных” слов, за каждым абзацем таится та “мудрость” народная, которую так близко, так чутко “чует” Ремизов. Яснее, ближе чем кто-либо, особенно из современных писателей, почуял Ремизов часто простые, краткие народные слова, ну, хотя бы: “оно — конечно”... А в этих-то буквах, звуках — целая “философия”. Больше: недодуманное мужи-

ком Ремизову — ясно. И вот эту-то правду народную, эту истину простонародную Ремизов нашел слова *выразить*. А ведь часто слышим только будто звуки, и они для нас — “невыразимые”. Ремизов нашел ключ к этим звукам несказанным. Оттого-то и быть ему, Алексею Михайловичу: *ключарем российского слова*.

Все притчи Николины, а их много собрал Ремизов, оттеняют, каждая, особую черту народного характера. <...> Так бы и хотелось действительно писать “научную статью” по рассказам Ремизова, как это делается применительно к произведениям народной словесности. Но суть в том, что “притчи Ремизова” это не обычный знакомый нам материал, а очищенный от ненужного лишнего слова; взято все метко, а главное “правильно”. Так сказано, что не отличишь от народного сказа. Еще черта — все читаешь: Никола — такой, сякой — Никола, он “все может”. И чем глубже проникаешь в Николины чудеса, тем яснее, что Николу создал сам народ, таким, каким он его знает, — он “все может”; а это и есть то русское “авось”, “вывезет” — за что так попадает от всех русским людям за их “непрактичность”. А Никола-то и есть это — “вывезет”. Причем не в том безалаберном отношении, отрицательном, а в самом лучшем: твердая уверенность в своих силах, вера в себя, в *человека*. <...> Повторяю, нельзя о “Звенигороде” несколько слов написать. Каждая притча — это материал для специального исследования. Но в то же время каждая притча — открывает всё новые страницы в “книге живота” народа русского, а может быть и не одного русского?» (*Т-ский Вл.* [*Тукалевский В. Н.*] // Воля России (Прага). 1924. № 16/17. С. 233—234; курсив В. Н. Тукалевского).

Для истории создания и публикации *ТС* существенно обращение Б. П. Вышеславцева в цитированном выше письме к Ремизову от октября 1925 г.: «Мне хотелось бы вдохновить Вас на книгу о “Николае Угоднике”. По-моему, только Вы можете ее написать. А она нужна русскому человеку <...> Книга должна быть написана приблизительно так, как Вы писали свои “византийские” вещи» (*Лимонарь-РК VI*. С. 774; публ. О. П. Раевской-Хьюз). Редактор YMCA-Press предлагал создать книгу о Николае-чудотворце, сходную, к примеру, с жизнеописанием «Преподобный Сергий Радонежский» (1925) Б. К. Зайцева. Однако замысел Ремизова изначально был совсем другим. Так, 5 марта 1926 г. он писал Л. Шестову: «Читаю по-франц<узски> о St. Nicolas[1]. Я до сих пор не могу решиться подписать контракт с Вышеславцевым и попросить денег: боюсь, что житие такое выйдет — НЕ ПРИМУТ. Т<ак> к<ак> ничего неизвестно о жизни, я думаю перевести все на современность — в Париж. А это не больно-то! Вот этим всем занят

[1] Вероятно, имеются в виду труды французских ученых: Тилемона, Байэ и др. (см.: *ОНЧ*. С. 637, 641).

с утра до поздней ночи. Все делается, ничего не готово» (*РЛ.* 1994. № 2. С. 143—144; публ. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского).

В № 1 парижского журнала «Версты» за 1926 г. были опубликованы четыре легенды: «Вне закона», «Урс», «К стенке», «Беспризорные». В примечании от редакции сообщалось: «В изд<ательстве> YMCA PRESS появится книга Алексея Ремизова “Николай-чудотворец”. С любезного согласия издательства печатаются некоторые главы из этой книги» (с. 37). Дата под текстами: «11. 4. <19>26. Париж». О данной публикации Д. П. Святополк-Мирский писал Ремизову 7 июня 1926 г.: «...*Николай Чудотворец*, мне кажется, вещь совершенно огромная, даже для Вас» («...с Вами беда — не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову (1922—1929) // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2003. [Т.] V. С. 381; курсив Д. П. Святополка-Мирского; публ. Р. Хьюза). В YMCA-Press легенды о Николае так и не вышли. В 1931 г. в этом издательстве Ремизов напечатал свою книгу «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (далее — *ОНЧ*). На экземпляре, подаренном В. И. Малышеву, Ремизов указал: «Эта книга — введение в легенды о Николе (Николай Мирликийский)» (*Волшебный мир Алексея Ремизова.* С. 26). Об истории публикации *ТС* и *ОНЧ* см.: *Розанов Ю. В.* Никольский цикл А. М. Ремизова и проблема «последней книги» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2008. Вып. 8. С. 589.

Многие легенды впервые были опубликованы в заграничной периодике: «Версты», «Звено», «Последние новости», «Современные записки» и др. В. Набоков в рецензии на XXXVII книгу *СЗ* очень сдержанно отозвался об опубликованных в ней притчах цикла «Московские любимые легенды»: «Поклонников Ремизова эти легенды (о Николае и его чудесах), вероятно, приведут в восторг; обыкновенному же читателю будет скучновато. Нельзя безнаказанно писать о чудесах: чудесное испаряется. Механическое появление чудотворца Николая, особенно во время кораблекрушения (в новой книге Ремизова “Три серпа” изд. Таир, Париж — корабль тонет чуть ли не на каждой странице), утомляет и читателя, и чудотворца. Неутомим только сам Ремизов. Нарочитая наивность этих легенд так раздражает, что иное меткое слово автора как-то даром пропадает, теряется в общем докучном узоре. И что уже вовсе неприемлемо — это анахронизмы. Прелесть анахронизмов, встречающихся в древних апокрифах, заключается в том, что они естественны; там нехитрое воображение преломляет незнакомое в знакомые образы, превращает пальму в березу. Ремизов же щеголяет сознательными анахронизмами, на фоне древнего быта, для изображения которого потребовалось глубокое знание старины — я бы сказал, навык старины. Это несомненное знанье и делает его анахронизмы неприятными. Кроме того, в них чувствуется не столько

московский быт (как, казалось, должно было быть, судя по заглавию), сколько русский Париж» (Руль (Берлин). 1929. 30 янв. № 2486. С. 7).

В издании *ТС* нет обозначения порядка томов. Однако в *ОНЧ* Ремизов указал, что «посмертные чудеса воспроизведены в I т. "Трех серпов"», а земное житие святителя воссоздано в легендах II тома (*Лимонарь-РК VI.* С. 644). О легендах *ТС I* Ремизов писал также в «Примечаниях» к *ОНЧ* (исключая следующие: «О трех купцах», «О ковре», «О трех иконах», «О двух сосудах», «Обманутый Иаков», «Наречённая доля»): «...главные посмертные чудеса Николая-чудотворца, все же бесчисленные будут только вариантами» (Там же. С. 646). Легенды в *ТС II*: «чудеса при житии» («Кипарис», «К стенке», «Продовольствие», «Налог», «Кораблекрушение») (Там же). В настоящем издании тома расположены в последовательности, указанной самим писателем.

Первый том *ТС* вышел еще в конце 1928 г., о чем можно судить по надписи Сергею Яковлевичу и Анне Васильевне Осиповым на подаренном им экземпляре; она датирована 29 ноября 1928 г. (*Волшебный мир Алексея Ремизова.* С. 25).

Каждый из томов содержит 26 легенд. 13 заключительных притч *ТС II* были взяты из *НП-1917.* Оттуда же почерпнута легенда из *ТС I* «Наречённая доля» (в *НП-1917* она фигурирует под загл. «Николино письмо»).

В *ОНЧ* Ремизов дал еще один, более обширный, перечень первоисточников для обоих томов. Среди них он отметил труды В. О. Ключевского (Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871), архимандрита Антонина (Капустина), архимандрита Леонида (Кавелина), гр. Г. Кушелева-Безбородко (Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862: «Чудо о некоем половчанине»), А. Вознесенского и Ф. Гусева (Житие и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его в России. СПб., 1899), Г. Анриха (Hagios Nicolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirch: Texte und Untersuchungen. Leipzig; Berlin, 1913—1917. Bd. 1—2), Симеона Метафраста (Жизнь и деяния святого отца Николая; *Anrich G.* Hagios Nicolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirch: Texte und Untersuchungen. Bd. 1. S. 235—267; см. русский пер. С. В. Поляковой: Византийские легенды. Л., 1972. С. 140—155 (в комм. приводятся ссылки на данное издание)), А. Беатилло, Н. Путиньяни, Леонардо Перино, аббата Марэна и др. (*Лимонарь-РК VI.* С. 635—637).

Название двухтомника восходит к зачину легенды «Никола-угодник» (1907): «Чудна некая вещь: явился Николе верхом на коне с серпами в руках ангел Господен. "Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю!"». Ср. в легенде «Кипарис»: «И вдруг видит: всадник — в руках серпы. "Я ангел, держащий жатвенные серпы, —

сказал всадник, — меня послал Господь дать тебе один из серпов: время жатвы приходит на весь мир"». Данный фрагмент восходит, в свою очередь, к Апокалипсису. Непосредственно «три серпа» находим в тексте архим. Антонина (Капустина): «...я есмь ангел, держащий серпы жатвы. И послал меня Господь Бог дать тебе один из серпов тех. Ибо время жатвы наступает для всего мира. И надобно тебе иметь оружие и печатствовать жнитву и передавать. Я подошел к ангелу посмотреть на оружие и вижу как бы три серпа шириною в 5, а длиною в 15 локтей. <...> я Михаил Архангел, служащий тебе ежедневно. Мне повелел Господь Бог открыть тебе то, что имеет быть во всем мире. <...> серпы, которые ты видел, суть сила и печать Господа» (*Антонин.* С. 477, 479).

В связи с *ТС* Ремизов сделал такое пояснение в анкете Андрея Седых «Писатели о своих книгах»: «"Три серпа" — византийские легенды о Николае Чудотворце, любимые на Москве и пересказанные по-русски, как русские, о русском. Современная обстановка легенд — Париж, Москва, Бретань — в духе народных рассказов, законный прием передачи легенды, которая есть выражение явления духовного мира и стоит вне истории и археологии. Легенды о человеке, которого страждущее человеческое сердце наделило в веках отзывчивым на все беды чудотворным сердцем — книга мира, мудрости, молитвы, тесно связанная с бурной "Взвихренной Русью"» (*ПН.* 1930. 1 янв. № 3206. С. 4). Это признание перекликается с надписью на экземпляре *ТС II* жене писателя С. П. Ремизовой-Довгелло: «25. 1. <19>30. Paris. Многое из того, что чувствую, написал я в этих легендах. Я хотел представить человека, изнеможенного жалостью своего сердца и только чудом умудренного избранностью своей и благодатью. Так вышел Николин образ, именно умудренная жалость» (*Волшебный мир Алексея Ремизова.* С. 25).

Н. Кодрянской Ремизов так писал о многовековой притягательности образа Николая Угодника: «Немыслимость, невозможность подойти к Богу побудила человека создать легенду о праведном человеке — Николе Чудотворце... А в русских веках Никола Угодник и Чудотворец — заместитель Бога на русской земле» (*Кодрянская 1959.* С. 85); «В моей книге о Николе Угоднике — в ней собрана вся доброта, какую увидели мои глаза, или чего я пожелал в жизни» (*Кодрянская 1977.* С. 110). Ср. также о Николае-Чудотворце в *ОНЧ*: «Николай-чудотворец одарен всем, и помощь от него людям во всем и забота его о всех. <...> Никола "заступник" — между Христом и людьми — "Новый Спаситель" <...> "Новый Спаситель" — не второй Богочеловек, не Сын Божий, единственный Спаситель, принявший грехи мира, Свете Тихий, озирающий землю до самой тайной завязи жизни; "Новый Спаситель", замещающий Христа на земле, — человек, рожденный от че-

ловека, человек избранный из сотворенных Богом людей, человек с открытым и готовым на помощь сердцем, со всей теплотою сердца светящего и согревающего, с внимательными глазами — ясным зрением и внимательным чутким слухом к самой тихой жалобе и к самой скрытой замаскированной скорби, предстательствующий перед Спасителем за грешного и бедующего человека с его загадочной и превратной судьбой» (*Лимонарь-РК VI*. С. 610, 613).

Согласно историческим данным, в Ликии, области на юго-западе Малой Азии, жили два святителя Николая: архиепископ Николай Мирликийский – в III—IV веках (как установили современные ученые, даты его рождения и смерти: ок. 260—335; подробнее см.: «Правило веры и образ кротости»: Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии / Сост. и общая ред. А. В. Бугаевского. М., 2004. С. 55, 67—68, 85—86), а архиепископ Николай Пинарский – в VI в. Николай Мирликийский родился в г. Патаре (Патары). Бóльшая часть его жизни прошла в г. Мира (Миры), главном городе Ликии. Там он был похоронен в соборной церкви. В 1087 г. мощи св. Николая итальянцы перевезли в итальянский г. Бари. В *ОНЧ* Ремизов особо отметил: «Как и что, о роде и племени Николая Мирликийского, и о нем самом по книгам нигде ничего документально не значится, и имя его ни в каких исторических деяниях не зарегистрировано. Но это отсутствие документальности ни в какой мере не отрицает его земного существования. <...> ...явление духовного мира, выражающееся в образах сказки или легенды, живет своей жизнью вне истории и географии и не нуждается ни в какой статистике и хронологии. <...> Образ Николая-чудотворца возник из слияния двух образов: Николая Мирликийского и Николая Сионитского Пинарского» (*Лимонарь-РК VI*. С. 610—611, 635). В житиях святых деяния этих чудотворцев смешались. Ю. В. Розанов отметил: «В рассказах Ремизова святой Николай действует в некотором условном хронотопе, включающем реалии Малой Азии, Франции и России разных исторических эпох вплоть до современности» (*Розанов Ю. В.* Никольский цикл А. М. Ремизова и проблема «последней книги». С. 586). Ср. также в «Примечаниях» Ремизова к *ОНЧ*: «О Николае-Чудотворце исторических матерьялов нет, есть только легенды. И надо было “воссоздать” эти легенды, из которых выступил бы живой образ, самый человеческий из человеческих – Никола. Легенды собраны в моей книге “Три серпа”, Изд. Таир, Париж, 1930; сказки в моей книге “Звенигород окликанный”, Изд. Алатас, Париж, 1924 г. То, что пишется, пишется не для кого и для чего, а только для самого того, *что* пишется. И если результат работы хоть в какой мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как

нет одного понимания, так нет одной оценки — на всех не угодишь. 2.III.1931. Paris» (*Лимонарь-РК VI*. С. 649).

Одним из первых на выход *ТС I* откликнулся П. Пильский: «Сладостны и тихи, тихи и благоговейны эти любимые московские легенды, — сколько их подслушал, сколько собрал Алексей Ремизов, неутомимый раскопщик старорусских драгоценностей языка и сказаний. Удивительный и оригинальный писатель! Будто о нем самом говорится в его легенде "О двух сосудах", об этом умении, этой науке писать "единственным почерком, каким славился Августарий, — пером августариевым, с паутинной запутанной вязью". Алексей Ремизов строго следует заветам этого учителя и знает, что "для каждой литературной формы есть своя *начертательная* форма, — каждое литературное произведение должно быть написано по-своему, а написать как-нибудь, значит разрушить форму, а разрушить форму и обессмыслить — одно и то же".

И его "московские легенды" написаны удивительно. Прост, искренен и величав их стиль. Внушительна и убедительна их немногословность, оставляющая глубокое, захватывающее впечатление. <...> Чрез всю книгу проходит, ее пронизывает, освещает внутренним светом убеждение в том, что вера непобедима, и всякое насилие обречено на гибель, побеждаемое человеческим сердцем. Чем-то современным, сегодняшним веет от строк Ремизова, указывающих на то, что для всех иконоборцев самыми опасными врагами представились те, "кто в стороне от всякой борьбы делал свое духовное дело", а "дело, не как-нибудь сделанное, по самому своему духу подрывало "иконоборческий догмат" и было большим соблазном для смирившихся поневоле"» (*П. П-ский* [*Пильский П. М.*]. А. Ремизов. Московские любимые легенды // Сегодня. 1929. 12 янв. № 12. С. 8).

М. Осоргин в отзыве на *ТС I* писал об особенностях восприятия своеобразных, причудливых ремизовских текстов: «Кто умеет читать Ремизова — тот оценит эти легенды; кто не приспособился — для того ни их святость, ни их шутливость не могут быть убедительными. Про Ремизова не раз и недаром сказано, что он — писатель для писателей, а не для читателей; так это за ним и останется, пока не придет на него мода. Но "мода" на Ремизова потребует несколько повышенного читательского уровня, — той любви к русскому языку и той способности его чувствовать, которыми обычный читатель писателя не балует, а обычный писатель от читателя не требует. И все же удивления достоин тот холодок, с которым средняя читательская аудитория относится к автору "Взвихренной Руси"... <...> "Три серпа" — перелицовка священного на язык домашнего обихода, любопытный опыт интимного сближения неба и земли, веры и суеверия, молитвы и детской болтовни. Ни рассказать содержание "любимых московских легенд", ни

объяснить манеру авторского письма нельзя, — мы не на уроке словесности. Можно назвать книгу очаровательной, — но уж дело читателя верить на слово или, проверив, составить личное впечатление» (*М. О.* [*Осоргин М. А.*]. Легенды А. Ремизова // *ПН.* 1929. 21 февр. № 2892. С. 3).

Критик журнала «Воля России», подписавшийся криптонимом «Z», словно отвечая М. Осоргину, отметил в рецензии на этот же том: «...не следует думать, будто Ремизов труден или недоступен для широкой публики... <...> Наоборот, ряд книг Ремизова — увлекательное чтение. <...> это настоящая литература, требующая от читателя и вкуса, и известной сметки. Но это литература занимательная, и порою на книгах Ремизова отдыхаешь душой. Таков и последний сборник чудесных легенд о св. Николае. Их не устанешь читать: так много юмора, любви к человеку, тонкой наблюдательности и вымысла в этих византийских и латинских легендах, бóльшая часть которых услаждала века тому назад русских людей своими чудесами и небылицами. <...> Эти сказания о купцах и царях, о пленных, о сарацинах и милости Николы одеты Ремизовым в наряды современности. Ремизов постоянно употребляет этот прием, делающий его легенды особенно забавными и живыми: он, говоря о Византии первых веков христианства, упоминает детали нашего быта, и вот до Парижа докатывается Византия, и прошлое становится как настоящее и стирается грань между веками и людьми — всегда одинаковы были их страсти, и злоба, и добро. <...> Порою сближения принимают явный характер сатиры: особенно в сказании о гимнографе Иосифе. <...> Язык этих легенд, настоящий русский язык, гибкий, образный, меткий, полный игры и силы — каким умеет владеть только Ремизов, и который напоминает сказки и легенды Лескова: только Лесков в рост с Ремизовым-стилистом. <...> В сущности все легенды Ремизова — о живом добре, и частицу этого добра унесет чуткий читатель со страниц прекрасной книги» (Воля России. 1929. № 2. С. 165, 166).

Восторженно отозвался о *ТС* А. В. Амфитеатров в письме к Ремизову от 30 августа 1930 г.: «Очень большое впечатление произвели на меня “Три серпа”. Помимо мастерства и одушевления, какая это умная книга: как ловко приспособлена к вхождению в нынешнюю полуверную душу. Поражает меня реалистическая сила Вашего воображения» (Amherst. Box 2. F. 5. № 57). Позднее А. В. Амфитеатров в пространной заметке попытался определить жанровые особенности ремизовских повествований-стилизаций о Николае Чудотворце: «А. М. Ремизову пришла в голову идея — доказать, что не только сохранение, но даже дальнейшее развитие древнейших фольклорных мотивов возможно в бытовых условиях современной жизни. И больше того: что современный человек, если для него фольклорный мотив имеет учи-

тельную ценность, передает то или иное сказание не в основной старинной форме, но под густым налетом современных же подробностей, которые сказание оживляют новою реальностью... <...> Удачный или неудачный опыт? нужный или ненужный? Право, не знаю, как решить. Увлекательно и обольстительно — не оторваться от занимательных страниц, захватывает чародейство слов, захватывает жизненное поновление бытовых драм. Ну, а иной раз все-таки широко открываешь глаза, изумленный:

— Что это? с какой стати? откуда он взял? зачем?

Так все время и качает А<лексей> М<ихайлович> читателя... от восхищения к недоумению. Потому что Николай Чудотворец А. М. Ремизова:

Катается на автомобиле.

Летает на аэроплане.

Плавает на пароходах.

Говорит по телефону.

Подписывает чеки.

И так далее. <...>

Пока А. М. Ремизов остается просто излагателем легенд или сближает их с русским сказочным эпосом, его пересказы истинно превосходны, и в них даже допускаемые им дополнения, распространения и “отсебятины” удачны, метки, остроумны: фольклорного знания и чутья А<лексе>ю Мих<айлови>чу не занимать стать. Но попытки его вносить “модерн” в события и идеи глубокого средневековья, на границу мирового перелома от языческой культуры к христианской срываются с тона» (*Амфитеатров А.* Святые на автомобиле и аэроплане // Сегодня (Рига). 1932. 6 янв. № 6. С. 4).

В целом высоко оценил *ТС* и Г. Адамович: «Книга эта неровная. Кое-что в ней на лубок сбивается. Но в большей своей части она прелестна. Ремизов рассказывает о святителе с полной простотой и свободой, так, что кажется даже, если бы он какую-нибудь шутку позволил себе, она не была бы оскорбительна: св. Николай для него будто дорогое и близкое существо, и живая любовь к нему чувствуется везде. Книга не церковна, но все-таки по-настоящему религиозна. Ремизов сначала рассказывает о событиях из жизни св. Николая, затем передает народные легенды об этом “нищелюбце”, странноприимце, вечном страннике, вечном труженике, чудотворце — заступнике за Русскую землю. Эти русские легенды — лучшее, что есть в “Трех серпах”.

В своем желании сделать св. Николая нашим современником Ремизов вводит в повествование современнейшие понятия и слова: дактило, банк, трест, аэроплан, авиатор, — и так далее. Но, по-видимому, Ремизов хочет, чтобы мы читали рассказы о древнем святителе как нечто, происходящее в наши дни. И этого впечатления он достигает.

Ремизов — вообще писатель "для немногих", витиеватый и спорный. "Три серпа" одна из самых легких его книг, однако он в ней отразился целиком. Ее перелистываешь и читаешь без всякого напряжения, но если остановиться и подумать, чуть ли не в каждой странице ее открывается новый, более глубокий смысл» (Иллюстрированная Россия (Париж). 1930. 11 янв. № 3 (244). С. 14).

Рецензируя *ТС II*, критик И. Воинов писал: «Эта книга <...> раскрывает перед нами... вселенскую миссию Николы, заступника обездоленных, вечно болеющего за темную, греховную человеческую душу. Угодник милостивый глядит на нас ласково, всегда действенный, живой, всегда на посту... <...> В той простоте народного говора — лучистая, радостная теплота. Она захватывает читателя подлинным пафосом крепкой мужицкой веры, явственным ощущением чуда. <...> Лик Николая — милостивого, "нашего" Николы, особенно светел и ясен в тех небольших рассказах Ремизова, где местом чудес святителя является бескрайная русская земля. Все здесь у автора трогательно, правдиво, слова сами плывут в душу, поднимают мысль к Богу, к тайникам слепой, беспредельной веры». При этом И. Воинов обратил внимание на стремление писателя смешать реалии разных времен: «Ремизову, однако, не всегда удается выдержать единство стиля. Старая привычка к затейливым словечкам, к излюбленному, чисто ремизовскому, "юродству" ясно обнаруживается в некоторых "сказах" сборника. Совершенно неожиданно, но нарочито намеренно, смешивает он в рассказах далекие, почти легендарные времена с тусклыми буднями наших дней.

Мы не можем признать, что такого рода "трюки" содействуют чистоте и выдержанности стиля... Есть что-то неприятное, пожалуй, даже оскорбительное, в перенесении той нашей повседневности в сказание, хотя бы и стилизованное, о житии святого. <...> Справедливость, все-таки, требует признать, что в "Трех серпах" таких "сказаний" немного. Потому-то и есть на чем отдохнуть, обрадоваться нечаянной встрече с Николой, почувствовать за собою его шаги, сохранить в сердце взгляд ласковый — свет благодати» (Возрождение. 1929. 15 авг. № 1535. С. 3). Более категоричным был И. А. Ильин. Он, в частности, писал Ремизову после ознакомления с текстами *ТС* в конце января 1931 г.: «...не могу <не> сказать Вам от себя, что Легенды о Николе в Трех Серпах меня огорчили. Это играющее смешивание эпох производит впечатление *иронического отношения к сюжету*: как заведомо и наверное не могло быть такого междуисторического всесмешения — так значит автор и к самим чудесам Николая Угодника относится заведомо несерьезно, с играющей насмешкой. Вот осадок от чтения, и Вы представить себе не можете, <...> какая темная, протестующая грусть родится от этого в душе: как если бы кто-нибудь священному

Предмету зачем-то язык показал...» (цит. по: *Обатнина 2008*. С. 152; курсив И. А. Ильина). Эти свои соображения И. А. Ильин развил позднее в книге, одна из глав которой была посвящена Ремизову: «Есть неумолимый художественный закон, согласно которому все, что может быть исключено из произведения, должно быть исключено из него: все лишнее, немотивированное, утомляющее, развлекающее, растрачивающее внимание читателя. И с этим законом Ремизов не считается. <...> Это отсутствие заботы об органической цельности произведения и о его образной правдоподобности выразилось у Ремизова с особенной наглядностью в его двухтомном произведении “Три Серпа. Московские любимые легенды”. Фантастические рассказы о Св. Николае, Мирликийском чудотворце, составлены автором так, что читатель с первых же страниц испытывает художественный испуг и разочарование, и не расстается с этими чувствами до конца.

Дело в том, что в этих рассказах бытовой и образный материал берется сразу из первых веков после Рождества Христова, из средних веков европейской жизни, из православной Руси, из большевистской революции, из современного эмигрантского быта во Франции и из русской сказки. И все это обрушивается на читателя. <...> Сущность художества состоит, вообще говоря, в том, чтобы показать образ, правдоподобный и наглядный до реальности, вызвать доверие читателя и завладеть его воображением; и через такой образ ввести ему в душу художественный предмет. Между тем хаотическое смешение эпох, бытовых стилей, бытовых темпо и, что еще хуже, смешение священного с волшебным, святого всемогущества с колдовством и с техникой — все это вызывает в душе читателя отказ доверять, воображать и сосредоточивать художественное внимание. Ему рассказывается такое, что заведомо никак не могло быть, так что и автор и читатель оба знают, что этого никогда не было. Это подчеркиваемое автором сознание неправдоподобности и нереальности образа — оказывается губительным для художественного акта. <...> И разочарованный читатель с изумлением спрашивает себя: почему же такие легенды именуются “московскими” и “любимыми”?!» (*Ильин И. А.* Творчество А. М. Ремизова // *Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Мюнхен, 1959. С. 119, 120; разрядка И. Ильина).

К. В. Мочульский в рецензии на двухтомник писал: «“Московские любимые легенды. Три Серпа” — пересказ своим голосом старых сказаний о Чудотворце. Автор — последний из народных сказителей. Он продолжает творимую легенду, начало которой в XI веке. И принимая из рук народа нить рассказа, он знает, какую возлагает на себя ответ-

ственность. Поддайся он соблазну подражания и "стилизации" — и светлый образ померкнет. Из иконы получится "портретная живопись". Ремизов и не пытается "народничать". От своего имени и своим голосом рассказывает он; двадцатый век, эмиграция, Париж — бедственная жизнь человека в изгнании — все, что есть и что пережито, — кладет свой отпечаток на сказания о Святом Николае. Духовное явление в истории и географии не нуждается, анахронизмов не боится, с бытом ладит и чудесно примиряет самое древнее с наисовременнейшим. Для Ремизова легенды — не археология, а жизнь, со всеми ее мелочами, и сегодняшний день, и вечность. <...> В "Трех Серпах" есть лирические монологи автора, жалобы на горькую судьбу и плач по "бедовой доле", здесь — свое и народное — сливаются. Русский Никола — простой и благостный; старик с насупленными бровями и сияющими добротой глазами. "Христос, — говорит Ремизов, — это очень высоко и очень требовательно". А Никола — он "запазушный", благостный Христос, "притоманный" (т. е. домашний). Этим духом простоты, смирения, домашности и земной веры наполнена книга Ремизова» (*СЗ*. 1932. Кн. 48. С. 480).

Том I

Вне закона

Впервые: Версты. 1926. № 1. С. 49—51, 4-я в подборке «Из книги "Николай Чудотворец"».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 7—10.

Сюжет произведения связан с легендой «Сосуд Артемиды», сохранившейся в тексте Симеона Метафраста, издании Г. Анриха (*Метафраст*. С. 154—155; *Анрих*. S. 136—138, 265—266). Другие тексты-источники: *Вознесенский, Гусев*. С. 124—125 («Спасение корабля от потопления»). См. об этой легенде: *Бугаевский*. С. 171; *Виноградов А. Ю., Деопик Д. В.* Чудо об Артемиде святителя Николая в свете археологии // «Правило веры и образ кротости». С. 125—134.

Вл. Злобин в отзыве на «Версты» писал по поводу лексики этой и других легенд, которая перекликается с современностью («Знаменитый храм Артемиды в Мирах был *реквизирован...*» и т. п.): «Иной язык был бы непонятен тем, для кого вместо прошлого — черная дыра, и летоисчисление начинается от октябрьского переворота» (Новый дом. 1926. № 1. С. 35).

А. В. Амфитеатров обратил внимание на сюжет легенды: «Легенда рассказана мастерски, но насколько ясно ее аллегорическое начало, настолько же затемнены продолжение и конец. Если не знать основ-

ной легенды, то, по правде сказать, непостижимо: что за незнакомка? какое масло? с чего буря? откуда Микола? В основном сказании все проще». А. В. Амфитеатров изложил содержание «основного сказания», которое значительно отличается от ремизовского текста. Критик подразумевал здесь «Золотую Легенду», популярное сочинение Иакова Ворагинского, собрание христианских легенд и занимательных житий святых (XIII в.). «Тут все просто и ясно, — констатировал А. В. Амфитеатров. — Св. Николай лишил богиню Диану (для христиан — дьяволицу) культа. Оскорбленная богиня хотела отомстить ему разрушением его храма и лукаво провоцирует на то паломников. Св. Николай, догадавшись о злом умысле Дианы, допрашивает паломников и, убедившись в провокации, ее пресекает. Последовательно и даже “естественно”. <...> Вот этого-то как раз нет у Ремизова. Разорители Дианина культа у него вышли большевиками... <...> Но тогда — при чем же оказывается Никола-то? Где его место в легенде? По Ремизову выходит, что он как-то сидит между двух стульев, ни в сех, ни в тех. <...> из наивного, ясного, как день, сказа выросла путаница-плетеница, в которой не свести конца с началом... <...> Само собою разумеется, что А. М. Ремизов не предумышлял подобной возможности, но к ней привел его ошибочный метод» (*Амфитеатров А.* Святые на автомобиле и аэроплане. С. 4). Сочинение Иакова Ворагинского было известно Ремизову (*ОНЧ.* С. 646).

С. 157. *Знаменитый храм Артемиды ~ ей-Богу, бросится кусаться.* — Об этом фрагменте А. В. Амфитеатров писал: «Здесь модерн А. М. Ремизова столь прозрачен, что не требует комментариев» (*Амфитеатров А.* Святые на автомобиле и аэроплане. С. 4).

Знаменитый храм Артемиды в Мирах был реквизирован под Пятницу Параскеву. — Ср. в тексте Метафраста: «Святого, воинствующего против злых духов, посещает некое вдохновение свыше, и божественный промысел велит ему не оставить нетронутым капища Артемиды, но обратиться против него и, подобно прочим, уничтожить» (*Метафраст.* С. 147). Ср. также: «В житии св. Николая имя Артемиды связывается с языческим храмом, разрушенным им, и это имя устойчиво держится во всех списках и редакциях житий св. Николая» (*Аничков Е. В.* Микола Угодник и св. Николай: Опыт литературной критики в области народных сказок и песен // Записки Неофилологического общества при Имп. С.-Петербургском ун-те. СПб., 1892. Вып. 2. № 2. С. 12). Другой текст-источник сюжета: *Вознесенский, Гусев.* С. 49 («Разрушение капища в честь языческой богини Афродиты»). День памяти св. великомученицы Параскевы приходится на 28 октября.

...в «Охране памятников старины и искусства». — Намек на созданный в Петрограде после революции Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины.

«Ваша религия опиум для народа!» — Неточная цитата из работы К. Маркса «К критике гегелевской философии права» (1843).

Яффа — один из главных портов древнего Израиля, куда приходили корабли с паломниками, направлявшимися в Иерусалим.

С. 158. *...кто так стоял, так и ткнулся.* — В «Верстах»: «...кто как стоял, так и ткнулся». Возможно, в тексте *ТС I* опечатка.

О трех купцах

Впервые: Дни. 1928. 26 февр. № 1341. С. 3, под загл. «Повесть о трех купцах».

Прижизненные издания: *ТС I.* С. 11—18.

Тексты-источники: *Леонид.* С. 30—32; *Вознесенский, Гусев.* С. 680.

С. 159. *«Во дни царствования Проба царя и Флориана»...* — Так начинается повествование этой легенды у Леонида (Кавелина) (*Леонид.* С. 30); *Марк Аврелий Проб* (232—282) — римский император; правил в 276—282 гг. *Марк Анний Флориан* (232—276) — римский император; правил в 276 г.

...в город Византию, тогда еще не переименованную в Константинополь. — *Византий* — древнегреческий город в месте соединения Мраморного моря, Босфора и залива Золотой Рог. Основан в VII в. до н. э. В 330 г. получил название Константинополь.

С. 160. *Половой* — в России XIX — начала XX в. трактирный или ресторанный слуга, одной из обязанностей которого было содержать в чистоте полы в помещениях; половые принимали заказы, подавали блюда, производили расчет.

С. 161. *Инда* — так что, так что даже.

С. 162. *Снеток* — другое название рыбы корюшки.

Озернулись товарищи... — *Озернуться* — т. е. оглядеться, посмотреть по сторонам. Производное от глагола «озираться».

...глядь: чудовище — огромадное: кит! ~ ухватил я этот мешок да скорее бежать, выскакивать из пасти». — Сходный эпизод содержится в Библии, где повествуется о пророке Ионе, проглоченном китом, внутри которого он находился «три дня и три ночи» (Иона 1: 15; 2: 1—11).

С. 163. *...Софийский соборный колокол.* — Имеется в виду колокол храма Св. Софии в Константинополе.

Ластовка (ластовица) — в мужской рубахе вставка подмышками.

Порты (*разг.*) — то же, что штаны.

С. 164. *...сверзили в море...* — *Сверзить* — уронить, сбросить вниз.

О ковре

Впервые: *ПН*. 1928. 11 марта. № 2545. С. 3, под загл. «Повесть о ковре. Московская любимая легенда».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 19—25.

Тексты-источники: *Леонид. Житие и чудеса...* С. 79—84; *Леонид.* С. 19—25; *Вознесенский, Гусев.* С. 144—146 («Святитель Николай чудесно возвращает проданный ковер»).

Прототипами Козлока и Анны Петровны в определенной мере послужили Ремизов и его жена С. П. Ремизова-Довгелло.

С. 165. *При царе Исааке Комнине и патриархе Михаиле Керулларии... — Исаак I Комнин* (ок. 1005—1061) — византийский император. *Михаил I Керулларий* (ок. 1000—1059) — патриарх Константинопольский (1043—1058).

...серебряник Козлок. — Серéбряник — мастер, занимающийся серебрением вещей и чеканкой серебра. Имя героя фигурирует также в автобиографических книгах Ремизова «Подстриженными глазами» (прозвище учителя чистописания Ивана Алексеевича Иванова) и «Учитель музыки» (писатель Иван Козлок).

Анна Петровна в молодости ковры вышивала... — Искусством вышивания ковров владела С. П. Ремизова-Довгелло.

С. 166. *...«Солнце» — статуя Константина Великого с лучистой головой...* — Имеется в виду триумфальная колонна в Константинополе (330 г.). На вершине ее была воздвигнута золотая статуя Константина Великого в виде бога Аполлона с семью лучами, исходящими из головы.

...обогнул Платоновскую церковь... — Подразумевается храм Платона Анкирского (? — ок. 306), построенный императором Анастасием I Дикором (правил в 491—518 гг.). Ср.: «Во имя мученика Платона из Анкиры в Галатии, пострадавшего при Диоклециане, император построил церковь, сохранившуюся до позднейшего времени» (*Кондаков Н.* Византийские церкви и памятники Константинополя // Труды VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1887. Т. 3. С. 33).

...как на Бульварах в Париже... — Парижские бульвары — широкие улицы с аллеями. Ср. среди так называемых Больших бульваров: Итальянский бульвар, Монмартрский бульвар, Бульвар Капуцинок и др.

С. 169. *Сарацинами* (греч. σαραχηνός — восточные люди) в IV в. называли арабов-бедуинов (кочевников), в Средние века — арабов из Аравии и всех мусульман.

...переяславский епископ Ефрем... — Ефрем Печерский (? — ок. 1098) — митрополит Переяславский. Несколько лет провел в одном из Константинопольских монастырей.

С. 170. *...висит ковер у Николы Димитровского, что за Святой Софией, в приделе у апостола Петра.* — Ср.: «В 1200 году русский путешественник Антоний Новгородец, будучи в Царьграде, видел своими глазами этот ознаменованный чудом св. Николая ковер, хранившийся в Софийском храме, почему и записал в своем путешествии: “туже есть во церкви (придельной св. Петра) ковер святаго Николы...”» (*Вознесенский, Гусев.* С. 662).

О Димитрии

Впервые: *ПН.* 1928. 27 марта. № 2561. С. 4, под загл. «Повесть о Димитрии», 1-я в диптихе «Любимые московские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I.* С. 26—28.

Тексты-источники: *Леонид.* С. 33—35; *Вознесенский, Гусев.* С. 141—142 («Святитель Николай избавляет от потопления: мужа, по имени Димитрия, одного благочестивого константинопольца и черноризца Николая»); *Анрих.* S. 186—188.

С. 170. *Патриархом Фотием... — Фотий I* (ок. 820—896) — византийский богослов, патриарх Константинопольский в 858—867 и 877—886 гг.

...знаменитая Нэа — Новая церковь, построенная царем Василием Македонянином... — Имеется в виду базилика Неа-Экклесиа («Новая церковь», 876—881), построенная византийским императором Василием I Македонянином (ок. 811—886); один из куполов ее был посвящен Николаю Чудотворцу.

...житие Михаила и похвальное слово патриарха Мефодия известно было всем. — Имеется в виду житие Михаила Архангела. Святитель Константинопольский *Мефодий I* (788/800—847) был патриархом в 843—847 гг. Его похвальное слово св. Николаю явилось в середине IX в.

И выбрали поближе — на Атир... — Возможно, имеется в виду город Атира в Греции.

...исполнявший гимны византийских поэтов Федора, Романа и Иосифа, посвященные Николаю-чудотворцу. — Федор — возможно, гимнограф *Феодор Студит* (759—826); *Роман — Роман Сладкопевец* (кон. V в. — ок. 560) — ранневизантийский гимнограф, автор кондаков (церковных песнопений); *Иосиф* — имеется в виду *Иосиф Сикелиот Песнописец* (ок. 800—883) — византийский гимнограф (см. комм. к легенде «Гимнограф Иосиф»).

С. 171. *Менология* — в греческой церкви книга, содержащая жития святых, упорядоченные по месяцам; соответствует русским четьям-минеям.

Крестик

Впервые: *ТС I*. С. 29.

Тексты-источники: *Леонид*. С. 10—11; *Вознесенский, Гусев*. С. 148—149 («Исцеление расслабленного юноши»); *Анрих*. S. 349—353 («Легенда о хромом юноше Николае из Константинополя»).

С. 172. *...и вдруг отнялись ноги. И чего только не делали: и электричеством, и еще чем-то...* — Вероятно, здесь отразилось воспоминание Ремизова о его друге И. А. Рязановском, лечившемся от сходной болезни с помощью электричества; одно из ремизовских прозвищ И. А. Рязановского — «электрический старец».

...пойдем к Николе Дмитровскому... — Возможно, подразумевается Дмитровский собор Николы во Владимире (1194—1197).

Надоел

Впервые: *ТС I*. С. 30.

Проби-лоб

Впервые: *ПН*. 1928. 8 апр. № 2573. С. 3, 1-я в триптихе «Любимые московские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 31—35.

С. 173. *Проби-лоб* — Имеется в виду придел Николы-Проби-лоб в храме Живоносного Источника (V в.), находившегося за стенами Константинополя (см.: *Лимонарь-РК VI*. С. 113, 702). Вероятно, подразумевается и икона «Никола Проби-лоб», которая упоминается в книге Антония Новгородского; см.: Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872. Стб. 170.

Константин Дука (ок. 1006—1067) — византийский император в 1059—1067 гг.

Золотые ворота — парадные городские ворота (Триумфальная арка) в Константинополе, выходящие на главную улицу города.

Моливотский монастырь.. — Сведения об этом монастыре не найдены.

...ударили в било... — *Било* — на Востоке древний сигнальный инструмент, изготовленный из дерева, камня или железа, используемый в монастырях для созыва к богослужению или трапезе. До X в. заменял колокола.

С. 174. *Келарь* — в монастырях заведующий хозяйством: кельями, кладовой с продуктами, монастырской кухней и столом.

...свихнувшийся на Плотине. — Вероятно, подразумевается древнегреческий философ-идеалист *Плотин* (ок. 204—270), последователь Платона.

...скопической фистулой... — *Скопческий* — принадлежащий скопцу; зд., возможно, кастрату. *Фистула* — зд., вероятно, то же, что фальцет, регистр мужского голоса.

О золотом гробе

Впервые: *ПН*. 1928. 8 апр. № 2573. С. 3, 2-я в триптихе «Любимые московские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 36—39.

Текст-источник: *Леонид*. С. 36—38.

С. 177. *...квелый и ледящий...* — *Квёлый* — слабый, хилый, вялый.

Пастух напутал

Впервые: *ПН*. 1928. 8 апр. № 2573. С. 3, 3-я в триптихе «Любимые московские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 40—43.

О трех иконах

Впервые: *ПН*. 1928. 22 апр. № 2587. С. 4, под загл. «Повесть о трех иконах. Московская любимая легенда».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 44—58.

Тексты-источники: *Леонид*. С. 55—61; *Вознесенский, Гусев*. С. 139—141 («Св. Николай извлекает патриарха из глубины морской»). См. также об этой легенде в разделе Е. В. Аничкова: История русской литературы. М., 1908. Т. 1. С. 126 (глава пятая).

С. 180. *При царе Льве Исавре и патриархе Анастасии...* — *Лев III Исавр* — византийский император; правил в 717—741 гг. *Патриарх Анастасий* — архиепископ Константинополя в 730—754 гг.

С. 182. *Декретом царя Льва почитание икон объявлено было как идолослужение.* — В 730 г. император Лев III Исавр запретил почитание икон как проявление идолопоклонства. Византийская империя вступила в период иконоборчества: были уничтожены тысячи икон, мозаик, фресок во многих храмах. Возможно, скрытая аллюзия на запретительные декреты Совета народных комиссаров.

...но после убийства комиссара Стахия ~ после такого эксцесса дело обернулось круче, и чем дальше, тем жестче. — *Стахий* — епископ

Византии в первой половине I в. Здесь возможен намек на убийство председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого (1873—1918) Леонидом Каннегисером (1896—1918) 30 августа 1918 г., которое послужило поводом для начала «красного террора».

С. 183. *И тогда его отдали под надзор и объявили ответственным за учеников.* — Возможное отражение практиковавшейся в период «красного террора» тактики взятия в «заложники» неблагонадежных в отношении власти граждан.

С. 185. *Патриарх Анастасий был вдохновителем «иконоборческого догмата»...* — Архиепископ Анастасий был первым патриархом, который дал церковную санкцию борьбе с иконами.

С. 186. *Клир* — общность церковнослужителей в христианской церкви.

Иподьякон — священник в церкви, служащий при архиерее.

«Звезда морей» («stella Maria maris» — *лат.*) — одно из наименований Богородицы, употребляемое в посвященных ей песнопениях.

С. 187. *Эпарх* — в Византии градоначальник Константинополя.

С. 188. *...после самосского шабли? — Самосское* — вино с греческого острова Самос, значительную часть которого занимают виноградники. *Шабли* — название белого сухого вина, которое вырабатывается в одноименном регионе Франции.

...«с миром изыдем!» — Начало напутствия священником христиан, готовящихся выйти из храма по окончании Божественной литургии.

С. 190. *...в Большом Московском Успенском Соборе Спас цареградский — золотая ряса...* — Возможно, подразумевается византийская икона «Спас — Златая риза», датируемая XI в.

...Пирогощенская-Владимирская Божия Матерь... — Возможно, имеется в виду Владимирская икона Божией Матери, находившаяся в Константинополе до XII в. Оказавшись в России, долгие годы была в Успенском соборе Кремля (в настоящее время хранится в храме Св. Николая в Толмачах в Москве).

...а на Вятке Никола Великорецкий. — Имеется в виду икона Николы Великорецкого, которая была обретена в Хлынове (с 1780 г. — Вятка; ныне г. Киров) на берегу реки Великой в 1383 г. Некоторое время находилась в Успенском соборе Кремля. Список иконы, выполненный в XVII в., хранится в Свято-Серафимовском соборе г. Кирова. См.: *Быстротоков А. А.* Сказание о Великорецком чудотворном образе святителя Христова Николая. СПб., 1863; *Вознесенский, Гусев.* С. 192, 300—319; *Кашменский Стеф.*, прот. О чудотворной Великорецкой иконе Святителя и Чудотворца Николая // Вятские епархиальные ведомости. 1875. № 9—12, 16—17; 1876. № 9; *Кибардин Ф., прот.* О Великорецкой чудотворной иконе св. Николая. Вятка, 1893; *Левашов П.* Великорецкий образ святителя и чудотворца Николая // Церковные

ведомости. 1894. № 4. Об этой иконе Ремизов писал в *ОНЧ* (*Лимонарь-РК VI*. С. 616, 628) и в книге *ПД* (*Ремизов А. М.* Огонь вещей. М., 1989. С. 283).

Гимнограф Иосиф

Впервые: *ПН*. 1928. 13 мая. № 2608. С. 2, 1-я в диптихе «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 59—61.

Тексты-источники: *Вознесенский, Гусев*. С. 129—130 («Избавление Иосифа Песнописца от уз»); *Анрих*. S. 455. См. также: Жизнь и подвиги преподобного отца нашего Иосифа Песнописца // *Пападопуло-Керамевс А*. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия Патриарха. СПб., 1901. Вып. 2. С. 1—14; рус. пер.: *Рыбаков В*., прот. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность М., 2002. С. 427—438; *Анрих*. S. 455.

С. 190. *Гимнограф Иосиф* — имеется в виду *Иосиф Сикелиот Песнописец* (ок. 800—883) — византийский гимнограф, автор сотен церковных песнопений. Родился на острове Сицилия. Семья Иосифа, спасаясь от сарацинов, бежала в Грецию, в Салоники. В молодые годы он был посвящен в иерейский сан. Получил назначение к церковному служению в Риме, но по дороге был схвачен пиратами, которые передали его иконоборцам. Иосифа заточили в темницу на острове Крит, где он провел почти десять лет. Его чудесное избавление от плена, по преданию, связано с явлением Николая-чудотворца. В *ОНЧ* Ремизов отметил, что Иосиф-гимнограф — «автор семи канонов» (*Лимонарь-РК VI*. С. 610).

«Иконный фронт» начат Львом Исавром... — См. выше комм. к легенде «О трех иконах» (с. 182).

...обоснован Константином Копронимом на «лжеименном» соборе. — Иконоборчество было официально признано на соборе в 754 г. при поддержке сына Льва III Исавра, императора *Константина V Копронима* (718—775), который созвал этот собор.

По смерти Льва Хазара при Ирине новый собор — никейский восстановил иконопочитание. — В 787 г. при поддержке императрицы Ирины (ок. 752—803), вдовы императора Льва IV Хазара (750—780), VII Вселенский (II Никейский) собор отменил решение собора 754 г. и утвердил догмат иконопочитания.

Но и тридцати лет не исполнилось, ~ а кончилось только со смертью Феофила... — Иконоборчество возобновилось при императоре *Льве V Армянине* (775—820), в 815 г. созвавшем поместный церковный собор, на котором были восстановлены догматы собора 754 г. *Феофил*

(813–842) – византийский император; правил в 829–842 гг. По преданию, умирая, он примирился с христианским иконопочитанием.

С. 191. *...сочиняя «плачи о погибели»...* – Отсылка к древнерусскому жанру «плача». Наиболее известен памятник «Слово о погибели Русской земли» (XIII в.) Этот жанр в период революции 1917 г. использовал в своем творчестве Ремизов (см.: *Взвихренная Русь-РК V*. С. 609–612).

Корсар – пират, морской разбойник.

Салоники – второй по величине город Греции на побережье Эгейского моря.

С. 192. *...вспоминая стихи Германа, Иоанна, Феофана, Сергия и Романа, византийских поэтов-гимнографов.* – *Герман I* (650–730/742) – патриарх Константинопольский (715–730); *Иоанн* – *Иоанн Дамаскин* (ок. 675–749) – византийский богослов, философ, гимнограф. Выступал в защиту почитания икон. Им, среди прочего, были написаны каноны ряду христианских праздников (Пасхе, Рождеству и др.); *Феофан* – *Феофан Начертанный* (778 – ок. 847) – византийский монах, исповедник, гимнограф; пострадал от гонений иконоборцев (так, его лицо было изуродовано позорной надписью, сделанной раскаленными иглами); составил почти полторы сотни канонов; *Сергий* – возможно, *Сергий Иерусалимский*, гимнограф, живший в период иконоборчества; сведений о нем сохранилось очень мало; *Роман* – *Роман Сладкопевец* (см. комм. к с. 170 наст. изд.).

«Как пламенны умной гортани моей души написанные слова!» – Ср. в Псалтири: «Как сладки гортани моей слова Твои!» (Пс 118: 103).

Ускори щедрый и потщися ~ ты все можешь, коли захочешь!»). – Из «Кондака трем святым отрокам» преподобного Романа Сладкопевца (глас 6).

...царь Лев Армянин был свергнут и убит. – Император *Лев V Армянин* был убит во время рождественской службы 25 декабря 820 г. в соборе Св. Софии.

О монахе Николае

Впервые: *ПН*. 1928. 26 июля. № 2682. С. 2, 6-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 62–63.

Тексты-источники: *Леонид*. С. 1–2; *Вознесенский, Гусев*. С. 143–144 («Св. Николай избавляет от потопления: мужа, по имени Димитрия, одного благочестивого Константинопольца и черноризца Николая»); *Анрих*. S. 195–197.

С. 193. *Хартофилакс* — в Византии должность служителя, заведовавшего хранением церковных книг и документов.

...Георгий Декаполит... — Подразумевается *Григорий Декаполит* из монастыря в Декаполе. *Декаполь* (Декаполис; в пер. с *греч.* — Десятиградье) — местность в горной части Селевкии в Исаврийской области Малой Азии.

...выше Моисея, Ильи и Иоанна... — Имеются в виду библейские пророки Моисей, Илья и Иоанн Предтеча.

Симеон Декаполит (род. в 760—770 гг.) — иконопочитатель, архимандрит одного из монастырей в Декаполе. В годы царствования императора Феофила (829—842) Симеон был заключен в тюрьму. Вышел на свободу в 842 г. и вскоре умер. Григорий Декаполит был его племянником и учеником.

...при царе Льве Заике. — Имеется в виду византийский император Михаил II Травл («Заика», «Косноязычный») (ок. 770—829), один из главных организаторов убийства императора-иконоборца Льва V Армянина в 820 г. Ремизов либо ошибся, либо намеренно соединил имена двух императоров.

Калабрия — самая южная область Италии.

Схоларий Петр

Впервые: *ПН.* 1928. 26 июля. № 2682. С. 2, 7-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС I.* С. 64—69.

Тексты-источники: *Леонид.* С. 14—19; *Вознесенский, Гусев.* С. 131—134 («Освобождение от плена и темницы военачальника Петра (Афонского)»); *Анрих.* S. 174—181. См. также: *Бугаевский.* С. 179—180.

С. 194. *Схоларий* — воин схолы, римского гвардейского подразделения.

...и его перевезли в самый центр, в Самару. — *Самарра* — арабская крепость, построенная в IX в. на берегах реки Тибр. В 838—892 гг. — столица арабского Аббасидского государства (ныне — город в Ираке).

...с серебряной гривной. — Вероятно, имеется в виду серебряное украшение в виде обруча.

С. 195. *«Еще не наступил срок... а ты знаешь Симеона?» ~ все знают: «ныне отпущаеши»!* — Имеется в виду евангельский эпизод, связанный с праведным старцем Симеоном Богоприимцем из Иерусалима. Святой Дух предсказал Симеону, что он не умрет, пока не увидит родившегося Христа; ср.: «И когда родители принесли младенца Иисуса, <...> Он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: “Ныне отпу-

скаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром...”» (Лк 2: 25–31).

С. 196. *...принесли Младенца в храм и с ним горлинок и голубят...* — Ср. там же о двух горлицах и двух птенцах голубиных (Лк 2: 24).

С. 197. *Эпитрахиль* (епитрахиль) – принадлежность облачения православного священника — лента, огибающая шею и концами спускающаяся на грудь.

В эту ночь папе Льву снится... — *Лев I Великий* (390–461) — папа римский в 440–461 гг.

...в церковь апостола Петра... — Имеется в виду собор Святого Петра в Риме.

О Христофоре

Впервые: *ПН*. 1928. 27 марта. № 2561. С. 4, под загл. «Повесть о Христофоре», 2-я в диптихе «Любимые московские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 70–73.

Тексты-источники: *Бессонов*. № 129. С. 576–577 («Он же <Никола> и Христофор»); *Леонид. С.* 12–13; *Вознесенский, Гусев*. С. 138–139 («Избавление священника Христофора от усекновения мечом»; см. там же примеч. на с. 662); *Анрих*. S. 152–178. См. также: *Бугаевский*. С. 178–179.

С. 197. *В царствование Михаила-пьяницы...* — Имеется в виду *Михаил III Пьяница* (840–867) — византийский император.

Моравия — исторический регион в восточной части Чехии.

...первоучителей славянских Кирилла и Мефодия... – см. комм. к с. 147 наст. изд. Они пробыли в Моравии более трех лет.

...жил на острове Лесбосе в Митилене... – *Митилена* (Митилини) — самый крупный город на греческом острове Лесбос.

С. 198. *...на Крит в Хандакс.* — В 820-е гг. Крит был захвачен мусульманами. Они превратили его в центр пиратства и работорговли. Изначально *Хандак* (Хандакс) — построенная ими крепость. Ныне — город Ираклион.

Месопотамия – регион на Ближнем Востоке, расположенный между реками Тигр и Евфрат.

Бассора (Басра) — город на юго-востоке Ирака.

Геджас (ранее Хиджаз) — провинция в нынешней Саудовской Аравии.

Андалузия (Андалусия) – самый южный регион Испании; столица — Севилья.

Сквозь бездну

Впервые: *ПН*. 1928. 26 июля. № 2682. С. 2, 8-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 74—75.

Текст-источник: *Анрих*. S. 148—149. Реконструкцию текста см.: *Бугаевский*. С. 177—178.

С. 200. *Патриарх Мефодий...* — Св. Мефодий I Омологитис (788/800—847) — с 843 г. патриарх Константинопольский.

...для Теодора, византийского посла, к Людовику Благочестивому... — *Людовик I Благочестивый* (778—840) — император Римской империи.

...от которых идет латинское житие, составленное Иоанном, неаполитанским дьяком... — Имеется в виду Похвальное слово Иоанна, диакона Неаполитанской церкви, которое относится приблизительно к 860 г.

Сиракузы — город в итальянском регионе Сицилия.

Отранто (ранее Идрунт) — древний важный византийский город в Калабрии; самая восточная точка Италии.

С. 201. *Фелонь* — риза православного священника, длинная широкая одежда без рукавов.

О двух сосудах

Впервые: Дни. 1928. 8 апр. № 1383. С. 1, под загл. «Повесть о двух сосудах».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 76—81.

Текст-источник: *Вознесенский, Гусев*. С. 130—131 («Избавление отрока от потопления»).

С. 201. *В царствование Льва Мудрого-«Философа»...* — *Лев VI Мудрый (Философ)* (866—912) — византийский император; законодатель, автор трактатов, церковных песнопений и речей.

...Илья роди Льва, Александр роди Сергея, Василий роди Ивана. — Использование библейской формулы; ср.: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...» (Мф 1: 2).

С. 203. *...близко к Андриаки — Мирский порт...* — *Андриака* — в древности крупный порт в нескольких километрах от города Миры.

С. 205. *...щерится Мишка...* — *Щериться* — улыбаться.

Лютня

Впервые: *ПН*. 1928. 13 мая. № 2608. С. 2, 2-я в диптихе «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 82—86.

Текст-источник: *Анрих*. S. 365—368 («Чудо с лютнистом»). Реконструкцию текста см.: *Бугаевский*. С. 183—184.

С. 205. *В царствование Василия Болгаробойца... — Василий II Болгаробойца* (958—1025) — византийский император; правил в 976—1025 гг.

...и имя у него было непростое: Купало. — Очевидная перекличка с праздником Иван Купала.

...отправлялись в Пе́тровский монастырь к Золотым воротам. — Возможно, контаминация, подразумевающая Пе́трийский монастырь Иоанна Предтечи близ Железных ворот на берегу залива Золотой Рог (основан в XI в.) и Студийский монастырь Иоанна Предтечи, находившийся недалеко от Золотых ворот (основан в V в.).

..метелица Иродиады. — Иродиада (ок. 15 до н. э. — после 39 н. э.) — внучка царя Иудеи Ирода Великого. С ее именем связывают смерть Иоанна Крестителя. Ср. в книге Ремизова «Лимонарь сиречь: луг духовный» («О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь»): «Красная панна Иродиада, дочь царя, пляшет. И пляшет неистово, быстро и бешено — панна стрела. Пляшет метелицу...» (*Лимонарь-РК VI*. С. 9).

В Иванову ночь... — Ночь на Ивана Купалу — народный праздник восточных славян, который отмечался в день летнего солнцестояния, 24 июня (7 июля по н. ст.). Совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи.

С. 206. *...взглянув на икону, — не увидел Предтечи: Предтечи не было в пустыне.* — Имеется в виду икона «Иоанн Предтеча — Ангел пустыни», которая известна в византийском искусстве с конца XIII в.

Освобожденный

Впервые: Русская земля: Альм. для юношества. Paris: Изд. Религиозно-педагогического кабинета и YMCA-Press, 1928. С. 24—28, с подзагол. «Русская любимая легенда».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 87—92.

Тексты-источники: *Леонид. Житие и чудеса...* С. 85—89; *Леонид*. С. 25—30; *Вознесенский, Гусев*. С. 146—148 («Заступничество за невинно осужденного»).

С. 208. *У царя Константина Мономаха... — Константин IX Мономах* (ок. 1000—1055) — византийский император; правил в 1042—1055 гг.

С. 210. *...Никола Липенский из Новгорода.* — Имеется в виду икона св. Николая, написанная для церкви Николы на Липне под Новгородом в 1294 г.

О Василии

Впервые: Воля России (Прага). 1927. № 11/12. С. 14—31, под загл. «Чудо о Василии».

Прижизненные издания: *ТС I.* С. 93—112.

Тексты-источники: *Леонид.* С. 3—9; *Бессонов.* № 126—128. С. 559—576 («Святитель Никола; Василий»; воспроизведено в кн.: *Вознесенский, Гусев.* С. 646—650); *Вознесенский, Гусев.* С. 134—136 («Освобождение Василия, сына Агрикова, из плена»).

К. Мочульский писал в рец. на *ТС*: «Старинную легенду о Василии, сыне Агрика пересказывает он <Ремизов. — *Ред.*> не по памяти, а из сердца: сам видел, сам пережил. Поэтому Василий — и бретонский мальчик Бику — одно: оба они живут на скалистом берегу среди гномов и "керионов", боятся Крокмитена и жены его Буробы, Василий просит Чудотворца подарить ему "Аленький авто катать морских духов". Византийская легенда, — а моторы и коктейли. Чудачество? Как-то у нас повелось отмахиваться от Ремизова — "чудак"! Но ведь легенда — всегда складывается из настоящего, а не из "пыли веков". Ведь легенды — из жизни, а не о "памятниках старины"» (*СЗ.* 1932. Кн. 48. С. 480).

С. 212. *В день св. Анны... — Святая Анна* — в христианской традиции мать Богородицы, чудесным образом родившая дочь после многих лет бездетного брака. Память Успения праведной Анны отмечается 7 августа (26 июля по ст. ст.).

Буроба — в русских народных сказках старуха с мешком, которой пугали непослушных детей. Ремизов сопоставляет ее с Крокмитеном. Образ Буробы возникает у Ремизова в сказке «Котофей Котофеич» (1907) из книги «Посолонь» (см.: *Докука и балагурье-РК II.* С. 93).

С. 213. *...жил Крокмитэн...* — О *Крокмитэне* см. ниже (с. 825—826).

С. 214. *Секкотин* — сорт жидкого белкового клея.

С. 216. *...« — золотой гребешок — » ~ « — шелкова бородка — »...* — Из русской народной сказки «Кот, петух и лиса».

С. 217. *...по дороге в Варанжевиль какой-то крокмитэн-отельщик ~ сложил, посоля. — Крокмитэн* (фр. le croque-mitaine) — в средневековой Франции оборотень, чудовище, которым пугали непослушных детей. Ср. о нем в одноименной главке книги «По карнизам»: «...как у нас Буроба, ходит этот Крокмитэн с мешком за плечами, топает по лестнице и, "которые дети спать не ложатся или по ночам рыб-

ку ловят, в мешок собирает!"» (*Зга-Росток XI*. С. 536). О легенде о воскрешении зарезанных мальчиков Ремизов писал в *ОНЧ* (*Лимонарь-РК VI*. С. 632—633, 645—648). Ср.: «Легенда, возникшая на Западе в XII в., место действия в Лотарингии в Варанжевиле, а перешедшая в Россию, русскими приурочена к Никее: случай, когда возвращался Никола с собора» (с. 645). Один из текстов-источников сюжета: *Вознесенский, Гусев*. С. 678. См. об этом также в легенде «Меч веры» (с. 000).

С. 219. *...не удалось выстрекнуть...* — Зд. в значении: «выскочить».

С. 221. *И Василий, за́ря...* — От глагола «зарить» — зорко высматривать, смотреть не отрываясь.

С. 222. *Сидр* — слабоалкогольный напиток, получаемый при брожении яблочного, грушевого или айвового сока.

Обманутый Иаков

Впервые: Звено (Париж). 1928. № 5. С. 268—274.

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 113—120.

Текст-источник: *Вознесенский, Гусев*. С. 128—129 («Возвращение золота Еврею»; см. там же примеч. на с. 662).

А. В. Амфитеатров отметил, что в этой притче Ремизова «модернизацию потерпела общеизвестная легенда о доверчивом еврее, обманутом жуликоватым должником, которому он поверил деньги за порукою св. Николая. На суде лукавый ответчик-должник просит истца-кредитора подержать на время, покуда он примет присягу, его палку и затем смело присягает, что деньги возвращены истцу: они были в палке. <...> У Ремизова палку заменяет портфель, золото — стофранковые бумажки» (*Амфитеатров А*. Святые на автомобиле и аэроплане. С. 4).

С. 225. *...«при царице Ирине»...* — *Ирина* (ок. 752—803) — византийская императрица; правила в 797—802 гг.

С. 226. *Ага* — титул военачальника.

С. 227. *...стреканет на ту сторону...* — *Стрекануть* — быстро убежать.

Абул Абба

Впервые: Дни (Париж). 1928. 15 апр. № 1390. С. 1, 1-я в триптихе «Сарацинские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 121—126.

Тексты-источники: *Леонид*. С. 41—43; *Вознесенский, Гусев*. С. 136—138 («Освобождение Сарацина из темницы»).

С. 231. *В Самаре, на берегу Тигра...* — О городе Самарре см. в комм. к легенде «Схоларий Петр» (с. 821).

И когда Гарун аль Рашид затеял подчистить остров Родос... — *Гарун-аль-Рашид* (Харун-ар-Рашид) (763—809) — багдадский халиф, правитель Аббасидского халифата с 786 по 809 г.

...под командой адмирала Хумида... — В *ОНЧ* Ремизов писал о разрушении Мир Ликийских: «...в 808 г. Хумид, адмирал Гарун-аль-Рашида...» (*Лимонарь-РК VI.* С. 626).

...к Далматскому побережью... — Имеется в виду побережье Адриатического моря на Балканском полуострове (на территории современных Хорватии и Черногории).

...греческого города Спалато, знаменитого развалинами дворца Диоклетиана. — *Спалато* (хорват. Сплит) — город-порт на Балканском полуострове. Был основан императором Диоклетианом, правившим в 284—305 гг. Дворец Диоклетиана считается наиболее сохранившимся дворцом периода Римской империи.

Эстурган

Впервые: Дни (Париж). 1928. 15 апр. № 1390. С. 1, 2-я в триптихе «Сарацинские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I.* С. 127—130.

Текст-источник: *Вознесенский, Гусев.* С. 126—127. («Чудесное возвращение Вандалу похищенного у него имения»). Эту легенду Ремизов мог почерпнуть также у Г. Анриха (S. 339—342). Реконструкцию ее по первоисточникам см.: *Бугаевский.* С. 171—173.

С. 234. *Карфаген* — столица финикийского государства на севере Африки (на территории современного Туниса).

С. 235. *Воры были в скрыти...* — *Скрыть* — убежище, в котором можно спрятаться.

Хордадбе

Впервые: Дни (Париж). 1928. 15 апр. № 1390. С. 1, 3-я в триптихе «Сарацинские легенды».

Прижизненные издания: *ТС I.* С. 131—132.

Текст-источник — легенда «Спасение упавшего в пропасть сарацинского купца» (см.: *Анрих.* S. 408—409). Реконструкцию легенды по первоисточникам см.: *Бугаевский.* С. 183.

С. 237. *...справляли русалии в честь Артемиды Элейтеры — спасительницы...* — Ср.: «В ликийской эпиграфике Артемида часто встреча-

ется под именем Артемида Элевтер. В ее честь устраивались празднества и игры» («Правило веры и образ кротости». С. 61). О русалиях см. в комм. к книгам Ремизова «Крашеные рылá» и «Петербургский буерак» (*Русалия-Росток XII.* С. 971; *Петербургский буерак-РК X.* С. 000).

С. 237. *Киликия* — в древности юго-восточная часть Малой Азии (юг современной Турции).

С. 238. *Панагия* — знак архиерейского достоинства в виде маленькой иконы Богоматери, носимой на груди.

Айдар

Впервые: Дни (Париж). 1928. 20 мая. № 1424. С. 3, с подзагол. «Половецкая легенда».

Прижизненные издания: *ТС I.* С. 133–138.

Один из основных текстов-источников — «Сказание о пленном Половчине» (*ПСРЛ I.* С. 71–73). В «Примечании» Н. И. Костомарова отмечено: «Это сказание составляет одно из чудес, приписываемых Св. Николаю Чудотворцу и находится во многих старых списках житий этого святого... <...> самое важное достоинство этого древнего сказания то, что оно рисует живо и наглядно детский простодушный взгляд русского человека старого времени» (с. 74). Ремизов в *ОНЧ* указал данный источник среди «русских изданий текстов» (*Лимонарь-РК VI.* С. 636). Другие тексты-источники: *Леонид.* С. 47–54; *Вознесенский, Гусев.* С. 250–255 («Чудо с Половчином и образ и церковь св. Николая в Киеве»; см. там же примеч. на с. 683–684).

С. 238. *На угорском урочище на могиле Олега, где стоял Ольмин двор... — Угорское урочище* — местность на правом берегу Днепра в Киеве, где, по преданию, находится могила Вещего Олега (869–912), новгородского князя с 879 г., великого князя киевского с 882 г. *Ольмин двор* — место захоронения киевского князя Аскольда (?–882); правил в 864–882 гг.

...поставлена была божница во имя Св. Николы — первая на Руси Никольская церковь. — Над могилой Аскольда стоит церковь св. Николая Чудотворца, возведенная в X в. После крещения «Аскольд был назван Николаем в честь Чудотворца. Поэтому-то и церковь над его могилой сооружена была во имя Святителя» (о Никольском храме в Киеве см.: *Вознесенский, Гусев.* С. 230–233; см. там же примеч. на с. 681).

Глаза

Впервые: *СЗ.* 1928. Кн. 37. С. 107–113, 5-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС I*. С. 139—145.

Текст-источник: *Вознесенский, Гусев*. С. 150—154 («Возвращение зрения Сербскому царевичу Стефану»).

С. 242. *Из всех сербских королей, потомков Симеона Неманя... — Стефан I Неманя* (в монашестве Симеон; 1114—1200) — сербский великий князь.

...Стефан Урош Милутин... — Стефан Урош II Милутин (1253—1321) — король Сербии; правил в 1282—1321 гг.

...слава его внука царя Душана... — Стефан Урош IV Душан (Душан Сильный; 1308—1355) — король Сербии; правил в 1331—1346 гг.

Царем Золотой Орды после смерти Батыя сделался его брат Беркай. — Батый (ок. 1209—1255) — монгольский полководец, хан Золотой Орды, внук Чингисхана. *Беркай* (Берке; 1209—1266) — хан Золотой Орды; правил в 1257—1266 гг.

Мамлюки (мамелюки) — военное сословие в средневековом Египте.

...от их султана Бейбарса... — Бейбарс I (1223—1277) — мамлюкский султан Египта и Сирии; правил в 1260—1277 гг.

...послал своего «темника» полководца Ногая войной на императора. — Темник — крупный военачальник в Золотой Орде, возглавлявший войско в 10 000 человек. *Ногай* (1235/1240—1300) — правитель западного улуса Золотой Орды (от левого берега Дуная до Днестра), крымский хан.

...и Михаил Палеолог вынужден был заключить союз с Золотой Ордой. — Михаил VIII Палеолог (1224/1225—1282) — византийский император; правил в 1261—1282 гг. В 1263 г. заключил мирное соглашение с Золотой Ордой.

...своего сына королевича послал он ко двору Ногая в татарскую науку. — Имеется в виду *Стефан Урош III Дечанский* (1276 или после 1284—1331) — король Сербии, сын короля Стефана Уроша II Милутина; почитаемый в Сербии великомученик. Отец, чтобы предотвратить вторжение войска Ногая, послал к нему в качестве залога своего сына-подростка. В Орде Стефан пробыл до смерти Ногая, последовавшей в 1300 г.

...как когда-то Гуюк: «на небе Бог, на земле Ногай!» — Гуюк (1206—1248) — хан Монгольской империи; правил в 1246—1248 гг. На печати Гуюка был вырезан девиз: «На небе Бог, на земле Гуюк».

С. 243. *...Менгу-Темир в роде царем его сделал... — Менгу-Тимур* (в русских летописях — Мангутемир; ?—1282) — хан Золотой Орды, внук Батыя; правил в 1266—1282 гг.

...И вон Телебуге... — Тула-Буга (?—1291) — третий хан Золотой Орды; правил в 1287—1291 гг.

Тохта (ок. 1270—1312) — хан Золотой Орды; правил в 1291—1312 гг.

С. 243. *...все его и синие, и желтые ламы. — Лама* — у монгольских и китайских племен буддийский жрец, монах. Монгольские ламы носили желтую одежду с красным поясом.

Рубрук, посол Людовика Святого... — Людовик IX Святой (1214—1270) — король Франции в 1226—1270 гг. *Гильом де Рубрук* (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец. В 1253—1255 гг. по поручению короля Людовика IX совершил путешествие в Золотую Орду.

...по дороге к великому хану Менке... — Мунке (Менгу; 1208—1259) — четвертый хан Монгольской империи; правил в 1251—1259 гг.

Сенешаль — Во Франции в разные исторические периоды — высший придворный чиновник, главный управляющий королевским дворцом, должностное лицо, возглавлявшее административно-судебный округ и др.

Бато (*фр.* bateau) — корабль.

Сарай (Старый Сарай) — средневековый город в 80 км от Астрахани, основанный в середине XIII в.; столица Золотой Орды.

С. 244. *...в Нанте чудесное исцеление бретонскаго принца Конана... — Нант* — французский город в устье реки Луара; в прошлом — столица герцогства Бретань. *Конан III* (1095—1148) — герцог Бретани и граф Нанта в 1112—1148 гг.

...а на Днепре русского мальчонку зацепило. ~ Ваня очнулся и ротиком, как плотвичка, воздух глотает». — В *ОНЧ* Ремизов писал об этом сюжете: «И первое на Руси чудо совершилось при перенесении мощей в Бари на Днепре: утонувшего мальчика нашли на полатях (хорах) в Св. Софии перед этим образом, и ожил» (*Лимонарь-РК VI.* С. 627). Имеется в виду храм св. Софии в Киеве. Этот сюжет изложен: *Леонид. Житие и чудеса...* С. 90—93; *Леонид.* С. 43—46; *Вознесенский, Гусев.* С. 235—239 («Чудо спасения утопшего младенца»).

Отец Конана — Алэн Ферждан, второй герцог Бретани из дома Корнуаллиса... — Ален IV Ферждан из графства *Корнуай* (*Корнуаль*) (ок. 1060—1119) — герцог Бретани в 1084—1112 гг.

Эрменгарда (Ирменгарда) Анжуйская (1067—1146) — дочь графа *Фулька IV Анжуйского* (1043—1109), вторая жена Алена IV.

...это Никола Мокрый... — Ср.: «Древнейшее изображение Святителя между чудотворными образами и — может быть — между всеми иконами его в России представляет образ святителя Николая так называемый "Мокрый", что на хорах в Киево-Софийском соборе» (*Вознесенский, Гусев.* С. 188—189). См. также: О чудотворной иконе Святителя Христова Николая Мокрого // Киевские епархиальные ведомости. 1869. № 12. 16 июня. Отд. II. С. 439—449.

...явился он на Ильмень-озере на острове Липно, и водой с него исцелился Мстислав... — Озеро Ильмень — крупный водоем недалеко от Великого Новгорода. *Липно* — небольшой остров в дельте реки Мсты, где она впадает в озеро Ильмень, в 9 км от Великого Новгорода. Со-

гласно рукописям, там в 1113 г. была обретена икона Николая Чудотворца, писаная на круглой доске в форме щита; благодаря ей исцелился от тяжелой болезни новгородский князь Мстислав. В том же году по указанию Мстислава в честь обретенной иконы и чуда были заложены на Ярославовом дворе монастырь и церковь Николы на Липне. В примечаниях книги *Вознесенский, Гусев,* однако, отмечено: «Вопреки сказанию летописей, по соображениям арх. Макария, обретение иконы надо относить не к 1113 г., а к 1106—1108; в 1113 же году могло произойти только решительное основание обетной церкви Чудотворцу» (с. 682). Подробнее об этом см.: *Макарий, архим.* Икона святителя Николая Чудотворца в новгородском Николаевском Дворищенском соборе // Изв. Императорского Русского археологического общества. 1859. № 6. С. 342—350. Об иконе «Круглая доска» см.: *Смирнова Э. С.* Круглая икона св. Николая Мирликийского из новгородского Николо-Дворищенского собора: Происхождение древнего образа и его место в контексте русской культуры XVI в. // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 314—339; *Яковлев В. В.* Сказание об иконе Николая Чудотворца «Круглая доска» и поздняя летописная традиция // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 1997. С. 136—144; *Гульманов А. Л.* Круглая икона святителя Николая Чудотворца из Николо-Дворищенского собора в Великом Новгороде // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2010. Сер. V. Вып. 1. С. 7—21. *Мстислав Владимирович Великий* (1076—1132) — князь новгородский с 1088 г., великий князь Киевский (в 1125—1132 гг.). В *ОНЧ* Ремизов писал: «...Никола в ризе морской травы явился на Ильмень-озере на острове Липно: водой с этого образа был исцелен Мстислав, сын Владимира Мономаха. Образ поставили в Новгороде в церкви на дедовом Ярославовом дворе и вокруг образа в клеймах изобразили чудо о Мстиславе и назвали Николой Дворищенским или Липенским» (*Лимонарь-РК VI.* С. 627). Данный сюжет Ремизов мог почерпнуть из новгородского летописного «Сказания о дивном обретении чудотворной иконы святителя Николая архиепископа Мирликийского, чудеси о нея сотворшемся в Великом Новгороде и о создании церкви во имя сего чудотворца на Торговой стороне, на Ярославля дворище». См. текст «Сказания»: Сборник отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1907. Т. 82. № 4/5. С. 58—61 (публ. Н. К. Никольского). Другой возможный текст-источник: *Вознесенский, Гусев.* С. 241—243.

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — князь смоленский, черниговский, переяславский, великий князь киевский.

С. 244. *...образ поставили в Новгороде на дедовом Ярославовом дворе, и называют его не Мокрый, а Дворищенский или Липенский».* — Ре-

мизов подразумевал здесь «круглую икону» Николая-чудотворца (см. о ней выше в комм. к данной легенде).

...от Хулаги из Багдата приезжали послы... — Имеется в виду *Хулагу* (1217—1265) — монгольский хан, военачальник, внук Чингис-хана, двоюродный брат Беркая (Берке). *Багдад* — столица Ирака.

Кубилай (Хубилай) (1215—1294) — монгольский хан, основатель государства Юань (в состав которого входил Китай); первый император Китая.

...китайские лисичьи «про лисицу». — Лисы-оборотни — персонажи многих китайских сказок. Китайские лисы могут превращаться в любого человека.

С. 245. *...Тохта, по наущению Ногая, Телебугу прикончил, ~ И стал Тохта царем Золотой орды...* — Тула-Буга погиб в борьбе с ханом Ногаем, который возвел на престол его брата Тохту.

Скоплье — сербское наименование македонского города Скопье.

...женился он на болгарской царевне Феодоре... — Имеется в виду *Теодора (Феодора) Смилец Болгарская* (?—1322), дочь царя Болгарского Смильца (?—1298). Свадьба состоялась в 1296 или 1297 г.

...получил от отца Зетскую землю... — *Зета* — историческая область нынешней Черногории.

С. 246. *...Андроник заключил сербского гостя в Пантократор.* — *Андроник — Андроник II Палеолог* (1259—1332) — византийский император (в 1282—1328 гг.); тесть отца Стефана Дечанского. *Пантократор* — монастырь Спаса Вседержителя в Константинополе, построенный в XII в.

Наречённая доля

Впервые: *БВ* (утр. вып.). 1916. 25 дек. № 16004. С. 2, под загл. «Аника. Народная легенда».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. I. Ед. хр. 15. Л. 8—12 об.

Прижизненные издания: *НП-1917.* С. 37—46, под загл. «Николино письмо»; *ЗО.* С. 44—55, под загл. «Николино письмо»; *ТС I.* С. 146—157.

Тексты-источники: *Садовников.* № 86. С. 256—262 («Марко Богатый»); *Соколовы.* № 118. С. 216 («Оника, купец богатой...»).

Том II

Урс

Впервые: Версты. 1926. № 1. С. 37—40, под загл. «Bankers Trust Company», 1-я в подборке «Из книги “Николай Чудотворец”».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 7—12.

Тексты-источники: *Анрих*. S. 239—242; *Метафраст*. С. 142—143; *Леонид*. С. 39—40; *Вознесенский, Гусев*. С. 31—34 («Избавление трех дочерей обнищавшего богача от бесчестия»).

Критик И. Воинов писал о данной легенде как примере нарочитого и неоправданного смешения «легендарных времен» с «тусклыми буднями наших дней»: «В этом рассказе все перемешано, стерты все грани и вехи жизни. Тут и девушки, которые, “чтобы жить в таком городе, морды куклам раскрашивают”, и Урс, что на “соммье” лежит — размышляет, и сам младший священник Патарской церкви — чудотворец Николай, и древние Патары, которые гремят на весь мир, “банки и самая разнообразная “надстройка” искусств, магии и развлечений (Александрия под боком)” и даже — “Вставай проклятьем заклейменный”...» (Возрождение. 1929. 15 авг. № 1535. С. 3).

С. 255. *В век, когда жил...* — В «Верстах»: «В век (270—341), когда жил...»

...священник Патарской церкви... — Патара (*Патары*) — приморский торговый город в провинции Ликия (Малая Азия), на территории современной Турции (в провинции Анталья, недалеко от поселка Гелемиш).

...песком дорожки посыпали, да дети, как во все времена, играли в песке. — В «Верстах»: «...песком дорожки посыпали в pension de familles да дети, как во всем свете во все времена, в песке играли».

Александрия — египетский город в дельте Нила на берегу Средиземного моря. Основан в 332 г. до н. э. Александром Македонским.

С. 256. *...станьте где-нибудь у Опера́ или у Мадлэн... — Опера́* — имеется в виду Парижская опера — Гранд-опера́ (*фр.* Grand Opéra); расположена на площади Опера́ (Place de l'Opéra). *Мадлэн* — церковь св. Марии Магдалины в Париже на одноименной площади, рядом с площадью Согласия.

...лежит Урс на соммье... — Сомье (от *фр.* «sommier») — мягкая широкая кушетка.

Приходил сегодня Трясибородa... — В «Верстах» здесь и далее вместо Трясибороды Иван Иванович.

С. 257. *...«вставай проклятьем заклейменный...»* — Слова из «Интернационала», международного пролетарского гимна. Текст — французского поэта Эжена Потье. Русский текст — А. Я. Коца.

...и вот: «пожалуйте бриться!» — Ср. в рассказе М. Зощенко «Слоновое приключение» (1922): «Телеграмма: началась германская кампания — пожалуйте бриться».

...«это будет последний и самый решительный бой!» — Несколько измененные слова из «Интернационала»; в оригинале: «Это есть наш последний / И решительный бой».

С. 257. *Вот тебе и твердыня Иль-де-Франс...* — *«Иль-де-Франс»* (Île-de-France — остров во Франции) — имеется в виду французский океанский лайнер; был введен в эксплуатацию в 1927 г.

Яуза — река в Московской обл., левый приток реки Москвы.

С. 258. *...а ветер шварк...* — *Шварк* (*разг.*) — неожиданный сильный удар.

...на столе — чек: — В «Верстах»: «...на столе — чек: Bankers Trust Company». Подразумевается чек одного из крупнейших банков США, основанного в Нью-Йорке в 1903 г.

В Сен-Сюльпис звонили к обедне. — Имеется в виду римско-католическая церковь в Париже.

На святой земле

Впервые: *СЗ*. 1928. Кн. 37. С. 90—92, 1-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 13—16.

Тексты-источники: *Метафраст*. С. 144; *Антонин*. С. 466—471; *Леонид. Житие и чудеса...* С. 41—47; *Вознесенский, Гусев*. С. 34—37 («Путешествие святого Николая в Палестину. Чудесное укрощение бури. Воскрешение мертвого. Пребывание в Палестине. Возвращение на родину»).

С. 259. *Из Тристомы с первым египетским пароходом Николай поехал в Аскалон.* — *Тристома* — порт на севере острова Карпатос в Греции. *Аскалон* (евр. Ашкелон) — портовый город в Палестине на побережье Средиземного моря, в древности главная пристань Палестины (сейчас — на юго-западе Израиля).

В Диолко, куда ездили осматривать храм св. Феодора... — Ср. в примеч. Антонина (Капустина): в древности Диолкос — «одно из ложных устьев Нила... Вероятно, соименное ему селение находилось при берегах его» (*Антонин*. С. 468).

С. 260. *Фиваида* — название области в Верхнем Египте. Южная Фиваида, Фиванская пустыня — родина отшельничества, монашества (III—IV вв.).

Голгофа — холм в Иерусалиме, место распятия Иисуса Христа.

С. 260—261. *...и над бровями синие тороки — проводники небесных сфер...* — *То́рок* — порыв ветра; в иконописи — ток божественного или ангельского слуха, развевающейся белой ленты на челе иконных ангелов.

С. 261. *...ты победишь народы...* — Имя Николай означает «победитель народов».

В мир

Впервые: *СЗ*. 1928. Кн. 37. С. 93—94, 2-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 17—18.

С. 262. *Мытарь* — сборщик податей, налогов.

...до лестовочных... — От слова «лестовка», означающего кожаный ремень для счета молитв и поклонов; у старообрядцев — разновидность четок.

Потребник (Требник) — богослужебная книга, содержащая тексты церковных служб и обрядов, совершаемых по просьбе верующих.

...и наспех «счета пуговиц»... — Возможно, подразумеваются четки из пуговиц.

Аллилуйя — возглас, молитвенное хвалебное слово, обращенное к Богу.

«Отче наш!» — В *СЗ*: «Pater noster». В христианстве — «Молитва Господня».

Посвящение

Впервые: *СЗ*. 1928. Кн. 37. С. 94—98, 3-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 19—23.

Тексты-источники: *Метафраст*. С. 145—146; *Антонин*. С. 487; *Вознесенский, Гусев*. С. 38—41 («Поставление св. Николая Мирликийским архиепископом»).

С. 263. *...«человек есть храм Божий, и дух Божий живет в нем!»* — Из 1-го послания св. апостола Павла к Коринфянам; ср.: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор 3: 16).

В то время умер архиепископ мирликийский Иоанн. — Ср.: «Во время пребывания святого Николая в Мирах в этом городе скончался архиепископ всей Ликийской страны — Иоанн» (*Вознесенский, Гусев*. С. 38).

...он увидел: сквозь тающий свет жизней ~ коснувшись руки, блеснул мечом... — Вопроизведен фрагмент легенды «На святой земле» (с. 260—261 наст. изд.).

С. 265. *Омофор* — высший знак священного достоинства православного архиерея в виде широкой длинной ленты.

Чудотворец

Впервые: *СЗ*. 1928. Кн. 37. С. 98—107, 4-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 24—34.

Тексты-источники: *Метафраст*. С. 140—142; *Антонин*. С. 452—458, 485; *Леонид. Житие и чудеса...* С. 27—34, 40—41, 54—58, 60—65; *Вознесенский, Гусев*. С. 25—31 («Рождение святого Николая. Жизнь святого Николая до выступления на общественное служение»).

Критик И. Воинов так отозвался о легенде: «Превосходно передано Ремизовым “житие” св. Николая в занимательном по колориту рассказе “Чудотворец”. В нескольких словах — целая картина, — жизнь. Родители его Епифаний и Нонна, брат, тоже Николай, священник Конон, обучивший его грамоте, — все перед глазами, — живые свидетели его детства и юности, смертные современники его грядущего бессмертия в душе народной» (Возрождение. 1929. 15 авг. № 1535. С. 3).

С. 266. *Чтец* — клирик (служитель) в храме; он призван прислуживать при богослужении; главная обязанность — чтение текстов Священного Писания и молитв.

Мотыка — то же, что мотыга — кирка, заступ, железная лопатка.

С. 267. *...Епифаний и Нонна, родители его, были не молодые.* — Ср.: «Имена родителей святителя Николая у Метафраста — по древнему русскому переводу — те же, что и в греческих списках: Ватик<анском>, Синайском и Саввинском: Епифаний и Нонна; а в русском переводе “иного жития” XI века родитель св. Николая назван Феофаном; это последнее имя перешло и в первопечатное житие св. Николы, а отсюда и в Четьи-минеи» (*Вознесенский, Гусев*. С. 658). Имена Феофан (Епифаний) и Нонна заимствованы из жития Николая Пинарского (см.: «Правило веры и образ кротости». С. 55).

...по образцу «матери церквей»... — Имеется в виду христианская церковь Агиа-Сион (Святой Сион), которая была построена на горе Сион в IV в. Ее называли «Матерью всех церквей». Разрушена персами в VI в. Сейчас на ее месте — немецкая бенедиктинская церковь Дормицион (*лат.* — Успение).

С. 269. *Фригия* — историческая область на западе Малой Азии и могущественное царство, основанное во II в. до н. э.

С. 270. *...планул огонь.* — *Плануть* — гореть, пылать, пламенеть. Ср. в эссе Ремизова «Огненная Россия. Памяти Достоевского» (1921): «Огонь планул из сердца неудержимо...» (*Взвихренная Русь-РК V*. С. 363).

С. 271. *...Гермий принес хлеб. ~ «Одним хлебом, — говорили, — все насытились, да еще и осталось!»* — Очевидная перекличка с евангельским сюжетом о том, как Иисус насытил хлебом пять тысяч человек (см.: Ин 6: 5—13).

...«тришестеричную» кружку вина. — Т. е. кружку объемом в 0,6 литра.

«Ропщут, — говорит, — вином, говорят, обидел!» ~ И все пили, не отказывались и разошлись навеселе. — Эпизод сходен с евангельским «первым чудом» Иисуса в Кане: превращением воды в вино (см.: Ин 2: 3—11).

...к церкви мученицы Калиники... — Подразумевается св. мученица Каллиника, пострадавшая за веру около 250 г. (погибла от меча иноверца).

Кипарис

Впервые: *ПН*. 1928. 15 нояб. № 2794. С. 2—3, 9-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 35—45.

Текст-источник: *Антонин*. С. 459—466, 482; *Леонид. Житие и чудеса...* С. 34—40.

С. 273. *Плакома* — название местности между Мирами Ликийскими и гаванью Андриак.

С. 276. *...понесся над морем на полдень.* — Т. е. полетел на юг.

С. 277. *Архонт* (от греч. archon — начальник, правитель) — высшее должностное лицо в древнегреческих городах-государствах.

Префект — начальник. В Древнем Риме — должностное лицо, возглавлявшее ту или иную провинцию, обладавшее широкими полномочиями.

...и грозит Содом и Гоморра... — Библейские города, которые, по преданию, были стерты с лица земли Богом за многочисленные грехи их жителей.

Магистрат — орган городского управления.

...весь цик охотно передал власть патриарху... — Здесь Ремизов подразумевал сокращенное наименование высшего органа власти в Советской России — ЦИК (Центральный исполнительный комитет).

Камло (от *фр*. camelot) — грубая шерстяная ткань, иногда с примесью шелка или хлопчатобумажной пряжи; из нее шили в основном мужскую одежду.

Амвон — сооружение в христианском храме напротив царских врат, предназначенное для богослужения и проповеди.

С. 278. *Лучший александрийский авиатор предложил свой аэроплан доставить архиепископа в Александрию. <...> и с архиепископом полетели назад в Александрию.* — По поводу этого эпизода И. А. Ильин писал Ремизову: «Никола *может и должен* являться красноармейцам и комсомольцам. Это будет *вероимно*. Он может явиться к машинисту, к летчику, к члену совнаркома. Но сам летать на аэроплане он не может, ибо он материализуется в пространстве, где хочет. <...> Здесь

есть художественные законы, преступание коих вредит делу» (цит. по: *Обатнина 2008*. С. 156—157; курсив И. А. Ильина). Данный фрагмент тоже послужил критику И. Воинову одним из примеров «неприятного, пожалуй, даже оскорбительного» перенесения «нашей повседневности в сказание, хотя бы и стилизованное, о житии святого» (Возрождение. 1929. 15 авг. № 1535. С. 3).

С. 278. *Стадия* — единица измерения расстояния. В древних системах мер это расстояние было различным; к примеру, в вавилонской — 194 м; в греческой — 178 м; египетской — 172,5 м.

Бубон — опухоль в паху; зд. имеется в виду бубонная чума, которая характеризуется болезненным воспалением лимфатических узлов.

С. 279. *Потом пошел он в Каркаву и у храма архангела Гавриила заколол трех быков...* — Ср. в тексте Антонина: «...хочу пройти до церкви св. Гавриила в Каркаве, сотворив (там) волю Божию...» (*Антонин*. С. 482).

...и в Каусаи у храма Феодора... — Ср. в тексте Антонина: «От Каркавы раб Божий веселясь отправился в молитвенный дом св. Феодора в Кавсы» (Там же).

...и в Новой Деревне у храма архангела Михаила... — Ср. в тексте Антонина: «Оттуда прибыл в молитвенный дом св. Архангела в Новое село» (Там же).

...и в Симболе у храма Димитрия... — Ср. в тексте Антонина: «И оттуда пошел в церковь Архангела и св. Димитрия в Символе...» (Там же).

...и в Партезосе у храма Епифании... — Ср. в тексте Антонина: «...от Нового села отправился в церковь св. Аффиана в Партаиссе...» (Там же).

...и в Наутене у храма Богородицы Великой... — Ср. в тексте Антонина: «...оттуда пошел в церковь Богородицы в Навте...» (Там же).

...и в Тревендае у храма архангела Михаила... — Ср. в тексте Антонина: «И оттуда отправился в молитвенный дом Архангела в Требенды...» (Там же).

С. 280. *Притвор* — пристройка перед входом в храм.

И вдруг видит: всадник — в руках серпы. ~ время жатвы приходит на весь мир». — См. комм. к легенде «Никола-угодник» (с. 850).

Локоть — древнерусская мера длины, равная расстоянию от локтевого сустава до конца среднего пальца руки (примерно 40—45 см).

К стенке

Впервые: Версты. 1926. № 1. С. 41—46, 2-я в подборке «Из книги “Николай Чудотворец”».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 46—53.

Тексты-источники: *Анрих*. S. 67—95, 252—262; *Метафраст*. С. 148—153; *Вознесенский, Гусев*. С. 56—63 («Святитель Николай — умиротворитель враждующих и властный защитник невинно осужденных. Умиротворение мятежа в Плакомате. Избавление от казни трех невинно осужденных граждан города Мир. Избавление от смертной казни военачальников — Непотиана, Урса и Ерпилиона»).

Один из сюжетов легенды послужил основой картины И. Е. Репина «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных в городе Мирах Ликийских» (1888). См.: *Лимонарь-РК VI*. С. 612.

С. 281. *Ни возраст архиепископа, ни тюрьма и опасность...* — В «Верстах»: «Ни возраст архиепископа — не такие ж лета седьмой десяток! — ни тюрьма и опасность...»

...расстреливали! — нет заботы... — В «Верстах»: «...расстреливали! горько и малодушие! — нет заботы...»

Имена их известны: Непотиан, Урзос и Герпилион... — О Непотиане, Урсе и Герпилионе см.: «Правило веры и образ кротости». С. 65—66.

С. 282. *...и Никоклес...* — В «Верстах»: «...и Ликоклес...».

С. 283. *...зря все наделал, «сшибся»!* — Зд. в значении «ошибся».

Префект — начальник, высшее должностное лицо города.

Этот префект, похвалить при нем никого нельзя... — В «Верстах»: «Этот префект — имя известно: Авлалий — необыкновенное честолюбие, похвалить при нем никого нельзя...». Возможно, в тексте *ТС II* была допущена ошибка. *Флавий Аблабий* — фаворит императора Константина, ближайший его советник. См. о нем: «Правило веры и образ кротости». С. 65.

С. 285. *...«послушайте, кто вы такой?»* — В «Верстах»: ...«послушайте, кто ты такой?»

Анатолия — то же, что Малая Азия; азиатская часть современной Турции.

Продовольствие

Впервые: *ПН*. 1928. 22 мая. № 2617. С. 2, 3-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 54—56.

Тексты-источники: *Метафраст*. С. 148; *Вознесенский, Гусев*. С. 54—55 («Святитель Николай чудесно спасает жителей города Мир от голода»; см. там же примеч. на с. 659).

С. 287. *Четверик* — старинная русская мера объема или веса жидкости, а также сыпучих материалов (приблизительно 26,2 л).

С. 287. *Мера* — старинная русская единица вместимости жидкости и сыпучих материалов, равная четверику.

Налог

Впервые: *ПН*. 1928. 22 мая. № 2617. С. 3, 4-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 57—65.

Текст-источник: *Анрих*. S. 98—110. Четыре греческих манускрипта, «которые содержат повествование о снижении налога для Ликии императором Константином по ходатайству святителя Николая», отмечены А. В. Бугаевским и архим. Владимиром (Зориным) («Правило веры и образ кротости». С. 63). «Кроме того, маленький фрагмент “Деяния о подати” сохранился в латинской службе на праздник перенесения мощей святителя Николая в Бари (изд. в кн.: *Barbier de Montault X*. Oeuvres complétes. Vol. XIII. Paris, 1899. P. 426)» (Там же). Последний текст мог быть известен Ремизову.

С. 288. *Талант* — счетно-денежная единица, использовавшаяся в античную эпоху в Европе, Малой Азии, Северной Африке. Стоимость его в разных местах и временах была различной.

Дактило (от греч. daktylos — палец) — стенограф, стенографистка.

С. 290. *В канун Введения... — Введение во храм Пресвятой Богородицы* — христианский праздник, который отмечается 21 ноября (4 декабря). Он связан с преданием о том, как в трехлетнем возрасте Мария была отдана родителями на служение Богу в Иерусалимский храм.

...во Влахернскую церковь. — Имеется в виду Влахернская церковь Богородицы (450—453) в константинопольском предместье Влахерны, недалеко от залива Золотой Рог.

...чудотворная икона Божьей Матери — «Царица Света»... — Чудодейственная «Икона Пресвятой Богородицы Влахернская» («Одигитрия») (302 г.) считалась покровительницей Константинополя и византийских императоров. В 1653 г. была привезена из Афона в Москву в дар царю Алексею Михайловичу.

...покровительница и защитница Византии — «взбранной Воеводе» — Взбранной — непобедимой. «Взбранной Воеводе победительная» — кондак (праздничное песнопение) в честь иконы Богородицы, избавившей в 626 г. Константинополь от нашествия варваров.

...целебный источник, истекающий из рук Богородицы... — По преданию, Влахернская церковь была построена в V в. над целебным источником, считавшимся слезами Девы Марии.

...и мофорий — риза Богородицы. — Мафорий — длинное женское покрывало, спускающееся с головы до пят, одна из реликвий, связан-

ных с Богоматерью. В 473 г. из Святой земли в Константинополь была доставлена риза Богородицы, для которой рядом с храмом было построено особое здание.

«О всепетая мати, родшая всех святых святейшее Слово!» — Из акафиста (хвалебного гимна) Пресвятой Богородице (кондак 13).

...когда он возгласил «святая святых»... — В данном контексте, вероятно: сокровенное имя Бога.

С. 292. *Ажан* (от *фр.* agent) — французский полицейский.

Кораблекрушение

Впервые: *ПН.* 1928. 22 мая. № 2617. С. 4, 5-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II.* С. 66—67.

Тексты-источники: *Вознесенский, Гусев.* С. 63—65 («Чудесная помощь корабельщикам, плывшим из Египта»); *Анрих.* S. 262—263 («Деяние о мореплавателях»); *Метафраст.* С. 153—154.

С. 294. *...у Хелидонских островов в Средиземном море...* — Группа скалистых островов к югу от Ликии.

...и Памфилией... — В древности прибрежная область в южной части Малой Азии.

...упоминаемом Лукианом в его «Корабле». — Лукиан Самосатский (ок. 125 — ок. 190) — древнегреческий писатель-сатирик. В его диалоге «Корабль, или Пожелания» описывается корабль, груженный хлебом, который попал в страшную бурю у Хелидонских островов в Авлонском проливе.

С. 295. *...уж звонили к «Достойно»...* — Имеется в виду православная молитва Богородице «Достойно есть» («Достойно есть поистине восхвалять Тебя, Богородицу...»).

...если не станете, как дети, не войдете в царство духа! — Ср. в Евангелии от Матфея: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф 18: 3).

Ударение

Впервые: *ПН.* 1929. 1 янв. № 2841. С. 2, 10-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II.* С. 68—73.

Тексты-источники: *Метафраст.* С. 147; *Вознесенский, Гусев.* С. 52—53 («Ревность св. Николая по искоренению ереси Ария и его участие в первом Вселенском соборе»); *Ключевский.* С. 457. См. об этом легендарном эпизоде «ударения»: «Правило веры и образ кротости». С. 62—63.

С. 295. *Память Никейского собора: Символ веры — «Верую»...* — В 325 г. на Первом Вселенском Соборе в городе Никее был выработан, а на Втором Соборе в Константинополе в 381 г. дополнен единый для всех христиан «Символ веры» («Верую»), краткое изложение основ христианского вероучения; состоит из 12 догматов; поется или читается на каждой литургии.

...«Отче наш», «Троица» и «Богородица». — *«Отче наш»* — христианская молитва, восходящая к Евангелию (Мф. 6: 9—13; Лк. 11: 2—4); *«Троица»* — христианская «Молитва ко Пресвятой Троице»; *«Богородица»* — христианская «Молитва Пресвятой Богородице» («Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...»).

И еще осталось два имени: Арий и Николай. ~ и Николай, утвердивший Христа неразделимо в св. Троице. — Об этом событии на Первом Никейском соборе Ремизов писал в *ОНЧ* (*Лимонарь-РК VI.* С. 612, 623—625). Ср.: «Николай-чудотворец был в Никее на соборе, ударил Ария; выгнанный с собора и лишенный епископства, избитый, заключен в тюрьму, и в тюрьме ариане выжгли ему бороду. Явление Спасителя с Евангелием и Богородицы с омофором. А на другой день во время обедни два архангела возвратили ему митру и паллий, а к концу обедни борода выросла» (Там же. С. 625). *Арий Александрийский* (256—336) — священник в Александрии; ересиарх (глава еретической секты), утверждавший, что Христос, второе лицо Троицы, не единосущен Богу-Отцу.

С. 295—296. *...ссылался на Андрея Критского, на то место из его Слова...* — *Андрей Критский* (Андрей Иерусалимский; ок. 660—740) — христианский богослов, проповедник, архиепископ. В его «Похвальном Слове Святителю и Чудотворцу Николаю», в частности, сказано: «Мечом глагола Божия ты посек до корня ересь разделения Ариева и соединения Савеллиева».

С. 296. *Савеллий* — епископ, еретик, живший в III в.; основатель учения о Лицах Святой Троицы, которое расходится с ортодоксальным вероучением.

С. 297. *«Человек есть храм Божий, и дух Божий живет в нем!»* — См. выше комм. к легенде «Посвящение» (с. 835).

С. 298. *Петр де Наталибус* (ок. 1330—1406) — итальянский католический епископ, агиограф; автор сборника «Каталог святых» (1369—1372).

Митра — высокий с круглым верхом головной убор высшего православного и католического духовенства.

Паллий — римское название просторного плаща; элемент облачения митрополитов.

Подойдя к Хонэ... — Вероятно, подразумевается местность Хоны (по гречески — «расщелина») недалеко от города Иераполя; там, согласно легенде, был воздвигнут храм в честь архангела Михаила.

Беспризорные

Впервые: Версты. 1926. № 1. С. 47—48, 3-я в подборке «Из книги “Николай Чудотворец”».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 74—76.

С. 299. *...шел он по набережной к Нотр-Дам.* — В «Верстах»: «...шел он по набережной к Notre Dame». Имеется в виду Нотр-Дам де Пари (Собор Парижской Богоматери; 1163—1345), католический храм в центре французской столицы.

— *Крокодил...* — В «Верстах»: «— La crocodile...».

С. 300. *...только Моретто-да-Брешиа, художник из Ломбардии...* — В «Верстах»: «...только Moretto da Brescia, художник из Ломбардии...». *Моретто да Брешиа* (Алессандро Бонвичино; ок. 1492—1554) — итальянский художник эпохи позднего Возрождения. Родился в городке Ровато в Ломбардии, на севере Италии. Вероятно, Ремизов подразумевал полотно художника «Святой Николай из Бари с двумя детьми и Богородицей» (ок. 1545).

Меч веры

Впервые: *ПН*. 1929. 1 янв. № 2841. С. 2—3, под загл. «Меч», 11-я в цикле «Московские любимые легенды».

Прижизненные издания: *ТС II*. С. 77—82.

Тексты-источники: *Антонин (Капустин), архим.* Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Ликии в Италию // Труды Киевской Духовной Академии. 1870. № 5. С. 396—427; *Шляпкин И. А.* Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881; *Вознесенский, Гусев*. С. 83—90 («Перенесение честных мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар-град»). См. также: *Волконский А. Н.* Воспоминания о г. Бари и о перенесении честных мощей Святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. М.: Унив. тип., 1873.

В *ОНЧ* Ремизов отметил: св. Николай был «похоронен в Сионском монастыре в Фаррао, откуда мощи его через семьсот сорок шесть лет в 1087 г. перевезены в Апулию в г. Бари» (*Лимонарь-РК VI*. С. 612).

С. 300. *В царствование Алексея Комнена...* — *Алексей I Комнин* (ок. 1048—1118) — византийский император (в 1081—1118 гг.).

...архиепископу барийскому Урсу... — Имеется в виду Урсон, архиепископ итальянского города Бари.

...у Гарганской горы архангела Михаила город Бари. — *Бари* — город-порт в южной Италии, в регионе Апулия. В Бари была построена ба-

зилика Святого Николая для хранения мощей святителя, перенесенных в 1087 г. *Гарганская гора* (Монте-Гаргано) находится в провинции Фоджа, на Гарганском полуострове. На этой горе в местечке Монте-Сант-Анджело находится пещера, грот — паломническая святыня Михаила Архангела.

С. 300. *...папа Урбан... — Урбан II* — папа римский в 1088—1099 гг. Мощи Николая, однако, были перевезены в Бари в мае 1087 г., когда папой был Виктор III. Папа Урбан II в 1089 г. освятил церковь Николая Чудотворца.

Антиохия — в древности существовало несколько городов с таким названием. Наиболее известна Антиохия на реке Оронт (на юге современной Турции).

С. 301. *Лидо* — остров недалеко от Венеции. Там в храме Николая Чудотворца покоится часть мощей святого, вывезенных венецианцами во время первого крестового похода против сарацинов (1100 г.).

...в Мирах полный разгром и все жители убежали в горы... — Миры Ликийские были разрушены и разграблены при нашествиях сарацинов. См. об этом: *Вознесенский, Гусев.* С. 83—84 (см. там же примеч. на с. 659—660).

И монастырь разрушен, только церковь. — О Сионском храме, где покоились останки Угодника, см.: *Муравьев А.* Мирликийская церковь и гробница Святителя Николая Чудотворца. М.: Тип. В. Готье, 1850.

...помянули и императора Василия... — Подразумевается византийский император *Василий I Македонянин*, правивший в 866—886 гг.

Солид — римская золотая монета весом в 4,5 г.

С. 302. *Под предводительством Иоанна Виталия, сына венецианского дожа Михаила...* — Во время первого крестового похода венецианский флот в составе более 200 кораблей возглавлял *Джованни Микель*, сын дожа *Витале I Микеля* (?—1102).

Родос — остров на юго-востоке Греции, омываемый Эгейским и Средиземным морями.

С. 303. *Акализос* — см. с. 267.

Куколь — остроконечный капюшон, верхнее облачение монаха.

С. 304. *...пройдя «мрачную» Киммерию... — Киммерия* — в античной историографии название территории Северного Причерноморья и Приазовья (Крымский полуостров, Краснодарский край и т. д.). В «Одиссее» Гомера этот легендарный край изображен как «вечно покрытый туманом и тучами...» (Одиннадцатая песня, 14—16).

...игумена Даниила, как возвращались со Святой Земли домой, как не помянуть... — Игумен Даниил — вероятно, православный монах, совершивший паломничество в Святую Землю в 1104—1106 гг.; описал его в книге «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли».

И о ту пору монах Морис, ирландец, ~ с дарами в Регенсбург — строить церковь св. Иакова, русская жертва! — *Регенсбург* — город в Германии в земле Бавария, при слиянии рек Дунай и Реген. В 1075 г. была основана ирландская обитель у церкви Св. Петра. На этом же месте была воздвигнута *Церковь Св. Якова* («Шотландская церковь») (1175—1180), которая первоначально принадлежала ирландскому бенедиктинскому аббатству. Существует предположение, что к 1088 или 1089 году относится путешествие в Киев монаха монастыря Св. Якова по имени Маврикий. В «Житии Св. Марианна Скотта» (1180-е) сказано, что Маврикий «по бездорожью мира ведомый милосердием святого духа, прибыл к Королю Руси, получил от этого Короля и от знатных богатейшего города Киева на сто марок драгоценных мехов и, погрузив их на повозки, благополучно добрался с купцами до Регенсбурга: на эти деньги были закончены постройки монастыря и крыша собора» (*Васильевский В. Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 258. С. 136; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 384).

Варанжевиль — поселение в области Лотарингия во Франции, где построена церковь во имя Св. Николая. Имеется в виду крестоносец Альберт де Варанжевиль.

...несчастье — крокмитэн-отельщик заманил трех ребятишек, ~ весенний животворящий свет озарил его. — См. выше комм. к легенде «О Василии» (с. 825—826).

С. 305. *...таким стоит он в Шартрском соборе...* — Имеется в виду католический кафедральный собор в городе Шартре (Франция). В *ОНЧ* Ремизов упоминает данный сюжет, воспроизведенный в одном из витражей: «...образ его закреплен в Шартрском соборе — витро: с сирийской миниатюры работа французского мастера (XIII в.) — юноша с чудотворными глазами воскрешает детей» (*Лимонарь-РК VI*. С. 612).

Король Артур — легендарный герой британского эпоса и рыцарских романов. Возможно, подразумевается легенда о битве короля Артура с великаном горы Св. Михаила Архангела. В *ОНЧ* Ремизов писал о том, что «первые крестоносцы (1091—1096) выступили под знаком Николая Чудотворца»: «И есть над входом в собор св. Николая в Бари (XII) изображение рыцарей на конях без подписи, а над входом собора в Модене тоже изображение и подпись: “король Артур со своими рыцарями”» (Там же. С. 627).

Милостивый

Впервые: Приазовский край. 1916. 10 апр. № 95. С. 4, под загл. «Никола Милостивый. Народная легенда».

Рукописные источники и авторизованные тексты: *БА* — РНБ. Ф. 901. Оп. III. Ед. хр. 714. Л. 3—16, под загл. «Никола Милостивый Чудотворец. Народная сказка»; печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 21—23.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 63—67, под загл. «Никола милостивый»; *НМ-1918*. С. 12—20, под загл. «Никола Милостивый»; *ЗО*. С. 73—79, под загл. «Никола милостивый»; *ТС II*. С. 83—89.

Текст-источник: *Афанасьев*. № 3. С. 33—43 («Бедная вдова»; странники в этой легенде — Христос и апостолы).

С. 305. *...а в хозяйстве корова-белуха...* — Т. е. корова с белой шерстью.

С. 306. *Махотка* — зд. в значении: глиняный горшок, кринка.

С. 307. *Талан* — счастье, удача.

Судия

Впервые: Голос. 1915. 1 нояб. № 1. С. 3, под загл. «Никола — судия загробной доли».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 23 об.—26.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 68—73, под загл. «Никола судия»; *ЗО*. С. 80—86, под загл. «Никола судия»; *ТС II*. С. 90—96.

Текст-источник: *Соколовы*. № 8. С. 17—19 («Савелий богатой и Микола милостивый»).

Чудотворец

Впервые: Страда: Лит. сб. Пг., 1916. С. 299—314, под загл. «Никола Милостивый Чудотворец. Народная сказка».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст — (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 26 об.—34.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 74—90, под загл. «Никола Чудотворец»; *ЗО*. С. 87—103, под загл. «Никола Чудотворец»; *ТС II*. С. 97—114.

Текст-источник: *Зеленин*. № 4. С. 29—42 («[Иван купеческий сын]»).

С. 315. *Карла* — то же, что карлик.

С. 317. *Златница* — золотая монета.

С. 318. *Ширинка* — зд. в значении: либо полотенце, либо скатерть (обычно с шитьем).

С. 320. *А один выискался Кот-и-Лев...* — Подразумевается *Александр Иванович Котылев* (1885—1917), один из близких знакомых Ре-

мизова, помогавший ему в издательских делах. См. о нем: *Лимонарь-РК VI*. С. 724.

С. 321. *Изладил Никола из листьев и веток ковер-самолет...* <...> *Оба стали на ковер-самолет.* <...> *и они полетели.* — В связи с этим фрагментом И. А. Ильин писал Ремизову: «Полет Николы на ковре-самолете нарушает... закон вероимности... <...> Вплести ковер-самолет может простонародье, для которого *религия* и *сказка* сращены в магии: в *магическом мифе* духовный опыт у простонародья недифференцирован, примитивен... <...> И вот вероимность священно-трепетного, *религиозного* воображения <...> нельзя разочаровывать “ковром-самолетом”, т. е. говорить: *религиозное и сказочное* есть одно и то же» (цит. по: *Обатнина 2008*. С. 156; курсив И. А. Ильина).

С. 322. *Метлячок* — мотылек, бабочка.

С. 323. *Огниво* — приспособление для получения огня.

Плашка — зд. в значении: плоский кусок дерева, деревянная или металлическая пластинка.

Хитник — похититель.

С. 324. *Ухорез* — лихой, удалой молодец.

Верный

Впервые: Аргус. СПб., 1915. № 11. С. 9—18, под загл. «Никола Угодник верный. Народная сказка».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 18—20 об.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 52—62, под загл. «Никола верный»; *ЗО*. С. 61—72, под загл. «Никола верный»; *ТС II*. С. 115—126.

Тексты-источники: *Соколовы*. № 38. С. 60—61 («Николай Чудотворец»); *Соколовы*. № 77. С. 137—141 («Николай Чудотворец и Иван купеческий сын»); *Зеленин*. № 29. С. 236—240 («Золотой кирпич»); *Ончуков*. № 281. С. 562—564 («Расточительный сын»); *Афанасьев*. С. 86—90 (Примечание к легенде № 11 «Касьян и Никола»; переложение народного сказания из собрания В. Даля).

С. 335. *Святырь* — Псалтирь (Псалтырь), книга Ветхого Завета.

Свеча воровская

Впервые: Речь. 1915. 6 дек. № 336. С. 3, 1-я в цикле из четырех легенд «Николины притчи. Народные легенды»; Современное слово. 1916. 6 дек. № 2837. С. 2, 1-я в цикле из четырех легенд «Николины притчи. Народные легенды».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 35—36.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 91—92; *НМ-1918*. С. 21—23; *ЗО*. С. 104—105; *ТС II*. С. 127—128.

Тексты-источники: *Есенин. Сказки*; *Афанасьев-сказки V*. № 246. С. 179 («Об отце Николае»).

Каленые червонцы

Впервые: День. 1915. 6 дек. № 336. С. 5, с подзагол. «Народная сказка».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 36 об.—37.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 93—95; *ЗО*. С. 106—108; *ТС II*. С. 129—131.

Текст-источник: *Есенин. Сказки*.

Николино стремя

Впервые: *ЕЖ*. 1916. № 2. Стб. 47—50, под загл. «Золотое стремя», 2-е в диптихе «Николины притчи»,

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6 об.—7 об.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 34—36; *ЗО*. С. 41—43; *ПН*. 1924. № 1226. 20 апр., С. 2, под загл. «Стремено. Из книги “Звенигород окликанный”»; *ТС II*. С. 133—135.

Тексты-источники: *Соколовы*. № 9. С. 19 («Мужик несчастной и Микола милостивый»); *Соколовы*. № 116. С. 214 («Как Егорий ко Христу ходил»); *Афанасьев*. № 12. С. 90—93 («Золотое стремя»).

Заря перегорелая

Впервые: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1915. № 1. С. 15, 1-я в триптихе «Николины притчи. Народные сказки».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Прижизненные издания: *Укрепа*. С. 101; *НП-1917*. С. 100—101; *ЗО*. С. 114—115; *ТС II*. С. 134—135.

Текст-источник: *Садовников*. № 90. С. 269—270 («Перегорелая заря»).

Глухая тропочка

Впервые: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журн. «Нива». 1915. № 1. С. 16—17, 2-я в триптихе «Николины притчи. Народные сказки».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) – РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Прижизненные издания: *Укрепа*. С. 102–103; *НП-1917*. С. 102–103; *НМ-1918*. С. 24–26; *ЗО*. С. 116–117; *ТС II*. С. 136–137.

Тексты-источники: *Садовников*. № 89. С. 268–269 («Миколай угодник и охотники»); *Соколовы*. № 100. С. 182 («Деньги»).

Дар

Впервые: *БВ* (утр. вып.). 1914. 6 дек. № 14538. С. 2, под загл. «Никола Милостивый, угодник Божий. Народное сказание».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) – РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 50 об.–52 об.

Прижизненные издания: За Святую Русь: Думы о родной земле. Пг.: Изд-во журнала «Отечество», 1915. С. 8–12, под загл. «Никола Милостивый – угодник Божий. Народное сказание»; Мирское дело. 1916. № 1. С. 25–26, под загл. «Никола Милостивый. Народное сказание»; *НП-1917*. С. 16–20, под загл. «Николин дар»; *ЗО*. С. 20–24, под загл. «Николин дар»; *ТС II*. С. 138–143.

Тексты-источники: *Садовников*. № 91. С. 270–272 («Илья Пророк и Миколай угодник»); *Афанасьев*. № 10. С. 79–85 («Илья Пророк и Никола»).

См. о легенде о Николае и Илье-пророке: История русской литературы. М., 1908. Т. 1. С. 125–126 (глава пятая Е. В. Аничкова).

С. 346. *Илья говорит Николе...* – Имеется в виду св. Илья-пророк. Его образ в народных верованиях и легендах часто предстает грозным и суровым, ассоциируется с грозой. В Библии пророк Илия восходит на небо: «...вдруг явилась колесница огненная и кони огненные <...> и понесся Илия в вихре на небо» (4 Цар 2: 11).

С. 348. *...еще слава Богу, что Никольщина близко.* – Имеется в виду Николин день 19 декабря (6 декабря по ст. ст.).

Доля

Впервые: Речь. 1915. 6 дек. № 336. С. 3, 4-я в цикле из четырех легенд «Николины притчи. Народные легенды»; Современное слово. 1915. 6 дек. № 2837. С. 2, 4-я в цикле из четырех легенд «Николины притчи. Народные легенды».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) – РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 43 об.

Прижизненные издания: *НП-1917*. С. 112–113; *ЗО*. С. 126–127; *ТС II*. С. 144–145.

Текст-источник: *Афанасьев-сказки IV.* № 172. С. 171–175 («Две доли»).

Ночлежник

Впервые: Речь. 1916. 6 дек. № 336. С. 4, под загл. «Николина притча».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) – РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 15–17.

Прижизненные издания: *НП-1917.* С. 47–51, под загл. «Никола-ночлежник»; *ЗО.* С. 56–60, под загл. «Никола-ночлежник»; *ТС II.* С. 146–150.

Текст-источник: *Соколовы.* № 117. С. 214–215 («Как Христос ноцевать просился»).

С. 351. *...расквилил ее нищий...* – От глагола «квилить» – сердить, дразнить.

Никола-Угодник

Впервые: Голос Москвы. 1907. 25 дек. № 298. С. 1–2, под загл. «Николай, угодник Мирнокиевский и триста старцев-иноков. Повесть и сказание».

Рукописные источники и авторизованные тексты: печ. текст (*Кор-НП-1917*) – РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 45–48.

Прижизненные издания: *Шиповник 7.* С. 15–21, под загл. «Никола Угодник»; Новая простая газета. 1917. 28 нояб. № 2. С. 2, под загл. «Никола Угодник»; *НП-1917.* С. 9–13, под загл. «Никола Угодник»; *НМ-1918.* С. 3–11, под загл. «Никола Угодник»; *ЗО.* С. 11–16, под загл. «Никола Угодник»; Перезвоны (Рига). 1927. № 39. С. 1244–1246, под загл. «Странник»; *ТС II.* С. 151–159; Голубиная книга. Гамбург: Родник, 1946. С. 29–36, под загл. «Сказание о Николе Угоднике».

Текст-источник: *Бессонов.* № 130. С. 578–580 («Он же <Никола> и триста старцев иноков»).

С. 354. *Чудна некая вещь...* – Ср. начало жития св. Николая в тексте Метафраста: «Мудра некая вещь...».

...явился Николе верхом на коне с серпами в руках ангел Господен. «Время жатвы пришло...» – Ср. в «Книге пророка Иоиля»: «Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела...» (Иоил 3: 13). Ср. также в Апокалипсисе: «И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы...» (Откр 14: 15).

...заушал нечестивцев ариев... — Об Арии см. в комм. к легенде «Ударение» (с. 842).

С. 355. *...городи городьбу!* — Ср. примеч. Ремизова в *Шиповник 7*: «С Николина дня *заказываются луга*: втыкают на межах прутья и ветки — и на этих лугах пасти скот возбраняется».

...с вешнего Николы... — Никола вешний отмечается 22 (9) мая. Этот день связан с перенесением мощей св. Николая из Мир Ликийских в итальянский город Бари.

...до самой Никольщины. — Имеется в виду празднование Николы зимнего 19 (6) декабря.

Отстоял Никола вечерню у Софии в Киеве. — Имеется в виду собор Святой Софии (Софийский собор) в Киеве, построенный в первой половине XI в.

...пришел к Софии в Новгород. — Имеется в виду собор Святой Софии в Великом Новгороде (1045—1050).

...идет в Питер к Казанской. — Имеется в виду кафедральный Казанский собор (собор Казанской иконы Божией Матери) в С.-Петербурге, построенный в 1801—1811 гг.

А к великому славословию в Успенский на Москву поспел. — Великое славословие — в православном богослужении молитвословие на основе евангельского текста («Слава в вышних Богу, и на земле мир...» и т. д.). *Успенский* — Успенский собор Московского Кремля (см. комм. к с. 5 наст. изд.).

С. 356—357. *...Все святые собрались на Никольщину: ~ да милостивая жена Аллилуева, милосердая.* — О перечисленных Ремизовым святых см.: *Лимонарь-РК VI*. С. 719—721 (комм. О. П. Раевской-Хьюз).

С. 357. *— Я гром-молнию нашлю, попалю, выжгу землю! — воскликнул громовный Илья.* — В народных представлениях св. Николай противопоставлялся пророку Илие. Ср.: «Замечательно, что бóльшую часть <...> верований в добрых, милостивых богов народ перенес именно на святителя Николая, равно как верования в богов грозных перенес на св. пророка Илию. <...> в народе сложилась вера в Чудотворца не просто как в Угодника Божия, внимающего усердной молитве всякого человека, но как в особого покровителя земледельческого труда и защитника от наказаний грозного пророка Илии, строгого карателя за грехи людские» (*Вознесенский, Гусев.* С. 630). См. выше комм. к легенде «Дар» (с. 849).

...Ѝзвестно, Касьян вгорячах Златоусту усы спалил. — См. об этом эпизоде жития св. Касьяна: *Аничков Е. В.* Микола Угодник и св. Николай: Опыт литературной критики в области народных сказок и песен // Записки Неофилологического общества при Имп. С.-Петербургском ун-те. СПб., 1892. Вып. 2. № 2. С. 45. Е. В. Аничков здесь опирался на сборник Е. Р. Романова (Белорусский сборник. Вып. 4:

Сказки космогонические и культурные. Витебск, 1891. С. 15–16). В народе укоренилось представление об этом святом как Касьяне Немилостивом. Ср. русскую народную поговорку: «Касьян на что ни взглянет — все вянет. Касьян на траву взглянет — трава вянет, на скот — скот дохнет, на дерево — дерево сохнет. На народ взглянет — народу тяжело».

С. 358. *Пустился по Черному морю...* — В *НП-1917*: «Пустился по Студеному морю...». Древнерусское название Северного Ледовитого океана. Так же называлось в старину Баренцево море.

...вспелешилось море... — От диалектного глагола «пелехать». Ср. примеч. Ремизова в *Шиповник 7*: «пелехать — идти вперевалку».

...угрожала Велеша, требовала жертвы... — Ср. примеч. Ремизова в *Шиповник 7*: «Пелеша-Велеша – Артемида "Троянских деяний", олицетворяющая убивающую и возрождающую силу природы».

Помилуй нас, Боже и святой Никола, / где бы ты ни был, явись к нам! — Ср. в обращении-молитве, заключающем *НП-1917* и вошедшем в *Шиповник 7* («Милостивый наш Никола...»): «Милостивый наш Никола, / где бы Ты ни был, явись к нам!»

ПЛЯШУЩИЙ ДЕМОН
Танец и слово

Печатается по изданию: Пляшущий демон: Танец и слово. Париж, 1949. 103 с., с сохранением вариантов авторских написаний, орфографии, пунктуации и с исправлением опечаток. Далее: *ПД*.

Рукописные источники: <Пляшущий демон>. Отрывки. Дата: <1930-е — 1940-е?> — Amherst. Box. 14. F. 14. 41 p.

Рукописные источники отдельных глав:

Русалия: «Русалия». — Отрывки. Черновой автограф. Дата: <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 15. 8 p.; «Русалия» — Отрывки чернового варианта. Автограф. Дата: <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 15. 41 p.; 3) «Русалия» — Черновой вариант главы. Автограф. Дата: <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 15. 29 p.; «Киев-Москва» — Черновой вариант. Автограф. Дата: <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 16. 14 p.; **Петербургская русалия**: «Кикимора» — Черновой вариант. Автограф. Дата: <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 16. 7 p.; «Петербургская русалия». — Черновой вариант. Автограф. Отрывок. Дата: <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 16. 22 p.; «Петербургская русалия». — Окончательный вариант. Отрывок. Автограф. Дата: <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 16. 3 p.; «Послушный самокей»: 1) Подготовительные материалы (выписки) и черновые заметки. Автограф. Дата: <1930-е> — Amherst. Box. 14. F. 17. 39 p.; 2) Чер-

новой вариант. Автограф. Дата: <1930-е> — Amherst. Box. 14. F. 17. 10 p.; Послушный самокей (Михаил Алексеевич Кузмин) — Авториз. машинопись. Дата: <1940-е> — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 23; «Бесовское действо». Черновой вариант. Автограф. Дата: <1930-е> — Amherst. Box. 14. F. 17. 15 p.; **Писец — воронье перо**: 1) «Книгописец и штанба» — Подготовительные материалы (выписки) и черновые заметки. Автограф. Дата: 1934 — Amherst. Box. 14. F. 19. 16 p.; 2) «Лев и единорог». Отрывок. Автограф. Дата: <1930-е> — Amherst. Box. 14. F. 20. 2 p.; 3) «Лев и единорог». Первоначальная редакция. Автограф. Дата: <1930-е> — Amherst. Box. 14. F. 20. 24 p.; «На колокольню» — Отрывок. Автограф. <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 20. 1 p.; 4) «Под мостом» — Подготовительные материалы (выписки из книг, газетные вырезки) и черновые заметки (автограф). Дата: <1930-е> — Amherst. Box. 14. F. 18. 16 p.; 5) «Под мостом». Отрывок. Автограф. <1940-е> — Amherst. Box. 14. F. 20. 1 p.

Публикации отдельных глав: разд. «Писец — воронье перо», гл. «Первопечатник Иван Федоров». Впервые: Книгописец и штанба: Памяти первопечатника Ивана Федорова // *ПН*. 1934. 17 июня. № 4833. С. 3; 24 июня. № 4840. С. 3.

Замысел книги *ПД* связан с историей взаимоотношений Ремизова с руководителем балетной труппы «Гранд-Опера», танцовщиком и балетмейстером Сергеем Михайловичем Лифарем и его братом — владельцем типографии Леонидом. Их знакомство началось в конце 1920-х гг. Оно состоялось через С. П. Дягилева, с которым писатель познакомился еще в России, в бытность того одним из организаторов журнала «Мир искусства» (СПб., 1898—1904). Общение братьев Лифарей с писателем стало близким и дружеским в годы оккупации Парижа немецкими войсками в 1941—1944 гг. В это время Лифари были частыми посетителями квартиры Ремизова в доме 7 на улице Буало, и как таковые, впоследствии вошли в число героев книги «Мышкина дудочка» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 5—177 — см. по указ.). После освобождения города в 1944 г. С. М. Лифарю инкриминировали сотрудничество с оккупантами. Он был вынужден покинуть Францию, возглавлял труппу «Новый балет Монте-Карло» и смог вернуться в Париж только в 1947 г., после снятия обвинений в коллаборационизме. Братья Лифари возобновили контакты с Ремизовым, и результатом их послевоенных взаимоотношений явилось финансирование С. М. Лифарем книги *ПД*. На обороте шмуцтитула *ПД* отмечен эксклюзивный характер публикации: «Настоящее издание отпечатано типографией Navarre, 11, rue des Cordelières в Париже в мае месяце 1949 года в количестве 475 экземпляров. Из них: 75 нумерованных экземпляров, на бумаге Arches и 400 экземпляров на бумаге Helio-Alfa, из коих 50 экземпляров в продажу не поступили».

Текстологическая история книги *ПД* еще ждет научного исследования. В настоящее время местонахождение целостных автографа и наборной рукописи *ПД* не установлено. Возможно, это обусловлено характерной для Ремизова работой сразу над несколькими книгами. Концептуально и текстуально книга *ПД* тесно связана с опубликованной вслед за ней книгой «Подстриженными глазами» (Париж, 1951), а также с создававшейся параллельно, но целостно изданной лишь посмертно (М., 2003) книгой воспоминаний «Петербургский буерак». Отрывки из текста *ПД* («И разве могу забыть я ночь на Михайлов день ~ пламя окружило меня»; «И разве могу забыть я Пустозерскую гремящую весну ~ сердце зябло и ноги задрожали») с незначительными вариантами, а также краткий пересказ сюжетов раздела «Писец — воронье перо» включены в состав главы «Поджигатель» книги «Подстриженными глазами» (*Иверень-РК VIII*. С. 109—110; 113—114). Раздел *ПД* «Петербургская русалия» целиком с лексическими вариантами вошел в состав книги «Петербургский буерак». См.: *Петербургский буерак-РК X*. С. 237—258. Можно предположить, что в настоящее время рукописи отдельных глав окончательной редакции раздела «Петербургская русалия» находятся в составе комплекса материалов книги «Петербургский буерак» (см. ее текстологическую историю: *Петербургский буерак-РК X*. С. 463—464), а рукописи отдельных глав окончательной редакции раздела «Писец — воронье перо» входят в состав подготовительных материалов книги «Подстриженными глазами» (см. ее текстологическую историю: *Иверень-РК VIII*. С. 539—540). Печатный текст *ПД* содержит ряд опечаток, свидетельствующих о поверхностно проведенной корректуре. Возможно, она проводилась кем-то из помощников Ремизова, а не самим писателем, чья глазная болезнь в эти годы начала значительно прогрессировать. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Ремизова Н. В. Кодрянской от 22 апреля 1949 г., в котором говорится о работе над *ПД*: «Поздно вечером в 10-ь после 12ти Евангелий Бахрак: корректуру моей библиографии для книги. Лифари в Биарице отдыхают» (*Кодрянская 1977*. С. 121). О дальнейшей судьбе книги сообщается в письме Н. В. Кодрянской от 29 апреля 1949 г.: «Вчера к ночи зашел Лифарь, закутан по-зимнему. Вернулись оба с “отдыха” и не узнать было Парижа, думали, не туда попали. И только проверив билеты, поняли. А ведь оба непьющие. / Книга поступит в продажу 15 мая (с “Подстриженными глазами”). Не хватило бумаги и сократили тираж. 75 экз. по 750 frs (Arches), 400 экз. — по 400 frs. Мне сулили 50 экз. для раздачи, боюсь, больше 30 не дадут; как я ни объяснял, что книга единственное, что могу подарить. В “Русской Мысли” (газета) объявление поместили не на книжной странице, а с ресторанами и я очутился над “Партизанской бородой” и “Катюшей”. Это объясняется тем, что мое имя исключенного из Союза писа-

телей не может быть среди “писателей”, а с граммофонами и ресторанами пожалуйста, 1000 frs в углу на первом месте» (Там же. С. 125–126). Возможно, с указанным Ремизовым острым моментом «остракизма» писателя – реакции части литературной эмиграции на принятие им советского паспорта – связан и тот факт, что рецензий на книгу почти не было. Единственный отклик принадлежал близкому знакомому Ремизова К. Солнцеву. В 1946–1947 гг. он помогал писателю разбирать его парижский архив, основную часть которого, включая подготовительные материалы и рукописи отдельных частей *ПД* (ныне хранятся в Amherst), Ремизов передал Солнцеву для устройства единого архива русской эмиграции. «Литературный портфель или, по-нынешнему, продукция Ремизова, – писал в рецензии К. Сонцев, – огромны. И дело не в том, что его “не издавали”, а в неустанном кропотливом труде писателя <...> Понимаю, как нелегко было сделать выбор из заготовленного наследства писателю, который работает сразу над целыми циклами произведений и прибавляет к ним еще новый, увлекаясь какой-нибудь темой в разговоре или случайным замечанием собеседника. Поверхностный читатель занимательного чтения вряд ли найдет в сборнике большее, чем случайное соединение разных видений с разной действительностью, истории с современностью, но даже и “профан”, если он внимателен, легко увидит строгое единство книги и гармонию трех ее частей и глав – тем внутри каждой части. / Название книги “Пляшущий демон” обнимает почти целиком все ее содержание. <...> Для меня – все целиком. Это книга о танце, о пляске и затем, о словесной одержимости, производной в этом случае из “пляса – плескания”. <...> Внешний толчок, повод книги – впечатление от Лифаря – Икара на подмостках парижской Оперы <...> Вся наша русальная история в изящных миниатюрах разделена на отдельные этапы <...> Это “исследование” (с хронологией!) о русских русалиях от стен Киевской Софии до парижской Оперы имеет даже свое теоретическое введение (стр. 9–13). / Вторая часть – “Петербургская русалия” <...> – воспоминания автора о петербургских “русальных действах” – <...> русалия – пляска расширяется тут уже в песню – музыку и скоморошье действо – театр вообще. <...> С театром Ремизову не везло. Продолжать его пришлось уже для себя в знаменитом “Обезвелволпале”. Друзья давно уже просили А. М–ча рассказать в печати историю этого загадочного “ордена” <...> Теперь начало положено: на стр. 56–59 вы найдете краткий, “эпизодический” очерк этой истории. Меня, однако, он не вполне удовлетворяет. <...> Во время революции игра перерастала в серьезную сатиру, захватив широкие литературные круги: обезьянам разрешалось то, что не дозволяли людям. <...> / Третья часть – поэма в пяти песнях “Писец – Воронье Перо”. Ее тема – слово, писаное и печатное. Буква – слово – пись-

мо — книга — специальная и давняя сфера и страсть Ремизова. Она только внешне удалена от русалий. / Книга получает полную законченность от двух приложений: дано по великолепному образцу ремизовской скорописи и графики» (*Солнцев К.* «Пляшущий демон» А. М. Ремизова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1950. Кн. 24. С. 300—302). Обширная рецензия К. Солнцева не только носила явный рекламный характер, пропагандируя книгу среди американских читателей, но, вполне вероятно, отражала содержание его устных бесед с автором о *ПД*. Тем самым, представленная в рецензии концепция *ПД* в определенной мере является изложением авторского замысла. Сделанный Солнцевым намек на тесную связь *ПД* с неопубликованными рукописями других произведений Ремизова («выбор из заготовленного наследства»), также подтверждает возникновение столь оперативно подготовленной книги на основе использования уже имевшихся материалов книг «Подстриженными глазами» и «Петербургский буерак», а также журнальных публикаций 1930-х гг. Об окказиональных обстоятельствах выхода *ПД*, а также о сути авторской концепции книги свидетельствует дарственная надпись Ремизова на экземпляре издания: «Наталье Владимировне и Исааку Вениаминовичу Кодрянским — без вас было бы мне не быть на белом свете — эта книга вышла чудесным образом, как вся моя жизнь; хочу объяснить в ней, вспоминая прошлые века, откуда огонь и мое воронье перо где искать. Наконец-то и я могу вам подарить, как знак моей любви, книгу. Алексей Ремизов. 3 августа 1949 Paris» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 128). О значении *ПД* для нового этапа его творчества говорится в дарственной надписи на книге В. Ф. Маркову: «Владимиру Федоровичу Маркову / Первая моя книга после 18-и летнего мордоворота: за эти годы русские издательства отказывались от моих книг: “не для нашего де читателя”. А по-другому я писать не горазд. / Алексей Ремизов. 26.X.1955. Paris» (Там же. Ед. хр. 231).

С. 359. *Пляшущий демон* — Источники названия книги — древнерусские легенды. См.: 1) «О пляшущем бесе»: «Слышахъ от нѣкоего старца: яко нѣкогда сѣдящу ми в келіи своей и дѣлающу ми рукодѣлія, и пояхъ псалтырь из устъ, и видѣвъ отрока, слѣзша дверцами моими, срачинина в скомрашь одежи; и ставъ предо мною, нача плясати. Понеже поя псалтырь дремахъ. И рече ми: старче! Добро ли я пляшу? И паки рече: гораздъ ли ти есмь и како пляшю? <...> Азъ, рече, во ставъ <...> да воскреснетъ Богъ; и ту абіе изчезе» (*ПСРЛ I.* С. 202); 2) «О бѣсовском князѣ Лазіонѣ»: «и се узрѣвше бѣси, взърадовашася радостию великою и начаша ити прелыщати народы; овы подвизахуся плясати, и другыя плескати вспѣвающе, съ ними же и бѣсомъ пляшющимъ и скачющимъ <...> мимо идяше единъ дѣмонъ, итже бяше князь

бѣсовскъ, оуnылъ же и дряхлъ, и съ ним 12 иныхъ бѣсовъ» (Там же. С. 207).

С. 361. *...дух души человека — без начала и без конца. Каждый из нас несет в себе бесконечность превращений...* — Ср. в книге «Подстриженными глазами»: «Я чувствую непрерывность жизни духа и проницаемость в глубь жизни; искусство Андрея Рублева, страда и слово Аввакума и эта жгучая память Достоевского <...> все это прошло на путях моего духа» (*Иверень-РК VIII.* С. 6—7).

Наши глаза завешены... — концепты книги *ПД* напрямую связаны с понятиями книги «Подстриженными глазами», доработку которой Ремизов проводил одновременно с созданием *ПД*. См. ремизовское истолкование ее заглавия в интервью с Н. Кодрянской: «Я родился с глазами, а глаза даются по душе человека. <...> Для простого плаза пространство не заполнено. Для подстриженных нет пустоты. “Подстриженные глаза” еще означает мир кувырком, эвклидовы аксиомы нарушены, из трех измерений переход к четырем. Эти глаза подняли меня в мир сновидений, а также открыли дорогу в подземную глубь черной завязи жизни» (*Кодрянская 1959.* С. 96—97). Ср. также: «Ей-богу! Там жить лучше, где повязкой / Глаза завешены — не видят вдаль» (П. А. Словцов. Ода «К Сибири», 1796).

Иван Федоров (Москвитин; ок. 1510—1583) — дьякон, русский и украинский первопечатник, просветитель, педагог. В 1564 г. напечатал первую точно датируемую русскую печатную книгу «Апостол».

Аввакум Петров (1620—1682) — протопоп, крупнейший деятель старообрядчества, публицист, писатель. Оказал значительное влияние на творчество Ремизова. Подробнее см.: *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 566—579; *Грачева А. М.* Собúнные друзья протопопа Аввакума (А. Ремизов — П. Паскаль — В. Малышев — А. Панченко) // А. М. Панченко и русская культура. СПб., 2008. С. 353—362.

Ванька Каин (Иван Осипов; 1718—1756) — знаменитый московский вор, разбойник, сыщик.

Встреча с Лифарем всколыхнула мою русальную память. — *Серж Лифарь* (Serge Lifar, наст. имя Сергей Михайлович Лифарь; 1905—1986) — артист балета, балетмейстер, теоретик танца и коллекционер; крупный деятель хореографии Франции, ведущий солист, в дальнейшем главный балетмейстер Парижской оперы, основатель Парижского университета хореографии и Университета танца. См. также определение жанра «русалия» в книге «Крашенные рылá»: «Что такое русалия и откуда пошла она? Русалиями в нашу седую старину, языческую, назывались религиозные обряды, приуроченные к срокам посолон-

ным. Эти самые обряды справлялись народом, ну, как у нас теперь Рождество либо Пасха. С водворением же на Руси веры христианской, когда все боги идольские разошлись кто куда, как от креста бесы, а частью попали к ребятишкам на игрушки, обряд русальный превратился в мирское игрище-гульбище с пляской в первую голову. И стала русалия плясовым музыкальным действием, а разыгрывалась она "людьми веселыми" — скоморохами, а потворствовал ей там, за нашими глазами темными, некий Алазион, князь бесовский / Такое указание нашел я в одном из слов св. Нифонта в книге, называемой "Измарагд"» (*Русалия-Росток XII.* С. 618). Определение Ремизова основано на пересказе текста А. Н. Веселовского — его анализ древнерусского памятника «Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского и других иератических лиц» (XII в.), написанного архиепископом новгородским Нифонтом (*Веселовский.* Разд. VI—X. Прил. II. Святочные маски и скоморохи. С. 204—207). Ученый анализировал древнерусский текст в контексте развития на Руси театральных действ (см.: *Веселовский.* Разд. XIV. С. 279—286). В 1910-е гг. в момент работы над либретто балета «Алалей и Лейла» Ремизов наделил прозвищем «Алазион» М. И. Терещенко, в то время бывшего чиновником особых поручений при дирекции императорских театров в Петербурге.

С. 361. *...со Святой Софии, Киев...* — Собор Святой Софии (XI в.) — храм в Киеве. Среди фресок южной башни собора имеется изображение скоморохов и музыкантов.

...до Парижа, Опера́. — Речь идет о парижском театре оперы и балета — Гранд-Опера́ (Grand Opéra), в котором в 1929—1944 и 1947—1958 гг. работал С. Лифарь.

С. 362. *Сопель* — русская продольная свистковая флейта, изготовленная из дерева, дудка.

С. 363. *У Гоголя в Вечерах, «Заколдованное место», пляшет дед под «плесканье», «а танцевал он так, хоть бы с гетманшей», не поднялась бы нога «вывертывать ногами, ни чесать дробно, мелко».* — Цитаты из повести Н. В. Гоголя «Заколдованное место» (1829—1830) из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 311).

В «Скверном анекдоте» у Достоевского гости на свадьбе Пселдонимова в доме Млекопитаева танцуют ~ «дружеский намек жениху» ~ «можно все танцы танцевать». — Цитаты из рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» (1862) (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 15 т. Л., 1989. Т. 4. С. 362).

С. 364. *...прообраз ведовского, лысогорского танца.* — Отсылка к топониму восточнославянского фольклора — Лысой горе, на которой, по

легендам, происходили шабаши ведьм, сопровождающиеся безумными плясками. Наиболее известна Лысая гора — историческая местность на территории Голосеевского района г. Киева. Во времена Киевской Руси на ней проводили языческие обряды.

В Русалии — как в сказке, «неожиданное становится, как ожидаемое, а невозможное возможным». — Неточная цитата из книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (1878): «**206 Книги, которые учат плясать.** Существуют писатели, которые, изображая невозможное возможным и говоря о нравственном и гениальном так, как будто то и другое есть лишь каприз и зависит от произвола, вызывают чувство шаловливой свободы, как когда человек становится на носки и от внутренней радости непременно должен заплясать» (*Ницше Фр.* Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов // *Ницше Фр.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 345).

Косоги (касоги) — этноним адыгов, употребляющийся в древнерусских исторических и географических источниках.

...медведь ходит «под барыню»... — традиционный для русского народного театра «номер» — «танец» дрессированного животного (медведя) под музыку народной плясовой песни «Барыня».

С. 365. *«Зинское щеня»* — букв.: земляной щенок, народное название животного. Так называют слепыша обыкновенного или южнорусского (*лат.* Spalax microphthalmus) — млекопитающее рода «слепыши» отряда грызунов, ведущее подземный образ жизни.

Жюль Жозеф Перро (Jules-Joseph Perrot; 1810—1892) — французский танцовщик и балетмейстер, один из крупнейших представителей балета периода романтизма.

...балерина ~ на сцене преображается в «спящую красавицу»... — «Спящая красавица» (1889) — балет Чайковского на либретто И. Всеволожского и Мариуса Петипа.

В честь Фанни Эльслер издана была в Москве особенная книга — не простые, золотые буквы.— Фанни Эльслер (наст. имя Франциска Эльслер, Fanny Elßler; 1810—1884) — знаменитая австрийская танцовщица балета. Начиная с 1848 г. в течение трех сезонов гастролировала в Петербурге и в Москве. Имеется в виду кн.: Воспоминания о Фанни Эльслер. М., 1851. 24 с.

...«единое и многое»... — антиномия — выражение одной из основных философских онтологических проблем.

С. 366. *Алазион* — главный герой древнерусской повести «О бесовском князе Лазионе» (*ПСРЛ I.* С. 207—208). Демон «Лазион» — предводитель бесовской силы в ремизовском апокрифе «Единая ночь» (1913) (*Лимонарь-РК VI.* С. 65—72). См. также комм. к с. 361 наст. изд.

Вож (*др.-рус.*) — предводитель.

С. 366. ...*«Слава»* («Слава Тебе, показавшему нам свет...») — возглас священника, которым открывается Великое славословие.

...*«Хвалите»* («Хвалите имя Господне...») — цитата из 134 псалма, входящего в церковные песнопения (Пс 134: 1).

...*церковные «гласы»*... — зд.: глас (греч. ἦχος — букв. отголосок, отзвук; позже также звук, звучание; мелодия, напев) — многозначный термин, применяемый в православной (как и во всей восточно-христианской) литургике и музыке православного обихода.

Мои чары возносят человека с земли к звездам. Я улыбка неба. Мне в честь и хвалу! — Символическая трактовка Ремизовым образов «звезд» является интерпретацией тем трактата немецкого христианского мистика Я. Бёме «Aurora, или Утренняя звезда в восхождении» (1612). См. его статью «О человеке — звездах — и о свинье» (1920) (*Русалия-Росток XII*. С. 554—560, 947); см. также в книге «Ахру» главу «К звездам» (*Ахру-РК VII*. С. 5—17). О влиянии Я. Бёме на художественное мышление Ремизова см.: *Грачева А. М.* Посмертная жизнь Александра Блока в творчестве Алексея Ремизова // Александр Блок: Исследования и материалы: Блоковский сборник. СПб., 2010. С. 84—101.

Гудок — древнерусский смычковый музыкальный инструмент наиболее распространенный в XVII—XIX вв., среди скоморохов. Имеет деревянный выдолбленный кузов, как правило, овальной или грушевидной формы, а также плоскую деку с резонаторными отверстиями. Гриф у гудка имеет короткую шейку без ладов, удерживающую 3—4 струны.

Торба — украинский и польский струнный щипковый музыкальный инструмент.

Домра — русский, украинский и белорусский народный струнный щипковый музыкальный инструмент. Домра имеет корпус полусферической формы. Защипывание струн производится при помощи медиатора. Характерным приемом звукоизвлечения является тремоло. Существуют два вида домр: трехструнная (русская) домра с квартовым строем, традиционно использующаяся в России, и четырехструнная домра с квинтовым строем, получившая наибольшее распространение в Белоруссии и на Украине.

Шеломайка (*др.-рус., белорус.*) — голова. Зд.: вид музыкального инструмента.

На площади я приткнулся к этим ~ «иностранцам» ~ и в голову не приходило, что это бесы. — Характерное для Ремизова игровое использование древнерусской семантической параллели «иностранное» (чужое) = бесовское. Ср. в его книге «Круг счастия: Легенды о царе Соломоне» восприятие народом демонов-строителей Соломонова храма: «Непохожие, странные люди, их вывез с другими мастерами из

Тира строитель Хирам <...> — эти иностранцы с дерзкими лицами, черные от работ, расходясь от мастерских по домам, горланили жуткие песни под электрические вспышки демонских огней» (*Лимонарь-РК VI*. С. 593).

Царьград — древнерусское название Константинополя.

С. 367. *...Герольд, крещен Ростислав.* — Возможно, речь идет о Ростиславе Мстиславиче (ок. 1108—1167) — смоленском князе (1127—1167), князе новгородском (1154), великом князе киевском (1154—1155, 1159—1161, 1161—1167), сыне Мстислава (?—1132) — сына Владимира Мономаха и дочери английского короля Гаральда. Матерью Ростислава была Христина Шведская, дочь шведского короля Инге Старшего. Прославлен Русской Православной Церковью в лике святых как благоверный (до 2016 г. — местночтимый). Скончался по дороге из Новгорода в Киев, был похоронен в киевском Федоровском монастыре, где находилась родовая усыпальница Мстиславичей. Церковь Св. Федора была разрушена татаро-монголами в 1240 г.

На фресках новгородской Спасо-Нередицкой церкви, Ярослав Мудрый построил, четыре фигуры: свв. Григорий, Василий, Иеванос, четвертого надпись стерта, а это и есть Ростислав-Герольд. — Церковь Спаса на Нередице — храм Преображения Господня (1198), расположенный под Великим Новгородом рядом с Рюриковым Городищем. Ошибка Ремизова: Церковь возведена при новгородском князе Ярославе Владимировиче (? — после 1207). Фрески церкви (XII в.) погибли в период Великой Отечественной войны. Сохранились их описания, копии и фотографии. Возможный источник текста Ремизова — книга: *Успенский А. И.* Фрески церкви Спаса Нередицы. СПб., 1910. 24 с., с воспроизведением фотографий фресок. См.: «По причине узости абсиды и неумению живописцев уменьшить бывшие в руках кальки или прориси <...> обычный ряд *святителей* пришлось поместить *в двух поясах*: Климента, Николая, Афанасия, Иоанна Златоуста, Григория, Василия, *Иеванноса* и пр.» (Там же. С. 5).

Изукрашенный резьбой, порфировый саркофаг — работа болгарских мастеров — выставлен по желанию Ростислава в св. Софии ~ как протянет ноги, положат его в эту каменную драгоценную домовину... — В соборе Св. Софии (Киев) был похоронен Ростислав Всеволодович (в крещении Михаил) (1070—1093) — переяславский князь (1078—1093). Гробница не сохранилась.

...и по воскресении мертвых ~ как Фаворским воздухом подымет крышку... — отражение православных представлений о воскресении мертвых в момент второго пришествия Иисуса Христа и наступления царства Божия, сопровождающегося горним светом, явившимся на горе Фавор апостолам при Преображении Господа.

С. 368. *«Он ветки надломленной не сломит и льна курящегося не погасит».* — Точная цитата из книги В. В. Розанова «Темный лик. Метафизика христианства» (*Розанов В. В.* Религия и культура. М., 1990. Т. 1. С. 486). Неточная цитата из Библии («Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Мф 12: 20). Эта же цитата из книги Розанова приведена в тексте записи сна Ремизова с 22 на 23 сентября 1946 г., вероятно отражающего процесс работы над книгой *ПД*: «“Он ветки подломленной не сломит, и льна курящегося не погасит”. Повторял. И ничего не мог сделать: все ищу — нигде, ничего нет. И С<ерафима> П<авловна> помогала. И старший мой брат. Так и проснулся ни с чем» (*Ремизов А. М.* Дневник мыслей, 1943—1957 гг. Т. II: Январь 1946 — март 1947 / Подг. текста О. А. Линдеберг; комм. А. М. Грачевой и Л. В. Хачатурян. СПб., 2015. С. 148).

Зверинец — историческая местность на территории Печерского района г. Киева. Во времена Киевской Руси здесь были густые леса.

...прикрывая плешь голубым чудотворным воздухом с мощей... — Зд.: *возду́х* — тканый покров. До XVII в. «воздухом» называлась «плащаница» — плат большого размера с вышитым изображением лежащего во гробе Иисуса Христа, усопших Богородицы или святого.

...великий князь Владимир Киевский с лицом Тараса Бульбы. — Вероятно, речь идет о Владимире I Святославиче (ок. 960—1015) — князе новгородском (970—988), великом князе киевском (978—1015), при правлении которого произошло крещение Руси. *Тарас Бульба* — казак, главный герой одноименной повести Н. В. Гоголя (1835).

Душевными очами... — Ср. службу в Неделю о слепом: *«Душевными* очима *ослеплен*, к *Тебе Христе* прихожду, якоже...» (*Кондак,* глас 4).

Аскольдова роща — урочище на правом берегу Днепра в Киеве, где, по преданию, был похоронен правитель Аскольд («Аскольдова могила»).

С. 369. *«Когда приходит этот великий праздник, день Рождества Предтечи (24 июня) и в ту святую ночь мало не весь город возмятется и взбесится. ~ и ногам их скакание и топтание».* — Неточная цитата. Ср.: «Послание игумена Памфила во Псков 1505 года говорит: “егда бо приходит велий праздник день Рождества Предтечева (24 июня — праздник летнего поворота солнца), и тогда во святую ту нощь мало не весь град взмятется (в селех) и возбесится... стучать бубны и глас сопелий и гудуть струны, женам же и девам плескание и плясание, и главам их накивание, устам их неприязнен клич и вопль, всескверненные песни, бесовская угодия свершахуся, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание”» (*Афанасьев-воззрения I.* С. 444). Эта же цитата с модернизацией теста приведена в книге С. Лифаря «История русского балета: От XVII века до “Русского балета” Дягилева» (Париж, 1945. С. 12).

Написал старец Касьян, игумен Ферапонтовой пустыни. — Имеется в виду игумен Ферапонтова монастыря Кассиан II Булгаков (1540-е гг.). Сохранились книги с его дарительными надписями (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 81—83).

«Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите звезды, простите озера, реки и горы, простите все стихии небесные и земные». — Цитата из книги В. Розанова «Темный лик. Метафизика христианства» (*Розанов В. В.* [Соч.: В 2 т.]. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 436).

МОСКВА 1675 — основной источник глав раздела «Русалия», посвященных истории русского балета нового времени: *Плещеев А.* Наш балет (1673—1899): Балет в России до начала XIX столетия и балет в С.-Петербурге до 1896 года. СПб., 1896. 391 с.; 2-е изд. с подзагол. «Балет в России до начала XIX столетия и балет в С.-Петербурге до 1899 года»: СПб., 1899. 467 с. Далее цитируется по 2-му изд. с указанием страницы. К книге Плещеева восходит также структура названий глав раздела «Русалия». Ср. у Плещеева: «I. (1673—1761)», «II. (1762—1796)» и т. д.

Стоглавый Собор 1550—1551 г. осудил Русалию... — Стоглавый собор — церковный и земский собор, который проходил в Успенском соборе Кремля с 23 февраля по 11 мая 1551 г. при участии царя Ивана IV, высшего духовенства и представителей Боярской Думы. На Соборе был утвержден сборник законов — Судебник 1550 г. «Целый комплекс запретов принимает знаменитый Стоглавый собор 1551 г., где многие вопросы 41-й главы касаются скоморохов: 16-й — запрещается “ходить перед свадьбою”; 19-й — необходимость принимать меры против больших скоморошьих ватаг, грабивших по дорогам; 23 и 24-й — запрещается участвовать в похоронных обрядах, в вечерних и ночных игрищах на Святках и “о Иванове дни”; там же запрещено переряживание, скоморошеские позорища и т. п.» (*Власова З. И.* Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 12). См. также изложение постановлений Собора против скоморохов в основном источнике Ремизова: *Афанасьев-воззрения I.* С. 342—343.

...слова псковского летописца: «Мужам и отрокам великое прельщение и падение, женам замужним беззаконное осквернение, девам растление». — Неточная цитата из Послания игумена Памфила псковским наместнику и властям 1505 г. Ср.: «Туже есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніе и паденіе <...> такоже и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе» (Там же. С. 444).

С. 370. *Алексей Михайлович* (Тишайший) — см. комм. к с. 20 наст. изд.

С. 370. *...и по указу царя, за подписью дьяков: Бормосова, Лихачева и Жеребилова — велено всех скоморохов согнать с Москвы.* — Имеется в виду «царская окружная грамота 1648 года; она требует, чтобы православные не призывали к себе скоморохов с домрами, сурнами, волынками и всякими играми, чтобы медведей не водили и никаких бесовских див не творили, и по ночам на улицах и полях, и во время свадеб песен не пели и не плясали и в ладони не били, и скоморошьи платья и личин на себя не накладывали» (*Афанасьев-воззрения I.* С. 344). Имена дьяков XVII в. Ремизов заимствовал из книги А. П. Барсукова, в которой упомянуты дьяки: Дмитрий Жеребилов (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственных актам. М., 2010. С. 107); Максим Лихачев (Там же. С. 248); Василий Бормосов (Там же. С. 258). Фамилии двух дьяков стали ремизовскими прозвищами соредакторов вышедшего в момент работы над книгой *ПД* альманаха «Орион» (Париж, 1947). «Жеребилов» — поэт, переводчик Владимир Алексеевич Смоленский (1901—1961). «Бормосов» — поэт, прозаик, художник Юрий Павлович Одарченко (1903—1960). См. использование прозвищ: Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / Вступ. ст., публ. и комм. А. М. Грачевой, подг. текста А. М. Грачевой и В. П. Полытковской // Наше наследие. 1995. № 33. С. 93—104.

Так и протопоп нас гнал, огненный ведьмедоубоец Аввакум. — Имеется в виду Аввакум Петров, протопоп (см. о нем комм. на с. 857 наст. изд.). Ремизов дает отсылку к эпизоду из «Жития протопопа Аввакума». Когда в село, где служил протопоп, пришли скоморохи с медведями, Аввакум «по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял — одного ушиб, и паки ожил, а другова о[т]пустил в поле» (Житие протопопа Аввакума. Иркутск, 1979. С. 25).

...или мир истребить или нас извести... — ремизовская травестия известного крылатого выражения — слов героя повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864): «Свету ли провалиться или мне чаю не пить?»

....я последний, последняя Русь! — см. комм. к «Россия в письменах. Том 1» на с. 769 наст. изд.

...Царский истопничий Александр Васильевич Борков... — Известен царский истопничий А. Ф. Борков. По прошению его и переяславца Тимофея Иванова Микулаева царю Алексею Михайловичу преподобному св. Лукиану Переяславскому в 1650 г. была дана грамота на место строительства пустыни (см.: *Романова А. А.* Повесть о основании Лукиановой пустыни и сказание о иконе Рождества Богоматери в Псковитиновой рамени // Словарь книжников и книжности

Древней Руси, XVII в. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4: Т—Я. Дополнения. С. 526).

Иван Иванович Шуйский-Пуговка (ок. 1566 — ок. 1638) — государственный и военный деятель. После возвращения из польского плена с 1620 г. управлял Московским судным приказом.

...быть бы мне под «словом и делом» и в Разряде ложись под огонь жечь. — «Слово и дело государево» — 1) порядок участия в политическом сыске в России XVII—XVIII вв.; 2) условное выражение, произнесение которого свидетельствовало о готовности дать показания (доклад, донос) о государственном преступлении. Быть под «словом и делом» — значит быть обвиненным в преступлении такого рода. *Разряд* — (Разрядный приказ) — государственное учреждение (орган военного управления) в Русском царстве XVI—XVII вв., ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными и восточными «украинными» (пограничными) городами.

Крыж (*польск.* krzyż) — крест.

Боровицкие ворота — ворота в Боровицкой (Предтеченской) башне Московского Кремля (XV в.).

С. 371. *Покровский монастырь, место упокоения занапрасно погибшим, утоплым и замерзшим... ~ где без креста моя мать лежит.* — Покровский монастырь основан в 1635 г. как мужской царем Михаилом Федоровичем. Ранее на месте, где был построен монастырь, располагалось кладбище странников и бездомных, поэтому в XVII—XVIII вв. монастырь называли Божедомским или монастырем на Убогих Домах. В 1929 г. монастырь был закрыт (возобновлен в 1995 г.). В 1934 г. на месте монастырского кладбища — крупнейшего монастырского некрополя Москвы — был разбит парк культуры и отдыха Ждановского района (ныне Таганский парк). В текст включено размышление Ремизова о вероятности печальной судьбы могилы его матери — Марии Александровны Ремизовой, в 1919 г. захороненной на кладбище Покровского монастыря.

Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682) — государственный деятель, «великого государя ближний боярин», руководитель русского правительства в конце царствования Алексея Михайловича, один из первых «западников». Стоял у истоков придворного театра.

...выписал из-за границы немца Ягана и с актерами. — См. приведенную в книге Плещеева цитату из царского указа: «1672 года <...> царь и великий князь Алексей Михайлович <...> указал иноземцу магистру Ягану Готфриду (Грегори) учинить комедию, а на комедии действовать из Библии “Книгу Есфирь”» (*Плещеев А.* Наш балет (1673—1899). С. 29).

А после разыгрывали комедию: «Комедия о Ассуре и Эсфири» и «Как Юдифь Олоферну отсекла голову» и еще: «Артасекс велел повесить

Амана по царицину челобитью и Мардахеину наученью». — Пьеса на библейский сюжет об Эсфири, спасшей еврейский народ от бесчинств Амана, получила название «Артасексово действо» и была представлена на Придворном театре 17 октября 1672 г.; пьеса «Юдифь» («Олоферново действо») — в феврале 1673 г.

С. 371. *...20 февраля 1675. На масленицу в первый раз ставили «Орфея»: «Орфей», что потом назовут «балет».* — Имеется в виду премьера в Придворном театре музыкального спектакля «Орфей» — обработки балета Генриха Шютца «Орфей и Эвридика» (1638). Режиссер — Георг Хюфнер (Юрий Михайлович Гивнер; ок. 1630—1691).

...дрыгаясь «калечиной-малечиной»... — «Калечина-Малечина» — русская народная игра, состоящая в следующем: Выбирают водящего. Все берут в руки по палочке и произносят условные слова о «калечине-малечине» (палочке). После этого ставят палочку вертикально на ладонь или на кончик пальцев. Пальцами другой руки «малечину-калечину» поддерживать нельзя. Водящий считает: «Раз, два, три... десять!» Когда палка падает, ее следует подхватить второй рукой, не допуская полного падения на землю. Счет ведется только до подхвата второй рукой, а не до падения на землю. Выигрывает тот, кто дольше продержит палочку. Палку можно держать на тыльной стороне ладони, на локте, на плече, на голове. Удерживая палку, приседают, встают на скамейку, идут или бегут к начерченной линии. На сюжете этой игры основана миниатюра Ремизова «Калечина-Малечина» из книги сказок «Посолонь» (1907).

С. 372. *Две движущиеся пирамиды. Между Орфей. Дылды актеры добросовестно исполняли pas de deux. Это были те самые немцы ~ После ~ под монотонный танец Орфея вышла на сцену вся труппа...* — См. в книге А. Плещеева: «По окончании куплетов исполнялось pas de trois Орфея и двух пирамид, а затем Орфей с прочими участвующими, блестяще разодетыми, выполнил несколько иностранных национальных танцев» (*Плещеев А.* Наш балет (1673—1899). С. 30). Ср. также в книге С. Лифаря: «Танцы определенно вошли в спектакль в следующем же 1673 году, когда шла пьеса об Орфее и Евридике. Мы не решаемся назвать эту пьесу балетом, несмотря на то, что она заключала в себе балетные номера: pas de trois Орфея и двух пирамид и иностранные национальные танцы, исполнявшиеся всеми участниками спектакля <...> Этот спектакль произвел, по-видимому, большое впечатление на царя» (*Лифарь С.* История русского балета: От XVII века до «Русского балета» Дягилева. С. 23—24). *Pa de deux* (фр.) — па-де-де — одна из основных музыкально-танцевальных форм в балете. Состоит из выхода двух танцовщиков (антре), адажио, вариаций сольного мужского и женского танцев и совместной виртуозной коды.

...напишут для нас, русских дураков, русскую грамматику, это наши учителя: Греч и Грот. — Николай Иванович Греч (1787—1867) — филолог, переводчик, журналист, издатель, редактор. Автор книги «Практическая грамматика русского языка» (1827). *Яков Карлович Грот* (1812—1893) — филолог, действительный статский советник, вице-президент С.-Петербургской АН (1889). Автор первого теоретически обоснованного свода правил русской орфографии. См.: «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873), «Русское правописание» (1889; 22-е изд.: 1916) и др.

«И ни один русский писатель не осмелится им противоречить, — я как читаю XIX век — и только в своем звании "дурака" буду в лицо спрягать для безобразия ~ "вы, просветители наши, образовавшие наш литературный язык, книжную речь, вы подняли руку на русский народ: ваша машинка-грамматика оболванила богатую природную русскую речь!"» — Отражение полемики Ремизова с «пушкинским направлением» русской литературы, опирающимся на нормативную грамматику и утверждение пропагандируемой им «теории русского лада». См. подробнее: *Чудакова М. О.* Поэтика Михаила Зощенко // *Чудакова М. О.* Избранные работы. М., 2001. Т. 1: Литература советского прошлого. С. 154—158; *Грачева А. М.* Собúнные друзья протопопа Аввакума... С. 353—362.

С. 373. *С.-ПЕТЕРБУРГ 1772* — основной источник текста главки — статья В. Рышкова «Перед рассветом театра» (Бирюч Петроградских Государственных театров. 1918. № 8. С. С. 41—46).

...с чудеснейшим Версалем-Петергоф. — Петергоф (от нем. Peterhof — двор Петра) — дворцово-парковый ансамбль, летняя резиденция российских императоров под Петербургом на южном побережье Финского залива. «Нижний парк» Петергофа создавался в 1714—1723 гг. (архитекторы Ж.-Б. Леблон, И. Фр. Браунштейн, Н. Микетти, Фр. Б. Растрелли, А. Н. Воронихин, А. И. Штакеншнейдер). Изначально ансамбль парка был спланирован Ж.-Б. Леблоном — учеником автора садов Версаля — А. Ленотра.

И не за горами, когда ~ французская литература — пример для подражания ~ проза Пушкина, Лев Толстой, проза Жуковского — думано по-французски и лада не русского. — Отражение полемики Ремизова с противниками его теории «русского лада». См. подробнее: *Лицо писателя.* С. 315—321.

...играют Корнеля, Расина, Мольера. — Перечислены три ведущих французских драматурга XVII в. *Пьер Корнель* (Pierre Corneille; 1606—1684), *Жан Батист Расин* (Jean-Baptiste Racine; 1639—1699) и *Мольер* (Molière; наст. имя Жан Батист Поклен, Jean-Baptiste Poquelin; 1622—1673).

С. 373. *Жан Батист Ланде* (Jean-Baptiste Landé; ?—1748) — французский танцовщик, балетмейстер, педагог. В 1730-х гг. приехал в Россию. Основоположник русского хореографического искусства.

...Тимошка Бубликов, Афонька Топорков, Андрюшка Нестеров ~ Аксинья Сергеева, Лизавета Зорина, Авдотья Тимофеева. — Перечень русских танцовщиков — точная цитата из статьи В. Рышкова «Перед рассветом театра»: «И вскоре выдвинулись русские таланты! До нас, к счастью, дошли имена этих первых танцовщиков и танцовщиц. Это были Тимошка Бубликов, Афонька Топорков, Андрюшка Нестеров, Аксинья Сергеева, Лизавета Зорина и Авдотья Тимофеева» (Бирюч Петроградских Государственных театров. 1918. № 8. С. 46). Ср. в книге А. Плещеева: «Отличался также Тимошка Бубликов <...> Афанасий Топорков и Андрей Нестеров, а солистками Аксинья Сергеева, Елизавета Зорина, Авдотья Тимофеева» (*Плещеев А.* Наш балет (1673—1899). С. 36). См. также в книге С. Лифаря: «Я. Штелин говорит категорически о 24 учениках: "Г. Ланде, вступая в придворную службу, письменно обязался обучать молодых людей танцевать балеты: <...> из девушек, его учениц, превосходно танцевали Аксинья Сергеева, Елизавета и Авдотья Тимофеевы, а из мальчиков, которым он даже показал правила сочинения балетов, — Афанасий Топорков и Андрей Нестеров"» (*Лифарь С.* История русского балета: От XVII века до «Русского балета» Дягилева. С. 29).

Сволочь (*устар.*) — люди низкого звания.

Елизавета Петровна (1709—1761) — русская императрица (1741—1761) из династии Романовых.

Великий льстец Ланде ~ «Нигде ~ не танцуют менуэт с такой грацией, как при дворе Елизаветы». — Ср. в книге А. Плещеева: «Бальные танцы были в большой моде у нас во времена Елизаветы Петровны, которая сама танцевала превосходно менуэт. <...> Успеху танцев способствовал танцмейстер, а впоследствии балетмейстер Ланде. <...> Ланде, француз, который говаривал: "Кто хочет видеть как правильно, нежно и непринужденно менуэты танцевать надобно, должен приехать к Императорскому Российскому двору"» (*Плещеев А.* Наш балет (1673—1899). С. 33, 35).

С. 373—374. *В 1790 году, Карамзин, насмотревшись в Лионе и Париже, открывает для России ~ воздушного Вестриса. — Мари Жан Огюст Вестрис* (Marie Jean Augustin Vestris; 1760—1842) — французский хореограф и танцовщик. Во время пребывания во Франции в 1790 г. Н. М. Карамзин видел триумф Вестриса в Лионе: «Вестрис, первый парижский танцовщик, в последний раз обещал веселить лионскую публику легкостию своих ног. <...> Вестрис в пастушьем платье прыгал, как резвая коза. Музыка снова заиграла — все театральные герои рассыпались — занавес поднялся — начался балет — Вестрис показал-

ся — рукоплескания, как гром, раздались во всех концах театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидит у него в ногах, вопреки всем теориям испытателей естества человеческого, которые ищут ее в мозговых фибрах. Какая фигура! Какая гибкость! Какое равновесие! Никогда не думал я, чтобы танцовщик мог доставить мне столько удовольствия! Таким образом, всякое искусство, подходящее к совершенству, приятно душе нашей! — Плеск восхищенных французов заглушал музыку. В положении страстного любовника, которого душа в томных вздохах сливается с душою любовницы, сокрылся Вестрис от глаз зрителей, поцеловал свою пастушку и бросился отдыхать на лавку. Играли еще комедию в один акт, самую пустую. Начался новый балет — Вестрис снова показался и снова гремела хвала при каждом движении ног его» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 195—196. (Лит. памятники)). В период создания книги *ПД* С. Лифарь работал над книгой о Вестрисе. См.: *Lifar Serge.* Auguste Vestris «Le dieu de la danse». Les éditions Nagel. Paris, 1950. 251 p.

С. 374. *«Бедная Лиза»* (1792) — повесть Н. М. Карамзина.

Первый русский историограф, зачаровавший русское ухо, несвойственными русскому, немецкими периодами... — Имеется в виду роль Карамзина в формировании русского литературного языка. Также в тексте отражена ремизовская полемика с «пушкинским направлением» в защиту теории «русского лада». См.: «Русскую “изящную” прозу начинает Карамзин “Записками путешественника”. “Новый слог” Карамзина — “просторечие” образованного общества, читавшего в подлиннике Стерна, Шиллера, Гете. Карамзин, вводя иностранные слова в русское, употреблял с оглядкой русские “подлые”» (*Лицо писателя.* С. 319).

«Денди» (*англ.* dandy) — щеголь, франт.

«Лев» (*англ.* lion) — светский человек, щеголь.

Марлинский, Нарежный и Измайлов говорят, как о хорошем тоне «большого света»... — *Марлинский* (наст. имя Александр Александрович Бестужев; 1797—1837) — писатель, критик, публицист. *Василий Трофимович Нарежный* (1780—1825) — писатель. *Александр Ефимович Измайлов* (1779—1831) — баснописец, издатель, публицист.

В 1808 г. Дюпор ~ танцует в Петербурге. Восторг и удивление: в три прыжка он перелетел сцену Большого Театра, а в антраша и пируэтах взлетает, как мяч. Серебряная куртка. ~ Летучий Дюпор заворожил Петербург. — *Луи Антуан Дюпор* (Louis-Antoine Duport; 1786—1853) — французский солист балета, балетмейстер, педагог. *Большой театр* был открыт в Москве в 1776 г. С 1805 по 1812 г. располагался в деревянном здании, сгоревшем во время московского пожара 1812 г.

Ср. в книге С. Лифаря: «Летом 1808 года <...> приехал из Парижа “летучий” Дюпор <...> Дюпор дебютировал 21 августа 1808 года в дивертисменте после оперы “Севильский Цирюльник” и, как свидетельствует Н. Арапов, “произвел восторг и удивление: он был небольшого роста, очень строен, имел приятную, оживленную физиономию и весьма был грациозен; в три прыжка перелетел он сцену Большого театра и отделялся от нее в своих антраша и пируэтах вверх, как эластический мячик”» (*Лифарь С.* История русского балета: От XVII века до «Русского балета» Дягилева. С. 69—70).

С. 374. *Антраша* — балетный прыжок, при котором танцующий ударяет несколько раз ногу об ногу.

Пируэт — в балете полный круговой поворот всем телом на носке одной ноги.

..Дюпор ~ увековечен Львом Толстым в «Войне и мире». — В романе дано негативное описание балетного спектакля и выступления Дюпора: «В оркестре заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и семенить ногами. (Мужчина этот был Duport, получавший шестьдесят тысяч рублей серебром за это искусство)» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1980. Т. V. С. 342).

Я ~ задумал однажды полетать, залез на шкап — и переломил себе нос. С чайником-носом ~ доживаю мои годы в ~ Париже... — Отражение воспоминания о детской травме, навсегда изменившей внешность Ремизова. См. подробнее в книге «Подстриженными глазами»: «Мое пробуждение вышло из крови, больно. Затеяв какую-то игру (или это только так говорится: “игра”, а вернее, что кто-то взял меня за руку и повел), я влез на комод и с комода упал носом на железную игрушечную печку. <...> В этот первый мой “сознательный” день, когда я, свернувшись, как Наумка, лежал с переломанным носом и разорванной губой, а около кровати на верблюжьей лысинке кот, неотлучный, тщательно гладил себе лапкой мордочку, водя из-за уха к усам — “замывал гостей”, и, должно быть, я заснул, и вдруг появилась кормилица, в руках веник: зеленые стручки; и она подошла к моей кровати, положила мне в кровать этот веник, — и зеленые свежие листья закрыли меня с головой; мне почуялось, будто погрузился я, как в воду, в душистый зеленый воздух, и издалека, как со дна, а ясно, как на ухо, я услышал свое неповторимое ласкательное имя и открыл глаза» (*Иверень-РК VIII.* С. 25—26). «Нос чайником» — определение, данное Ремизову Н. Кодрянской (см.: *Кодрянская 1959.* С. 12).

«Прошло два лета. Также бродят / Цыганы шумною толпой ~ и покой». — Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

С. 375. *Федор Иванович Шаляпин* (1873—1938) — оперный и камерный певец (высокий бас). С 1927 г. в эмиграции.

Пабло Диего Хосе Франсиско де Паула Хуан Непомусено Мария де лос Ремедиос Сиприано де ла Сантисима Тринидад Мартир Патрисио Руис и Пикассо (Pablo Diego José Francisco de Paula Juan Nepomuceno María de los Remedios Cipriano de la Santísima Trinidad Mártir Patricio Ruiz y Picasso; 1881–1973) – испанский художник, скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер. Как художник-декоратор участвовал в постановке балета «Парад» (1917; сценография Жана Кокто, музыка Эрика Сати), а также балета «Треуголка» Мануэля де Фальи (1919) для «Русского балета» С. Дягилева. Пикассо был другом С. Лифаря.

Август Бурнонвиль (August Bournonville; 1805–1879) – датский балетмейстер, педагог, создатель системы хореографического обучения.

Альбер (Albert; наст. имя Франсуа-Фердинан Декомб, François-Ferdinand Decombe; 1789–1865) – французский балетный деятель, танцор и создатель танцев.

Антуан Поль (г-н Антуан) (Antoine Paul; 1798–1871) – танцовщик и педагог, ведущий солист Парижской Оперы с 1813 по 1831 г., последний виртуоз балетного преромантизма.

Жюль Жозеф Перро (Jules-Joseph Perrot; 1810–1892) – см. комм. к с. 365.

Изображая в «Войне и мире» Дюпора, знал ли сам Толстой и уж никак ни его Наташа Ростова, ни Элен, ни Анатоль, что без чар Дюпора ничего бы не случилось, и встреча Наташи с Анатолем не имела бы никаких последствий... – Имеется в виду произошедшее в антракте представления знакомство Наташи Ростовой с Анатолем Курагиным. Находящаяся под впечатлением легкого спектакля девушка влюбляется в светского «льва», что в дальнейшем приводит к разрыву ее помолвки с Андреем Болконским (см.: *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1980. Т. V. С. 344–345).

...как после «Икара» – этой соловьиной песни Лифаря – энтузиазм в Опере был так велик... – *«Икар»* (Парижская Опера́, 1935) – балет (композитор А. Оннегер, художник П. Ларт, сценограф и балетмейстер С. Лифарь).

Марид – мифологический персонаж древнееврейских и арабских преданий, бесполый и бесплотный дух, который мог быть как добрым, так и злым. Представал в виде летучего эфирного вещества или в виде человека в белой одежде, из ноздрей и рта которого исходил огонь.

С. 376. *Русалия* – жанром «Русальные действа» Ремизов называл свои драматические произведения (см.: *Шиповник 8*). См. определение Ремизова в книге «Крашенные рыла́»: «Что такое *русалия* и откуда пошла она? Русалиями в нашу седую старину, языческую, назывались религиозные обряды, приуроченные к срокам посоленным. <...>

С водворением же на Руси христианства <...> обряд русальный превратился в мирское игрище-гульбище в первую голову. И стала русалия плясовым музыкальным действом, а разыгрывалась она "людьми веселыми" — скоморохами» (*Русалия-Росток. XII.* С. 618). Также см. комм. к книге «Подстриженными глазами» (*Иверень-РК VIII.* С. 547).

С. 376. *Кикимора* — персонаж русской народной мифологии. Предстает в облике женщины, жены домового, по происхождению проклятой родителями, родившейся от женщины и змея, или в облике девушки, которая на этом свете умерла в младенчестве некрещеной.

Алазион — имя главного персонажа древнерусской легенды «О бѣсовском князѣ Лазіонѣ» (*ПСРЛ I.* С. 207—208). См. комм. к с. 361 и 366 наст. изд. См. также ремизовский апокриф «Едина ночь» (1913): *Лимонарь-РК VI.* С. 65—72. В игровом пространстве Ремизова периода 1910-х гг. это имя носил М. И. Терещенко.

Алазион, по словам Нифонта... — В своем толковании театральной природы русалии и ее бесовского водителя Ремизов опирается на древнерусский текст «О бѣсовском князѣ Лазіонѣ» (см. предыдущий комм.) и на анализ А. Н. Веселовским древнерусского памятника «Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского и других иератических лиц» (XII в.), написанного архиепископом новгородским Нифонтом (?—1156), в труде: *Веселовский.* Разд. I—XXIV. Ученый рассматривал древнерусский текст в контексте развития театральных действ на Руси (см.: *Веселовский.* Разд. XIV. С. 279—286).

...«нахмурит ~ Бог знает куда». — Цитата из повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы» (1830) (*Гоголь Н. В.* Собр. худож. произв. В 5 т. М., 1960. Т. 1. С. 61).

«Отец Афанасий ~ рода». — Неточная цитата из повести «Вечер накануне Ивана Купалы» (Там же. С. 61—62).

Он — в старообрядческой традиции иносказательное наименование антихриста.

С. 377. *«Алалей и Лейла»* — запланированный к созданию балет, в котором должны были быть: музыка А. К. Лядова, либретто А. М. Ремизова, хореография М. М. Фокина. В реальности были созданы только либретто (впервые опубл.: *Ремизов А.* Русалия. Берлин, 1922; см. также: *Русалия-Росток* XII. С. 219—242) и музыкальные произведения А. К. Лядова, тематически связанные с образами будущего балета: «"Кикимора". Народное сказание для оркестра» (Соч. 1909, изд. 1910) и «"Волшебное озеро". Сказочная картинка для оркестра» (Изд. 1909). Для композитора, страдавшего тяжелым сердечным заболеванием, «основная творческая работа последних лет связана была с балетом "Алалей и Лейла" и "метерлинковской" сюитой, а также с новым симфоническим замыслом на сюжет "Купальской ночи" А. Ремизова» (*Михайлова М. А.* К. Лядов: Очерк жизни и творчества. 2-е изд. Л., 1985.

С. 119). См. также: *Мейерхольд В. Э.* Заметка о предполагаемой постановке на сцене императорских театров балета («русалии») «Лейла» (либретто А. М. Ремизова, музыка А. К. Лядова) <1910?>: «А. М. Ремизов написал либретто для балета, названного им “Лейла”. Либретто “русалии”, нового типа балета, А. М. Ремизов писал, пользуясь указаниями, касающимися сценария, со стороны А. Я. Головина и В. Э. Мейерхольда. Музыку пишет А. К. Лядов. Либретто уже читалось Директору Императорских театров. Осенью А. К. Лядов обещает представить музыку в законченном виде. “Лейлу” будет ставить М. М. Фокин» (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 420. Л. 1). В архиве Мейерхольда сохранилась написанная им и датированная октябрем 1910 г. «“Лейла”. Схема либретто балета А. К. Лядова на сюжет А. М. Ремизова» (Там же. Ед. хр. 757. — Опубл.: Мейерхольд и другие. М., 2000. С. 139—154).

Куринас — персонаж из сказки Ремизова «Аленушка»: «Я подал ей лягушку, слона, медведя, белку, куринаса — остроносого зверя серого с короткими лапками» (*Оказион-РК II.* С.126).

...музыкант идет под руку с Алазионом ~ Коловертыш. — В тексте приведены ремизовские прозвища участников планировавшегося спектакля: Терещенко — «Алазион»; Лядов — «Кикимора»; Ремизов — «Куринас»; Мейерхольд — «Гад»; Головин — «Дад»; Фокин — «Коловертыш». Семантика прозвищ построена на соединении символики и описаний внешнего вида мифологических существ и чудищ из книги сказок Ремизова «Посолонь» с символическим осмыслением внешности и рода деятельности реальных людей, а также их взаимоотношений с Ремизовым. Эти прозвища неоднократно использовались для обозначения данных лиц в текстах и личной переписке Ремизова. См. также в книге Кодрянской: «У Ремизова был особый дар — давать на редкость меткие прозвища. Даже все его “шкурки”, кофты, душегрейки имели каждая свое прозвище» (*Кодрянская 1959.* С. 102). В Мариинском театре В. Э. Мейерхольд поставил в декорациях А. Я. Головина и в соавторстве с М. М. Фокиным оперу Глюка «Орфей и Эвридика» (1911) и балет «Арагонская хота» на музыку Глинки (1916).

Буроба — персонаж книги Ремизова «Посолонь». См. также комм. на с. 825 наст. изд.

Константин Николаевич Лядов (1820—1871) — дирижер и скрипач, отец композитора А. К. Лядова.

Николай Филиппович Павлов (1803—1864) — прозаик, драматург, критик.

Граф *Владимир Александрович Соллогуб* (1813—1882) — прозаик, драматург, поэт, мемуарист, либреттист.

Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) — поэт, литературный и театральный критик, мемуарист.

С. 377. *...наши тайные собрания на Дворцовой набережной у Терещенки и на Подьяческой у Головина не скрылись от любопытных глаз...* — Адрес М. Терещенко: Английская наб., д. 34. О встречах Ремизова, Блока и Терещенко по поводу балетных либретто см. письма Блока и Ремизова 1912 г. (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 102—103). См. также письмо А. Я. Головина Ремизову от 4 апреля 1911 г.: «Мейерхольд говорил с Лядовым, и он в восторге, что есть сюжет. Лядов свободен только от 1 до 4-х в среду, и я предлагаю завтракать у меня в 1 дня, но Вам, кажется, можно кушать только в 3, то к этому времени Вам подадут обед и мы покойно побеседуем» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1 об.—2).

С. 378. *...Блок был привлечен в свиту Алазиона под именем Марун...* — Речь идет о работе Блока над либретто балета, которое затем трансформировалось в драму «Роза и крест» (1913). *Марун* — персонаж книги «Посолонь».

Мастерская А. Я. Головина ~ завалена чудищами... — См. поздние воспоминания Ремизова: «“Игрушки появились у меня с «Посолони». Московский психиатр доктор Певзнер затеял «Посолонью» вернуть душевный покой у одной здравомыслящей, впавшей в «изумление ума»: на нее нападала тоска, перед ней копошились и мучили ее чудища. По предписанию доктора она должна была сделать куклы упоминаемых в Посолони сверхъестественных существ. За несколько месяцев увлекательной работы образы Посолони обернулись в чудища-куклы. С игрушек была сделана копия, и со стены перед моим столом глянул — весь мир «Посолони». Я спросил психиатра о причине болезни. Доктор ответил — на эротической почве. И я подумал: в моей Посолони заключены семена жизни”. / Когда затеяли балет для Мариинского театра на ремизовский посолонный сценарий “Алалей и Лейла”, Ремизов отдал игрушки художнику А. Я. Головину для вдохновения» (*Кодрянская 1959.* С. 119—120). О периоде нахождения игрушек у Ремизова см. его шуточное письмо В. А. Пясту от 20 мая 1906 г.: «Игрушки мои поехали на дачу. Разложил их по коробкам, моли боюсь, травки сушеной положил к ним, пускай себе на воле поживут, а осенью раскрою коробки и их выпущу по столу походить» (РГАЛИ. Ф. 405. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2). *Анна Алексеевна Рачинская* (1855—1916) — сестра знакомого Ремизова, религиозного публициста, редактора и переводчика Г. А. Рачинского, владелица имения Бобровка. Во время посещения имения Ремизов работал с документами семейного архива Рачинских, в дальнейшем ставшего одним из основных источников книги «Россия в письменах».

...в царский день... — день коронования, а также дни именин царя и царицы, объявлявшиеся праздничными.

Доремидошка, Крикса-Варакса, Ховала, Коща, Буроба, Чучела-чумичела — персонажи сказок из книги Ремизова «Посолонь».

С. 379. *...стояли ~ в Ново-Девичьем монастыре — за гробом...* — А. К. Лядов был похоронен в Петербурге на кладбище при Воскресенском Новодевичьем женском монастыре (Забалканский <ныне Московский> пр., 100), где похоронены многие деятели культуры, в частности, Н. А. Некрасов. В 1937 г. его прах был перенесен в «Некрополь мастеров искусств» при Александро-Невской лавре. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Тургенев похоронены в северо-восточной части Волковского православного кладбища (Расстанная ул., 30), в некрополе, называемом «Литераторские мостки».

...читала за обедней Апостол... — Апостол — богослужебная книга, содержащая в себе Деяния Апостолов и их Послания.

Нарвские триумфальные ворота — памятник архитектуры в Петербурге, построен в 1827—1834 гг. в память о героях Отечественной войны 1812 г. Архитектор — В. П. Стасов, скульпторы — С. С. Пименов, В. И. Демут-Малиновский. Ворота расположены на площади Стачек (до 1923 г. — Нарвская площадь).

«Бесприданница» (1879) — пьеса А. Н. Островского. Роль главной героини — Ларисы Огудаловой — была одной из коронных в репертуаре актрисы Веры Федоровны Коммиссаржевской (1864—1910).

С. 380. *Дмитрий Сергеевич Мережковский* (1866—1941) — прозаик, поэт, драматург, критик, переводчик, религиозный философ.

...ясно было, что современный театр не театр и что реализм — разрушение театра. — Ср. в статье Ремизова «Театр Студия» (1905): «Реализм — то новое, что дал театру Станиславский, — провалился. Реалистическая постановка пьес распалась в житейские нетипичные мелочи, которые заслонили собой, завалили своей тяжестью суть, душу пьесы, ее художественную правду» (Наша жизнь. 1905. 22 сент. № 278. С. 3).

«Балаганчик» (1906) — драма А. А. Блока. Премьера состоялась 30 декабря 1906 г. в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской (режиссер — Вс. Э. Мейерхольд).

«Бесовское действо» (1907) — пьеса А. М. Ремизова. Об истории создания и постановки см. подробнее: *Русалия-Росток XII.* С. 728—774.

Я читал Коммиссаржевской «Иуду». В пьесе есть роль: «Ункрада»... — Речь идет о пьесе Ремизова «Трагедия о Иуде принце Искариотском» (1908). См. авторское изложение ее творческой истории: «...принята была к постановке театром В. Ф. Коммиссаржевской († 10.11.1910 г.). Эскизы декораций написаны академиком Н. К. Рерихом. <...> Трагедия о Иуде под названием “Проклятый принц” — имя Иуды, как имя Пилата, попало в разряд нецензурных! — поставлена была 14 окт. 1916 г. в Москве в Студии Ф. Ф. Коммиссаржевского Ф. Ф. Коммиссаржевским и А. П. Зоновым. Прошла пьеса 16 раз

в Москве и один раз в Харькове» (*Ремизов А.* Трагедия о Иуде принце Искариотском. Пб., 1919. С. 57). Главная женская роль в трагедии — Ункрады, племянницы царя Искариотского. Об истории создания и постановки пьесы см. подробнее: *Русалия-Росток XII.* С. 775—819.

С. 380. *Плач Адама на проклятой Богом земле...* — Имеется в виду памятник древнерусской переводной литературы, пришедший на Русь в XIV в., — «Плач Адама о рае» — часть ветхозаветного апокрифического цикла «Слово о Адаме от начала и до конца и како изгнан бысть из рая».

Мейерхольд заворачивал голову наукой ~ «Наука» довела до слез, тут и произошел разрыв с Мейерхольдом. — В сезон 1906/07 г. Мейерхольд был режиссером Театра Коммиссаржевской, в котором развивал практику условного театра. Его конфликт с актрисой произошел на почве неприятия ею основополагающего принципа символистского театра — подчинения актера доминирующей воле режиссера. После премьеры спектакля по пьесе Ф. Сологуба «Победа смерти», 8 ноября 1907 г., Коммиссаржевская написала Мейерхольду письмо, в котором сообщала о разрыве с ним в связи с разными воззрениями на природу театра и которое было зачитано труппе (см.: *Рыбакова Ю.* Коммиссаржевская. Л., 1971. С. 167—168).

Ариадна Владимировна Тыркова (в замужестве Вильямс; 1869—1962) — писатель, критик, общественный деятель.

Перед погибельным Самаркандом... — В конце 1909 г. Коммиссаржевская с труппой отправилась на гастроли в южные города России, на Кавказ и в Среднюю Азию. В Самарканде она заразилась оспой и умерла в Ташкенте 10 февраля 1910 г.

...о создании Театральной школы... — В 1909 г. Коммиссаржевская задумала создать Театральную школу. См. воспоминания Андрея Белого: «...опыт свой и все силы стремлений решила она посвятить воспитанию нового человека — актера; перед ней носилась картина огромного учреждения, чуть ли не детского сада, переходящего в школу и даже в театральный университет» (РГБ. Ф. 375. Карт. 5. Ед. хр. 33).

С. 381. *Гликерия Николаевна Федотова* (в девичестве Позднякова; 1846—1925) — актриса Малого театра, заслуженная артистка Императорских театров, народная артистка Республики (1924), Герой Труда (1924).

Мария Николаевна Ермолова (в замужестве Шубинская; 1853—1928) — актриса Малого театра, заслуженная артистка Императорских театров (1902). Первая народная артистка Республики (1920), Герой Труда (1924).

Полина Антипьевна Стрепетова (в замужестве Писарева; 1850—1903) — актриса. В 1881—1890 гг. — одна из ведущих актрис Александринского театра.

«Горькая судьбина» (1859) — драма А. Ф. Писемского.

«Макбет» (1606) — трагедия В. Шекспира.

«Мария Стюарт» (1801) — трагедия Ф. Шиллера.

...на похоронах отца... — Об М. А. Ремизове см. комм. к книге «Подстриженными глазами» (*Иверень-РК* VIII. С. 559).

Василий Васильевич Розанов (1856—1919) — религиозный философ, публицист, литературный критик.

Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) — поэт, переводчик, драматург, литературный критик, филолог.

Максим Горький (наст. имя Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) — прозаик, драматург, публицист, общественный деятель.

...входил ~ Блок медленно и трепетно лунным лучом. — «Лунный» — постоянный символический эпитет, сопровождающий изображение Блока в текстах Ремизова. В художественном мировосприятии писателя символика образа Блока как поэта «Прекрасной Дамы» восходит к образности книги В. В. Розанова «Люди лунного света». В ней Розанов раскрыл понимание древних об Астарте как «о божестве *лунных свойств,* о божестве *лунного характера,* вот этого *не рождающего и светящего,* грустного, манящего, нежного, *влюбляющего в себя* и как бы *ласкающего влюбленных* <...> до сближения. <...> Луна — вечное “обещание”, греза, <...>: что-то совершенно *противоположное действительному* и — очень *спиритуалистическое»* (*Розанов В. В.* Люди лунного света // [Соч.: В 2 т.]. М., 1990. Т. 2: Уединенное. С. 14—15). Ср. также название главы о Блоке в книге воспоминаний З. Н. Гиппиус — «Мой лунный друг. О Блоке» (1922). Вырезка публикации воспоминаний Гиппиус сохранилась в архиве А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло (Amherst).

С. 382. *...красная лента на память (хранится в Пушкинском доме).* — Не сохранилась.

«Строитель Сольнес» (1892) — драма Г. Ибсена.

«Зимы там долги и темны — белый снег...» — Цитата из монолога Ункрады в «Трагедии об Иуде принце Искариотском» (д. 1, сц. 3).

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик.

Михаил Алексеевич Кузмин (1872—1936) — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик, композитор.

Федор Сологуб (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) — поэт, прозаик, драматург.

Баю-бай, медведевы детки... — Цитата из ремизовской «Медвежьей колыбельной песни» («Посолонь»).

С. 383. *Аркадий Павлович Зонов* (1875—1922) — актер, театральный режиссер.

С. 383. *«Радуйся благодатная».* — Приветствие Архангела Гавриила Деве Марии (Благовещение) (Лк 1: 28).

Послушный самокей — точный цитатный источник названия не установлен. Постоянный эпитет «послушный» — рефрен цитируемого в тексте Ремизова стихотворения М. Кузмина «Если мне скажут: “ты должен идти на мученье”...» из стихотворного цикла «Александрийские песни» (1906). Ср. также название рассказа М. Кузмина «Послушный подпасок» (1912—1913).

Антиной (ок. 111—130) — греческий юноша, фаворит римского императора Адриана, обожествленный после смерти. Его имя стало символом совершенной красоты.

...«тихим стражем»... — аллюзия на название романа М. Кузмина «Тихий страж» (1916).

Антифон — поочередное (диалогическое) пение солиста и хора или двух частей хора, как бы отвечающих одна другой.

С. 383—384. *«О, дороги, обсаженные березами, осенние, ясные дали ~ ни нежно поговорить с моей Луизой, которая к тому же жаловалась всю дорогу на головную боль».* — Цитата из повести М. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» (1906).

С. 384. *...шляпа с лентой «умирающего Адониса»...* — неточная цитата из повести «Приключения Эме Лебефа».

...в одной руке левкой... — Ср. в стихотворении М. Кузмина «Разговор» (1907): «Маркиз гуляет с другом в цветнике / У каждого левкой в руке».

...«акакия» (земля), символ смирения базилевсов... — Базилевс (др.-греч. βασιλεύς) — титул византийского императора. Одной из принадлежностей императорского облачения был мешочек с прахом («акакия»), который базилевс носил в руке в напоминание о бренности всего земного.

«Если мне скажут: ~ Я не поверю запрету и вымолвлю: “нет”». — Полностью процитировано стихотворение М. Кузмина «Если мне скажут...» (1908).

Таким я вижу Кузмина и в «Сове» (Бродячей собаке), веселом ночном подвале «Плавающих и путешествующих»... — Имеется в виду изображение петербургского литературно-артистического кабаре «Бродячая собака» (1912—1915), открытого при активном участии Кузмина и изображенного под именем «Сова» в его романе «Плавающие и путешествующие» (1915).

Таврический Народный Театр — Народный театр, открытый в Таврическом саду Петербурга в 1898 г.

С. 385. *Николай Степанович Гумилев* (1886—1921) — поэт, переводчик, литературный критик.

С. К. Маковский — одним словом «Аполлон»... — Сергей Константинович Маковский (1877—1962) — художественный критик, поэт, мемуарист. В 1909—1917 гг. был основателем и главным редактором журнала «Аполлон».

...Андрей Белый ~ гласолалия... — Отсылка к названию книги: *Белый Андрей.* Глоссалолия. Берлин, 1922. На обложке и титульном листе книги слово-название воспроизведено неверно. Правильно: «Глоссолалия». Зд.: «гласолалия» — литературная «игра» Ремизова.

Начитанность Кузмина в русской старине не заронила ни малейшего сомнения в незыблемости русской книжной речи: Карамзин и Пушкин. — Отсылка к программной статье М. Кузмина «О прекрасной ясности. Заметки о прозе» (1910), ставшей манифестом «кларизма» — «аполлонической» концепции искусства, утверждения «пушкинского направления» развития русской литературы, противостоящего утверждаемой Ремизовым с начала 1910-х гг. «теории русского лада» — продолжения «гоголевского направления». О начале противостояния Ремизова эстетическим принципам М. Кузмина и круга авторов журнала «Аполлон» см.: *Зга-Росток XI.* С. 612—619.

«...средь шумного бала...» — Цитата из стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно...» (1851).

«Нежный Иосиф» (1908—1909) — повесть М. Кузмина.

С. 386. *«Подвиги великого Александра»* (1906) — произведение М. Кузмина. Приведена точная цитата.

Прекрасная ясность по Гроту и Анри де Ренье. — Продолжение полемики Ремизова с противниками «теории русского лада». *Анри Франсуа Жозеф де Ренье* (Henri-François-Joseph de Régnier; 1864—1936) — французский поэт и писатель, член Французской академии (1911). Творчество А. де Ренье, продолжавшего традиции французской школы «парнассцев» и символистов, пропагандировалось кругом авторов журнала «Аполлон».

«Рассказы о маркизе д'Антеркер» — цикл новелл Анри де Ренье. В переводе М. Волошина опубл.: Аполлон. 1910. № 6. Приведена точная цитата.

«Шестерка» — название слуги в трактире, ресторане и т. п.

«Тихий страж» (1916) — см. комм. к с. 383.

«causerie» (фр.) — непринужденный разговор.

«Ракета! Рассыпалась розой, роем разноцветных родинок, рождая радостный рев ротозеев» — цитата из повести М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзама, графа Калиостро» (1916).

Старообрядки ~ Марья Дмитриевна и Устинья... — Марья — героиня романа М. Кузмина «Крылья» (1906); Устинья — героиня романа «Тихий страж».

С. 386—387. *«Цветы ~ соединений».* — Цитата из повести М. Кузмина «Крылья» (1906).

С. 387. *...manuels érotiques* (*фр.*) — пособия по сексу.

Пьер Луис (Пьер Луи, Pierre Louÿs; 1870—1925) — французский писатель. Для его произведений были характерны темы эротики и однополой (лесбийской) любви.

Анатоль Франс (Anatole France; наст. имя Франсуа Анатоль Тибо, François-Anatole Thibault; 1844—1924) — французский писатель и литературный критик. Член Французской академии (1896). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1921).

...от песен Билитис... — Имеется в виду сборник «Песни Билитис» (1894) — мистификация французского писателя Пьера Луи (Луиса), выдавшего свою книгу за перевод текстов вымышленной гетеры и поэтессы Билитис, жившей в VI в. до н. э. Ремизов отметил подражательность «Александрийских песен» «Песням Билитис».

«Имея душу спокойной ~ Молосса». — Цитата из «Повести о Елевсипе» (1907) М. Кузмина.

...Блок написал рецензию... — Рецензия А. Блока на «Зеленый сборник» (СПб.; Щелканово, 1905) — опубликована: Вопросы жизни. 1905. № 7 (см.: *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 586—587).

Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт, переводчик, историк литературы. Ремизовское прозвище — «Слон Слонович».

Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт, критик, мемуарист. С 1922 г. в эмиграции.

Модест Людвигович Гофман (1887—1959) — поэт, филолог. С 1922 г. в эмиграции.

С. 388. Барон *Антон Антонович Дельвиг* (1798—1831) — поэт, издатель.

Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874—1934) — революционер, советский партийный деятель, председатель Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ, 1926—1934). В молодости писал прозу и был близок к литературной среде Серебряного века.

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926) — революционер, советский политический деятель, в 1917 г. — организатор и руководитель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК; в 1922 г. преобразована в ГПУ); в 1922—1923 гг. — председатель Главного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР, с сентября 1923 г. — председатель ОГПУ при СНК СССР.

Вальтер Федорович Нувель (1871—1949) — деятель художественного общества «Мир искусства», организатор музыкальных вечеров и других предприятий объединения. После 1917 г. — в эмиграции.

Альфред Павлович Нурок (1860–1919) – один из основателей музыкального кружка «Вечера современной музыки», связанного с объединением «Мир искусства».

Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875–1925) – музыкальный критик, композитор.

Иван Иванович Крыжановский (1867–1924) – физиолог, композитор, музыковед.

Гнесины – известная семья российских музыкантов – сестры: Евгения Фабиановна (в замужестве Савина; 1871–1940), Елена Фабиановна (1874–1967), Мария Фабиановна (1876–1918), Елизавета Фабиановна (в замужестве Витачек; 1879–1953), Ольга Фабиановна (в замужестве Александрова; 1881–1963). Их брат – композитор Михаил Фабианович Гнесин (1883–1957).

Владимир Алексеевич Сенилов (1875–1918) – композитор. Автор музыки к пьесе Ремизова «Действо о Георгии Храбром».

Александр Степанович Рославлев (1883–1920) – писатель.

...повеяло ~ Рогожской... – Имеется в виду район в Москве за Рогожской заставой, где был центр старообрядцев-филипповцев, находились Рогожское старообрядческое кладбище, церкви и дома старообрядцев.

У Вячеслава Иванова на Таврической «Башне»... – Речь идет о «средах» Вяч. Иванова (1905–1907), еженедельных собраниях представителей художественной, научной и политической элиты на квартире поэта и его жены – Л. Д. Зиновьевой-Аннибал – на «Башне» – верхнем этаже доходного дома № 25 по Таврической ул.

...слушал, как и все петербургские «аполлоны»: – снисходительно. – См. комм. к с. 385 наст. изд. См. также: *Петербургский буерак-РК X*. С. 471–472.

С. 389. *«Муаллякат»* – записанные на свитках тексты семи избранных арабских поэм доисламского периода – «семи од» («Аль-Муаллякат ас-саба», что в переводе означает: семь стихов, прикрепленных на стены Каабы). См. также запись в рабочей тетради Ремизова: «“Муаллякат” в Мекке, в воздухе повешенные свитки вокруг черного камня» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2). Сведения о «Муяллякате» Ремизов получил от своего друга – ученого-востоковеда В. П. Никитина (1885–1960). См. также одноименное название введения к создававшейся в то же время книге Ремизова «Мышкина дудочка» (*Ремизов А. М.* Мышкина дудочка // *Петербургский буерак. РК-X*. С. 5–8).

...в моем русском советском паспорте... – Ремизов получил советский паспорт в 1947 г. См. воспоминания Н. В. Резниковой: «После конца войны А. М. взял советский паспорт. Как в тот год многие русские» (*Резникова Н. В.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 57).

С. 389. *«Когда мне говорят Александрия...»* — Цитата из стихотворения М. Кузмина «Когда мне говорят Александрия...», цикл «Александрийские песни» (Разд. I. Вступление. № 1).

В расцвете «кларизма» в «Аполлоне», а на другом конце литературной улицы «дубоножия»... — Оценка Ремизовым литературной ситуации 1910 г. С одной стороны, отсылка к термину «кларизм», введенному М. Кузминым в статье «О прекрасной ясности. Заметки о прозе» (впервые опубл.: Аполлон. 1910. № 4. С. 5—10) как определение пути современного искусства: «Любимому же другу на ухо сказал бы: “Если вы совестливый художник, молитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился, или покуда сдерживайте его ясной формой: в рассказе пусть рассказывается, в драме пусть действуют, лирику сохраните для стихов, любите слово, как Флобер, будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны, — и вы найдете секрет дивной вещи — *прекрасной ясности*”, — которую назвал бы я “кларизмом”» (Там же. С. 10). «Дубоножие» — название главы в повести Ремизова «Пятая язва», в которой в сатирическом стиле с эротическим подтекстом изображены нравы обывателей г. Студенца (см.: Пятая язва // *Плачужная канава РК- IV.* С. 240—255). Возможно, в применении к литературной панораме 1910 г. Ремизов характеризует термином «дубоножие» волну ставших популярными произведений, находящихся на грани между эротикой и порнографией. См. подробнее: *Новополин Г. С.* Порнографический элемент в русской литературе. СПб., 1909. 247 с.

С. 390. *Мы жили в Казачьем переулке — Бурков дом.* — В 1910 г. Ремизов жил в Малом Казачьем переулке, д. 9, кв. 34. Дом описан как «Бурков дом» в повести «Крестовые сестры» (1910).

М. Н. Картыков ~ выпустил тоненькую книжку: М. Багрин «Скоморошьи и бабьи сказки». — Неточность Ремизова. Речь идет о сборнике: Скоморошьи и бабьи песни / Изданы М. Багриным [М. Н. Картыковым]. СПб., 1910. 59 с.

...на собрание в «Аполлон»... — имеется в виду заседание редакции журнала «Аполлон», которая размещалась по адресу: наб. реки Мойки, 24.

Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944) — филолог-классик.

Иннокентий Федорович Анненский (1855—1930) — поэт, переводчик, педагог, филолог-классик.

С. 000 *«Знает ли нильский рыбак ~ В рощах томно они отдаются...»* — Цитаты из стихотворения М. Кузмина «Кружитесь, кружитесь...», цикл «Александрийские песни» (Разд. VI: Канопские песенки. № 5).

Эсхил (ок. 525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург.

Вильгельм Рихард Вагнер (Wilhelm Richard Wagner; 1813—1883) — немецкий композитор и теоретик искусства. Крупнейший реформатор оперы.

С. 391. *Начало моей литературной работы ~ «Бесовское действо» у Коммиссаржеской.* — См. комм. к публикации «Бесовского действа»: *Русалия-Росток* XII. С. 728—764.

Ланкерт — описка Ремизова. Имеется в виду *Оскар-Фердинанд Иосифович Ламкерт* (1859—1930) — цензор.

Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) — прозаик, публицист.

Казимир Викентьевич Бравич (наст. фам. Баранович; 1861—1912) — актер. В 1903—1908 гг. играл в Театре В. Ф. Коммиссаржевской.

...приколотым «ангельской булавкой»... — словесная игра Ремизова. Ср. с идиомой «английская булавка».

Мстислав Валерианович Добужинский (1875—1957) — художник, член объединения «Мир искусства». В эмиграции с 1924 г.

Федор Федорович Коммиссаржевский (1882—1954) — режиссер, театральный педагог, теоретик театра. В эмиграции с 1926 г.

Александр Андреевич Архангельский (1846—1924) — композитор, хоровой дирижер. В эмиграции после 1917 г.

С. 392. *...«Трагедия о Иуде», разрешенная ~ под названием «Проклятый принц»...* — См. комм. к публикации «Трагедии о Иуде принце Искариотском»: *Русалия-Росток* XII. С. 775—800.

Барон *Николай Васильевич Дризен* (наст. фам. Остен-Дризен; 1868—1935) — театральный деятель, критик, цензор. В эмиграции с 1919 г.

Валахтантарарахтарандаруфа. — Имя царя Асыки взято из текста народной песни в сборнике «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (подробнее см.: *Доценко С.* Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества. Tallinn, 2000. С. 56).

«Действо о Егории Храбром» — пьеса Ремизова впервые опубл.: Литературный альманах / Изд. «Аполлона». СПб., 1912. Подробнее см. комм. к публикации «Действа о Егории Храбром»: *Русалия-Росток* XII. С. 823—835.

Петр Петрович Сувчинский (Шелига-Сувчинский; 1892—1985) — публицист, музыковед, музыкальный и литературный критик, один из основателей евразийского движения. В эмиграции с 1920 г.

«Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова по своду В. В. Бакрылова». — Впервые опубл.: Пг., 1920. Подробнее см. комм. к публикации «Царя Максимилиана»: *Русалия-Росток* XII. С. 844—862.

С. 393. *«Конек-горбунок»* (1864) — балет по одноименной сказке П. П. Ершова. Композитор — Ч. Пуньи.

В канун революции — моя русалия на тибетскую тему «Ясня» ~ моя последняя русалия «Гори-цвет»... — *«Ясня. Русалия в 3-х действи-*

ях» — опубл.: Скифы. Пг., 1917. Сб. 1. *«Гори-цвет. Весенняя русалия»* — опубл.: Московский альманах. М., 1922. Кн. I. Подробнее см. комм. к публикации «Ясни» и «Гори-цвета»: *Русалия-Росток* XII. С. 912—922.

С. 393. *Ольга Иосифовна Преображенская* (1871—1962) — балерина, педагог. В эмиграции с 1921 г.

...я после моего единственного и позорного выступления... — речь идет о пензенском выступлении Ремизова. Имеется в виду участие Ремизова в спектакле Народного театра в 1897 г. в Пензе, куда он был выслан за участие в московской студенческой демонстрации в память событий на Ходынском поле. Подробнее см.: «Единственный раз я выступал с настоящими актерами, и случилась эта история в пензенском Народном театре. Саратовский трагик Сергей Семенович Расадов, он же режиссер, по своему опытному глазу определил меня на “характерные” и дал мне для начала небольшую роль “падшего”, а по-современному “бывшего”. <...> На репетициях все шло гладко <...> Но когда начался спектакль и, сняв очки, я в своем гриме очутился на сцене, я всех смешал и у меня все смешалось и я перепутал все слова — остервенев, суфлер выскочил из будки, и я вместо двери полез в бутафорское зеркало и опрокинул кулису» (*Иверень-РК VIII.* С. 80).

«Ночные пляски» Сологуба не в счет. — Имеется в виду участие Ремизова в любительском спектакле — представлении пьесы Ф. Сологуба «Ночные пляски». Спектакль состоялся 9 марта 1909 г. См. заметку «Театр и музыка»: «Сегодня, 9 марта, идут в Литейном театре давно обещанные “Ночные пляски” Ф. Сологуба. Роли — юного поэта и королевичей — американского, басурманского, датского и др., распределены между поэтами и художниками — Городецким, Ремизовым, Дымовым, Бакстом, Билибиным, Кустодиевым и др. 12 королевен представлены артистками Малого и Драмат<ического> театров и женами литераторов. В 1-м действии — чертог короля Политовского — поют и пляшут Малявинские бабы, танцует артист Н. С. Поздняков; во 2-м появление “Снов” сопровождается музыкой В. А. Сенилова; 2-я картина заполнена “плясками” 12 королевен-босоножек в царстве заклятого царя в стиле Дункан (пост<ановка> М. М. Фокина). Костюмы, художественно выполненные Н. В. Воробьевым, и декорации специально написаны для этого спектакля Н. К. Калмыковым (автором костюмов “Саломеи”), музыка — молодым композитором В. А. Сениловым. Режиссерская часть в руках Н. Н. Евреинова, знакомого публике по Старинному и Драматическому театрам» (Речь. 1909. 9 марта. № 66. С. 4).

Николай Николаевич Евреинов (1879—1953) — режиссер, драматург, теоретик и историк театра. В эмиграции с 1925 г. В 1930-е — 1950-е гг. — сосед Ремизова по дому 7 на улице Буало.

...если вспомнить московских «философов», собиравшихся на Собачьей площадке в годы революции... — Собачья площадка — существо-

вавшая ранее небольшая площадь в районе улиц Арбат и Б. Молчановка. Уничтожена в 1960-х гг. Вероятно, в тексте идет речь о круге философов, группировавшихся вокруг Н. А. Бердяева, чья квартира была рядом с Собачьей площадкой. Бердяев писал: «В течение всех пяти лет моей жизни в России советской у нас в доме в Малом Власьевском переулке собирались по вторникам <...>, читались доклады, происходили собеседования. <...> Я был инициатором образования Вольной Академии Духовной Культуры, которая просуществовала три года (1918—1922 гг.). <...> Это своеобразное начинание возникло из собеседований в моем доме» (*Бердяев Н. А.* Самопознание. Л., 1991. С. 230, 233).

С. 394. *Федор Петрович Горев* (наст. фам. Васильев; 1850—1910) — актер. В 1880—1882 гг. — в Александринском театре, с 1882 г. — в Малом театре.

Макс Рейнгард (Рейнхард, Max Reinhardt, наст. имя Максимилиан Гольдман; 1873—1943) — австрийский режиссер, актер и театральный деятель.

«...жил старик со своею старухой...» — цитата из «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833) А. С. Пушкина.

Кто знает или хотя бы слышал о «Бесовском действе»? И никого-то из свидетелей не осталось... — В книге воспоминаний М. В. Добужинский посвятил памяти о спектакле специальную главу под заглавием «Ремизовское “Бесовское действо”» (см.: *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987. С. 229—232. (Лит. памятники)).

Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед, историк освободительного движения.

Аким Львович Волынский (наст. имя Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926) — критик, искусствовед.

«Подвиги Великого Александра». — См. комм. к с. 386.

Василий Васильевич Кандинский (1866—1944) — живописец, график, теоретик искусства.

...и звери, конечно, «лютые», но в своем существе, по Достоевскому («Бог им дал начало мысли и бесконечную радость»)... — цитата из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Животных любите: им бог дал начало мысли и радость безмятежную» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 289).

Федор Степанович Рожанковский (1891—1970) — художник-график. В эмиграции с 1920 г.

Наталья Георгиевна Парэн (урожд. Челпанова; 1897—1958) — график, книжный художник. Во Франции с 1926 г.

С. 395. *...получило в войну и революцию сатирический характер...* — См.: *Взвихренная Русь-РК V.* С. 641—650. См. также: *Грачева А. М.* Из комментария к «Взвихренной Руси» Алексея Ремизова (глава «Обез-

велволпал») // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 368–376. (Stanford Slavic Studies; Vol. 32).

С. 395. *Гуигнгнмы* — наделенные разумом и добродетелями лошади — персонажи книги Дж. Свифта «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей» (1726).

...царь Асыка издавал — манифесты и ~ декреты. — См. воспроизведение грамот в кн.: *Обатнина 2001.* Разд.: «Коллекция». Цв. вклейка между с. 331 и 332.

Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — юрист, общественный деятель, литератор, сенатор.

Иван Васильевич Ершов (1867—1943) — оперный певец (тенор), педагог. Народный артист СССР (1938). Исполнял партию Зигфрида в одноименной опере Вагнера (1876) из тетралогии «Кольцо Нибелунгов».

Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке. — См. воспоминания М. Горького в изложении К. Федина: «Горький рассказывал мне однажды: — В году восемнадцатом <...> ночью зовут меня к телефону. Некий матрос, видите ли, непременно желает со мной разговаривать. — "<...> Мы сейчас в одном доме на Троицкой обыск делаем, так попали в комнату — ничего понять не можем: с потолка чегонашки разные свешиваются, картонные, а то — шерстяные, на стенках — ведьмаки да лешие, письмена в закорючках, может, научные, не разберешь. И хозяин сам — не то колдун, не то домовой, а говорит — я, дескать, писатель. <...>" — "Постойте, — говорю, фамилия его не Ремизов ли?" Матрос даже повеселел: "<...> Неужели он — писатель?" — "Да, — говорю, — и притом писатель известный, выдающийся". <...> — "Как же с ним быть?" — "Оставьте его в покое". — "А с чертями что теперь делать? <...>" — спрашивает. <...> "И чертей, — говорю, — оставьте в неприкосновенности"» (*Федин К.* Горький среди нас. М., 1967. С. 99—100).

С. 396. *Анатолий Васильевич Луначарский* (1875—1933) — революционер, советский государственный деятель, в 1917—1929 гг. — нарком просвещения РСФСР; писатель, публицист, критик, искусствовед.

Лев Борисович Каменев (наст. фам. Розенфельд; 1883—1936) — революционер, советский партийный и государственный деятель, в 1918—1926 гг. — председатель Моссовета.

Григорий Евсеевич Зиновьев (наст. имя Овсей-Герш Аронович Радомысльский; 1883—1936) — революционер, советский политический и государственный деятель. В 1917—1926 гг. — председатель Петроградского (впоследствии Ленинградского) Совета.

С. 397. *Макарий, архиепископ новгородский ~ затеял ~ составить Четьи-Минеи.* — См. комм. к с. 5 наст. изд.

«Успенский список» — вклад Макария в Успенский собор ~ «Софийский» — дар в Софию Новгородскую... — Сохранилось три «чистовых» полностью завершенных списка Великих Четий-Миней, представляющих три книжных 12-томных свода (и три самостоятельных редакции): Успенский, Софийский и Царский. Успенский список — единственный полный список из всех трех, сохранился в Патриаршей библиотеке. Архиепископ Макарий поместил его в 1552 г. в Успенский собор Московского Кремля, как вклад на память своей души и в поминание родителей. Софийский список был помещен им в Новгородский Софийный собор в 1541 г. «на помин души» его родителей.

Патерик — см. комм. к с. 28 наст. изд.

«Пчела» — византийский сборник IX в., содержащий поучительные высказывания из многочисленных греческих памятников и Св. Писания. В конце XII в.— начале XIII в. был переведен на древнерусский язык.

«Измарагд» — древнерусский сборник устойчивого состава. Древнейший список относится ко второй половине XIV в. Содержит слова и поучения на темы христианской морали. Предназначался для домашнего и монастырского келейного чтения.

«Златая цепь» — сборник относительно устойчивого состава, распространенный в древнерусской и южнославянской письменности. Прототипом являются византийские экзегетические сборники с аналогичным названием. На славянской почве содержание сборников изменилось: вместо толкований на Священное Писание сборники содержат подборки учительных статей вперемежку с отрывками из хронографов, патериков, постановлений церковных соборов, т. е. являются своеобразными хрестоматиями энциклопедического характера.

«Козьма Индикоплов» — имеется в виду «Христианская топография» (VI в.) — произведение, приписываемое византийскому купцу Козьме Индикоплову и соединяющее в себе естественнонаучный труд по географии, биологии, астрономии, философско-богословский трактат и записки путешественника. На Руси труд известен с домонгольского периода. Старейший список древнерусского перевода датируется 1495 г.

Кондак — жанр церковной византийской гимнографии в форме стихотворной повествовательной проповеди, посвященный церковному празднику.

Икос — церковное песнопение, восхваляющее и прославляющее чествуемого святого и церковное событие. Икос образует составную часть утреннего канона, в котором помещается после 6-й песни (непосредственно вслед за кондаком).

С. 397. *Наши первоучители* — св. равноапостольные «Учители Словенские», создатели славянской азбуки, братья из города Солуни (Солоники): Кирилл и Мефодий. См. о них комм. к с. 147 наст. изд.

...освободились от всяких юсов, больших и малых... — *Юс малый* (Ѧ, ѧ) и *Юс большой* (Ѫ, ѫ) — буквы исторической кириллицы и глаголицы, ныне употребляемые только в церковнославянском языке.

Аорист — наиболее употребительное прошедшее время в церковнославянском языке.

Св. Епифаний Премудрый (? — ок. 1420) — агиограф. Известен как составитель житий преподобного Сергия Радонежского и святителя Стефана Пермского. Почитается в лике преподобных. Память — 23 мая (5 июня) в Соборе Ростово-Ярославских святых.

Пахомий Логофет (Пахомий Серб; ? — не ранее 1484) — иеромонах, агиограф, гимнограф, составитель и редактор ряда житий святых, похвальных «Слов», служб и канонов, переводчик.

С. 397—398. *...создателей искуснейшего «словоплетения»...* — Древнерусский стиль «плетения словес» — метафорически-символический стиль литературы. Возник на Балканах в конце XIV — начале XV в., затем получил распространение на Руси, где наиболее ярко выражен в творчестве Епифания Премудрого («Житие Стефана Пермского», «Житие Сергия Радонежского»).

С. 398. Святитель *Филарет* (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867) — с 1821 г. — архиепископ (с 1826 г. — митрополит) Московский и Коломенский. Действительный член Российской академии (1818); почетный член (1827—1841) С.-Петербургской АН и впоследствии ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. Крупнейший русский православный богослов XIX в. В 1994 г. Русской православной церковью прославлен в лике святых в святительском чине. Память — 19 ноября (2 декабря).

..лирика, чудеса и пустословие святогорского инока игумена Парфения (1856). — *Схиигумен Парфений* (в миру Петр Иванович Агеев; 1806—1878) — священнослужитель, игумен Русской Православной церкви, настоятель Николо-Берлюковской пустыни (1856—1860) и основатель миссионерского Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря (1858—1872), духовный писатель, миссионер. Ремизов упоминает его центральное произведение — «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения» (1856).

«Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича — имеется в виду книга архиепископа Лазаря (в миру Лука Баранович; 1616—1693) «Трубы словес проповедных на нарочитыя дни праздников» (Киев, 1674).

«Ключ разумения» Иоанникия Галятовского — речь идет о сборнике проповедей архимандрита Иоанникия (Голятовского; ок. 1620—

1688) «Ключ разумения, содержащий в себе поучительные слова» (Киев, 1659).

Как нынче, применяясь к стилю «классиков» и грамматическим правилам Грота, поправляют и учат русских писателей. — Отражение полемики Ремизова с противниками его теории «русского лада» в русской эмигрантской критике, прежде всего с Г. Адамовичем и М. Осоргиным. См., например, направленную против ремизовского стиля статью М. Осоргина «Литературные размышления. 80. О переводах»: «У Ремизова есть литературный предок — Иван Федорович Горбунов <...>. В его рассказе “Травиата” излагается содержание пьесы. Кусок последнего акта: “Парнишка пришел к ней в своем невежестве прощения просить: я, говорит, тетенька, ни в чем не причинен, все дело тятенька напутал. А та говорит: хоша вы, говорит, меня при всей публике острамили, но, при всем том, я вас очению люблю! Вот вам мой патрет, а я, между прочим, помереть должна. Попела ему еще с полчасика, да Богу душу и отдала”. Хорошо. Но все-таки это не совсем точное изложение “Травиаты”» (*ПН.* 1939. 26 июня. № 6664. С. 2).

«Житие-писатели» — словесная игра Ремизова. Неологизм восходит к возникшему в критике XIX в. термину «бытописатели».

...все, что отклонялось от житийного шаблона, выработанного в Византии (VI в.) дьяконом Игнатием, учеником Тарасия, «Тарасиевской школой».... — Игнатий Диакон, митрополит Никейский (ок. 785 — ок. или после 847) — византийский писатель, поэт. Автор «Жития патриарха свт. Тарасия», в котором называл себя его учеником. В творчестве декларировал возвращение к античным образцам письма.

...все, написанное «некако и смутно»... — оценка древнерусским псковским агеографом пресвитером Василием, в иночестве Варлаамом (XVI в.), текста перерабатываемого им «Жития Ефросина Псковского»: «Василий замечает в своем труде, что прежний биограф, у которого он выписал рассказ о его сонных видениях, писал о Ефросине “некако и смутно, ово зде и ово инде”» (*Ключевский.* С. 253).

...не «Еркул», как все мы величали Ивана Александровича Рязановского, костромского книгописца и грамматика... — См. комм. к с. 8 наст. изд.

...был ~ «так хитер в Божественных книгах, что никто не смел перед ним от книг глаголати»... — неточная цитата. Ср.: «... игумен этого монастыря <...> был так хитр в божественных книгах, что никто не смел пред ним “от книг глаголати”» (*Ключевский.* С. 54).

...Филаретовское евангелие, наша московская гордость, его рук дело. — рукописное Филаретовское евангелие 1537 г. из Синодального (бывшего Патриаршего) собрания рукописей (ныне хранится в Государственном историческом музее, Москва).

С. 398. *Яков Петрович Гребень...*— скрытое упоминание Ремизовым своего друга Я. П. Гребенщикова. См. комм. к с. 101 наст. изд.

«Кормчая книга» — памятник древнерусской литературы — сборник церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде. Восходит к византийскому «Номоканону» (VI в.). Переведен на церковнославянский в XIII в.

С. 399. *...в Палеографии будут говорить, как о переходе «геометрического орнамента в тератологический или чудовищный».* — Ср.: «В славяно-русском орнаменте заставок и инициалов можно отметить несколько стилей: 1) стиль *геометрический*, древнейший византийский. <...> Этот византийский стиль архитектурного характера отличается геометрической правильностью линий и естественностью в изображении растений, животных и людей. <...> Рассмотренный стиль постепенно выродился 2) в *тератологический* или *чудовищный*, время его господства с половины XIII века до XV» (*Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 143, 148).

...куринасы... — См. комм. к с. 377 наст. изд. См. также в романе Ремизова «Часы»: «Он — конь серый в яблоках, седло серебряное, уздечка позолоченная. <...> Он больше не Костя Клочков, а учитель и сыщик Куринас, первый и последний» (*Плачужная канава. РК-IV.* С. 87).

Отреченные книги — памятники русской письменности и литературы; книги на библейские сюжеты, считавшиеся христианской церковью ложными (неканоническими) и поэтому на Руси отвергнутые и запрещенные.

«Похвала» — зд.: составная (заключительная) часть литературного канона жанра «жития» святого, посвященная его восхвалению.

...повторю за огненным Протопопом: «Люблю свой русский природный язык». — Цитата из «Жития протопопа Аввакума» (см.: Житие протопопа Аввакума. Иркутск, 1979. С. 78).

...монах из Старицы Герман Тулупов... — *Герман* (в миру Георгий (Юрий) Иванович Тулупов; сер. 1550-х — 1636/1637) — иеромонах Троице-Сергиева монастыря, книжник, писец, агиограф. Родился в г. Старица. См. подробнее: *Алексеев В. Н.* Троицкий иконописец Герман Тулупов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 120—137.

Дидаскал (греч. Διδάσκαλος) — букв.: учитель. В раннехристианское время «дидаскалами» называли религиозных наставников и преподавателей школ для оглашенных. В Византии это наименование получили некоторые преподаватели патриаршей школы при храме Святой Софии. Три особых дидаскала (Псалтири, Евангелия и Апостола), состоявшие в клире Великой Церкви, курировали вопросы толкования текстов Священного Писания. Круг обязанностей византийских дидаскалов был достаточно широк, они занимались вероучи-

тельным наставлением монахов и мирян, надзирали за школьным образованием в Константинополе, произносили проповеди. В широком смысле слова «дидаскалами» в Византии называли профессиональных учителей.

С. 400. *«Чем же чтем тя, яко делателя ~ сеял еси в браздах сердечных...»* — цитата из «Жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого.

«Бегает заяц травою и впадает в тенета ~ Бог тебе на помощь во всем (4—3—3)» — цитата из древнерусского памятника «Рафли. Книга гадательная пророка и царя Давида» (*ПСРЛ III*. С. 164).

«Житие Филиппа Ирапского» — памятник агиографии XVI в., рассказывающий о св. Филиппе (?—1537), основателе пу́стыни между реками Большим и Малым Ирапом (в дельте реки Андоги, в 50 км от Череповца). Житие составлено Каменским старцем Германом.

С. 400—401. *«Соезжает преподобный Филиппей-Рабский из Соловецкого острова ~ И сходя с плота своего с Выг-реки, И пошел в гору....»* — цитата из легенды — духовного стиха о Филиппе Ирапском (см.: *Ключевский*. С. 274).

С. 401. *Переписывал я ~ «Люцидарий», две книги жидовствующих: «Аристотелевы врата» (Тайная тайных) и «Логику» Моисея Маймонида ~ гадания и апокрифы.* — Неточная цитата из «Предисловия» Н. Тихонравова (см.: *Тихонравов Н.* Предисловие // Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1. С. VIII—IX).

Преподобный *Максим Грек* (в миру Михаил Триволис; 1470—1556) — монах, писатель, переводчик. Грек. В период жизни в Италии испытал влияние проповедей Савонаролы. Канонизирован в лике преподобных. Память 21 января (3 февраля) и 21 июня (4 июля) (обретение мощей в 1996 г.).

Джироламо Савонарола (Girolamo Savonarola; 1452—1498) — итальянский монах и реформатор.

...Максим ~ сколько лет в заточении и теперь у Троице-Сергия страждет... — В 1525 г. после обвинений в ереси Максим Грек был заточен сначала в Иосифо-Волоцкий монастырь, затем — в Тверской Отроч монастырь. В 1551 или 1547 г. его перевели на покой в Троице-Сергиев монастырь, где он скончался.

...и сам Макарий ему пишет: «узы твои целуем, а пособить тебе не можем». — Цитата из книги Н. И. Костомарова. См.: «Макарий послал ему “денежное благословение” и писал ему: “Узы твои целуем, но пособить тебе не можем”» (*Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. СПб., 1873. Вып. 2: XV—XVI столетия. С. 404).

С. 401. *...понимать все эти «басни»...* — отсылка к цитате из древнерусского индекса запрещенных книг: «О Соломоне царе и о Китоврасе басни и кощуны» (Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. С. 111).

...«слово премудрости, как вера, как дар исцеления, как пророчество и как языки». Говорю словами многострадального ученого старца, сочинения которого тоже переписывал. — Неточная цитата из сочинений Максима Грека. См.: «"Не я, — говорил им Максим, — а блаженный Павел научит вас: каждому дается явление Духа в пользу; тому слово премудрости, тому вера, тому дар исцеления, тому пророчество, действие сил, а тому языки..."» (*Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. Вып. 2. С. 391).

С. 402. *«Степенная книга»* — памятник русской исторической литературы XVI в. Составлена по инициативе митрополита Макария духовником Ивана IV Васильевича Грозного Андреем (будущий митрополит Афанасий) между 1560 и 1563 гг.

Летописи в новой обработке — «Никоновская» — по-московски, «Домострой» попа Сильвестра... — Никоновская летопись — крупнейший памятник русского летописания XVI в. Названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из ее списков. *Домострой* (полное название — «Книга, называемая "Домострой", содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину — мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам») — памятник древнерусской литературы XVI в., являющийся сборником правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы. Наиболее известен в редакции середины XVI в., приписываемой протопопу Сильвестру.

...слова переписчику от игумена Александра, чтобы — «Ся тщал на прямые точки и запятые, да не погрешил бы ся разум писанию, яко же мы душу полагаем за истинная словеса и за точки». — Цитата из книги В. О. Ключевского. Ср.: «Совет игумена Алексея, биографа Геннадия костромского, чтобы переписчик "ся тщалъ на прямыя точки и запятыя, да не погрѣшилъ бы ся разумъ писанію, якоже мы душу полагаемъ за истинныя словеса и за точки"» (*Ключевский.* С. 360).

...вместо «пчела» напишется «бчела», и вместо «уподобился» — «убододобился» или «видитя» вместо «видите» и не «обаче», а «обоче»... — См. цитирование данного текста Ремизова («И каждый из нас старался <...> вместо "пчела" напишется "бчела" <...> ошибка. Но не в такой степени») как образца примеров описок писцов в кн.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 2-е. Л., 1983. С. 64.

Константин Иванович Солнцев (1894—1961) — выпускник С.-Петербургского археологического института, в эмиграции — таксист, в 1945—1947 гг. помощник Ремизова по разборке его архива 1920-х — 1930-х гг. Этот архив он официально принял от писателя для организации единого архива русской эмиграции в Париже. Затем увез архив Ремизова в США, где и скончался. Во Франции жил в городке Saint-Piat.

В Несторовой летописи: «бе Якун сь леп» ~ «бе Якун сьлеп»... — речь идет о двояком толковании текста летописи — предмете многолетней полемики ученых. Начиная с конца XVIII в. историки по-разному прочитывали рукопись. В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, А. А. Шахматов читали: «и бѣ Якунъ слѣпъ» («и был Якун слеп»). Противоположная точка зрения, ныне доминирующая, восходит к трудам Н. П. Ламбина и трактует фразу как «и бѣ Якунъ сь лѣпъ» («и был Якун красив»).

С. 402—403. *...«все растлены от преписующих, ненаученных сущих и неискусных в разуме»...* — Основной источник текста Ремизова о начале книгопечатания в России — статьи сборника: Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883: Юбилейное издание журнала печатного дела «Обзор графических искусств». СПб., 5 декабря 1883. 24 с. Цитата заимствована из статьи П. Полевого «Царь — основатель печатного дела»: «Из весьма значительного числа купленных книг лишь очень немногие оказались годными к церковному употреблению. Прочие же, по выражению Максима Грека, были "все растлены от преписующих, ненаученных сущих и неискусных в разуме"» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 15).

С. 403. *...«опись к описи прибывает и недописи и точки непрямые».* — Цитата из текста «Стоглава». См.: «Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же. Опись ко описи прибываетъ, и недописи и точки непрямыя и по тѣм книгамъ въ церквахъ Божiихъ чтутъ и поютъ, и учатся и пишутъ съ нихъ» (Стоглавъ. Казань, 1862. С. 53).

...на Никольской ~ строят от царской казны Печатный Двор, двухэтажное каменное здание между Никольским монастырем и немецким двором Белоборода, где Посольское подворье. — Ср. в статье Л. М. Волкова «Старейшая русская типография»: «Основание этой первой печатне положено в 1553 году <...> печатный двор находился на Никольской улице <...> С одной стороны стояло посольское подворье, которое находилось на дворе Белоборода; с другой же стороны — Никольский (с 1654 г. Греческий) монастырь» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 12).

С. 403. *Штанба будет с двумя резными фигурами над зелеными воротами: Лев и Единорог — эмблема могущества и славы. ~ «Единорог вонзает рогом в пасть льву».* — Ср.: «Между орнаментами ворот главное место занимали две большие фигуры льва и единорога, помещенные в виде герба над воротами под самым фризом. Эта эмблема, — служащая представителем могущества, славы и вообще воинственных и нравственных доблестей, — была <...> гербом государева печатного двора <...> рог единорога воткнут в львиную пасть» (Там же. С. 13).

...Гостунский дьякон Иван Федоров с Петром Тимофеевым Мстиславцем назначенным царем управлять Штанбой... — Иван Федоров (ок. 1520—1583) — дьякон Кремлевского храма Николы Гостунского, один из первых русских книгопечатников. Издатель первой точно датированной печатной книги «Апостол» (1564). *Петр Тимофеевич Мстиславец* (первая пол. XVI в. — после 1577) — книгопечатник, ближайший сподвижник Ивана Федорова. См. в статье Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси»: «Федоров является самым ревностным исполнителем воли государя, и как только царь построил дом для типографии — штанбы, как тогда говорили — усердно взялся за свое дело» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 3). Также см. в статье П. Полевого «Древнейшие типографские термины»: «В послесловии к московскому Часовнику 1565 года употребляется первопечатниками для обозначения печатного заведения итальянское слово: *штанба* — stampa, которое в другом немного значении осталось в наших технических выражениях и до сих пор» (Там же. С. 14). Разъяснение термина «штанба» также см. в статье В. Фокина «Печатание книг 300 лет тому назад» (Там же. С. 16). О церковном чине Федорова см. в статье Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси»: «Первый московский книгопечатник Иван Федоров <...> был посвящен в чин дьякона Кремлевской церкви св. Николы Льняного или Ельняного (переименованной позже Гостунским собором, по перенесении, в XIV столетии из села Гостуни в Москву чудотворной иконы св. Николая Гостунского» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 3).

«Произвести от письменных книг печатные, ради крепкого исправления и утверждения ~ и спущать во всю Русскую свою землю». — Цитата приведена Ремизовым по статье Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 3). Та же цитата приведена в статье П. Полевого «Царь — основатель печатного дела» (Там же. С. 15).

И уж вызван царем из Новгорода мастер печатных дел ~ Маруша Нефедьев... — Текст Ремизова основан на переработке текста статьи

С. Соловьева «Введение книгопечатания в России» и авторского примечания к ней. Ср. в статье С. Соловьева: «...начали заниматься книгопечатанием два мастера – дьякон от Николы Гостунского, Иван Федоров, да Петр Тимофеев Мстиславец; кроме них, прежде уже встречалось имя мастера печатных книг Маруши Нефедьева под 1556 годом*. В 1556 году царь писал к новгородским дьякам: "Мы послали в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева..."» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583–1883. С. 6).

С. 404. ***«Апостол» с картинкой в архитектурной рамке ~ Шрифт – полуустав ~ Бумага французская.*** – Описание «Апостола» основано на пересказе текста статьи В. Е. Румянцева «Первенец русской печати» (Там же. С. 18–19).

Полуустав – форма кириллицы, сложившаяся в XV в. Полууставное письмо – обычно на бумаге и большей частью не крупное. Распространялось полууставное письмо со второй половины XIV в. По сравнению с уставом почерк мельче и округлее. В русском полууставе можно отличать две разновидности: старший (с начала XIV по начало XV в.) и младший полууставы. Младший полуустав изобилует различными надстрочными знаками. Для заголовков применялась особая техника декоративного сочетания букв – вязь. С введением книгопечатания печатный шрифт для русско-славянских книг был отлит по образцу полуустава.

Поп Козьма Григорьев – «мудрование кознено», как говорилось о нем на Москве ~ «и вси его бояхуся и трепетаху». – Цитата из книги В. О. Ключевского. Ср.: «Он пользовался большим влиянием в своей эпархии, имел "мудрованіе кознено, и вси его бояхуся и трепетаху", замечает летопись» (*Ключевский.* С. 18–19).

...был у него знакомый батырщик. И все оглядел: и пиан, и фрашкет, и мацу, и тимпан. ~ Глаголической телятиной свой мерзостный тимпан оклеили! («Тимпан» – четырехугольная рамка для станка, накладывается печатный лист; «телятина» – пергамен или пергамент). – Ср. в статье П. Полевого «Древнейшие типографские термины»: «*Батырщик*, т. е. наборщик или накладчик краски на литеры, – происходит несомненно от итальянского battidore; *пиан* или *пьян* – верхняя доска в печатном станке для давления – от piano; *тимпан* – четырехугольная рама при станке, которую прежде оклеивали пергаментом и на которую накладывался печатающийся лист – от итальянского timpano; *фрашкет,* которым прикрывают печатающийся лист – от frascato; *маца* – кожаный, набитый шерстью мешочек, с рукоятью для набивки краски на литеры; называется по-итальянски одногласно mazza; *мар-*

* Далее цитируем подстрочное примечание С. Соловьева. – *Ред.*

зан — margine; *пунсон* — punzone» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 14).

С. 405. Блаженный *Иоанн Московский* (прозвище — Большой колпак; ?—1589) — юродивый. Память — 3 (16) июля.

...и я скажу по-толстовски: «книгопечатание — самый верный слуга невежества».... — Ср.: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний благодаря сильнейшему оружию невежества — распространению книгопечатания, вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой и не может быть самого вопроса» (*Толстой Л. Н.* Война и мир // Собр. соч.: В 22 т. М., 1981. Т. 7. С. 339).

...и в его лучистых ясных глазах «милого братца»... — Ср. название легенды Ремизова о юродивом Прокопии Праведном «Милый братец» (1914, — *Лимонарь РК-VI.* С. 120—122).

...в Белом, в Китае и на Земляном.... — исторические местности Москвы. *Белый город* — местность внутри несохранившихся ныне стен (нынешних бульваров) Белого города, но вне стен Китай-города и Кремля. *Китай-город* — исторический район Москвы внутри Китайгородской крепостной стены (бо́льшая часть разрушена в XIX—XX вв.). Китай-город начинается от Красной площади, граничит на севере с Охотным Рядом, Театральной площадью и Театральным проездом, на востоке с Лубянской и Старой площадями, на юге с Москвой-рекой. *Земляной вал* — ныне ул. Земляной Вал (до 1938 г. Садовая-Земляной вал к северу от Яузы, Садовая-Землянская к югу от нее; в 1938—1953 гг. Чкаловская ул.; в 1953—1994 гг. ул. Чкалова) — улица в Центральном административном округе Москвы, самая протяженная улица в составе Садового кольца. Проходит от площади Земляной Вал (пересечение с Покровкой и Старой Басманной ул.) до Таганской площади; пересекает Яузу по Высокояузскому мосту. Название улицы восходит к оборонительному земляному валу, устроенному в 1592—1593 гг. при царе Борисе Годунове. После окончания Смуты обе стороны вала были заселены ремесленниками. Зд.: анахронизм Ремизова.

«Огнем сжечи их!» — рассказ о пожаре типографии основан на тексте статьи Л. М. Волкова «Старейшая русская типография»: «По свидетельству Флетчера, бывшего в Москве при царе Федоре Иоанновиче, книгопечатный дом, вскоре после его сооружения, был сожжен людьми неблагонамеренными, считавшими книгопечатание ересью» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 13). Ср. также текст записок английского дипломата Дж. Флетчера: «Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок и буквы, и здесь была основана типография с позволения самого царя и к величайшему его удовольствию. Но вскоре дом ночью подожгли, и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство» (*Флетчер Дж.*

О государстве русском или образ правления русского царя / Пер. кн. М. А. Оболенского. 2-е изд. СПб., 1905. С. 96).

С. 406. *...стоит только «переступить»...* — отсылка к формулировке Ф. М. Достоевского — «праве переступить» — мотивации Раскольникова к совершению преступления (роман «Преступление и наказание»).

Веселые люди — иносказательное название скоморохов.

Шпильман (нем. Spielmann) — странствующий актер в средневековой Германии.

Жил я у Николы в Воробине, где потом Самойловские маляры жили, близ Ивановского монастыря... — Включение в текст воспоминаний Ремизова о своем детстве. Ср. в книге «Подстриженными глазами»: «Я любил краску, любил и самый запах краски. И если бы меня спросили тогда, кем бы я хотел быть, я не задумавшись сказал бы: “Я хотел бы быть одним из Самойловских маляров”. Федор Никитыч Самойлов, церковный староста, в молодости рыжий, а теперь седой зеленоватый, на “Благообразном Иосифе” в страстную пятницу при выносе плащаницы, подпевая, плачущий золотыми в алом свете своей пылавшей свечи слезами, и в одноэтажном белом с зеркальными окнами доме — в Воробинском переулке в подвальном помещении жили маляры, — хозяин малярный» (*Иверень РК-VIII.* С. 45). *Церковь Николая Чудотворца в Воробине* (1693) была построена на месте древнего села Воробина. Находилась на улице Воронцово Поле, д. 4, корп. 1, недалеко от территории владения Найденовых, где Ремизов жил в детстве. Снесена в 1932 г. *Иоанно-Предтеченский монастырь* — женский ставропигиальный монастырь, находится на ул. Солянка, основан в конце XVI в. вел. кн. Еленой Глинской. В 1918 г. был закрыт, возобновлен в 2002 г. В первой половине XVIII в. был прибежищем адептов одной из старейших, возникшей в середине XVII в., русской секты — хлыстов.

Божьи люди — самоназвание хлыстов.

...ходить ко всенощной к Грузинской на Воронцово поле — ветхая Покровская церковь, чудотворная икона Грузинской Божьей Матери... — Имеется в виду *Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что на Воронцовом поле (церковь Грузинской Божией Матери)* (1690–1693) — находилась на участке 4 по улице Воронцово Поле. Снесена в 1932 г. В 1896–1905 гг. дядя Ремизова — Н. А. Найденов — был церковным старостой этого храма. См. также в книге «Подстриженными глазами»: «В пять лет я стал ходить учиться вместе с моим братом, старшим меня на год, к дьякону Покровской церкви на Воронцовом поле, которая называлась Грузинской по чудотворной иконе Грузинской Божьей Матери. Церковь эта снесена, и едва ли есть в Москве хоть один, кто бы вспомнил о ней, но я ее сохраняю в моей памяти. С тех пор, как дьякон начал учить меня писать, я вижу себя в этой

церкви на клиросе: старик дьячок с косичкой, Николай Петрович Невоструев, пел по «крюкам», и я за ним тянул альтом; потом я узнал, что это унисонное пение называется знаменным распевом, на котором пели в Москве и во времена Андрея Рублева, и при дьяконе Иване Федорове» (*Иверень-РК VIII*. С. 32).

С. 406. *Крюки* — знаки русского безлинейного нотного письма, применявшиеся при записи церковной музыки в XI—XVIII вв. Крюковое, или знаменное, пение — по складу одноголосное.

Святитель *Петр* (ок. 1260—1326) — митрополит Киевский и всея Руси, чудотворец. Погребен в Успенском соборе Московского Кремля. Память — 24 августа (6 сентября).

С. 407. *...переписал я ~ житие святителя, сочинение ученого серба митрополита Киприана.* — «Житие митрополита Петра» — древнерусский агиографический памятник XIV в. Его вторая редакция создана митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном (ок. 1330—1406), писателем, переводчиком и редактором.

...придет на Москву Девлет-Гирей... — Девлет Герай (Гирей; 1512—1577) — хан Крыма в 1551—1577 гг.; в 1571 г. он предпринял поход на московские земли. Подступив к городу, хан приказал поджечь предместья, и Москва почти полностью выгорела.

С. 407—408. *Но я никак не представлял, до чего дойдет мое огненное бешенство и на что я способен с моими глазами «убийцы».* — Ср. в книге «Подстриженными глазами» воспоминания Ремизова о своем первом рассказе, написанном в возрасте семи лет: «Я писал, не отрываясь <...> И у меня выходила повесть, — мой первый рассказ из деревенской жизни с невинно осужденной Машей, пожаром и убийством: я — убийца» (*Иверень-РК VIII*. С. 148).

С. 408. *Церковь Николы Гостунского* (Николы Льняного, Николы Мокрого; 1477<?>—1506) — церковь, существовавшая в Московском Кремле на восточной границе Ивановской площади, на выходе к ней улицы от Фроловских ворот. Снесена в 1817 г. во время расчистки Ивановской площади под плац-парад.

...Иван Лествичник, что под колоколами... — церковь преподобного Иоанна Лествичника (постройка — 1329 г., в 1505 г. разобрана и сооружена вновь Боном Фрязиным) типа «иже под колоколы» располагается в основании колокольни Ивана Великого на Ивановской площади Кремля.

А замечателен этот собор ~ деяниями, написаны на стене, как однажды ночью Никола тайком кладет деньги на стол спящему Урсу... — Сюжет использован Ремизовым в его легенде «Урс» (*Ремизов А.* Три серпа: Московские любимые легенды. Париж, 1929. Т. 1. С. 7—12). См. также с. 255—258 наст. изд.

Ектенья — название последовательности молитвенных прошений, одна из главных составных частей богослужения, входит в состав большей части богослужений православной церкви.

...«день весь совершен, свят, мирен, безгрешен...» и потом «единение веры и причастие Святаго Духа испросивше сами себе и друг друга»... — цитаты из литургических текстов.

С. 409. *...царь затеял ~ поставить в только что отстроенном псковскими мастерами Покровском соборе, который собор назывался не как теперь зовется Василий Блаженный, а «Никола Великорецкий».* — *Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву* (разговорное название — Собор Василия Блаженного; 1555—1561) на Красной площади в Москве. Состоит из нескольких храмов, престолы которых посвящены в честь праздников, приходившихся на дни главных боев войск царя Ивана IV за Казань. Южная церковь освящена во имя Великорецкого образа Николая Чудотворца. Икона святителя была обретена в городе Хлынове на реке Великой и впоследствии получила название «Никола Великорецкий». В 1555 г. по приказу царя икона была принесена крестным ходом по рекам из Вятки в Москву. В печатном тексте *ПД* после слова «Блаженный» следовало: «, и не Казанская, как потом,». Вычеркнуто Ремизовым в экземпляре *ПД*, подаренном В. И. Малышеву.

«Царственный летописец» (Лицевой летописный свод Ивана Грозного, Царь-книга) — летописный свод событий мировой и особенно русской истории, создан, вероятно, в 1568—1576 гг. специально для царской библиотеки в единственном экземпляре. Слово «лицевой» в названии Свода означает иллюстрированный, с изображением «в лицах». Состоит из 10 томов, содержащих около 10 тыс. листов тряпичной бумаги, украшенных более чем 16 тыс. миниатюр. Охватывает период «от сотворения мира» до 1567 г.

Лобное место — памятник древнерусской архитектуры, находящийся в Москве, на Красной площади. Представляет собой возвышение, окруженное каменной оградой, предназначенное для чтения царских указов, других торжественных публичных мероприятий, а также, очень редко, казней.

Дьякон стоял в «избранной раде» с князем Курбским... — «Избранная Рада» (термин кн. А. М. Курбского) — обозначение группы единомышленников, в 1549—1560 гг. составлявших неформальное правительство при Иване Грозном. В этот круг входил князь *Андрей Михайлович Курбский* (1528—1583) — полководец, политик, писатель, ближайший приближенный царя в период «Избранной Рады». В 1564 г. получил известие о грозящей опале, бежал, поселился в Великом княжестве Литовском.

С. 409. *...но и слепая она меня видит и идет, ловя.* — Гоголевский мотив поисков Хомы Брута мертвой Панночкой (повесть Н. В. Гоголя «Вий»). Ср.: «Он дико взглянул и протер глаза. Но она точно уже не лежит, а сидит в своем гробе. Он отвел глаза свои и опять с ужасом обратил на гроб. Она встала... идет по церкви с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 207—208).

С. 410. *Михайлов день* — день народного календаря восточных славян, совпадающий с православным церковным праздником — днем памяти Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных — 21 (8) ноября.

Москворецкий мост — с 1498 г. наплавной мост через Москву реку на пути от Тверской дороги к Серпуховской. В 1789 г. построен деревянный свайный мост. В 1829 г. возведены каменные быки трех деревянных пролетов по 28 м. В 1870 г. мост сгорел, в 1872 г. установлены металлические пролеты. Название дано по Москворецкой улице. Современный мост построен в 1938 г. (инженер В. С. Кириллов, архитекторы А. В. Щусев и П. М. Сардарьян).

С. 410—411. *И разве могу забыть я ночь на Михайлов день ~ пламя окружило меня.* — Этот текст с вариантами повторен в главе «Поджигатель» книги «Подстриженными глазами» (*Иверень-РК VIII.* С. 109—110).

С. 411. *...типография ~ еще раз сгорела в революцию или, по-старинному, в Смутное время...* — характерное для Ремизова сопоставление событий революции 1917 г. и Русской Смуты конца XVI — начала XVII в. Подробнее см.: *Грачева 2000.* С. 100—144. См. также в статье Л. М. Волкова: «Второй пожар печатного двора относится ко времени нашествия поляков в 1610 г. <...> При этом разорении погибли и самые дела печатного двора за все предшествующее время, которые могли бы сообщить нам более подробные сведения о первоначальной истории типографии и ее дома» (*Волков Л. М.* Старейшая русская типография // Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 13).

...под начальством подьячего азбучных дел Василия Федоровича Бурцева-Протопопова...— Василий Федорович Бурцов <так! — *Ред.*> Протопопов (? — после 1648) — издатель, работавший на Московском печатном дворе. Первым стал печатать книги светского содержания, учебники.

«Уложение царя Алексея Михайловича» — свод законов Русского царства, принятый Земским собором в 1649 г. Печ. изд.: Уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649. 338 л.

«Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» — Печ. изд.: Учение и хитрость ратного строя пехотных людей Московского государства. М., 1647.

...книжными справщиками-корректорами сидели столпы русской веры, ставленники Неронова. — Григорий (в миру Иоанн Миронович Неронов; 1591—1670) — архимандрит Переславского Данилова монастыря, ранее протопоп. Противник реформ патриарха Никона, соратник и друг протопопа Аввакума.

Я набирал с Киевского издания грамматику Мелетия Смотрицкого. — Печ. изд.: Грамматика славенская Мелентия Смотрицкого. М., 1648. 388 л.

С. 412. *...монах Герман Тулупов...* — см. комм. к с. 399 наст. изд.

Симон Азарьин (?—1665) — русский писатель XVII в. Был келейником (1625—1631), казначеем и келарем (1634—1654) в Троице-Сергиевом монастыре. Около 1653 г. составил «Житие архимандрита Дионисия».

Иоанн Милютин (нач. XVII в. — вторая пол. XVII в.) — православный священник, книжник, профессиональный писец, писатель-агиограф.

«Сказание о воображении книг печатного дела» — *«Сказание известно* о *воображении книг печатного дела»* — анонимный рукописный текст, созданный в 1645—1646 гг. Подробнее см.: *Протасьева Т. Н., Щепкина М. В.* Сказания о начале московского книгопечатания: Тексты и переводы // У истоков русского книгопечатания: Исследования и материалы: К трехсотсемидесятипятилетию Ивана Федорова, 1583—1958. М., 1959. С. 198—214; Сказание известно о воображении книг печатного дела // Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984. С. 99—105. Отрывки из «Сказания» неоднократно цитируются в сб.: Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 15 и др.

Спас за Золотой Решеткой — имеется в виду *Верхоспасский собор* в Московском Кремле (1635—1636) — домовая церковь царей и царевичей, построен над Золотой царицыной палатой Теремного дворца.

С. 413. *Печатный Двор вскоре после первого пожара был восстановлен ~ через два с половиной года снова начались типографские работы. Во главе стал Никифор Тарасьев и Андроник Тимофеев Невежа, ученики Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца.* — Ср. в статье С. Ф. Либровича «Книгопечатание в России — после Федорова»: «Удар, нанесенный московскому книгопечатанию в самом его начале невежеством и суеверием, не был, однако ж, настолько силен <...> Уже в 1568 году <...> два мастера: Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев (по другим — Андроник Тимофеев Невежда) составили новую штанбу, т. е. новые книгопечатные орудия взамен старых, погибших при пожаре типографского дома» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 21).

С. 414. ... *Евангелие и Псалтырь, напечатанные в Заблудове у гетмана Хоткевича...* — Фрагмент основан на близком к тексту пересказе статьи Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси» (Там же. С. 4).

Острожская Библия — первое полное издание Библии на церковнославянском языке, подготовленное совместными усилиями православного князя Константина Острожского и кружка ученых, собранного вокруг Острожской школы (академии). Издание опубликовано в Остроге первопечатником Иваном Федоровым в 1581 г. по благословению дубенского игумена Иова.

С. 415. *«Неудобно ми бе ралом ~ духовную сию пищу».* — Цитата из послесловия Ивана Федорова к «Апостолу» взята из статьи Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583—1883. С. 4). См. также ее повторение в статье Г. Глинского «Величие и заслуги Федорова» (Там же. С. 10).

...имя самого Гутенберга и имена знаменитых типографщиков — Фуста, Финфа, Альда Мануция, Феоля, Скорины... — Фрагмент основан, во-первых, на тексте статьи П. Строева «Первые друкарни у славян». Ср.: «Нам известны имена: Гутенберга, Фауста, Шеффера <...> Из первых типографов славянских известны Святополк Фиол...» (Там же. С. 7). Во-вторых, Ремизов использовал текст статьи Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси»: «Еще в 1525 году переехал из Праги в Литву печатник Скорина и начал печатать по-славянски; в Кракове еще раньше того, в 1491 г., Фиол печатал славянские книги» (Там же. С. 4). *Иоганн Генсфляйш цур Ладен цум Гутенберг* (Johannes Gensfleisch zur Laden zum Gutenberg; 1397/1400—1468) — немецкий первопечатник. В середине 1440-х гг. создал способ книгопечатания подвижными литерами. *Иоганн Фуст* (Johannes Fust; ок. 1400—1466) — один из первых немецких книгопечатников. *Альд Мануций* (Aldo Manuzio; 1449 —1515) — итальянский гуманист, издатель и книгопечатник, работавший в Венеции. *Швайпольт Фиоль* (Schweipolt Fiol; ?—1525/1526) — основатель славянского книгопечатания кириллическим шрифтом. По происхождению немец из Франконии. *Франциск Лукич Скорина* (Franciscus Scorina de Poloczko; ок. 1490—1551) — восточнославянский первопечатник, философ-гуманист, писатель, общественный деятель, предприниматель и ученый-медик.

...и что во Франции при Людовике XI-м первые печатные книги были осуждены парламентом на сожжение. — Ср. в статье Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси»: «Так, во Франции, при короле Людовике XI, первые напечатанные книги признаны были дьявольским произведением и самим парла-

ментом присуждены к сожжению» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583–1883. С. 4). *Людовик XI* (Louis XI; 1423–1483) – король Франции (1461–1483) из династии Валуа.

Иван Федоров, очутившись в Львове... – Перипетии судьбы Ивана Федорова после его бегства из Москвы изложены Ремизовым на основе близкого к тексту пересказа статьи Ф. С. [О. И. Тарнавского] «Иван Федоров первый книгопечатник на Руси» (Там же. С. 4–5).

С. 416. Князь *Константин Иванович Острожский* (1460–1530) – военный и государственный деятель Великого княжества Литовского из православного рода Острожских.

С. 417. *Стефан Баторий только что вернулся из-под Пскова...* – Стефан Баторий (Stefan Batory; 1533–1586) – король польский и великий князь литовский (с 1576 г.). После безуспешной осады Пскова в 1581–1582 гг. заключил перемирие с Русским царством.

Пунсон (фр., от лат. pungere – колоть) – модель для отливки типографского шрифта. То же, что матрица.

«Бедный горемыка, брат мой! Какими глазами, умирая, ты смотрел на мир ~ на Москве свои подожгли, а у чужих пушка?» – Ср. в книге «Подстриженными глазами»: «Бедный горемыка, умчавшийся на огненной колеснице, горя, как свеча, ловить царский венец, – пока на земле звучит русская речь, будет ярка, как костер, память о тебе... ты, научивший меня любить свой природный русский язык, протопоп всей Русской земли Аввакум!» (*Иверень-РК VIII.* С. 112–113). Ср. словесный повтор этого же текста в окончании главы «Царский венец» (см. с. 420 наст. изд.).

С. 418. *Патриарх Никон* (в миру Никита Минин (Минов); 1605–1681) – московский патриарх в 1652–1666 гг. Поводил церковные реформы, связанные с унификацией обрядовых традиций и богослужебных книг Русской православной церкви с традициями Элладской (Греческой) православной церкви.

Никон ~ избран был по указанию царя Алексея Михайловича патриархом. И с приезда его на Москву начинаются новые порядки. Книжных справщиков-корректоров «старой веры и старого пения» ~ всех с Никольской взашей вытолкали. – Сюжетная основа главы «Царский венец» восходит к одному из тезисов статьи С. Ф. Либровича «Книгопечатание в России – после Федорова»: «Злобою книгопечатания являются прежде всего справщики, часто люди малограмотные, часто открытые противники общепринятых церковных обычаев и мнений и ставшие во главе того религиозно-гражданского движения, которое проявилось в половине XVII столетия и известно под названием раскола. По вине этих справщиков расходилась масса богослужебных книг, наполненных различного рода искажениями. Число этих книг было настолько значительно <...>, что знаменитый патриарх Никон

созывает в 1654 году собор, на котором решено править книги по древнеславянским и греческим рукописям <...> Эти новые никоновские книги встречены были многими приверженцами старины крайне недружелюбно, вызвали нарекания, споры, действие которых перенесено было в здание печатного двора» (Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова, 1583–1883. С. 22).

С. 418. ...*«дабы впредь святые книги изложилися праведне», назначены были люди «духовные и разумичные, которые подлинно и достохвально извычни книжному учению и грамматику и риторию умеют».* — Текст основан на использовании цитат из статьи Л. М. Волкова «Старейшая русская типография»: «Московский печатный двор учрежден ведь главным образом для того, “дабы впредь святыя книги изложитися праведнѣ”, а потому исправление ошибок играло весьма важную роль, и должность справщиков поручена была людям “духовнымъ и разумичнымъ, которые подлинно и достохвально извычни книжному ученiю и грамматику и риторiю умѣютъ”» (Там же. С. 13).

С. 419. *...когда Архив Печатного Двора и все документы сгорели в Революцию?* — Литературная «игра» Ремизова, основанная на скрытом сопоставлении реальных событий в истории московского Печатного двора (см. комм. к с. 411 наст. изд.), а также на его воспоминаниях о фактах поджогов в 1917 г. ряда архивов и учреждений, где хранились документы (например, поджога в феврале 1917 г. здания Петербургского Окружного суда).

И разве могу забыть я Пустозерскую гремящую весну... ~ сердце озябло и ноги задрожали... — с вариантами разночтений текст включен в состав главы «Поджигатель» книги «Подстриженными глазами» (*Иверень-РК VIII.* С. 113–114).

...сруб, обложен дровами ~ четыре столба ~ трое с отрезанными языками и один пощаженный... — 1 апреля 1682 г. в Пустозерске по указу царя Федора Алексеевича были сожжены протопоп Аввакум и его соратники — священник Лазарь, инок Епифаний и дьякон Федор, которым ранее отрезали языки.

С. 420. ...*«сердце озябло и ноги задрожали».* — Цитата из «Жития протопопа Аввакума» (Житие протопопа Аввакума. Иркутск, 1979. С. 27).

...не раз купался и на Москва-реке под Симоновым и под Москвой на Синичке и во святой воде многоцелебного Косина... — *Симонов ставропигиальный необщежительный мужской монастырь* основан в 1370 г., упразднен в 1920 г. *Синичка* — речка, московский приток реки Яузы в районе Лефортово, ныне полностью заключенный в коллектор. *Косино* — бывшее село в Московской области, с 1985 г. — микрорайон г. Москвы. Рядом с Косино находится Святое озеро. Согласно легенде, на месте водоема был храм, чудесным образом ушедший под воду.

В связи с этим ежегодно к озеру совершается крестный ход. Считается, что воды Святого озера могут исцелять от недугов.

...как говорили про Микитова, «мужественный на водах»... — Об И. С. Соколове-Микитове см. комм. к с. 100 наст. изд.

С. 421. *...пятеро нас — Микитов, Толстой, Кузмин и Шишков...* — литературная «игра» Ремизова. Перечислены современники Ремизова — писатели начала XX в.: граф *Алексей Николаевич Толстой* (1883—1945), *Михаил Алексеевич Кузмин* (см. комм. к с. 382 наст. изд.), *Вячеслав Яковлевич Шишков* (1873—1945).

...я весь был поглощен ~ св. Марком. — Здесь имеется в виду *Собор Святого Марка* (Basilica di San Marco) — кафедральный собор Венеции (до 1807 г. придворная капелла при Дворце дожей) — редкий образец византийской архитектуры в Западной Европе. Первая базилика была основана в 829 г.; вторая — в 1063 г., достраивалась и украшалась до XVI в. Собор располагается на площади Святого Марка, рядом с Дворцом дожей.

За Венецией наступили не менее волшебные дни во Флоренции, грохотом мостовой напомнившей мне Москву ~ Потом Рим... — Здесь и далее отражение воспоминаний Ремизова о его посещении Италии в мае 1914 г.

...мы спешили к Миланскому собору... — *Миланский собор* (Duomo di Milano, XIV—XIX вв.) — кафедральный собор, расположенный в историческом центре Милана.

С. 422. *Лоха Толстой грузный...* — ремизовский герой наделен внешностью своего реального прототипа — А. Н. Толстого.

«Миша» Никитов — литературная «игра» Ремизова, основанная на литературном псевдониме писателя И. С. Соколова-Микитова (настоящая фамилия писателя — Соколов). См. о нем комм. к с. 100 наст. изд.

...Шишков шел степенно, атаман, сибирским разбоем выструнет... — литературная «игра» Ремизова, основанная на обстоятельствах биографии Шишкова, который около 20 лет жил в Томске, участвовал в геодезических экспедициях в Сибири, где обследовал реки Обь, Енисей, Чулым, Чарыш, Лену и др.

...шибкий Кузмин, верткой веревкой... — обыгрывание субтильной внешности М. Кузмина.

...и мне, что одна, что на три колокольни, и одно, что всегда я плохо видел. — Литературная «игра» Ремизова, основанная на указании на его реальный физический недостаток — сильную близорукость.

...и только воем-воил ветер. — Ср. в эссе Ремизова «Из огненной России»: «Лирова ночь! Какой рвущий ветер и дождь, ветер ввиил...» (*Петербургский буерак-РК X.* С. 323).

С. 423. *Под мостом* — основной источник главы — популярный бульварный роман «Жизнь и похождение российского Картуша, име-

нуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу; но за обращение в прежний промысл сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим, при Балтийском Порте, в 1767 году» (СПб., 1786. 77 с.). Также использовано издание: История Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою. СПб., 1815. 32 с.

Императрица *Елизавета Петровна* — см. комм. к с. 373 наст. изд.

Под Ехаловым Каменным мостом. Я был в шайке Каина... — Большой Каменный мост был построен в 1687—1692 гг., и просуществовал до середины XIX в. В дальнейшем Каменный мост обветшал и был разобран. Немного ниже по реке в 1858 г. был построен металлический мост под тем же названием. В 1938 г. он был заменен ныне существующим мостом, сохранившим старое название. В XVIII — первой половине XIX в. сухие арки под мостом были прибежищем для воров и грабителей. Самым известным из них был Ванька-Каин (см. комм. к с. 361 наст. изд.). См. также: «И мы пришли под Каменный мост, где воришкам был погост <...> Я под тем мостом был до самого свету» (Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина... С. 5—6).

«Каина» он получил потом за Ивановских Божьих людей ~ как к хлыстам в Ивановский влез... — Имеется в виду одно из «дел», раскрытых Иваном Осиповым Каином во время его службы доносителем сыскного приказа. В начале XVIII в. Иван Тимофеевич Сыслов и его преемник Прокопий Данилович Лупков образовали в Ивановском монастыре секту хлыстов и впоследствии были там захоронены. В 1739 г. по розыску сыщика Ваньки Каина деятельность секты в монастыре была раскрыта, трупы ее основателей были выкопаны, вывезены в поле и сожжены, а жившая в монастыре хлыстовская пророчица Настасья увезена в Петербург и там казнена. См. изложение истории разоблачения Каином сектантов и их «лжехриста Андрюшки» (Там же. С. 73—75). Ср. также в книге «Подстриженными глазами»: «А в Ивановском, пристанище хлыстов, известного по деяниям Ваньки Каина, — там был необыкновенный желтый песок, золотой» (*Иверень*. *РК VIII*. С. 65).

А стал знать я «Каина» ~ атаман. Он да Камчатка — первые люди... — Камчатка — имя отставного матроса, ближайшего сподвижника Каина.

«Когда мас на хас, так и дульяс погас» (вор. жарг.) — Цитата из источника: «Атаман сказал: когда мас на хас, так и дульяс погас т. е. никто не шевелись» (Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина... С. 40). Буквальный перевод фразы воровского жаргона: «Когда я в дом, погас огонь!»

...гуляли и по дорогам ~ И по Владимирке, помню село Избылец, Работки... — Ср.: «Пошли мы по Володимерской дороге, к тому селу Избылцу и по приходе дождались своей артели. <...> И как приехали в село Работки, в котором случился в то время торг...» (Там же. С. 38—39). *Владимирка (разг.)* — Владимирское шоссе — грунтовая дорога из Москвы во Владимир. С XVIII в. использовалась для отправки в Сибирь осужденных на каторгу.

...«вздували виногор» (вор. жарг.) — ср. в источнике обстоятельства ограбления торговца-армянина: «Перевязали поперек его тонкой бечевкой, ухватя за руки и за ноги, бросили в реку Суру, в которой подержав, вытащили обратно на судно, вздули виногор, т. е. огонь, хотели его сушить, почему что было у него денег и пожитков» (Там же. С. 41).

Убивать мы никого не собирались и «в мешок не прятали, чтобы никто не нашел» — про утопленников после нас не слыхать. — Отражение эпизода источника, когда Каин с товарищами спасли от убийц их потенциальную жертву. «Мы усмотрели, незнамо какого звания двух человек, которые вели женщину, у коей обернута была голова и лицо простынею по самую шею, из них впереди шел один с мешком. <...> Из чего видно, что они намерение имели в тот мешок ее спрятать, чтоб никто ее не нашел, т. е. утопить» (Там же. С. 37—38).

«Каин» ~ сочинял песни и комедии. — Известны народные песни, приписываемые Ваньке Каину. Самая известная песня: «Не шуми, мати, зеленая дубравушка...». Песни были приложены к роману М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений, сочиненное М. К. в Москве 1775 года» (см.: *Комаров М.* История мошенника Ваньки Каина // *Комаров М.* История мошенника Ваньки Каина. Милорд Георг / Подг. текста и комм. В. Д. Рака. СПб., 2000. С. 92—128).

С. 424. *А наутро в Сыскном Приказе «Каин» предложил себя в сыщики (1741 г.).* — Ср.: «Отвезли меня в Сыскной приказ, из которого, как настала ночь, при конвое для сыску тех людей отправлен я был» (Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина... С. 41).

Всех товарищей переловят — до полтысячи воров на Москве поубавится. — Сведения о количестве схваченных Каином воров совпадают с данными, приведенными в книге «История Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою». Ср.: «Он положенную на его новую должность отправлялся с великою точностию, переловив разбойников и воров пятьсот человек» (Там же. С. 24).

С. 424. *...сказывать сказку...* — зд.: *сказка* — показание на следствии.

...о Ваньке Каине «славном воре и мошеннике». — Ср. подпись под гравюрой-портретом Ваньки Каина на обороте фронтисписа книги

«Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина...»: «Ванька Каин славной вор и мошенник».

А в последний свой год, как пропасть ему со своей Ариной, дурак, ни силой, ни сыском, ни крестом любовь не возьмешь!— Отсылка к одному из ключевых эпизодов истории Ваньки Каина — его насильной женитьбе на дочери отставного сержанта. См. подробно: Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина... С. 51—53.

...захотел он удивить Москву. На масленице на Каменном мосту ~ устроил он народное игрище ~ сочинил комедию о царе Соломоне и Китоврасе... — Ср. в источнике: «В том же году на Маслянице сделал близ Мытного двора для катания гору <...> На последний день собрал я до 30 человек комедиантов, велел им представить на той горе о Царе Соломоне игру» (Там же. С. 56). По данным исследователя П. А. Бессонова, комментатора песен, приписываемых Ваньке Каину, в XVIII в. на Каменном мосту под руководством Ваньки-Каина разыгрывалась народная драма — «игра о царе Соломоне»: «Скоморохи, главные актеры, придерживались эпического содержания и драматического, известного с древности сюжета; сам Каин любовался зрелищем, созерцая в нем некоторым образом собственную роль и судьбу» (Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1872. Вып. 9. С. 52). Ремизов пользовался комментариями Бессонова в процессе своих долголетних переработок сюжета древнерусской переводной легенды о Соломоне и Китоврасе, в число которых входило и созданное им действо «Соломон и Китоврас» (см.: *Русалия-Росток XII*. С. 663—675). В своей «исторической памяти» писатель неоднократно ассоциировал себя с одним из участников актерской труппы Ваньки-Каина.

В последней сцене Соломон велит расковать Китовраса ~ царя Соломона Китоврас закинул на край обетованной земли... — Изложение кульминации действа Ремизова «Соломон и Китоврас» (см.: *Русалия-Росток XII*. С. 662).

ПРИЛОЖЕНИЯ

РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ
Том II

Автографы и авторизованные тексты: **1)** Алексей Ремизов. Россия в письменах. Т. II. Письмовник <Наборная рукопись I части книги *РвП-2*>. — Авториз. печ. вырезки // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 81. 78 л.; **2)** Алексей Ремизов. Россия в письменах. III ч<асть>. Парижский клад. <Наборная рукопись II части книги *РвП-2*>. — Авториз. печ. вырезки // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 82. 73 л. Далее: 1) и 2): *НР РвП-2*; **3)** [Алексей Ремизов. Россия в письмах]. Смоленщина — ро-

дословное — 1624—1680. — Беловой автограф с правкой. Черные и красные чернила. Б. д. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 281. 21 л.; **4)** Алексей Ремизов. Россия в письмах: Философов: Письмо родословное. 1793—1837. — Беловой автограф с правкой. Черные, красные и синие чернила. Б. д. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 74. 4 л.; **5)** Алексей Ремизов. Россия в письмах. Письма семьи Философовых (Филозофовых). — Беловой автограф. Черные и красные чернила. Б. д. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 75. 8 л.

Печатается по 2-м частям наборной рукописи с дополнением ее ранее входившими в нее автографами («Смоленщина», «Философов»), с сохранением вариантов авторских написаний, орфографии, пунктуации и с исправлением опечаток. Далее: *РвП-2*.

Публикация отдельных рассказов:

<ЧАСТЬ I>

1. Круг жизни

Впервые: Россия в письмах: Круг жизни: Письма 1817—1826 гг. // Заветы. 1914. Кн. 3. Отд. 1. С. 136—154.

2. «Разорение, общественно случившееся»

Впервые: 1. «Паришъ въ рукахъ нашыхъ!»: Письмо отечественное. — В подборке из четырех рассказов (2. «Шишачки»: Письмо московское // Литература. Искусство. Наука: Беспл. прил. к газ. «День». 1913. № 10. С. 2. (Прил. к газ. «День». 1913. 9 дек. № 334); 3. «Жичливая жена»: Письмо необъявное // Там же. № 11. С. 1. (Прил. к газ. «День». 1913. 16 дек. № 341); 4. «Книжечка рукописная»: Письмо болезное // Там же. № 12. С. 1. (Прил. к газ. «День». 1913. 24 дек. № 349)) под общим загл. «Россия в письмах» // Там же. № 9. С. 1. (Прил. к газ. «День». 1913. 2 дек. № 327).

Прижизненные издания: Россия в письмах: Разорение, общественно случившееся: Письмо отечественное. 1752—1814 гг. // Полон: Лит. сб. Пг.: Всероссийское общество помощи военнопленным, 1916. С. 123—166.

Об издании текста см. недатированное письмо Д. В. Ремизова Философову (с. 755 наст. изд.).

3. Жичливая жена

Впервые: 3. «Жичливая жена»: Письмо необъявное. — В подборке из четырех рассказов (1. «Паришъ въ рукахъ нашыхъ!»: Письмо отечественное // Литература. Искусство. Наука: Беспл. прил. к газ. «День».

1913. № 9. С. 1. (Прил. к газ. «День». 1913. 2 дек. № 327); 2. «Шишачки»: Письмо московское // Там же. № 10. С. 2. (Прил. к газ. «День». 1913. 9 дек. № 334); 4. «Книжечка рукописная»: Письмо болезное // Там же. № 12. С. 1. (Прил. к газ. «День». 1913. 24 дек. № 349)) под общим загл. «Россия в письмах» // Там же. № 11. С. 1. (Прил. к газ. «День». 1913. 16 дек. № 341).

Прижизненные издания: Россия в письмах: Жичливая жена: Письма 1783—1835 гг. // В год войны: Артист солдату: Сб. Пг., 1915. С. 35—88.

4. Живая жизнь

Впервые: Россия в письменах. Живая жизнь: Письма Пестелей, 1824—1827 // Воля России. 1925. № 12. С. 3—18.

<5.> Смоленщина

Автографы и авторизованные тексты: [Алексей Ремизов. Россия в письмах]. Смоленщина — родословное — 1624—1680. — Беловой автограф с правкой. Черные и красные чернила. Б. д. // ГЛМ. Ф.156. Оп. 2. Ед. хр. 281. 21 л.

Автограф — это наборная рукопись, подготовленная для публикации в периодическом издании с разметкой текста для наборщика. Сбоку от приводимых текстов-источников последовательно поставлена однотипная помета: «Сохранить орфографию. АР». Под текстом: 1) подпись: «Алексей Ремизов»; 2) подпись и адрес: «Alexei Remisof <11 Bd. Port-Royal Paris XIV> 3bis Av. Jean Baptiste Clément Boulogne s/ Seine». Поставленные под текстом адреса Ремизова позволяют датировать автограф. Ремизов жил по адресу: 11 Bd. Port-Royal Paris XIV — с ноября 1928 до мая 1930 г.; по адресу: Boulogne s/Seine, 3bis, Av. Jean Baptiste Clément — с августа 1930 г. до июля 1933 г. До поступления в ГЛМ автограф находился в общей папке материалов *РвП-2*. При включении автографа в состав *НР-РвП-2* в тексте произведена незначительная правка.

<6. Друг сердца и души. Письма Якушкиных>

Автограф рассказа утрачен. См. помету Ремизова на тексте содержания книги в *НР-РвП-2*: «Из архива Рачинских. Рукопись я оставил в России Евг. Фед. Книпович». *Евгения Федоровна Книпович* (1898—1988) — советский литературовед, критик. Скончалась в Ленинграде. После смерти Е. Ф. Книпович значительная часть ее личного архива была продана через букинистические магазины.

Сохранились переписанные Ремизовым тексты источников рассказа — писем Якушкиных Калечицким на французском языке и рукопись их перевода на русский язык рукой неустановленного лица (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 13. 85 л.). Это — единая подшивка двух комплексов рукописных материалов. На л. 1—48 — переписанные Ремизовым и подготовленные к изданию (с разметкой для наборщика) тексты 28 писем Якушкиных. По формату (в 4-ку) и типу бумаги, почерку они сходны с автографами рассказов из *РвП* конца 1910-х гг. В конце л. 48 подпись: «Алексей Ремизов». Л. 49 — титульный лист рукой Ремизова с загл.: «Россия в письмах. Друг сердца и души. Письма Якушкиных. 1806—1827. Перевод». Далее (л. 50—85 об.) — текст перевода 27 писем (последний лист, содержащий текст перевода письма № 28, утрачен). Анализ подшивки рукописных текстов показал, что два ее первых листа, очевидно содержащие текст авторского вступления, аккуратно оторваны. Возможно, они-то и были подарены Ремизовым Книпович. Вероятно, заглавие на л. 49 повторяет утраченное, типологически единообразное название всего рассказа: «Россия в письмах. Друг сердца и души. Письма Якушкиных. 1806—1827», с добавлением слова: «Переводы».

Подлинники писем Якушкиных находятся в РГАЛИ (Архив Рачинских. Ф. 427).

В настоящем издании *РвП-2* публикаторы на основании автографа РНБ указывают в угловых скобках полное название утраченного рассказа: «Друг сердца и души. Письма Якушкиных. 1806—1827».

<7.> Философов

Автографы и авторизованные тексты: 1) Алексей Ремизов. Россия в письмах: Философов: Письмо родословное. 1793—1837. — Беловой автограф с правкой. Черные, красные и синие чернила. Б. д. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 74. 4 л.; 2) Алексей Ремизов. Россия в письмах: Письма семьи Философовых (Филозофовых). — Беловой автограф. Черные и красные чернила. Б. д. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 75. 8 л.

Беловой автограф наборной рукописи рассказа «Философов», подготовленный для отдельной публикации, в настоящее время в ГЛМ разделен на две единицы хранения: авторское вступление (ед. хр. 74) и следующие за ним тексты писем Философовых (ед. хр. 75). По формату (в 4-ку) и типу бумаги, почерку беловой автограф сходен с автографами рассказов *РвП* конца 1910-х гг. По тексту проведена позднейшая правка синими чернилами, уточняющая и дополняющая текст. Было: «Все мы знаем нашего Димитрия Владимировича Философова (26. III. 1872)». Стало: «Все мы знаем нашего Димитрия Владимировича Философова (1872—1940)». Введение даты смерти Философова

позволяет датировать правку 1940-ми гг. До поступления в ГЛМ автограф находился в общей папке материалов *РвП-2,* о чем свидетельствует авторская нумерация, соответствующая положению текста в *НР-РвП-2*.

<ЧАСТЬ II>

<1.> Парижский клад

Впервые: Россия в письменах: Парижский клад // Беседа (Берлин). 1923. № 3. С. 78—160.

<2.> Купчая

Впервые: Россия в письменах: Купчая. 1742—1746 // Благонамеренный (Брюссель). 1926. № 1. С. 135—139.

<3.> Сговорная

Впервые: Сговорная // Воля России (Прага). 1926. № 10. С. 51—57.

<4.> Россия

Впервые: Россия // Версты (Париж). 1927. № 2. С. 114—121.

<5.> Росия

Впервые: Росия // Версты (Париж). 1926. № 1. С. 52—57.

<6.> Расея

Впервые: Расея (Письмо): 1916 // Версты (Париж). 1928. № 3. С. 35—39.

<7.> Путь чист

Впервые: Путь чист: Россия в письменах // День русской культуры (Париж). 1927. 8 июня. С. 2.

<8.> Повольная торговля

Впервые: Повольная торговля: Царская жалованная грамота городу Любеку 1603 года // Родная старина (Рига). 1928. 17 (30) сент. № 4. С. 26—28.

История создания второго тома «России в письменах» связана с начавшейся в 1912 г. многолетней работой Ремизова над публикацией исторических документов. Нет данных о первоначальном составе книги *РвП*, которая планировалась к выходу в начале 1917 г. (см. подробнее с. 756—757 наст. изд.). В 1917—1921 гг. писатель продолжал создавать тексты, объединенные общим тематическим заголовком «Россия в письмах», в дальнейшем трансформировавшимся в заглавие «Россия в письменах». В Берлине Ремизов, получивший возможность издать *РвП* и, вероятно, связанный издательскими ограничениями, касающимися объема публикуемой книги, должен был произвести отбор имевшихся у него материалов. Он отдал предпочтение более актуальным, политически заостренным произведениям, созданным в 1918—1921 гг. Ряд текстов, написанных, а отчасти и опубликованных до 1917 г., остался в авторском портфеле. Тогда же Ремизов поставил на титульном листе книги подзаголовок «Том I», что автоматически подразумевало продолжение издания материалов.

В 1920-е гг. писатель неоднократно в информационных объявлениях на обороте своих изданий и в интервью сообщал о подготовленной к печати *РвП-2*. Однако по разным причинам и, прежде всего, вследствие специфического характера книги — отсутствия в ней минимальной ориентации на «широкого» или так называемого «среднего» читателя, что было значимо для русских эмигрантских издательств, — авторские планы по изданию *РвП-2* остались неосуществленными.

Сохранился ремизовский план состава второго тома *РвП* (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 1), далее: *План-I*. Он относится к концу 1920-х гг. (датировка основана на конечной по времени включенной в *РвП-2* публикации — изданном в 1927 г. тексте «Северные Афины»). *План-I* представляет собой предназначенную для публикации информацию о содержании готовой книги:

«“Россия в письменах” А. Ремизова / II-ой том

II-ой том “России в письменах”, приготовленный к печати, состоит из трех частей: *из документальной, письма и история*[1].

1) Документы — “Парижский клад” (1701—1732); “Купчая” (1742—1746); “Сговорная” (1707); “Россия” — “Указ” (1710), “Паспорт” (1819); “Росия” — “Царская жалованная грамота” (1669), “Писцовая выпись” (1681); “Расея” — “Письмо” (1916); “Путь чист” (XIII в.); “Повольная торговля” (1603); “Выпись с книг игродских замку Луцкого” (1638—1641).

2) Письма — “Круг жизни” (1817—1826); “Разорение, общественно случившееся” (Письмо отечественное — 1752—1814); “Жичливая же-

[1] Курсивом выделены вставки Ремизова в уже написанный текст. — *Ред.*

на" (Письмо хозяйственное — 1783—1835); "Живая жизнь" (Письма Пестелей — 1824—1827); "Философов" (Письма родственников — 1793—1837); "Смоленщина" (Письмо родословное — 1624—1680).

3) *История — "Северные Афины" (Вологда 1900—1903).*

I-ый том "России в письменах". Изд. "Геликон", Берлин, 1922. Стр. — 220. — продается в книжном магазине "Москва", 9, рю Дюпюитрен, за 6 франков».

План-I отражает существовавшую *первоначальную редакцию РвП-2.* Поскольку книга так и не была опубликована, автор продолжал работать над имевшимся у него комплексом текстов и далее, вплоть до конца 1940-х гг. Следующий этап формирования *РвП-2* (*промежуточная редакция*) представлен в *Плане-II*, написанном черными чернилами (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 2). По палеографическим характеристикам его можно датировать 1930-ми гг.:

«II к<нига>[1].

1) Круг жизни (1817—1826)

2) Разорение, общественно случившееся (Письмо отечественное) (1752—1814)

3) Жичливая жена (Письмо хозяйственное) (1783—1835)

4) Живая жизнь (Письма Пестелей) (1824—1827)

5) Смоленщина (письмо родословное) (1624—1680)

6) Философов[2]

III к<нига>[3].

1) Парижский клад

2) Купчая 1742—1746

3) Сговорная 1707

4) Россія Указ 1710
Паспорт 1819[4]

5) Росия: Царская жалованная грамота 1669 г.
Писцовая выпись 1681

6) Расея 1916

7) Путь чист XIII в.

8) Повольная торговля 1603

[9) Философов 1793—1837][5]

[10) Выпись с книг игродских замку Луцкого 1638—1641][6]».

---

[1] Вставка синим карандашом.

[2] Рассказ «Философов» переставлен стрелкой (синий карандаш) из номера 5) в номер 6).

[3] Вставка синим карандашом.

[4] Пункт 5) вставлен позднее создания основного списка, поэтому последующая нумерация исправлена.

[5] Зачеркнуто синим карандашом.

[6] Зачеркнуто синим карандашом.

В *Плане-II* отражены два этапа дальнейшей работы над составом *НР РвП-2*: промежуточный этап (1930-е гг.) и этап, зафиксированный правкой синим карандашом (1940-е гг.) и приводящий текст к *окончательной редакции РвП-2*. Она представлена *НР РвП-2*. В парижском архиве это был целостный комплекс текстов, состоящий из двух самодельных книг, составленных из вырезок газетных и журнальных публикаций, а также из находившихся внутри их рукописей неопубликованных текстов. Хранящаяся в ГЛМ *НР-РвП-2* состоит из двух частей второго тома: 1-й (ед. хр. 81) и 2-й части (ед. хр. 82), а также из включенных в содержание книги текстов: «Смоленщина» (ед. хр. 281) и «Философов» (ед. хр. 74 и 75), представленных отдельными автографами, которые ранее, вероятно, были вложены в единый массив материалов *НР*.

Ед. хр. 81 — это самодельная книга, составленная из склеенных вместе журнальных публикаций текстов с частично сохранившейся сплошной авторской нумерацией. На ее авторской обложке, изготовленной из бумаги в цветочек, наклеен листок белой бумаги с авторским названием: «Алексей Ремизов. Россия в письменах. Т. II. Письмовник». На титульном листе (л. 2) название повторено синими чернилами: «Алексей Ремизов. Россия в письменах. Том 2». В более раннюю по времени создания *НР*, содержащуюся в ед. хр. 81, позднее были вклеены отличающиеся по типу бумаги л. 3—5 с текстами, написанными синими чернилами. На л. 3 — содержание: «**1)** Круг жизни 1817—1826 / **2)** Разорение общественно случившееся. Письмо отечественное 1752—1814 / **3)** Жичливая жена. Письмо хозяйственное 1782—1835 / **4)** Живая жизнь. Письма Пестелей 1824—1827 / **5)** Смоленщина. Родословное 1824—1680 / **6)** Письма Якушкиных / **7)** Философов. Письмо родословное 1792—1837. *<Под текстом содержания — помета Ремизова:>* (Из архива А. А. Рачинской «Письма Якушкиных» — рукопись я оставил в России Евгении Федоровне Книпович)». На л. 4 — надпись-заглавие: «Россия в письменах». На л. 5 – посвящение: «Памяти Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло († 13 мая 1943)». Далее следуют тексты публикаций отдельных рассказов с авторской правкой черными чернилами и разметкой для наборщика красными чернилами и фиолетовым карандашом.

Ед. хр. 82 также представляет собой самодельную книгу. Она составлена из комплекса газетных и журнальных вырезок, наклеенных (за исключением текста «Парижский клад») на тонкую оберточную бумагу, с отделившейся, а ранее приклеенной к книге авторской обложкой из сложенного пополам листа более плотной бумаги с надписью: «Алексей Ремизов Россия в письменах III ч<асть> / Парижский клад». На неустановленном этапе существования текста в ед. хр. 82 были перепутаны листы. Журнальный оттиск публикации «Париж-

ский клад», не наклеенный на дополнительную бумагу-основу, а просто приклеенный к общей обложке, выпал из своего места в книге, расположенного сразу же вслед за титульным листом, и оказался впереди него. Такой порядок следования текстов был сохранен при архивной нумерации листов в ГЛМ. Поэтому в настоящее время следующий за обложкой титульный лист *НР* находится на л. 44, после текста «Парижский клад». На нем имеется надпись рукой Ремизова синими чернилами: «Алексей Ремизов / Россия в письменах / III кн<ига>». На л. 45 перечислено содержание: «**1)** Парижский клад 1701—1732 / **2)** Купчая 1742—1746 / **3)** Сговорная 1707 / **4)** Россия Указ 1710 Паспорт 1819 / **5)** Росия 1) Царская жалованная грамота 1669 2) Писцовая выпись 1681 / **6)** Расея 1916 / **7)** Путь чист XIII в. / **8)** Повольная торговля 1603». Печатные тексты имеют разметку для наборщика синим карандашом и незначительные пометы черными и синими чернилами.

В целом исходный состав двухчастной *НР РвП-2* (ед. хр. 81 и 82) можно датировать 1930-ми гг., что соответствует промежуточному этапу, зафиксированному в первоначальном виде *Плана-II*. На этом этапе существования *НР РвП-2* было отменено деление на разделы. Также была изменена последовательность текстов, ранее входивших в разделы «Документы» и «Письма». Полностью был удален из состава тома завершающий первоначальную редакцию раздел «История», куда входил единственный текст: «“Северные Афины” (Вологда 1900—1903)».

Анализ правки, проведенной в двух частях *НР РвП-2* синими чернилами, и прежде всего введение на дополнительно вклеенном листе посмертного посвящения С. П. Ремизовой-Довгелло с указанием дат ее рождения и смерти, позволяет предположить, что последний этап работы над *РвП-2* можно датировать серединой 1940-х гг. (после 1943 г.). Проведенная по тексту *Плана-II* правка синим карандашом (1940-е гг.) по составу приводит текст к основному, представленному в *НР-РвП-2* (ед. хр. 81 и 82).

Многолетние безуспешные попытки Ремизова опубликовать *РвП-2* сопровождались непрерывными трудами автора по совершенствованию структуры книги, по перестановке и стилистической правке составляющих ее текстов. Издержками этой работы явились присутствующие в сохранившихся материалах колебания и путаница в обозначении составных частей продолжения *РвП*.

В *Плане I* Ремизов разделил второй том *РвП-2* на *три* части. В первоначальном варианте *Плана II* (1930-е) не было прямого упоминания о частях, однако подобное деление (на *две* части) подразумевалось в связи с наличием двойной нумерации текстов, входящих в книгу: 1—6 и 1—10. При поздней правке *Плана II* (1940-е) над текстами 1—6

было вписано: «II к<нига>»; перед текстами 1—10: «III к<нига>». *НР*, находящаяся в ед. хр. 81, имеет на обложке авторское название: «Алексей Ремизов. Россия в письменах. Т. II. Письмовник», которое на л. 2 повторено синими чернилами: «Алексей Ремизов. Россия в письменах. Том 2». *НР*, содержащаяся в ед. хр. 82, имеет авторскую обложку: «Алексей Ремизов Россия в письменах III ч<асть> / Парижский клад», а на л. 44 — титульный лист с надписью синими чернилами: «Алексей Ремизов / Россия в письменах / III кн<ига>». Таким образом, комплексы текстов, содержащиеся в ед. хр. 81 и 82, имеют переменные номинации («том», «книга», «часть») и нумерацию (2, 3). Однако только в ед. хр. 81 дано обычно предваряющее книги Ремизова, хотя в данном случае уже посмертное, посвящение жене. В ед. хр. 82 подобное посвящение отсутствует.

Мысли о продолжении *РвП-1* — создании *второго* тома *РвП* не оставляли Ремизова начиная с момента выхода первого тома. См. датируемую 28 мая 1922 г. дарственную надпись писателя жене на экземпляре *РвП-1*: «Еще 1 <один. — *Ред.*> том и этим закончится. / Будет разве что под старость, / если суждено будет / прийти и старости / и в мой век» (*РвП-1-ИРЛИ*). В течение всей жизни Ремизов говорил о существующем неопубликованном *втором* томе *РвП*. См. также сделанную за два месяца до смерти запись в дневнике Ремизова от 11 сентября 1957 г.: «И надо еще заняться редакцией “России в письменах”, 2 том» (*Кодрянская 1959*. С. 101). Все вышеизложенное обусловило то, что в настоящем издании *РвП-2* публикаторы сочли возможным для устранения противоречий весь комплекс текстов неизданного произведения трактовать как *второй том* книги *РвП*, а для материалов, содержащихся в ед. хр. 81 и 82, ввести, соответственно, обозначения в угловых скобках: 1) ед. хр. 81 — <Часть I>; 2) ед. хр. 82 — <Часть II>.

Поскольку *План-I* представляет собой точное изложение полного содержания первоначальной редакции второго тома *РвП*, в настоящем издании публикуется ее финальный раздел: «История — “Северные Афины” (Вологда 1900—1903)», исключенный из последующих редакций книги, но имеющий ключевое значение для понимания целостной авторской концепции *РвП-2* конца 1920-х гг.

Северные Афины

Впервые: Северные Афины: История с географией: (Предбанная память) // *СЗ*. 1927. Кн. 30. С. 233—277.

Публикуется по данному изданию с сохранением вариантов авторских написаний, орфографии, пунктуации и с исправлением опечаток.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На контртитуле фото: А. М. Ремизов. Фотография. Италия. 1914. — ИРЛИ. Публикуется впервые.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

ГАРФ — Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (Москва).

ГЛМ — Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Москва).

ИРЛИ — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук». Рукописный отдел. Литературный музей. Библиотека (Санкт-Петербург).

ОГКУ ГАКО — Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Костромской области» (Кострома).

РГАЛИ — Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства» (Москва).

РГБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека». Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека». Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии Наук (Санкт-Петербург)

Amherst — Центр Русской культуры Амхерст-Колледжа (США). Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло (Amherst College Center for Russian Culture (USA). «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»).

Печатные издания

Анрих — Hagios Nicolaos: Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche: Texte und Untersuchungen von Gustav Anrich. Leipzig, 1913. Bd. I: Die Texte.

Антонин — *Антонин* (*Капустин*), *архим.* Св. Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской духовной академии. 1869. Т. II. Июнь. С. 445—497.

Афанасьев — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды. СПб.: Современные проблемы, 1914.

Афанасьев-воззрения I, II, III — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Изд. К. Солдатёнкова, 1865—1869.

Афанасьев-сказки I, II, III — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984—1985. (Лит. памятники).

БВ — «Биржевые ведомости» (газета; СПб., 1861—1917).

Бессонов — Калеки перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. I—VI.

Бугаевский — *Бугаевский А. В.* «Обратясь к византийским истокам...»: опыт агиографической реконструкции // Духовные традиции народов. М., 2012. Вып. 4. С. 170—186.

Веселовский, с указанием выпуска или раздела — *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880—1891. Вып. 1—6. Разд. I—XVII. (Сб. Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Акад. наук; Прил. к т. XXXVI—LIII).

Вознесенский, Гусев — Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России / Сост. А. Вознесенский и Ф. Гусев. СПб.: Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1899.

Волшебный мир Алексея Ремизова — «Волшебный мир Алексея Ремизова»: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992.

Грачева 2000 — *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. (Studiorum Slavicorum Monumenta; [Vol.] 19).

Грачева 2010 — *Грачева А. М.* Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб.: Пушкинский Дом, 2010. (Б-ка Пушкинского Дома).

Даль В., с указанием раздела — *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа / Послесл. В. П. Аникина. М.: Правда, 1987.

ЕЖ — Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни (СПб., 1914—1916).

Есенин. Сказки — Рязанские сказки села Константинова, переданные Ремизову С. А. Есениным: [Рукопись]. (Местонахождение неизвестно.)

ЗО — *Ремизов Алексей.* Звенигород окликанный: Николины притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924.

Зеленин — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914. (Записки Имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. CLI).

Ключевский — Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. СПб.: Изд. К. Содатёнкова, 1871.
Кодрянская 1959 — Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж: Б. и., [1959].
Кодрянская 1977 — Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж: Б. и., 1977.
Кор-НП-1917 — Алексей Ремизов. Николины притчи. Корректура с авторской правкой (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 15. 124 л.).
Леонид — Посмертные чудеса св. Николая, архиепископа Мирликийского Чудотворца: Памятник древней русской письменности XI века: Труд Ефрема, епископа Переяславского / Сообщ. архимандрит Леонид. СПб., 1888. (Памятники древней письменности; Вып. 72).
Лицо писателя — Ремизов А. М. Лицо писателя: Материалы к книге // Грачева 2010. С. 241—483.
ЛН — Литературное наследство.
Метафраст — Симеон Метафраст. Жизнь и деяния святого отца Николая // *Anrich G.* Hagios Nicolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirch: Texte und Untersuchungen. Bd. 1. S. 235—267; рус. пер. С. В. Поляковой: Византийские легенды. Л.: Наука, 1972. С. 140—155 (в комм. приводятся ссылки на данное издание).
НМ-1918 — Ремизов А. Никола милостивый. Николины притчи. Пг.; М.: Колос, 1918.
НП-1917 — Ремизов Алексей. Николины притчи. Пг.: [Изд-во З. И. Гржебина], 1917.
Обатнина 2001 — Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
Обатнина 2008 — Обатнина Е. Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
ОНЧ — Ремизов А. Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры. Paris: YMCA-Press, 1931.
Ончуков — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии): Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. (Записки Имп. Рус. геогр. о-ва по отделу этнографии; Т. XXXIII).
ПД — Ремизов А. Пляшущий демон: Танец и слово. Париж: Склад издания «Дом книги», 1949.
ПН — «Последние новости» (газета; Париж, 1920—1940).
ПСРЛ I—IV — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. I—IV.
РК I—X — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. книга, 2000—2003:
Пруд-РК I — Ремизов А. М. Собр. сочинений: В 10 т. 2000. Т. I: Пруд.
Докука и балагурье-РК II — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. II: Докука и балагурье.

Оказион-РК III — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. III: Оказион.

Плачужная канава-РК IV — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2001. Т. IV: Плачужная канава.

Взвихренная Русь-РК V — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. V: Взвихренная Русь.

Лимонарь-РК VI — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2001. Т. VI: Лимонарь.

Ахру-РК VII — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2002. Т. VII: Ахру.

Иверень-РК VIII — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. VIII: Иверень.

Учитель музыки-РК IX — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2002. Т. IX: Учитель музыки.

Петербургский буерак-РК X — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. 2003. Т. X: Петербургский буерак.

РЛ — «Русская литература» (журнал; Л. (СПб.), 1958 — по наст. время).

Росток-XI— — Ремизов А. М. Собр. соч. СПб.: Росток, 2015 (продолжающееся):

Зга-Росток XI — Ремизов А. М. Собр. соч. 2015. Т. XI: Зга.

Русалия-Росток XII — Ремизов А. М. Собр. соч. 2016. Т. XII: Русалия.

Садовников — Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. (Записки Имп. Рус. геогр. о-ва по отделу этнографии; Т. XII).

СЗ — «Современные записки» (журнал; Париж, 1920—1940).

Сирин 1—8 — Ремизов А. Соч.: В 8 т. СПб.: Сирин, 1910—1912.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / Записали Борис и Юрий Соколовы. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1915.

Толковый словарь В. И. Даля I—IV — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1978—1912.

ТС I, II — Ремизов Алексей. Три серпа. Московские любимые легенды. Т. 1—2. Париж: ТАИР, 1929.

Укрепа — Ремизов Алексей. Укрепа: Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе. Пг.: Лукоморье, 1916.

Шиповник 1—8 — Ремизов А. Соч.: В 8 т. СПб.: Шиповник, [1910—1912].

СОДЕРЖАНИЕ

Приложения

В оформлении шмуцтитулов, обложки и форзаца
использованы архивные материалы (рисунки писателя,
документы) из фонда А. М. Ремизова в Рукописном отделе
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Научное издание

А. М. Ремизов
РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ
Собрание сочинений
Том 13

Научный редактор тома *А. М. Грачева*

Редактор *А. П. Дмитриев*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *С. А. Гавриловой*

Формат 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Петербург. Изд. л. 58,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 3169

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

Въ вѣкъ, когда жилъ на земли Николай-Чудотворецъ, въ его молодые годы — еще не скажутъ про него «Чудотворецъ», ни «архиепископъ Мирликийский», а у всѣхъ на виду «младший» священникъ Патарской церкви, а главное — единственный сынъ патарскихъ богачей — получитъ все наслѣдство ему! — (священники и епископы могли быть только изъ богатыхъ семей). Патары гремѣли на весь міръ: мировая торговля, банки и самая разнообразная надстройка искусствъ, магія и развлеченія (Александрія подъ бокомъ!) городъ централизованныхъ воль и бесчисленныхъ рабовъ этихъ воль, городъ богатства и нищеты, городъ мечты и отчаянія, а никакого болота и эти пески — ? пескомъ посыпали дорожки, да дѣти, какъ во всѣ времена, играли въ песокъ.

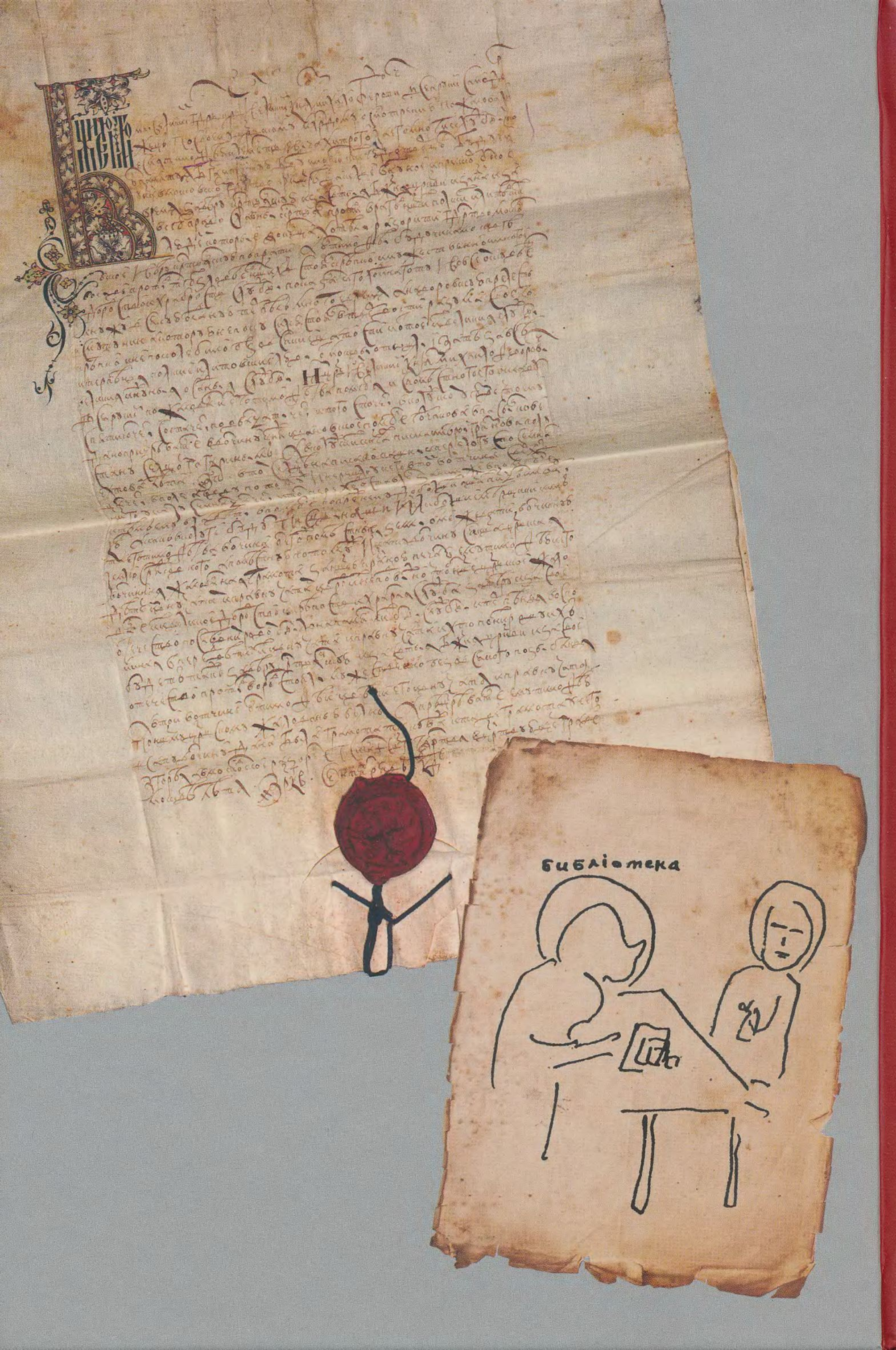
По смерти родителей этотъ младшій священникъ (имя Николая скоро станетъ самымъ громкимъ въ Патарахъ!) широко раздавалъ наслѣдство. И чѣмъ больше, тѣмъ большую онъ чувствовалъ радость — давать людямъ средства жить, выручать изъ бѣды, подбодрять жизнь — а радость — послушайте меня! — когда такая радость и у другихъ, какъ и тайная и личная скорбь, глубь души. И голубиная душа открываетъ внутреннее зрѣніе: что обыкновенно проходитъ незамѣтно за суетой и шумомъ будничной жизни — сколько на землѣ народа! сколько живетъ жизней! и у всякаго своё! и развѣ можно все замѣтить? — но такой такъ не пройдетъ.

Былъ въ Патарахъ одинъ человѣкъ, не простой — Урсъ. И было у этого Урса три дочери. Очень ихъ онъ любилъ, отецъ, и никогда съ ними не разставался и все, что дѣлалъ, дѣлалъ для нихъ — самому ему ничего уже не надо, ему хоть въ книжныхъ ящикахъ залезай, вотъ себѣ и дома,

Можетъ, другой и кажется бы, какъ обернуться въ жизни, да и онъ какъ-ни-какъ всю жизнь карабкался, а вотъ сорвался — а отчаяніе, это вотъ что: не посидитъ человѣкъ на мѣстѣ, одно возьметъ, за другое схватится, и все бросаетъ, накинетъ все дѣла — ничего не интересно!

Позднимъ вечеромъ сидитъ Урсъ на сомьѣ одинъ въ сосѣдней комнатѣ, морды кукламъ раскрашиваютъ. (Приходилъ сегодня Трясиборода, какой принесъ — морда у него не бритая, а просто волосъ не растетъ, потная — вотъ чудакъ кто никогда не отчаивается! — дуракъ не пойметъ, на что намекалъ!) И раздумался Урсъ и такъ раздумалъ, что куда ни ткнись, все стѣна: пропадутъ!

И никуда не пойдешь, и не объяснишь словами, что вотъ пропадаешь! вѣдь это и есть жизнь — стукотня — и иначе невозможно; въ этомъ и есть жизнь: однимъ надо пропасть, чтобы другіе поднялись. Мечтать, чтобы иначе было въ жизни. сдѣлай милость! — когда зашевелишь, выдирайся изъ тисковъ — «вставай проклятьемъ заклейменный!» — сдѣлай милость! Но жизнь не передѣлывается: пропасть или подняться — во всемъ и всегда —, «борьба», а «не развалясь». И когда есть силы, здоровье — и дѣло идетъ съ успѣхомъ, это даже хорошо, весело: и пусть хлещетъ, видишь цѣль, знаешь, когда достигнешь, и самъ хлестнешь, весело! когда силы нѣтъ — и удачи нѣтъ — вотъ руки и опустились и одно остается — пропасть. Ну, если онъ и пропадетъ — такъ и надо, пришелъ черёдъ! — но имъ-то? да такое и въ голову не придетъ: пропадать? Онъ одинъ это чувствуетъ и знаетъ (развѣ можно забыть!), когда былъ молодъ, ничего не боялся, и какъ хочется жить, какъ все занимаетъ и на люди хочется и принаряжаться хочется, вѣдь это такое счастье жить на землѣ! — и вотъ: «потащутъ бриться».


библіотека